Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр Российской Академии наук»
Институт языка, литературы и истории

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ВЕПССКОГО ЯЗЫКА (ЛАВЯ)

Под общей редакцией Н. Г. Зайцевой

Нестор-История
Санкт-Петербург
2019

УДК 811.511.115
ББК 81.2
Л59

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-112-00245,
не подлежит продаже

Коллектив авторов:
Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен, С. А. Мызников, О. Ю. Жукова, И. В. Бродский

Составление и оформление карт атласа:
Н. Л. Шибанова

Рецензенты:
профессор университета г. Хельсинки *Р. Грюнтал*,
доктор исторических наук *И. Ю. Винокурова*

Л59 Лингвистический атлас вепсского языка (ЛАВЯ). Под общей редакцией Н. Г. Зайцевой. — СПб. : Нестор-История, 2019. — 572 с.

ISBN 978-5-4469-1395-4

Вепсы – один из малочисленных народов Российской Федерации, потомки древней веси, издавна проживали совместно с восточными славянами (русскими) на территории между Ладожским, Онежским и Белым озерами и упоминаются в «Повести временных лет» как один из народов, который вместе с русскими участвовал в призвании варягов на Русь. Вепсы почти одновременно с русскими приняли православие, и в дальнейшем их сосуществование отразилось на всех уровнях вепсского языка. При этом вепсский – один из семи прибалтийско-финских языков – сохранил яркое исконное наследие, а также включает определенные самобытные признаки, не имеющие аналогов в родственных языках.

«Лингвистический атлас вепсского языка» (ЛАВЯ) выполнен на оригинальных материалах по вепсскому языку, собранных как полевым путем, так и из архивных и опубликованных источников. Он включает в себя 150 лингвистических карт, которые демонстрируют ареальную дистрибуцию вепсских языковых явлений на фонетическом, морфологическом и лексическом уровнях. Предложенный в комментариях к картам анализ материала позволяет уточнить место вепсского языка в прибалтийско-финском языковом континууме, выявить основные пути проникновения иноязычного (карельского и русского) языкового влияния, прояснить границы диалектных ареалов, сформировать список языковых признаков, маркирующих отдельные диалектные ареалы, определить очаги зарождения ряда вепсских языковых инноваций. На основе полученных данных предпринята также попытка реконструкции исторической вепсской территории.

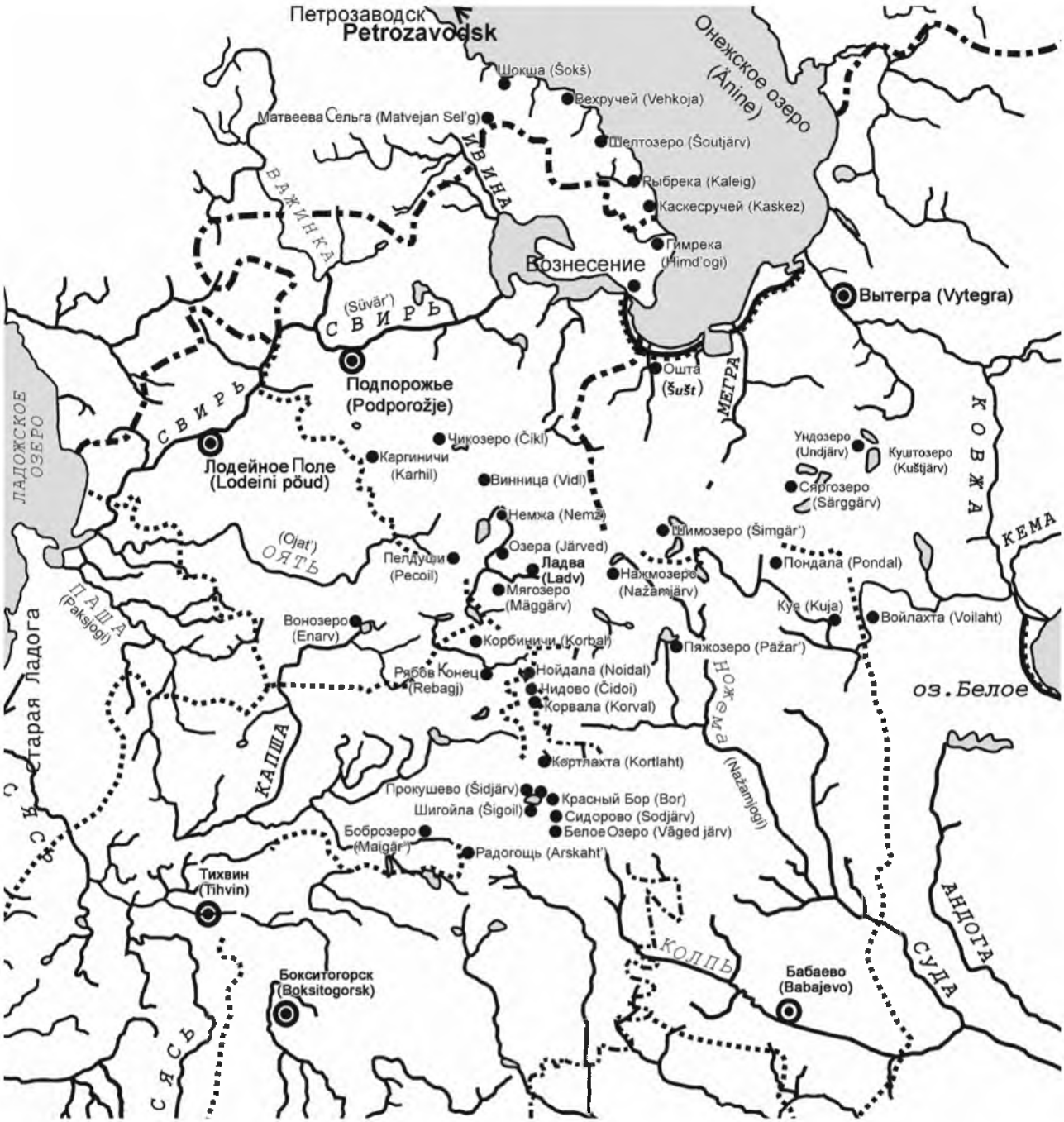
ISBN 978-5-4469-1395-4

© Коллектив авторов, 2019
© Издательство «Нестор-История», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вепсы, язык которых входит в прибалтийско-финскую ветвь уральской языковой семьи, проживают в России на стыке трех регионов: Республики Карелия, Ленинградской и Вологодской областей. По переписи населения 2010 года вепсами в России назвали себя 5936 человек, из них в Карелии — 3423 человека, в Ленинградской области — 1380 человек, в Вологодской области — 412 человек.

I. Карта расселения вепсов

Сокращение численности вепсского населения, снижение уровня владения языком беспокоит вепсскую общественность и ученых, а также органы власти. В 2000 году постановлением Правительства Российской Федерации вепсы включены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации, которые находятся под особой защитой государства (см. об этом: [Строгальщикова 2016: 13–14]). Язык вепсов занесен в «Красную книгу языков народов России» [Красная книга 1994: 21–22]. Данные меры призваны стимулировать работу по ревитализации вепсского этноса, сохранению его языка и культуры, возвращению активного двуязычия. Этому должно способствовать и обучение вепсскому языку в школах, что осуществляется в ряде учебных заведений Республики Карелия и Вологодской области, и отчасти лишь в качестве факультатива в Ленинградской области. В настоящее время в Карелии подготовлены учебники для школ и вузов, разговорники, двуязычные и орфографические словари, выходит в свет на вепсском языке газета “Kodima” (‘Родная земля’), ежегодный литературный альманах “Verez tullei” (‘Свежий ветер’), журнал для детей “Kipinä” (‘Искорка’), ведутся еженедельные теле- и радиопередачи, издается художественная литература [см.: Зайцева 2006: 119–135].

Все это стало возможным благодаря в том числе и накоплению вепсского языкового материала, и тем научным изысканиям, которые проводились и проводятся в области вепсского языка.

ВЕПССКИЕ ДИАЛЕКТЫ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Чтобы решить вопрос о диалектном членении любого языка и говорить о формировании диалектных ареалов, должен быть в наличии значительный языковой материал из разных регионов проживания народа. Накопление вепсского языкового материала, решение проблем диалектного членения вепсской речи было непростым. Научные экспедиции в места расселения вепсского народа стали предприниматься относительно поздно. Первыми их совершили финские лингвисты и этнографы, посетившие вепсские населенные пункты в первой половине XIX века, в эпоху расцвета младограмматизма.

Первооткрывателем вепсов считают финского ученого, академика Российской академии наук А. Шегрена дважды побывавшего у вепсов: в 1824–1825 и 1827 годах. Сделанные им записи, касающиеся, прежде всего, построения слов, к сожалению, не введены в научный оборот. Следом за А. Шегреном земли вепсов посетили и другие финские исследователи. При этом интерес к материалам вепсского языка в тот период, который характеризовался особым вниманием к истории развития языковых фактов, у финских ученых был настолько велик, что с легкой руки Е.Д. Европеуса вепсский язык стали называть даже «*прибалтийско-финским санскритом*» [Grünthal 2015: 22], сохранившим многие древние языковые особенности. Представления об особой архаике языка вепсов побуждали финских языковедов активно использовать его в сравнительно-исторических исследованиях. Особый интерес вызывали черты вепсского языка, роднящие его с финским.

В 1842 году у вепсов в поисках их эпического наследия побывал Э. Леннрот. Обнаружить вепсский эпос или нечто, напоминающее фольклорную поэзию калевальского размера, не удалось, однако материалы вепсского языка сослужили Леннроту хорошую службу, поскольку именно на их основе он защитил докторскую диссертацию [Lönnrot 1853] и получил звание профессора Хельсинкского университета. Он побывал в селениях бывшей Исаевской волости, располагавшейся на границе Вытегорского и Каргопольского уездов Олонецкой губернии, а также в ряде поселений Приоятья (нынешний Подпорожский район Ленинградской области). Отметим, что в своей работе Леннрот еще не упоминал о диалектном членении вепсской речи. Это сделал А. Алквист, побывавший в 1855 году в вепсских поселениях Олонецкого уезда и выделивший два вепсских диалектных ареала: *прионежский* (вдоль Онежского озера) и *приоятский* (вдоль р. Ояти и почти до Белого озера) [Ahlquist 1861: 50–51].

В 1877 году маршрут Э. Леннрота был частично повторен Х. Басильером, побывавшем в вепсских поселениях Исаевской волости. Жители волости в то время уже активно утрачивали свой язык, хотя старшее поколение еще говорило по-вепсски. Как отметил Х. Басильер, у данного говора «…много общих черт с северными, а еще больше с приоятскими вепсами…» [Basilier 1890: 56]. Кроме того, он полагал, что, возможно, жителей этих населенных пунктов следует считать переселенцами, поскольку все их поселения расположены вдоль тракта. Данную группу вепсов в науке стали называть *восточными* вепсами. В настоящее время в этих местах нет ни вепсского населения, ни следов его языка. Лишь некоторое количество топонимов, а также этноним «кайбаны», которым называют жителей соседи, подтверждают былое присутствие здесь иного населения, нежели русское. Термин же «восточные вепсы» (или белозерские) со временем передвинулся на группу вепсов Вологодской области на стыке Бабаевского и Вытегорского районов, в противоложность другой группе — западных или приоятских вепсов. Иначе говоря, в настоящее время в составе средневепсского диалекта выделяется две группы говоров: *восточная и западная*.

Представления о диалектном членении вепсского языка сложились в первой половине XX века благодаря, прежде всего, полевым исследованиям Э.Н. Сетяля, совершившего две поездки к вепсам (в 1889 и в 1916 годах), а также Л. Кеттунена и Э.А. Тункело, предпринявших неоднократные экспедиции в места расселения вепсов. Анализ собранных материалов

позволил им выделить в языке вепсов *три* диалекта — *северновепсский,* или *прионежский*, *средневепсский* и *южновепсский* [см.: Tunkelo 1946: 15–17]. Наименования диалектов указывают на реальное расположение диалектных ареалов друг относительно друга: северный (или прионежский) на юго-западном побережье Онежского озера, средний — в бассейне Свири (западные говоры), на Онежско-Белозерском водоразделе (восточные, или белозерские говоры) и, наконец, южный — на р. Лиди в верховьях Волжского бассейна. В группе средневепсских принято выделять также так называемые переходные говоры, ареально тяготеющие к южным и бытующие в верховьях р. Капши (Тихвинский и Бокситогорский р-ны Ленинградской обл.). Это членение, основанное на наиболее значимых фонетических и морфологических маркерах, впоследствии было принято и российскими исследователями*.

Коллекции вепсских материалов финских исследователей представляют исключительный интерес, поскольку систематический сбор вепсского материала был начат ими почти на сто лет раньше, нежели отечественными. Для языка, который не обладал письменной традицией и являлся лишь языком домашнего общения, эти первые полевые записи можно считать своеобразной письменной историей языка, хранящей сведения о более древнем состоянии вепсской речи.

Первые образцы вепсской речи были опубликованы в Финляндии упомянутыми выше исследователями в виде приложений к научным описаниям вепсского языка. Позднее, уже в XX веке, там же было издано несколько сборников образцов вепсской речи, в которых представлена достаточно широко картина местных говоров. Прежде всего, это два тома образцов южновепсской речи Л. Кеттунена, появившихся в результате его неоднократных научных экспедиций в район расселения южных вепсов [Kettunen 1920; Kettunen 1925]. Диалектные материалы, собранные Л. Кеттуненом, размещены сейчас в электронном ресурсе и доступны всем интересующимся языком вепсов [VVS: http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/].

Несколько позднее опубликованы сборники образцов вепсской речи Э. А. Тункело и Р. Пелтола [Tunkelo, Peltola 1951], Л. Кеттунена и П. Сиро [Kettunen, Siro 1935], П. Виртаранта [Virtaranta 1967: 109–136], П. Виртаранта и С. Сухонена [Virtaranta, Suhonen 1978: 42–48], А. Совиярви и Р. Пелтола [ÄVN, 1982], содержащие значительное количество паспортизованных сведений о вепсских говорах.

Сбором материалов вепсского языка занимались и эстонские ученые. Ими издан замечательный двухтомник вепсских пословиц и поговорок с параллелями на эстонском, водском, ливском и карельском языках [VV 1992]. Он представляет особый интерес для диалектологов, поскольку каждая пословица, поговорка или выражение даны в той форме, в которой были записаны в соответствующих населенных пунктах. Такая четкая паспортизация материала позволяет активно использовать его в лингвогеографической работе.

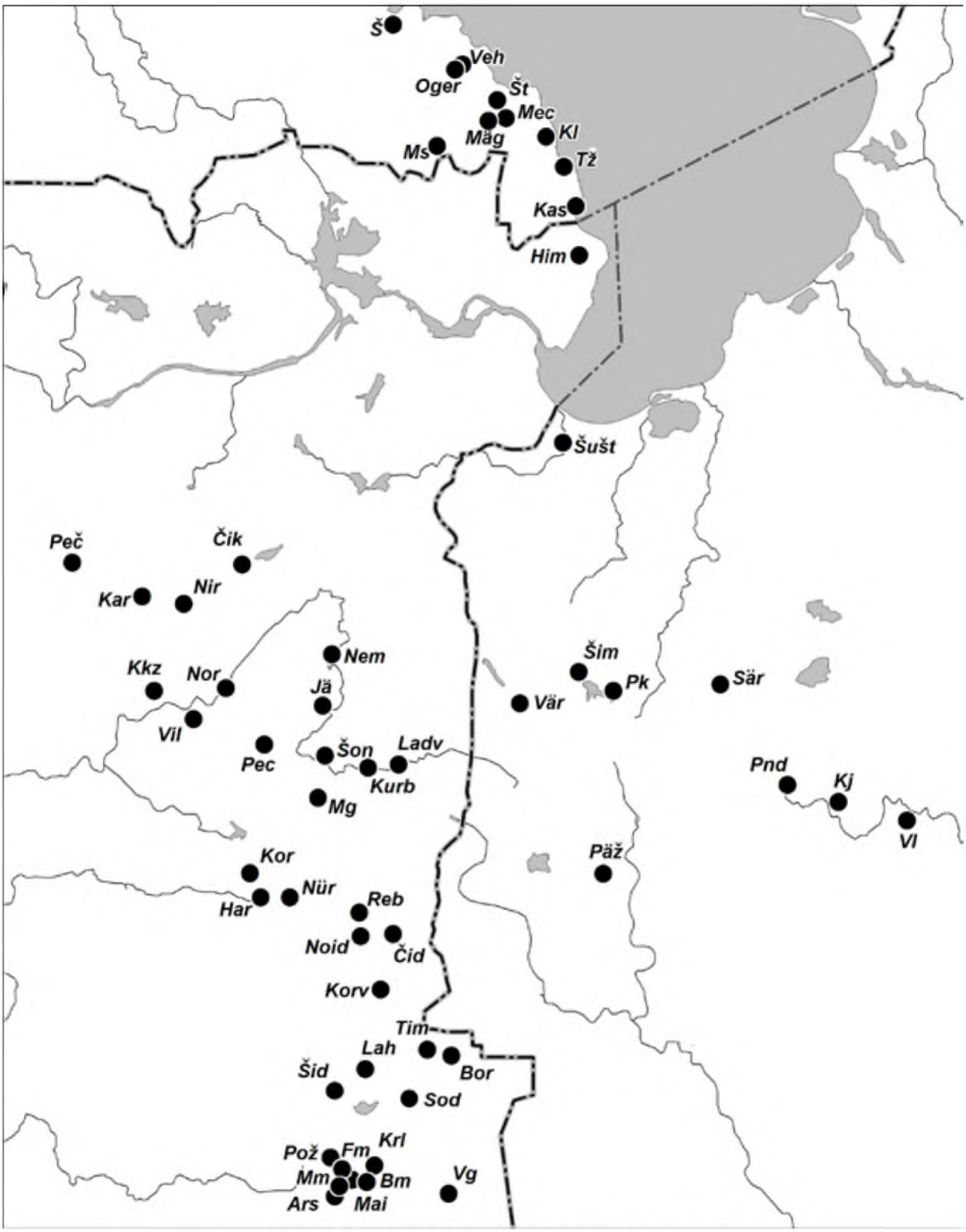
Несмотря на то, что ареал расселения вепсов находился недалеко от прежней столицы России Санкт-Петербурга, интерес к вепсскому языку и культурному наследию определился здесь лишь в начале XX века. Именно тогда были предприняты первые научные экспедиции в места расселения вепсов, и вепсский язык попал в сферу научного описания. В Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, который со временем стал главной научной школой исследования прибалтийско-финских языков в России, вепсским языком занимались всегда достаточно активно и планомерно.

Первые полевые записи вепсского диалектного материала были сделаны сотрудниками Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН в начале 1950 года. Всего было предпринято более полутора сотен научных экспедиций во все регионы проживания вепсов. Коллекция вепсских материалов Фонограммархива Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН является, по всей видимости, самой представительной в мире, насчитывая более 450 часов магнитофонных записей: тексты бытового характера, фольклорные материалы, этнографические зарисовки, ономастический материал.

Российскими исследователями также были опубликованы сборники вепсской диалектной речи. Они содержат тексты более позднего времени, чем включенные в финские издания. Среди образцов вепсской речи, прежде всего, следует назвать работу М. И. Зайцевой и М. И. Муллонен [Зайцева, Муллонен 1969], в которой представлен язык средних и южных вепсов. Записи были сделаны в ходе многочисленных полевых экспедиций практически во все места расселения вепсов и содержат уникальные

---

* Высказанное московским лингвистом И. Б. Иткиным, посетившим в 1991–1994 годах в ходе лингвистических экспедиций вепсский населенный п. Корвала (Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.), предложение о выделении корвальского говора в особый диалект [Иткин 2002: 169] не поддерживается ни материалами ЛАВЯ, ни более ранними исследованиями [напр., Tunkelo 1946: 9–10]. Село географически располагалось при истоках р. Капши и вместе с другими деревнями округи (Нойдала, Ребов Конец, Чидово и др.), а также поселениями, тяготеющими к оз. Капшозеро (Корбиничи, Нюрговичи, Харагеничи и др.), находилось в ареале переходных говоров, сочетающих характерные средне- и южновепсские признаки.

II. Карта обследования вепсских населенных пунктов

данные о материальной и духовной культуре вепсов, о вепсском фольклоре. Все опубликованные материалы снабжены сведениями об информантах, местах их проживания и времени записи.

Позднее И. И. Муллонен подготовила и опубликовала в книге «Язык и народ. Тексты и комментарии» [Муллонен 2002: 55–97] образцы речи жителей с. Ладва Подпорожского р-на Ленинградской обл. (средневепсский диалект). Тексты носят характер более современных бесед с уроженцами названного села разного возраста на различные темы этнографического содержания.

Фольклорная сторона вепсского языкового наследия отражена в издании «Вепсские народные сказки» Н. Ф. Онегиной и М. И. Зайцевой [ВНС 1996] и сборнике вепсских причитаний, подготовленном Н. Г. Зайцевой и О. Ю. Жуковой [KKK 2012]. Многие из этих материалов размещены в настоящее время в создающемся коллективом авторов «Корпусе вепсского языка» и «Открытом корпусе вепсского и карельского языков» [ВК: http://vepsian.krc.karelia.ru; ВепКар: http://dictorpus.krc.karelia.ru], которые широко используются в диалектологической работе.

Свой вклад в сбор фольклорных образцов вепсской речи внес известный краевед, основатель музея вепсской культуры в с. Шелтозеро Прионежского р-на Республики Карелия Р. П. Лонин, опубликовав две книги, содержащие как народное фольклорное наследие, так и первые опыты самостоятельного создания фольклорных текстов односельчанами Р. П. Лонина [Lonin 2000; Lühüdad pajoižed 2000].

Наиболее важным источником диалектного материала является «Словарь вепсского языка», составленный М. И. Зайцевой, М. И. Муллонен [СВЯ 1972], который можно считать лучшим научным произведением по языку вепсов в России. Словарь снабжен фиксацией пунктов записи вепсских примеров, образцами фонетического оформления слов и словосочетаний, описанием значений и т. д. в говорах и бесценен для диалектолога.

В целом благодаря полевому обследованию вепсских диалектных регионов, предпринятому исследователями Финляндии, Эстонии и России, а также научным изысканиям в области вепсского языка были определены в общих чертах как основные особенности его диалектов, так и границы диалектных регионов. Последние обусловлены, прежде всего, географическим положением регионов проживания вепсского народа. Земли расселения вепсов практически никогда не образовывали единого административного целого. Они входили частично в Олонецкую, частично в Новгородскую и Санкт-Петербургскую губернии, причем границы в разное время менялись. На более раннем историческом этапе вепсская территория входила в разные погосты Обонежской пятины. В X–XIII веках она подчинялась древней Ладоге, образуя так называемый Обонежский ряд [Муллонен 2002: 3]. Идея заселения единой территории одним этносом практически никогда не учитывалась при административном членении, что, конечно же, сказалось на формировании диалектных ареалов вепсского языка.

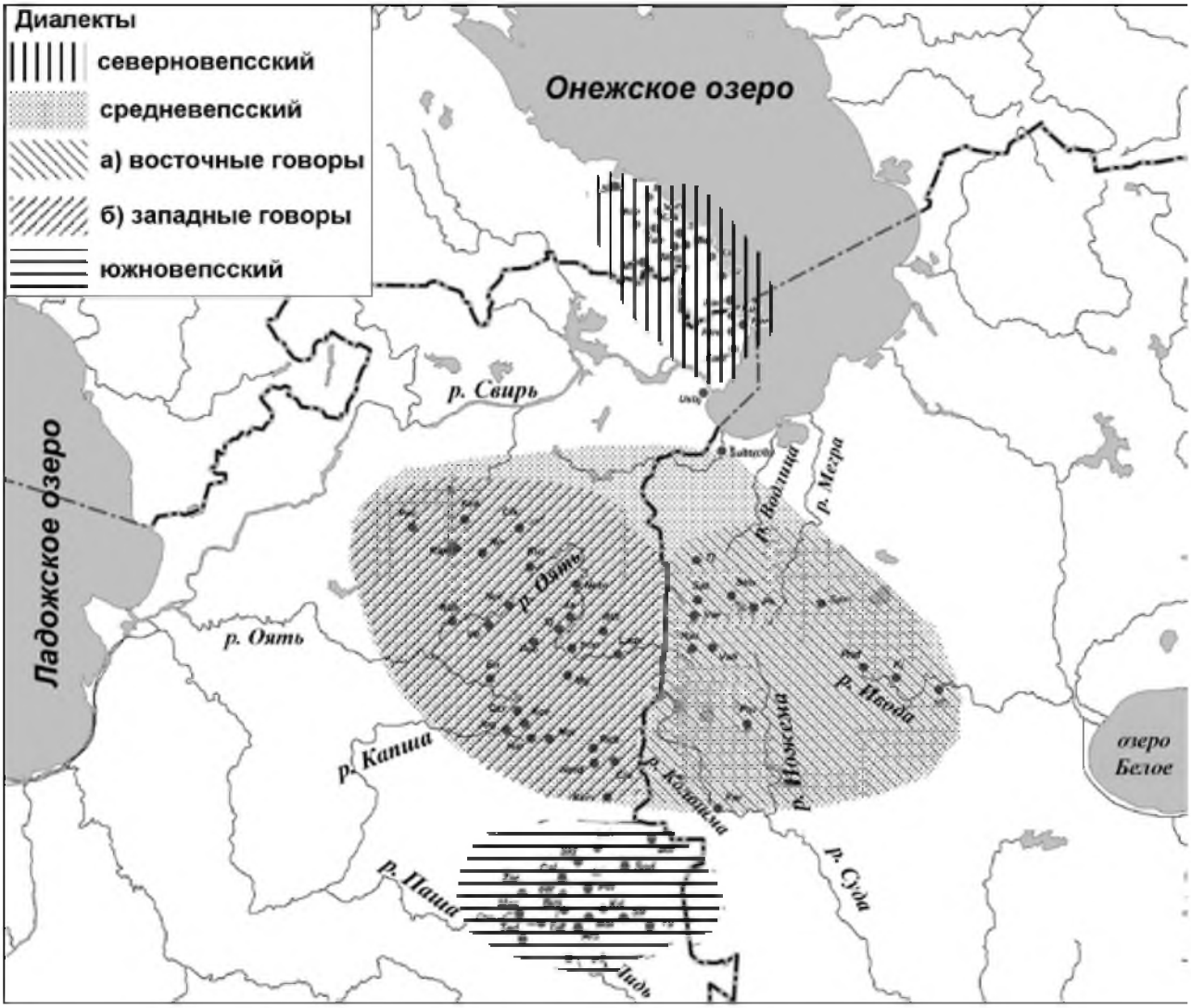
Таким образом, вепсские диалектные материалы представлены во многих источниках: образцах речи, словарях, атласах, активно использовались в трудах финно-угроведов, однако многие принципиально важные проблемы вепсской диалектологии далеки от разрешения. Не выявлены в полном объеме особенности всех диалектов, не исследованы переходные зоны, нет четкого представления об отличиях в области фонетики, грамматики, лексики, не названы главные маркеры диалектной речи ареалов. Все это не дает возможности сформулировать пути исторического сложения диалектов, охарактеризовать генезис их особенностей, определить тенденции их развития.

Осознавая эти проблемы, группа исследователей* приступила в 2012 году к работе по созданию «Лингвистического атласа вепсского языка» (ЛАВЯ). Следует отметить, что в последние годы лингвогеографические исследования финно-угорских языков стали исключительно востребованными. Очевидно, на предшествующем этапе происходило длительное накопление материала, без которого атласы не могут быть подготовлены, и теперь эти материалы стали оформляться в лингвистические или диалектологические атласы, среди которых наиболее успешными можно считать выпуски томов «Диалектологического атласа удмуртского языка» [Насибуллин, Максимов и др. 2009–2015, вып. I–V].

Вепсский язык уже выступал ранее объектом двух лингвистических атласов: «Лингвистического атласа Европы» и «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков» [см., напр.: ALE 1983; ALFE 2004, 2007, 2010]; последний из них подготовлен международным коллективом авторов из Финляндии, Эстонии, Карелии**. В прибалтийско-фин-

* Работа по подготовке ЛАВЯ проводилась при поддержке РГНФ (РФФИ) в 2012–2017 годах лингвистами ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск) с участием коллег из Санкт-Петербурга (ИЛИ РАН, РГПУ им. А. И. Герцена). Атлас отредактирован Н. Г. Зайцевой в рамках плановой темы сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада Российской Федерации: лингвистические исследования в социокультурном контексте» (АААА-А18-118012490344-5).

** В этом исследовании непосредственное участие принимала редактор и один из авторов ЛАВЯ Н. Г. Зайцева, где

III. Карта диалектов вепсского языка

ском атласе была поставлена, в том числе, задача выяснения «…положения южноэстонского и *вепсского* языков в языковой семье» [ALFE 2004: 60]. Атлас проиллюстрировал, что вепсский язык обладает многими чертами, которые роднят его в большей или меньшей степени с другими прибалтийско-финскими языками. Раскрыть же более глубоко специфические особенности вепсского языка в данном коллективном труде и не предполагалось. Это задача уже самостоятельного атласа вепсского языка, который, как и любой атлас, прежде всего, должен базироваться на совокупности и анализе собственного диалектного материала.

Идея создания «Лингвистического атласа вепсского языка» возникла еще во времена Д.В. Бубриха. Учеными-вепсологами Н.И. Богдановым и М.М. Хямяляйненом в 1940-х годах был составлен вопросник по сбору материала для атласа вепсского языка. К сожалению, в то время, когда количество пунктов с населением, свободно владевшим вепсским языком, было значительно бóльшим, чем сейчас, из-за отсутствия кадров работа по созданию атласа не была проведена. Многие идеи вопросника, составленного нашими предшественниками, были использованы в ЛАВЯ. При этом новый вопросник был существенно переработан с учетом данных, полученных в результате современного исследования вепсского языка.

Новый вариант вопросника включает 395 вопросов, из которых 83 — по фонетике, 46 — по грамматике и 265 — по лексике. В 2012–2013 годах было проведено заполнение вопросника в полевых условиях в 30 вепсских населенных пунктах. Параллельно был определен круг письменных источников, содержащих вепсский диалектный материал, максимально точно привязанный к пунктам фиксации, и по ним осуществлен поиск ответов на вопросы,

ею был приобретен исключительно полезный опыт работы в области лингвистической географии.

включенные в вопросник. В результате количество пунктов, нанесенных на лингвистическую карту вепсского языка, возросло до 75, хотя не из всех искомый материал можно было получать регулярно.

В дальнейшем оказалось, что далеко не весь собранный материал в равной степени целесообразно подвергать картографированию. В ряде случаев он оказался нерепрезентативным (например, ответы на вопросы по синтаксису вепсского языка), некоторые данные не давали ареального разнообразия, иные не были включены в атлас из-за невозможности на данном этапе интерпретировать их, поскольку при сборе материала были допущены неточности и т. д. В результате в настоящий атлас включено около 150 лингвистических карт. При этом отдельные понятия требовали не одной, а нескольких карт. Для составления карт, отражающих бытование вепсских географических терминов, привлечены данные вепсской топонимии, что позволило реконструировать исторические ареалы искомых лексем.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ВЕПССКОГО ЯЗЫКА (ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ)

Основа атласа — собрание лингвистических карт, посвященных отдельным явлениям фонетического, грамматического, лексического характера. Каждая «статья» этого собрания включает в себя шесть разделов:

1) легенду карты, в которой указан картографируемый материал. Если в качестве картографируемого выступает *сложное слово*, то в нем для удобства и лучшей ориентации в материале части слова отделены друг от друга вертикальной косой чертой (/), например: *rist/te* ‘перекресток дорог’, *meca/nena* ‘мифическая болезнь от леса’, *nälü/hein* ‘водоросли’.

В том случае, когда картографируемые варианты отличаются друг от друга незначительно и это отличие не является принципиально важным для ареала, они могут быть даны в легенде как один вариант через тильду (~). Тильда используется и в случае, когда собиратели использовали разную транскрипцию для передачи одного и того же звука, например, *lölikad* ~ *l’olikad* ‘голубика’;

2) расшифровку легенды карты с указанием подиалектной принадлежности картографируемого материала, что наглядно иллюстрирует широту его ареального функционирования;

3) цифровой индекс, содержащий номер пункта картографирования и его сокращенное название на вепсском языке. Индекс призван помочь отразить на лингвистической карте весь собранный для нее материал;

4) список картографируемого материала, включающий как полевые данные, так и собранные из архивных или опубликованных источников. В том случае, когда материал был выбран из опубликованных или магнитофонных источников, то именно в списке картографируемого материала находится указание на последние (научные труды, образцы речи, электронные ресурсы, материалы Фонограммархива и т. д.). При перечислении лингвистических данных в списке (чаще всего в скобках) могут быть пояснения, полученные собирателями либо в полевых условиях, либо из опубликованных или иных источников, касающиеся уточнения семантики слова или особенностей их ареального функционирования, а также могут содержаться и некоторые переводы, выполненные или самими авторами, или выбранные из источников. В этом случае действовало правило:

а) если переводы вепсских слов или форм помещены *после* названия источника, то они были сделаны авторами ЛАВЯ. Это чаще всего касается работ на финском или эстонском языках, в которых переводы были сделаны соответственно на финский или эстонский языки;

б) если переводы или уточнения помещены *до* названия источника, то они были взяты из русскоязычных источников (СВЯ, ОВР, СОСД и т. д.). В них перевод был уже осуществлен на русский язык, и авторы ЛАВЯ его повторили в списке материала *до* указания на сам источник;

5) научный комментарий, в котором описываются фонетические, грамматические и семантические особенности представленного на карте языкового материала, выявляются этимологические истоки слов, анализируются возможности их участия в формировании того или иного диалектного ареала;

6) лингвистическую карту с нанесенными на нее значками разной конфигурации. При необходимости, например, при значительном фонетическом или семантическом разнообразии отдельных лексем может быть представлено *несколько* лингвистических карт. В этом случае каждый вариант карты обладает знаками **a, b, c** и т. д. и сопровождается своей легендой, ее расшифровкой, цифровым индексом и списком картографируемого материала, отобранного для данного варианта карты. Карты объединяются *единым* комментарием.

Каждый значок на карте отражает только одно языковое явление. Варианты в конфигурации/цвете значка призваны отразить языковую вариативность.

Например, представленные ниже значки показывают, что на карте проиллюстрировано ***три*** самостоятельных вепсских именования понятия ‘устать’ с их вариантами:

1) ● surduda
○ surtta
2) ▲ väzuda
► väzda
3) ◊ šuštuda

Значки ● и ○, отражая одну серию знаков, — в данном случае *кружок* — показывают, что лексема *surtta* связана с лексемой *surduda*, являясь ее своеобразным стяженным вариантом, поэтому для них выбран один тип знака, но в нем, как и в форме лексем, есть различие в оформлении — темный и светлый кружок. Этот же принцип воплощен применительно к лексемам *väzda* и *väzuda*, которые также обозначены одной серией знаков (темными треугольниками, вершины которых направлены в разные стороны).

Но в то же время три лексемы *surduda, väzuda* и *šuštuda* отмечены значками разной конфигурации, сигнализируя на карте о разнородном лексическом материале. В работе имеются карты фонетического, грамматического или лексического содержания, и употребление значков или их вариантов использовано в них идентичным образом.

Карты, перечисленный справочный материал к ним и комментарии, выполненные по единому формату, являются *авторскими*, поэтому содержат в каждом конкретном случае *указание на фамилию* исполнителя.

Весь лингвогеографический материал в атласе определен в ***тематические разделы***, соответствующие вопроснику ЛАВЯ*. Количество картографируемых явлений и соответственно карт в разделах разное: в одних довольно много карт, в других — несколько или даже одна карта. Все зависело от качества собранного материала, поскольку в отдельных случаях он не позволил подготовить карт больше, чем представлено сейчас из-за специфики материала, не давшей его интерпретивать на данном этапе, недостаточности полевого материала или невозможности его получить и т. д.

В ЛАВЯ принята упрощенная финно-угорская транскрипция, имеющая, как правило, фонематический характер. Знак палатализации согласных звуков (') употреблен по мере необходимости, когда он важен как фонематический фактор (*nor* 'веревка' — *nor'* 'молодой'; *kel* 'у кого' — *kel'* 'язык') или же когда какие-то отдельные моменты палатализации выступают в качестве диалектоформирующего фактора (*tatal'e* ~ *tatalę, tatalo, tatala* 'отцу'). В целом же в вепсском языке практически все согласные звуки перед гласными переднего ряда ***ä, ö, ü, e, i*** смягчаются. В случае необходимости для подтверждения отсутствия смягчения в транскрипции употреблены знаки ***ę*** (отодвинутый назад ***e***) или ***į*** (отодвинутый назад ***i***), указывающие на твердый характер предшествующего согласного (*hiinälę* 'на траву'; *nenę* 'эти'). Знак ***į*** выступает, кроме того, как вариант отображения на вепсском языке звука, соответствующего звуку, обозначаемому русской буквой ***ы*** (*pįig* 'сын').

При написании работы использован значительный объем научной литературы и источников для выборки нужного диалектного материала к картам, для подготовки научных комментариев к лингвистическим картам, оформления введения и заключения к работе, что отображено в едином списке литературы и источников.

В качестве *языкового материала* использованы полевые записи экспедиций 2012–2013 годов из 30 вепсских населенных пунктов, собранные по вопроснику, расположенному в приложении к данной работе. Для удобства пользования все собранные полевые материалы были помещены Н. Г. Зайцевой и О. Ю. Жуковой в небольшой электронный ресурс и разосланы всем участникам проекта. В распоряжении участников проекта имелись также отсканированные книги всех образцов вепсской речи с системой поиска, электронные ресурсы («Корпус вепсского языка» [ВК], «Открытый корпус вепсского и карельского языка» [ВепКар], "Vepsän verkkosanasto" [VVS]), что существенно облегчило поиск материала и его использование при нанесении на лингвистические карты.

При работе над атласом были расшифрованы фрагменты наиболее редких магнитофонных записей Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН для расширения базы диалектного материала и последующего введения в научный оборот в качестве дополнительных иллюстраций вепсской диалектной речи.

В приложении к работе помещен вопросник по сбору материла для ЛАВЯ, в котором каждый вопрос имеет свой номер. В тексте ЛАВЯ карта обладает собственной нумерацией, а в скобках указан и тот номер вопроса, который был присвоен ему ранее в вопроснике.

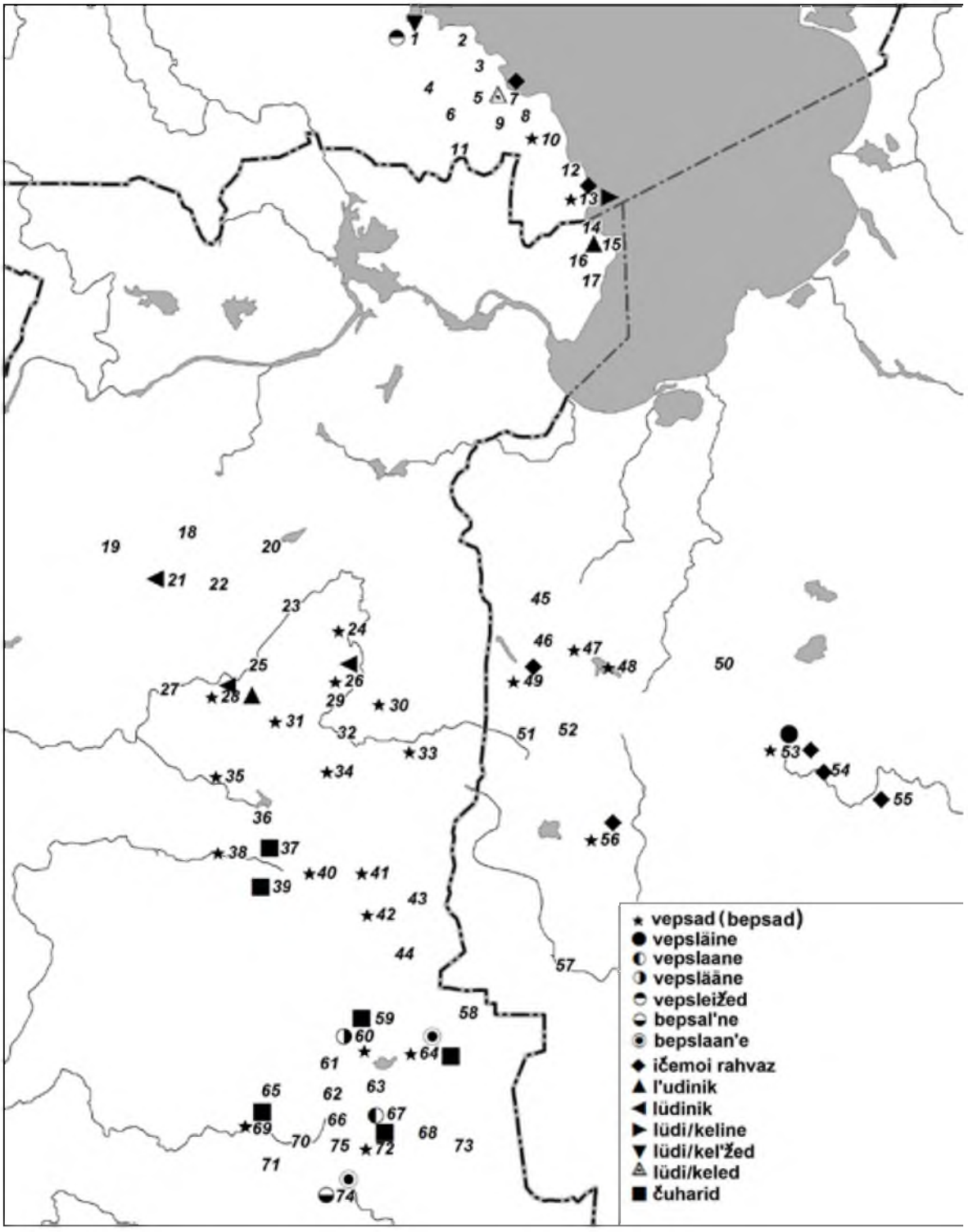
Проведенный анализ позволил в каждом конкретном случае на основании ареального функционирования, этимологии, семантики тех или иных языковых фактов сформулировать выводы об общем прибалтийско-финском наследии, о языковом и культурном контактировании ареалов, о связи вепсского языка с родственными и неродственными языками. В заключении к работе предложены выводы о формировании диалектных ареалов вепсского языка.

* Вопросник ЛАВЯ находится в приложении к атласу в конце данного труда.

КОРПУС «ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА ВЕПССКОГО ЯЗЫКА» (ЛАВЯ)

ЭТНОНИМЫ ВЕПСОВ И НАЗВАНИЯ ИХ ЯЗЫКА (КАРТЫ 1–2)*

1 (4)**. Этнонимы вепсов

* Карты по этнонимам вепсов сознательно вынесены за пределы лексического раздела ЛАВЯ, предваряя все прочие карты, чтобы ввести читателя через этнонимический материал в вепсскую тематику, в том числе в формирование диалектной карты вепсского языка. Карты составлены И. И. Муллонен, одним из авторов ЛАВЯ. Редактор «Лингвистического атласа вепсского языка» выражает особую благодарность И. И. Муллонен за помощь в редактировании всей работы.

** Здесь и далее и в тексте, и на всех картах ЛАВЯ в скобках указан номер вопроса из вопросника атласа, расположенного в приложении к работе.

Легенда карты

1) **vepsad (bepsad)**
2) **vepsläine**
vepslaane
vepslääne
vepsleižed
bepsal'ne
bepslaan'e
3) **ičemoi rahvaz**
4) **l'udinik**
lüdinik
lüdi/keline
lüdi/kel'žed
lüdi/keled
5) **čuharid**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **vepsad (bepsad)**: *сев* Kas, Kl // *ср* Jä, Nem, Ladv, Mg, Pec, Rih, Vil, En, Reb, Jog, Nür, Noid, Pk, Pnd, Vär, Päž, Šim // *южн* Mai, Šid, Sod, Mas
2) **vepsläine**: *ср* Pnd
vepslaane: *южн* Krl
vepslääne: *южн* Šid
vepsleižed: *сев* Š
bepsal'ne: *южн* Ars
bepslaan'e: *южн* Ars, Sod
3) **ičemoi rahvaz**: *сев* Št, Kas // *ср* Vär, Vl, Päž, Pnd, Kj
4) **l'udinik**: *сев* Per // *ср* Vl
lüdinik: *ср* Kar, Jä, Vil
lüdi/keline: *сев* Kas,
lüdi/kel'žed: *сев* Š
lüdi/keled: *сев* Št
5) **čuharid**: *ср* Har, Kor // *южн* Mai, Šid, Mas, Sod

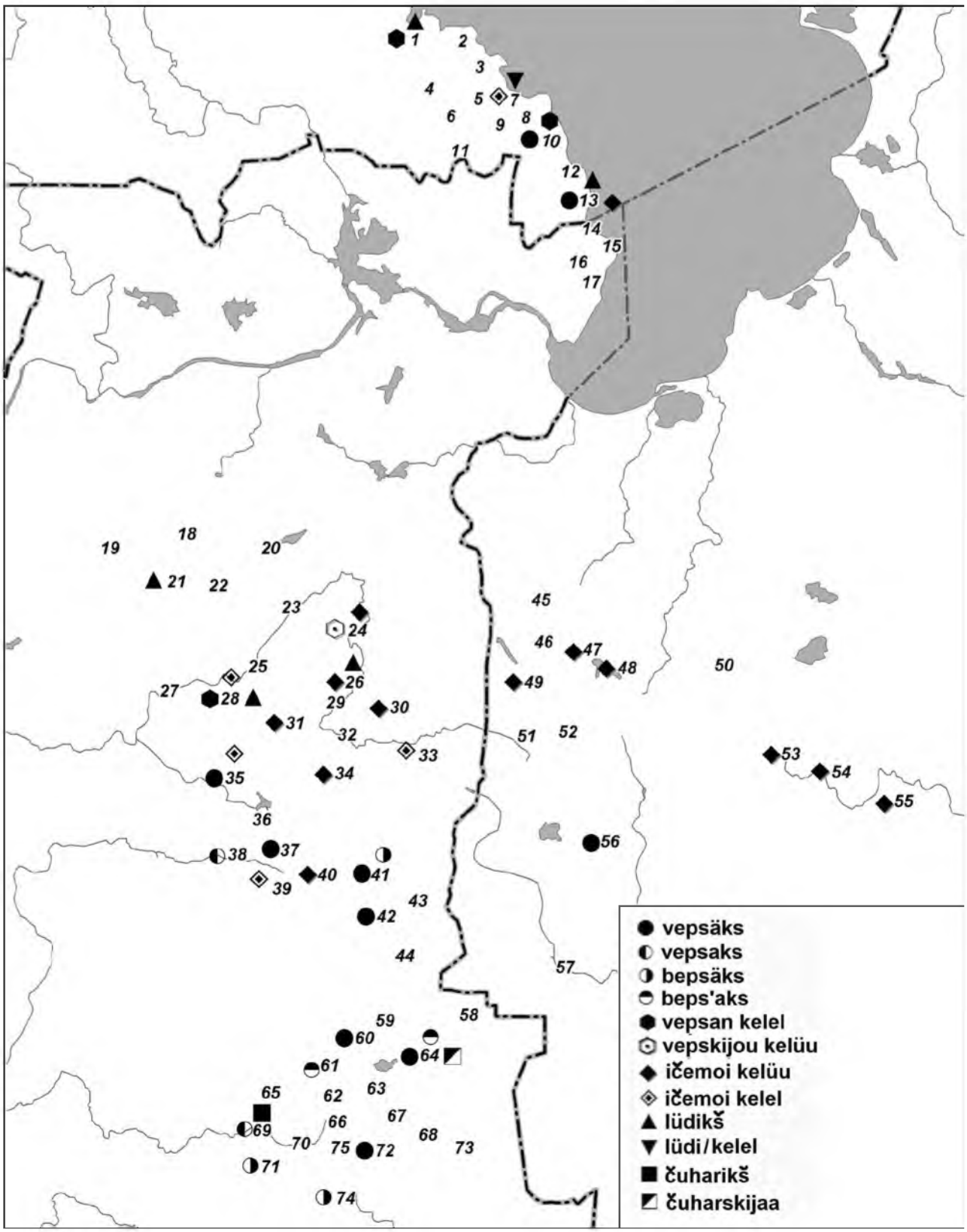
Цифровой индекс

1) **vepsad (bepsad)**: 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 38Jog, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai
2) **vepsläine**: 53Pnd
vepslaane: 67Krl
vepslääne: 60Šid
vepsleižed: 1Š
bepsal'ne: 74Ars
bepslaan'e: 64Sod, 74Ars
3) **ičemoi rahvaz**: 7Št, 13Kas, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž
4) **l'udinik**: 15Per, 28Vil
lüdinik: 21Kar, 26Jä, 28Vil
lüdi/keline: 13Kas
lüdi/kel'žed: 1Š
lüdi/keled: 7Št
5) **čuharid**: 37Kor, 39Har, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai

Список картографируемого материала

1 — vepsleižed, lüdi/kel'žed (lüdi/keline); 2–6 — нет сведений; 7 — lüdi/keled, ičemoi rahvaz; 8–9 — нет сведений; 10 — vepsad; 11–12 — нет сведений; 13 — vepsad, lüdi/keline, ičemoi rahvaz; 14 — нет сведений; 15 — l'udinik [VVS]; 16–20 — нет сведений; 21 — lüdinik [СВЯ: 304]; 22–23 — нет сведений; 24 — vepsad; 25 — нет сведений; 26 — vepsad, lüdinik [СВЯ: 304]; 27 — нет сведений; 28 — vepsad, l'udinik [VVS], lüdinik [СВЯ: 304]; 29 — нет сведений; 30–31– vepsad; 32 — нет сведений; 33–35 — vepsad; 36 — нет сведений; 37 — čuharid; 38 — vepsad; 39 — čuharid; 40 — vepsad; 41 — bepsad; 42 — vepsad; 43–46 — нет сведений; 47–48 — vepsad; 49 — vepsad, ičemoi rahvaz; 50–52 — нет сведений; 53 — vepsad, vepsläine [СВЯ: 624]; ičemoi rahvaz; 54–55 — ičemoi rahvaz; 56 — vepsad; ičemoi rahvaz; 57–59 — нет сведений; 60 — vepsad; vepslääne [VVS]; čuharid; 61–63 — нет сведений; 64 — vepsad; bepslaan'e [СВЯ: 43], čuharid; 65–66 — нет сведений; 67 — vepslaane [СВЯ: 624]; 68 — нет сведений; 69 — vepsad, čuharid; 70–71 — нет сведений; 72 — vepsad, čuharid; 73 — нет сведений; 74 — bepsal'ne, bepslaan'e [VVS]; 75 — нет сведений.

2 (5). Ареальная дистрибуция наименований своего языка

Легенда карты

1) **vepsäks**
vepsaks
bepsäks
beps'aks
2) **vepsan kelel**
vepskijou kelüu
3) **ičemoi kelüu**
ičemoi kelel
4) **lüdikš**
lüdi/kelel
5) **čuharikš**
čuharskijaa

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **vepsäks**: *сев* Kl, Kas // *ср* Päž, En, Korb, Noid, Reb // *южн* Mai, Sod, Šid
vepsaks: *ср* Jog // *южн* Mas
bepsäks: *ср* Reb, Ars
beps'aks: *южн* Čg, Sod
2) **vepsan kelel**: *сев* Š, Kl // *ср* Vil
vepskijou kelüu: *ср* Nem
3) **ičemoi kelüu**: *сев* Kas // *ср* Jä, Nem, Mg, Pec, Rih, Nür, Pk, Pnd, Vär, Šim, Vl, Kj
ičemoi kelel: *сев* Št // *ср* Har, Vil, Ladv, En
4) **lüdikš**: *сев* Kas, Š // *ср* Jä, Kar, Vil
lüdi/kelel: *сев* Št
5) **čuharikš**: *южн* Mas
čuharskijaa: *южн* Sod

Цифровой индекс

1) **vepsäks**: 10Kl, 13Kas, 35En, 37Korb, 41Reb, 42Noid, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 72Mai
vepsaks: 38Jog, 69Mas
bepsäks: 41Reb, 74Ars
beps'aks: 61Čg, 64Sod
2) **vepsan kelel**: 1Š, 10Kl, 28Vil
vepskijou kelüu: 24Nem
3) **ičemoi kelüu**: 13Kas, 24Nem, 26Jä, 30Rih, 31Pec, 34Mg, 40Nür, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl
ičemoi kelel: 7Št, 28Vil, 33Ladv, 35En, 39Har
4) **lüdikš**: 1Š, 13Kas, 21Kar, 26Jä, 28Vil
lüdi/kelel: 7Št
5) **čuharikš**: 69Mas
čuharskijaa: 64Sod

Список картографируемого материала

1 — vepsan kelel, lüdikš; 2–6 — нет сведений; 7 — ičemoi kelel, lüdi/kelel; 8–9 — нет сведений; 10 — vepsan kelel, vepsäks; 11–12 — нет сведений; 13 — ičemoi kelüu, vepsäks, lüdikš; 14–20 — нет сведений; 21 — lüdikš [СВЯ: 303]; 22–23 — нет сведений; 24 — ičemoi kelüu, vepskijou kelüu; 25 — нет сведений; 26 — ičemoi kelüu, lüdikš [СВЯ: 303]; 27 — нет сведений; 28 — ičemoi kelel, vepsan kelel; lüdikš [СВЯ: 303]; 29 — нет сведений; 30–31 — ičemoi kelüu; 32 — нет сведений; 33 — ičemoi kelel; 34 — ičemoi kelüu; 35 — ičemoi kelel, vepsäks; 36 — нет сведений; 37 — vepsäks; 38 — vepsaks; 39 — ičemoi kelel; 40 — ičemoi kelüu; 41 — bepsäks, vepsäks; 42 — vepsäks; 43–46 — нет сведений; 47–49 — ičemoi kelüu; 50–52 — нет сведений; 53–55 — ičemoi kelüu; 56 — vepsäks; 57–59 — нет сведений; 60 — vepsäks; 61 — beps'aks [СВЯ: 43]; 62–63 — нет сведений; 64 — beps'aks [СВЯ: 43], čuharskijaa, vepsäks; 65–68 — нет сведений; 69 — čuharikš, vepsaks; 70–71 — нет сведений; 72 — vepsäks; 73 — нет сведений, 74 — bepsäks, 75 — нет сведений.

Комментарий

В комментарии предлагается интерпретация двух карт — 1 и 2, первая из которых посвящена самоназваниям вепсов, вторая — использующимся в вепсской среде наименованиям своего языка. Материалы карт перекликаются, поэтому объединены единым комментарием.

Карта 1, демонстрирующая ареальную дистрибуцию самоназваний (или эндоэтнонимов), использующихся вепсами, достаточно пестрая. Сквозным образом через всю вепсскую территорию проходит этноним *vepsad* — вепсская трансформация русского *вепсы*. На такой характер этнонима указывает сам его облик. Иначе говоря, у этой формы нет глубоких исторических корней. Показательно, что ее не приводят ни источники первой половины XX века, ни даже СВЯ, основанный, главным образом, на сборе полевого материала в 1960-х годах.

Известно, что на официальном уровне в русском языке этноним *вепсы* утвердился в 1930-е годы, в период национально-государственного и языкового строительства, сначала в научной и справочной литературе, а затем постепенно и в сознании

носителей вепсского языка [Пименов, Строгальщикова 1989: 7]. Активное вхождение его в вепсское языковое функционирование произошло, очевидно, только в последние десятилетия в связи с процессами национального возрождения конца XX — начала XXI веков. При этом, однако, нельзя исключать, что за какими-то из фиксаций *vepsad* стоит более раннее наименование *vepsleižed*, образованное в соответствии с традиционной прибалтийско-финской моделью. Последнее в виде целого ряда фонетических вариантов фиксируется преимущественно в южновепсском ареале. При этом материал карты 1 по самоназваниям явно перекликается с картой 2, показывающей бытование в вепсской среде названий своего языка.

Южный ареал этнонима *vepslaažed* получает явное подкрепление на языковой карте. Как название языка основа этнонима представлена, кроме южновепсских говоров, также в переходных говорах верховий Капши. Здесь образуется довольно убедительный компактный ареал с границами в пределах Тихвинского уезда Новгородской губернии. Севернее есть отдельные фиксации, которые могут быть как изначальными, так и поздними. Так, «Словарь вепсского языка» [СВЯ: 624] отмечает *vepsläine* в Пондале (Pnd), однако вследствие отсутствия здесь ареала не ясно, является ли этноним в этом случае традиционным или это новое слово, усвоенное из официальной практики первой половины XX века.

Севернее вырисовывается не вполне насыщенный, но тем не менее достаточно убедительный ареал образований от основы *lüdi-*. Прионежские вепсы, а также представители западных говоров приоятских вепсов в пределах бывшей Олонецкой губернии называют себя людиками (*lüdinik, lüdi/keline*), а свой язык, соответственно, людиковский (*lüdi/kel'* ‘вепсский язык’, *pagišta lüdikš ~ lidikš* ‘говорить по-вепсски’). Граница накладывается на границу, разделявшую в прошлом Олонецкую и Новгородскую губернии. При этом следует отметить более широкое бытование этнонима ранее на территории Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии. Николай Лесков, обследовавший здесь в конце XIX века около двух десятков вепсских поселений, сейчас исчезнувших или обрусевших, констатировал, что жители «себя называютъ *ljuvdiköt*, а языкъ свой *ljuvdikönkeli**, — такъ же точно, какъ называютъ себя корелы» [Лесков 1895].

На юго-западной границе вепсского ареала, в административных границах исторического Тихвинского уезда Новгородской губернии, в качестве самоназвания бытует этноним *čuhar'* (мн. число *čuharid*), воспринятый из смежных русских говоров. Он известен и на других вепсских территориях, однако не в качестве самоназвания, а как уничижительно-пренебрежительное прозвище, данное русскими соседями. Наконец, на восточной окраине вепсского ареала, в глухом углу Онежско-Белозерского водораздела, где этнические контакты были ограничены, используется словосочетание *ičemoi rahvaz* ‘свой народ’, язык, соответственно — *ičemoi kel'* ‘свой язык’.

Этнонимический материал наглядно демонстрирует проницаемость границ переходных средневепсских говоров как с севера, так и с юга.

Как сложились эти карты и отраженная на них ареальная дистрибуция? Далее предложена попытка реконструировать более ранний срез ситуации.

Во-первых, надо учитывать, что *lüdi-* на самом деле существует в более широком контексте, поскольку это одновременно и самоназвание карелов-людиков и карелов-ливвиков, проживающих на водоразделе Онежского и Ладожского озер, исторически входившем в вепсский языковой ареал. На этнонимической карте они совместно формируют единый ареал, тяготеющий к р. Свири, которая была основной водной артерией в этом регионе. Привязка к Свири, видимо, имеет историческую подоплеку. Считается, что этноним имеет новгородские корни и восходит к др.-рус. *люди*, *людин* ‘свободный человек; обычный горожанин в противовес знатному сословию’ [Фасмер 1987: 545; SSA 1995: 120]. Можно полагать, что он распространился по Свири вместе с новгородским освоением и называл местных вепсов, которые в то время (первые века второго тысячелетия) были основным населением южного и северного Присвирья. Такая схема укладывается как в этноисторический, так и в историко-языковой (наличие вепсского субстрата в ливвиковских и людиковских наречиях карельского языка) контекст.

Сложнее с этнонимной основой *veps-*, у которой тоже есть более широкий контекст за пределами южновепсского ареала. Исторически термин явно имел более широкое бытование. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что паданские карелы называют вепсами (*vepsäläiset*) своих южных соседей карелов-людиков. В районе людиковско-собственно-карельской границы в северо-западном Обонежье сосредоточена и группа топонимов с основой *veps-/вепс-*, отмечающая границу былого распространения вепсов в северо-западном Обонежье [Муллонен 2002: 163].

Следы этнонима обнаруживаются и в топонимии восточного Обонежья [Соболев 2015: 460], а также в северо-западном Приладожье —

* Будучи карелом-ливвиком, Н. Лесков сбивается на ливвиковское звучание терминов.

и шире — восточной Финляндии, где *vepsä-* хорошо известно также в качестве антропонимной основы, закрепившейся в целом ряде финских фамилий [SN 2000: 737]. Финский этнограф Н. Валонен был склонен связывать распространение здесь этнонима с вепсской экспансией [Valonen 1980: 74], что, однако, не находит убедительных лингвистических и археологических подтверждений. В связи с этим интересно предположение о карельском-ливвиковском посредничестве в распространении названий, особенно таких, в которых выступает вариант *vepsu-* [Grünthal 1997: 101]. Обратное направление миграции этнонима: с территории юго-восточной Финляндии в Присвирье — предполагает российский исследователь В. Напольских [Напольских 2007], что также выглядит дискуссионным.

Карта взаимного положения исторических ареалов этнонимов *вепсы* и *людики* показывает, что этноним *вепсы* сохранился только в отдаленных от свирского побережья местностях, как на севере, так и на юге. Иначе говоря, новгородская миграция первых веков второго тысячелетия нашей эры, продвигавшаяся вдоль р. Свири, разделила единый ареал, в то время вепсский, на север и юг. В дальнейшем в ходе продвижения карельского освоения из северо-западного Приладожья происходила постепенная карелизация вепсского северного Присвирья, и этноним начинает со временем обозначать здесь карелизированных вепсов — ливвиков и людиков.

На неофициальном уровне русские соседи называли вепсов *чухарями* — прежде всего, это относится к южным вепсам, а также *кайванами* или *кайбанами*. Этот этноним не предлагался в ЛАВЯ к сбору. Для него был предусмотрен свой собственный вопрос 6: «Как называют вепсов русские?». Но поскольку материал по вопроснику в полевых условиях практически не удалось собрать, то в данном случае изложены некоторые идеи относительно названного этнонима по имеющимся источникам.

Между этнонимами *чухари* и *кайбаны* тоже существует явная ареальная дистрибуция. Термин *чухари* бытовал, прежде всего, на южной окраине вепсской территории. Можно полагать, что он проник на восток по тому маршруту, который исходил из Новгорода в направлении Белозерья. Исследователи XIX века привязывают его бытование к Тихвинскому уезду Новгородской губернии [напр., Никольский 1895]. Собственно, вепсские карты полностью согласуются с этим, отражая усвоение русского названия в вепсские южные и переходные говоры — на территории исторического Тихвинского уезда.

В свою очередь, этноним *кайваны* или *кайбаны* имеет, видимо, белозерские истоки. Он используется, прежде всего, применительно к вологодским вепсам, на восточной окраине вепсской территории. Помимо пондальско-куйских и шимозерских вепсов им называли вепсов, населявших теперь уже обрусевшие поселения в верховьях р. Суды, а также проживавших в бывшей Исаевской волости, на северо-восточной границе Белозерья. *Черноухими кайванами* называли жителей Андомского края — деревень Сойдозера и Ладвозера [Логинов 2001: 367]. Этноним проник и в верхнее Присвирье. С точки зрения традиционного административного членения это Белозерский уезд Новгородской губернии и Вытегорский уезд Олонецкой губернии. Впрочем, надо полагать, что административные границы XVIII–XIX веков лишь в какой-то степени стабилизировали ареалы отдельных этнонимов, которые имеют более глубокие исторические корни и связаны, видимо, с разными маршрутами русского продвижения в ареал вепсского расселения: *кайваны* из Верхневолжья и расположенного на этом маршруте Белозерья к Онежскому озеру, *чухари*, за которыми стоит историческая *чудь*, из Новгородской округи по водно-волоковым путям в Верхневолжье, в том числе в Белозерье и далее на восток. Видимо, в этот же ряд следует поместить этноним *людики*, который из наименования, данного русскими, превратился в самоназвание. Как уже выше отмечалось, он проник в вепсский ареал с запада, видимо, Поволховья, по Свири и закрепился на обоих ее побережьях.

Таким образом, этнонимическая пестрота имеет глубокие исторические корни. Как в самоназваниях, так и в названиях вепсов, данных русскими соседями, налицо ареальная дистрибуция, которая связана с тем, что вепсская этническая территория располагалась на транзитных водно-волоковых путях. Результатом являлось ее вхождение на протяжении длительного времени в разные зоны притяжения, что, в свою очередь, приводило и к разным именованиям. Топографическая карта, расположение водных путей имело своим следствием формирование административной карты: от княжеств и пятин до губерний, а затем и областей. Административная разобщенность вепсских территорий сопровождалась этнонимической неоднородностью, в ряде случаев границы этнонимических ареалов совпадают с губернскими границами XVIII–XIX веков.

Далее просматривается отчетливая тенденция перехода названия, данного соседями, в самоназвание. Так, очевидно, произошло в свое время с этнонимом *людики*, первоначально использовавшимся новгородцами применительно к вепсам Присвирья, а затем ставшего самоназванием. Так случилось и с этнонимом *чухари*, который стал для части

южных вепсов самоназванием, при том что другие воспринимают его как уничижительное. Термин *кайваны,* или *кайбаны,* сохранил для вепсского населения статус уничижительного прозвания, данного русскими соседями, возможно, в силу слабых русских контактов, и не перешел в самоназвание. Тут, на восточной окраине вепсского этноязыкового ареала, собственно, и нет самоназвания в традиционном смысле: используется определение *ičemoi rahvaz* ‘свой народ’.

Что же касается выдвигаемых в литературе этимологий этнонимов, называющих вепсов, все они в той или иной степени спорны. Относительно устоявшимися выглядят интерпретации этнонимов *людики*, упомянутая выше, и *чухари* — как образование от основы *чудь*, в интерпретации которой принято исходить из ее германских корней и древнерусского посредства. В соответствие с ней этноним был принесен на территорию Верхней Руси славянами. Последние усвоили его в древности в результате контактов с германцами: прагерм. **Þiuþō* ‘народ, люди’ > др.-слав. **tjud'* ‘чужой народ’ [Бубрих 1947: 22–26], а затем, переселившись в Приильменье и на Волхов, стали использовать его применительно к тамошнему местному прибалтийско-финскому населению. По мере древнерусского освоения севера ареал употребления этнонима расширялся, включив в свою орбиту целый ряд этносов.

Неубедительно обсуждаемое в литературе сопоставление *кайванов* как с *квенами,* так и *колбягами* (на уровне этнонимов). Скорее следует обратить внимание на русский диалектный глагол *кайбовать* ‘рассуждать, судачить’ (черепов.), ‘беседовать’ (осташк., ярослав.), ‘говорить’ (пошехон.) [СРНГ 1977: 324].

Наиболее сложен в своих этимологических истоках этноним *вепс*. Если исходить из того, что другие этнонимы, называющие вепсов, восходят не к вепсскому языку, как собственно, и должно быть в соответствии с универсальной закономерностью происхождения этнонимов в языке смежно проживающего населения, истоки этнонима *вепсы* тоже следует искать в языках соседей. Наиболее обсуждаемая этимология связывает его с саамским *væk'se* ‘плавник рыбы’, у нее есть и свои сторонники [SKES: 102], и противники [SSA 2000: 426]. При этом у исследователей практически не вызывает сомнения, что летописный этноним *Весь* связан с современным названием *вепсы* [напр., SSA 2000: 426].

И. И. Муллонен

ФОНЕТИКА

Фонетические различия всегда наиболее заметны, и именно на них, в первую очередь, опирается диалектное членение. Они отражаются в дальнейшем в звучании морфологических показателей, вторгаясь в грамматику и отчасти на нее воздействуя. При этом, однако, фонетические особенности не представляют самой большой трудности в распознавании и понимании речи. Значительно бóльшие сложности связаны с грамматическим и лексическим уровнями языка — с незнакомыми грамматическими формантами, употребляемыми с большими группами слов, и лексикой, которая могла появиться в диалектах разными путями.

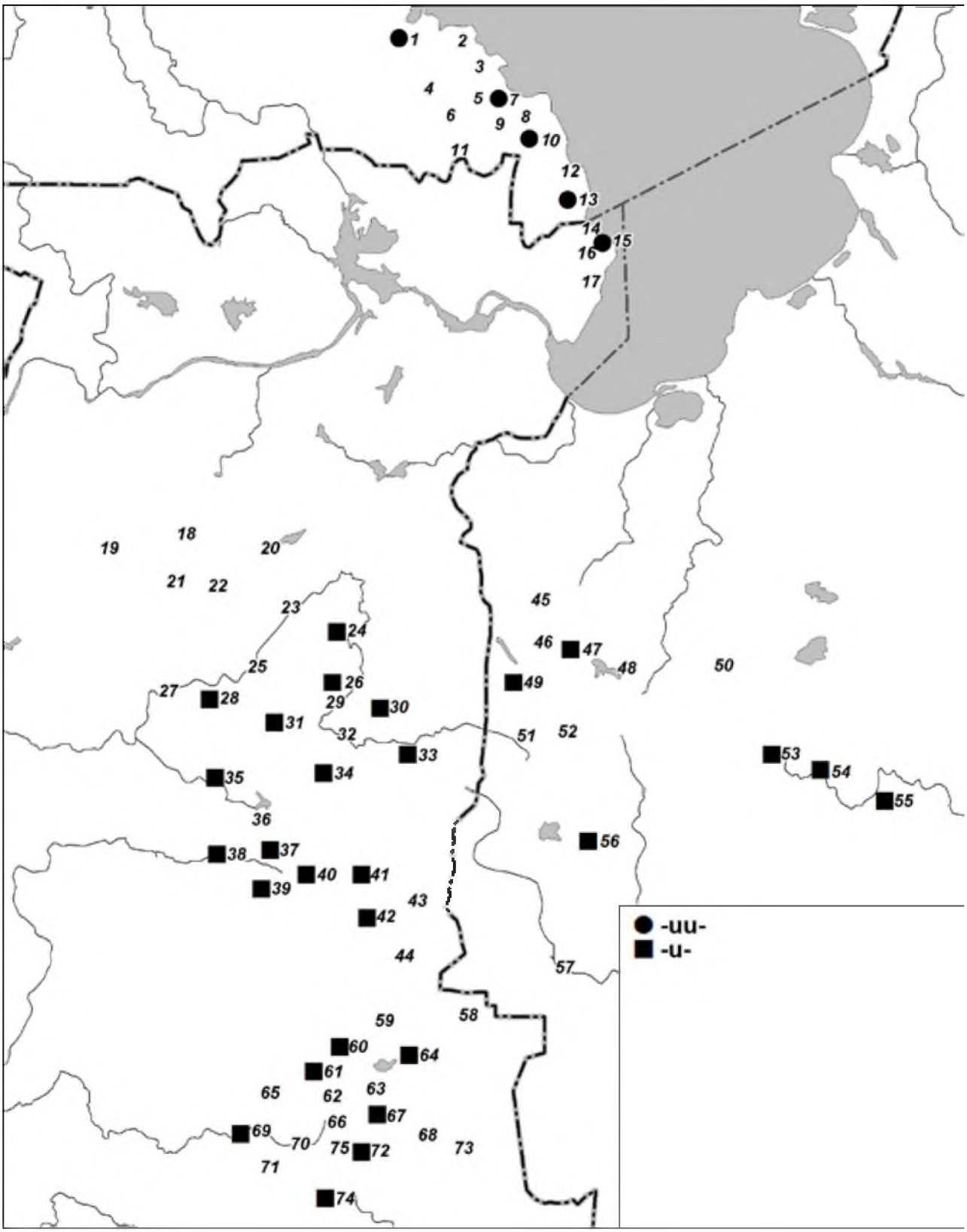
Фонетика вепсского языка с точки зрения ее исторического развития достаточно хорошо исследована финскими учеными. Ей посвящены как целые монографии [Kettunen 1922; Tunkelo 1946; Wiik 1988 др.], так и множество отдельных статей, в которых представлена картина истории развития фонетической системы языка. Результаты этих исследований широко использованы в ЛАВЯ при подготовке комментариев, при этом не только к фонетическим, но и грамматическим и лексическим картам.

Современное состояние фонетики вепсского языка на примере шимозерских говоров средневепсского диалекта изучено М.И. Зайцевой в работе «Грамматика вепсского языка», где представлены характеристики звуков и их сочетаний, продемонстрирована их дистрибуция в разных частях слова, показаны модификации звуков в потоке речи, а также проиллюстрированы возможности адаптации русских звуков языком вепсов [Зайцева 1981: 16–154].

В вопроснике по сбору материала для «Лингвистического атласа вепсского языка» было сформулировано 83 вопроса по фонетике, однако не все из них оказались информативными и интересными для картографирования. Многие явления или выровнялись и стали идентичными во всех диалектных ареалах, или нуждаются в дальнейшем осмыслении и дополнительном сборе материала, и таким образом количество фонетических карт в ЛАВЯ было сокращено на данном этапе до 12 наименований.

3 (8). Корреляция гласных *u ~ uu* в первом слоге слова

(на материале лексем: *luu ~ lu* ‘кость’; *kuu ~ ku* ‘месяц’, *suu ~ su* ‘рот’, *puu ~ pu* ‘дерево’,
kuuz’ ~ kuz’ ‘ель’, *uuz’ ~ uz’* ‘новый’, *kuulišti ~ kulišti* ’(он) услышал’)

Легенда карты

1) **-uu-** 2) **-u-**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-uu-**: *сев* Š, Št, Kl, Kas, Per

2) **-u-**: *ср* Rih, Ladv, Mg, Jä, En, Pec, Vil, Kor, Jog, Nem, Noid, Har, Nür, Reb, Šim, Vär, Päž, Pnd, Kj, Vl // *южн* Mas, Mai, Šid, Sod, Ars, Krl, Čai

Цифровой индекс

1) **-uu-**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per

2) **-u-**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 61Čai, 64Sod, 67Krl, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — luu, suu, puu, kuuz', uuz', kuulišť; 2–6 — нет сведений; 7 — luu, suu, puu, kuuz', uuz', kuulišť; 8–9 — нет сведений; 10 — luu, suu, puu, kuuz', uuz', kuulišti; 11–12 — нет сведений; 13 — luu, suu, puu, kuuz', uuz', kuulišti; 14 — нет сведений; 15 — luu, suu, puu, uuz' [VVS]; 16–23 — нет сведений; 24 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 25 — нет сведений; 26 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 27 — нет сведений; 28 — lu, pu, su, kuz', uz', kulišti; 29 — нет сведений; 30 — lu, pu, su, pu, kuz', uz', kulišti ~ kulišť; 31 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 32 — нет сведений; 33 — lu, pu, su, pu, kuz', uz', kulišti; 34 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 35 — lu, su, pu, kuz', uz'; 36 — нет сведений; 37 — lu, su, pu, kuz', uz', kulišti; 38 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 39 — lu, pu, kuz', uz'; 40 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 41 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 42 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 43–46 — нет сведений; 47 — lu, pu, kuz', uz'; 48 — нет сведений; 49 — lu, su, pu, kuz', uz', kulišti; 50–52 — нет сведений; 53 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 54 — lu, su, pu, kuz', uz', kulišti; 55 — lu, su, pu, kuz', uz', kulišti ~ kulišť; 56 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 57–59 — нет сведений; 60 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 61 — pu [СВЯ: 435]; 62–63 — нет сведений; 64 — lu, su, kuz', uz', kulišti; 65–66 — нет сведений; 67 — uz'; 68 — нет сведений; 69 — lu, su; 70–71 — нет сведений; 72 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 73 — нет сведений; 74 — lu, pu, kuz', uz', kulišti; 75 — нет сведений.

Комментарий

По мнению исследователей, квантитативную корреляцию гласных звуков, или корреляцию по долготе, прибалтийско-финские языки не получили в наследство из финно-угорского языка-основы, а, скорее всего, приобрели в праприбалтийско-финское время в ходе исчезновения или вокализации ***ŋ, v*** или ***j*** [Основы 1975: 37]. В эстонском языке она широко представлена и сейчас, а также употребляется достаточно широко и в финском языке, однако в нем на месте долгих гласных в определенных позициях возникли восходящие дифтонги; карельские наречия характеризуются еще большим наличием восходящих дифтонгов или даже трифтонгов, хотя и в его диалектах имеет место значительное количество долгих гласных.

В большинстве диалектов и говоров вепсского языка примарные долгие гласные бесследно исчезли. Тем не менее Э.А. Тункело приводит ряд примеров с таковыми в западных и восточных говорах средневепсского диалекта (Čik, Sär, Kar, Noid, Korv [Tunkelo 1946: 550]). В магнитофонных записях, сделанных в 1959 году М.М. Хямяляйненом в д. Куккас*, на северной окраине западных средневепсских говоров (Лодейнопольский р-н Ленинградской обл.), в отдельных словах четко слышится повышение гласных среднего подъема, которое явно указывает на их путь к дифтонгизации: *l**u**da* ‘сновать основу ткани; бросать стог’ (совр. вепс. *loda*, фин. *l**uo**da*); *j**u**da* ‘пить’ (совр. вепс. *joda, g'oda, d'oda*, фин. *j**uo**da*); *l**ü**da* ‘бить’ (совр. вепс. *l**ö**da*, фин. *ly**ö**dä*), *s**ü**da* ‘есть’ (совр. вепс. *s**ö**da*, фин. *sy**ö**dä*), *m**ü**da* ‘продавать’ (совр. вепс. *m**ö**da*, фин. *myydä, my**ö**dä*), *m**ü**hä* ‘поздно’ (совр. вепс. *m**ö**hä*, фин. *my**ö**hä*) [Зайцева 2016: 344]. В этом же говоре магнитофонные записи воспроизводят в отдельных случаях долгие гласные в первом слоге: *p**uu*** ‘дерево’, *k**uu**z'* ‘ель’. Э.А. Тункело полагал, кроме того,

* См. образцы речи из деревни Куккас в приложении к работе Н.Г. Зайцевой [Зайцева 2016: 343–345].

что в языке вепсов имеются и скрытые следы долгих гласных в словах типа *g'**ӱ**r'* ‘корень’, бывшими прежде заднерядными (ср. фин. *j**uu**ri*). По его мнению, гласный ***ӱ*** возник именно из долгого ***ии*** (***ӱ*** < ***ц*** < ***и*** < ***ии***) в позиции между двумя палатализованными согласными [Tunkelo 1946: 551].

Исследования фонетики показали, что большинство гласных вепсского языка в настоящее время не обладают парой, т. е. не могут быть и долгими, и краткими. Во многих словах долгие гласные перешли в полудолгие или дифтонгизированные или даже в согласные звуки: напр., *kuvdman* (ср. фин. *kuutamon*) ‘луна, месяц’ (GenSing) [Tunkelo, 1946: 550]).

В вопросник ЛАВЯ было включено три вопроса (вопросы 8–10) по долгим гласным. Для картографирования была выбрана оппозиция ***и*** ~ ***ии***. Сбор материала показал, что она наиболее стабильна и частотна. Именно оппозиция звуков *и* ~ *ии* позволяет еще и сегодня обнаружить редкие минимальные пары: *puuhu* (InesSing) от *puu* ‘дерево’ — *puhu* (2PImperatSing) от *puhuda* ‘дуть’; *kuuzen* (GenSing) от *kuuz'* ‘ель’ ~ *kuzen* (1PPrezSing) от *kusta* ‘(по)мочиться’. Подобных минимальных пар с *ӱ* или *і* обнаружить практически не удалось.

Как свидетельствует карта, долгий ***ии*** в первом слоге сегодня характеризуют весь северновепсский ареал в противоположность средне- и южновепсскому.

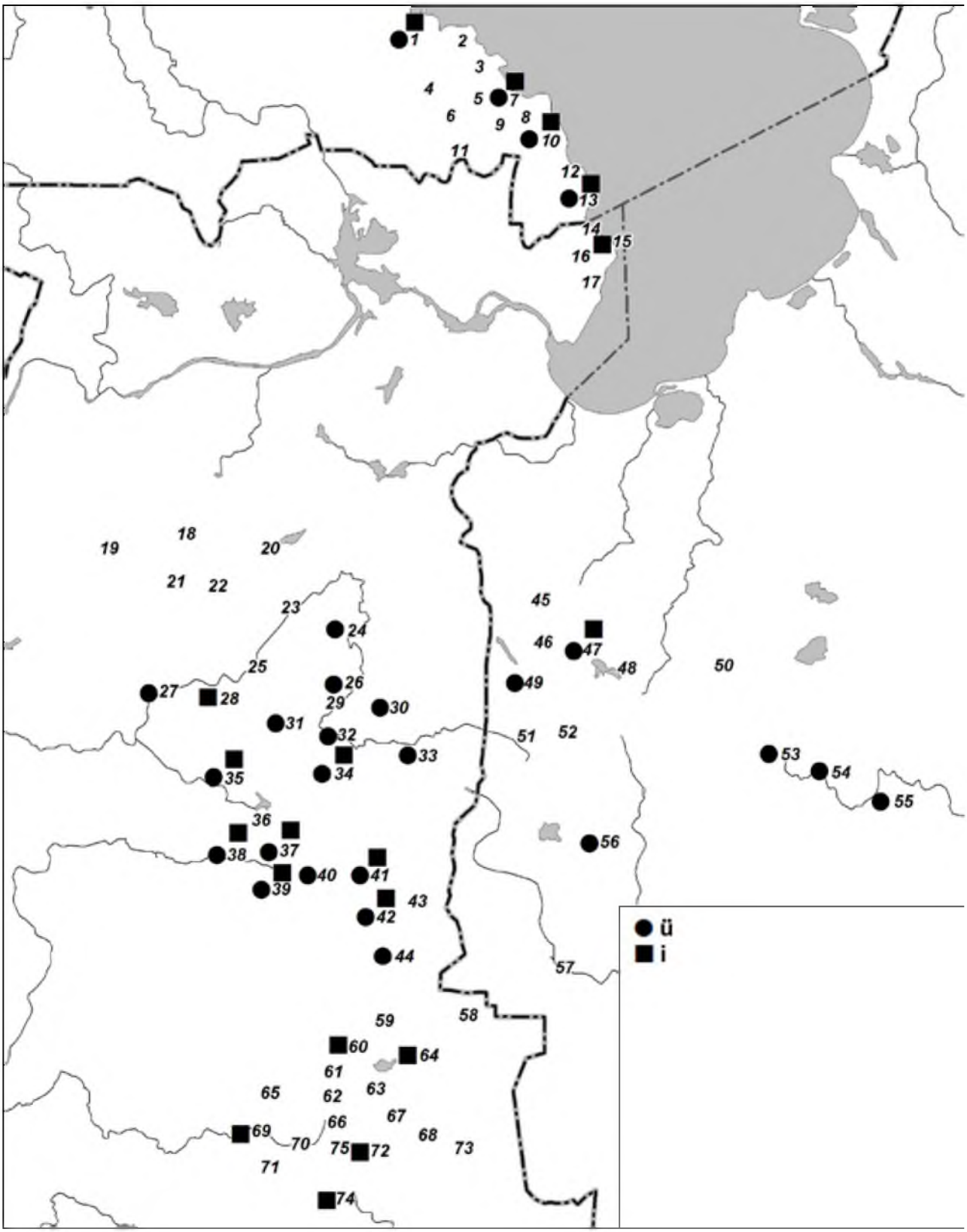
В южновепсском же ареале достаточно много долгих гласных, но это долгие гласные вторичного происхождения, возникшие из дифтонгов, а также согласных ***l, v, n***, которые вокализовались и подверглись дифтонгизации: *haad* < *haud* ‘яма’; *kaah* < *kauh* ‘ковш’; *eglaane* < *eglaine* ‘вчерашний’; *haag* < *haug* (< **halg*) ‘дрова; полено’, *nituu* < *nituu* (< *nitul*) ‘на покосе’; *pertii* < *pertil* ‘на доме’; *maazik* < *manzik* ‘земляника’ и т. д. Для него совсем не характерны рефлексы примарных долгих гласных. Долгие гласные вторичного происхождения возникли в период самостоятельного развития южновепсского диалекта, став его своеобразным маркером.

Полагаем, что консервация долготы гласных (в данном случае долгого ***ии***) в северновепсском ареале может быть вызвана в том числе поддержкой территориально смежных карельских говоров.

Н. Г. Зайцева

4 (15). Корреляция гласных *ü ~ i* в первом слоге слова

(на материале лексем: *üks' ~ iks'* 'один', *kümne ~ kimne* 'десять', *tütär ~ titar* 'дочь', *sügüz' ~ sigiz* 'осень', *kül'bet'~ kil'bet'* 'баня', *nügüd(e)~nigid(e)* 'теперь', *küzuda ~ kizuda* 'спросить', *lüpsan ~ lipsan* '(я) подою')

Легенда карты

1) **ӱ** 2) **і**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **ӱ**: *сев* Š, Št, Kas, Kl // *ср* Ladv, Mg, Jä, En, Rih, Pec, Šon, Kor, Noid, Reb, Har, Vär, Nür, Jog, Kos, Korv, Nem, Šim, Pnd, Kj, Vl, Päž

2) **і**: *сев* Š, Št, Kas, Kl, Per // *ср* En, Mg, Vil,Kor, Noid, Reb, Har, Jog, Šim // *южн* Mai, Mas, Šid, Ars, Sod

Цифровой индекс

1) **ӱ**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13 Kas, 24Nem, 26Jä, 27Kos, 30Rih, 31Pec, 32 Šon, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har , 40Nür, 41Reb, 42Noid, 44Korv, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž

2) **і**: 1Š ,7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per, 28Vil, 34Mg, 35En, 37Kor , 38Jog, 39Har, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — üks', kümne, tütär, süguz', nüguni, nügud', küzuda lüpsta; kil'bet', ibuz [Tunkelo 1946: 572] 'сугроб'; 2–6 — нет сведений; 7 — üks', kümne, tütär, süguz', nüguni, küzuda, lüpsan, kil'bet'; 8–9 — нет сведений; 10 — üks', kümne, tütär, sügüz', nüguni, küzuda, lüpsan, kül'bet' ~ kil'bet', hippib (он) прыгает'; kilbmaha [Tunkelo 1948: 572] 'купаться'; 11–12 — нет сведений; 13 — üks', kümne, tütär, sügüz', küzuda, nügüde, kül'bet' ~ kil'bet'; 14 — нет сведений; 15 — pihapei [Tunkelo 1948: 572] 'воскресенье'; 16–23 — нет сведений; 24 — üks', kümne, tütar, sügüz', kül'bet', nügde, küzuda, lüpsan; 25 — нет сведений; 26 — üks', kümne, tütar, sügüz', kül'bet', nügde, küzuda, lüpsan; 27 — pühkim [VVS] 'скатерть'; 28 — iks', kimne, titar, siguz, kil'bet', kizuda, lipsan, nugude; 29 — нет сведений; 30–31 — üks', kümne, tütar, sügüz', kül'bet', nügde, küzuda, lüpsan; 32 — pühäkesk [VVS] 'межговенье, мясоед'; 33 — üks', kümne, tütar, sügüz', kül'bet', nügüde, küzuda, lüpsan; 34 — tütar, süguz', nügude, iks', kimne, kil'bet', kizuda, lipsan; 35 — kül'bet' ~ kil'bet', tütar, sügüz, nügüde, iks', kimne, kizuda, lipsan; 36 — нет сведений; 37 — üks', tütar, süguz', kül'bet', nügüde, küzuda, lüpsan, kimne; 38 — üks', kümne, tütär, süguz, nügude, küzuda, lüpsan, kil'bet'; 39 — tütar, nügüde, lüpsan, iks', kimne, siguz, kil'bet', kizuda; 40 — üks', kümne, tütar, sügüz, kül'bet', nügde, küzuda, lüpsan; 41 — nügude, iks', kimne, titar, siguz', kil'bet', kizuda, lipsan; 42 — üks', tütar, süguz', nügude, kimne, kil'bet', kizuda, lipsan; 43– нет сведений; 44 — püštütpäin [VVS] 'кубарем'; 45–46 — нет сведений; 47 — üks', kümne, tütär, sügüz', kül'bet'; pihkta [Tunkelo 1946: 573] 'вытирать'; 48 — нет сведений; 49 — üks', kümne, tütar, sügüz', kül'bet', nügude, küzuda, lüpsan; 50–52 — нет сведений; 53 — üks', kümnen, tütär, sügüz', kül'bet', nügüd', küzuda, lüpsan; 54 — üks', kümne, tütär, sügüz', tüubet', nügüde, tüzuda, lüpsan; 55 — üks', kümne, tütär, sügüz', küubet', nügid', küzuda, lüpsan; 56 — üks', kümne, tütar, süguz', kül'bet', nügude, küzuda, lüpsan; 57–59 — нет сведений; 60 — iks', kimne titar, sigiz, kil'bet', lipsan; 61–63 — нет сведений; 64 — iks', kimne ~ kimnen, titar, sigiz, kil'bet', nigid, kizuda, lipsan; 65–68 — нет сведений; 69 — iks', kimnen', titar, sigiz, kil'bet', nigid, kizuuda, lipsan; 70–71 — нет сведений; 72 — iks', kimnen, titar, sigiz, kil'bet', kizuda, lipsan; 73 — нет сведений; 74 — iks', kimnen, sigiz, kil'bet', nigid, kizuda; titrele 'дочери'; 75 — нет сведений.

Комментарий

В вепсском языке наметилась устойчивая тенденция к сужению переднерядного звука ***ӱ*** и его переходу в ***і***. Этот феномен неустойчивого положения ***ӱ*** свойствен как для первого, т. е. ударного, так и для второго — неударного слога. В данном случае для картографирования выбрана позиция исторического ***ӱ*** в первом слоге слова.

Как показывает материал, южновепсский диалект находится полностью в зоне звукоперехода ***ӱ*** > ***і***. В свое время Э. А. Тункело писал, что ***ӱ*** вместо ***і*** встречается в языке южных вепсов лишь «…у молодого поколения *местами* (например, в Радогощи и в более южных деревнях)…» [Tunkelo 1946: 572–573]. Л. Кеттунен в образцах речи южных вепсов также отмечает делабиализацию звука ***ӱ*** [Kettunen 1925: 11, 12: *titär* 'дочь', *pihktä* 'вытирать']. По его мнению, явление делабиализации довольно молодое, вполне возможно, что его возникновению

содействовало мощное влияние русского языка, где переднерядный звук ***ü*** отсутствует.

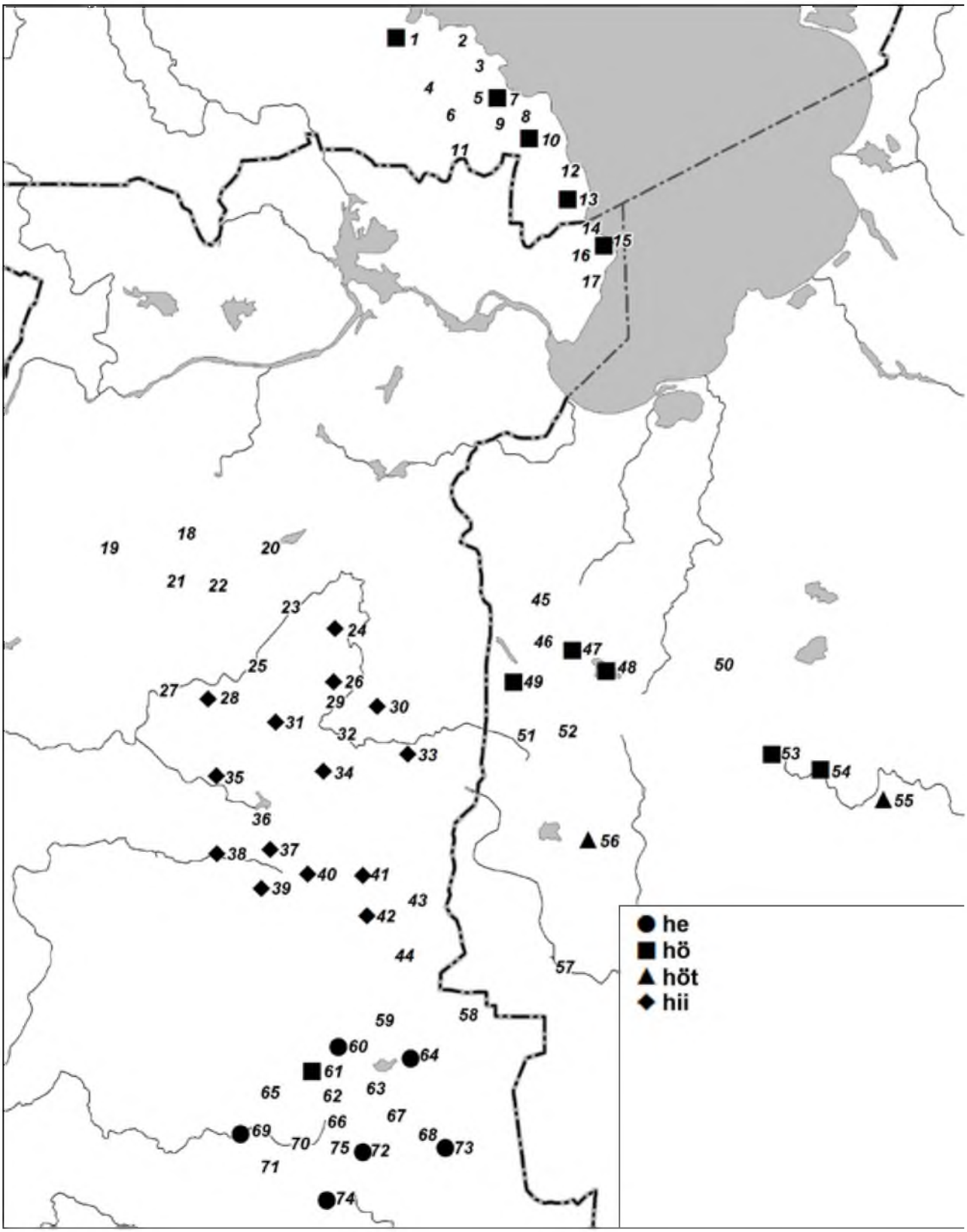
Данный звукопереход развивается стремительно; он полностью овладел в настоящее время языком южных вепсов. Причем в словах, где ***ü*** ранее выступал одновременно и в первом, и во втором слоге, в настоящее время на его месте в обоих слогах может употребляться ***i***: *nigid* (*nügüd'*) ‘теперь, сейчас’, *sigiz* (*sügüz'*) ‘осень’, что свидетельствует об углублении явления, превращении его в своеобразный маркер диалекта.

Переход ***ü*** > ***i***, кроме южновепсского диалекта, занимает устойчивые позиции в смежных переходных говорах, а также граничащих с ними на севере западных средневепсских говорах сел Вонозеро (En) и Мягозеро (Mg). Кроме того, он фиксируется в с. Ярославичи (Vil), расположенном на западной границе вепсского языкового ареала, в зоне раннего и мощного русского языкового воздействия, а также в северновепсском диалекте, многие носители которого в силу работ на отхожих промыслах рано стали двуязычными. Иначе говоря, явление сужения ***ü*** > ***i*** получило широкое распространение в вепсскоязычном ареале, не затронув восточные говоры.

Явление перехода ***ü*** > ***i***, как и переход в средневепсском восточном Пяжозере (Päž) ***ä*** > ***e*** (*je**n**iš* вместо *j**ä**niš* ‘заяц’, *l**e**bi* вместо *l**ä**bi* ‘сквозь’), значительно сужает сферу использования переднерядных ***ä, ü, ö*** в вепсском языке. Видимо, здесь действительно сказывается влияние русского языка, для которого не свойственны переднерядные гласные звуки ***ü, ä, ö***, и вепсский язык находит иные произносительные возможности, сближающие его с языком соседей.

Н.Г. Зайцева

5 (18). Фонетическая вариативность личного местоимения третьего лица множественного числа *he ~ hö ~ höt ~ hii* ‘они’

Легенда карты

1) **he** 2) **hö** 3) **höt** 4) **hii**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **he**: *южн* Šid, Sod, Mas, Mai, Vg, Ars
2) **hö**: *сев* Š, Št, Kl, Kas, Per // *ср* Šim, Pk, Vär, Pnd, Kj // *южн* Čai
3) **höt**: *ср* Vl, Päž
4) **hii**: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid

Цифровой индекс

1) **he**: 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 73Vg, 74Ars
2) **hö**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 61Čai
3) **höt**: 55Vl, 56Päž
4) **hii**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid

Список картографируемого материала

1 — hö; 2–6 — нет сведений; 7 — hö; 8–9 — нет сведений; 10 — hö; 11–12 — нет сведений; 13 — hö; 14 — нет сведений; 15 — h'o, 16–23 — нет сведений; 24 — hii; 25 — нет сведений; 26 — hii; 27 — нет сведений; 28 — hii; 29 — нет сведений; 30–31 — hii; 32 — нет сведений; 33–35 — hii; 36 — нет сведений; 37–42 — hii; 43–46 — нет сведений; 47–49 — hö; 50–52 — нет сведений; 53–54 — hö; 55–56 — höt; 57–59 — нет сведений; 60 — he; 61 — hö [СВЯ: 142]; 62–63 — нет сведений; 64 — he; 65–68 — нет сведений; 69 — h'e; 70–71 — нет сведений; 72 — he; 73 — he [ВК]; 74 — he; 75 — нет сведений.

Комментарий

Многие вепсские лексемы в диалектных ареалах одинаковы по происхождению, но их фонетический облик настолько изменился от говора к говору, что в отдельных случаях возникают затруднения в распознавании форм, например: *sel'gäl* ~ *süuguu* 'на спине'; *d'oug* ~ *jaag* 'нога'; *sügüzel* ~ *sigizuu* 'осенью'; *tal'vel* ~ *touvuu* 'зимой' и т. д.

В атласе был предусмотрен вопрос о фонетической адаптации личных местоимений мн. числа. В нем предлагалось собрать полевой материал по всем трем личным местоимениям мн. числа. При анализе выяснилось, что наиболее интересную фонетическую картину по диалектам представляет местоимение третьего лица мн. числа; оно и было выбрано в качестве объекта для картографирования.

Личное местоимение третьего лица мн. числа имеет в диалектах вепсского языка четыре фонетических варианта: *he, hö, höt, hii*. Наиболее древний вариант *he**, как и ожидалось, сохранился в архаичном южновепсском диалекте. Лишь в южновепсском п. Чайгино (Čai) зафиксировано в словаре вепсского языка единичное для южновепсского диалекта употребление фонетического варианта *hö* [СВЯ: 142]. В свою очередь, вариант *hö* полностью покрывает зону северновепсского диалекта и был взят за орфографическую норму младописьменного вепсского языка. Видимо, возникновение варианта *hö* связано с изменением под воздействием ***e*** качества согласного ***h***, который стал произноситься более мягко: *h'e* ~ *h'o*. Не исключена и возможность влияния карельского местоимения *hyö*, в котором на почве вепсского языка дифтонг мог исчезнуть и возникнуть вариант местоимения *hö*.

Личное местоимение в варианте *höt* характерно для восточновепсских пунктов Войлахта и Пяжозеро (Vl, Päž). Оно содержит в своем составе тот же веляризованный гласный ***ö***. Кроме того, в нем выступает в ауслауте ***-t***, который является показателем мн. числа. Идентичная форма отмечена в этимологическом словаре финского языка — *het* как финская диалектная наряду с формами *hei, hyö* [SSA 1992: 149].

Вариант *hii* (или *hei*), наиболее распространенный в западном средневепсском ареале, очевидно, представляет собой форму личного местоимения, нарощенную показателем мн. числа косвенных падежей ***-i-***: *he* +*i*. В дальнейшем произошла переработка *hei-* > *hii-*, чему способствовала и сама основа

* Отдельные источники воспроизводят в транскрипции местоимение третьего лица мн. числа как *h'e* (Mas) или *h'o* (Per). На карте *h'e* расположен в варианте *he,* а *h'o-* в варианте *hö*. Из списка картографируемого материала в каждом конкретном случае при необходимости можно извлечь более точные данные.

косвенных падежей, которая во многих диалектных арелах употребляется в форме *hii-* ~ *hei-*: *hii-den* ~ *hei-den* GenPl, *hii-le* ~ *hei-le* AllPl, *hii-d* ~ *hei-d* PartPl и т. д.

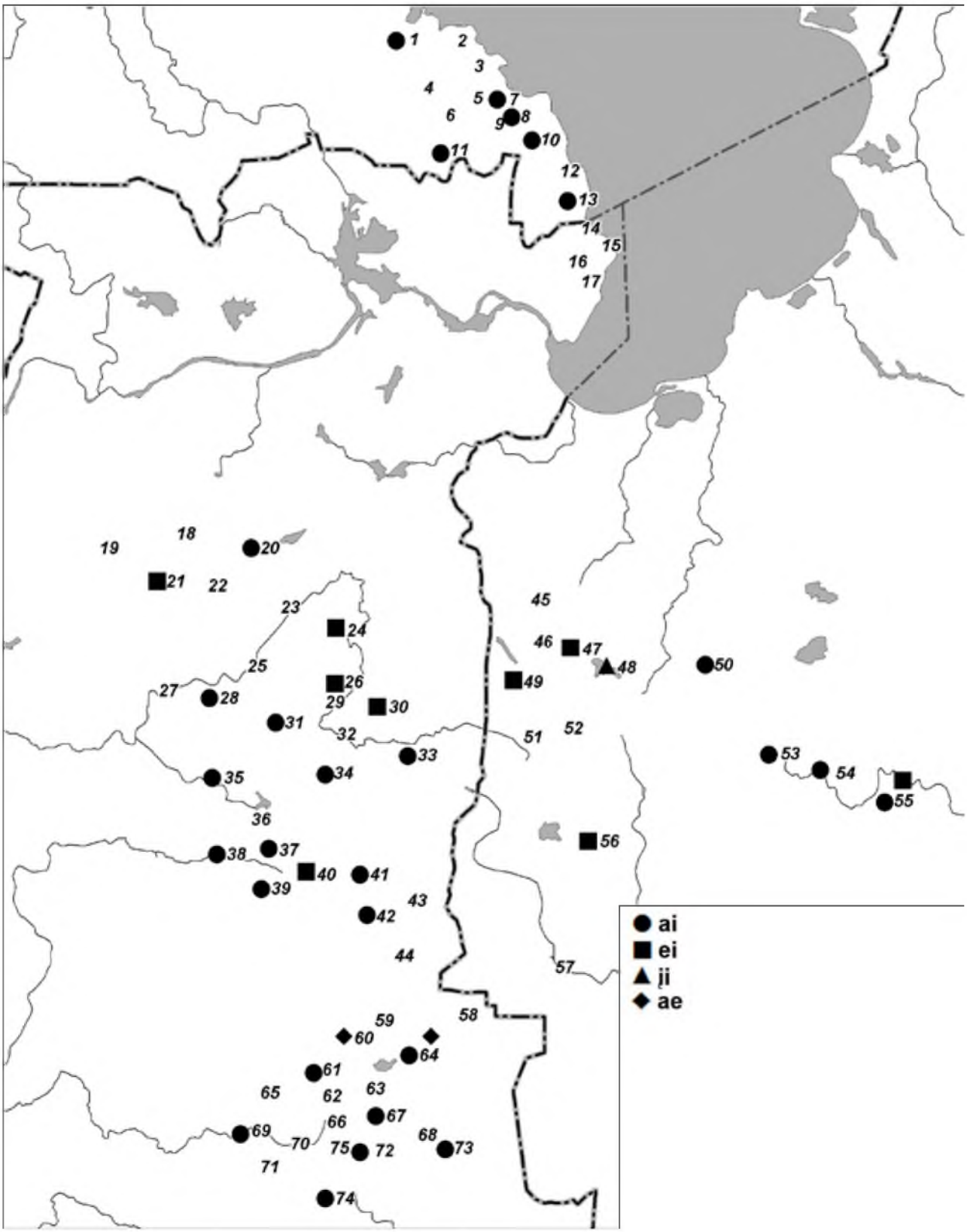
В работе Х. Басильера по исаевским вепсам был отмечен вариант местоимения третьего лица ед. числа *hüö* (так же как и *müö* 'мы', *tüö* 'вы') [Basilier 1890: 89] с дифтонгом *üö* внутри формы, характерным для карельского языка. В настоящее время подобных форм не обнаружено, и они не были выявлены из других источников, поэтому на карту не нанесены. Очевидно, характерный для исаевских вепсов вариант звучания был вызван влиянием карельского языка.

В целом же форма номинатива личного местоимения третьего лица мн. числа представляет собой, с одной стороны, причудливую переработку в устной речи одной и той же формы личного местоимения, обладающего древними финно-угорскими корнями [SSA 1992: 149]. С другой стороны, она демонстрирует внешнее карельское внедрение, а также традиционные, наиболее тесные связи близлежащих говоров, обладающих единой общеупотребительной формой.

Н.Г. Зайцева

6 (23). Рефлексы дифтонга *-ai-* в первом слоге слова

(на материале лексем: *aiž ~ eiž ~ aižaz* ‘оглобля’; *ait ~ eit* ‘кладовка’; *kaik ~ keik* ‘весь, вся, все’; *paid ~ peid* ‘рубашка’)

Легенда карты

1) **ai** 2) **ei** 3) **i̯i** 4) **ae**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **ai**: *сев* Š, Št, Ms, Kl, Kas, Mec // *ср* Čik, Vil, Pec, Mg, Ladv, En, Jog, Kor, Har, Noid, Reb, Pnd, Kj, Vl, Sär // *южн* Mas, Mai, Krl, Vg, Čai, Sod, Ars
2) **ei**: *ср* Kar, Vär, Šim, Pk, Päž, Vl, Nem, Jä, Rih, Vil, Nür
3) **i̯i**: *ср* Pk
4) **ae**: *южн* Šid, Sod

Цифровой индекс

1) **ai**: 1Š, 7Št, 8Mec, 10Kl, 11Ms, 13Kas, 20Čik, 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 41Reb, 42Noid, 50Sär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 61Čai, 64Sod, 67Krl, 69Mas, 72Mai, 73Vg, 74Ars
2) **ei**: 21Kar, 24Nem, 26Jä, 30Rih, 40Nür, 47Šim, 49Vär, 55Vl, 56Päž
3) **i̯i**: 48Pk
4) **ae**: 60Šid, 64Sod

Список картографируемого материала

1 — aiž, ait, kaik, paid; 2–6 — нет сведений; 7 — aiž, ait, kaik, paid; 8 — paižo ‘опухоль’ [СВЯ: 393]; 9 — нет сведений; 10 — aiž, ait, kaik, paid; 11 — p*ai*keižel, p*ai*men [NÄKM: 144, 148] ‘у платочка’, ‘пастух’; 12 — нет сведений; 13 — aiž, ait, kaik, paid; 14–19 — нет сведений; 20 — v*ai*hen, *ai*gad [NÄKM: 564] ‘слова, времени’; 21 — peižotada ‘раздуться, распухнуть’ [СВЯ: 393], 22–23 — нет сведений; 24 — eiž, eit, keik, peid; 25 — нет сведений; 26 — eiž, eit, keik, peid; 27 — нет сведений; 28 — aiž, ait, kaik, paid; 29 — нет сведений; 30 — eiž, eit, keik, peid; 31 — aiž, ait, kaik, paid; 32 — нет сведений; 33–35 — aiž, ait, kaik, paid; 36 — нет сведений; 37–39 — aiž, ait, kaik, paid; 40 — eiž, eit, keik, peid; 41–42 — aiž, ait, kaik, paid; 43–46 — нет сведений; 47 — eit, kẹik, pẹid; 48 — kịik, pịid; 49 — eiž, eit, keik, peid; 50–52 — нет сведений; 53 — aižaz, ait, kaik, paid; 54 — aiž, ait, kaik, paid; 55 — aiž, aiteine; keik, peiť; 56 — eiž, eit, keik, peid; 57–59 — нет сведений; 60 — aež, aet, kaek, paed; 61 — kaikuť en ‘по–всякому’ [СВЯ: 169], raid ‘ива’ [СВЯ: 462]; 62–63 — нет сведений; 64 — aet, kaek, paed, aiž; 65–66 — нет сведений; 67 — aižaz [СВЯ: 25], kaik [СВЯ: 168]; 68 — нет сведений; 69 — kaik, paid’; 70–71 — нет сведений; 72 — aižaz, ait, kaik, paid; 73 — aivod ‘головной мозг’, aigooš ‘рано’ [СВЯ: 24–25]; 74 — kaik, paid; 75 — нет сведений.

Комментарий

В потоке речи звуки меняют свой характер, подвергаясь различного рода модификациям. В вепсском языке подобное явление случается нередко. Для карты были выбраны дифтонги ***-ai-***, ***-ei-***, представленные в лексемах типа: *aiž* ‘оглобля’, *ait* ‘кладовка, амбар’, *kaik* ‘все, весь, вся’, *paid* ‘рубашка’, изменения в которых отчасти стали характеристиками диалектных ареалов.

Дифтонг ***-ai-*** зафиксирован в вепсских говорах в трех модификациях: ***ai*** сохранился в северном диалекте и большинстве говоров западного средневепсского диалекта, а также на самом востоке вепсского языкового ареала у белозерских вепсов. Кроме того, он продолжает бытовать в некоторых словах в южновепсском ареале.

Дифтонг ***-ei-*** на месте ***-ai-*** занимает наиболее сильные позиции в пограничных западных и восточных говорах средневепсского диалекта; ***-ae-*** зафиксирован в ряде говоров южновепсского ареала. Из трех вариантов ***-ai-*** является исконным, исторически присущим прибалтийско-финским языкам, ***-ei-*** и ***-ae-*** — относительно новые вепсские инновации. На молодой возраст явлений указывает то, что звукопереходы затронули лишь часть говоров, которые к тому же распространились не на все слова (ср. *aiž*, но *paed* в Sod, *aiž, aiteine*, но *keik, peiť* в Vl).

Привлечение исторических материалов конца XIX — начала XX веков позволяет выявить динамику процесса появления модификаций исконного ***ai***. Еще Э. Н. Сетяля во время поездки к южным вепсам и к вепсам населенных пунктов Пятино и Корвала, относящихся к зоне переходных говоров, а также в средневепсское Вонозеро использовал для обозначения ***a*** в дифтонге ***-ai-*** подстрочный знак, который, видимо, был призван отразить некое особое качество звука, отличное от ‘чистого’

a, но не трансформировавшегося еще полностью в ***e*** [см. об этом: Tunkelo 1946: 593]. Кроме того, материалы Э. А Тункело также указывают на былое наличие ***ai*** в иных говорах (например, Jä, Nem), где сейчас собранный для атласа материал, а также данные СВЯ фиксируют только ***ei***.

Для понимания генезиса явления примечательно замечание Э. А Тункело о том, что вариант ***ei*** явно преобладает над ***ai*** в говоре с. Ярославичи (Vil), хотя в ареально смежных говорах явно был распространен ***ai***. В записях Э. Н. Сетяля 1916 года наряду с ***ai*** присутствует в отражении дифтонга гласный ***a*** с подстрочным знаком, который использовался и в шимозерских записях, свидетельствуя об особом качестве звука. Надо полагать, что такая ситуация связана с русским языковым воздействием, продвигавшимся вверх по р. Ояти и затронувшим в первую очередь самый близкий к языковой границе говор с. Ярославичи (Vil). Русским воздействием объясняется, видимо, и относительно раннее закрепление ***ei*** в Päž и Šim, куда оно распространялось по рекам Суда и Мегра. Не исключено, что изменение затронуло вначале переднерядный ***äi***, перекинувшись затем и на соответствующий заднерядный дифтонг ***ai***.

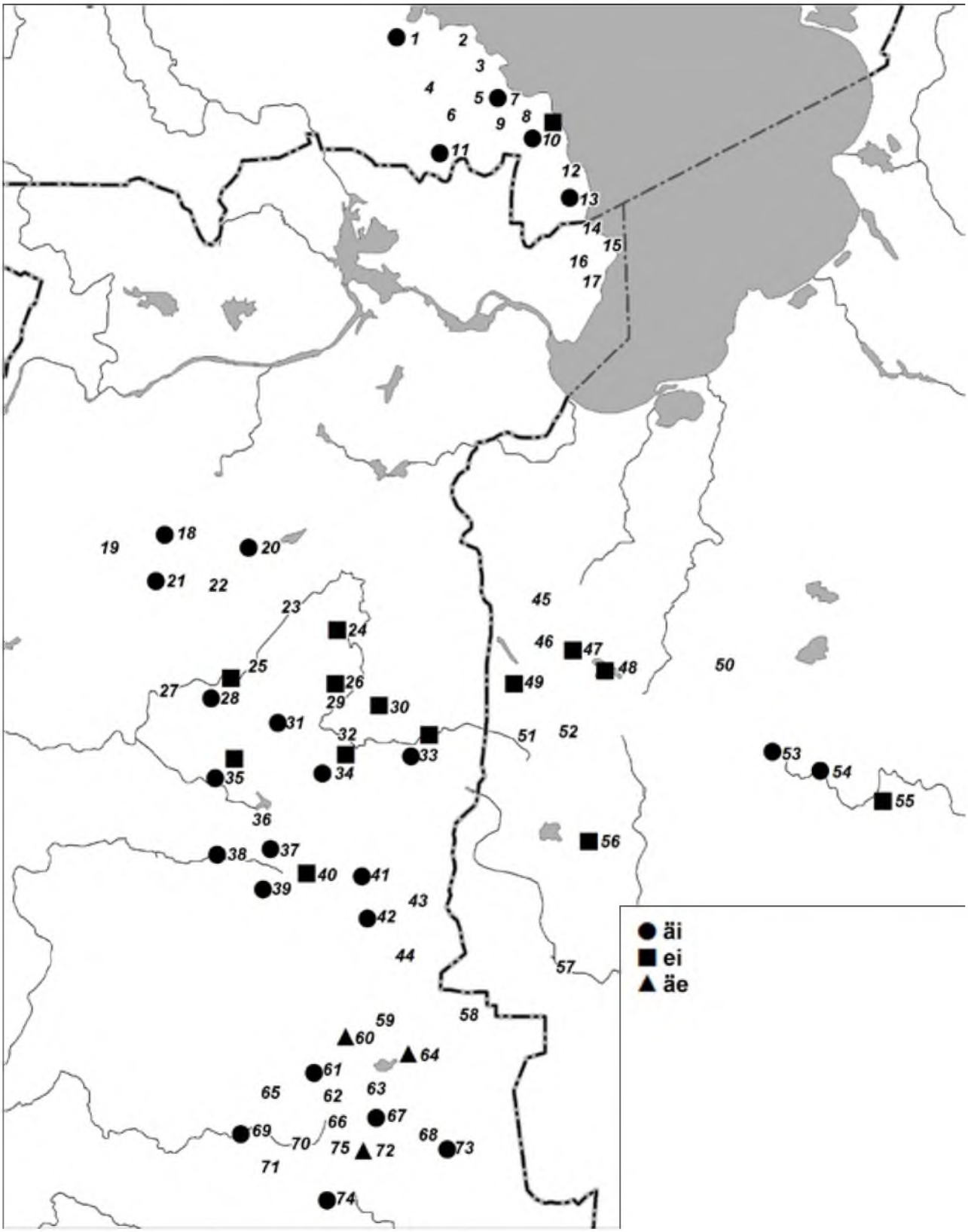
В свою очередь, южновепсское расширение дифтонга ***ai*** до ***ae*** вызвано, видимо, общей тенденцией к такому расширению, проявившемуся наиболее наглядно в образовании долгих гласных из восходящих дифтонгов на ***-u***. Э. А Тункело отмечает его как особенность речи молодого поколения северных говоров южного диалекта, прежде всего, Прокушева (Šid). Судя по современным материалам, ареал несколько расширился, особенно применительно к переднерядному варианту ***äe****.

И. И. Муллонен

* См. карту 7 ЛАВЯ.

7 (24). Рефлексы дифтонга *-äi-* в первом слоге слова

(на материале лексем: *äi* ~ *ei* ‘много’, *päiv* ~ *pei*(*v*) ‘день’)

Легенда карты

1) **äi** 2) **ei** 3) **äe**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **äi**: *сев* Š, Št, Ms, Kl, Kas // *ср* Kar, Vil, Pec, Mg, Ladv, En, Jog, Kek, Kor, Har, Noid, Reb, Čik, Pnd, Kj // *южн* Mas, Čai, Krl, Vg, Ars
2) **ei**: *сев* Kl // *ср* Vär, Šim, Pk, Vl, Päž, Nem, Jä, Vil, Mg, Ladv, En, Nür
3) **äe**: *южн* Šid, Sod, Mai

Цифровой индекс

1) **äi**: 1Š, 7Št, 10Kl, 11Ms, 13Kas, 18Kek, 20Čik, 21Kar, 28Vil, 31Pec,33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 41Reb, 42Noid, 53Pnd, 54Kj, 61Čai, 67Krl, 69Mas, 73Vg ,74Ars
2) **ei**: 10Kl, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 33Ladv, 34Mg, 35En, 40Nür, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 55Vl, 56Päž
3) **äe**: 60Šid, 64Sod, 72Mai

Список картографируемого материала

1 — äi, päi; 1–6 — нет сведений; 7 — äi, päiv; 8–9– нет сведений; 10 — äi, päiv ~ peiv; 11 — däi [ÄVN: 48] ‘остался’; 12 — нет сведений; 13 — äi ~ jai, päi; 14–17 — нет сведений; 18 — äi [ВК]; 19 — нет сведений; 20 — äi; 21 — äi [ВК]; 22–23 — нет сведений; 24 — ei, pei; 25 — нет сведений; 26 — ei, pei; 27 — нет сведений; 28 — äi, pei; 29–30 — нет сведений; 31 — äi, päi; 32 — нет сведений; 33 — äi, pei; 34 — äi, pei; 35 –äi, pei; 36 — нет сведений; 37 — äi, päiv; 38 — äi, päi; 39 — äi, päiv ~ päi; 40 — ei, pei; 41 — äi, päiv; 42 — äi, päiv; 43–46 — нет сведений; 47 — ei, pei(v); 48 — ei, pei(v); 48 — нет сведений; 49 — ei, pei; 50–52 — нет сведений; 53– 54 — äi, päiv; 55–56 — ei, peiv; 57–59 — нет сведений; 60 — päev; 61 — päivoolaskm ‘заход солнца’ [СВЯ: 449]; 62–63 — нет сведений; 64 — äe, päev; 65–66 — нет сведений; 67 — äipäi ’пасха’ [СВЯ: 656]; 68 — нет сведений; 69 — päif; 70–71 — нет сведений; 72 — äi; päev; 73 — äi; 74 — äi, päiv; 75 — нет сведений.

Комментарий

Бытование в вепсском языковом ареале фонетических вариантов ***äi — ei — äe*** в первом слоге в основополагающих элементах идентично бытованию соответствующих заднерядных вариантов ***ai — ei — ae***. При этом, однако, в данном случае демонстрируется значительно бóльшая активность инновативных вариантов ***äe*** и особенно ***ei***. Последний закрепился наряду с исконным ***äi*** в большинстве западных говоров средневепсского диалекта, проник и в говоры северного диалекта. Сопоставление современных данных с материалами, которые описывал в первой половине XX века Э. А. Тункело [Tunkelo 1946: 604–605], показывает, что процесс, засвидетельствованный им, расширился ареально. Центр его, как и на карте 6, располагается в Шимозерье — Пяжозерье. Генезис явления, очевидно, вызван русским контактным влиянием, как и в случае с заднеряднами дифтонгами, представленными на карте 6.

В течение XX столетия явно расширился и ареал южновепсского ***äe***, захвативший все основные южновепсские говоры. В первой половине века он бытовал, прежде всего, в речи молодого поколения на северной окраине южновепсского языкового ареала [Tunkelo 1946: 590–591].

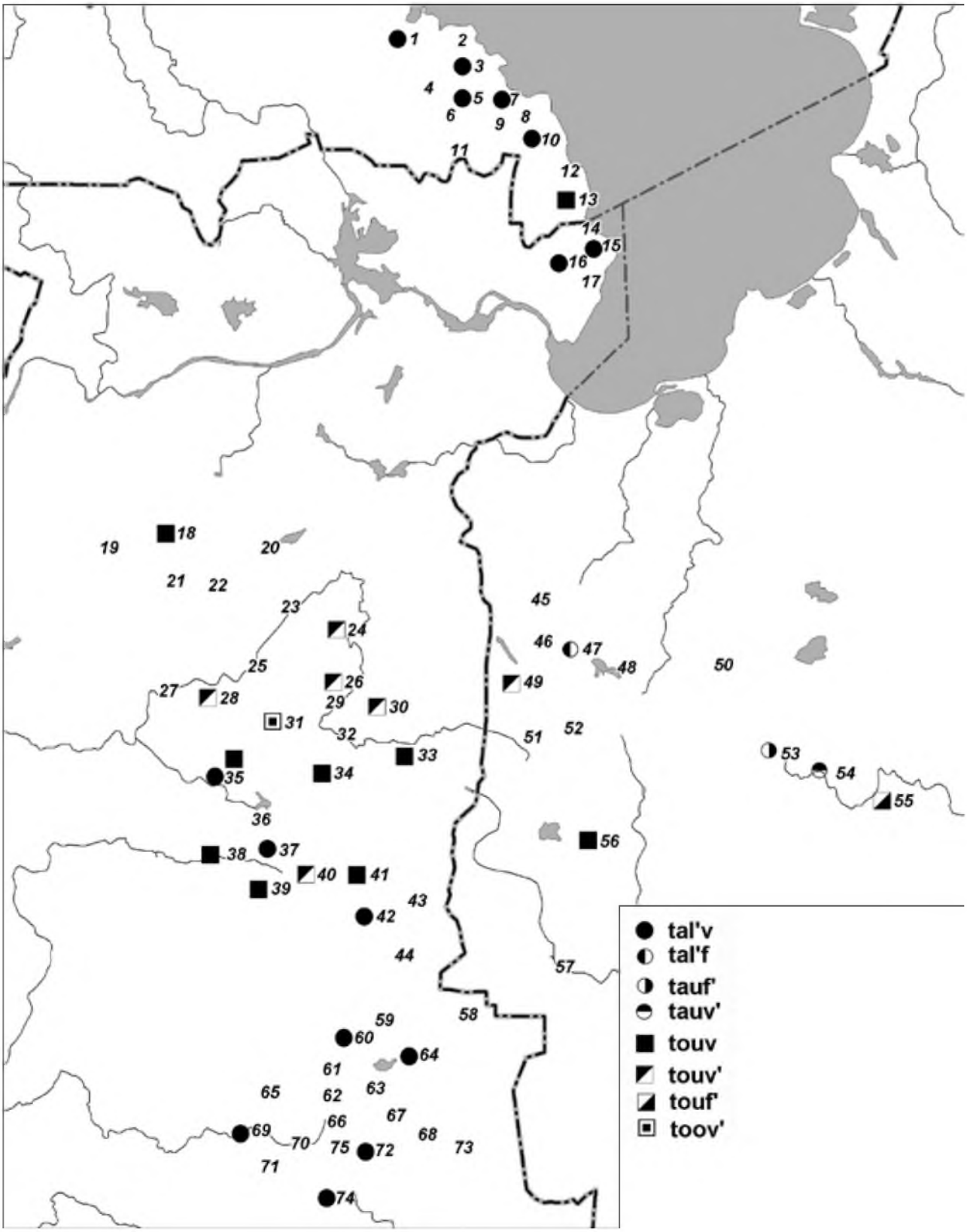
Таким образом, проведенные ранее исследования, а также привлеченный для карт 6 и 7 материал свидетельствуют о наличии русского контактного влияния на характер ***a, ä*** в составе дифтонга на ***-ai-, -äi-***, что сказалось на характеристиках говоров. При этом центр его располагался в Шимозерье — Пяжозерье, о чем свидетельствует фонетика, прежде всего, названных говоров, а также и говоров, которые находились на пути русского продвижения на север, совершавшегося через средневепсские территории (с. Ярославичи) вверх по р. Ояти.

И. И. Муллонен

8 (29). Фонетическое развитие исторического звукосочетания *al* в первом слоге слова

(на примере слов: *tal'v ~ tauv ~ touv* 'зима'; *vauged ~ vouged ~ vuuged* 'белый'; *haugoida ~ hougoida* 'колоть'; *saubata ~ soubata* 'закрыть'; *haug ~ houg* 'дрова')

8а (29а). Фонетические варианты лексемы *tal'v* 'зима'

Легенда карты

1)	**tal'v**	**tauf'**	2)	**touv**	**touf'**
	tal'f	**tauv'**		**touv'**	**toov'**

Расшифровка легенды

1) **tal'v**: *сев* Š, Št, Kl, Veh, Krik, Per, Him // *ср* En, Korb, Noid //*южн* Šid, Sod, Mas,Mai, Ars
tal'f: *ср* Šim
tauf': *ср* Pnd
tauv': *ср* Kj

2) **touv**: *сев* Kas // *ср* Kek, Ladv, Mg, En, Päž, Jog, Har, Reb
touv': *ср* Rih, Jä, Nem, Vil, Vär, Nür
touf': *ср* Vl
toov': *ср* Pec

Цифровой индекс:

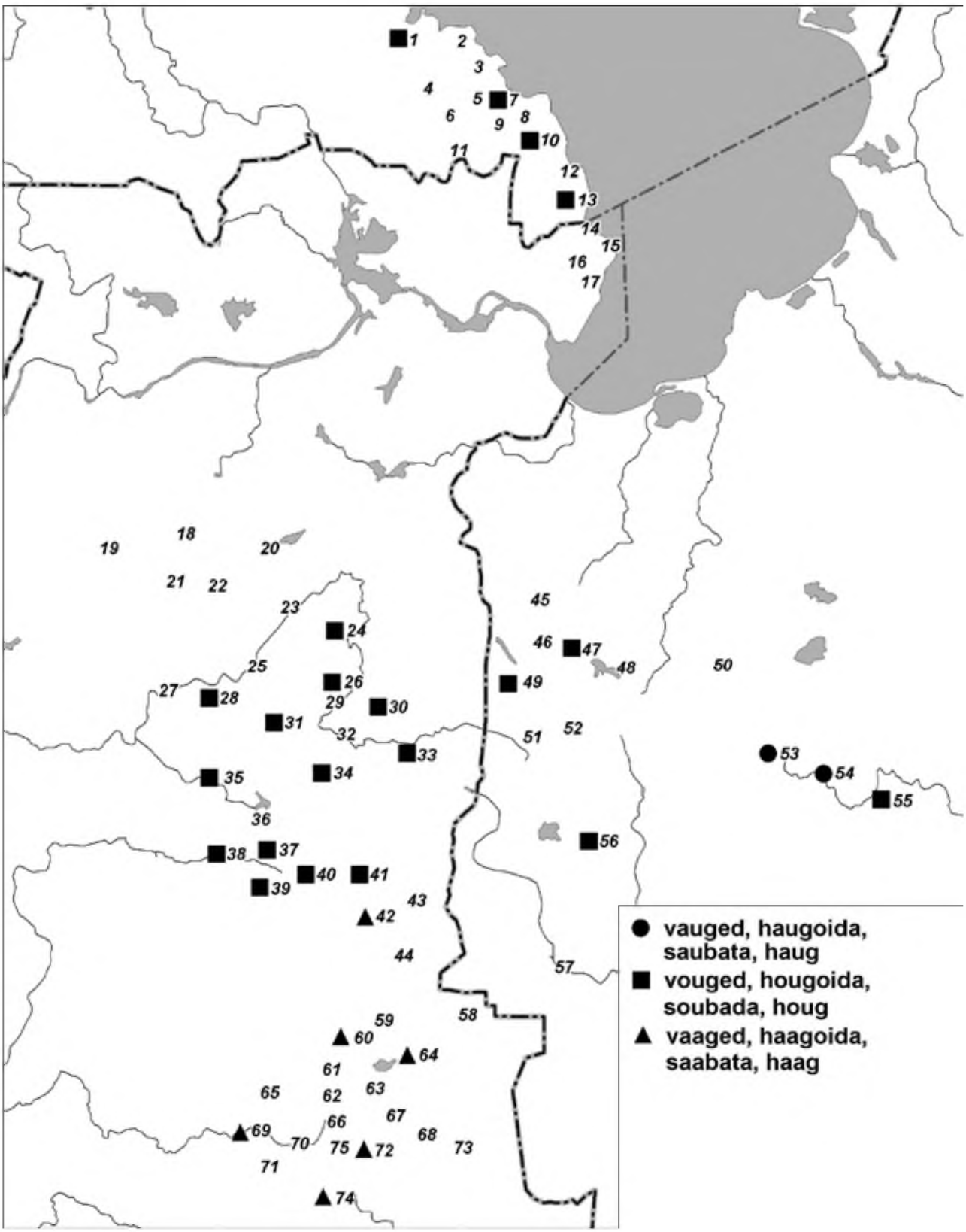
1) **tal'v**: 1Š, 3Veh, 5Krik, 7Št, 10Kl, 15Per, 16Him, 35En, 37Korb, 42Noid, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
tal'f: 47Šim
tauf': 53Pnd
tauv': 54Kj

2) **touv**: 13Kas, 18 Kek, 33Ladv, 34Mg, 35En, 38Jog, 39Har, 41Reb, 56Päž
touv': 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 40Nür, 49Vär
touf': 55Vl
toov': 31Pec

Список картографируемого материала

1 — tal'v; 2 — нет сведений; 3 — tal'v [VV: 140]; 4 — нет сведений; 5 — tal'v [VV: 369]; 6 — нет сведений; 7 — tal'v; 8–9 — нет сведений; 10 — tal'v; 11–12 — нет сведений; 13 — touv; 14 — нет сведений; 15 — tal'v [VV: 251]; 16 — tal'v [VV: 255]; 17 — нет сведений; 18 — touv [ВК], 19–23 — нет сведений; 24 — touv'; 25 — нет сведений; 26 — touv'; 27 — нет сведений; 28 — touv'; 29 — нет сведений; 30 — touv'; 31 — toov'; 32 — нет сведений; 33–34 — touv; 35 — tal'v, touv; 36 — нет сведений; 37 — tal'v; 38–39 — touv; 40 — touv'; 41 — touv; 42 — tal'v; 43–46 — нет сведений; 47 — tal'f [VV: 252]; 48 — нет сведений; 49 — touv'; 50–52 — нет сведений; 53 — tauf'; 54 — tauv'; 55 — touf'; 56 — touv; 57–59 — нет сведений; 60 — tal'v; 61–63 — нет сведений; 64 — tal'v; 65–68 — нет сведений; 69 — tal'v; 70–71 — нет сведений; 72 — tal'v; 73 — нет сведений; 74 — tal'v; 75 — нет сведений.

8b (29b). Варианты исторического звукосочетания *al* в иных словах

Легенда карты

1) **vauged, haugoida, saubata, haug**
2) **vouged, hougoida, soubada, houg**
3) **vaaged, haagoida, saabata, haag**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **vauged, haugoida, saubata, haug**: *ср* Kj, Pnd
2) **vouged, hougoida, soubada, houg**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Rih, En, Ladv, Mg, Nem, Jä, Pec, Vil, Vär, Šim, Vl, Päž, Har, Jog, Kor, Nür, Reb
3) **vaaged, haagoida, saabata, haag**: *ср* Noid // *южн* Ars, Mai, Mas, Sod, Šid

Цифровой индекс

1) **vauged, haugoida, saubata, haug**: 53Pnd, 54Kj
2) **vouged, hougoida, soubada, houg**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30 Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Korb, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 47Šim, 49Vär, 55Vl, 56Päž
3) **vaaged, haagoida, saabata, haag**: 42Noid, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — vouged, hougoida, soubada, houg; 2–6 — нет сведений; 7– vouged, hougoida, soubada, houg; 8–9 — нет сведений; 10 — vouged, hougoida, soubada, houg; 11–12 — нет сведений; 13 — vouged, hougoida, soubada, houg; 14–23 — нет сведений; 24 — vouged, hougoida, soubada, houg; 25 — нет сведений; 26 — vouged, hougoida, soubada, houg; 27 — нет сведений; 28 — vouged, hougoida, soubada, houg; 29 — нет сведений; 30–31 — vouged, hougoida, soubada, houg; 32 — нет сведений; 33–35 — vouged, hougoida, soubada, houg; 36 — нет сведений; 37–41 — vouged, hougoida, soubada, houg; 42 — vaaged, haagoida, saabata, haag; 43–46 — нет сведений; 47 — vouged [СВЯ: 619], houg [СВЯ: 110]; 48 — нет сведений; 49 — vouged, hougoida, soubada, houg; 50 — нет сведений; 51–52 — нет сведений; 53–54 — vauged, haugoida, saubata, haug; 55–56 — vouged, hougoida, soubada, houg; 57–59 — нет сведений; 60 — vaaged, haagoida, saabata, haag; 61–63 — нет сведений; 64 — vaaged, haagoida, saabata, haag, 65–68 — нет сведений; 69 — vaaged, haagoida, saabata, haag; 70–71 — нет сведений; 72 — vaaged, haagoida, saabata, haag; 73 — нет сведений; 74 — vaaged, haagoida, saabata, haag; 75 — нет сведений.

Комментарий

В вепсских говорах исторический прибалтийско-финский ***l*** первого слога в позиции после заднего гласного (в данном случае гласного ***a***) последовательно преобразовывался в гласный ***u***: *halko* > *ha**u**g* ‘дрова’, **salpaťak* > *sa**u**bata* ‘закрыть’, **valkeda* > *va**u**ged* ‘белый’. Исключение составляли случаи, когда в следующем слоге выступал гласный ***i*** (в том числе и уже утраченный), который вызывал палатализацию ***l*** > ***l’***: *si**l’**mil’e* ‘глазам’, *kända**l’**z’ihe* ‘(он) повернулся’, *o**l’**g* ‘солома’, *pi**l’**v* ‘облако’ [Tunkelo 1946: 425]. В этом же ряду находится *ta**l’**v* < **talvi*, что послужило основанием для построения двух лингвистических карт — 8a и 8b, на первой из которых отдельно представлена лексема *tal’v*, на другой — иные случаи поведения согласных звуков в картографируемом звукосочетании.

Лексема *tal’v* в данном виде представлена в южновепсском ареале, а также в территориально смежных средневепсских говорах Noid, Korb, En. Правило палатализации ***l’*** продолжает работать и на северной окраине вепсского языкового ареала в Š, Št, Kl, Him, Veh, Krik, Per.

Однако в большинстве средневепсских говоров слово *tal’v* оказалось втянутым в обширный круг слов, в которых ***l*** в позиции после ***a*** преобразовался в ***u*** (см. выше): *tauv’*, а затем *touv’*. Показательно в связи с этим, что говоры En и Korb, располагаясь на рубеже южных и средних говоров, допускают оба варианта звучания — *tal’v* и *touv* (карта 8a).

Еще Э.Н. Сетяля обращал внимание на то, что явление *l* > *u* (**valged* > *vauged*) не может быть древним, хотя и не привел четких оснований для такого утверждения [Setälä 1890–1891: 427]. Между тем, убедительные подтверждения молодости данного звукоперехода предоставляет топонимия. В ряде случаев названия, попавшие на карты

в XIX веке, сохраняют ***l*** (в русском написании *л*) на месте современного ***u***: оз. *Пал**л**озеро* — совр. вепс. *Pou**l**gužjärv,* руч. *Пал**л**тежский* — совр. вепс. *Pou**l**doja* и др.

Видимо, еще более поздние временные истоки имеет явление лабиализации *au* > *ou* (карта 29b), вызванное влиянием лабиализованного *u* на предшествующий гласный и широко представленное в современных средних и северных вепсских говорах, в том числе и на месте исторического **al.* При этом, однако, сопоставление результатов сбора фонетического материала на вепсской территории в течение последнего столетия четко свидетельствует о широкой экспансии этого явления. Если в конце 1880-х годов оно еще не носило массового характера, а в ряде говоров только намечалось, то через 50 лет, к 1940-м годам, дифтонг *ou* стал основным представителем прежнего *au* (иногда в переходном виде *åu* или *эu*) в вепсском Прионежье и западных средневепсских говорах. Ср. северный *haugod* ~ *håugod* ‘дрова’, *d'augad* ‘ноги’, *laud* ‘доска’~ *loudaine* ‘досочка’ (1889) — *d'oug* ‘нога’, *roud* ‘железо’, *håukeida* ‘откуси’ и др. (1932). Показательно, что в «Русско-чудском словаре», составленном П.К. Успенским в начале XX века на основе северновепсского рыборецкого говора, представлен только дифтонг *au* [Успенский 1913]. В речи старшего поколения в военное время дифтонг *au* еще сохранялся в первоначальном виде [Tunkelo 1946: 607–608]. В средневепсском Šim: *g'aug*, *råudad*, *våuged* (1889) — *g'oug*, *roud*, *vouged* (1932, 1943), Naž *håugid, våuktou* (1889), на Ояти (Ladv) *kåuh* ‘ковш’ (1889). Однако к 1930-м годам в большинстве оятских говоров (Ladv, Jä, Pec, Vil, Kar, En) устойчиво фиксируется *ou*: *joug* ‘нога’, *houmeh* ‘плесень’, *houg* ‘щука’, *g'ouh* ‘мука’, *loudad* ‘доски’. Неким островком на этом фоне выглядит говор Чикозера (Čik), сохраняющий *au*: *raudaižed* ‘ножницы’, *vauged* ~ *våuged* ‘белый’. В южных средневепсских говорах верхней Капши в середине XX века сосуществовали оба варианта — Krb, Noid: *hougou* ‘дровами’, *pouk* ‘плата’, *voumiž* ‘готовый’; Noid, Čid: *jaugad, vaumiž* [Tunkelo 1946: 608–609]. Нойдальский говор остается на позиции *au* и сегодня. Дифтонг *au* сохранился и на восточной окраине средневепсского диалекта, в белозерских говорах Kj и Pnd. В целом по средневепсскому диалекту можно констатировать, что западные говоры верхней Ояти, видимо, явились неким инновационным центром лабиализации, которая на окраинах ареала выражена менее последовательно.

Позднюю хронологию процесса лабиализации дифтонга *au* > *ou* демонстрируют и исторические топонимические данные. К примеру, список топонимов д. Каргиничи 1876 года содержит такие названия, как Савиг**а**л**l**есо (где, собственно, еще сохраняется исторический *l* в слове *h**a**l**l**meh* ‘подсечное поле, пашня’), Канзаг**а**у**u**ме (*Kanzah**a**u**u**meh), Савиг**а**у**u**ды (*Savih**a**u**u**dad), которое зафиксировано в 1980-е годы как Savih**ou**dad.

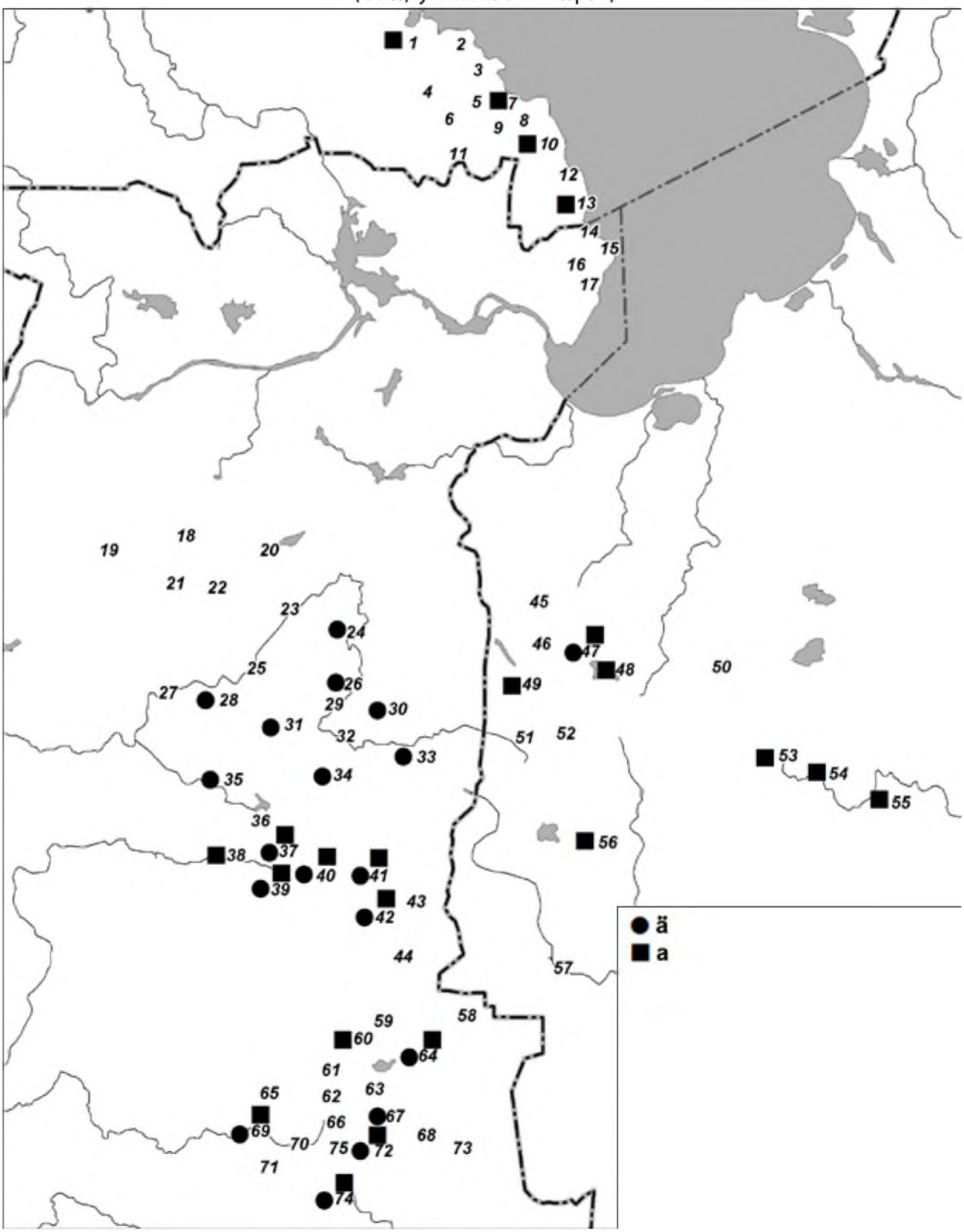
Своя фонетическая ситуация существует в южновепсском языковом ареале, где в современных говорах дифтонг *au* последовательно преобразовался в долгий гласный *aa*. Возможно, и стабилизация облика дифтонга *au* в сопредельных южных средневепсских говорах связана как раз с сильной позицией *a* в историческом (для южновепсских говоров) дифтонге *au* на смежной южновепсской территории. Явление *au* > *aa* протекало в общем русле монофтонгизации дифтонгов с конечным *-u* и *-ü* в южновепсском диалекте, при этом относительно поздно. В южновепсских материалах Л. Кеттунена начала XX века еще последовательно представлен дифтонг *au*: *vauged* ‘белый’, *vaumiž* ‘готовый’, *haugōta* ‘колоть’(Ars), *saub* ‘крышка’, *haumez* (Čai ‘подсечное поле, пашня’) и др., при том что в оятских говорах столь же последовательно выступает *ou* [VVS]. Видимо, начальный этап процесса южновепсской монофтонгизации отражен Э.Н. Сетяля [1916] в виде $\bar{a}^u$ (*vaad* < $v\bar{a}^ud$ < **valta* ‘власть’). Э.А. Тункело отметил процесс монофтонгизации у молодого поколения в северных южновепсских центрах Прокушево (Šid), Чайгино (Čai) и Маслово (Mas), протекавший в предвоенное время [Tunkelo 1946: 618–619].

Очевидно, еще в конце XIX века дифтонг *au* господствовал на всей вепсской территории, современная ареальная дистрибуция развилась на протяжении XX века. Рудименты *au* сохранились в территориально изолированных говорах на самом востоке вепсского языкового ареала в Пондале и Куе (но не в Войлахте!), на границе южно- и средневепсской территории в Нойдале. В 1960-е годы он бытовал в говоре Чикозера на северной окраине средневепсского ареала, теперь уже исчезнувшем. Центром инновации *au* > *ou* явились, очевидно, западные средневепсские говоры. Об этом свидетельствует и втягивание в этот процесс слова *tal'v* > *touv*, изначально в силу фонетического своеобразия в него не входившего.

И.И. Муллонен

9 (36). Обусловленность гласных второго слога *ä, a* гласными первого слога *i, e* (рефлексы гармонии гласных)

(на материале лексем: *igä ~ iga* ‘век’; *sil’mäd ~ sil’mad* ‘глаза’; *pit’käd ~ pit’kad* ‘длинные’, *pidän ~ pidan* ‘(я) держу’; *idäb ~ idab* ‘прорастает’; *midä ~ mid’a ~ mida* ‘что’; *liibän ~ leibän ~ leiban ~ liiban* ‘хлеб GenSing’; *veibä ~ vüibä ~ veiba ~ viiba* ‘(они) унесли’: 3PlmpPl)

Легенда карты

1) **ä** 2) **a**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **ä**: *ср* Vil, Mg, Jä, Ladv, Pec, Nem, En, Rih, Nür, Reb, Har, Kor, Noid, Šim // *южн* Ars, Sod, Mai, Mas, Krl

2) **a**: *сев* Š, Kl, Kas, Št // *ср* Nür, Reb, Har, Kor, Jog, Noid, Vl, Kj, Pnd, Vär, Päž, Šim, Pk // *южн* Ars, Sod, Mai, Šid, Mas

Цифровой индекс

1) **ä**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor; 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 64Sod, 67Krl, 69Mas, 72Mai, 74Ars.

2) **a**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid; 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — iga, sil'mad, piť kad, pidan, mida, hiinan, liiban, siinan; 2–6 — нет сведений; 7 — mida, iga, piť kad, sil'mad, pidan, siga; 8–9 — нет сведений; 10 — iga, sil'mad, piť kad, pidan, mida, hiinan, liiban, siinan; 11–12 — нет сведений; 13 — iga, sil'mad, piť kad, pidan, idab, mida, hiinan, liiban, siinan; 14–23 — нет сведений; 24 — igä, sil'mäd, midä, piť käd, pidän, idäb, hiinän, liibän, siinän, vüibä; 25 — нет сведений; 26 — igä, sil'mäd, piť käd, pidän, idäb, midä, hiinän, liibän, siinän, vüibä; 27 — нет сведений; 28 — igä, sil'mäd, piť käd, pidän, idäb, midä, hiinän, liibän, siinän, vüibä; 29 — нет сведений; 30–31 — igä, sil'mäd, piť käd, pidän, idäb, midä, hiinän, liibän, siinän, vüibä;– igä, sil'mäd, hiinän, liibän, siinän, vüibä, midä; 32 — нет сведений; 33 — igä, sil'mäd, piť käd, pidän, idäb, midä, hiinän, liibän, siinän, vüibä; 34 — sil'mäd, pidän, idäb, midä, hiinän, liibän, siinän; 35 — igä, sil'mäd, piť käd, pidän, idäb, midä, hiinän, siinän, liibän; 36 — нет сведений; 37 — pidän, id'äb; iga, sil'mad, piť kad, mida, hiinan, liiban, siinan; 38 — iga, piť kad, sil'mad, pidan, mida, hiinan, liiban, siinan, vüiba; 39 — pidän, idäb; iga, sil'mad, hiinan, liiban, siinan, mida, piť kad, vüiba; 40 — sil'mäd, pidän, hiinän, liibän, siinän, vüibä; iga, piť kad, mida; 41 — sil'mäd, pidän, idäb, viibä; iga, hiinan, liiban, siinan, piť kad, mida; 42 — pidän, idäb; iga, sil'mad, piť kad, mida, hiinan, liiban, siinan; 43–46 — нет сведений; 47 — iga, sil'mad, piť kad, pidan, idab, mida, hiinan, liiban, siinan; idäda [СВЯ: 145]; 48 — iga, piť kad, pidan, idab, mida, süumad, hiinan, liiban, siinan, veiba; 49 — iga, sil'mad, piť kad, pidan, mida, hiinan, liiban, siinan, vüiba; 50–52 — нет сведений; 53 — iga, mida, piť kad, pidan, idab, süumad, hiinan, liiban, siinan, viiba; 54 — iga, piť kad, pidan, idab, mida, süumad, hiinan, liiban, siinan, veiba; 55 — iga, piť kad, pidan, idab, mida, süumad, heinan, leiban, seinan, veiba; 56 — iga, sil'mad, piť kad, pidan, idab, mida, hiinan, liiban, siinan, vüiba; 57–59 — нет сведений; 60 — pid'an, iga, sil'mad, piť kad, idab, mida, heinan, leeban, seenan; 61–63 — нет сведений; 64 — pid'an, idäb, veibä; iga, sil'mad, piť kad, mida, heinan, leiban, seinan; 65–66 — нет сведений; 67 — pid'ada ‘держать’ [СВЯ: 412]; 68 — нет сведений; 69 — piť kad, sil'mad, leiban; heinän, seinän; 70–71 — нет сведений; 72 — heen'an, seen'an, pid'an, id'ab; iga, sil'mad, piť kad, mida, leeban, veiba; 73 — нет сведений; 74 — heinän, pidän, idäb; iga, sil'mad, piť kad, mida, l'eiban, s'einan, veiba; 75 — нет сведений.

Комментарий

Среди факторов, отчасти дифференцирующих вепсские диалекты — представительство в словах гласных переднего ряда ***ä, ö, ü*** и гласных заднего ряда ***a, o, u***. В праприбалтийско-финском языке употребление этих звуков в словах подчинялось закону гармонии гласных. По мнению исследователей, «…это была не простая прогрессивная ассимиляция по переденерядности и заднерядности…» [Основы 1974: 165]. Для гармонии гласных нужно было, чтобы в языке наличествовали парные гласные (***a — ä; o — ö, u — ü***), употребление которых в слове регламентировалось качеством гласного первого слога. Однако в языках имелись еще гласные ***e*** и ***i***, которые не обладали парами, поэтому предпочтительнее говорить не о полной гармонии гласных, а о комбинировании гласных в словах. Финский фонетист К. Вийк на основании проведенных им в ряде языков исследований, предложил характеризовать гармонию гласных как «интервокальную ассимиляцию» [Wiik 1988: 11–22; Wiik 1989: 28].

Большинство исследователей склонно признавать былое существование гармонии гласных в языке вепсов. Что касается возраста гармонии гласных в нем, то единства мнений здесь нет. Известный финский исследователь вепсского языка Л. Пости [Posti 1935: 73–89] полагал, что это явление в вепсском языке унаследовано из праязыка. По мнению же другого знатока и исследователя языка вепсов Л. Кеттунена, гармония гласных была привнесена в него различного рода западными передвижениями родственных народов или их групп, в которых он видел представителей восточных групп води [Kettunen 1935: 231–236]. При этом Кеттунен полагал, что явление гармонии гласных в вепсском языке в последние столетия не ослабело, а — напротив — в результате данного влияния укрепилось. Он не склонен был преувеличивать роль русского воздействия на вепсский язык, которым, например, Л. Пости объясняет истоки ослабления или даже исчезновения гармонии гласных в языке вепсов. Подчеркнем, что именно в северновепсском диалекте и тесно связанных с ним по многим позициям восточных говорах средневепсского диалекта, т. е. в говорах, которые находятся на восточной, географически противоположной от предполагаемого Л. Кеттуненом направления внедрения водского влияния, окраине вепсского языкового ареала следов гармонии гласных практически не наблюдается. Это ареальное обстоятельство, казалось бы, поддерживает гипотезу Л. Кеттунена. Тем не менее в русле общей тенденции развития вепсской фонетики сомнительно, чтобы гармония гласных со временем могла укрепляться и становиться сильнее. Скорее всего, следует согласиться с исследователями, считающими гармонию гласных в вепсском языке остатком древней прибалтийско-финской фонетической системы [Wiik 1989: 105–106], которая постепенно ослабевает.

К. Вийк, анализируя рефлексы гармонии гласных в вепсском языке, считает, что побудительный мотив ее ослабления или — в ряде говоров — полного исчезновения кроется в утрате гласным первого слога (своеобразным «*ассимилятором*») функции воздействия на выбор последующих гласных звуков слова. В результате, по его мнению, происходит также изменение звукового строя и постепенный переход вепсского языка из группы языков «гласного типа» (*vokaalikielet*), обладающих гармонией гласных в полном объеме, в группу языков «согласного типа» (*konsonanttikielet*), в которых гласные переднего ряда перестают, как правило, употребляться дальше первого слога. Согласная система последних характеризуется мощным стремлением к смягчению согласных звуков, компенсируя сужение употребления гласных переднего ряда.

В настоящее время переднерядные гласные в языке вепсов употребляются ограниченно и чаще всего не выступают далее второго или даже первого слога. Тем не менее они существуют в вепсском языке и сейчас, а в отдельных случаях могут маркировать диалектные ареалы.

В вопроснике ЛАВЯ был предусмотрен ряд вопросов, направленных на выявление следов или остатков гармонии гласных, т. е. на употребление переднерядных гласных дальше первого слога. Эта серия включала в себя восемь вопросов (36–44). Не весь материал нагляден и позволил построить лингвистические карты. Для атласа отобраны лишь две позиции, убедительные для использования их при построении лингвистических карт.

Карта 9 демонстрирует полное сохранение ***ä*** во всех выясняемых случаях второго слога в западном *средневепсском* ареале: *pidän, idäb, midä, hiinän, liibän, siinän, vüibä* (Vil, Mg, Jä, Ladv, Pec, Nem, En, Rih (*igä, sil'mäd, pit'käd*).

В части говоров на южной окраине средневепсского ареала во втором слоге отмечается двойственность: т. е. в ряде слов сохраняется ***ä***, а в ряде слов ***ä*** > ***a***: *pidän, idäb* — но *iga, sil'mad, pit'kad, mida, hiinan, liiban, siinan* (Nür, Reb, Har, Kor, Noid).

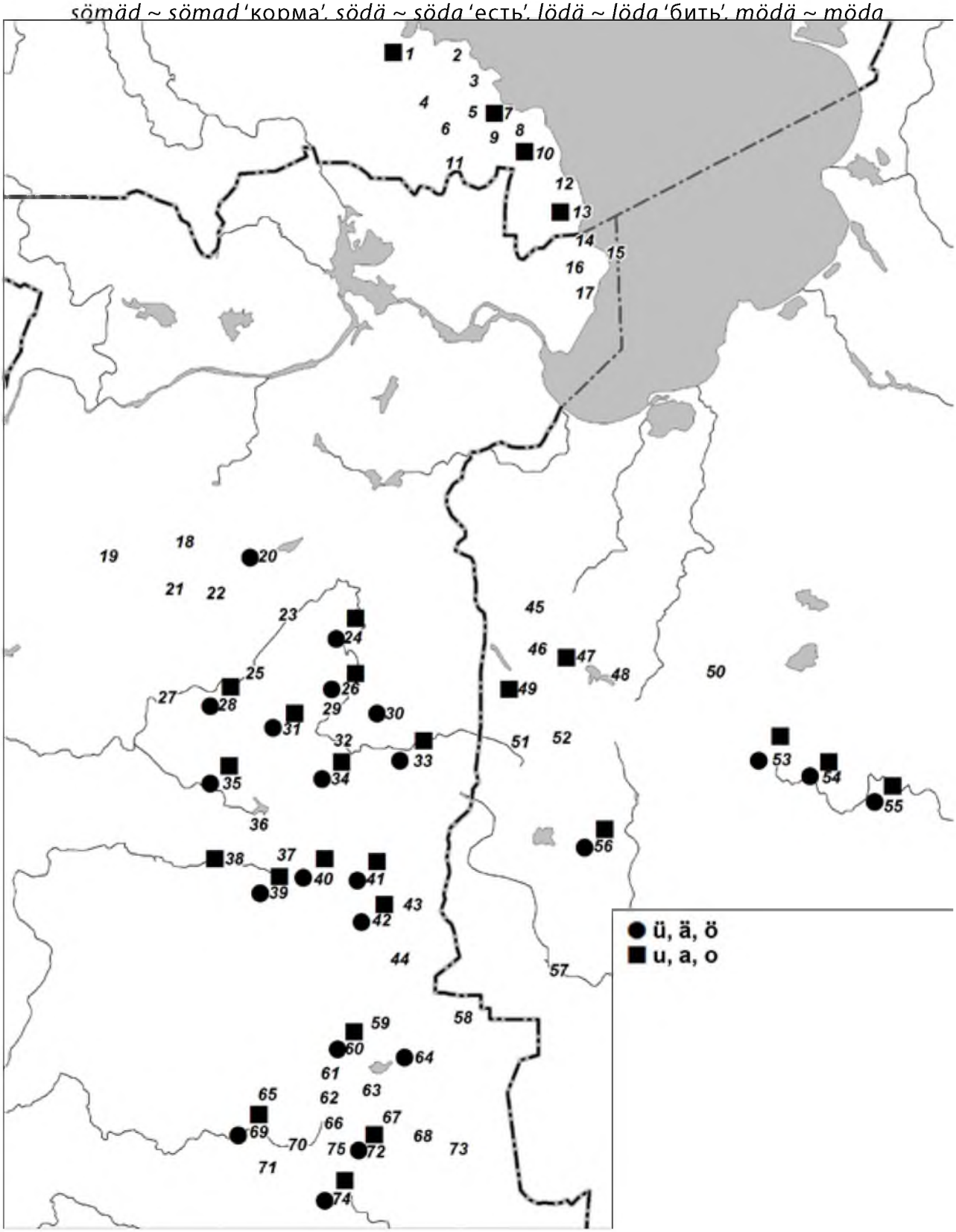
Из наблюдений К. Вийка [Wiik 1989: 48] следует, что наиболее последовательными в отношении представительства переднерядных гласных дальше первого слога и, таким образом, остатков гармонии гласных, выступают средневепсские западные говоры, сконцентрированные вокруг п. Вонозера (En). Материалы ЛАВЯ подтверждают, что именно этот регион прочно сохраняет в двусложных словах переднерядные гласные далее первого слога.

Что касается южновепсского диалекта, считающегося наиболее архаичным, то собранный материал показал, что бытование переднерядных гласных звуков в двусложных словах в случае, когда в первом слоге выступают гласные ***-e-***, ***-i-***, представлено в нем не одинаково. В некоторых говорах их употребление сильно ослабело, но тем не менее в ряде случаев в согласных звуках, предшествующих былому переднерядному гласному звуку, остается *мягкость*, как следствие прежнего переднерядного гласного, например: Боброзеро (Mai) — *heen'an, seen'an, pid'an, id'ab*, других — переднерядные гласные (Радогощь (Ars) — *heinän, pidän, idäb*).

Н. Г. Зайцева

10 (40). Обусловленность гласных второго слога гласными первого слога *ü, ä, ö* (рефлексы гармонии гласных)

(на материале лексем: *hüvüz' ~ hüvuz'* 'доброта', *sügüz' ~ süguz'* 'осень', *lühüd ~ lühud* 'короткий', *tähkäd ~ tähkad* 'колосья', *lämäd ~ lämad* 'теплые', *vähä ~ väha* 'мало',
sömäd ~ sömad 'корма', *södä ~ söda* 'есть', *lödä ~ löda* 'бить', *mödä ~ möda*

Легенда карты

1) **ü, ä, ö** 2) **u, a, o**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **ü, ä, ö**: *ср* En, Rih, Ladv, Mg, Nem, Jä, Vil, Pec, Čik, Reb, Noid, Nür, Har, Vl, Kj, Pnd, Päž // *южн* Mai, Mas, Šid, Ars, Sod

2) **u, a, o**: *сев* Kas, Kl, Št, Š // *ср* Ladv, Mg, Nem, Jä, Vil, Pec, Reb, En, Vär, Noid, Nür, Jog, Har, Šim, Vl, Kj, Pnd, Päž // *южн* Mai, Mas, Šid, Ars

Цифровой индекс

1) **ü, ä, ö**: 20Čik, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

2) **u, a, o**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — süguz', lühud, vävu, särban, tähkad, lämad, sömad, söda, löda, möda; 2–6 — нет сведений; 7 — süguz', lühud, vävu, särban, tähkad, lämad, sömad, väha, söda, löda, möda; 8–9 — нет материала; 10 — süguz', lühud, vävu ~ väu, särban, lämad, väha, sömad, söda, löda, möda, hivuz'; 11–12 — нет сведений; 13 — süguz', lühud, vävu, särban, lämad, väha, sömad, söda, löda, möda, hivuz'; 14–19 — нет сведений; 20 — mängät [NÄKM: 562] '(вы) идите'; 21–23 — нет сведений; 24 — hüvüz', sügüz', lühüd, tähkäd, lämäd, vähä, sömäd, vävu, särban, söda, löda, möda; 25 — нет сведений; 26 — hüvüz', sügüz', särbän, tähkäd, lämmäd, vähä, sömäd, lühud, vävu, söda, löda, möda; 27 — нет материала; 28 — hüvüz', vävü, särbän, tähkäd, lämbäd, vähä, sömäd, söda, löda, möda, sigüz'; 29 — нет материала; 30 — hüvüz', sügüz', lühüd, särbän, tähkäd, lämmäd, vähä; 31 — hüvüz', sügüz', lühüd, särbän, lämbäd, sömäd, vävu, tähkad, söda, löda, möda; 32 — нет сведений; 33 — hüvüz', sügüz', lühüd, vävü, särbän, tähkäd, lämmäd, vähä, sömäd, söda, löda, möda; 34 — süguz', lühud, vävu, särbän, tähkad, lämmäd, vähä, sömäd, söda, löda, meda, hivuz'; 35 — sügüz', lühüd, vävü, särbän, lämmäd, vähä, sömäd; hivüz', tähkad, söda, leda, möda; 36 — нет сведений; 37 — süguz, lühud, vävu, särban, tähkad, lämad, väha, sömad, söda, löda, möda; 38 — vähä, lämäd, süguz', lühud, vävu, särban, tähkad, sömad, söda, löda, möda; 39 — särbän, lämäd, vähä, sömäd, södä, mödä, löda, süguz, lühud, vävu; 40 — hüvüz', süguz', särbän, tähkäd, lämmäd, vähä, sömäd, lühud, vävu, söda, löda, möda; 41 — särbän, lämäd, vähä, sömäd, tähkad, vävu, söda, lödamöda, hivuz, siguz', lihid; 42 — särbän, lämäd, vähä, sömäd, södä, mödä, süguz, lühud, vävu, tähka; 43–46 — нет сведений; 47 — süguz', väu; 48 — нет сведений; 49 — hüvuz', süguz', lühud, vävu, särbab, tähkad, lämmad, väha, sömad, söda, löda, möda; 50–52 — нет сведений; 53 — lämäd, vähä, sömäd, vä¸ü, hüvuz', süguz', lühud, särban, tähkad, söda, löda, möda; 54 — vähä, sömäd, hüvuz', süguz', lühud, särban, tähkad, lämäd, söda, löda, möda; 55 — hüvüz', sügüz', lühüd, vä¸ü, lämäd, vähä, sömäd, söda, löda, särban; 56 — lämäd, vähä, süguz', lühud, vävu, särban, sömad, söda, löda, möda; 57–59 — нет сведений; 60 — vähä, sedä, medä, särbän, vävu, sigiz,lihid; 61–63 — нет сведений; 64 — särbän, tähkäd, lämäd, vähä, sedä, ledä, medä, sigiz, lihid; 65–68 — нет сведений; 69 — särbän, vähä, sigiz, lihid, vävu, s'eda, m'eda, löda; 70–71 — нет сведений; 72 — särbän, tähkäd, lämäd, vähä, seedä, leedä, meedä, hivuz, sigiz, lihid; 73 — нет сведений; 74 — tähkäd, lämäd, vähä, vävu, särban, seda, meda, sigiz, lihid; 75 — нет сведений.

Комментарий

Карта 10 демонстрирует влияние переднерядных гласных первого слога ***ü, ä, ö*** на качество гласных второго слога. Как показал анализ, при звуке ***ä*** в первом слоге переднерядность гласного второго слога встречается значительно чаще, чем при других переднерядных звуках. Не достаточно показательными оказались случаи с переднерядными ***ü*** и ***ö*** в первом слоге. Что касается ***ü***, то в значительном количестве говоров (и средневепсский западный, и северновепсский ареал) произошло сужение этого звука и переход его в ***i***: *sigiz* 'осень' (ср. *sügüz'*), *lihid* 'короткий' (ср. *lühüd*), что смазало общую картину. Конечно, ***i*** также входит в группу гласных переднего ряда, и переход ***ü*** в ***i*** в принципе не нарушил пра-

вило сочетаемости звуков, которым характеризуется гармония гласных, тем не менее он существенно изменил это правило*.

В качестве примеров, демонстрирующих ***ö***, были привлечены также глаголы *söda* ‘есть’, *löda* ‘бить’, *möda* ‘продавать’. За редкими исключениями в двусложных словах с гласным ***ö*** в первом слоге гласные переднего ряда далее первого слога практически не употребляются. И в целом сам переднерядный ***ö*** редко встречается в языке вепсов. В опросных же случаях можно полагать, что несохранению во втором слоге переднерядных гласных в значительной степени способствовал суффикс инфинитива ***-da***, который законсервировался в вепсском языке в заднерядном варианте (вопросы включали в себя в этом случае именно формы инфинитива). Лишь в южновепсских говорах Боброзеро (Mai) и Радогощь (Ars) в первом слоге вместо ***ö*** выступают долгий ***ee*** или краткий ***e*** (*seedä/sedä* и т. д.), которые мы отнесли к рефлексам древнего ***ö***, а глаголы с ***ee*** ~ ***e*** представили на лингвистической карте в качестве сохранивших гармонию гласных. К сожалению, выбор для картографирования форм I инфинитива оказался не вполне корректным решением. В целом же утверждение об ограниченном употреблении переднерядного ***ö*** дальше первого слога слова, замещением его гласными ***o, u*** высказывалось и другими исследователями (*törz**o**tada* ‘надуть губы’, *öh**u**sai* ‘до ночи’ [см.: Tunkelo 1946: 716–718]).

Любопытно, что в вепсском языке есть отдельные случаи сохранения переднерядных гласных и дальше второго слога. По нашим наблюдениям, данное явление больше всего характерно для форм иллатива или иных слов, где в третьем слоге выступает согласный ***h***: *süvähä* ‘в глубокий’, *külähä* ‘в деревню’, *ülähän* ‘высоко’. Очевидно, былая переднерядность гласных звуков содействовала смягчению согласного ***h***, который, в свою очередь, способствовал сохранению переднерядных звуков. В целом исследователи полагают, что употреблению переднерядных гласных дальше первого слога помогла сохраниться именно ранняя палатализация согласных звуков, особенно в тех случаях, где палатализованный согласный следовал за переднерядным гласным звуком, способствуя его сохранению (напр.: *hüppäs’t’* ‘прыгнул’ [Wiik 1989: 90]).

Вариации подобного типа с переднерядным или заднерядным гласным во втором слоге двусложных основ важны не только с точки зрения фонетики и формирования диалектных ареалов — они имеют выход в орфографию некоторых грамматических форм младописьменного вепсского языка. В вепсском языке, так же как и в иных прибалтийско-финских языках, качество гласного звука было важным особенно для двусложных основ на ***-a-, -ä-***, поскольку от этого зависело, как поведет себя конечный звук основы при присоединении к нему показателя мн. числа ***-i-*** или показателя имперфекта ***-i-***: ***-ä-*** в этих случаях всегда выпадает, ***-a-*** же выпадает лишь тогда, когда в первом слоге выступают гласные ***-o-*** или ***-u-*** (напр., вепс. *kova* ‘твердый’ ~ *kovid*; *soba* ‘одежда’ ~ *sobid* (PartPl); *krongab* ‘(он) каркает’ ~ *krongi* (3PImpSing), *mujab* ‘(он) пробует’ ~ *muji* (3PImpSing). В остальных случаях ***i*** воздействовал таким образом, что при его присоединении ***a > o*** (напр., *sima* ‘леска’ ~ *simo**i**d* (PartPl); *kana* ‘курица’ ~ *kano**i**d* (PartPl); *valab* ’(он) наливает’ ~ *valo**i*** (3PImpSing); *katab* ‘(он) укроет’ ~ *kato**i*** (3PImpSing).

После утраты гармонии гласных в говорах вепсского языка возникла большая группа словоизменительных основ на ***-a-***, у которых в этом ***-a-*** исторически совпали ***-a-*** и ***-ä-***. Однако, при словоизменении лексемы ведут себя за редкими исключениями таким образом, как будто в них до сих пор употребляется переднерядный ***-ä-***, сохраняя о нем своеобразную «генетическую память», например: *leib* (*liib*) ‘хлеб’ ~ *leib**a**n* (GenSing), но — *leib**i**d* (PartPl); *sein* (*siin*) ‘стена’ ~ *seinan* (GenSing), но — *seinid* (PartPl); *tedab* ‘(он) знает’, но — *tezi* (3PImpSing).

Данное явление оказалось важным при построении правил орфографии в современный период создания вепсского младописьменного языка. Чтобы не было путаницы, при написании для младописьменного языка в качества литературной нормы была избрана форма средневепсского диалекта, где во втором слоге в подобных словах чаще всего выступает именно переднерядный ***-ä-***. В этом случае правило отпадения ***-ä-*** при присоединении показателя мн. числа ***-i-*** или имперфекта ***-i-*** работает и не вызывает сложностей при образовании соответствующих форм, например, *hein* ‘сено’: *hein**ä**-n* ~ *hein-**i**-d*; *pidäda* ‘*держать*’: *pid**ä**n* ~ *pidin*. Таким образом, рефлексы древнего явления гармонии гласных в языке вепсов сказались и в его младописьменной норме.

Отметим, что рефлексы гармонии гласных, являющиеся древним прибалтийско-финским наследием, характеризуют наибольшим образом центральный ареал западных говоров средневепсского диалекта. Современные южновепсские говоры далеко не столь последовательны в ее проявлении, как это было в начале XX века, когда были изданы

* См. об этом карту 4 ЛАВЯ. В данном случае лексемы с *i* в первом слоге, возникшем из *ü*, отражены на карте в качестве продолжателей переднерядного *ü*. В списке картографируемого материала представлен звуковой облик каждого конкретного слова, которые были внесены в список для картографирования. Материал собран в полевых условиях или из опубликованных источников.

образцы речи названного диалекта Л. Кеттуненом [Kettunen 1920, 1925].

Весь северновепсский ареал с восточными говорами средневепсского диалекта демонстрирует в этом случае единство, характеризуясь полной утратой во втором слоге переднерядного ***ä*** и его переходом в ***a*** (*ig**a**, sil'm**a**d, pit'k**a**d, pid**a**n, mid**a**, hiin**a**n, liib**a**n, siin**a**n*). Это даже несколько неожиданно для северновепсского диалекта, испытавшего во многом воздействие карельского языка, наречия которого, как известно, сохранили гармонию гласных в полном объеме.

Кроме того, в вопроснике атласа был предусмотрен вопрос 17*, который был рассчитан на выявление употребления — неупотребления переднерядного гласного ***ä*** в первом слоге слов. Собранный материал свидетельствует, что большая часть говоров в первом слоге его сохранила. Однако в средневепсском восточном говоре п. Пяжозеро (Päž, Бабаевский р-н Вологодской обл.) существует устойчивая тенденция к замене переднерядного ***ä*** на ***e***: *h**e**ndikaz* ‘волк’ (ср. *h**ä**ndikaz*), *j**e**niš* ‘заяц’ (ср. *j**ä**niš, d**ä**niš, g**ä**niš*), *k**e**gi* ‘кукушка’ (ср. *k**ä**gi*), *m**e**nen* ‘(я) иду’ (ср. *m**ä**nen*). Иначе говоря, в ряде говоров проявляется тенденция к неупотреблению переднерядного ***ä*** даже в первом — ударном — слоге, где положение звуков более стабильное.

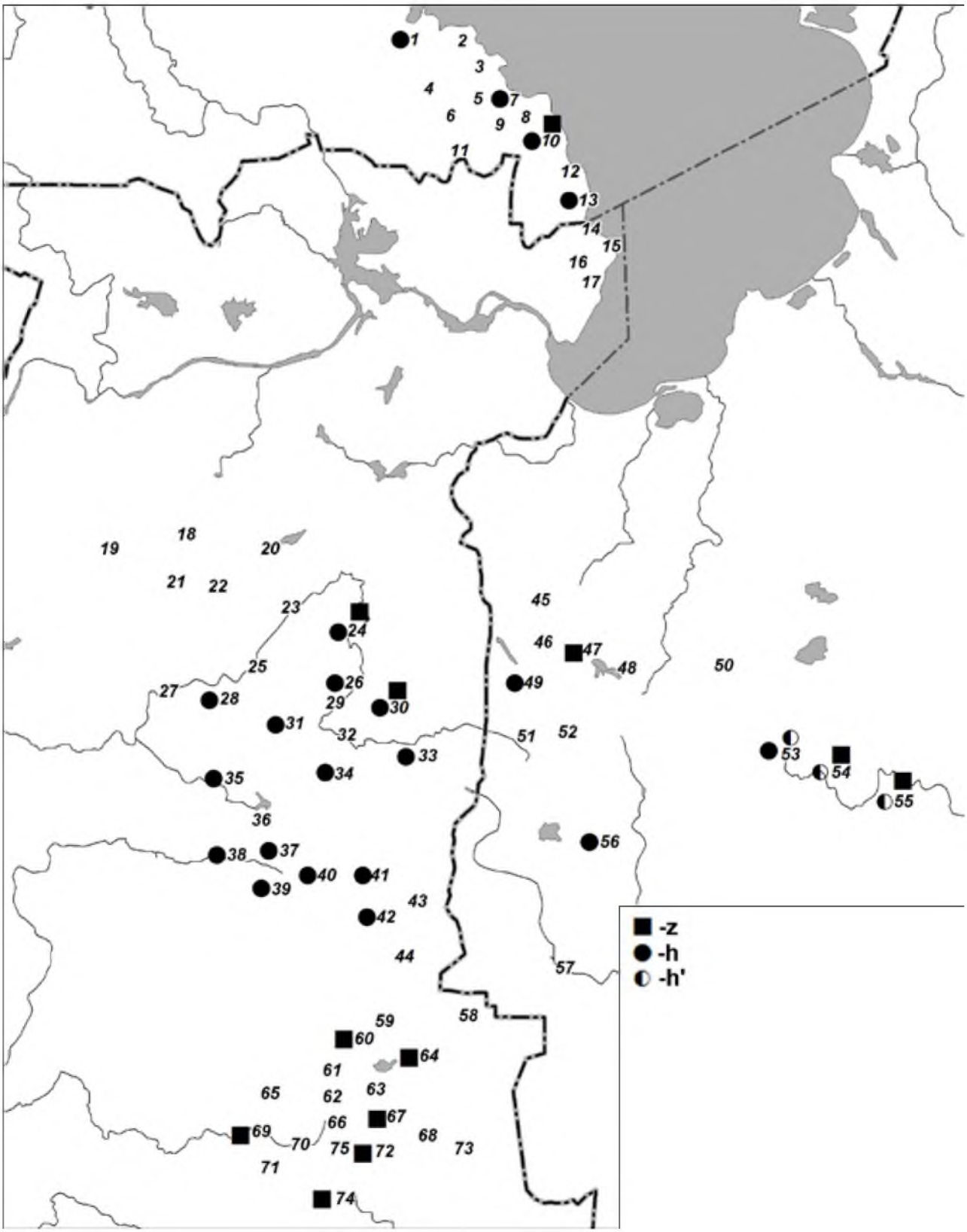
В результате следует констатировать, что лишь центральные говоры в западном средневепсском ареале, а также некоторые южновепсские можно считать наследниками древнего прибалтийско-финского явления гармонии гласных. Там она проявляется в определенной группе слов, чаще всего не далее второго слога, до сих пор фиксируя ареальные особенности вепсской речи.

Н.Г. Зайцева

* Данный вопрос не позволил собрать показательный материал, поскольку лишь в Пяжозере сложилась тенденция к переходу *ä* > *e*.

11 (61). Представленность конечных *-h ~ -z* в словах с основой на *-ehe-*

(на материале лексем: *hernez ~ herneh* ‘горох’, *venez ~ veneh* ‘лодка’, *vajez ~ vajeh* ‘слово’,
ägez ~ ägeh ‘борона’; *tinez ~ tineh* ‘беременная (о самке животного)’)

Легенда карты

1) **-h**
-h'

2) **-z(s)**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-h**: *сев* Š, Št, Kas, Kl // *ср* Nem, Pec, Ladv, Mg, Jä, Vil, Rih, Reb, En, Kor, Jog, Noid, Har, Nür, Vär, Pnd, Päž
-h': *ср* Pnd, Kj, Vl

2) **-z(s)**: *сев* Kl // *ср* Rih, Nem, Kj, Vl, Šim // *южн* Šid, Mai, Mas, Ars, Sod, Krl

Цифровой индекс

1) **-h**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem,26Jä,28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv,34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 56Päž
-h': 53Pnd, 54Kj, 55Vl

2) **-z(s)**: 10Kl, 24Nem, 30Rih, 47Šim,54Kj, 55Vl, 60Šid, 64Sod, 67Krl, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — herneh, veneh, tineh, ägeh; 2–6 — нет сведений; 7 — herneh, v'en'eh, tiineh, ägez; 8–9 — нет сведений; 10 — hernez, veneh, ägeh; 11–12 — нет сведений; 13 — herneh, veneh, tineh, ägeh; 14–23 — нет сведений; 24 — herneh, veneh, tineh, vajeh, ägeh ~ ägez; 25 — нет сведений; 26 — herneh, veneh, tineh, vajeh, ägeh; 27– нет сведений; 28 — herneh, veneh, tineh, vajeh, ägeh; 29 — нет сведений; 30 — herneh, veneh,tineh, vajeh, ägez; 31 — herneh, veneh, tineh, vajeh, ägeh; 32 — нет сведений; 33 — herneh, veneh, tineh, vajeh, ägeh; 34 — herneh, veneh, tineh, vajeh, ägeh; 35 — herneh, veneh, tineh, vajeh, ägeh; 36 — нет сведений; 37 — herneh, veneh, tin'eh, vajeh, ägeh; 38–41 — herneh, veneh, tineh, vajeh, ägeh; 42 — herneh, veneh, tin'eh, vajeh, ägeh; 43–46 — нет сведений; 47 — äges [СВЯ: 656]; 48 — нет сведений; 49 — herneh, veneh, tineh, vajeh, ägeh; 50–52 — нет сведений; 53 — hernoh, vajeh, veneh', tineh', ägeh'; 54–55 — hernoz, ven'eh', vajeh', ägeh'; 56 — herneh, veneh, tineh, vajeh, ägeh; 57–59 — нет сведений; 60 — hernez, venez, vajez, ägez; 61–63 — нет сведений; 64 — hernez, venez, vajez, ägez; 65–66 — нет сведений; 67 — hernez [СВЯ: 117]; 68 — нет сведений; 69 — hernez, venez, vajez; 70–71 — нет сведений; 72 — hernez, venez, vajez, ägez; 73 — нет сведений; 74 — hernez, venez, vajez, ägez; 75 — нет сведений.

Комментарий

В прибалтийско-финских языках существовала группа двухосновных имен с конечным ***-h*** в исходе слова. В подобных именах гласная основа в настоящее время имеет в завершении в зависимости от принадлежности к прибалтийско-финскому языку ***-(e)he-*** (напр., вепс., кар.) или долгий ***-ee-*** (напр., фин., где долгий гласный возник в результате выпадения ***-h-*** с последующим стяжением звуков: ***-ehe-*** > ***-ee***). На почве же вепсского языка в этом случае наблюдается следующее явление: *vene**h*** 'лодка' — *venehe* ~ *venhe-* (ср. фин. *vene*: *venee-* < **venehe*).

Значительная часть подобного типа лексем являются индоевропейскими заимствованиями разного времени, в которых, как и в исконных словах, спирант ***-h-*** развился еще в прибалтийско-финском праязыке из исторического ****s*** или ****š*** [Хакулинен 1953: 53].

В представлении названного явления в говорах вепсского языка присутствует двойственность, которая определенным образом характеризует диалекты. Северновепсским и средневепсским говорам свойственны в этом случае формы лексем с ***-h*** в исходе слова: *vene**h*** 'лодка', *herne**h*** 'горох', *tine**h*** 'беременная (о животном)', *äge**h*** 'борона'. В южновепсском ареале представлены лексемы с ***-z(s)*** в исходе слова: *venez, hernez, tinez, ägez*. Из восточных средневепсских говоров к ним примкнул говор п. Войлахта (Vl), где зафиксирована одна подобная лексема *hernoz* 'горох', которая по каким-то причинам законсервировалась в говоре именно в этой форме. Конечный *z* представлен спорадически и в ряде говоров северновепсского и средневепсского диалекта в слове *ägez* 'борона' (Št, Nem, Rih).

При этом, по мнению исследователей исторической фонетики прибалтийско-финских языков, согласный *-z* в данном случае не является не-

посредственным продолжением исторического ***s***, а возник вторично, очевидно, в результате развития по аналогии со словами типа *kirve**z*** ‘топор’ ~ *kirvhen* [Tunkelo 1946: 295; Rapola 1966: 322–323].

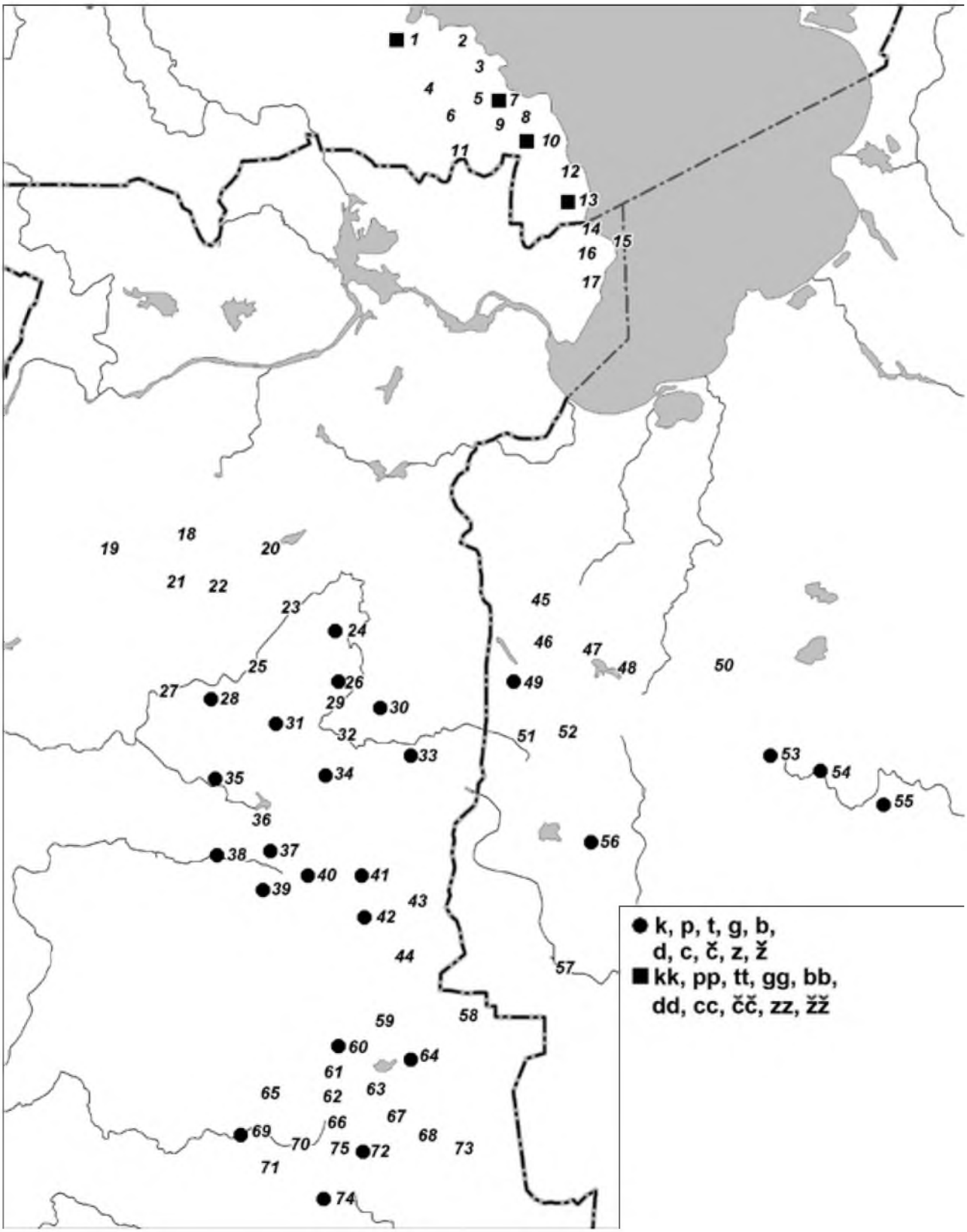
Можно предположить, что факт восстановления ***z*** в словах упомянутого типа начался еще в древневепсское время, поскольку его рефлексы встречаются редкими островками во всех диалектах, однако не успел завершиться в полном объеме, застыв в диалектах лишь в отдельных словах.

Особенностью восточновепсских говоров является палатализация финального ***h’***: *vene**h’**, tine**h’**, äge**h’***. Это явление в большей степени свойственно словам с переднерядным вокализмом, что в целом укладывается в тенденцию смягчения ***-h***, проявляющуюся и в иных ситуациях, к примеру, в случаях, когда ***h*** следует за переднерядным ***i***, например: *lihä* < *lih’a* < *liha* ‘мясо’ [Wiik 1989: 37].

И. И. Муллонен

12 (63). Рефлексы геминации согласных в форме третьего лица единственного числа презенса индикатива

(на материале глаголов: *rikta* ‘убивать’; *tehta* ‘делать’; *čapta* ‘резать’; *libuda* ‘подниматься’; *katta*: ‘накрывать’; rata ‘работать’; *kacta* ‘смотреть’; *ličta* ‘запихивать’; *küzuda* ‘спрашивать’; *läžuda* ‘лежать’)

Легенда карты

1) **k, p, t, g, b, d, c, č, z, ž**

2) **kk, pp, tt, gg, bb, dd, cc, čč, zz, žž**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **k, p, t, g, b, d, c, č, z, ž**: *ср* Pec, Ladv, Mg, Jä, Vil, Nem, Rih, En, Kor, Jog, Reb, Noid, Har, Nür, Vär, Päž, Pnd, Kj, Vl // *южн* Šid, Sod, Mai, Mas, Ars,

2) **kk, pp, tt, gg, bb, dd, cc, čč, zz, žž**: *сев* Š, Kas, Št, Kl

Цифровой индекс

1) **k, p, t, g, b, d, c, č, z, ž**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

2) **kk, pp, tt, gg, bb, dd, cc, čč, zz, žž**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas

Список картографируемого материала

1 — rikkob, teggob, čappab, l'ubbub, kattab, raddab, kaccub, liččob, küzzub, läžžub; 2–6 — нет сведений; 7 — rikkob, teggob, čappab, l'ubbub, kattab, raddab, kaccub, liččob, küzzub, läžžub; 8–9 — нет сведений; 10 — rikkob, teggob, čappab, l'ubbub, kattab, raddab, kaccub, liččob, küzzub, läžžub; 11–12 — нет сведений; 13 — rikkob, teggob, čappab, kattab, raddab, kaccub, liččob, küzzub, läžžub; l'ubbub ~ l'ubub; 14–23 — нет сведений; 24 — rikob, tegeb, čapab, libub, katab, radab, kacub, ličob, küzub, läžub; 25 — нет сведений; 26 — rikob, tegeb, čapab, libub, katab, radab, kacub, ličob, küzub, läžub; 27 — нет сведений; 28 — rikob, tegeb, čapab, libub, katab, radab, kacub, ličob, kizub, läžub; 29 — нет сведений; 30–31 — rikob, tegeb, čapab, libub, katab, radab, kacub, ličob, küzub, läžub; 32 — нет сведений; 33–35 — rikob, tegeb, čapab, libub, katab, radab, kacub, ličob, küzub, läžub; 36 — нет сведений; 37 — rikob, tegeb, čapab, libub, katab, radab, kacub, kizub, läžub; 38 — rikob, tegeb, čapab, libub, katab, radab, kacub, ličeb, küzub, läžub; 39 — rikob, tegeb, čapab, libub, radab, kacub, kizub, läžub; 40–41 — rikob, tegeb, čapab, libub, katab, radab, kacub, ličob, küzub, läžub; 42 — rikob, tegeb, čapab, libub, radab, kacub, kizub, läžub; 43–48 — нет сведений; 49 — rikob, tegeb, čapab, libub, katab, radab, kacub, ličeb, küzub, läžub; 50–52 — нет сведений; 53–55 — rikob, tegeb, čapab, libub, katab, radab, kacub, ličeb, küzub, läžub; 56 — rikob, tegeb, čapab, libub, katab, radab, kacub, ličob, küzub, läžub; 57–59 — нет сведений; 60 — rikob, čapab, radab; 61–63 — нет сведений; 64 — rikob, tegeb, čapab, libub, katab, radab, kizub, läžub; 65–68 — нет сведений; 69 — rikob, tegeb, čapab; 70–71 — нет сведений; 72 — rikob, tegob, čapab, libub, katab, radab, kacub, kizįb, läžub; 73 — нет сведений; 74 — rikob; 75 — нет сведений.

Комментарий

Явления различных чередований согласных звуков, их качественные и количественные изменения в зависимости от положения в форме слова связаны во многом с законом чередования ступеней согласных. В данном случае внимание сосредоточено на удвоении смычных согласных звуков, хотя в целом альтернация согласных охватывает значительно более широкий круг явлений.

Чередованию ступеней согласных одни лингвисты приписывают исключительно древний возраст, полагая, что оно возникло в период финно-угорского языка-основы. Приверженцем этой точки зрения следует назвать исследователя исторической фонетики прибалтийско-финских языков Э.Н. Сетяля [Setälä 1899; см. также: Основы 1974: 133–135]. Однако в большинстве финно-угорских языков отсутствуют следы чередования ступеней согласных, и трудно предположить, что оно в них было.

Позднее была сформулирована точка зрения о прибалтийско-финском возрасте данного явления (см. полемику по проблеме в ее современном изложении [Новак 2014: 24–50]), хотя отсутствие чередования ступеней согласных в ливском и вепсском языках оставалось вопросом. Исследователь исторической фонетики вепсского языка Э.А. Тункело [Tunkelo 1938] полагал, что на вепсской альтернации могло сказаться влияние фонетической системы древнерусского языка, которая выровняла внутренние процессы, происходившие в истории вепсского языка. Возможно, в вепсском языке,

находившемся на периферии прибалтийско-финского ареала, полная система чередования ступеней согласных и не сложилась, а имелись лишь некие намеки на указанное явление, в том числе и чередование смычных согласных, которое впоследствии, как полагают некоторые исследователи, «сгладилось» [Lehtinen 1990: 72].

В использовании удвоенных согласных в северновепсском диалекте обнаруживается и «карельский след». По мнению Э. А. Тункело, прибалтийско-финское чередование ступеней согласных было утрачено вепсским еще на уровне праязыкового развития, сохранившись в северновепсском в геминации согласных звуков в основе третьего лица ед. числа презенса, «в результате длительных контактов с людиковскими диалектами и карельским языком» [Tunkelo 1946: 148–149].

Отметим, что удвоенных согласных в вепсском языке довольно много. Э. А. Тункело приводит значительное количество примеров из вепсских ареалов типа *ukk* ‘старик’, *akk* ‘женщина’ (ср. фин. *ukko, akka*), *dät't'* ‘оставил’, *ot't'* ‘взял’ (ср. фин. *jätti, otti*), *näppida* ‘щипать’, *hüppida* ‘прыгать’, *rippuda* ‘висеть’ и т. д. [Tunkelo 1946: 145–149, 158–163].

Примеры подобного типа, кроме того, были зафиксированы ранее в говоре исаевских вепсов, которые ныне уже ассимилировались и о которых писал в свое время Х. Басильер [Basilier 1890: 73]. В форме третьего лица ед. числа индикатива здесь тоже удваивались взрывные согласные ***k, t, p*** (напр.: *no nušna o**tt**ab bohatal velgel* ‘ну, берет бедный брат у богатого’ [Basilier 1890: 77]). Данный факт свидетельствует, что удвоенных согласных было ранее значительно больше, нежели сейчас.

В настоящее время удвоение согласных характерно для северновепсского диалекта, где оно проявляется в ряде двусложных глаголов, имеющих в своем составе перед конечным гласным основы смычные согласные ***k, g, t, d, p,b***, например: *sko**kk**ib* ‘прыгает’, *te**gg**ob* ‘делает’, *nä**gg**ob* ‘видит’, *lu**gg**ob* ‘читает’, *ka**tt**ab* ‘укрывает’, *o**tt**ab* ‘берет’, *ka**dd**ob* ‘теряется’, *hü**pp**ib* ‘прыгает’, *so**bb**ib* ‘одевает’, *lü**bb**ub* ‘поднимается’ и т. д. И хотя никаких условий (имеется в виду открытость слога) для наличия явления в вепсском языке уже нет, поскольку слог в форме третьего лица ед. числа закрытый, все-таки удвоение согласных существует, противопоставляя основу формы третьего лица основам первого и второго лица: *mina lu**g**en* ‘я читаю’, *sina lu**g**ed* ‘ты читаешь’, но — *hän lu**gg**ob* ‘он читает’. Исторически форма третьего лица ед. числа презенса индикатива восходит к форме причастия, в которой слог был открытым (напр.: вепсское *kokkib* ‘клюет’ < **kokkißi* [Tunkelo 1946: 145]), поэтому здесь выступала сильная ступень, в том числе и удвоенные согласные. В карельском языке, для которого чередование ступеней согласных — типичное явление, в форме третьего лица ед. числа презенса всегда «…представлена сильная ступень согласных…» ([Зайков 2000: 103]; см. также, напр.: *lykkiy* [KKS 1983: 198] ‘бросает’; *moittiu* [KKS 1983:342] ‘ругает’; *kattau* [KKS 1974: 102] ‘накрывет, прячет’ и т. д.).

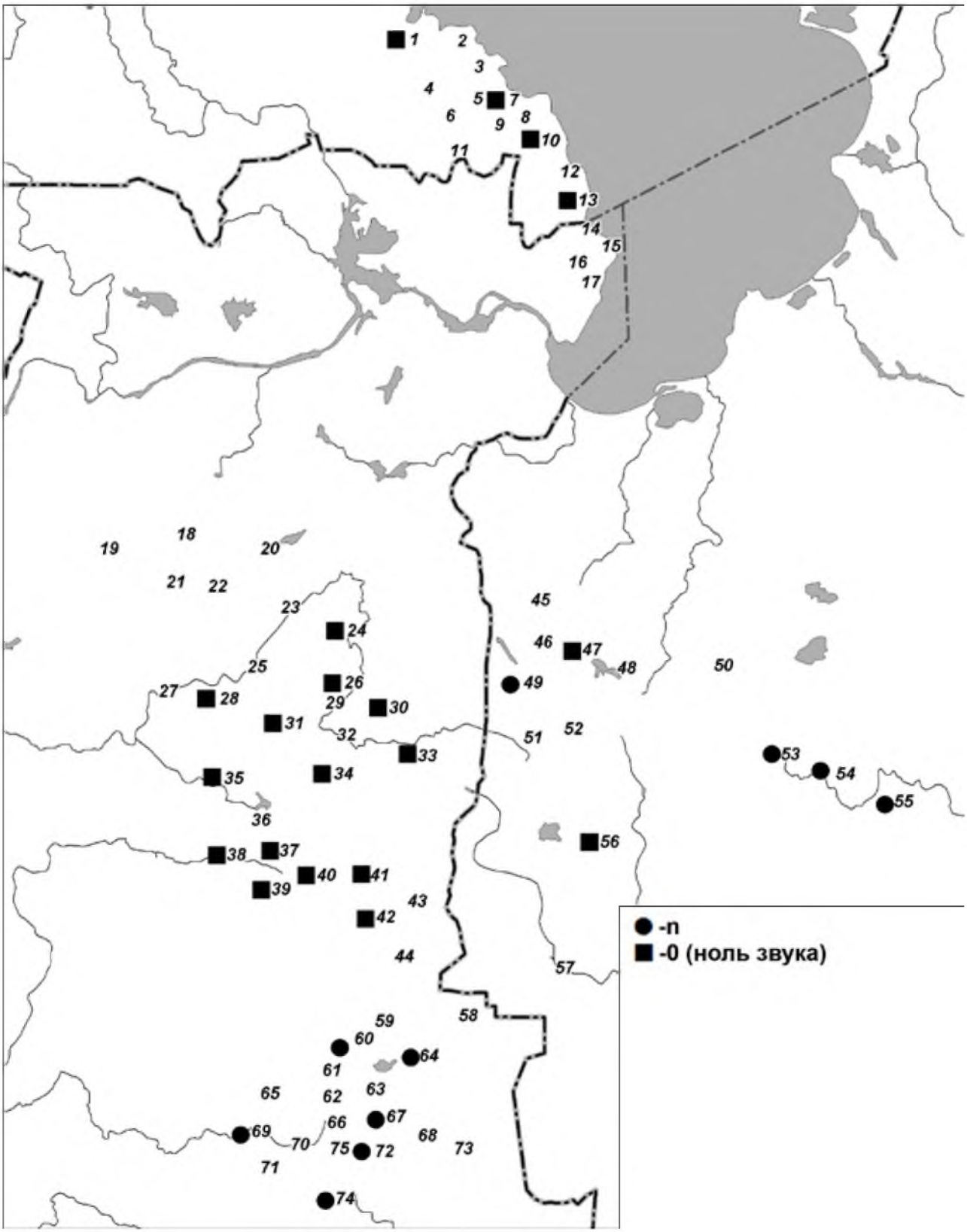
Кроме того, как показывает исследование категории глагола в вепсском языке [Зайцева 2002: 52–53], частотность удвоения согласных звуков в северновепсском диалекте даже возрастает. В настоящее время здесь удваиваются не только смычные согласные, но и аффрикаты (*li**čč**ob* ‘запихивает’, *kri**čč**ib* ‘кричит’, *ku**cc**ub* ‘зовет’, *ka**cc**ub* ‘смотрит’, *e**cc**ib* ‘ищет’), а также некоторые иные согласные звуки (*i**mm**ob* ‘сосет’, *sa**nn**ub* ‘говорит’, *tu**ll**ob* ‘придет’). Полагаем, что названное явление в северновепсском диалекте приобрело иной уровень развития, перейдя из фонетики в морфонологию, где оно стало дополнительно маркировать форму третьего лица ед. числа презенса индикатива. Здесь удвоение согласных сродни явлению геминации — вторичному явлению удвоения согласных, появившемуся после XVI века в восточных финских говорах и карельском языке (ср. в восточно-финских говорах *tulloo* ‘(он) придет’, *männöö* ‘(он) идет’, *tekköö* ‘(он) делает’ , *lukkoo* ‘(он) читает’ и т. д.). Полагаем, что в этом случае у нас может идти речь не о сохранении праязыкового чередования, а явлении, проникшем позднее через карельское посредство, в котором оно в этом виде вторично.

В целом же геминация в форме третьего лица ед. числа презенса индикатива стала маркером северновепсского ареала, не проникнув в прочие говоры и не создав никакой переходной зоны. Видимо, это явление возникло при непосредственном участии карельского языка или было поддержано карельским языком, для которого оно свойственно, тем самым в этом случае карельский язык мог принять участие в непосредственном формировании северновепсского диалектного ареала.

Н. Г. Зайцева

13 (68). Рефлексы конечного *-n* в форме номинатива количественных числительных

(на материале числительных: *kahcan ~ kahca* ‘восемь’, *ühcan ~ ühca ~ ihca* ‘девять’, *kümnen ~ kümne ~ kime* ‘десять’)

Легенда карты

1) **-n** 2) **-0** (ноль звука)

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-n**: *ср* Vl, Kj, Pnd, Vär // *южн* Mas, Krl, Mai, Ars, Šid, Sod

2) **-0** (ноль звука): *сев* Kask, Kl, Š, Št // *ср* Šim, Päž, Ladv, Mg, Jä, Nem, Rih, Pec, Reb, Noid, Nür, Kor, Jog, Har, Vil, En

Цифровой индекс

1) **-n**: 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 60Šid, 64Sod,67Krl, 69Mas, 72Mai, 74Ars

2) **-0** (ноль звука):1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 56Päž

Список картографируемого материала

1 — kahcca, ühcca, kümne; 2–6 — нет сведений; 7 — kahca, ühca, kümne; 8–9 — нет сведений; 10 — kahca, ühca, kümne; 11–12 — нет сведений; 13 — kahca, ühca, kümne; 14–23 — нет сведений; 24 — kahesa, ühesa, kümne; 25 — нет сведений; 26 — kahesa, ühesa, kümne; 27 — нет сведений; 28 — kahesa, ihesa, kimne; 29 — нет сведений; 30–31 — kahesa, ühesa, kümne; 32 — нет сведений; 33–34 — kahesa, ühesa, kümne; 35 — kahesa, ihesa, kimne; 36 — нет сведений; 37–38 — kahesa, ühesa, kümne; 39 — kahesa, ihesa, kimne; 40–42 — kahesa, ühesa, kümne; 43–46 — нет сведений; 47 — kahesa [СВЯ: 166], kümne; 48 — нет сведений; 49 — kahesan, ühesan, kümen; 50–52 — нет сведений; 53–55 — kahcan, ühcan, kümnen; 56 — kahesa, ühesa, kümne; 57–59 — нет сведений; 60 — kahcan, ihcan, kimnen; 61–63 — нет сведений; 64 — kahcan, ihcän, kimnen; 65–66 — нет сведений; 67 — kümnen [СВЯ: 256], 68 — нет сведений; 69 — kahcan, ühcan, kümnen; 70–71 — нет сведений; 72 — kahcan, ihcan, kimnen; 73 — нет сведений; 74 — kahcan, ihcan, kimnen; 75 — нет сведений.

Комментарий

Фонетика вепсского языка характеризуется различного рода отпадениями и выпадениями звуков, стяжением слогов и т. д. Для языка вепсов, например, типично выпадение гласных звуков, особенно в двусложных словах, перед согласным *-h* (*mecha* ‘в лес’, *pert'he* ‘в дом’, *udhe* ‘в новый’), что стало своеобразной характеристикой формы иллатива. Эта вепсская фонетическая особенность даже послужила основанием для выявления в иллативе дополнительной *согласной* основы имени и, таким образом, внесения коррективов в оппозицию одноосновных — двухосновых имен, которая свойственна всем прибалтийско-финским именам [см., напр., Grünthal 2015: 62].

Вепсский язык характеризуется также историческим отпадением конечных гласных звуков: отпали конечные гласные многосложных слов и тех двусложных, первый слог которых был исторически долгим или закрытым: *sur'* ‘большой’ (ср. фин. *suuri*), *koiv* ‘береза’ (ср. фин. *koivu*), *hen* ‘мелкий’ (ср. фин. *hieno* ‘изящный’); *veič* ‘нож’ (ср. фин. *veitsi* и т. д.). Названные явления произошли в период раннего вепсского языка-основы, поскольку проявились во всем вепсском языковом регионе и не могут быть использованы в качестве определяющей черты вепсской диалектной речи.

Некой характеристикой вепсских диалектных ареалов может служить поведение ***-n*** в группе отдельных вепсских лексем. В данном случае для картографирования выбрано сохранение или отпадение ***-n*** в количественных числительных в форме номинатива (в числительных 8, 9, 10).

В прибалтийско-финском праязыке произошло отпадение и выпадение ***n (ŋ)*** в конце и середине слова в разных частях речи, чему подверглись и названия числительных 7–10, в конце формы номинатива которых ранее существовал ***-n*** [см, напр., Основы 1975: 31]. Со временем в ряде языков *согласный* ***-n*** восстановился (ср. фин., кар. *kymmene**n*** ‘десять’), что отразилось и в вепсском языке, где в некоторых диалектах также возник вторичный ***-n*** [Tunkelo 1946: 401], став отчасти характеристикой диалектных ареалов.

Лингвистическая карта показывает в этом случае близость южновепсского ареала к языку восточных вепсов: они оба характеризуются восстановлением ***-n*** у количественных числительных

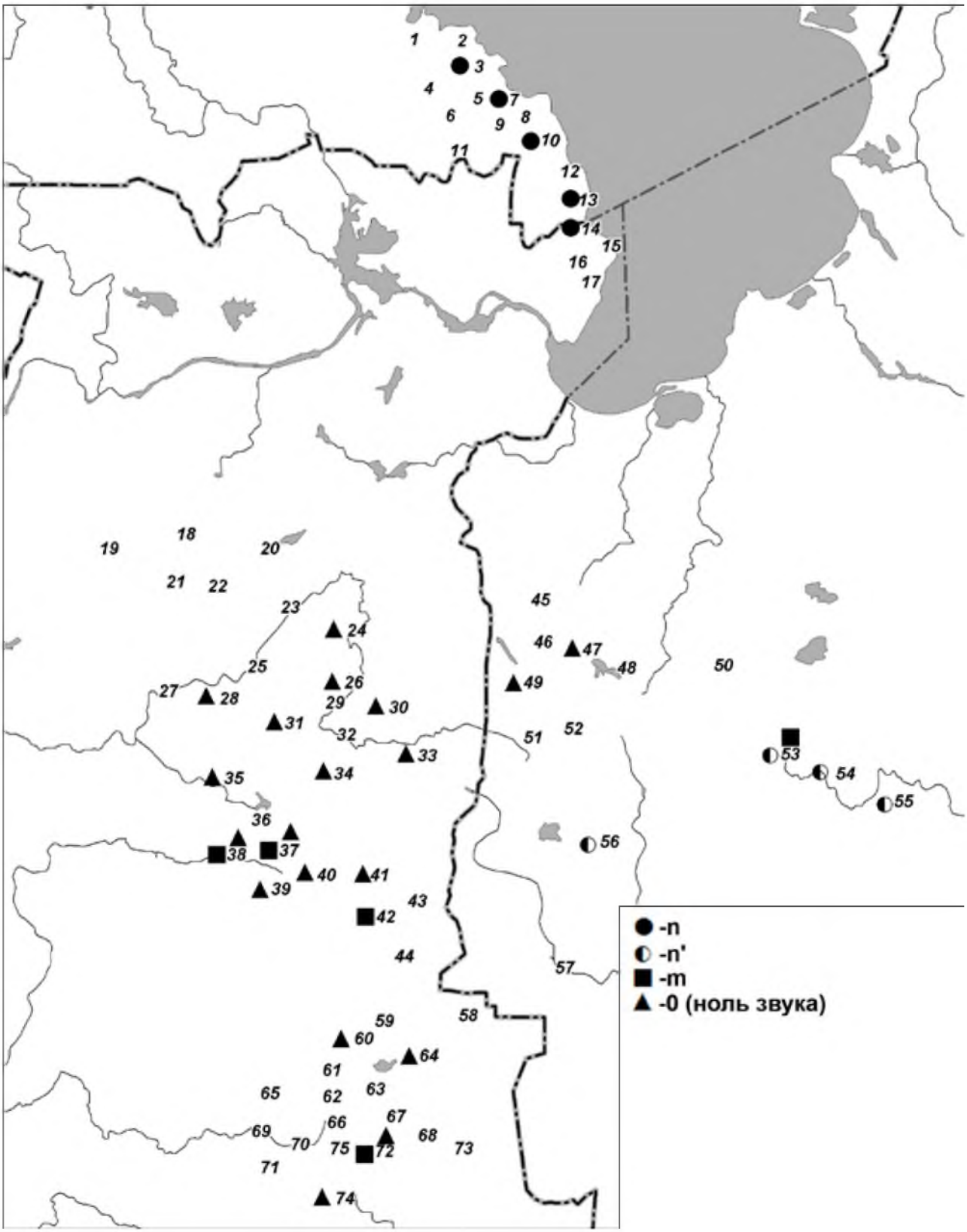
(белозерские говоры: *kahca**n**, ühca**n**, kümne**n*** Vl, Kj, Pnd, Vär // южновепсский: *kümne**n*** Mas, Krl; *kahca**n**, ihca**n**, kimne**n*** Mai, Ars, Šid, Sod). Как известно, восточные вепсы и южновепсский регион входили ранее в одну Новгородскую губернию в противовес другим группам вепсов, которые административно относились к Олонецкой губернии. Единый облик числительных может быть вызван активным контактированием и языковыми связями южных и восточых вепсов в рамках одной губернии.

Северновепсский диалект, а также значительный ряд западных средневепсских говоров характеризуется утратой звука ***n*** (северновепсский: *kahesa~kahcca, kümne* Kask, Kl; средневепсский: Šim, Päž, Vär, L, Mg, Jä, Nem, Pec, Reb, Noid, Nür, Kor, Jog, Har, Vil, En, Har), напоминая отчасти ливвиковское наречие карельского языка, где названный процесс, правда, не до конца сложился в определенное явление (ср., напр., *seiččie* ‘семь’ [Макаров 1990: 329]; *kümmene* ‘десять’ [Макаров 1990: 170]; но — *kahekša**n*** ‘восемь’ [Макаров 1990: 116]).

Н.Г. Зайцева

14 (69). Рефлексы конечного *-n* в форме номинатива единственного числа существительных с основой на *-ime-*

(на материале существительных:
murz'ain ~ murzei 'молодая жена', südäin ~ südei 'сердце', kudmoi(n) 'луна')

Легенда карты

1) **-n**
-n'
2) **-m**
3) **-0** (ноль звука)

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-n**: *сев* Kas, Kl, Št, Veh, Kuk
-n': *ср* Vl, Pnd, Kj, Päž
2) **-m**: *ср* Pnd, Kor, Noid, Jog // *южн* Mai
3) **-0** (ноль звука): *ср* Šim, Šim Vär, Rih, Ladv, Mg, Nem, Jä, Pec, Vil, Reb, En, Kor, Nür, Jog, Har // *южн* Mai, Šid, Ars, Sod

Цифровойиндекс

1) **-n**: 3Veh, 7Št, 10Kl, 13Kas, 14Kuk
-n': 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž
2) **-m**: 37Kor, 38Jog, 42Noid, 53Pnd, 72Mai
3) **-0** (ноль звука): 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 47Šim, 49Vär, 60Šid, 64Sod,72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — murzein, südäin; 2 — нет сведений; 3 — murzein [VV: 371]; 4–6 — нет сведений; 7 –murz'ein, süd'ein; 8–9 — нет сведений; 10 — murz'ein, süd'ein; 11–12 — нет сведений; 13 — murzäin, südäin, kudei; 14 — mur'z'äin [Tunkelo 1946: 548]; 15–23 — нет сведений; 24 — murzei, südei, kudei; 25 — нет сведений; 26 — murzei, südei, kudei; 27 — нет сведений; 28 — murzei, südei, kudei; 29 — нет сведений; 30–31 — murzei, südei, kudei; 32 — нет сведений; 33–35 — murzei, südei, kudmeine; 36 — нет сведений; 37 — murzei, kudmoi, südeim; 38 — murzei, kudmoi, südeim; 39 — murzei, kudmoi; 40 — kudei; 41 — murzäi, kudei, südämed; 42 — murzäim, südäim, kudmoi; 43–46 — нет сведений; 47 — murzei [NÄKM: 268]; 48 — нет сведений; 49 — murzei, südei, kudei; 50–52 — нет сведений; 53 — murz'an', südäm', kudmaine (kuštab); 54 — murzen', südän,' kudan'; 55–56– murz'an', südän', kudan' (kudmeine); 57–59 — нет сведений; 60 — kudmoo; 61–63 — нет сведений; 64 — morz'aa, kudmoi; 65–71 — нет сведений; 72 — morz'aa, sidääm, kudmaane; 73 — нет сведений; 74 — kudmaane; 75 — нет сведений.

Комментарий

Карта 14 демонстрирует наличие или отсутствие конечного гласного ***-n*** в ряде имен существительных. В этом случае ***-n*** обладает иным происхождением, нежели в числительных (см. карта 13). В прибалтийско-финском праязыке в свое время наблюдался переход ****m > n*** в конце формы номинатива у двухосновных имен, типа фин. *sydäin* 'сердце', *avain* 'ключ' [см., напр.: Основы 1975: 31]. В гласной же основе, т. е. не в абсолютном конце слова, ***-m-*** сохранялся во всех языках: ср. фин. *sydäi**m**e-n, avai**m**e-n* (GenSing).

В развитии названного явления с течением времени наметилась и противоположная тенденция: возврат ***-m*** под воздействием гласной основы. Это отмечалось многими исследователями (см, напр., относительно эвремейских говоров финского языка: *süvä**m*** 'сердце', *elä**im*** 'животное', *avai**m*** 'ключ' [Rapola 1966: 327]).

В ряде диалектных ареалов вепсского языка также произошло вторичное восстановление ***-m*** в форме номинатива (*avadi**m*** 'ключ', *pühki**m*** 'скатерть', *vanui**m*** 'проволока', *vidi**m*** 'приспособление для очистки льноволокна' [Tunkelo 1946: 384]). Однако в некоторых случаях переход не совершился, и, таким образом, подобные существительные в форме номинатива единственного числа в настоящее время оканчиваются по-разному:

1) на **-n (-n')**;
2) на **-m**;
3) на **0** звука.

Материал для карты 14 собирался на основании таких лексем, как *südäin* 'сердце', *murz'ain* 'молодая жена', *kudmoi(n)* 'луна'.

Весь северновепсский ареал характеризуется наличием в форме номинатива прибалтийско-финского ***-n***, возникшего в праязыке из ***-m***. Лишь в северновепсской Шокше (Š) отмечена палатализация ***-n'***, нехарактерная для других говоров северновепсского диалекта. Наличие мягкого ***-n'*** при следовании после ***-i-*** вполне укладывается в характерную для средневепсского диалекта (в данном случае говоры Vl, Kj, Pnd, Päž) закономерность палатализации

согласных в позиции после ***-i***: *püudoi**l'*** ‘на полях’ (SPlAdes), *sini**l'*** ‘на стенах’ (SPlAdes), *kül'beti**d'*** ‘бань’ (SPlPart) и т. д. В северновепсском диалекте в подобных случаях смягчение не наблюдается (ср. *pöudį**l**, sini**l**, kül'beti**d***). Возможно, в Š, где проводилось заполнение вопросника для атласа, сказались особенности произношения отдельных слов некоторыми информантами.

Единый облик конечного ***-n*** в северновепсском диалекте и на крайнем востоке восточновепсского ареала (Pnd, Kj, Vl) демонстрирует общность развития пограничных восточновепсских говоров с говорами северновепсского региона.

Другие восточновепсские говоры показывают свою двойственность: Пяжозеро (Päž) присоединяется в этом случае к белозерским восточным говорам, в то время как Шимозеро и Кривозеро (Šim, Vär) утратили конечный ***-n***, напоминая западновепсские говоры, для которых утрата ***-n*** стала их характерной чертой.

Кроме того, говоры некоторых средневепсских пунктов имеют в картографированных существительных на конце согласный ***-m***. Э. А Тункело в свое время утверждал, что это явление стало характерной чертой южновепсского диалекта [Tunkelo 1946: 384]. Однако собранный для атласа по вопроснику современный материал показывает, что это не совсем так, поскольку в ряде говоров южновепсского диалекта конечный согласный в конце словоформ отсутствует совсем (Mai: *morz'aa* ‘молодая жена’; Šid, Ars, Sod, Mas: *kudmoo*‘луна’). В этом случае, очевидно, переход дифтонга на ***-i*** в долгий гласный, характерный для южновепсского диалекта, спровоцировал вокализацию ***-n***, преобразовав его далее вместе с предыдущим гласным звуком в долгий гласный, или способствовал отпадению конечного согласного в слове.

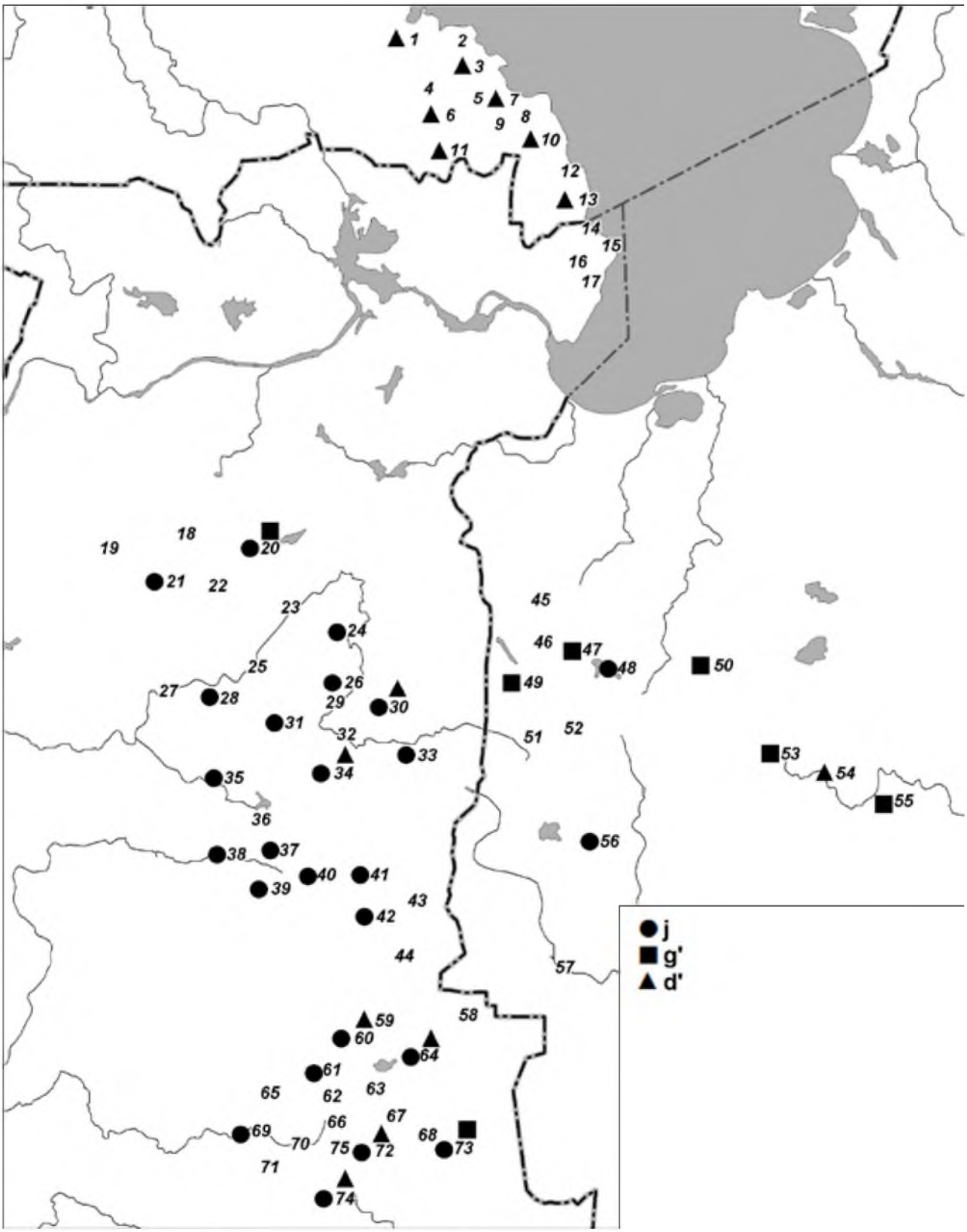
Бóльшая часть средневепсских говоров утратила ***-n*** в обозначенных словах. Это произошло в русле утраты ***-n*** и в некоторых иных формах, например, в форме номинатива и генитива, а также в отдельных числительных и наречиях: *kümne* ‘десять’, *miide* ‘наш’, *kohtati* ‘напротив’, *alahali* ‘низом’ и т. д.

В целом же нельзя утверждать, что разное представительство древнего прибалтийско-финского ****-m*** в конце слова стало ярким маркером вепсских диалектных ареалов. Оно лишь в определенной степени характеризует говоры, объединяя их в отдельные группы.

Н. Г. Зайцева

15 (71). Вариативность рефлексов исторического *j* в начале слова

(на материале лексем: *järv ~ d'ärv ~ g'ärv* 'озеро', *jüvä ~ d'üvä ~ g'üvä* 'зерно', *jagada ~ d'agada ~ g'agada* 'делить', *jogi ~ d'ogi ~ g'ogi* 'река', *jur' ~ d'ur' ~ g'ur'* 'корень')

Легенда карты

1) **j-** 2) **g'-** 3) **d'-**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **j-**: *ср* Kar, Čik, Vil, Nem, Jä, Pec, Mg, Rih, Ladv, En, Jog, Kor,Har, Nür, Noid, Reb, Päž, Pk // *южн* Mas, Šid, Mai, Ars, Sod, Vg, Čai
2) **g'-**: *ср* Čik, Vär, Šim, Sär, Pnd, Vl
3) **d'-**: *сев* Van, Veh, Š, Št, Ms, Kl, Kas // *ср* Mg, Rih, Kj // *южн* Mai, Šid, Ars, Sod

Цифровой индекс

1) **j-**: 20Čik, 21Kar, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 48Pk, 56Päž, 60Šid, 61Čai, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 73Vg, 74Ars
2) **g'-**: 20Čik, 47Šim, 49Vär, 50Sär, 53Pnd, 55Vl
3) **d'-**: 1Š, 3Veh, 6Van, 7Št, 10Kl, 11Ms, 13Kas, 30Rih, 34Mg, 54Kj, 60Šid, 64Sod, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — därv, düvä, d'agada, d'ogi, d'uur'; 2 — нет сведений; 3 — döug 'нога' [VV: 211]; 4–5 — нет сведений; 6 — däniksen (nahk) [ÄVN: 38] '(шкурка) зайца'; 7 — d'ärv, d'üvä, d'agataze (3PsingPrez), d'ogi, d'uur'; 8–9 — нет сведений; 10 — därv, düvä ~ divä, d'agada, d'ogi, d'uur'; 11 — d'äniž [NÄKM: 140] 'заяц', d'ougha [ÄVN: 40] 'в ноги' ; 12 — нет сведений; 13 — d'ärv, d'üvä ~ divä, d'agada, d'ogi, d'uur'; 14–19 — нет сведений; 20 — g'üriškkorv [NÄKM: 562] 'торцовая часть пня'; joda [NÄKM: 564] 'пить'; 21 — jagada [СВЯ: 94], joda 'пить' [СВЯ: 98]; 22–23 — нет сведений; 24 — järv', jüvä, jagada, jur'; 25 — нет сведений; 26 — järv', jüvä, jagada, jogi, jur'; 27 — нет сведений; 28 — järv', jüvä, jagada, jogi, jur'; 29 — нет сведений; 30 — järv', jagada, jogi, jur', d'üvä; 31 — järv', jüvä, jagada, jogi, jur'; 32 — нет сведений; 33 — järv', jüvä, jagada, jogi, jur'; 34 — järv, jagada, jogi, jur', d'üvä; 35 — jär'v, jüvä, jagada, jogi, jur'; 36 — нет сведений; 37 — järv, jüvä, jagada; 38 — järv', jüvä, jagada, jogi, jur'; 39 — järv, jüvä, jagada, jogi, jur'; 40 — järv', jüvä, jagada, jogi, jur'; 41 — järv', jüvä, jagada, jogi, jur'; 42 — järv, juva, jogi; 43–46 — нет сведений; 47 — g'ärv, g'üvä, g'agada, g'ogi, g'ur'; 48 — juuhes'in'e 'волосяной (покрытый конским волосом)', juuhed 'конский волос' [СВЯ: 93] ;49 — g'ärv', g'üvä, g'agada, g'ogi, g'ur'; 50 — g'äl'ges 'после', g'umalale 'Богу' [ОВР: 74]; 51–52 — нет сведений; 53 — gärv, güvä, g'agada, g'ogi, g'ur'; 54 — därv, düvä, d'agada, d'ogi, d'ur'; 55 — g'üvä, g'agada, g'ogi, g'ür'; 56 — järv', jür', jüvä, jagada, jogi; 57–59 — нет сведений; 60 — järv, jogi, jur'; diväd; 61 — jumaa 'Бог' [СВЯ: 90]; 62–63 — нет сведений; 64 — järv, jagada, jogi, jur', jivä ~ d'ivääne; 65–68 — нет сведений; 69 — järv', jogi, jur'; 70–71 — нет сведений; 72 — järv, jagada, jogi, jur', divä; 73 — jäl'g 'след' [СВЯ: 95], jäniš 'заяц' [СВЯ: 96]; 74 — jagada, dived 'зерна'; 75 — нет сведений.

Комментарий

Один из наиболее ярких диалектных маркеров на уровне фонетики вепсского языка — это представленность ***j*** в начале слова*. По этому признаку диалектные ареалы довольно четко противостоят друг другу таким образом, что на юго-западе (западные средневепсские и южные говоры) сохраняется исторический ***j*** (*järv* 'озеро', *jagada* 'делить', *jogi* 'река', *jur'* 'корень'), в то время как в северных говорах на его месте последовательно выступает палатализованный ***d'*** (*d'ärv, d'agada, d'ogi, d'uur'*), а на востоке ареала, в восточных средневепсских говорах, появляется палатализованный ***g'*** (*g'ärv, g'agada, g'ogi, g'ur'*).

При объяснении генезиса явления перехода ***j*** в ***g'*** и ***d'*** предполагается, что процесс был опосредован на первом этапе спирантизацией ***j***, спровоцированной сужением артикуляции. На этапе перехода сужения в смычку образовывался взрывной ***g'*** [Tunkelo 1946: 464]. Явление спирантизации демонстрируют примеры типа *hjalg* (ср. *jalg* > *jaug* 'нога') из исторической Иаевской волости, зафиксированные Х. Базилиером в конце XIX века [Basilier 1890: 71]. Э.Н. Сетяля отмечал это явление в свое время и в некоторых средневепсских говорах (видимо, в Ладве и Нажмозере [Setälä 1899: 434]).

* В середине и в конце слова также присутствуют в соответствующей позиции и в тех же говорах переходы *j-* в *g'-* и *d'-*: *astjad* ~ *astk'ad*, ~ *ast't'ad* 'посуда' , *tühj* ~ *tühg'* ~ *tühd'* 'пустой' и т.д., но для картографирования избран представленный случай в начале слова.

При этом, судя по историческим материалам, еще в первой половине XX века не было того единодушия в репрезентации ***j*** по диалектам, которое демонстрируют нам современные материалы. К примеру, в говорах Чикозеро (Čik) и Каргиничи (Kar), входивших в западный средневепсский ареал, параллельно сосуществовали ***j*** и ***g'***, в Пяжозере (Päž) в одном конце куста поселений звучал ***j***, в другом ***d'***. В говорах Кленозеро (Vah) и Кривозеро (Vär), входящих сейчас в ареал с начальным ***g'***, использовался, судя по материалам Е. А. Тункело, ***d'*** [Tunkelo 1946: 463–465]. Впрочем, определенный разнобой просматривается и в современных, собранных для атласа данных: в говоре п. Куя (Kj) сосуществуют ***d'*** (***d'ogi***) и ***g'*** (***g'ogi***). Видимо, ситуацией более ощутимого сужения артикуляции при произношении *ü* (переходящего в южновепсском и ряде западных средневепсских говоров в ***i***) на фоне других гласных вызвана нестабильность ***j*** перед ним, ср. звучание слова *jüvä* 'зерно' в ряде средне- и южновепсских говоров: *d'üvä* (Rih, En, Mg), *d'ivä* (Mai), *d'ivädˊ* (Šid), *d'ived* (Ars), *jüvä* ~ *d'iväänе* (Sod), при том что в остальных случаях, т. е. перед прочими гласными, в приведенных говорах стабильно отмечается сохранение ***j***.

В целом карта 15 свидетельствует об относительно хорошей сохранности исконного прибалтийско-финского полугласного ***j*** в зоне, удаленной от русского языкового влияния. Примечательна в связи с этим нестабильность ***j*** и его переход в ***g'*** в западных средневепсских говорах (Kar и Čik), испытывавших мощное русское языковое воздействие со стороны русского Посвирья. Очевидно, именно оно спровоцировало появление ***d'*** и ***g'*** в Прионежье и на восточной окраине вепсского языкового ареала. Этот же процесс произошел в двух южных наречиях карельского языка — ливвиковском и людиковском, относительно рано попавшим в зону русского языкового воздействия. В литературе принято рассматривать данное фонетическое явление как результат их *общего прошлого* с языком вепсов. Немаловажно и то, что названное явление характерно и русским говорам Обонежья (ср. *гящик, гюбка, гидти*), а также присутствует в речи говорящих по-русски вепсов, при этом возможно варьирование: в вепсском ***d'***, а в русском *г'*: ***d'****ärv* 'озеро', но *гящик* 'ящик'. Можно полагать, что эти факты в комплексе свидетельствуют о явлении звукоперехода, вызваннном контактированием двух разноязычных фонетических систем, причем в направлении движения данного контактирования разобраться довольно сложно, поскольку оно могло возникнуть самостоятельно и там, и там, а в дальнейшем на его функционирование могли наложиться контакты [Суханова, Муллонен 1986: 38–45].

Таким образом, репрезентация согласного ***j*** и его переход в ряде говоров в ***g'*** или ***d'*** в вепсском языке стали яркой характеристикой вепсских диалектных ареалов. В этом процессе проявляется важное свидетельство взаимодействия северновепсского диалекта с ливвиковским и людиковским наречиями карельского языка [см.: Бубрих, Беляков, Пунжина 1997: карта 44], которые также находились и находятся в поле перехода ***j*** > ***d'***.

И. И. Муллонен

МОРФОЛОГИЯ

Грамматический инструментарий вепсского языка достаточно хорошо изучен. К проблемам грамматики вепсского языка проявляли интерес, прежде всего, финские исследователи. Особое значение и сегодня имеет фундаментальная работа Л. Кеттунена «Исследование синтаксиса вепсских диалектов» [Kettunen 1943], содержащая уже и в самом названии указание на диалектную подоплеку развития каждой грамматической категории, а также включающая значительный языковой материал из всех диалектов вепсского языка. По охвату и интерпретации диалектного материала названная работа является одной из лучших, богато иллюстрированных языковыми материалами и наиболее часто используемых лингвистами. Так, исследователь вепсского языка из Финляндии Р. Грюнтал, и сам совершивший в последнее время несколько экспедиций на территорию проживания вепсов, использовал в своей работе «Грамматика вепсского языка» [Grünthal 2015] диалектные материалы исследования Л. Кеттунена, сравнивая с ними отчасти и собственноручно собранные данные.

Характеристике северновепсского диалектного ареала посвящена одна из монографий эстонского лингвиста и знатока вепсского языка Т.-Р. Вийтсо. Основанная на теории глоссематики, популярной в середине XX века, она описывает план выражения и план содержания северновепсского диалекта. Любопытно, что Т.-Р. Вийтсо выделил в вепсском языке 24 падежа, где наряду с падежами старого образования выступают и новые послеложные падежи. Исследование Вийтсо оказало в свое время помощь в решении проблемы послеложных падежей вепсского языка [Viitso 1968: 119–130]. Часть из них нашла отражение в ЛАВЯ, им посвящены лингвистические карты 16 и 20. Эстонская исследовательница южновепсского диалекта А. Кяхрик занималась проблемами грамматики глагола. В ее работах и статьях изучались словоизменительные модели южновепсских глаголов, в частности, проблемы отрицательного претерита, становления рефлексивного спряжения [см., напр.: Kährik 1978, 1980]. Показателям последнего посвящена одна из карт ЛАВЯ (см. карта 28).

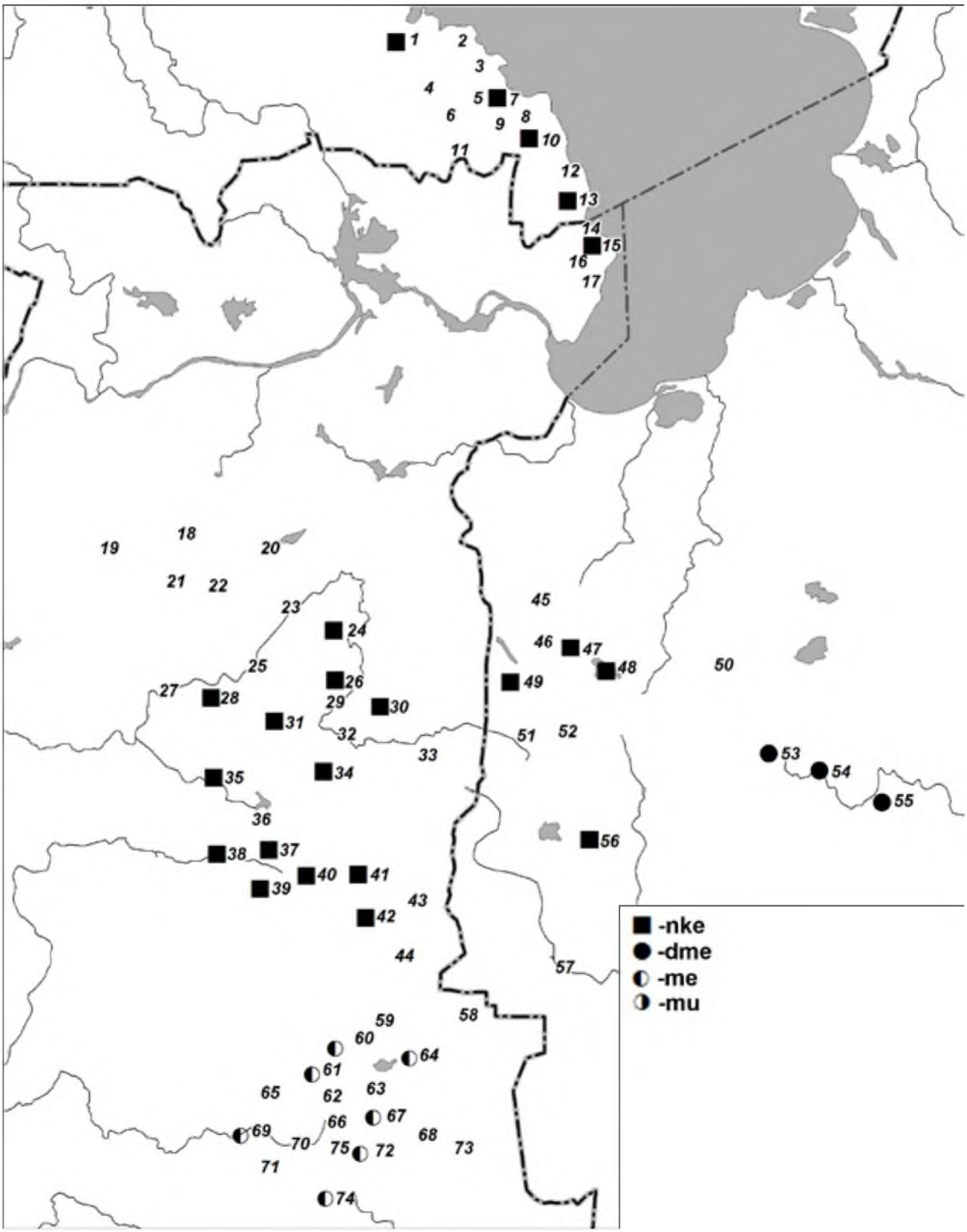
В отечественном языкознании первый очерк по вепсскому языку, содержавший сведения и по грамматике, подготовил М. М. Хямяляйнен [Хямяляйнен 1966: 81–102]. Значительно позднее появилась «Грамматика вепсского языка» М. И. Зайцевой, основанная на материале шимозерских говоров средневепсского диалекта [Зайцева 1981] и послужившая дополнительным источником материала для грамматических карт ЛАВЯ.

В названных, а также других работах финских, эстонских и российских лингвистов [анализ отдельных работ см.: Зайцева 1981: 17–68; Зайцева 2002: 8–25]) выявлены основные положения грамматики вепсского языка. Однако нет полного представления об особенностях диалектов в области грамматики, их генезисе и современном состоянии. Исследования в области грамматики глагола вепсского языка позволяют сделать заключение о том, что глагольное словоизменение отличается значительно бóльшим количеством особенностей, которые могут служить маркерами диалектной речи, нежели именное словоизменение. Возможно, это связано со значительной глагольностью прибалтийско-финских языков, в том числе и вепсского.

В вопроснике ЛАВЯ было предусмотрено 45 вопросов по грамматике вепсского языка (84–129). Из них наиболее информативными с точки зрения маркирования вепсских диалектных ареалов и картографирования были признаны 14. Комментарии к картам включают не только анализ ареальной ситуации, но и содержат наблюдения по исторической грамматике, влиянию контактов с другими языками и др.

16 (85). Варианты показателя комитатива единственного числа

(на материале выражений: *astu minunke* ~ *mindaime* ~ *mindaamu* ‘иди со мной’; *prihaine vändab koiranke* ~ *koiradme* ~ *koiramu* ‘мальчик играет с собакой)

Легенда карты

1) **-nke**
-ke

2) **-(d)me**
-(d)mu

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-nke**: *сев* Kas, Kl, Š, Št, Per // *ср* Vär, Šim Päž, Mg, Jä, Rih, Nem, Vil, Pec, En, Reb, Kor, Nür, Noid, Jog, Har, Pk
-ke: *ср* Kek, Kar, Korv

2) **-(d)me**: *ср* Pnd, Kj, Vl
-(d)mu: *южн* Mai, Šid, Ars, Sod, Čai, Krl, Mas

Цифровой индекс

1) **-nke**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 56Päž
-ke: 18Kek, 21Kar, 44Korv

2) **-(d)me**: 53Pnd, 54Kj, 55Vl
-(d)mu: 60Šid, 61Čai, 64Sod, 67Krl, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — astu minunke, priheine vändab koiranke; 2–6 — нет сведений; 7 — tul'e minunke, priheine vändab koiranke; 8–9 — нет сведений; 10 — mäne minunke, koiranke; 11–12 — нет сведений; 13 — lähkam minunke, prihäine vändab koiranke; 14 — нет сведений; 15 — lähtta hänenke [Kettunen, 1943: 364] 'пойти с ним'; 16–17 — нет сведений; 18 — munaričake 'с яичницей' [ОВР: 40]; 19–20 — нет сведений; 21 — vastake 'с веником', itkuke 'с плачем', adrake 'с сохой' [ОВР: 49, 50, 58]; 22–23 — нет сведений; 24 — tule minunke, priheine vändab koiranke; 25 — нет сведений; 26 — tule minunke, priheine vändab koiranke; 27 — нет сведений; 28 — astu minunke, priheine vändab koiranke; 29 — нет сведений; 30–31 — prihaine vändab koiranke, tule minunke; 32 — нет сведений; 33 — tule minunke, priheine vändab koiranke; 34 — astu minunke, priheine vändab koiranke; 35 — priheine vändab koiranke; 36 — нет сведений; 37 — koiranke; 38 — tule minunke, priheine vändab koiranke; 39 — koiranke; 40 — tule minunke, priheine vändab koiranke; 41 — tule minunke, prihaine vändab koiranke; 42 — minunke, koiranke; 43 — нет сведений; 44 — sizareke 'с сестрой' [Иткин 2002: 171]; 45–46 — нет сведений; 47 — kalunke libo raganke [Kettunen 1943: 364] 'с палкой или с вицей'; 48 — tule minunke, priheine vändab koiranke; 49 — minunke, koiranke; 50–52 — нет сведений; 53 — astkam mindeime, prihäine vändab koirame; 54 — astkam mindaime, prihäine vändab koirame; 55 — astu mindeime, priheine vändab kįirame; 56 — astu minunke, priheine vändab koiranke; 57–59 — нет сведений; 60 — mindaamu; koiramu; 61 — kirvestmu čapta [Kettunen, 1943, 360] 'топором (букв. 'с топором') рубить'; 62–63 — нет сведений; 64 — mäne mindaamu, prihäane vändab koiraamu; 65–66 — нет сведений; 67 — viičmu tul' [Kettunen 1943: 360] 'с ножом пришел'; 68 — нет сведений; 69 — astu mindamu, priha šalib koor'amu; 70–71 — нет сведений; 72 — mindaamu; koiramu; 73 — нет сведений; 74 — mindaamu, koiramu; 75 — нет сведений.

Комментарий

В области именного словоизменения выявляется одна важная, маркирующая диалекты особенность: существование двух различных окончаний у формы падежа комитатива позднего послеложного образования: *-dme* и *-nke*.

По поводу послеложных падежей и включения или невключения их в падежные системы языков существовала большая литература*. Для беспись-

* Окончания этих падежей назывались клитиками, постпозиционалами, агглютинатами, послеложными формантами [см., напр.: Дубровина 1956; Хямяляйнен 1958; Oinas 1961; Вийтсо 1972; Grünthal 2003] т. д. Несмотря на значительную литературу, вопрос тем не менее до сих пор остается открытым, привлекая вновь и вновь внимание и стремление найти критерии существования так называемых послелогообразных падежей и особенностей их формантов, многие из которых с синхронной точки зрения уже «не принадлежат к классу послелогов» [Иткин 2002: 169–170]. При положительном в целом решении проблемы о включении ряда новых падежей в падежную систему вепсского языка вопрос их количества не решен: в научных исследованиях, например, их выделяется 8–10, а в школьных грамматиках

менного языка проблема послеложных падежей не имеет принципиального значения, поскольку транскрипция позволяет записать словоформы различными способами. Однако для письменных языков ее решение жизненно необходимо, т. к. связано с проблемами правописания. Так, например, в ходе воссоздания письменности для ливвиковского наречия карельского языка в его грамматическую систему был введен падеж комитатив с формантом ***-nke*** [см.: Родионова 2007: 16–17; Ковалева, Родионова 2011: 83–90]. Аналогичным образом форма комитатива возникла и в других родственных языках: эстонском, водском, ижорском, карельском, — где в роли падежного форманта или одного из его компонентов тоже закрепились послелоги *kanssa* или *kera* ‘с’ [см., напр.: ALFE 2004: 442–443].

Комитатив в формировании грамматических характеристик вепсской диалектной речи занимает особое место. Известно, что старая форма комитатива типа *kii-ne* ‘с кем’ (напр., *kii-ne sinä pagižed?* ‘с кем ты говоришь’ [Зайцева 1981: 123]), главное значение которой — совместность выполнения действия, исчезла в вепсском языке из живой речи.

Р. Грюнтал называет падеж послеложного образования комитатив с окончанием ***-nke*** «продуктивным» в противоположность старому образованию на ***-ne***, употребляющемуся спорадически в качестве наречного образования [Grünthal 2015: 100–101].

Показатель нового комитатива ***-nke*** исторически включает две части: окончание падежной формы (в этом случае окончание генитива ***-n***), с которой употреблялся ранее послелог, плюс послелог в редуцированном виде. Последний, по мнению историков вепсского языка, восходит к парадигматическому ряду существительного *kerd* ‘раз’, и, прежде всего, к форме адессива единственного числа *kerdal* [Tunkelo 1946: 458], которая в словосочетании *olda kerdal* ‘быть вместе’ обладала значением совместности. При этом элемент *-n* в падежном форманте *-nke* не стабилен, он может в отдельных случаях выпадать, в результате в качестве окончания выступает вариант *-ke*.

Как свидетельствует карта, комитатив на *-nke* (*-ke*) объединяет северновепсский ареал с западновепсским, что встречается в целом не часто, а также с рядом восточновепсских говоров: Пяжозеро, Шимозеро, Кривозеро (Päž, Šim, Vär).

В южновепсском и восточновепсском белозерском ареале существует иная форма комитатива, с окончанием *-(d)me*. Показатель возник из окончания партитива *-d* и послелога, который в поздневепсское время мог иметь форму **mõtä* > *möd* ~ *med* ~ *me* [Tunkelo 1946: 583–584], восходящую к древней финно-угорской основе **möö-*, из которой в прибалтийско-финских языках образовались наречия и послелоги типа финского *myöten* ‘по, вдоль’ [SSA 1995: 190–191]. В вепсском языке также существуют послелоги типа *möto, mödha, mödhe*, которые приобрели отчасти значение комитативности (совместности действия) [SSA 1995: 191; ALFE 2004: 442–443], а также пролативности (совместного движения в одном направлении). Обе эти тенденции представлены в языке вепсов как падежи комитатив и пролатив (см. карта 20).

В говорах показатель комитатива имеет варианты *-(d)me* (белозерские вепсы) и *-(d)mu* (южные вепсы). В южновепсском варианте окончания *-dmu* произошел переход ***ö*** > ***o*** > ***u*** [Tunkelo 1946: 584]. Такое фонетическое развитие не является для вепсского языка регулярным, поэтому показатель нанесен на карту особым вариантом знака. Кроме того, отметим, что как в южновепсском диалекте, так и в белозерских говорах первая часть окончания *-d* довольно часто опускается, и комитатив маркируется вариантами *-me* и *-mu* независимо от окружения и ситуации. Соответственно, на карте он не отмечен особым знаком, хотя его вариативность указана в скобках. Утрата начального *-d* делает оставшуюся часть форманта идентичной прочим падежным флексиям.

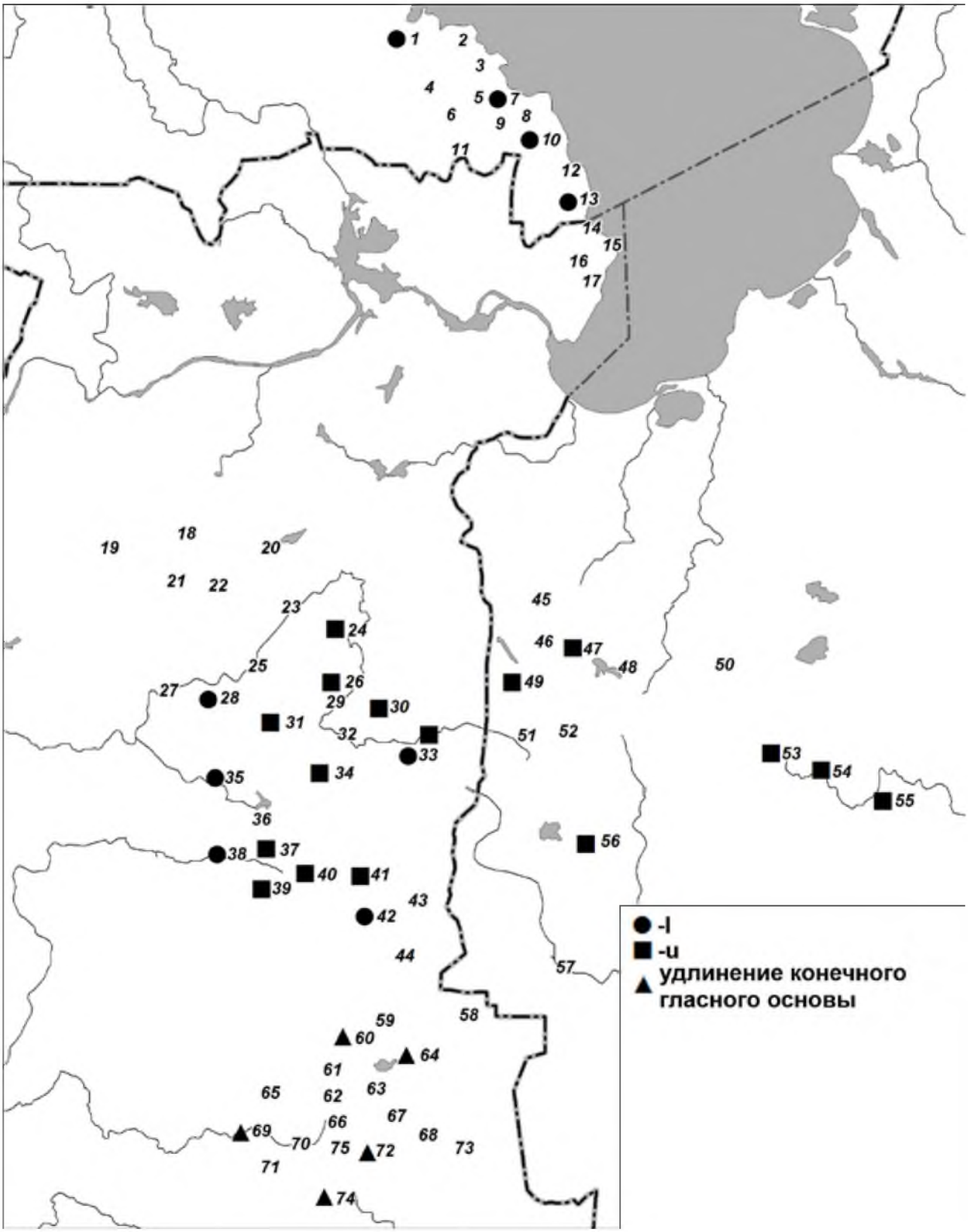
В целом граница ареалов двух разновидностей форманта комитатива последовательно накладывается на бывшую административную границу Олонецкой и Новгородской губерний, что согласуется с вторичным, т. е. относительно поздним по времени развитием формантов. Вепсские говоры, бытовавшие в разных районах исторического вепсского расселения, использовали по-своему заложенные в языке возможности, а губернские границы служили своего рода стабилизирующим фактором появившегося грамматического нововведения.

Н. Г. Зайцева

младописьменного вепсского языка — 5 [Зайцева 1981: 94–101, 115–118, 122–151; Zaiceva 2003: 73–75, 76–78, 81–84].

17 (87). Варианты показателя адессива единственного числа

(на материале лексем: *koir* ‘собака’: *koiral — koirau — koiruu — koiraa*; *hebo* ‘лошадь’: *hebol — hebou — hebuu — heboo*; *hüvä* ‘хороший’: *hüväl — hüväu — hüvüu — hüvää*)

Легенда карты

1) **-l**
2) **-u**
3) **удлинение конечного гласного основы**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-l**: *сев* Kas, Kl, Št, Š // *ср* En, Ladv, Vil, Noid, Jog
2) **-u**: *ср* Kor, Rih, Nem, Ladv, Mg, Jä, Pec, Reb, Vär, Nür, Har, Šim, Kj, Vl, Pnd, Päž
3) **удлинение конечного гласного основы**: *южн* Mai, Mas, Šid, Sod, Ars

Цифровой индекс

1) **-l**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 28Vil, 33Ladv, 35En, 38Jog, 42Noid
2) **-u**: 24Nem, 26Jä, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 39Har, 40Nür, 41Reb, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž
3) **удлинение конечного гласного основы**: 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — höbol, koiral, hiväl; 2–6 — нет сведений; 7 — koiral, hebol; 8–9 — нет сведений; 10 — koiral, höbol, hüväl; 11–12 — нет сведений; 13 — koiral, höbol, hiväl; 14–23 — нет сведений; 24 –koirou, hebuu, hüvüu; 25 — нет сведений; 26 — koirou, hebou, hüvüu; 27 — нет сведений; 28 –koiral, hebol, hüväl; 29 — нет сведений; 30 — koirou, hebou, hüvüu; 31 — koirou, hebuu, hüvüu; 32 — нет сведений; 33 — koiral, hebol, hüvüu; 34 — koirou, hebou, hivou; 35 — koiral, hebol; 36 — нет сведений; 37 — koirau, hebou, čomau; 38 — koiral, hebol, čomal; 39 — koirau, hebou, čomau; 40 — koirou, hebuu, čomou; 41 — koirou, hebou, hivou; 42 — koiral, hebol; 43–46 — нет сведений; 47 — koirau, hebuu, hüvüu; 48 — нет сведений; 49 — koirou, hebuu, hüvöu; 50–52 — нет сведений; 53–54 — koirau, hebuu, hüväu; 55 — koirou, hebou, hüvöu; 56 — koirau, hebou, hüväu; 57–59 — нет сведений; 60 — koiraa, heboo, hüvää; 61–63 — нет сведений; 64 — koiraa, heboo, hüvää; 65–68 — нет сведений; 69 — koiraa; hangoo ‘вилами’; 70–71 — нет сведений; 72 — koiraa, heboo; 73 — нет сведений; 74 — koiraa, heboo, hüvää; 75 — нет сведений.

Комментарий

Адессив в вепсском языке обладает окончанием ***-l*** < ****lna*** [см., напр.: Зайцева 1981: 110–111] и его фонетическими вариантами. Для говоров вепсского языка, как и для многих других прибалтийско-финских языков, которые состояли в контактах с русским языком, характерен переход ***l > u***. Это явление свойственно севернорусским диалектам, где можно встретить формы, типа *пошоў* ‘пошел’; *сказаў* ‘сказал’ и т. д. В вепсском языке звукопереходу ***l > u*** предшествовало изменение качества согласного ***l***, который в позиции перед заднерядными гласными веляризовался, приобретя характер русскоязычного ***л***. В позиции в конце слога и слова этот звук под влиянием соседних русских говоров вокализовался, переходя в гласный ***-u***, что сказалось на окончании падежа адессива. В нем произошло развитие ***l > л > u*** (*lavau* ‘на полу’, *tijau* ‘у вас’) [Tunkelo 1946: 445]. Вокализация согласного ***-l*** в окончании адессива со временем стала сопровождаться регрессивной ассимиляцией по способу образования, воздействуя на конечный гласный основы: *koirou* < *koirau* < *koiral* (*koir* ‘собака’); *hivou* (*hüvou*) < *hüväu* < *hüväl* (*hüvä* ‘хороший’), что отражено в списке картографируемого материала.

Для характеристики данного явления и функционирования его в диалектных ареалах была подготовлена карта 17, задача которой выяснить, в каком конкретно варианте по говорам выступает в настоящее время окончание адессива: ***-l, -u*** или удлинение конечного гласного основы.

Вопросы для сбора материала звучали следующим образом:

1) *Переведите отдельные существительные или прилагательные:*

‘у собаки’: *koiral ~ koirau ~ koiruu ~ koiraa*; ‘у лошади’: *hebol ~ hebou ~ hebuu ~ heboo*; ‘у хорошей хозяйки’: *hüväl emagal (hüväu emagau ~ hüvüu emagou ~hüvää emagaa*).

2) *Скажите*:

‘У женщины есть дети’; ‘На горе росла береза’; ‘У хорошей хозяйки в доме порядок’.

Как свидетельствует собранный материал, северновепсский диалект сохранил в парадигме именного словоизменения вариант окончания адессива ***-l*** вне зависимости от фонетического окружения и характера гласных (переднерядные или заднерядные): *höbo-**l*** ‘у лошади’, *koira-**l*** ‘у собаки’, *hivä-**l*** ‘у хорошей’.

Любопытно, что с северновепсским диалектом объединились западные средневепсские говоры по линии (с севера на юг) Ярославичи (Vil) — Вонозеро (En) — Усть-Капша (Jog): *koira-**l*** ‘у собаки’, *hebo-**l*** ‘у лошади’. Эта группа говоров противостоит единым фронтом русскому языковому влиянию, отвергая его в этом случае и сохраняя окончание адессива в варианте ***-l***. Отчасти эту позицию поддерживают говоры Ладвы (Ladv) и Нойдалы (Noid), а также Пяжозера (Päž)*, которое находится на окраине восточновепсского языкового ареала и является во многих отношениях переходным от восточновепсских к западновепсским говорам или к южновепсскому диалекту.

Южновепсский диалект в окончании формы адессива имеет удлинение конечного гласного основы имени: *koivuu* (ср. GenSing: *koivu-n*), *koiraa* (ср. GenSing: *koira-n*), *heboo* (ср. GenSing: *hebo-n*), *hüvää* (ср. GenSing: *hüvä-n*), — где сложно вычленить само окончание. Здесь также некогда выступал дифтонг, который образовывался конечным гласным основы и окончанием адессива ***-u***. В южновепсском диалекте имеется большое количество долгих гласных вторичного происхождения, возникших из дифтонгов на ***-u*** и несколько реже — дифтонгов на ***-i*** [Kettunen, II, 1922, 6–17]. В данном случае в форме адессива возник дифтонг, а далее монофтонг, и, таким образом, окончание слилось с конечным гласным основы в единый долгий звук: *koiraa, heboo, hüvää*. Это стало яркой маркирующей чертой южновепсского языкового ареала, возникшей в период его самостоятельного развития.

Таким образом, окончание падежа адессива в вепсских ареалах, с одной стороны, является результатом исторических подвижек в развитии вепсских слов, подвергшихся закону отпадения при определенных условиях конечных гласных звуков (*koivu-l* ‘на березе’; ср. фин. *koivu-lla*). С другой стороны, оно содержит свидетельства воздействия на средневепсские восточные и южновепсские говоры русских народных говоров, под воздействием которых ***l*** > ***u*** (*laval* > *lavau* > *lavou* ‘на полу’).

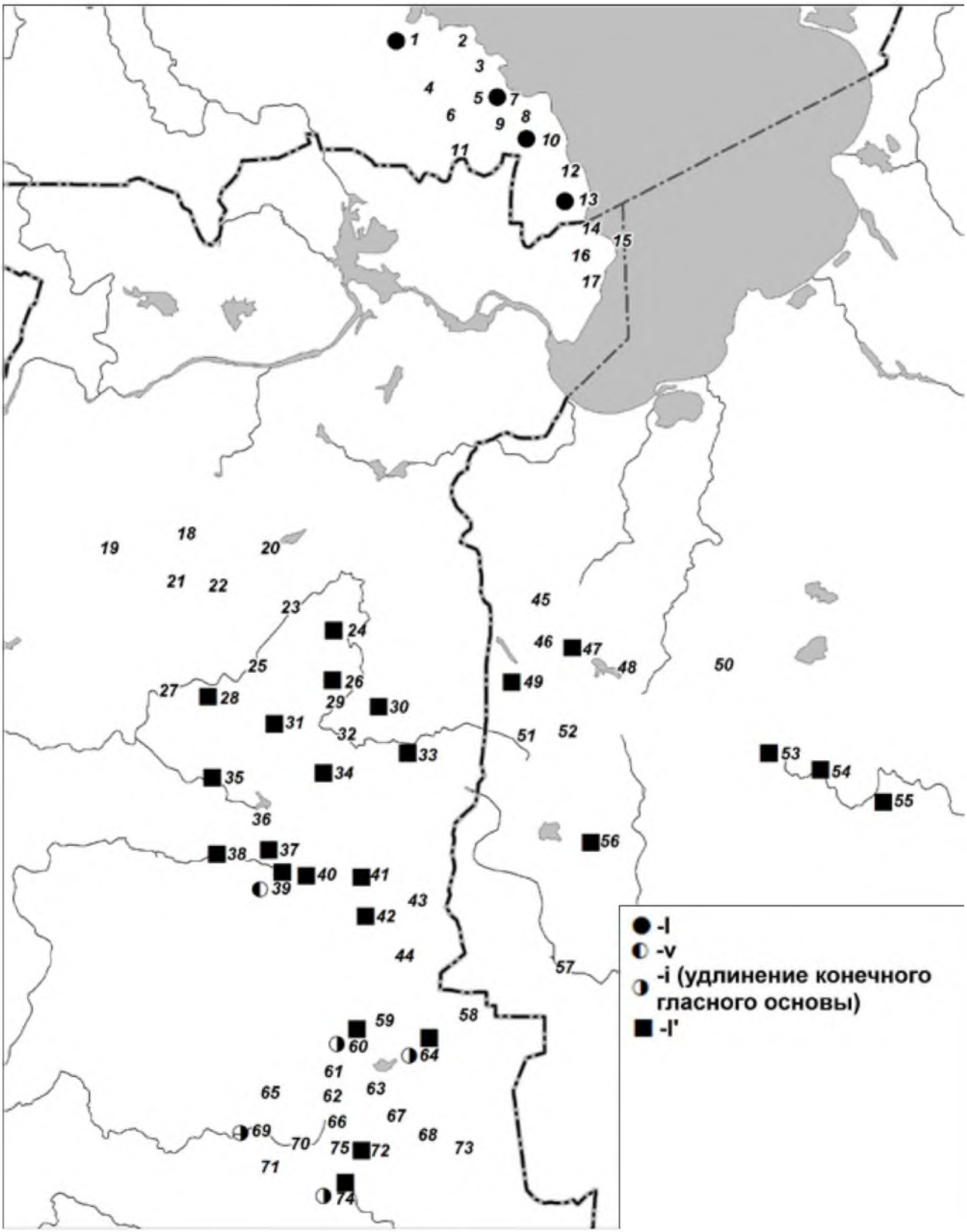
Н.Г. Зайцева

---

* Правда, последние названные пункты обладают двойственной позицией, имея в ряде слов, как об этом свидетельствует список перечисленного материала, вариант окончания *-l,* в ряде слов вариант окончания *-u: koivu-u, hüvü-u*; но — *koira-l, hebo-l*, — что говорит о незавершенности процесса.

18 (88). Варианты показателя адессива множественного числа

(на материале лексем: *päč* ‘печь’: *päči-l — päči-l’*; *kül’bet’* ‘баня’: *kül’beti-l — kül’beti-l’*;
mägi ‘гора’: *mägi-l — mägi-l’*; *sil’m* ‘глаз’: *sil’mi-l — sil’mi-l’* и т. д.)

Легенда карты

1) **-l**
-v
-i (удлинение конечного гласного основы)

2) **-l'**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-l**: *сев* Kas, Kl, Št, Š
-v: *ср* 39Har
-i (удлинение конечного гласного основы): *южн* 60Šid, 64Sod, 69Mas, 74Ars

2) **-l'**: *ср* Jä, Ladv, Mg, Pec, Vil, Nem, En, Rih, Reb, Har, Kor, Noid, Jog, Nür, Vär, Päž, Šim, Vl, Kj, Pnd // *южн* Mai, Šid, Ars, Sod

Цифровой индекс

1) **-l**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas
-v: 39Har
-i (удлинение конечного гласного основы): 60Šid, 64Sod, 69Mas, 74Ars

2) **-l'**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — päčil, kil'betil, mägil, sil'mil, kalį̄l, aitoil, höbį̄l, molembil; 2–6 — нет сведений; 7 — päčil, kül'betil, mägil, sil'mil, kalį̄il, aitoil, höbį̄l; 8–9 — нет сведений; 10 — päčil, kül'betil, mägil, sil'mil, kalį̄il, aitoil, höbį̄il, molembil; 11–12 — нет сведений; 13 — päčil, mägil, kil'betil, sil'mil, kaluil, aitoil, höboil, mol'embil; 14–23 — нет сведений; 24 — päčil', kül'betil', mägil', sil'mil', kaluil', eitoil', heboil'; 25 — нет сведений; 26 — päčil', kül'betil', mägil', sil'mil', kaluil', eitoil', heboil', molembil'; 27 — нет сведений; 28 — päčil', kül'betil', mägil', sil'mil', kaluil', aitoil', heboil', molembil'; 29 — нет сведений; 30 — päčil', kül'betil', mägil', sil'mil', molembil', kaluil', eitoil', heboil'; 31 — päčil', kül'betil', mägil', sil'mil', kaluil', aitoil', heboil', molembil'; 32 — нет сведений; 33 — päčil', kül'betil', mägil', sil'mil', kaluil', aitoil', heboil', molembil'; 34 — sil'mil', päčil', kil'betil', mägil', kaluil', eitoil', heboil', molembil'; 35 — päčil', mägil', sil'mil', heboil', molombil'; 36 — нет сведений; 37 — sil'mil', molembil'; 38 — päčil', kül'betil', mägil', sil'mil', heboil', molembil'; 39 — sil'mil', heboil', muugotil' ('у обеих, у обоих'), kil'betiv, päčiv; 40 — päčil', kül'betil', mägil', sil'mil', kaluil', eitoil', heboil', molembil'; 41 — päčil', kil'betil', mägil', sil'mil', kaluil', aitoil', heboil', molembil'; 42 — mägil', sil'mil', heboil'; 43–46 — нет сведений; 47 — päčil', kül'betil', sil'mil', heboil', molembil'; 48 — нет сведений; 49 — päčil', kül'betil', mägil', sil'mil', molembil'; 50–52 — нет сведений; 53 — mägil', süumil', aitoil', heboil', molombil'; 54 — päčil', tüubetil', mägil', süumil', kaluil', aitoil', heboil', molembil'; 55 — päčil', küubetil', mägil', süumil', molombil', eitį̄l', hebį̄l'; 56 — sil'mil', päčil', kil'betil', mägil', kaluil', eitoil', heboil', molembil'; 57–59 — нет сведений; 60 — mägool', aitool', hebool', molembiil'; päčii, kil'betii; 61–63 — нет сведений; 64 — sil'miil', hebool', moogotil' 'у обоих'; päčii; 65–68 — нет сведений; 69 — päčii; 70–71 — нет сведений; 72 — päčiil', kil'betiil', mägiil', sil'miil', molembiil', hebool'; 73 — нет сведений; 74 — sil'mil', hebool', molembiil', päčii, kil'betii; 75 — нет сведений.

Комментарий

Явление палатализации в той или иной степени встречается практически во всех прибалтийско-финских языках. Исследователи полагают, что в этом сказывается влияние фонетики русского языка. Однако Э. А. Тункело отмечает, что нет оснований данный процесс в вепсском языке объяснять полностью только русским влиянием. Он пишет, что и водский язык всегда соседствовал с русским, но в нем палатализация была не столь прогрессирующей, как в вепсском. В то же время в ливском языке, который с русским не контактировал, а находился в контактах с латышским языком, палатализация представлена значительно больше (особенно в случаях следов прогрессивной палатализации, зависящих от ***i*** и ***j***), чем в языке води [Tunkelo 1946: 531]. В вепсском языке палатализация тесно связана с отпадением ***i*** в конце слов и словоформ (*kel'* 'язык', ср. фин. *kieli*; *vel'l'* 'брат', ср. фин. *veli*), а также с исчезновением, как и в ливском языке, согласного ***j*** и последующим регрессивным воздействием

выпадения на впереди стоящий согласный звук (напр., *val'l'astada* 'запрячь', ср. фин. *valjastaa*).

Видимо, на вепсский язык все-таки сказалось и влияние русского языка. Явление палатализации фонетисты связывают с качеством гласных звуков. Если переднерядный гласный звук становился более или менее велярным, т. е. начинал утрачивать свою переднерядность, то это сказывалось на изменении качества согласного звука, который, напротив, смягчался [Tunkelo 1946: 503–504].

Возникнув, палатализация пронизала все сферы вепсского языка. Она особенно заметна в конце вепсских слов, где были урачены конечные гласные: *kel'* 'язык', *än'* 'голос', *sur'* 'большой'. В этих случаях мягкие согласные несут смыслоразличительную или фонематическую нагрузку: *nor'* 'молодой' ~ *nor* 'веревка', *kel'* 'язык' ~ *kel* 'колокол', *sen* (GenSing) от местоимения *se* 'тот, та, то' ~ sen' 'гриб (пластинчатый)'.

Поскольку качество согласных звуков в языке разное — одни звуки могут больше смягчаться (***l', n', s', t'***), а смягчение других не столь заметно (***v, b, k, m***), то в языке вепсов существует целый ряд слов, в которых палатализация передвинулась на предшествующий согласный звук : *tal'v* 'зима', *sil'm* 'глаз', *kor'b* 'лесная глушь', *kes'k* 'середина' и т. д.

Однако в целом за редкими исключениями палатализация не служит заметным маркером диалектных ареалов. Из многих случаев для картографирования было избрано поведение в говорах согласного звука ***-l*** в окончании падежей аллатива и адессива (карты 18, 19).

Задача карты 18 заключалась в выяснении поведения согласного ***-l*** в позиции после ***-i*** в форме адессива мн. числа. Собранный в полевых условиях, а также из источников материал показал, что в северновепсском диалекте в этом случае повсеместно выступает твердый ***-l*** (*kül'betil 'на бане', höbįl 'на лошади', kalįil 'палками'* и т. д.), являясь в этом случае своеобразным показателем речи северных вепсов.

В средневепсском и южновепсском ареалах в указанной позиции выступает чаще ***-l'***. В ряде южновепсских пунктов окончание адессива ***-l*** отсутствует, и форма адессива заканчивается на долгий ***-ii***: Прокушево (Šid): *päčii* 'на печи', *kil'betii* 'на бане'; Сидорово (Sod): *päčii*; Радогощь (Ars): *päčii, kil'betii*; Маслово (Mas): *päčii*. Это особенно присуще основам на ***-i***, у которых форма адессива ед. числа также обладает основой на ***-i***. Более того, названное явление свойственно не только южновепсскому, но и диалектам финского, эстонского, водского, карельского языков [Airila 1955: 144–162]. Такое положение вещей даже позволило в свое время исследователям предполагать в праязыке наличие двух показателей мн. числа: долгого ***-ii*** и краткого ***-i*** [см., напр.: Tunkelo 1938]. В. Поркка выдвигал в свое время иную гипотезу генезиса долгого ***-i***. Он назвал это явление "Erzatzdehnung", т. е. «возмещение удлинением» [Porkka 1885: 40, 122], поскольку долгий ***-i*** преобладал в формах тех падежей, в которых исторически отпали конечные гласные (инессив, элатив, адессив, аблатив, эссив, транслатив), а затем обобщился.

В картографируемом случае трудно решить, обладает ли ***-i*** тем же характером. Для южновепсского диалекта, характеризующегося возникновением долгих гласных вторичного происхождения (*laad* 'доска', *heboone* 'лошадка', *mučuine* 'маленький'), характерна вокализация твердого ***-l*** и переход его в гласный ***-u*** с последующим возникновением дифтонга, а затем и долгого гласного: *haag* < *haug* < **halg* (ср. в других диалектах *haug* 'дрова'); *vaaged* < *vauged* < **valged* (ср. в других диалектах *vauged* 'белый'). Подобная вокализация ***-l*** свойственна всем вепсским диалектам, т. е. произошла в ранний период развития вепсского языка [Tunkelo 1946: 437]. Однако южновепсский диалект пошел дальше в своем развитии, преобразовав многие дифтонги в долгие гласные. В этом случае можно предположить, что в качестве окончания адессива в нем был изначально твердый ***-l***, который впоследствии вокализовался.

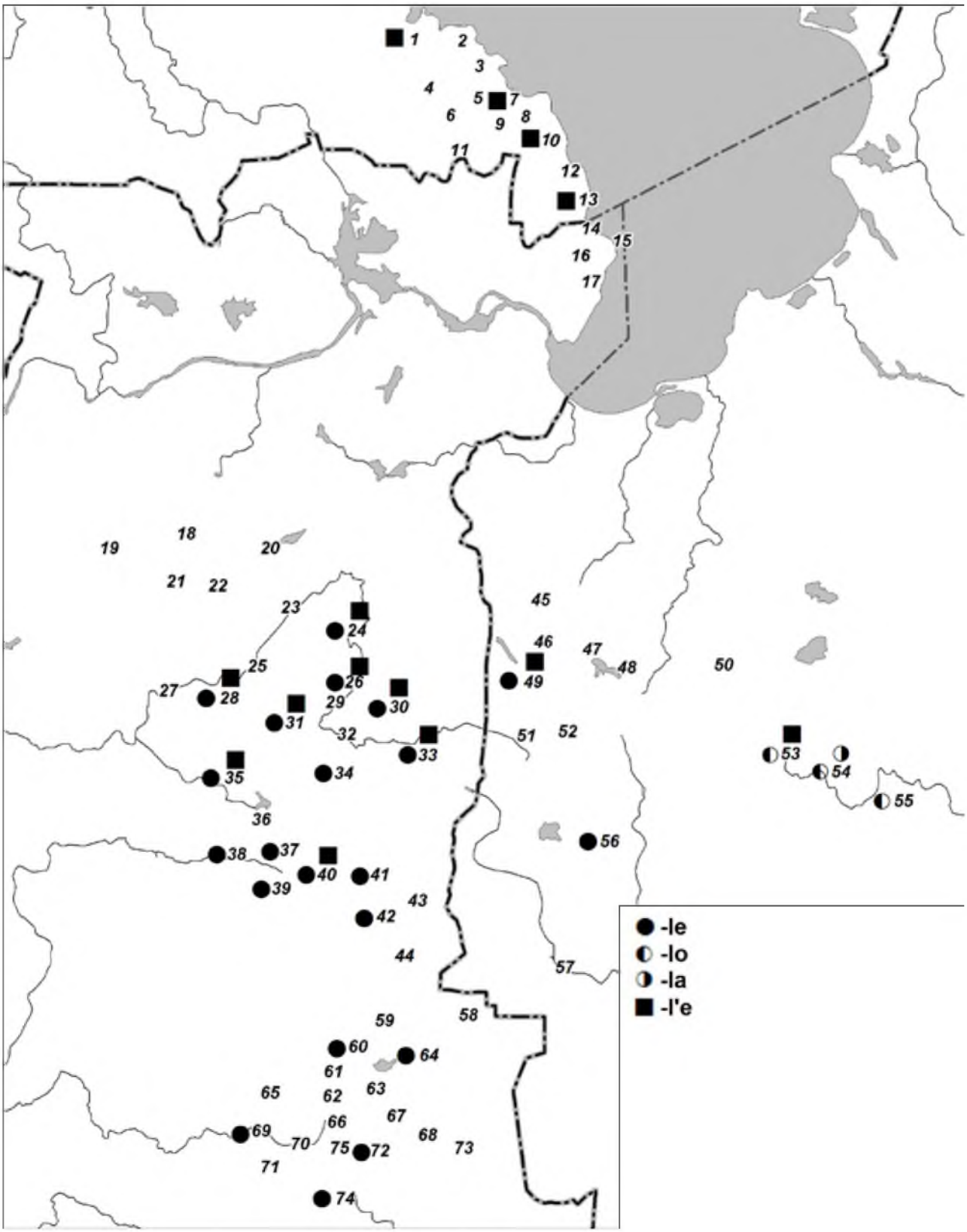
В западновепсском пункте Харагеничи (Har) в форме адессива отмечены формы *kil'betiv, päčiv*. В этом случае можно говорить о переходе твердого ***l*** в ***v***. Это явление не характерно для вепсского языка. Оно свойственно, например, формам глагола третьего лица ед. числа презенса индикатива в тверских говорах карельского языка: *jiäv* 'останется', *eläv* 'живет', *kazvaw* 'растет', *kävüw* 'ходит' [Зайков 2000: 50].

В качестве вывода можно констатировать, что твердый вариант окончания адессива характеризует северновепсский диалект в противоположность средневепсскому и южновепсскому ареалам, где он произносится в этом случае мягко.

Н. Г. Зайцева

19 (89). Варианты показателя аллатива единственного числа

(на материале лексем: *hüvä* ‘хороший’: *hüvä-le, hüvälo — hüvä-l’e*; vö ‘пояс’: *vö-le, vö-lo — vö-l’e*; *semen* ‘семя’: *semne-le, semne-lo — semne-l’e*; *pert’* ‘дом’: *perti-le, perti-lo — peti-l’e* и т. д.)

Легенда карты

1) **-le**
-lo
-la

2) **-l'e**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-le**: *ср* Ladv, Mg, Jä, Rih, Pec, Vil, En, Kor, Nem, Vär, Noid, Jog, Nür, Reb, Har, Päž // *южн* Mai, Mas, Šid, Ars, Sod
-lo: *ср* Vl, Kj, Pnd
-la: *ср* Kj

2) **-l'e**: *сев* Kas, Kl, Št, Š // *ср* Jä,Rih, Vil, En, Ladv, Pec, Nem, Vär, Nür, Pnd

Цифровой индекс

1) **-le**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
-lo: 53Pnd, 54Kj, 55Vl
-la: 54Kj

2) **-l'e**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 35En, 40Nür, 49Vär, 53Pnd

Список картографируемого материала

1 — hiväl'e, völ'e, pertil'e, höbol'e, semnel'e, akal'e, koivul'e; 2–6 — нет сведений; 7 — hüväl'e, pertil'e, hebol'e, koivul'e, akal'e; 8–9 — нет сведений; 10 — hüväl'e, völ'e, pertil'e, höbol'e, akal'e, koivul'e; 11–12 — нет сведений; 13 — hüväl'e, pertil'e, semnel'e, höbol'e, völ'e, akal'e, koivul'e; 14–23 — нет сведений; 24 — hüväle, völe, semnele, akale, koivule, hebole, pertil'e; 25 — нет сведений; 26 — hüväle, völe, semnele, hebole, koivule, akale, pertil'e; 27 — нет сведений; 28 — hüväle, völe, semnele, hebole, akale, koivule, pertil'e; 29 — нет сведений; 30–31 — hüväle, semnele, koivule, völe, hebole, akale, pertil'e; 32 — нет сведений; 33 — hüväle, semnele, völe, hebole, akale, koivule, pertil'e; 34 — hiväle, pertile, vele, semnele, akale, koivule, hebole; 35 — akale, koivule, hebole, pertil'e, semnel'e; 36 — нет сведений; 37 — pertile, akale, hebole; 38 — hüväle, völe, pertile, semnele, hebole, akale, koivule; 39 — hüväle, küle, pertile, semnele, hebole, akale, koivule; 40 — hüväle, völe, semnele, akale, koivule, hebole, pertil'e; 41 — hüväle, völe, pertile, semnele, hebole, akale, koivule; 42 — akale, hebole; 43–48 — нет сведений; 49 — hüväle, semnele, akale, koivule, pertil'e; 50–52 — нет сведений; 53 — hüvälo, semnelo, hebolo, akalo, koivulo, pertil'e; 54 — hüvälo, völo, pertilo, semnelo, akalo, hebolo, koivulo, stupjala 'ступней' [OBP: 178], kožuhala 'на кожух (печи)' [OBP: 179]; 55 — hüvälo, külo, völo, pertilo, semnelo, akalo, kįivhulo, hebolo; 56 — hüväle, völo, pertile, semnele, hebole, akale, koivule; 57–59 — нет сведений; 60 — pertile, hebole, akale, koivule; 61–63 — нет сведений; 64 — hüväle, pertile, semnele, hebole, akale, koivule; 65–68 — нет сведений; 69 — akale, hebole; 70–71 — нет сведений; 72 — semnele, pertile, akal'žele, koivule, hebole; 73 — нет сведений; 74 — hebole, koivule, akal'žele; 75 — нет сведений.

Комментарий

Как было отмечено в комментарии к лингвистической карте 18, палатализация за редкими исключениями хотя и не служит заметным маркером диалектных ареалов, тем не менее может характеризовать отдельные формы. В частности, для карты 19 было избрано поведение в говорах согласного звука ***-l*** в окончании падежа аллатива в единственном числе. В ряде говоров он палатализован, в других является исключительно твердым.

Картографируемый материал показал, что окончание аллатива в вепсском языке выступает в нескольких вариантах: ***-le, -lo, -la*** и ***-l'e.*** Если на карте 18 северновепсский диалект характеризовался в окончании адессива мн. числа твердым ***-l***, то в случае с аллативом северновепсский диалект, напротив, определяется мягким вариантом окончания ***-l'e***: *d'ärve**l'e*** 'на озеро', *d'oge**l'e*** 'на реку'.

В других говорах картина поведения ***-l*** достаточно пестрая. В лексеме *pertil'e*, обладающей основой ед. числа на ***-i***, во многих говорах употребителен вариант окончания ***-l'e***. Он характерен как для западных, так и для восточных говоров. Однако

в других типах основ (в картографируемом случае в основах на *-a, -ä, -o, -ö, -u, -ü, -e*) согласный ***-l*** в окончании всегда твердый. После него в составе окончания выступают лабиализованные гласные: отодвинутый назад ***-ę, -o*** или даже ***-a***. На это же явление в свое время обращали внимание исследователи исторической фонетики вепсского языка Л. Кеттунен и Э. А. Тункело [см., напр.: Tunkelo 1946: 516, 636].

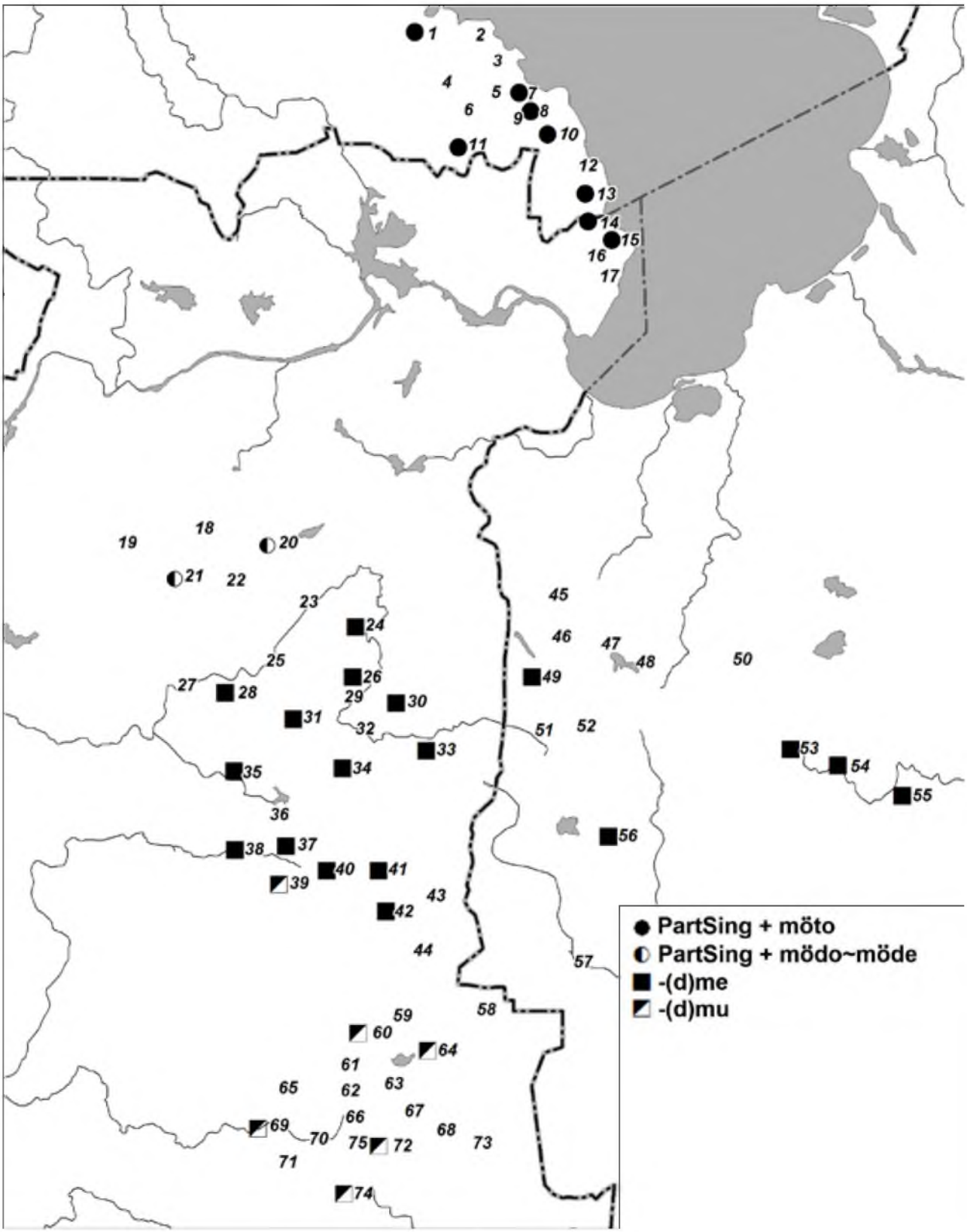
Гласный ***-o*** в составе окончания аллатива характерен для языка восточных вепсов (п. Vl, Kj, Pnd: *tanha**lo*** ‘на двор’). В Куе (Kj), кроме того, в основах на ***-a*** наблюдаются даже случаи окончания аллатива ***-la*** (*tanha**la***). Можно высказать в качестве гипотезы идею о том, что на этом явлении могло сказаться и изменение характера произношения в вепсском языке согласного *-l* под воздействием русского *-л*, за чем мог последовать в ряде слов переход *e* > *ę* > *o*.

Таким образом, палатальный ***-l’*** в составе окончания аллатива характеризует полностью северновепсский диалект в противовес среднему и южному диалектам, что можно считать его характерной особенностью. Средневепсский и южновепсский используют мягкий вариант окончания лишь после основ ед. числа на ***-i***; во всех остальных случаях произошла лабиализация гласного звука и тем самым веляризация гласного ***-l*** в составе окончания аллатива. При этом мягкость согласного ***-l*** в составе окончания адессива в северновепсском диалекте не перешла в разряд морфонологических явлений, характеризующих только форму аллатива, поскольку отмечается и в других формах, где после согласного ***-l*** употребляется именно ***-e***: *tul’e* ‘иди’, *kuul’ed* ‘(ты) слышишь’, *mol’embad* ‘оба, обе’ и т. д.

Н. Г. Зайцева

20 (93). Варианты показателя пролатива единственного числа

(на материале выражений: *Mö (mii) astuim dorogad möto ~ tedme, ~ dorogadme,~ tedmu*
'Мы шли по дороге'; *Ujuda vet möto ~ vetme ~ vetmu* 'Плыть по воде')

Легенда карты

1) **PartSing + möto**
PartSing + mödo ~ möde

2) **-(d)me**
-(d)mu

Расшифровка легенды карты диалектам

1) **PartSing + möto**: *сев* Kas, Kuk, Kl, Št, Š, Mec, Ms, Per
PartSing + mödo ~ möde: *ср* Kar, Čik

2) **-(d)me**: *ср* Vl, Kj, Pnd, Vär, Päž, L, Rih, Jä, Mg, Vil, Nem, Reb, Pec, Kor, Nür, Noid, Jog, En
-(d)mu: *ср* Har // *южн* Mai, Sod, Šid, Ars, Mas

Цифровой индекс

1) **PartSing + möto**: 1Š, 7Št, 8Mec, 10Kl, 11Ms, 13Kas, 14Kuk, 15Per
PartSing + mödo ~ möde: 20Čik, 21Kar

2) **-(d)me**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž
-(d)mu: 39Har, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — mö astįm dorogad möto; kivid möto ‘по камням’; 2–6 — нет сведений; 7 — mö astįm dorogad möto; kivid möto astta om düged ‘по камням тяжело идти’; 8 — mäne edel’eze dorogad möto [VRS: 59] ‘иди дальше по дороге’; 9 — нет сведений; 10 — mö mänim dorogad möto; kivid möto om düged mända ‘по камням тяжело идти‘; 11 — oigenda ol’g dorogašt möto [VRS: 103] ’расстели солому по тропинке’; 12 — нет сведений; 13 — mö mänim dorogad möto; uida vet möto venehel; 14 — verkįid möto i kala puutub [VV: 547] ‘какие сети (по сетям) такова и рыба‘; 15 — (dorogad) möto [Tunkelo 1946: 578] ‘вдоль‘ (дороги); 16–19 — нет сведений; 20 — (dorogad) möde [Tunkelo 1946: 581] ‘вдоль (дороги)‘; dorogad mödo [ФА ИЯЛИ, пленка 92]; 21 — dorogad möde [Tunkelo 1946: 578] ‘по дороге’; 22–23 — нет сведений; 24 — mii astuimei dorogadme; ajada vededme venhuu; 25 — нет сведений; 26 — mii astuimei dorogadme; ujuda vededme venhuu; 27 — нет сведений; 28 — mii astuimei dorogadme; ujuda vededme venehes; 29 — нет сведений; 30 — mii astuimei dorogadme; ujuda vetme venhuu; 31 — mii astuimei dorogadme; ajada venhuu vetme; 32 — нет сведений; 33 — mii astuimei dorogadme; ajoim venehel vetme; 34 — mii astuimei tedme; ujuda vededme venhou; 35 — astta dorogadme; ujuda vededme; 36 — нет сведений; 37 — astuimei dorogadme; ujuda vetme; 38 — dorogadme, vededme; 39 — dorogadmu, vedemu; 40 — mii astuimei dorogadme; ujuda venhuu vededme; 41 — mii astuimei dorogadme; ajada venhuu järvedme; 42 — astuimei dorogadme; ujuda järvedme; 43–48 — нет материала; 49 — astuimei tedme; ujuda vetme; 50–52 — нет сведений; 53 — mö astuim tedme; ujuda vetme venehüu; 54 — mö astuim tedme; ujuda vedome venehes; 55 — mö astįm tedme; ujuda vedome venehüu; 56 — mö astuimai dorogadme; ujuda vededme venehuu; 57–59 — нет сведений; 60 — mö astuimaa tedmu; ujuda venhee vetmu; 61–63 — нет сведений; 64 — mö astuuma tedmu; ujuda vetmu; 65–68 — нет сведений; 69 — astum tedmu; me ujuimaa vetmu; 70–71 — нет сведений; 72 — me astuimaa tedmu; ujuda venhee vetmu; 73 — нет сведений; 74 — tedmu, vetmu; 75 — нет сведений.

Комментарий

Карта 20 призвана отобразить особенности оформления падежа позднего послеложного образования пролатива. Древний вепсский пролатив с окончанием ***-či*** практически исчез из живого именного словоизменения. Названный формант ***-či*** широко представлен в вепсских диалектных регионах как суффикс наречий или послелогов (*siriči* ‘мимо’, *üliči* ‘в***е**рхом’, *päliči* ‘через’ и т. д.). Изредка можно встретить выражения типа *tulda sareiči* ‘пройти через сарай’, *mända küliči* ‘пройти деревней’, но и в этом случае данные образования воспринимаются как наречные: они употребляются только с глаголами, не могут иметь при себе определения, выполняют в предложении лишь роль обстоятельства и т. д.

Очевидно, явление образования новой формы пролатива с окончанием *-dme* происходило поэтапно. В диалектах вепсского языка представлены некоторые промежуточные ступени развития. Прежде всего, появилась серия послелогов, которая представлена как *mödha, mödhe, möto*. В северновепсском ареале функционируют все названные формы, причем произошла некоторая конкретизация

значений: *mödha, mödhe*, употребляясь с формой генитива или аллатива, имеют значение ‘в соответствие с чем-либо; по чему-либо’ (*sinun mödhe* ‘по-твоему’, *hänele mödha* ‘вслед ему, как он’). Послелог же *möto* в сочетании с формой партитива обладает значением пролативности, т. е. движения по чему-либо. Вследствие этого во всем северновепсском регионе поздняя форма пролатива не возникла, вместо нее употребляется послеложная конструкция: PartSing + послелог *möto*.

Что касается иных диалектных зон, то послелог в форме *möde (mödo)* удалось обнаружить в средневепсском западном ареале (Čik, Kar) в записях Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН*: *ted mödo* ‘по дороге’, *Ajatid mödo* ‘по Ояти’. Вариант *mödo* по сравнению с вариантом *möto* фонетически более правилен и ожидаем в вепсском языке, поскольку в позиции между двумя гласными в нем исторически должно было произойти озвончение согласного звука (ср., напр., *raba* ‘пивная гуща’, *kägi* ‘кукушка’, *tädi* ‘тетя’, *vezi* ‘вода’ и т. д.). Вариант послелога с глухим согласным напоминает форму послелога нынешнего собственно карельского наречия типа *myöte(n), myöti* с идентичным значением. В ливвиковском наречии карельского языка в KKS отмечена форма типа *myödi* [KKS, III 1983: 408] с указанием как редкая, а в словаре ливвиковского наречия карельского языка Г. Н. Макарова зафиксирован лишь послелог *müö* ‘по, вдоль’ [Макаров 1990: 218]. Форма *müödü*, имеющая в своем составе звонкий ***-d***, содержится в некоторых ливвиковских сложных словах типа *müödü/karvah* ‘по шерсти’, *müödü/mägeh* ‘под гору’, *müödü/päiväh* ‘по солнцу’ [Макаров 1990: 218], придавая сложному слову значение пролативности. Подобные сложные слова отмечаются и в вепсском языке: *möd/vedhe* ‘по течению’, *möd-mödeiti* ‘следом друг за другом’ [СВЯ: 347], где также выступает звонкий согласный ***-d***.

Нынешняя форма северновепсского послелога *möto* с глухим согласным внутри формы по своему внешнему облику выглядит несколько чужеродно, напоминая, на наш взгляд, севернокарельские говоры.

Для средневепсских говоров и южновепсского ареала свойствен способ передачи значения пролативности при помощи падежа пролатива с окончанием *-dme, -dmu*. В южновепсском диалекте первая часть окончания ***-d*** часто опускается, и пролатив маркируется формантом ***-mu***, напоминая в этом случае падежи раннего происхождения. Элемент окончания ***-d*** в составе окончания пролатива, так же как и в окончании комитатива, необязателен для употребления и в восточновепсских говорах, хотя здесь он встречается значительно чаще.

Отметим, кроме того, что в отдельных говорах при образовании формы пролатива постепенно стала утрачиваться согласная основа, которая исторически должна бы была употребляться в двухосновных именах, и, таким образом, обобщилась гласная основа, о чем наглядно свидетельствуют восточновепсские формы: *vedome* (ср. *vetme*) ‘по воде’, *lumeme* (ср. *luntme*) ‘по снегу’ (Kj, Vl). При картографировании это обстоятельство не принималось во внимание.

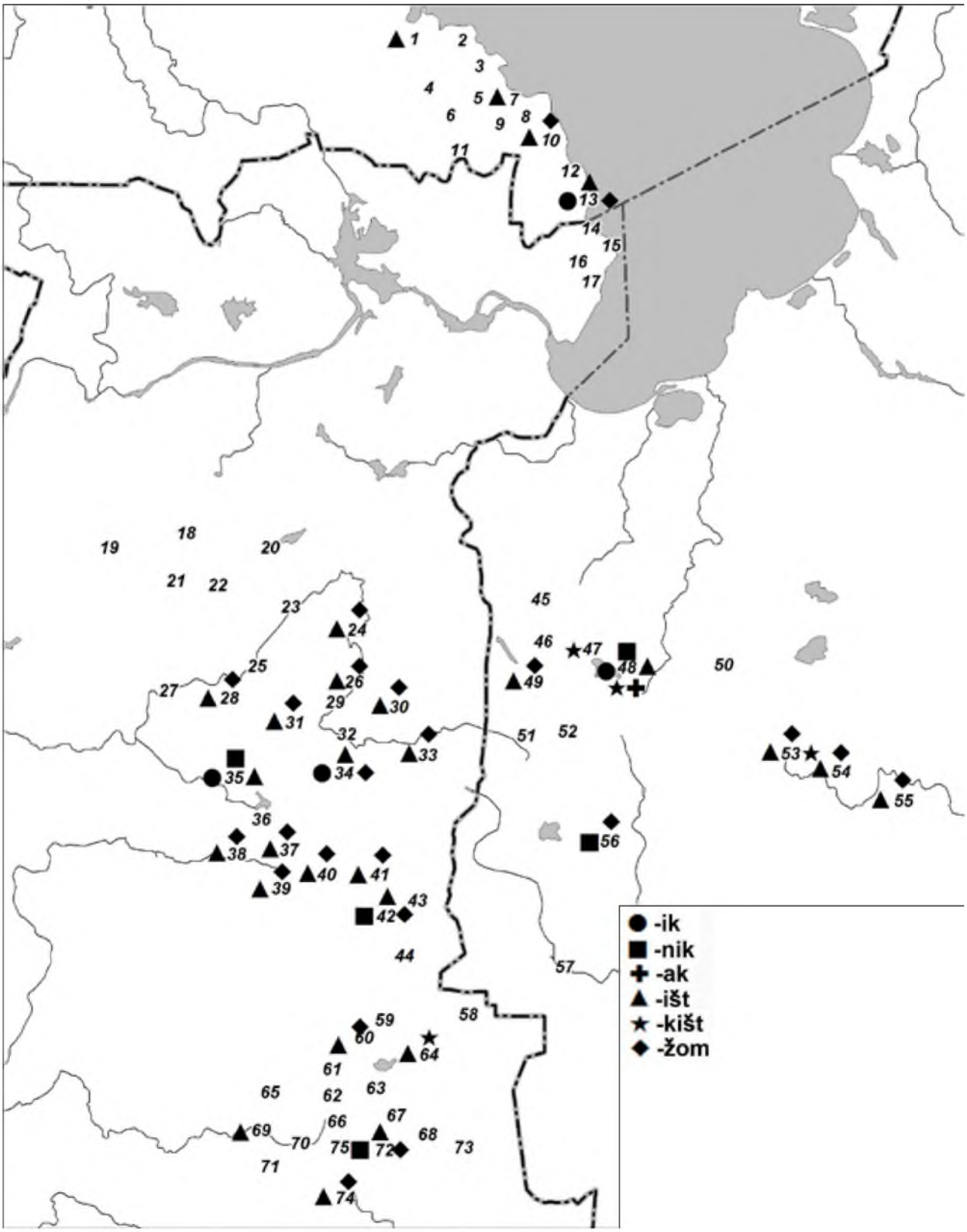
Таким образом, лингвистическая карта, посвященная пролативу, демонстрирует резкое противопоставление северновепсского средневепсскому и южновепсскому ареалам и отражает, очевидно, влияние карельского языка (северные собственно карельские говоры), где падеж пролатив в подобном оформлении также отсутствует, а на месте его бытует генетически родственная послеложная конструкция.

Н. Г. Зайцева

* ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН. Пленка 92. Запись М. М. Хямяляйнена.

21 (105). Варианты именных словообразовательных суффиксов с коллективно-собирательным значением

(на примере образования слов: *koivišt, koivžom, koivik* ‘березняк’; *kuzišt, kuz’žom* ‘ельник’; *babarmišt, babarmžom, babarmik* ‘малинник’; *mustižnik, mustikžom* ‘место, поросшее черникой, черничник’; *nor’žom, norišt* ‘молодежь’ и т. д.)

Легенда карты

1) **-ik** 2) **-nik** 3) **-ak** 4) **-išt** 5) **-kišt** 6) **-žom**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-ik**: *сев* Kas // *ср* En, Mg, Pk
2) **-nik**: *ср* En, Noid, Pk, Päž // *южн* Mai
3) **-ak**: *ср* Pk
4) **-išt**: *сев* Kas, Kl, Št, Š // *ср* Ladv, Jä, Vil, Rih, Pec, Nem, En, Mg, Kor, Nür, Har, Reb, Jog, Noid, Pk, Vär, Kj, Vl, Pnd // *южн* Mai, Mas, Šid, Ars, Sod
5) **-kišt**: *ср* PK, Šim, Pnd // *южн* Sod
6) **-žom**: *сев* Kas, Kl // *ср* Ladv, Jä, Vil, Rih, Pec, Nem, Mg, Kor, Nür, Reb, Har, Jog, Noid, Vär, Päž, Šim, Kj, Vl, Pnd // *южн* Mai, Šid, Ars

Цифровой индекс

1) **-ik**:13Kas, 28Vil, 34Mg, 35En, 48Pk, 64Sod
2) **-nik**: 35En, 42Noid, 48Pk, 56Päž, 72Mai
3) **-ak:** 48Pk
4) **-išt**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
5) **-kišt**: 53Pnd, 47Šim, 48PK, 64Sod
6) **-žom**: 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — koivišt, kuuzišt, babarmišt, mustikišt, norišt; 2–6 — нет сведений; 7 — koivsija, mustiksija, kuuzišt, babarmišt, norišt; 8–9 — нет сведений; 10 — koivišt, babarmišt, norišt, kuuz'žom ~ kuuzišt, mustikžom; 11–12 — нет сведений; 13 — koivišt ~ koivžom, babarmišt, norišt, kuz'žom, mustikžom ~ mustikbarbik; 14–23 — нет сведений; 24 — koivišt, norišt, babarmžom; 25 — нет сведений; 26 — koivišt, norišt, babarmžom, mustikžom; 27 — нет сведений; 28 — koivik [СВЯ: 218], koivišt, kuzišt, babarmišt, norišt, mustikžom; 29 — нет сведений; 30 — kuzišt, norišt, babarmržom, mustikžom; 31 — koivišt, norišt, babarmžom, mustikžom; 32 — нет сведений; 33 — koivžom, babaržom, musť žom~mustikžom, norišt; 34 — koivišt, norišt, kuz'žom, mustikžom, babarmik; 35 — koivik, mustiknik, kuzišt, babarmišt, norišt; 36 — нет сведений; 37 — koivišt, norišt, babarmžom, mustikžom; 38 — koivišt, norišt, kuššom*; 39 — koivišt, babarmišt, norišt, kuz'žom, mustikžom; 40 — koivišt, norišt, babarmžom, mustikžom; 41 — koivišt, babarmišt, norišt, kuz'žom, mustikžom; 42 — koivišt~koivžom, kuzišt, norišt(od), mustikžom, babarmnik; 43–46 — нет сведений; 47 — mustikžom [СВЯ: 340], mustikkišt [СВЯ: 340]; 48 — babarnik, koivak ~ koivišt, kuz'hišt, norišt, mustižnik, mustikkišt [СВЯ: 340]; 49 — koivišt, babarmišt, mustikišt, norišt, kuz'žom; 50–52 — нет сведений; 53 — koivžom, kuz'žom, babarmžom, mustikžom, norišt; bolkišt 'брусничник' [СВЯ: 209], manzikkišt 'заросли земляники' [СВЯ: 209] 54 — koivžom, kuz'žom, babarmžom, mustikžom, norišt; 55 — koivžom, kuz'žom, babarmžom, mustikžom, norišt; 56 — koivunik, mustikžom; 57–59 — нет сведений; 60 — koivišt, kuzišt, babarmišt, noržom (nored); 61–63 — нет сведений; 64 — babarmik [СВЯ: 38], mustikkišt [СВЯ: 340], koivišt, kuzišt, babarmišt; 65–68 — нет сведений; 69 — koivišt, kuzišt, babarmišt; 70–71 — нет сведений; 72 — koivišt, kuzišt, babarmišt, mustišnik, noržom; 73 — нет сведений; 74 — koivišt, nor'žom; 75 — нет сведений.

Комментарий

Словообразовательная система вепсского языка достаточно богата; в ней особенно много глагольных словообразовательных суффиксов, которые передают различного рода видовые и залоговые оттенки. Глагольным суффиксам вепсского языка посвящена прекрасная монография М. И. Зайцевой [Зайцева 1978], в которой они представлены с точки зрения их семантики, разновидностей, способов присоединения к словообразовательным основам, особенностей их функционирования. Однако именные словообразовательные суффиксы вепсского

* В лексеме *kuššom* произошло оглушение конечного мягкого согласного *-z'*, повлекшее за собой оглушение начального согласного суффикса *-žom*: *-žom* > *-šom*, что не влияет на семантику суффикса.

языка в поле зрения исследователей не попали; известен лишь их более или менее полный перечень, который повторяется из работы в работу [см., напр., СВЯ: 729–731].

Для выражения семантики собирательности, коллективности, множественности в диалектах выявлены следующие суффиксы: ***-ik, -nik, -ak, -išt, -kišt, -žom*** и их варианты.

Отыменный суффикс ***-ik*** в вепсском языке представлен фрагментарно: он был выявлен в собранном материале лишь в четырех случаях (Kas, En, Mg, Pk), зафиксированных у северных вепсов, и в некоторых говорах западных вепсов. В финском же языке, где он имеет вид ***-kko, -ikkö*** (*heinikko* ‘лужайка’, *hyllykkö* ‘стеллаж’), суффикс употребителен исключительно широко. Список значений суффикса в нем обширен: диминутивность, посессивность, место, собирательность и т. д. [Хакулинен 1953: 135–136]. Эти же семантические характеристики суффикса обозначены и в современной грамматике финского языка [ISK 2005: 206].

Как свидетельствуют словари карельского языка, суффикс продуктивен в собственно карельском и ливвиковском наречиях карельского языка (см., напр.: *koivikko* [KKS 1974: 282]; *huavikko* ‘осинник’, *koivikko* ‘березняк’, *kuwzikko* ‘ельник’ [Макаров 1990: 74, 150, 168]; *huavikko* ‘осинник’, *koivikko* ‘березняк’, *kuwžikko* ‘ельник’ [Пунжина 1994: 56, 110, 124], *koivikk* ‘березняк’, *kuužikk* ‘ельник’ [LMS 1944: 145, 178]).

Полагают, что суффикс состоит из двух элементов: ***-i*** + ***-kko***. На почве вепсского языка после утраты конечного гласного в форме номинатива, а также после превращения геминаты в одиночный согласный суффикс приобрел вид ***-ik***. При присоединении суффикса к основе имени конечный гласный основы замещается начальным звуком суффикса ***-i***: *koiv* ‘береза’ (SNomSing) → *koivu-n* (SGenSing) → *koiv-ik*; *babarm* ‘малина’ (SNomSing) → *babarmo-n* (SGenSing) → *babarm-ik*.

В ряде говоров с тем же коллективно-собирательным значением (En, Noid, Pk, Päž, Mai) появился суффикс ***-nik***: *mustik**nik**, mustiž**nik**, babarmn**ik**, koivu**nik***. В вепсском языке, так же как и в карельском, широко употребителен суффикс ***-nik***, который считается русским заимствованием (типа *лесник, охотник* и т. д.) и обладает значением именования лица, выполняющего какое-либо действие: *mecnik* ‘охотник’, *kalanik* ‘рыбак’, *kanznik* ‘член семьи’ и т. д. Можно предположить, что в названных говорах два суффикса ***-ik*** и ***-nik*** могли объединиться и употребляться в качестве синонимов друг друга в опрашиваемом значении. Впрочем, скорее произошло заимствование из русского языка, в котором суффикс ***-ник*** обладает многими значениями, в том числе и коллективности, и места: *кустарник, малинник, черничник* и т. д.

Любопытным является факт из пункта Пелкаска (Pk), где существительное, имеющее значение ‘березняк’, зафиксировано в форме *koiv**ak***. При сборе материала в словах с коллективной семантикой подобный облик суффикса больше не был отмечен, хотя он часто выступает в географической лексике (напр., *sarjak* ‘любой участок суши в виде островка’; *nemak* ‘полуостров’; *kendäk* ‘берег реки’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 38, 63, 89]). Некоторое количество образований с собирательной семантикой, в которых используется вариант суффикса с инициальным *-a*, отмечен в финском языке, однако *-a* в этом случае не включается в состав суффикса *-(i)kko*, например, *juurakko* ‘корневище’ (ср. основа: *juure-*) [ISK 2005: 206–207]. Возможно, что и вепсский вариант *koivak* ‘березняк’ входит в этот же прибалтийско-финский ряд. На карте он помечен отдельным знаком, сигнализируя об особом характере явления.

Суффиксы ***-ik, -ak, -nik*** не являются в обследуемых говорах единственными; наряду с ними или даже более продуктивно выступают иные коллективные суффиксы. Это, прежде всего, суффикс ***-išt***, основное значение которого также коллективность или собирательность. В финском языке он обладает формой ***(-i)sto*** и обозначает как коллектив, так и определенное место. В ходе создания финского литературного языка он оказался востребованным для производства множества новообразований, в том числе и от прилагательных (*hienosto* ‘высший свет’ < *hieno* ‘прекрасный, отличный’ [ISK 2004: 205]), что вепсскому языку не свойственно.

В вепсском языке конечный гласный в суффиксе ***-išt*** (ср. фин. ***-isto***) в форме номинатива отпал, сохранившись в основе. В позиции после ***-i*** в соответствии с общевепсским правилом [Tunkelo 1946: 242] произошел звукопереход ***s*** > ***š***. Условия присоединения суффикса к основе слова аналогичны тем, которые функционируют при присоединении суффикса ***-ik***: конечный гласный основы замещается начальным звуком суффикса ***-i***: *koivu-n* → *koiv-išt*, *babarmo-n* → *babarm-išt*.

В качестве коллективного суффикса в диалектах вепсского языка употребляется также суффикс ***-žom***. В «Словаре вепсского языка» он представлен и как отдельная лексема *žom* ‘место, обильно поросшее ягодами, грибами’[СВЯ: 553], и как часть сложного слова, которое также обладает значением собирательности или коллективности. В грамматическом очерке, приложенном к словарю, ***-žom*** отмечен и как суффикс с коллективным или собирательным значением [СВЯ: 729]. Отметим, что лексема *žom* в самостоятельном употреблении в вепсском

языке встречается исключительно редко — в словаре зафиксировано лишь два случая. В сложных же словах элемент ***-žom*** стал более напоминать словообразовательный суффикс, употребляясь исключительно часто и придавая новым словам семантику коллективности или собирательности: *heinžom* ‘место, поросшее густой травой’, *sen'žom* ‘место, обильное грибами’, *vezižom* ‘водянистое место’ и т. д. Суффикс ***-žom*** присоединяется к усеченной основе без конечного гласного, не наращивая ее ничем: *babarmžom* ‘малинник’, *mustikžom* ‘черничник’, *kaumžom* ‘кладбище’. Данный суффикс характерен для вепсского языка, составляя его своеобразие, и в родственных языках не функционирует. «Этимологический словарь финского языка» связывает ***-žom*** по происхождению с существительным *sema* ‘группа, множество, большое количество или сумма, куча’ [SKES 1969: 997]. Семантика слов с суффиксом ***-žom*** поддерживает это положение. Он может присоединяться к существительным, реже к прилагательным (*nor'žom* ‘молодежь’).

Следует отметить, что суффиксы ***-išt*** и ***-žom*** широко представлены в топонимах. И. И. Муллонен пишет о том, что, на ее взгляд, «на апеллятивном уровне… суффикс ***-išt*** со значением коллективности малопродуктивен», и этому способствовала его занятость на онимическом уровне. В названиях мест территория его употребления больше сосредоточена в северновепсском и восточновепсском ареалах [Муллонен 1994: 23, 81–82], и поэтому для обозначения коллективного значения здесь наиболее употребителен суффикс ***-žom.*** Что касается языка белозерских или восточных вепсов, то здесь выводы И. И. Муллонен совпали с выводами атласа. В пунктах Пондала, Куя, Войлахта, Пяжозеро (Pnd, Kj, Vl, Päž) суффикс ***-išt*** был выявлен в рамках собираемого материала лишь в одном случае: в лексеме *norišt* ‘молодежь’. Отметим, что в других прибалтийско-финских языках в том же значении ‘молодежь’ употребительна лексема *nuoriso* (фин.), *nuorižo, nuoriso, nuorizo* (кар.) [см.: Макаров 1990: 235; Федотова, Бойко 2009: 183], у которой предполагается иной словообразовательный путь: в ней суффиксом является лишь *-o*. Данное существительное образовано от прилагательного на *-inen*, которое, как известно, обладает основой на *-ise-*. При присоединении суффикса *-o* конечный гласный основы *-e* выпадал, и таким образом существительное приобрело соотвествующий вид [ISK: 204]. Вполне возможно, что и вепсское существительное *norišt* возникло некогда подобным образом, однако названный способ словообразования от имен на *-inen* с помощью суффикса *-o* в вепсском языке не получил распространения. Слова при помощи суффикса *-o* образовывались от довольно протяженных имен на *-inen* с основой на *-ise* и, очевидно, активно подвергались в языке вепсов закономерности отпадения конечных звуков. Со временем утратился и сам словообразовательный суффикс *-o*. И лишь лексема *norišt* может хранить в себе некий след этого процесса. Можно полагать, что вследствие *аналогии* с другими словами с суффиксом *-išt* в нем появился после *-iš* звук *-t* и таким образом суффикс приобрел вид *-išt*, а само слово — вид *norišt*. В этом контексте следует признать, что с *исторической* точки зрения включение лексемы *norišt* в круг обследуемых лексем для данной лингвистической карты, возможно, было не совсем правомерным.

В восточных средневепсских пунктах, а также в южновепсском Сидорове (Sod) «Словарь вепсского языка» зафиксировал еще лексемы типа *mustik**kišt*** ‘заросли черники’, *manzik**kišt*** ‘заросли земляники’, *bol**kišt*** ‘заросли брусники’. Здесь явно выделяется суффикс *-kišt*. Подобных слов при нынешнем сборе материала не удалось зафиксировать. Нет об этом сведений и в электронном ресурсе Л. Кеттунена. В «Словаре вепсского языка» дано самостоятельное существительное *kišt (kišton — GenSing)* ‘заросли кустарника или ягодного растения’ [СВЯ: 209], а также обозначен словообразовательный суффикс в составе слов. Налицо ситуация, аналогичная той, которая проявилась и с суфиксом *-žom*, о чем было сказано выше. Можно предположить следующий ход событий: *-kišt* — это вариант суффикса *-išt*, который возник вначале в таких словах, как *musti**kk**išt*, *manzi**kk**išt*, где произошло своеобразное удвоение согласного *-k* на стыке слогов. В финском языке, например, есть как «чистый» вариант суффикса *-(i)sto* (*koivisto* ‘березняк’, *kuusisto* ‘ельник’), так и усложненные варианты, в которых отмечаются инициальные согласные звуки: *köyhä**l**istö* ‘бедность’, *hake**m**isto* ‘справочник, каталог’, *lähe**t**ystö* ‘посольство’[ISK: 205]. Возможно, и в вепсском языке возник подобный усложненный вариант суффикса. Позднее это новообразование стало встречаться и в самостоятельном употреблении, подобно слову/суффиксу (-)*žom*.

Во всех остальных случаях на апеллятивном уровне выступает суффикс ***-žom***: *koivžom, kuz'žom, babarmžom, mustikžom*. Что касается языка северных вепсов, то ***-žom*** практически не задействован, и значительно чаще употребителен ***-išt***: *koivišt, kuuzišt, babarmišt, mustikišt*. Своеобразная «занятость» суффикса на онимическом уровне не помешала ему столь же продуктивно образовывать новые слова и в иных сферах. Тем не менее полагаем, что И. И. Муллонен совершенно права в своем предположении, что появление в вепсском языке нового суффикса ***-žom*** с коллективно-собирательным зна-

чением было вызвано, возможно, именно активным использованием суффикса ***-išt*** в названиях мест. Язык стремился найти замену суффиксу ***-išt***, создав новый суффикс ***-žom*** с тем же коллективно-собирательным значением.

Любопытно, что в наречиях карельского языка в собирательном значении суффикс ***-(i)sto*** малопродуктивен. Об этом свидетельствует отчасти и географическая лексика, в которой образования с суффиксом ***(-i)sto*** встречаются исключительно редко [см.: Мамонтова, Муллонен 1991: 40, 47]. Очевидно, здесь употребление суффикса в топонимах вытеснило его из сферы обычной коллективно-собирательной семантики, сказавшись на бóльшей продуктивности суффикса ***(-i)kk(o).***

Таким образом, в употреблении словообразовательных суффиксов с коллективно-собирательным значением есть некоторая привязка к диалектным ареалам. Суффикс ***-išt***, являющийся наследием прибалтийско-финского языка-основы, объединяет весь вепсский язык за исключением восточновепсского ареала. В последнем, правда, отмечен суффикс ***-kišt***, сходный по семантике, но неясного происхождения, поскольку может выступать и как отдельное слово.

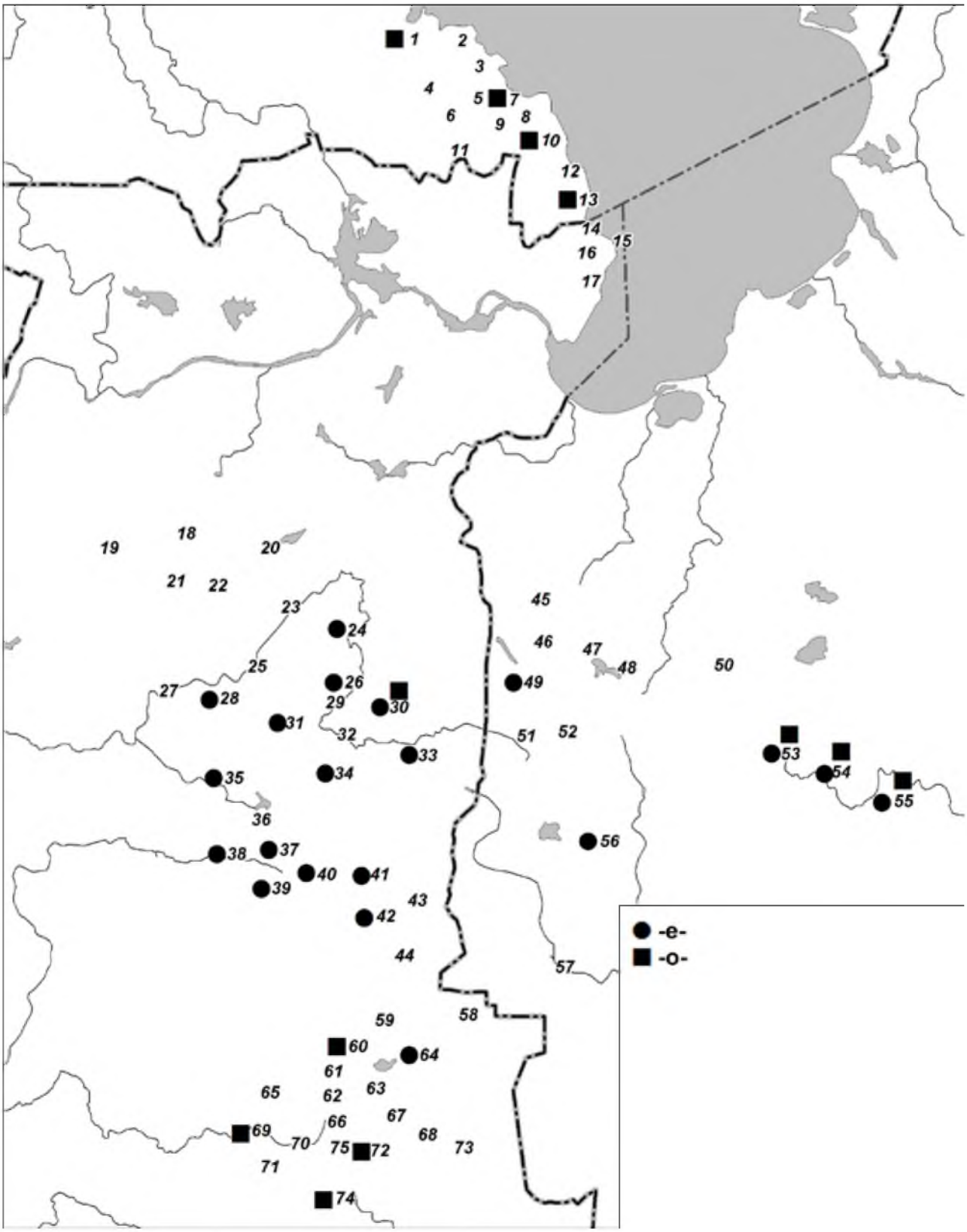
Широко употребительный в родственных языках древний суффикс ***-ik*** малопродуктивен у вепсов, совсем не встречается в южновепсском регионе. Контаминация суффикса ***-ik*** с суффиксом ***-nik*** или заимствование последнего из русского языка позволили образовать в ряде говоров некоторые слова коллективной семантики (En, Noid, Pk, Päž, Mai): *mustik**nik**, mustiž**nik**, babarmn**ik**, koivu**nik**.*

Суффикс ***-žom*** является вепсской инновацией; он исключительно активен в восточновепсском ареале, где выступает практически в качестве единственного представителя обследуемой семантической группы суффиксов.

Н.Г. Зайцева

22 (106). Корреляция конечных гласных основы *e ~ o* в форме третьего лица единственного числа презенса индикатива

(на материале глаголов: *tulda* ‘прийти’ — *tul**e**b ~ tul**o**b*; *joksta* ‘бежать’ — *joks**e**b ~ d’oks**o**b*; pesta ‘мыть’ — *pez**e**b ~ pezz**o**b*; *tehta* ‘делать’ — *teg**e**b ~ tegg**o**b*; *ličta* ‘пихать’ — *lič**e**b ~ ličč**o**b*; *imeda* ‘сосать’ — *im**e**b ~ imm**o**b*)

Легенда карты

1) **-e-** 2) **-o-**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-e-**: *ср* Ladv, Mg, Jä, Vil, Nem, Pec, Rih, En, Reb, Kor, Jog, Vl, Noid, Har, Nür, Vär, Pnd, Kj, Päž // *южн* Sod

2) **-o-**: *сев* Š, Št, Kas, Kl // *ср* Rih, Pnd, Kj, Vl// *южн* Šid, Mai, Mas, Ars

Цифровой индекс

1) **-e-**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 64Sod

2) **-o-**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 30Rih, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 60Šid, 69Mas, 72 Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — tulob, d'oksob, näggob, pezzob, teggob; 2–6 — нет сведений; 7 — tulob, d'oksob, näggob, pezzob, teggob, immob, liččob; 8–9 — нет сведений; 10 — tulob, d'oksob, näggob, pezzob, teggob, immob, liččob; 11–12 — нет сведений; 13 — tulob, d'oksob, näggob, pezzob, teggob, liččob, imeb ~ immob; 14–23 — нет сведений; 24 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb, imeb, ličob; 25 — нет сведений; 26 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb, imeb, ličob; 27 — нет сведений; 28 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb, imeb, ličob; 29 — нет сведений; 30–31 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb, imeb; ličob; 32 — нет сведений; 33 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb, imeb, ličob; 34 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb, imeb, ličob; 35 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb; 36 — нет сведений; 37 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb; 38 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb, imeb; 39 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb, imeb, ličeb; 40–41 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb, imeb, ličob; 42 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb; 43–48 — нет сведений; 49 — tuleb, g'okseb, nägeb, pezeb, tegeb, imeb, ličeb; 50–52 — нет сведений; 53 — nägeb, tegeb, imeb, ličeb; tulob, g'oksob, pezob; 54 — nägeb, tegeb, imeb, ličeb, tulob, g'oksob ~ d'oksob, pezob; 55 — nägeb, tegeb, imeb; tulob, pezob, g'oksob; 56 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb, imeb, ličob; 57–59 — нет сведений; 60 — tulob, joksob, nägob, pezob; 61–63 — нет сведений; 64 — tuleb, jokseb, nägeb, pezeb, tegeb, imeb, ličob; 65–68 — нет сведений; 69 — tulob, joksob, nägob, pezob, tegob; 70–71 — нет сведений; 72 — tulob, joksob, nägob, pezob, tegob; 73 — нет сведений; 74 — tulob, joksob; 75 — нет сведений.

Комментарий

В некоторых говорах вепсского языка форма третьего лица ед. числа презенса индикатива маркируется не только лично-числовым окончанием ***-b***, но и обладает рядом дополнительных характерных признаков:

1) *удвоением согласного звука* в основе глагола (см. карту 12 ЛАВЯ);

2) *особой основой* в некоторых разрядах глаголов.

На карте 22 представлен второй случай, а именно чередование гласных звуков ***e ~ o*** в основе глагола. В северновепсском диалекте этот момент проявляется довольно наглядно: *pakita* 'просить': *pakič**e**n* (1PSing); *pakič**e**d* (2PSing) — но *pakič**o**b* (3PSing); *imeda* 'сосать': *im**e**n* (1PSing); *im**e**d* (2PSing) — но *imm**o**b* (3PSing); *tulda* 'прийти': *tul'**e**n* (1PSing); *tul'**e**d* (1PSing); — но *tu**l**ob* (3PSing); *mända* 'идти': *män'**e**n* (1PSing); *män'**e**d* (2PSing) — но *män**o**b* (3PSing); *sül'kta* 'плевать': *sül'g**e**n* (1PSing); *sül'g**e**d* (2PSing) — но *sül'g**o**b* (3PSing) и т. д. [Зайцева 2002: 50–51].

Явление перехода ***e > o*** в ряде глагольных основ было выбрано для картографирования, чтобы при специальном сборе материала проверить более детально его бытование в вепсских говорах. Как показал собранный материал, во всех северновепсских пунктах глаголы с основой на ***-e-*** в форме третьего лица ед. числа характеризуются переходом ***e > o***: *tul**o**b* (*tul'en* — 1PSing, *tul'ed* — 2PSing); *d'oks**o**b* (*d'oksen* — 1PSing; *d'oksed* — 2PSing); *män**o**b* (*män'en* — 1PSing; mäned — 2PSing).

Переход ***e > o*** некоторые ученые объясняли, в частности, былым наличием в прибалтийско-финском праязыке двух ***-e***: отодвинутого назад и продвинутого вперед, что было вызвано законом гармонии гласных — словам переднего вокализма был свойствен продвинутый вперед и, соответственно,

словам заднего вокализма — отодвинутый назад ***-e*** [Setälä 1899; Tunkelo 1946: 666–668; Kettunen 1922: 31]. Позднее с утратой гармонии гласных в ряде говоров вепсского языка под действием закона аналогии переход ***e*** > ***ę*** > ***o*** обобщился. В более поздних исследованиях по исторической фонетике прибалтийско-финских языков данная точка зрения не получила дальнейшего развития. В вепсском языке тем не менее имеются многочисленные примеры существования ***-e*** разного характера, казалось бы, в совершенно аналогичной ситуации (напр.: *n'**e**nę* ~ *n'**e**no* ‘эти’: в первом слоге обычный ***-e***, а во втором — отодвинутый назад ***-ę***: *l'**e**bę* ‘подол’, *v'**e**rę**n*** ‘лягу’; в то же время: *s'en'ed* ‘грибы’, *vel'l'ed* ‘братья’, *kel'ed* ‘языки’ и т. д.).

Исследователи карельского языка, где в идентичной группе глаголов также существует закономерность перехода ***e*** > *o*, выделяют особый тип основы третьего лица ед. числа с ауслаутом ***-o, -ö***, объясняемый влиянием лично-числового окончания третьего лица ед. числа, которое, «будучи губно-губным, ассимилировало ***e*** в ***o*** по признаку *огубленности*»: *tulo-u* ‘(он) придет’ < **tule-u* < **tule-vi*; *mänöü* ‘(он) идет’ < **mäneü* < **mänevi* [Зайков 2000: 103–104].

При сборе материала по вопроснику ЛАВЯ выяснилось, что основа на ***-o*** отмечена, кроме северных вепсов, и в языке южных (за исключением Sod): *tulob, joksob, nägob, pezob, tegob*, а также восточных вепсов (Pnd, Kj, Vl). Однако в южных и восточных говорах, в противоположность северновепсскому диалекту, нет противопоставления лично-числовых форм первого и второго лица третьему лицу, т. е. нет противопоставления форм друг другу по типу основы. В последнем случае переход ***e*** > ***o*** обобщился во всей глагольной лично-числовой парадигме, например, *t**u**lda* ‘идти’: *tul**ę**n* (1PSing), *tulęd* (2PSing), *tulęb* ~ *tul**o**b* (3PSing) [ОВР: 209], *mända* ‘идти’: *män**o**n* (1PSing), *män**o**d* (2PSing), *män**o**b* (3PSing) [ОВР: 226] и т. д.

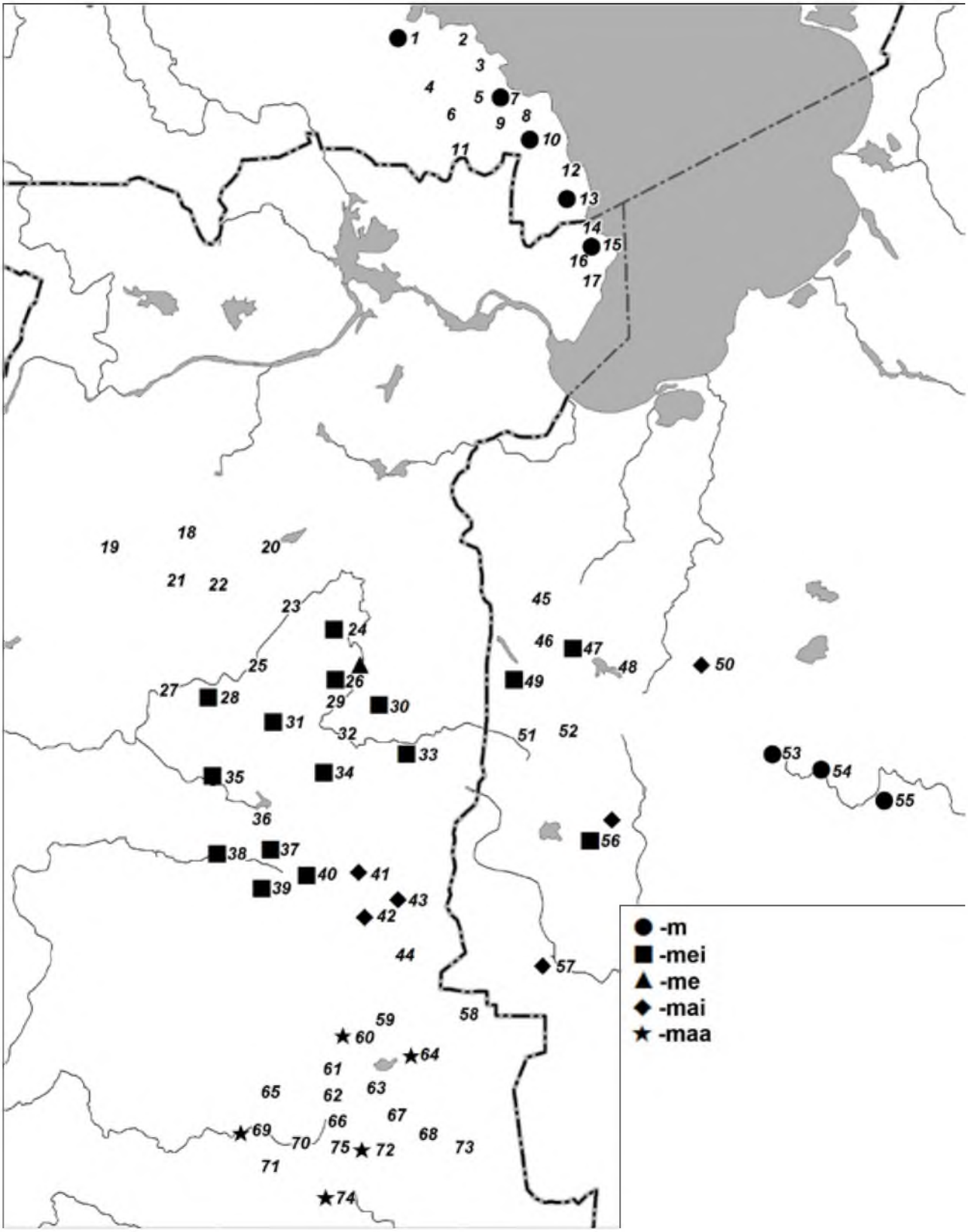
В северновепсском же диалекте подобное противопоставление ***e*** ~ ***o*** стало своеобразной характеристикой только формы третьего лица ед. числа: *tul'en* ‘(я) приду’, *tul'**e**d* ‘(ты) придешь’, но — *tul**o**b* ‘(он) придет’, *män'**e**n* ‘(я) иду’, *män'**e**d* ‘(ты) идешь’, но — *män**o**b* ‘(он) идет’, *pan'**e**n* ‘(я) кладу’, *pan'**e**d* ‘(ты) кладешь’, но — *pan**o**b* ‘(он) кладет’ т. д.

Можно предположить, что переход ***e*** > ***o*** закрепился в языке северных вепсов аналогично карельскому языку под воздействием лично-числового окончания ***-b*** в результате регрессивной ассимиляции по способу образования звука (огубленность [см., напр., Kettunen 1922: 33]). Иначе говоря, данное явление могло произойти одновременно и по одной и той же причине как в северновепсском, так и в карельском языке. Однако оно стало регулярным морфонологическим явлением лишь в северновепсском диалекте явно под влиянием карельского языка, где данное чередование полностью свершилось [Зайков 2000: 103]. Именно вследствие карельско-вепсского языкового контактирования чередование ***e*** ~ ***o*** закрепилось за формой третьего лица ед. числа презенса индикатива глаголов с основой на ***-e***, став ее дополнительным признаком и таким образом пополнив копилку факторов, сказавшихся на формировании северновепсского диалектного ареала.

Н. Г. Зайцева

23 (107). Варианты лично-числовых окончаний первого лица множественного числа презенса индикатива

(на примере глаголов: *lugeda* ‘читать’, *teta* ‘знать’, *tehta* ‘делать’)

Легенда карты

1) **-m**
2) **-mei**
3) **-me**
4) **-mai**
5) **-maa**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-m**: *сев* Kas, Kl, Št, Š, Per // *ср* Vl, Kj, Pnd
2) **-mei**: *ср* En, Ladv, Mg, Nem, Jä, Pec, Vil, Nür, Rih, Jog, Har, Kor, Šim, Vär, Päž
3) **-me**: *ср* Jä
4) **-mai**: *ср* Noid, Reb, Päž, Sär, Ker, Čid
5) **-maa**: *южн* Ars, Sod, Šid, Mai, Mas

Цифровой индекс

1) **-m**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per, 53Pnd, 54Kj, 55Vl
2) **-mei**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 47Šim, 49Vär, 56Päž
3) **-me**: 26Jä
4) **-mai**: 41Reb, 42Noid, 43 Čid, 50Sär, 56Päž, 57 Ker
5) **-maa**: 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — mö lugem, mö tedam, mö tegem; 2–6 — нет сведений; 7 — mö lugem, mö tedam, mö tegem; 8–9 — нет сведений; 10 — mö lugem, mö tedam, mö tegem; 11–12 — нет сведений; 13 — mö lugem, mö tedam, mö tegem; 14 — нет сведений; 15 — otam [NVM: 164] ‘(мы) возьмем’; 16–23 — нет сведений; 24 — mii lugemei, mii tedamei; 25 — нет сведений; 26 — mii lugemei, mii tedamei, mii tegemei; ičekesken oleme vellesed ‘(мы) между собой братья’ [СВЯ: 144]; 27 — нет сведений; 28 — mii lugemei, mii tedamei, mii tegemei; 29 — нет сведений; 30 — mii lugemei, mii tedamei, mii tegemei; 31 — mii lugemei, mii tedamei, mii tegemei; 32 — нет сведений; 33 — mii lugemei, mii tedamei, mii tegemei; 34–35 — mii lugemei, mii tedamei, mii tegemei; 36 — нет сведений; 37–40 — mii lugemei, mii tedamei, mii tegemei; 41–42 — mii lugemai, mii tedamai, mii tegemai; 43 — saimai, jätimai [Tunkelo 1946, 412] ‘(мы) получили, (мы) оставили’; 44–46 — нет сведений; 47 — zavodimei [NVM: 1139] ‘(мы) сделаем’; 48 — нет сведений; 49 — mö lugemei, mö tedamei, mö tegemei; 50 — linemai ‘(мы) будем’ [ОВР: 74]; 51–52 — нет сведений; 53 — mö lugem, mö tedam, mö tegem; 54–55 — mö lugem, mö tundem, mö tegem; 56 — mö lugemei, mö tedamei, mö tegemei; tedamai [NÄKM: 351] ‘(мы) знаем’; 57 — ligotamai, pezomai ‘(мы) вымочим, вымоем’ [ОВР: 202]; 58–59 — нет сведений; 60 — me lugomaa, me tedamaa, me tegomaa; 61–63 — нет сведений; 64 — me lugemaa, me tedamaa, me tegemaa; 65–68 — нет сведений; 69 — me lugomaa, me tedamaa, me tegomaa; 70–71 — нет сведений; 72 — me lugoomaa, me tedamaa, me tegomaa; 73 — нет сведений; 74 — lugemaa; 75 — нет сведений.

Комментарий

Лично-числовое окончание первого лица мн. числа презенса индикатива с точки зрения его оформления в вепсских диалектных ареалах выглядит довольно пестро [см. об этом также: Зайцева 2002: 55–58]. Бóльшая часть говоров вепсского языка обладает протяженной формой лично-числового окончания, которая включает в себя два–три звука. Разница вариантов заключается также и в качестве гласного звука внутри окончания: ***-a*** или ***-e*** (*-**m**ai, -**m**aa; -**m**ei, -**m**e*).

Исследователи полагают, что варианты лично-числового окончания первого лица мн. числа восходят к звуковому комплексу ****-mV***. Причем есть основания считать, что гласным, входившим в состав лично-числового окончания первого лица мн. числа, первоначально являлся ***-a***. Он сохранился, например, в диалектах финского языка (*saa**mm**a* от *saada* ‘получать’; *anna**mm**a* от *antaa* ‘давать’ [см.: Kettunen 1943: 421]), в карельском языке (*juo**mm**a* от *juoda* ‘пить’ [Зайков 2000: 65]). Гласный ***-e***, выступающий в прибалтийско-финских языках в составе лично-числового окончания, является следствием воздействия системы лично-числовых окончаний двойственного числа, функционировавшего некогда в праязыке [см., напр.: Häkkinen 1985: 101].

Во многих говорах вепсского языка в конце лично-числового окончания появился в качестве

показателя множественности гласный ***-i***. Существует предположение, что он функционировал в данной форме уже в праприбалтийско-финское время [Аристэ 1953: 305; Kettunen 1943: 421] наряду с суффиксом множественности ***-k***, который имел место в лично-числовых окончаниях мн. числа [****-kmVk***: Hakulinen 1979: 250; Häkkinen 1985: 101].

Как свидетельствуют языковые материалы, в ряде средневепсских говоров сохранился вариант окончания ***-mai***. Во всех южновепсских говорах в составе лично-числового окончания первого лица мн. числа употребляется долгий ***-a*** (***-aa***): *jomaa* ‘(мы) пьем’. Долгота лично-числового окончания свидетельствует о том, что в составе окончания наличествовал дифтонг ***-ai***, который на почве южновепсского диалекта перешел (чаще всего, в непервых слогах слов) в долгий ***-aa*** в позиции, где в конце слога или слова в других диалектах имеются дифтонги на ***-i*** или ***-u*** (напр., *valoo**he*** (3PSingImpRefl) от *valadas* ‘литься’ (в других диалектах — *valoi**he***); *lavaap**ää*** (SSingAbl) от *lava* ‘пол’ (в других диалектах — *lavaup**äi*** ~ *lavalp**äi*** и т. д.).

В ряде говоров средневепсского диалекта в качестве лично-числового окончания выступает вариант ***-mei***. Трудно сказать, является ли он продолжателем древнего окончания двойственного числа или дифтонг ***-ei*** в составе показателя представляет собой переработку дифтонга ***-ai*** > ***-ei***, что также свойственно вепсскому языку (см., напр.: *mai**d*** ~ *mei**d*** ‘молоко’; *kai**d*** ~ *kei**d*** ‘узкий’, а также карты 6, 7). В ряде средневепсских говоров наблюдается отпадение конечного ***-i*** из окончания (*luge-**me***). Однако это явление не стало закономерным и частотным.

В северновепсских и восточновепсских куйско-пондальских говорах картографируемое окончание повсеместно обозначено лишь одним звуком ***-m***. В данном случае трудно утверждать, гласный какого качества выступал после ***-m***.

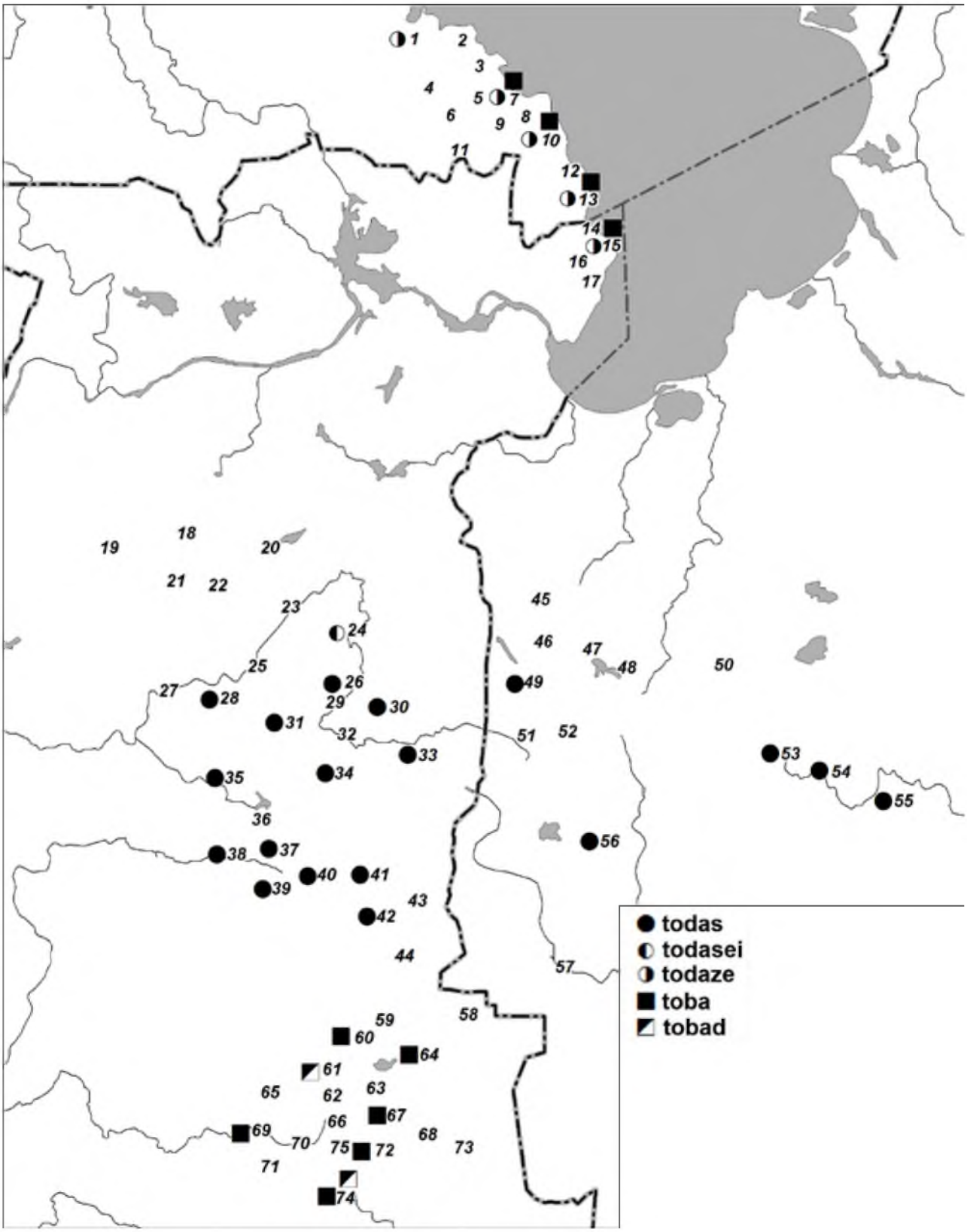
Карта распространения различных вариантов лично-числового окончания первого лица мн. числа презенса индикатива иллюстрирует единство северновепсских говоров и восточных куйско-пондальских говоров, где окончание представлено лишь одним звуком ***-m***. Именно этот вариант был избран как орфографическая норма для младописьменного вепсского языка. Следует отметить, что наиболее частотным, как свидетельствует карта, на вепсской территории является вариант лично-числового окончания ***-mei***, который объединяет некоторые восточновепсские говоры (пяжозерские, сяргозерские, шимозерские) со средневепсскими западными говорами. Возможно, более приемлемым для младописьменного языка мог быть именно этот вариант, широко употребляемый в языке вепсов. Однако в этом случае авторы младописьменных грамматик исходили из того, чтобы лично-числовое окончание первого лица мн. числа *-mei* (так же как и лично-числовое окончание второго лица мн. числа *-tei*) при звучании и написании отличалось от окончаний рефлексивного спряжения (ср., напр.: северно- и восточновепсское *peze**m*** ‘(мы) моем’; приоятское — *peze**mei*** ‘(мы) моем’, младописьменный вепсский — *peze**moi*** ‘(я) моюсь, умываюсь’).

Южновепсский диалект представлен единым массивом (***-maa***), свидетельствующим о достаточно тесных контактах представителей диалекта друг с другом, а также о довольно древнем положении некоторых языковых явлений в его говорах.

Н. Г. Зайцева

24 (108). Вариативность образования формы третьего лица множественного числа презенса индикатива

(на материале предложений типа: *Hö todas (todaze, toba) marjoid'* 'Они принесут ягод';
Hö mändas (mändaze, mäneba) mecha 'Они идут в лес'; *Hö anttas (anttaze, andaba) vet* 'Они дадут воды'; *Hö söttas (söttaze, sötaba) linduid'* 'Они кормят птиц')

Легенда карты

1) **todas**
todasei
todaze

2) **toba**
tobad

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **todas**: *ср* Ladv, Mg, Jä, Vil, Rih, Pec, En, Jog, Kor, Nür, Noid, Reb, Har, Vär, Pnd, Kj, Vl, Päž
todasei: *ср* Nem
todaze: *сев* Š, Št, Kas, Kl, Per

2) **toba**: *сев* Št, Kl, Kas, Per // *южн* Mas, Šid, Ars, Sod, Krl, Mai
tobad: *южн* Čai, Ars

Цифровой индекс

1) **todas**: 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž
todasei: 24Nem
todaze: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per

2) **toba**: 7Št, 10Kl, 13Kas,15Per, 60Šid,64Sod, 67Krl, 69Mas, 72Mai, 74Ars
tobad: (basi**bad**) 61Čai, (tulo**bad**) 74Ars

Список картографируемого материала

1 — hö todaze mardid; hö lähttaze mecha; hö anttaze vet; hö söttaze lindi̯d; 2–6 — нет сведений; 7 — hö todaze mardid; hö anttaze vet; hö söttaze lindi̯d; (hö) lähtoba [Tunkelo, 1946: 127] ‘(они) принесут’; 8–9 — нет сведений; 10 — hö todaze mardi̯id; hö lähttaze mecha; hö anttaze vet; hö söttaze lindi̯id; (hö) lähtoba, panoba [Tunkelo, 1946: 127] ‘(они) придут, кладут’; 11–12 — нет сведений; 13 — hö todaze mardid; hö anttaze vet; hö söttaze linduid; hö lähtoba mecha; 14 — нет сведений; 15 — (hö) mänoba ~ mändaze; (hö) tuloba ~ tuudazę [Tunkelo 1946: 127] ‘(они) пойдут; они придут’; 16–23 — нет сведений; 24 — hii todasei marjid’; hii mändasei mecha; hii anttasei vet; hii söttasei linduid’; 25 — нет сведений; 26 — hii todas marjoid’; hii mändas mecha; hii anttas vet; hii söttas linduižid’; 27 — нет сведений; 28 — hii todas marjoid’; hii mändas mecha; hii anttas vet; hii settas linduid’; 29 — нет сведений; 30 — hii todas marjoid’; hii mändas mecha; hii anttas vet; hii söttas linduid’; 31 — hii todas marjoid’; hii mändas mecha; hii anttas vet; hii söttas linduižid’; 32 — нет сведений; 33 — hii todas marjoid; hii mändas mecha; hii anttas vet; hii söttas linduižid’; 34 — hii todas marjoid’; hii mändas mecha; hii anttas vet; hii söttas linduid’; 35 — hii todas marjoid’; hii mändas mecha; 36 — нет сведений; 37 — hö todas marjaid; hö mändas mecha; hö anttasvet; 38–40 — hii todas marjoid’; hii mändas mecha; hii anttas vet; hii söttas linduid’; 41 — hii todas marjoid’; hii mändas mecha; hii anttas vet; hii söttas linduižid’; 42 — hii todas marjoid’; hii mändas mecha; 43–48 — нет сведений; 49 — hö todas margid’; hö mändas mecha; hö anttas vet; hö söttas linduid; 50–52 — нет сведений; 53 — hö todas margid’; hö lähttas mecha; hö anttas vet; hö söttas linduid’; 54 — hö todas margit’; hö mändas mecha; hö söttas linduit’; hö anttas vet; 55 — höt todas margit’; höt lähttas mecha; höt anttas vet; höt söttas lindi̯t’; 56 — höt todas marjid’; höt mändas mecha; höt anttas vet; höt söttas linduid’; 57–59 — нет сведений; 60 — he toba bolad; he mänoba mecha; he andaba vet; he set’pa linduud’; 61 — astubad, basibad [Kettunen 1920: 44] ‘(они) идут, говорят’; 62–63 — нет сведений; 64 — he toba boli̯id; he mäneba mecha; he andaba vet; he setaba lindud; 65–66 — нет сведений; 67 — libuba, käuleba, libuba, nägeba, dumaiba [Kettunen 1920: 101] ‘(они) поднимутся, ходят, поднимаются, видят, думают’; 68 — нет сведений; 69 — he toba boli̯id’; he andaba vet; he seti̯ba linduud’; 70–71 — нет сведений; 72 — he toba boli̯id; he mänoba mecha; he andaba vet; 73 — нет сведений; 74 — he toba boli̯id’; he andaba vet; he sötaba linduud’; tulobad, pakičobad [Kettunen 1920: 4; Kettunen 1920: 10] ‘(они) придут, просят’; 75 — нет сведений.

Комментарий

Один из ярких моментов грамматики вепсского глагола заключается в смешении пассивных и личных-числовых форм третьего лица мн. числа презенса и имперфекта индикатива, что серьезным образом отразилось на формировании диалектных ареалов вепсского языка. Карты 24 и 25 призваны

показать дистрибуцию третьего лица мн. числа презенса и имперфекта индикатива в вепсских диалектных ареалах.

Часть говоров вепсского языка продолжает употреблять в качестве третьего лица мн. числа презенса активную форму, в которой представлена лексическая основа презенса. Окончание названной формы ***-ba, -bad***. Оно восходит, как и лично-числовое окончание третьего лица ед. числа ***-b***, к суффиксу причастия настоящего времени ***-pAt*** [Häkkinen 1985: 102], в котором, кроме непосредственно причастного суффикса, имелся показатель множественности ***-t*** (на вепсской почве ***-d***). В этом контексте ясно, что вариант окончания ***-bad*** в вепсском языке древнее варианта ***-ba*** с утраченным в соответствии с законом отпадения конечных согласных во многих говорах ***-d*** [Kettunen 1943: 421].

Другие говоры в качестве формы третьего лица мн. числа презенса используют пассивную по происхождению форму, окончание которой на синхронном уровне включает в себя два форманта: суффикс пассива презенса ***-ta, -da*** + окончание пассива презенса ***-s, -ze*** (*pan**da**-s~pan**da**-ze* ‘(они) кладут’, *löu**ta**-s~löu**ta**-ze* ‘(они) найдут’). Форманты ***-s*** и ***-ze*** восходят к бывшему окончанию пассива презенса ***-ksen*** (напр., *sadas* ‘добраться’ < **sā(t)a-k-**sen*** [см. Kettunen 1943: 422]), где ***k*** — древний показатель презенса, ***-sen***– суффикс третьего лица ед. числа пассива. Конечный древний ***-n*** по нормам вепсского языка отпал, а из средне- и южновепсского диалектов утратился также и конечный ***-e***, как многие иные конечные гласные, и, таким образом, окончание приобрело вид ***-tas, -das***. Вепсский язык известен тем, что в нем в конце слова многие конечные согласные звуки сохраняют свою звонкость, т. е. после действия закона отпадения конечных гласных звуков предшествующий ему согласный звук остается звонким (*pö**u**d* < **pel**do* ‘поле’). В случае же с ***-tas/-das*** в конце слова выступает глухой согласный ***-s***, поскольку он возник из сочетания двух глухих согласных звуков: ***s*** < ***ks***. Это же явление характерно, например, для окончания транслатива ***-ks*** (*vode**ks*** ‘на год’), для возвратного суффикса ***-kse***, который употребителен в ряде говоров (*pesta**kse*** ‘умыться’) и некоторых иных случаев [Tunkelo 1946: 95–104].

Однако в северновепсском диалекте закрепился более протяженный вариант окончания ***-taze, -daze***, который, исследователь исторической фонетики вепсского языка Э. А. Тункело относит к исключениям [Tunkelo 1946: 104–106]: по непонятной причине не выпал конечный согласный ***-e***, как это произошло во всех других говорах, что способствовало появлению звонкого согласного ***-z*** между двумя гласными звуками. В современном вепсском языке эти варианты окончаний стали определенным образом маркировать диалектные ареалы.

Карта 24 отражает все многообразие форм в презенсе и классифицирует его в связи с вепсской диалектной речью. Для ее составления в полевых условиях были собраны ответы на вопрос, который включал в себя предложения типа: *Hö todas (todaze, toba) marjoid* ‘Они принесут ягод’; *Hö mändas (mändaze, mäneba) mecha* ‘Они пойдут в лес’; *Hö anttas (anttaze, andaba) vet* ‘Они дадут воды’; *Hö söttas linduid’* ‘Они накормят птиц’. Названные примеры наглядно иллюстрируют лично-числовую форму третьего лица мн. числа презенса.

Как показал материал, вариант ***-ba*** и более древний вариант ***-bad*** характеризуют наибольшим образом архаичные южновепсские говоры. Южновепсский диалект в этом случае противостоит другим диалектам: в нем достаточно сильна позиция активных по происхождению форм. Причем названные формы часто употребляются и в чисто пассивном значении (*meiden derenas **paštaba** muga* ‘в нашей деревне пекут так’; ***sanuba**, miše hän om ajand* ‘говорят, что он уехал’), т. е. идет интенсивный процесс смешения и неразграничения форм и значений и утраты пассива как грамматически обозначенной категории в пользу активной по происхождению формы.

Активизация пассивных форм и употребление их в значении третьего лица мн. числа существует во многих родственных прибалтийско-финских языках; причем отмечается, что в этом можно наблюдать влияние русского языка (конструкций типа ‘***говорят**, что бабушка дома*’). Финский лингвист Р. Э. Нирви, занимавшийся исследованием активизации пассивных по происхождению форм, проанализировал образцы вепсской речи Кеттунена — Сиро на предмет встречаемости в них активных и пассивных по происхождению форм третьего лица мн. числа [Kettunen, Siro 1935]. Образцы речи, изданные в середине 1930-х годов, содержат зафиксированную речь конца XIX и самого начала XX века, т. е. фактически речь вепсов более чем столетней давности. На 43 страницах северновепсских текстов пассивная по происхождению форма была употреблена в значении третьего лица мн. числа 155 раз, в то время как активная по происхождению форма только пять раз. Соответственно, на 24 страницах средневепсских текстов 41 раз встретилась пассивная по происхождению форма и 81 — активная. В южновепсских текстах на 55 страницах удалось зафиксировать 163 случая употребления активной по происхождению формы и всего 50 случаев пассивной [Nirvi 1947: 12]. Проведенный анализ свидетельствует о том, что раньше активная по происхождению форма употреблялась значительно чаще.

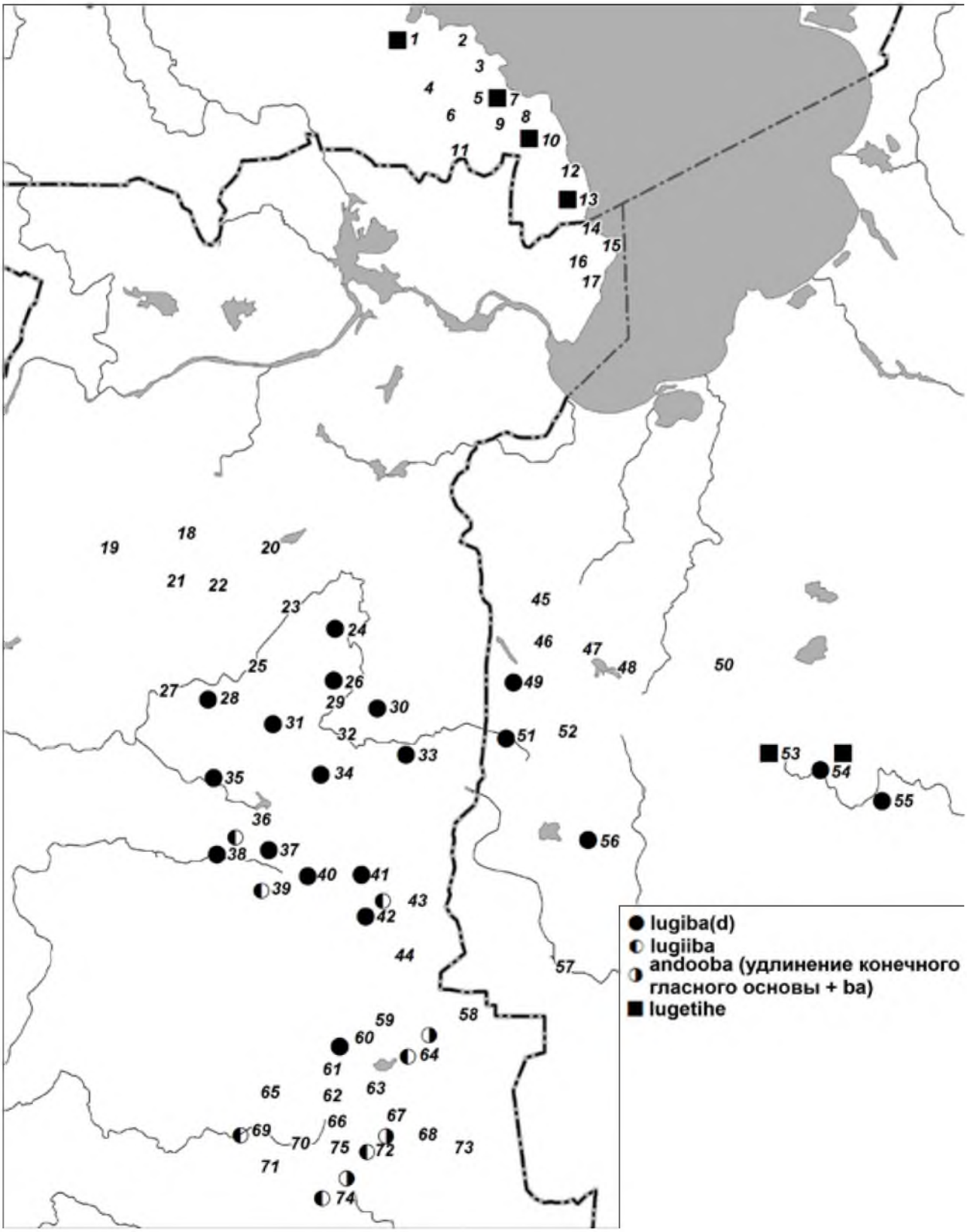
Кроме того, в северновепсских говорах, например, можно встретить случаи употребления обеих форм третьего лица мн. числа (т. е. форм на ***-ba*** и ***-taze***) в речи одного информанта и даже в одном предложении: *toda**ze** babad da lukad pa**ba*** ‘принесут бабушки да луку кладут’; *hö tulo**ba** da kaik sijad tehta**ze*** ‘они придут и все сделают’, *a potom mužikad otta**ze** i pa**ba** sinna suleid* ‘а потом мужчины возьмут и нальют туда сусла’ [Зайцева 2002: 67]. Данный факт подчеркивает, что процесс отбора грамматической формы совершается на наших глазах. К сожалению, вепсский язык практически не располагает памятниками письменности, и поэтому трудно судить, как давно начался процесс замены одной формы другой. В работах финских исследователей вепсского языка XIX века уже можно было встретить пассивную по происхождению форму в значении третьего лица мн. числа, напр.: *Algatei kerakei itseletei elot mual, kus koi i roste sööb, i kus vorad kaivetas i voruitas* [Lönnrot 1853: 27] ‘Не ищите себе богатство на земле, где его попортит моль и ржавчина, и где воры найдут и уворуют’; *Penes järvudes lahnaiset vätas* [Ahlqvist 1861: 63] ‘В маленьком озерке лещи играют’.

Любопытна форма ***todasei*** (*mändasei, anttasei, söttasei*), которая была зафиксирована при сборе материала в средневепсском пункте Немжа (Nem). На карте 23 рассматривались формы первого лица мн. числа презенса, которые обладают лично-числовым окончанием ***-mei***. В комментарии отмечено, что это окончание возникло на почве вепсского языка и включает в себя две части: ***-me*** + ***-i***. Второй компонент названного окончания является суффиксом мн. числа. Полагаем, что вариант ***-sei*** возник по аналогии с лично-числовыми формами первого и второго лица презенса мн. числа (см.: ***-mei, -tei***): ***-dase*** + ***i***, — что послужило возникновению нового звукового комплекса для форманта третьего лица мн. числа презенса.

Н. Г. Зайцева

25 (109). Вариативность образования формы третьего лица множественного числа имперфекта индикатива

(на материале выражений: *hii lugiba ~ lugetihe knigan* ‘они прочитали книгу’;
hii andoiba ~ anttihe keik knigad školha ‘они отдали все книги в школу’;
hii otiba ~ ottihe knigad kodihe ‘они взяли книги домой’)

Легенда карты

1) **lugiba(d)**
lugiiba
удлинение конечного гласного основы + ba (напр., ***andooba***)
2) **lugetihe**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **lugiba(d)**: *ср* Ladv, Mg, Jä, Vil, Nem, Reb, En, Rih, Pec, Nür, Kor, Noid, Jog, Vär, Päž, Kj, Vl, Naž // *южн* Šid
lugiiba: *ср* Har, Noid, Jog // *южн* Mas, Mai, Ars, Sod
удлинение конечного гласного основы + ba (напр., ***andooba***): *южн* Sod, Mai, Ars
2) **lugetihe**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Pnd,Kj

Цифровой индекс

1) **lugiba(d)**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 51Naž, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid
lugiiba: 38Jog, 39Har, 42Noid,64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
удлинение конечного гласного основы + ba (напр., ***andooba***): 64Sod, 72Mai, 74Ars
2) **lugetihe**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 53Pnd, (anttihe) 54Kj

Список картографируемого материала*

1 — hö lugetihe knigad; hö anttihe knigad; hö ottihe knigad; 2–6 — нет сведений; 7 — hö lugetihe kniig; hö anttihe kaik knigad školha; 8–9 — нет сведений; 10 — hö lugetihe kniigan; hö anttihe kaik kniigad školale; hö ottihe kniigadkodihe; 11–12 — нет сведений; 13 — hö lugetihe kniig; hö anttihe kaik kniigad školha; hö ottihe kniigad kodihe; 14–23 — нет сведений; 24 — hii lugiba knigan; hii andoibad keik knigad školha; hii otiba knigad kod'he; 25 — нет сведений; 26 — hii lugiba(d) knigan; hii andoibad kaik knigad školha; hii otibad knigad kod'he; 27 — нет сведений; 28 — hii lugiba knigan; hii andoiba kaik knigad školha; hii otiba knigad kodihe; 29 — нет сведений; 30 — hii lugiba knigan; hii andoiba keik knigad školha; hii otiba knigad kod'he; 31 — hii lugiba knigan; hii andoiba kaik knigad školha; hii otiba knigad kodihe; 32 — нет сведений; 33 — hii lugiba knigan; hii andoiba kaik knigad školha; hii otiba knigad kod'he; 34 — hii lugiba kirjan; hii andoiba kaik kirjad školha; hii otiba kirjad kod'he; 35 — hii lugiba knigan; hii andoiba kaik knigad školha; hii otiba knigad kodihe; 36 — нет сведений; 37 — hii lugiba knigan; hii andoiba knigan školha; hii otiba knigan kodihe; 38 — hii lugiiba knigan; hii andoiba knigan; hii otiiba knigan; 39 — hii lugiiba knigan; hii otiiba kaik knigad kodihe; 40 — hii lugiba knigan; hii andoiba keik knigad školha; hii otiba kniga dkod'he; 41 — hii lugiba knigan; hii andoiba kaik knigad školha; hii otiba knigad kodihe; 42 — lugiiba, andoiba, otiiba; 43–48 — нет сведений; 49 — hö lugiba knigan; hö andoiba kęik knigad školha; hö otiba knigad kodihe; 50 — нет сведений; 51 — ende *eliba* uk da ak, *semetihe* pertin pale nagrišt [NÄKM: 358] 'Раньше жили старик и старуха, посеяли они репу на крышу дома'; 52 — нет сведений; 53 — hö lugetihe knigan; hö anttihe kaik knigad školha; hö ottihe knigad kodihe; 54 — hö lugiba knigat; hö anttihe kaik knigat školha; hö ottihe knigat kodihe; 55 — höt lugiba knigad; höt andįba keik knigad školha; höt otiba knigad kodihe; 56 — höt lugiba knigad; höt andoiba kęik knigad školha; höt otiba knigad kodihe; 57–59 — нет сведений; 60 — he lugiba knigan; he andoiba kaik knigad školha; he oť pa (= otiba) knigad kodihe; 61–63 — нет сведений; 64 — he lugiiba knigan; he andooba kaik knigad školha; he otiiba knigad kodihe; 65–68 — нет сведений; 69 — otiiba kniigad; 70–71 — нет сведений; 72 — he lugiiba knigan; he andooba kaik knigad školha; 73 — нет сведений; 74 — he lugiiba knigan; he andooba knigad; he otiiba knigad; 75 — нет сведений.

---

* При поиске грамматического материала из письменных источников не всегда была возможность найти форму именно той лексемы, которая была рекомендована в вопроснике ЛАВЯ для поиска. В список картографируемого материала в подобных случаях вносились идентичные формы иных лексем, если появлялась возможность их выявления из опубликованных источников.

Комментарий

Карта 25 вносит коррективы в ситуацию употребления активной и пассивной форм для обозначения третьего лица мн. числа, рассмотренную на карте 24. Она демонстрирует, что в имперфекте третьего лица мн. числа по сравнению с презенсом употребление активной по происхождению формы в диалектах вепсского языка представлено значительно шире.

Традиционно активная форма третьего лица мн. числа в имперфекте имела, как и в презенсе, окончание ***-ba, -bad***, которое присоединяется к основе имперфекта с показателем ***-i***: *tuli-ba* ‘(они) пришли’, *sanu**i**-ba* ‘(они) сказали’, *varast**i**-ba* ‘(они) ждали’, *ved**i**-ba* ‘(они) вели’, *läks**i**-ba* ‘(они) пошли’. При этом показатель имперфекта в южновепсском диалекте может быть долгим (*lug**ii**ba*), что нашло отражение и в материалах к карте. Вариант суффикса имперфекта ***-ii*** имел ранее более широкое распространение. Э. А. Тункело считает, что повсеместная палатализация в синхронном состоянии языка лично-числовых окончаний первого и второго лица ед. числа в средневепсском диалекте в форме имперфекта (*tegin’* ‘(я) сделал’, *panin’* ‘(я) положил’, *toin’* ‘(я) принес’; *tegid’* ‘(ты) сделал’, *panid’* ‘(ты) положил’ и т. д.) есть не что иное, как результат действия прогрессивной ассимиляции по мягкости. Смягчение показывает, что в соответствии с законами развития исторической фонетики вепсского языка впереди стоящий гласный звук — а в названных формах это показатель имперфекта ***-i-*** — был долгим [см. об этом: Tunkelo 1946: 829–835]. Кроме того, в языке существует группа глаголов с основой на ***-i*** (*künzib* ‘(он) царапает’, *sobib* ‘(он) одевает’), у которых основы презенса и имперфекта совпадают. Удлинение показателя имперфекта в этом случае могло быть своеобразным стремлением к различению форм. В дальнейшем подобные случаи могли инициировать более широкое использование долгого ***-i*** в форме имперфекта.

В этом же южновепсском диалекте при присоединении к основе суффикса имперфекта ***-i*** последний со временем мог слиться с предыдущим гласным основы и образовать долгий гласный (например: *and**oo**ba* < *and**oi**ba* ‘(они) дали’; *put**uu**ba* < *put**ui**ba* ‘(они) попали’), своеобразно характеризуя форму третьего лица мн. числа имперфекта, что также нашло свое отражение на карте.

Форма имперфекта, по происхождению являющаяся пассивной, обладает формантом ***-dihe, -tihe***: *tuldihe* ‘(они) пришли’, *sanutihe* ‘(они) сказали’. Он возник из слияния показателя пассива имперфекта ***-ti, -di*** и окончания пассива ***-he***.

В имперфекте оба указанных показателя функционируют в той или иной степени во всех диалектах вепсского языка. Однако активный по происхождению вариант формы имперфекта на ***-ba(d)***, в отличие от формы презенса, о которой речь шла на карте 24, встречается значительно чаще. Как показывает материал, в имперфекте он был зафиксирован в 24 пунктах, а в презенсе лишь в 7 пунктах.

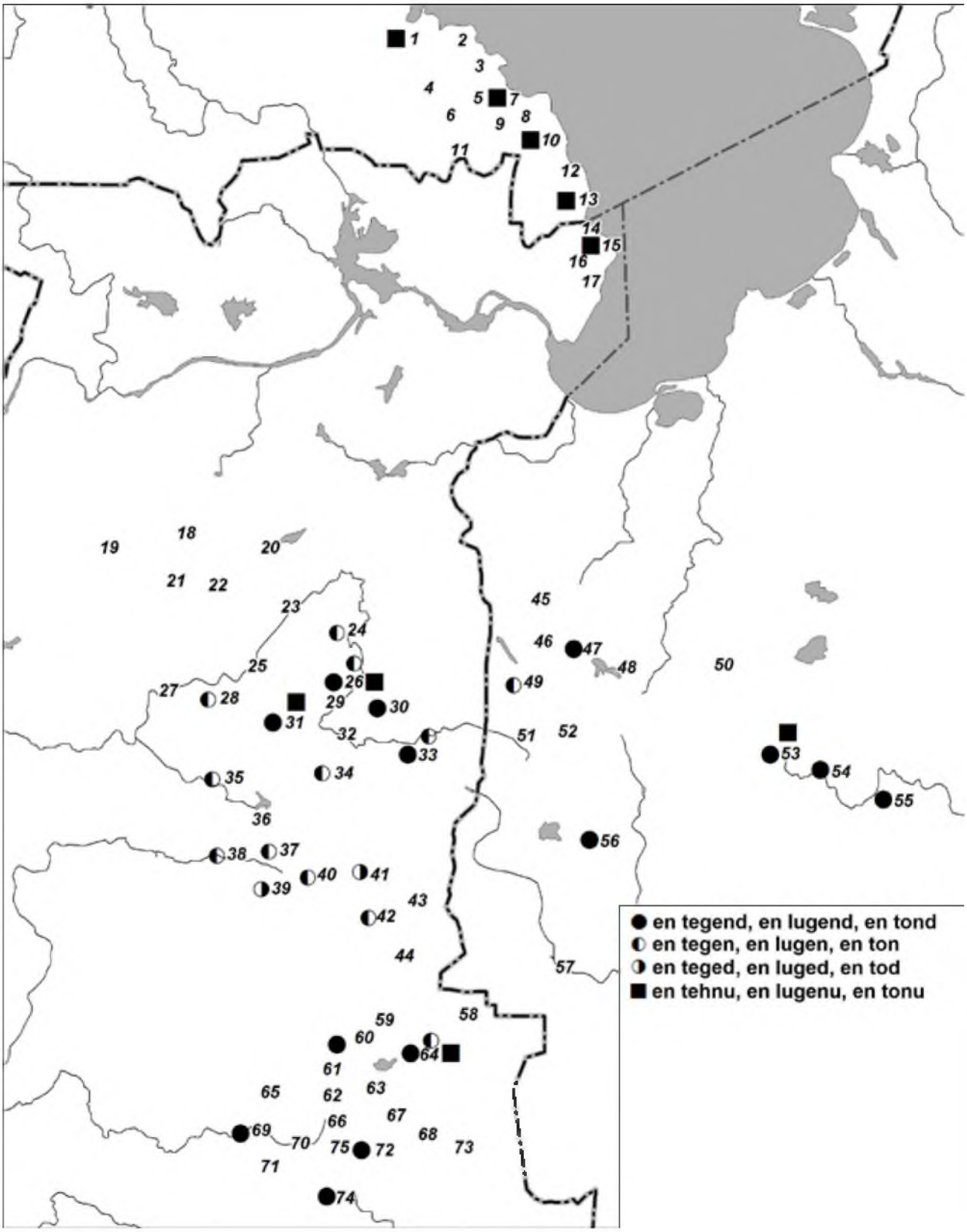
Образцы вепсской речи свидетельствуют, что в говорах вепсского языка можно наблюдать и смешанное употребление обсуждаемых активных и пассивных по происхождению форм третьего лица мн. числа имперфекта, например: *Oldhe kaks’ poigad minā, old**he** mecas mechudō, ajoi**ba** kondjale päle* (Sod [ОВР: 209]) ‘Было у меня два сына, были они в лесу на охоте, попали на медведя’; *Möst razbainikad varasti**ba**, näh**tihe**, miše pit’kha ei nägu* (Šim [NÄKM: 225]) ‘Опять разбойники ждут, видят, что их долго не видно’; *Ende eli**ba** uk da ak, seme**tihe** pertin päle nagrišt* (Naž [NÄKM: 358]) ‘Раньше жили старик да старуха, посеяли они на крышу дома репу’. Данный факт свидетельствует о том, что выбор формы, так же как и в презенсе, еще не завершен, хотя уже сделаны некоторые предпочтения. В средневепсском диалекте современного вепсского языка произошло своеобразное перераспределение ролей: в презенсе в качестве формы третьего лица мн. числа употребляется пассивная по происхождению форма (*södas* ‘(они) едят’, *jädas* ‘(они) останутся’, *varastadas* ‘(они) ждут)’, в то время как в имперфекте — активная (*söiba* ‘(они) ели’, *jäiba* ‘(они) остались’, *varastiba* ‘(они) ждали’). В южновепсском диалекте также доминирует активная по происхождению форма.

Представители же северновепсского диалекта в форме третьего лица мн. числа имперфекта сделали выбор в пользу только пассивной по происхождению формы в значении активной. Таким образом, данное явление стало характеристикой северновепсского диалектного ареала. Исследователи склонны видеть здесь в том числе и влияние карельского языка, с которым северновепсские говоры находились в длительном контакте, что проявляется в названном диалекте и в иных случаях [Tunkelo 1946: 902–903].

Н. Г. Зайцева

26 (111). Вариативность образования отрицательной формы имперфекта первого лица единственного числа

(на материале глаголов: *tehta* ‘делать’, *lugeda* ‘читать’, *toda* ‘(при)нести’)

Легенда карты

1) **en tegend, en lugend, en tond**
en tegen, en lugen, en ton
en teged, en luged, en tod
2) **en tehnu, en lugenu, en tonu**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **en tegend, en lugend, en tond**: *ср* Ladv, Pec, Rih, Šim, Kj, Vl, Pnd, Päž // *южн* Mai, Mas, Sod, Šid, Ars
en tegen, en lugen, en ton: *ср* Ladv, Jä Nem, Mg, Vil, En, Kor, Jog, Nür, Noid, Vär // *южн* Sod
en teged, en luged, en tod: *ср* Reb, Har

2) **en tehnu, en lugenu, en tonu**: *сев* Š, Kas, Kl, Št, Per // *ср* Pnd, Pec, Jä // *южн* Sod

Цифровой индекс

1) **en tegend, en lugend, en tond**: 26Jä, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 47Šim, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
en tegen, en lugen, en ton: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 40Nür, 42Noid, 49Vär, 64Sod
en teged, en luged, en tod: 39Har, 41Reb

2) **en tehnu, en lugenu, en tonu**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per, 26Jä, 31Pec, 53Pnd, 64Sod

Список картографируемого материала

1 — en tehnu, ed tehnu, ei tehnu, en lugenu, ed lugenu, ei lugenu, en tonu, ed tonu, ei tonu; 2–6 — нет сведений; 7 — entehnu, ed tehnu, ii tehnu, en lugenu, ed lugenu, ii lugenu, en tonu, ed tonu, ii tonu; 8–9 — нет сведений; 10 — entehnu, ed tehnu, ii tehnu, en lugenu, ed lugenu, ii lugenu, en tonu, ed tonu, ii tonu; 11–12 — нет сведений; 13 — en tehnu, ed tehnu, ei tehnu, en lugenu, ed lugenu, ei lugenu, en tonu, ed tonu, ei tonu; 14 — нет сведений; 15 — ī ounu [NVM: 158] ‘не было’; 16–23 — нет сведений; 24 — en tegen, ed tegen, ii tegen, en lugen, ed lugen, ii lugen, en ton, ed ton, ii ton; 25 — нет сведений; 26 — en tegend (tege*n*), ed tegend, ii tegend, en lugend, ed lugend, ii lugend, en tond, ed tond, ii tond; en kacel*nu* ‘(я) не смотрел’ [СВЯ: 635]; 27 — нет сведений; 28 — en tegen, ed tegen, ii tegen, en lugen, ed lugen, ii lugen, en ton, ed ton, ii ton; 29 — нет сведений; 30 — en tegend, en lugend, en tond, ed tegend, ed lugend, ed tond, ii tegend, ii lugend, ii tond; 31 — en tegend, en lugend, en tond, ed tegend, ed lugend, ed tond, ii tegend, ii lugend, ii tond; en harg’anu ‘(я) не привык’ [ОВР: 98], tednu en ‘(я) не знал’ [ОВР: 399]; 32 — нет сведений; 33 — en tegend, ed tegend, ii tegend, en lugend, ed lugend, ii lugend, en tond, ed tond, ii tond; en ajan ‘(я) не уехал’, ed mahtan ‘(ты) не умел’, ed ozutan ‘(ты) не показал’ [Зайцева 2002: 99]; 34–35 — en tegen, ed tegen, ii tegen, en lugen, ed lugen, ii lugen, en ton, ed ton, ii ton; 36 — нет сведений; 37–38 — en tegen, et tegen, ii tegen, en lugen, ed lugen, ii lugen, en ton, ed ton, ii ton; 39 — en teget, ed teget, ii teget, en luget, ed luget, ii luget, en tot, ed tot, ii tot; 40 — en tegen, ed tegen, ii tegen, en lugen, ed lugen, ii lugen, en ton, ed ton, ii ton; 41 — ed teged, ii teged, en luged, ed luged, ii luged, en tod, ed tod, ii tod; 42 — en tegen, ed tegen, ii tegen, en lugen, ed lugen, ii lugen, en ton, ed ton, ii ton; 43–46 — нет сведений; 47 — en tegend, et tegend, ii tegend, en lugend, et lugend, ii lugend, en tond, et tond, ii tond; 48 — нет сведений; 49 — en tegen, ed tegen, ei tegen; 50–52 — нет сведений; 53 — en tehnu, ed tehnu, ei tehnu, en lugenu, ed lugenu, ei lugenu, en tonu, ed tonu, ei tonu; eilend ‘(он) небыл’ [ОВР: 109]; 54–56 — en tegend, et tegend, ii tegend, en lugend, et lugend, ii lugen, en tond, ed tond, ii tond; 57–59 — нет сведений; 60 — en tegend, ed tegend, ii tegend, en tond, ed tond, ii tond; 61–63 — нет сведений; 64 — en tegen, ed tegen, ii tegen, en lugen, ed lugen, ii lugen, en ton, ed ton, ii ton;en mahta*nd* ‘(я) не умел’ [СВЯ: 42], ed dorahnnu ‘(ты) не дожала’ [ОВР: 203]; 65–68 — нет сведений; 69 — en tegend, ed tegend; 70–71 — нет сведений; 72 — en tegend, en tond, ed tegend, ed tond, ii tegend, ii tond; 73 — нет сведений; 74 — en tegend; 75 — нет сведений.

Комментарий

Отрицательные формы имперфекта ед. числа в вепсском языке, как и в других прибалтийско-финских языках, являются аналитическими. Они строятся с помощью отрицательного глагола ***ei*** **(*ii*)** в соответствующем лице и формы II причастия актива смыслового глагола в ед. числе.

В данном случае для картографирования был собран материал по трем глаголам — *tehta* ‘делать’, *lugeda* ‘читать’, *toda* ‘принести’ — во всех трех лицах ед. числа*.

Отрицательный глагол не может служить маркирующим фактором для диалектов: в первом лице он всегда выступает в форме ***en***; во втором лице может быть небольшое различие в употреблении вариантов отрицательного глагола ***ed*** или ***et***, но в этом случае оглушенный вариант больше зависит от звукового окружения и последующей ассимиляции, которая может свершиться, может и не свершиться. Даже в речи одного информанта в одном и том же говоре может звучать как глухой, так и звонкий вариант (***ed*** ~ ***et***). Такое же замечание относится и к форме третьего лица, где возможны варианты отрицательного глагола ***ei*** ~ ***ii*** во всех говорах и у всех информантов. Трудно определиться с какой-либо диалектной привязкой названных вариантов.

Все различия в построении форм имперфекта ед. числа сосредоточены непосредственно в способах образования причастия имперфекта ед. числа. В северновепсском диалекте суффиксом причастия имперфекта является формант ***-nu***, восходящий к более древней форме суффикса ***-nut, -nüt*** < ****-nUt***. В свою очередь, происхождение данного комплекса не нашло пока достаточно приемлемого объяснения. Полагают, что в нем, возможно, объединено несколько суффиксов, например, ***-nA*** (ср. фин. *humina* ‘гул, звон’) и ***-Ut*** (ср. фин. *ohut* ‘тонкий’ < *oha* [см.: Häkkinen 1985: 128]).

В вепсском языке из суффикса выпал конечный ***-t***, что произошло в русле исторического развития вепсского языка, утратившего многие конечные согласные и гласные звуки двусложных и многосложных слов [Tunkelo 1946: 125]. В результате форма причастия в номинативе ед. числа приобрела вид *tehnu, lugenu, tonu.*

Как наглядно свидетельствует цифровой индекс, сопровождающий карту, подобный вариант формы причастия выступает в образовании имперфекта ед. числа во всех говорах северновепсского диалекта, а также в одном из пунктов восточновепсского ареала: в Пондале (Pnd).

В средневепсском и южновепсском диалектах суффикс причастия для образования отрицательной формы имперфекта ед. числа имеет несколько иную форму, оканчиваясь на ***-nd***, ***-n*** или ***-t***(***d***): *tege**nd**, tege**n**, tege**t**.* Отметим, что и в этом случае источником вариантов суффиксов является все тот же, указанный выше, более древний звуковой облик суффикса ***-nut, -nüt***, утративший в вепсском языке гласный ***-u*** в результате стяжения слога [Kettunen 1922: 47].

При этом важно, что процесс фонетических изменений в облике форманта наложился на другой процесс, связанный с формированием закономерностей в сочетаемости суффиксов и типов глагольных основ. Так, например, при образовании причастия присоединением суффикса ***-nd*** у двухосновных глаголов выступает всегда *гласная* основа: *en tule-**nd*** ‘(я) не пришел’, *en tege-**nd*** ‘(я) не сделал’. Причастие с вариантом суффикса ***-nu*** требует всегда только *согласной* основы (*en tul-**nu**, en teh-**nu***). И лишь в том случае, если глагол одноосновен, оба варианта причастия образуются от одной и той же основы (*toda* ‘принести’: *en to-**nu**, en to-**nd*** ‘не принес’).

Различие в основах причастия при образовании их вариантами суффикса ***-nd*** и ***-nu*** делает формы достаточно непохожими: например, *valita* ‘выбирать’: *vali-nu* и *valiče-nd*; tehta ‘делать’: *teh-nu* и *tege-nd*. Причем в языке произошло некоторое закрепление форм причастий на ***-nu*** и ***-nd*** за разными формами глаголов: причастие с суффиксом ***-nu*** выступает во *всех* диалектах при образовании *положительной* формы перфекта или плюсквамперфекта: *olen (olin) sö**nu*** ‘(я) поел’; причастие с суффиксом ***-nd*** в определенных говорах — отрицательной формы имперфекта: *en valiče**nd*** ‘(я) не выбрал’, *en sö**nd*** ‘(я) не ел’ [см.: Зайцева 2002: 96–100]. Данное явление стало маркировать определенные говоры и заслуживает внимания именно как диалекто-определяющий фактор. Вариант формы с суффиксом ***-nd*** характерен для ряда средневепсских и южновепсских говоров, что отражено и на карте.

В ряде западных говоров средневепсского диалекта (Ladv, Vil, Kurb), а также отчасти в южновепсском диалекте процесс сокращения форманта причастия пошел еще дальше, и в нем остался лишь один звук: или ***-n***, или ***-t***: *en luge**n*** ~ *en luge**t***.

По свидетельству языкового материала, выбор вариантов суффикса ***-nd*** или ***-nu*** во II причастии актива по диалектам до сих пор не до конца сложился, и можно наблюдать их смешение в одном и том же пункте, что также нашло отражение на карте, где может быть отмечено по два и даже по три варианта суффикса в одном говоре. Так, например, бóльшая часть средневепсских говоров использует вариант ***-nd***. В пондальских же говорах достаточно регулярно, за очень редкими исключениями, выступает вариант ***-nu***, характерный для северновепсского диалекта. Интересно, что расстояния между населенными пунктами восточновепсских говоров

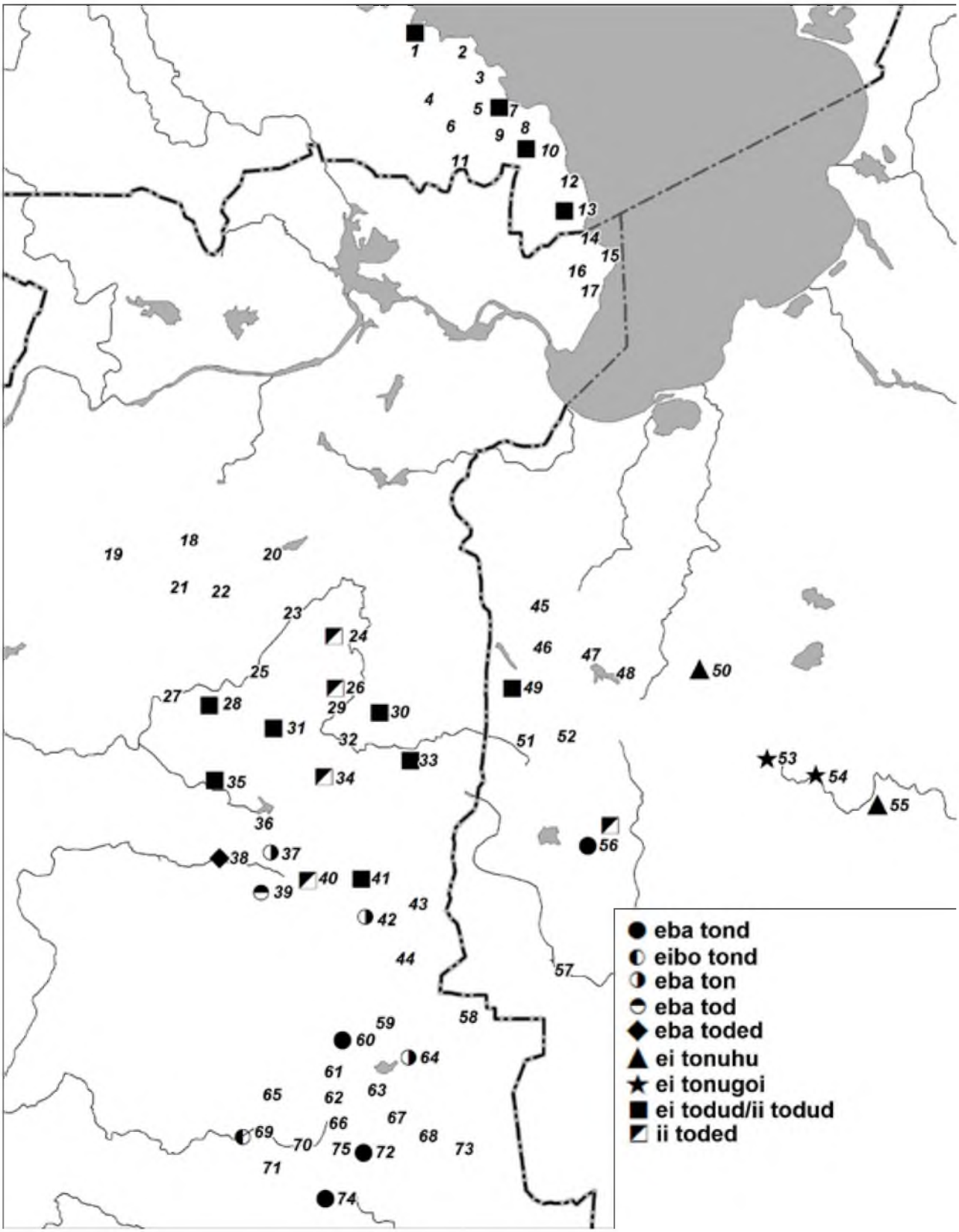
* Материал был собран по всем трем лицам ед. числа имперфекта и в таком виде представлен в списке картографируемого материала, но на карту нанесена форма первого лица ед. числа, поскольку в нашем случае был наиболее важен фонетический облик причастия, которое принимает участие в образовании формы. А он во всех этих случаях одинаков.

невелики: например, между Пондалой и Куей всего 16 километров, в то время как представители северновепсского диалекта живут на достаточно большой удаленности от Пондалы; это в настоящее время даже разные регионы — Вологодская область и Республика Карелия. Что повлияло на выбор варианта суффикса? Отметим, что можно наблюдать и некоторые иные явления, выбивающиеся из общей картины восточных говоров, указывающие на их неоднородность и разноплановость, в основе которой, очевидно, лежит история происхождения говоров и контакты их носителей как с северновепсским диалектом, так и с южновепсскими говорами, а также с карельским языком.

Н.Г. Зайцева

27 (112). Вариативность образования отрицательной формы имперфекта третьего лица множественного числа

(на материале глаголов: *toda* ‘нести’, tehta ‘делать’, *ajada* ‘ехать’, *antta* ‘отдать’)

Легенда карты

1) **eba tond**
eibo tond
eba ton
eba tod
2) **eba toded**
3) **ei tonuhu**
4) **ei tonugoi**
5) **ei todud ~ ii todud**
ii toded

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **eba tond**: *ср* Päž // *южн* Mai, Šid, Ars
eibo tond: *южн* Mas
eba ton: *ср* Nür, Noid, Kor // *южн* Sod
eba tod: *ср* Har
2) **eba toded**: *ср* Jog
3) **ei tonuhu**: *ср* Vl, Sär
4) **ei tonugoi**: *ср* Šim, Pnd,Kj
5) **ei todud ~ ii todud**: *сев* Št, Kas, Kl, Š // *ср* Rih, Vär, Ladv, Pec, Reb, Vil, En
ii toded: *ср* Mg, Nem, Nür, Jä, Päž

Цифровой индекс

1) **eba tond**: 56Päž, 60Šid, 72Mai, 74Ars
eibo tond: 69Mas
eba ton: 37Kor, 42Noid, 64Sod
eba tod: 39Har
2) **eba toded**: 38Jog
3) **ei tonuhu**: 50Sär, 55Vl
4) **ei tonugoi**: 53Pnd, 54Kj
5) **ei todud ~ ii todud**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 35En, 41Reb, 49Vär
ii toded: 24Nem, 26Jä, 34Mg, 40Nür,47Šim, 56Päž

Список картографируемого материала

1– hö ii todud; hö ii tehtud; hö ii anttud; 2–6 — нет сведений; 7 — hö ii todud; hö ii tehtud; hö ii anttud; 8–9 — нет сведений; 10 — hö ii todud; hö ii tehtud; hö ii anttud; hö ii lähttud; 11–12 — нетсведений; 13 — hö ei todud; hö ei tehtud; hö ei lähttud; hö ei anttud; 14–23 — нет сведений; 24 — hii ii toded; hii ii tehted; hii ii ajaded; hii ii ajaded; 25 — нет сведений; 26 — hii ii toded; hii ii tehtet; hii ii ajaded; hii ii antet; 27 — нет сведений; 28 — hii ii todud; hii ii tehtud; hii ii ajetud; hii ii anttud; 29 — нет сведений; 30 — hii ii todud; hii ii tehtud; hii ii anttud; 31 — hii ii todud; hii ii tehtut; hii ii ajadud; hii ii antut; 32 — нет сведений; 33 — hii ii todud; hii ii tehtud; hii ii ajetud; hii ii anttud; 34 — hii ii todet; hii ii tehtet; hii ii ajadet; hii ii anttet; 35 — hii ii todud(t); hii ii tehtud(t); hii ii anttut (andet); 36 — нет сведений; 37 — hii eba ton, eba tegen, eba ajan nakupei, eba andan; 38 — hii eba toded; hii eba rated; hii eba ajaded; hii eba anded; 39 — hii eba tod; hii eba teged; hii eba ajad; hii eba andad miile; 40 — hii ii toded; hii ii tehted; hii ii ajaded; hii ii antted; 41 — hii ii todud; hii ii tehtud; hii ii ajadud; hii ii anttud; 42 — eba ton; eba tegen; eba ajan; eba andan; 43–46 — нет сведений; 47 — hö ii toded; hö ii tehted; hö ii ajaded; hö ii anted; 48 — нет сведений; 49 — hö ii todud nimida; hö ii tehtud; hö ii ajadud; hö ii anttud; 50 — ei kuunuhud, ei tuunuhud [Tunkelo, 1946: 210] ‘(они) не слышали, (они) не пришли’; 51–52 — нет сведений; 53 — hö ei tonugoi nimida; hö ei tehnugoi; hö ei ajanugoi; hö ei andnugoi; 54 — hö ei tonugoi nimida; hö ei tehnugoi; hö ei ajanugoi; hö ei annnugoi; 55 — höt ei tonuhu; höt ei tehnuhu; höt ei ajanuh; höt ei andnuhu; 56 — hö ii tehtet; hö eba tond; hö eba ajand; hö eba andand; 57–59 — нет сведений; 60 — eba tond; eba tegend; eba ajand; 61–63 — нет сведений; 64 — he eba ton; he eba tegen; he eba ajan; he eba andan; 65–68 — нет сведений; 69 — eibo tond; eibo tegend; eibo tegend; 70–71 — нет сведений; 72 — he eba tond; eba tegend; eba ajand; eba andand; 73 — нет сведений; 74 — eba tond; eba tegend; 75 — нет сведений.

Комментарий

Отрицательная форма имперфекта третьего лица мн. числа является одной из важнейших форм, маркирующих диалектные зоны вепсского языка. Она строится, как и в других прибалтийско-финских языках, при помощи отрицательного глагола ***ei*** и имперфекта причастия смыслового глагола (в картографируемом случае: *ei tonugoi* ~ *eba tond* ‘[они] не принесли’ и т. д.). Различия в диалектных зонах обнаруживаются как на материале отрицательного глагола, так и форм причастий, а также и в сочетании вариантов, что зависит, прежде всего, от территориального расположения пункта на карте, его диалектного и языкового окружения.

Как свидетельствует карта, весь южновепсский ареал с примкнувшими к нему переходными говорами средневепсского диалекта (Nür, Noid, Har, Päž, Jog) обладает формой отрицательного глагола *eba*. По предположению историков языка, отрицательный глагол в форме *eba* по составу даже более древен, нежели финский глагол *eivät*. В вепсской форме лично-числовое окончание *-ba* присоединяется непосредственно к основе отрицательного глагола, как было в праязыке, в то время как в финском языке — к форме третьего лица ед. числа имперфекта *ei*: *ei-vät* [см., напр., Häkkinen 1985: 121]. В одном из южновепсских пунктов Mas (Маслозеро), вопросник по которому был заполнен от потомков вепсов, переселившихся в первой половине XX века в Кемеровскую область, удалось зафиксировать отрицательный глагол в форме *eibo*. На наш взгляд, здесь представлена некая случайная инновация, которая не является параллелью финскому языку, поскольку ни в одном из сборников образцов вепсской речи подобная форма не сохранилась, как и не представлена более ни в одном южновепсском пункте.

Различия в построении картографируемой формы *eba tond* особенно наглядно видны в фонетических вариациях причастия имперфекта: *tond, ton, tot*, в котором вариант *tond* является фонетически наиболее полным вепсским соответствием финской форме *tuonut* [см.: Tunkelo, 1946: 125–126], *ton* и *tot* — ее сокращенными вариантами, утратившими конечные согласные звуки, что с точки зрения вепсского языка вполне объяснимо.

Форма *eba tond* с вариантами является прибалтийско-финским наследием (ср. финский литературный *eivät tuoneet*). Как свидетельствует собранный материал, данная форма маркирует весь южновепсский диалект и переходные говоры средневепсского диалекта Тихвинского района (Nür, Jog, Noid). Названный вариант представлен также в пункте Päž Бабаевского района Вологодской области, который тяготеет к южновепсской зоне, свидетельствуя о контактах или общем наследии. Любопытно, что этот вариант, в наибольшей степени соответствующий праязыковой форме, сохранился в южновепсской ареальной зоне, наиболее удаленной от прочих прибалтийско-финских языков. Очевидно, именно здесь влияние карельского языка было наименьшим, а вепсские инновационные процессы до него не дошли, поскольку были поздними и не настолько мощными.

В нескольких восточных пунктах средневепсского региона в образовании отрицательной формы участвует активное причастие имперфекта с показателем ***-nuhu*** (*ei tonuhu* ‘(они) не принесли’)*. Согласный ***-h*** в данном форманте представляет собой инновацию древнего спиранта ****δ***, который в ряде языков выпал, в других ****δ > d*** или, как в последнем случае, ****δ > h***, что в вепсском языке, по предположению Э. А. Тункело, скорее всего, заимствовано из карельского языка [Tunkelo 1946: 211].

В говорах средневепсского диалекта и в северновепсском диалекте в качестве отрицания выступает форма ***ei ~ ii***. Употребление в первой части дифтонга звука ***e-*** или ***i-***, в принципе, не является характеристикой того или иного говора, поскольку постоянно варьирует даже в речи одного информанта. Можно лишь в общих чертах указать, что форма *ei* наиболее употребительна в восточных куйско-войлахотских говорах вепсского языка (восточная окраина Бабаевского района Вологодской области).

Что касается средневепсского диалекта, то в нем в части говоров при образовании отрицательной формы третьего лица мн. числа имперфекта употребительно причастие актива имперфекта с формантом *-koi, -goi*. Он является наследием древней прибалтийско-финской основы презенса, следы которой исключительно редки и отмечены, например, в исторических формах финского отрицательного императива (напр., *älkää syö**kö*** ‘пусть он(и) не едят’ [Setälä 1939: 242]). Следы данного форманта сохранились в языке вепсов. Здесь формант *-koi, -goi* стал употребляться значительно шире, маркируя отрицательные формы мн. числа не только презенса, но и имперфекта, что можно считать своеобразной средневепсской инновацией. При образовании форм имперфекта мн. числа формант *-koi, -goi* присоединяется к причастию имперфекта с показателем ***-nu***: *ei to**nu**-goi* ‘(они) не принесли’, *ei teh**nu**-goi* ‘(они) не сделали’, *ei pan**nu**-goi* ’(они) не положили’. В восточных говорах наблюдается некоторое стяжение дифтонга в форманте ***-koi, -goi*** (*ei tonug**i***), которое может осуществляться, но может и отсутствовать, не влияя на ее содержание.

В северновепсских и многих средневепсских говорах в построении отрицательной формы третьего лица мн. числа** имперфекта на месте активного причастия выступает причастие пассива с суффиксами ***-tud, -dud, -ted, -ded***: *ei todud~toded* ‘(они) не принесли’, *ei pandud~panded* ‘(они) не положили’. В целом можно отметить, что в формах третьего лица мн. числа во всем вепсском регионе наблюдается победа пассивных форм над активными.

В диалектах карельского языка активные по происхождению формы совсем не сохранились. Можно предположить, что на севеверновепсском диалекте сказалось мощное влияние карельских говоров. Однако и средневепсский диалект проявляет явный ин-

* О происхождении и употреблении форманта *-nuhu (-nhe)* см. также карту 29 ЛАВЯ.

** Как и других *отрицательных* форм мн. числа.

терес к пассивной форме. Даже за последние 20–25 лет, прошедшие с тех пор, как была подготовлена работа «Вепсский глагол», для которой собирался значительный материал по всем вепсским диалектам [Зайцева 2002], заметно существенное расширение употребления пассивных форм для обозначения активных как в презенсе, так и в имперфекте. В период сбора материала и заполнения таблиц по спряжению глаголов для монографии в западных средневепсских говорах, например, в Ладве (Ladv), Ярославичах (Vil), были получены ответы типа *ii tuunugoi* ‘не пришли’, *ii tonugoi* ‘не принесли’; в настоящее же время там предпочитают говорить только: *ii tuudud, ii todud* [см. также: Grünthal 2015: 122].

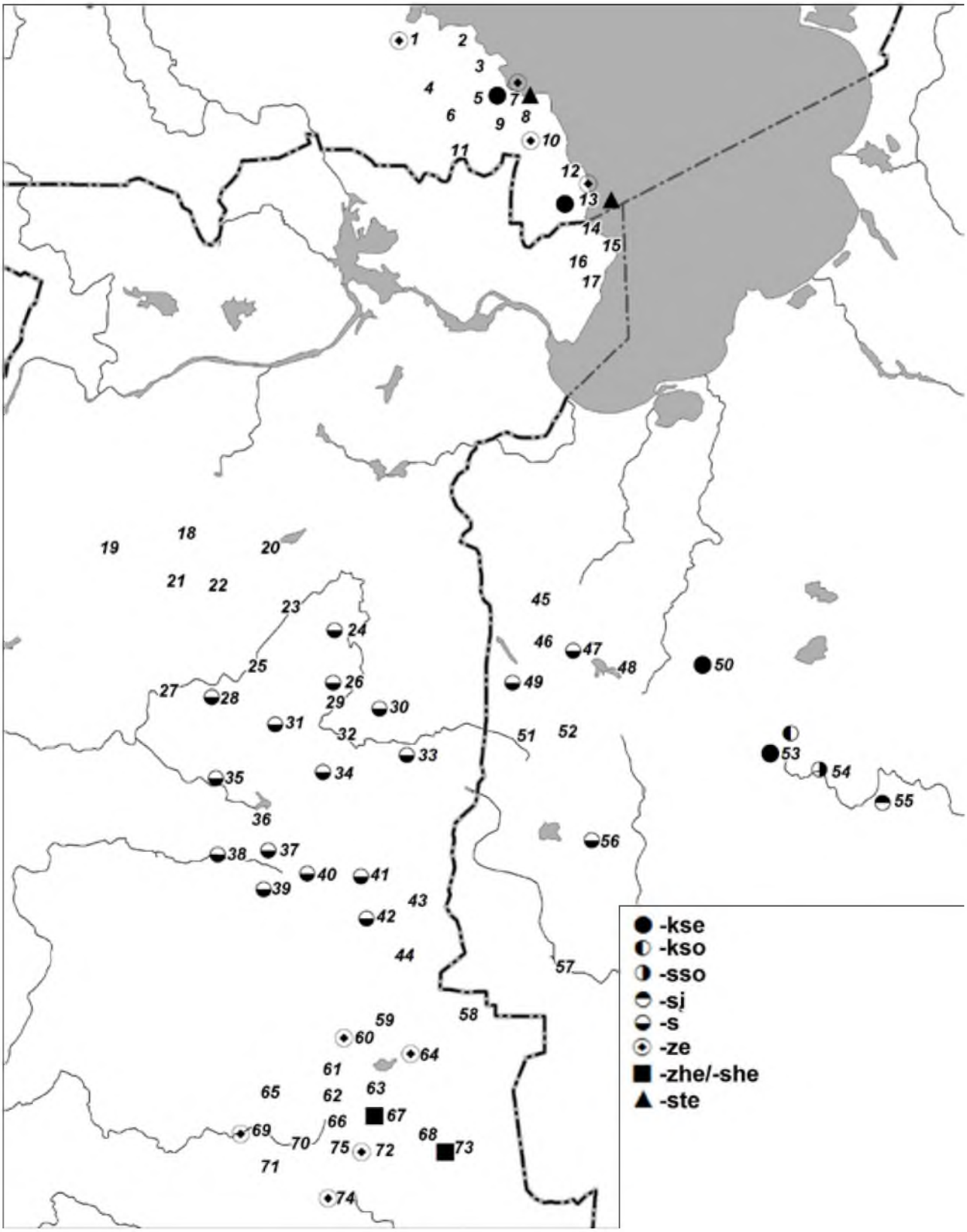
В переходных говорах средневепсского диалекта, представленных в атласе, в том числе и населенным пунктом Jog (Тихвинский р-н, Ленинградская обл.), в качестве отрицательной формы третьего лица мн. числа имперфекта выступает инновация, в которой отрицательный глагол характеризуется южновепсской формой *eba*, а причастие имеет пассивную форму, что свойственно для более северных средневепсских говоров и северновепсского диалекта: *eba toded*. Таким образом, данный пункт, находясь на стыке диалектных регионов, объединяет средневепсские и южновепсские говоры.

Является ли угасание употребления активных форм общей тенденцией к расширению употребления форм пассива, которая характерна отчасти и для финского языка, сказать сложно. Можно лишь констатировать факт исчезновения из употребления активных по происхождению форм третьего лица мн. числа имперфекта, что существенно сказывается на характеристике северновепсского и некоторых средневепсских диалектных говоров в противовес южновепсским и ряду переходных говоров средневепсского диалекта, иллюстрируя картину формирования говоров в целом.

Н.Г. Зайцева

28 (120). Варианты суффиксов возвратных глаголов I инфинитива

(на материале глаголов: *kirjutadas* ~ *kirgitadakse* ~ *kirjutadaze* ‘записаться’; *sopt'as* ~ *soptakse* ~ *soptaze* ‘одеться’; *išttas* ~ *išttakse* ~ *išttaze* ‘усесться’; *sukt'as* ~ *suktakse*~*suktaze* ‘расчесаться’; *tehtas* ~ *tehtakse* ~ *tehtaze* ‘сделаться’; *ajeltas* ~ *ajeltakse* ~ *ajeltaze* ‘проехаться’)

Легенда карты

1) **-kse**
-kso
-sso
-sį
-s
-ze
2) **-zhe/-she**
3) **-ste**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-kse**: *сев* Št, Kas // *ср* Sär, Pnd
-kso: *ср* Pnd
-sso: *ср* Kj
-sį: *ср* Vl
-s: *ср* Šim, Vär, Päž, Ladv, Mg, Jä, Vil, Nem, Pec, Rih, Reb, Har, En, Kor, Noid,Nür, Jog
-ze: *сев* Št, Kl, Š, Kas // *южн* Mai, Sod, Mas, Ars, Šid
2) **-zhe/-she**: *южн* Vg, Krl
3) **-ste**: *сев* Kas, Št

Цифровой индекс

1) **-kse**: 7Št, 13Kas, 50Sär, 53Pnd
-kso: 53Pnd
-sso: 54Kj
-sį: 55Vl
-s: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid,47Šim, 49Vär, 56Päž
-ze: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
2) **-zhe/-she**: 67Krl, 73Vg
3) **-ste**: 7Št, 13Kas

Список картографируемого материала

1 — kird'utetaze, sätaze, išttaze, sugidaze, tehtaze, ajeltaze; 2–6 — нет сведений; 7 — kirditadaze, sätaze, išttaze, tehtaze; peittakse [Tunkelo 1946: 96–97] 'спрятаться', peiv d'o lasknuste [Зайцева 2002: 211] 'солнце уже опустилось'; 8–9 — нет сведений; 10 — kird'utadaze, sätaze, išttaze, sugidaze, tehtaze, ajeltaze; 11–12 — нет сведений; 13 — kird'utaze ~ kird'utaste, sättaze~sätaste, išttaze ~ išttaste, sugidaze ~ sugidaste, tehtaze ~ tehtaste, ajeltaste; sätakse, pestakse [Tunkelo 1946: 97] 'одеться, умыться'; 14–23 — нет сведений; 24 — kirjutadas, sopt'as, išttas, sukt'as, tehtas, ajuutas; 25 — нет сведений; 26 — kirjutadas, sopt'as, išttas, sukt'as, tehtas, ajeltas; 27 — нет сведений; 28 — kirjutadas, sopt'as, išttas, sukt'as, tehtas, ajeltas; 29 — нет сведений; 30–31 — kirjutadas, sopt'as, išttas, sukt'as, tehtas, ajeltas; 32 — нет сведений; 33–34 — kirjutadas, sopt'as, išttas, sukt'as, tehtas; 35 — kirjutadas, sukt'as, tehtas; 36 — нет сведений; 37 — kirjutadas, soptas, išttas; 38 — kirjutadas, išttas, soptas, sukt'as, tehtas; 39 — kirjutadas, soptas, išttas, sugdas, tehtas; 40 — kirjutadas, sopt'as, išttas, sukt'as, tehtas, ajeltas; 41 — kirjutadas, soptas, išttas, suktas, tehtas; 42 — kirjutadas, sopt'as, suktas; 43–46 — нет сведений; 47 — kirgitadas, sopt'as, išttas; 48 — нет сведений; 49 — kirg'utadas, sopt'as, išttas, sukt'as, tehtas, ajuutas; 50 — išttakse, vasteidakse [Tunkelo 1946: 96–97] 'усесться, париться'; 51–52 — нет сведений; 53 — kirjutadakso, sätakso, išttakso, sugd'akso, tehtakso, ajuudakso; tabatakse 'ухватиться' [СВЯ, 554]; 54 — kirjutadasso, sätasso, išttasso, tehtasso; 55 — kirjutadasį, sätasį, išttasį, sugd'asį, tehtasį, ajeltasį; 56 — sopt'as, išttas, sukt'as, tehtas, ajuutas; 57–59 — нет сведений; 60 — pestaaze, išttaaze, kirjutadaze, soptaze, išttaze, sugdaaze; 61–63 — нет сведений; 64 — kirjutadaze, soptaaze, išttaaze, suktaaze, tehtaaze; 65–66 — нет сведений; 67 — pandazhe, pestazhe [Tunkelo 1946: 238] 'ложиться, умыться'; 68 — нет сведений; 69 — pestaaze, išttaaze; 70–71 — нет сведений; 72 — kirjutadaze, soptaaze, išttaze, suktaaze; 73 — peüväz ei olend vee heidičenuzhe 'лен еще тогда не расцвел' [Зайцева 2002: 213]; 74 — kirjutetaze, soptaaze, tehtaaze; 75 — нет сведений.

Комментарий

В вепсском языке функционирует две системы глагольного спряжения: основное спряжение и возвратное спряжение, которые характеризуются разными лично-числовыми окончаниями, а также особыми возвратными суффиксами, передающими значение возвратности в формах инфинитива

и причастия имперфекта*. На карте 28 представлены варианты данных показателей, сами же собранные в полевых условиях или из опубликованных или архивных источников инфинитивы (или причастия имперфекта) указаны в списке картографируемого материала.

Картина обозначения возвратности инфинитивов достаточно пестра и может служить выявлению некоторых признаков принадлежности к тому или иному диалекту, характеризуя его. Не вдаваясь в подробности возникновения рефлексивного спряжения в вепсском языке в целом, назовем лишь некоторые моменты возникновения того или иного варианта суффикса, которые были выявлены и представлены на лингвистической карте.

Из всех вариантов наиболее древним является суффикс ***-kse***. В данном звуковом комплексе выделяют две части: ***k + se(n)*** (< ****ksen*** [Posti 1980: 132]). ***-k*** — это древний показатель презенса, следы которого остались и в вепсском языке. Словообразовательный элемент ***-se(n)***, восходящий к прибалтийско-финско-саамскому периоду и на первых порах употреблявшийся с группой глаголов, по значению близких к рефлексивным, в ряде прибалтийско-финских языков приобрел значение возвратности [Posti 1961: 364–365]. Вариант суффикса ***-kse*** *(<* ****-ksen***), по мнению ряда исследователей, стал функционировать в вепсском не без влияния и поддержки карельского языка (ср. кар.-ливв.: *kačo**kseh*** ‘оглядываться’, *keännellä**kseh*** ‘оборачиваться’ [см.: Tunkelo 1946: 97]).

Как показывает карта, в вепсском языке широко известны фонетические разновидности древнего суффикса ****-ksen***. Они произошли при переработке варианта ***-kse > kso > sso > sį > s***, представляя разные ее ступени. Отметим в связи с этим, что для вепсского языка не характерно звукосочетание ***-kse***, которое, например, в именных основах исчезло совсем: ср. вепс. *varišad* — фин. *varikset* ‘вороны’; вепс. *jänišad* — фин. *jänikset* ‘зайцы’ и т. д. Тем не менее в показателе инфинитива возвратных глаголов в говорах языка вепсов остались разные ступени подобного развития.

Вследствие действия закона озвончения согласных звуков в положении между гласными на месте ***-se*** возник в ряде говоров вариант ***-ze***. Последний вариант интересен общностью процесса озвончения ***-ze*** в языке южных и северных вепсов (ср. *tehtaaze ~ tehtaze* ‘сделаться’), поскольку он отмечен только здесь. Эти два ареала исключительно редко объединяются в своем развитии, являясь своеобразными антиподами в диалектной картине вепсского языка.

Иные варианты суффиксов также являются различными модификациями древнего форманта ****-ksen***. Так, вариант суффикса типа ***-zhe*** — это историческая контаминация двух вариантов ***-ze + he*** (возвратный суффикс третьего лица ед. числа имперфекта [Tunkelo, 1946, 290])**. Вариант рефлексивного суффикса ***-zhe*** закрепился за территорией южновепсского региона, являясь его своеобразной характеристикой.

Что касается варианта возвратного суффикса ***-ste***, который употребляется узко на территории северновепсского региона, то Э. А. Тункело, который был склонен искать следы взаимодействия вепсского и эстонского языков (в этом случае упоминается диалект Сааремаа, в котором встречаются формы пассива типа *tiha**ste*** ‘делают’, *oitta**ste*** ‘ухаживают’, *tulla**ste*** ‘приходят’, *minna**ste*** ‘уходят’), полагал, что средствами вепсского языка происхождение суффикса ***-ste*** не объяснить. По мнению Тункело, вариант суффикса ***-ste*** в этом случае можно объяснить привнесением его на земли северных вепсов переселенцами из Эстонии [Tunkelo 1946a: 451–454]. Однако можно предполагать, что и этот вариант (как и вариант ***-zhe***) является своеобразной контаминацией, объединением двух вариантов рефлексивных суффиксов в один: ***-ze + -te*** (***-te*** — суффикс второго лица ед. числа повелительного наклонения возвратного спряжения, напр., *pes**te*** ‘умойся’ [Posti 1980: 140]).

Как свидетельствует карта, варианты суффиксов причудливо разбросаны по диалектным ареалам, указывая на взаимосвязи с карельскими говорами.

Н. Г. Зайцева

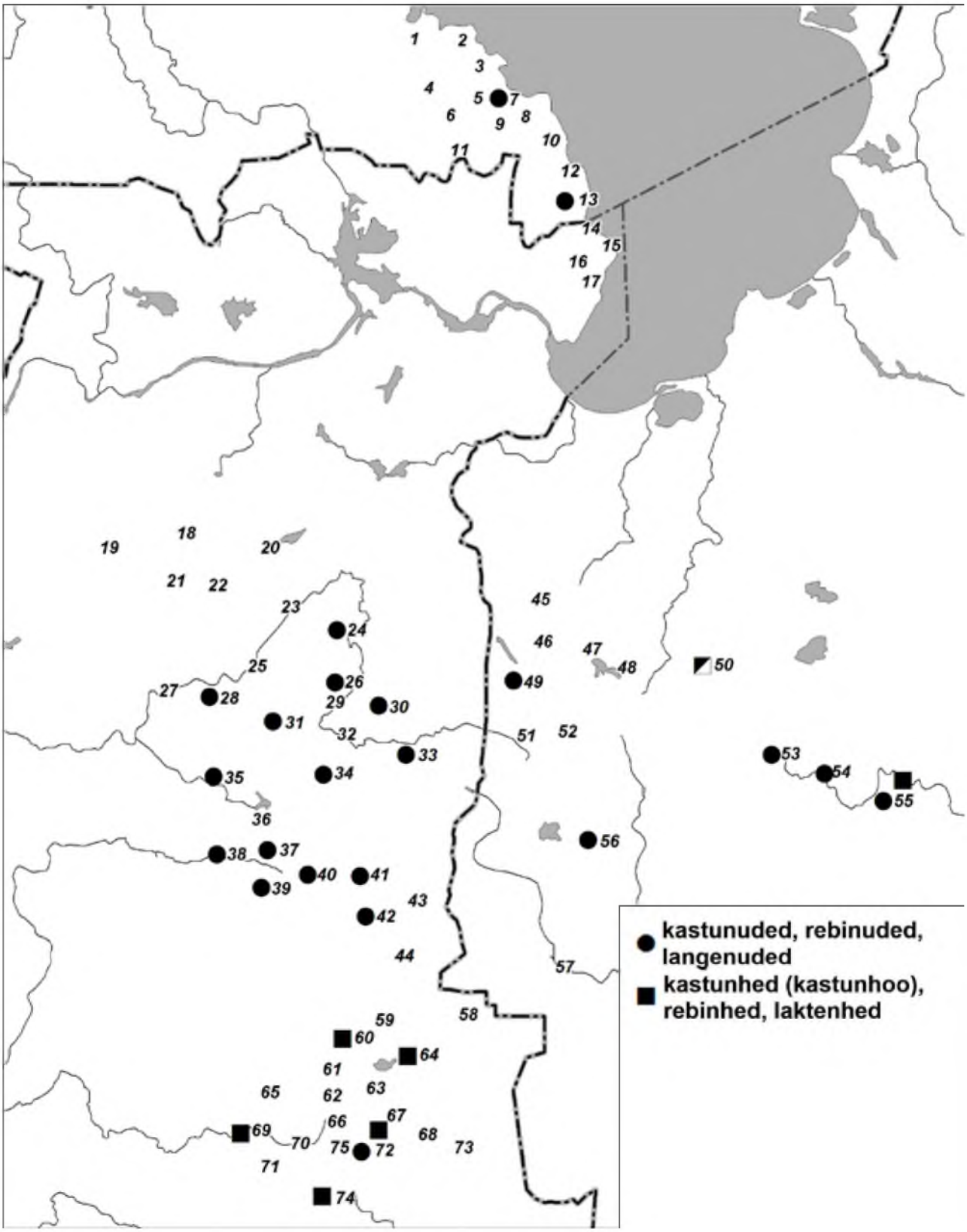
---

* В последнем случае выступают одни и те же суффиксы (например, *tari kirg'utadasį, olen kirg'utanusį* (Vl: ‘надо записаться; я записался’). Отметим, что при поиске архивных материалов и материалов из опубликованных источников этот факт принимался во внимание: найденный пункт, в котором отмечены подобные формы I инфинитива или причастия имперфекта, наносился на карту.

** Очевидно, на происхождение данного варианта повлияли и именные формы иллатива от имен на *-ez, -az*: *venez*he (вместо более полной формы *veneheze* ‘в лодку’), *kirvez*he (вместо *kirvheze* ‘в топор’), *taivhaz*he (вместо *taivhaze* ‘в небо’ и т. д. [Tunkelo, 1946, 238]), — типичные для южновепсского диалекта.

29 (122). Вариативность образования причастия актива имперфекта множественного числа

(на материале примеров: *kastunuded ~ kastunhed* (*vettunuded, märktunuded*) *alaižed* ‘намокшие варежки’; *rebinuded ~ rebinehed ~ rebinhedsapkad* ‘порвавшиеся сапоги’, *langenuded ~ langened ~ langenhedlehtesed* ‘упавшие листья’)

Легенда карты

1) **kastunuded, rebinuded, langenuded***

2) **kastunhed (kastunhoo), rebinhed, lanktenhed kuunuhud, tuunuhud**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **kastunuded, rebinuded, langenuded**: *сев* Kas, Št // *ср* Ladv, Mg, Jä, Nem, Vil, Pec, Rih, Reb, Noid, Jog, En, Kor, Nür, Har, Vär, Päž, Pnd, Kj, Vl // *южн* Mai

2) **kastunhed (kastunhoo), rebinhed, lanktenhed**: *южн* Mai, Mas, Ars, Sod
kuunuhud, tuunuhud: *ср* Sär

Цифровой индекс

1) **kastunuded, rebinuded, langenuded**: 7Št, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 72Mai

2) **kastunhed (kastunhoo), rebinhed, lanktenhed**: 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
kuunuhud, tuunuhud: 50Sär

Список картографируемого материала

1 — rattetud sapkad, langetud lehtesed; 2–6 — нет сведений; 7 — rattenuded sapkad, langetud lehtesed; 8–9 — нет сведений; 10 — kasttud, langetud; 11–12 — нет сведений; 13 — vettunuded (kastnuste) alaižed, rattetud (rebinuded) sapkad, langenuded lehted; 14–23 — нет сведений; 24 — kastnuded aleižed, rebinuded sapkad, langenuded lehtesed; 25 — нет сведений; 26 — rebinuded sapkad, lanktenuded lehtud; 27 — нет сведений; 28 — märktunuded alaižed, rebinuded sapkad, langenuded lehted; 29 — нет сведений; 30 — kastnuded aleižed, rebinuded sapkad, langenuded lehtud; 31 — märktunuded alaižed, rebinuded sapkad, langenuded lehtesed; 32 — нет сведений; 33 — kastnuded aleižed, rebinuded sapkad, langenuded lehtud; 34 — märktunuded aleižed, rebinudedsapkad, langenuded lehtud; 35 — märgästunuded alaižed, rebinuded sapkad, langenuded lehtesed; 36 — нет сведений; 37 — rebinuded sapkad, langenuded lehtesed; 38 — rebinuded sapkad, langenuded lehted; 39 — ligonuded alaižed, rebinuded sapkad; 40 — rebinuded sapkad, langenuded lehted; 41 — ligonuded alaižed, rebinuded (murenuded) sapkad, lanktenuded lehted; 42 — rebinuded sapkad, langenuded lehtesed; 43–48 — нет сведений; 49 — ligonuded aleižed, rebinuded sapkad, langenuded lehtesed (lehtud); 50 — (ei) kuunuhud, (ei) tuunuhud [Tunkelo, 1946: 210] ‘(они) не слышали’, ‘(они) не пришли’; 51–52 — нет сведений; 53 — vettunudod alaižed, rebinudod sapkad, lanktonudod lehtesudod; 54 — vettunudod alaižed, rebinudod sapkad, lanktonudod lehtosudod; 55 — kastnudod aleižed, rebinudod sapkad, lanktonudod lehtesudod; 56 — vettunuded aleižed, rebinuded sapkad, langenuded lehtesed; 57–59 — нет сведений; 60 — rebinhed sapkad, lanktunhed lehtud; 61–63 — нет сведений; 64 — kastunhed alaažed, lanktenhed lehtuužed; 65–68 — нет сведений; 69 — (lähtnõd) veerundhedlehtud; 70–71 — нет сведений; 72 — kastunhoo alaažed, rebinuded upakod, lanktenuded lehtud; 73 — нет сведений; 74 — rebinunhed upakod; 75 — нет сведений.

Комментарий

Причастия актива имперфекта мн. числа в вепсском языке, также как и в родственных языках, употребительны в роли определений в предложении и широко используются при образовании сложных глагольных форм мн. числа перфекта и плюсквамперфекта. Названные формы были избраны для картографирования, поскольку имеется некоторая закрепившаяся за ареалами разница в их оформлении.

В этом случае практически не представлен северновепсский диалект, в котором в глагольном словоизменении наблюдается полная победа пассивных форм над активными. Тем самым произошло вытеснение из употребления и форм активных причастий имперфекта и замена их пассивными причастиями. Это подтвердил и сбор материала для картографируемого вопроса (см., напр.: *rattetud sapkad* ‘порванные сапоги’, *langetud lehtesed* ‘упавшие листья’, где употреблены причастия пассива).

* К данным вариантам на *-ded* отнесены также причастия на *-dod* (типа vettunu*dod*; см. список картографируемого материала), которые являются их фонетическим вариантом, выступающим нерегулярно.

Лишь в северновепсских пунктах Št, Kas удалось выявить редких знатоков некоторых активных причастных форм имперфекта, что и нашло свое отражение на карте*.

Показателем причастия имперфекта в номинативе ед. числа является суффикс ***-nu-***, который, как в косвенных падежах, так и во мн. числе обладает основой на ***-nude-***: *männu* ‘ушедший’, в последнем случае оформленный показателем мн. числа *-d*: *männude-d* NomPl; *sönu* ‘съевший’: *sönude-d* NomPl. Большинство говоров средневепсского диалекта характеризуется употреблением форм именно с данным исходом основы.

В южновепсском же диалекте формы причастий мн. числа обладают показателем ***-nhe*** ~ ***-nho***: *kastunhoo alaažed* ‘намокшие рукавицы’ (Šid); *rebinhed sapkad* ‘порвавшиеся рукавицы’; *lanktunhed lehtud* ‘упавшие листья’; *rebinunhed sapkad* ‘порвавшиеся сапоги’ (Ars); *veerundhed lehtud* ’упавшие (лежащие) листья’ (Mas); *kastunhed alaažed* ‘намокшие рукавицы’; *lanktenhed lehtuužed* ‘упавшие листья’ (Sod) и т. д. В письменных источниках также можно обнаружить формы типа *jänhed, kounhed* [Tunkelo 1946: 211] ‘оставшиеся’, ‘умершие’.

Как полагают исследователи, форманты ***-nude-*** и ***-nhe-*** обладают исторически одним и тем же источником происхождения. Согласный ***-h-*** в форманте ***-nhe-***, представляет собой инновацию древнего спиранта ****δ***, который в ряде языков выпал, в других ****δ > d*** (как это случилось в показателе ***-nude-***) или, как в последнем случае, ****δ > h***. По мнению Е. А. Тункело, обсуждаемая форма причастия исторически могла произойти из формы мн. числа причастия имперфекта актива, где мог осуществиться, например, переход: *kuunu**h**u(d)* ‘слышавшие’ < **kulnu**δ**et*; *tuunu**h**ud* ‘пришедшие’ < **tulnu**h**et* <**tulnu**δ**et*. Причем, по мнению Тункело, явление перехода ****δ > h*** на почве вепсского языка объяснить сложно; можно лишь предположить, что оно свершилось не в вепсском языке, а было привнесено в него из говоров неких переселенцев, которые смешались с вепсским населением. В его работе можно обнаружить примеры, сходные с вепсскими, из севернокарельских говоров (Реболы: *koatunehen* < *koatuo* ‘упасть; погибнуть’). Тункело полагал, что такими переселенцами могли быть, скорее всего, древние карелы (*muinaiskarjalaisia* [Tunkelo 1946: 211]). В современном ливв. наречии карельского языка, правда, в ед. числе и сейчас повсеместно употребительна форма типа *ei tuonnuh* ‘(он) не принес’ [Зайков 2000: 155], которая используется для образования соответствующих глагольных форм. Подобное причастие и в той же функции имеется в войлахотском и сяргозерском говорах восточновепсского ареала (Бабаевский р-н Вологодской обл.). Здесь оно закрепилось за образованием *отрицательной* формы третьего лица мн. числа имперфекта: *höt ei tonuhu(d)* ‘они не принесли’; *höt ei männuhu(d)* ‘они не пошли’**. В качестве же определения в предложении, а также при образовании *положительных* глагольных форм в Войлахте (Vl) бытует обычное активное причастие с показателем *-nude-* (*-nudo-*): *oma tonuded* ‘(они) принесли’; *oliba lähtnuded* ‘(они) ушли; *tuunuded prihäižed* ‘пришедшие мальчики’ и т. д.

Таким образом, в этом случае формы причастий типа южновепс. *rebinhed, lanktenhed*, восточновепс. *tonuhu, männuhu*, севернокар. *koatuneh(en)* и кар.-ливв. *tuonnuh* можно считать результатом общего развития из позднего праприбалтийско-финского языка. Очевидно, в нем было представлено двойственное развитие спиранта **δ*, и эта двойственность была унаследована рядом языков и диалектов.

В южновепсских говорах причастия на *-nhe-* во многом адъективизировались, стали выступать чаще в роли определений. В свою очередь, причастия типа *tond* обобщились в системе образования глагольных форм.

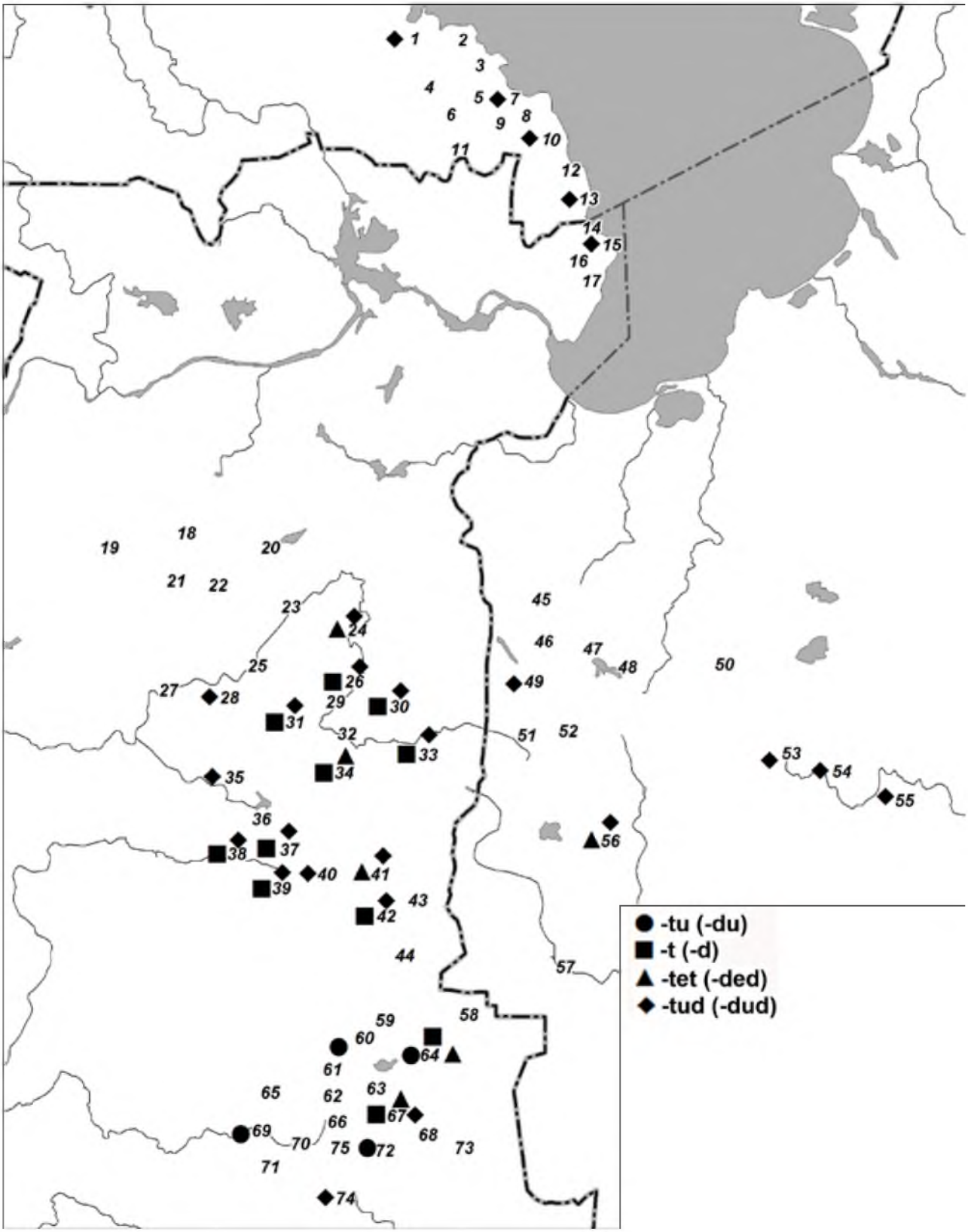
Н. Г. Зайцева

* Формы пассивных причастий северновепсского диалекта собраны, включены в список материала, но на карту не нанесены, поскольку они образуются при помощи иных формантов.

** См. об этом также 27 карта ЛАВЯ.

30 (123). Варианты показателей причастия пассива имперфекта

(на материале глаголов: *löda* ‘бить’: *lödud ~ löded*; *panda* ‘положить’: *pandud ~ panded*;
jagada ‘делить’: *jagetud ~ jagadud ~ jagetet*; *lükäita* ‘бросить’: *lükäitud ~ lükäitet*;
paimeta ‘пасти’: *paimetud ~ paimetet*; *varastada* ‘ждать’: *varastadud ~ varastet*;
kirjutada ‘писать’: *kirjutadud ~ kirjutet*)

Легенда карты

1) **-tu (-du)**
2) **-t (-d)**
3) **-tet (-ded)**
4) **-tud (-dud)**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-tu (-du)**: *южн* Mai, Mas, Šid, Sod
2) **-t (-d)**: *ср* Jä, Rih, Pec, Ladv, Mg, Kor, Jog, Har, Noid // *южн* Sod, Krl
3) **-tet (-ded)**: *ср* Mg, Nem, Reb, Päž // *южн* Sod, Krl
4) **-tud (-dud)**: *сев* Š, Kl, Kas, Št, Per // *ср* Ladv, Jä, Rih, Vil, Nem, Pec, En, Jog, Har, Kor, Nür, Reb, Noid, Vär, Päž, Pnd, Vl, Kj // *южн* Ars, Krl

Цифровой индекс

1) **-tu (-du)**: 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai
2) **-t (-d)**: 26Jä, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 38Jog, 39Har, 42Noid, 64Sod, 67Krl
3) **-tet (-ded)**: 24Nem, 34Mg, 41Reb, 56Päž, 64Sod, 67Krl
4) **-tud (-dud)**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 67Krl, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — pekstud, pandud, d'agetud, lükeitud, paimetud, varastadud, kirditadud; 2–6 — нет сведений; 7 — lödud, pandud, d'agadud, paimetud; 8–9 — нет сведений; 10 — lödud, pandud, d'agadud, lükeitud, paimetud, varastadud, kird'utadud; 11–12 — нет сведений; 13 — lödud, d'agetud, pandud, lükäitud, paimetud, varastadud, kirjutadud; 14 — нет сведений; 15 — hapatud < hapata [Kettunen 1943: 513] 'гнить'; 16–23 — нет сведений; 24 — löded, panded, paimetet, kirjutet, jagetud, lükeitud, varastadud; 25 — нет сведений; 26 — lödud, pandud, jagetud, lükeitud, paimetud, kirjutadud, varastadud ~ varastet; 27 — нет сведений; 28 — ledud, pandud, paimetud, jagetud, likeitud, varastadud, kirjutadud; 29– нет сведений; 30 — lödud, pandud, jagetud, lükeitud, peimetud, varastadud, kirjutadud ~ kirjutet; 31 — lödud, pandud, lükäitud, varastadud, paimetet, kirjutet; 32 — нет сведений; 33 — lödud, pandud, jagetud, lükeitud, paimetud, varastadud ~ varastet, kirjutet; 34 — lödet, pandet, jagetet, likeitet, paimetet, varastet, kirjutet; 35 — lödud, jagetud, pandut, lükeitut, paimetut, varastadud, kirjutadud; 36– нет сведений; 37 — lödud, pandud, jagadud, paimeted, kirjutet; 38 — pandud, jagadud, tačtud, kirjutet; 39 — pandud, jagetud, tačtud, likeitut, paimetud, satatet, kirjutet; 40 — lödud, pandud, jagetud, lükeitud, paimetud, varastadud, kirjutadud; 41 — varastadud, panded, jagetet, paimeted, kirjutet; 42 — pandud, jagadud, tačtud, kirjutet; 43–48 — нет сведений; 49 — lödud, pandud, g'agoidud, lükeitud, varastadud, kirg'utadud; 50–52 — нет сведений; 53 — lödud, pandud, g'agadud, lükäitud, paimetud, kirgitadud; 54 — lödud, pandud, d'agatud, lükäitud, paimetud, varastadud, kirgitadud; 55 — lödud, pandud, g'agatud, lükeitud, peimetud, varastadud, kirgitadud; 56 — lödud, pandud, lükaitud, varastadud, jagated, peimetet, kirjutet; 57–59 — нет сведений; 60 — pandu, jagetu, paimetu, varastetu, kirjutetu; 61–63– нет сведений; 64 — pekstet, paimetet, varastet, kirjutet, pandu, likäitu; 65–66 — нет сведений; 67 — kukerd < kukerta, andet < antta, arboot'et < arbooda, paukatud < paukata [Kettunen 1943: 513] 'перевернуть, дать, гадать, нанимать'; 68 — нет сведений; 69 — jagetu, varastetu; 70–71 — нет сведений; 72 — pekstu, pandu, jagetu, tactu, kirjutetu; 73 — нет сведений; 74 — pandud, jagetud, tacitud; 75 — нет сведений.

Комментарий

Причастие пассива в вепсском языке достаточно употребительно: оно выступает в предложении как определение, которое, в отличие от причастия актива, не изменяется по падежам, а также в ряде говоров широко используется в образовании аналитических глагольных форм. Карта 30 посвящена образованию и употреблению причастия пассива и его вариантов, для нее был собран в полевых условиях материал по глаголам различного рода — одноосновным и двухосновным, односложным и многосложным: *löda* 'бить', *panda* 'положить', *jagada* 'делить', *lükäita* 'бросить', *paimeta* 'пасти', *kirjutada* 'писать', *varastada* 'ждать'.

Исторически причастие пассива обладало в прибалтийско-финском праязыке показателем ***-tu, -ttü***. Элемент ***-t*** в этом случае является показателем

пассива [см.: Häkkinen 1985: 129]. Происхождение же гласного ***-u*** в составе суффикса причастия пассива не имеет достаточно четкого объяснения. Существует предположение о связи ***-u*** с суффиксом отглагольных имен действия [Hakulinen 1979: 221].

В диалектах вепсского языка представлено несколько вариантов суффикса причастий пассива. Наиболее последовательно древний вариант суффикса прослеживается в архаичном южновепсском диалекте в форме ***-tu (-du)*** — *peks-**tu*** (< *peksta* ‘месить, бить’, *jage-**tu*** (< *jagada* ‘делить’), *tac-**tu*** (< *tacta* ‘бросать’), *kirjute-**tu*** (< *kirjutada* ‘писать’), *pan-**du*** (< *panda* ‘положить’).

В отдельных южновепсских говорах (Ars, Sod), а также во многих западновепсских наметилась устойчивая тенденция к отпадению конечного ***-u*** из суффикса пассива и образованию варианта, состоящего из одного звука ***-t(d)***: *kuker**d*** (< *kukerta* ‘опрокинуть’), что проиллюстрировано на карте отдельным вариантом.

В ряде глаголов при образовании причастия пассива возникают формы типа *jage-**tet**, lö-**ded**, pan-**ded***, в которых есть основание выделить показатель ***-ted(-ded).*** Э. А.Тункело для сравнения указывает восточноливские формы типа *pann**dət**, ann**ttət*** [Tunkelo 1946: 133], которые обнаруживают идентичность звукового комплекса показателя с вепсским вариантом суффикса, что может свидетельствовать о сходных путях их развития. Названный вариант показателя более всего продуктивен в средневепсских западных говорах и отчасти в южновепсских, а также в восточновепсском Пяжозере (Päž), которое находится на стыке диалектных ареалов, тяготея во многом к западновепсским говорам.

В языке есть, кроме того, значительное количество форм причастий пассива типа *andet* < *antta* ‘дать’, *arboot'et* (< *arbooda* ~ *arboida* ‘гадать, ворожить’), в которых суффикс также напоминает звуковой комплекс ***-ted, -ded***. Каким образом здесь появился гласный ***-e***, не совсем ясно. Можно предположить, что названный комплекс мог возникнуть по аналогии с глаголами, обладающими основой на ***-a-***, в которых данный гласный перед суффиксом пассива исторически переходил ***-e-***: *kirjut**a-n*** 1PSingPrez ~ *kirjut-**e-t*** (<*kirjutada* ‘писать’), *varast**a-n*** 1PSingPrez ~ *varast-**e-t*** (<*varastada* ‘ждать’), *sädat-**a-n*** 1PSingPrez ~ *sädat-**e-t*** (<*s ädatada* ‘одевать’). Хотя в этом случае ***-e*** является частью основы глагола, а суффикс причастия пассива представлен лишь одним элементом ***-t***, подобные формы могли спровоцировать образование варианта показателя пассива ***-ted, -ded***. Однако нет полной уверенности в данном объяснении, поэтому вариант ***-ted, -ded*** отмечен как самостоятельный. Вполне возможно, что здесь имеет место и контаминация или соединение вариантов.

В диалектных ареалах вепсского языка шире всего распространен вариант суффикс ***-tud(-dud)***, который отмечен практически во всех диалектах. Первая часть названного суффикса ***-tu(-du)*** вполне понятна, поскольку является показателем пассива. Дискуссию вызывает наличие в суффиксе причастия пассива конечного согласного ***-d***. Подобные формы причастия на ***-dud (-tud)*** с конечным согласным ***-d*** в конце суффикса существуют также в эстонском и ливском языках, по поводу которых отмечается, что «…в эстонском и ливском языках к нему (к суффиксу) присоединяется *окончание -d*, которое, однако, произошло относительно поздно» [Основы 1975: 86]. В данном случае вепсский вариант не рассматривался, очевидно, авторы предполагали иные пути его происхождения. Некоторые исследователи [напр., Kettunen 1962: 53] полагают, что в вепсском (как и в эстонском языке) данный вариант показателя пассива появился по аналогии с формами активных причастий*. По мнению же Э. А. Тункело, подобное объяснение не годится для вепсского языка. И действительно, если говорить об аналогии с причастием актива, то у него в ед. числе в вепсском языке достаточно рано отпал конечный ***-t*** из суффикса в форме номинатива и теперь отсутствует во всех говорах, а показатель существует в форме ***-nu***, например: *ot**nu*** ‘взявший’, *poim**nu*** ‘собравший’. Если предположить, что в языке действовал закон аналогии, то вполне логично полагать, что закон отпадения конечных согласных в номинативе должен был коснуться и формы причастий пассива, как это произошло в форме причастий актива, поскольку эти формы существовали в языке одновременно. Тем не менее формы причастий пассива в значительном количестве вепсских говоров обладают сейчас в ауслауте согласным ***-d***, и показатель пассивного причастия в целом звучит как ***-tud, -dud*** (или его вариант ***-ted, -ded***).

Несмотря на распространение в последнее время признания точки зрения о появлении ауслаутного ***-t*** в суффиксе причастия пассива как результата аналогии с активными формами причастий [см., напр., также: Häkkinen 1985: 129], следует еще раз обратиться к точке зрения Э. А. Тункело, высказанной им в «Исторической фонетике вепсского языка». Он полагал, что вепсская форма причастия пассива (и также эстонская) в ее синхронном состоянии есть не что иное, как застывшая форма партитива с окон-

* Названные формы причастий, их происхождение и распространение в вепсских ареалах рассматривается также в материалах карты 26, посвященной имперфекту ед. числа.

чанием ***-t (-d)***, которая исторически имела в своем составе еще и гласный звук: *ottu**d*** ‘взятый’ < **ottaδи–**t**a*; *anttu**d*** ‘отданный’ < **anttaδи-**t**a* [Tunkelo 1946: 135–136]. Впоследствии окончание партитива ***-d*** вошло в состав суффикса и, слившись с ним, образовало новый вариант суффикса причастия пассива ***-tud (-dud)***. Поскольку это *застывшая* падежная форма, то она не позволила причастию иметь в языке какие-либо иные словоизменительные формы, и форма причастий пассива в языке вепсов остается *всегда неизменной*: *kirjutadud sana* NomSing ‘написанное слово’, *kirjutadud sanoiš* InesPl ‘в написанных словах’, *kirjutadud sanoile* AllPl ‘написанным словам’ и т. д.

В пользу точки зрения Э. А. Тункело на происхождение показателя причастия пассива ***-tud*** говорят и некоторые языковые формы, не принятые во внимание ранее, типа: *pašttu**id’*** *nagrhid’ tehlim* (Vl) ‘делали печеную репу’ (ср. *pašttu**d*** NomSing); *lüuttu**id’*** *babukoid’ oli vähähk, miše žard’a hiid’* (Kuja) ‘найденных грибов было маловато, чтобы нажарить’ (ср. *lüuttu**d*** NomSing); *saduid’ kalaižid’ süi kaži* (Pnd) ‘кошка съела выловленные рыбешки’ (ср. *sadu**d*** NomSing). Это единственно возможные иные, кроме номинативной, варианты форм причастия пассива в современном вепсском языке, которые употребляются уже от редких глаголов. Поскольку форма на ***-tud (-dud)*** исторически являлась партитивом *единственного числа*, то в языке и возможно было только образование форм партитива *множественного числа* при помощи суффикса множественного числа ***-i***, который присоединяется к основе слова.

В свете всего сказанного, видимо, можно принять положение Э. А. Тункело относительно происхождения вепсского варианта суффикса причастия пассива ***-tud (-dud)***, не исключая в нем наличия исторически окончания партитива ***-d***. Обсуждаемый вариант суффикса объединяет северновепсские и средневепсские говоры. Правда, в западновепсских говорах средневепсского ареала существуют параллельно и формы на ***-ted, -ded***, свидетельствуя о взаимодействии говоров. Многообразие вариантов показателя причастия пассива говорит, очевидно, о довольно поздних процессах его сложения, а также о некоторых возможных общих параллелях в развитии явления с ливским и эстонским языками.

Н. Г. Зайцева

ЛЕКСИКА

Лексика вепсского языка находится на этапе сбора языкового материала и исследована не в полной мере. Корпус материалов для ЛАВЯ, как уже было отмечено, включает значительное количество образцов вепсской диалектной речи: диалектный словарь вепсского языка, этимологические словари финского и эстонского языков, которые в той или иной степени используют и вепсские диалектные материалы. Однако нет специальных трудов, где в качестве объекта исследования выступала бы лексика вепсского языка.

Назовем лишь кандидатскую диссертацию Н. И. Богданова «История развития лексики вепсского языка», выполненную на заре отечественного вепсоведения [Богданов 1953]. В своей работе он выявил в лексике вепсского языка следы германских, балтийских, славянских, древнерусских контактов в русле монографии Л. Хакулинена, первое издание которой вышло в 1941 году [Hakulinen 1941]. В тот период вепсский язык практически не изучался, полевая и диалектологическая работа были на этапе становления, а исследования финских лингвистов не всегда были доступны, поэтому определить пути развития вепсского словарного фонда, выявить в нем инновационную лексику на тот период было исключительно сложно. Тем не менее названная диссертационная работа Н. И. Богданова, которая известна по автореферату и нескольким опубликованным статьям, важна для вепсоведения, поскольку наметила некие приоритеты в исследовании проблемы, прежде всего, в определении результатов языковых контактов вепсов с языками родственных и неродственных народов.

Этимология ряда вепсских лексем предложена в этимологических словарях финского и эстонского языков [SKES, SSA, Häkkinen 2007, Mägiste 1983, EES], но только в том случае, если они имелись в распоряжении составителей словарей и входили этимологически в описываемые словарные гнезда. Однако вепсские материалы по тем или иным причинам не всегда включались в словарные статьи, собственно вепсская же лексика, не имеющая отчетливого прибалтийско-финского контекста, практически вся находится вне поля зрения исследователей.

Любопытные идеи и перспективные находки, связанные с историей ряда прибалтийско-финских, в том числе и вепсских, лексем, содержатся в работах С. А. Мызникова, который является известным специалистом в области прибалтийско-финско-русских языковых контактов и, прежде всего, проявлений следов этих контактов в севернорусских говорах. Его работы свидетельствуют о том, что многие вепсские лексемы продолжают жизнь, выйдя за пределы своего языка, встроившись в лексическую систему севернорусских говоров, имея «…в зависимости от места или времени фиксации …субстратную либо заимствованную природу» [Мызников 2003: 25]. Этимологические разработки С. А. Мызникова, предпринятые им в монографии «Русские говоры Обонежья» [Мызников 2003] и на страницах его «Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада» [Мызников 2003], могут быть с успехом использованы и при освещении проблем вепсской лексики.

Отдельные проблемы заимствованной русской диалектной лексики и ее места в вепсском лексическом тезаурусе также обсуждались ранее, что позволило сделать некоторые выводы о путях заимствований, о тематических классах заимствованной лексики, о представленности ее в различных вепсских диалектных ареалах [см., напр.: Зайцева 2008: 79–83], что нашло отражение на картах ЛАВЯ.

Существенный вклад в изучение развития вепсской лексики вносит исследовательница вепсской ономастики И. И. Муллонен. Ей удалось провести реконструкцию ряда утраченных вепсских лексем и возвратить их изначальную семантику [см., напр.: Муллонен 1994; Муллонен 2013 и т. д.]. Отдельные из лексем были восстановлены и сейчас активно служат младописьменному вепсскому языку (напр., **majag* ‘бобер’ < *Maigär’* (Боброзеро); **vadag* ‘низкий заболоченный покос’ < *Vadoja, Vadagso* [Муллонен 1988: 63, 69]). Для данного атласа И. И. Муллонен подготовила ряд лингвистических карт, посвященных вепсским

географическим терминам. Привлечение соответствующих топонимических данных позволило реконструировать исторические ареалы некоторых лексем с географической семантикой. Подобные реконструкции плодотворны для исследования истории развития лексики и семантики языков, не обладающих памятниками письменности и не имеющих возможности строить изучение лексики и семантики на сравнении развития языка в разные периоды его существования.

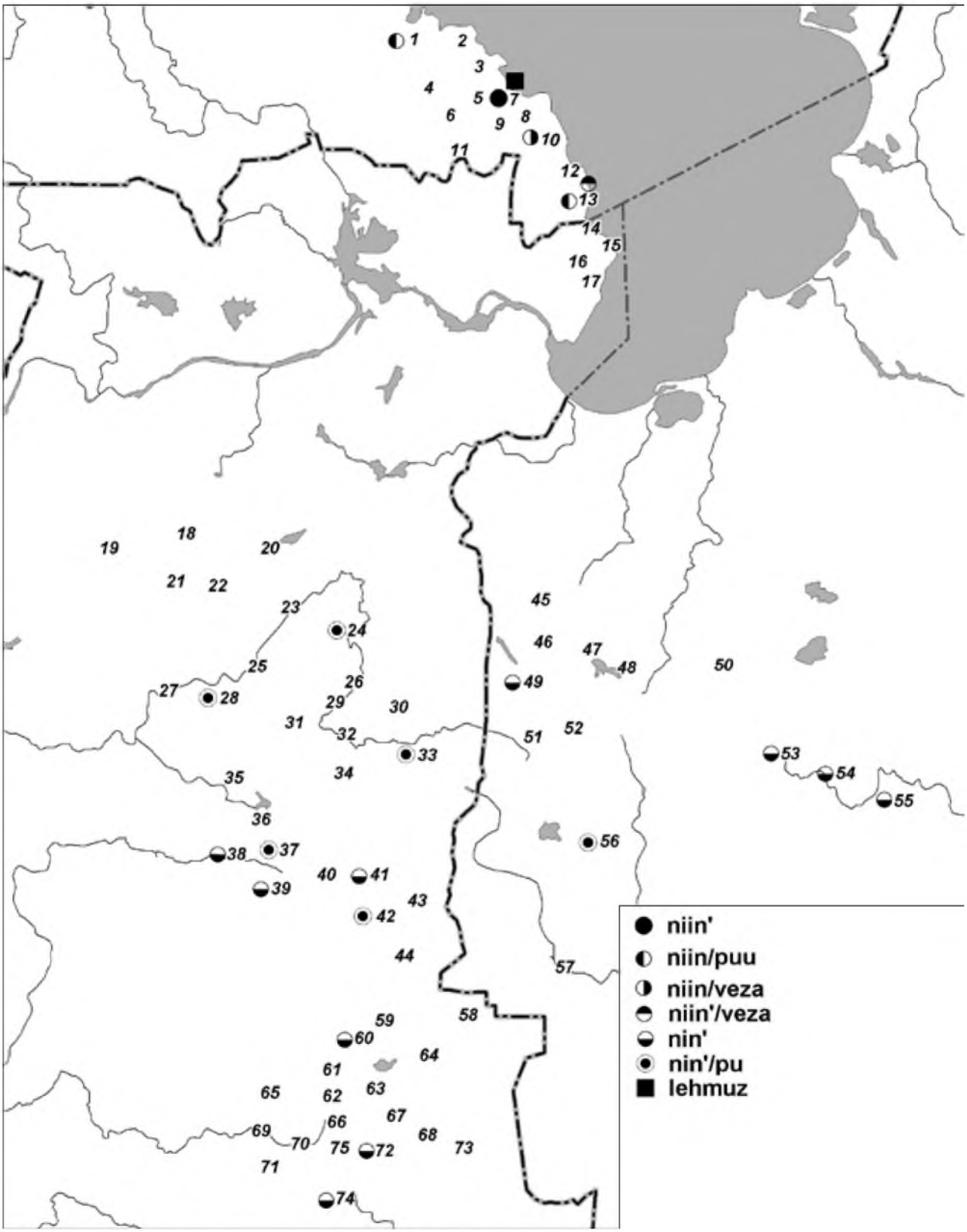
Интересны и исследования, которые посвящены различным семантическим группам лексики. Так, например, названия растений вепсского языка исследованы исключительно слабо. В самом крупном издании, посвященном диалектной лексике вепсского языка, «Словаре вепсского языка» М. И. Зайцевой и И. И. Муллонен [1972], названия растений представлены далеко не в полном объеме. При этом отмеченная группа лексики исчезает из памяти носителей языка, и далеко не каждый информант может перечислить больше десятка названий растений на родном языке. Тем ценнее интерес петербургского исследователя И. В. Бродского к данной группе лексики. Он обращается к названиям растений на широком финно-угорском фоне, прежде всего, на материале прибалтийско-финских и коми языков, проводя сравнения с родственными и неродственными языками, сосуществовавшими некогда рядом или контактирующими и в настоящее время. В поле его зрения находятся и названия растений в вепсском языке [Бродский 2007], что отчасти представлено в «Лингвистическом атласе вепсского языка».

Перспективные выводы о лексике, которая наибольшим образом связана с фольклорными текстами, с контекстом народной культуры, предлагает в своих исследованиях О. Ю. Жукова [Жукова 2015: 130]. Ее наработки успешно использованы в интерпретации некоторых лексем ЛАВЯ.

Для «Лингвистического атласа вепсского языка» было подготовлено значительное количество вопросов лексического характера (265 вопросов — с 130 по 395), которые нацелены на выявление лексических ареалов как исконной прибалтийско-финской, так и заимствованной лексики, а также вепсских лексических инноваций. Не весь собранный материал был в дальнейшем реализован в картах и комментариях, прежде всего, в силу отсутствия у целого ряда наименований даже минимальной (например, фонетической) ареальной дистрибуции. Тем не менее удалось представить определяющие моменты развития словарного фонда вепсского языка, маркирующие определенные диалектные зоны и характеризующие их формирование. Некоторые лексические карты и комментарии к ним важны и тем, что в них предложена ареальная, словообразовательная и этимологическая интерпретация инновационных вепсских лексем. В некоторых случаях выявленный в ходе сбора и анализа материал и его ареалирование позволили дополнить вепсскими данными существующие в феннистике этимологии или уточнить их.

Растительный мир

31 (133). Именования понятия ‘липа’

Легенда карты

1) **niin’** **niin/veza** **nin’** 2) **lehmuz**
niin/puu **niin’/veza** **nin’/pu**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **niin’**: *сев* Št
niin/puu: *сев* Š, Kas
niin/veza: *сев* Kl
niin’/veza: *сев* Kas
nin’: *ср* Jog, Har, Reb, Vär, Pnd, Kj, Vl // *южн* Šid, Mai, Ars
nin’/pu: *ср* Nem, Vil, Ladv, Kor, Noid, Päž
2) **lehmuz**: *сев* Št

Цифровой индекс

1) **niin’**: 7Št
niin/puu: 1Š, 13Kas
niin/veza: 10Kl
niin’/veza: 13Kas
nin’: 38Jog, 39Har, 41Reb, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 60Šid, 72Mai, 74Ars
nin’/pu: 24Nem, 28Vil, 33Ladv, 37Kor, 42Noid, 56Päž
2) **lehmuz**: 7Št

Список картографируемого материала

1 — niin/puu; 2–6 — нет сведений; 7 — niin’, lehmuz [СВЯ: 282]; 8–9 — нет сведений; 10 — niin/veza; 11–12 — нет сведений; 13 — niin/puu, niin’/veza [СВЯ: 358]; 14–23 — нет сведений; 24 — nin’/pu; 25–27 — нет сведений; 28 — nin’/pu; 29–32 — нет сведений; 33 — nin’/pu; 34–36 — нет сведений; 37 — nin’/pu; 38–39 — nin’; 40 — нет сведений; 41 — nin’; 42 — nin’/pu; 43–48 — нет сведений; 49 — nin’; 50–52 — нет сведений; 53–55 — nin’; 56 — nin’/pu [СВЯ: 361]; 57–59 — нет сведений; 60 — nin’; 61–71 — нет сведений; 72 — nin’; 73 — нет сведений; 74 — nin’; 75 — нет сведений.

Комментарий

Для северо-западной части России характерно произрастание липы мелколистной, которая встречается повсеместно в северной и средней полосе: в Карелии (к северу от Ладожского и Онежского озер), Архангельской (Шенкурск), Вологодской, Кировской областях и Пермском крае [Станков 1957: 204].

Липа, как известно, растет на более богатых почвах, и к местам ее произрастания приурочены сельскохозяйственные угодья. Липа представлена в южной Карелии до линии Вяртсиля — оз. Сямозеро — д. Шуньга, а к востоку от Онежского озера редка и растет, прежде всего, в долине рек Водлы и Колоды [Кравченко 2008].

Древесина, кора, цветы липы имели хозяйственное значение, применялись в народной медицине. Во время экспедиций некоторые знатоки языка со знанием дела рассказывали о том, как, например, готовили мочало из липы, что свидетельствовало о важности и самого процесса, и хозяйственной необходимости получаемого продукта (напр., д. Каргиничи ~ Karhil — средние вепсы):

Nin’ ii kazva g’oga sijan, hän kazvab tol’ko sijd’möt, lähemba g’oged, krežeižil, logeižil, g’ogerandadmöt enamb kazvaba. Nece mec ii g’alos korged kazva, a sanktad erased kazvaba. Čapad necen niinen, okseižed karzid, potom derid neciš kaluspei. Käčäkoho derid, käčäkon sidaldad, sigä kaks’ käčäkod libo koume, i kodihe, kodihe tod. Kuna panda händast? Pidab panda händast ... gärvhe ligotada, bude gärv lähen om, libo g’ogehe ligotada, a g’oged eilä da gärved eilä, pidab miččeheni luhtha ligotada. Pād sin’n’a kivudon. Gežli kivut eilä, pād čurkan, prižmid sin’n’a händast. Sigä ištub možet kun, a možet i kaks’ istub, kuni hän ii tehte. Kacuhtad händast, gežli ii voumiš, tagaze panod, gežli voumiš, noustad sigäpei, voumiš, ka kor’ läptob, slojil erigandob. Huhtaldad, tod händast kodihe, vedaldad, hot ugorodale pād libo častokolale. Hän kįivab. Erašti ka neciš niinišpei rogozad tehlimei, lavad pezelta teged vihkon, kü’lbetihe teged vihkon.

‘Липа не растет в каждом месте, она растет только местами, ближе к реке, на пригорках, в лощинах, по берегам рек больше растет. Это дерево вырастает не очень высокое, но некоторые толстые вырастают. Срубишь эту липу, ветки отрубишь, потом выдираешь [кору] из этой палки. В моток надерешь, моток свяжешь, мотка два или три [сделаешь] и домой. Домой принесешь. Куда ее девать? Нужно

замочить ее в озеро, если озеро близко, или в реку замочить, а реки нет и озера нет, нужно в какую-нибудь лужу замочить. Опустишь туда камень. Если камня нет, положишь чурку, прижмешь ее туда. Лежит там, может быть, месяц, а может быть, и два, пока она не выделается. Посмотришь ее, если не готова, обратно положишь, если готова, поднимешь оттуда. [Если] готова, так кора отходит, слоями отделяется. Выполощешь, принесешь ее домой, вытянешь на заборе или на частокол положишь. Она сохнет. Иногда из этого лыка рогожу делали, мочалку делали для мытья пола, для бани сделаешь мочалку' [ОВР: 55–56]).

Большинство данных имеет на прибалтийско-финской почве мотивацию, связанную именно с лыком: *niin', niin/pu, nin', nin'/pu* (ср.: фин. *niini* 'кора липы, ивы и т. д.', *niini/puu* 'липа', ливв. *n'iin'i* 'лыко, липа', люд. *n'īn'* 'лыко' и т. д.; имеются соответствия в мар. *n'i, nij* 'лыко молодой липы', удм. *n'in'* 'лыко', *n'in'-pu* 'липа', коми *n'in', n'in-pu* 'то же' [SSA 1995: 218]).

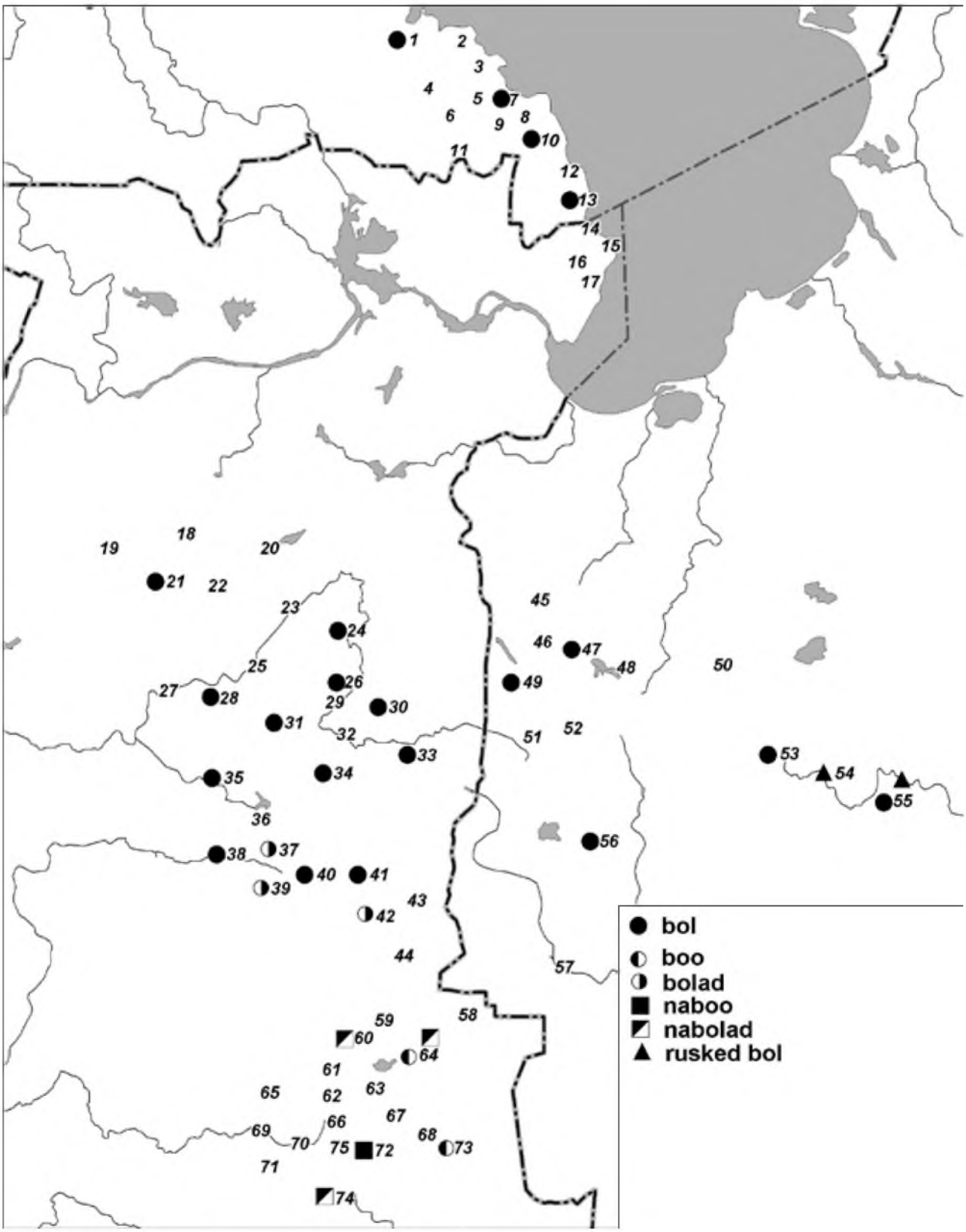
В вепсских говорах употребительны также сложные слова типа *niin/pu, nin'/pu,* буквально переводящиеся как 'лыковое дерево или дерево, из которого получают лыко'. Одна лексическая единица в северновепсских говорах представляет собой композит со второй частью *-veza* (*niin'/veza*), обладающая в родственных прибалтийско-финских языках значение 'побег' (ср.: фин. *vesa*, ливв., люд. *veza*, вепс. *veza* 'побег (дерева, куста)' [SKES: 1712]).

Имеющее единичную северновепсскую фиксацию слово *lehmuz* также является исконной прибалтийско-финской лексемой (ср.: фин. *lehmus*, ливв. *lehmus*, люд. *lehmuz* 'липа', эст. *lõhmus*, эст. диал. *lõhme* 'молодая липа, с которой еще не дерут лыко'). Ее единичная фиксация именно в языке северных вепсов может свидетельствовать о том, что она, возможно, была заимствована из финского языка во время войны, поскольку в северновепсском диалекте можно наблюдать незначительную группу слов подобного происхождения. Относительно этимологии данной лексемы авторы SKES с сомнением говорят о возможности сопоставления этого гнезда с марийскими и мордовскими данными (мар. горн. *ńimištə* 'сваленная и ободранная молодая сосна, с которой дерут лыко', морд. мокш. *l'evš* 'лыко' (SKES, 284).

Исследования Муллонен И. И. свидетельствуют, что топонимы, сложившиеся на основе вепс. *nin'* и карел. *niini* (*Nin'/sel'g* и *Niini/selgy* 'Липовая сельга' неоднократно, *Nin'/sar'* и *Ni/sar'* 'Липовый остров', *Nin'oja* и *Niin'oja* 'Липовый ручей' и др.) и соответственно русской *Лип-* (*Липовец, Липняги, Липовая сельга, Липовый бор* и др., особенно в Заонежье), повторяют границу, отражая реальную территорию произрастания дерева. Важно, что эта топонимическая граница накладывается на северную границу ряда исторических вепсских топонимных ареалов, проходящую по северным рубежам Онежско-Ладожского перешейка, и позволяет, таким образом, предполагать сельскохозяйственные приоритеты вепсов в освоении территории Карелии [Муллонен 2010: 18; см. также раздел «Заключение»].

С. А. Мызников

32 (142). Именования понятия ‘брусника’

Легенда карты

1) **bol**
boo
bolad
2) **naboo**
nabolad
3) **rusked bol**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **bol**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Kar, Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Jog, Nür, Reb, Šim, Vär, Pnd, Vl, Päž
boo: *южн* Sod, Vg
bolad: *ср* Kor, Har, Noid
2) **naboo**: *южн* Mai
nabolad: *южн* Šid, Sod, Ars_
3) **rusked bol**: *ср* Kj, Vl

Цифровой индекс

1) bol: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 21Kar, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 38Jog, 40Nür, 41Reb, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 55Vl, 56Päž
boo *южн* 64Sod, 73Vg
bolad: 37Kor, 39Har, 42Noid
2) **naboo**: 72Mai
nabolad: 60Šid, 64Sod, 74Ars
3) **rusked bol**: 54Kj, 55Vl

Список картографируемого материала

1 — bol; 2–6 — нет сведений; 7 — bol; 8–9 — нет сведений; 10 — bol; 11–12 — нет сведений; 13 — bol; 14–20 — нет сведений; 21 — bol [СВЯ: 46]; 22–23 — нет сведений; 24 — bol; 25 — нет сведений; 26 — bol; 27 — нет сведений; 28 — bol; 29 — нет сведений; 30–31 — bol; 32 — нет сведений; 33–35 — bol; 36 — нет сведений; 37 — bolad; 38 — bol; 39 — bolad; 40–41 — bol; 42 — bolad; 43–46 — нет сведений; 47 — bol; 48 — нет сведений; 49 — bol; 50 — нет сведений; 51–52 — нет сведений; 53 — bol; 54– rusked bol; 55 — bol [СОСД: 42], rusked bol; 56 — bol; 57–59 — нет сведений; 60 — nabolad; 61–63 — нет сведений; 64 — boo ‘брусника; ягода’ [СВЯ: 46], nabolad; 65–71 — нет сведений; 72 — naboo; 73 — boo ‘брусника; ягода’ [СВЯ: 46]; 74 — nabolad; 75 — нет сведений.

Комментарий

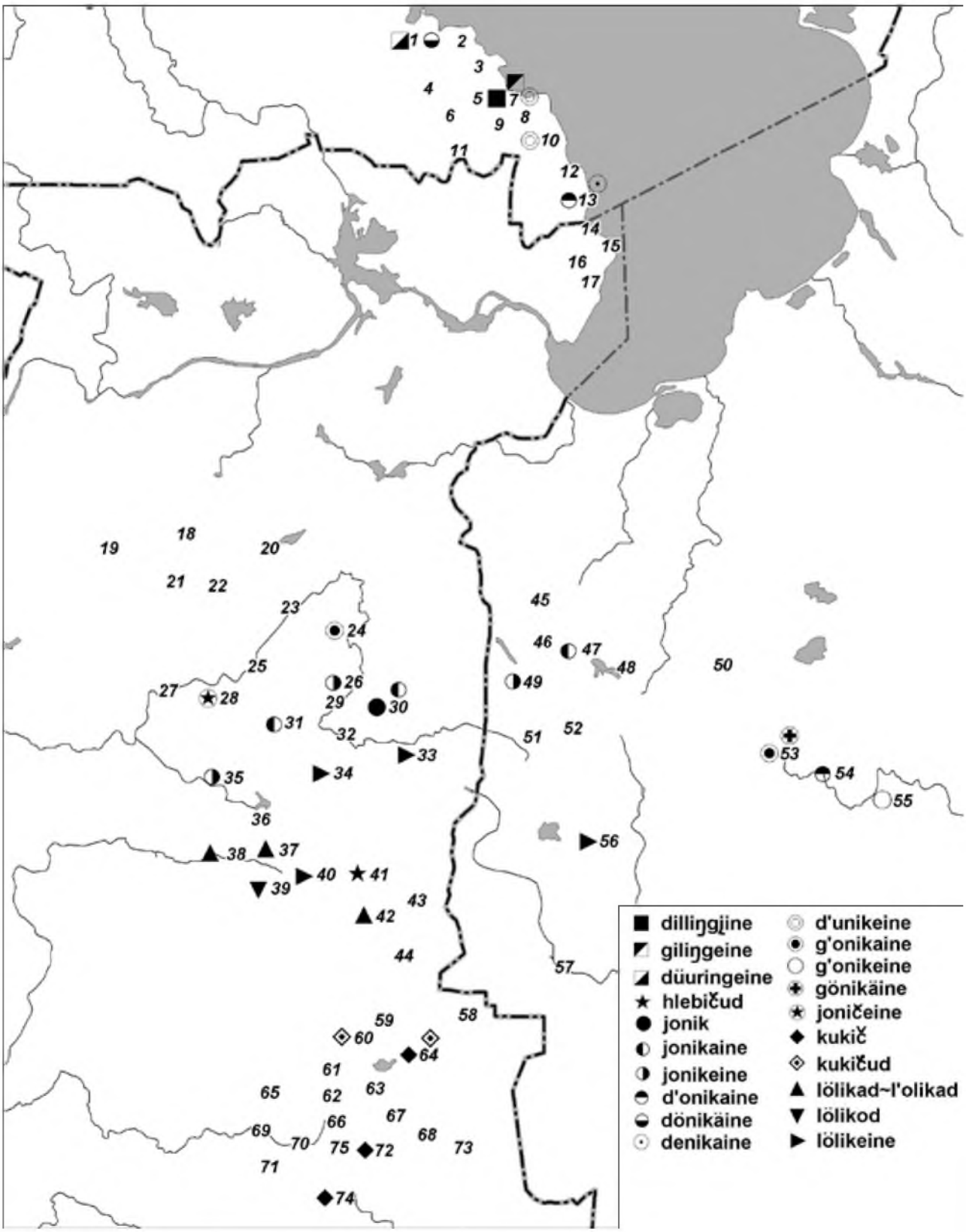
Bol (форма мн. числа *bolad*) — это наиболее распространенное в вепсском языке название брусники. В близкородственных языках этот фитоним вместе с образованными от него суффиксальными производными также относится к бруснике [SSA 1995: 430]. В говорах южного диалекта, а также в восточных белозерских говорах слово *bol* чаще имеет более общее значение ‘ягода’. В восточных белозерских говорах средневепсского диалекта для обозначения брусники используется словосочетание *rusked bol*, букв. ‘красная ягода’. Впрочем, в СОСД [СОСД: 42] для Войлахты (Vl — один из белозерских говоров) приведен и вариант *bol* ‘брусника’.

Фитониму *bol* обычно приписывается уральское происхождение, при этом в этимологических работах приводятся следующие соответствия: коми зыр., коми перм. (северные диалекты) *пув* (< **pul*), манс. *pil, pol, pul,* венг. *bogyó, диал. bolyo* ‘ягода’, сельк. *palkoŋ* ‘морошка’ [КЭСКЯ: 230; EES: 378; SKES: 645; SSA II: 430]. В связи с тем, что соответствий этому этимологическому ряду в мордовских, марийском, удмуртском, хантыйском языках нет (но при этом во всех этих языках есть множество названий для брусники), высказано мнение о том, что прибалтийско-финские названия этой ягоды имеют иное происхождение, нежели фонетически схожие — в родственных языках [Бродский 2014 (a): 642–643; Бродский 2014 (b): 124–139].

Южновепсское название брусники *nabol(ad),* по-видимому, является результатом контаминации заимствованного рус. *наболоть* ‘трава, растущая на болоте’ и *bol* (в форме мн. числа *bolad*) [Зайцева 2005: 94–95].

И. В. Бродский

33 (145). Именования понятия ‘голубика’

Легенда карты

1) **dilliŋgi̯ine**
giliŋgeine
düuringeine
2) **hlebičud**
3) **jonik**
jonikaine
jonikeine
d’onikaine
dönikäine
denikaine
d’unikeine
g’onikaine
g’onikeine
gön’ikäine
joničeine
4) **kukič**
kukičud
5) **lölikad ~ l’olikad**
lölikod
lölikeine

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **dilliŋgi̯ine**: *сев* Št
giliŋgeine: *сев* Št
düuringeine: *сев* Š
2) **hlebičud**: *ср* Reb
3) **jonik**: *ср* Rih
jonikaine: *ср* Rih, Pec, Šim
jonikeine: *ср* Jä, En, Vär
d’onikaine: *сев* Kas // *ср* Kj
dönikäine: *сев* Š
denikaine: *сев* Kas
d’unikeine: *сев* Št, Kl
g’onikaine: *ср* Nem, Pnd
g’onikeine: *ср* Vl
gönikäine: *ср* Pnd
joničeine: *ср* Vil
4) **kukič**: *южн* Sod, Mai, Ars
kukičud: *южн* Šid, Sod
5) **lölikad ~ l’olikad**: *ср* Kor, Jog, Noid
lölikod: *ср* Har
lölikeine: *ср* Ladv, Mg, Nür, Päž

Цифровой индекс

1) **dilliŋgi̯ine**: 7Št
giliŋgeine: 7Št
düuringeine: 1Š
2) **hlebičud**: 41Reb
3) **jonik**: 30Rih
jonikaine: 30Rih, 31Pec, 47Šim
jonikeine: 26Jä, 35En, 49Vär
d’onikaine: 13Kas, 54Kj
dönikäine: Š
denikaine: 13Kas
d’unikeine: 7Št, 10Kl,
g’onikaine: 24Nem, 53Pnd
g’onikeine: 55Vl
gönikäine: 53Pnd
joničeine: 28Vil
4) **kukič**: 64Sod, 72Mai, 74Ars
kukičud: 60Šid, 64Sod
5) **lölikad ~ l’olikad**: 37Kor, 38Jog, 42Noid
lölikod: 39Har
lölikeine: 33Ladv, 34Mg, 40Nür, 56Päž

Список картографируемого материала

1 — dönikäine [СВЯ: 99], düuringeine; 2–6 — нет сведений; 7 — dilliŋgi̯ine [СВЯ: 68], giliŋgeine [СОСД: 41], d’unikeine; 8–9 — нет сведений; 10 — d’unikeine; 11–12 — нет сведений; 13 — d’onikaine, denikaine; 14–23 — нет сведений; 24 — g’onikeine; 25 — нет сведений; 26 — jonikeine; 27 — нет сведений; 28 — joničeine; 29 — нет сведений; 30 — jonik, jonikaine; 31 — jonikaine; 32 — нет сведений; 33–34 — lölikeine; 35 — jonikeine; 36 — нет сведений; 37–38 — lölikad; 39 — lölikod; 40 — lölikeine; 41 — hlebičud; 42 — l’olikad; 43–46 — нет сведений; 47 — jonikaine; 48 — нет сведений; 49 — jonikeine; 50–52 — нет сведений; 53 — g’onikaine, gönikäine [СВЯ: 99]; 54–d’onikaine; 55 — g’onikeine; 56 — lölikeine; 57–59 — нет сведений; 60 — kukičud; 61–63 — нет сведений; 64 — kukič [СВЯ: 242], kukičud; 65–71 — нет сведений; 72 — kukič; 73 — нет сведений; 74 — kukič; 75 — нет сведений.

Комментарий

В вепсском языке наиболее распространены названия голубики, образованные от прибалтийско-финской основы **joo-* (позже *juo-*) со значением ‘пить’. Это вызвано тем, что из голубики, по-видимому, изготавливался один из древнейших хмельных напитков. В близкородственных языках такие названия весьма распространены, ср. фин. *juola, juolukka, juomikka, juomukka, juomuke, juopikka и др.*, с/к *juomukaine, juomingane, juomoi, juomunga, juomuŋgan’e, juomunkainen, juopukka, juopukkain’e, juopukkaini,* кар. ливв. *juomoi, juamoi,* кар. люд. *d’uomoi, d’uomuoi, d’uonuo,* ижор. *jõmukka, juomukka, juõmukas,* эст. *joovikas, joobik, johvik, joovihk, joovik,* вод. *joomukaz, joomukõz,* лив. *jùoimk’i, jùoidk’i,*

jùoipkêz [Бродский 2014: 653; СОСД: 41; Ruoppila 1981; SKES: 125].

Названия голубики с диминутивным суффиксом *-ine* характерны для вепсского и карельского языков. В вепсских названиях этот суффикс может образовать также комплекс с суффиксами *-ik* или *-ič* (вариант *joničeine)*.

Именования голубики с основами *-jon-, -l'ol'-(-löl'-)* распространены в северном и среднем диалектах вепсского языка. Фитонимы с основой *löl- (l'ol'-)* также происходят от основы **joo-*, переосмысленной в результате действия народной этимологии в *-*jool-, -*juol-* со значением 'продолговатый' — ср. *фин. juolea, jouleva* 'длинный, продолговатый и др.', а также указанные выше финские названия голубики вида *juola, juolukka*. Тем не менее это значение 'длинный, продолговатый' мы не можем считать первичным по следующим причинам: 1) меньшая распространенность основ названий голубики *-*jool-, -*juol-* в прибалтийско-финских языках; 2) удлиненность ягод голубики характерна только для некоторых ее фенотипов, в частности, это явление отсутствует в восточных районах Ленинградской области*; 3) наличие в неродственных контактных языках названий голубики, образованных от основ со значением 'пить', например, рус. *водопьянка, пьяная ягода, пьяника, пьяница, пьяничка,* нем. *Rauschbeere, Trunkelbeere,* литов. *girtuoklė.*

Вепсская основа названий голубики *-löl- (-l'ol'-)* появилась как следствие своеобразной регрессивной ассимиляции, в результате которой начальный согласный *-j* уподобился согласному, начинающему второй слог (*joli- > l'oli-)*. В процессе экспедиционной работы по подготовке ЛАВЯ названия голубики с основой *-joli-* больше не были обнаружены, однако в ALFE [ALFE 2007: 451] даются названия голубики *dilliŋgi̯ine* и *giliŋge̯ine* (дано также в СОСД в форме *gil'iŋgein'e* [СОСД: 41]), причем вариант *dilliŋgi̯ine* имеется и в СВЯ [СВЯ: 68] (Št). Фиксация варианта, начинающегося на *g'*, в северном диалекте (ALFE) выглядит странно, так как для него это явление вовсе не характерно. В любом случае оба варианта восходят к форме **jil(l)iŋg (*jöliŋg),* осложненной диминутивным суффиксом. Эту форму, как и вепс. *lölik, lölikeine,* по нашему мнению, следует сравнивать и с эст. *alligad, halli(ŋ)gad* 'голубика', а также фин. *juolukka.*

Добавим также, что высказанную в качестве предположения [ALFE 2007: 451] связь рассматриваемых фитонимов с рус. диал. *гигель* 'съедобная трава' или *гилка* 'ветвь дерева' (со ссылкой на СРНГ), по нашему мнению, вряд ли можно принять.

Фитоним *düuringeine* 'голубика', зафиксированный в Шокше (Š), также происходит от основы *-l'ol'-*. При этом начальный *-d'* закономерно для этого диалекта происходит от *-j*, а *-r'* в начале второго слога образовался из *-l'* (переход бокового согласного в дрожащий).

Второе по распространенности название голубики в вепсском языке *kukič* известно лишь южному диалекту. Это слово не имеет соответствий в прибалтийско-финских языках и содержит отыменный словообразовательный суффикс *-ič*; этимология фитонима неясна. В ALFE предполагается его мотивация основой саамского происхождения, ср. саам. *guk'ke, kuk'k, kuhh'k* 'длинный', однако у ягод голубики, как уже было указано ранее, в восточной части Ленинградской области, где распространен южновепсский диалект, по нашему мнению, удлиненность выражена не настолько, чтобы этот признак мог лечь в основу их номинации. Возможно, основа названия *kukič* заимствована из какого-либо контактного вымершего финно-пермского языка, в котором название голубики могло иметь и тюркское происхождение (ср. тат. *күк җиләк* 'голубика', *күк* 'голубой'). Рус. диал. *кукич* 'голубика' [Мызников 2003: 88–89] заимствовано из вепсского языка.

Рус. диал. *гоноболь, гонобобель, гонобоб, гонобой* 'голубика', вероятно, является заимствованием из какого-то вепсского говора, в котором согласный *-j* в начале слов и после согласных переходил в *-g'* — от **g'ona/bol* (сам подобный вепсский фитоним предположителен, однако в похожей форме не зафиксирован). Первый компонент этого сложного по форме фитонима представляет собой основу *-jon-* (см. выше), а второй — *bol* 'ягода; брусника'.

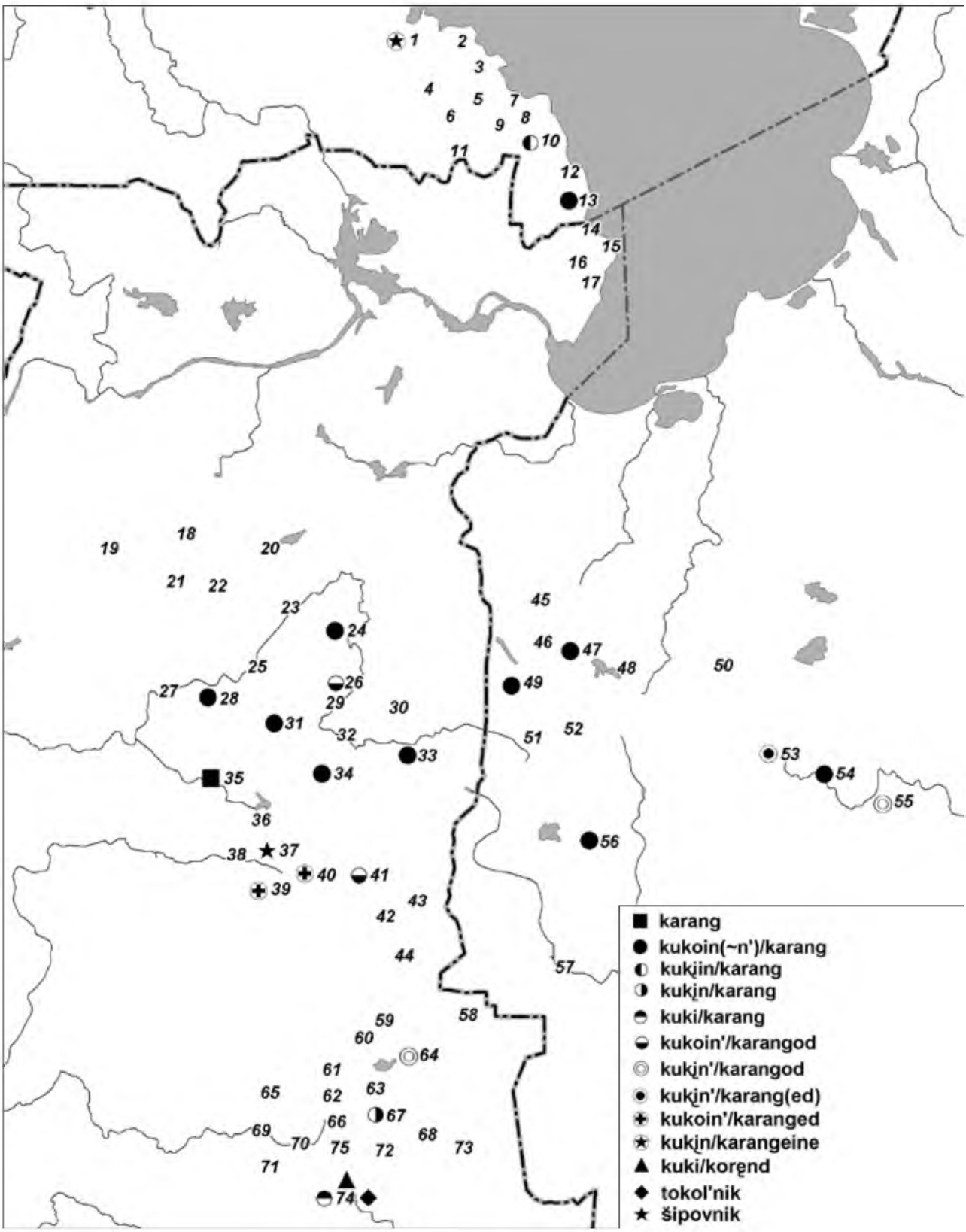
Фитоним *hlebičud* 'голубика' (Reb), форма ед. числа *hlebič*, возможно, образован от русского глагола *хлебать* при помощи вепсского суффикса *-(i)č* (ср. *kukič* 'голубика'; *tomič* 'ягоды черемухи и т. д.).

И. В. Бродский

---

* Ягоды, напротив, круглые по форме; см. об этом: «Плод — черновато-сизая или голубоватая ягода с зеленой мякотью длиной до 12 мм, ягоды сильно варьируют по форме — могут быть овальными, шаровидными, яйцевидными, сильно удлиненными, грушевидными, кубарчатыми и др.» [Губанов 2005: 25].

34 (146). Именования понятия ‘шиповник’

Легенда карты

1) **karang**
2) **kukoin(~ n’)/karang**
kukĮin/karang
kukĮn/karang
kuki/karang
kukoin’/karangod
kukĮn’/karangod
kukĮn’/karang(ed)
kukoin’/karanged
kukĮn/karangeine
3) **kuki/koręnd**
4) **tokol’nik**
5) **šipovnik**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **karang:** *ср* En
2) **kukoin(~n’)/karang**: *сев* Kas // *ср* Nem, Vil, Pec, Ladv, Mg, Šim, Vär, Kj, Päž
kukĮin/karang: *сев* Kl
kukĮn/karang *южн* Krl
kuki/karang: *южн* Ars
kukoin’/karangod: *ср* Jä, Reb
kukĮn’/karangod: *ср* Vl, Sod
kukĮn’/karang(ed): *ср* Pnd
kukoin’/karanged: *ср* Har, Nür
kukĮn/karangeine: *сев* Š
3) **kuki/koręnd**: *южн* Ars
4) **tokol’nik**: *южн* Ars
5) **šipovnik**: *ср* Kor

Цифровой индекс

1) **karang:** 35En
2) **kukoin(~ n’)/karang**: 13Kas, 24Nem, 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 47Šim, 49Vär, 54Kj, 56Päž
kukĮin/karang: 10Kl
kukĮn/karang 67Krl
kuki/karang: 74Ars
kukoin’/karangod: 26Jä, 41Reb
kukĮn’/karangod: 55Vl, 64Sod
kukĮn’/karang(ed): 53Pnd
kukoin’/karanged: 39Har, 40Nür
kukĮn/karangeine: 1Š
3) **kuki/koręnd**: 74Ars
4) **tokol’nik**: 74Ars
5) **šipovnik**: 37Kor

Список картографируемого материала

1 — kukĮn/karangeine; 2–9 — нет сведений; 10 — kukĮin/karang; 11–12 — нет сведений; 13 — kukoin/karang; 14–23 — нет сведений; 24 — kukoin’/karang; 25 — нет сведений; 26 — kukoin’/karangod; 27 — нет сведений; 28 — kukoin’/karang; 29–30 — нет сведений; 31 — kukoin’/karang; 32 — нет сведений; 33 — kukoin/karang; 34 — kukoin’/karang; 35 — karang; 36 — нет сведений; 37 — šipovnik; 38 — нет сведений; 39 — kukoin’/karanged; 40 kukoin/karanged; 41 — kukoin’/karangod; 42–46 — нет сведений; 47 — kukoin’/karang; 48 — нет сведений; 49 — kukoin’/karang; 50–52 — нет сведений; 53 — kukĮn’/karang(ed); 54 — kukoin’/karang; 55 — kukĮn’/karangod; 56 — kukoin’/karang; 57–63 — нет сведений; 64 — kukin’/karangod; 65–66 — нет сведений; 67 — kukĮn/karang [СВЯ: 243]; 68–73 — нет сведений; 74 — tokol’nik; kuki/karang [VVS]; kuki/koręnd [VVS]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Наиболее обширные диалектные данные представлены для наименования шиповника вариантами лексемы *kukoin’/karang*. Вепсское слово представляет собой композит, первая часть которого совпадает с вепсской лексемой *kukoi* ‘петух’, являясь своеобразной мотивацией именования (красный гребень петуха), которая могла появиться и в качестве народной этимологии. Вторая же часть *karang* не сохранилась в вепсском языке, как значимая лексема, но рефлексы ее фиксируются в других прибалтийско-финских языках: фин. *karanka* ‘жердь, шест’, ‘засохший толстый сук ели’, ‘прут в изгороди’, кар. *karango* ‘свесившаяся в реку ветвь дерева’, ливв. *karango* ‘сухое дерево’, *karangahaińe* ‘высохшее на корню дерево’, люд. *karangahaińe*, *kūzen karangahaińe* ‘засохшая ель’ [SKES: 161], ливв. *karango* ‘сухостойное дерево’ [Макаров 1990: 125], кар. твер. *karango* ‘сухая, костлявая корова или лошадь’ [Пунжина 1994: 88], кар. *karanko* ‘о ком-либо длинном и худом’, *karanneh* ‘кривое изогнутое дерево, растущее на болоте’ [KKS 1974: 67].

Вепсское наименование шиповника послужило источником для многих русских диалектных лексем, распространенных на северо-западе (Обонежье, Посвирье, Приладожье, Поволховье) [Мызников 2003: 44], обладающих разнообразным фонетическим оформлениеми как всего растения, так и его цветка или ягоды, например: *ку’кышкара’ндыш*

‘шиповник’ [ПЛГО]; *кукара'ндыш* [ПЛГО; СРГК 1968: 52]; *кукора'ндыш* [ПЛГО; СРНГ 1980: 43]; *ку'какарандыш* [ПЛГО]; *ку'киш-карандыш* ‘ягода шиповника’ [Куликовский 1899]; *ку'ккиш-карангыш* [СРНГ 1980: 34]; *ку'ккыш-карангыш* ‘цветок дикой розы’ [Лесков 1892: 100]; *кукуш-кара'нды* ‘ягода шиповника’ [СРНГ 1980: 48] и т. д.

В ряде случаев в русских говорах фиксируются лексемы, основой для которых послужили либо только первая, либо вторая части вепсского композита: *ку'коши* ‘дикая роза, шиповник’ [СРНГ 1980: 44]; *ку'киш* ‘ягода шиповника’ [СРНГ 1980: 34); *ку'ка* ‘шиповник’ [СРНГ 1980: 30] и т. д.

Первая часть вепсского слова *kukoi-* стала основой для слов *ку'ка, ку'коши* (Лодейнопольский р-н), вторая часть *-karang* — для лексемы *кара'ндыш* [СРНГ 1980: 30]. Н. Ф. Лесков возводит вариант *куккыш-карангыш* к ливв. *kukoin-karangaine* [Лесков 1892: 100]. Я. Калима на первое место ставит вепсские данные, ср. вепс. *kukein-karaŋg, kukiĭn-karandĭš* ‘ягоды шиповника’ [Kalima 1915: 137].

Зафиксированную на южновепсской территории лексему *kuki/korę**nd***, вероятно, можно рассматривать как вариант к *kukoin'/kara**ng***, хотя вторая часть является уже переосмыслением в духе народной этимологии, ср. вепс. *korend* ‘коромысло’ [СВЯ: 227].

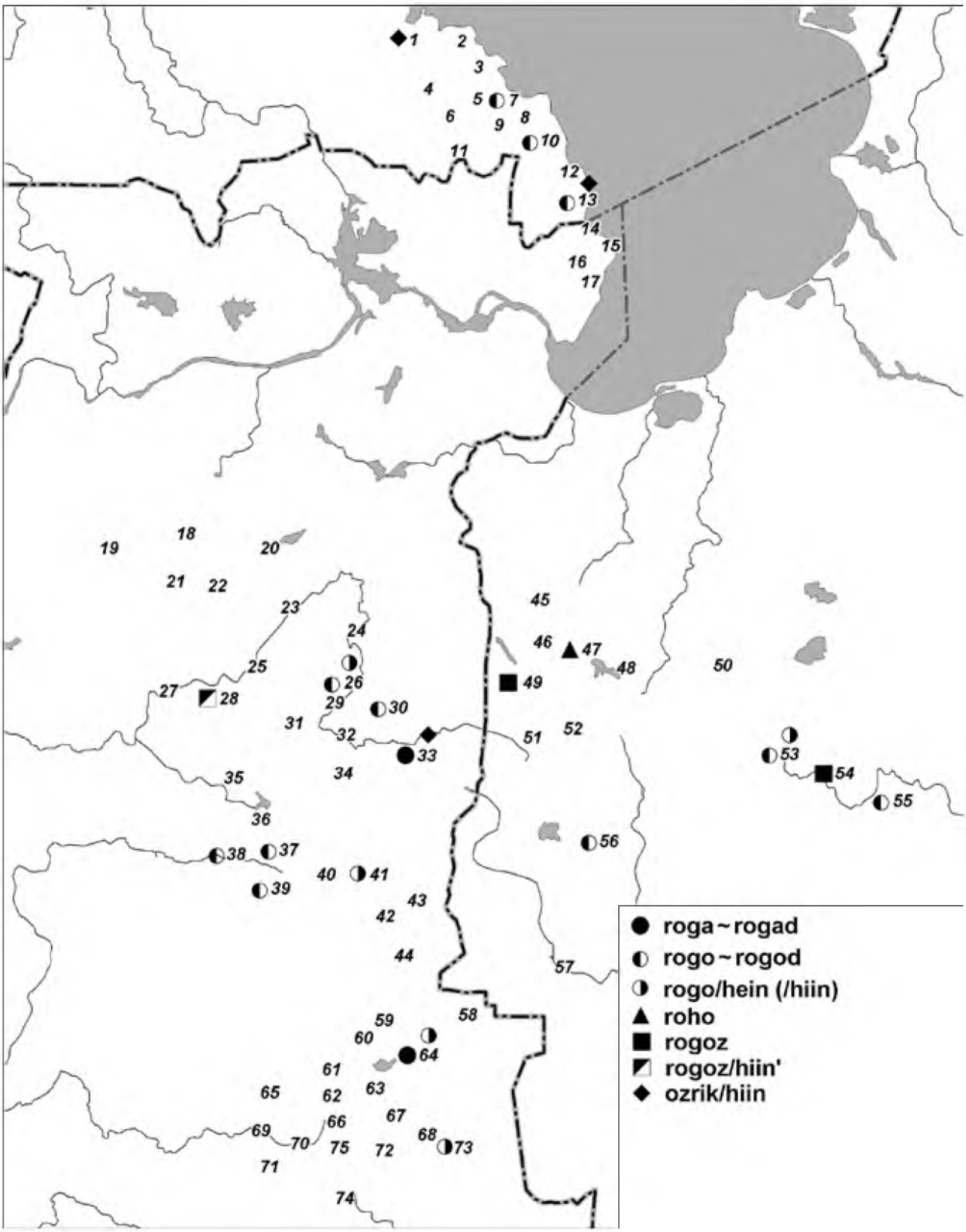
Кроме того, для единицы *karang*, на почве южновепсского диалекта зафиксирована и иная семантическая реализация, ср. вепс. южн. *karand: kukiŋ/karand, kukiŋ/garand* ‘пырей, осот’ [SKES: 161]. Причем авторы SKES полагают, что мотивирующая основа у этих данных иная: фин. *kara* ‘твердый и сухой сук хвойных деревьев’ [SKES: 160]. Данный вариант наименования шиповника не был зафиксирован во время сбора материала по атласу; материалы же SKES не могут быть нанесены на карту, поскольку в них нет привязки к пункту фиксации. В данном случае мы лишь отмечаем былую фиксацию подобного названия шиповника и его возможные корни, поскольку имеются рефлексы данного именования в русских говорах, скорее всего, пришедшие также из вепсского языка: *ка'реньга* ‘кривое, с развилкой дерево, идущее для каких-либо целей’; *кареньга* ‘*точеная вица, бороны делали*’, рассматривается как заимствование из кар. *karaŋgo* ‘узловатый сук в реке, коряга’, фин. *karanko* ‘узловатый сук’ [Kalima 1919: 106].

Две лексемы в говорах вепсского языка с узкой фиксацией представляют собой результат русского влияния. Лексема *tokol'nik* вполне возможно — результат опрощения и преобразования на вепсской почве при русском источнике: рус. диал. *толокнянка* ‘шиповник’ [СРНГ 2011: 202]. *Šipovnik,* вероятно, является поздним русским заимствованием, ср. рус. *шиповник*, далее *шипец* ‘дикая роза’, укр. *шипок* ‘розовый куст’, др.-рус. *шипъкъ* ‘роза, цветок, розовый куст; гранат’, ст.-слав. *шипъкъ* [см.: Фасмер 1987: 440].

В качестве вывода отметим, что закартографированные вепсские именования шиповника не послужили выявлению ярких ареальных особенностей вепсского языка. В данном случае мы пронаблюдали множество фонетических вариантов практически одного и того же именования, а также продемонстрировали, что фонетический облик лексемы и сложность его произношения не послужили препятствием к ее активному функционированию на территории, где нынче представлены лишь русские народные говоры.

С. А. Мызников

35 (147). Именования понятия ‘камыш’

Легенда карты

1) **roga ~ rogad**
rogo ~ rogod
rogo/hein (/hiin)
2) **roho**
3) **rogoz**
rogoz/hiin’
4) **ozrik/hiin**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **roga ~ rogad**: *ср* Ladv // *южн* Sod
rogo ~ rogod: *сев* Št, Kl, Kas // *ср* Jä, Rih, Kor, Jog, Har, Pnd, Vl, Päž
rogo/hein (/hiin): Jä, Reb, Pnd // *южн* Sod, Vg
2) **roho**: *ср* Šim
3) **rogoz**: *ср* Vär, Kj
rogoz/hiin’: *ср* Vil
4) **ozrik/hiin**: *сев* Kas, Š // *ср* Ladv

Цифровой индекс

1) **roga ~ rogad**: 33Ladv, 64Sod
rogo ~ rogod: 7Št, 10Kl, 13Kas, 26Jä, 30Rih, 37Kor, 38Jog, 39Har, 53Pnd, 55Vl, 56Päž
rogo/hein (/hiin): 26Jä, 41Reb, 53Pnd, 64Sod, 73Vg
2) roho: 47Šim
3) **rogoz**: 49Vär, 54Kj
rogoz/hiin’: 28Vil
4) **ozrik/hiin**: 1Š, 13Kas, 33Ladv

Список картографируемого материала

1 — ozrik/hiin; 2 –6 — нет сведений; 7 — rogo [СВЯ: 478]; 8–9 — нет сведений; 10 — rogo; 11–12 — нет сведений; 13 — rogo [СОСД: 32], ozrik/hiin; 14–25 — нет сведений; 26 — rogo [СОСД: 32], rogod, rogo/hiin [СВЯ: 478]; 27 — нет сведений; 28 — rogoz/hiin’; 29 — нет сведений; 30 — rogod; 31–32 — нет сведений; 33 — rogad, ozrik/hiin [СВЯ: 385]; 34–36 — нет сведений; 37–39 — rogod; 40 — нет сведений; 41 — rogo/hiin; 42–46 — нет сведений; 47 — roho [СВЯ: 478]; 48 — нет сведений; 49 — rogoz; 50–52 — нет сведений; 53 — rogo, rogo/hiin [СВЯ: 478]; 54 — rogoz; 55–56 — rogo; 57–63 — нет сведений; 64 — roga [СОСД: 32], rogo/hein; 65–72 — нет сведений; 73 — rogo/hiin [СВЯ: 478]; 74–75 — нет сведений.

Комментарий

Подавляющее большинство названий камыша в вепсском языке, как и в родственных языках, содержит общеприбалтийско-финскую основу балтийского происхождения **rog-* ‘камыш’ (ср. прус. *drogis* ‘камыш’ [SKES: 872]). Основа выступает в обычном виде в ед. или мн. числе, а также в отдельных случаях с детерминантом *hein* ~ *hiin* ‘трава’, создавая сложный фитоним.

Мы привлекли к картографированию также лексему *roho* из п. Šim, которую в полевых условиях собрать не удалось, но она представлена в словаре вепсского языка [СВЯ: 478], а также в этимологическом словаре финского языка [SSA 2000: 105] в картографируемом значении. В прибалтийско-финских языках имеется лексема *ruoho* ‘трава, тростник’, обладающая германским происхождением [SSA 2000: 105]. В вепсском языке лексема *roho* больше нигде не встречается.

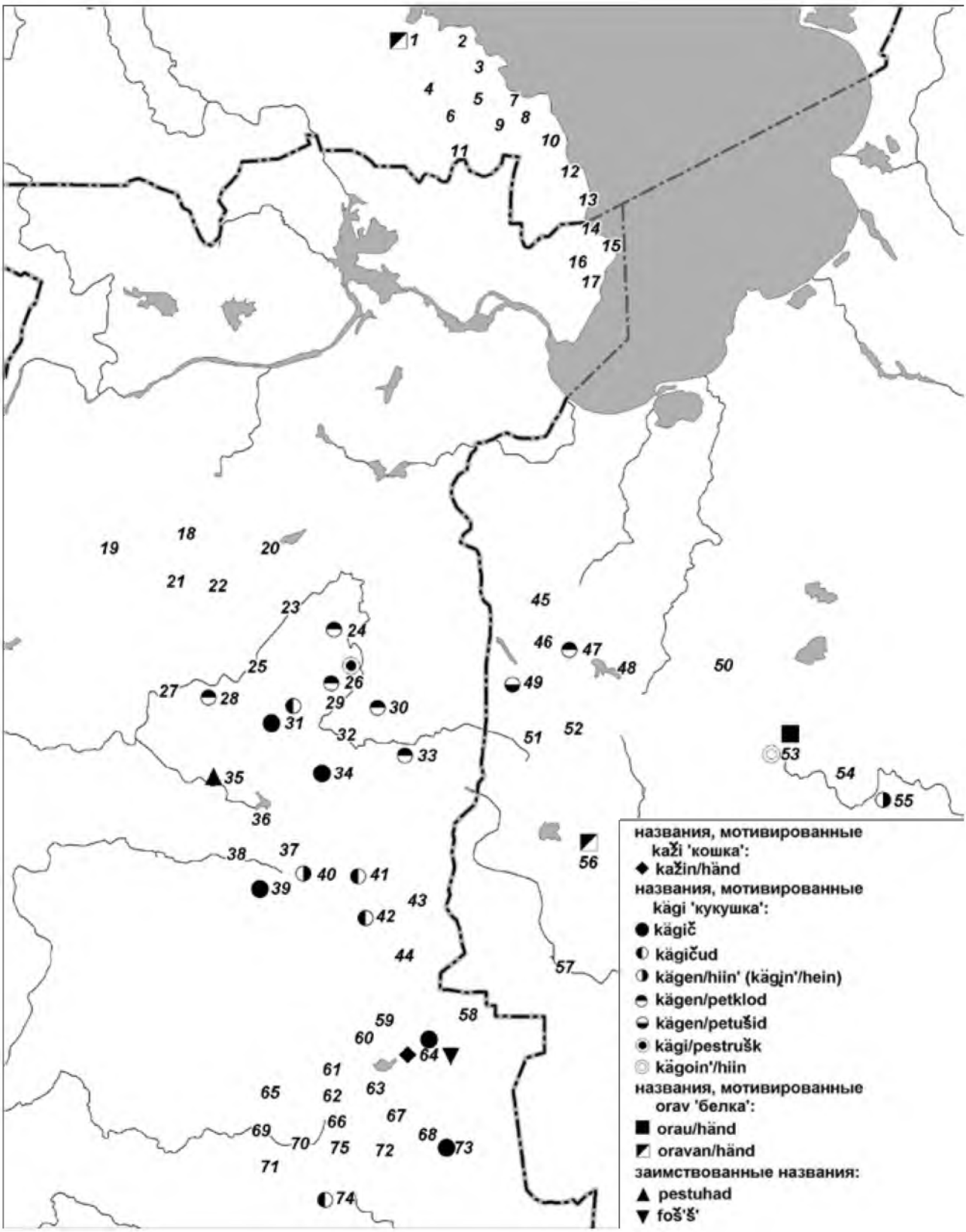
Средневепсское *rogoz* может быть результатом ошибки информантов, назвавших другое родственное растение, произрастающее в подобных камышу условиях — *рогоз*. Но, вероятнее всего, это заимствование названия растения из русского языка.

Ozrik/hiin — сложное название с детерминантом *hiin* ‘трава’ и определяющим компонентом, образованным от *ozr* ‘ячмень’ с помощью суффикса *-ik* (в данном случае его значение диминутивное). В полевых материалах, полученных при подготовке атласа, это название встретилось только в северновепсском диалекте. СВЯ дополняет этот ряд [СВЯ: 385], однако значение ‘камыш; тростник’ дано только в Ладве (Ladv), что и отмечено на карте. Словом *ozrik/hiin* вепсы называют четыре различных растения: камыш, тростник, метлица, рогоз.

Таким образом, все указанные выше фитонимы вепсы относят как к камышу, так и к тростнику, а также рогозу, что говорит о слабом различении сельскими информантами этих растений между собой.

И. В. Бродский

36 (148). Именования понятия ‘хвощ полевой’

Легенда карты

1) названия, мотивированные *kaži* ‘кошка’:
kažin/händ
2) названия, мотивированные *kägi* ‘кукушка’:
kägič
kägičud
kägen/hiin’ (kägi̯n’/hein)
kägen/petklod
kägen/petušid
kägi/pestrušk
kägoin’/hiin
3) названия, мотивированные *orav* ‘белка’:
orau/händ
oravan/händ
4) заимствованные названия:
pestuhad
foš’š’

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) названия, мотивированные *kaži* ‘кошка’:
kažin/händ: *южн* Sod
2) названия, мотивированные *kägi* ‘кукушка’:
kägič: *ср* Pec, Mg, Har // *южн* Sod, Vg
kägičud: *ср* Pec, Reb, Noid // *южн* Ars
kägen/hiin’ (kägi̯n’/hein): *ср* Nür, Vl
kägen/petklod: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Ladv, Šim
kägen/petušid: *ср* Vär
kägi/pestrušk: *ср* Jä
kägoin’/hiin: *ср* Pnd
3) названия, мотивированные *orav* ‘белка’:
orau/händ: ср Pnd
oravan/händ: *сев* Š // *ср* Päž
4) заимствованные названия:
pestuhad: *ср* En
foš’š’: *южн* Sod

Цифровой индекс

1) названия, мотивированные *kaži* ‘кошка’:
kažin/händ: 64Sod
2) названия, мотивированные *kägi* ‘кукушка’:
kägič: 31Pec, 34Mg, 39Har, 64Sod, 73Vg
kägičud: 31Pec, 41Reb, 42Noid, 74Ars
kägen/hiin’ (kägi̯n’/hein): 40Nür, 55Vl
kägen/petklod: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 33Ladv, 47Šim
kägen/petušid: 49Vär
kägi/pestrušk: 26Jä
kägoin’/hiin: 53Pnd
3) названия, мотивированные *orav* ‘белка’:
orau/händ: 53Pnd
oravan/händ: 1Š, 56Päž
4) заимствованные названия:
pestuhad: 35En
foš’š’: 64Sod

Список картографируемого материала

1 — oravan/händ; 2–23 — нет сведений; 24 — kägen/petklod; 25 — нет сведений; 26 — käge/petklod, kägi/pestrušk [СВЯ: 260]; 27 — нет сведений; 28 — kägen/petklod; 29 — нет сведений; 30 — kägen/petklod; 31 — kägič, kägičud; 32 — нет сведений; 33 — kägen/petklod; 34 — kägič; 35 — pestuhad; 36–38 — нет сведений; 39 — kägič; 40 — kägen/hiin’; 41–42 — kägičud; 43–46 — нет сведений; 47 — kägen/petklod; 48 — нет сведений; 49 — kägen/petušid; 50–52 — нет сведений; 53 — kägoin’/hi̯in [СВЯ: 260], orau/händ; 54 — нет сведений; 55 — kägi̯n’/hein; 56 — oravan/händ; 57–63 — нет сведений; 64 — foš’š’, kažin/händ [СВЯ: 186], kägič [СВЯ: 260]; 65–72 — нет сведений; 73 — kägič [СВЯ: 260]; 74 — kägičud; 75 — нет сведений.

Комментарий

Мотивация названий полевого хвоща зоосемизмами со значением ‘кукушка’ (вепс. *kägi*) встречается и в других прибалтийско-финских языках, ср. например, фин. *käen/petkel* ‘хвощ полевой’, ‘хвощ лесной’, ‘мох кукушкин лен’; с/к *käen/petkeli* ‘хвощ’; вод. *tšago/petšel, tšäggoo/petšel* ‘хвощ полевой’ — все наименования буквально означают ‘пест кукушки’. По указанной семантической модели образовано и название хвоща полевого в коми языке — *кӧк/тоин* ‘хвощ’ (букв. ‘пест кукушки’). Ср. также рус. диал. *кукушкин пест* ‘хвощ полевой’.

В качестве определяемого слова в вепсском сложном фитониме *kägen/petklod* выступает слово со значением ‘пест’, распространенное также в большинстве прибалтийско-финских языков и в мордовских языках (ср. фин. *petkel, petkele, petkelin, petkele, petkelin* ‘пест’ [SSA 1995: 344].

В фитониме *kägen/petušid* в качестве определяемого слова выступает русское заимствование (ср. рус. диал. *пестуш* ‘хвощ полевой’ [СРНГ 1991: 323]). Компонент *pestrušk* в составе *käg'i/pestrušk* [СВЯ: 260], по-видимому, получил эпентетический *r* уже на почве вепсского языка, ср. рус. диал. *пестушки* ‘хвощ полевой’ [СРНГ 1991: 323].

Отличительная черта вепсского языка заключается здесь в том, что одним из названий полевого хвоща является производное с помощью суффикса *-ič* от *kägi* ‘кукушка’ — *kägič*. В близкородственных языках подобных названий нет.

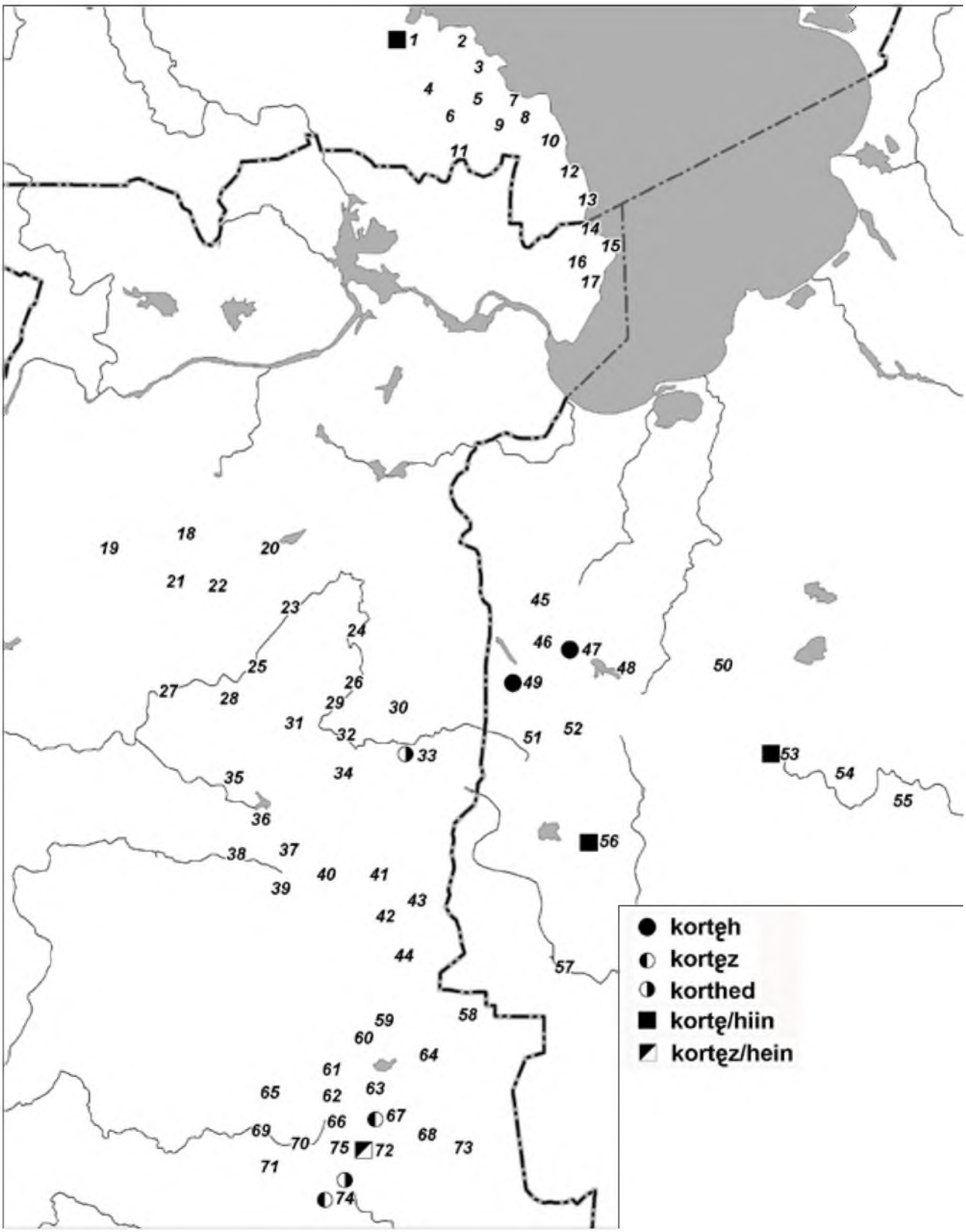
Другую группу вепсских названий полевого хвоща составляют сложные по форме фитонимы, образованные по семантической модели ‘хвост белки’: *oravan/händ*. Такая номинация растения связана с поразительной схожестью хвощей с мохнатым хвостом белки (ср. также русское название *хвощ*). Такие названия встречаются разрозненно на территории среднего и северного диалектов вепсского языка. Данная модель функционирует и в финском (*oravan/häntä* ‘хвощ лесной’), и эстонском (*orava/saba* ‘хвощ лесной’, ‘хвощ луговой’, ‘хвощ полевой’) языках и особенно активна в карельских наречиях (кар. ливв. *oravan/händy*, кар. *люд. oravan/händ* ‘хвощ полевой’, букв. ‘беличий хвост’; с/к *oravan/häntä* (*/heinä*), люд. *oravan/händ* (*/hein*) ‘хвощ полевой’, букв. ‘трава беличьего хвоста’); кроме того, она присутствует и в других родственных языках, образуя фитонимы со значением ‘хвощ’ (эрзянский, удмуртский, коми).

К данной группе примыкает зафиксированное у южных вепсов название полевого хвоща *kažin/händ*, букв. ‘кошачий хвост’. Семантическая модель ‘хвост кошки’ в прибалтийско-финской народной фитонимии более нигде не проявляется (фин. *kissan/häntä* ‘лисохвост’ не является народным).

Название *pestuhad*, зафиксированное в п. Вонозеро (Лодейнопольский р-н, Ленинградская обл.), является русским заимствованием, ср. рус. диал. *пестуха* ‘хвощ’ [СРНГ 1991 322]. Южновепсское слово *foš'š'* также представляет собой заимствование из русского языка (< *хвощ*).

И. В. Бродский

37 (149). Именования понятия ‘хвощ болотный’

Легенда карты

1) **kortęh**
kortęz
korthed

2) **kortę/hiin**
kortęz/hein

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **kortęh**: *ср* Šim, Vär
kortęz: *южн* Krl, Ars
korthed: *ср* Ladv // *южн* Ars

2) **kortę/hiin**: *сев* Š // *ср* Pnd, Päž
kortęz/hein: *южн* Mai

Цифровой индекс

1) **kortęh**: 47Šim, 49Vär
kortęz: 67Krl, 74Ars
korthed: 33Ladv, 74Ars

2) **kortę/hiin**: 1Š, 53Pnd, 56Päž
kortęz/hein: 72Mai

Список картографируемого материала

1 — kortę/hiin; 2–32 — нет сведений; 33 — korthed; 34 — нет сведений; 35 — so/hein; 36–46 — нет сведений; 47 — kortęh [СВЯ: 227]; 48 — нет сведений; 49 — kortęh [СВЯ: 227]; 50–52 — нет сведений; 53 — kortę/hiin [СВЯ: 227]; 54–55 — нет сведений; 56 — kortę/hiin; 57–66 — нет сведений; 67 — kortęz [СВЯ: 227]; 68–71 — нет сведений; 72 — kortęz/hein; 73 — нет сведений; 74 — kortęz [СВЯ: 227], korthed; 75 — нет сведений.

Комментарий

К сожалению, вепсские названия хвоща болотного удалось собрать далеко не во всех пунктах. Названия хвоща полевого* сохранились значительно лучше.

Основную группу названий болотного хвоща в вепсском языке образуют названия *kortęh, kortęz* и группа сложных фитонимов, в которых *kortęh* выступает в качестве определяющего компонента, а определяемым компонентом является детерминант *hein* (*hiin*) ‘*трава*’: *kortę/hiin, kortęz/hein*.

В экспедициях по сбору материала для ЛАВЯ названия хвоща *kortęh, kortęz*** были зафиксированы лишь в форме мн. числа (средний и южный диалекты); тем не менее формы ед. числа присутствуют в СВЯ [СВЯ: 227] и иных лексикографических источниках (напр., SKES).

В финском языке и карельских наречиях *korte, korteh* представляет собой общее названия хвоща (без различения вида). Рус. диал. *кортег, кортега* заимствовано или из вепсского языка, или из карельских наречий [SKES: 220].

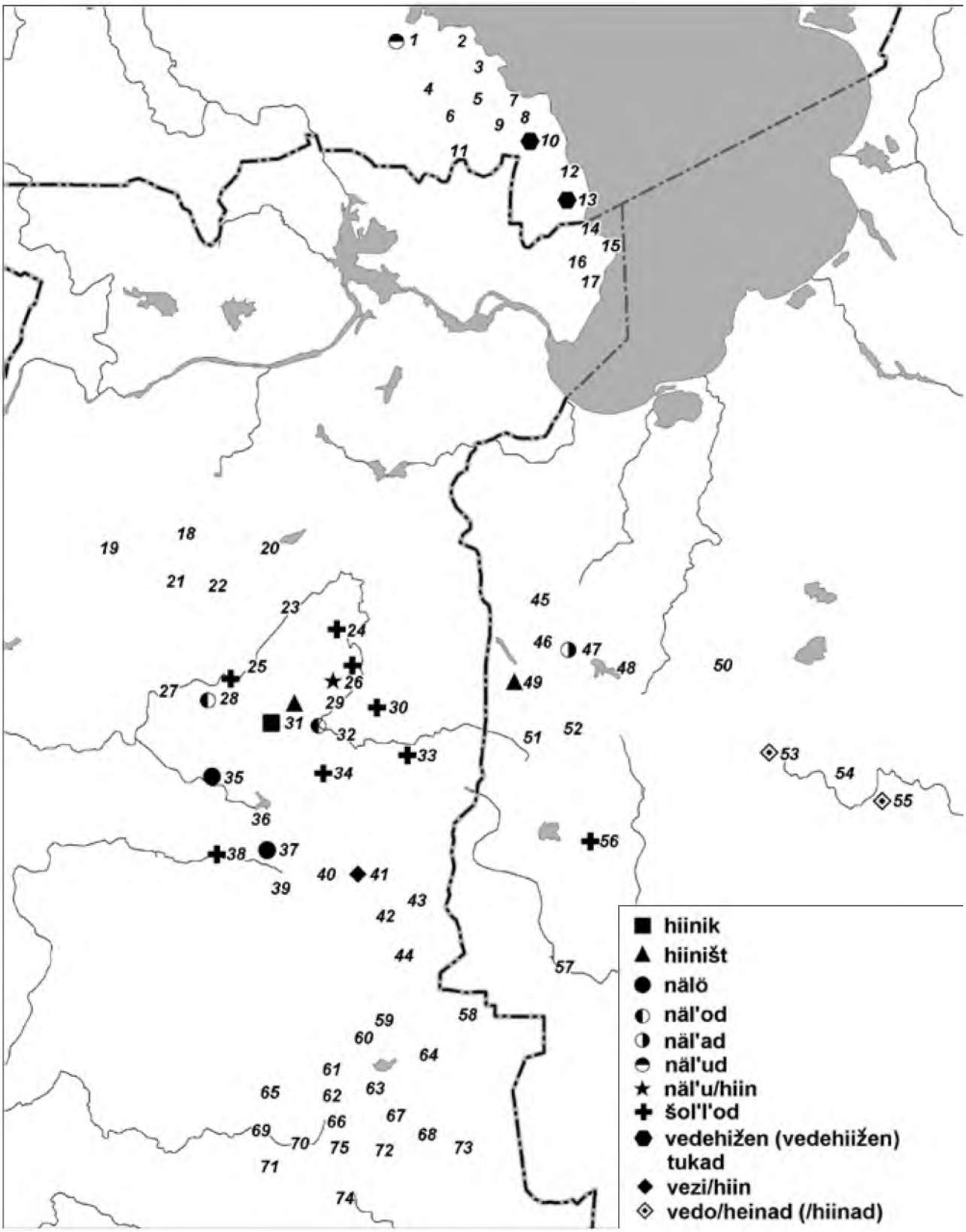
В п. Вонозеро (En) зафиксировано сложное название хвоща болотного *so/hein*, букв. ‘болотная трава’. У нас есть большие сомнения в том, что это название относится к хвощу: в СВЯ это название представлено в виде *so/hein, so/hiin* ‘болотная трава’, ‘осока’ [СВЯ: 517]. Более того, в близкородственных языках фитонимы, образованные по данной модели, никогда не относятся к хвощам (ср. фин. *suo(n)/heinä* ‘лютик ползучий’, ‘осока береговая’, ‘осока сероватая’, ‘осока шаровидная’, ‘пушица альпийская’, ‘сабельник болотный’, карельское твер. *šuo/heinä* , ливв. *suo/heinä, suo/heiny* ‘белоус торчащий’, ‘осока’, ‘пушица’, эст. *soo/hein, soo/heinad, soo/ein* ‘осока узколистная’, ‘трясунка средняя’ см. [Бродский 2014 (а): 685]). Таким образом, записанное в Вонозере название, вероятнее всего, относится к *осоке*, исходя из чего оно не нанесено на карту, хотя содержится в списке собранного для картографирования материала.

И. В. Бродский

* См. 36 карту ЛАВЯ.

** Относительно конечных *h* ~ *z* см. 11 карту ЛАВЯ.

38 (150). Именования понятия ‘водоросли’

Легенда карты

1) **hiinik**
2) **hiiništ**
3) **nälö**
   näl'od
   näl'ad
   näl'ud
4) **näl'u/hiin**
5) **šol'l'od**
6) **vedehižen (vedehiižen) tukad**
7) **vezi/hiin**
   vedo/heinad (/hiinad)

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **hiinik**: *ср* Pec
2) **hiiništ**: *ср* Pec, Vär
3) **nälö**: *ср* En, Kor
   näl'od: *ср* Vil, Pec
   näl'ad: *ср* Šim
   näl'ud: *сев* Š
4) **näl'u/hiin**: *ср* Jä
5) **šol'l'od**: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Ladv, Mg, Jog, Päž
6) **vedehižen (vedehiižen) tukad**: *сев* Kas Kl
7) **vezi/hiin**: *ср* Reb
   vedo/heinad (/hiinad): *ср* Vl, Pnd

Цифровой индекс

1) **hiinik**: 31Pec
2) **hiiništ**: 31Pec, 49Vär
3) **nälö**: 35En, 37Kor
   näl'od: 28Vil, 31Pec
   näl'ad: 47Šim
   näl'ud: 1Š
4) **näl'u/hiin**: 26Jä
5) **šol'l'od**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 33Ladv, 34Mg, 38Jog, 56Päž
6) **vedehižen (vedehiižen) tukad**: 10Kl, 13Kas
7) **vezi/hiin**: 41Reb
   vedo/heinad (/hiinad): 53Pnd, 55Vl

Список картографируемого материала

1 — näl'ud; 2 — нет сведений; 3–9 — нет сведений; 10 — vedẹhiịžẹn/tukad [СВЯ: 621]; 11–12 — нет сведений; 13 — vedehižen tukad; 14–23 — нет сведений; 24 — šol'l'od; 25 — нет сведений; 26 — näl'u/hiịn [СВЯ: 373], šol'l'od; 27 — нет сведений; 28 — näl'od, šol'l'od; 29 — нет сведений; 30 — šol'l'od; 31 — hiịnik [СВЯ: 120], hiiništ [СВЯ: 120], näl'od [СВЯ: 373]; 32 — нет сведений; 33–34 — šol'l'od; 35 — nälö; 36 — нет сведений; 37– nälö; 38 — šol'l'od; 39–40 — нет сведений; 41 — vezi/hiin; 42–46 — нет сведений; 47 — näl'ad [СВЯ: 373]; 48 — нет сведений; 49 — hiiništ; 50–52 — нет сведений; 53 — vedo/hiinad; 54 — нет сведений; 55 — vedo/heinad; 56 — šol'l'od [СВЯ: 546]; 57 — нет сведений; 58–75 — нет сведений.

Комментарий

К сожалению, данные о названии водорослей в южновепсском диалекте отсутствуют. Их не удалось собрать в полевых условиях, и они не найдены ни в каких известных источниках.

В вепсском языке наиболее распространены названия водорослей *näl'ud (nälö)* и *šol'l'od*. То, что эти названия встречаются обычно в форме мн. числа, очевидно, стало результатом влияния русского языка, где слово *водоросли* также почти всегда используется в форме мн. числа.

Фитоним *nälö, näl'ud* имеет в вепсском языке значение 'слизь' (в СВЯ — в формах *n'äl'o(ni), n'äl'ü* и др. [СВЯ: 372–373]), поэтому фитонимическое значение этих лексем — это 'тина, тинистые, слизистые водоросли'. Данное слово имеет соответствия в карельском ливвиковском наречии (*n'älä* 'слизь') и в финском языке (*näljä, nälvä* и др. 'слизь') [SKES:412]. Обращает на себя внимание вариативность конечных гласных звуков основы (*näl**ö**, näl'**a**d, näl'**u**d*), что отражено на картах, но что не взаимодействует с границами диалектных ареалов.

Название *šol'l'od* распространено в средневепсском диалекте и обозначает 'водоросли вообще'. В данном случае, прежде всего, имеются в виду речные водоросли с длинными листовыми пластинками. Обращает на себя внимание единство в облике и ее семантике вепсской лексемы *šol'l'od* с коми (*зыр.*) лексемой *šul'* (*шуль*) 'узкая полоска /лыка/'; 'слой, прослойка, пласт' [Бродский 2014: 686]. Любопытно, что слово довольно широко известно западным говорам средневепсского диалекта, а также

переходному от восточных к западным говорам п. Päž (Пяжозеро). Однако если в данном случае говорить о заимствовании, то его направление трудно пока определить. Материал нуждается в дальнейшем исследовании.

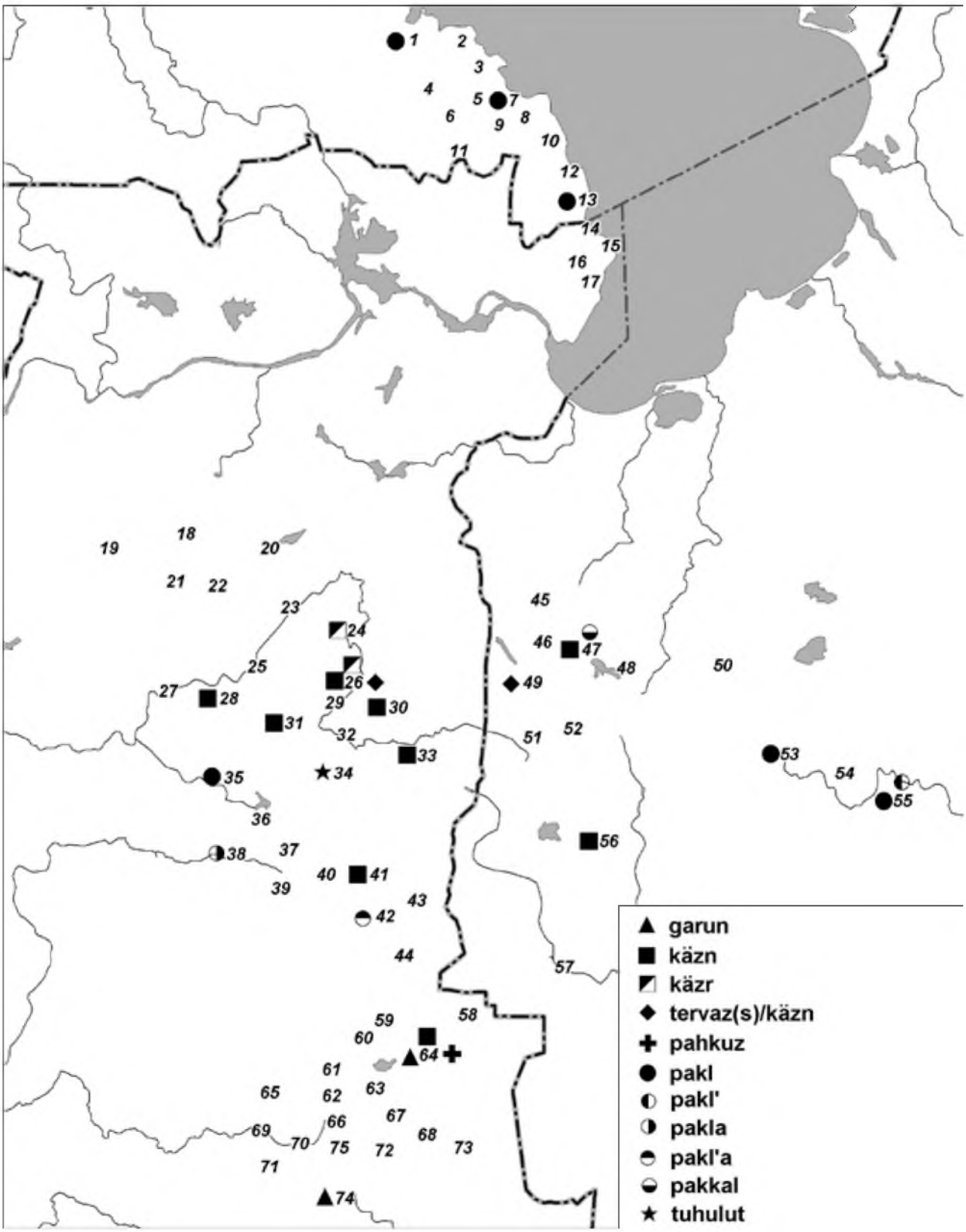
Названия, выраженные сложными словами *vezi/hiin, vedo/heinad, vedo/hiinad*, букв. ‘водяная трава’, присутствует лишь в средневепсском диалекте. Мы полагаем, что они относятся, скорее, ко всем растениям, растущим в воде. Подобное неразличение проявляется и в средневепсском фитониме *hiiništ* (букв. ‘много травы’; это слово образовано от *hein, hiin* ‘трава’ с помощью суффикса *-išt*, имеющего собирательное значение).

Переносное название *vedehižen tukad* (букв. ‘волосы водяного’) в экспедициях по сбору материала для ЛАВЯ зафиксировано лишь в одном пункте северновепсского диалекта Kas (Каскесручей). В СВЯ этот фитоним дан в форме *vedẹhiįžẹn/tukad* со значением ‘водоросли’ и пометой северновепсской фиксации *Kl* — Рыбрека ([СВЯ: 621]; северный диалект). Мы полагаем, что это название относится все же к какому-то конкретному виду водорослей и собирательным, народно-таксономическим, не является.

В данном случае материал показал неразличение водорослей и высших растений неподготовленным человеком, что характерно даже для северных вепсов, проживающих вдоль берега Онежского озера. Относительно других групп вепсов это положение вполне естественно, поскольку они знакомы лишь с флорой мелких пресных водоемов.

И. В. Бродский

39 (151). Именования понятия ‘гриб-трутовик’

Легенда карты

1) **garun**
2) **käzn**
käzr
3) **tervaz(~ s)/käzn**
4) **pahkuz**
5) **pakl**
pakl’
pakla
pakl’a
pakkal
6) **tuhulut**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **garun**: *южн* Sod, Ars
2) **käzn**: *ср* Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Reb, Šim, Päž // *южн* Sod
käzr: *ср* Nem, Jä
3) **tervaz(~s)/käzn**: *ср* Vär, Jä
4) **pahkuz**: *южн* Sod
5) **pakl**: *сев* Š, Št, Kas // *ср* En, Pnd, Vl
pakl’: *ср* Vl
pakla: *ср* Jog
pakl’a: *ср* Noid
pakkal: *ср* Šim
6) **tuhulut**: *ср* Mg

Цифровой индекс

1) **garun**: 64Sod, 74Ars
2) **käzn**: 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 41Reb, 47Šim, 56Päž, 64Sod
käzr: 24Nem, 26Jä
3) **tervaz(~ s)/käzn**: 26Jä, 49Vär
4) **pahkuz**: 64Sod
5) **pakl**: 1Š, 7Št, 13Kas, 35En, 53Pnd, 55Vl
pakl’: 55Vl
pakla: 38Jog
pakl’a: 42Noid
pakkal: 47Šim
6) **tuhulut**: 34Mg

Список картографируемого материала

1 — pakl; 2–6 — нет сведений; 7 — pakl [СОСД: 38]; 8–12 — нет сведений; 13 — pakl [СОСД: 38]; 14–23 — нет сведений; 24 — käzr; 25 — нет сведений; 26 — käzn [СОСД: 38], käzr, tervas/käzn ‘чага’ [СВЯ: 567]; 27 — нет сведений; 28 — käzn; 29 — нет сведений; 30–31 — käzn; 32 — нет сведений; 33 — käzn; 34 — tuhulut; 35 — pakl; 36–37 — нет сведений; 38 — pakla; 39–40 — нет сведений; 41 — käzn; 42 — pakl’a; 43–46 — нет сведений; 47 — käzn [СВЯ: 266], pakkal [СВЯ: 394]; 48 — нет сведений; 49 — tervaz/käzn; 50–52 — нет сведений; 53 — pakl [СВЯ: 395]; 54 — нет сведений; 55 — pakl [СВЯ: 395], pakl’ [СОСД: 38]; 56 — käzn [СВЯ: 266]; 57–63 — нет сведений; 64 — garun [СВЯ: 85; СОСД: 38], käzn [СОСД: 38], pahkuz [СВЯ: 390]; 65–73 — нет сведений; 74 — garun [СВЯ:85], [СОСД: 38]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Сведения о названиях трутовика (древесного гриба, чаги) в вепсском языке имеются лишь в небольшом объеме, хотя их набор фонетических вариантов не мал. К сожалению, в ходе экспедиций по сбору материалов вовсе не удалось уже выявить сведения о названиях трутовика в южновепсском диалекте, к счастью, часть их представлена в печатных источниках.

Наиболее распространены в вепсском языке названия трутовика с двумя основами. Чаще всего встречается название *käzn*, фонетический вариант *käzr* (здесь возможна и контаминация *käzn* ~ *kezr* ‘колесо’ из-за округлой формы трутовиков). В близкородственных языках имеются соответствия — фин. *käsnä, känsä* ‘мозоль’, ‘нарост’; с/к *käznä, käžńä, känsä*, ливв. *käznü, käžnü*, люд. *käžne* ‘трутовик’. SSA считает данное слово дескриптивным [SSA 1992: 473]. Экспедиционные данные выявляют миноним *käzn* лишь в среднем диалекте, однако его бытование в южновепсском диалекте подтверждается словарем [СВЯ: 266]. К этому названию примыкает и сложный миноним *tervaz/käzn*, букв. ‘смолье-трутовик’.

Название *pakl, pakla, pakl’a* встречается в северном и среднем диалектах. В близкородственных языках имеются соответствия, которые считаются по происхождению дескриптивными: фин. *pakkula* ‘нарост’, с/к *pakkula, pakkuli,* ливв. *pakkuli, paklu, paglu*, люд. *pakkul’* ‘трутовик’ [SSA 1995: 296–297]. Из прибалтийско-финских языков это слово было заимствовано в севернорусские говоры, ср. рус. *пакула, паккула* ‘чага’ [СРНГ 1990: 161]. Варианты *pakl’, pakl’a*, по-видимому, являются результатом действия народной этимологии, ср. рус. *пакля*.

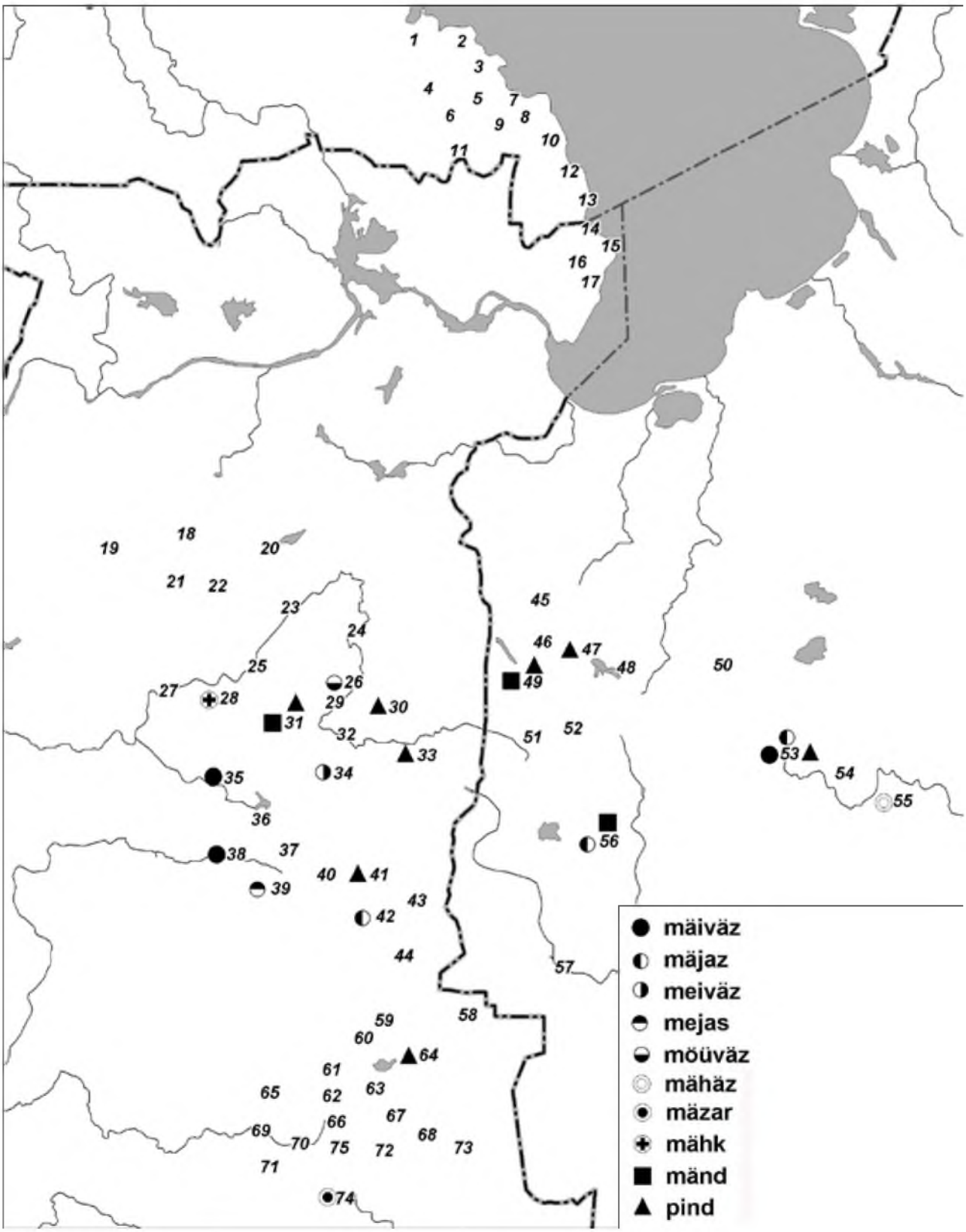
В вепсском языке отмечен и ряд других, менее распространенных названий трутовика. В СВЯ [СВЯ: 390] в значении ‘трутовик’ указан южновепсский миконим *pahkuz*, представляющий собой суффиксальное образование от *pahk*, имеющее значение ‘кап (на дереве)’, ‘нарыв’, ‘чирей’. Вепс. *pahk* имеет соответствия во всех близкородственных языках, а также предположительно в мордовских языках [SSA 1995: 286].

Миконим *tuhulut*, по-видимому, образован от основы *-tuh(u)-*, одно из значений которой — ‘труха, пыль’, ср., напр., с/к *tuhm/grib* ‘трутовик’ [СОСД: 38]. Это название отмечено лишь в одном из западных говоров среднего диалекта (Mg).

Южновепсское *garun* встречается в лексикографических источниках [СВЯ: 85], [СОСД: 38]. Этот миконим заимствован из русских говоров (< *гарун* ‘трутовик’), как и с/к *garuna* [СОСД: 38].

И. В. Бродский

40 (153). Именования понятия ‘заболонь’

Легенда карты

1) **mäiväz**
mäjaz
meiväz
mejas
möüväz
mähäz
mäzar
mähk /
2) **mänd**
3) **pind**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **mäiväz**: *ср* En, Jog, Pnd
mäjaz: *ср* Noid, Pnd, Päž
meiväz: *ср* Mg
mejas: *ср* Har
möüväz: *ср* Jä
mähäz: *ср* Vl
mäzar: *южн* Ars
mähk: *ср* Vil
2) **mänd**: *ср* Pec, Vär, Päž
3) **pind**: *ср* Rih, Pec, Ladv, Reb, Šim, Vär, Pnd, Sod

Цифровой индекс

1) **mäiväz**: 35En, 38Jog, 53Pnd
mäjaz: 42Noid, 53Pnd, 56Päž
meiväz: 34Mg
mejas: 39Har
möüväz: 26Jä
mähäz: 55Vl
mäzar: 74Ars
mähk: 28Vil
2) **mänd**: 31Pec, 49Vär, 56Päž
3) **pind**: 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 41Reb, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 64Sod

Список картографируемого материала

1–25 — нет сведений; 26 — möüväz; 27 — нет сведений; 28 — mähk; 29 — нет сведений; 30 — pind; 31 — mänd, pind; 32 — нет сведений; 33 — pind; 34 — meiväz; 35 — mäiväz; 36–37 — нет сведений; 38 — mäiväz; 39 — mejas; 40 — нет сведений; 41 — pind; 42 — mäjaz; 43–46 — нет сведений; 47 — pind; 48 — нет сведений; 49 — mänd, pind; 50–52 — нет сведений; 53 — mäiväz, mäjaz; pind; 54 — нет сведений; 55 — mähäz; 56 — mänd, mäjaz; 57–63 — нет сведений; 64 — pind; 65–73 — нет сведений; 74 — mäzar; 75 — нет сведений.

Комментарий

Молодая заболонь некоторых деревьев пригодна для употребления в пищу. Сосновая заболонь заготавливалась раньше в пищу в большом количестве, о чем свидетельствуют полевые данные, а также материалы XIX века. Значительное место сосновая заболонь имела в рационе, например, у валдайских карелов. К заболони — наружным, молодым, физиологически активным слоям древесины примыкает камбий, который представляет собой образовательный слой деятельных клеток, залегающий на границе между древесиной и лубом. Поэтому в ряде случаев возможны семантические сдвиги, что отражается и в наших полевых данных.

В СВЯ лексема *mäjaz* 'камбий — сочная сладкая мякоть между лубом и древесиной' [СВЯ: 343]. Лексема *mäjäz* в вепсских говорах фонетически исключительно многообразна, что нашло отражение на карте в особых вариантах значков. Все варианты, скорее всего, этимологически взаимосвязаны (см.: *mäihä ~ mähnä* [SSA 1995: 191, 194]). Вопрос может вызвать лишь южновепсский вариант *mäzar*, в котором, по всей видимости, наблюдается метатеза, т.е. перестановка звуков внутри слова, сопровождающаяся изменением качества конечного согласного звука.

Зафиксированная по полевым данным вепсская лексема *mähk* подтверждается сходными эстонскими данными, которые позволяют рассматривать ее в том же названном выше этимологическом гнезде, ср. эст. диал. *mähke, mähkä* 'камбий' [Söderman 1996: 80], *mähk* 'камбий' [SSA 1995: 191]. Можно обратить внимание также на горномар. и морд. варианты: *мякш* 'гнилушка', *макша* 'гнилушка' [Востриков 1990: 80].

Наиболее распространенной является лексическая единица *pind,* соответствия которой отмечаются в прибалтийско-финских языках, ср. кар. твер. *pinda* 'заболонь, подкорковый слой дерева' [Пунжина 1994: 209], с/к *pinta* 'верхний слой, по-

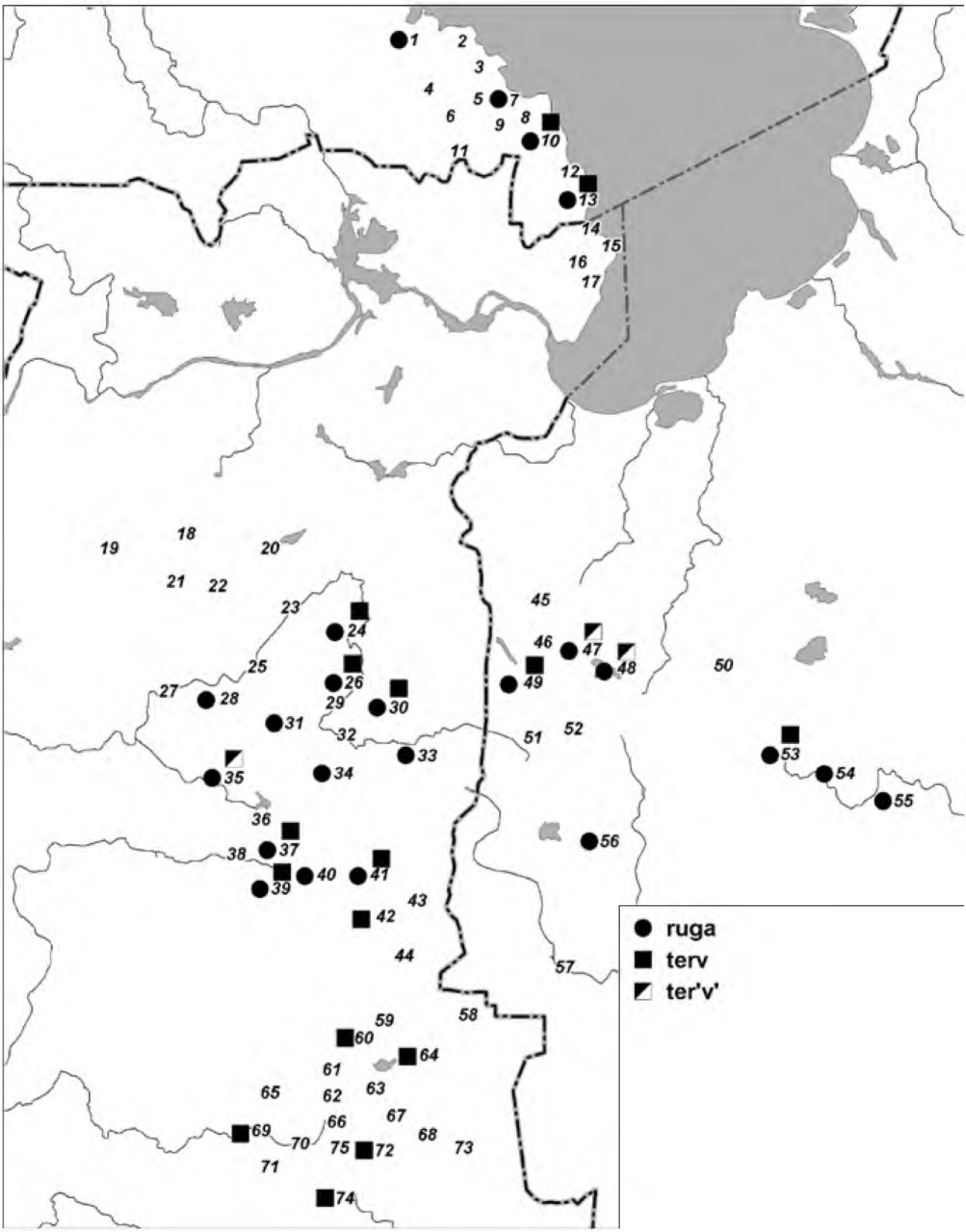
верхность' [KKS 1993: 296], кар. ливв. *pindu* 'верхний слой дерева, заболонь' [Макаров 1990: 268], люд. *pind* 'поверхность дерева, воды', 'кожа животного', эст. *pind* 'поверхность, оболочка', удм. *ped pal* 'внешняя сторона', инари-саам. *pidde* 'заболонь' [SKES: 570].

Данное гнездо оказало влияние на севернорусские говоры: ср. *пи'нда* 'наружный молодой и менее плотный слой древесины, лежащий непосредственно под корой, заболонь' [СРНГ 1992: 35].

Основное значение лексемы *mänd* 'сосняк на болоте' (ср. фин. *mänty* 'сосна', эст. *mänd* [SKES: 359]), ливв. *mändü*, люд. *mänd* [Kalima 1915: 171]), однако она также употребительна в ряде говоров и в картографируемом значении. Данное слово стало источником для целого русского диалектного гнезда. Ю. Чайкина, опираясь на то, что в вепсском языке слово *mänd* бытует в двух значениях: 'рыхлая заболонь — обычно сосны' и 'сосняк на болоте', полагает, что русскими Белозерья это слово было заимствовано еще из языка древней веси [Чайкина 1975: 32–33]. Широкое употребление слово *мя'нда* получило в говорах Карелии, Вологодской области в форме наиболее близкой к прибалтийско-финскому лексическому материалу, что позволяет говорить о карельско-вепсской этимологии. Данные коми языка *менда* 'сухая на корню, рыхлая, редкослойная, с толстой заболонью, болотная сосна' [ССКЗД: 217], скорее всего, связано с русскими миграционными потоками на восток.

С. А. Мызников

41 (154). Именования понятия ‘смола-живица’

Легенда карты

1) **ruga**

2) **terv**
ter’v’

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **ruga**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Kor, Har, Nür, Reb, Šim, Pk, Vär, Pnd, Kj, Vl, Päž

2) **terv**: *сев* Kl, Kas // *ср* Nem, Jä, Rih, Kor, Har, Reb, Noid, Vär, Pnd // *южн* Šid, Sod, Mas, Mai, Ars
ter’v’: *ср* En, Šim, Pk

Цифровой индекс

1) **ruga**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 39Har, 40Nür, 41Reb, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž

2) **terv**: 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 30Rih, 37Kor, 39Har, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
ter’v’: 35En, 47Šim, 48Pk

Список картографируемого материала

1 — ruga; 2–6 — нет сведений; 7 — ruga; 8–9 — нет сведений; 10 — ruga, terv; 11–12 — нет сведений; 13 — ruga, terv; 14–23 — нет сведений; 24 — ruga ‘смола (густая)’, terv ‘смола (мягкая)’; 25 — нет сведений; 26 — ruga, terv (сухая); 27 — нет сведений; 28 — ruga; 29 — нет сведений; 30 — ruga, terv; 31–ruga; 32 — нет сведений; 33–34 — ruga; 35 — ruga; ter’v ‘застывшая смола’; 37 — ruga, terv; 39 — ruga, terv; 40 — ruga; 41 — terv, ruga; 42 — terv; 47 — ter’v’, ruga — это черная смола?; 48 — ter’v’; ruga — это черная смола (?); 49 — ruga, terv; 53 — ruga, terv [СВЯ: 567 (Pnd — Št)] ‘смола’, kurd’a tervad ‘гнать смолу’]; 54–56 — ruga; 57–59 — нет сведений; 60 — terv; 61–63 — нет сведений; 64 — terv; 65–68 — нет сведений; 69 — tervas ‘в смоле’; 70–71 — нет сведений; 72 — terv; 73 — нет сведений; 74 — terv; 75 — нет сведений.

Комментарий

Добыча смолы-живицы входила в традиционный промысел вепсов. Специальным ножом (*hak*) для надреза коры на сосне прорезались насечки (*karad*), подставлялся специальный сосуд, в который через воронку (обычно из бересты, а позднее — металла) стекала смола. На данный вопрос был получен материал, который обозначает, с одной стороны, смолу-живицу — *ruga, pihk*, с другой стороны, смолу, которая была получена в результате перегонки — *terv, ter’v*. Причем отметим, что если СВЯ дает сведения о функционировании лексемы *ruga* лишь в четырех средневепсских пунктах, большей частью восточновепсских, то современный сбор материала для атласа значительно расширил ареал ее функционирования — практически во всем северно- и средневепсском ареале.

Лексема *ruga* (*ruka*) свойственна, судя по данным этимологических словарей, лишь восточной группе прибалтийско-финских языков — финскому (*ruka*), карельским наречиям (*ruka* ~ *ruga*) в значении ‘засохшая, отвердевшая смола’ [SSA 2000: 101; SKES: 857], а также вепсскому, значение которой, как свидетельствует наша карта, изменилось по сравнению с указанными языками, и лексема повсеместно обозначает ‘бегущую смолу, смолу-живицу’.

Относительно функционирования указанной лексемы в вепсских диалектах исключение составили южновепсские пункты, которым лексема *ruga* совсем не знакома. Здесь распространено слово *terv*, которое обозначает смолу-живицу, ср. *mä sigaa radoin* ***tervaa*** (Sod) ‘я там работал на перегонке смолы’ [СВЯ: 567].

В свою очередь, лексема *terv* представлена во всех вепсских диалектах. Она фиксируется и в родственных прибалтийско-финских языках: фин. *terva* , кар. *terva*, ливв. *tervu*, люд. *t'erv*, вод. *teærva*, эст. *tõrv*; причем это гнездо рассматривается как результат балтийского (ср. литов. *darvà* ‘смола’ [SKES: 1276], а также и возможного германского происхождения (к прагерм. **terwōn* восходит праноpвежская лексема **tjara*, прашведская *tjæra*, норвежская *tjära* ‘смола’ [SSA 2000: 286]).

Что касается лексемы *pihk*, то ее значение в вепсских диалектах недостаточно определенно и сложно решить, обозначает ли эта лексема

затвердевшую смолу (см., напр.: *sormen čapad, ka sido pihkad sormele* ‘когда палец порежешь, то привяжи серы к пальцу’ [СВЯ: 415]) или бегущую, смолу-живицу, именование которой было необходимо для данной карты. Иллюстрации типа *pihk g’oksob pedaišpäi i kuzišpäi* ‘смола течет из сосен и елей’ [СВЯ: 415] позволили эту лексему отразить и на нашей лингвистической карте. Лексема *pihk*, по предположениям этимологов, обладает финно-угорским происхождением и свойственна многим родственным языкам более всего именно в значении ‘смола-живица’ [SSA 1995: 351].

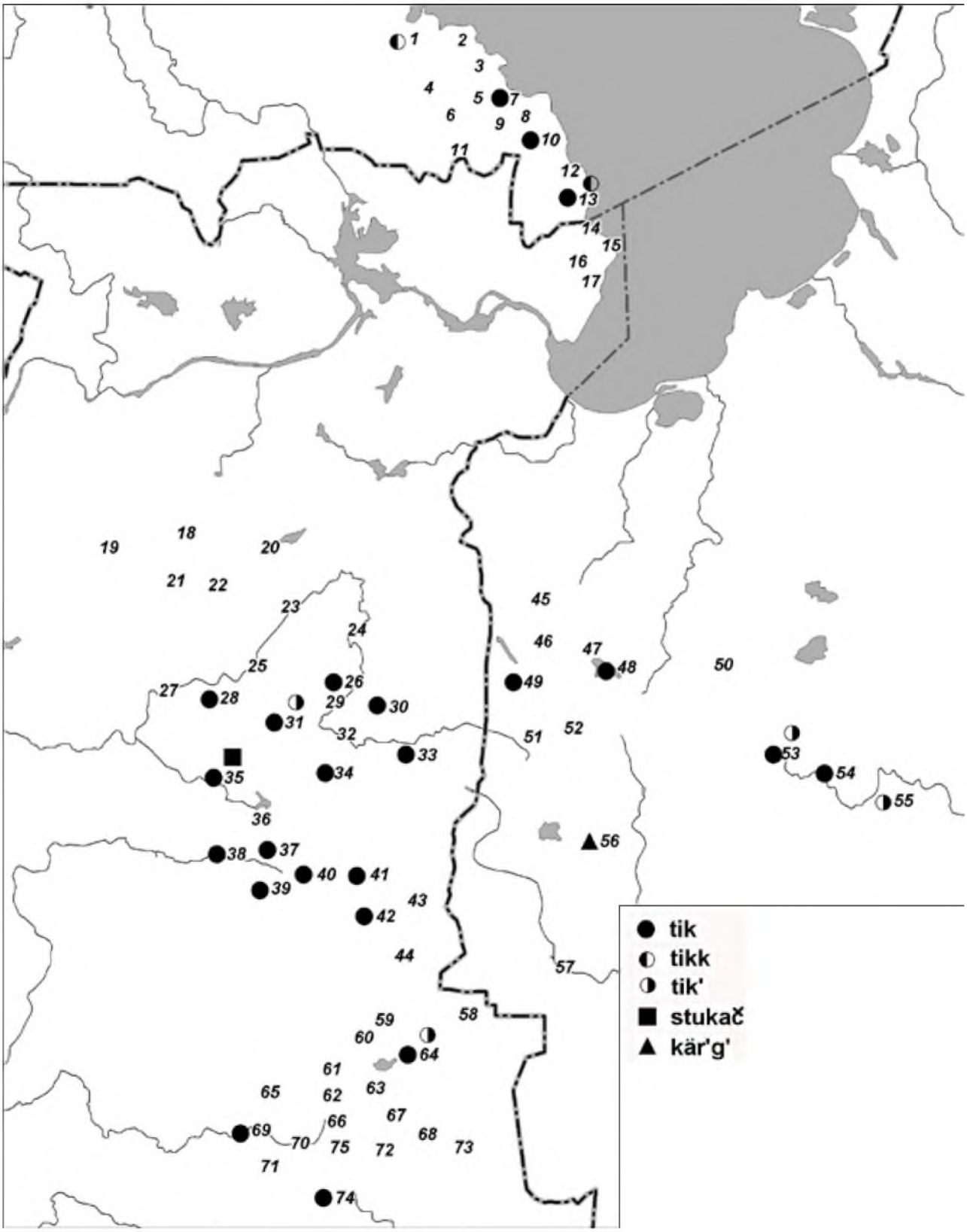
Из вепсского континуума некоторые лексемы, обозначающие смолу, вошли в смежные русские говоры (напр., *пи’хка* ‘смола сосны, ели’ [КСРГК]), где традиционно возводятся к карельско-вепсским диалектам: кар. *pihka*, ливв. *pihka*, люд. *pihk*, фин. *pihka* ‘смола’, вод. *pihkw* ‘сосна’, эст. *pihk* [Kalima 1915: 186; см. также: Лесков 1892: 101; Погодин 1904: 51; Meckelein 1913: 57; Фасмер 1987: 270].

Лексема *ruga* также имеет в качестве рефлекса в русских говорах *деривáт рузи’на* ‘смола-живица’ [ПЛГО]. Ареал русских данных указывает на преимущественно вепсские источники, хотя по современным материалам распространение некоторых слов весьма ограничено.

С. А. Мызников

Животный мир

42 (156). Именования понятия ‘дятел’

Легенда карты

1) **tik**
tikk
tik’
2) **stukač**
3) **kär’g’**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **tik**: *сев* Št, Kl, Kas // *ср* Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noi, Pk, Vär, Pnd, Kj // *южн* Sod, Mas, Ars
tikk: *сев* Š, Kas
tik’: *ср* Pec, Pnd, Vl // *южн* Sod
2) **stukač**: *ср* En
3) **kär’g’**: *ср* Päž

Цифровой индекс

1) **tik**: 7Št, 10Kl, 13Kas, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noi, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 64Sod, 69Mas, 74Ars
tikk: 1Š, 13Kas
tik’: 31Pec, 53Pnd, 55Vl, 64Sod
2) **stukač**: 35En
3) **kär’g’**: 56Päž

Список картографируемого материала

1 — tikk; 2–6 — нет сведений; 7 — tik; 8–9 — нет сведений; 10 — tik; 11–12 — нет сведений; 13 — tik, tikk [СОСД: 57]; 14–25 — нет сведений; 26 — tik; 27 — нет сведений; 28 — tik; 29 — нет сведений; 30 — tik; 31 — tik, tik’ [СВЯ: 569]; 32 — нет сведений; 33–34 — tik; 35 — stukač, tik; 36 — нет сведений; 37–42 — tik; 43–47 — нет сведений; 48–49 — tik; 50–52 — нет сведений; 53 — tik, tik’ [СВЯ: 569]; 54 — tik; 55 — tik’ [СОСД: 57]; 56 — kär’g’; 57–63 — нет сведений; 64 — tik, tik’ [СВЯ: 569], [СОСД: 57]; 65–68 — нет сведений; 69 — tik; 70–73 — нет сведений; 74 — tik; 75 — нет сведений.

Комментарий

Общевепсское название дятла *tik* функционирует во всех диалектах. В ряде северновепсских говоров, как и ожидается, лексема обладает геминатой *k*, что для них типично. В части говоров на конце лексемы обнаруживается смягчение, что не должно быть характерным для данного слова, поскольку, как свидетельствует основа слова и данные близкородственных языков, слово обладало ранее в вепсском языке конечным гласным *-a*, который после отпадения не должен был оставлять смягчения.

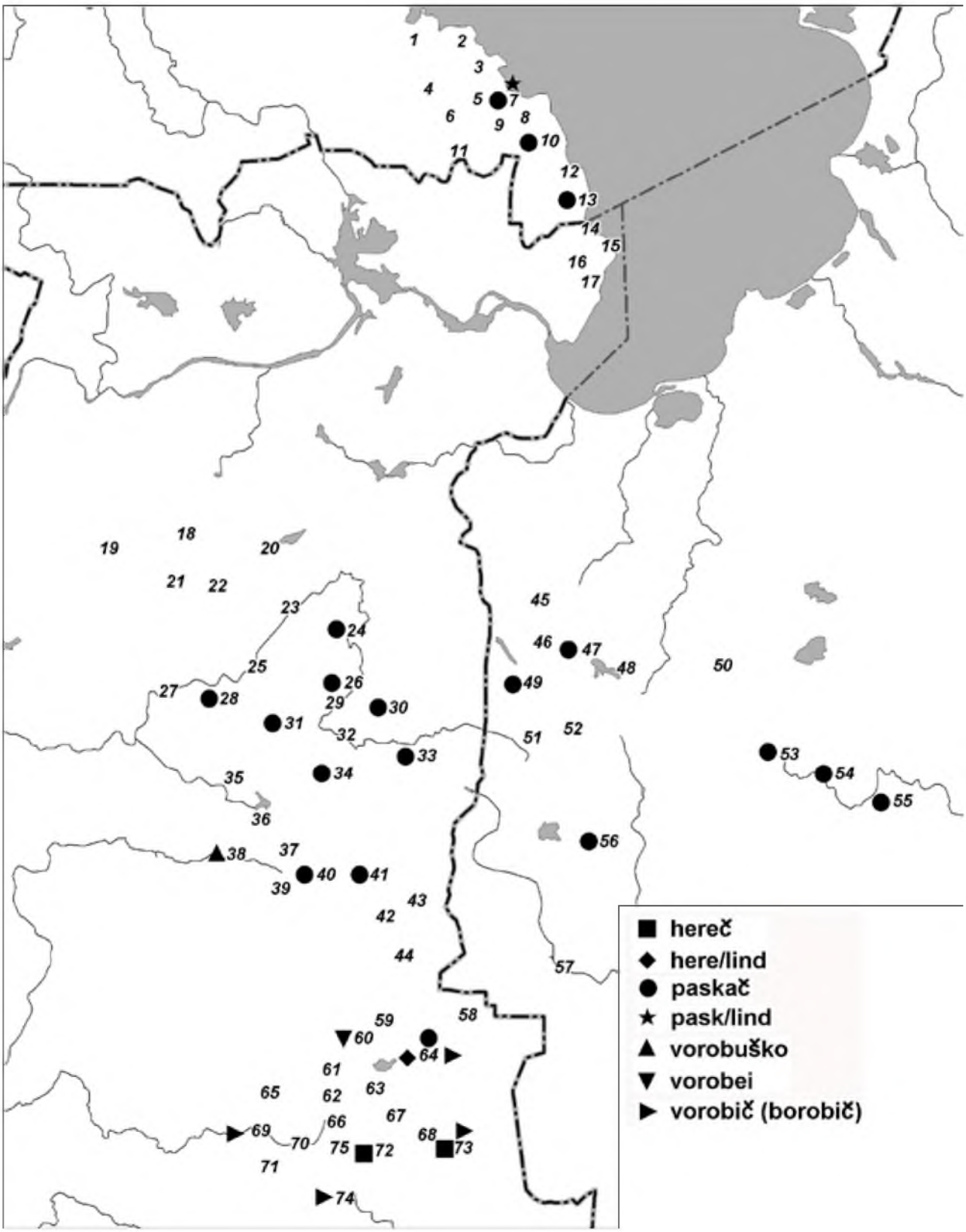
Слово *tik* считается этимологами ономатопоэтическим [SSA 2000: 293], и ему имеются соответствия в близкородственных языках: фин. *tikka*, с/к *tikka, tikki, tikku*, ливв. *tikko, tikku*, люд. *tikku, tik*.

На западе средневепсского ареала в Вонозере (En) в значении ‘дятел’ зафиксировано русское заимствование *stukač*. Возможно, этот зоосемизм имеет эвфемистический характер.

Основное значение слова *kär’g’*, как свидетельствует СВЯ [СВЯ: 263], ‘желна или черный дятел’ — это один из самых крупных представителей семейства дятлов (см. Jä). В случае же употребления этого слова в восточновепсском п. Päž в значении ‘дятел’ мы полагаем, что информанты в момент опроса могли перепутать основное название дятла и вспомнили лишь название желны, хотя и СВЯ в Пяжозере иного слова для именования дятла не предлагает.

И. В. Бродский

43 (157). Именования понятия ‘воробей’

Легенда карты

1) **hereč**
2) **here/lind**
3) **paskač**
4) **pask/lind**
5) **vorobuško**
vorobei
vorobič (borobič)

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **hereč**: *южн* Mai, Vg
2) **here/lind**: *южн* Sod
3) **paskač**: *сев* Št, Kl, Kas // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Nür, Reb, Šim, Vär, Pnd, Kj, Vl, Päž // *южн* Sod
4) **pask/lind**: *сев* Št
5) **vorobuško**: *ср* Jog
vorobei: *южн* Šid
vorobič (**borobič**): *южн* Mas, Ars, Sod, Vg

Цифровой индекс

1) **hereč**: 72Mai, 73Vg
2) **here/lind**: 64Sod
3) **paskač**: 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 40Nür, 41Reb, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 64Sod
4) **pask/lind**: 7Št
5) **vorobušk**o: 38Jog
vorobei: 60Šid
vorobič (borobič): 64Sod, 69Mas, 73Vg, 74Ars

Список картографируемого материала

1–6 — нет сведений; 7 — paskač, pask/lind [СВЯ: 402]; 8–9 — нет сведений; 10 — paskač; 11–12 — нет сведений; 13 — paskač; 14–23 — нет сведений; 24 — paskač; 25 — нет сведений; 26 — paskač; 27 — нет сведений; 28 — paskač; 29 — нет сведений; 30–31 — paskač; 32 — нет сведений; 33–34 — paskač; 35–37 — нет сведений; 38 — vorobuško; 39 — нет сведений; 40–41 — paskač; 42–46 — нет сведений; 47 — paskač, rugiš/paskač; 48 — нет сведений; 49 — paskač; 50–52 — нет сведений; 53–56 — paskač; 57–59 — нет сведений; 60 — vorobei; 61–63 — нет сведений; 64 — here/lind [СВЯ: 117], paskač, borobič [СОСД: 58]; 65–68 — нет сведений; 69 — vorobič; 70–71 — нет сведений; 72 — hereč; 73 — borobič [СВЯ: 47], hereč [СВЯ: 116]; 74 — vorobič; 75 — нет сведений.

Комментарий

Воробей — общераспространенная и общеизвестная птица, поэтому имеются достаточные сведения об ареальной дистрибуции ее названий в вепсском языке.

Наиболее распространенные названия воробья в вепсском языке образованы от различных названий навоза (помета): *here* > *hereč*; *pask* > *paskač*. При этом используется один и тот же отыменный суффикс -(*i*)/*č*, который популярен в языке вепсов (ср. *garič* ‘клюква’, *pihläč* ‘ягоды рябины’).

Другие названия воробья образованы по семантической модели ‘название навоза (помета)’ + детерминант *lind* ‘птица’, т.е. *here/lind* и *pask/lind*. Такие сложные названия в собранных для ЛАВЯ в полевых материалах отсутствуют, однако они имеются в СВЯ.

Название *paskač* господствует в северном и среднем диалектах, а также узко известно в южновепсском диалекте (Sod).

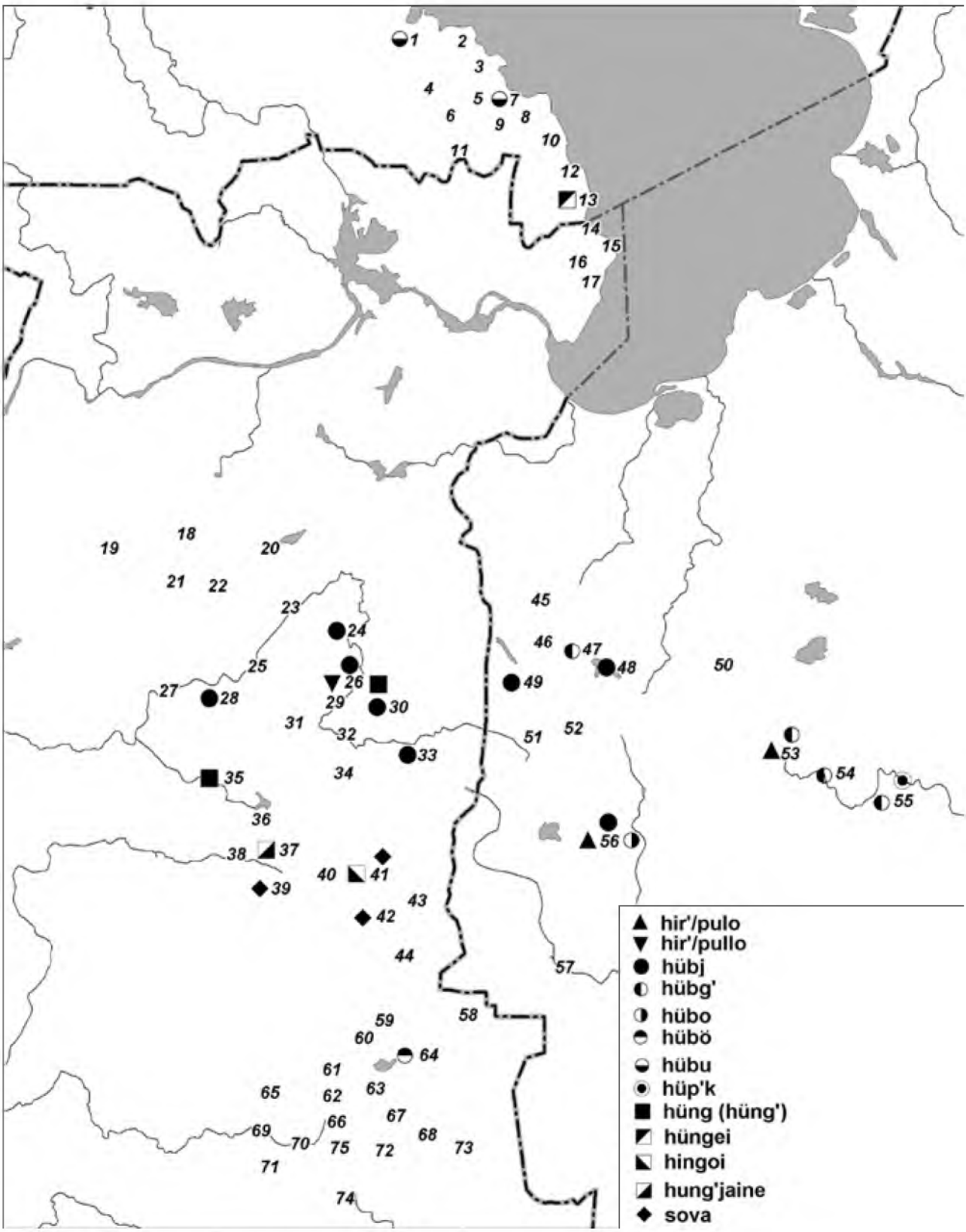
Зоосемизмы *hereč, here/lind* фиксируются только на территории распространения южновепсского диалекта. Причиной, однако, не являются ареальные особенности распространения основы *-here-* ‘навоз’: она широко известна во всех трех вепсских диалектах [СВЯ: 116–117].

В южном диалекте в значении ‘воробей’ чаще используется русское заимствование *vorobei* (*vorobič* — с тем же вепсским суффиксом *-/i/č*). В одном из юго-западных говоров среднего диалекта — усть-капшинском — записано русское заимствование *vorobuško*. В п. Sod (Сидорово; южновепсский диалект) инициальный *v* > *b*: *vorobič* > *borobič*.

От шимозерского информанта в экспедиции по сбору материала для ЛАВЯ записано название воробья *rugiš/paskač*, осложненное дополнительным определительным компонентом *rugiž* ‘рожь’. Мы сомневаемся, что это название относится именно к воробью, так как в соседствующей Пондале оно обозначает совсем иную птицу — коростеля (см. СВЯ *rugiš/paskač* [СВЯ: 483]), поэтому оно не нанесено на карту.

И. В. Бродский

44 (161). Именования понятия ‘сова’

Легенда карты

1) **hir’/pulo**
hir’/pullo
2) **hübj**
hübg’
hübo
hübö
hübu
hüp’k
3) **hüng (hüng’)**
hüngei
hingoi
hung’jaine
4) **sova**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **hir’/pulo**: *ср* Pnd, Päž
hir’/pullo: *ср* Jä
2) **hübj**: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Ladv, Pk, Vär, Päž
hübg’ *ср* Šim, Pnd, Kj, Vl
hübo: *ср* Päž
hübö: *южн* Sod
hübu: *сев* Š, Št
hüp’k: *ср* Vl
3) **hüng (hüng’)**: *ср* En, Jä
hüngei: *сев* Kas
hingoi: *ср* Reb
hung’jaine: *ср* Kor
4) **sova**: *ср* Har, Reb, Noid

Цифровой индекс

1) **hir’/pulo**: 53Pnd, 56Päž
hir’/pullo: 26Jä
2) **hübj**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 33Ladv, 48Pk, 49Vär, 56Päž
hübg’: 47Šim, 53Pnd, 54Kj, 55Vl
hübo: 56Päž
hübö: 64Sod
hübu: 1Š, 7Št
hüp’k: 55Vl
3) **hüng (hüng’)**: 26Jä, 35En
hüngei: 13Kas
hingoi: 41Reb
hung’jaine: 37Kor
4) **sova**: 39Har, 41Reb, 42Noid

Список картографируемого материала

1 — hübu; 2–6 — нет сведений; 7 — hübu [СОСД: 62]; 8–12 — нет сведений; 13 — hüngei; 14–23 — нет сведений; 24 — hübj; 25 — нет сведений; 26 — hir’/pullo [СВЯ: 124], hübj, hüng’ [СВЯ: 137]; 27 — нет сведений; 28 — hübj; 29 — нет сведений; 30 — hübj; 31–32 — нет сведений; 33 — hübj; 34 — нет сведений; 35 — hüng; 36 — нет сведений; 37 — hung’jaine [СВЯ: 134]; 38 — нет сведений; 39 — sova; 40 — нет сведений; 41 — hingoi, sova; 42 — sova; 43–46 — нет сведений; 47 — hübg’ [СВЯ: 137]; 48 — hübj [СВЯ: 368]; 49 — hübj; 50–52 — нет сведений; 53 — hir’/pulo [СВЯ: 124], hübg’; 54 — hübg’; 55 — hübg’, hüp’k [СВЯ: 137]; 56 — hir’/pulo, hübj [СВЯ: 137], hübo; 57 — нет сведений; 58–63 — нет сведений; 64 — hübö [СВЯ: 137]; 65–75 — нет сведений.

Комментарий

Весь лексический материал говорит о неразличении вепсами совы и филина — двух очень похожих друг на друга птиц.

Основным вепсским названием, знакомым всем трем диалектам вепсского языка, является *hübj* (наиболее распространенный звуковой облик слова); в качестве менее частотных выступают варианты *hübg’**, а также оканчивающиеся на гласный *hübo, hübu, hübö*. Этот зоосемизм имеет соответствия в близкородственных языках, напр., фин. *hyypiö*, с/к. *hüüpie, hüwbie*, кар. люд. *hüübie, hüübii, hüubjü, hüubüö*, вод. *hüüpäinä*, эст. *hüüp* [EES: 87]. Авторы SSA [SSA 2001: 202] склоняются к версии позднего ономатопоэтического происхождения данного слова.

Название *hüng, hüng’* распространено в меньшей степени, как и суффиксальные образования от него (*hüngei, hingoi, hung’jäine*); данное слово в южновепсском ареале не фиксируется. Этот зоосемизм определенно имеет ономатопоэтическое происхождение и соотносится со звукоподражательным глаголом, изображающим уханье совы или филина (ср. также глаголы *huŋkta, uŋkta, hüŋgüda* [СВЯ: 134]).

Наименее распространено название совы и филина *hir’/pulo* либо *hir’/pullo*; по данным

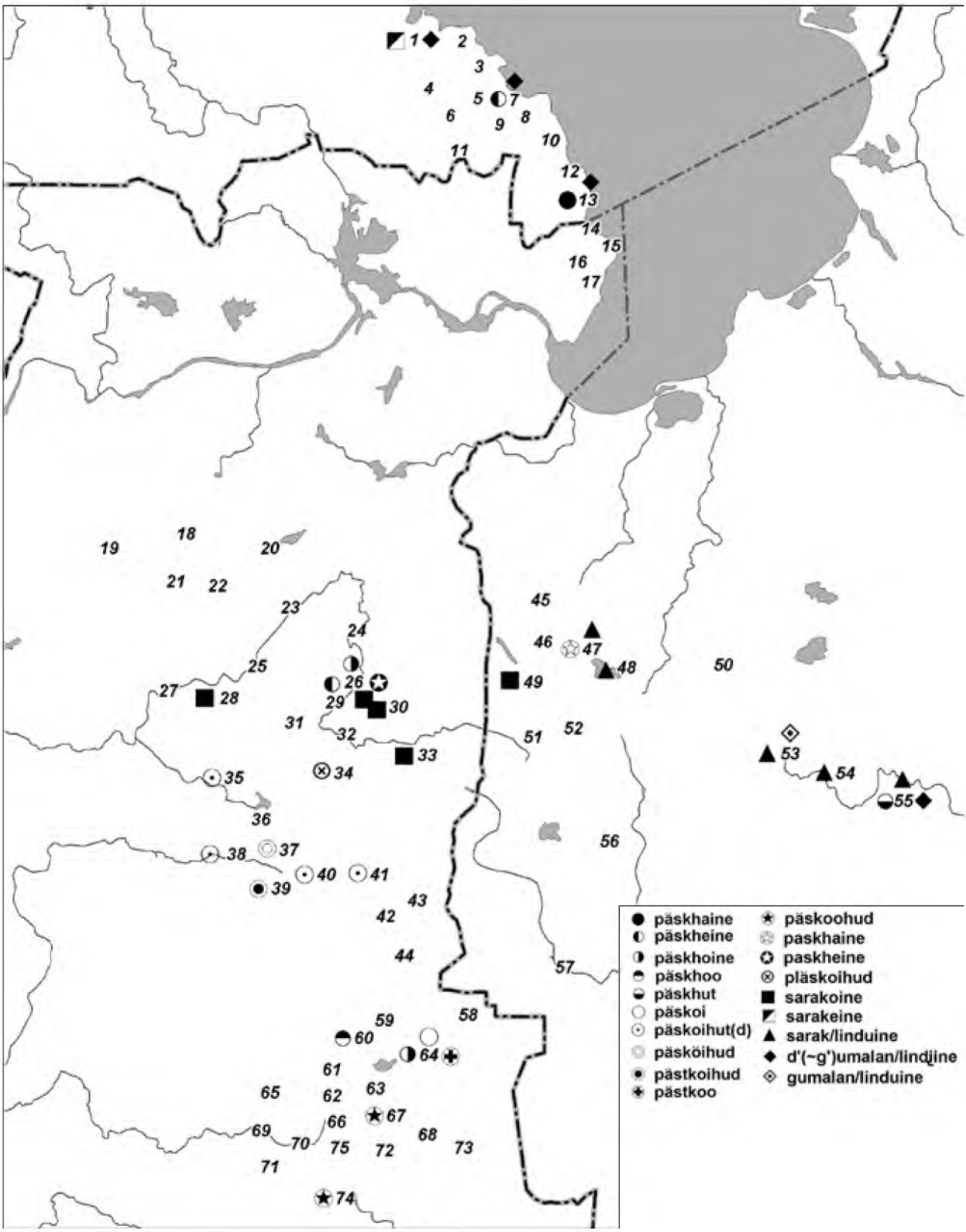
* В п. Vl довольно часто в потоке речи под влиянием русского языка происходит оглушение согласных в конце слова и может встретиться вариант *hüp’k*.

экспедиций, проведенных для сбора лексики по вопроснику данного атласа, оно зафиксировано лишь в Пяжозере, юго-восточной окраине средневепсского ареала, но, по данным СВЯ [СВЯ: 124], бытует еще в двух средневепсских деревнях. Это сложное по форме слово, первый компонент которого *hir'* имеет значение 'мышь', а второй — *pulo, pullo* — во-первых, представляет собой, по СОСД [СОСД: 62], отдельное южновепсское название совы, во-вторых, имеет соответствия в близкородственных языках (ср. фин. и кар. люд. *pöllö* 'сова'). Лексема обладает дескриптивным происхождением [SSA 1995: 467].

Зоосемизм *sova* представляет собой заимствование из русского языка и встречается в трех населенных пунктах средневепсского ареала.

И. В. Бродский

45 (162). Именования понятия ‘ласточка’

Легенда карты

1) **päskhaine**
päskheine
päskhoine
päskhoo
päskhut
päskoi
päskoihut(d)
päsköihud
pästkoihud
pästkoo
päskoohud
paskhaine
paskheine
pläskoihud
2) **sarakoine**
sarakeine
3) **sarak/linduine**
4) **d'(~g')umalan/lindi̯ine**
gümalan/linduine

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) päskhaine: сев Kas
päskheine: *сев* Št // *ср* Jä
päskhoine: *ср* Jä // *южн* Sod
päskhoo: *южн* Šid
päskhut: *ср* Vl
päskoi: *южн* Sod
päskoihut(d): *ср* En, Jog, Nür, Reb
päsköihud: *ср* Kor
pästkoihud: *ср* Har
pästkoo: *южн* Sod
päskoohud: *южн* Krl, Ars
paskhaine: *ср* Šim
paskheine: *ср* Jä
pläskoihud: *ср* Mg
2) **sarakoine**: *ср* Jä, Vil, Rih, Ladv, Vär
sarakeine *сев* Š
3) **sarak/linduine**: *ср* Šim, Pk, Pnd, Kj, Vl
4) **d'(~ g')umalan/lindi̯ine**: *сев* Š, Št, Kas // *ср* Vl
gümalan/linduine: *ср* Pnd

Цифровой индекс

1) päskhaine: 7Št, 13Kas, 64Sod
päskheine: *сев* 7Št, 26Jä
päskhoine: 26Jä, 64Sod
päskhoo: 60Šid
päskhut: 55Vl
päskoi: 64Sod
päskoihut(d): 35En, 38Jog, 40Nür, 41Reb
päsköihud: 37Kor
pästkoihud: 39Har
pästkoo: 64Sod
päskoohud: 67Krl, 74Ars
paskhaine: 47Šim
paskheine: 26Jä
pläskoihud: 34Mg
2) **sarakoine:** 26Jä, 28Vil, 30Rih, 33Ladv, 49Vär
sarakeine 1Š
3) **sarak/linduine**: 47Šim, 48Pk, 53Pnd, 54Kj, 55Vl
4) **d'(~g')umalan/lindi̯ine**: 1Š, 7Št, 13Kas, 55Vl
gümalan/linduine: 53Pnd

Список картографируемого материала

1 — d'umalan/lindi̯ine [СВЯ: 70], sarakę̯ine [СВЯ: 497]; 2–6 — нет сведений; 7 — d'umalan/lindi̯ine [СОСД: 58], päskheine; 8–12 — нет сведений; 13 — d'umalan/lindi̯ine [СОСД: 58], päskhaine; 14–25 — нет сведений; 26 — paskheine [СОСД: 58], päskheine [СВЯ: 453], päskhoine, sarakoine [СВЯ: 314, 497]; 27 — нет сведений; 28 — sarakoine; 29 — нет сведений; 30 — sarakoine; 31–32 — нет сведений; 33 — sarakoine; 34 — pläskoihud; 35 — päskoihud; 36 — нет сведений; 37 — päsköihud; 38 — päskoihud; 39 — pästkoihud; 40–41– päskoihut; 42–46 — нет сведений; 47 — paskhaine, sarak/linduine [СВЯ: 497]; 48 — sarak/linduine [СВЯ: 57]; 49 — sarakoine; 50–52 — нет сведений; 53 — gümalan/linduine, sarak/linduine; 54 — sarak/linduine; 55 — gümälan/lindi̯ine, päskhut [СОСД: 58], sarak/lindi̯ine; 56–59 — нет сведений; 60 — päskhoo; 61–63 — нет сведений; 64 — päskhoine [VV: 434], päskoi [VV: 434], pästkoo; 65–66 — нет сведений; 67 — päskoohud [СВЯ: 157]; 68–73 — нет сведений; 74 — päskoohud; 75 — нет сведений.

Комментарий

Для обозначения ласточки в вепсском языке используется пять названий, каждое из которых имеет множество фонетических и структурно-морфологических вариаций.

Наиболее распространены названия, образованные от древней основы **pääskö-*, и они же наиболее вариабельны. К образованию многих вариантов привело разрушение сингармонизма в вепсском языке и сужение сферы использования гласных переднего ряда (*päsköi-, pästko-, paskh-*). Произошли фонетические изменения, касающиеся и расподобления группы согласных звуков (*pästk-, päskh-, päsk-*).

Вариативность создается и множественными суффиксальными производными, которые образуются с помощью диминутивных суффиксов *-ine*, *-ut, -oi (-oo)* и их вариантами (*-ud, -hud*), что естественно для названия птицы небольшого размера.

Наименования ласточки, образованные от названной основы, имеют древнее финно-угорское происхождение и обладают соответствиями в большинстве родственных языках вплоть до венгерского (*fecske*) [SSA 1995: 464]. Мы попытались представить в легенде всю множественность фонетических вариантов этой лексемы, чтобы проиллюстрировать ее на карте.

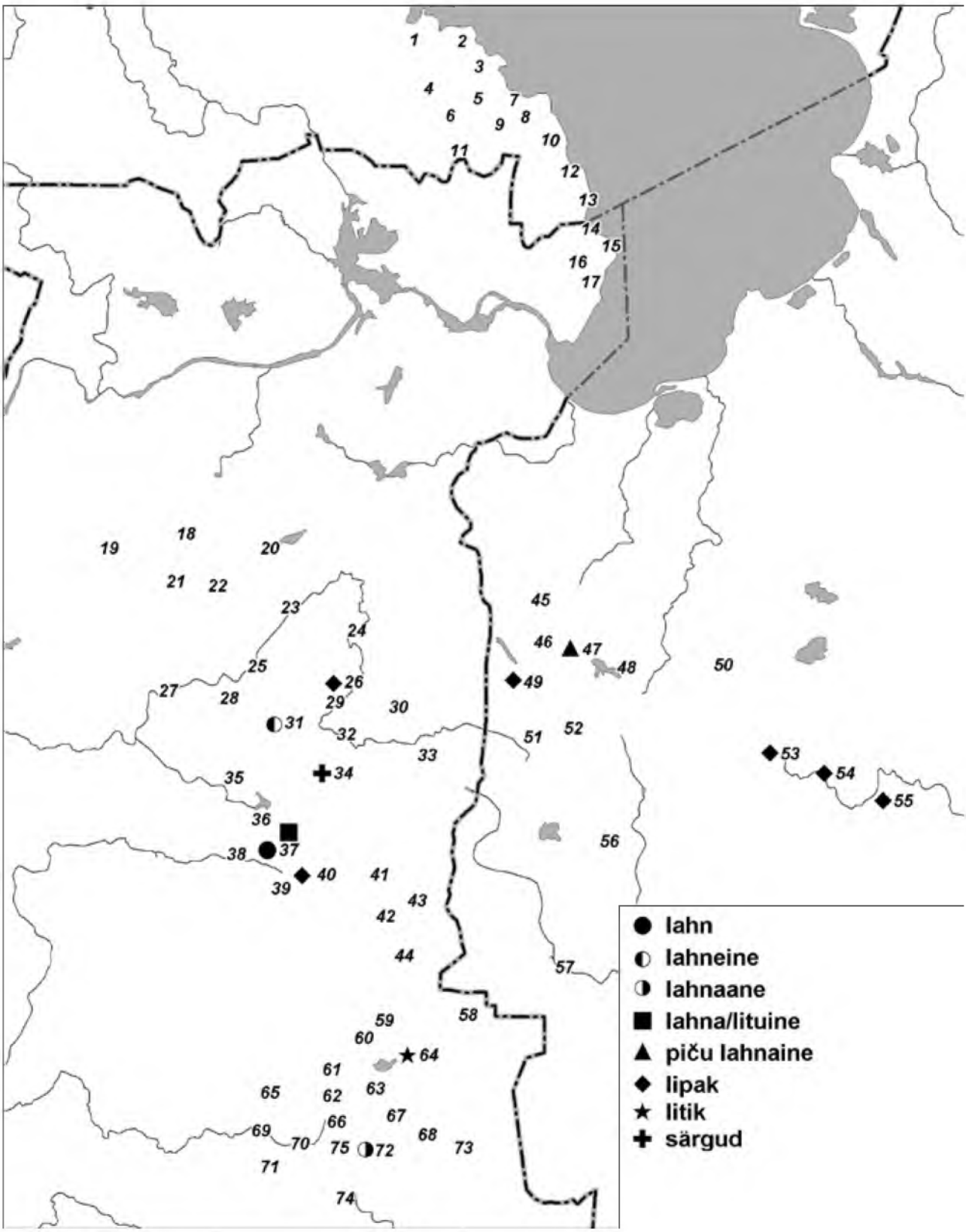
Еще одна группа названий ласточки образована от основы *sarak-* (*sarako-*), имеющей значение ‘развилина’: хвост этой птички заметно раздвоен. Орнитонимы этой группы делятся на простые и сложные по форме, что и отражено в легенде карты. Простые слова образованы с помощью диминутивного суффикса *-ine*: *sarakoine, sarakęine*; сложные же названия образованы по модели *sarak* ‘развилка’ + *linduine* ‘птичка’.

Малораспространенное название ласточки *d’umalan/lindi̯ine** является сложной лексемой и переводится как ‘божья птичка’.

И. В. Бродский

* О представительстве исторического *-j* в диалектах согласными *-g’, -d’* см. 15 карту ЛАВЯ.

46 (163). Именования понятия ‘подлещик’

Легенда карты

1) **lahn**
lahneine
lahnaane
2) **lahna/lituine**
3) **piču lahnaine**
4) **lipak**
5) **litik**
6) **särgud**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **lahn**: *ср* Kor
lahneine: *ср* Pec
lahnaane: *южн* Mai
2) **lahna/lituine**: *ср* Kor
3) **piču lahnaine**: *ср* Šim
4) **lipak**: *ср* Jä, Nür, Vär, Pnd, Kj, Vl
5) **litik**: *южн* Sod
6) **särgud**: *ср* Mg

Цифровой индекс

1) **lahn**: 37Kor
lahneine: 31Pec
lahnaane: 72Mai
2) **lahna/lituine**: 37Kor
3) **piču lahnaine**: 47Šim
4) **lipak**: 26Jä, 40Nür, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl
5) **litik**: 64Sod
6) **särgud**: 34Mg

Список картографируемого материала

1–25 — нет сведений; 26 — lipak [СВЯ: 292]; 27–30 — нет сведений; 31 — lahneine; 32–33 — нет сведений; 34 — särgud; 35–36 — нет сведений; 37 — lahn, lahna/lituine [СВЯ: 271]; 38–39 — нет сведений; 40 — lipak; 41–46 — нет сведений; 47 — piču lahnaine; 48 — нет сведений; 49 — lipak; 50–52 — нет сведений; 53–55 — lipak; 56–63 — нет сведений; 64 — litik [СВЯ: 294]; 65–71 — нет сведений; 72 — lahnaane; 73–75 — нет сведений.

Комментарий

Подлещик — это название молодых особей леща. Подлещики не представляют собой какого-либо отдельного вида рыб. Ихтионимы со значением 'подлещик', очевидно, сохранились не во всех вепсских говорах. Так, названия подлещика (молодого леща) в северновепсском диалекте совсем не удалось собрать.

Наиболее распространенным названием этой рыбы является лексема *lipak*, активно функционирующая в ряде говоров средневепсского диалекта, в том числе во всех трех белозерских говорах. Происхождение слова вызывает затруднения. В русских народных говорах Северо-Запада отмечаются лексемы типа *липак, лепак, ляпок* также в значении 'подлещик'. С. А. Мызников, исследуя субстратную и заимствованную лексику русских говоров Северо-Запада, обращает в этом случае внимание на зону «*вепсского* субстратного и адстратного влияния» существования этого слова [Мызников 2007: 113], осторожно соотнося ее также с данными коми языка (ср. *ляпа* 'подлещик' [ССКЗД: 213]. И, таким образом, лексема нуждается в дальнейших научных изысканиях.

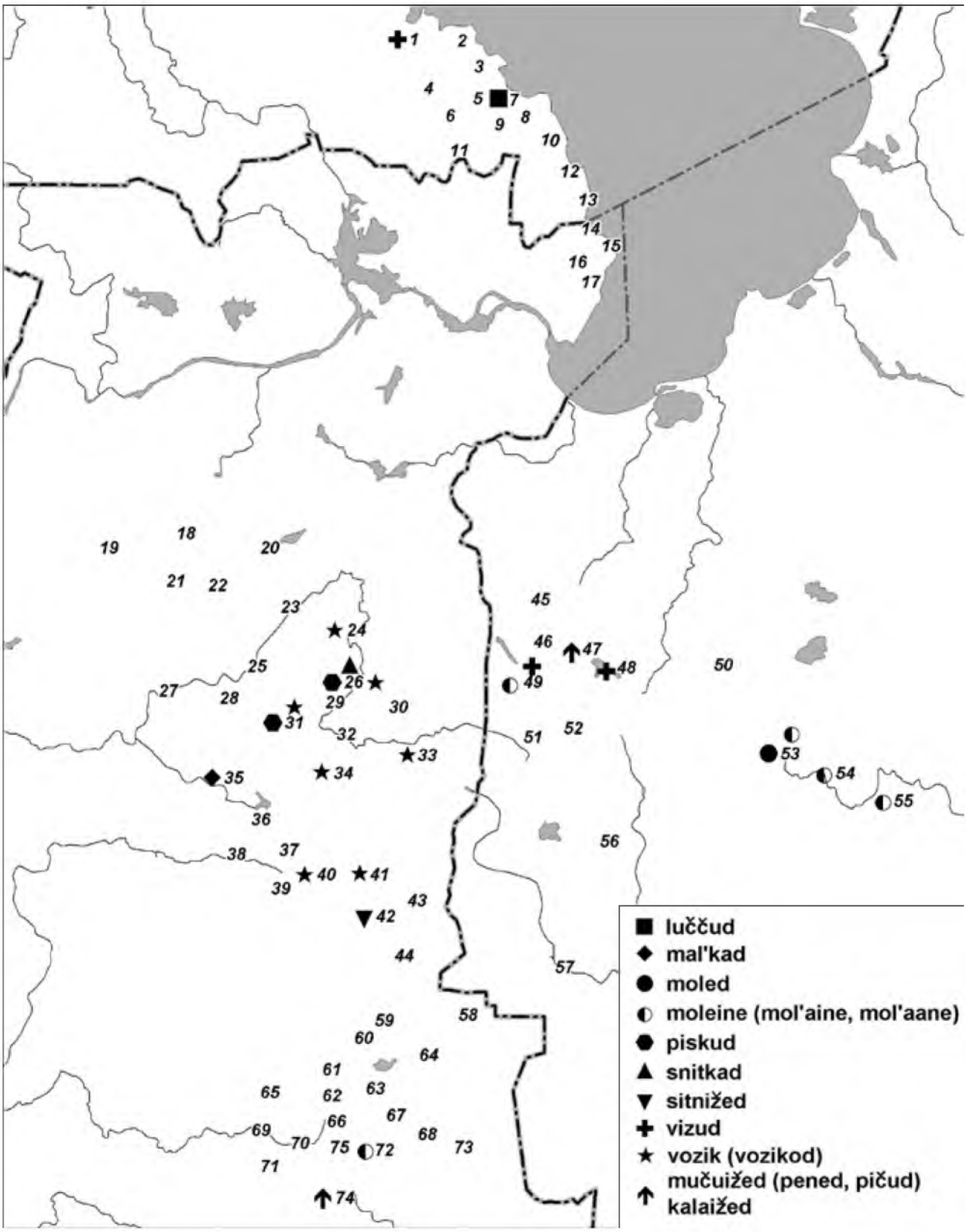
Lahn, зафиксированное в Корбиничах среднего диалекта, скорее всего, относится к взрослому лещу: информант назвал этим словом обе рыбы; возможно также, что он не различает возрастных групп этого вида. Зафиксированное единично в Мягозере (Mg, средневепсский диалект) *särgud*, по-видимому, следует также отнести к ошибкам информантов, так как это распространенное вепсское название плотвы в форме диминутива.

Южновепсский ихтионим *litik* 'подлещик' содержится в СВЯ [СВЯ:294]. Мы полагаем, что он тоже может относиться к лещу как виду, ср. кар. *litti, litšu*, фин. *lituska*, 'маленькая рыба'. Этимологи полагают, что эта лексема связана по происхождению с такими дескриптивными лексемами, как *litsata* 'толочь, запихивать' (ср. вепс. *ličta* 'запихивать'), *lattea* 'плоский' [SSA 1995: 83].

Название подлещика *lahna/lituine* содержит в качестве второго компонента, скорее всего, ту же основу, что и слово *litik*, и образовано с участием диминутивного суффикса. В свою очередь, слова *lahnaine, lahneine, lahnaane* представляют собой диминутивные дериваты от *lahn* 'лещ'; в составе *piču lahnaine* находится дополнительное определение *piču* 'маленький', что точно соответствует природе этой рыбы.

И. В. Бродский

47 (164). Именования понятия ‘малек рыбы’

Легенда карты

1) **luччud**
2) **mal’kad**
3) **moled**
moleine (mol’aine, mol’aane)
4) **piskud**
5) **snitkad**
sitnižed
6) **vizud**
7) **vozik (vozikod)**
8) **mučuižed (pened, pičud) kalaižed**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **luччud**: *сев* Št
2) **mal’kad**: *ср* En
3) **moled**: *ср* Pnd
moleine (mol’aine, mol’aane): *ср* Vär, Kj, Pnd, Vl // *южн* Mai
4) **piskud**: *ср* Jä, Pec
5) **snitkad**: *ср* Jä
sitnižed: *ср* Noid
6) **vizud**: *сев* Š // *ср* Pk, Vär
7) **vozik (vozikod)**: ср Jä, Pec, Ladv, Mg, Nem, Nür, Reb
8) **mučuižed (pened, pičud) kalaižed**: *ср* Šim // *южн* Ars

Цифровой индекс

1) **luччud**: 7Št
2) **mal’kad**: 35En
3) **moled**: 53Pnd
moleine (mol’aine, mol’aane): 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 72Mai
4) **piskud**: 26Jä, 31Pec
5) **snitkad**: 26Jä
sitnižed: 42Noid
6) **vizud**: 1Š, 48Pk, 49Vär
7) **vozik (vozikod)**: 24Nem, 26Jä, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 40Nür, 41Reb
8) **mučuižed (pened, pičud) kalaižed**: 47Šim, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — vizud; 2–6 — нет сведений; 7 — luччud; 8–23 — нет сведений; 24 — sinikod, vozikod; 25 — нет сведений; 26 — snitok, snitkad, vozik [СВЯ: 641]; pisk(ud) [СВЯ: 421]; 27–30 — нет сведений; 31 — vozik [СВЯ: 641], pisk(ud) [СВЯ:421]; 32 — нет сведений; 33 — vozik [СВЯ: 641]; 34 — vozik; 35 — mal’kad; 36–38 — нет сведений; 39 — kiviičud; 40–41 — vozikod; 42 — sitnižed; 43–46 — нет сведений; 47 — pened kalaižed, pičud kalaižed; 48 — vizud; 49 — moleine, vizud [СВЯ: 636]; 50–52 — нет сведений; 53 — mol’aine [СВЯ: 331], moled [СВЯ: 331]; 54 — moleine; 55 — moleine; 56–71 — нет сведений; 72 — mol’aane; 73 — нет сведений; 74 — mučuižed kalaižed; 75 — нет сведений.

Комментарий

Названия мальков рыбы (или мелкой рыбы вообще) в вепсском языке весьма разнообразны. Чаще всего в этом качестве встречаются две лексемы: *moleine* и *vozik*. Информанты зачастую давали их в форме мн. числа — вероятно, оттого, что мальки обычно ходят стайками.

Вепс. *mol’aine* (а также все фонетические варианты: *moleine, mol’aane*; формы мн. числа *moleižed, moled*) ‘малек, мальки’ имеют русское происхождение: ср. рус. диал. *моли* ‘разновидность рыбы’ [СРНГ 1982: 217], *моль* ‘самый мелкий снеток’ [СРНГ 1981: 249], *молек* ‘малек’, ‘мелкая рыба’ [СРНГ 1982: 216], *молина* ‘снеток’ [СРНГ 1982: 217], *молевина* ‘то же’ [СРНГ 1982: 215].

В Вонозере (En) зафиксировано русское заимствование *mal’kad* (< рус. *мальки*). Русскими по происхождению, вероятнее всего, являются записанные в средневепсских западных пунктах слова *snitok, snitkad* (мн. число; Jä), а также, возможно, *sitnižed* (Noid), где произошла перестановка звуков (< рус. *снеток, снетки*). Снеток представляет собой мелкую пресноводную форму корюшки.

Словом *vozik* вепсы называли молодую годовалую рыбу (*vozik* < *voz*’ ‘год’), что отражено в СВЯ [СВЯ: 641].

Северновепсское *luччud* предположительно может быть связано с русским словом *луч* ‘пучок лучины, зажигаемый для освещения во время лучения рыбы’ ([СВЯ; 300]; ср. также *ajada lučale* ‘поехать лучить рыбу’ [СВЯ: 300]), где название пучка соломы было перенесено и на саму мелкую рыбу.

В некоторых пунктах записаны названия мелкой рыбешки, мальков описательного характера, представляющие собой словосочетания типа *mučuižed kalaižed, pened kalaižed, pičud kalaižed* со значением ‘маленькие рыбки’*.

Лексеме *vizud*, которая представлена в ряде говоров в картографируемом значении, пока не удалось найти каких-либо внятных объяснений или предположений по поводу ее происхождения. В родственных языках подобная лексема отсутствует.

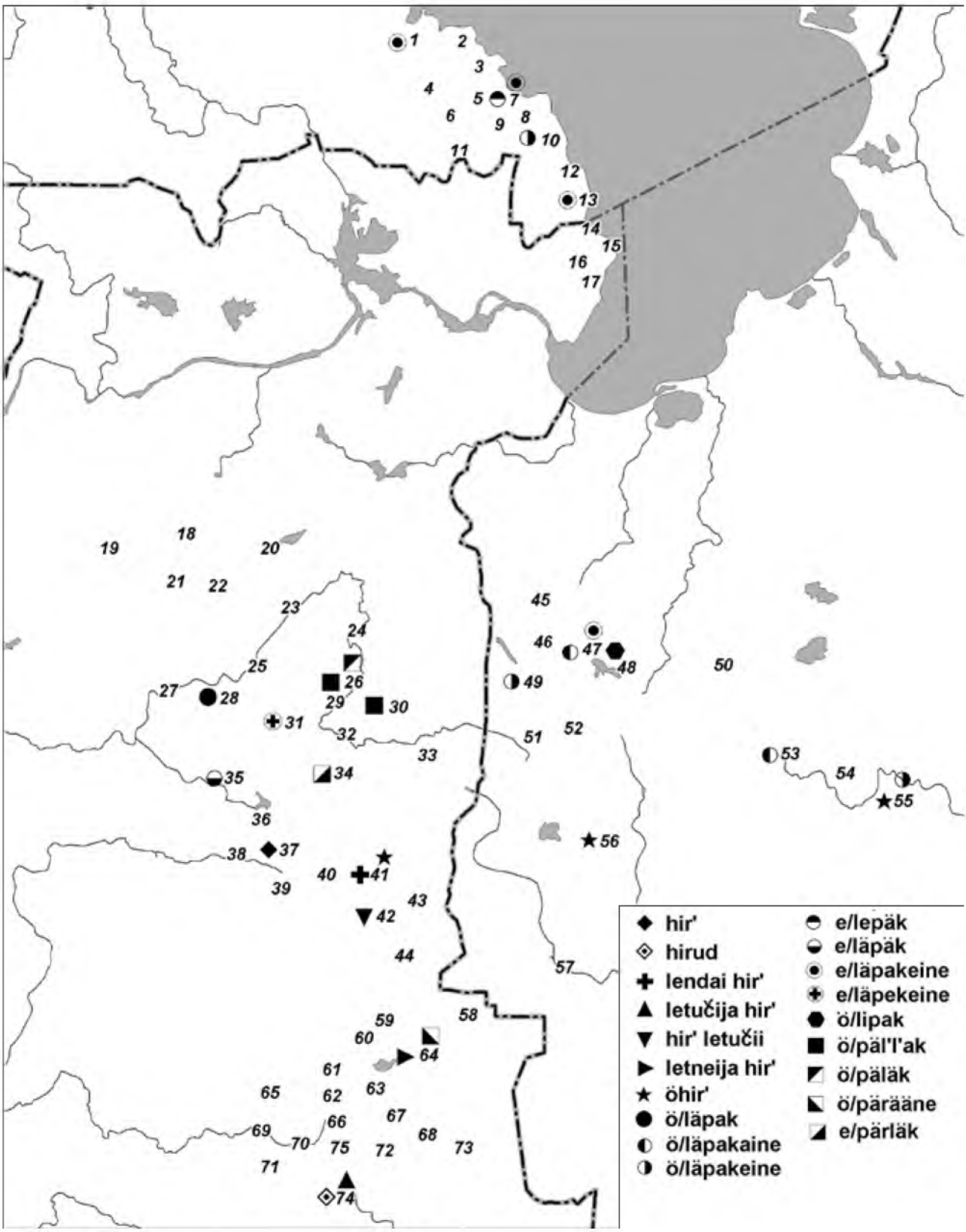
В СВЯ имеет место, кроме того, лексема *pisk* (*-u*) ‘мелкая рыба, малек’, которая, возможно, из-за ее небольшого употребления не попала в поле зрения собирателей материала по вопроснику ЛАВЯ. Словарь указал функционирование данного названия мелкой рыбы в двух западных средневепсских говорах Jä, Pec, что и было нанесено на карту без дополнительного опроса. Очевидно, своим происхождением лексема обязана этимологическому гнезду *piskuinen* ‘маленький’ [SSA 1995: 375].

Кроме того, сомнение вызывают собранные по вопроснику атласа некоторые названия мелких рыб. Это, прежде всего, *kiviičud* из п. Харагеничи (Har), которое, по-видимому, относится к какому-либо конкретному виду рыбы. Слово является суффиксальным образованием от *kivi* ‘камень’, ср. также с/к *kivittšy* ‘каменный’ [KKS 1974: 241], что нами не нанесено на карту, так как вызывает сомнение. Под сомнение попадает также зафиксированное в д. Немжа (Nemž) слово *sinikod*, которое, скорее всего, обозначает корюшку, поэтому на карту также не нанесено [см. СВЯ: 513].

И. В. Бродский

* Исходя из принципа номинации, словосочетания представлены на карте за одним номером, однако, при желании пользователь может получить в каждом конкретном случае точные сведения из списка картографируемого материала.

48 (172). Именования понятия ‘летучая мышь’

Легенда карты

1) **hir’**
hirud
2) **lendai hir’**
3) **letučija hir’**
hir’ letučii
letneija hir’
4) **öhir’**
5) **ö/läpak**
ö/läpakaine
ö/läpakeine
e/lepäk
e/läpäk
e/läpakeine
e/läpekeine
6) **ö/lipak**
7) **ö/päl’l’ak**
ö/päläk
ö/pärääne
e/pärläk

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **hir’**: *ср* Kor
hirud: *южн* Ars
2) **lendai hir’**: *ср* Reb
3) **letučija hir’**: *южн* Ars
hir’ letučii: *ср* Noid
letneija hir’: *южн* Sod
4) **öhir’**: *ср* Reb, Vl, Päž
5) **ö/läpak**: Vil
ö/läpakaine: *ср* Šim, Pnd
ö/läpakeine: *сев* Kl // *ср* Vär, Vl
e/lepäk: *сев* Št
e/läpäk: *ср* En
e/läpakeine: *сев* Š, Št, Kas // *ср* Šim,
e/läpekeine: *ср* Pec,
6) **ö/lipak**: *ср* Šim
7) **ö/päl’l’ak**: *ср* Jä, Rih
ö/päläk: *ср Jä*
ö/pärääne: *южн* Sod
e/pärläk: *ср* Mg

Цифровой индекс

1) **hir’**: 37Kor
hirud: 74Ars
2) **lendai hir’**: 41Reb
3) **letučija hir’**: 74Ars
hir’ letučii: 42Noid
letneija hir’: 64Sod
4) **ö/hir’**: 41Reb, 55Vl, 56Päž
5) **ö/läpak**: 28Vil
ö/läpakaine: 47Šim, 53Pnd
ö/läpakeine:10Kl, 49Vär, 55Vl
e/lepäk: 7Št
e/läpäk: 35En
e/läpakeine: 1Š, 7Št, 13Kas, 47Šim
e/läpekeine: 31Pec
6) **ö/lipak**: 47Šim
7) **ö/päl’l’ak**: 26Jä, 30Rih
ö/päläk: 26Jä
ö/pärääne: 64Sod
e/pärläk: 34Mg

Список картографируемого материала

1 — e/läpakeine, e/läpakeine [СВЯ: 658]; 2–6 — нет сведений; 7 — e/läpakeine [СОСД: 54], e/lepäk; 8–9 — нет сведений; 10 — ö/läpakeine; 11–12 — нет сведений; 13 — e/läpakeine [СОСД: 54]; 14–25 — нет сведений; 26 — ö/päläk [СОСД: 54], ö/päl’l’ak [СВЯ: 247]; 27 — нет сведений; 28 — ö/läpak; 29 — нет сведений; 30 — ö/päl’l’ak; 31 — e/läpekeine; 32–33 — нет сведений; 34 — e/pärläk; 35 — eläpäk; 36 — нет сведений; 37 — hir’; 38–40 — нет сведений; 41 — lendai hir’, ö/hir’; 42 — hir’ letučii; 43–46 — нет сведений; 47 — e/läpakeine [СВЯ: 658], ö/läpakaine, ö/lipak [СВЯ: 659]; 48 — нет сведений; 49 — ö/läpakeine; 50–52 — нет сведений; 53 — ö/läpakaine [СВЯ: 658]; 54 — нет сведений; 55 — ö/hir’, ö/läpäkeine [СОСД:54]; 56 — ö/hir’; 57–63 — нет сведений; 64 — letneija hir’, öpäräne [СВЯ: 659], ö/pärääne [СОСД: 54]; 65 — нет сведений; 66–73 — нет сведений; 74 — hirud, letučija hir’; 75 — нет сведений.

Комментарий

Названия летучей мыши в вепсском языке очень разнообразны и различаются по говорам в лексическом, морфологическом либо фонетическом плане (последнее происходит особенно часто). Случаи полного совпадения названия в двух или трех говорах встречаются очень редко. На карту нанесены, по мере возможности, все варианты, которые иллюстрируют фонетическое, словообразовательное и лексическое многообразие именований в говорах.

Наиболее распространены сложные зоосемизмы с первым компонентом *ö* ‘ночь’ и вторым компонентом *lepäk, l’apak, läpäk* и др. (*ö/läpak, e/lepäk, e/läpäk*). Звук *-ö* в вепсском языке из-за исчезновения гармонии гласных стал под напором русского

языка исчезать и практически не встречается дальше первого слога*, но в данном случае он заменился на *e* даже в первом слоге.

Второй компонент часто выступает осложненным диминутивным по значению суффиксом *-aine, -eine*. Подобные соответствия этим словам имеются и в карельских наречиях, например: с/к *üö/lepakko*, *üö/läpäkkö, üö/läpäkkä*; ливв. *üö/lievoi, üö/läpoi*; люд. *üö/läpäkk*, *üö/leivoi* [KKS 2005:760]. Данный компонент можно сравнить с фин. *lepakko* ‘летучая мышь’, признаваемым этимологами [SKES: 287] дескриптивным словом (подражанием звуку полета мыши).

Большинство вепсских названий летучей мыши представляют собой разнообразные фонетические вариации *ö/läpak* с изменением качества гласных и различными внутренними метатезами и включением эпентетических согласных, например, *ö/päläk, e/pärläk, ö/päräne*. Без компонента *ö/-* ‘ночной’ этот зоосемизм в вепсском языке не встречается. Как видно, компонент *läpak* (*lepak* и др.) некогда представлял собой в вепсском языке отдельное название летучей мыши, но впоследствии он перестал употребляться без дополнительного определения *ö/-*.

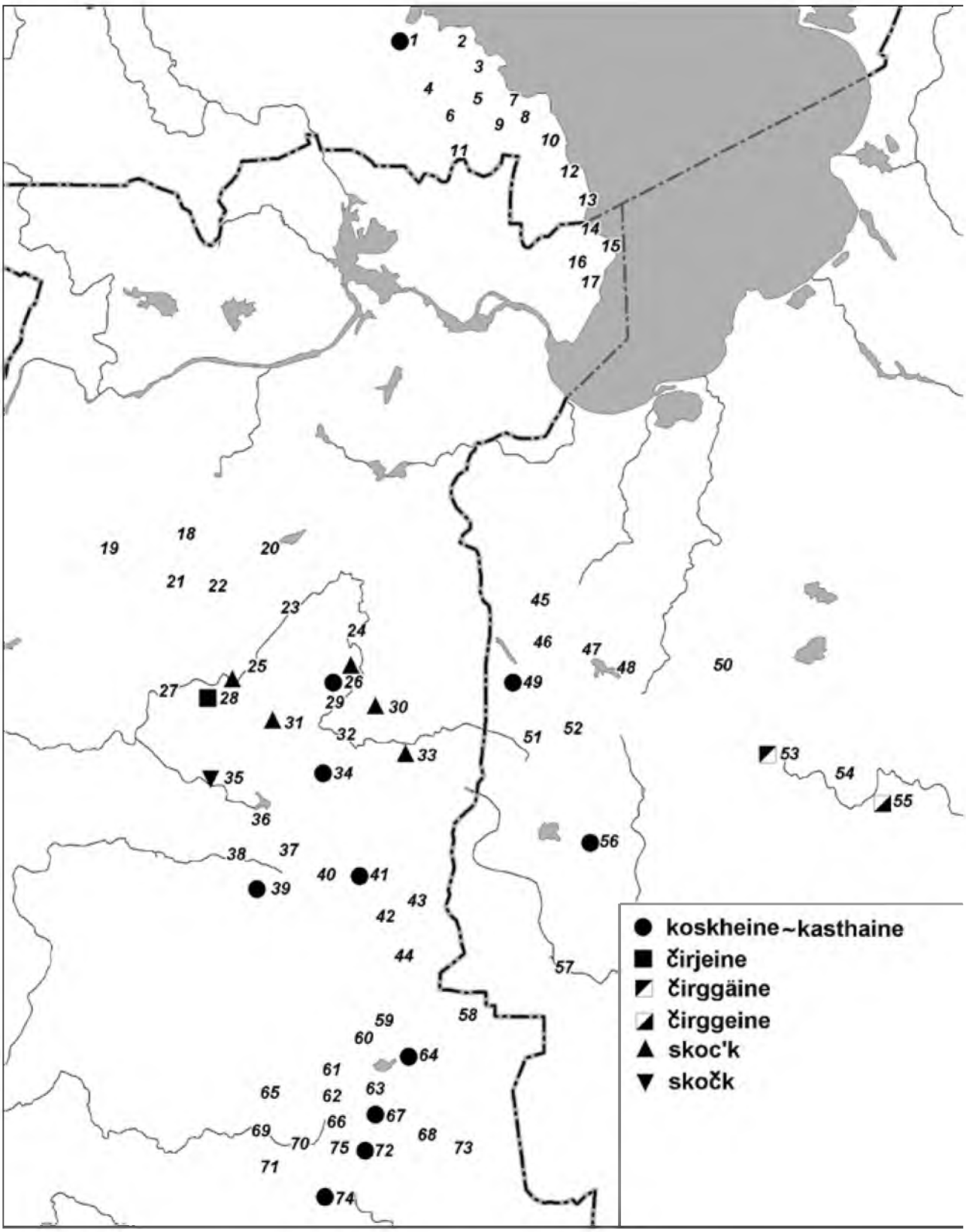
Для названия летучей мыши использована модель *ö/-* ‘ночной’ + ‘название другого животного’: *ö/hir’*, букв. ‘ночная мышь’. Лексема, очевидно, создана под влиянием русского языка. Несколько информантов, по-видимому, не вспомнив названия летучей мыши, назвали ее либо просто *hir’* ‘мышь’, либо образовали с этим словом кальку русского зоосемизма ‘летучая мышь’*: lendai hir’, letučija hir’, hir’ letučii, letneija hir’*.

Названия летучей мыши в прибалтийско-финских языках картографированы в ALFE [ALFE 2007: 155–163].

И. В. Бродский

* См. также 10 карту ЛАВЯ, где речь идет о рефлексах гармонии гласных в вепсском языке.

49 (181). Именования понятия ‘кузнечик’

Легенда карты

1) **koskheine~kastkhaine** **čirggäine** 3) **skoc'k**
2) **čirjeine** **čirggeine** **skočk**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **koskheine ~ kastkhaine**: *сев* Š // *ср* Jä, Mg, Vär, Reb, Har, Päž // *южн* Sod, Mai, Ars, Krl
2) **čirjeine**: *ср* Vil, Pnd
čirggäine: *ср* Pnd
čirggeine: *ср* Vl
3) **skoc'k**: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv
skočk: *ср* En

Цифровой индекс

1) **koskheine ~ kastkhaine**: 1Š, 26Jä, 34Mg, 39Har, 41Reb, 49Vär, 56Päž, 64Sod, 67Krl, 72Mai, 74Ars
2) **čirjeine**: 28Vil
čirggäine: 53Pnd
čirggeine: 55Vl
3) **skoc'k**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv
skočk: 35En

Общий список картографируемого материала

1 — koskheine; 2–25 — нет сведений; 26 — koskheine [СВЯ: 184], skoc'k; 27 — нет сведений; 28 — čirjeine [СВЯ: 59], skoc'k; 29 — нет сведений; 30–31 — skoc'k; 32 — нет сведений; 33 — skoc'k; 34 — koskheine; 35 — skočk; 36–38 — нет сведений; 39 — kaskheine; 40 — нет сведений; 41 — kastkaine; 42–48 — нет сведений; 49 — kasthaine, koskheine; 50–52 — нет сведений; 53 — čirggäine; 54 — нет сведений; 55 — čirggeine; 56 — kastkhaine [СВЯ: 184], koskheine; 57 — нет сведений; 58–63 — нет сведений; 64 — kaskhaane; 65–66 — нет сведений; 67 — lepa/kastkhaane [СВЯ: 284]; 68–71 — нет сведений; 72 — kaskhaane; 73 — нет сведений; 74 — kaskhaane; 75 — нет сведений.

Комментарий

В вепсском языке имеется три названия кузнечика, каждое из которых характеризуется вариативностью. Особым фонетическим разнообразием отличается название кузнечика *koskhaine ~ kas(t)khaine*. Варианты названной лексемы характеризуются как эпентетическими *t* или *h* — *kasthaine, kastkaine, kastkhaine* в конце первого, начале второго слога, так и их отсутствием, а также измененной огласовкой первого слога (*a ~o*) — *kaskhaine, koskheine*.

Отдельно отметим еще южновепсское *lepa/kastkhaane* [СВЯ: 284] — сложный энтомоним, в котором детерминант *kastkhaane* 'кузнечик' определяется компонентом *lep* 'осина' (*lepa-* 'осиновый').

Энтомоним *kaskhaine* является в вепсском прибалтийско-финским праязыковым наследием, однако его рефлексы представлены, по свидетельствам этимологических словарей, лишь в двух родственных языках — фин. и эст.: фин. *kaskanen, kaskas, kaska* 'кузнечик'; эст. *kaskõ* 'кузнечик' [SKES: 168; SSA 2001: 323]. С этой точки зрения лексема особенно интересна, поскольку известна всем трем вепсским диалектам, являясь, таким образом, общевепсской.

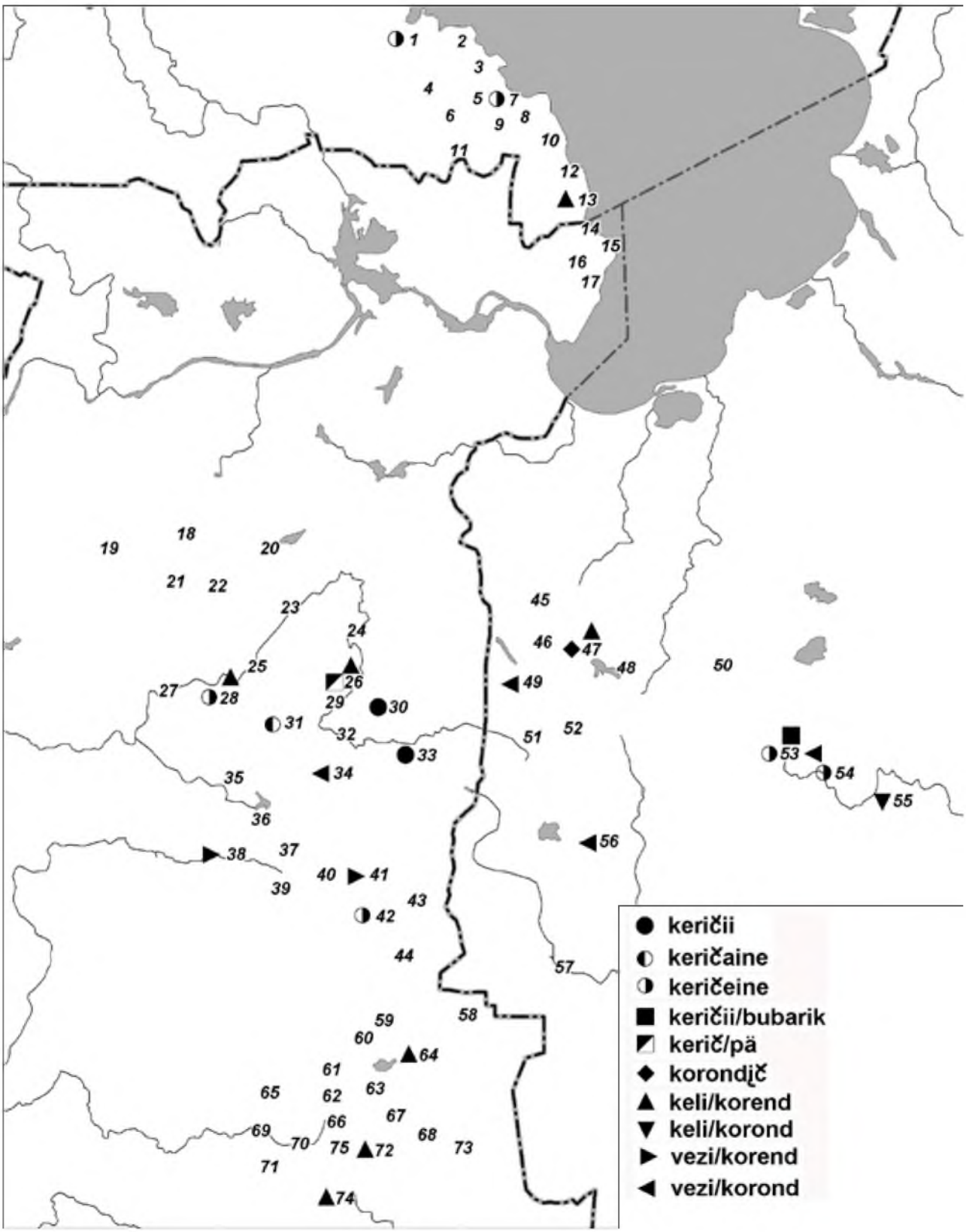
Вепсская лексема *čirggäine, čirggeine, čirjeine,* отмечаемая в некоторых говорах среднего диалекта, также имеет соответствия в прибалтийско-финских языках, ср. фин. *sirkka* 'кузнечик', 'сверчок'; с/к *čirkkani* 'кузнечик', *čirkka* 'кузнечик', 'личинка комара', 'сверчок' [Федотова, Бойко 2009: 21], люд. *t'š'irkku* 'кузнечик'; вод. *širkk, tširkk, šiirkka* 'кузнечик' [SKES: 1039].

Названный энтомоним имеет ясное дескриптивное, ономатопоэтическое происхождение, ср. вепс. *čirkta* 'стрекотать' [СВЯ: 60]; фин. *siristä* 'стрекотать'; *с/к čirata* 'стрекотать', 'трещать', *čirissä* 'стрекотать', *čiket't'yä* 'стрекотать (о кузнечиках)' [Федотова, Бойко 2009: 21]. Похожие в звуковом отношении ономатопоэтические глаголы есть во многих языках, ср., например, рус. *чирикать*, венг. *csiripelni* 'чирикать', нем. *shirken* 'пищать' и др. [Фасмер 1987: 365]. Названия, подобные вепс. *čirggäine, čirjeine*, могут относиться и к другим животным: ср., например, с/к *čirkka* 'птичка', 'овсянка', 'чижик'; *čirkkune, čirkkuni* 'воробей' [Федотова, Бойко 2009: 21–22], вепс. *čirk* 'головастик' [СВЯ: 60]. Ср. также рус. *чирок* 'разновидность водоплавающей птицы'.

Энтомонимы *skoc'k, skočk* имеют русское происхождение, ср. рус. *скочень* 'стрекоза' [СРНГ 32004120], *скочка* 'стрекоза', 'кузнечик' [СРНГ 2004: 121].

И. В. Бродский

50 (182). Именования понятия ‘стрекоза’

Легенда карты

1) **keričii**
keričaine
keričeine
2) **keričii/bubarik**
kerič/pä
3) **korondįč**
4) **keli/korend**
keli/korond
vezi/korend
vezi/korond

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **keričii**: *ср* Rih, Ladv
keričaine: *ср* Pec
keričeine: *сев* Š, Št // *ср* Vil, Noid, Pnd, Kj
2) **keričii/bubarik**: *ср* Pnd
kerič/pä: *ср* Jä
3) **korondįč**: *ср* Šim
4) **keli/korend**: *сев* Kas // *ср* Jä, Vil, Šim // *южн* Sod, Mai, Ars
keli/korond: *ср* Vl
vezi/korend: *ср* Jog, Reb
vezi/korond: *ср* Mg, Vär, Pnd, Päž

Цифровой индекс

1) **keričii**: 30Rih, 33Ladv
keričaine: 31Pec
keričeine: 1Š, 7Št, 28Vil, 42Noid, 53Pnd, 54Kj
2) **keričii/bubarik**: 53Pnd
kerič/pä: 26Jä
3) **korondįč**: 47Šim
4) **keli/korend**: 13Kas, 26Jä, 28Vil, 47Šim, 64Sod, 72Mai, 74Ars
keli/korond: 55Vl
vezi/korend: 38Jog, 41Reb
vezi/korond: 34Mg, 49Vär, 53Pnd, 56Päž

Список картографируемого материала

1 — keričeine; 2–6 — нет сведений; 7 — keričeine; 8–12 — нет сведений; 13 — keli/korend; 14–25 — нет сведений; 26 — keli/korend [СВЯ: 193], kerič/pä [СВЯ: 196]; 27 — нет сведений; 28 — keričeine, keli/korend [СВЯ: 193]; 29 — нет сведений; 30 — keričii; 31 — keričaine; 32 — нет сведений; 33 — keričii; 34 — vezi/korond; 35–37 — нет сведений; 38 — vezi/korend; 39–40 — нет сведений; 41 — vezi/korend; 42 — keričeine; 43–46 — нет сведений; 47 — keli/korend [СВЯ:193], korondįč [СВЯ: 227]; 48 — нет сведений; 49 — vezi/korond; 50–52 — нет сведений; 53 — keričeine [СВЯ: 196], keričii/bubarik [СВЯ: 196], vezi/korond; 54 — keričeine; 55 — keli/korond; 56 — vezi/korond; 57–63 — нет сведений; 64 — keli/korend [СВЯ: 193]; 65–71 — нет сведений; 72 — keli/korend; 73 — нет сведений; 74 — keli/korend; 75 — нет сведений.

Комментарий

Названия стрекозы в вепсском языке можно разделить на две группы. Первую из них составляют энтомонимы, образованные от глагольной основы *-keriče-* ‘стричь’. По-видимому, в основе этого названия лежат особенности поведения стрекоз. Кроме того, такие названия в народе пытались своеобразно объяснить: см. иллюстративный пример, данный в СВЯ [СВЯ: 196] и представляющий собой поверье: *ker’ičein’e ištusę pähä i hibusęd ker’ičeb* ‘стрекоза садится на голову и волосы стрижет’. Именно в связи с подобными поверьями происхождение этих названий считается народно-мифологическим [Винокурова 2006: 228]. Слово *keričii* представляет собой причастие презенса от глагольной основы *-keriče-* (*kerita* ‘стричь’).

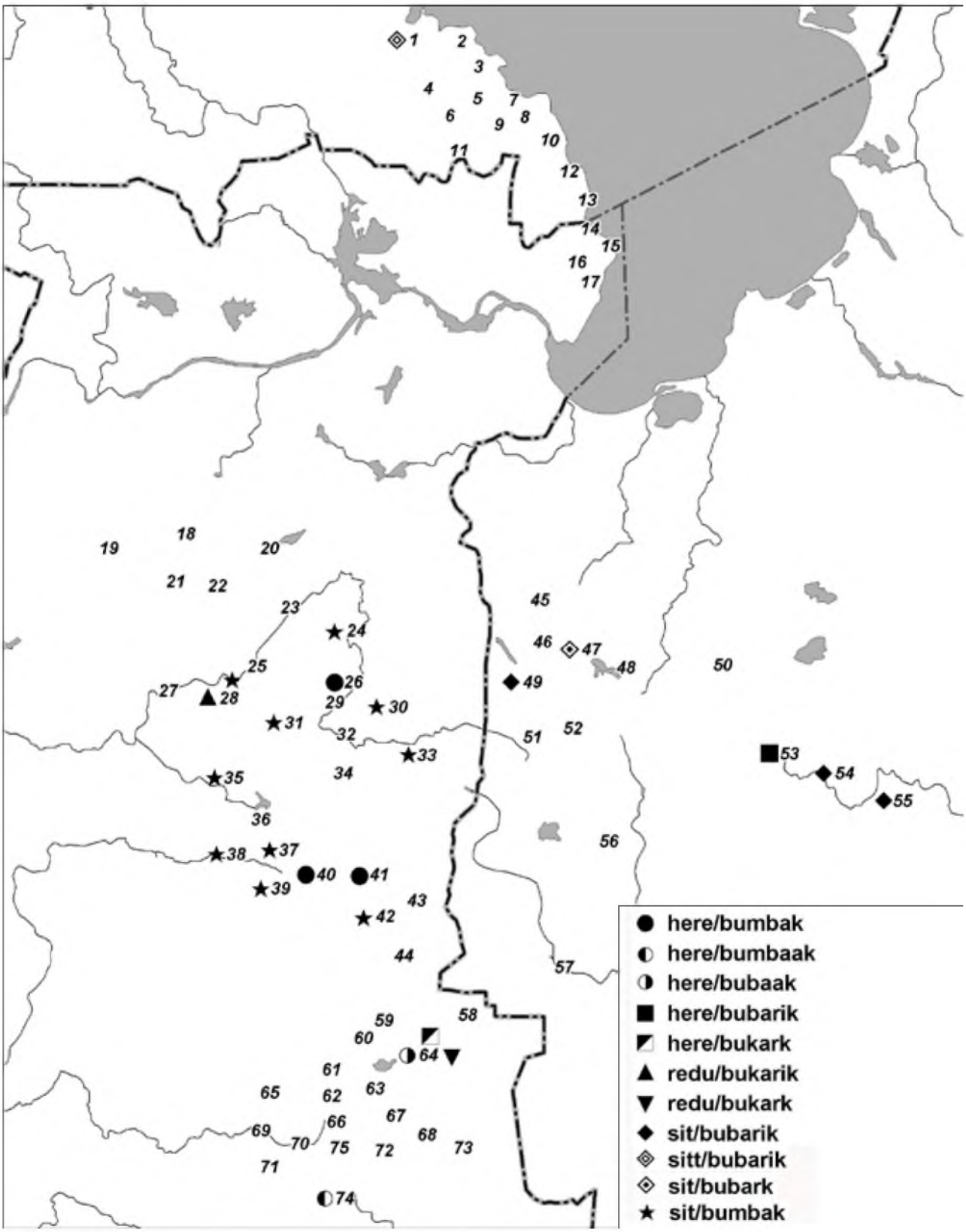
Во вторую группу входят различные энтомонимы, названия которых основаны на сравнении стрекозы с коромыслом — *korend, korond* (ср. рус. диал. *коромысло* ‘стрекоза’, также фин. *korento* ‘коромысло’, ‘стрекоза’). Обычно *korend, korond* становится вторым компонентом сложных энтомонимов, таких как *vezi/korend, keri/korend*. От основы *-korendo-* с помощью суффикса *-(i)č* образован и энтомоним *korondįč* ‘стрекоза’ [СВЯ: 227]. Само слово *korond, korend* зафиксировано в значении ‘стрекоза’ также и в СВЯ [СВЯ: 227], однако, без указания пунктов фиксации. Слово употребительно и в карельском языке: *korento, korendo* ‘стрекоза’, *korentuška* [KKS 1974: 323].

В названии *vezi/korend, vezi/korond* отражен образ жизни стрекоз, тесно связанный с водой (вепс. *vezi* ‘вода’).

В составе названий стрекозы *keli/korend, keli/korond* этнограф И. Ю. Винокурова находит основу *-kele-* ‘язык’ [Винокурова 2006: 228]. В действительности же компонент *-keli/-* является, конечно, продуктом диссимиляции: *keri/korend* > *keli/korend*.

И. В. Бродский

51 (183). Именования понятия ‘навозный жук’

Легенда карты

1) **here/bumbak**
here/bumbaak
here/bubaak
2) **here/bubarik**
here/bukark
3) **redu/bukarik**
redu/bukark
4) **sit/bubarik**
sitt/bubarik
sit/bubark
5) **sit/bumbak**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **here/bumbak**: *ср* Jä, Nür, Reb
here/bumbaak: *южн* Ars
here/bubaak: *южн* Sod
2) **here/bubarik**: *ср* Pnd
here/bukark: *южн* Sod
3) **redu/bukarik**: *ср* Vil
redu/bukark: *южн* Sod
4) **sit/bubarik**: *ср* Vär, Kj, Vl
sitt/bubarik: *сев* Š
sit/bubark: *ср* Šim
5) **sit/bumbak**: *ср* Nem, Vil, Rih, Pec, Ladv, En, Kor, Jog, Har, Noid

Цифровой индекс

1) **here/bumba**k: 26Jä, 40Nür, 41Reb
here/bumbaak: 74Ars
here/bubaak: 64Sod
2) **here/bubarik**: 53Pnd
here/bukark: 64Sod
3) **redu/bukarik**: 28Vil
redu/bukark: 64Sod
4) **sit/bubarik**: 49Vär, 54Kj, 55Vl
sitt/bubarik: 1Š
sit/bubark: 47Šim
5) **sit/bumbak**: 24Nem, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 42Noid

Список картографируемого материала

1 — sitt/bubarik; 2–23 — нет сведений; 24 — sit/bumbak; 25 — нет сведений; 26 — here/bumbak; 27 — нет сведений; 28 — redu/bukarik [СВЯ: 466], sit/bumbak; 29 — нет сведений; 30–31 — sit/bumbak; 32 — нет сведений; 33 — sit/bumbak; 34 — нет сведений; 35 — sit/bumbak; 36 — нет сведений; 37–39 — sit/bumbak; 40–41 — here/bumbak; 42 — sit/bumbak; 43–46 — нет сведений; 47 — sit/bubark; 48 — нет сведений; 49 — sit/bubarik; 50–52 — нет сведений; 53 — here/bubarik; 54–55 — sit/bubarik; 56–63 — нет сведений; 64 — here/bubaak, here/bukark [СВЯ: 116], redu/bukark [СВЯ: 466]; 65–73 — нет сведений; 74 — here/bumbaak; 75 — нет сведений.

Комментарий

Все названия жука-навозника в вепсском языке — сложные по форме, двухкомпонентные и созданы по семантической модели ‘навоз’ + ‘жук’. Соответственно, их несколько, так как в их создании участвовали лексемы со значением ‘навоз’ — *here* и *sit,* ‘грязь’ — *redu*, а также две лексемы со значением ‘жук’: *bumbak* либо *bubar(i)k* (возможны фонетические варианты). Поэтому вопрос картографирования названий навозного жука, по сути, сводится к определению изоглосс между указанными вепсскими лексемами; сочетания изоглосс и будут показывать ту или иную форму названия этого жука.

В СОСД в значении ‘жук’ дано средневепсское слово *sid/böböröi* с пометой Jä (Озера) [СОСД: 67]. По-видимому, в этом случае имеется в виду навозный жук. Вообще, вепс. *sit/bubarik* имеет множество соответствий в карельских говорах, например, с/к *šitta/börö*, ливв. *šittu/böröi,* люд. *šitte/börüöi* [СОСД: 67]. Указанный словарь в качестве значения всех этих слов дает ‘жук’, тогда как другие словари (напр., [KKS 1997: 404]) указывают для них значение ‘навозный жук (Geotrupes sp.)’.

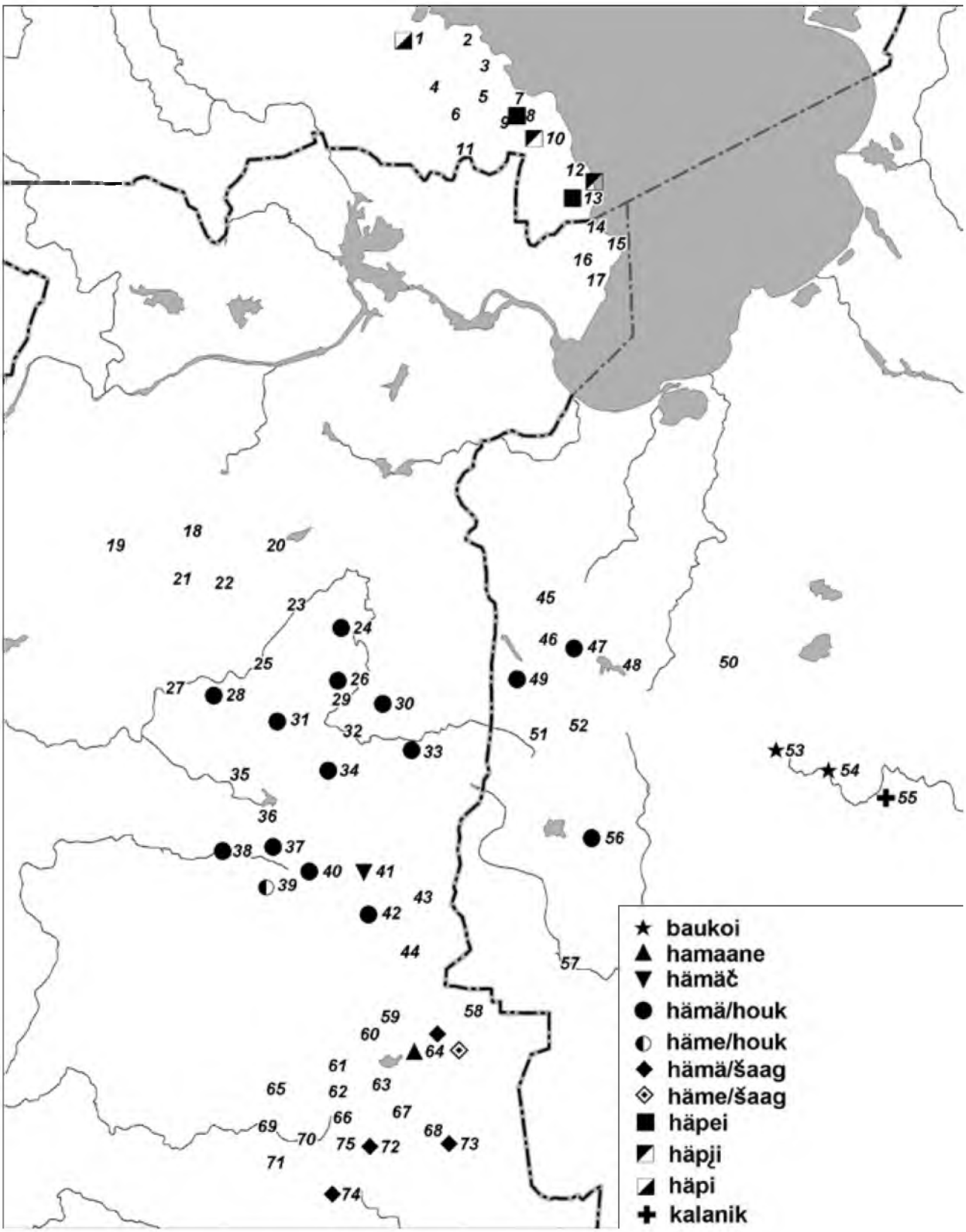
Вепс. *bubarik,* также *bukarik* ‘жук’ заимствовано из русских говоров, ср., например, рус. *бубарица* ‘жук’, *бубарка* ‘жук’ [СРНГ 1968: 232]; букарака ‘большое насекомое’, *букарица* ‘насекомое, жучок, букашка’ [СРНГ 1968: 253].

В Jä (Озера) средневепсского диалекта отмечено слово *redu/bumbak,* букв. ‘грязный жук’, для которого в СВЯ зафиксировано только значение ‘грязнуля’ [СВЯ: 466]. Однако ясно, что это переносное значение слова, основным значением которого, несомненно, являлось ‘навозный жук’*.

И. В. Бродский

* Возможно, это и так. Однако, отметим, что, например, у северных вепсов известен такой композит, как *redu/majag* (букв. ‘грязь’ + ‘бобер’), не отмеченный в СВЯ, который обладает значением ‘грязнуля’, но не имеет значения ‘грязный бобер’ [см.: Kottina 1998: 50]. Названная лексема любопытна еще и тем, что сохранила в своем составе слово *majag*, неизвестное в диалектах вепсского языка. Оно отмечено лишь в вепсских географических названиях и о его внешнем облике можно было лишь догадываться [ср. Maigär’ — Боброзеро (Бокситогорский р-н, Ленинградской обл.)]. *Прим. ред. Н.Г. Зайцевой.*

52 (184). Именования понятия ‘паук’

Легенда карты

1) **baukoi**
2) **hamaane**
hämäč
3) **hämä/houk**
häme/houk
4) **hämä/šaag**
häme/šaag
5) **häpei**
häpįi
häpi
6) **kalanik**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **baukoi**: *ср* Pnd, Kj
2) **hamaane**: *южн* Sod
hämäč: *ср* Reb
3) **hämä/houk**: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Kor, Jog, Nür, Noid, Šim, Vär, Päž
häme/houk: *ср* Har
4) **hämä/šaag**: *южн* Sod, Mai, Vg, Ars
häme/šaag: *южн* Sod
5) **häpei**: *сев* Mec, Kas
häpįi: *сев* Kl, Kas
häpi: *сев* Št
6) **kalanik**: *ср* Vl

Цифровой индекс

1) **baukoi**: 53Pnd, 54Kj
2) **hamaane**: 64Sod
hämäč: 41Reb
3) **hämä/houk**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 38Jog, 40Nür, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 56Päž
häme/houk: 39Har
4) **hämä/šaag**: 64Sod, 72Mai, 73Vg, 74Ars
häme/šaag: 64Sod
5) **häpei**: 8Mec, 13Kas
häpįi: 10Kl, 13Kas
häpi: 1Št
6) **kalanik**: 55Vl

Список картографируемого материала

1 — häpi; 2–6 — нет сведений; 7 — häpei; 8 — häpei [СВЯ: 141]; 9 — нет сведений; 10 — häpįi; 11–12 — нет сведений; 13 — häpei, häpįi [СОСД: 68]; 14–23 — нет сведений; 24 — hämä/houk; 25 — нет сведений; 26 — hämä/houk; 27 — нет сведений; 28 — hämä/houk; 29 — нет сведений; 30–31 — hämä/houk; 32 — нет сведений; 33–34 — hämä/houk; 35–36 — нет сведений; 37–38 — hämä/houk; 39 — häme/houk; 40 — hämä/houk; 41 — hämäč; 42 — hämä/houk; 43–46 — нет сведений; 47 — hämä/houk; 48 — нет сведений; 49 — hämä/houk; 50–52 — нет сведений; 53–54 — baukoi; 55 — kalanik; 56 — hämä/houk; 57–63 — нет сведений; 64 — hamaane, hämä/šaag [СВЯ:140], häme/šaag; 65–71 — нет сведений; 72–74 — hämä/šaag; 75 — нет сведений.

Комментарий

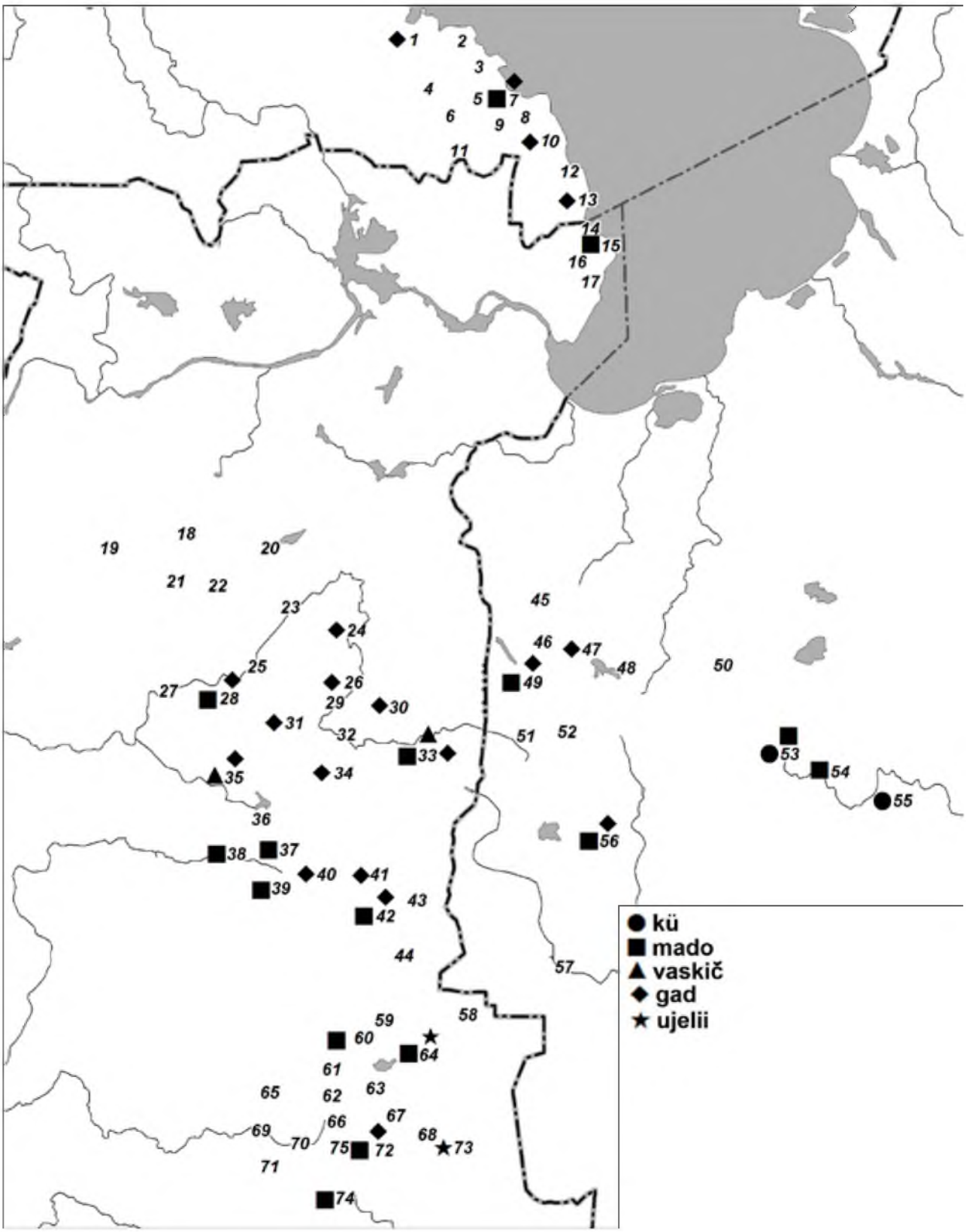
Почти все названия паука в вепсском языке образованы от основы *-hämä-*. Она присутствует и в большинстве близкородственных языков, например, ср. фин. *hämähäkki*, с/к *hämehikki, hämähikkü, hämäjuakko, hämäkkü,* кар. ливв. *hämähäkki, hämähäkkä*, кар. люд. *hämihikkü, hämähäkkü, hämähäkki, hämähäkk, hämähäkki, hämähäik.* К основе *-hämä-* восходят также вод. *hämö, hämöläin*, эст. *ämblik, hämbrik, hämäläne*, лив. *emriki, eml'iki* ‘паук’. Авторы этимологических словарей полагают, что мотивы именования могут быть дескриптивными [SKES: 97; SSA 2001: 207; EES: 630–631], что вызывает некоторые сомнения, так как неясно, в чем может заключаться в этом случае дескриптивность.

В вепсском языке существует значительное количество вариантов именования, которые представлены на карте. Причем можно обнаружить и ареальные предпочтения диалектов: в северновепсском употребителен вариант *häp-* (*häpei, häpįi, häpį*); в западных средневепсских говорах *häm-, ham-*, а второй частью сложного слова выступают варианты *-hauk, -houk*; в южновепсском диалекте употребительно слово *hämä/šaag*, вторая часть сложного слова которого свойственна лишь ему. Количество фонетических вариантов увеличилось и вследствие утраты гармонии гласных (*hämä-, häme-, hamaane*).

Вепс. *baukoi* < рус. паук; инициальный согласный озвончился уже на почве вепсского языка. Это название паука присутствует в двух белозерских вепсских говорах (деревня Куя и Пондала). В третьем белозерском говоре (Войлахта) имеется метафорическое название паука *kalanik* с основным значением ‘рыболов’. По-видимому, оно представляет собой эвфемизм. Обращает на себя внимание тот факт, что в белозерских говорах среднего диалекта название паука либо заимствовано из русского языка, либо эвфемистично.

И. В. Бродский

53 (186). Именования понятия ‘змея’

Легенда карты

1) **kü**
2) **mado**
3) **vaskič**
4) **gad**
5) **ujelii**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **kü**: *ср* Pnd, Vl
2) **mado**: *сев* Št, Per // *ср* Kor, Vil, Jog, Har, Vär, Pnd, Kj, Päž // *южн* Mai, Ars, Sod, Šid
3) **vaskič**: *ср* En, Ladv
4) **gad**: *сев* Š, Št, Kas, Kl // *ср* Nem, Rih, Jä, En, Ladv, Mg, Vil, Pec, Nür, Reb, Noid, Vär, Šim, Päž // *южн* Mai
5) **ujelii**: *южн* Sod, Vg

Цифровой индекс

1) **kü**: 53Pnd, 55Vl
2) **mado**: 7Št, 15Per, 28Vil, 33Ladv, 37Kor, 38Jog, 39Har, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 72Mai, 74Ars,
3) **vaskič**: 33Ladv, 35En
4) **gad**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 56Päž, 72Mai
5) **ujelii**: 64Sod, 73Vg

Список картографируемого материала

1 — gad; 5–6 — нет сведений; 7 — gad; mado [СВЯ: 314]; 8–9 — нет сведений; 10 — gad; 11–12 — нет сведений; 13 — gad; 14 — нет сведений; 15 — mado [VVS]; 16–23 — нет сведений; 24– gad; 25 — нет сведений; 26 — gad; 27 — нет сведений; 28 — gad, mado; 29 — нет сведений; 30 — gad; 31 — gad; 32 — нет сведений; 33 — gad, vaskič, mado; 34 — gad; mado ‘гусеница‘; 35 — gad, vaskič; 36 — нет сведений; 37 — mado; 38 — mado; 39 — mado; 40 — gad; 41 — gad; 42 — gad, mado; 43–46 — нет сведений; 47 — gad ‘ядовитая змея’; mado ‘червяк’;48–52 — нет сведений; 53 — mado, kü [СВЯ: 253]; 54 — mado; 55 — kü; mado, madoine ‘червь, гусеница’; 56 — gad, mado; 57–59 — нет сведений; 60 — mado; 61–63 — нет сведений; 64 — mado, ujelii [СВЯ: 599]; 65–71 — нет сведений; 72 — mado, gad; 73 — ujelii [СВЯ: 599]; 74 — mado; 75 — нет сведений.

Комментарий

Относительно именования понятия ‘змея’ нельзя быть абсолютно уверенным, что собранный материал семантически идентичен в диалектных ареалах, иначе говоря, за одним словом могут скрываться разные виды змей.

Исследовательница мифологии вепсов И. Ю. Винокурова, изучая роль и место животных в традиционном мировоззрении вепсского народа, пришла к выводу, что «…когда-то у вепсов существовала более древняя классификация, различающая змей по цвету кожи… Все они по-видимому, представляют собой семейство обыкновенных гадюк…» [Винокурова 2006: 153; Винокурова 2015: 264].

Отметим, что цвет кожи змеи часто упоминается в таком наиболее мифологическом и древнем жанре вепсского фольклора, как заговоры. Хотя из самих текстов заговоров от укуса змеи не ясно, сказывался ли цвет на «ядовитости» ее укуса, например: *Must kü, hahk kü, kir’g’au kü, vauged kü, vaskne kü, tundod, kus kodi, koivus kodi, aidakočkus elo...* ‘Черный змей, серый змей, пестрый змей, белый змей, медный змей, знаешь, где дом? На березе дом, в закоулке житье…’ [ОВР: 121]. В настоящее время из обрывочных наблюдений вепсских знатоков природы трудно установить какие-либо более точные характеристики змей. Даже уж — это змея, поскольку ужа не умели отличать от гадюки и очень боялись.

Наиболее раритетной в языке вепсов является лексема *kü*, которая широко употребляется во всех мелких поселениях войлахотского куста деревень (Vl) на востоке восточновепсского (белозерского) ареала, а также была зафиксирована в свое время авторами «Словаря вепсского языка» [СВЯ: 253] в территориально смежной Пондале (Pnd); однако в полевых условиях в настоящее время ее уже не удалось в этом пункте выявить. Лексема *kü*, вопреки всем пометам в диалектных и этимологических

словарях относительно своего фольклорного характера, в Войлахте бытует в качестве единственного варианта номинации значения ‘змея’.

При сборе материала для ЛАВЯ лексема *kü* была зафиксирована в довольно узком ареале. В речи северных вепсов ее не удалось обнаружить. Однако образцы вепсской речи, записанные финскими учеными в первой половине XX века, позволяют расширить ареал былого функционирования лексемы. В образцах северновепсской речи А. Совиярви и Р. Пелтола, записанных в п. Шокша (Š), встречаются экзотичные варианты этого слова: *kija* и *kihi*:

Kıja, kıja, kijakaine,
hahk kija, vouget kıja, kird'av kija, must kıja...
[NEV: 33]
‘Змея, змея, змейка,
серая змея, белая змея, пестрая змея…’

В данном случае в слове *kıja (kijakaine* — Dim) в первом слоге произошло сужение звука ***-ü*** и переход его в ***-i*** (явление, типичное для северновепсского диалекта: напр., *kül'min~kil'min* ‘(я) замерз(ла)’*). Однако как здесь появился в северновепсском диалекте еще один слог, не ясно. Любопытно, что в мордовских языках это слово представлено также в двусложном варианте *kijov* ‘змея’ [SSA: 467], разительно напоминающем вепсское слово.

В этом же вепсском п. Шокша (Š) представлен и другой, не менее экзотичный вариант слова — *kihi (kihakeine* — Dim), где во втором слоге возник согласный ***-h***, в результате и слово приобрело дескриптивное звучание, напоминающее шипение змеи:

Kihi, kihakeine,
hahk kihakeine,
vouget kihakeine,
kird'av kihakeine,
must kihakeine... .[NEV: 33]
‘Змея, змейка,
серая змейка,
белая змейка,
пестрая змейка,
черная змейка…’

Таким образом, восточновепсские белозерские окраинные говоры сохранили редкую лексему *kü*, былое распространение которой, судя по фольклорным записям, было несколько шире, захватывая и северновепсские говоры. В прибалтийско-финских языках она встречается довольно редко. Например, в ливвиковском словаре Г.Н. Макарова [Макаров 1990], в словаре тверских говоров А.В. Пунжиной [Пунжина 1994], в людиковском словаре Ю. Куела [Kujola 1944] она отсутствует. Лексема отмечена лишь в KKS на самом севере собственно карельского ареала в пунктах Кестеньга, Ухта, Реболы, Вокнаволок [KKS 1974: 540] в значении ‘змея’ с пометой «поэтическое», где она может быть и финским заимствованием. В финском литературном языке лексемой *kyy* называют дикую ядовитую змею *Vipera berus* [Häkkinen 2007: 536]. Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков также констатировал довольно редкую встречаемость данной лексемы [ALFE 2007: 139–149].

Широко представленный в вепсских диалектных ареалах с севера на юг прибалтийско-финский термин *mado* в значении ‘змея’ не имеет убедительной этимологии. По мнению К. Хяккинен [Häkkinen 2004: 693], предполагаемое некоторыми этимологами введение его в один ряд с глаголом *mataa* ‘ползти, медленно двигаться’ не является плодотворным, поскольку данный глагол и сам этимологически не ясен. Другая версия связывает эту прибалтийско-финскую лексему с германскими языками [SSA 1995: 154].

В ряде говоров вепсского языка в качестве именования понятия ‘змея’ употребляется лексема *vaskič* (< *vaski* ‘медь’). Видимо, она известна вепсским говорам значительно шире, нежели показывают материалы атласа, но по каким-то причинам не попала в поле зрения собирателей. Возможно, следовало более точно назвать понятие, именования которого собирались для картографирования. В русских диалектах, по свидетельству В.И. Даля: «медяница, медянка — два различного рода змей: одна полуящерка, маленькая, медянистого цвета, хрупкая, неядовитая (Anguis fragilis); другая же побольше, голова шире тела, ядовитая (Vipera chersea)» [Даль 1955: 262]. Подобный разброс и неопределенность в значениях характерны в этой ситуации и для других прибалтийско-финских языков [SSA 2000: 416].

В южновепсском ареале змею называют еще и отглагольным существительным *ujelii,* которое является субстантивированным причастием агента от глагола *ujelda* ‘плавать, ползать’, т.е. дословный перевод лексемы *ujelii* ‘ползающий’. Этот термин служит и общим именованием для всего живого, передвигающегося ползанием.

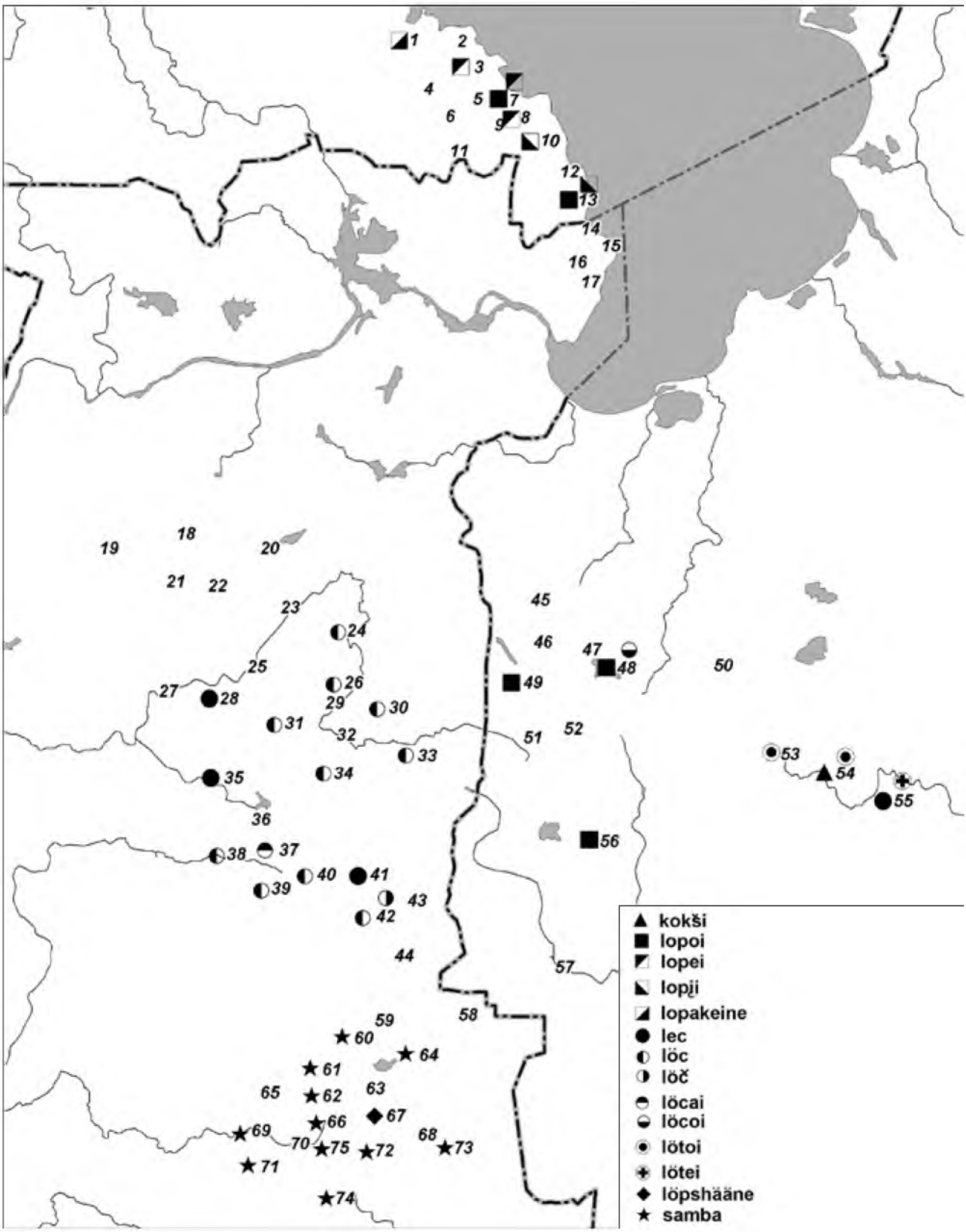
В вепсский язык из русских народных говоров пришло слово *gad*, которое обладает славянскими корнями [Фасмер 1986: 381]. Судя по широкому представительству данной лексемы, она заимствована вепсским языком довольно давно и объединяет практически все вепсские диалектные ареалы, свидетельствуя о прочных связях вепсского языка с русскими народными говорами, внесшими существенный вклад в формирование вепсских диалектных ареалов.

* См. об этом явлении 4 карту ЛАВЯ.

Восточновепсская лексема *kü*, известная широко за пределами прибалтийско-финского сообщества не только в мордовских, как было отмечено ранее, но и в марийском, коми, удмуртском, даже венгерском и самодийских языках [SSA 1992: 467], ставит вопрос о том, каким образом она сохранилась на самой окраине восточновепсского, довольно обрусевшего, пограничного ареала? Каким образом дошла до нас из древнего прибалтийско-финского времени? Не является ли она неким проводником финно-угорского поволжского влияния или тех говоров, той языковой среды, которая существовала некогда в Белозерье?

Н.Г. Зайцева

54 (187). Именования понятия ‘лягушка’

Легенда карты

1) **kokšį**
2) **lopoi**
lopei
lopįi
lopakeine
3) **lec**
löc
löč
löcai
löcoi
lötoi
lötei
4) **löpshääne**
5) **samba**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **kokšį**: *ср* Kj
2) **lopoi**: *сев* Št, Kas // *ср* Pk, Vär, Päž
lopei: *сев* Veh, Št; Mec
lopįi: *сев* Kl, Kas
lopakeine: *сев* Š
3) **lec**: *ср* Vil, En, Reb, Vl
löc: *ср* Nem, Jä, Rih, Pec, Ladv, Mg, Jog, Har, Nür, Noid
löč: *ср* Noid
löcai: *ср* Kor
löcoi: *ср* Pk
lötoi: *ср* Pnd, Kj
lötei: *ср* Vl
4) **löpshääne**: 67Krl
5) **samba**: *южн* Šid, Čai, Sar, Sod, Buš, Mas, Ted, Mai, Vg, Ars, Pož

Цифровой индекс

1) **kokšį**: 54Kj
2) **lopoi**: 7Št, 13Kas, 48Pk, 49Vär, 56Päž
lopei: 3Veh, 7Št; 8Mec
lopįi: 10Kl, 13Kas
lopakeine: 1Š
3) **lec**: 28Vil, 35En, 41Reb, 55Vl
löc: 24Nem, 26Jä, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 38Jog, 39Har, 40Nür, 42Noid
löč: 42Noid
löcai: 37Kor
löcoi: 48Pk
lötoi: 53Pnd, 54Kj
lötei: 55Vl
4) **löpshääne**: 67Krl
5) **samba**: 60Šid, 61Čai, 62Sar, 64Sod, 66Buš, 69Mas, 71Ted, 72Mai, 73Vg, 74Ars, 75Pož

Список картографируемого материала

1 — lopakeine; 2 — нет сведений; 3 — lopei [VV:332]; 4–6 — нет сведений; 7 — lopei [СОСД: 69], lopoi; 8 — lopei [СВЯ:297]; 9 — нет сведений; 10 — lopįi; 11–12 — нет сведений; 13 — lopoi, lopįi [СОСД: 69]; 14–23 — нет сведений; 24 — löc; 25 — löč; 26 — löc; 27 — нет сведений; 28 — lec; 29 — нет сведений; 30–31 — löc; 32 — нет сведений; 33–34 — löc; 35 — lec; 36 — нет сведений; 37 — löcai; 38–40 — löc; 41 — lec; 42 — löc, löč [СВЯ: 311]; 43–47 — нет сведений; 48 — löcoi, lopoi; 49 — lopoi; 50–52 — нет сведений; 53 — lötoi; 54 — kokšį [СВЯ: 220], lötoi; 55 — lec, lötei [СОСД: 69]; 56 — lopoi; 57–59 — нет сведений; 60 — samba; 61 — samba [СВЯ: 227]; 62 — samba [VV:470]; 63 — нет сведений; 64 — samba; 65 — нет сведений; 66 — samba [VV: 470]; 67 — löpshääne [СВЯ: 312]; 68 — нет сведений; 69 — samba; 70 — нет сведений; 71 — samba [VV: 470]; 72 — samba; 73 — samba [СВЯ: 57]; 74 — samba; 75 — samba [VV: 470].

Комментарий

В языке господствуют два названия лягушки, ареальная дистрибуция которых не совпадает, становясь их характеристикой.

В южновепсском диалекте общим названием лягушки является *samba*, которое не известно более ни одному вепсскому диалекту. Слово *samba* имеет соответствия в финском, водском языках и карельских наречиях [SSA 2000: 151]. В финском языке отмечена архаичная форма *sam(p)pi* (*samma-* [SSA 2000: 151]). В SSA [SSA 2000: 151–152] это слово в этимологическом плане объединяется с фин., эст. *sammas* ‘столб, пограничный камень’, ‘болезнь горла’. В отношении *sammas* предложены различные индоевропейские этимологии [SSA 2000: 152–153]), связывающие название лягушки с некой болезнью.

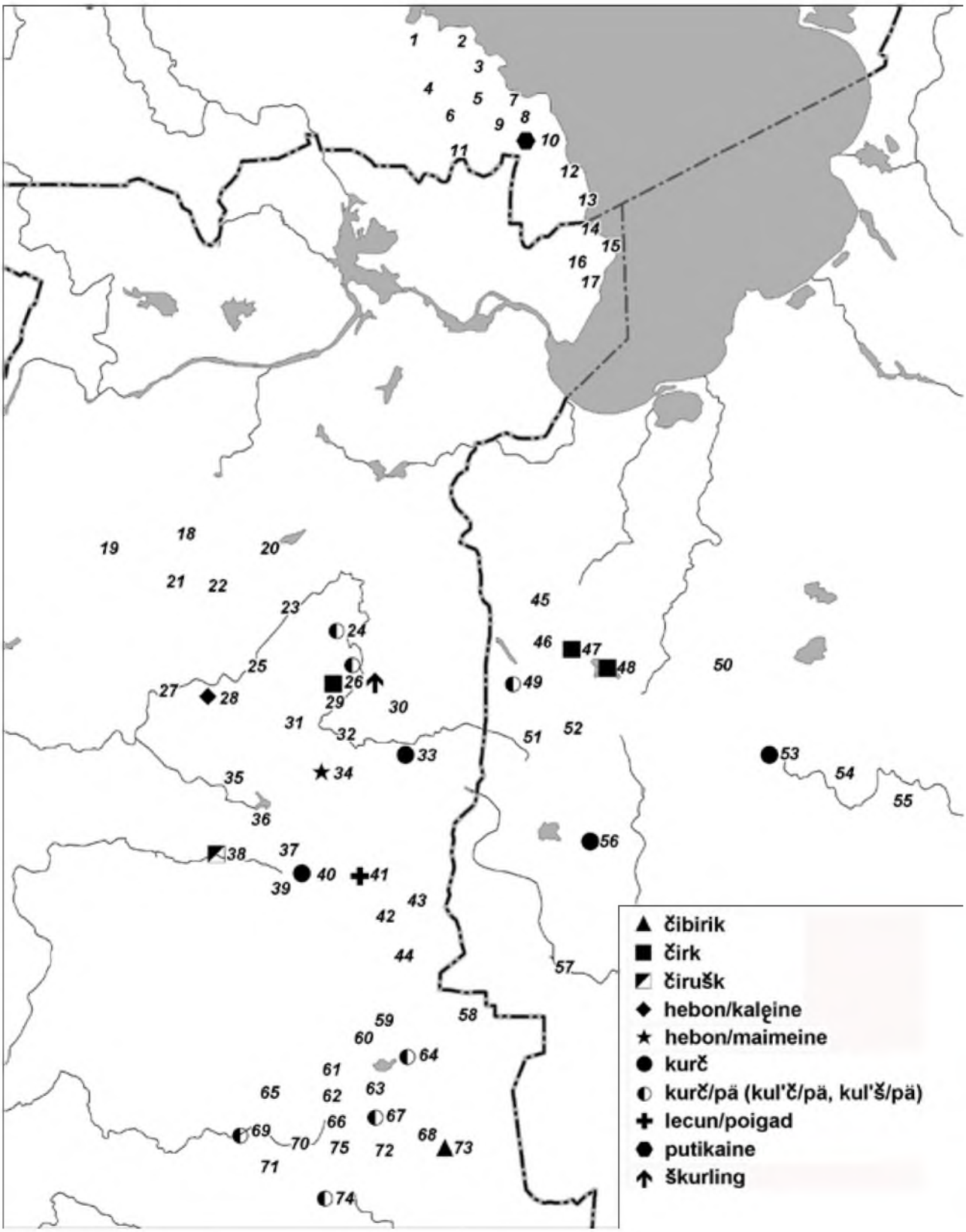
Северный и средний диалекты противостоят южновепсскому, где наиболее распространены названия лягушки с исключительно вариативной основой *-löc-* (*-lec-, -löt-, -lop-*). Финские этимологические словари [SKES: 323; SSA 2000: 130] считают обе вышеуказанные основы дескриптивными.

Мы полагаем, что, по-видимому, первичной является основа *-let-*, *-löt-*, происходящая от балтийских слов со значением ‘скользкий’, ср. лит. *slidus,* латыш. *slīdens* ‘скользкий’.

Зоосемизм *kokšį* ‘лягушка’, который дается СВЯ [СВЯ: 220] с пометой Kj, скорее всего, является русским заимствованием. В СРНГ имеются севернорусские лексемы типа *квокать* ‘квакать’, *квоктать* (*лягушка квокчет*) ‘квакать’; *квокча* ‘лягушка’ [СРНГ 1977:: 169]. И, таким образом, можно предположить, что вепс. *kokšį* произошло от *kvokša*.

И. В. Бродский

55 (188). Именования понятия ‘головастик’

Легенда карты

1) **čibirik**
2) **čirk**
čirušk
3) **hebon/kalęine**
4) **hebon/maimeine**
5) **kurč**
kurč/pä (kul’č/pä, kul’š/pä)
6) **lecun/poigad**
7) **putikaine**
8) **škurling**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **čibirik**: *южн* Vg
2) **čirk**: *ср* Jä, Šim, Pk
čirušk: *ср* Jog
3) **hebon/kalęine**: *ср* Vil
4) **hebon/maimeine**: *ср* Mg
5) **kurč**: *ср* Ladv, Nür, Pnd, Päž
kurč/pä (kul’č/pä, kul’š/pä): *ср* Nem, Jä, Vär // *южн* Sod, Mas, Ars, Krl
6) **lecun/poigad**: *ср* Reb
7) **putikaine**: *сев* Kl
8) **škurling**: *ср* Jä

Цифровой индекс

1) **čibirik**: 73Vg
2) **čirk**: 26Jä, 47Šim, 48Pk
čirušk: 38Jog
3) **hebon/kalęine**: 28Vil
4) **hebon/maimeine**: 34Mg
5) **kurč:** 33Ladv, 40Nür, 53Pnd, 56Päž
kurč/pä (kul’č/pä, kul’š/pä): 24Nem, 26Jä, 49Vär, 64Sod, 67Krl, 69Mas, 74Ars
6) **lecun/poigad**: 41Reb
7) **putikaine**: 10Kl
8) **škurling**: 26Jä

Список картографируемого материала

1–9 — нет сведений; 10 — putikaine [СВЯ: 442]; 11–23 — нет сведений; 24 — kurč/pä; 25 — нет сведений; 26 — čirk [СВЯ: 57], kurč/pä, škurling [СВЯ: 544]; 27 — нет сведений; 28 — hebon/kalęine [СВЯ: 112]; 29–32 — нет сведений; 33 — kurč; 34 — hebon/maimeine; 35–37 — нет сведений; 38 — čirušk; 39 — нет сведений; 40 — kurč; 41 — lecun/poigad; 42–46 — нет сведений; 47 — čirk [СВЯ: 57]; 48 — čirk [СВЯ: 57]; 49 — kurč/pä; 50–52 — нет сведений; 53 — kurč; 54 — šihlik; 55 — нет сведений; 56 — kurč; 57–63 — нет сведений; 64 — kul’č/pä [СВЯ: 247]; 65–66 — нет сведений; 67 — kul’š/pä [СВЯ: 247]; 68 — нет сведений; 69 — kul’č/pä; 70–72 — нет сведений; 73 — čibirik [СВЯ: 57]; 74 — kul’č/pä; 75 — нет сведений-

Комментарий

Наиболее распространенным названием головастика в вепсском языке является *kurč/pä ~ kul’č/pä*. Этот сложный зоосемизм состоит из двух компонентов: *kurč (kul’č)*, основными значениями которого являются ‘узел’, ‘нарост’ [СВЯ: 246], и *pä* ‘голова’. Варианты без последнего компонента — результат эллипса. Вариант *kul’š/pä* зафиксирован в п. Krl (южновепсский диалект).

Название *lecun/poigad имеет* буквальное значение ‘сыновья лягушки’, форма ед. числа: *lecun/poig*. Это слово строится так же, как названия большинства детенышей животных в вепсском языке, например, *kažin/poig* ‘котенок’, *kondjan/poig* ‘медвежонок’.

Слово *hebon/maimeine* ‘головастик’, букв. ‘лошадиная рыбка’, по полевым материалам ЛАВЯ представлено только в говоре д. Мягозеро (Mg, средневепсский диалект). В СВЯ имеется зоосемизм *hebon/kalęin’e* ‘головастик’, также букв. ‘лошадиная рыбка’, с фиксацией в Vil (Ярославичи). Мотивация названий головастика словом со значением ‘лошадь’ не совсем понятна.

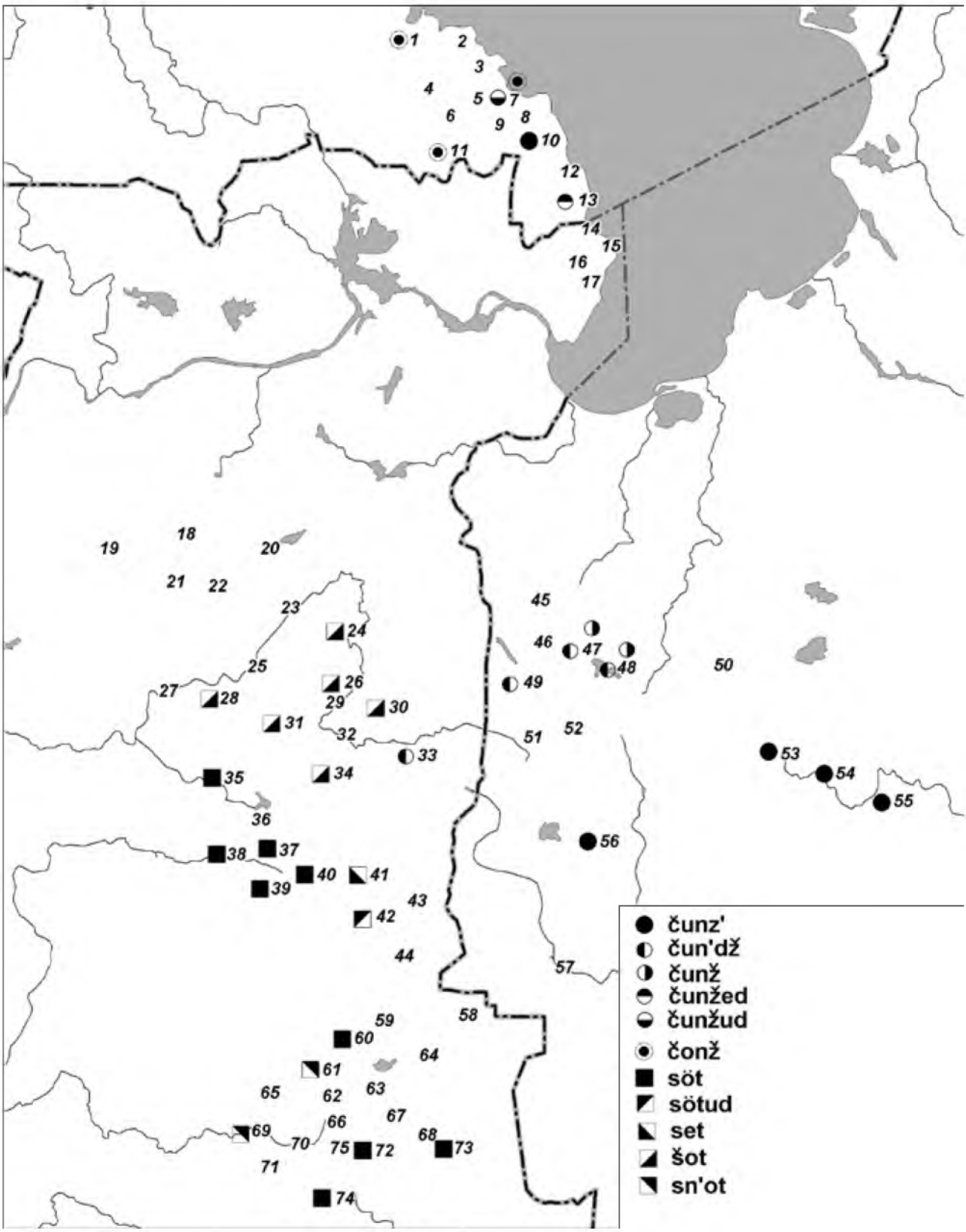
Čirušk ‘головастик’ в полевых материалах для ЛАВЯ зафиксировано лишь в одном говоре среднего диалекта Jog (Усть-Капша). В СВЯ в значении ‘головастик’ имеется образованное, по-видимому, от той же основы средневепсское *čirk* [СВЯ: 60]. Южновепсское *čibirik*, по-видимому, также родственно этим словам. Можно предположить, что все эти слова обладают дескриптивной подоплекой, но этимологии их не понятны.

Лексема *putikaine* (северновепсский диалект), предположительно, является заимствованием из севернорусских говоров: ср. рус. *путикан* ‘головастик’ [СРНГ 1999: 151 (с пометой петрозав., олон.)], если направление заимствования не является обратным.

Слово *šihlik* ‘головастик’, очевидно, собрано ошибочно, поскольку его основное значение ‘ящерица’ [СВЯ: 543], поэтому на карту не нанесено, хотя указано в списке собранного для картографирования материала.

И. В. Бродский

56 (190). Именования понятия ‘червь дождевой’

Легенда карты

1) **čunz’**	**čunž**	**čunžud**	2) **söt**	**set**	**sn’ot**
čun’dž	**čunžed**	**čonž**	**sötud**	**šot**	

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **čunz’**: *сев* Kl // *ср* Pnd, Kj, Vl, Päž
čun’dž: *ср* Ladv, Vär, Šim, Pk
čunž: *ср* Šim, Pk
čunžed: *сев* Kas
čunžud: *сев* Št
čonž: *сев* Š, Št, Ms
2) **söt**: *ср* En, Kor, Jog, Har, Nür // *южн* Šid, Mai, Vg, Ars
sötud: *ср* Noid
set: *ср* Reb
šot: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Mg
sn’ot: *южн* Čai, Mas

Цифровой индекс

1) **čunz’**: 10Kl, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž
čun’dž: 33Ladv, 47Šim, 48Pk, 49Vär
čunž: 47Šim, 48Pk
čunžed: 13Kas
čunžud: 7Št
čonž: 1Š, 7Št, 11Ms
2) **söt**: 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 60Šid, 72Mai, 73Vg, 74Ars
sötud: 42Noid
set: 41Reb
šot: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 34Mg
sn’ot: 61Čai, 69Mas

Список картографируемого материала

1 — čonž; 2–6 — нет сведений; 7 — čunžud, čonž [СВЯ: 65]; 8–9 — нет сведений; 10 — čunz’; 11– čonž (tšonž(-ud) [Tunkelo 1946: 226]); 12 — нет сведений; 13 — čunžed; 14–23 — нет сведений; 24 — šot; 25 — нет сведений; 26 — šot; 27 — нет сведений; 28 — šot; 29 — нет сведений; 30 — šot; 31 — šot; 32 — нет сведений; 33 — čun’dž; 34 — šot(-un); 35 — söt(-on); 36 — нет сведений; 37–40– söt(-on); 41 — set; 42 — sötud; 43–46 — нет сведений; 47 — čunž, čun’dž [СВЯ: 65]; 48 — čunž, čun’dž [СВЯ: 65]; 49 — čun’dž; 50–52 — нет сведений; 53–56 — čunz’; 57–59 — нет сведений; 60 — söt; 61 — sn’ot [СВЯ: 516]; 62–68– нет сведений; 69 — sn’ot; 70–71 — нет сведений; 72 — söt; 73 — söt [СВЯ: 540]; 74 — söt; 75 — нет сведений.

Комментарий

В диалектах наиболее распространенными оказались два названия дождевого червя — *čunz’* с фонетическими вариантами и *söt* — также с рядом фонетических вариантов.

Вепс. *čunz’* имеет соответствие лишь в людиковском наречии карельского языка: *čun’d’žu* [СОСД: 70; см. также: Tunkelo 1946: 226] и, вероятнее всего, относится к автохтонной вепсской лексике. Слову свойственна значительная фонетическая вариативность, которая отмечается как в области гласных звуков первого слога (*u* ~ *o*), а также в особенностях представления группы согласных звуков конца формы номинатива (*dz* ~ *dž*). Э. А. Тункело полагает, что аффриката *č* в первом слоге данного слова, которая распространена в вепсских говорах довольно широко — *čun’dž(-un), čunž(un), čunžud, čonž(-un), čunžed*, — является следствием регрессивной ассимиляции, вызванной воздействием сочетания согласных звуков конца первого и начала второго слога основы [Tunkelo 1946: 226].

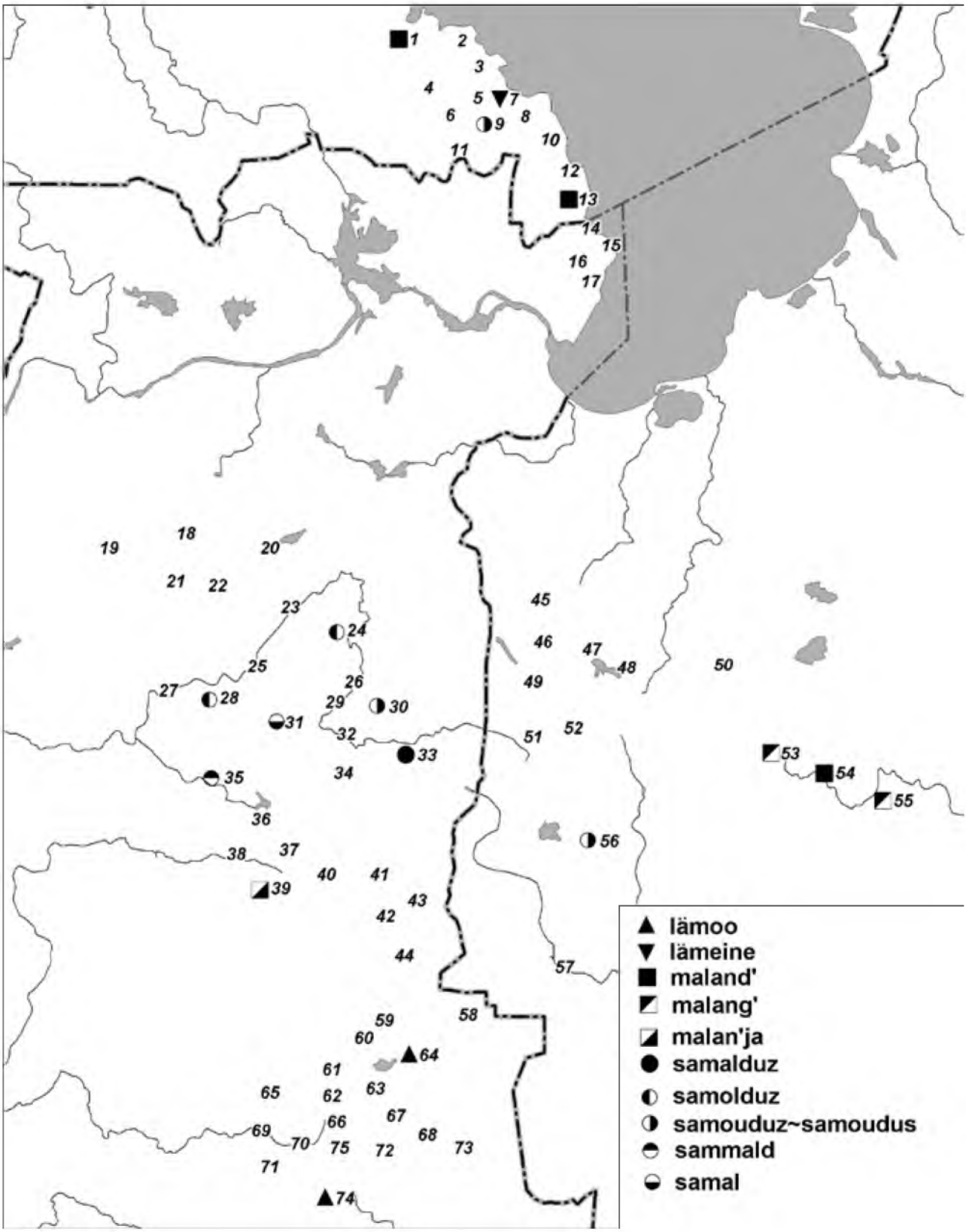
Как показывают ареальные данные, слово широко распространено в северновепсском диалекте и населенных пунктах восточновепсских говоров, а также в одном пункте западновепсской группы говоров средневепсского диалекта (Ladv). Южновепсскому диалекту это слово неизвестно. Вызывает интерес в связи с данной лексемой кольскосаамское слово *cuhs, sukks, sikks* ‘червь’, сходное по семантике, а также — несколько — и по фонетическому облику [СОСД: 70], что может инспирировать дальнейшие поиски этимологии слова, которая отсутствует в известных этимологических словарях.

Вепсское *söt, set* соотносится с глаголом *sötta* ‘кормить’. Первоначально это слово, вероятно, имело значение ‘наживка’ — ср. фин. *syöttö* ‘наживка’, ‘кормление’ и *syöttää* ‘кормить’. В вепсском языке слово *söt* было перенесено на дождевого червя, используемого в качестве наживки. Данный зоосемизм распространен в средневепсском диалекте на территории Ленинградской области, а также в южновепсском диалекте. Варианты *sn’ot*, записанные в южновепсских деревнях, несомненно, являются позднейшими и вторичными по отношению к *söt*.

И. В. Бродский

Метеорологические явления

57 (191). Именования понятия ‘молния’

Легенда карты

1) **lämoo**
lämeine
2) **maland’**
malang’
malan’ja
3) **samalduz**
samolduz
samouduz ~ samoudus
sammald
samal

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **lämoo**: *южн* Sod, Ars
lämeine: *сев* Št
2) **maland’**: *сев* Š, Kas // *ср* Kj
malang’: *ср* Pnd, Vl
malan’ja: *ср* Har
3) **samalduz**: *ср* Ladv
samolduz: *ср* Nem, Vil
samouduz ~ samoudus: *ср* Mäg, Rih, Päž
sammald: *ср* En
samal: *ср* Pec

Цифровой индекс

1) **lämoo**: 64Sod, 74Ars
lämeine: 7Št
2) **maland’**: 1Š, 13Kas, 54Kj
malang’: 53Pnd, 55Vl
malan’ja: 39Har
3) **samalduz**: 33Ladv
samolduz: 24Nem, 28Vil
samouduz ~ samoudus: 9Mäg, 30Rih, 56Päž
sammald: 35En
samal: 31Pec

Список картографируемого материала

1 — maland’; 2–6 — нет сведений; 7 — lämeine; 8 — нет сведений; 9 — samouduz; 10–12 — нет сведений; 13 — maland’; 14–23 — нет сведений; 24 — samolduz; 25–27 — нет сведений; 28 — samolduz; 29 — нет сведений; 30 — samouduz; 31 — samal; 32 — нет сведений; 33 — samalduz; 34 — нет сведений; 35 — sammald; 36 — нет сведений; 37–52 — нет сведений; 53 — malang’; 54 — maland’; 55 — malang’; 56 — samoudus; 57–63 — нет сведений; 64 — lämoo [СВЯ: 310]; 65–73 — нет сведений; 74 — lämoo [СВЯ: 310]; 75 — нет сведений.

Комментарий

За исключением русских заимствований, в вепсском языке распространено два основных названия молнии: *samalduz* (*samolduz, samouduz, samoudus*) и *lämoo* (*lämeine*).

Samalduz — основное средневепсское название молнии, представляет собой суффиксальное производное от глагольной основы *samalda-* (*-samouda-* и др.) ‘сверкать (о молнии)’ [СВЯ: 495]. Варианты же *sammald* (En) и *samal* (Pec) являются сокращениями, утратившими частично или полностью словообразовательный суффикс.

Это тот редкий случай, когда среди всех прибалтийско-финских языков соответствия западновепсской лексеме *samalduz* находятся лишь в финском языке (ср. *salama, salava, salanko* и др. ‘молния’ [SSA 2000: 146]). Причем вепсская и финская основы находятся в отношении метатезы (вепс. *samal-* ~ фин. *salam-*)*.

В южном диалекте в значении ‘молния’ фиксируется лексема *lämoo*, основное значение которой в иных говорах — ‘огонь’**. Долгий гласный в конце слова закономерно образовался из дифтонга *oi*. В северновепсском диалекте (Št) в значении ‘молния’ используют диминутивное суффиксальное производное от данной лексемы — *lämeine*.

Русское диалектное название молнии *молонья* [СРНГ 1982: 237–238] заимствовано в вепсский язык в формах *malan’ja, maland’* и *malang’*. В двух последних случаях исторический *-j* закономерно переходил, соответственно, в *-d’* и *-g’* (в тех говорах, для которых характерно это фонетическое явление)***.

И. В. Бродский

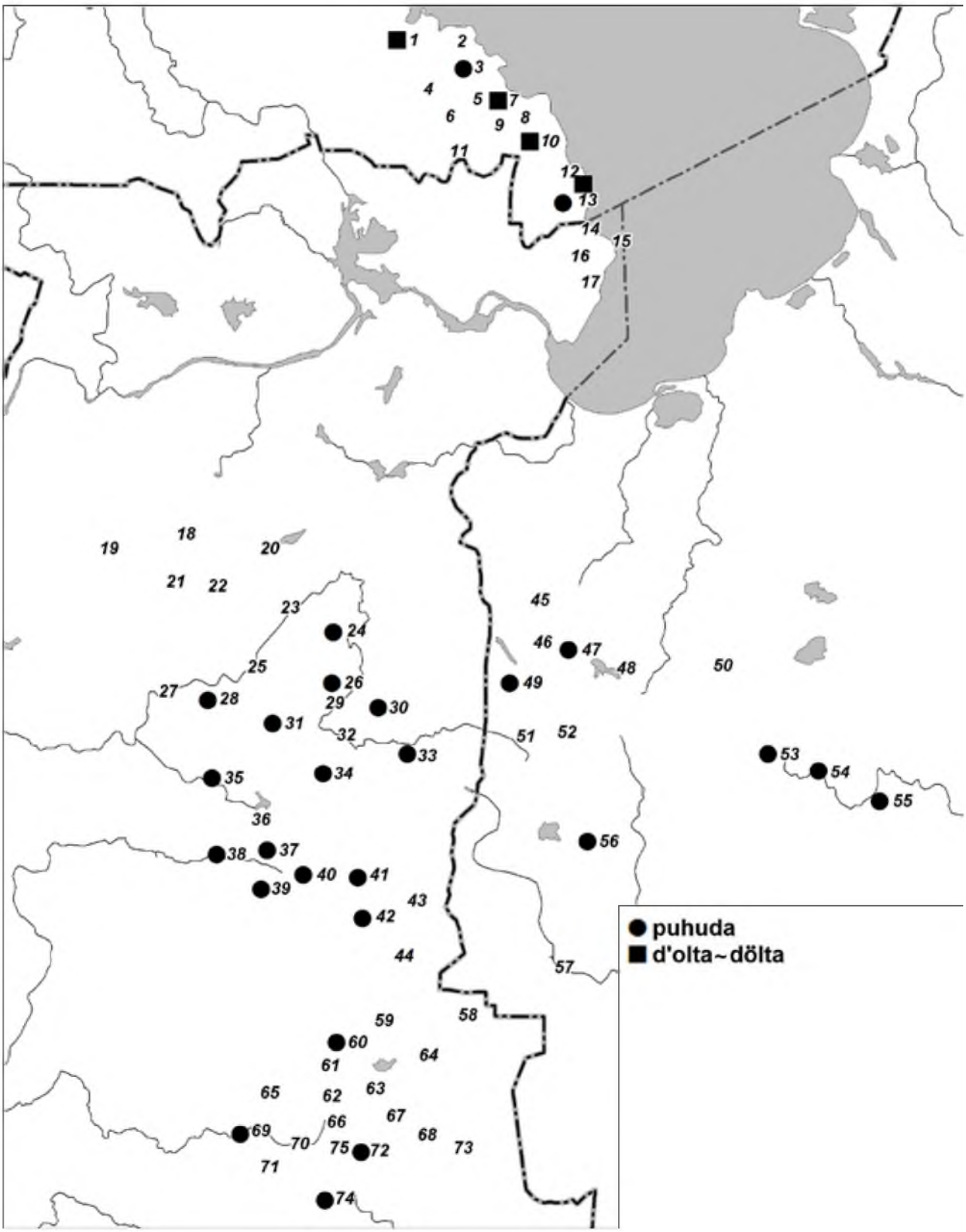
---

* Несмотря на слабое представительство лексемы в прибалтийско-финских языках (финский и вепсский), авторы SSA предполагают, что это, возможно, финно-угорское слово, обладающее рефлексами в угорских языках [SSA 2000: 146]. Как указано выше, финские и вепсские слова находятся в отношении метатезы, однако, направление данной метатезы не совсем ясно. Авторы SSA полагают, что фонетический облик финской основы первичен, полагаясь именно на соответствия из угорских языков. Можно предположить, не являются ли возможным источником данных прибалтийско-финских слов балтийские языки: ср. латыш. *smaile*, лит. *smailus* ‘острие’, а также лит. *smaileti* ‘заострять’ [Fraenkel: 838–839]?

** См. также 120 карту ЛАВЯ.

*** См. 15 карту ЛАВЯ о положении исторического *-j* и его замещении в диалектах согласными *-g’, -d’*.

58 (193). Именования понятия ‘дуть (о ветре)’

Легенда карты

1) **puhuda**

2) **d’olta ~ dölta**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **puhuda**: *сев* Kas, Veh // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Kor, Jog, Har, En, Noid, Nür, Reb, Šim, Vär, Pnd, Kj, Vl, Päž // *южн* Mai, Mas, Šid, Ars

2) **d’olta ~ dölta**: *сев* Š, Št, Kl, Kas

Цифровой индекс

1) **puhuda**: 3Veh, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 69Mas, 72Mai, 74Ars

2) **d’olta ~ dölta**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas

Список картографируемого материала

1 — dölta (döldab); 2 — нет сведений; 3 — puhu [VV: 193] ‘дуй’; 4–6 — нет сведений; 7 — dölta; 8–9– нет сведений; 10 — dölta; 11–12 — нет сведений; 13 — puhuda, dölta; 14–23 — нет сведений; 24 — puhuda; 25 — нет сведений; 26 — puhuda; 27 — нет сведений; 28 — puhuda; 29 — нет сведений; 30 — puhuda; 31 — puhuda; 32 — нет сведений; 33 — puhuda; 34 — puhuda; 35 — puhuda; 36 — нет сведений; 37 — puhuda (ahau puhub ‘ветер дует’); 38 — puhuda; 39 — puhuda; 40 — puhuda; 41 — puhuda; 42 — puhuda;43–46 — нет сведений; 47 — puhuda; 48 — нет сведений; 49 — puhuda; 50–52– нет сведений; 53 — puhuda; 54 — puhuda; 55 — puhuda; 56 — puhuda; 57–59 — нет сведений; 60 — puhuda; 61–68 — нет сведений; 69 — puhuda; 70–71 — нет сведений; 72 — puhuda (puhub ahaa ‘дует ветер’); 73 — нет сведений; 74 — puhuda; 75 — нет сведений.

Комментарий

При сборе материала для обозначения понятия ‘дуть (о ветре)’ было выявлено два нейтральных глагола *puhuda* и *dölta ~ d’olta*, а также один с более ограниченным спектром значения: *ahavoita* ‘дуть; веять (о слабом ветре)’ [СВЯ: 21]. Глагол *ahavoita*, являющийся отыменным образованием от существительного *ahav* ‘слабый ветер, весенний ветер’, не был привлечен к картографированию, поскольку информанты повсюду чувствовали его особый, отличный от нейтрального глагола *puhuda* характер.

В большинстве прибалтийско-финских языков глагол *puhuda* обладает значением ‘дуть (о ветре)’. Этимологи полагают, что он является общим прибалтийско-финским глагольным наследием с ономатопоэтическим оттенком в значении [SSA 1995: 416]. В вепсском языке он ранее обладал, как и в других языках, значением ‘дуть, выдувать изо рта семена для посева (чаще всего семена репы)’ [СВЯ: 437].

СВЯ в словарной статье *puhuda* дает помету Р — Št (Пондала — Шелтозеро), что предполагает, что глагол употребителен во всех диалектах. Во время сбора материала для атласа он действительно был зафиксирован широко, однако носители северновепсского диалекта его не признавали. Здесь только в пункте Каскесручей (Kas), в котором ранее проживало значительное количество жителей из расселенного в 1950-е годы средневепсского Шимозера (Šim), был зафиксирован глагол *puhuda*.

В языке северных вепсов повсеместно бытует глагол *d’olta ~ dölta* (*döldab*: 3PPrez), который, по все видимости, является производным от существительного *d’ol ~ döl* ‘ветер’, употребительного в языке северных вепсов. Глагол *d’olta ~ dölta* не удалось зарегистрировать за пределами северновепсского ареала. Именования понятия ‘дуть (о ветре)’ были в свое время представлены и в «Сопоставительно-ономасиологическом словаре карельского, вепсского, саамского языков» [СОСД 2007: 19], однако и там ни в одном из пунктов, кроме северновепсских, глагол *d’olta ~ dölta* не был обнаружен.

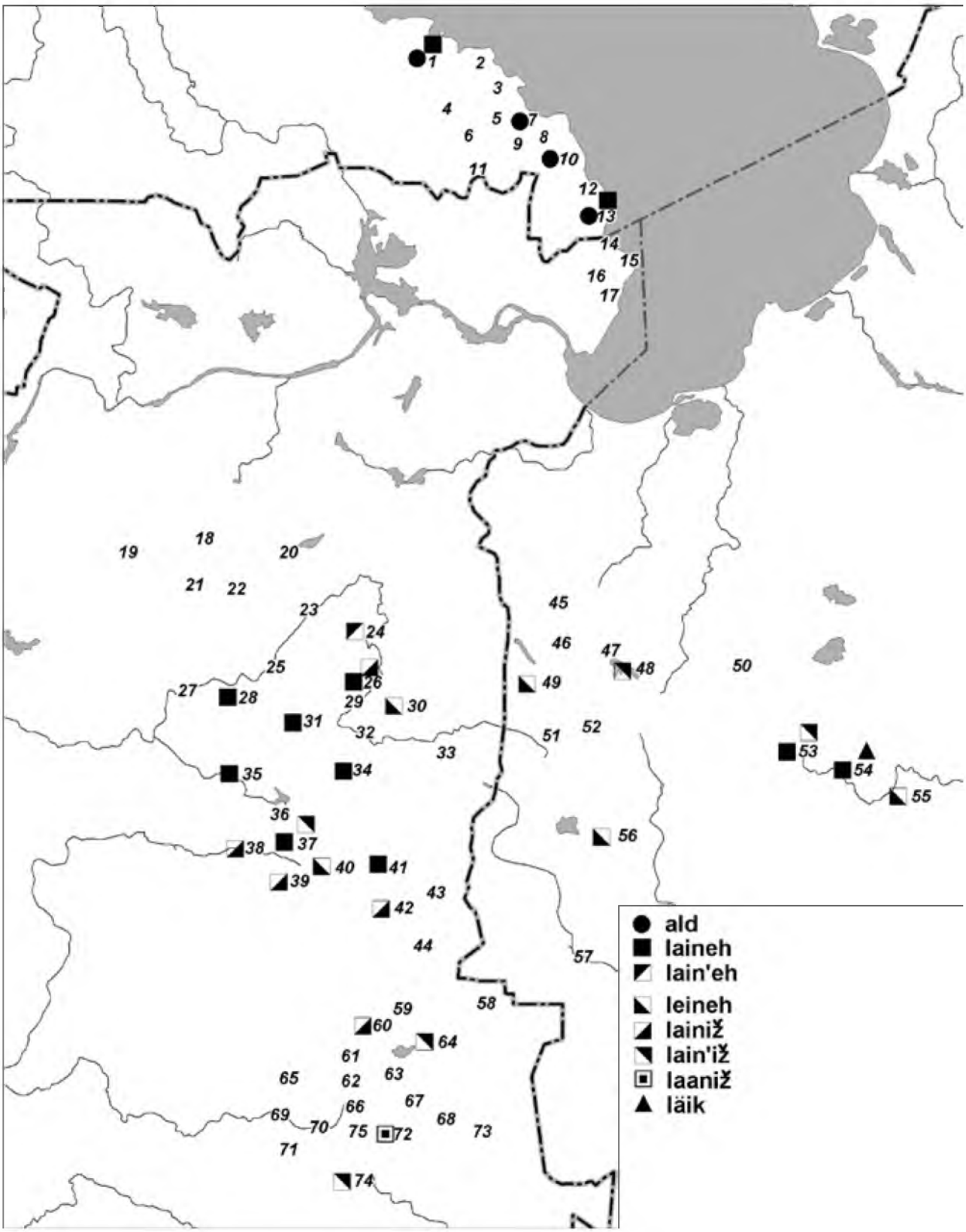
Можно предположить, что этот глагол является инновационным образованием, которых немало, как показывает анализ лексики, в отдельных диалектных ареалах. Вполне возможно, что корни этого глагола (а также существительного *d’ol* ‘ветер’) кроются в восточном прибалтийско-финском языковом ареале и входят в круг таких

дескриптивных лексем как финское диалектное *jolakka, jolea, juolea* ‘холодный (о ветре и погоде)’ [SMS 1997: 203], *juoltaa* ‘двигаться друг за другом, в одну линейку’ [SMS 1997: 363], *jolahtoa* ~ *juolahtaa* (mieleen) ‘(вдруг) прийти в голову’ (букв. ‘промелькнуть в голове’) [KKS 1968: 530; SSA 2001: 249)].

В данном случае показателен факт полного противопоставления всех средне- и южновепсских говоров северновепсским, пополнившим вепсский лексический тезаурус новым глаголом, возможно, дескриптивного происхождения.

Н.Г. Зайцева

59 (195). Именования понятия ‘волна’

Легенда карты

1) **ald**	**lain’eh**	**lainiž**	**laaniž**
2) **laineh**	**leineh**	**lain’iž**	3) **läik**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **ald**: *сев* Š, Št, Kl, Kas
2) **laineh**: *сев* Š, Kas // *ср* Jä, Vil, Pec, Mg, En, Kor, Reb, Pnd, Kj
lain’eh: *ср* Nem, Ladv
leineh: *ср* Rih, Nür, Vär, Vl, Päž
lainiž: *ср* Jä, Jog, Har, Noid // *южн* Šid
lain’iž: *ср* Kor, Pk, Pnd // *южн* Sod, Ars
laaniž: *южн* Mai
3) **läik**: *ср* Kj

Цифровой индекс

1) **ald**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas
2) **laineh**: 1Š, 13Kas, 26Jä, 28Vil, 31Pec, 34Mg, 35En, 37Kor, 41Reb, 53Pnd, 54Kj
lain’eh: 24Nem, 33Ladv
leineh: 30Rih, 40Nür, 49Vär, 55Vl, 56Päž
lainiž: 26Jä, 38Jog, 39Har, 42Noid, 60Šid
lain’iž: 37Kor, 48Pk, 53Pnd, 64Sod, 74Ars
laaniž: 72Mai
3) **läik**: 54Kj

Список картографируемого материала

1 — ald, laineh [СВЯ: 273]; 2–6 — нет сведений; 7 — ald; 8–9 — нет сведений; 10 — ald; 11–12 — нет сведений; 13 — ald, laineh; 14–23 — нет сведений; 24 — lain’eh; 25 — нет сведений; 26 — lainhed ‘волны’, laineh [СВЯ: 273], lainiž [ВК]; 27 — нет сведений; 28 — lainhed ‘волны’, laineh; 29 — нет сведений; 30 — leinhed ‘волны’, leineh; 31 — laineh, lainhed ‘волны’; 32 — нет сведений; 33 — lainhed ‘волны’, lain’eh; 34–35 — laineh; 36 — нет сведений; 37 — lainhed ‘волны’, laineh, lain’iž [VVS]; 38–39 — lainiž; 40 — leinhed ‘волны’, leineh; 41 — lainhed ‘волны’, laineh; 42 — lainiž; 43–47 — нет сведений; 48 — lain’iž [СВЯ: 273]; 49 — leineh; 50–52 — нет сведений; 53 — laineh, lain’iž [СВЯ: 273]; 54 — laineh, läik [СВЯ: 308]; 55 — leinhed ‘волны’, leineh ‘волна’; 56 — leineh; 57–59 — нет сведений; 60 — lainiž; 61–63 — нет сведений; 64 — lain’iž [СВЯ: 273], 65–71 — нет сведений; 72 — laaniž, laanhed ‘волны’; 73 — нет сведений; 74 — lain’iž [VVS]; 75 — нет сведений.

Комментарий

В использовании лексем со значением ‘волна’ северновепсский диалект четко противостоит остальным: только в нем бытует термин *ald*, имеющий параллели в ряде прибалтийско-финских языков (фин. *aalto*, кар. *oalto*, *aldo*, эст. диал. *ald*) и восходящий к скандинавскому источнику [SSA 2001: 46]. Он зафиксирован во всех подвергшихся опросу пунктах вепсского Прионежья; параллельно бытующий синоним *laineh* отмечен лишь в двух пунктах — Шокше [СВЯ: 273] и Каскесручье. Сугубо северновепсский ареал слова обусловлен, конечно, тем карельским языковым воздействием, которое проявляется здесь на разных языковых уровнях. Слово усвоено из территориально смежных карельских говоров или в результате внедрения карельских переселенцев в вепсское Прионежье. При этом вытеснение другого слова — *laineh* — может быть обусловлено специфической семантикой слова *ald*, обозначающего, прежде всего, большую волну, характерную для Онежского озера. Видимо, именно это обстоятельство могло спровоцировать заимствование карельского слова, которое в дальнейшем потеснило бытование традиционного вепсского термина *laineh* у северных вепсов.

Второй термин выступает в нескольких фонетических вариантах, из которых *laineh* и *leineh* проявляются спорадически в средневепсских говорах, и вызваны характерным для фонетики этих говоров переходом ***ai* > *ei*** [Tunkelo 1946: 594–595].

Граница, разделяющая *laineh* ~ *leineh* и *lainiž**, проходит по переходным средневепсским говорам таким образом, что подавляющая часть их входит в ареал *lainiž* и объединяется с южновепсскими

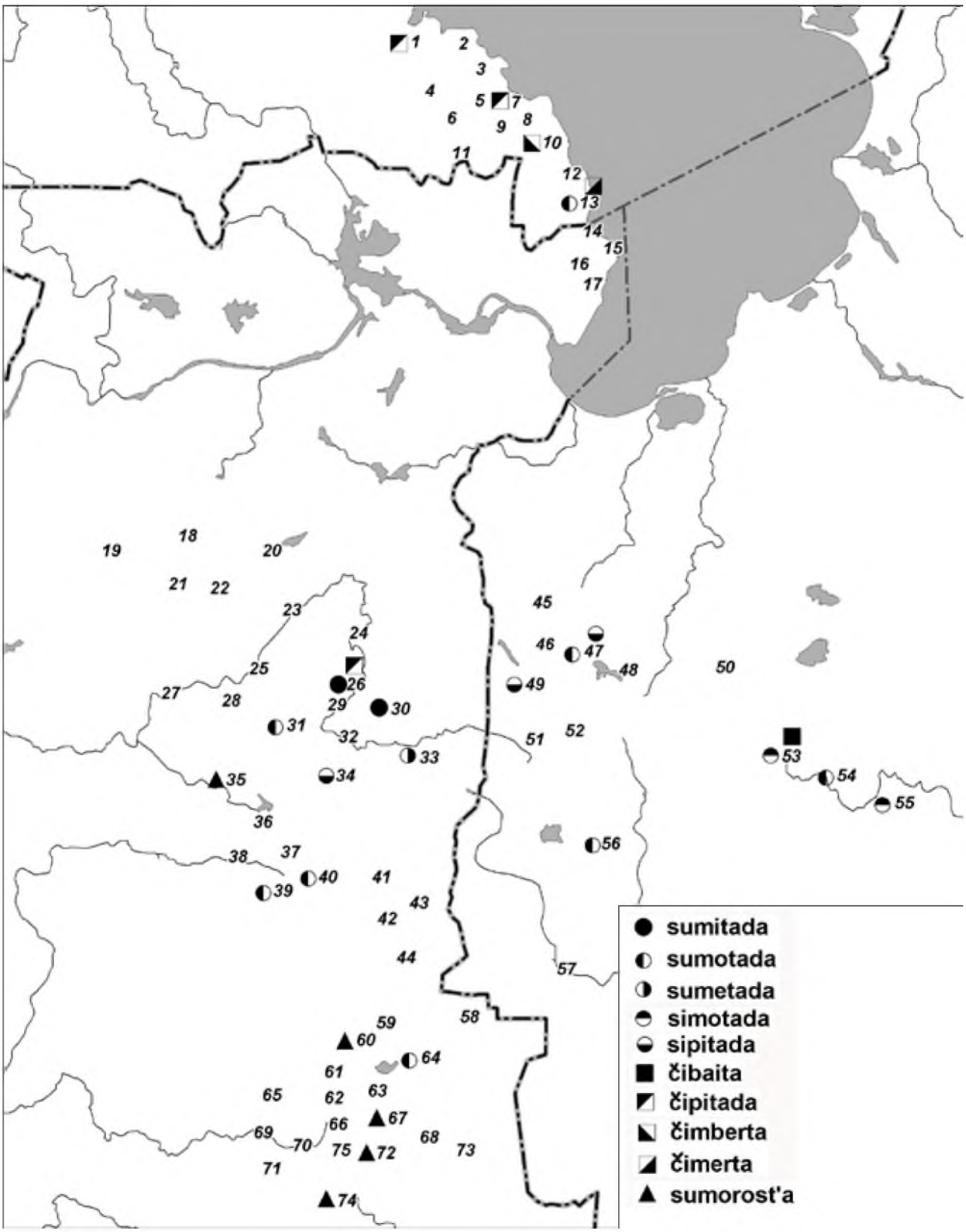
* Для южновепсского диалекта характерен переход дифтонгов в долгие гласные (напр.: *mechasaa* — ср. *mechasai* ‘до леса’), что сказалось и на одном из вариантов лексемы *laaniž*.

говорами. Варианты *leineh*, зафиксированный в Нюрговичах, и, наоборот, *lainiž* в Озерах, вызваны, возможно, известными связями между говорами верхней Ояти и верхней Капши и диффузностью границы. Генезис конечного звукосочетания *-iž* связан с явлением аналогии, затронувшим южновепсский ареал. Совпадение типов основ косвенных падежей в словах на *-eh* (*laineh* ‘волна’*: lainhen*) и *-iž* (*nagriž* ‘репа’*: nagrhen*) привело к появлению новообразований *lainiž, ragiž* ‘град’ и др. по модели слов на *-iž* [Tunkelo 1946: 295].

Вепсское окказиональное новообразование *läik*, восходящее к глаголу *läikita* ‘плескать, расплескивать’, бытует в восточновепсском говоре Куи наряду с *laineh*.

И. И. Муллонен

60 (198). Именования понятия ‘моросить’

Легенда карты

1) **sumitada**
sumotada
sumetada
simotada
sipitada

2) **čibaita**
čipitada
čimberta
čimerta

3) **sumorost'a**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **sumitada**: ср Jä, Rih
sumotada: *сев* Kas // *ср* Har, Nür, Šim, Kj, Päž, Pec // *южн* Sod
sumetada: *ср* Ladv
simotada: *ср* Pnd, Vl
sipitada: *ср* Mg, Vär, Šim

2) **čibaita**: ср Pnd
čipitada: *сев* Š, Št // *ср* Jä
čimberta: *сев* Kl
čimerta: *сев* Kas

3) **sumorost'a**: ср En // южн Šid, Krl, Mai, Ars

Цифровой индекс

1) **sumitada**: 26Jä, 30Rih
sumotada: 13Kas, 31Pec, 39Har, 40Nür, 47Šim, 54Kj, 56Päž, 64Sod
sumetada: 33Ladv
simotada: 53Pnd, 55Vl
sipitada: 34Mg, 47Šim, 49Vär

2) **čibaita**: 53Pnd
čipitada: 1Š, 7Št, 26Jä
čimberta: 10Kl
čimerta: 13Kas

3) **sumorost'a**: 35En, 60Šid, 67Krl, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — čipitada; 2–6 — нет сведений; 7 — čipitada; 8–9 — нет сведений; 10 — čimberta; 11–12 — нет сведений; 13 — čimerta [СВЯ: 59], sumotada; 14–25 — нет сведений; 26 — sumitada, čipitada (henošti vihmub ‘мелко дождит’); 27–29 — нет сведений; 30 — sumitada; 31 — sumotada; 32 — нет сведений; 33 — sumetada; 34 — sipitada; 35 — sumorosťa; 36 — нет сведений; 37 — (vihmub kastel ‘дождит как роса’); 38 — нет сведений; 39 — sumotada; 40 — sumotada; 41 — (sumegou ajab ‘мелким дождём’); 42–46 — нет сведений; 47 — sumotada, sipitada; 48 — нет сведений; 49 — sipitada; 50–52 — нет сведений; 53 — simotada, čibaita (čibaidoitab vihmda ‘накрапывает’, sumeg'uu ajab ‘мелко дождит’); 54 — sumotada; 55 — simotada; 56 — sumotada, himotada [СВЯ: 123]; 57–59 — нет сведений; 60 — sumorosťa; 61–63 — нет сведений; 64 — sumotada; 65–66 — нет сведений; 67 — sumorosťa [СВЯ: 526]; 68–71 — нет сведений; 72 — sumorosťa; 73 — нет сведений; 74 — sumorosťa (morosib hoik vihm ‘моросит мелкий дождь’); 75 — нет сведений.

Комментарий

Карта посвящена лексическим различиям, манифестированным глагольной семантикой ‘моросить’ в вепсском языке.

На первом уровне диалектного противопоставления выделяются различия в глагольных корневых морфемах, которые передаются на карте знаками разной конфигурации.

От картографирования отведен глагол *sibaitta*, *sibaitab vimhda* ‘дождь накрапывает’ (Pnd), поскольку при сборе материала он практически не был выявлен, за исключением упомянутого варианта. Данный глагол послужил основой для вхождения в русские говоры глагола ***си****байдать* ‘моросить (о дожде)’ [СРНГ 2003: 203].

Лингвогеографический анализ карты показал, что самым частотным в современных вепсских диалектах является глагол *sumetada* ~ *sumotada* с возможным фонетическим вариантом *simotada,* обусловленным, видимо, не столько собственно фонетическими, сколько дескриптивными причинами.

Глагол *simotada*, зафиксированный в полевых условиях всего в трех пунктах на самой восточной окраине средневепсского ареала (территория Вологодской области), тем не менее, послужил основой для русского диалектного ***си****мандать* ‘моросить (о дожде)’ (ПЛГО). Данный факт, вероятно, свидетельствует о более широком ареале вепсских данных в прошлом.

Эта группа вепсских глаголов восходит к этимологическому гнезду *sumu* ‘туман’, ср. вепс. *sumeg*, люд. *sume* ‘моросящий дождь’ [SSA 2000: 213]. Последние являются, очевидно, отглагольными именами. Вепсский глагол *himotada* был отклонен от картографирования из-за его единичной фиксации в словаре вепсского языка (*läm’ pei, pil’vesiine, kaiken peivan* ***himotab*** ‘теплый день, облачный, целый день моросит’ [СВЯ: 123]), а во время полевого сбора материала по вопроснику в данном пункте был собран глагол *sumotada*, и на почве этого возникло сомнение в правильности передачи фонетического облика слова в СВЯ.

Кроме перечисленных вариантов, с картографируемым значением употребительны глаголы с инициальным *č-*: *čibaita, čipitada, čimberta, čimerta*. Можно предположить, что вепсский глагол *čimerta* сопоставим с собственно карельским *čihmertyä* ~ *čihmerdyä* ‘моросить’ [Федотова, Бойко 2009: 20]. В этимологических словарях содержится предположение о том, что эти глаголы могут восходить к дескриптивному гнезду *tihma* ‘мелкий дождь’ и быть образованы отчасти контаминацией, например, *tiheä (tihku, tihuuttua)* + *vihma* [SSA 2000: 290]. В свою очередь, *čibaita, čipitada*, а также варианты с инициальным *s- sipitada*, *sibaitta* входят в один ряд с кар. *šipevyö* (*šipie*, *čibistä*, а также *čipettiä, čipahuttua* и др.) ‘накрапывать, сыпаться (о дожде)’ [KKS 1997: 396; Макаров 1990: 34, 36]. Вепсские глаголы *čibaita, čibaidoitta* этимологически первичны для рус. диал. типа *чибандать* ‘моросить (о дожде)’, употребляемых на смежных с вепсской территориях [ПЛГО].

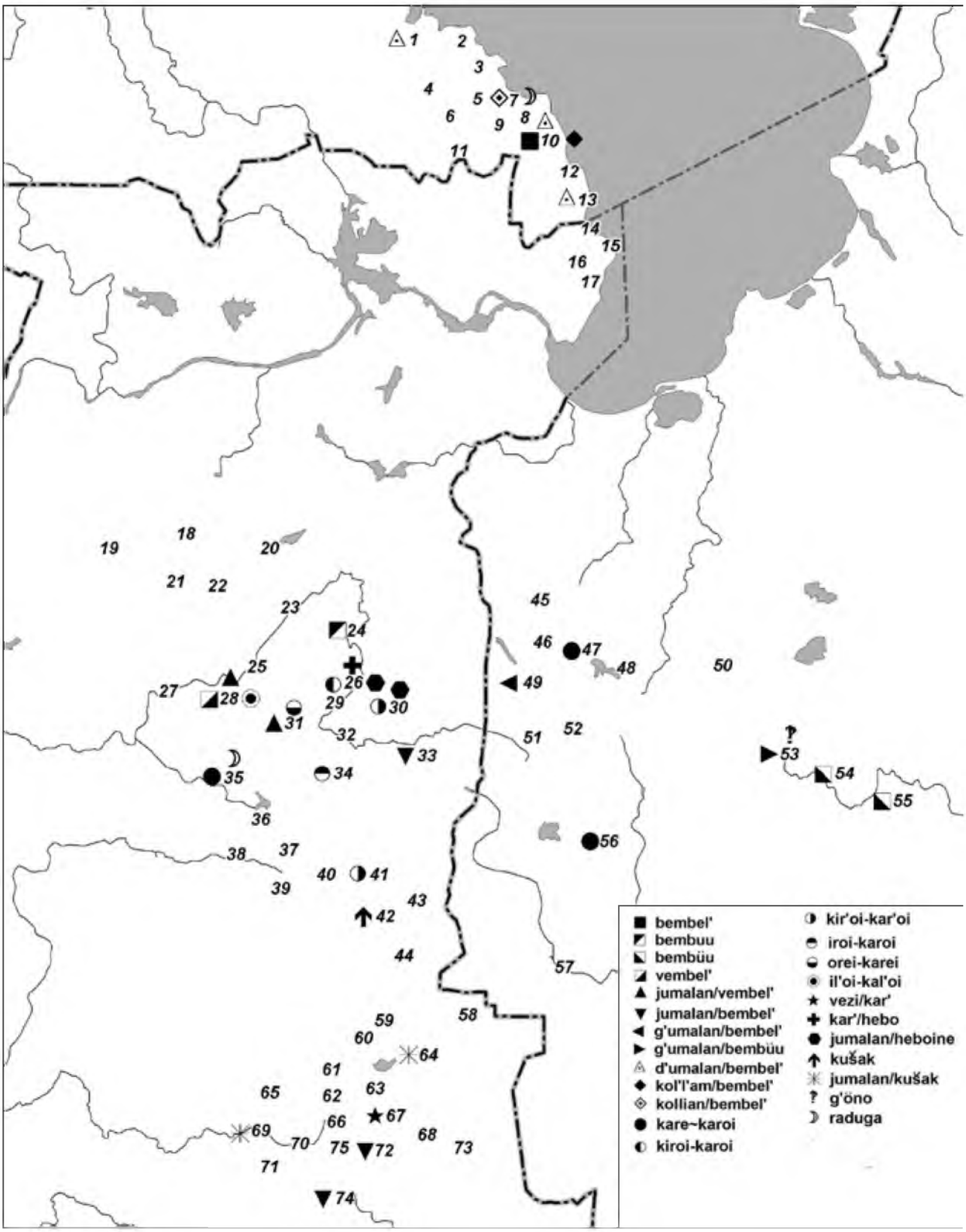
Часть единиц представляет собой результат русского воздействия. Так, вепс. *sumorost’a* восходит к рус. диал. *суморосить* ‘моросить (о дожде) — безл.’ (СРНГ 2008: 241).

В полевых условиях, а также и из опубликованных источников была собрана еще группа словосочетаний типа *ajab sumeg’uu, čibaidoittab vihmda, čipitab vihmda*, которые обладают искомым значением, они представлены в списке картографируемого материала, но не были привлечены к картографированию.

Картографирование лексем выявило определенные ареальные предпочтения. В средневепсском ареале превалируют образования от исторической основы *sume-*, в северном предпочтение отдано звукоподражательным глаголам, параллели которым, кстати, представлены во множестве вариантов в смежных карельских говорах. В свою очередь, в южновепсских говорах исконное вепсское слово *sumotada* было оттеснено русским заимствованием *sumorost’a* — не исключено, что это произошло из-за определенного фонетического сходства заимствованного *sumorost’a* и исконного *sumotada*.

С. А. Мызников

61 (204). Именования понятия ‘радуга’

Легенда карты

1) **bembel’**
bembuu
bembüu
vembel’
2) **jumalan/vembel’**
jumalan/bembel’
g’umalan/bembel’
g’umalan/bembüu)
d’umalan/bembel’
3) **kol’l’am/bembel’**
kollian/bembel’
4) **kare ~ karoi**
kiroi-karoi
kir’oi-kar’oi
iroi-karoi
orei-karei
il’oi-kal’oi
5) **vezi/kar’**
6) **kar’/hebo**
7) **jumalan/heboine**
8) **kušak**
9) **jumalan/kušak**
10) **g’öno**
11) **raduga**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **bembel’**: *сев* Kl
bembuu: *ср* Nem
bembüu: *ср* Kj, Vl
vembel’: *ср* Vil
2) **jumalan/vembel’**: *ср* Vil, Pec
jumalan/bembel’: *ср* Ladv // *южн* Mai, Ars
g’umalan/bembel’ *ср* Vär
g’umalan/bembüu: *ср* Pnd
d’umalan/bembel’ *сев* Š, Kl, Kas
3) **kol’l’am/bembel’** *сев* Kl
kolian/bembel’: *сев* Št
4) **kare ~ karoi**: *ср* En, Šim, Päž
kiroi-karoi: *ср* Jä
kir’oi-kar’oi: *ср* Rih, Reb
iroi-karoi: *ср* Mg
orei-karei: *ср* Pec
il’oi-kal’oi: *ср* Vil
5) **vezi/kar’**: *южн* Krl
6) **kar’/hebo**: *ср* Jä
7) **jumalan/heboine**: *ср* Jä, Rih
8) **kušak**: *ср* Noid
9) **jumalan/kušak**: *южн* Sod, Mas
10) **g’öno**: *ср* Pnd
11) **raduga**: *сев* Št // *ср* En

Цифровой индекс

1) **bembel’**: 10Kl
bembuu: 24Nem
bembüu: 54Kj, 55Vl
vembel’: 28Vil
2) **jumalan/vembel’**: 28Vil, 31Pec
jumalan/bembel’: 33Ladv, 72Mai, 74Ars
g’umalan/bembel’ *ср* 49Vär
g’umalan/bembüu): 53 Pnd
d’umalan/bembel’: 1Š, 10Kl, 13Kas
3) **kol’l’am/bembel’**: 10Kl
kolian/bembel’: 7Št
4) **kare ~ karoi**: 35En, 47Šim, 56Päž
kiroi-karoi: 26Jä
kir’oi-kar’oi: 30Rih, 41Reb
iroi-karoi: 34Mg
orei-karei: 31Pec
il’oi-kal’oi: 28Vil
5) **vezi/kar’**: 67Krl
6) **kar’/hebo**: 26Jä
7) **jumalan/heboine**: 26Jä, 30Rih
8) **kušak**: 42Noid
9) **jumalan/kušak**: 64Sod, 69Mas
10) **g’öno**: 53Pnd
11) **raduga**: 7Št, 35En

Список картографируемого материала

1 — d’umalan/bembel’; 2–6 — нет сведений; 7 — kolian/bembel’ [СОСД: 19], raduga; 8–9 — нет сведений; 10 — bembel’ [СВЯ: 43], d’umalan/bembel’, kol’l’am/bembel’ [СВЯ: 221]; 11–12 — нет сведений; 13 — d’umalan/bembel’; 14–23 — нет сведений; 24 — bembuu; 25 — нет сведений; 26 — jumalan/heboine [СВЯ: 158], kar’/hebo, kiroi-karoi [СВЯ: 208]; 27 — нет сведений; 28 — vembel’ [СВЯ: 623]; jumalan/vembel’ [СВЯ: 89]; il’oi-kal’oi [СВЯ: 148]; 29 — нет сведений; 30 — jumalan/heboine, kir’oi-kar’oi; 31 — jumalan/vembel’ [СВЯ: 89], orei-karei [СВЯ:382]; 32 — нет сведений; 33 — jumalan/bembel’; 34 — iroi-karoi; 35 — karoi [СВЯ: 180], raduga; 36–40 — нет сведений; 41 — kir’oi-kar’oi; 42 — kušak [СВЯ:249]; 43–46 — нет сведений; 47 — kare [СВЯ: 180]; 48 — нет сведений; 49 — g’umalan/bembel’; 50–52 — нет

сведений; 53 — g'umalan/bembüu, göno [СВЯ: 100]; 54–55– bembüu; 56 — kare [СВЯ: 180]; 57–63 — нет сведений; 64 — jumalan/kušak [СВЯ: 158]; 65–66 — нет сведений; 67 — vezi/kar' [СВЯ: 628]; 68 — нет сведений; 69 — jumalan/kušak; 70–71 — нет сведений; 72 — jumalan/bembel'; 73 — нет сведений; 74 — jumalan/bembel'; 75 — нет сведений.

Комментарий

Названия радуги в вепсском языке широко употребительны, характеризуясь значительным разнообразием. При этом в языке отсутствуют специальные термины для данного понятия, а в качестве именований используются лексемы, которые приспособлены для передачи искомого значения по сходству семантики. В бытовании лексем нет четкого ареального противостояния, хотя и просматриваются определенные приоритеты: в северновепсском языковом ареале преобладают именования, модифицирующие 'дугу' — *bembel'*, в южновепсском — *kare* ~ *kar'*. При этом в обоих случаях отмечается значительное разнообразие форм и вариантов бытования.

Фонетические варианты *vembel'*, *bembel'*, *bembuu, bembüu* отражают характерный для вепсского языка переход начального *v* в *b*, происшедший, за редкими исключениями, практически на всей территории вследствие ассимилятивного воздействия звонких согласных внутри слова на инициальный *v* (ср. *vibloine* ~ *bibaleh* 'горбушка, ломоть (хлеба)', *varb* ~ *barb* 'ветка', *varbaz* ~ *barbaz* 'палец ноги').

В свою очередь, вариативность конца слова вызвана воздействием русского языка на произношение согласного *l*, который утратил свой прибалтийско-финский характер и стал произноситься в вепсском языке как твердый русский *-л*, когда за ним следовали гласные заднего ряда. В образцах вепсской речи, а также и в диалектном словаре вепсского языка многие вепсские слова и записаны как *литi* 'снег', *лор* 'конец' и т. д. [см., напр., СВЯ 294–303]. Изменение характера произношения *l* повлекло за собой дальнейшие фонетические преобразования, в результате которых согласный *l* вокализовался и перешел в *-u*: *bembuu* [см. об истории явления: Tunkelo 1946: 445–448]. Это фонетическое изменение особенно характерно для средневепсских говоров. Северновепсские же говоры в этом отношении противостоят средневепсским сохранением звука *l*, даже при том что в сходной позиции характер звука изменился и в нем (северновепс. *höвол* 'на лошади' (Ades), *melел* 'на уме' (Ades). В лексеме *bembel'* согласный *l* характеризуется еще и смягчением — наследием воздействия исторического гласного переднего ряда, следовавшего за *l* (ср. *vempel**e*** 'дуга' [SSA 2000: 424]). Лексема *bembel'* является общеприбалтийско-финской, соответствия которой со значением 'дуга' имеются в близкородственных языках, например, фин. *vemmel*, эст. *vemmal* [см. также EES: 598].

Сложные слова *kollian/bembel'* (букв. 'умершего дуга') и ***j**umalan/bembel'* (и варианты) (букв. 'бога дуга'), также содержащие в своем составе слово *bembel'*, обладают несомненной мифологической подоплекой. В ***j**umalan/bembel'*, ***d'**umalan/bembel'*, ***g'**umalan/bembüu* наблюдается разное представление исторического *j* в начале сложных слов у определяющих (генитивных) компонентов. В средневепсских западных говорах в начале первого слога сохранился исторический *j*, в белозерских средневепсских говорах произошло его замещение согласным *g'*, а в северновепсских говорах — согласным *d'*, что тесно связано с диалектными ареалами*. В лексеме *kollian/bembel'*, свойственной северным вепсам, сказались представления народа о «радуге, как пути в иной мир» [Винокурова 2015: 148].

Еще бóльшим разнообразием отличается круг названий радуги, в которых воплотилась лексема *kare* (основа *karege-*) и ее фонетические варианты *karoi*, *kar'*. При этом название природного явления возникло в результате переосмысления исходной прибалтийско-финской семантики 'дуга' — 'распорка, дуга внутри лодки' и отмечено, кроме вепсского, и в родственны языках (*ukon**koari*** 'радуга' [KKS 2005: 401], *vihma**kārre*** 'радуга' [SSA 2001: 265]).

В образовании каждого из трех вариантов есть свои нюансы фонетического и словообразовательного характера. Вариант *kar'* выступает в качестве основного компонента в следующих названиях: *vezi/kar'* (букв. 'вода + дуга') и *kar'/hebo* (букв. 'дуга + лошадь'). Последнее явно перекликается с выражением, которое приводится в СВЯ: ***kar'ko** veden job* (Kor: 'Карько пьет воду' [СВЯ: 181]), причем в словаре оно дано применительно к именованию радуги. Вслед за ним исследовательница вепсской этнографии И. Ю. Винокурова возводит *kar'ko* к кличке лошади карей масти, считая слово русским заимствованием [Винокурова 2015: 147]. В действительности же здесь сказался, видимо, результат народной интерпретации исходного *hebon/kar'*,

* Относительно замещения исторического *j* согласными *g', d'* и привязкам данного явления к диалектным ареалам см. 15 карту ЛАВЯ, где раскрыты природа и причины данного явления.

букв. 'коня дуга', которое, в свою очередь, обладает образным значением компонентов: здесь и метафора, описывающая форму радуги (хомут), и отголосок некоего мифологического сюжета, связанного с представлениями о радуге как пьющей воду из озера или реки [СДЭС 2009: 386–387], которая затем выливается в виде дождя и питает землю.

Отголоски этого утраченного мифологического сюжета угадываются и в лексеме *jumalan/heboine*, букв. 'бога лошадь', известного у средних приоятских вепсов.

Кроме этих названий, в вепсском языке есть еще группа именований радуги с сочинительной связью, созданных по принципу аллитерации: *kiroi-karoi*, *kir'oi-kar'oi*, *iroi-karoi*, *orei-karei*, *il'oi-kal'oi**. Вероятнее всего, здесь первоначальным является диминутив *karoi* < *kare*, где в ряде слов выпал инициальный *k*. Подобные слова, скорее всего, зародились в детской речи и тоже несут отголосок мифологических представлений.

На востоке вепсского языкового ареала в функции радуги используется лексема *göno,* букв. 'полоса', представляющая образно форму радуги. Лексема *jono* с идентичным вепсскому значением 'полоса, ряд', по свидетельству этимологических словарей, не является распространенной в родственных языках: кроме финского языка, ее рефлексы в том же значении имеются лишь в карельских ливвиковских говорах [SSA 2001: 241]. В вепсском в вариантах *göno* ~ *jono* 'полоса' лексема представлена в обеих группах средневепсских говоров [СВЯ: 99–100], но в значении 'радуга' была зафиксирована лишь в восточновепсской Пондале.

Наконец, среди вепсских обозначений радуги зафиксировано два русских заимствования:

1) kušak (< рус. *кушак*) функционирует у южных вепсов одиночно в зависимости от контекста либо в составе сложного слова (*jumalan/kušak*, букв. 'бога кушак'). Слово проникло, очевидно, из смежных русских тихвинских говоров как сложившаяся в них метафора для обозначения радуги. Кушак (или пояс) — хорошо известный в славянской культуре образ, нашедший соответствующее языковое воплощение [СДЭС 2009: 388]. Вепсское сложное слово *jumalan/kušak* 'божий кушак' подчеркивает мифологическое содержание названия в южновепсском ареале;

2) raduga (< рус. *радуга*) употребительна в двух населенных пунктах (Št, En) и является практически единственным специальным термином для наименования понятия 'радуга'.

Таким образом, названия *радуги* в вепсском языке исключительно разнообразны, здесь представлены как вполне нейтральные лексемы, такие как *kare* и *bembel'* 'дуга', которые описывают внешний вид явления, а также и лексемы, которые переплелись с мифологией (*jumalan/kušak* 'божий кушак', *kollian/bembel'* 'дуга мертвеца', *jumalan/heboine* 'божья лошадка') или возникли под воздействием детской речи как следствие аллитерации из диминутивной формы названия радуги *kare* ~ *karoi*: *kiroi-karoi, kir'oi-kar'oi, iroi-karoi, orei-karei, il'oi-kal'oi.*

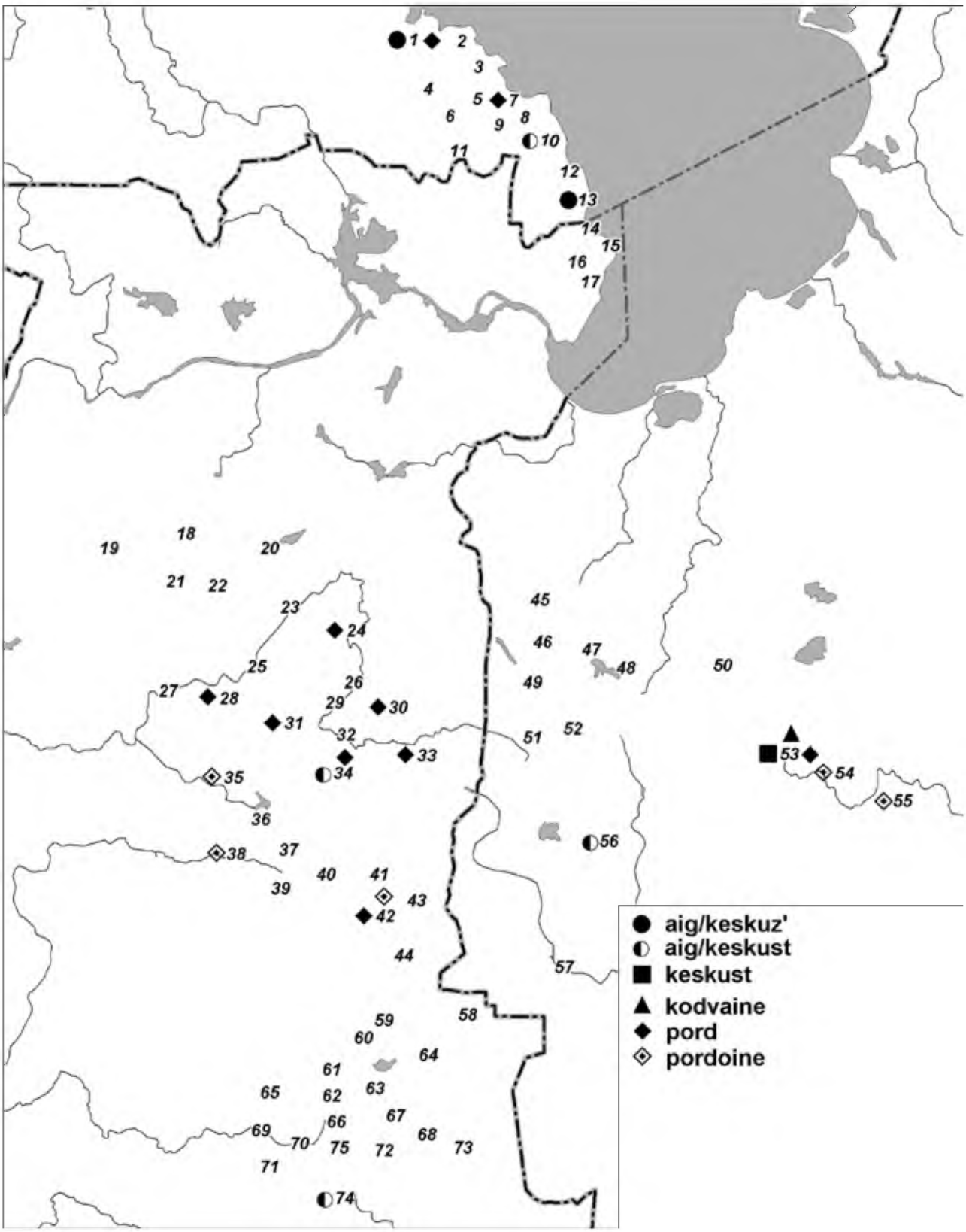
В целом данная лингвистическая карта интересна тем, что дает возможность проследить за развитием семантических возможностей вепсского языка, расширением значений слов, приспособлением русских заимствований для передачи искомого значения, что демонстрирует своеобразие путей пополнения вепсского лексического тезауруса.

Н.Г. Зайцева, И.И. Муллонен

---

* Лексема *il'oi-kal'oi*, отражая особенности произношения детьми звука *r* как *l'*, входит именно в этот же ряд и не имеет отношения к слову *ilo* 'веселье', как полагает И.Ю. Винокурова [Винокурова 2015: 146].

62 (205). Именования понятия ‘промежуток времени’

Легенда карты

1) **aig/keskuz’**
aig/keskust
2) **keskust**
3) **kodvaine**
4) **pord**
pordoine

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **aig/keskuz’**: *сев* Š, Kas
aig/keskust: *сев* Kl // *ср* Mg, Päž // *южн* Ars
2) **keskust**: *ср* Pnd
3) **kodvaine**: *ср* Pnd
4) **pord**: *сев* Š, Št // *ср* Nem, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Noid, Pnd
pordoine: *ср* En, Jog, Noid, Kj, Vl

Цифровой индекс

1) **aig/keskuz’**: 1Š, 13Kas
aig/keskust: 10Kl, 34Mg, 56Päž, 74Ars
2) **keskust**: 53Pnd
3) **kodvaine**: 53Pnd
4) **pord**: 1Š, 7Št, 24Nem, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 42Noid, 53Pnd
pordoine: 35En, 38Jog, 42Noid, 54Kj, 55Vl

Список картографируемого материала

1 — aig/keskuz’, pord [СВЯ: 431]; 2–6 — нет сведений; 7 — pord [СВЯ: 431]; 8–9 — нет сведений; 10 — aig/keskust; 11–12 — нет сведений; 13 — aig/keskuz’; 14–23 — нет сведений; 24 — pord; 25–27 — нет сведений; 28 — pord; 29 — нет сведений; 30–31 — pord; 32 — нет сведений; 33 — pord; 34 — aig/keskust, pord; 35 — pordoine; 36–37 — нет сведений; 38 — pordoine; 39–41 — нет сведений; 42 — pord [СВЯ: 431], pordoine; 43–52 — нет сведений; 53 — keskust [СВЯ: 199], kodvaine, pord [СВЯ: 431]; 54–55 — pordoine; 56 — aig/keskust; 57–73 — нет сведений; 74 — aig/keskust; 75 — нет сведений.

Комментарий

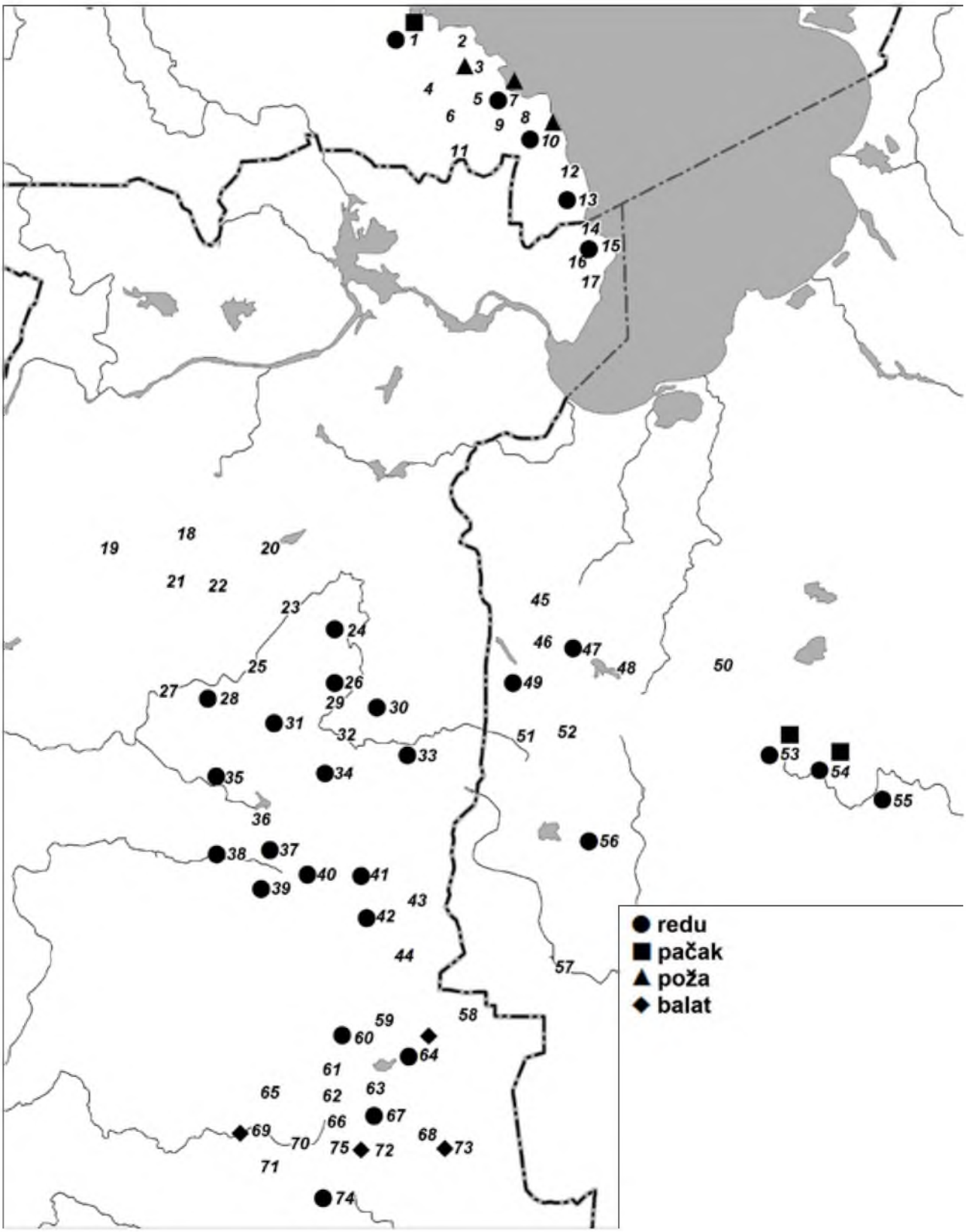
Для обозначения ограниченного промежутка времени в вепсском языке существует несколько слов, но чаще всего используется *pord*. Вепсское *pord* — это, по-видимому, сокращенная форма слова *pordaz* ‘ступень’, которая, оторвавшись от материнского облика, стала наряду с *pordaz* самостоятельной лексемой *pord*. Можно полагать, что сокращение *pord* из *pordaz* имеет характер аналогии, ср. вепс. *leht* и *lehtez* ‘лист’. Причем отметим, что слово вместе с преобразованием фонетического облика изменило и тип вокализма конечного гласного звука основы, ср.: *pordaz* ~ *pordha-n* (GenSing) — *pord* ~ *pordo-n* (GenSing). И в говорах карельского языка нам удалось выявить у лексемы *porras* значение, имеющее отношение к временному отрезку: *porras* ‘период, этап’ [KKS 1993: 403]. Оно отмечено и в этимологическом словаре финского языка, в котором данная лексема рассматривается в качестве заимствования из германских языков в прибалтийско-финские (ср. фин. *porras*, с/к *porras*, люд. *pordas* ‘ступень’ < герм. *borđaz* ‘то же’ [SSA 1995: 400]).

В значении ‘промежуток времени’ в СВЯ представлено слово *kodv*, однако оно дано без указания какого-либо населенного пункта [СВЯ: 214]. В процессе полевого сбора материала для ЛАВЯ в одном из белозерских говоров среднего диалекта (Pnd) зафиксирована образованная с помощью диминутивного суффикса лексема *kodvaine*. Это слово имеет соответствия в финском языке (*kotva*), в карельских наречиях (*kotva, kodva* [KKS 1974: 357], люд. *kodv* [LMS: 143]), являясь, очевидно, северноприбалтийской лексемой, для которой в SSA сделана попытка найти и более дальние языковые соответствия [SSA 2001: 413]. Все эти слова имеют значение ‘недолгий промежуток времени’.

Еще два термина, являющиеся суффиксальными образованиями от слова *kes’k* ‘середина, центр’ (прибалтийско-финское наследие, см. *keski* ‘центр, середина’ [SSA 1992: 349]), — *keskuz’* и *keskust* — обозначают также некоторый промежуток времени. В этом случае в значении ‘промежуток времени’ чаще выступает сложное слово, в котором *keskuz’* ~ *keskust* являются определяемыми компонентами, где в качестве первого компонента выступает слово *aig* ‘время’. Данная конкретизация необходима, поскольку слова *keskuz’* и *keskust* с определяющим компонентом *te* ‘дорога’, *dorog* ‘дорога’, *matk* ‘путь’ могут обозначать также и отрезок пути. Подобные слова встречаются во всех диалектах вепсского языка.

И. В. Бродский

63 (207). Именования понятия ‘грязь’

Легенда карты

1) **redu**
2) **pačak**
3) **poža**
4) **balat**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **redu**: *сев* Š, Št, Kl, Kas, Per // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Šim, Vär, Pnd, Kj, Vl, Päž // *южн* Šid, Ars, Sod, Krl
2) **pačak**: *сев* Š // *ср* Pnd, Kj
3) **poža**: *сев* Veh, Št, Kl
4) **balat**: *южн* Mai, Mas, Sod, Krl

Цифровой индекс

1) **redu**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 67Krl, 74Ars
2) **pačak**: 1Š,53Pnd, 54Kj
3) **poža**: 3Veh, 7Št, 10Kl
4) **balat**: 64Sod; 69Mas, 72Mai, 73Krl

Список картографируемого материала

1 — redu, pačak; 2 — нет сведений; 3 — poža [VV 1992: 140]; 4–6 — нет сведений; 7 — redu, poža [СВЯ: 432]; 8–9– нет сведений; 10 — redu, poža [СВЯ: 432]; 11–12 — нет сведений; 13 — redu; 14 — нет сведений; 15 — redu [VVS]; 16–23 — нет сведений; 24 — redu; 25 — нет сведений; 26 — redu; 27– нет сведений; 28 — redu; 29 — нет сведений; 30–31 — redu; 32 — нет сведений; 33–35 — redu; 36 — нет сведений; 37–42 — redu; 43–46 — нет сведений; 47 — redu; 48 — нет сведений; 49 — redu; 50–52– нет сведений; 53 — redu, pačak [СВЯ: 387]; 54 — pačak, redu; 55 — redu; 56 — redu; 57–59 — нет сведений; 60 — redu; 61–63 — нет сведений; 64 — redu; balat [СВЯ: 40]; 65–66 — нет сведений; 67 — redu/mamš ‘грязнуля’ [СВЯ: 466]; 68 — нет сведений; 69 — balat; 70–71 — нет сведений; 72–73 — balat; 74 — redu; 75 — нет сведений.

Комментарий

Цель данной карты — проиллюстрировать распространение нейтральных именований понятия ‘грязь’ в значении ‘размокшая от воды земля, почва’. Это понятие семантически довольно размытое, о чем свидетельствует и словарь вепсского языка, включающий целый ряд лексем дескриптивного характера, которые могут употребляться в одном-двух пунктах в значении ‘грязь, непролазная грязь, жидкая грязь’ и т. д.: *čapar’* ‘грязь’ [СВЯ: 55], *loč* ‘густая, вязкая грязь’[СВЯ: 294], *štärp* ‘непролазная грязь’ [СВЯ:547] и др. В полевых условиях были выявлены четыре наиболее употребительных нейтральных именования, которые и привлечены к картографированию.

Наиболее распространенным словом, обозначающим грязь, в вепсском языке является *redu*, которое относится не только к общевепсскому, но и к прибалтийско-финскому слою лексики. В карельских наречиях соответствующая лексема также представлена широко в форме *retu/redu* в идентичном вепсскому значении [KKS 1997: 66]. Она участвует здесь в образовании ряда сложных слов, которым может придавать в том числе и мифологическую семантику, указывая на нечистую силу (*retusilmä/redusilmy* ‘черт, леший’) [SSA 2000: 68] и отражая, очевидно, христианское отношение к народным верованиям.

В языке вепсов слово *redu* также проявило способность к образованию разного рода фразеологически связанных сложных слов со значением ‘грязнуля’: *redu/bučoi, redu/bukarik, redu/bumbak, redu/tuk, redu/kogo, redu/pacaz, redu/peza* [СВЯ: 466], что исключительно близко к карельскому употреблению.

В ряде говоров встречается лексема *pačak*. И. И. Муллонен связывает ее с финской диалектной лексемой *patsi*, обозначающей болотистое, грязное низинное место, что семантически близко к вепсской лексеме *pačak* [Муллонен 2002: 288–289].

Лексема *poža** в значении ‘грязь’ зафиксирована только у северных вепсов. Вместе с отмеченным в словаре вепсского языка, близким по значению

* См. более подробно об этой лексеме 72 карту ЛАВЯ.

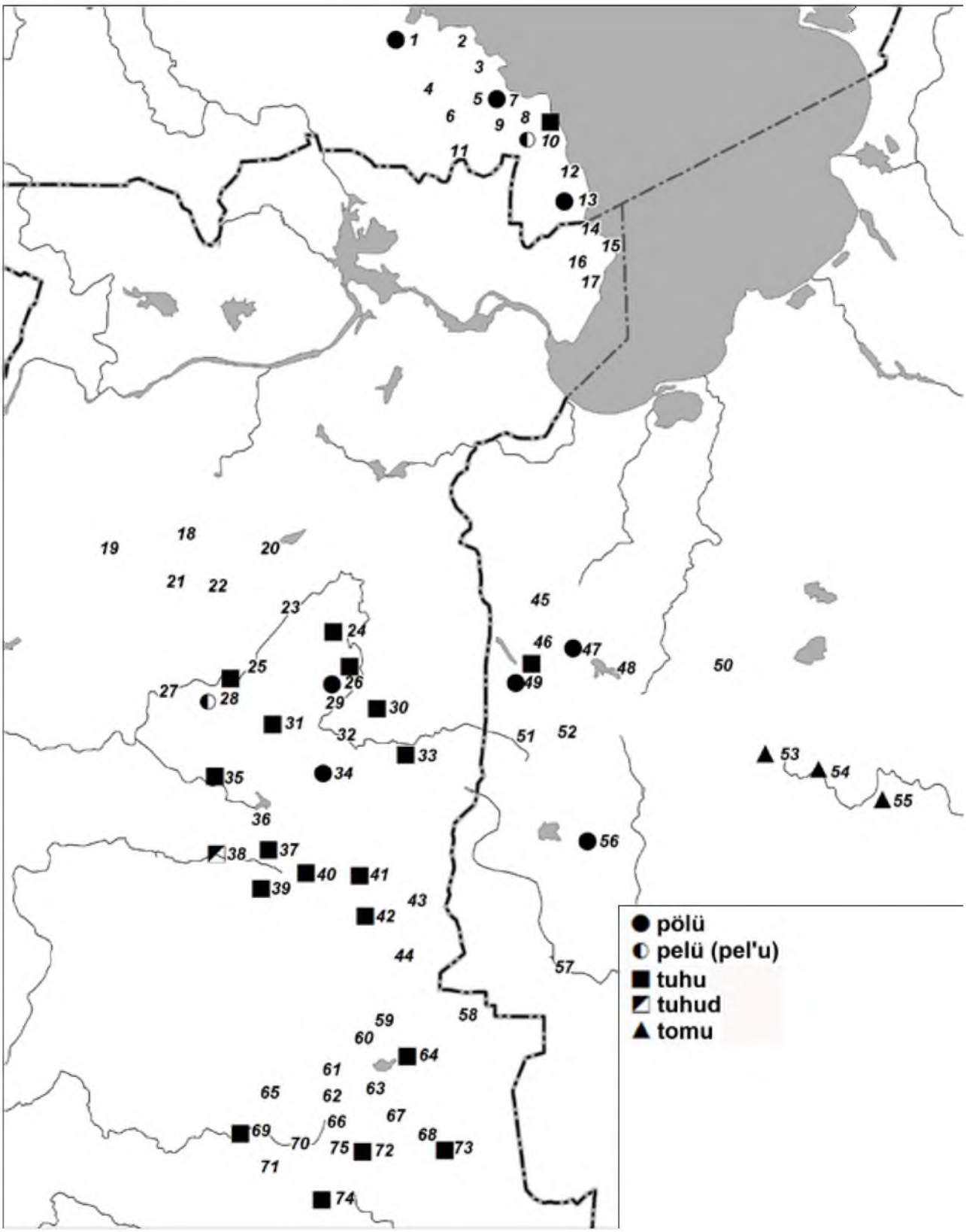
термином *poze* ‘топь, топкое место’ [СВЯ: 432] она уже рассматривались в контексте прибалтийско-финской географической лексики, где привлечено было еще дополнительно сравнение с архангельской лексемой *поча* ‘болотистое место на лугу, весной заливаемое водой’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 74–75]. В СРНГ в вытегорских и олонецких говорах также отмечена лексема *пожа* в значении ‘заросшая река’ [СРНГ 1994: 287].

Истоки *poža* и *poze* не ясны, во всяком случае, на прибалтийско-финской почве. Настораживает внешний облик вепсской лексемы *poža* с шипящим *ž*. В соответствие с вепсской фонетической закономерностью появление шипящего звука провоцировалось предшествующим гласным *i*, т. е. ***s*** > ***š*(*ž*)**, как это случилось в словах типа *lašk* (ср. фин. *laiska*) ‘ленивый’, *muštta* (ср. фин. *muistaa*) ‘помнить’ [Tunkelo 1946: 321–323]. Отсутствие следов ***i*** свидетельствует в пользу заимствованного характера данной лексемы в язык вепсов. Неясно также, связаны ли между собой этимологически термины *poža, poze* и русское диалектное *поча*, характеризующиеся несомненной семантической близостью. Высказано осторожное предположение об их корнях в реконструированном прасаам.**põčče* (>саам. *vuoč’č’o* ‘болото’), присутствовавшем в языке доприбалтийско-финских обитателей края [Муллонен 2002: 286–289].

Южновепсская лексема *balat* по своему внешнему облику указывает на источник заимствования — русские говоры. В частности, в них встречаются такие формы, как *болотня, болотяй* ‘топкое, болотистое место’ [СРНГ 1968: 80], семантически близкие к значению вепсской лексеме *balat*.

Н.Г. Зайцева

64 (208). Именования понятия ‘пыль’

Легенда карты

1) **pölü**
pelü (pel’u)
2) **tuhu**
tuhud
3) **tomu**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **pölü**: *сев* S, **Kas**, Št // *ср* Mg, Jä, Šim, Päž
pelü (pel’u): *сев* Kl // *ср* Vil
2) **tuhu**: *сев* Kl // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, En, Har, Kor, Nür, Reb, Noid, Vär // *южн* Mai, Mas, Ars, Sod, Vg
tuhud: *ср* Jog
3) **tomu**: *ср* Pnd, Kj, Vl

Цифровой индекс

1) **pölü**: 1Š, 7Št, 13Kas, 26Jä, 34Mg, 47Šim, 49Vär, 56Päž
pelü (pel’u): 10Kl, 28Vil
2) **tuhu**: 10Kl, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 35En, 37Kor, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 73Vg, 74Ars
tuhud: 38Jog
3) **tomu**: 53Pnd, 54Kj, 55Vl

Список картографируемого материала

1– pölü; 2–6 — нет сведений; 7 — pölü; 8–9 — нет сведений; 10 — pelü; tuhu [VVS] ‘пыль’; 11–12 — нет сведений; 13 — pölü; 14–23 — нет сведений; 24 — tuhu; 25 — нет сведений; 26 — tuhu; pölü [СВЯ: 456]; 27 — нет сведений; 28 — tuhu, pel’u [СВЯ: 456]; 29 — нет сведений; 30–31 — tuhu; 32 — нет сведений; 33 — tuhu; 34 — pölü; 35 — tuhu; 36 — нет сведений; 37 — tuhu; 38 — tuhud; 39–42 — tuhu; 43–46 — нет сведений; 47 — pölü; 48 — нет сведений; 49 — tuhu, pölü; 50–52 — нет сведений; 53–55 — tomu; 56 — pölü; 57–63 — нет сведений; 64 — tuhu; 65–68 — нет сведений; 69 — tuhu; 70–71 — нет сведений; 72 — tuhu; 73 — tuhu [СВЯ: 581]; 74 — tuhu; 75 — нет сведений.

Комментарий

Вопрос по именованию понятия ‘пыль’ (т. е. ‘мелкие сухие частицы, носящиеся в воздухе или оседающие на поверхности чего-либо’) позволил выявить в языке вепсов три различных лексемы.

Раритетна в вепсском языке лексема *tomu*, которая характерна лишь для восточных (белозерских) говоров вепсского языка. Она слабо представлена и в карельских говорах, совсем не отмечена в словаре ливвиковского наречия Г. Н. Макарова [Макаров 1990] и словаре тверских говоров А. В. Пунжиной [Пунжина 1994]. В KKS указано ее употребление в севернокарельских говорах и ограниченно в некоторых ливвиковских пунктах в значении ‘затхлый запах’ [KKS 2005: 145], а также в людиковской Тивдии в значении ‘пыль’ [LMS: 435], идентичном семантике восточновепсской лексемы.

Этимологические словари отмечают ее в финском, отчасти в карельском и эстонском языках. Очевидно, лексема *tomu* была юго-восточной прибалтийско-финской инновацией, которая этимологами связывается по происхождению с дескриптивными глаголами типа *tomahtaa* ~ *tömähtää* ‘грохнуть, бабахнуть и т. д.’ [SSA 2000: 309].

В значении ‘пыль’ в вепсском языке наиболее частотна лексема *tuhu*, которая объединяет средне- и южновепсские говоры. В вепсском языке функционирует также лексема *tuho* ‘метель, буря’, семантически близкая к именованию понятия ‘пыль’. Считается, что они восходят к единому этимологическому источнику и представляют ономатопоэтическую лексику, связанную с глаголами типа *tuhertaa, tuhista, tihistä* ‘сопеть, фыркать, царапать’ и т. д. [SSA 2000: 320]. В карельском лексема *tuhu* в значении ‘снежная метель, буря’ зафиксирована только в ливвиковском языковом ареале [KKS 2005: 264; Макаров 1990: 388]. На этом фоне можно предполагать, что употребление лексемы *tuhu* в значении ‘пыль’ является своеобразной вепсской семантической инновацией.

В целом же для родственных прибалтийско-финских языков наиболее характерна для именования значения ‘пыль’ лексема, которая на вепсской почве

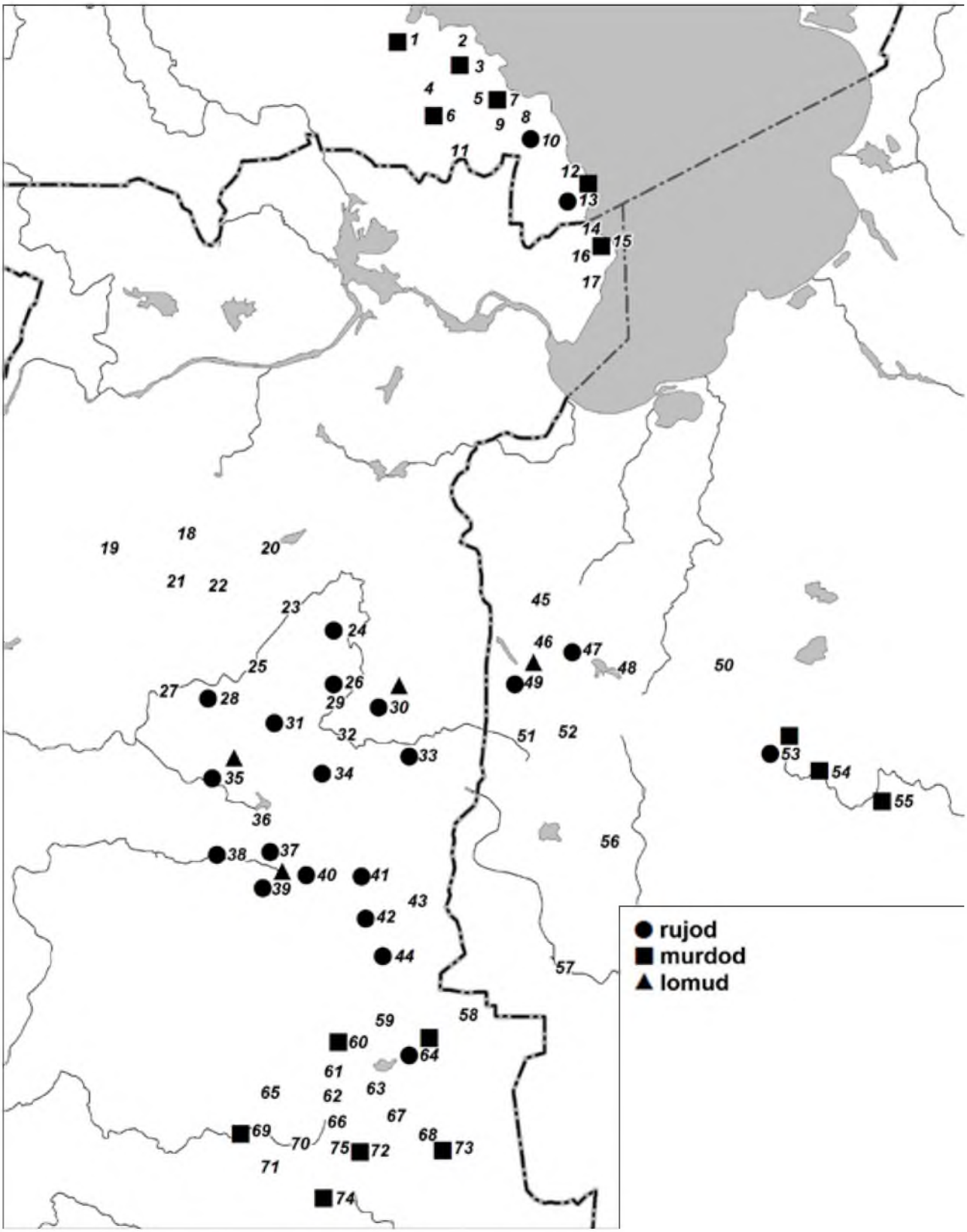
обозначается как *pölü*. В SSA предполагается, что *pöly* — это лабиализованный вариант формы *pelu,* которая, в свою очередь, является балтийским заимствованием: *pélūs* ‘отруби, высевки’ [SSA 1995: 467]. В двух вепсских говорах она и сейчас имеет фонетический вид *pelü* (Kl, Vil), который вряд ли воспроизводит историческое звучание. Скорее всего, здесь произошла повторная делабиализация звука ***ö***.

Таким образом, функционирование в говорах трех именований понятия ‘пыль’ в основном является закрепленным, т.е. каждый говор характеризуется одним определенным словом. Однако лексемы *pölü* и *tuhu* обнаружены в части говоров как употребляющиеся параллельно. В некоторых говорах лексема *tuhu* обозначает ‘пыль на дороге’, в то время как лексема *pölü* больше направлена на называние пыли, которая оседает на предметах в доме, собирается от одежды и т.д. В целом носители языка с трудом разъясняли разницу в семантике. Очевидно, с этим связано и отсутствие каких-либо дополнительных пояснений в СВЯ, в котором все три существительных переведены словом ‘пыль’ [СВЯ: 456, 575, 581]. Вполне возможно, что русский литературный язык, в котором нет лексического различия в передаче семантики оттенков и видов пыли, повлиял таким образом, что и в вепсском языке эти слова стали выступать как синонимы.

Ареалирование выявило в очередной раз, что довольно редкая прибалтийско-финская лексема *tomu* бытует только в восточновепсских говорах, которые, находясь на самой окраине вепсского региона, демонстрируют стремление к сохранению исконной лексики.

Н.Г. Зайцева

65 (209). Именования понятия ‘мусор’

Легенда карты

1) **rujod**
2) **murdod**
3) **lomud**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **rujod**: *сев* Kl, Kas // *ср* Nem, Jä, Vil, En, Ladv, Mg, Pec, Kor, Rih, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Korv, Vär, Šim, Pnd // *южн* Sod
2) **murdod**: *сев* Š, Št, Kas, Per, Van, Veh // *ср* Pnd, Kj, Vl // *южн* Mai, Mas, Šid, Ars, Sod, Vg
3) **lomud**: *ср* Rih, En, Vär, Har

Цифровой индекс

1) **rujod**: 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog,39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 44Korv, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 64Sod
2) **murdod**: 1Š, 3Veh, 6Van, 7Št, 13Kas, 15Per, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 73Vg, 74Ars
3) **lomud**: 30Rih, 35En, 39Har, 49Vär

Список картографируемого материала

1 — murdod; 2 — нет сведений; 3 — murd [VVS] ‘соринка (NomSing)’; 4–5 — нет сведений; 6 — murdon [VVS] ‘соринка (GenSing)’; 7 — murdod; 8–9 — нет сведений; 10 — rujod; 11–12 — нет сведений; 13 — murdod, rujod; 14 — нет сведений; 15 — murd [VVS] ‘мусор (NomSing)’, rujo [VVS] ‘мусор (NomSing)’; 16–23 — нет сведений; 24 — rujod; 25 — нет сведений; 26 — rujod; 27 — нет сведений; 28 — rujod; 29 — нет сведений; 30 — lomud, rujod; 31– rujod; 32– нет сведений; 33–34 — rujod; 35 — rujod, lomud (у печки); 36– нет сведений; 37–38 — rujod; 39 — rujod, lomud; 40–42 — rujod; 43 — нет сведений; 44 — rujo [VVS] ‘мусор (NomSing)’; 45–46 — нет сведений; 47 — rujod; 48 — нет сведений; 49 — rujod, lomu; 50–52 — нет сведений; 53 — murdod ‘мусор на столе’, rujod ‘мусор на полу’; 54–55 — murdod; 56–59 — нет сведений; 60 — murdod; 61–63 — нет сведений; 64 — murdod [СВЯ: 337], rujod [СВЯ: 483]; 65–68 — нет сведений; 69 — murdod; 70–71 — нет сведений; 72 — murdod; 73 — murdod [СВЯ: 337]; 74 — murdod; 75 — нет сведений.

Комментарий

В вепсском языке для именования понятия ‘мусор’ используются две лексемы прибалтийско-финского происхождения (*rujod* и *murdod*), которые представляют собой формы мн. числа, содержащие в своем составе показатель мн. числа ***-d***, указывающий тем самым на некую собирательность термина. Существительное *rujo* ~ *rujod* относят к дескриптивной лексике прибалтийско-финского происхождения [SSA 2000: 101]. В карельских наречиях данная лексема чаще употребляется в значении ‘немощный, ветхий’ и т. д. [KKS 1997: 178; LMS 1944: 368], которое семантически лишь отчасти идентично вепсскому.

В словаре вепсского языка у слова *rujod* [СВЯ: 483] в отдельных говорах указано значение, связанное с сельскохозяйственной лексикой — ‘мякина, отходы при молотьбе’: *kagraspää i rughespää rujod tegesoo* ‘от овса и ржи остается мякина’.

Лексема *murdod* в этимологическом словаре финского языка [SSA 1995: 182] помещена в этимологическое гнездо глагола *murtaa* ‘ломать, разбивать’. Судя по ареалу бытования, объединяющему северный и южный диалекты, а также восточные средневепсские говоры, семантика ‘мусор’ является правепсской. В карельских наречиях в значении ‘мусор’ слово практически неизвестно. В тверских говорах удалось обнаружить существительное *murdiezet* (DimNomPl) со значением ‘отходы льна после трепания, отрепки’ [Пунжина 1994: 167], семантически близком к значению ‘мусор’. Вполне возможно, что и вепсская лексема вначале входила в круг сельскохозяйственной лексики, поскольку близка по своей семантике к тверскому *murdiezet*, что еще раз указывает на общность некоторых явлений, связанных с домашним или сельским хозяйством, у тверских карелов и вепсов*.

В ряде средневепсских говоров бытует заимствованная русская диалектная лексема *lom (lomud)* < *лом*, которая в вологодских, архангельских,

* Ср., напр., также 129 карту ЛАВЯ.

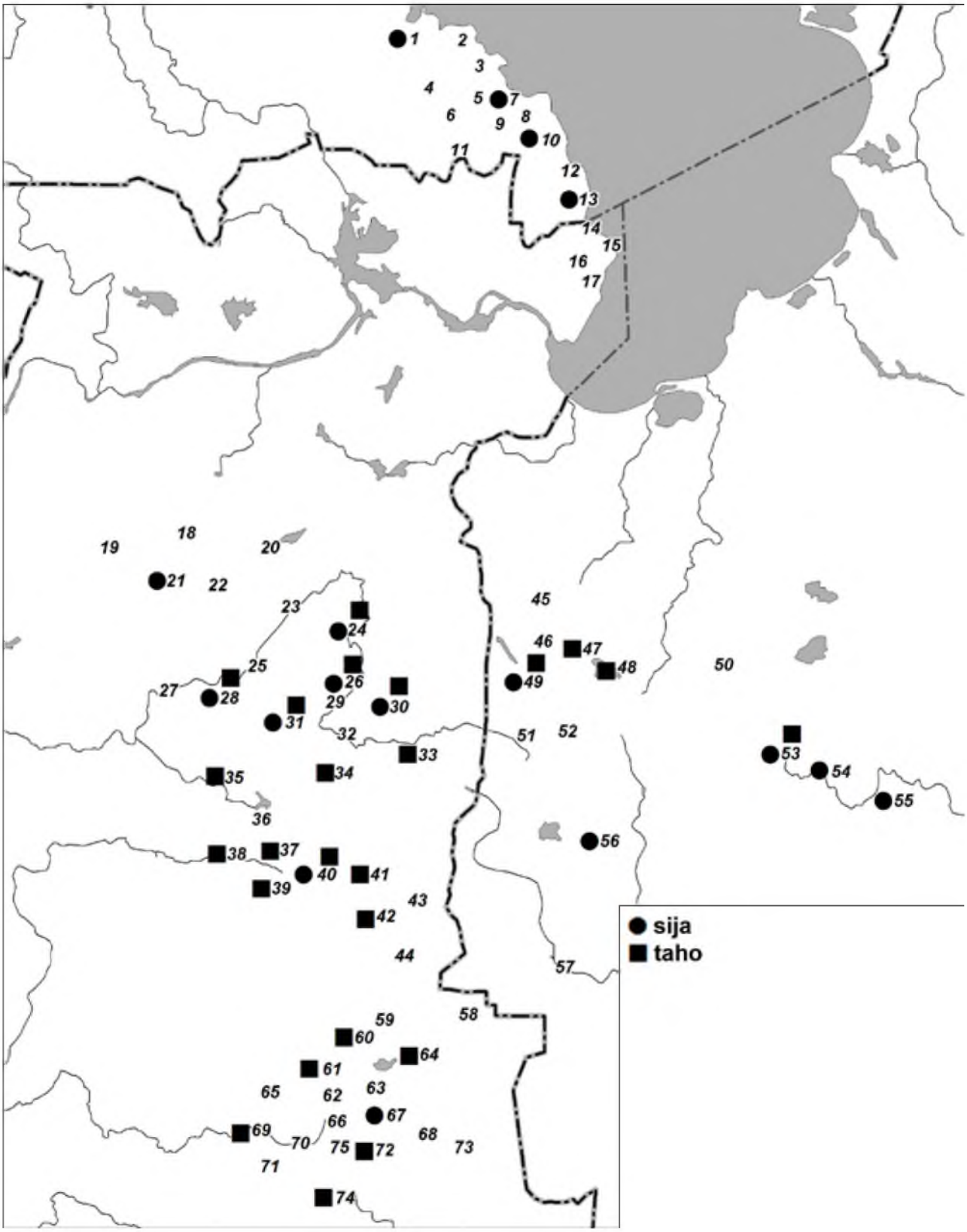
костромских говорах употребляется в значении ‘сор в избе’ [СРНГ 1981: 115].

В заключение следует отметить, что для обозначения разного рода отходов существует много именований. Носители языка пытались конкретизировать именования отходов. Так, например, в Пондале (Pnd), где зафиксированы лексемы *murdod* и *rujod*, информанты сообщали, что *murdod* — это чаще ‘мусор на столе’; *rujod* — ‘мусор на полу’, хотя, по их мнению, можно сказать и наоборот. Особенно же много названий различных отходов существовало для называния отходов, возникавших при обработке сельскохозяйственных культур. В данном случае и наименования домашнего мусора в вепсском языке, очевидно, имеют отношение именно к этой сфере лексики и возникали как своеобразные термины сельскохозяйственной деятельности.

Н.Г. Зайцева

Ландшафт

66 (210). Именования понятия ‘место, местность’

Легенда карты

1) **sija** 2) **taho**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **sija**: *сев* Š, Št, Kas, Kl // *ср* Kar, Nem, Jä, Rih, Pec, Vil, Vär, Päž, Pnd, Kj, Vl // *южн* Krl

2) **taho**: *ср* Nem, Jä, Rih, Ladv, Mg, Pec, Vil, En, Kor, Jog, Har, Nür, Noid, Reb, Vär, Pk, Šim, Pnd // *южн* Čai, Sod, Mas, Mai, Šid, Ars

Цифровой индекс

1) **sija**:1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 21Kar, 24 Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 67Krl

2) **taho**: 24 Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 60Šid, 61Čai, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — sija; 2–6 — нет сведений; 7 — sija; 8–9 — нет сведений; 10 — sija; 11–12 — нет сведений; 13 — sija; 14–20 — нет сведений; 21 — sija [СВЯ: 511]; 22–23 — нет сведений; 24 — sija, taho; 25 — нет сведений; 26 — sija, taho; 27 — нет сведений; 28 — sija, taho; 29 — нет сведений; 30–31 — sija, taho; 32 — нет сведений; 33–35 — taho; 36 — нет сведений; 37–42 — taho; 43–46 — нет сведений; 47 — taho; 48 — taho [СВЯ: 557]; 49 — sija, taho; 50–52 — нет сведений; 53 — sija, taho; 54–56 — sija; 57–59 — нет сведений; 60 — taho; 61 — taho [СВЯ: 557]; 62–63 — нет сведений; 64 — taho; 65–66 — нет сведений; 67 — sija [СВЯ: 511]; 68 — нет сведений; 69 — taho; 70–71 — нет сведений; 72 — taho; 73 — нет сведений; 74 — taho; 75 — нет сведений.

Комментарий

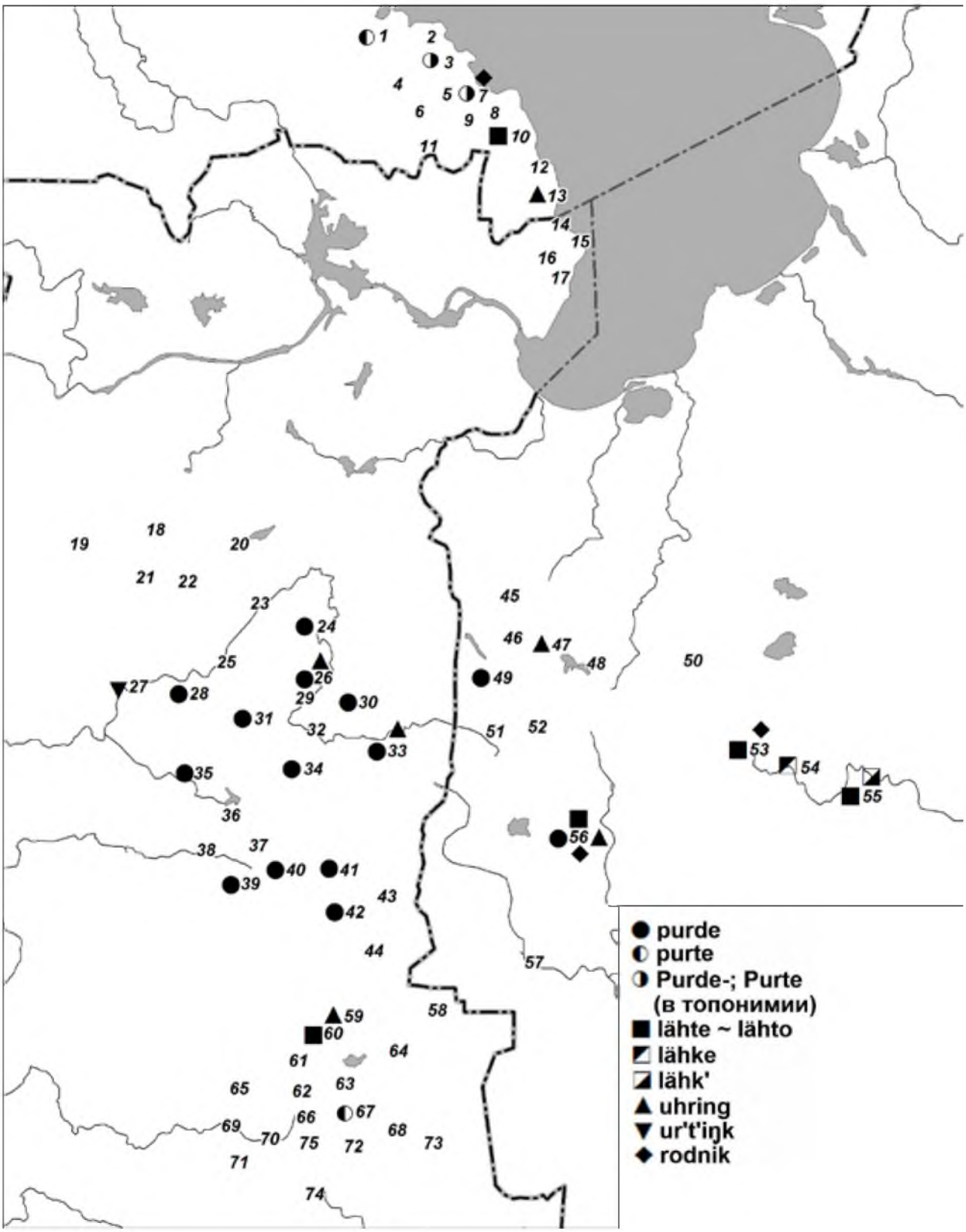
В использовании лексем в значении ‘место, местность’ просматривается некоторое ареальное противостояние: в то время как *sija* бытует в северной части вепсского языкового ареала (северные и средние говоры), *taho* представлено в южных и средних говорах. При этом лексема *sija* известна большинству говоров, в том числе и южных, в значении ‘постель (место для сна)’. Эта семантика конкретного места присуща всем прибалтийско-финским, а также саамским языкам. С учетом того, что схожее значение бытовало и в том германском слове, которое послужило источником заимствования (**stījā* ‘загородка, ограда (для мелкого скота)’ [SSA 2000: 178–179]), можно полагать, что семантика ‘место для сна’ была первоначальной, а более абстрактное значение ‘место (вообще)’ сформировалось позже и мало затронуло (или почти не затронуло) южные и примыкающие к ним средневепсские говоры бассейна р. Капши, где эта функция закрепилась за словом *taho*. Кроме того, у слова *sija* развилась вторичная семантика ‘дом, хозяйство (жениха)’ [средневепсские говоры по данным СВЯ: 511]; оно входит также в состав широко бытующего устойчивого оборота *kaik sijad* ‘всё’, букв. ‘все места’.

В современном средневепсском бытовании лексемы *sija* и *taho* практически полностью синонимичны. Если рассматривать их на общем прибалтийско-финском фоне, то обращает на себя внимание специфика вепс. *taho*, которое в других прибалтийско-финских языках (ср. фин., кар.) входит в семантическое поле ‘сторона, бок, край, угол’, а также ‘направление’ [SSA 2000: 252]. В данном контексте не исключено, что на развитие семантики ‘место, местность’ в южных и средневепсских говорах повлияли территориально смежные русские говоры.

В вепсских говорах бытуют еще две лексемы для обозначения понятия ‘место’, однако они имеют на фоне *sija* и *taho* более специализированное значение: *paik* обозначает небольшой ограниченный участок местности, а *koht*, исходя из бытования основы в постпозиции и наречиях *kohtas* ‘против, перед’, *kohtha* ‘напротив’, ‘напрямик’ и др., первоначально было связано с обозначением места, расположенного напротив.

И. И. Муллонен

67 (211). Именования понятия ‘источник, родник’

Легендакарты

1) **purde**
purte
Purde-; Purte (в топонимии)
2) **lähte~lähto**
lähke
lähk’
3) **uhring**
ur’t’iŋk’
4) **rodnik**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **purde**: *ср* En, Nem, Jä, Rih, Ladv, Mg, Pec, Vil, Noid, Nür, Har, Päž , Reb, Vär
purte: *южн* Krl
Purde-; Purte (в топонимии): *сев* Veh, Š, Št
2) **lähte ~ lähto**: *сев* Kl // *ср* Päž, Pnd, Vl // *южн* Šid
lähke: *ср* Kj
lähk’: *ср* Vl
3) **uhring**: *сев* Kas // *ср* Jä, Ladv, Šim, Päž // *южн* Šid
ur’t’iŋk’: *ср* Kos
4) **rodnik**: *сев* Št // *ср* Pnd, Päž

Цифровой индекс

1) **purde**: 24 Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 56Päž
purte: 67Krl
Purde-; Purte (в топонимии): 1Š, 3Veh, 7Št
2) **lähte ~ lähto**: 10Kl, 53Pnd, 55Vl, 56Päž, 60Šid
lähke: 54Kj
lähk’: 55Vl
3) **uhring**: 13Kas, 26Jä, 33Ladv, 47Šim, 56Päž, 60Šid
ur’t’iŋk’: 27Kos
4) **rodnik**: 7Št, 53Pnd, 56Päž

Список картографируемого материала

1 — уг. *Purde/niit*, ур. *Purde/dorog*; 2 — нет сведений; 3 — бол. *Purde/so*, 4–6 — нет сведений; 7 — ур. *Purte ~ Purtked,* rodnik; 8–9 — нет сведений; 10 — lähte; 11–12 — нет сведений; 13 — uhring; 14–23 — нет сведений; 24 — purde; 25 — нет сведений; 26 — purde, uhring; 27 — ur’t’iŋk’[VVS]; 28 — purde; 29 — нет сведений; 30–31 — purde; 32 — нет сведений; 33 — purde, uhring; 34–35 — purde; 36–38 — нет сведений; 39–42 — purde; 43–46 — нет сведений; 47 — uhring; 48 — нет сведений; 49 — purde; 50–52 — нет сведений; 53 — lähto; rodnik; 54 — lähke, 55 — lähto, lähk’; 56 — purde, lähte, uhring, rodnik; 57–59 — нет сведений; 60 — lähte, uhring [VVS]; 61–66 — нет сведений; 67 — purte ‘открытое место в лесу, поляна’ [СВЯ: 441]; 68–75 — нет сведений.

Комментарий

Судя по ареалу, лексема *purde* имела в прошлом более широкое распространение и была, очевидно, основным термином для именования понятия ‘источник, родник’. На это указывает относительно хорошая его сохранность в западных средневепсских говорах, включая и группу переходных говоров верховий р. Капши, спорадические фиксации в северновепсском, а также южновепсском ареале. При этом термин уже практически утрачен говорами вепсского Прионежья, где его бытование в значительной степени реконструировано лишь по топонимическим фиксациям конца XX века: бол. *Purde/so* Veh, пок. *Purde/niit*, поле *Purde/pöud*, ур. *Purde/dorog* Š, ур. *Purte* Št. В архивных материалах начала XX века зафиксированы ур. *Пурды,* или *Пурдога* (Вангимова Сельга), а также *Пурдеж* (Ржаное Озеро)*.

Южновепсская фиксация лексемы в форме *purte* ‘открытое место в лесу, поляна’ в Krl [СВЯ: 441], видимо, представляет собой результат семантического развития исходного значения, хотя может быть и топонимом, попавшим в словарь. В 80-х годах XX века наша научная экспедиция зафиксировала в Krl название лесного покоса *Purte*, что в любом случае подтверждает бытование термина в южновепсском ареале.

* Здесь и далее примеры топонимов извлечены из Научной картотеки топонимов Карелии (хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН).

На территории восточных средневепсских говоров слово отсутствует, если не считать одной фиксации в Vär, на границе, разделяющей западные и восточные говоры среднего диалекта. Кроме того, лексема *purde ~ burde* ‘родник’ фиксируется в южнолюд. говоре Михайловского (Kuujärvi), а топонимическое функционирование позволяет расширить карельский (ливв.-люд.) ареал лексемы, включив в него говоры Святозера (родник *Burde* и *Agd'anpurde*)*, Прякки (угодье *Purde/peldo* или *Purdegen/peldo*), Самбатуксы (покос *Purde),* Коткозера (руч. *Burrin/oja*), ведлозерской Сыссойлы (оз. *Purdoi/lambi*). Бытование *purde ~ burde* в южнолюдиковском ареале, на северных рубежах вепсской территории, при полном отсутствии на остальной карельской территории подтверждает его вепсские корни [Муллонен 2002: 162], а топонимические фиксации, затрагивающие ливвиковскую территорию, могут свидетельствовать и о более широком и глубоком проникновении вепсской лексемы в карельский язык.

Для реконструкции исторического ареала данной лексемы важно учесть и севернорусские фиксации, в частности, олон. *пурдажник (курдажник)* ‘еловый лес на топком месте’, *пурвиж* ‘торф, торфяное болото’ [СРНГ 1999: 135], вытег. *пурдожина* ‘торф’, *пурдежная земля* ‘глинистая почва, хорошо удерживающая влагу’ [СРНГ 1999: 136], а также, видимо, территориально более отдаленные, но фонетически безупречные арханг. *пурдеж* ‘низкое болотистое место на поле’, *пурдега* ‘низкая плохая трава на сырых местах’ [СРНГ 1999: 136]. Стоит обратить также внимание на топонимы д. *Пурдега*, мыс *Бурднаволок*, покос *Бурда* в Заонежье, а также ур. *Пурдога*, д. *Пурдога*, *Пурдовский родник* в северном Белозерье, которые, видимо, являются вепсским языковым наследием на этих обрусевших территориях. Приведенные русские диалектные и топонимические данные подтверждают прочные позиции лексемы *purde* на ранних этапах вепсской языковой истории.

В «Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков» для вепсского слова предложена германская этимология [ALFE 2004: 400–403], которая выглядит неубедительной и в силу семантики германского этимона, и в общем контексте отсутствия в вепсских говорах таких германских заимствований, которые не имели бы аналогов в других прибалтийско-финских языках. В свою очередь, финский исследователь А. Ряйсянен, анализируя истоки фин. термина *puro* ‘ручей’, высказался за его родство с вепс. *purde*. При этом он возвел фин. *puro* к *puristaa* ‘жать, выжимать’, *pursua* ‘сочиться, просачиваться’, тем самым предполагая сходный отглагольный путь развития и для вепсского *purde* [Räisänen 2010: 515]. Однако такая интерпретация не объясняет *-d-* в основе вепсского слова. Логичнее полагать, что термин *purde* < **purdeg* является исконно вепсским производным от прибалтийско-финской глагольной основы *puurta-* (фин. *puurtaa*, кар. *puurie*), в широком семантическом поле которого присутствуют значения ‘копать, формировать русло, суетиться’, а в числе производных известны фин. *puurto*, *puurtamo* ‘след на водной поверхности от подводного камня, водоворот’, *puurto* ‘труд, старание’, а также *lähteenpuurto* ‘небольшой родник, водянистое место’, *merenpuurto* ‘быстрое повышение и понижение уровня воды и море’ и др. [SSA 1995: 446]. В этом ряду находится и вепс. *purde*, при том что исходный глагол в вепсских говорах отсутствует, будучи, очевидно, утраченным.

Лексема *purde* отсутствует в родственных прибалтийско-финских языках. Глухой вариант *purte* может быть вызван оглушением, которое произошло в основе слова (*purtke-n*: GenSing) вследствие закономерного выпадения гласного второго слога. Наоборот, звонкий вариант с озвончением начального согласного (*Burde*), который зафиксирован в топонимах, спровоцирован звонко-сонорным кластером *-rd-* внутри слова.

Интерпретация вепс. *purde* как отглагольного имени подтверждается косвенно словообразовательным анализом другого термина — *lähte* ‘колодец, родник’, явного отглагольного имени, ср. *lähtta* (< **lähteδäk*) ‘выходить, идти’. В нем представлен тот же алгоритм рождения ландшафтного термина.

Термин *lähte* известен во всех трех вепсских диалектных ареалах в значении ‘колодец’, однако при этом в некоторых говорах слово спорадически используется и для обозначения родника — видимо, в силу близости самих понятий и большого количества родниковых колодцев. Эту особенность наглядно демонстрируют восточные средневепсские говоры Pnd, Kj, Vl, в которых произошла и определенная трансформация звукового облика формы номинатива; в качестве нее обобщилась усеченная гласная основа имени (*lähtke-n* > *lähken* GenSing > *lähk* NomSing). В северновепсских говорах Št и Š, а также в восточных средневепсских Šim и Pnd *lähte* приобрело значение ‘прорубь’. Это или результат самостоятельного семантического развития лексемы, или, скорее, следствие карельского языкового влияния: семантика ‘прорубь’ присуща слову во всех карельских диалектах. В свою очередь, именно северные и восточные вепсские говоры оказались наиболее подвержены карельскому языковому влиянию.

* На карты вынесены только топонимы собственно вепсской территории.

Точечно в отдельных говорах вепсского языка представлен термин *uhring*, видимо, соотносимый с *urting* 'родник, топкое вязкое место, яма в лесу'. Происхождение лексемы, а также фонетические связи между названными вариантами затемнены, однако, исходя из семантики, не исключена их связь с глагольной основой, представленной в *urd'a, urdada* 'прорывать, размывать' и ее производным вепс. *urdam* 'промоина', люд. *uurdam* 'ручей с топкими берегами'. Стоит обратить внимание и на вепс. *uru* 'борозда' и его соответствия в родственных языках (фин., кар. *ura*), которые, в конечном счете, также, видимо, связаны с глаголом *uurtaa* (фин.), *urd'a, urdada* (вепс.) [SSA 2000: 380]. В пользу такой интерпретации говорит тот же алгоритм рождения отглагольного имени, который действует и в других лексемах, служащих для называния родников. *Urting* (возможно, и *uhring*) может квалифицироваться как отглагольное имя с суффиксом *-ng* (прибалтийско-финский *-nko*), обозначающим результат действия, выраженного глаголом [Hakulinen 1968: 174]. Присутствие *-h* в *uhring* может быть наследием прибалтийско-финского долгого *-uu* (ср. фин. *uurtaa* 'рыть' и его производные *uurto, uurre, uurtana*). На эту мысль наводит подобный фонетический процесс колебания в употреблении *-h* в позиции конца слога, зафиксированный в финских говорах, например, *huomata ~ hohmata* 'заметить', *saara ~ sahra* 'развилина', *tuulata ~ tuhlata* 'растратить, растранжирить' и др., ср. также кар. *huumar ~ huhmar* 'ступка' [Rapola 1966: 252–252]. Генезис явления до конца не описан, хотя очевидно, что свою роль играет фонетическое окружение, поскольку *-h* появляется на стыке долгого гласного и сонорного согласного. По сути, схожая ситуация в *uhring*. В целом следует признать определенную условность предложенной этимологической интерпретации; остаются вопросы с гласным *-i-* во втором слоге, глухим *-t-* в варианте *urting*. Непонятно, как квалифицировать в этом ряду представленную в электронном ресурсе Л. Кеттунена лексему *ouring* 'яма в лесу' в Čai [VVS], а также существует ли связь между *uhring* и *kuhr* 'небольшая яма в лесу, на болоте', бытующим в Pnd [СВЯ: 239] — с учетом сходства семантики и некоторой неустойчивости инициального согласного в позиции перед *-u*, ср. *uhm* и *kuhm* 'шишка', *uho* и *tuho* 'метель'?* Судя по немногочисленным фиксациям, тяготеющим к водоразделу волжского и балтийского водных бассейнов, а также отсутствию надежных топонимических фиксаций за пределами этого локального ареала, можно полагать, что термин изначально имел ограниченное бытование. В сочетании с неясной этимологией это может свидетельствовать о его субстратном происхождении.

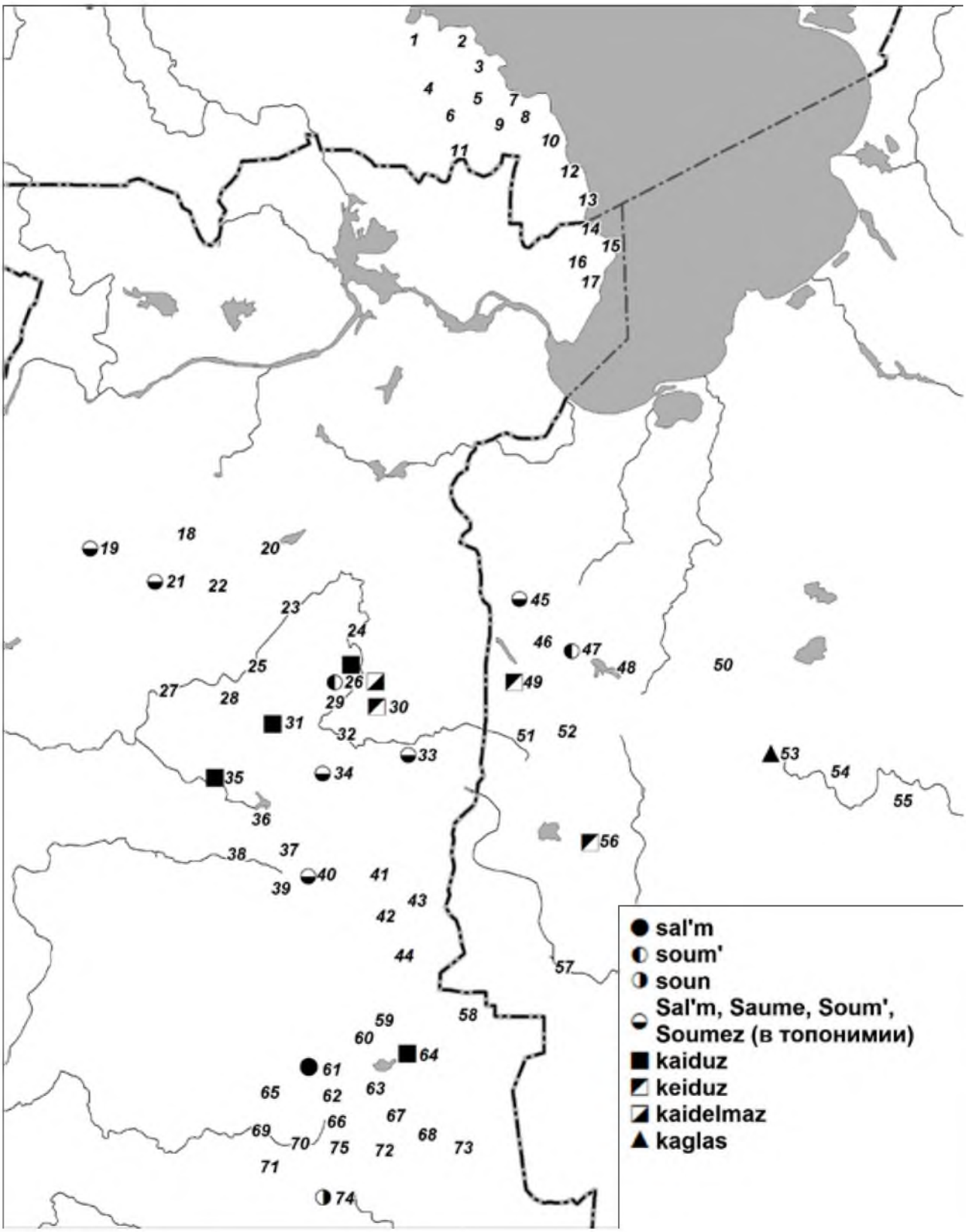
Наконец, русское заимствование *rodnik* завоевывает все более прочные позиции, вытесняя исконные вепсские лексемы; наиболее устойчиво оно закрепилось на восточной границе вепсского языкового ареала.

В целом ареальный анализ свидетельствует об определенном противостоянии северо-западной и юго-восточной частей вепсского языкового ареала. В первой довольно убедительно представлена исконно вепсская лексема *purde*, наследие которой во второй размыто. Здесь, видимо, была реализована в большей степени лексема *lähte* без четкого разграничения семантики 'родник' и 'колодец'. В центральной области языкового ареала бытует лексема *uhring* с неясными языковыми истоками. В настоящее время вепсские лексемы для обозначения родника, как и прочие географические термины, уходят из активного употребления, вытесняясь русским заимствованием *rodnik*.

И. И. Муллонен

* Считается, что вепсское слово *kuhr* лежит в основе русского диалектного *кугра* 'яма с водой в лесу', хорошо известного на границе Карелии и Архангельской области (вытегорские, пудожские, каргопольские, плесецкие говоры) [Мызников 2003: 366]. Однако с учетом исключительно узкого его бытования в вепсской языковой среде связь может в действительности быть обратной — из русских говоров в вепсский. Не исключено, что речь может идти и о древнем довепсском субстратном включении.

68 (212). Именования понятия ‘пролив’

Легенда карты

1) **sal’m**
soum’
soun
Sal’m, Saume, Soum’, Soumez (в топонимии)
2) **kaiduz**
keiduz
kaidelmaz
3) **kaglaz**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) sal’m: ср Ladv, Naž // южн Čai
soum’: *ср* Jä, Šim
soun: *южн* Ars
Sal’m, Saume, Soum’, Soumez (в топонимии): *ср* Peč, Kar, Ladv, Mg, Nür, Tj
2) **kaiduz**: *ср* Jä, Pec, En // *южн* Sod
keiduz: *ср* Rih, Vär, Päž
kaidelmaz: *ср* Jä
3) **kaglaz**: *ср* Pnd

Цифровой индекс

1) **sal’m**: 33Ladv, 51Naž, 61Čai
soum’: 26Jä, 47Šim
soun: 74Ars
Sal’m, Saume, Soum’, Soumez (в топонимии): 19Peč, 21Kar, 33Ladv, 34Mg, 40Nür, 45Tj
2) **kaiduz**: 26Jä, 31Pec, 35En, 64Sod
keiduz: 30Rih, 49Vär, 56Päž
kaidelmaz: 26Jä
3) **kaglaz**: 53Pnd

Список картографируемого материала

1–18 — нет сведений; 19 — уг. *Sal’m*; 20 — нет сведений; 21 — уг. *Saume*; 22–25 — нет сведений; 26 — soum’ [СВЯ: 520], kaiduz [СВЯ: 168], kaidelmaz [СВЯ: 168]; 27–29 — нет сведений; 30 — keiduz; 31 — kaiduz [СВЯ: 168]; 32 — нет сведений; 33 — sal’m [VVS], уг. *Soum’*; 34 — оз. *Sal’m(järv)*; 35– kaiduz; 36–39 — нет сведений; 40 — ур. *Soumez*; 41–44 — нет сведений;45 — прол. *Soum’*; 46 — нет сведений; 47 — soum’; 48 — нет сведений; 49 — keiduz; 50 — нет сведений; 51 — sal’m [VVS]; 52 — нет сведений; 53– kaglaz; 54–55 — нет сведений; 56 — keiduz; 57–60 — нет сведений; 61 — sal’m [СВЯ: 520; VVS]; 62–63 — нет сведений; 64 — kaiduz; 65–73 — нет сведений; 74 — soun; 75 — нет сведений.

Комментарий

Для обозначения пролива вепсские говоры используют три термина, при этом каждый из них имеет ограниченное бытование. Метафорическая лексема *kaglas*, восходящая к вепс. *kagl* ‘шея’, зафиксирована только в Пондале (Pnd); *kaiduz* ~ *keiduz* (ср. вепс. *kaid* ‘узкий’) бытует в ряде средневепсских говоров верхней Ояти, одна фиксация известна в южном и две в восточном средневепсском говоре. В *kaidelmaz* реконструируется основа *kaidelma-*, в которой выделяется суффикс *-lm(a)*, свойственный для образования географических терминов (ср. фин. *lahdelma* ‘бухта, заводь’, ‘ложбина, низина’, *saarelma* ‘остров, островок’). Родственный термин используется в карельском языке (с/к, ливв. *kaidus*, *kaijelmus*, люд. *kaiduz* [Мамонтова, Муллонен 1992: 34]). Прибалтийско-финская лексема *salmi* ‘пролив’ представлена в трех фонетических вариантах: в несуществующем уже говоре Чайгино составителями СВЯ и VVS был зафиксирован исторически наиболее древний вариант *sal’m*, в двух средневепсских говорах сохранился вариант *soum’*, в котором отразился закономерный для средневепсского диалекта звукопереход *al* > *au* > *ou*. В южновепсском *soun* конечный *-m* > *-n* в русле других характерных случаев данного звукоперехода.

Совершенно очевидно, что приведенные здесь единичные фиксации представляют собой остаточный ареал общевепсского географического термина *sal’m*. Он сохранился в ряде топонимов — как на современной (см. на карте), так и бывшей вепсской территории: *Soum’* — пролив в оз. Нажмозеро (Ladv); *Soum’* — пролив оз. Саргинского (Tj), *Soumez* — пролив оз. Капшозера (Nür), оз. *Sal’mjärv* (Mg), д. *Saum’e* при проливе (Kar), **Sal’m* (рус. Сальма) — пролив оз. Печевского (Peč)*. На смежной русской (обрусевшей) территории зафиксированы: в южном Присвирье бол. *Салма* (Шокшозеро),

* Топонимические данные хранятся в Научной картотеке топонимов Карелии.

р. *Салма* в бассейне р. Вытнусы, руч. *Салма*, бол. *Салмакский мох*, оз. *Салмозеро*, возможно, также руч. *Салнов* в бассейне р. Паши [СГЮВП]*. Сужение ареала и утрата термина связана, очевидно, с его невостребованностью в связи с малочисленностью самих объектов — озерных проливов. К примеру, в северновепсском ареале, который сформировался в притяжении берега Онежского озера, их нет вовсе. Нет, соответственно, и термина.

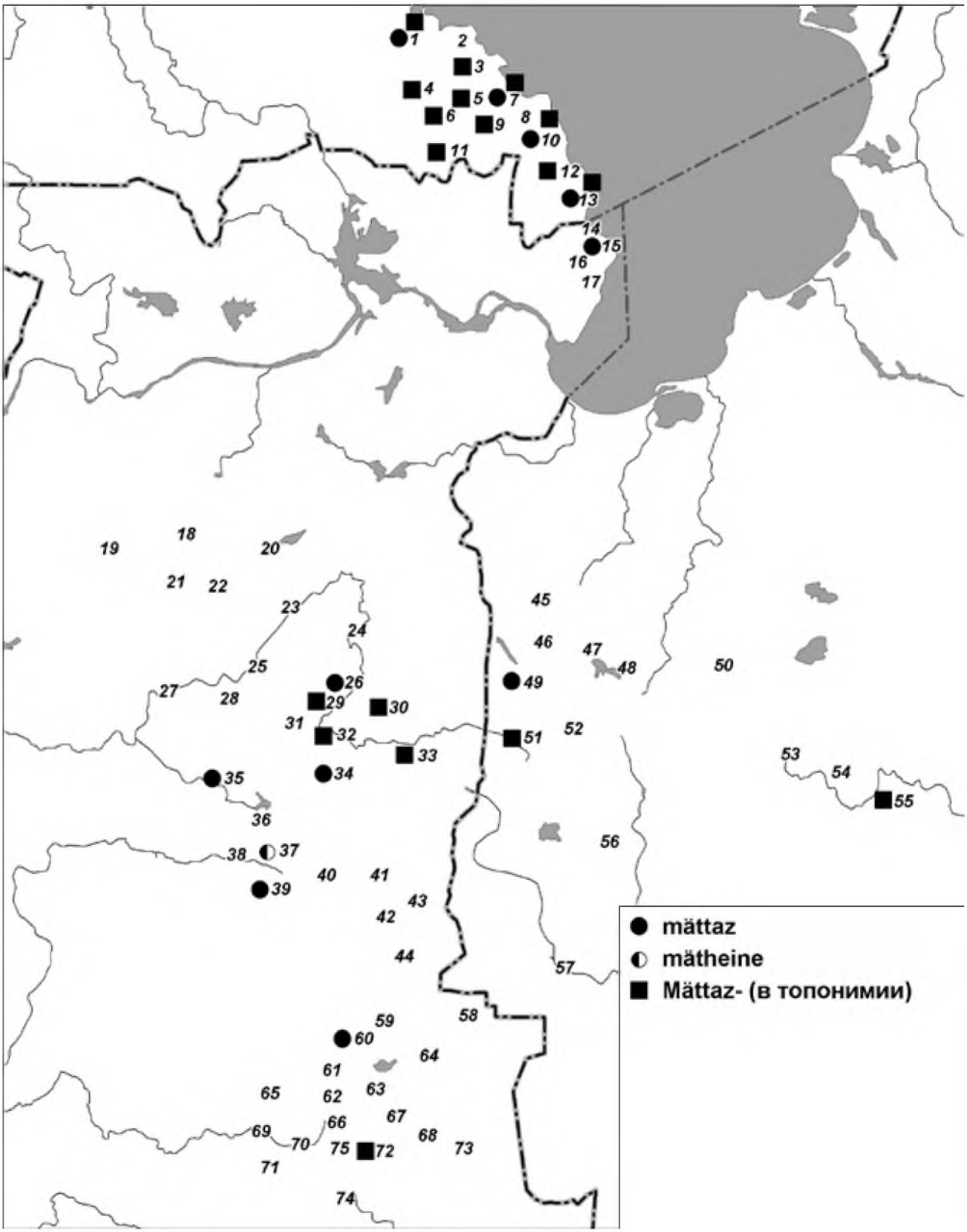
Надо полагать, впрочем, что была и другая причина, приведшая к значительному забвению термина, — совпадение его в звучании и близость с вепс. *saum* ~ *soum* ~ *saam* ‘угол’, широко бытующим в вепсском языке. Видимо, именно этим вызвано появление новообразования *kaiduz*, при этом, относительно раньше, если исходить из ареала данной лексемы. В связи с ареалом и временем его формирования внимание привлекают, по крайней мере, два топонима в бассейне р. Свири, расположенные за пределами современного вепсского языкового ареала: болото *Кайдоса* в нижнем течении р. Ояти и, возможно, ручья *Кайнося* в низовьях Важинки.

И. И. Муллонен

* На карту вынесены только топонимы собственно вепсской территории.

69 (215). Именования понятия ‘гора, возвышенность’

69a (215a). Бытование термина mätaz ~ mättaz в значении ‘гора, возвышенность’

Легенда карты

1) **mättaz**
mätheine

2) **Mättaz-** (в топонимии)

Расшифровка легенды карты

1) **mättaz**: *сев* Š, Št, Kl, Kas, Per // *ср* Jä, En, Mg, Har, Vär // *южн* Šid
mätheine *ср* Kor

2) **Mättaz-** (в топонимии): *сев* Š, Veh, Hap, Krik, Van, Št, Mäg, Kl, Ms, Tž, Kas // *ср* Sj, Rih, Šon, Ladv, Naž, Vl, Mai

Цифровой индекс

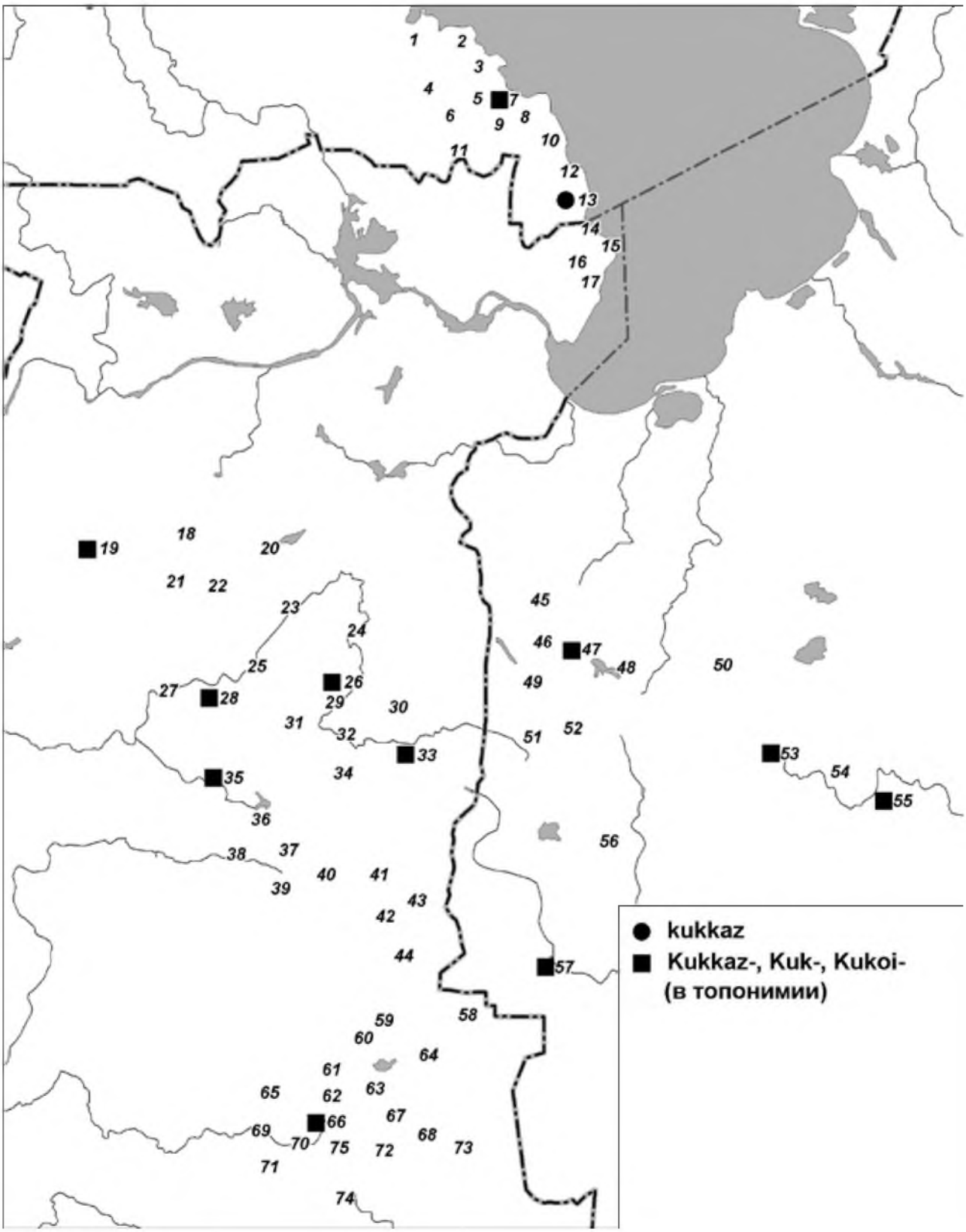
1) **mättaz**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per, 26Jä, 34Mg, 35En, 39Har, 49Vär, 60Šid
mätheine: 37Kor

2) **Mättaz-** (в топонимии): 1Š, 3Veh, 4Hap, 5Krik, 6Van, 7Št, 9Mäg, 10Kl, 11Ms, 12Tž, 13Kas, 29Sj, 30 Rih, 32Šon, 33Ladv, 51Naž, 55Vl, 72Mai

Список картографируемого материала

1 — mättaz, горка Or’hesel’*g/mättaz*; 2 — нет сведений; 3 — горки *Mustik/mättaz*, *Kop/mättaz, Merkan/mäthaine, Oja/mättaz, Mecoi/mäthiižed*; 4 — горка *Mättaz*; 5 — уг. *Mägra/mättaz*; 6 — гора *Kodisel’g/mättaz*; 7 — mättaz, д. *Hama/mättaz, Mel’ka/mättaz, Miina/mättaz, Pedri/mättaz*, *Kukoi/mättaz*, горки *Šehlišt/mättaz, Kivi/mättaz*; 8 — нет сведений; 9 — горка Voi/*mättaz*; 10 — mättaz, горки Filipan/*mättaz,* Mikitan/*mättaz,* Sen’kan/*mättaz,* Letoi/*mättaz*; 11 — горки Akiman/*mättaz,* Gourilan/*mättaz,* Ostaš/*mättaz,* Patroi/*mättaz*, д. Kirikon/*mättaz*, уг. *Mättaz/*niit; 12 — горки Palanu/*mättaz*, Raid/*mättaz*, д. Koiran/*mättaz*; 13 — mättaz, горки *Mättaz,* Filipan/*mättaz*; 14 — нет сведений; 15 — mättaz [VVS] ; 16–25 — нет сведений; 26 — mättaz [СВЯ]; 27–28 — нет сведений; 29 — уг. Sozoi/*mätheine, Mudar/mäthad, Koda/mättaz, Mättaz/*niit; 30 — уг. *Mättaz*; 31 — нет сведений; 32 — уг. *Mättaz, Mäthan/*pä; 33 — уг. Kil’l’oi/*mättaz*; 34–35 — mättaz; 36 — нет сведений; 37 — mätheine; 38 — нет сведений; 39 — mättaz; 40–48– нет сведений; 49 — mättaz; 50 — нет сведений; 51 — горка *Savi/mättaz*; 52–54 — нет сведений; 55 — оз. *Mätaz/*gärf; 56–59 — нет сведений; 60 — mättaz; 61–71 — нет сведений; 72 — уг. *Mättaz*; 73–75 — нет сведений.

69b (215b). Бытование термина kukkaz ‘гора, возвышенность’

Легенда карты

1) **kukkaz**

2) **Kukkaz-, Kuk-, Kukoi-** (в топонимии)

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **kukkaz**: *сев* Kas

2) **Kukkaz-, Kuk-, Kukoi-** (в топонимии): *сев* Št // *ср* Peč, En, Jä, Ladv, Vil, Šim, Pnd, Vl, Ker // *южн* Buš

Цифровой индекс

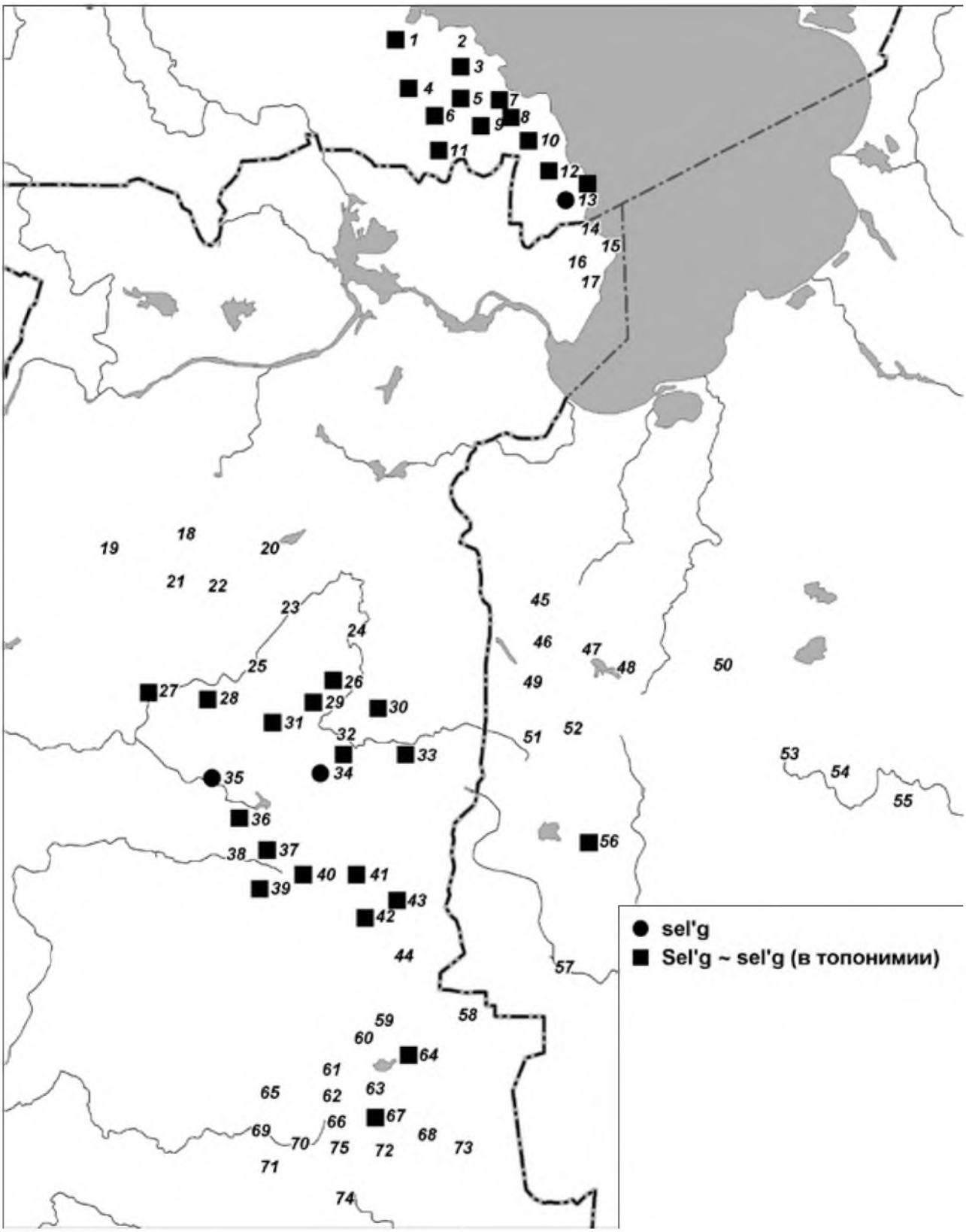
1) **kukkaz**: 13Kas

2) **Kukkaz-, Kuk-, Kukoi-** (в топонимии): 7Št, 19Peč, 26Jä, 28Vil, 33Ladv, 35En, 47Šim, 53Pnd, 55Vl, 57Ker, 66Buš

Список картографируемого материала

1–6 — нет сведений; 7 — уг. *Kukhad* ~ *Kukhed*; 8–12 — нет сведений; 13 — kukkaz; 14–18 — нет сведений; 19 — д. *Kukaz*; 20–25 — нет сведений; 26 — гора *Kokoi/*mägi ~ *Kukoi/*mägi; 27 — нет сведений; 28 — уг. *Kuka/*houmhed; 29–32 — нет сведений; 33 — гора *Kuk/*mägi~ *Kukoi/*mägi; 34 — нет сведений; 35 — д. *Kukaz*; 36–46 — нет сведений; 47 — гора *Kukaz/*mägi ~ *Kukoi/*mägi ~ *Kukhad/*mägi; 48–52 — нет сведений; 53 — мыс *Kukoimus,* горка *Kukoi/*mägi; 54 — нет сведений, 55 — горка *Kukoine/*mägi; 56 — нет сведений; 57 — уг. *Kukui/*pust, горка *Кóкушка* ~ *Кýкушка*; 58–59 — нет сведений; 60–65 — нет сведений; 66 — гора *Kuki/*mägi; 67–75 — нет сведений.

69c (215c). Бытование термина sel'g 'гора, возвышенность'

Легенда карты

1) **sel’g** 2) **Sel’g/-sel’g** (в топонимии)

Расшифровка легенды карты

1) **sel’g**: *сев* Kas // *ср* Mg, En
2) **Sel’g/-sel’g** (в топонимии): *сев* Š, Veh, Hap, Krik, Van, Št, Mec, Mäg, Kl, Ms, Tž, Kas // *ср* Jä, Kos, Vil, Sj, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Ozr, Kor, Har, Nür, Reb, Noid, Čid, Päž // *южн* Sod, Krl

Цифровой индекс

1) **sel’g**: 13Kas, 34Mg, 35En
2) **Sel’g/-sel’g** (в топонимии): 1Š, 3Veh, 4Hap, 5Krik, 6Van, 7Št, 8Mec, 9Mäg, 10Kl, 11Ms, 12Tž, 13Kas, 26Jä, 27Kos, 28Vil, 29Sj, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 36Ozr, 37Kor, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 43Čid, 56Päž, 64Sod, 67Krl

Список картографируемого материала

1 — д. *Sel’g*, ур. *Or’he/sel’g(krež)*, *Rehdärv/sel’g*, *Savi/sel’g*, *Ni/sel’g*, горы *Kodi/sel’g(mättaz)*, *Čoga/sel’g*; 2 — нет сведений; 3 — гора *Vehkoi/sel’g*; 4 — уг. *Art’ukan/sel’g*, *Ivačun/sel’g*; 5 — горы *Gor’a/sel’g*, *Marki/sel’g*; 6 — д. *Van’him/sel’g*; 7 — ур. *Pirhu/sel’g*, *Sel’g*, *Sel’g/houmeh*, *Härma/sel’g*, *Savisel’g*; 8 — уг. *Ivšun/sel’g*, *Maldu/sel’g*, *Onofejan/sel’g*; 9 — уг. *Vezaižen/sel’g*, *Püsel’g*, гора *Pedai/sel’g*/kreža; 10 — ур. *Akimahne/sel’g*; 11 — д. *Matfejan/sel’g*, уг. *Bolhoum/sel’g*, *Pirhu/sel’g*, бол. *Sel’g/so*; 12 — уг. *Savi/sel’g*, *Kadai/sel’g*, *D’ogen/sel’g*, *Kanga/sel’g*, *Nii/sel’g*, *Rist/sel’g*; 13 — sel’g; д. *Sel’g*, уг. *Sel’ga/houmeh* ~ *Sel’g/houm*, *Ilä/sel’g*, *Vahta/sel’g*, *Varza/sel’g*; 14–25 — нет сведений; 26 — уг. *Komšan/sel’g*; 27 — уг. *Sel’ga*; 28 — уг. *Sel’g/houmeh*; 29 — уг. *Sel’gad*, гора *Äimüi/sel’g*; 30 — уг. *Sel’g*, *Ihalan/sel’g*, *Pan’koi/sel’g*, гора *Sel’gan/mägi*; 31 — уг. *Savi/sel’g* ~ *Savi/sir’j*, *Nit’/sel’g*; 32 — нет сведений; 33 — д. *Sel’g*, уг. *Savi/sel’g*; 34 — sel’g; д. *Sel’gveh*; уг. *Järven/sel’g*, *Koi/sel’g*; 35 — sel’g; 36 — уг. *Sel’g*, *Jani/sel’g*; 37 — гора *Hab/sel’g*; 38 — нет сведений; 39 — ур. *Vahta/sel’g*; 40 — д. *Sel’g*, уг. *Händikan/sel’g*, *Jogi/sel’g*, *Kondi/sel’g* ~ *Kondin/sel’g*; 41 — бол. *Sel’g/so*; горы *Nin’/sel’g*, *Jogen/sel’gan/mägi*, *Turšan/sel’g/mägi*; *Okat’jan/sel’g*; 42 — гора *Timoi/sel’g*; 43 — уг. *Pusto/sel’g* ~ *Pustoi/sel’g*, гора *Hebo/sel’g*; 44–55 — нет сведений; 56 — гора *Sel’g*; 57–63 — нет сведений; 64 — уг. *Sel’g*; 65–66 — нет сведений; 67 — гора *Tani/sel’g*; 68–75 — нет сведений.

Комментарий

Представленные в этом разделе три карты призваны продемонстрировать ареальные различия в апеллятивном и топонимическом функционировании терминов, называющих возвышенные участки местности. Топонимные ареалы оказываются значительно более обширными и насыщенными, свидетельствуя о бóльшей активности ряда ландшафтных терминов в прошлом. Привлечение топонимических данных позволяет реконструировать исторические ареалы бытования терминов, теперь уже в значительной степени утраченных говорами.

Для называния возвышенного места, горы в вепсских говорах бытует несколько терминов, при этом их дистрибуция носит как ареальный, так и семантический характер. Ландшафтные термины называют горы разного размера, разного расположения, разного использования. Наряду с универсальным термином *mägi* ‘гора’, который функционирует во всех диалектных ареалах в одной форме и одном значении, и по этой причине на карту не наносился, существует несколько других.

Так, в говоре Noid словом *tupaz* называют небольшую возвышенность — холм или пригорок, при основной прибалтийско-финской семантике этой лексемы ‘кочка’ [SSA 2000: 331]. Аналогичный путь семантического развития: ‘кочка’ → ‘холм, горка’ — демонстрирует лексема *mätaz* или *mättaz*, которая в большинстве вепсских говоров функционирует в примарном, свойственном и другим прибалтийско-финским языкам значении ‘кочка’ [SSA 1995: 195]. Однако в ряде говоров, главным образом северновепсских, она называет небольшую возвышенность — холм или пригорок. Значительно реже, точечным образом это значение фиксируется за их пределами в средневепсском ареале в говорах Jä, Mäg, En, Kor, Vär; известна также и одна южновепсская фиксация Šid. Для более убедительных результатов полезно привлечь топонимические

данные, хранящиеся в Научной картотеке топонимов Карелии (ИЯЛИ КарНЦ РАН). Топонимическое функционирование, особенно в северновепсском ареале, покрывает практически все вепсские пункты, свидетельствуя об устойчивом бытовании семантики ‘возвышенность’ у термина *mätaz ~ mättaz* на северной окраине вепсской территории. Топонимический материал позволяет сделать более убедительным в употреблении названного термина и средневепсский ареал, расширяя и дополняя апеллятивные фиксации и восстанавливая утраченную уже во многом семантику ‘гора, возвышенность’.

Возвышенности использовались под сельскохозяйственные угодья и места поселений, что и отражают большинство топонимов. Есть и более редкие случаи: оз. *Mätazgärf* в средневепсской (восточные говоры) Войлахте (Vl) получило свое название по высокому, как холм, острову в его центре: *mätaz kes'kuu om* ‘в середине есть высокий как холм остров’.

С фонетической точки зрения термин *mättaz* интересен тем, что в нем в большинстве говоров, за исключением восточных, сохранился исторический геминированный *tt*, что в целом нехарактерно для вепсской фонетики.

В северновепсском говоре Kask зафиксирован ландшафтный термин *kukkaz* ‘холм, горка’ [СВЯ: 242], при том что топонимия свидетельствует также о его значительно более широком бытовании в прошлом. Сам термин — производное от прибалтийско-финской основы *kukku* ‘вершина горы, угол невода и др. конические верхушки’ — входит в один ряд с фин., кар. *kukkula, kukkura, kukkuri*, обозначающим горки и их вершины [SSA 2000: 428; Мамонтова, Муллонен 1992: 45]. Показательно сохранение на границе первого и второго слога исторической геминаты *kk*, которая представлена в этой позиции и в ряде других имен существительных типа *ikkun* ‘окно’, *kukkor* ‘кошелек’, *lukkol* ‘замок’ — главным образом, в северновепсском ареале. Э. А. Тункело склонен связывать эту особенность с влиянием географически смежных карельских говоров [Tunkelo 1946: 148–149]. В вепсской топонимии неоднократно зафиксированы случаи сохранения не только производного *kukkaz*, но и исходной основы *kuk* < **kukku*: в вепсском Прионежье угодье *Kukhad ~ Kukhed* (< **Kukkahad*, мн. число от **Kukaz/*Kukkaz*) Št, в ареале восточных средневепсских говоров гора *Kukazmägi ~ Kukoimägi ~ Kukhad/mägi* Šim, ур. *Kukoine/mägi* Vl, высокий мыс *Kukoimus* на р. Ивода и гора *Kukoi/mägi* Pnd, поле на горке *Kukui/pust* и горка *Ко́кушка* или *Ку́кушка* Ker, в западной части средневепсского ареала ур. *Kuka/houmhed* Vil, горы *Kokoi/mägi ~ Kukoi/mägi* Jä и *Kuk/mägi ~ Kukoi/mägi* Ladv, д. *Kukaz* Peč, д. *Kukaz* En, у южных вепсов гора *Kuki/mägi* Buš.

Формант *-az* в *kuk(k)az* вводит слово в один ряд с лексемами *mätaz ~ mättaz* и *tupaz*, хотя в последних он и не воспринимается уже как словообразовательный суффикс*. В свою очередь, вариант топоосновы *Kukoi-*, видимо, спровоцирован утратой первоначальной семантики слова (т. е. **kuk-* ‘гора’) и — как следствие — народно-этимологическим сближением топоосновы с вепс. *kukoi* ‘петух’, что привело к ее оформлению суффиксом *-oi*** [Муллонен 1994: 66–67].

Эту же ситуацию с вариантами *Kuk- ~ Kukaz-* и *Kukoi-* отражают и топонимы смежной русской в языковом отношении территории, где зафиксированы многочисленные примеры бытования этой вепсской основы, адаптировавшейся в русское употребление. В качестве примера несколько таких топонимов с восточной окраины бывшей вепсской территории: *Кукойгора* (Ундозеро: Вытегорский р-н, Вологодская обл.), *Кукигоры* (Пустоша: Вытегорский р-н Вологодская обл.), угодье *Под Куккой* (Кемское: Вытегорский р-н Вологодская обл.), *Кокуйгорушка* (д. Хяркя: Вытегорский р-н Вологодская обл.), угодье *Под Кукковкой* (Ошта: Вытегорский р-н Вологодская обл.), гора *Куков Кряж* (Гоморовичи: Подпорожский р-н Ленинградская обл.), угодье *Кокина Гора* (Ухта: Вашкинский р-н Вологодская обл.), гора *Кокосельга* (Индоман: Вашкинский р-н Вологодская обл.) и др.

Топонимические свидетельства, таким образом, убедительно подтверждают бытование ландшафтного термина, уже практически полностью утраченного к моменту активного сбора вепсской лексики, в вепсских говорах в прошлом. При этом, судя по ареалу, он был известен на всей вепсской территории, в том числе и в районах исторического вепсского проживания, ныне обрусевших.

Наиболее разительна разница апеллятивного и топонимного бытования термина *sel'g*: будучи практически раритетным в качестве ландшафтного термина, он в то же время исключительно продуктивен в топонимии, где используется как самостоятельно (д. *Sel'g* или угодья *Sel'gad*), так и в качестве элементов сложных топонимов (угодье *Sel'g/houmeh* или гора *Hab/sel'g*). Особенно показательно использование *-sel'g* в роли детерминанта, указывающего на географический класс реалии и, таким образом, не оставляющего сомнений в его былой ландшафтной семантике. В Научной картотеке топонимов Ка-

* Не может ли вепс. *mät* ‘*жараток, загнеток* в русской печи, на который выкладываются горкой ~ кучкой угли’ сохранять исходную производящую основу для прибалтийско-финского *mättaz*? См. подробнее 119 карту ЛАВЯ.

** Из довольно представительной группы топонимов с основой *Kukoi-* здесь отобраны только те, которые реально привязаны к возвышенностям.

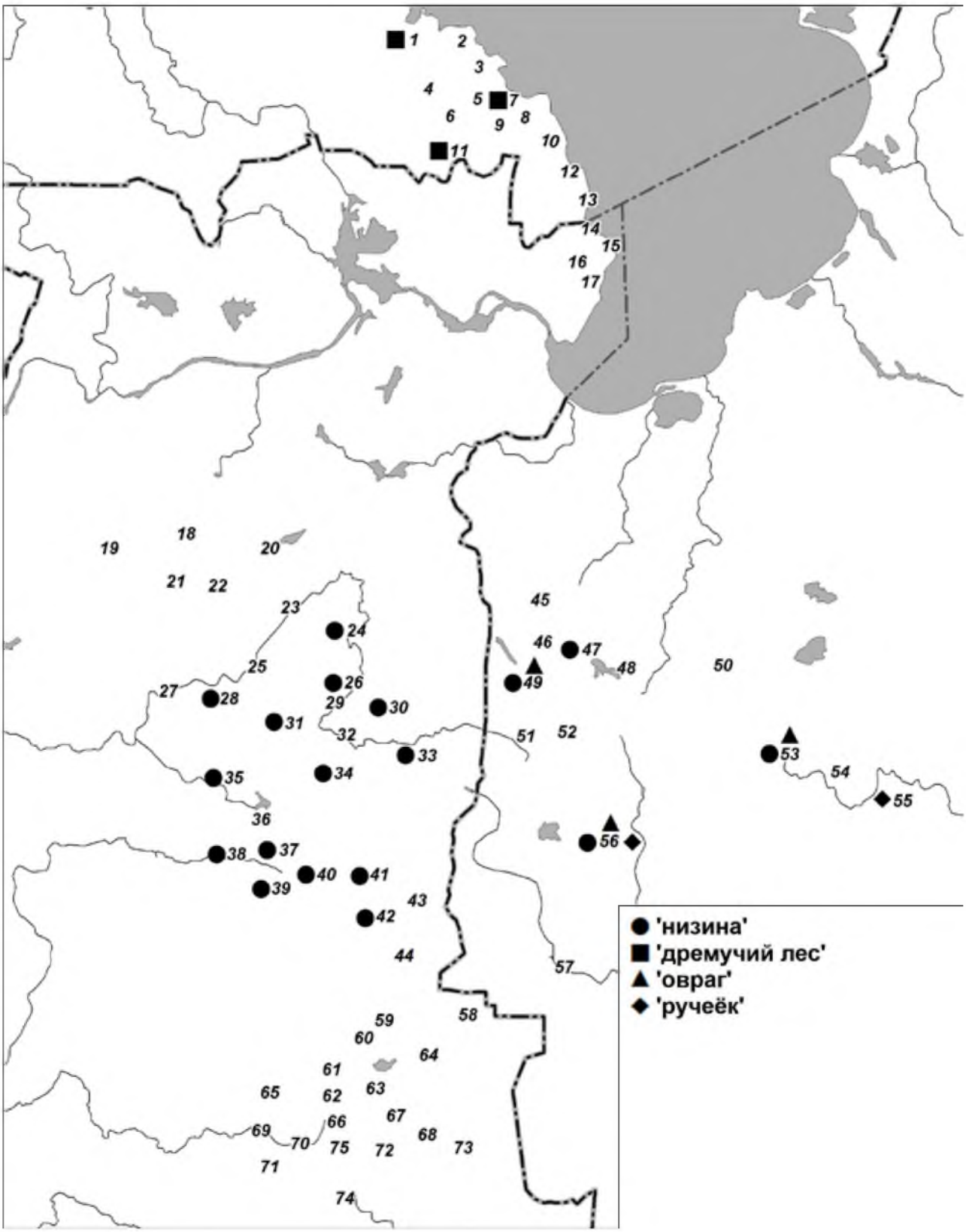
релии несколько десятков таких примеров с вепсской территории — наименований возвышенных участков местности, на которых располагались поселения и на которых нередко разделывались подсеки, последние со временем преобразовывались в покосы или зарастали лесом и были известны как места сбора грибов. Так, в местности под названием *Sel'g* в окрестностях южновепсского села Сидорово (Sod) располагались, по сведениям информантов, подсеки на возвышенности (*il'hān'e taho om* 'это высокое место'), позднее там пасли скот, а также косили траву. Надо полагать, что размывание, а затем и забвение семантики термина вызвано во многом утратой подсечного земледелия как формы хозяйственной деятельности. Ландшафтный термин не отражен ни в одном из известных словарей и сводов вепсской лексики, при этом в ходе *целенаправленного сбора материалов для лингвистического атласа* все-таки удалось зафиксировать бытование термина в трех пунктах. Такая ситуация в совокупности с исключительно густой топонимической сеткой указывает на то, что собиратели, зафиксировав основное значение вепс. *sel'g* 'спина', прошли мимо вторичной метафорической семантики '*сельга*, т. е. продолговатая возвышенность'. Она хорошо известна родственным финскому и карельскому языкам [Мамонтова, Муллонен 1992: 86] и широко представлена в русских говорах Обонежья [Мызников 2003: 289–293]. Вепсские говоры были, безусловно, одним из источников русского диалектного термина.

Топонимический ареал простирается на всю вепсскую территорию, однако плотность его неравномерна. Топооснова наиболее активна в Прионежье, по мере продвижения на юг — на среднеи особенно южновепсскую территорию, а также на восток — интенсивность *sel'g* в топонимии заметно убывает. Причину следует, очевидно, искать в географической обусловленности: *сельги* как объект ландшафта распространены на севере вепсского Межозерья, по мере продвижения на юг их зона постепенно сходит на нет.

Подводя итог, следует отметить, что в употреблении ряда ландшафтных терминов, имеющих общие прибалтийско-финские истоки, вепсские говоры демонстрировали в прошлом значительную близость. Окружающий ландшафт был важной составляющей в экономической жизни крестьянского населения. В северных условиях к возвышенным участкам местности привязывались и поселения, и сельскохозяйственные угодья. С изменением характера землепользования происходит и постепенное забвение терминов. Некоторые из них уже полностью утрачены вепсскими говорами из апеллятивного использования, лишь в топонимии сохранились еще следы их былой активности. Показательный пример — **sür'j, *sir'j* 'гора, вершина горы'. Его семантика реконструируется, во-первых, в контексте данных родственных языков, ср. фин. диал. *syrjä* 'возвышенный участок местности, холм, гряда', *syrjynen* 'вершина горы', кар. *syre* 'возвышенность, гряда холмов', ижор. *sürjü*, эст. диал. *süri* 'возвышенность, гряда (на болоте)' [SKES 1969: 1148, SSA 2000: 231], во-вторых, на основе того, что в качестве топоосновы он выступает в названиях высоких мест. Информация об этом заключена в самих топонимах: ур. *Korktad Sür'jad* Kor, покос *Korged/sür'j ~ Korkta/sür'j* Ladv, ур. *Korktad Sür'g'ad* Šim, гора *Korkta/sir'j* Noid, ур. *Коргосирье* в русском Приоятье, ср. *korged* 'высокий'; горы *Keri/sür'j/mägi* Pitk, *Ladv/sür'j/mägi* Jä, *Sür'jä/mägi* En, д. *Sür'g ~ Sür'ga/mägi* Pnd, д. *Sir'j* на горе *Sir'j/mägi* Vg, ср. mägi 'гора'. Этот список может быть дополнен названиями горок *Reboi/sür'j* Kos, *Kivi/sür'g'* Vl, *Sür'd'ak* Kas и др. [см. подробнее: Муллонен 1994: 62–63], подтверждающими устойчивое бытование слова в вепсских говорах в прошлом. Судя по характеру объектов, в названиях которых зафиксирована топооснова, термином **sür'j* характеризовались более значительные возвышенности, чем термином *kukkaz*.

И. И. Муллонен

70 (217). Значения слова ‘org’

Легенда карты

1) **‘дремучий лес’**
2) **‘низина’**
3) **‘овраг’**
4) **‘ручеек’**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **‘дремучий лес’**: *сев* Š, Št,Ms
2) **‘низина’**: *ср* En, Kor, Nem, Jä, Rih, Ladv, Mg, Noid, Nür, Pec, Päž, Reb, Vär, Jog, Har, Vil, Pnd, Šim
3) **‘овраг’**: *ср* Päž, Vär, Pnd
4) **‘ручеек’**: *ср* Vl, Päž

Цифровой индекс

1) **‘дремучий лес’**: 1Š, 7Št, 11Ms
2) **‘низина’**: 24 Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 56Päž
3) **‘овраг’**: 49Vär, 53Pnd, 56Päž
4) **‘ручеек’**: 55Vl, 56Päž

Список картографируемого материала

1 — дремучий лес; 2–6 — нет сведений; 7 — дремучий лес; 8–10 — нет сведений; 11 — дремучий лес; 12–23 — нет сведений; 24 — низина; 25 — нет сведений; 26 — низина; 27 — нет сведений; 28 — низина; 29 — нет сведений; 30–31 — низина; 32 — нет сведений; 33–35 — низина; 36 — нет сведений; 37–42 — низина; 43–46 — нет сведений; 47 — низина; 48 — нет сведений; 49 — низина; овраг; 50–52 — нет сведений; 53 — низина, овраг; 54 — нет сведений; 55 — ручеек; 56 — низина, овраг, ручеек; 57–75 — нет сведений.

Комментарий

Географический термин *org* представлен в северных и средних говорах, южные говоры его не знают, в том числе и на уровне топонимии. У слова отмечено два основных круга значений, которые в СВЯ представлены как омонимы. В значении ‘низина’ оно зафиксировано в большинстве западных средневепсских говоров на Ояти, а также в территориально примыкающих говорах верхней Капши. При этом на Капше в говорах En, Kor, Vär, Nür, Jog терминологическое употребление уже практически утрачено, а падежные формы перешли в разряд наречий, ср. в СВЯ *orgho* Jä, Vil ‘вниз’, *orgos* Jä ‘вниз’ [СВЯ: 382].

Семантическое поле ‘низина’ достаточно аморфно и многокомпонентно. Привлечение материала родственных языков позволяет уточнить, что первоначально, видимо, лексема обозначала не любую низину или, как характеризуют значение лексемы носители говоров Har и Nür, ‘подгору’, а лощину, т. е. вытянутое по форме углубление между возвышенностями, ср. в финских говорах *orko* ‘узкая лощина, ложбина между холмами, низина между горами, поросшая густым ельником; промоина, овраг; углубление; борозда; царапина; рана’[SSA 1995: 271]. ‘Узкое углубление’ — обязательный компонент семантического наполнения лексемы, именно он выдвинулся на первый план в восточных говорах средневепсского диалекта, воплотившись в значении ‘овраг’, которое естественным образом сопровождается семантикой ‘ручеек’: *orgi̯ine* Vl, *orgoine* Päž.

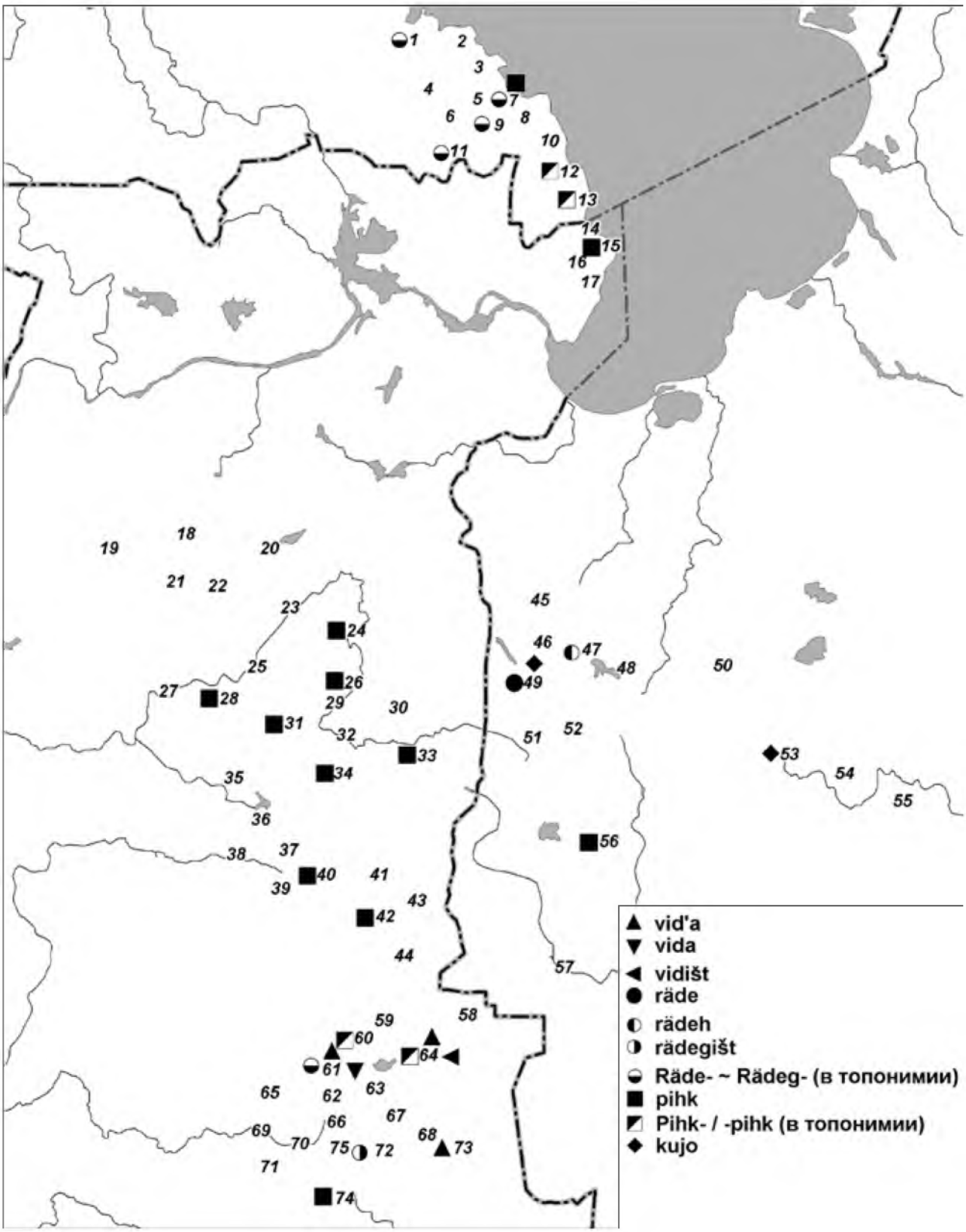
В северных говорах реализовалась другая ветвь семантического развития: ‘низина, поросшая лесом’ (ср. с/к *orko* ‘поросшая высоким ельником лощина между ваарами; глухой ельник’ [KKS 1993: 59], люд. *org* ‘низкое сырое место, поросшее лесом’ [Мамонтова, Муллонен 1991: 68]) → ‘дремучий лес, чащоба’.

Возможности, заложенные в семантическом развитии, реализованы, таким образом, в вепсских диалектных ареалах по-разному, однако в русле тех универсальных закономерностей, которые проявляются и в других прибалтийско-финских языках.

Стоит здесь отметить, что слово широко бытует в территориально смежных с вепсским языковым ареалом русских говорах, при этом весь круг значений можно свести к двум основным: ‘низменное болотистое место, поросшее лесом’ и ‘густой еловый лес’ [Мызников 2003: 264–267], отражающим семантику вепсского оригинального слова. При этом ареальная дистрибуция в употреблении размыта.

И. И. Муллонен

71 (220). Именования понятия ‘чаща, густой ельник’

Легенда карты

1) **vid’a**
vida
vidišt
2) **räde**
rädeh
rädegišt
Räde- ~ Rädeg- (в топонимии)
3) pihk
Pihk- / -pihk (в топонимии)
4) **kujo**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **vid’a**: *южн* Čai, Sod, Vg
vida: *южн* Čai;
vidišt: *южн* Sod
2) **räde**: *ср* Vär
rädeh: *ср* Šim
rädegišt: *южн* Mai
Räde- ~ Rädeg- (в топнимии): *сев* Š, Št, Ms, Mäg // *южн* Čai
3) **pihk**: *сев* Št, Perv // *ср* Vil, Nem, Jä, Pec, Mg, Ladv, Päž, Nür, Korb, Noid // *южн* Ars
Pihk- / -pihk (в топонимии): *сев* Kask, Tž // *южн* Šid, Sod
4) **kujo**: *ср* Pnd, Vär

Цифровой индекс

1) **vid’a:** 61Čai, 64Sod, 73Vg
vida: 61Čai
vidišt: 64Sod
2) **räde:** 49Vär
rädeh: 47Šim
rädegišt: 72Mai
Räde- ~ Rädeg (в топонимии): 1Š, 7Št, 9Mäg, 11Ms, 61Čai
3) **pihk** 7Št, 15Perv, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37Korb, 40Nür, 42Noid, 56Päž, 74Ars
Pihk- / -pihk (в топонимии): 12Tž, 13Kask, 60Šid, 64Sod
4) **kujo:** 49Vär, 53Pnd

Список картографируемого материала

1 — уг. *Räde*, *Räde/org*, бол. *Räde/so*; 2–6 — нет сведений; 7 — пок. *Rädeine*, pihk; 8 — нет сведений; 9 — уг. *Rädegen/čuga*; 10 — нет сведений; 11 — пок. Rädegut, 12 — уг. *Akan/pihk*;13 — уг. *Martinan/pihk*, *Virgan/pihk*; 14 — нет сведений; 15 — pihk [VVS] ‘лес’ ; 16–19 — нет сведений; 20–23 — нет сведений; 24 — pihk; 25 — нет сведений; 26 — pihk; 27 — нет сведений; 28 — pihk; 29–30 — нет сведений; 31 — pihk; 32 — нет сведений; 33 — pihk; 34 — pihk; 35–36 — нет сведений; 37 — pihk [VVS] ‘лес’; 38–39 — нет сведений; 40 — pihk; 41 — нет сведений; 42 — pihk [VVS] ‘лес’; 43–46 — нет сведений; 47 — rädeh; 48 — нет сведений; 49 — räde; kujo; 50–52 — нет сведений; 53 — kujo [СВЯ: 241]; 54–55 — нет сведений; 56 — pihk ‘березовый и ольховый молодой лес’ [СВЯ: 415]; 57–59 — нет сведений; 60 — лес *Turkin/pihk*; 61 — vid’a, vida [VVS], уг. *Räd’u/sel’g* [VVS]; 64 — лес *Sur’/pihk*, vid’a, vidišt [СВЯ: 630]; 65–71 — нет сведений; 72 — rädegišt; 73 — vid’a; 74 — pihk [VVS] ‘кустарник’; 75 — нет сведений.

Комментарий

Вепсские говоры содержат несколько лексем для обозначения густого ельника, идентичных или близких по семантике, при этом наблюдается определенная ареальная дистрибуция в их использовании.

Термин *pihk* ‘густое мелколесье, чапыжник, молодой хвойный лес’ широко представлен в западных говорах средневепсского диалекта, за пределами которого зафиксирован в северновепсском Шелтозере (Št). При этом более широкое северновепсское бытование лексемы подтверждается топонимическими фиксациями наименований угодий *Martinan/pihk* и *Virgan/pihk* в Каскесручье (Kask) и *Akan/pihk* в Другой Реке (Tž). Шелтозерский термин закрепился также в топониме *Pihku/sel’g*. В материалах VVS *pihk* ‘лес’ зафиксирован на самой южной границе северновепсского языкового ареала в п. Урицкое (Per). Точечные фиксации известны также в Пяжозере (Päž) (в семантике ‘молодой лиственный лес’ [СВЯ: 415]) и Радогощи (Ars)

(в значении ‘лес’ VVS). Последняя фиксация в совокупности с топонимами *Sur'/pihk* (Sod) и *Turkin/pihk* (Šid) — названиями лесных урочищ на месте бывших подсек, зафиксированными в конце XX века, позволяет говорить об относительно прочных позициях слова и в южновепсском ареале.

Надо полагать, что значение ‘частый ельник’ у вепсского термина вторично и восходит к примарному ‘смола’, зафиксированному в большинстве прибалтийско-финских языков, в том числе и в вепсских говорах [SSA 1995: 351; СВЯ: 415]. При этом развитие семантики происходило в отдельных прибалтийско-финских языках по разным направлениям, и только в вепсском слово в целом последовательно стало обозначать ‘густой еловый лес’. Этот путь развития семантики подтверждают и многочисленные материалы русских говоров Обонежья, в зоне субстратно-адстратных вепсско-русских взаимоотношений на Свири и южном Обонежье, где *пихка* ‘частый еловый лес’. В свою очередь, на северном (*пихта*) и на восточном (*пивка*) берегу Онежского озера произошла фонетическая адаптация к особенностям русского употребления [Мызников 2003: 108–111]. Русские диалектные данные позволяют, во-первых, надежно связать два ареала — средневепсский и северновепсский — в единый непрерывный ареал, во-вторых, реконструировать границы исторической вепсской территории, которая, видимо, занимала все Обонежье.

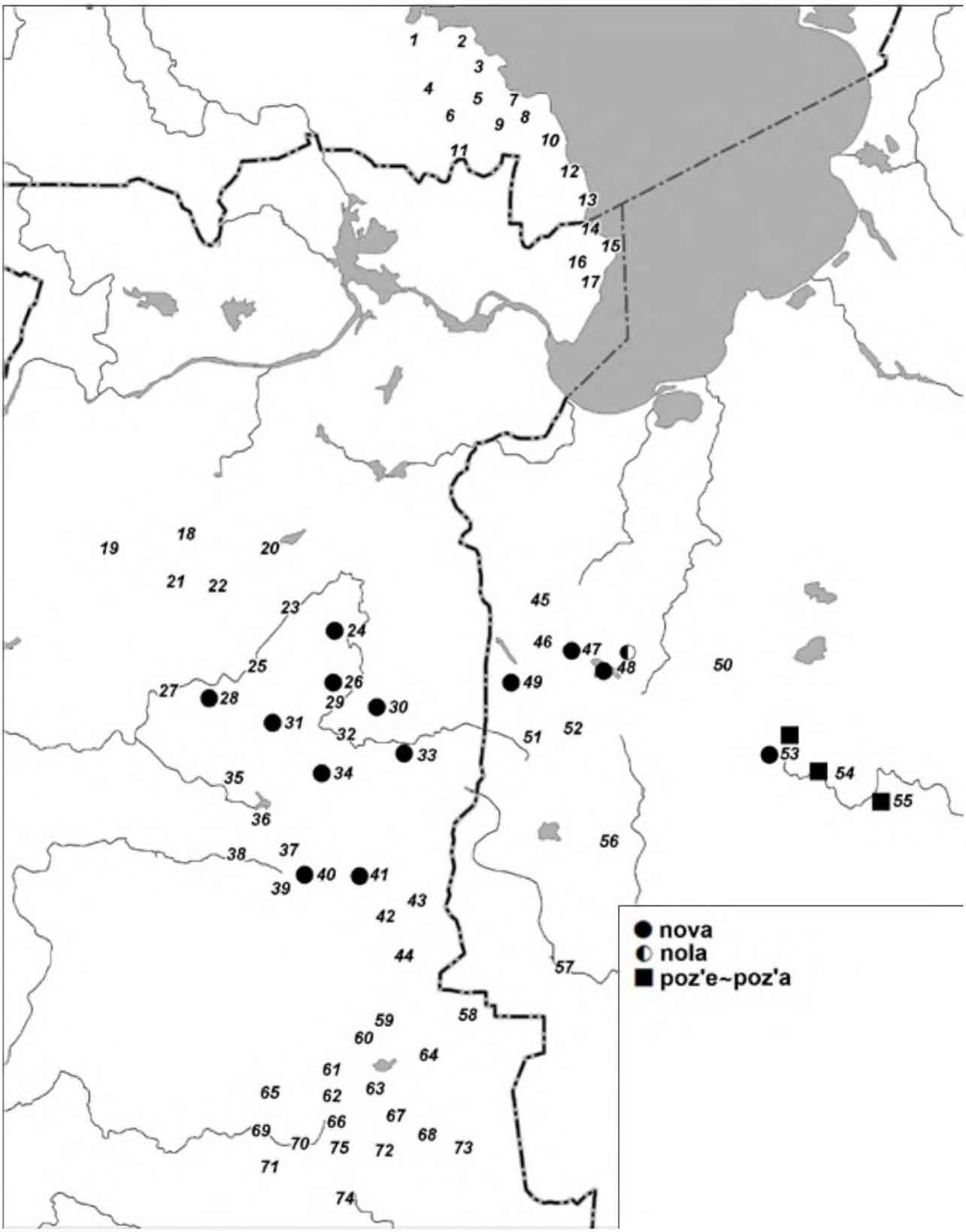
Также *räde* ~ *rädeh* ‘густой ельник’ известен в двух восточных средневепсских говорах, далее в виде производного *rädegišt* (с суффиксом *-išt*, имеющем коллективную семантику) в одном южновепсском говоре. Видимо, он закрепился и в топониме *Räd'u/sel'g*, зафиксированном в свое время Л. Кеттуненом в Čai [VVS]. Кроме того, его былое бытование в северновепсском ареале подтверждается целым рядом топонимов: ур. *Räde* (а также *Räde/org, Räde/so*) в Шокше, ур. *Rädeine* в Шелтозере, *Rädegut* в Матвеевой Сельге, *Rädegen/čuga* в Горнем Шелтозере. Описанная ситуация, видимо, свидетельствует об остаточном характере ареала: термин, бывший в прошлом общевепсским, в настоящее время утрачен большинством говоров. Более широкое бытование термина в прошлом подтверждают и данные территориально смежных русских говоров Присвирья: *рядега, рядога, рятега* ‘частый еловый лес, низина, поросшая хвойным лесом’. Слово бытует также в русских пудожских, заонежских и кондопожских говорах, где может быть как вепсским, так и карельским наследием [см. подробнее: Мызников 2003: 281–282], ср. с/к *rätä, reädä, räčeikkö* ‘молодой густой ельник’, ливв. *räzeikkö* ‘бурелом’, *rädžeikkö* ‘густой кустарник’ [Мамонтова, Муллонен 1992: 83].

В противоположность широко бытовавшим в прошлом в вепсском языковом ареале *räde* и *pihk* термин *vida* ~ *vid'a* ‘еловая чаща, молодой ельник’ является исключительно южновепсским. Он имеет параллели в финских и карельских говорах, при этом и в них используется, прежде всего, для обозначения густого ельника [SSA 2000: 445], что позволяет предполагать, что в прошлом в ряду других лексем с аналогичной семантикой *viita* была основной. Выше отмечалось уже, что термин *pihk* практически только в вепсском языке служит для обозначения частого ельника. Фактически такова же ситуация и с *räde*, поскольку в других прибалтийско-финских языках (см. статьи *räteikkö, rääseikkö* в [SSA 2000: 128, 131]) слово значит прежде всего ‘бурелом, кустарник’. Вепс. *vida* по своей ареальной характеристике вписывается в ряд других южновепсских языковых фактов, демонстрирующих консервацию архаических явлений здесь, на периферии вепсского языкового ареала. Показательно, что термин не закрепился в топонимии, как не был усвоен и в русской географической терминологии на смежной с вепсской территории, что подтверждает его локальное бытование.

Три названных выше лексемы имеют параллели в родственных прибалтийско-финских языках. На их фоне выделяется восточновепсский термин *kujo* ‘еловая чаща’ с неясными этимологическими истоками.

И. И. Муллонен

72 (222). Именования понятия ‘топь, трясина’

Легенда карты

1) **nova**
2) **nola**
3) **poz’e ~ poz’a**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **nova**: *ср* Vil, Nem, Jä, Pec, Mg, Rih, Ladv, Nür, Reb, Vär, Šim, Pk, Pnd
2) **nola**: *ср* Pk
3) **poz’e ~ poz’a**: *ср* Pnd, Kj, Vl

Цифровой индекс

1) **nova**: 24 Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 40Nür, 41Reb, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd
2) **nola**: 48Pk
3) **poz’e ~ poz’a**: 53Pnd, 54Kj, 55Vl

Список картографируемого материала

1–23 — нет сведений; 24 — nova; 25 — нет сведений; 26 — nova; 27 — нет сведений; 28 — nova; 29 — нет сведений; 30–31 — nova; 32 — нет сведений; 33–34 — nova; 35–39 — нет сведений; 40–41 — nova; 42 — notked so; 43–46 — нет сведений; 47 — nova; 48 — nola [СВЯ: 364], nova [СВЯ: 367]; 49 — nova; 50–52 — нет сведений; 53 — nova, poz’a, poz’e [СВЯ: 432]; 54 — poz’a; 55 — poz’a; 56–75 — нет сведений.

Комментарий

Для обозначения топкого места в вепсских говорах нередко используются описательные конструкции типа *notked so* ‘вязкое болото’ (Noid), *vedekaz so* ‘водянистое болото’ (Šid) или *so/lätik* ‘болотная лужа’ (En). В Št зафиксировано глагольное образование *vajutez* от глагола *vajuda* ‘вязнуть’. Используются также русские заимствования: *lačovin* (Kor) или *väzel’* (Jog). В этом пестром ряду обращают на себя внимание два термина, имеющие свой ареал.

Лексема *nova* с семантикой ‘топь, трясина’ является сугубо средневепсской и представлена как на западе, так и на востоке средневепсского ареала. При этом ее средневепсская локализация подтверждается и топонимически: целый ряд топонимов — прежде всего, наименований покосов на болотистых местах — известны в верхнем течении р. Ояти, в то же время топооснова полностью отсутствует в северном и южном вепсских ареалах. Правда, в записях финского исследователя Р. Пелтола обнаруживается одна северновепсская фиксация (без указания конкретного говора): *nova* ‘сырой покос на речном берегу; лес на болоте’ [Tuomi 1967: 232]. Предполагается, что этимологически вепсский географический термин может быть родственен финскому *neva* ‘открытое безлесое болото; топкое болото; болотистый покос; ключ; река’, кар. *neva* ‘вода, водный объект (озеро, река, море)’ и эст. диал. *nõva, neva, neev, neeb* ‘большой ручей; канава; бывшее русло реки’, хотя фонетически встроить вепсское слово в данный прибалтийско-финский ряд сложно [SSA 1995: 215]. В то же время зафиксированный в одном единственном говоре вариант *nola* фонетически вписывается в один ряд с *nova*.

Лексема *poz’a* [*poze* — СВЯ: 432]* фиксируется в трех белозерских говорах и более нигде на вепсской территории не известна. Однако в топонимии восточного берега Онежского озера, где присутствует отчетливое вепсское наследие, в частности, вепсские субстратные явления в русских говорах, отмечены зал. *Подзя* или *Подзялахта* (Куганаволок: Пудожский р-н, поле *Позя* (Колодозеро: Пудожский р-н) [Мамонтова, Муллонен 1991: 75], видимо, отражающие более широкое бытование лексемы в качестве термина в прошлом. При этом истоки самого слова в вепсском языке затемнены.

В поисках его происхождения стоит обратить внимание на вепс. *pačak* ‘грязь’, в котором элемент *-ak* является суффиксом, выявляющимся и в ряде других вепсских лексем, ср. *lačak* ‘приплюснутый, вогнутый’, *uhm* и *uhmak* ‘шишка’, *nem* и *nemak* ‘мыс’ и др. Видимо, вепсская лексема имеет единые истоки с финским *patsi* и его диалектными вариантами *passi, patti* ‘грязное болотистое место; лужа, окруженная болотом ламба’. При этом нестабильность согласного второго слога в вепсском слове отразилась в ряде топонимов: руч. *Pazeine ~ Pad’žoja ~ Пазручей*, оз. *Pad’žar* (рус. *Пажозеро*); руч. *Паджев ~ Пажев*, бол.

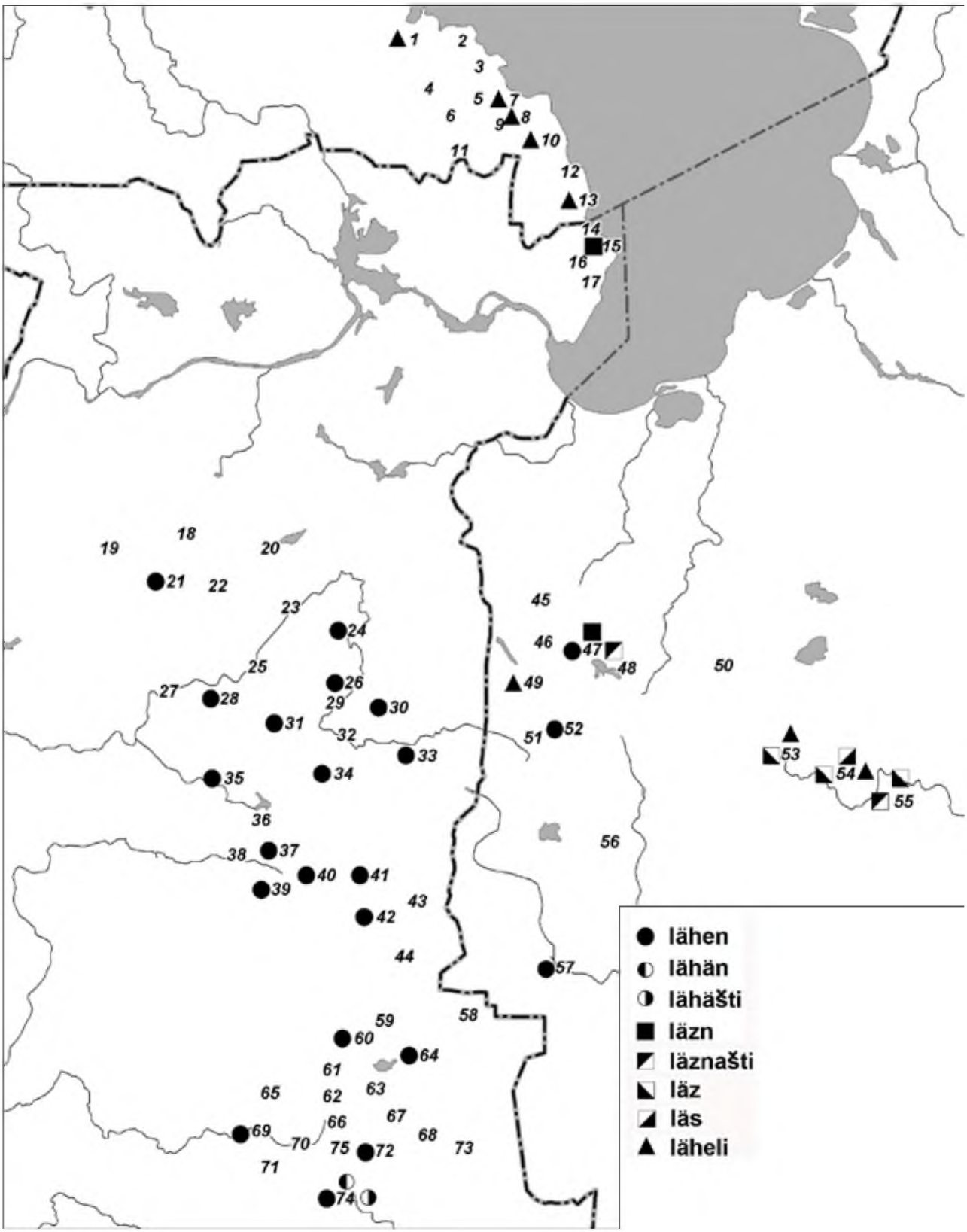
* См. также 63 карту ЛАВЯ ‘грязь’.

Пажевские Мхи, руч. *Пазручей* [СГЮВП: 45, 95]. Этот топонимный ряд позволяет предполагать и в вепсских говорах ландшафтную лексему, обозначавшую болотистое грязное низинное место, родственную финскому *patsi*. В свою очередь, гипотетическое саамское соответствие прибалтийско-финского термина в соответствии с фонетическими закономерностями должно было бы выглядеть как саамское N **buoč'č'â* < прасаам. **põće* [Муллонен 2002: 289]. Реконструкция не подтверждается данными современных саамских говоров. Однако в русле данной реконструкции обращает на себя внимание севернорусское *почa* 'низкое заливаемое водой место, болото; заросшее озеро' [СРНГ 1996: 371]. Возможно, за ним стоит утраченный прасаамский или принадлежавший субстратному довепсскому языку Белозерья и Обонежья географический термин. К этому реконструированному субстратному оригиналу может восходить и вепсский белозерский термин *poz'e ~ poz'a* 'топкое место; лужа; яма на лугу, заполненная водой'. В таком случае он входит в ряд других реконструированных субстратных лексем Белозерья, воспринятых в вепсские, а через их посредство (или в ряде случаев самостоятельно) в русские говоры этого региона.

И. И. Муллонен

Наречия со значением пространства

73 (225). Рефлексы наречия *läz* ‘близко’

Легенда карты

1) **lähen**
lähän
lähäšti
2) **läzn**
läznašti
läz
läs
3) **läheli**

Расшифровка легенды карты

1) **lähen**: *ср* Kar, Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Kor, Har, Nür, Reb, Noid, , Šim, Vah, Ker // *южн* Šid, Sod, Mas, Mai, Ars
lähän: *южн* Ars
lähäšti: *южн* Ars
2) **läzn**: *сев* Per // *ср* Šim
läznašti: *ср* Šim, Pnd, Vl
läz: *ср* Pnd, Kj, Vl
läs: *ср* Kj
3) **läheli**: *сев* Š, Št, Mec, Kl, Kas // *ср* Vär, Pnd, Kj

Цифровой индекс

1) **lähen**: 21Kar, 24 Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 52Vah, 57Ker, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
lähän: 74Ars
lähäšti: 74Ars
2) **läzn**: 15Per, 47Šim
läznašti: 47 Šim, 53Pnd, 55Vl
läz: 53Pnd, 54Kj, 55Vl
läs: 54Kj
3) **läheli**: 1Š, 7Št, 8Mec, 10Kl, 13Kas, 49Vär, 53Pnd, 54Kj

Список картографируемого материала

1 — läheli; 2–6 — нет сведений; 7 — läheli; 8 — läheli [ВК]; 9 — нет сведений; 10 — läheli; 11–12 — нет сведений; 13 — läheli; 14 — нет сведений; 15 — läzn [VVS]; 16–20 — нет сведений; 21 — lähen [ВК]; 22–23 — нет сведений; 24 — lähen; 25 — нет сведений; 26 — lähen; 27 — нет сведений; 28 — lähen; 29 — нет сведений; 30–31 — lähen; 32 — нет сведений; 33–35 — lähen; 36 — нет сведений; 37 — lähen; 38 — нет сведений; 39–42 — lähen; 43–46 — нет сведений; 47 — lähen, läzn [СВЯ: 307; VVS], läznašti [СВЯ: 311]; 48 — нет сведений; 49 — läheli; 50–51 — нет сведений; 52 — lähen [ВК]; 53 — läheli, läz [СВЯ: 307, 311], läznašti [СВЯ: 311]; 54 — läheli, läs, läz [ВК]; 55 — läz, läznašti, 56 — нет сведений; 57 — lähen; 58–59 — нет сведений; 60 — lähen; 61–63 — нет сведений; 64 — lähen; 65–68 — нет сведений; 69 — lähen; 70–71 — нет сведений; 72 — lähen; 73 — нет сведений; 74 — lähän, lähäšti, lähen [VVV; СВЯ: 307–308]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Значение ‘близко’ в зависимости от контекста может быть выражено в вепсских говорах несколькими наречиями, при этом каждое из них имеет свой оттенок семантики: *rindal* ‘рядом’, *laptas* ‘в стороне, сбоку’, *sires* ‘рядом’. Наиболее нейтральными, не имеющими дополнительных семантических коннотаций, в этом ряду являются образования, восходящие к прибалтийско-финскому *lähe-* [см. *lähi-* в SSA 1995: 122]: *lähen, läheli, lähästi, läs, läz, läznašti* ‘близко, поблизости’. При ближайшем рассмотрении оказывается, что они в диалектах обладают некими предпочтениями в исторических образованиях от указанной основы, что нашло отражение и в их ареальной дистрибуции.

Наиболее архаическое состояние сохранили восточные средневепсские говоры: *läzn* Šim, а также белозерские *läs, läz, läznašti*. В своих истоках эти образования являются исторической локативной падежной формой, в которой конечный *-n* — это рудимент прибалтийско-финского (финно-угорского) окончания локатива **-na/*-nä* (ср. фин. *läs**nä*** ‘близко’, *kauk**ana*** ‘далеко’, *kot**ona*** ‘дома’, *ulk**ona*** ‘на улице (снаружи)’ и др). При этом здесь, на востоке вепсского языкового ареала, представлена исторически закономерная согласная основа, в которой к тому же вследствие выпадения финальной гласной создавались условия для сохранения примарного свистящего **-s-* в основе **läse-*: **läse + nä > läsnä* (фин.), *läzn* (вепс.). В вариантах *läs, läz*, видимо, произошла утрата конечного согласного из сочетания двух согласных конца слова, а в *läznašti*, наоборот, наращение характерного

наречного показателя *-šti* с семантикой способа действия [Hakulinen 1968: 188].

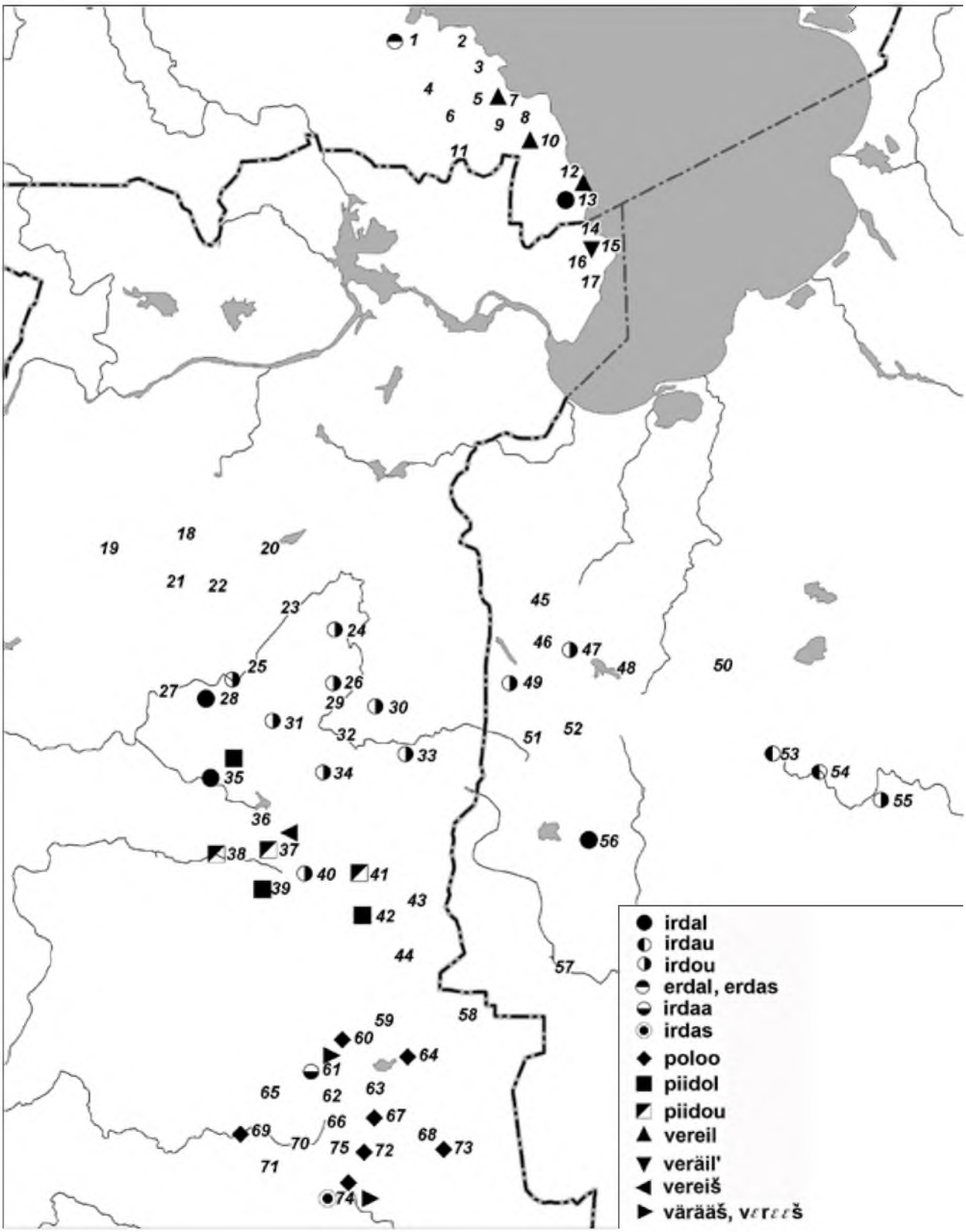
Во всех южных и западных средневепсских говорах, включая переходные, наречие последовательно представлено в виде *lähen* (вариант *lähän* (Ars) вторичен и появился в ходе уподобления гласных), возникшем на основе гласного варианта основы, в котором произошло закономерное развитие **s* > **h* в позиции между гласными, т. е. **läse + nä* > *lähen*. Оно формирует на вепсской диалектной карте единый юго-западный ареал.

В свою очередь, северо-восточную привязку на вепсской языковой карте имеет образование *läheli*, в котором историческая основа *lähe-* оформлена концовкой *-li*, вводящей его в один ряд с вепс. *laptali* ‘стороной’, *sigali* ‘тем путем, той дорогой’ [СВЯ: 508], *kugali* ‘по какой дороге, каким путем?’ [СВЯ: 239].

В ареальном плане, таким образом, намечается противостояние по линии северо-восток — юго-запад, характерное и для целого ряда других диалектных явлений. При этом обращает на себя внимание фонетическая архаика восточных говоров, сохранивших первоначальный свистящий звук в исторически закономерной согласной основе.

И. И. Муллонен

74 (226). Именования понятия ‘на улице’

Легенда карты

1) **irdal**
irdau
irdou
erdal ~ erdas
irdaa
irdas

2) **poloo**
3) **piidol**
piidou
4) **vereil**
veräil’
vereiš
väräääš, vɛrɛɛš

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **irdal**: *сев* Kas // *ср* En, Päž, Vil
irdau: *ср* Kj, Pnd
irdou: *ср* Rih, Ladv, Mg, Nem, Jä, Pec, Vil, Vär, Šim, Vl, Nür
erdal ~ erdas: *сев* Š
irdaa: *южн* Čai
irdas: *южн* Ars

2) **poloo**: *южн* Ars, Mai, Krl, Mas, Sod, Šid, Vg
3) **piidol**: *ср* En, Har, Noid
piidou: *ср* Jog, Kor, Reb
4) **vereil**: *сев* Št, Kl, Kas
veräil’: *сев* Per
vereiš: *ср* Kor
väräääš, vɛrɛɛš: *южн* Ars, Čg

Цифровой индекс

1) **irdal**: 13Kas, 28Vil, 35En, 56Päž
irdau: 53Pnd, 54Kj
irdou: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 40Nür, 47Šim, 49Vär, 55Vl
erdal ~ erdas: 1Š
irdaa: 61Čai
irdas: 74Ars

2) **poloo**: 60Šid, 64Sod, 67Krl, 69Mas, 72Mai, 73Vg, 74Ars
3) **piidol**: 35En, 39Har,42Noid
piidou: 37Korb, 38Jog, 41Reb
4) **vereil**: 7Št, 10Kl, 13Kas
veräil’: 15Per
vereiš: 37Korb
väräääš, vɛrɛɛš: 61Čg, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — erdal, erdas [СВЯ: 81]; 2–6 — нет сведений; 7–vereil; 8–9 — нет сведений; 10 — vereil; 11–12 — нет сведений; 13 — irdal, vereil; 14 — нет сведений; 15 — veräil’ [VVS]; 16–23 — нет сведений; 24 — irdou; 25 — нет сведений; 26 — irdou; 27 — нет сведений; 28 — irdou, irdal [VVS]; 29 — нет сведений; 30 –31 — irdou; 32 — нет сведений; 33–34 — irdou; 35 — irdal, piidol; 36 — нет сведений; 37 — piidou, vereiš [VVS]; 38 — piidou; 39 — piidol; 40 — irdou; 41 — piidou; 42 — piidol; 43–46 — нет сведений; 47 — irdou; 48 — нет сведений; 49 — irdou; 50–52 — нет сведений; 53–54 — irdau; 55 — irdou; 56 — irdal; 57–59 — нет сведений; 60 — poloo; 61 — irdaa [VVS]; väräääš [СВЯ: 648]; 62–63 — нет сведений; 64 — poloo, 65–66 — нет сведений, 67 — poloo [СВЯ: 429], 68 — нет сведений; 69 — poloo; 70–71 — нет сведений; 72 — poloo; 73 — poloo [СВЯ: 429]; 74 — poloo, irdas [СВЯ: 150], vär’ääš, vɛrɛɛš [VVS], väräääš [СВЯ: 648]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Для выражения понятия ‘на улице’, т. е. вне дома, вепсские говоры используют ряд наречий, производных от трех исконных основ: *ird* ‘наружная сторона, улица’, *verai, verei*, *väröö* ‘наружная дверь’, *pöud* ‘поле’, — оформленные показателем адессива или инессива. На южной окраине вепсского языкового ареала распространение получило наречие *poloo* ‘на улице, на дворе’, которое семантически явно воспринято из соседней русской традиции, ср. рус. *в (чистом) поле* ‘за границами своего мира, дома’ [СДЭС 2009: 135].

Очевидно, *piidol, piidou*, буквально ‘в поле’, бытующее в переходных средневепсских говорах, территориально граничащих с южновепсским ареалом, является переводной калькой соответствующего русского выражения и, таким образом, оба слова (*poloo* и *piidol*) демонстрируют русское языковое воздействие, откуда оно проникло

и в говор Вонозера (En) в бассейне р. Ояти. При этом в обоих случаях русская семантическая калька оттеснила свое слово, рудименты бытования которого (или которых) еще обнаруживаются точечно в отдельных говорах: *irdou* в Nür, *irdas* в Ars, *irdaa* в Čai, *irdal* в En.

Безусловный интерес вызывают сугубо вепсские наречные образования от вепс. *verai, verei, väröö* 'наружная дверь' [СВЯ: 624], формирующие два самостоятельных ареала: один на севере, другой на юге вепсской территории. Сопоставление ряда фонетических вариантов позволяет реконструировать общевепсскую исходную лексему **veräjä* > **veräi*, которая в прибалтийско-финских языках является древнерусским заимствованием [SSA: 2000: 429] < *верея* 'косяк, столб у двери и у ворот' [Фасмер 1946: 298]). При этом в южных говорах гласный первого слога поменял свое качество под влиянием гласного второго слога, в северных же произошла утрата гармонии гласных с последующим редуцированием гласного второго слога: ***äi* > *ai* > *ei*** [Tunkelo 1946: 844].

Наречие *vereil* в значении 'на улице' зафиксировано в людиковском говоре с. Михайловское [ALFE 2004: 341] — наиболее «вепсском» из всех людиковских. Оно не получило подобного развития в других людиковских говорах, не известно в этом значении в ливвиковском и собственно карельском языковом ареале, где бытует в первоначальном заимствованном из русского языка значении 'уличная дверь, ворота, калитка' [KKS 2005: 560]. В таком контексте люд. *vereil* 'на улице' следует, видимо, признать вепсским включением. Это, в свою очередь, может свидетельствовать в пользу более широкого бытования наречия в вепсском ареале в прошлом, хотя недостаточно для реконструкции единого ареала, объединяющего северную и южную окраину вепсской территории.

Развитие семантики *verei* 'наружная дверь' → *vereil* 'на улице' поддерживается идентичной южноэстонской моделью: *ussõn, ussõh* 'на улице' — от основы *uss-* 'дверь' [ALFE 2004: 341].

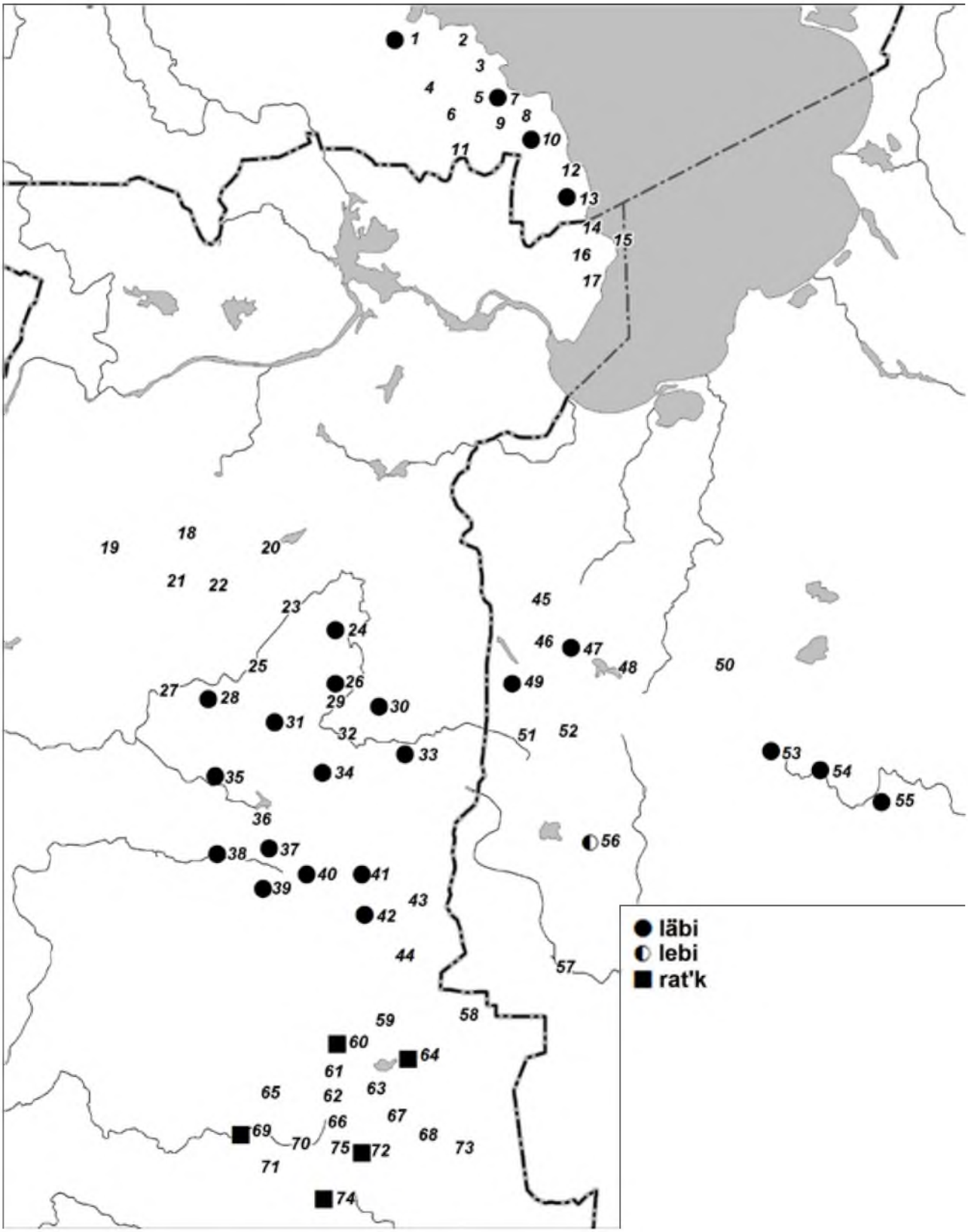
Общевепсским следует признать наречное образование *irdal* с соответствующими фонетическими вариантами, которое безраздельно господствуют в средневепсском языковом ареале и сохранилось в ряде северных и южных говоров. При этом только в вепсском и людиковском говорах (говоры Kj и PH: [LMS: 90]) местные падежные формы прибалтийско-финской основы *irta*, являющейся балтийским заимствованием [SSA 2001: 227], закрепились в роли наречий. Фонетическое варьирование говорных вариантов носит закономерный характер: вокализация конечного ***-l***, лабиализация образовавшегося дифтонга ***au* > *ou*** в средневепсских говорах и соответственно его преобразование в долгий гласный в южновепсском ареале ***au* > *aa***, варьирование ***ir* ~ *er*** в наиболее северных прионежских говорах [Tunkelo 1946: 608–610, 561].

Таким образом, плотному устойчивому средневепсскому ареалу *irdou* противостоят север и юг, где, очевидно, произошло его размывание. Не вполне понятны в этой связи генезис и границы ареала *vereil* ~ *väräääš*: мог ли он быть общевепсским, существовала ли какая-то контекстная разница в употреблении *irdal* и vereil*? На юге вепсского языкового ареала вытеснению исконного слова способствовало внедрение русского диалектного соответствия.

И. И. Муллонен

* Ср. в говоре Рыбреки '*irdal* sital' [VVS] 'на улице в туалете'.

75 (227). Именования понятия ‘сквозь’ (в выражении ‘сквозь стену’)

Легенда карты

1) **läbi**
lebi

2) **rat’k**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **läbi**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Mg, Jä, Vil, Rih,Pec, Mg, Ladv, En, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Šim, Vär, Pnd, Kj, Vl

lebi: *ср* Päž

2) **rat’k**: *южн* Mas, Mai, Šid, Ars, Sod

Цифровой индекс

1) **läbi**: 1Š; 7Št; 10Kl; 13Kas; 24Mg; 26Jä; 28Vil; 30Rih; 31Pec; 33Ladv; 34Mg; 35En; 37Kor; 38Jog; 39Har; 40Nür; 41Reb; 42Noid; 47Šim; 49Vär; 53Pnd; 54Kj; 55Vl

lebi: 56Päž

2) **rat’k**: 60Šid; 64Sod; 69Mas; 72Mai; 74Ars

Список картографируемого материала

1– läbi; 2–6 — нет сведений; 7 — läbi; 8–9– нет сведений; 10 — läbi; 11–12 — нет сведений; 13 — läbi; 14–23 — нет сведений; 24 — läbi; 25 — нет сведений; 26 — läbi siinäs; 27 — нет сведений; 28 — läbi; 29 — нет сведений; 30–31– läbi; 32– нет сведений; 33–35 — läbi; 36– нет сведений; 37 — läbi, raťk [VVS]; 38–42 — läbi; 43–46 — нет сведений; 47 — läbi siinas; 48 — нет сведений; 49 — läbi; 50–52 — нет сведений; 53 — läbi siinas; 54 — läbi seinas; 55 — läbi siinas; 56 — lebi; 57–59 — нет сведений; 60 — raťk; 61–63 — нет сведений; 64 — raťk korviš [СВЯ: 464]; 65–66 — нет сведений; 67 — raťk [СВЯ: 464]; 68 — нет сведений; 69 — raťk; 70–71 — нет сведений; 72 — raťk; 73 — нет сведений; 74 — raťk; 75 — нет сведений.

Комментарий

В «Лингвистическом атласе вепсского языка» не так много вопросов, которые позволяют выявить предлоги, послелоги или наречия, хотя они также могут представить серьезные характеристики диалектной речи.

Понятие ‘сквозь’ (‘сквозь стену’) выражается всего двумя лексемами: *läbi* и *rat’k*. Обе они употребляются в речи чаще всего как предлоги, хотя возможно их как послеложное, так и наречное употребление.

В вепсском языке наиболее частотна лексема *läbi*. Этот предлог в современном языке употребляется с формой инессива: *läbi siinas* ‘сквозь стену’, *läbi mecas* ‘сквозь лес’ [СВЯ: 306]. На карте особым значком отмечен пяжозерский вариант лексемы (Päž) ***l**e**bi***, где предствлен переход *ä* > *e*, характерный именно для данного говора и свидетельствующий об утрате переднерядного *ä* даже в первом, ударном слоге.

Лексема *rat’k* также выступает как предлог и требует после себя форму инессива: *rat’k korviiš* ‘в уши (букв. ‘сквозь уши’)’ [СВЯ: 464].

Лексема *läbi* является прибалтийско-финским наследием и объединяет северновепсский и средневепсский ареалы [SSA 1995: 126–127].

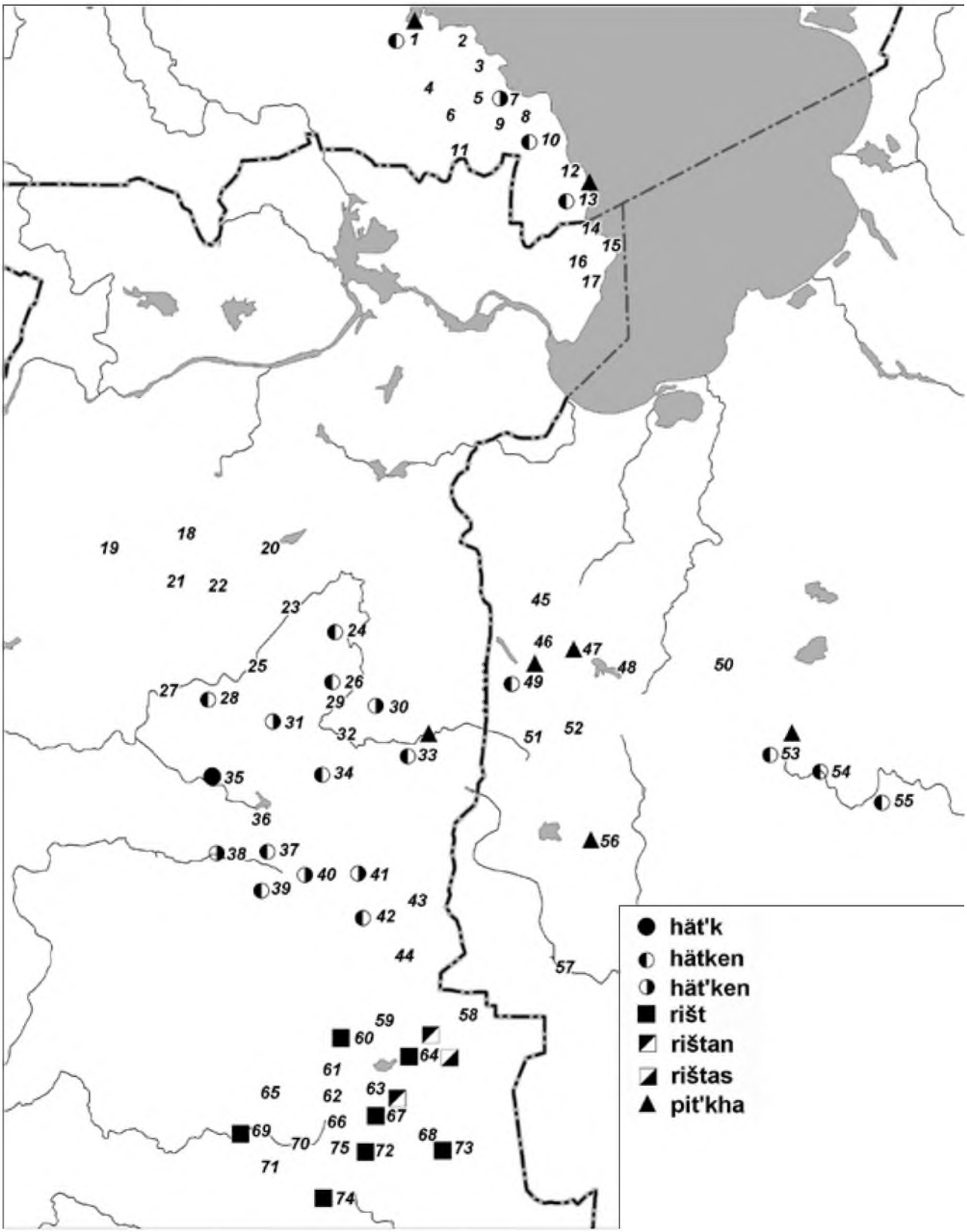
Лексема *rat’k*, за исключением средневепсского пункта Корбиничи, в котором она была зарегистрирована Л. Кеттуненом и входит в электронный ресурс его материалов, свойственна лишь южновепсскому диалекту, где является единственной манифестацией картографируемой семантики. Этимологический словарь финского языка, охарактеризовав ее как лативное наречие, поместил в этимологическое гнездо *ratki* ‘очень, сильно, весьма’, которое связано этимологически и семантически с глаголом *ratketa* ‘распороться, лопнуть, порваться’. В семантике данного глагола вепсское значение предлога/послога *rat’k* проявляется довольно наглядно [SSA 2000: 54].

Таким образом, обе лексемы являются прибалтийско-финскими и демонстрируют четкую ареальную дистрибуцию. Всем говорам северновепсского и средневепсского ареала свойственно *läbi*. Южновепсский диалект, являясь более архаичным по многим позициям, сохранил в своем составе более редкую лексему *rat’k*. Факт наличия лексемы в пункте Корбиничи, ареально пограничном с южновепсской территорией, отмеченного Л. Кеттуненом, свидетельствует о том, что ранее она, очевидно, употреблялась более широко, нежели в настоящее время.

Н.Г. Зайцева

Наречия со значением времени

76 (229). Именования понятия ‘долго’

Легенда карты

1) **hät’k**
hätken
hät’ken
2) **rišt**
ріštan
ріštas
3) **pit’kha**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **hät’k**: *ср* En
hätken: *сев* Š, Kl, Kas // *ср* Nem, Jä, Vil, Ladv, Mg, Kor, Har, Vär, Noid, Pnd, Kj, Vl
hät’ken: *сев* Št // *ср* Rih, Nür, Reb, Pec, Jog
2) **rišt**: *южн* Mas, Mai, Šid, Sod, Ars, Krl, Vg
ріštan: *южн* Sod, Krl
ріštas: *южн* Sod
3) **pit’kha**: *сев* Š, Kas // *ср* Ladv, Vär, Šim, Päž, Pnd

Цифровой индекс

1) **hät’k**: 35En
hätken: 1Š, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 39Har, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl
hät’ken: 7Št, 30Rih, 31Pec, 38Jog, 40Nür, 41Reb,
2) **rišt**: 60Šid, 64Sod, 67Krl, 69Mas, 72Mai, 73Vg, 74Ars
ріštan: 67Krl, 64Sod
ріštas: 64Sod
3) **pit’kha**: 1Š, 13Kas, 33Ladv, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 56Päž

Список картографируемого материала

1 — hätken, pit’kha; 2–6 — нет сведений; 7– hät’ken; 8–9 — нет сведений; 10 — hätken; 11–12 — нет сведений; 13 — hätken, pit’kha; 14–23 — нет сведений; 24 — hätken; 25 — нет сведений; 26 — hätken; 27 — нет сведений; 28 — hätken; 29 — нет сведений; 30–31 — hät’ken; 32 — нет сведений; 33 — pit’kha [СВЯ: 422]; hätken; 34 — hätken (о времени), pit’khav (о расстоянии); 35 — hät’k; 37 — hätken; 38 — hät’ken; 39 — hätken; 40–41 — hät’ken; 42 — hätken; 43–46 — нет сведений; 47 — pit’kha; 48 — нет сведений; 49 — hätken, pit’kha; 53 — pitkha [СВЯ: 422], hätken; 54–55 — hätken; 56 — pit’kha; 57–59 — нет сведений; 60 — rišt; 61–63 — нет сведений; 64 — rišt, ріštan, ріštas [СВЯ: 475–476]; 65–66 — нет сведений; 67 — rišt, ріštan [СВЯ: 475–476]; 68 — нет сведений; 69 — rišt; 70–71 — нет сведений; 72 — rišt; 73 — rišt [СВЯ: 475]; 74 — rišt; 75 — нет сведений.

Комментарий

Для обозначения понятия ‘долго’ в вепсских диалектах используется три лексемы: *rišt ~ ріštan, hätk ~ hätken, pit’kha*.

Наиболее известна лексема *hätk ~ hätken*, распространенная, по свидетельствам словарей карельского языка, также в южных наречиях карельского языка в форме *hätki* с тем же значением ‘долго, долгое время’([KKS 1968: 395], см. также [Макаров 1990: 86–87 — *hätkehkö* ‘долговато’, *hätki* ‘долгое продолжительное время’, *hätkembi* ‘подольше’], [LMS 1944: 85: *hätk, hätki, hätked, hätkie* ‘долгое время, долго’]). KKS не отмечает функционирования лексемы в севернокарельских говорах, хотя в словаре севернокарельских говоров Карелии В. П. Федотовой и Т. П. Бойко показана в одном говоре (Калевала) форма *hetki* ‘миг’ [Федотова, Бойко 2009: 45], которая, скорее всего, является заимствованием из финского языка.

В современном финском литературном языке лексема *hetki* обладает значением ‘краткое время, момент’, в старофинском — ‘час’, в финских диалектах — ‘длительное, долгое время’. В этот контекст вписывается и развитие семантики у лексемы *hetki* в родственных языках, где ее значение функционирует в семантическом поле: от одного мига до часа и более длительного времени. В SKES под вопросом рефлексы названной лексемы указаны за пределами прибалтийско-финского языкового сообщества (мордовский, удмуртский, коми и даже хантыйский языки [SKES 1955: 71]). Новый этимологический словарь указывает на довольно скромное ее функционирование в прибалтийско-финских языках, подчеркивая, что сведения о соответствии этой лексемы в дальнородственных языках исключительно не надежны и не точны [SSA 2001: 159–160].

В диалектах карельского языка названная лексема употребляется и как существительное, и как прилагательное, а также и как наречие. В вепсских говорах это чаще всего наречие: *hätken* ‘долго’, *hätkeks* ‘надолго’, *hätkemba* ‘дольше’. При сборе материала по атласу обнаружена еще и форма *hät'k*, которая очень напоминает или существительное, или прилагательное, и, очевидно, таковой когда-то и была, но в настоящее время остались лишь следы ее наречного употребления. Таким образом, лексема *hätken* является северноприбалтийско-финской инновацией, обладающей рефлексами в северно- и средневепсском диалектах.

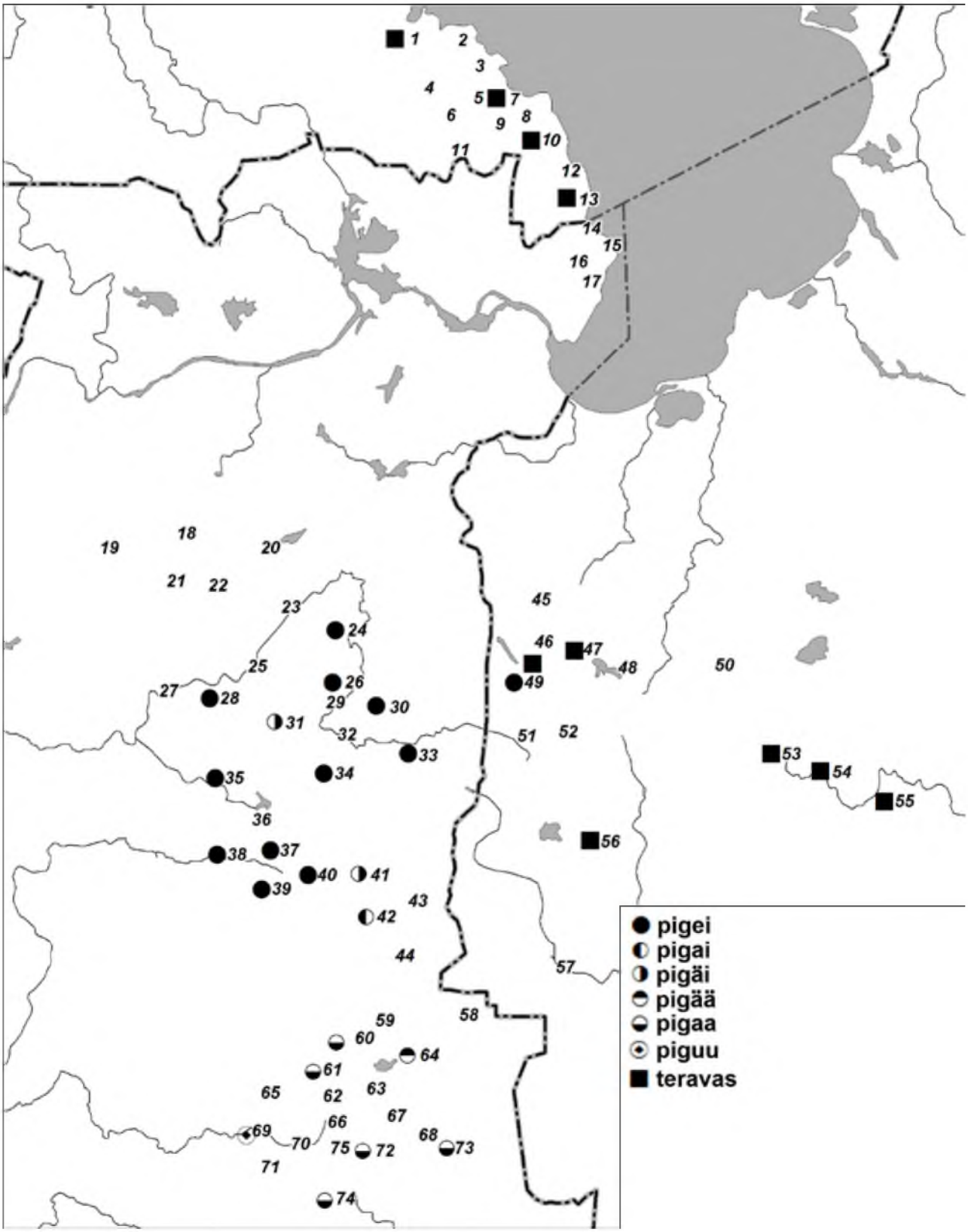
Лексема *rišt ~ rištan ~ ristas*, как полагают авторы SSA [SSA 2000: 75], связана этимологически со словом *riista* ‘дичь, шкура животного, мех’, первоначальное значение которой ‘предмет, товар, зерно’. У всех прочих, более поздних значений в качестве подоплеки происхождения выступает, как полагают этимологи, прежде всего, табу на употребление некоторых слов, среди которых значение ‘долго’. Варианты *rišt ~ rištan ~ristas* свойственны только южновепсским говорам, отчасти диалектам финского языка, что еще раз подчеркивает особое положение южновепсского диалекта в языке вепсов, хотя не совсем ясно в этом случае его связь с финскими диалектами (ср. *riissan* ‘долго’ [SSA 2000: 75]).

В русле универсальных закономерностей наречных образований логично полагать, что формы типа *hätk* и *rišt* могли быть существительными/прилагательными, семантика которых не сохранилась, при этом и *hätken*, и *rištan,* скорее всего, являются застывшими формами падежа эссива, *ristas* — формой инессива, превратившиеся вследствие соответствующего употребления в наречия.

Достаточно широко в северно- и средневепсских говорах выступает адъективное наречие *pit'kha*. Семантика времени и пространства тесно связаны друг с другом, в результате чего пространственные параметры могут переноситься и на течение времени [Родионова 2015: 19]. И многие падежи в вепсском языке обладают как значением пространства, так и времени: ***päčiš*** *palab lämoi* ‘в печи горит огонь’ → *nikut en magadand* ***ös*** ‘я нисколько не спал ночью’. Поэтому появление наречия *pit'kha* ‘долго’, которое по происхождению является формой иллатива имени прилагательного *pit'k* ‘длинный’, вполне закономерно. И если наречия *hätk ~ hätken* и *rišt ~ rištan* противопоставляют северно- и средневепсские говоры южновепсским в выборе лексемы, то *pit'kha* объединяет их, характеризуясь более широким употреблением. Кроме того, вполне возможно, что употребление наречия *pit'kha* в значении ‘долго’ является калькой из русского языка, где можно параллельно сказать как ‘говорить *длинно*’, так и ‘говорить *долго*’.

Н.Г. Зайцева

77 (232). Именования понятия ‘скоро’

Легенда карты

1) **pigei**
pigai
pigäi
pigää
pigaa
piguu
2) **teravas**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **pigei**: *ср* Nem, Rih, Jä, Vil, Ladv, Mg, En, Kor, Jog, Har, Nür, Vär
pigai: *ср* Noid
pigäi: *ср* Pec, Reb
pigää: *южн* Sod
pigaa: *южн* Šid, Mai, Ars, Vg, Čai
piguu: *южн* Mas
2) **teravas**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Sim, Vär, Pnd, Kj, Vl, Päž

Цифровой индекс

1) **pigei**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 49Vär
pigai: 42Noid
pigäi: 31Pec, 41Reb
pigää: 64Sod
pigaa: 60Šid, 61Čai, 72Mai, 73Vg, 74Ars
piguu: 69Mas
2) **teravas**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž

Список картографируемого материала

1 — teravas; 2–6 — нет сведений; 7 — teravas; 8–9 — нет сведений; 10 — teravas; 11–12 — нет сведений; 13 — teravas; 14–23 — нет сведений; 24 — pigei; 25 — нет сведений; 26 — pigei; 27– нет сведений; 28 — pigei; 29– нет сведений; 30 — pigei; 31 — pigäi; 32– нет сведений; 33–35 — pigei; 36– нет сведений; 37 — pigei; 38–40 — pigei; 41 — pigäi; 42 — pigai; 43–46 — нет сведений; 47 — teravas; 48 — нет сведений; 49 — pigei, teravas; 50–52 — нет сведений; 53–56 — teravas; 57–59 — нет сведений; 60 — pigaa; 61 — pigaa [СВЯ: 415]; 62–63 — нет сведений; 64 — pigää; 65–68– нет сведений; 69 — piguu; 70–71 — нет сведений; 72 — pigaa; 73 — pigaa [СВЯ: 415]; 74 — pigaa; 75 — нет сведений.

Комментарий

Понятие ‘скоро’ в вепсском языке обозначается двумя лексемами: *pigei* и *teravas*.

Наречие *pigei* бытует в средневепсских и южновепсских говорах. Оно является прибалтийско-финским наследием и считается древнегерманским заимствованием [**fika* ‘быстрота, спешка’ [SSA 1995: 360]).

В вепсском языке это наречие обладает множеством фонетических вариантов, и все они картографированы. Его древней праприбалтийско-финской формой является **piγa-*, из которой на почве финского языка, например, спирант **γ* совсем утратился (*pian*); в вепсском же языке в этом случае **γ* > *g* [Tunkelo 1946: 184], в результате чего возникли формы типа *pigai, pigei, pigaa*. Конечный *-i*, очевидно, является словообразовательным суффиксом наречий (ср. *muloi* ‘в прошлом году’, *tantoi* ‘недавно’).

В южновепсском диалекте *-ai* (*-äi*) на конце формы наречия превратилось в долгий гласный вторичного происхождения (*-aa-, -ää-*) [Kettunen 1922: 58–67]. В средневепсских говорах дифтонг несколько сузился (***ai* > *ei***), что проявляется во многих подобных случаях (*maid* ~ *meid* ‘молоко’, *kaid* ~ *keid* ‘узкий’ и т. д.).

В ряде средневепсских говоров, где особенно сильны позиции гармонии гласных*, слово приобрело переднерядную огласовку, поскольку в первом слоге выступает гласный переднего ряда: *pigäi*. Один подобный случай представлен и в южновепсском говоре: *pigää* (Sod). В южновепсском диалекте в пункте Маслово (Mas) отмечена еще совершенно нетипичная форма *piguu*, которая является, очевидно, единичным результатом подобной переработки звуков.

Отметим, что в наиболее близкородственных карельских наречиях лексема, звучащая в вепсском как *pigai, pigei* в картографируемом значении практически не известна.

* См. 9 карту ЛАВЯ.

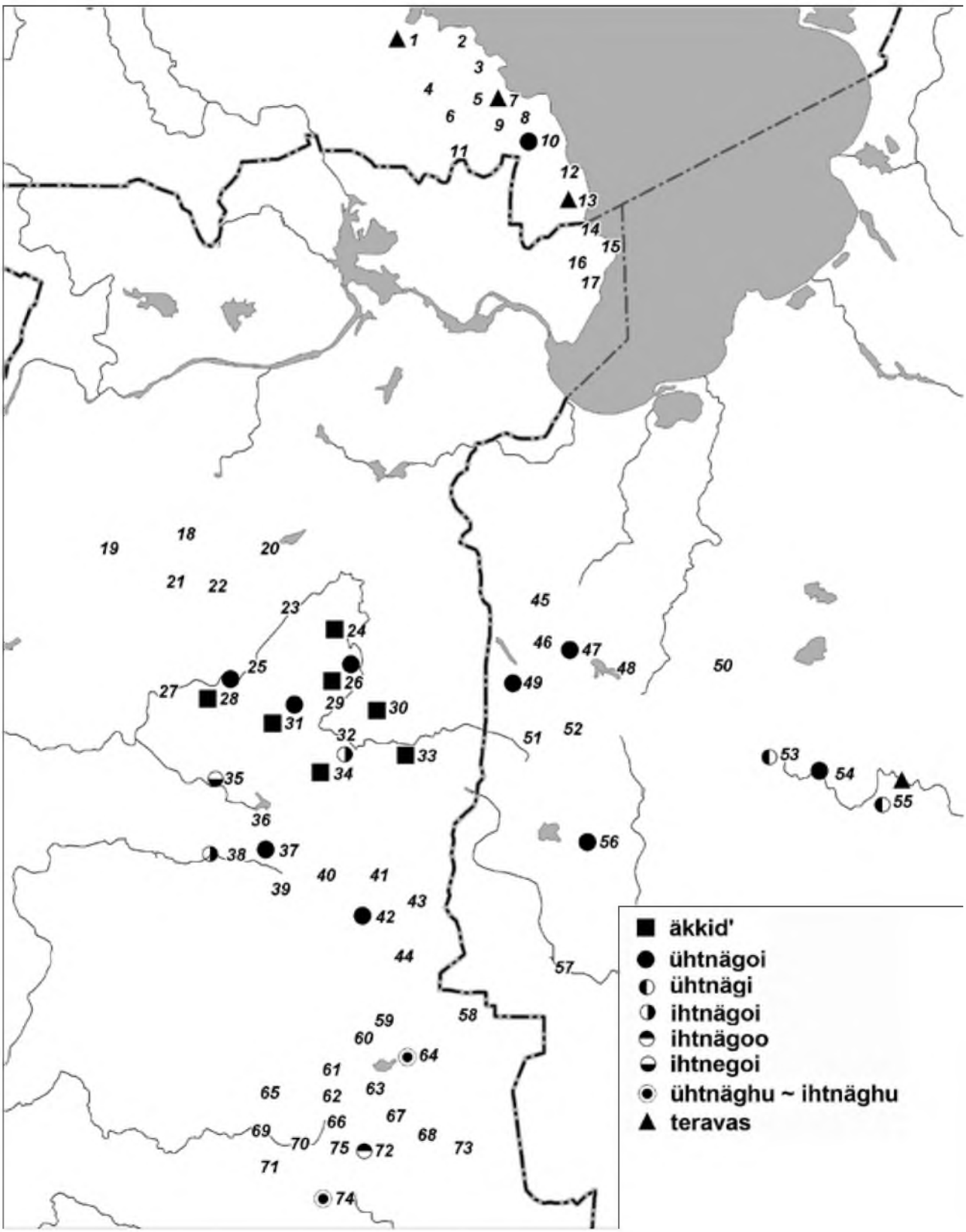
В северновепсском диалекте и восточных говорах средневепсского диалекта распространена лексема *teravas*. Она, очевидно, связана по своему происхождению с прилагательным *terav* ‘острый, заостренный’ [< *terä*: SSA 2000: 287]. Это же значение широко известно карельскому языку, ср. *terväh* ‘скоро, быстро’ [Макаров 1990: 379; KKS 2005: 90]. Можно предположить, что именно карельским языковым воздействием может быть спровоцировано развитие на базе прилагательного *terav* ‘острый’ наречного образования *teravas* ‘быстро’ в прионежских, а также восточных средневепсских говорах*.

Картографирование наречия *teravas* выявило вновь факт объединения северновепсских и средневепсских восточных говоров между собой и наречиями карельского языка, являющийся результатом единого развития именования исследуемой семантики.

Н.Г. Зайцева

* См. также 78 карту ЛАВЯ.

78 (233). Именования понятия ‘вдруг’

Легенда карты

1) **äkkid’**
2) **ühtnägoi**
ühtnägi
ihtnägoi
ihtnägoo
ihtnegoi
ühtnäghu ~ ihtnäghu
3) **teravas**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **äkkid’**: *ср* Nem, Rih, Ladv, Mg, Jä, Pec, Vil
2) **ühtnägoi**: *сев* Kl // *ср* Vil, Kor, Noid, Jä, Pec,Vär, Kj, Päž, Šim
ühtnägi: *ср* Pnd, Vl
ihtnägoi: *ср* Mg, Jog
ihtnägoo: *южн* Mai
ihtnegoi: *ср* En
ühtnäghu ~ ihtnäghu: *южн* Ars, Sod
3) **teravas**: *сев* Š, Kas, Št // *ср* Vl

Цифровой индекс

1) **äkkid’**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg
2) **ühtnägoi**: 10Kl, 26Jä, 28Vil, 31Pec, 37Kor, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 54Kj, 56Päž
ühtnägi: 53Pnd, 55Vl
ihtnägoi: 34Mg, 38Jog
ihtnägoo: 72Mai
ihtnegoi: 35En
ühtnäghu ~ ihtnäghu: 64Sod, 74Ars
3) **teravas**: 1Š, 7Št, 13Kas, 55Vl

Список картографируемого материала

1 — teravas; 2–6 — нет сведений; 7 — teravas; 8–9 — нет сведений; 10 — ühtnägoi; 11–12 — нет сведений; 13 — teravas; 14–23 — нет сведений; 24 — äkkid’; 25 — нет сведений; 26 — äkkid’; ühtnägoi [СВЯ: 651]; 27– нет сведений; 28 — äkkid’; ühtnägoi [VVS] ‘одновременно; внезапно, вдруг’; 29 — нет сведений; 30 — äkkid’; 31 — äkkid’, ühtnägoi [СВЯ: 651]; 32 — нет сведений; 33 — äkkid’; 34 — äkkid’, ihtnägoi ‘заодно’; 35 — ihtnegoi; 36 — нет сведений; 37 — ühtnägoi; 38 — ihtnägoi; 39–41 — нет сведений; 42 — ühtnägoi; 43–46 — нет сведений; 47 — ühtnägoi; 48 — нет сведений; 49 — ühtnägoi ‘одновременно’; 50–52 — нет сведений; 53 — ühtnägi; 54 — ühtnägoi; 55 — ühtnägi; teravas ‘быстро’; 56 — ühtnägoi; 57–63 — нет сведений; 64 — ihtnäghu [СВЯ: 650]; 65–68 — нет сведений; 69–71 — нет сведений; 72 — ihtnägoo; 73 — нет сведений; 74 — ihtnäghu, üht/näghu [СВЯ: 650]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Понятие ‘вдруг’ с точки зрения семантики неоднозначно для сбора материала, поскольку обладает целым спектром семантических составляющих: ‘неожиданно, внезапно’, ‘одновременно, разом’, а также еще и в некоторых случаях ‘скоро, быстро’. Значения близки друг другу, при этом в вепсском они могут быть обозначены разными лексемами. В этом случае даже не помог тот набор поисковых слов, который предлагался в вопроснике. Поэтому трудно было решить, которое из значений следует выбрать для поиска необходимых лексем и в конечном счете для картографирования. Но поскольку наречий в вопросник атласа включено не так много, то все-таки было решено не отказываться от этого понятия при картографировании, а внести разъяснения о семантике в комментарии.

Для картографирования было выбрано значение ‘вдруг, внезапно’. Наиболее точно это значение передается лексемами *äkkid’* и *ühtnägoi*.

У лексемы *äkkid’*, которая характерна в этой форме лишь для средневепсских приоятских говоров, предполагаются возможные прибалтийско-финские дескриптивные корни [SSA 2000: 496]. Большой словарь карельского языка [KKS 2005: 769] отмечает ее узкое употребление лишь в некоторых самых северных собственно карельских говорах в сходном с вепсским значении. В ливвиковском наречии карельского языка соответствующая лексема не бытует вовсе. В тверских же говорах карельского языка лексемы *äkkieh* ‘быстро, круто’, а также *äkkimen* ‘внезапно, неожиданно’, *äkkimän’e* ‘внезапный, неожиданный’ [Пунжина 1994: 352] известны, что объединяет тверские говоры со средневепсскими говорами.

Полагаем, что в слове *ühtnägoi* могло произойти словосложение. Слово напоминает финскую лексему *yhtäkkiä* ‘вдруг, внезапно, неожиданно’

(*yht* + *äkkiä*). Вепсское слово так же, как и финское, является сложным, обладающим двумя частями, где первая часть — это форма партитива числительного *üks*' 'один': *üht*. Вторая часть (*-nägoi, -nägi, -nägoo, -negoi*, *-näghu*) затемнена, но, полагаем, что здесь, как и в финском языке, выступает то же наречие *äkkid*', о котором речь шла выше. В данном случае между двумя частями сложного слова, очевидно, появился протетический *-n*, и поэтому мы не стали в слове одну часть сложного слова отделять от другой, так как не совсем ясно место словораздела. Вторая часть лексемы сильно изменилась по форме. Возможно, здесь возникла с течением времени народная этимология: после включения протетического *-n-* в слово его вторая часть стала напоминать глагол *nähtä* 'видеть' с основой *näge-*: ***näge-n*** '(я) вижу'. При этом именно вторая часть лексемы зафиксирована в диалектах в разных фонетических и словообразовательных вариантах: *-nägoi, -nägi, -nägoo, -negoi*, *-näghu*. В первых вариантах отмечается разная переработка дифтонга ***-oi***, который в южновепсском диалекте представлен как долгий гласный вторичного происхождения (*üht/näg**oo**, iht/näg**oo***), что для последнего характерно и многократно отмечено в комментариях к лингвистическим картам.

Кроме того, для ряда говоров южно- и средневепсского диалектов свойствен переход переднерядного ***ü > i****,что отразилось данном случае в первом слоге лексемы (***i**ht/nägoi*).

Северновепсским говорам названные выше лексемы не известны. В качестве варианта для картографируемого значения 'вдруг' было названо слово *teravas*, которое довольно широко известно в вепсском языке в ином значении 'скоро; быстро'** [см.: СВЯ: 567].

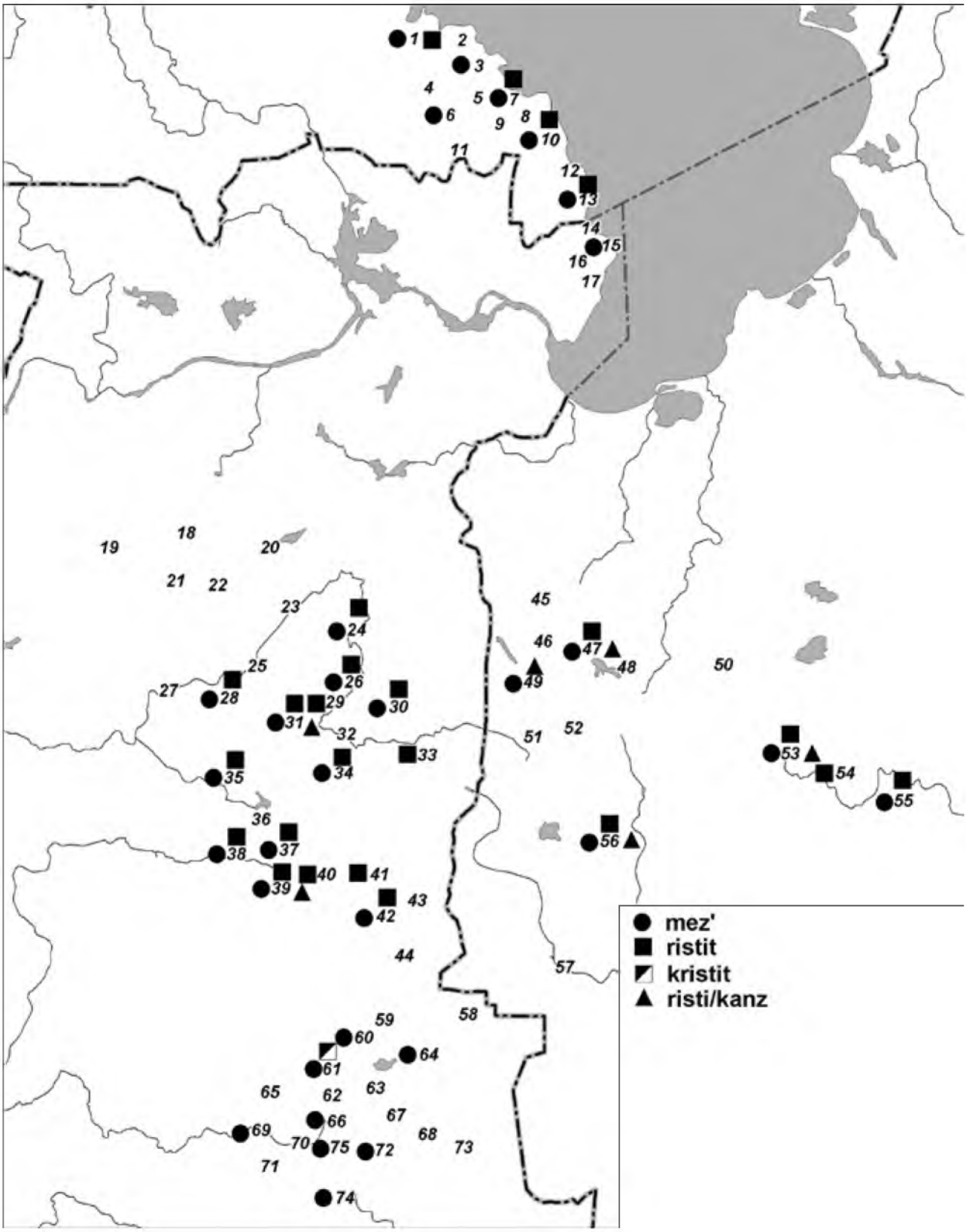
Н.Г. Зайцева

* См. об этом явлении 4 карту ЛАВЯ.

** См. 77 карту ЛАВЯ.

ЧЕЛОВЕК

79 (235). Именования понятия ‘человек’

Легенда карты

1) **mez’**
2) **ristit**
kristit
3) **risti/kanz**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **mez’**: *сев* Š, Veh, Van, Št, Kl, Kas, Per // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Mg, En, Kor, Jog, Har, Noid, Šim, Vär, Pnd, Vl, Päž // *южн* Šid, Čai, Sod, Buš, Mas, Mai, Ars, Pož

2) **ristit**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Nem, Jä, Vil, Sj, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Šim, Pnd, Kj, Vl, Päž
kristit: *южн* Čai

3) **risti/kanz**: *ср* Har, Vär, Päž

Цифровой индекс

1) **mez’**: 1Š, 3Veh, 6Van, 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 61Čai, 64Sod, 66Buš, 69Mas, 72Mai, 74Ars, 75Pož

2) **ristit**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 29Sj, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž
kristit: 61Čai

3) **risti/kanz**: 39Har, 49Vär, 56Päž

Список картографируемого материала

1 — ristit, mez’; 2 — нет сведений; 3 — mez’ [VV: 175]; 4–5 — нет сведений; 6 — mez’ [VV: 220]; 7 — ristit, mez’; 8–9 — нет сведений; 10 — ristit, mez’; 11–12 — нет сведений; 13 — ristit, mez’; 14 — нет сведений; 15 — mez’ [VVS]; 16–23 — нет сведений; 24 — ristit, mez’; 25 — нет сведений; 26 — ristit, mez’; 27 — нет сведений; 28 — ristit, mez’; 29 — ristit [VV: 220]; 30–31 — ristit, mez’, risti/kanz [СВЯ: 474]; 32 — нет сведений; 33 — ristit; 34 — ristit, mez’; 35 — ristit, mez’; 36 — нет сведений; 37–38 — ristit, mez’; 39 — ristit, mez’, risti/kanz (в семье); 40–41 — ristit; 42 — ristit, mez’; 43–46 — нет сведений; 47 — ristit, mez’, risti/kanz [СВЯ: 474]; 48 — нет сведений; 49 — risti/kanz, mez’; 50–52 — нет сведений; 53 — ristit, mez’, risti/kanz [СВЯ: 474]; 54 — ristit; 55 — ristit, mez’; 56 — ristit, risti/kanz, mez’; 57–59 — нет сведений; 60 — mez’; 61 — kristit [СВЯ: 474]; mez’ [VV: 440]; 62–63 — нет сведений; 64 — mez’; 65 — нет сведений; 66 — mez’ [VV: 220]; 67–68 — нет сведений; 69 — mez’; 70–71 — нет сведений; 72 — mez’; 73 — нет сведений; 74 — mez’; 75 — mez’ [VV: 440].

Комментарий

Для обозначения человека в вепсских говорах используется три лексемы: *mez’*, *ristit* с вариантом *kristit* и сложное по структуре слово *risti/kanz*.

Вепсский термин *mez’* имеет убедительный прибалтийско-финский фон: фин., кар. *mies*, эст. *mees*, лив. *miez* < **meese*- [SSA 1995: 166], при этом его исторические корни дискуссионны: одни этимологические источники не выводят их за пределы прибалтийско-финского языкового континуума (напр., [SSA 1995: 166]), другие же не исключают более глубокие финно-угорские истоки (напр., [UEW 1988: 866–867]).

Вепсское слово сохранило примарное значение ‘человек’, утраченное или размытое в родственных языках, где на первый план вышла семантика ‘мужчина’. Так произошло, к примеру, в карельских наречиях и финском языке, в которых значение ‘человек’ реконструируется в сложных словах типа *mies/polvi* ‘поколение’, букв. ‘человеческое колено’, *matka/mies* ‘путник’ (*matka* ‘путь’ + *mies* ‘человек’) или подтверждается устойчивыми выражениями: *(ei ole) miehen muistih* ‘(не было) на памяти человека’, т. е. давно. В данном случае семантическое развитие в финском и карельском языках происходит в русле универсальной закономерности (человек/мужчина), известной и другим языковым семьям, напр., германским или выросшим из латыни романским языкам [Vilppula 2001]. В свою очередь, лексема *ihminen*, которая, как правило, используется в родственных языках для обозначения человека, в вепсском приобрела вторичную пейоративную семантику: вепс. *inehmoi, inehmoo* ‘неповоротливый,

ленивый человек, болезненный человек', а также использовалась как ругательство в адрес женщины [СВЯ: 149]. Аналогичные контексты известны и в говорах родственных языков, однако находятся в них на периферии семантического поля. Иначе говоря, лексика демонстрирует значительную изменчивость от языка к языку и из одного столетия в другое. В вепсских говорах для обозначения мужчины повсеместно (значит, рано усвоенное) используется русское заимствование *mužik*, что, возможно, содействовало консервации исконной семантики 'человек' у вепсского термина *mez'*.

Полным синонимом к *mez'* выступает лексема *ristit* ~ *kristit*, широко бытующая в вепсских говорах, особенно северных и центральных. Она возникла в результате перевода соответствующего русского термина *крещеный*, напр., в северорусских говорах, в том числе в олонецких, *крещеный* 'крестьянин', *крещеные* 'люди, народ' [СРНГ 1979: 240–241]. По форме вепсское слово, как и его русский источник, является субстантивированным пассивным причастием, при этом сохранившим исторический облик, отчасти утраченный вепсским языком. В современных вепсских говорах соответствующая причастная форма оформлена чаще всего формантом *-tud: tehtud* 'сделанный', *pašttud* 'печеный' и т. д., включающим, по мнению исследователей, два элемента: показатель пассивного причастия *-tu* и окончание партитива *-d* [Tunkelo 1946: 133–135; Зайцева 2016: 123]. Иначе говоря, это застывшая форма партитива, переосмысленная в номинативную, вследствие чего произошло переразложение в морфемном составе. В этом контексте *ristit* свидетельствует о бытовании в вепсском языке в прошлом пассивных форм без финального *-d*, аналогичных карельским и финским.

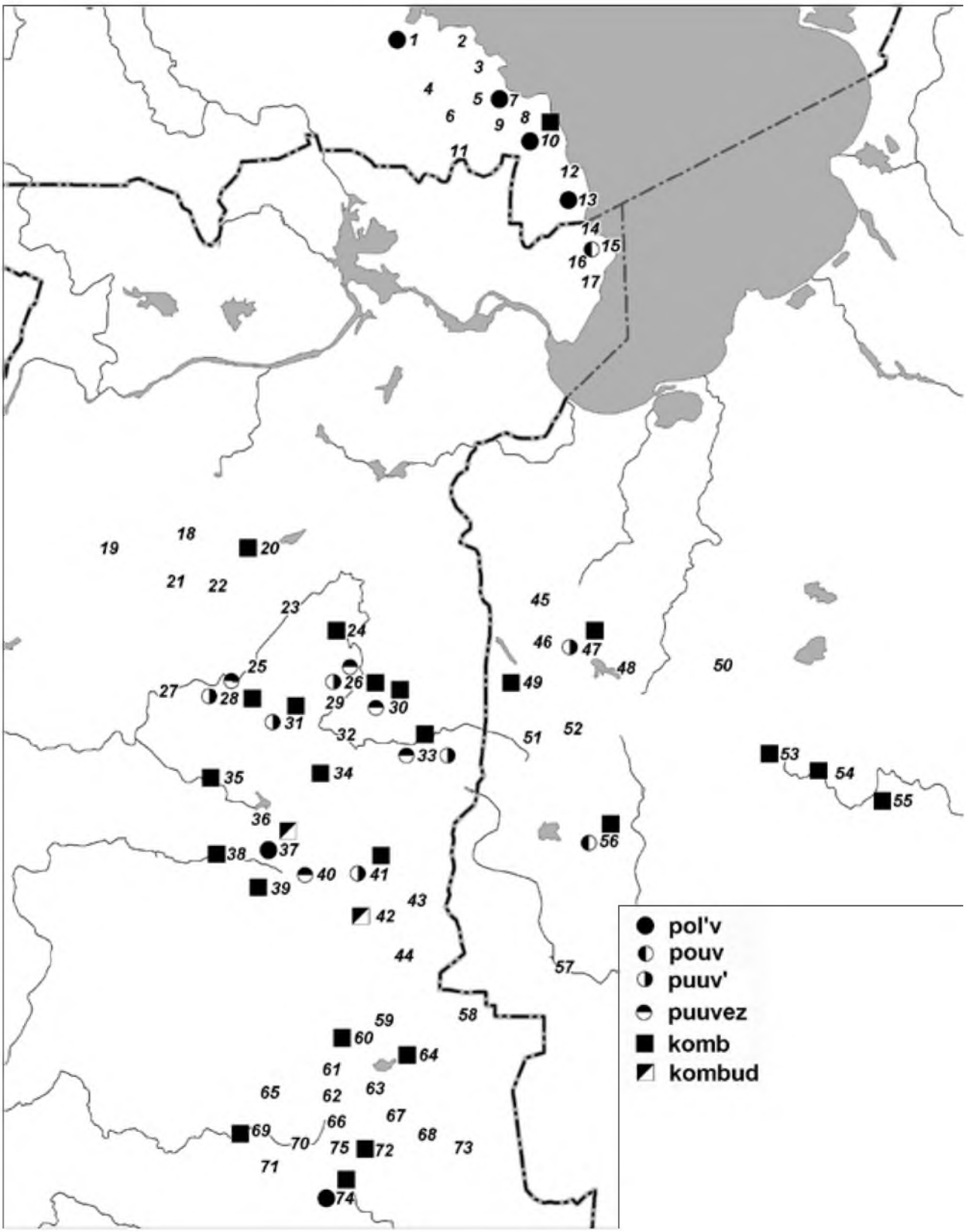
В подавляющем большинстве пунктов сбора отмечено сосуществование лексем *mez'* и *ristit*, что, очевидно, свидетельствует о семантической разнице в двух терминах, существовавшей в прошлом, но стершейся со временем.

Видимо, своей семантической спецификой характеризовался и третий термин, *risti/kanz*. Судя по данным СВЯ, а также нашим полевым сборам, он использовался первоначально к человеку как члену семьи. Соответственно формой мн. числа *risti/kanzad* обозначалась семья как совокупность отдельных ее членов [СВЯ: 474]. Для вепсов принадлежность к семье была, очевидно, особенно важна и в диалектах она обозначается специальными лексемами *kanznik* (у средних и южных вепсов) и *perehnik* (у северных вепсов) 'член семьи'.

Термин же *risti/kanz* имеет сложную структуру, в которой выделяются два элемента: *risti-* 'крещеный' и *-kanz* 'семья'. Надо полагать, что в ходе использования и здесь произошло некое переосмысление слова по линии 'семья' / 'член семьи'. Подобный процесс характерен и для карельского языка, в котором *risti/kansa, risti/kanzu* — и 'человек', и 'люди' [KKS]. Видимо, особенно с учетом элемента *risti-*, следует принимать во внимание древнерусское посредство, ср. *людъ* 'народ' — *людинъ* 'человек' [Срезневский] и, таким образом, единые по времени истоки термина в вепсском и карельском языках.

И. И. Муллонен

80 (240). Именования понятия ‘колено’

Легенда карты

1) **pol’v**
pouv
puuv’
puuvez
2) **komb**
kombud

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **pol’v**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Kor // *южн* Ars
pouv: *сев* Per // *ср* Päž
puuv’: *ср* Pec, Vil, Jä, Ladv, Reb, Šim
puuvez: *ср* Rih, Jä, Ladv, Vil, Nür

2) **komb**: *сев* Kl // *ср* Jä, Rih, Nem, Ladv, Mg, Pec, Vil, Čik, En, Reb, Har, Jog, Vär, Šim, Päž, Pnd, Kj, Vl // *южн* Ars, Mai, Sod,Šid, Mas
kombud: *ср* Noid, Kor

Цифровой индекс:

1) **pol’v**: 1Š, 7 Št, 10Kl, 13Kas, 37Kor, 74Ars
pouv: 15Per, 56Päž
puuv’: 26Jä, 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 41Reb, 47Šim
puuvez: 26Jä, 28Vil, 30Rih, 33Ladv, 40Nür

2) **komb**: 10Kl, 20Čik, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 38Jog, 39Har, 41Reb, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
kombud: 37Kor, 42Noid

Список картографируемого материала

1 — pol’v; 2–6 — нет сведений; 7 — pol’v; 8–9 — нет сведений; 10 — pol’v; komb; 11–12 — нет сведений; 13 — pol’v; 14 — нет сведений; 15 — pouv [VVS]; 16–19 — нет сведений; 20 — komb [VVS]; 21–23 — нет сведений; 24 — komb; 25 — нет сведений; 26 — komb, puuv’ [ВК], puuvez; 27 — нет сведений; 28 — puuv’ [СВЯ: 430], puuvez, komb; 29 — нет сведений; 30 — komb, puuvez; 31 — puuv’, komb; 32 — нет сведений; 33 — puuv’ [СВЯ: 430], puuvez, komb; 34–35 — komb; 36 — нет сведений; 37 — kombud, pol’v [VVS]; 38–39 — komb; 40 — puuvez; 41 — puuv’, komb; 42 — kombud; 43–46 — нет сведений; 47 — puuv’ [СВЯ: 430], komb; 48 — нет сведений; 49 — komb; 50–52 — нет сведений; 53–55 — komb; 56 — komb, pouv [NÄKM: 349]; 57–59 — нет сведений; 60 — komb; 61–63 — нет сведений; 64 — komb; 65–68 — нет сведений; 69 — komb; 70–71 — нет сведений; 72 — komb; 73 — нет сведений; 74 — komb, pol’v [VVS]; 75 — нет сведений.

Комментарий

В современных говорах слова *pol’v* и *komb*, обозначающие понятие ‘колено ноги’, являются практически полными синонимами и употребляются в одинаковых контекстах: ср. *seišta kombuil’* Pnd — *seišta puuvil’* Vil ‘стоять на коленях’. При этом, однако, основа *komb-* активна в глагольном словообразовании, напр., *kompta, kombooda* ‘ползать на коленях, на четвереньках’, *kombuštada, kombištuda* ‘опуститься на колени’, в то время как синонимичная ей *pol’v-* в этой роли малопродуктивна. Определенная, слабо уловимая разница в употреблении иногда отмечается информантами, напр., в Рябовом Конце (Reb) вепсским эквивалентом русского *колено* является *komb*, однако во фразе ‘болит колено’ предпочитают использовать *puuv’*: *kibištab puuven*. Видимо, исторически разница могла быть более четкой, однако постепенно нивелировалась.

Обе лексемы имеют широкий, однако не вполне равнозначный прибалтийско-финский контекст: *pol’v* поддержан аналогичным существительным во всех родственных прибалтийско-финских языках [SSA 1995: 392–393], в то время как *komb* не имеет равнозначного соответствия в прибалтийско-финском мире. Соответствующая основа выступает здесь либо как глагольная (ср. фин. *kompia, kömpie* ‘ползать на четвереньках’, эст. *kömbida* ‘брести, плестись’, фин. *kompastua*, люд. *kombištuda*, вод. *kompassua*, эст. *komistada* ‘спотыкаться’ [SSA 2001: 395]), либо в наречиях: кар. *kombuzin* [KKS 1974: 306], люд. *kombul* ‘на четвереньках’ [LMS: 150]. В SSA [SSA 2001: 395] высказывается предположение о том, что вепсский язык мог сохранить именную производящую основу (в виде *komb-*), которая другими прибалтийско-финскими языками в таком виде утрачена. Таким образом, это может быть тот случай, когда в вепсском языке законсервировалось более древнее языковое состояние, чем в других прибалтийско-финских языках.

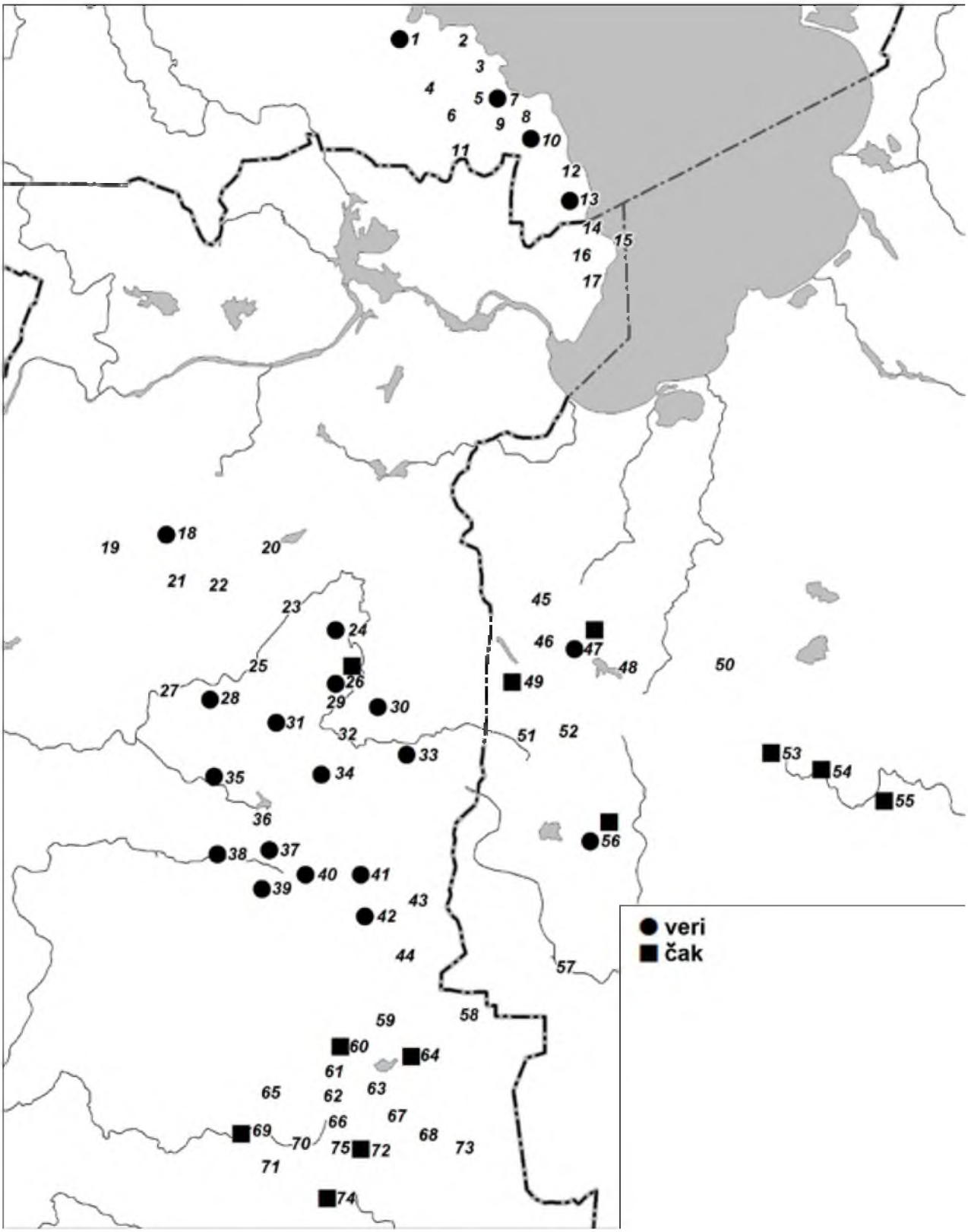
Картографирование свидетельствует об определенной ареальной дистрибуции двух слов на современной диалектной карте. *Pol'v* явно преобладает на севере, а *komb* господствует на юге вепсского языкового ареала. В средневепсских говорах сосуществуют оба слова, при этом нередко внутри одного населенного пункта, что и дает основания для предположения об исходной семантической разнице в них. Судя по источникам первой половины XX века, *pol'v* бытовало в более широком ареале на востоке (Шимозеро, Пяжозеро) и заходило даже на южную окраину, ср. в связи с этим свидетельство записей Л. Кеттунена в Ars [VVS], которое, правда, нуждается в силу его единичности и оторванности от основного ареала в дополнительных подтверждениях бытования. Видимо, следует осторожнее относиться и к помете P — Št при слове *komb* в СВЯ, указывающей на бытование слова в северновепсском ареале. Этому в целом противоречат как современные свидетельства, так и исторические, относящиеся к концу XIX — первой половине XX века. В примечании к одному тексту, записанному Э. Н. Сетяля в 1889 году в Каскесручье, Э. А. Тункело отмечает, что слово *komb* обычно для средневепсских говоров, в северных же оно выступает только в функции наречия: *kombulaze*, *kombul'eze* [NÄKM 1951: 617] 'на коленях (находиться); на колени (встать)'. Это подтверждают и данные территориально смежных русских говоров на территории Петрозаводского уезда Олонецкой губернии, которым было известно выражение *на комбушках* 'на четвереньках' [СРНГ 1978: 228]. Иначе говоря, *komb* в северновепсском ареале использовалось, очевидно, не в значении 'колено (как часть ноги)', но в выражении *seišta kombuil'* 'стоять на четвереньках' и подобных. Возможно, так же распределялись на определенном этапе функции *pol'v* и *komb* и в более широком ареале. На это косвенным образом указывают и данные родственных языков. Последние, кстати, могли быть фактором, стабилизировавшим функционирование *pol'v* на северной окраине вепсской территории — в зоне прочных карельско-вепсских контактов.

Каждая из лексем обладает определенной вариативностью. Отмеченная в отдельных говорах форма мн. числа *kombud* спровоцирована, возможно, указанным выше контекстным употреблением *seišta kombuil'* 'стоять на коленях' и др.

В ряде средневепсских говоров *pol'v* выступает в варианте *puuvez* (< **pol'vez*), в котором конечный элемент *-z* является, очевидно, отыменным словообразовательным суффиксом с семантикой 'подобный тому, что выражено производящей основой' [Hakulinen 1968: 598]. Суффикс использован в этой функции в ряде вепсских лексем, напр., *kagluz* 'перешеек', *keskuz* 'середина' и др. В этом случае в вепсском *-z* < *-s*. Гласная основа подобных существительных оканчивается в современном вепсском языке на *-se-*(исторически < **-kse-*): *kaglusen*, *keskusen*. Однако *puuvez*, видимо, в силу раритетности слова, малого его использования со временем изменило тип склонения, уподобившись более распространенным в языке словам с конечным *s/z*, в гласной основе которых выступает *-h-*: *kirvez* 'топор' — *kirv**h**en*, *tervez* 'здоровый' — *terv**h**en* [об этом см. также: Tunkelo 1946: 295]. Соответственно, *pol'vez*: *pol'v**h**en* ~ *puuvhen*. Древность вепсского суффиксального образования подтверждается соответствующим производным *polves* 'изгиб, колено', зафиксированном в восточнофинском говоре Халлисте [SKES 1962: 598].

И. И. Муллонен

81 (244). Именования понятия ‘кровь’

Легенда карты

1) **veri**
2) **čak**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **veri**: *сев* Kas, Kl, Št, Š // *ср* Rih, Reb, Ladv, Mg, Vil, Jä, Nem, Nür, Pec, En, Kor, Noid, Har, Jog, Päž, Kek, Šim

2) **čak**: *ср* Vl, Kj, Pnd, Päž, Šim, Vär, Jä // *южн* Mai, Šid, Sod, Ars, Mas

Цифровой индекс

1) **veri**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 18Kek, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 56Päž

2) **čak**: 26Jä, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74 Ars

Список картографируемого материала

1 — veri; 2–6 — нет сведений; 7 — veri; 8–9 — нет сведений; 10 — veri; 11–12 — нет сведений; 13 — veri; 14–17 — нет сведений; 18 — veri [ОВР: 281]; 19– 23 — нет сведений; 24 — veri; 25 — нет сведений; 26 — čak [СВЯ: 54], veri; 27 — нет сведений; 28 — veri; 29 — нет сведений; 30–31 — veri; 32 — нет сведений; 33–35 — veri; 36 — нет сведений; 37–42 — veri; 43–46 — нет сведений; 47 — veri [NÄKM: 267], čak; 48 — не сведений; 49 — čak; 50–52 — нет сведений; 53–55 — čak; 56 — veri [СВЯ: 626], čak; 57–59 — нет сведений; 60 — čak; 61–63 — нет сведений; 64 — čak; 65–68 — нет сведений; 69 — čak; 70–71 — нет сведений; 72 — čak; 73 — нет сведений; 74 — čak; 75 — нет сведений.

Комментарий

Именования крови в вепсском языке делят его довольно четко на два диалектных ареала: 1) северновепсский и западные говоры средневепсского ареала; 2) восточновепсский и южновепсский ареалы.

Для северного и средневепсского западного ареала характерна лексема *veri*. Данная лексема в вепсском является древним финно-угорским наследием [SSA, 2000: 427]. Она свойственна большинству близко- и дальнородственных языков.

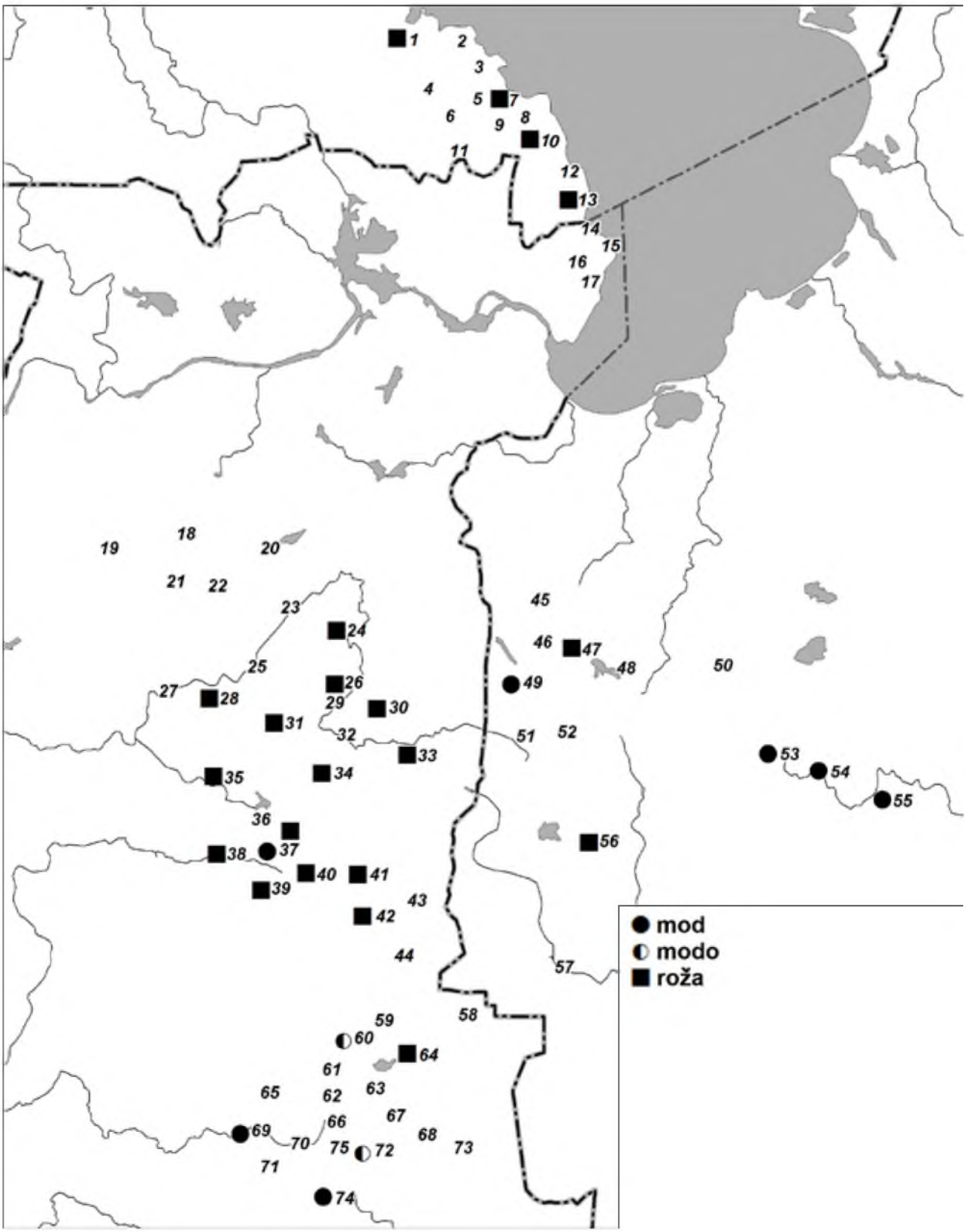
В языке южных вепсов и в белозерских говорах восточновепсского региона выступает повсеместно лексема *čak*. Этимологи ранее осторожно включали вепсское существительное *čak* в этимологическое гнездо *sakka* ~ *sakea* [SKES 1969: 951] ‘осадок; густой’. Оно соседствовало с карельской лексемой *čakka, čakku* ‘насекомое, сосущее кровь: комар, овод, слепень’. Последующие этимологические словари [SSA, Häkkinen] эту связь исключили, таким образом, признавая за лексемой более поздний инновационный характер. Семантически же вполне возможна связь вепсского *čak* и карельского *čakka* ~ *čakku*, кроме того, и на уровне грамматики эти лексемы обладают одним и тем же типом основы на ***-a*** (вепс. *čak: caka-n*; кар. *čakku: čaka-n*: GenSing).

Любопытно, что «Словарь вепсского языка» отмечает в западновепсском п. Озера (Jä) лексему ***čakan****otei* ‘пиявка’, букв. ‘берущая кровь’ [СВЯ: 54–55], где в качестве атрибутивной части сложного слова выступает слово *čak,* употребление которого напоминает ливв. *čakku* со значением ‘насекомое, сосущее кровь’. Это подтверждает, с одной стороны, возможную связь в семантике вепсской и карельской лексем, с другой стороны, свидетельствует о более широком распространении лексемы в вепсском языке ранее, поскольку в Шимозере (Šim) восточновепсского ареала отмечены обе лексемы, в западновепсском пункте Озера (Jä) также есть следы ее употребления.

Вполне возможно, что значения лексем исторически несколько расходились, напоминая ливвиковское значение, но со временем на окраине восточного средневепсского региона в обозначении понятия ‘кровь’ закрепилась лексема *čak*. В данном случае особо следует отметить также связь названного региона с южновепсским, где произошло аналогичное явление. Очевидно, белозерские вепсы активно общались в свое время с представителями южновепсского региона или вдоль их территории существовал некий путь, служивший одновременно своеобразной связью в передаче языковых фактов.

Н.Г. Зайцева

82 (245). Именования понятия ‘лицо’

Легенда карты

1) **mod**
modo

2) **roža**

Расшифровка легенды по диалектам

1) **mod**: *ср* Kor, Vär, Pnd, Kj, Vl // *южн* Mas, Ars
modo: *южн* Mai, Šid

2) **roža**: *сев* Š, Kas, Kl; Št // *ср* Ladv, Jä, Mg, Nem, Rih, Pec, Vil, Reb, Noid, Nür, En, Kor, Jog, Har, Päž, Šim // *южн* Sod

Цифровой индекс

1) **mod**: 37Kor, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 69Mas, 74Ars
modo: 60Šid; 72Mai

2) **roža**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 56Päž, 64Sod

Список картографируемого материала

1 — roža; 2–6 — нет сведений; 7 — roža; 8–9– нет сведений; 10 — roža; 11–12– нет сведений; 13 — roža; 14–23 — нет сведений; 24 — roža; 25 — нет сведений; 26 — roža; 27 — нет сведений; 28 — roža; 29 — нет сведений; 30–31 — roža; 32– нет сведений; 33–35 — roža; 36 — нет сведений; 37 — roža, mod [VVS]; 38–42 — roža; 43–46– нет сведений; 47 — roža; 48 — нет сведений; 49 — mod; 50–52 — нет сведений; 53–55 — mod; 56 — roža; 57–59 — нет сведений; 60 — modo; 61–63 — нет сведений; 64 — roža; 65–68 — нет сведений; 69 — mod; 70–71 — нет сведений; 72 — modo; 73 — нет сведений; 74 — mod; 75 — нет сведений.

Комментарий

Для обозначения понятия ‘лицо’ в языке вепсов употребляются две лексемы: прибалтийско-финская *mod* и *roža,* заимствованная из древнерусского языка.

Этимологические словари обнаруживают в слове *mod* прагерманские корни (< **mooto* ‘изображение, внешний облик’ [SSA 1995: 179; Häkkinen 2007: 738]). Лексема бытует как в финском языке (*muoto* ‘форма, вид’), так и в севернокарельских говорах в значении ‘лицо, щека; способ поведения, обычай’ [KKS 1983: 370], а также и в иных прибалтийско-финских языках.

В вепсском языке лексема зафиксирована в вариантах *mod* и *modo*. С исторической точки зрения лексема должна бы была иметь вид *mod*. В вепсском языке действовала закономерность отпадения в форме номинатива конечных гласных двухсложных слов (а также и многосложных), у которых первый слог был долгим, закрытым или обладал дифтонгом [Tunkelo 1946: 755–757]: *maid* ‘молоко’ (ср. фин. *maito*), *korv* ‘ухо’ (ср. фин. *korva*), *hab* ‘осина’ (ср. фин. *haapa*). В соответствии с этим конечный гласный в лексеме должен был отпасть в форме номинатива, как это случилось в восточновепсских говорах. Однако в двух южновепсских говорах употребляется форма *modo*. Поскольку это не закономерное явление, оно представлено на карте отдельным вариантом одной и той же лексемы. В вепсском языке имеются случаи восстановления конечных гласных, например, *kello* ‘колокол, колокольчик’, *halla* ~ *hala* ‘изморозь, иней’.

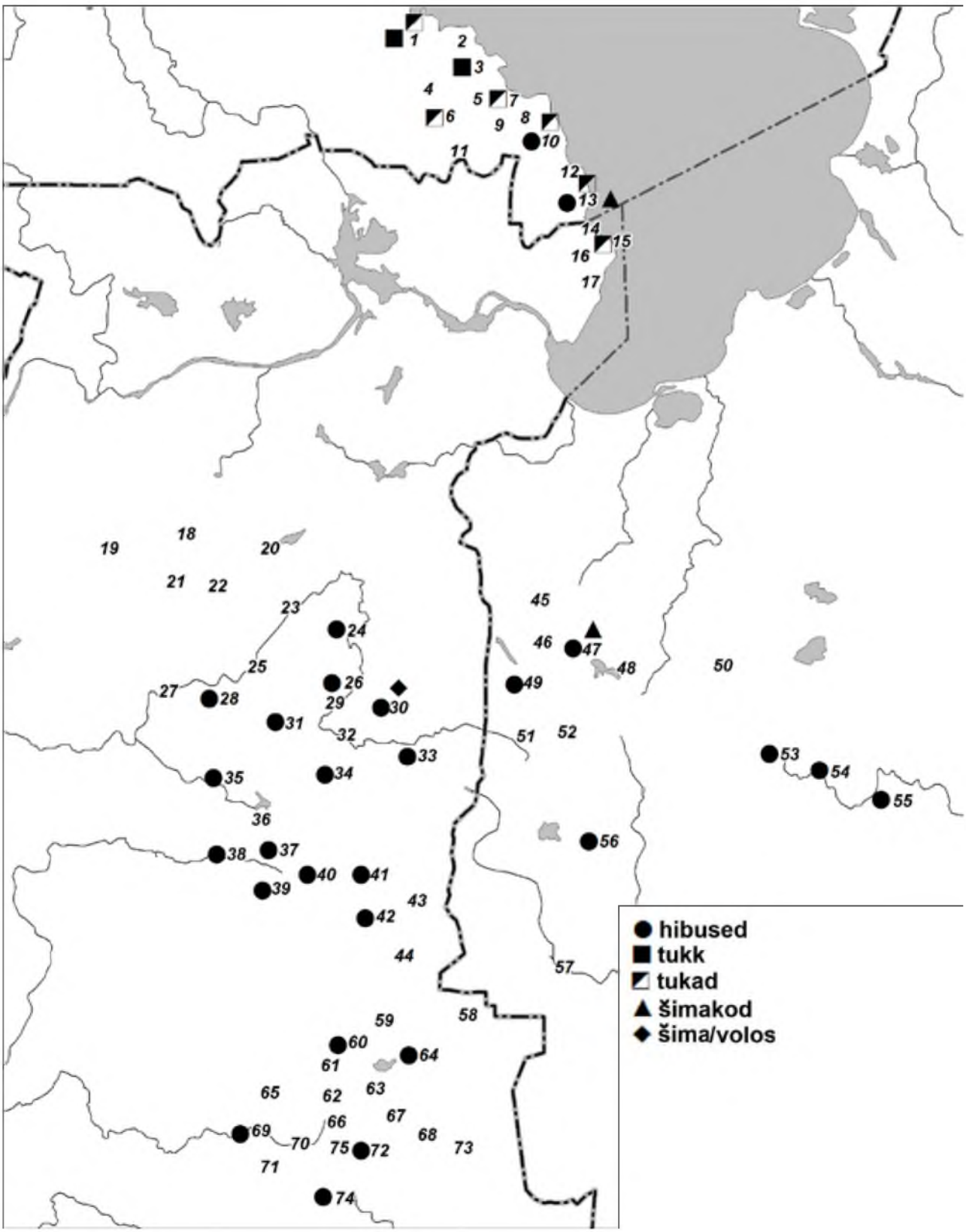
Показательно, что ареал прибалтийско-финских именований *mod* ~ *modo* объединяет восточновепсские белозерские говоры с южновепсским диалектом, демонстрируя в очередной раз общие локальные явления в их развитии.

В других вепсских говорах господствует лексема *roža*. Это довольно древнее русское заимствование, поскольку оно активно употребляется и почти во всех наречиях карельского языка (см. *roša* ~ *roža* ‘щека, лицо’ [KKS 1997: 156]). В древнерусском языке названная лексема употреблялась в виде **рожаи* ‘вид, лицо’, **рожаист* с исключительно положительным значением ‘красивый, видный’ [Фасмер 1987: 492], и, очевидно, именно тогда и была заимствована в карельские и вепсские говоры.

Таким образом, большинство говоров вепсского языка относительно именования понятия ‘лицо’ демонстрируют русское влияние, и лишь говоры южных вепсов и белозерские периферийные говоры восточных вепсов сохранили прибалтийско-финскую лексему *mod* ~ *modo*, демонстрируя в этом случае единство и противодействие иноязычному влиянию.

Н.Г. Зайцева

83 (248). Именования понятия ‘волосы (на голове)’

Легенда карты

1) **hibused**
2) **tukk**
   tukad
3) **šimakod**
4) **šima/volos**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **hibused**: *сев* Kl, Kas // *ср* Päž, Vl, Kj, Pnd, Vär, Šim, Rih, En, Kor, Ladv, Mg, Nem, Noid, Nür, Jä, Pec, Reb, Jog, Har, Vil, Lah // *южн* Mai, Mas, Šid, Ars, Sod
2) **tukk**: *сев***Š,Veh**
   tukad: *сев* Kas, Kl, Št, Š, Per, Van
3) **šimakod**: *сев* Kas // *ср* Šim
4) **šima/volos**: *ср* Rih

Цифровой индекс

1) **hibused**: 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 59Lah; 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
2) **tukk**: 1Š, 3Veh
   tukad: 1Š, 6Van; 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per
3) **šimakod**: 13Kas, 47Šim
4) **šima/volos**: 30Rih

Список картографируемого материала

1 — tukad, tukk [СВЯ: 582], hibused 'волосяной покров на теле человека' [СВЯ: 118]; 2 — нет сведений; 3 — tukk: tukk om pit'k, a mel' om lühud [VV: 179] 'волос долог, а ум короток'; 4–5 — нет сведений; 6 — tukad [VV: 179]; 7 — tukad; 8–9 — нет сведений; 10 — hibused [VVS] 'волосы на теле', tukad; 11–12 — нет сведений; 13 — tukad 'волосы на голове', hibused 'волосяной покров на теле; когда замерзнешь, мурашки на руках' [см. также VVS], šimakod 'растрепанные волосы, растрепа'; 14 — нет сведений; 15 — tuk, tukad [VVS] 'волосы на голове'; 16–23 — нет сведений; 24 — hibused; 25 — нет сведений; 26 — hibused; 27 — нет сведений; 28 — hibused; 29 — нет сведений; 30 — hibused, šima/volos 'растрепанный'; 31 — hibused; 32 — нет сведений; 33–35 — hibused; 36 — нет сведений; 37–42 — hibused; 43–46 — нет сведений; 47 — hibused; šimakod 'растрепанные, жесткие волосы'; 48 — нет сведений; 49 — hibused; 50–52 — нет сведений; 53–55 — hibusod; 56 — hibused; 57–58 — нет сведений; 59 — hibused [VV: 179] 'волосы'; 60 — hibused; 61–63 — нет сведений; 64 — hibused; 65–68 — нет сведений; 69 — hibused; 70–71 — нет сведений; 72 — hibused; 73 — нет сведений; 74 — hibused; 75 — нет сведений.

Комментарий

При сборе материала выяснилось, что понятие 'волосы' в вепсском языке перекрещивается с понятием 'волосяной покров на теле человека', а также и с тем, в каком состоянии находятся волосы. В этом случае было решено нанести на карту все собранные лексемы, а в списке картографируемого материала и в комментариях поместить разъяснения по функционированию каждой лексемы и ее семантическому наполнению.

Само понятие 'волосы человека, растущие на его голове' в вепсском языке представлено двумя лексемами, которые делят вепсскую территорию на два диалектных ареала: 1) средневепсский и южновепсский; 2) северновепсский.

В диалекте северных вепсов повсеместно используется лексема *tukad* в форме мн. числа. В электронном ресурсе Л. Кеттунена содержится также одна фиксация данного слова в форме ед. числа в северновепсском п. Урицкое (Per) *tuk*. В словаре вепсского языка в п. Шокша (Š) [СВЯ: 582] и в книге пословиц и поговорок эстонских авторов в Вехручье (Veh) [VV: 179] лексема отмечена в фонетической огласовке *tukk*, где на ее конце сохранилась гемината ***kk***, что отмечено на карте особым вариантом знака. Возможно, на употребление слова в форме мн. числа оказал влияние русский язык, где в этом случае чаще употребляется именно форма мн. числа 'волосы'. Лексема *tuk* ~ *tukk* ~ *tukad* восходит к прибалтийско-финскому гнезду *tukka* [SKES: 1386; SSA 2000: 323].

Для южновепсского и средневепсского ареала характерна лексема *hibused* (NomPl).

В восточновепсских пунктах она выступает в фонетическом варианте *hibusod* (Vl, Kuja, Pnd), где в последнем слоге ***e*** > ***o***. Этимологически слово также имеет прибалтийско-финское происхождение с возможным объединением с этимологическим гнездом *hipiä* ‘кожный покров, тело’ [SKES: 78; SSA 1992: 168] и в этой связи могло обладать ранее значением ‘волосяной покров на теле’, на что нацеливают в том числе и некоторые вепсские материалы. В северновепсском диалекте оно и употребляется часто в контексте: *kil'mad, ka hibused libutaze* (Š) ‘когда замерзнешь, то гусиная кожа появляется (волоски поднимаются)’ [СВЯ: 118], т. е. в значении ‘волосяной покров на теле человека’.

В шимозерском ареале и отчасти в Присвирье зафиксированы слова *šimakod, šima/volos* со значением ‘растрепанные, жесткие волосы; растрепа’. Они были отмечены локально и в северновепсском Каскесручье (Kas), куда, очевидно, были занесены из Шимозерья, поскольку сюда в 1950-е годы переселилась довольно большая группа вепсов при расселении Шимозерского сельского совета. Другим северновепсским говорам они неизвестны.

В словаре В. И. Даля отмечены лексемы *шима* ‘верхушка, маковка, темя; чуб, космы’; *шимоволосый* ‘косматый, всклоченный’ [Даль 1955: 633]. В словаре И. М. Дурова дано существительное *шимоволоска* с неясным разъяснением: «*от девки шимоволоски, от бабы черноволоски*» [Дуров 2011: 444]. Слово достаточно широко отмечается в словаре русских говоров Карелии (*шимки, шимы* ‘волосы’ и т. д. [СРГК 2005: 869–870]).

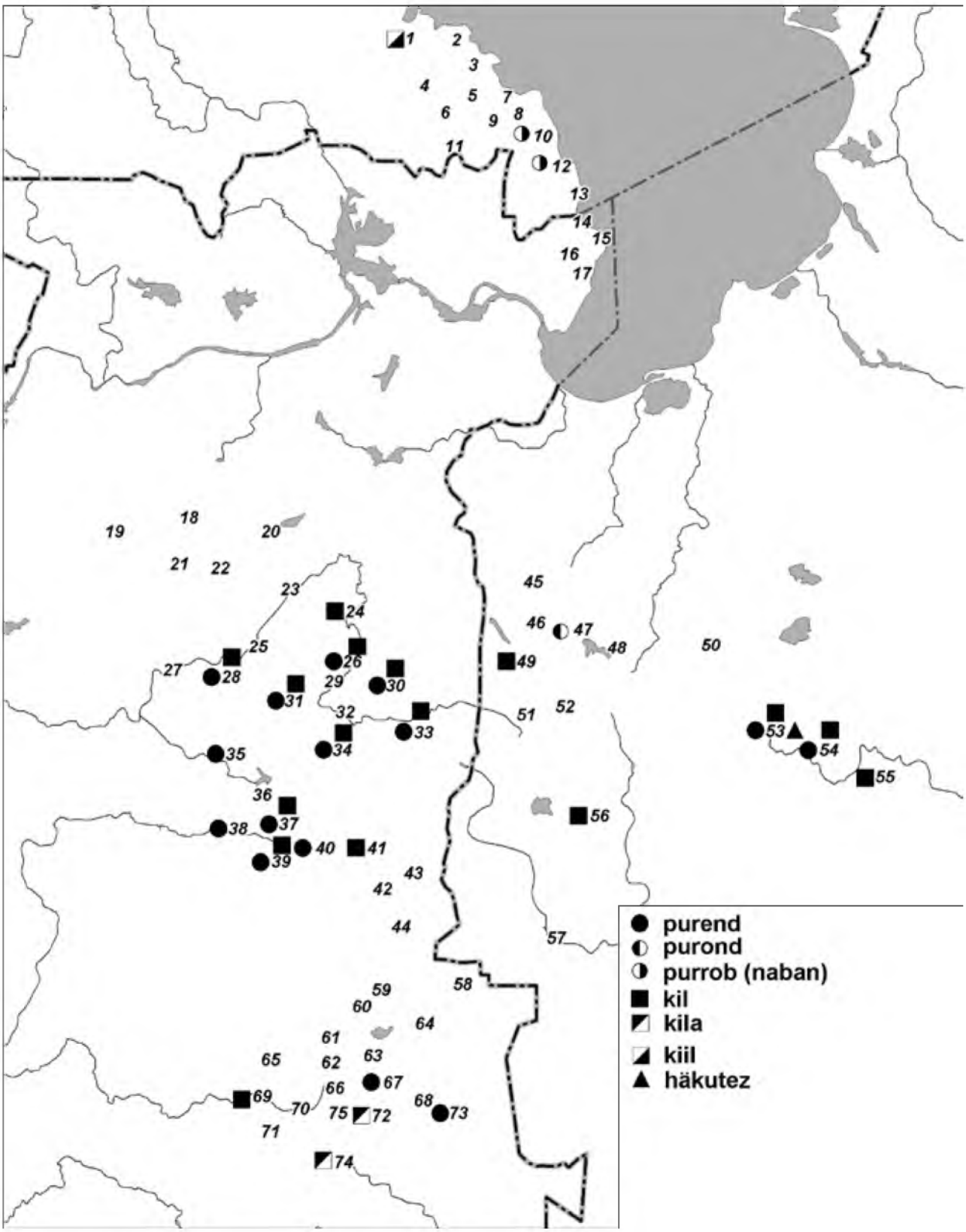
М. Фасмер с пометой «олонецкое» сообщает: *шимы* ‘растрепанные волосы’, добавляя, что его «происхождение неясное» [Фасмер 1955: 438].

С. А. Мызников наряду с иными возможностями предлагает связь русской диалектной лексемы *шимы* с прибалтийско-финским гнездом *siima* ‘леска, паутина’, обладающим германскими корнями [Мызников 2003: 105]. Полагаем, что на семантическом уровне это вполне возможно. Понятно, что вепсский вариант лексемы *šimakod* обладает формой мн. числа, и, таким образом, ед. число могло бы выглядеть как **šimak*, в котором выделяется словообразовательный суффикс -(*a*)***k***. Слово, скорее всего, употреблялось в качестве прозвища человека с растрепанными волосами (ср., напр., идентично образованные слова типа *tažlak* ‘увалень’ [СВЯ: 563]). Кроме того, в русских диалектах отмечается заимствованная из прибалтийско-финских языков лексема *сима* ‘веревка, бечевка в ловушках и приспособлениях’ < *siima* ‘леска, бечевка, силок’ [Фасмер 1987: 622].

Таким образом, в отношении именования понятия ‘волосы’ вепсский язык, с одной стороны, показывает единство в сохранении прибалтийско-финской лексемы *hibused*. С другой стороны, северновепсская лексема *tukad* указывает на тесные северновепсские и карельские контакты. В ливвиковском наречии карельского языка, например, в качестве синонимов при именовании волос употребляются обе лексемы: *tukku* [Макаров 1990: 388] и *hivus* с пометой — *архаичное* [Макаров 1990: 70]). Кроме того, в семантическое поле ‘волосы человека’ попала зафиксированная в средневепсском ареале лексема *šimakod*. Проникнув, возможно, из прибалтийско-финских языков в русские говоры лексема *siima* приняла иной фонетический облик и оттенок в значении и в форме *šimakod* вновь успешно вошла в язык вепсов, приобретя как семантическую специфику, так и фонетическое своеобразие.

О. Ю. Жукова, Н. Г. Зайцева

84 (250). Именования понятия ‘грыжа’

Легенда карты

1) **purend**
purond
purrob (naban)
2) **kil**
kila
kiil
3) **häkutez**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **purend**: *ср* Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Nür, Kor, Jog, Har, Kj, Pnd // *южн* Krl, Vg
purond: *ср* Šim
purrob (naban): *сев* Kl, Toiž
2) **kil**: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Reb, Kor, Har, Vl, Vär, Kj, Pnd, Päž // *южн* Mas
kila: *южн* Mai, Ars
kiil: *сев* Š
3) **häkutez**: *ср* Pnd

Цифровой индекс

1) **purend**: 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 53Pnd, 54Kj, 67Krl, 73Vg
purond: 47Šim
purrob (naban): 10Kl, 12Toiž
2) **kil**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 39Har, 41Reb, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 69Mas
kila: 72Mai, 74Ars
kiil: 1Š
3) **häkutez**: 53Pnd

Список картографируемого материала

1 — kiil; 2–9 — нет сведений; 10 — purrob (naban); 11– нет сведений; 12 — purrob (naban); 13–23 — нет сведений; 24 — kil; 25 — нет сведений; 26 — purend, kil; 27 — нет сведений; 28 — purend, kil; 29 — нет сведений; 30 — purend, kil; 31 — purend, kil; 32 — нет сведений; 33 — purend, kil; 34 — purend, kil; 35 — purend; 36 — нет сведений; 37 — purend, kil; 38 — purend; 39 — purend, kil; 40 — purend; 41 — kil; 42–46 — нет сведений; 47 — purond [NÄKM 1951: 317]; 48 — нет сведений; 49 — kil; 50–52 — нет сведений; 53 — kil, purend [ВК], häkutez [ФА ИЯЛИ №625/7]; 54 — purend, kil; 55 — kil; 56 — kil; 57–66 — нет сведений; 67 — purend [СВЯ: 440]; 69 — kil; 71 — нет сведений; 72 — kila; 73 — purend [СВЯ: 440]; 74 — kila; 75 — нет сведений.

Комментарий

Именование болезни ‘грыжа’ в вепсском языке передается двумя основными лексемами: *purend* и *kil*. При заполнении вопросника фиксировались уточнения информантов о том, что *purend* ‘пупочная грыжа’, а *kil* ‘паховая’. Это два наиболее распространенных вида данного заболевания.

Существительное *purend* образовано от глагола *purda* ‘кусать, грызть’. Причем северные вепсы сохранили в этом значении именно сам глагол, употребляя его в безличном значении: *naban purrob*, букв. ‘пуп кусает (некто)’.

Для избавления от данной болезни вепсы обращались к «знающим» женщинам. Основным способом лечения было магическое кусание грыжи зубами, которое имитировало физическое уничтожение опухоли. При этом произносились заговоры [Винокурова 2015: 339]. Например, такой текст из восточновепсской деревни Пондала (Pnd): *Puren mina necen purendan i häkutesen, ezmeižuu hambhou puren, tagaižou hambhou tačin tehe tropatomha, soho samlotomha, merhe pohjatomha*…[ФА ИЯЛИ №625/7] ‘Отгрызу я эту грыжу и одышку (?), первым зубом кусаю, задним зубом бросаю на дорогу без тропинки, в болото без мха, в море без дна…’ В заговоре встречается слово *häkutez* как синоним *purend*. Вепсскому языку известно слово *häkitez (häkituz, häkätuz)* со значением ‘одышка’ [СВЯ: 139]. Вероятно, эти слова имеют одну основу и образованы от глагола *häkätada* ‘задыхаться, тяжело дышать’, который в свою очередь относится к этимологической группе *häkiä* ‘мешать, давить, жать’; в эту же группу входит карельское *häkyttää*, говорящее о растущей пупочной грыже ребенка [SKES: 96]. В ливвиковском наречии карельского языка *häkütüs* — ‘грыжа’ [Макаров 1990: 141]. Исходя из этого, и вепсское *häkutez*, возможно, следует рассматривать не только как поэ-

тический синоним в фольклорном тексте, а и как лексему со значением ‘грыжа’.

У южных вепсов записана также форма *puretiž*, где в отглагольном существительном выступает другой словообразовательный суффикс *-iž* [Kettunen 1922: 32].

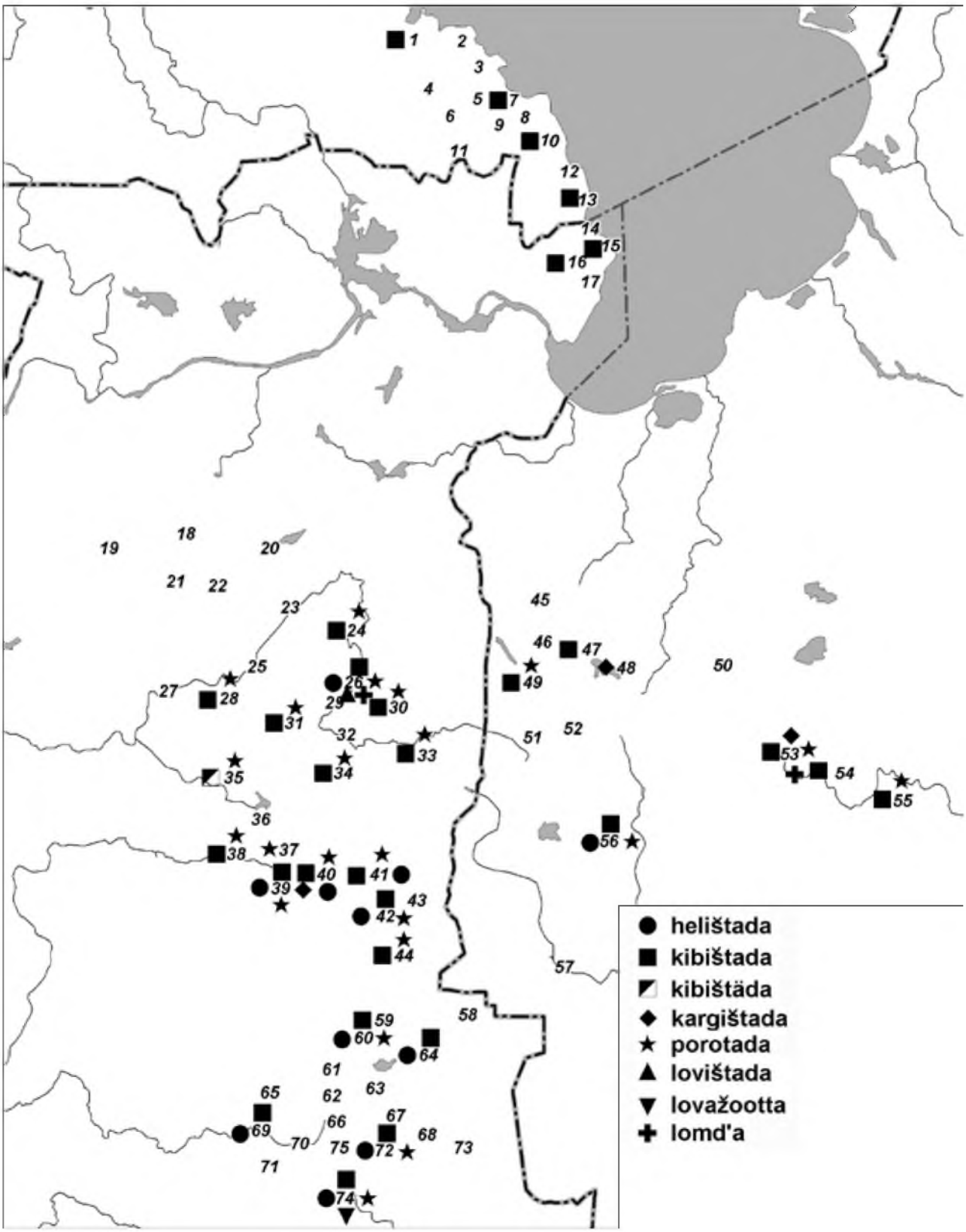
На всей территории средневепсского и южновепсского ареала фиксируется также слово *kil*, южновепсское *kila*, являющееся русскоязычным заимствованием. В СРНГ находим следующее определение понятия: «кила» — ‘нарыв, чирей, ломота, болезнь, возникающая от наговора’ и др. болезни. «Ставить, пускать килу» — по суеверным представлениям, вызывая действие сверхъестественных сил, насылать грыжу, опухоль [СРНГ 1977: 205–206]. Слово пришло и в другие прибалтийско-финские языки: в карельском *kila* ‘грыжа’ синоним к слову *häkütüs* [Макаров 1990: 141].

Носители северновепсского диалекта затруднялись при именовании данного понятия, лишь в п. Шокша был отмечен вариант *kiil*. В тексте заговора от грыжи из архива SKS, записанного у северных вепсов (без указания пункта записи), встречаются такие названия болезни, как *ligutez* и *hägütez*: *Puren, puren ligutesen i hägütesen* ‘Грызу, грызу грыжу’ [Perttola, SKS №365]. Последнее соотносится с рассмотренным выше словом *häkutez*, а *ligutez* вызывает затруднения при анализе его происхождения. Следует отметить, что слова в фольклорном тексте не всегда могут использоваться с целью передачи прямой семантики, а включаются для создания парных конструкций с усилительной функцией.

Таким образом, по отношению к болезни ‘грыжа’ вепсы используются две лексемы, одна из которых является исконной, а другая пришла из русских говоров. Слово *häkutez* с семантикой ‘грыжа’ восстанавливается на материале лечебных заговоров.

О. Ю. Жукова

85 (252). Именования понятия ‘болеть (ощущать боль)’

Легенда карты

1) **helištada** **kibištäda**
2) **kibištada** 3) **kargištada**
4) **porotada** **lovažootta**
5) **lovištada** 6) **lomd’a**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **helištada**: *ср* Noid, Har, Nür, Reb, Jä // *южн* Päž, Šid, Mas, Mai, Ars, Sod
2) **kibištada**: *сев* Š, Št, Kl, Kas, Him, Per // *ср* Nem, Jä, Ladv, Mg, Nür, Reb, Rih, Vil, Pec, Vär, Pnd, Päž, Šid, Jog, Noid, Har, Kor, Kj, Vl, Šim // *южн* Sod, Mas, Mai, Ars
kibištäda: *ср* En
3) **kargištada**: *ср* Har, Pnd, Pk
4) **porotada**: *ср* Nem, Jä, Reb, Rih, Vil, Pec, Jog, En, Nür, Ladv, Mg, Noid, Har, Korv, Vl, Vär, Pnd, Päž, Šid // *южн* Mai, Ars
5) **lovištada**: *ср* Jä
lovažootta: *южн* Ars
6) **lomd’a**: *ср* Jä, Pnd

Цифровой индекс

1) **helištada**: 26Jä, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
2) **kibištada**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per, 16Him, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 44Korv, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
kibištäda: 35En
3) **kargištada**: 39Har, 48Pk, 53Pnd
4) **porotada**: 24Nem, 26Jä,28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 44Korv, 49Vär, 53Pnd, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 72Mai, 74Ars
5) **lovištada**: 26Jä
lovažootta: 74Ars
6) **lomd’a**: 26Jä, 53Pnd

Список картографируемого материала

1 — kibištada; 6–7 — нет сведений; 7 — kibištada; 8–9 — нет сведений; 10 — kibištada; 11–12 — нет сведений; 13 — kibištada; 14 — нет сведений; 15 — kibištada [VVS]; 16 — kibištab [VV: 259] ‘болит’; 17–23 — нет сведений; 24 — kibištada, porotada; 25 — нет сведений; 26 — kibištada, porotada, helištada ‘болеть — ощущать боль, щипать’ [СВЯ: 114], lovištada ‘ломить (о боли)’ [СВЯ: 299], lomd’a ‘ломить (о болезненных ощущениях)’ [СВЯ: 296]; 27– нет сведений; 28 — kibištada, porotada; 29 — нет сведений; 30 — läžuda ‘болеть, лежать’; kibištada (pän kibištab ‘голова болит’), porotada; 31 — kibištada, porotada; 32 — нет сведений; 33–34 — kibištada, porotada ‘болеть, ныть’; 35 — kibištäda, porotada ‘щемить’; 36 — нет сведений; 37 — porotada [СВЯ: 431]; 38 — kibištada, porotada ‘щипать’; 39 — kibištada, porotada ‘щемить’, helištada, kargištada (в горле); 40–42 — kibištada, porotada ‘щемить’, helištada (kädes ‘в руке’), läžuda ‘болеть, лежать’; 43 — нет сведений; 44 — kibištada, porotada; 45–46 — нет сведений; 47 — kibištada, (о человеке — läžuda); 48 — kargištada ‘саднить, щипать’ [СВЯ: 181]; 49 — kibištada, porotada; 50–52 — нет сведений; 53 — kibištada (pän kibištab ‘голова болит’), kargištada ‘очень болеть, жечь’, porotada ‘неметь’, läžuda (miččuuni kibuu) ‘болеть’ (‘какой-то болезнью’), lomd’a ‘ломить (о болезненных ощущениях)’ [СВЯ: 296]; 54 — kibištada; 55 — porotada, kibištada (pän kibištab, porotab ‘голова болит’), läžuda (läžuda miččuuni kibuu ‘болеть какой-либо болезнью’); 56 — porotada, kibištada (pän kibištab ~ porotab ‘голова болит’), läžuda ‘болеть, лежать’, helištada ‘болеть — ощущать боль, щипать’ [СВЯ: 114]; 57–59 — нет сведений; 60 — porotada, kibištada, helištada; 61–63 — нет сведений; 64 — kibištada, helištada ‘болеть — ощущать боль, щипать’ [СВЯ 114]; 65–68 — нет сведений; 69 — kibištada, helištada; 70–71 — нет сведений; 72 — kibištada, helištada, porotada ‘жечь о боли’; 73 — нет сведений; 74 — kibištada, helištada, porotada; lovažootta [VVS; Kettunen 1922: 116] ‘болеть, ломить’; 75 — нет сведений.

Комментарий

В вопроснике ЛАВЯ для картографирования было предложено собрать вепсские именования понятия ‘болеть’. При сборе материала выявилась некорректность определения вопроса: человек может заболеть вообще, болеть какой-то болезнью или же он может испытывать боль в каком-то определенном органе или суставе и т. д. Эти понятия обозначаются в вепсском языке разными лексемами.

Причем, как выяснилось из опроса, понятие ‘болеть вообще’ — это русское заимствование *lăžuda* < рус. ‘лежать (быть больным)’. Из-за специфики семантики из списка картографируемых лексем заимствование *lăžuda* было исключено, и внимание было сосредоточено на семантике ‘болеть — ощущать боль в каком-то определенном месте’.

Круг картографируемых лексем определился рядом слов: *kibištada, helištada, kargištada, porotada, lovištada, lomd'a*. Из них наиболее употребительной является лексема *kibištada*, которая известна всем вепсским диалектам. Она связана по происхождению с прилагательным, которое в вепсском языке звучит как *kibed* ‘больной (о месте)’, соответствующая лексема, а также ее производные известны во всем прибалтийско-финском языковом ареале. Этимологи полагают, что прилагательное входит в одно дескриптивное гнездо с лексемой *kipakka* ‘вспыльчивый, горячий; сильный; строгий, суровый, жестокий’ [SSA 2001: 367].

Данная лексема, как свидетельствует сбор материала, используется применительно к боли, ощущающейся в любом органе и части тела, т. е. может болеть нога, рука, горло, сердце и т. д. В вепсском языке при глаголе *kibištada* ‘болеть’ объект выступает в форме аккузатива, совпадающего с формой генитива на *-n*: *kibištab pän, sormen, vacan, südäimen* ‘болит голова, палец, живот, сердце’; значительно реже употребляется форма партитива: *südänt kibištab* ‘сердце болит’. Видимо, аккузатив, совпадающий по форме с генитивом, в данном случае является русской калькой словоупотреблений типа *голову больно, руку больно*.

Каждый из следующих глаголов *helištada, porotada, kargištada, lovištada, lomd'a* обладает как несколько суженной семантикой, так и ограниченной сферой функционирования в вепсских диалектных ареалах. Наиболее распространенным из них является лексема *porotada,* свойственная средневепсскому ареалу и отчасти южновепсскому (Mai, Ars). Этимологи относят эту лексему, известную практически всем прибалтийско-финским языкам, к слою дескриптивной ономатопоэтической лексики [SSA 1995: 400].

Глагол *helištada* при сборе материала был зафиксирован в южновепсском диалекте, но привлечение письменных источников позволило несколько расширить ареал его употребления, добавив еще три средневепсских пункта (Noid, Har, Jä). Его семантика передает ощущение щиплющей боли. Этимологически глагол связан с прилагательным *heled* [SSA 2001: 152], которое в вепсском языке употребляется в двух группах значений: ‘звонкий, звучный’ и ‘больной, чувствительный’. СВЯ рассматривает *heled* в зависимости от значений в качестве двух полнозначных слов — омонимов [СВЯ: 113]. Однако этимологически они восходят к одной прибалтийско-финской ономатопоэтической именной основе, представленной в прилагательном *heleä* со значениями ‘яркий, сверкающий, блестящий; звонкий, звучный’ [SSA 2001: 152] (см. также кар. *helei* ‘звонкий, звучный; нежный’ [Макаров 1990: 63]). Значение ‘звонкий, звучный’ у лексемы *heled* известно и средневепсским говорам [СВЯ: 113]. Очевидно, южновепсский диалект чувствительность к свету и звуку объединил и с чувствительностью к боли.

Менее распространена лексема *kargištada*, употребительная в значении ‘ощущать щиплющую боль в горле’ в трех средневепсских говорах. Появление глагола от прилагательного *karged* ‘горький’ семантически вполне объяснимо: ‘горький’ / ‘щиплющий, едкий’ / ‘щиплющий (о боли)’. В свою очередь, прилагательное *karged ~ karkea ~ karkie* [SSA 2001: 314], а также и глагольные образования от него частотны в прибалтийско-финских языках с широким кругом значений: шершавый, твердый, горький, крепкий, щиплющий глаза и горло и т. д.

Более раритетен глагол *lovištada ~ lovažootta*. Он был зафиксирован в форме *lovažootta* в южновепсском селе Радогощь (Ars) в электронном корпусе Л. Кеттунена без объяснения значения. Его объяснение нашлось в «Исторической фонетике южновепсского диалекта» Л. Кеттунена ‘ломить (об ощущении боли)’ [Kettunen 1922: 116]. Что-либо определенное сказать о происхождении этого редкого слова сложно.

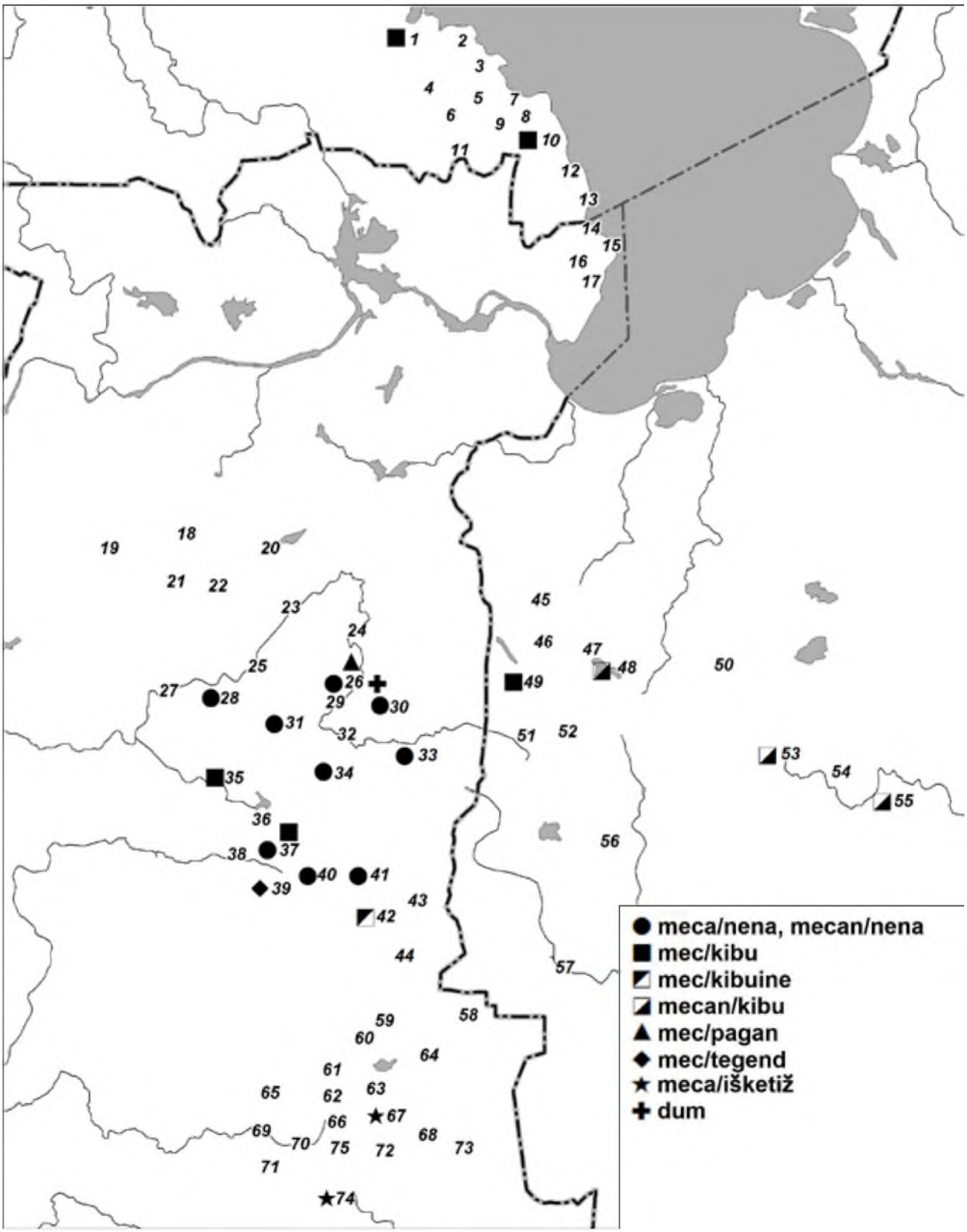
Глагол *lomd'a* < рус. диал. *ломить* ‘о боли в какой-либо части тела’ [СРНГ 1981: 119–120].

В целом же группа глаголов с семантикой ‘болеть, ощущать боль’ довольно обширна, и все они имеют прибалтийско-финское происхождение, за исключением *lomd'a*. В их употреблении не наблюдается четкого ареального противостояния, хотя южновепсский диалект выделяется редким глаголом *helištada,* а также глаголами *lovištada ~ lovažootta*, которым пока не удалось найти убедительной этимологии.

Н. Г. Зайцева

86 (254). Именования ‘мифической болезни, исходящей от леса’

86a (254a). Все именования мифической болезни

Легенда карты

1) **meca/nena, mecan/nena**
2) **mec/kibu**
   mec/kibuine
   mecan/kibu
3) **mec/pagan**
4) **mec/tegend**
5) **meca/išketiž**
6) **dum**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **meca/nena, mecan/nena**: *ср* Rih, Ladv, Mg, Nür, Jä, Pec, Reb, Vil, Kor
2) **mec/kibu**: *сев* Kl, Š
   mec/kibuine: *ср* Noid
   mecan/kibu: *ср* Vl, Vär, En, Pnd, Kor, Pk
3) **mec/pagan**: *ср* Jä
4) **mec/tegend**: *ср* Har
5) **meca/išketiž**: *южн* Krl, Ars
6) **dum**: *ср* Jä

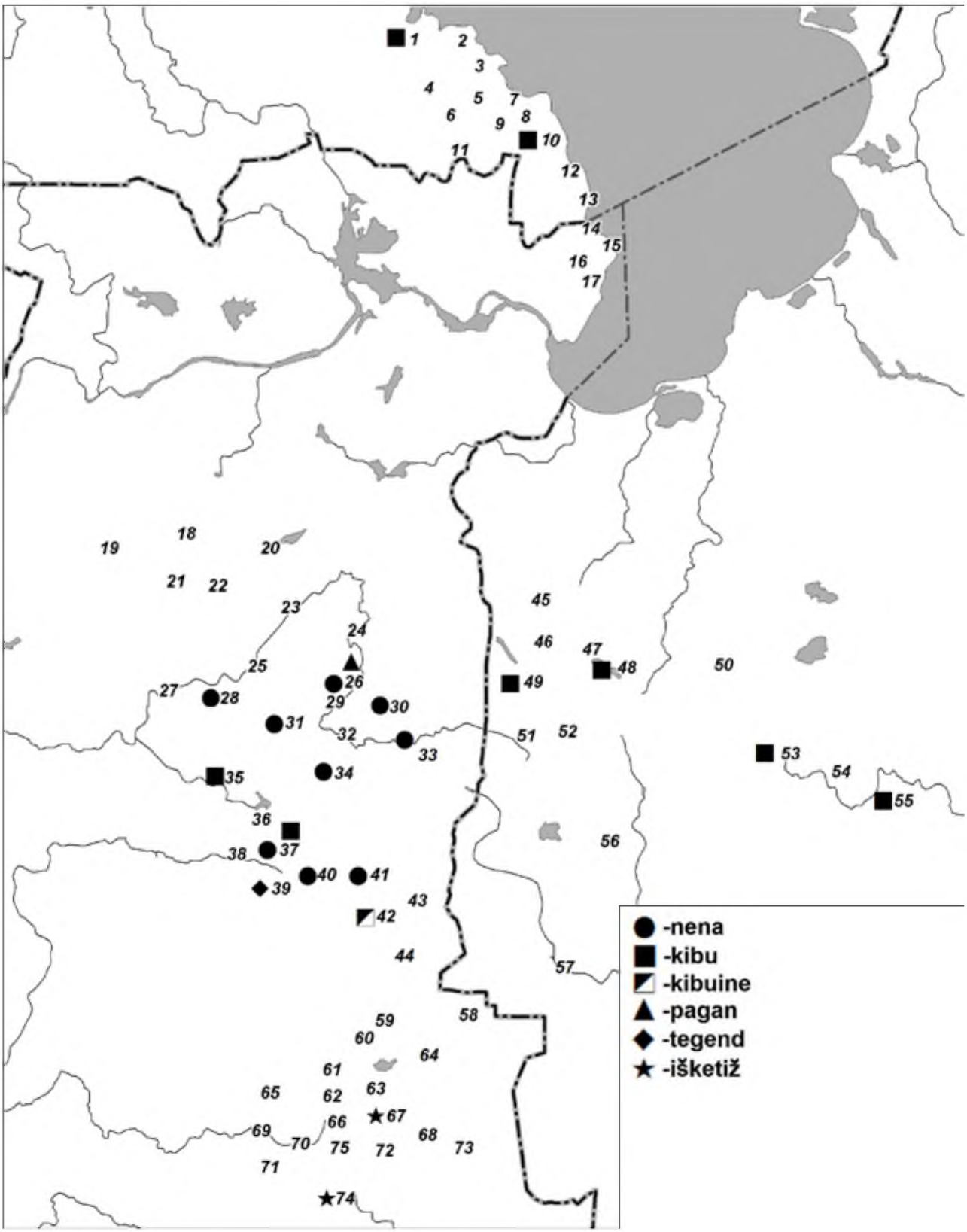
Цифровой индекс

1) **meca/nena, mecan/nena**: 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37 Kor, 40Nür, 41Reb
2) **mec/kibu**: 1Š, 10Kl, 35En, 37Kor, 49Vär
   mec/kibuine: 42Noid
   mecan/kibu: 48Pk, 53Pnd, 55Vl
3) **mec/pagan**: 26Jä
4) **mec/tegend**: 39Har
5) **meca/išketiž**: 67Krl, 74Ars
6) **dum**: 26Jä

Список картографируемого материала

1 — mec/kibu; 2–9 — нет сведений; 10 — mec/kibu; 11–14 — нет сведений; 15 — meca/nena [VVS]; 16–25 — нет сведений; 26 — mec/pagan [СВЯ: 325], mec/anena, dum; 27 — нет сведений; 28 — meca/nena; 29 — нет сведений; 30 — meca/nena; 31 — metsa/n’ena [VVS] ‘без пояснения значения’, mecan/nena; 32 — нет сведений; 33–34 — meca/nena; 35 — mec/kibu; 36 — нет сведений; 37 — metsa/nena [VVS], mec/kibu; 38 — нет сведений; 39 — mec/tegend; 40–41 — meca/nena; 42 — mec/kibuine; 43–47 — нет сведений; 48 — mecan/kibu; 49 — mec/kibu; 50–52 — нет сведений; 53 — mecan/kibu; 54 — нет сведений; 55 — mecan/kibu; 56–66 — нет сведений; 67 — meca/išketiž [СВЯ: 323]; 68–73 — нет сведений; 74 — mecaa/išketiž [VVS]; 75 — нет сведений.

86b (254b). Вторые части сложных слов, участвующих в номинации

Легенда карты

1) **-nena**
2) **-kibu**
-kibuine
3) **-pagan**
4) **-tegend**
5) **-išketiž**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **-nena**: *ср* Rih, Ladv, Mg, Nür, Jä, Pec, Reb, Vil, Kor
2) **-kibu**: *сев* Kl, Š // *ср* Vl, Vär, En, Noid, Pnd, Kor, Pk
-kibuine: *ср* Noid
3) **-pagan**: *ср* Jä
4) **-tegend**: *ср* Har
5) **-išketiž**: *южн* Krl, Ars

Цифровой индекс

1) **-nena**: 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37 Kor, 40Nür, 41Reb
2) **-kibu**: 1Š, 10Kl, 35En, 37Kor, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 55Vl
-kibuine: 42Noid
3) **-pagan**: 26Jä
4) **-tegend**: 39Har
5) **-išketiž**: 67Krl, 74Ars

Комментарий

В мифологии существуют поверья о получении человеком болезни от леса, лесного духа, лесовика и т. д. В вепсском языке отмечено несколько вариантов наименований этого мифического заболевания, и практически все они обладают исконными корнями, кроме существительного *dum* (Jä), отсутствующего в СВЯ и собранного по вопроснику ЛАВЯ во время целевого сбора материала. Ясно, что корни слова *dum* кроются в русском языке (ср. *дума*), что отмечено и в этимологических словарях финского языка в словарной статье *tuuma* [SSA 2000: 341], свидетельствующей о заимствованном характере этой прибалтийско-финской лексемы. В русских народных говорах в соответствии, например, со словарями В. И. Даля и СРНГ названия болезни, связанной со словом *дума*, не зафиксировано. Любопытно, что О. М. Фишман отмечала название болезни от «думы», сходное с вепсским, у тверских карелов [Фишман 2009: 141], хотя в словаре тверских говоров А. В. Пунжиной у слова *duwma* подобное значение не зафиксировано [Пунжина 1994: 35].

В русском литературном языке и его диалектах у однокоренных с существительным *дума* глаголов *думаться, думить* существует значение 'казаться, представиться, чудиться, мниться' [Даль 1955: 500]. Эта мифологическая семантика могла спровоцировать аналогичный оттенок значения и в пришедшей в вепсский язык лексеме *dum*: в лес следовало ходить с хорошими мыслями, не размышляя ни о чем плохом, иначе мысль материальна, и плохие «думы», нехорошее поведение в лесу могли навлечь некую болезнь. У вепсов одна из наиболее распространенных пословиц гласит: *Mecas kaikutte pu-ki nägeb i kuleb* 'В лесу и каждое дерево слышит и видит'.

Остальные лексемы *meca/nena ~ mecan/nena*, *mec/kibu*, *mec/kibuine*, *mec/pagan*, *mec/tegend*, *meca/išketiž* являются сложными словами, первой частью которых выступает слово *mec* 'лес'. Оно употреблено в сложном слове или в форме номинатива (*mec/kibu, mec/kibuine, mec/tegend*), или в полной форме генитива (с окончанием *-n*: *mecan/nena*), а также и в усеченной форме генитива без окончания *-n* (*meca-*: *meca/nena, meca/išketiž*).

Западным говорам вепсского языка известно слово *meca/nena (mecan/nena)*, букв. 'лесной нос; нос леса; болезнь, которую лес или леший напускает на человека': *Mecas lajitoi, ka tartub* ***mecanena****, mecamehid ala johtutele* 'Если в лесу ругаешься, так пристанет лесная болезнь, леших не вспоминай' [СВЯ 1972: 323]. Такое же поверье встречается и у карелов: *mečännena* 'болезнь, насланная гневом лесного духа' [KKS 1993: 297]. Истоки толкования идентичны для карельского и вепсского мировосприятия. Мир человека и чужой, другой мир — лес, сосуществовали по своим правилам, и когда человек нарушал их, лес или его хозяева, по представлениям людей, насылали на человека болезнь [Иванова 2012: 68].

В словаре вепсского языка в словарной статье *mec* приводится значительное количество фразеологически связанных выражений типа *must mec* 'черт, дьявол', *mäne mecale* 'иди к черту', *ni mecad en kule* 'ничего (ни черта) не слышу' и т. д. [СВЯ 1972: 323]. В этом случае лексема *mec* приобретает, кроме своего основного значения, вторичную семантику 'черт, леший, лесной дух, лесовик'. Этот семантический сдвиг для других прибалтийско-финских языков (прежде всего, карельского)

засвидетельствован этимологическим словарем финского языка: ‘лесной дух, лесовик, хозяин леса’ [SSA 1995: 163].

В материалах финского лингвиста Л. Кеттунена, которые были записаны в первой половине XX века и размещены сейчас в электронном ресурсе [VVS], встречается как лексема *metsa/n’ena* с пометой ‘Рес (Пелдуши)’ (средние вепсы) без пояснения значения слова, так и более длинное наименование данной болезни, состоящее из трех частей: *metsa/m(e?)hen/n’ena*. В первой части композита выступает сложное слово *meca/mez*’, т. е. буквально ‘лесовик; лесной дух’ в форме генитива *metsa/m(e?)hen*. Последнее слово не содержит указания на пункт записи и переведено просто как ‘ругательное слово’. Слово *metsames*(~ *z*) приводится Л. Кеттуненом и как отдельное слово в значении ‘черт, леший’ в пунктах Вонозеро (En) (средние вепсы), Урицкое (Per) (северные вепсы) и Радогощь (Ars) (южные вепсы). Можно предположить, что хозяин леса, лесовик мог называться сложным словом, однако затем основное значение для его называния сосредоточилось на части слова *mec*.

В наименовании мифологической болезни *meca/nena* важны для анализа и вторые компоненты сложного слова, что позволило построить еще одну лингвистическую карту (86b). Прежде всего, здесь показательным является слово *-nena* со значением ‘нос’. Сама лексема *nena* имеет прибалтийско-финское происхождение, ее главное значение ‘нос’, а также ‘острие, кончик’ и т. д. В этимологическом словаре финского языка у лексемы *nenä* особо отмечено также и мифологическое значение слова, как ‘некая болезнь от плохой силы’ [SSA 1995: 213], что свидетельствует о довольно древней мифологической семантике слова. Такие вепсские выражения, как *kantta nena* ‘таить зло’, *panda nena* ‘заупрямиться’, *pidada nena* ‘упрямиться’ [СВЯ: 356] и т. д. также свидетельствуют о самостоятельной мифологической семантике лексемы *nena*.

Исследовательница карельских народных названий болезней Т. В. Пашкова при объяснении появления в сложном наименовании болезни части *-nenä* придерживается точки зрения авторов словаря славянских древностей [Пашкова 2008: 11–12]. В славянской мифологии считалось, что «*нос* — часть лица, которая в традиционной культуре выступает важным каналом связи с внешним миром... Как и через другие отверстия человеческого тела, через нос внутрь тела может проникать нечистая сила и ее ‘агенты’» [СДЭС 2004: 435], и таким образом возникает болезнь.

Подобное объяснение вполне применимо и к возникновению вепсского именования названной болезни, поскольку культуры издревле соприкасались, взаимодействовали и взаимопроникали на всех уровнях. Однако на почве вепсского языка при анализе употребления в названии болезни слова *nena* ‘нос’ (*meca/nena* ~ *mecan/nena*) следует привлечь и вепсский отыменный глагол *nenagata* (< *nena* ‘нос’), обладающий значением ‘сердиться, рассердиться, упрямиться’. В языке вепсов нос связан непосредственно с проявлением сердитости, и в этом контексте *mecan/nena* может восприниматься как ‘сердитость, рассерженность духа леса, лесовика’. Но, с другой стороны, глагол мог возникнуть и благодаря воздействию древней мифологической семантики лексемы *нос*. Видимо, в этом ряду находятся прилагательные типа вепс. *nenakaz* ‘упрямый’, фин. *nenäkäs* ‘заносчивый, нахальный, дерзкий’ т. д.

Менее продуктивна лексема *mec/pagan*, где вторая часть слова — русское заимствование *pagan* — имеет семантику ‘нечистый, зараза, зуд’. *Pagan* выступает вторым компонентом сложных слов, именуя разные болезни, которые сопровождаются кожным зудом, а первый компонент называет то, от чего, по мнению носителей языка, пришла эта болезнь к человеку, напр.: *vezi/pagan* ‘болезнь от воды’, *soba/pagan* ‘болезнь от одежды’, *kül’bet’/pagan* ‘болезнь, полученная в бане’ [СВЯ 1972: 388]. Можно предположить, что вторая часть данных сложных слов *-/pagan* — это своеобразная дань христианству, поскольку является древнерусским заимствованием в прибалтийско-финских языках, и в языке-источнике *поганый* — это не только ‘нечистый, грязный’, но также и ‘языческий’ [Фасмер 1987: 294–295; SSA 1995: 294]. Лексема *pagan* в качестве отдельного слова широко известна всем говорам вепсского языка и как прилагательное, и как существительное, обладая многими значениями [СВЯ: 388], среди которых и ‘поганый’, и ‘несъедобный’, и ‘плохой, дурной’, и ‘зуд, чесотка’, поэтому появление ее в составе сложного слова в названии болезни вполне объяснимо. Полагаем, что она в составе сложного слова в вепсских ареалах встречается значительно чаще, нежели представлена на карте, однако по ряду причин оказалась вне поля зрения исследователей.

В восточновепсском и северновепсском ареале встречается термин *mec/kibu, mec/kibuine* ‘болезнь, боль от лесного духа’, где слово *kibu* ‘боль, болезнь’ (< *kipeä* ~ *kipu* ‘больной, боль’) этимологи связывают с *kipakka* ‘вспыльчивый, жестокий, строгий’, считая это гнездо слов дескриптивным [SSA 2001: 368].

В южновепсском регионе бытует именование *meca/išketiž,* где во второй части сложного слова выступает отглагольная лексема *-išketiž*. Семантика глагола *iškta* ‘ударить’ определила значение

отглагольного существительного *išketiž* 'удар'. В языке южных вепсов за словом закрепилось также мифологическое значение 'удар, болезнь от нечистой силы' [СВЯ: 150]. В данном случае обе части сложного слова *meca/išketiž* связаны с мифологической семантикой, указывая на отрицательное воздействие на человека, своеобразный «удар лесного духа».

Название болезни *meca/išketiž* ранее использовалось чаще. Оно, а также и название *meca/nena* было зафиксировано Л. Кеттуненом и размещено впоследствии в его электронном ресурсе материалов, но обе эти лексемы не содержали ни толкования, ни перевода.

Сложное слово *mec/tegend* (отглагольное существительное *tegend* < *tehta* 'делать, сделать') также отражает ситуацию, в которой лесной дух *делает* что-то отрицательное, наказывает отрицательным воздействием.

Разнообразие именований понятия, особым образом характеризующего отношения человека к природе и наказание болезнью за непослушание, за отрицательное поведение и отношение к природе, позволило составить две лингвистические карты:

1) карта 86a иллюстрирует все разнообразие именований мифической болезни, где первым, определяющим компонентом выступает слово *mec-*, которое в этом случае именует самого хозяина леса, т. е. ту силу, которая, по поверьям, наказывает или милует;

2) карта 86b демонстрирует бытование вторых компонентов сложных по структуре терминов с определяющим компонентом *mec-*, которые обладают следующей семантикой:

— боль или какая-то болячка, называемая вепсами словом *kibu, kibuine* 'боль';

– болезнь, характеризующаяся словом *-nena*, в которой проявляется 'сердитый нрав' сил природы;

– болезнь, называемая отглагольными именами *-išketiž* (< *iškta* 'ударить, ударять') или *-tegend* (< *tehta* 'делать, сделать'), которая демонстрирует, каким образом воздействовала на человека лесная сила;

– болезнь, название которой отмечено христианским ее осмыслением, вызвавшим закрепление в нем заимствованного из русского языка слова *pagan* 'поганый'.

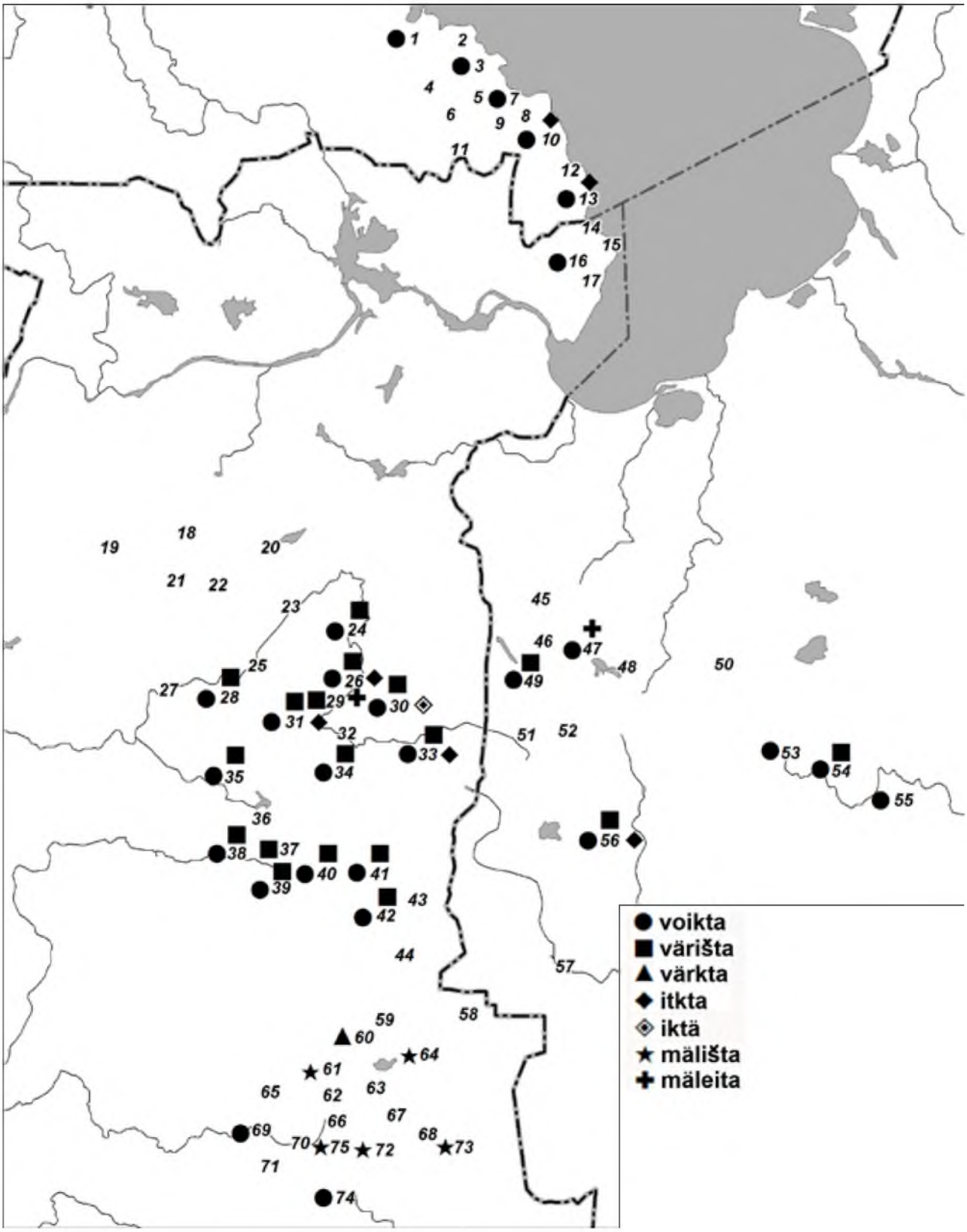
Хотя именования данной, связанной с мифологическим осмыслением, болезни не столь широко распространены в среде вепсов, их присутствие на вепсской территории исключительно важно с точки зрения истории развития духовной культуры вепсов. Прежде всего, они характеризуют отношения человека и леса, проливают свет на особые правила поведения в лесу, а также на силу народных поверий. Очевидно, эти лексемы возникли еще в дохристианское время, а в дальнейшем стали замещаться именованиями, которые включали в свой состав заимствованное слово *pagan* < *поганый*, размывающее мифологическую составляющую семантики.

Таким образом, именования своеобразной болезни, появившейся, по поверьям, как следствие плохого поведения в лесу, на природе, важны как языковое отражение традиционной культуры и верований вепсского народа, указывая отчасти как на тесную связь вепсов с карелами в этой сфере, так и на очевидное влияние русской культуры. В бытовании лексем просматривается определенная ареальная дистрибуция.

О. Ю. Жукова, Н. Г. Зайцева

Эмоциональные, физические состояния, действия, с ними связанные

87 (256). Именования понятия ‘плакать’

Легенда карты

1) **voikta**
2) **värišta**
3) **värkta**
4) **itkta**
iktä
5) **mälišta**
6) **mäleita**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **voikta**: *сев* Kas, Št, Š, Veh, Him, Kl // *ср* Päž, Kj, Pnd, Vl, Šim, Vär, Rih, Mg, En, Ladv, Nem, Noid, Nür, Jä, Pec, Reb, Jog , Har, Vil // *южн* Ars, Mas
2) **värišta**: *ср* Päž, Vär, Kj, Rih, Mg, En, Korb, Ladv, Nem, Noid, Nür, Jä, Pec, Reb, Jog, Har, Vil, Sj
3) **värkta**: *южн* Šid
4) **itkta**: *сев* Kas, Kl // *ср* Ladv, Rih, Jä, Pec, Päž
iktä: *ср* Rih
5) **mälišta**: *южн* Sod, Vg, Čai, Pož, Mai
6) **mäleita**: *ср* Šim, Jä

Цифровой индекс

1) **voikta**: 1Š, 3Veh, 7Št, 10Kl, 13Kas, 16Him, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd; 54Kj, 55Vl, 56Päž, 69Mas, 74Ars
2) **värišta**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 29Sj, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 54Kj, 56Päž
3) **värkta**: 60Šid
4) **itkta**: 10Kl, 13Kas, 26Jä, 31Pec, 33Ladv, 56Päž
iktä: 30Rih
5) **mälišta**: 61Čai, 64Sod, 72Mai, 73Vg, 75Pož
6) **mäleita**: 26Jä, 47Šim

Список картографируемого материала

1 — voikta; 2 — нет сведений; 3 — ii voika [VV: 553] ‘(он) не плачет’ ; 4–6 — нет сведений; 7 — voikta; 8–9 — нет сведений;10 — voikta, it’kta; 11–12 — нет сведений; 13 — voikta, itkta; 14–15 — нет сведений; 16 — voikta [VV: 505]; 17–23 — нет сведений; 24 — värišta, voikta; 25 — нет сведений; 26 — värišta, itkta, mäleita; voikta ‘причитывать; 27 — нет сведений; 28 — värišta, voikta ‘плакать со словами, причитывать’; 29 — värišta [VV: 315]; 30 — värišta, voikta, iktä (iktin’ — 1PSingImpInd); 31 — värišta, it’keb (3PSingPrezInd), voikta ‘причитывать со словами’; 32 — нет сведений; 33 — värišta, itkta, voikta ‘причитывать со словами’; 34–35 — värišta, voikta ‘причитывать, оплакивать покойника’; 36 — нет сведений; 37 — värišta; 38 — värišta, voikta ‘причитывать’; 39 –värišta, voikta ‘причитывать’; 40 — värišta, voikta; 41 — värišta, voikta ‘причитывать’; 42 — värišta, voikta; 43–46 — нет сведений; 47 — mäleita [СВЯ: 343], voikta; 48 — нет сведений; 49 — värišta, voikta; 50–52 — нет сведений; 53 — voikta; 54 — voikta, värišta (VV: 315); 55 — voikta; 56 — itkta, värišta, voikta; 57–59 — нет сведений; 60 — värkta (ср. värkand ‘плач’); 61 — mäližob [VV: 498] (3PSingPrez); 62–63 — нет сведений; 64 — mälišta; 65–68 — нет сведений; 69 — voikta; 70–71 — нет сведений; 72 — mälišta; 73 — mälišta [СВЯ: 344]; 74 — voikta; 75 — mäližob [VV: 497–498] (3PsingPrez).

Комментарий

В диалектах вепсского языка понятие ‘плакать’ представлено несколькими лексемами. Наиболее частотным является глагол *voikta*. Считается, что глагол возник на почве междометия *voi* ‘ох, ой!’, которое широко распространено во всех прибалтийско-финских языках [SSA 2000: 467; Häkkinen 2007: 1509]. Анализируя этимологию этого слова, исследователи предполагают также его ономатопоэтический характер, одновременно сравнивая с вепс. глаголом *voivotada,* фин. *voivottaa* ‘охать’ [SKES: 1804] и возможной параллелью с эст. *uigutada*, *uikeajada* в значении ‘петь плача, исполнять свадебную песню’ [Салве 1986: 255].

В западных говорах средневепсского диалекта глагол *voikta* приобрел более узкое значение и употребляется лишь в значении ‘причитывать, исполнять причитание’. Для уточнения иногда добавляют: *voikta änel* (*änüu*) ‘плакать голосом’. Причитывали вепсы на похоронах, при проводах на воинскую службу, во время свадебных ритуалов, а также в быту, повествуя о горестях жизни: *Edou svad’bas voikiba* ‘Раньше на свадьбе причитали’ (Jä) [СВЯ: 639]. Подчеркнем, что причетная традиция является наиболее развитой у средних вепсов, поэтому, очевидно, именно здесь произошло закрепление значения ‘причитывать’ за указанным

глаголом и проявилась его своеобразная терминологизация, что потребовало для обозначения понятия ‘плакать’ иного глагола.

Нейтральным глаголом со значением ‘плакать’ в западных средневепсских говорах стало выступать слово *värišta* (напр., *laps' väriževb* ‘ребенок плачет’). Глагол *värišta*, вероятнее всего, имеет дескриптивное происхождение [SSA 2000: 483].

В Прокушеве (Šid), на южновепсской территории, зафиксирован более редкий глагол *värkta*, который отсутствует в СВЯ. В этом же пункте при сборе материала для ЛАВЯ удалось обнаружить и существительное *värkand* ‘плач’. Два глагола *värišta* ~ *värkta* связаны между собой по происхождению, но обладают особыми словообразовательными суффиксами, а при словоизменении — разными основами (ср. *väriže-b* ~ *värka-b* ‘(он) плачет’), что позволяет отметить их отдельными символами на лингвистической карте.

В северновепсском диалекте глагол *voikta*, широко распространенный в западновепсских говорах со значением ‘причитывать’, обладает нейтральным (общим) значением; он же характерен и для восточных говоров средневепсского диалекта, которые часто объединяются с северновепсскими говорами при выявлении лингвистических реалий, демонстрируя общность в формировании диалектных ареалов.

Для южновепсского диалекта свойственно слово *mälišta*, которое, по всей видимости, имеет также ономатопоэтическое происхождение. В финском языке глаголы *mälistä, mälätä* обладают значением ‘говорить быстро и непонятно’ [SKES: 358–359]. В южновепсском же диалекте глагол *mälišta* нейтрален, напр.: *Mäližin, mäližin da tehta ii mida* ‘Плакала я, плакала да делать нечего’ (Sod [СВЯ: 344]).

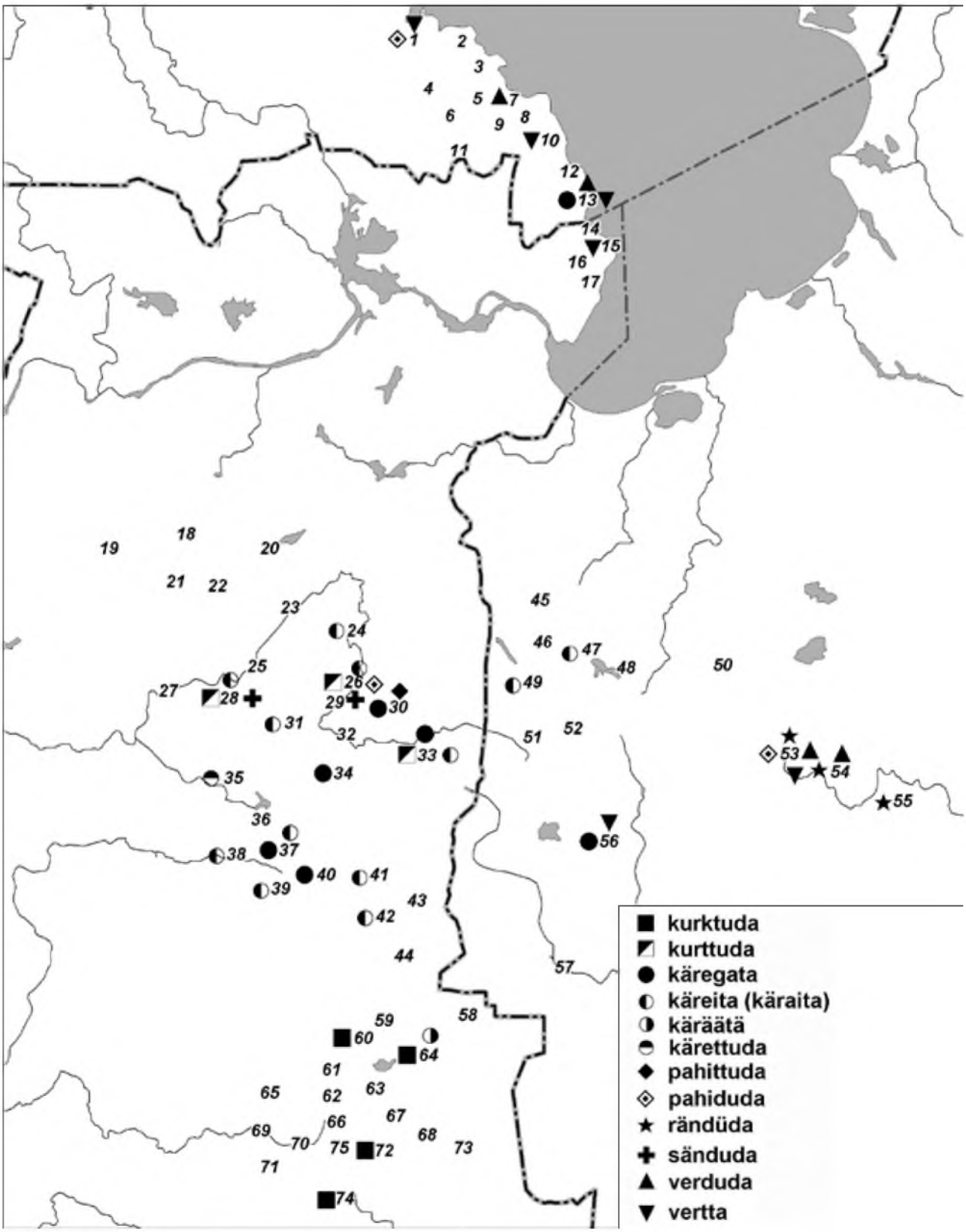
Из этого же этимологического гнезда происходит глагол *mäleita* [SSA 1995: 192] также в значении ‘плакать’, который в подобной форме известен диалектам вепсского языка менее широко. Он был зафиксирован в словаре вепсского языка [СВЯ: 343–344] всего в двух средневепсских пунктах: Озера и Шимозеро (Jä, Šim). Он поставлен на карте особой единицей, как и в случае *värišta* ~ *värkta*, поскольку имеет иную словоизменительную основу (ср. *mälii**že**-b* ~ *mälei**da**-b* ‘(он) плачет’).

Во всех родственных прибалтийско-финских языках в значении ‘плакать’ широко распространен глагол, который в вепсском языке обладает формами *itkta, it'kta, it'ktä*. В этимологических словарях отмечается его прибалтийско-финское происхождение [SKES: 110; SSA 2001: 229–230], хотя, по мнению К. Хяккинен [Häkkinen 2007: 229–230], само происхождение лексической основы глагола не совсем понятно. Любопытно, что глагол *itkta* объединяет северновепсский диалект и западные средневепсские говоры, что проявляется довольно редко. В настоящее время в бытовой речи его используют реже других вариантов (*Laps' minai itkob öl i pejal* ‘Ребенок у меня плачет ночью и днем’ [СВЯ: 154]). Отдельным вариантом на карте представлен вариант *iktä*, в котором проявилась своеобразная фонетическая переработка формы глагола *itkta*, где выпал один согласный звук *t* в средневепсском Rih.

Можно предположить, что все три глагола изначально функционировали в языке вепсов в разных сферах. Возможно, глагол *itkta*, широко распространенный в родственных языках, был ранее нейтральным. Глагол *voikta* терминологизировался и был закреплен в сфере свадебного обряда, а также в устном народном творчестве. Дескриптивные глаголы типа *mälišta* ~ *mäleita*, *värišta* ~ *värkta*, скорее всего, чаще встречались ранее в сфере общения с детьми, но постепенно их употребление значительно расширилось, и они потеснили более нейтральный глагол *itkta*.

О. Ю. Жукова, Н. Г. Зайцева

88 (257). Именования понятия ‘сердиться’

Легенда карты

1) **kurktuda**
kurttuda
2) **käregata**
käreita (käraita)
käräätä
kärettuda
3) **pahittuda**
pahiduda
4) **rändüda**
5) **sänduda**
6) **verduda**
vertta

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **kurktuda**: *южн* Mai, Šid, Sod, Ars
kurttuda: *ср* Jä, Vil, Ladv
2) **käregata**: *сев* Kas // *ср* Rih, Ladv, Mg, Nür, Kor, Päž
käreita (käraita): *ср* Vär, Ladv, Nem, Jä, Pec, Vil, Noid, Reb, Kor, Jog, Har, Šim
käräätа: *южн* Sod
kärettuda: *ср* En
3) **pahittuda**: *ср* Rih
pahiduda: *сев* Š // *ср* Jä, Pnd
4) **rändüda**: *ср* Vl, Kj, Pnd
5) **sänduda**: *ср* Jä, Vil
6) **verduda**: *сев* Kas, Št // *ср* Kj, Pnd
vertta: *сев* Š, Kas, Kl, Per // *ср* Pnd, Päž

Цифровой индекс

1) **kurktuda**: 60Šid, 64Sod, 72Mai, 74Ars
kurttuda: 26Jä, 28Vil, 33Ladv
2) **käregata**: 13Kas, 30Rih, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 40Nür, 56Päž
käreita (käraita): 24Nem, 26Jä, 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 37Kor, 38Jog, 39Har, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär
käräätа: 64Sod
kärettuda: 35En
3) **pahittuda**: 30Rih
pahiduda: 1Š, 26Jä, 53Pnd
4) **rändüda**: 53Pnd, 54Kj, 55Vl
5) **sänduda**: 26Jä, 28Vil
6) **verduda**: 7Št, 13Kas, 53Pnd, 54Kj
vertta: 1Š, 10Kl, 13Kas, 15Per, 53Pnd, 56Päž

Список картографируемого материала

1 — pahiduda ‘злиться, разозлиться’ [СВЯ: 390], vertta; 2–6 — нет сведений; 7 — verduda; 8–9 — нет сведений; 10 — vertta; 11–12 — нет сведений; 13 — verduda, vertta, käregata; 14 — нет сведений; 15 — vertta [VVS]; 16–23 — нет сведений; 24 — käreita; 25 — нет сведений; 26 — käreita, kurttuda ‘сердиться, обижаться’ [СВЯ: 248], pahiduda ‘злиться, разозлиться’ [СВЯ: 390], sänduda ‘сердиться, обижаться’ [СВЯ: 537]; 27 — нет сведений; 28 — käreita, kurttuda ‘сердиться, обижаться’ [СВЯ: 248], sänduda ‘сердиться’ [СВЯ: 537]; 29 — нет сведений; 30 — käregata, pahittuda; 31 — käraita; 32 — нет сведений; 33 — käreita, käregata, kurttuda ‘сердиться, обижаться’ [СВЯ: 248]; 34 — käregata; 35 — kärettuda; 36 — нет сведений; 37 — käreita; käregata ‘разозлиться, рассердиться’ [СВЯ: 263]; 38–39 — käreita; 40 — käregata; 41–42 — käreita; 43–46 — нет сведений; 47 — käreita; 48 — нет сведений; 49 — käreita; 50–52 — нет сведений; 53 — rändüda; verduda ‘рассердиться еще сильнее’, vertta ‘сердиться, злиться’ [СВЯ: 627], pahiduda ‘злиться, разозлиться’ [СВЯ: 390]; 54 — verduda, rändüda; 55 — rändüda; 56 — käregata, vertta ‘сердиться, злиться’ [СВЯ: 627]; 57–59 — нет сведений; 60 — kurktuda; 61–63 — нет сведений; 64 — käräätа; kurktuda ‘сердиться, обижаться’ [СВЯ: 248]; 65–71 — нет сведений; 72 — kurktuda; 73 — нет сведений; 74 — kurktuda; 75 — нет сведений.

Комментарий

При сборе материала возникли затруднения при объяснении, с одной стороны, в какой степени сердитости человек находится — он обижается, сердится или злится; с другой стороны, информанты пытались построить глагольную форму таким образом, чтобы ясно было, сердится ли человек давно или он только что рассердился, что соответствует по семантике русским видовым оттенкам глаголов (что делать — сердиться, что сделать — рассердиться), используя для этого словообразовательные суффиксы вепсского языка. В результате этого в отдельных пунктах могло появиться по нескольку синонимов, которые, возможно, и не являются *полными*, в других пунктах — один-два глагола.

Но в данном случае мы сочли возможным все эти глаголы нанести на карту, а сами пояснения поместить в списке картографируемого материала, поскольку можно с уверенностью утверждать, что все картографируемые глаголы в той или иной степени обладают искомой семантикой.

Наиболее распространенным является глагол *käraita* (варианты *käregata, kärettuda* выступают в роли семантических соответствий видовых оттенков русских глаголов — ‘сердиться’, ‘рассердиться’), который бытует в западных говорах средневепсского диалекта. В языке употребляется и прилагательное *käred* ‘сердитый, злой’ [СВЯ: 263], с которым по происхождению связан данный глагол. Этимологи помещают вепсский глагол в этимологическое гнездо *käre-* [SSA 2001: 475], имеющее дескриптивную природу и связанное со звуками, которые издает, например, мясо при жарке, или теми ассоциациями, которые возникают, когда человек говорит хриплым голосом. Аналогичные значения отмечаются и в иных прибалтийско-финских языках (напр., в кар. языке *kärie, käräkkä* ‘хриплый’ [KKS 1974: 564], *käraita* ‘хрипеть, сипеть’ [LMS: 185]), но в них не появилось глаголов с семантикой ‘сердиться’. Очевидно, вепсский язык пошел в этом звуковом сравнении дальше и развил у данной группы прилагательных семантический ряд: *хриплый → сердитый → злой.* А затем появились и глаголы *käraita* ‘сердиться’, *käregata ~ kärettuda* ‘рассердиться. Аналогичный семантический ряд выстраивается и на финском диалектом материале: ср. фин. диал. *kärestää* (*kärise-*) ‘о грубом голосе’, *käreytyä* ‘сердиться, ссориться’, *käriytä* ‘рассердиться’ [SMS].

Рефлексы этих глаголов, как показывает материал, обнаруживаются и в северно-, и южновепсском диалектах, что свидетельствует о более широком распространении глагола ранее и, видимо, о его правепсском происхождении, особенно если учесть соответствующий финский ряд.

Глагол *kurktuda ~ kurttuda* связывает южновепсские говоры с некоторыми средневепсскими западными говорами по линии Ярославичи — Озера — Ладва (Vil, Jä, Ladv). Он также может быть дескриптивным, связанным с существительным *kurk* ‘горло’ и теми звуками, которые производят горлом. В качестве семантической параллели отметим широко распространенный в родственных прибалтийско-финских языках глагол, обладающий в финском литературном языке формой *suuttua* со значением ‘сердиться, злиться’. Его происхождение связывают с существительным *suu* ‘рот’. Подобный глагол существовал, очевидно, ранее и в вепсском языке в форме *suutta*, что отмечено в этимологическом словаре финского языка [SSA 2000: 227], но его уже не удалось собрать ни в полевых условиях, ни в письменных источниках. У названных глаголов использован одинаковый принцип номинации, связанный с частями тела: в одном случае *kurk* ‘горло’, в другом случае *suu* ‘рот’, — которые участвуют в производстве звука.

У северных вепсов и отчасти в средневепсских белозерских говорах семантику ‘сердиться’ передает глагол *verduda ~ vertta*. Он размещен в этимологической статье глагола *vertyä*, связанного происхождением с существительным ‘*veri* ‘кровь’ [SSA 2000: 429]. В вепсском глаголе *verduda ~ vertta* выступает тот же принцип номинации, как и у названных выше глаголов — вепс. *kurktuda* и фин. *suuttua* в значении ‘сердиться’. У глагола, обладающего в вепсском языке формой *verduda ~ vertta*, значение ‘сердиться’, судя по данным этимологических словарей, особенно широко употребительно на почве вепсского языка, имея рефлексы еще в людиковских говорах. В прочих родственных языках (отметим, что он существует далеко не везде) преобладают значения ‘стать красным, покраснеть, налиться кровью’ и т. д. Очевидно, и здесь также лежат в основе наблюдения вепсов за внешним видом человека, который краснеет в приступе гнева, сердитости и т. д., и его голос меняется по степени напряженности.

Аналогичный принцип номинации реализован в редком по употреблению, но показательном с точки зрения происхождения глаголе *sänduda* ‘(рас) сердиться’, который в полевых условиях собрать уже не удалось, но он отмечен в словаре вепсского языка в двух западновепсских пунктах — Озерах (Jä) и Ярославичах (Vil) [СВЯ: 537] и нанесен на лингвистическую карту в соответствии с паспортизацией. После длительного поиска удалось выявить соответствия в собственно карельских говорах: *seäntyö ~ šeänd'yö* ‘сердиться, злиться’ [KKS 1997: 354]; *šiäntyö ~ seändyö* ‘сердиться, злиться’ [Федотова 2009: 266], а также и в тверских говорах карельского языка *s'ändüö* ‘сердиться’ [Пунжина 1994: 253]. Этимологический словарь финского языка включает карельские глаголы в этимологическое гнездо *sydän* ‘сердце’ [SSA 2000: 228], в которое входит и финский глагол *sydämistyä* ‘сердиться’. Именно форма финского глагола наиболее очевидно иллюстрирует словообразовательный и семантический путь развития: *sydän* ‘сердце’ → *sydämistyä* ‘рассердиться’. В этой же словарной статье находится и карельский глагол *šiäntyö ~ seändyö* с аналогичным значением.

Вепсский глагол *sänduda* не включен в SSA в словарную статью *sydän*. Очевидно, этому препятствовал фонетический облик вепсского слова, не позволивший напрямую связать его с производя-

щей прибалтийско-финской основой *sydän*. Однако при этом вепсский глагол безупречно вписывается в один ряд с карельским, что позволяет предположить заимствованный характер вепсского слова: кар. *šiäntyö~seändyö* > вепс. *sänduda*. Глагол карельского языка *seändyö* по сравнению с финским *sydämistyä* также выглядит стяженным. Очевидно, это вызвано частотностью употребления и изношенностью самой *производящей* основы, приведшей к ее значительному фонетическому изменению: от *süväin* → до *seän* 'сердце', что повлекло за собой и соответствующее развитие глагола *šeäntyö*. Лексема *sydän* исключительно многозначна: от значения 'сердце' до обозначения различных внутренностей и внутренних конструкций. Во многих языках она подверглась грамматикализации, употребляясь в роли послелога (напр., вепс. *pirgan* ***südäimehe*** 'внутрь пирога', *aidan* ***südäimes*** 'внутри изгороди' [СВЯ: 532]; кар. *pertin* ***sydäimeh*** 'в середину избы'; *pučin* ***sydäimes*** 'внутри бочки' [Родионова 2015: 104]). Поэтому изменение внешнего облика слова в этих условиях достаточно закономерно. В данном случае возможным представляется путь заимствования вепсского глагола *sänduda* из карельского *seändyö* (особо отметим тверской вариант *s'ändüö*, который практически полностью фонетически совпадает с вепсским вариантом). Трудно утверждать, насколько широко лексема *sänduda* употреблялась ранее в диалектах вепсского языка, но ясно, что она, проникнув через карельский язык, стала в вепсском языке несомненным представителем северно-прибалтийско-финского наследия.

В данном контексте привлекает внимание, кроме того, аналогичное развитие одного из мотивов номинации понятия '(рас)сердиться' в *языках разных семей*:

– прибалтийско-финские языки: *sydän* 'сердце' → *sydämistyä* 'сердиться' (фин.); *seän ~ süväin* 'сердце'→ *šiäntyö/seändyö* '*сердиться*' (кар.), *sänduda* (вепс.);

– русский язык: *сердце* → *сердиться, сердитый* [Фасмер: 1971: 605].

Лексемы *pahiduda ~ pahittuda* ведут свое происхождение от прибалтийско-финского прилагательного *paha* 'злой, сердитый', которое и определило семантику вепсских глаголов. Прилагательное *paha* в идентичном с вепсским значении широко известно во всех прибалтийско-финских языках, так же как и большое количество глаголов, от него образованных. Однако эти глаголы в родственных языках значительно теснее, нежели в вепсском, связаны по семантике с производящим прилагательным *paha* 'плохой, нехороший, дурной', например, фин. *paheksua* 'не одобрять', кар. *pahentua* 'ухудшаться' [Макаров 1990: 249] и т. д. Пожалуй, лишь значения глаголов типа фин. *pahoa* 'огорчаться' [SSA 1995: 286], кар. *paheltuo* 'обижаться' [KKS 1993: 97] несколько приближаются по семантике к значению вепс. глаголов *pahiduda ~ pahittuda* 'сердиться' и отчасти свидетельствуют о возможности развития подобного значения, как это случилось в языке вепсов.

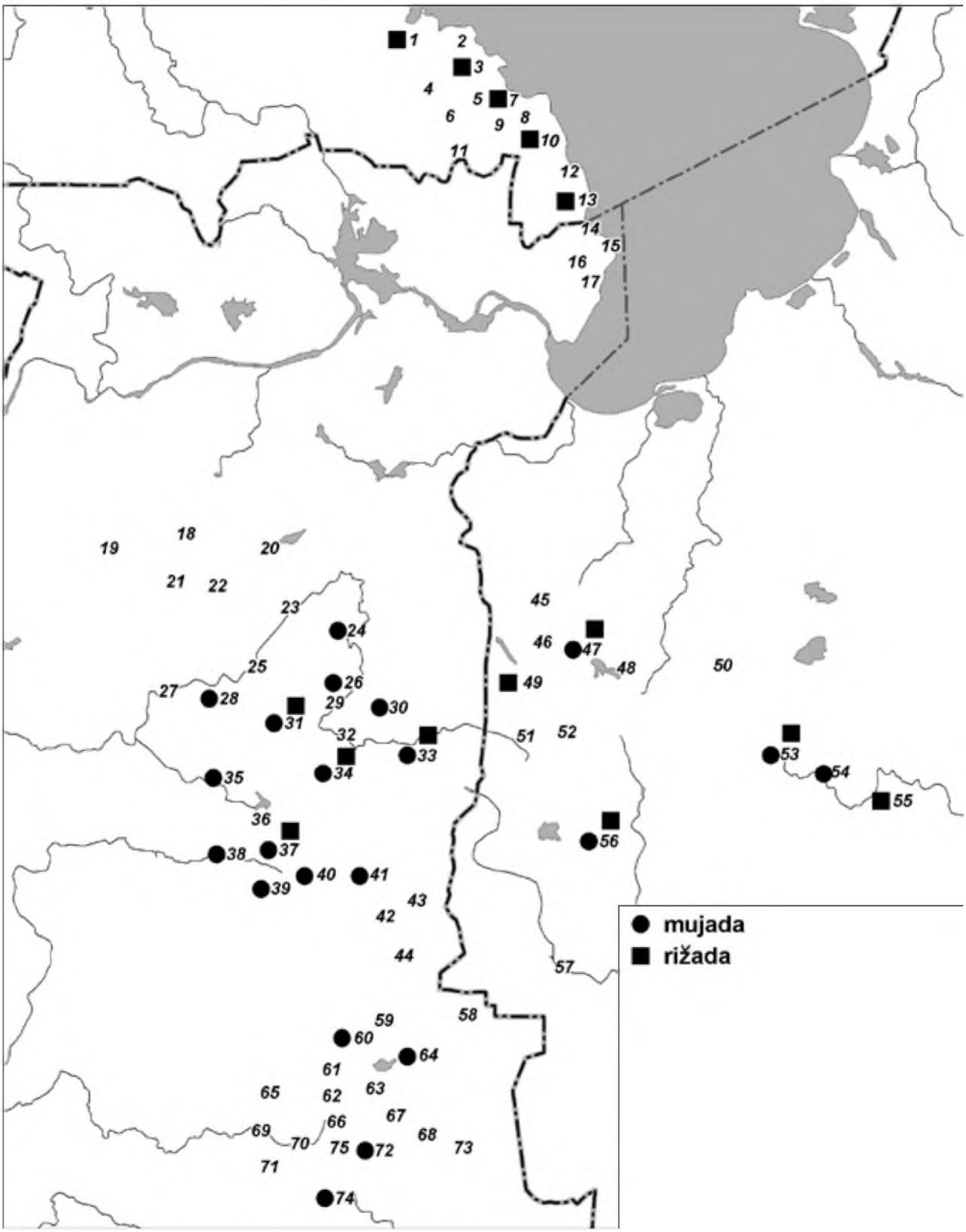
У белозерских (восточных) вепсов наибольшей частотностью характеризуется глагол *rändüda*, образованный, очевидно, от прилагательного *rän'* 'сердитый, злой'. Полагаем, что лексема *rändüda* может быть русским диалектным заимствованием: ср. глагол *дрянить* 'плохо вести себя; упрямиться' [СРНГ 1972: 229], который отмечен на смежной с белозерскими вепсами территории (вологодский, кадниковский говоры).

Таким образом, понятие 'сердиться' в языке вепсов передается несколькими лексемами, что дает возможность даже на материале именований одного понятия сделать некоторые заключения о формировании вепсских диалектных ареалов. Прежде всего, отметим, что многие глаголы этого семантического круга оказались дескриптивными. Можно предположить, что для мотивов номинации в этом случае была важна не столько внутренняя суть понятия, сколько внешний, звукоподражательный момент, что и определило выбор производящих основ для образования глаголов: хриплый (о голосе), похожий на звук шипения жарящегося мяса, похожий на звуки при глотании и т. д.

Наиболее употребительными в диалектах вепсского языка оказались глаголы *käreita, pahiduda*, которые являются прибалтийско-финским наследием, и их рефлексы отмечаются в той или иной степени во всех вепсских ареалах. Глаголы *kurktuda* и *verduda* можно отнести к вепсской инновационной лексике. Несмотря на то, что словообразовательные основы глаголов *kurk-* 'горло' и *veri* 'кровь' являются праприбалтийско-финскими и известны всем родственным языкам, глаголы с картографируемой семантикой возникли, очевидно, в период самостоятельного развития вепсского языка. Глагол *sänduda*, несмотря на наличие и в вепсском языке в полной сохранности лексемы *südäin ~ südäm* 'сердце', от которой образовано прибалтийско-финское слово, следует, видимо, считать заимствованием из карельских диалектов, а *rändüda*, возможно, является русским диалектным заимствованием.

Н. Г. Зайцева

89 (258). Именования понятия ‘чувствовать’

Легенда карты

1) **mujada** 2) **rižada**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **mujada**: *ср* Nem, Rih, En, Kor, Ladv, Mg, Jä, Vil, Nür, Reb, Pec, Jog, Har, Pnd, Šim, Päž, Kj // *южн* Mai, Šid, Ars, Sod

2) **rižada**: *сев* Š, Veh, Št, Kas, Kl // *ср* Kor, Ladv, Mg, Pec, Vär, Päž, Pnd, Vl, Šim

Цифровой индекс

1) **mujada**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 47Šim, 53Pnd, 54Kj, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 72Mai, 74Ars

2) **rižada**: 1Š, 3Veh, 7Št, 10Kl, 13Kas, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 55Vl, 56Päž

Список картографируемого материала

1 — rižada; 2 — нет сведений; 3 — rižada [VV: 238]; 4–6 — нет сведений; 7 — rižada; 8–9 — нет сведений; 10 — rižada; 11–12 — нет сведений; 13 — rižada; 14–23 — нет сведений; 24 — mujada; 25 — нет сведений; 26 — mujada; 27 — нет сведений; 28 — mujada; 29 — нет сведений; 30 — mujada; 31 — mujada, rižada; 32 — нет сведений; 33–34 — rižada, mujada; 35 — mujada; 36 — нет сведений; 37 — mujada, rižada; 38 — mujada (rižada ‘проведать, навестить’); 39 — mujada (rižada ‘навестить’); 40–41 — mujada; 42 — (rižada ‘проведать’); 43–46 — нет сведений; 47 — mujada, rižada ‘предчувствовать’ [СВЯ: 477]; 48 — нет сведений; 49 — rižada; 50–52 — нет сведений; 53 — rižada ‘трогать, касаться’, ‘предчувствовать’ [СВЯ: 477], mujada ‘чувствовать сердцем’, mujada ‘ощущать, *чувствовать*, чуять’ [СВЯ: 335]; 54 — mujada [СВЯ: 335]; 55 — rižada ‘чувствовать, проведать’ (mujada ‘пробовать на вкус’); 56 — rižada, mujada; 57–59 — нет сведений; 60 — mujada ‘щупать’, ‘ощущать, *чувствовать*’ [СВЯ: 335]; 61–63 — нет сведений; 64 — mujada; 65–71 — нет сведений; 72 — mujada; 73 — нет сведений; 74 — mujada; 75 — нет сведений.

Комментарий

Как свидетельствуют и сбор материала, и письменные источники, в качестве именований понятия ‘чувствовать’ в вепсских регионах употребительны два глагола: *mujada* и *rižada*. К данной семантической группе примыкает относительно частотный глагол *tunduda*, однако искомому значению у него соответствует лишь форма третьего лица ед. числа, которая употребляется в предложении в безличном значении: ***tundub**, miše homen vihmuškab* ‘чувствуется (= по всему видно), что завтра будет дождь’. Это несколько иное словоупотребление, и из картографирования данный глагол был исключен. Кроме того, и при опросе в полевых условиях информанты, даже приводя этот глагол, отмечали, что его прямое значение не соответствует тому пониманию семантики ‘чувствовать’, которое имеется в виду.

Таким образом, к картографированию были привлечены два глагола: *mujada* и *rižada*. Оба они относительно редки в прибалтийско-финском языковом мире.

В целом полагаем, что при сборе глаголов с указанной семантикой могли переплестись два значения: ‘чувствовать, ощущать’ и ‘чувствовать обонянием, обонять’. Оба названных выше глагола обладают и тем, и другим оттенком значения. Очевидно, здесь возможен семантический сдвиг: чувствовать → ощущать; чувствовать → обонять. Это обнаруживается и в примерах диалектной речи:

1) *mina magadan i kaiken rižan* ‘я сплю и все чувствую (ощущаю)’, *hebo kondjan rižab* ‘лошадь чувствует (обонянием) медведя’ [СВЯ: 476];

2) *mujan kibun kädes* ‘я чувствую боль в руке’ (ощущаю) [СВЯ: 335], *mina en muja, mille haižub* ‘я не чувствую (обонянием), чем пахнет’.

Глагол *mujada* свойствен для средне- и южновепсских говоров. Этимологи считают возможным включить названный вепсский глагол в одно гнездо с глаголами карельского языка, обладающими аналогичным фонетическим оформлением и значением: *mujada, mujuda* ‘ощущать,

чувствовать обонянием', и соотнести этимологически с прилагательным *muikea* 'кислый' [SSA 1995: 173–174].

Глагол *rižada* в вепсском языке также обладает довольно широкой семантикой: 'чувствовать что-то, предчувствовать; ощущать; ощущать обонянием; навещать кого-либо и т. д.'. Как свидетельствует карта, он функционирует в северновепсском и средневепсском диалектах. В свое время Л. Кеттунен отметил наличие данного глагола лишь в одном северновепсском пункте Вехручей (Veh) в значении 'ощущать обонянием', хотя полевые материалы атласа показали, что он известен во всех пунктах сбора.

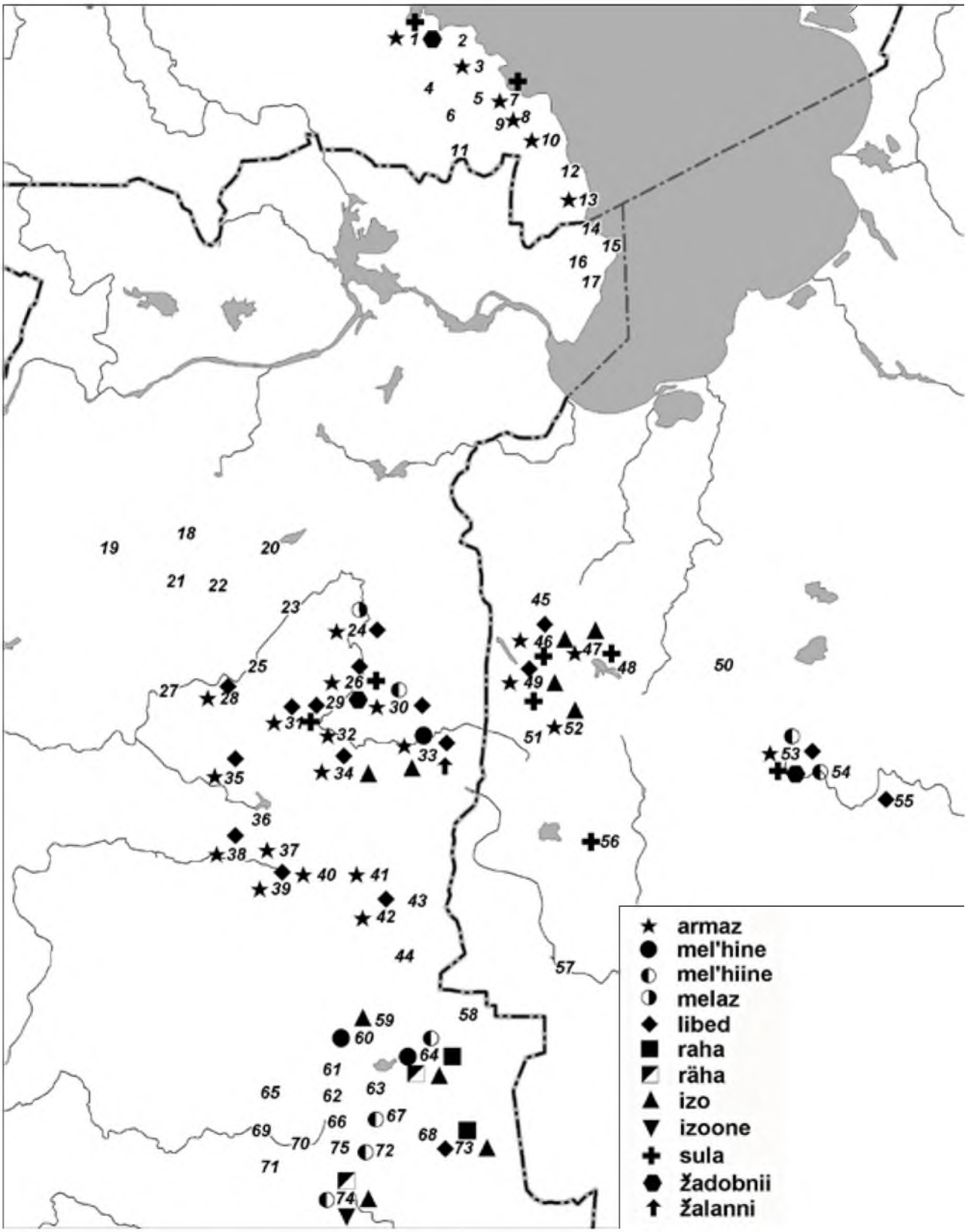
Его не удается встроить в убедительный ряд прибалтийско-финских соответствий. Тем не менее исходя из того, что одно из наиболее распространенных значений *rižada* 'ощущать чутьем', возможно высказать осторожное предположение о его вхождении в прибалтийско-финское этимологическое гнездо *riista* 'животное, на которое ведется охота' [SSA 2000: 75]. Здесь присутствует явная семантическая связь. Кроме того, внешний облик словообразовательной основы вепсского глагола *riž-* не препятствует такому предположению.

Таким образом, мы рассматриваем глагол *rižada* в качестве вепсской инновации, свойственной северно- и средневепсскому диалектам, но неизвестной южным вепсам.

Н.Г. Зайцева

Прилагательные, характеризующие человека

90 (259). Именования понятия ‘милый, любимый’

Легенда карты

1) **armaz**
2) **mel’hine**
   mel’hiine
   melaz
3) **libed**
4) **raha**
   räha
5) **izo**
   izoone
6) **sula**
7) **žadobnii**
8) **žalanni**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **armaz**: *сев* Š, Veh, Št, Mec, Kl, Kas // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Šon, Ladv, Mg, En, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Šat, Šim, Vär, Vah, Pnd
2) **mel’hine**: *ср* Ladv // *южн* Šid, Sod
   mel’hiine: *ср* Rih, Pnd, Kj // *южн* Sod, Krl, Mai, Ars
   melaz: *ср* Nem
3) **libed**: *ср* Nem, Jä, Vil, Sj, Rih, Pec, Ladv, En, Mg, Jog, Har, Noid, Šat, Vär, Pnd, Vl // *южн* Vg
4) **raha**: *южн* Sod, Vg
   räha: *южн* Sod, Ars
5) **izo**: *ср* Ladv, Mg, Šat, Šim, Vär, Vah // *южн* Šid, Sod, Vg, Ars
   izoone: *южн* Ars
6) **sula**: *сев* Š, Št // *ср* Jä, Pec, Ladv, Šat, Šim, Vär, Pnd, Päž
7) **žadobnii**: *сев* Š // *ср* Jä, Pnd
8) **žalanni**: *ср* Ladv

Цифровой индекс

1) **armaz**: 1Š, 3Veh, 7Št, 8Mec, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 32Šon, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 46Šat, 47Šim, 49Vär, 52Vah, 53Pnd
2) **mel’hine**: 33Ladv, 60Šid, 64Sod
   mel’hiine: 30Rih, 53Pnd, 54Kj, 64Sod, 67Krl, 72Mai, 74Ars
   melaz: 24Nem
3) **libed**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 29Sj, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 38Jog, 39Har, 42Noid, 46Šat, 49Vär, 53Pnd, 55Vl, 73Vg
4) **raha**: 64Sod, 73Vg
   räha: 64Sod, 74Ars
5) **izo**: 33Ladv, 34Mg, 46Šat, 47Šim, 49Vär, 52Vah, 60Šid, 64Sod, 73Vg, 74Ars
   izoone: 74Ars
6) **sula**: 1Š, 7Št, 26Jä, 31Pec, 33Ladv, 46Šat, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 56Päž
7) **žadobnii**: 1Š, 26Jä, 53Pnd
8) **žalanni**: 33Ladv

Список картографируемого материала

1 — armaz, sula [СВЯ: 525], žadobnii [СВЯ: 551]; 2 — нет сведений; 3 — armaz (VV: 182); 4–6 — нет сведений; 7 — armaz, sula [ВНС 1996: 52]; 8 — armaz [ВНС 1996: 62]; 9 — нет сведений; 10 — armaz; 11–12 — нет сведений; 13 — armaz; 14–23 — нет сведений; 24 — armaz, libed [ОВР: 35], melaz [Фон. ПГК №313/8016]; 25 — нет сведений; 26 — armaz, sula [KKK: 50], libed [KKK: 139], žadobnii [СВЯ: 551]; 27 — нет сведений; 28 — armaz, libed [KKK: 177]; 29 — libed [KKK: 146]; 30 — armaz, mel’hiine, libed; 31 — armaz, libed [СВЯ: 287], sula [СВЯ: 525]; 32 — armaz; 33 — armaz, mel’hine, sula [KKK: 68], libed [KKK: 16], žalanni [KKK: 82], izo [KKK: 71]; 34 — armaz, libed [KKK: 174], izo [KKK: 175]; 35 — armaz, libed; 36 — нет сведений; 37 — armaz; 38–39 — armaz, libed; 40–41– armaz; 42 — armaz, libed; 43– 45 — нет сведений; 46 — armaz [KKK: 129], sula [KKK: 128], libed [KKK: 129], izo [KKK: 128]; 47 — armaz [СВЯ: 33], izo [СВЯ: 152], sula [KKK: 43]; 48 — нет сведений; 49 — armaz, sula [KKK: 33], izo [СВЯ: 152], libed [KKK: 126]; 50–51 — нет сведений; 52 — armaz [KKK: 37], izo [KKK: 134]; 53 — armaz [СВЯ: 33], mel’hiine [СВЯ: 326], sula [СВЯ: 525], libed, žadobnii [СВЯ: 551]; 54 — mel’hiine [СВЯ: 326]; 55 — libed; 56 — sula; 57–59 — нет сведений; 60 — izo, mel’hine [ОВР: 248]; 61–63 — нет сведений; 64 — räha, raha [СВЯ: 461], izo [СВЯ: 152], mel’hine [ОВР: 238], mel’hiine [ОВР: 207]; 65–66 — нет сведений; 67 — mel’hiine; 68–70 — нет сведений; 72 — mel’hiine; 73 — raha [СВЯ: 461], izo [СВЯ: 152], libed [ОВР: 256]; 74 — mel’hiine, räha, izo (VVS), izoone [Väisänen 1916: 128]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Сбор лексики по данной тематической группе, вероятно, требовал дополнительных наводящих вопросов, так как значения прилагательных с эмоционально-позитивным значением могут варьироваться в зависимости от контекста и понятия, которое они характеризуют. Как свидетельствуют словари русского языка, слово *милый*, с одной стороны, это — ‘дорогой, любимый’, с другой стороны, *любимый* — ‘пользующийся наибольшей любовью’. Семантика в этом случае близка, и именования понятий несколько перекрещиваются. Вепсские лексемы, полученные как в результате полевого опроса, так и из письменных источников, научных исследований, интересны с точки зрения функционирования их в обыденной речи и в языке фольклора. Было решено их закартографировать, приведя для них подробные пояснения и в списке картографируемого материала, и в комментариях к лингвистической карте.

Общей лексемой для северно- и средневепсского ареала со значением ‘любимый’ является слово *armaz*. Оно относится к общеприбалтийско-финскому словарному фонду. В родственных языках лексема также выступает с семантикой ‘любимый’, ‘милый’, ‘приятный’. Прилагательное *armas, armaš* широко представлено в диалектах карельского языка, где употребляется по отношению к одушевленным объектам (человек, домашнее животное) со значением ‘любимый’[KKS 1968: 69]. Этимологический словарь финского языка указывает на его древнегерманское происхождение: от слова *armr*, *armber* с семантикой ‘бедный, несчастный’ [SKES 1955: 24].

В вепсском языке прилагательное обладает также значением ‘ласковый’: *Armhad vajeht hän igas ii kulnu* ‘Ласкового слова он в жизни не слыхал’ [СВЯ: 33].

В южновепсском и средневепсском диалектах фиксируется слово *mel’hine* или вариант с удвоенной ***i*** — *mel’hiine* с семантикой ‘любимый, нравящийся, по душе’. Оно имеет общее финно-угорское происхождение [SKES: 344]. В вепсском языке лексема может выступать как имя прилагательное, так и в качестве имени существительного ‘возлюбленный, миленок’: *besed razoidiše, a tüu mel’hiine om ka vüu döp da ištuhtap* ‘народ с беседы разойдется, а у кого миленок есть, та останется и еще посидит’ (Kj) [СВЯ: 326].

В свадебном причитании, записанном в западновепсской деревне Немжа (Nem), обнаруживается редкая форма *melaz,* не встречающаяся в бытовом языке. Прилагательное образовано по традиционной словообразовательной модели с распространенным суффиксом имен прилагательных ***-az***. Язык фольклора сохранил эту редкую собственно вепсскую инновационную лексему, отсутствующую в родственных языках, как эпитет к слову *meceine: melaz meceine* ‘милый лесок’, *melhas meceižes* ‘в милом лесочке’ [Фон. ПГК № 313/8016]. Можно предположить, что и образованию этой лексемы, и ее сохранению способствовал именно язык причитаний, поскольку помимо выполнения выразительной функции прилагательные подбирались для создания аллитерации или единоначатия с характеризуемым словом. В вепсских причитаниях аллитерация может охватывать два, три и даже более рядом стоящих слова [Жукова 2015: 123–125]. Кроме того, данное явление было непреложным законом причитания. Поэтому в языке возникло подобное прилагательное, которое, возможно, в обыденной речи и не встречалось, а было принадлежностью лирического языка причитаний.

Лексема *sula*, употребляемая при ласковом обращении к близким людям, родственникам и несущая семантику ‘милый, дорогой’, фиксируется как в северновепсском, так и в средневепсском ареале. *Sula* с эмоционально-позитивным значением встречается и в близкородственных языках. В эстонском языке выступает со значением ‘мягкий’, ‘чистый’, ‘ясный’. В карельском языке используется преимущественно в плачевой традиции — в олонецких причитаниях *sulane*, в люд. *sula* [SKES: 1100]. На вепсском материале названное прилагательное также более употребительно в фольклоре. Например, в северновепсской лирической песне, где девушка, сидящая на берегу, обращается к проплывающему на лодке отцу, затем к матери, используется эпитет *sula*:

Kenen nece veneh soldab?	*Чья это лодка плывет?*
Mama ištub venehes,	*Мама сидит в лодке,*
***Sula** mama, armaz mama,*	*Милая мама, любимая*
Ota mindai veneheze!	*мама,*
(ÄVN: 14)	*Возьми меня в лодку!*

В языке причитаний, одном из древнейших и наиболее развитых жанров вепсского фольклора, прилагательное *sula* часто выступает при обращении к сестре или брату: *sula čičkoihudem* ‘милая моя сестрица’ (Šim) [KKK: 43–46], *sulad čižoihuded* ‘милые сестрицы’ (Vär) [KKK: 33–36], *sula viikoihudem* ‘милый братец’ [ОВР: 99–101]. В силу особенности жанра язык плача подбирал слова для выражения самых глубинных чувств и переживаний человека, поэтому в причитаниях широко употребляются прилагательные эмо-

ционально-позитивной семантики, в том числе и, как было отмечено выше, для создания аллитерации. Так лексема *sula* стала постоянным эпитетом к слову *susedeižed* 'соседушки, соседи': *sulad susedeižed* 'милые соседушки'. Этим устойчивым сочетанием в плачах именуют чужих людей, соседей, односельчан. Также традиционной формулой является словосочетание *sulad sutkeižed* 'милые суточки' (о временном отрезке).

В качестве лексемы со значением 'милый' зафиксировано прилагательное *libed.* Слово имеет основное значение 'скользкий' и в этом значении известно другим прибалтийско-финским языкам [SKES: 297]. Рассматриваемую семантику прилагательное получило в вепсском языке лишь в сочетании со словом *linduine* 'птичка'. Словосочетание *libed linduine* можно перевести как 'милая пташечка, птичка'. Это именование детей (сын, дочь, внук) в причитаниях известно как в средневепсской, так и южновепсской традиции. Сочетание вышло за рамки фольклорной традиции и стало активно использоваться в разговорной речи в качестве ласкового обращения, чаще к детям [Жукова 2015: 62].

Еще одна редко употребляемая лексема, относящаяся к данной понятийной группе, — прилагательное *izo.* В средневепсском ареале она фиксируется исключительно в языке причитаний. Слово, вероятно, сохранилось как необходимый эпитет, также поддерживающий аллитерацию в словосочетании, и несет эмоционально-положительную семантику для слова *ikneine* 'окно': *izo ikneine* 'милое окошечко', реже для слова *irdeine* 'улица, улочка': *izo irdeine* 'милая улочка'. У этого редкого слова несомненна параллель с финским *iso* 'большой'. Однако этимологический словарь финского языка не включил вепсское прилагательное в одно этимологическое гнездо с данной лексемой [SSA 2001: 228], хотя по фонетическому закону вепсского языка между двумя гласными звуками здесь всего лишь произошел переход *s* > *z* [Tunkelo 1946: 236]. Отметим также, что сочетание прилагательного *izo* со словами *ikneine* 'окно', *irdeine* 'улица' вполне вписывается в семантику 'большой', с учетом преувеличения и идеализации, свойственной фольклорной словесности. Вероятно, в вепсском языке прилагательное *izo* утратило свое основное значение и сохранилось в языке плачей из-за аллитерации, диктовавшей подбор эпитета и закрепившей его в устойчивом сочетании *izo ikneine* 'милое окошечко'. Постепенно у слова появилось иное эмоционально-положительное значение, продиктованное языком плачей [Жукова 2015: 73].

Южновепсскому диалекту слово *izo* также известно: *izo tatkoohud* 'милый батюшка' (Sod) [СВЯ: 152], *oi, izo mamšiine* 'ой, дорогая (милая) старушка' [ОВР 1969: 224]. Из приведенных примеров видно, что прилагательное используют при ласковом обращении к близким людям. В частушке, записанной в деревне Радогощь (Ars), выявлена и диминутивная форма *izoone*, образованная от слова *izo*. В данном случае напрашивается аналогия со словом *mel'hine*, где прилагательное может выступать в роли существительного с семантикой 'любимый, миленок':

Oi ku milaan izoone,	Ой, как у меня миленок,
käbedaine šarfaane,	красивый шарфик,
golu jo mä hälle basin:	часто я ему говорю:
keritše sä bardaane.	состриги ты бородку.

[Väisänen 1916: №128].

В южновепсском диалекте лексема *raha*, известная средневепсскому диалекту как имя существительное со значением 'серебро', выступает в качестве прилагательного с семантикой 'дорогой, любимый'. Общее для прибалтийско-финских языков слово является древним германским заимствованием и имеет в близкородственных языках значение 'деньги' или 'серебро' [SKES: 711]. Этимологический словарь SKES дает оба значения слова в вепсском языке, разделяя на вариант с твердым *r* в слове 'серебро' и мягким в прилагательном *r'aha* 'любимый, серебряный' [SKES: 711]. Диалектный словарь вепсского языка не дает слова со смягчением, а указывает единственный вариант *raha* с тремя вариантами перевода: 'серебро', 'деньги' и 'дорогой, любимый': *raha mamkoohud* 'дорогая маменька' [СВЯ: 461]. При целенаправленном сборе материала по вопроснику лингвистического атласа вепсского языка в пунктах Сидорово (Sod) и Радогощь (Ars) была зафиксирована лексема *räha*. Это свидетельствует о том, что в южновепсском ареале до сих пор бытуют обе фонетические формы. Возможно, что вариант *räha* возник также в языке фольклора под воздействием гармонии гласных. А затем каждая из лексем стала жить самостоятельной жизнью: *raha* со значением 'деньги' и *räha* со значением 'милый, любимый', навеянным причитаниями. Хотелось бы обратить внимание и на возможное русское семантическое влияние: ср. рус. *серебриночка* в обращении 'дорогая моя, серебряная моя' [СРНГ 2003: 196].

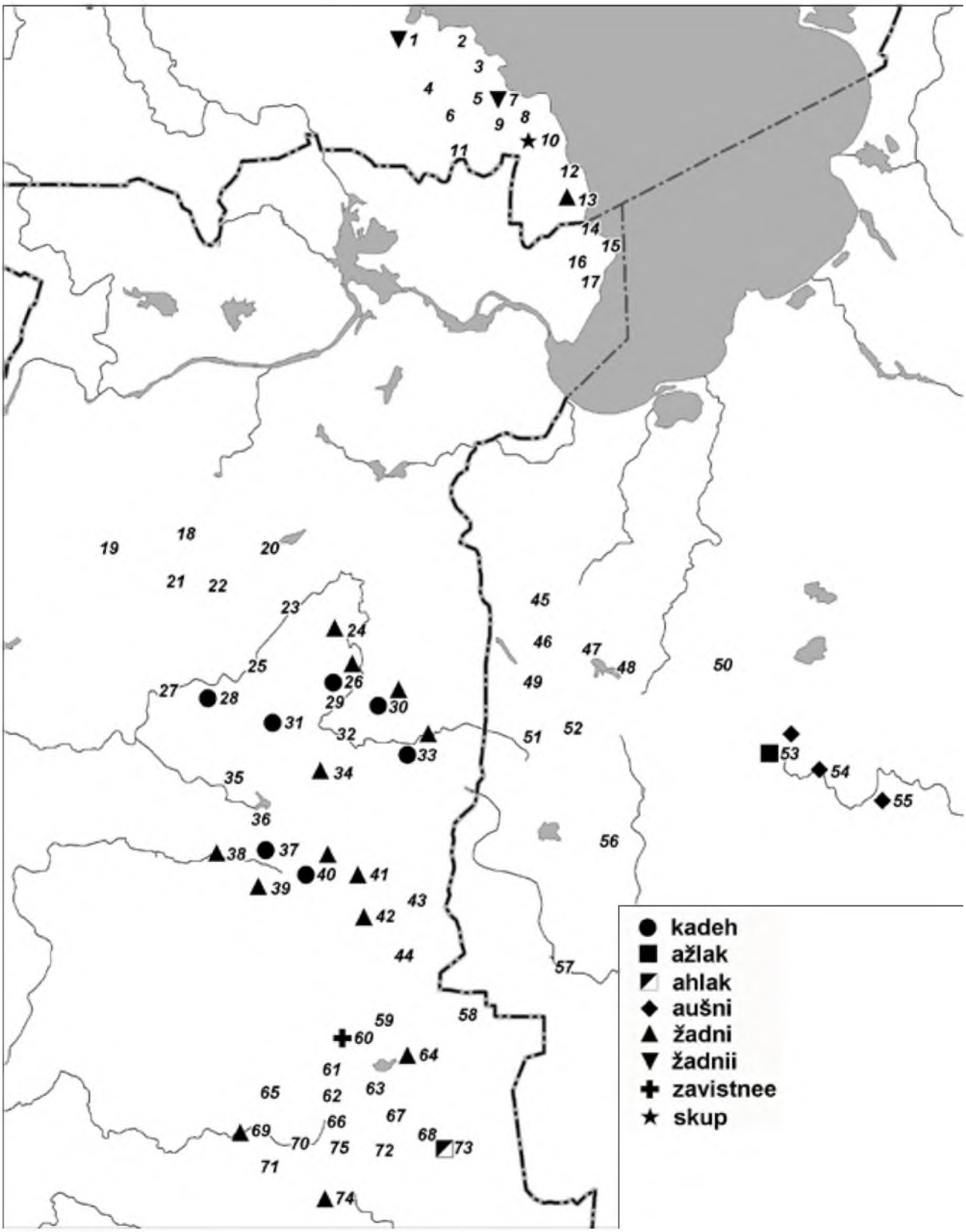
В северно- и средневепсском диалектах распространено ласковое именование русскоязычного происхождения *žadobnii*. В словаре русских народных говоров приводится слово *жадобный*, известное в северно-западных и центральных губерниях в значении 'милый', 'дорогой', 'желанный' (чаще в обращении), в Олонецкой и Вологодской губерниях — 'желанный', 'более любимый' [СРНГ 1972: 59].

Единично зафиксированная, но, несомненно, имеющая более широкое употребление в западных говорах вепсского языка лексема *žalanni* со значением ‘милый’ пришла также из русских говоров, где *жаланный* значит ‘дорогой, милый’ [СРНГ 1972: 61].

Подводя итоги анализа, отметим, что при именовании понятия ‘любимый’, имея в виду сердечную привязанность, в северновепсском диалекте употребляется лексема *armaz,* в южновепсском — *mel’hine*, а в средневепсских говорах бытуют оба эти слова. В отношении понятия ‘милый’ вепсский язык проявляет особое разнообразие форм. Прилагательное *libed* активно используется в средневепсских говорах в неразрывном сочетании со словом *linduine*. При бытовом общении в северновепсском и средневепсском ареале фигурируют русскоязычные по происхождению слова *žadobnii, žalanni.* Только в южновепсском ареале фиксируется лексема *raha (räha)*, получившая новое значение ‘милый, любимый’. Прилагательные *sula* и *izo* тяготеют к фольклорному использованию. *Sula* объединяет северновепсский и средневепсский ареал, а *izo* — территории бытования средневепсского и южновепсского диалектов.

О.Ю. Жукова

91 (260). Именования понятия ‘жадный’

Легенда карты

1) **kadeh**
2) **ažlak**
   ahlak
3) **aušni**
4) **žadni**
   žadnii
5) **zavistnee**
6) **skup**

Расшифровка легенды карты по диалектам:

1) **kadeh**: *ср* Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Kor, Nür
2) **ažlak**: *ср* Pnd
   ahlak: *южн* Vg
3) **aušni**: *ср* Pnd, Kj, Vl
4) **žadni**: *сев* Kas // *ср* Rih, Ladv, Mg, Nem, Noid, Nür, Jä, Reb, Jog, Har // *южн* Mas, Ars, Sod
   žadnii: *сев* Št, Š
5) **zavistnee**: *южн* Šid
6) **skup:** *сев* Kl

Цифровой индекс

1) **kadeh**: 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 37Kor, 40Nür
2) **ažlak**: 53Pnd
   ahlak: 73Vg
3) **aušni**: 53Pnd, 54Kj, 55Vl
4) **žadni:** 13Kas, 24Nem, 26Jä, 30Rih, 33Ladv, 34Mg, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 64Sod, 69Mas, 74Ars
   žadnii: 1Š, 7Št
5) **zavistnee**: 60Šid
6) **skup**: 10Kl

Список картографируемого материала

1 — žadnii; 2–6 — нет сведений; 7 — žadnii; 8–9 — нет сведений; 10 — skup; 11–12– нет сведений; 13 — žadni; 14–23 — нет сведений; 24 — žadni; 25 — нет сведений; 26 — kadeh, žadni; 27 — нет сведений; 28 — kadeh; 29 — нет сведений; 30 — kadeh, žadni; 31– kadeh; 32 — нет сведений; 33 — kadeh, žadni; 34 — žadni; 35–36 — нет сведений; 37 — kadeh; 38–39 — žadni; 40 — kadeh, žadni; 41–42 — žadni; 43–52 — нет сведений; 53 — aušni, ažlak [СВЯ: 36]; 54–55 — aušni; 56–59 — нет сведений; 60 — zavistnee; 61–63 — нет сведений; 64 — žadni; 65–68 — нет сведений; 69 — žadni; 70–72 — нет сведений; 73 — ahlak [СВЯ: 36]; 74 — žadni; 75 — нет сведений.

Комментарий

При именовании понятия 'жадный' в вепсском языке используется несколько лексем как заимствованных, так и исконных по происхождению. В ареале бытования западных говоров средневепсского диалекта употребляется прилагательное *kadeh*, известное прибалтийско-финским языкам со значением 'завистливый': кар. *kadeh,* эст. *kade* [SKES: 137]. В вепсском языке есть и глагол, образованный от данного имени прилагательного: *kadehtida* 'жадничать, быть загребистым' [СВЯ: 165]. На указанной территории наряду с лексемой *kadeh* фиксируется и заимствованная из русского языка лексема *žadni*. Она распространена и в южновепсском ареале, и в северновепсском с вариантом *žadnii*.

В восточных говорах средневепсского диалекта употребительна лексема *aušni.* Она пришла в данный ареал из русских говоров, где имеет весьма широкое географическое распространение и выступает в вариантах *алошный, алушный, аушный* и др. со значением 'алчный, жадный, ненасытный' (СРНГ 1965: 240–241). Заимствованное прилагательное в вепсском языке дало основу и для образования глагола *aušničaida* 'жадничать' (Pnd) [СВЯ: 37].

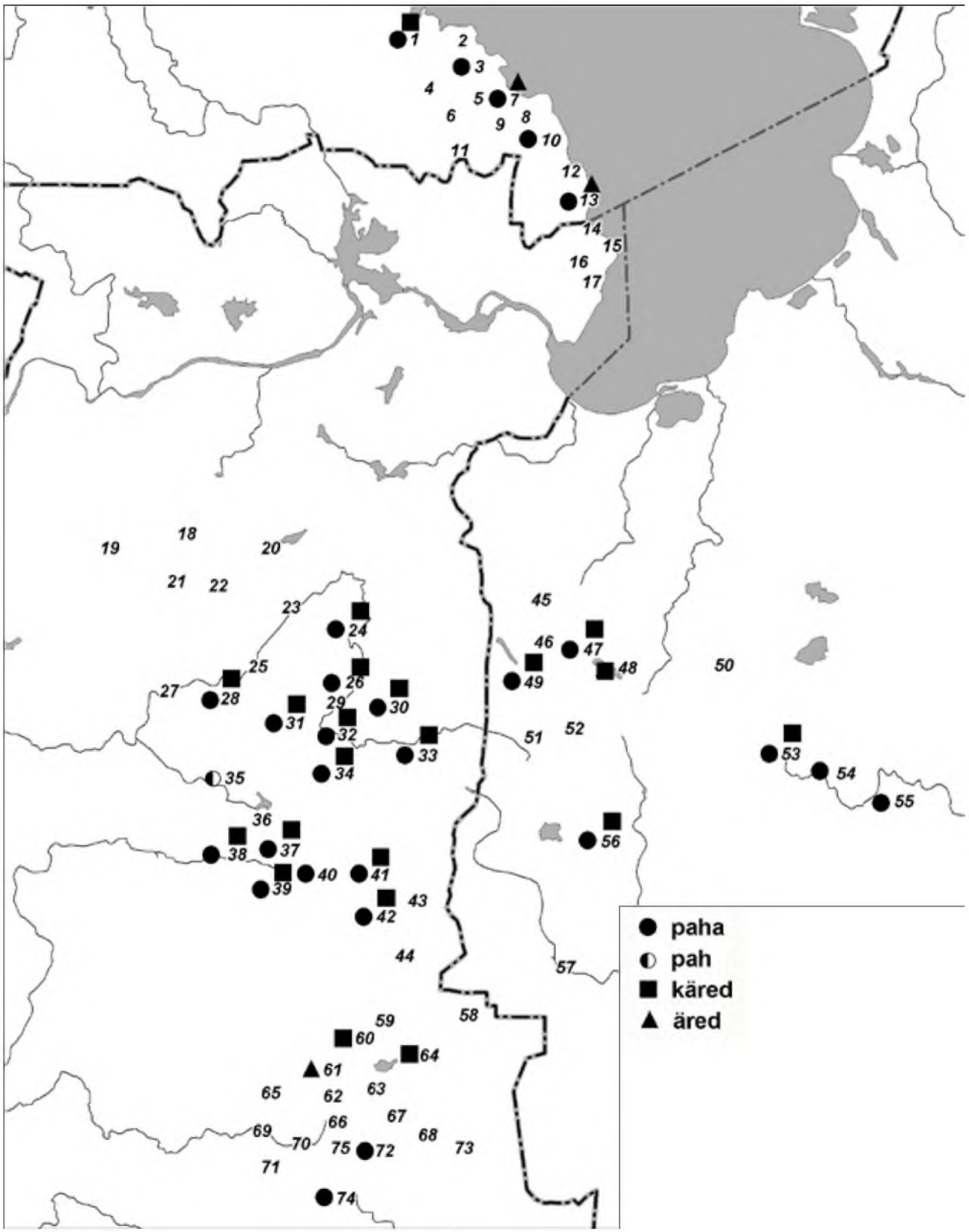
В южновепсском с. Белое Озеро (Vg) зафиксирована лексема *ahlak: ahlak verhale* 'жадный до чужого' [СВЯ: 36]. В восточновепсском п. Пондала (Pnd) с семантикой 'жадный, прожорливый, жадный до еды' выступает прилагательное *ažlak: lehm ažlak, sured supalad laindab* 'прожорливая корова, большие куски проглатывает' [СВЯ: 36]. SKES относит оба вепсских варианта *ahlak* и *ažlak* к гнезду *ahne, ahnas* 'жадный', которое, в свою очередь, восходит к древнегерманскому заимствованию [SKES: 6]. Более поздний этимологический словарь финского языка ставит под сомнение вхождение вепсских лексем в указанную этимологическую группу и дает это под знаком вопроса [SSA 2001: 54].

При заполнении вопросника информантами также были указаны русскоязычные заимствования: *skup* < рус. ‘скупой’ в северновепсском п. Рыбрека (Kl) и *zavistnee* < рус. ‘завистливый’ в южновепсском с. Прокушево (Šid).

Таким образом, в центральной части вепсского ареала в значении ‘жадный’ используются свои исконные слова — *kadeh*, на восточной и южной окраине — *ahlak, ažlak*. Наряду с ними широко употребляются и общерусские (*skup*, *zavistnee*), и диалектные русские заимствования (*aušni*), которые на почве вепсского языка претерпели некоторые фонетические изменения, свидетельствующие о встраивании слов в вепсскую лексическую систему.

О. Ю. Жукова

92 (261). Именования понятия ‘злой’

Легенда карты

1) **paha** **pah** 2) **käred** 3) **ared**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **paha**: *сев* Š, Št, Kl, Kas, Veh // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Noid, Nür, Reb, Kor, Jog, Har, Šon, Vl, Vär, Kj, Pnd, Päž, Šim // *южн* Mai, Ars
pah: *ср* En

2) **käred**: *сев* Š // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Noid, Reb, Kor, Jog, Har, Šon, Vär, Pnd, Pk, Päž, Šim // *южн* Šid, Sod

3) **ared**: *сев* Kas, Št // *южн* Čai

Цифровой индекс

1) **paha**: 1Š, 3Veh, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 32Šon, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 72Mai, 74Ars
pah: 35En

2) **käred**: 1Š, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 32Šon, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 38Jog, 39Har, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 56Päž, 60Šid, 64Sod

3) **ared**: 7Št, 13Kas, 61Čai

Список картографируемого материала

1 — paha, käred; 2 — нет сведений; 3 — paha [VV: 183, 244]; 4–6 — нет сведений; 7 — paha, ared; 8–9 — нет сведений; 10 — paha; 11–12 — нет сведений; 13 — paha, ared [СВЯ: 658]; 14–23 — нет сведений; 24 — paha, käred; 25 — нет сведений; 26 — paha, käred; 27 — нет сведений; 28 — paha, käred; 29 — нет сведений; 30–34 — paha, käred; 35 — pah; 36 — нет сведений; 37–39 — paha, käred; 40 — paha; 41–42 — paha, käred; 43–46 — нет сведений; 47 — paha [СВЯ: 390], käred [СВЯ: 263]; 48 — käred [СВЯ: 263]; 49 — paha, käred; 50–52 — нет сведений; 53 — paha, käred [СВЯ: 263]; 54–55 — paha; 56 — paha, käred; 57–59 — нет сведений; 60 — käred; 61 — ared; 62–63 — нет сведений; 64 — käred; 65–71 — нет сведений; 72 — paha; 73 — нет сведений; 74 — paha; 75 — нет сведений.

Комментарий

Для обозначения понятия ‘злой’ в диалектах вепсского языка зафиксировано три основные лексемы: *paha*, *käred* и *ared*. Наиболее распространенной, используемой во всех говорах лексемой, является прилагательное *paha*. Оно имеет общее прибалтийско-финское происхождение и в близкородственных языках несет семантическое значение ‘плохой’[SKES: 45]. Высказывается предположение о возможном древнегерманском заимствовании, лежащем в основе данного слова [SSA 1995: 286].

В д. Вонозеро (En) средневепсского ареала зафиксирован единичный случай фонетического варианта *pah,* с выпадением конечного звука, которое не является закономерным, поскольку первый слог слова краткий и открытый.

Довольно распространенной является также лексема *käred* прибалтийско-финского происхождения, предположительно дескриптивного [SSA 2001: 475]. Она чаще встречается в средне- и южновепсском ареале.

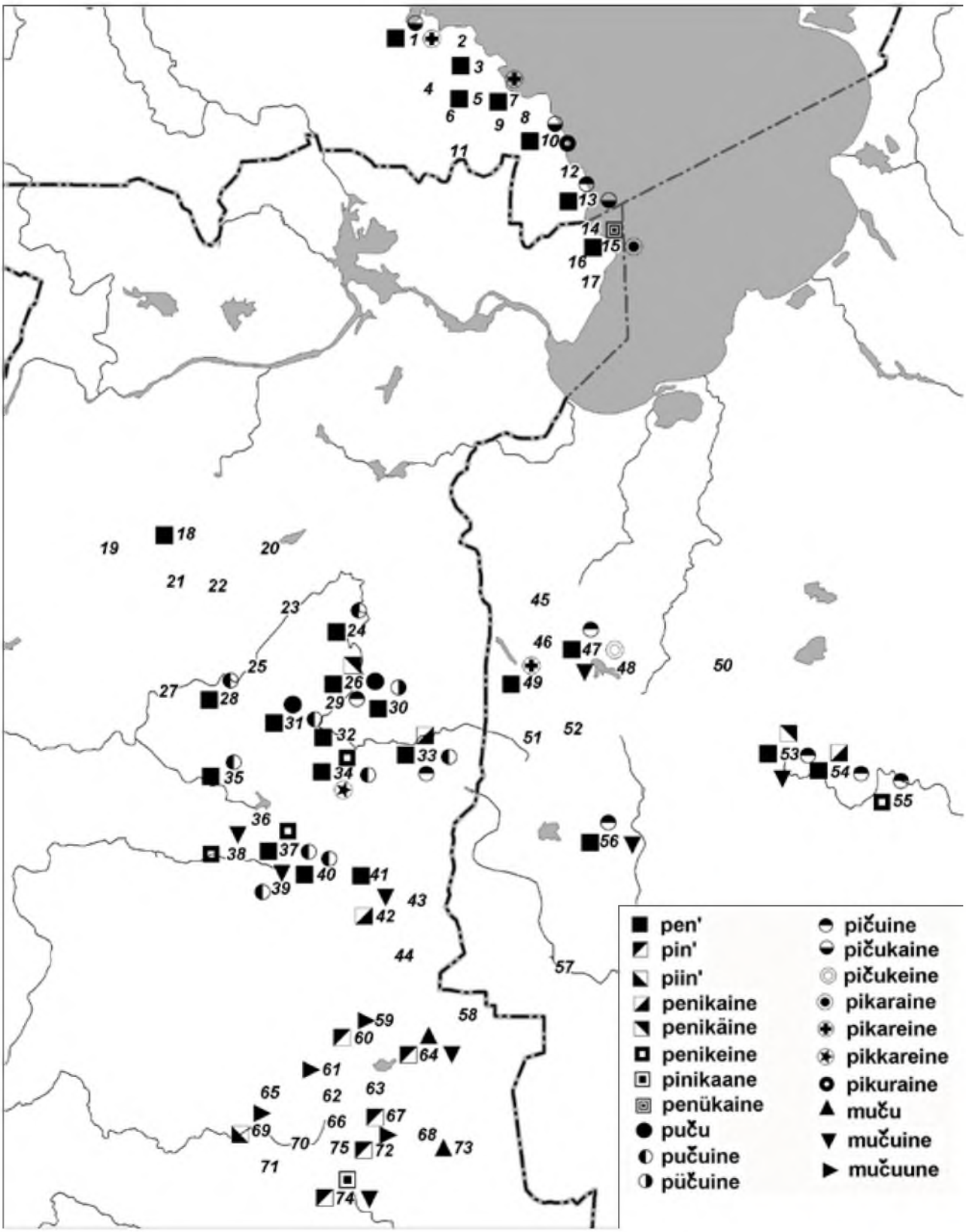
В отдельных северновепсских поселениях и южновепсской д. Чайгино (Čg) зафиксирован вариант *ared* (*äredad koirad* ‘злые собаки’), который тоже считается прибалтийско-финским дескриптивным образованием [SSA 2000: 498–499]. Здесь наблюдается крайне редкое объединение северно- и южновепсского диалектов, что свидетельствует, по всей видимости, о более широком распространении данной лексемы ранее.

Лексема *käred* имеет значение как ‘злой’, так и ‘сердитый’, что отмечалось информантами при заполнении вопросника. В данном случае существует семантическое различие в постоянно присутствующем качестве ‘злой’ (*paha*) и во вре́менном эмоциональном состоянии, в которое впадаешь: ‘сердитый’, ‘разозлившийся’ (*käred*). Кроме того, в СВЯ указывается переносное значение прилагательного *käred* ‘сильный’ (о ветре, морозе): *käred tullii* ‘сильный ветер’, *käred pakeine* ‘сильный мороз’ [СВЯ: 263], т. е. произошло расширение семантического поля прилагательного *käred*.

Таким образом, диалекты вепсского языка представляют единство в обозначении понятия ‘злой’. Три описанные лексемы *paha*, *käred* и — реже — *ared* известны всем диалектным ареалам.

О. Ю. Жукова

93 (262). Именования понятия ‘маленький’

Легенда карты

1) **pen’**
pin’
piin’
penikaine
penikäine
penikeine
pinikaane
penükaine
2) **puču**
pučuine
püčuine
pičuine
pičukaine
pičukeine
pikaraine
pikareine
pikkareine
pikuraine
3) **muču**
mučuine
mučuune

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **pen’**: *сев* Š, Veh, Krik, Št, Kl, Kas, Per, Kek // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Šon, Ladv, Mg, En, Kor, Nür, Reb, Šim, Vär, Pnd, Kj, Päž
pin’: *южн* Šid, Sod, Krl, Mai, Ars
piin’: *южн* Mas
penikaine: *ср* Ladv, Noid, Kj
penikäine: *ср* Jä, Pnd
penikeine: *ср* Mg, Jog, Vl, Kor
pinikaane: *южн* Ars
penükaine: *сев* Per
2) **puču**: *ср* Jä, Pec
pučuine: *ср* Nem, Vil, Pec, Ladv, En, Mg, Kor, Har, Nür
püčuine: *ср* Rih
pičuine: *сев* Kas // *ср* Jä, Ladv, Šim, Pnd, Kj, Päž, Vl
pičukaine: *сев* Š, Kl, Kas
pičukeine: *ср* Šim
pikaraine: *сев* Per
pikareine: *сев* Š, Št // *ср* Vär
pikkareine: *ср* Mg
pikuraine: *сев* Kl
3) **muču**: *южн* Sod, Vg
mučuine: *ср* Noid, Jog, Har, Šim, Pnd, Päž // *южн* Sod, Ars
mučuune: *южн* Šid, Čai, Mas, Mai

Цифровой индекс

1) **pen’**: 1Š, 3Veh, 5Krik,7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per, 18Kek, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 32Šon, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 40Nür, 41Reb, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 56Päž
pin’: 60Šid,64Sod, 67Krl, 72Mai, 74Ars
piin’: 69Mas
penikaine: 33Ladv, 42Noid, 54Kj
penikäine: 26Jä, 53Pnd
penikeine: 34Mg, 37Kor, 38Jog, 55Vl
pinikaane: 74Ars
penükaine: 15Per
2) **puču**: 26Jä, 31Pec
pučuine: 24Nem, 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 39Har, 40Nür
püčuine: 30Rih
pičuine: 13Kas, 26Jä, 33Ladv, 47Šim, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž
pičukaine: 1Š, 10Kl, 13Kas
pičukeine: 47Šim
pikaraine: 15Per
pikareine: 1Š, 7Št, 49Vär
pikkareine: 34Mg
pikuraine: 10Kl
3) **muču**: 64Sod, 73Vg
mučuine: 38Jog, 39Har, 42Noid, 47Šim, 53Pnd, 56Päž, 64Sod, 74Ars
mučuune: 60Šid, 61Čai, 69Mas, 72Mai

Список картографируемого материала

1 — pen’, pikareine, pičukaine [СВЯ: 412]; 2 — нет сведений; 3 — pen’ [VV: 402]; 4 — нет сведений; 5 — pen’ [VV: 276]; 6 — нет сведений; 7 — pen’, pikareine; 8–9 — нет сведений; 10 — pen’, pikuraine [СВЯ: 416], pičukaine [VV: 410]; 11–12 — нет сведений; 13 — pen’, pičukaine, pičuine [Tunkelo 1946: 322]; 14 — нет сведений; 15 — pen’ [VVS], pikaraine [СВЯ: 416], penükaine [VVS]; 16–17 — нет сведений; 18 — pen’ [ОВР: 45]; 19–23 — нет сведений; 24 — pen’, pučuine; 25 — нет сведений; 26 — pen’, penikäine [СВЯ: 407], puču [СВЯ: 435], pičuine [СВЯ: 412]; 27 — нет сведений; 28 — pen’, pučuine;

29 — нет сведений; 30 — pen', pŭčuine; 31 — pen', puču [СВЯ: 435], pučuine; 32 — pen'; 33 — pen', penikaine [ЯИН: 63], pučuine [ЯИН: 73], pičuine; 34 — pen', penikeine, pučuine, pikkareine; 35 — pen', pučuine; 36 — нет сведений; 37 — pen', pučuine, penikeine [VVS]; 38 — penikeine, mučuine; 39 — pučuine, mučuine; 40 — pen', pučuine; 41 — pen'; 42 — penikaine, mučuine; 43–46 — нет сведений; 47 — pen' [СВЯ: 407], pičuine [СВЯ: 412], pičukeine [Tunkelo 1946: 322], mučuine [СВЯ: 332]; 48 — нет сведений; 49 — pen', pikareine; 50–52 — нет сведений; 53 — pen', pičuine, penikäine [СВЯ: 407], mučuine [СВЯ: 332]; 54 — pen', penikaine, pičuine; 55 — penikeine, pičuine; 56 — pen', pičuine, mučuine; 57–59 — нет сведений; 60 — pin', mučuune; 61 — mučuune [СВЯ: 332]; 62–63 — нет сведений; 64 — pin', muču [СВЯ: 332], mučuine; 65–66 — нет сведений; 67 — pin' [СВЯ: 407]; 68 — нет сведений; 69 — piin', mučuune; 70 — нет сведений; 72 — pin', mučuune; 73 — muču [СВЯ: 332]; 74 — pin', mučuine, pinikaane [VVS]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Сбор именований понятия 'маленький' выявил большое разнообразие лексем в вепсском языке. Дескриптивно-описательные прилагательные обладают многочисленными вариантами с различными суффиксами, передавая семантические оттенки от малого, маленького до малюсенького, ничтожно малого и т. д. С точки зрения этимологии их можно разделить на три группы: 1) *pen'* и варианты; 2) *piču, pikaraine* и варианты; 3) *muču, mučuine*.

Наиболее частотной лексемой является нейтральное прилагательное *pen'*, функционирующее активно и в родственных языках в качестве праприбалтийско-финского наследия, где, в свою очередь, могло появиться как заимствование из германских языков [SSA 1995: 348]. В северно- и средневепсском диалектах данное прилагательное чаще всего и выступает в форме *pen'*. В южновепсском ареале произошло фонетическое изменение гласного звука внутри слова, в результате появился вариант *pin'*, и, кроме того, единично зафиксированный вариант с удлинением гласной ***i*** — *piin'* в п. Маслово (Mas). Подобные звукопереходы более характерны для *ü* > *i**. Однако некоторым говорам вепсского языка известен и обратный переход *i* > *u(ü)* в первом слоге [Tunkelo 1946: 565], что наложило еще больший отпечаток на разнообразие звукового облика лексики данного семантического круга.

От односложного прилагательного *pen'* с помощью диминутивного суффикса *-kaine* образована лексема *penikaine*, относящаяся к средневепсским говорам с фонетическими вариантами *penikäine*, *penikeine* (***ai*** > ***ei***), южновепсским соответствием является *penikaane* (***ai*** > ***aa***).

Гнездо слов *piču/puču*, скорее всего, можно связать с этимологическим гнездом *piskuinen* [SSA 1995: 375]. Разнообразие вепсских вариантов здесь также велико: в него вмешались, кроме диминутивных образований, еще варианты с чередованием ***i/u***: ***pi**ču, **pi**čuine — **pu**ču, **pu**čuine*, о котором речь уже шла выше. В результате в диалектах языка вепсов отмечены: *puču, pučuine, pŭčuine, pičuine, pičukaine, pičukeine, pikaraine, pikareine, pikkareine, pikuraine*, а их функционирование не привязано к определенным диалектным ареалам, о чем свидетельствует и их отражение на лингвистической карте.

Южновепсский и средневепсский ареалы представлены лексемой из другого этимологического гнезда: прилагательным *muču* 'маленький' и его диминутивной формой *mučuine* ~ *mučuune***. SKES относит вепсское *muču*, *mučuine* к гнезду *mutso, mutsu, mutšoi* 'молодая женщина, хозяйка' [SKES: 354], что выглядит вполне понятным в сравнении, например, с семантикой карельско-ливвиковской лексемы *mučoi* 'молодая женщина, молодая жена', т. е. наиболее «маленькая» в семье. Правда, SSA ставит под сомнение принадлежность прилагательного к указанной группе [SSA 1995: 184–185], других же версий для вепсской лексемы не выдвинуто.

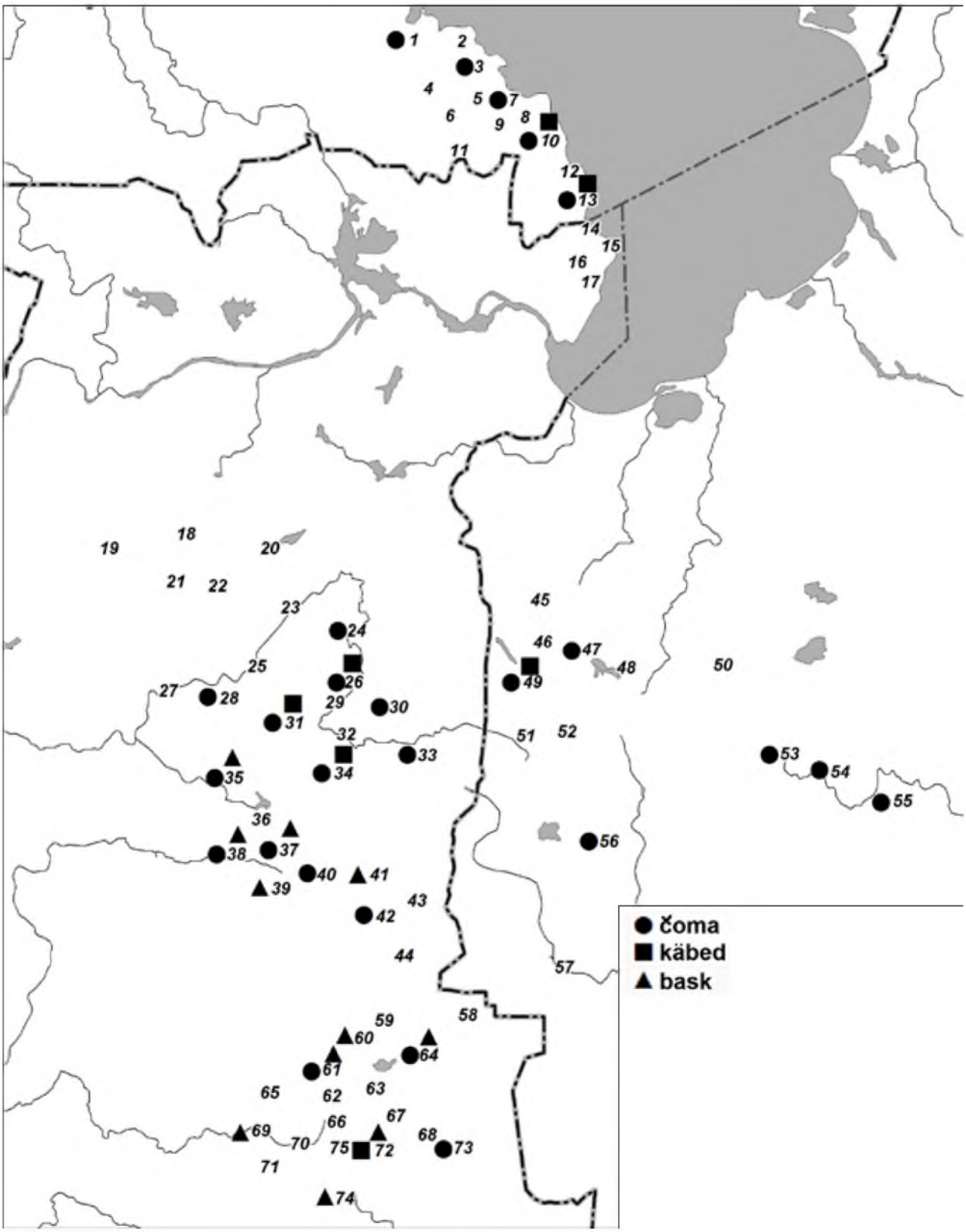
Таким образом, общей и наиболее нейтральной для всего вепсского ареала лексемой со значением 'маленький' является прилагательное *pen'*, южновепсское *pin' (piin')*. Прилагательные с семантикой 'маленький' оказались особенно продуктивными в образовании многочисленных диминутивных форм (*penikaine, pikaraine, pičuine, pičukaine* и т. д.), поскольку были нацелены на обозначение малого размера предмета или явления, к чему иногда подключается и эмоциональная составляющая, особенно, когда речь идет о детях. Язык создает формы, возможно, основанные на некоем «лепетании» с ребенком, позволяя образовывать все новые и новые производные, которые чаще всего не обладают диалектной привязкой.

О. Ю. Жукова

* См. 4 карту ЛАВЯ.

** Для южновепсского диалекта характерны долгие гласные вторичного происхождения, в русле чего закономерен переход *ui* > *uu*.

94 (265). Именования понятия ‘красивый’

Легенда карты

1) **čoma**
2) **käbed**
3) **bask**

Расшифровка легенды карты

1) **čoma**: *сев* Kas, Kl, Št, Š, Veh // *ср* Päž, Kj, Pnd, Vl, Vär, Šim, Rih, En, Kor, Ladv, Mg, Nem, Noid, Nür, Jä, Pec, Jog, Vil // *южн* Čai, Sod, Vg
2) **käbed**: *сев* Kas, Kl // *ср* Vär, Mg, Jä, Pec // *южн* Mai
3) **bask**: *ср* En, Reb, Jog, Har, Kor // *южн* Mas, Mai, Šid, Ars, Sod, Čai

Цифровой индекс

1) **čoma**: 1Š, 3Veh, 7Št, 10Kl, 13Kas,24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 40Nür, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž , 61 Čai, 64Sod, 73Vg
2) **käbed**: 10Kl, 13Kas, 26Jä, 31Pec, 34Mg, 49Vär, 72Mai
3) **bask**: 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 41Reb, 60Šid, 61Čai, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — čoma; 2 — нет сведений; 3 — čoma [VV: 136] ‘красивый’; 4–6 — нет сведений; 7 — čoma, käbed ‘милый’ (напр., käbed lindi̯ine ‘ласточка’); 8–9 — нет сведений; 10 — čoma, käbed; 11–12 — нет сведений; 13 — čoma, käbed; 14–23 — нет сведений; 24 — čoma; 25 — нет сведений; 26 — čoma, käbed; 27 — нет сведений; 28 — čoma (käbed ‘красный и красивый’); 29 — нет сведений; 30 — čoma; 31 — čoma, käbed; 32 — нет сведений; 33 — čoma; 34 — čoma, käbed; 35 — čoma, baski; 36 — нет сведений; 37 — čoma, bask; 38 — čoma, bask; 39 — bask, (čoma ‘хороший’, käbed ‘красный’); 40 — čoma; 41 — bask; 42 — čoma (käbed ‘красный’ [VVS]); 43–46 — нет сведений; 47 — čoma; 48 — нет сведений; 49 — čoma, käbed; 50–52 — нет сведений; 53 — čoma; 54 — čoma; 55 — čoma; 56 — čoma; 57–59 — нет сведений; 60 — bask; 61 — čoma [VV: 112, 136; СВЯ: 259], bask [СВЯ: 42]; 62–63 — нет сведений; 64 — bask, čoma [VV: 137]; 65–68 — нет сведений; 69 — bask; 70–71 — нет сведений; 72 — käbed, bask, (čoma ‘хороший’); 73 — čoma [СВЯ: 61]; 74 — bask; 75 — нет сведений.

Комментарий

Понятие ‘красивый’ в диалектах вепсского языка выражается тремя разными лексемами: *čoma*, *käbed*, *bask*. Одна из них *bask* является русским заимствованием. Данная диалектная лексема исключительно популярна в русских народных говорах [СРНГ 1966: 132–134]. В словаре В. И. Даля она дана в том числе в формах *баской*, *басливый* в значении ‘красивый, красный, видный, пригожий’ (*баской парень* ‘щеголь, франт’), очевидно, являясь производной от существительного *баса* ‘краса, пригожество, нарядность’ [Даль 1955: 52]. У слова обнаруживаются широкие славянские и индоевропейские корни, которые, по мнению этимологов, недостаточно надежны и требуют дальнейших изысканий [Аникин 2008: 242].

Лексема *bask* наиболее продуктивна в южновепсских говорах. Она же фиксируется и по юго-западным окраинам средневепсского ареала (Har, Jog, Reb, Kor), свидетельствуя о тесных связях соседствующих групп русского и вепсского населения.

Для средне- и северновепсского ареала наиболее характерно прилагательное *čoma*. Оно входит в прибалтийско-финское гнездо *soma* ‘милый, приятно выглядящий’ и могло быть заимствованным еще из древнегерманских языков [SKES: 1068; SSA 3: 197]. Отметим, что во многих говорах вепсского языка лексема *čoma* приобрела значение не только ‘красивый’, но и ‘хороший’. В отдельных случаях эти значения невозможно разграничить, иногда же информанты сами уточняли значения, и их замечания указаны в списке картографируемого материала. Поскольку лингвистическая карта демонстрирует распространение лексемы в определенном значении, то на карту нанесены те материалы, из которых явствует, что в данном пункте имеется в виду именно значение ‘красивый’. Список картографируемого материала дополняет и иные пункты, где она зафиксирована в значении ‘хороший’.

В некоторых пунктах в картографируемом значении употребительна лексема *käbed*.

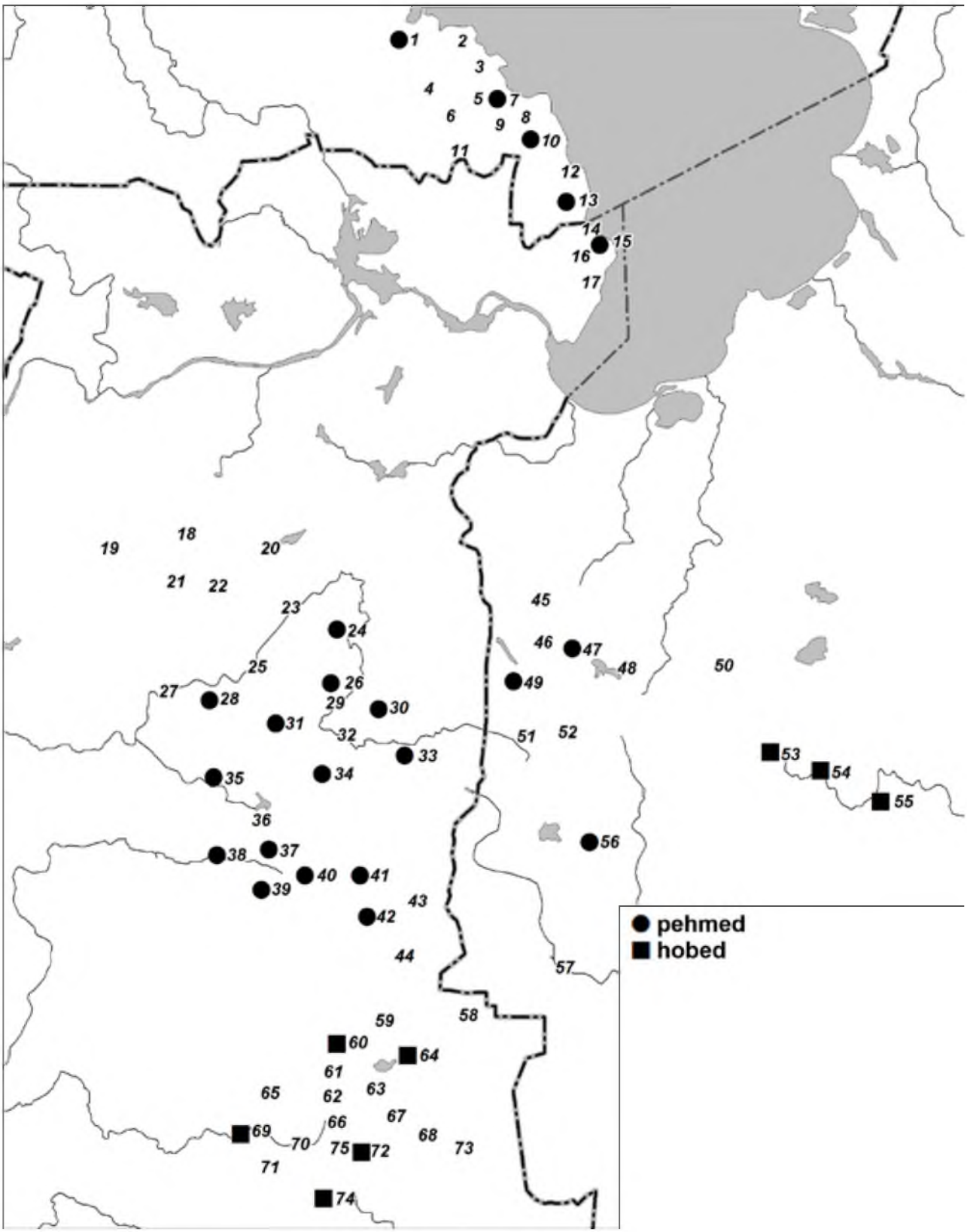
Прилагательное имеет несколько семантических вариантов: *käbed modho* (Sod) ‘красивый на лицо’, *käbed päiv* (Vg) ‘погожий, ясный день, *käbed paik* (Pnd) ‘красный платок’ [СВЯ: 259]. Слово известно всем трем диалектам вепсского языка. Оно отчасти стало элементом фольклора, будучи особенно востребованным в языке плачей, где выступает в роли эпитета, несущего эмоционально-положительную семантику и поддерживающего аллитерацию с определяемым словом: ***k**äbed **k**ezaine* ‘красное, погожее летушко’, ***k**äbed **k**ägoihut* ‘красная, милая кукушечка’, ***k**äbed **k**ädut* ‘милая, красивая ручень-ка’. Прилагательное *käbed* входит в прибалтийско-финское гнездо *käpeä* ‘миловидный, красивый; быстрый, проворный’. Предполагается дескриптивное происхождение лексемы и ее возможная связь с прилагательным *kepeä* ‘легкий’ [SSA 1992: 473–474].

В собранном для карты материале проявились как вепсско-русские контакты на уровне общения с представителями русских народных говоров (заимствование лексемы *bask*), которые оказались наиболее характерными для южновепсского региона и соседствующих с ним средневепсских западных (прежде всего, так называемых переходных) говоров, так и своеобразное распределение лексем по семантическим группам. Лексема *čoma* является общей для всего вепсского языка, кое-где приобретя значение ‘хороший’. В свою очередь, лексема *käbed* обнаруживает тенденцию к сужению сферы употребления, и ее значение все более конкретизируется на цвете (красный, алый). Возможно, этому сужению содействовало ее использование в языке фольклора, а именно — в языке вепсских народных причитаний. Причитания стали редким жанром, покидающим живую сферу употребления, их знатоков найти уже исключительно сложно. Тем не менее в собранном для атласа материале она представлена даже более широко, нежели в СВЯ, где совсем не отмечена в северновепсском ареале [СВЯ: 259].

О. Ю. Жукова, Н. Г. Зайцева

Прилагательные общего характера

95 (266). Именования понятия ‘мягкий’

Легенда карты

1) **pehmed** 2) **hobed**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **pehmed**: *сев* Š, Št, Kl, Kas, Per // *ср* Nem, Pec, Jä, Vil, Rih, En, Ladv, Mg, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Šim, Vär, Päž

2) **hobed**: *ср* Pnd, Kj, Vl // *южн* Mai, Mas, Šid, Ars, Sod

Цифровой индекс

1) **pehmed**: 1Š; 7Št; 10Kl; 13Kas; 15Per; 24Nem; 26Jä; 28Vil; 30Rih; 31Pec; 33Ladv; 34Mg; 35En; 37Kor; 38Jog, 39Har; 40Nür; 41Reb; 42Noid; 47Šim; 49Vär; 56Päž

2) **hobed**: 53Pnd; 54Kj; 55Vl; 60Šid; 64Sod; 69Mas; 72Mai; 74Ars

Список картографируемого материала

1 — pehmed; 2–6 — нет сведений;7 — pehmed; 8–9 — нет сведений; 10 — pehmed; 11–12 — нет сведений; 13 — pehmed; 14 — нет сведений; 15 — pehmed [VVS]; 16–23 — нет сведений; 24 — pehmed; 25– нет сведений; 26 — pehmed; 27 — нет сведений; 28 — pehmed; 29 — нет сведений; 30 — pehmed; 31 — pehmed; 32 — нет сведений; 33 — pehmed; 34 — pehmed; 35 — pehmed; 36 — нет сведений; 37 — pehmed; 38 — pehmed; 39 — pehmed; 40 — pehmed; 41 — pehmed; 42 — pehmed; 43–46 — нет сведений; 47 — pehmed; 48 — нет сведений; 49 — pehmed; 50–52 — нет сведений; 53 — hobed; 54 — hobed; 55 — hobed; 56 — pehmed; 57–59 — нет сведений; 60 — hobed; 61–63 — нет сведений; 64 — hobed; 65–68 — нет сведений; 69 — hobed; 70–71 — нет сведений; 72 — hobed;73 — нет сведений; 74 — hobed; 75 — нет сведений.

Комментарий

В значении ‘мягкий’, т. е. ‘легко поддающийся давлению, эластичный’ в вепсском языке используются всего два прилагательных: *pehmed* и *hobed*.

Наиболее употребительна лексема *pehmed*, которая считается прибалтийско-финской по происхождению, относящейся к дескриптивному слою слов [SSA 1995: 328]. Она объединяет все средневепсские западные говоры и северновепсский диалект.

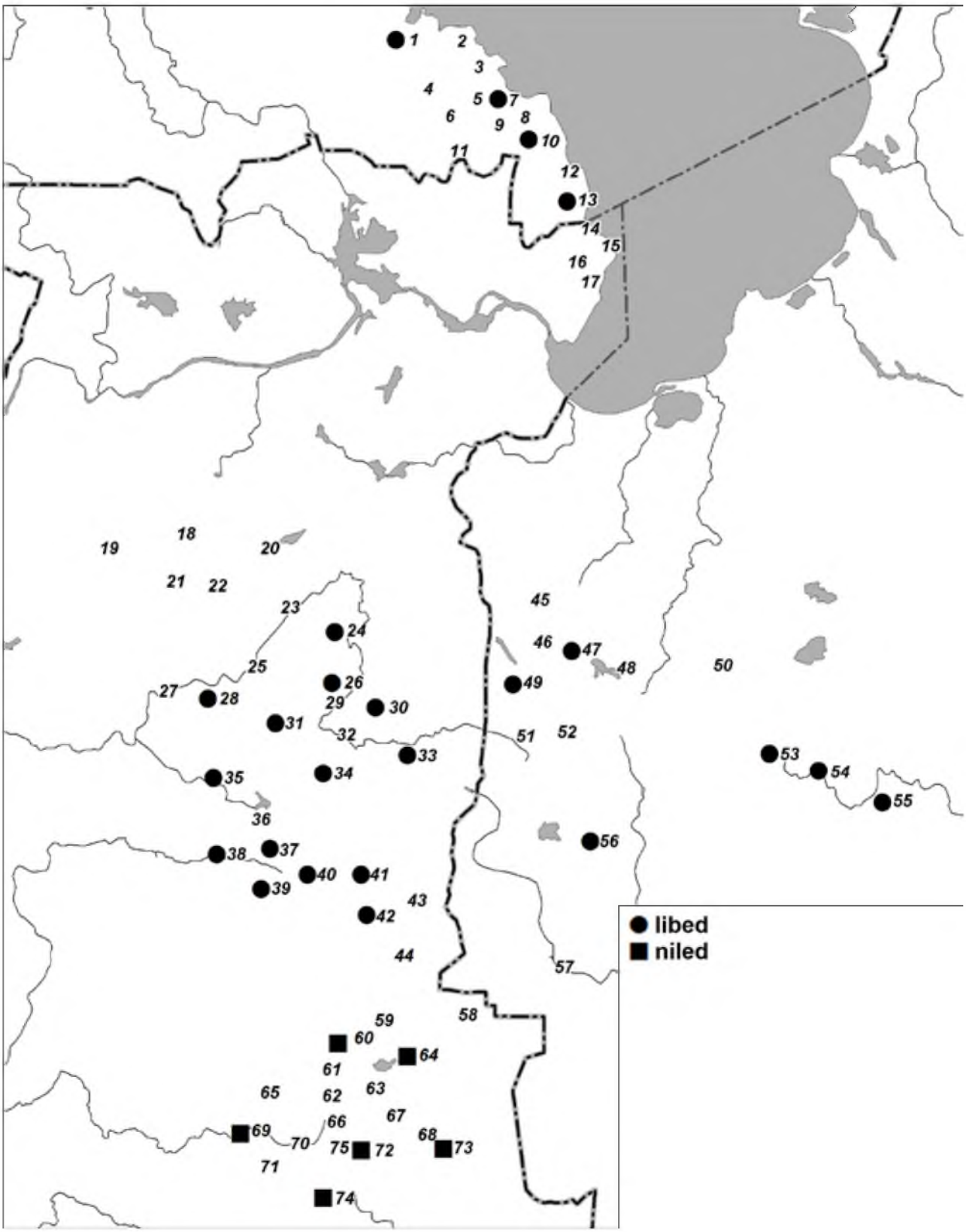
Лексема же *hobed* не столь продуктивна. В нашем случае собранные в полевых условиях по вопроснику в 2013–2014 годах материалы противоречат СВЯ который относительно лексемы *hobed* сообщает, что она широко известна в диалектах вепсского языка в значении ‘мягкий’, поскольку содержит помету Р — Št (Пондала — Шелтозеро) как свидетельство повсеместного употребления данной лексемы. При этом в иллюстрациях к слову имеются только примеры из восточновепсского п. Пондала (Pnd). Сбор материала по вопроснику ЛАВЯ в полевых условиях показал, что в значении ‘мягкий’ данное слово встречается только в южновепсском диалекте и белозерских восточновепсских говорах.

Лексема *hobed* (фин. *hopea*) имеет прибалтийско-финское происхождение, и ее основное значение ‘серебро’ свойственно всем родственным языкам [SSA 1992: 172]. SSA приводит и соответствие данной лексемы в саамском языке (*suohpē*), где ее основное значение ‘мягкий, гибкий’ [SSA 1992: 172], совпадающее с южновепсским и восточновепсским. При этом, по мнению этимологов, значение ‘мягкий’ и является первоначальным значением лексемы, обладающей в вепсском языке формой *hobed* [Häkkinen 2007: 208–209]. В карельских наречиях, судя по данным словарей, подобное значение у лексемы *hopie ~ hobju* отсутствует; она употребляется, как и в других прибалтийско-финских языках, а также и в говорах северных и западных вепсов лишь в значении ‘серебро’.

Таким образом, южновепсский диалект и белозерские восточновепсские говоры демонстрируют единство, свидетельствуя об общности неких этноязыковых процессов, а также в данном случае о сохранении древнего значения слова *hobed*, свойственного, кроме указанных вепсских пунктов, еще и саамскому языку.

Н. Г. Зайцева

96 (267). Именования понятия ‘скользкий’

Легенда карты

1) **libed** 2) **niled**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **libed**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, En, Mg, Ladv, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Šim, Vär, Pnd, Kj, Vl, Päž

2) **niled**: *южн* Šid,Mai, Mas; Ars, Sod, Vg

Цифровой индекс

1) **libed**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec,33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž

2) **niled**: 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 73Vg, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — libed; 2–6 — нет сведений; 7 — libed; 8–9 — нет сведений; 10 — libed; 11–12 — нет сведений; 13 — libed; 14–23 — нет сведений; 24 — libed; 25 — нет сведений; 26 — libed; 27– нет сведений; 28 — libed; 29 — нет сведений; 30–31 — libed; 32 — нет сведений; 33–35 — libed; 36 — нет сведений; 37–42 — libed; 43–46 — нет сведений; 47 — libed; 48 — нет сведений; 49 — libed; 50–52 — нет сведений; 53–56 — libed; 57–59 — нет сведений; 60 — niled; 61–63 — нет сведений; 64 — niled; 65–68 — нет сведений; 69 — niled; 70–71 — нет сведений; 72 — niled; 73 — niled [СВЯ: 359]; 74 — niled; 75 — нет сведений.

Комментарий

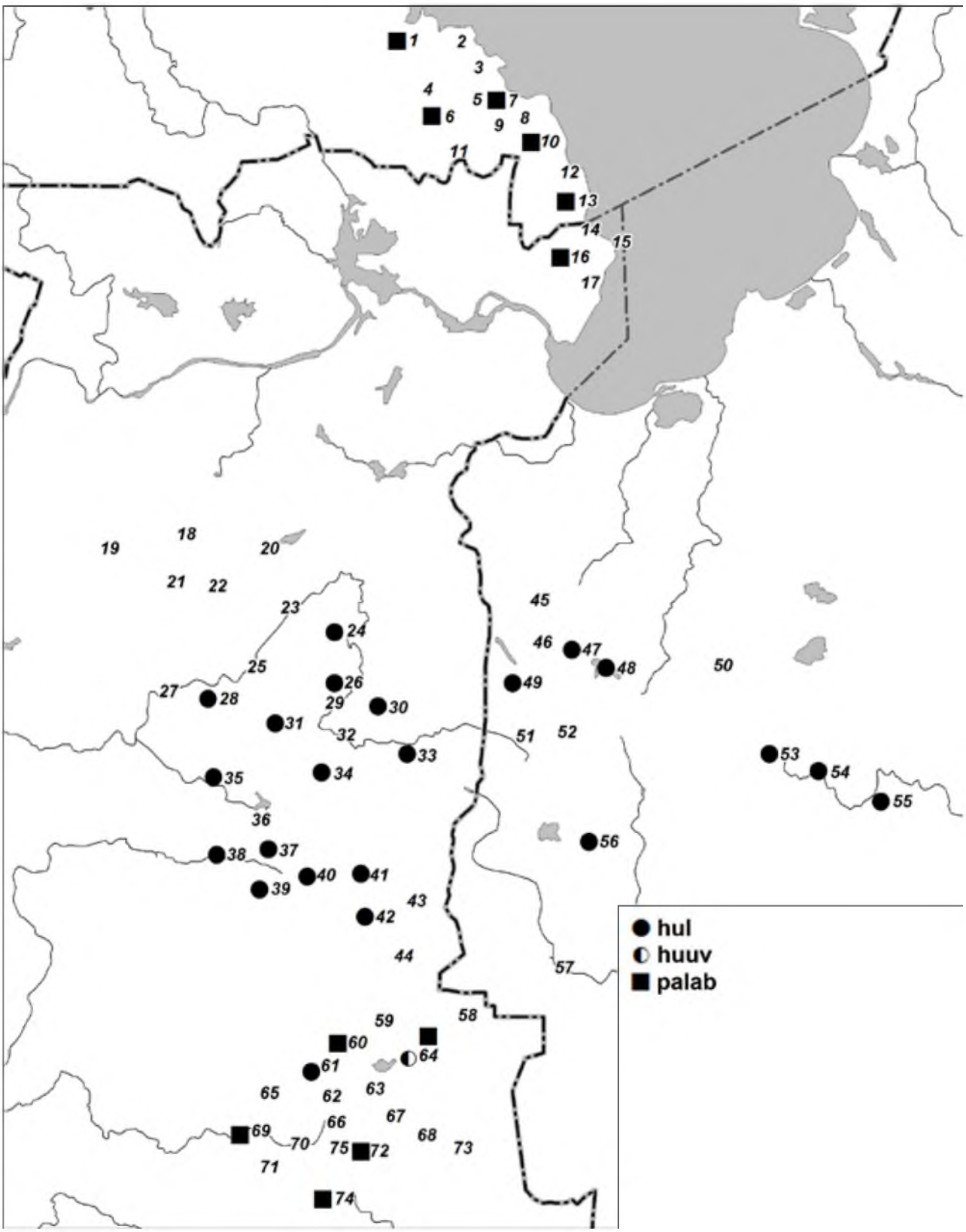
Значение ‘скользкий’ (или ‘совершенно гладкий’) делит вепсский язык на две неравные группы говоров: для всех северновепсских и средневепсских говоров характерна лексема *libed*, для южновепсских *niled.*

Прилагательное *libed* является прибалтийскофинским, входящим в этимологическое гнездо дескриптивных слов, таких как *lipeä, liukas* т. д. [SSA 1995: 80], известных всем родственным языкам в значении ‘скользкий’.

Прилагательное *niled* входит в другое этимологическое гнездо: *nila* ‘камбий; слизь, слюна’, — которое обладает соответствиями не только в близкородственных, но и в дальнородственных финно-угорских языках [SSA 1995: 221]. В вепсском языке также употребляется и существительное *nila* ‘ил, слизь; скользкий слой под корой дерева’ [СВЯ: 359], из которого могло развиться значение ‘скользкий’, что и произошло в южновепсском диалекте. Южновепсский диалект вносит этой инновацией свой особый нюанс в развитие лексики вепсского языка.

Н.Г. Зайцева

97 (269). Именования понятия ‘горячий’

Легенда карты

1) **hul**
huuv

2) **palab**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **hul**: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Kor, Reb, Nür, Noid, En, Jog, Har, Šim, Pk, Vär, Pnd, Kj, Vl, Päž // *южн* Čai
huuv: *южн* Sod
2) **palab**: *сев* S, Van, Št, Kl, Kas, Him // *южн* Mai, Mas, Šid, Sod, Ars

Цифровой индекс

1) **hul**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 61Čai
huuv: 64Sod
2) **palab**: 1Š, 6Van, 7Št, 10Kl, 13Kas, 16Him, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — palab; 2–5 — нет сведений; 6 — palab [VV: 506]; 7 — palab; 8–9 — нет сведений; 10 — palab; 11–12 — нет сведений; 13 — palab; 14–15 — нет сведений; 16 — palab [VV: 467]; 17–23 — нет сведений; 24 — hul; 25 — нет сведений; 26 — hul; 27 — нет сведений; 28 — hul; 29 — нет сведений; 30 — hul; 31 — hul; 32 — нет сведений; 33 — hul; 34 — hul; 35 — hul; 36 — нет сведений; 37 — hul; 38 — hul; 39 — hul; 40 — hul; 41 — hul; 42 — hul; 43–46 — нет сведений; 47 — hul; 48 — hul [СВЯ: 133]; 49 — hul; 50–52 — нет сведений; 53 — hul; 54 — hul; 55 — hul; 56 — hul; 57–59 — нет сведений; 60 — palab; 61 — hul [СВЯ: 133]; 62–63 — нет сведений; 64 — palab, huuv [СВЯ: 136]; 65–68 — нет сведений; 69 — palab; 70–71 — нет сведений; 72 — palab; 73 — нет сведений; 74 — palab; 75 — нет сведений.

Комментарий

Понятие ‘горячий’, т.е. ‘имеющий высокую температуру’, в языке вепсов обозначается двумя лексемами: *hul* и *palab*.

Прилагательное *palab* — адъективизированное причастие настоящего времени. Подобная модель образования причастий презенса в вепсском языке в настоящее время отсутствует. Можно назвать, очевидно, еще несколько подобных причастий, также ставших прилагательными: *eläb* ‘живой’, *tutab* ‘знакомый’, *tetab* ‘известный’. На место бывших подобных причастий в вепсском языке пришли причастия агента с суффиксом *-(i)i*: *eläi* ‘живущий’, *palai* ‘горящий’, *tegii* ‘делающий’ и т.д. Таким образом, лексема *palab* и другие аналогичные образования перешли в разряд прилагательных. Лексема *palab* представлена в речи северных и южных вепсов. Это тот редкий случай, когда практически две полярные по разным признакам группы вепсов объединяются в употреблении одной и той же лексемы.

В этимологическом плане очевидно, что данная лексема образована от глагола, словарная форма которого на почве вепсского языка сейчас звучит как *palada* ‘гореть’ и который возводится этимологами к уральскому пласту слов [SSA 1995: 298].

Прилагательное *hul* — это средневепсская лексема, которая в данном случае объединяет и восточные, и западные группы говоров. В южновепсских она была отмечена лишь письменными источниками в двух пунктах: Чайгино (Čai) и Сидорово (Sod).

Авторы SKES под знаком вопроса связывали прилагательные *hul* ~ *huuv* с лексическим гнездом *hullata* ‘испортить; повредить (сухой погодой, сильным ветром) урожай, когда зерно в полной мере не появится; высохнуть раньше времени и т.д.’ [SKES 1955: 85]. Более поздний этимологический словарь подобную этимологию считает маловероятной [SSA 2001: 182].

Предположительно прилагательное *hul* может быть связано по происхождению с глаголом, который в вепсском языке имеет вид *huududa* (< **hulduda* ‘нагреваться, накаляться’; *huudutada* ‘накалять, нагревать’ [СВЯ: 136]). В южновепсском диалекте со значением ‘горячий’ зафиксирована форма прилагательного *huuv*, свидетельствуя о несколько иной фонетической огласовке по сравнению с *hul*. Наличие долгого гласного в южновепсском слове указывает на то, что ранее и здесь первый слог

оканчивался на ***-l***, который вокализовался* и вошел в состав долгого монофтонга.

Можно полагать, что прилагательное *hul*, принимая во внимание южновепсскую форму *huuv*, также является бывшей формой причастия, как и *palab*: *huuv* < **hulv* < **hulva* < **huleva* < **huleβa* ‘накаляющийся’. Правда, здесь сложно объяснить наличие согласного ***-v*** на конце формы. По всем правилам развития вепсского языка здесь должен был быть ***-b*** (см. о ***b/v*** в конце причастий [Tunkelo 1946: 213]). Источником для образования причастия должен был быть в этом случае некий четырехсложный глагол типа нынешнего *huudutada*, а само прилагательное с течением времени из-за различного рода выпадений согласных и гласных звуков могло приобрести стяженный вид.

В целом современное прилагательное *hul* является своеобразной вепсской инновацией, возникшей в центре вепсского ареала и унаследованной всеми средневепсскими говорами, но отсутствующей в родственных языках.

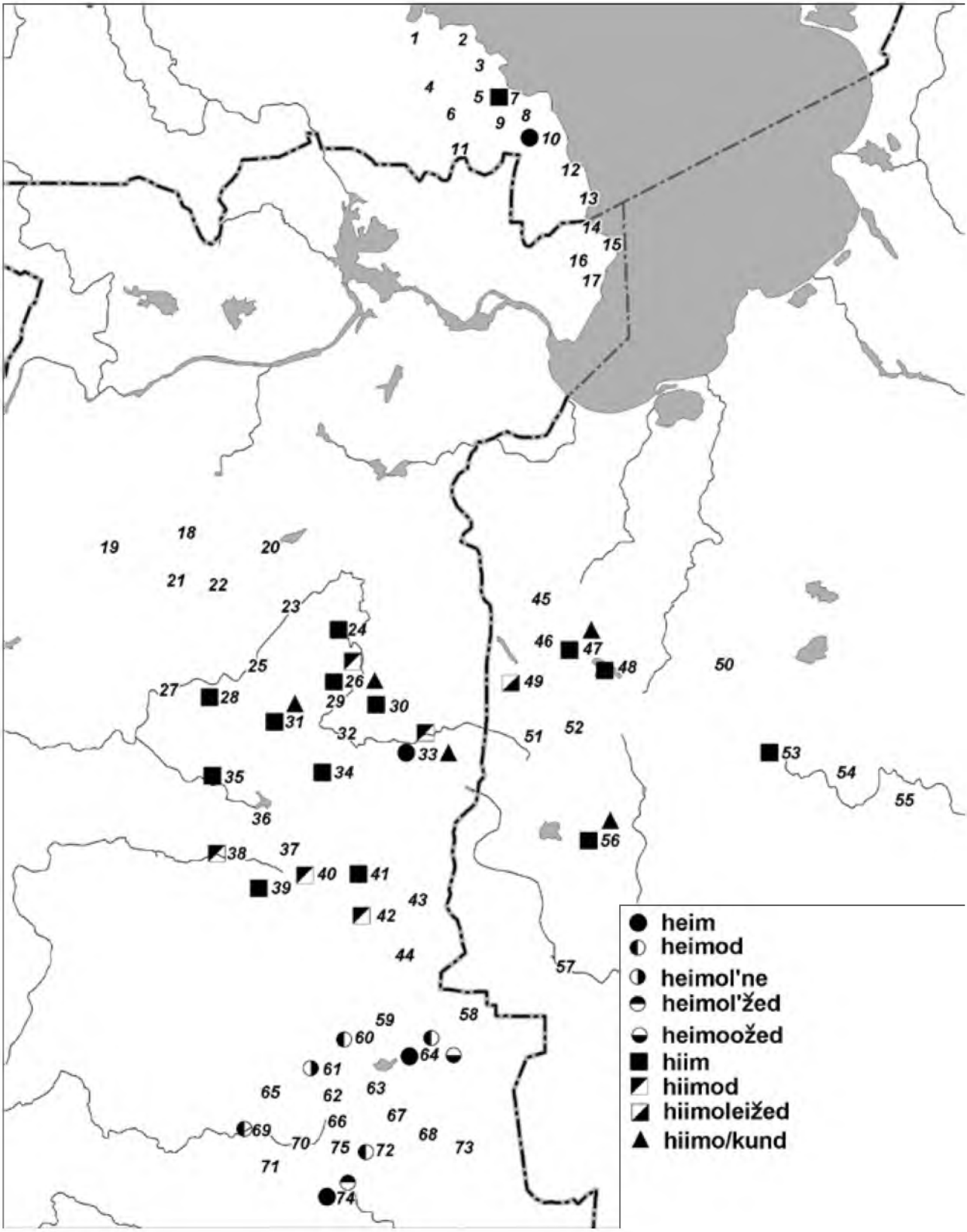
Н.Г. Зайцева

* Таких случаев в южновепсском диалекте на самом деле немало, например: *netii peedoo* AdesSing — ср. северновепс.: *necil pöudol* ‘на этом поле’; *haag* NomSing ‘дрова; полено’; ср. средневепс. *haug*; фин. *halko* и т.д.

Родственные отношения

98 (272). Именования понятия ‘родня’

98а (272а). Употребление лексем с основой heim-/hiim-

Легенда карты

1) **heim**
heimod
heimol’ne
heimol’žed
heimoožed

2) **hiim**
hiimod
hiimoleižed
3) **hiimo/kund**

Расшифровка легенды картыпо диалектам

1) **heim**: *сев* Kl // *ср* Ladv // *южн* Ars, Sod
heimod: *южн* Sod, Šid, Mas, Mai
heimol’ne *южн* Čai
heimol’žed: *южн* Ars
heimoožed: *южн* Sod

2) **hiim**: *сев* Št // *ср* Mg, Jä, Nem, Pec, Rih, Vil, En, Har, Reb, Päž, Pk, Šim, Pnd
hiimod: *ср* Ladv, Jä, Nür, Noid, Jog
hiimoleižed: *ср* Vär
3) **hiimo/kund**: *ср* Jä, Ladv, Pec, Päž, Šim

Цифровой индекс

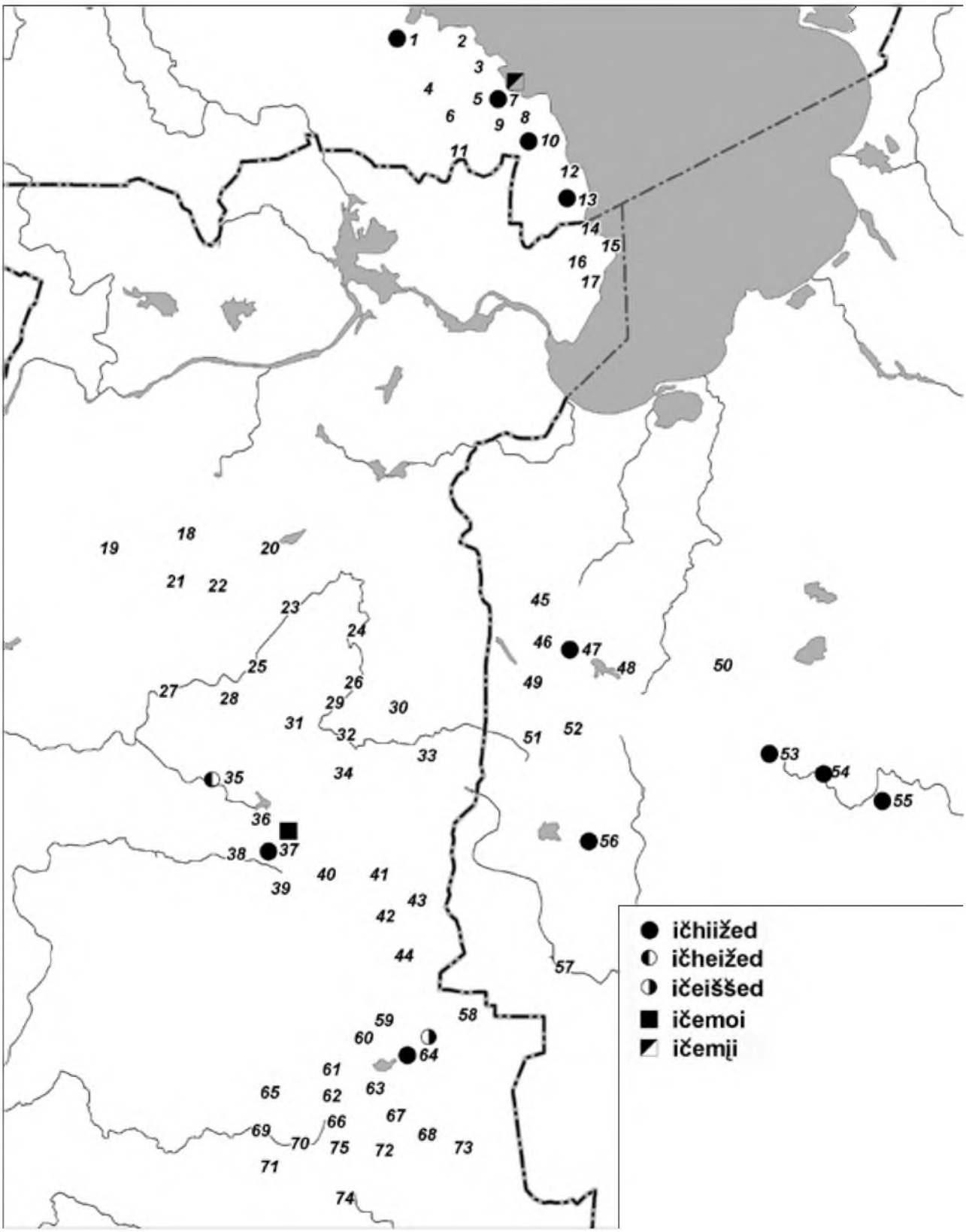
1) **heim**: 10 Kl, 33Ladv, 64Sod, 74Ars
heimod: 60Šid, 64Sod,69Mas,72Mai
heimol’ne 61Čai
heimol’žed: 74Ars
heimoožed: 64Sod

2) **hiim**: 7Št, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 34Mg, 35En, 39Har, 41Reb, 47Šim, 48Pk, 53Pnd, 56Päž
hiimod: 26Jä, 33Ladv, 38Jog, 40Nür, 42Noid
hiimoleižed: 49Vär
3) **hiimo/kund**: 26Jä, 31Pec, 33Ladv, 47Šim, 56Päž

Список картографируемого материала

1–6 — нет сведений; 7 — hiim; 8–9 — нет сведений; 10 — heim [VVS]; 11–23 — нет сведений; 24 — hiim; 25 — нет сведений; 26 — hiim [СВЯ: 119], hiimod, hiimokund [СВЯ: 119]; 27 — нет сведений; 28 — hiim; 29 — нет сведений; 30 — hiim; 31 — hiim, hiimokund [СВЯ: 119]; 32 — нет сведений; 33 — hiimod, heim [СВЯ: 119], hiimokund [СВЯ: 119]; 34–35 — hiim; 36–37 — нет сведений; 38 — hiimod; 39 — hiim; 40 — hiimod; 41 — hiim; 42 — hiimod; 43–46 — нет сведений; 47 — hiim [СВЯ: 119], hiimokund [СВЯ: 119]; 48 — hiim; 49 — hiimoleižed; 50–52 — нет сведений; 53 — hiim [СВЯ: 119]; 54–55 — нет сведений; 56 — hiim, hiimokund [СВЯ: 119]; 57–59 — нет сведений; 60 — heimod; 61 — heimol’ne [VVS]; 62–63 — нет сведений; 64 — heim, heimod, heimoožed [СВЯ: 112]; 65–68 — нет сведений; 69 — heimod; 70–71 — нет сведений; 72 — heimod; 73 — нет сведений; 74 — heim, heimol’žed [СВЯ: 112]; 75 — нет сведений.

98b (272b). Употребление лексем с основой іč-

Легенда карты

1) **ičhiižed**
ičhežed
ičeišišed

2) **ičemoi**
ičemįi

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **ičhiižed**: *сев* Kas, Kl, Š, Št // *ср* Kor, Šim, Pnd, Kj, Vl, Päž // *южн* Sod
ičheižed: *ср* En
ičeiššed: *южн* Sod

2) **ičemoi**: *ср* Kor
ičemįi: *сев* Št

Цифровой индекс

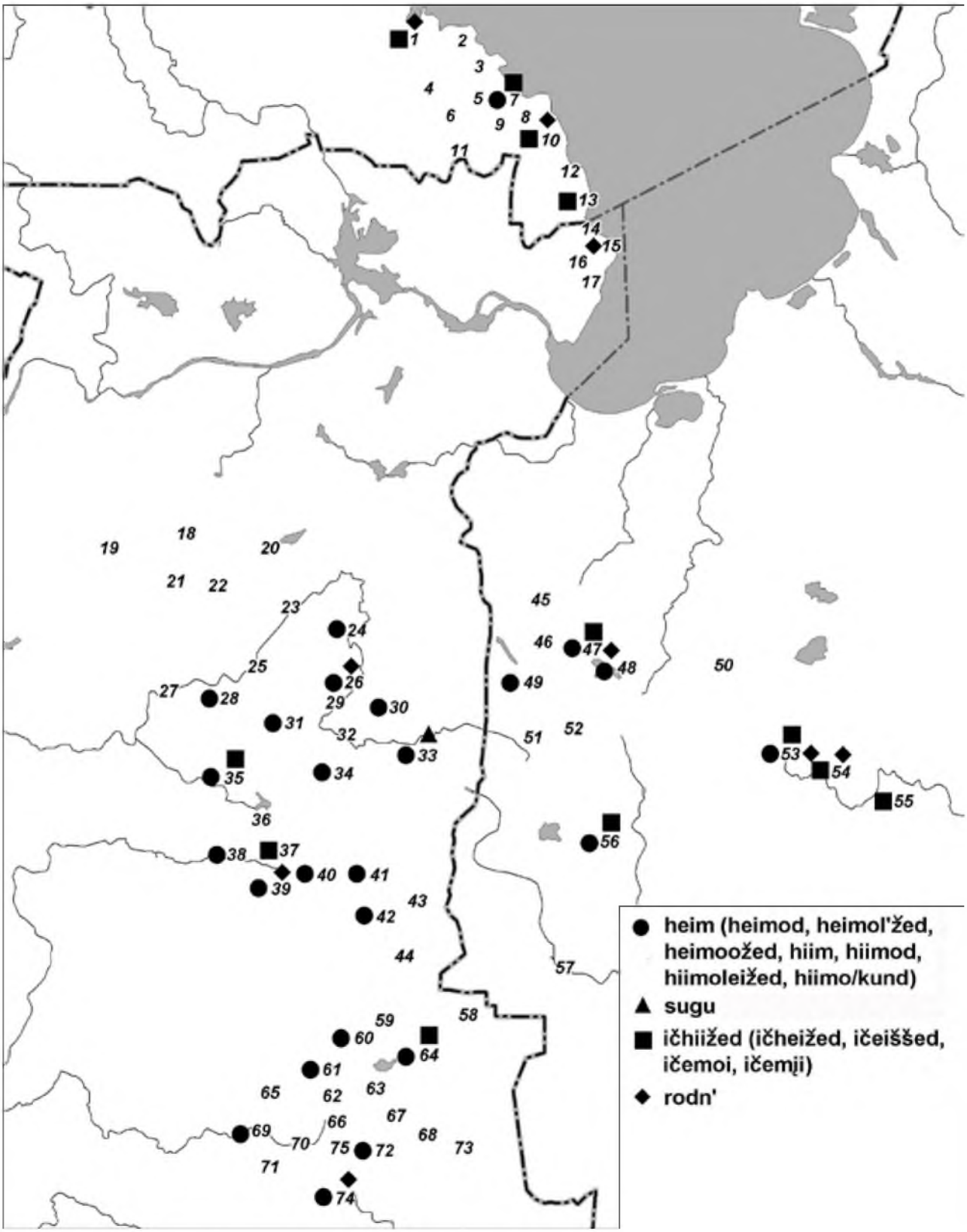
1) **ičhiižed**: 1Š, 7Št,10Kl, 13Kas, 37Kor, 47Šim, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 64Sod
ičheižed: 35En
ičeiššed: 64Sod

2) **ičemoi**: 37Kor
ičemįi: 7Št

Список картографируемого материала

1 — ičhiižed; 2–6 — нет сведений; 7 — ičhiižed, ičemįi; 8–9 — нет сведений; 10 — ičhiižed; 11–12 — нет сведений; 13 — ičhiižed; 14–34 — нет сведений; 35 — ičheižed; 36 — нет сведений; 37 — ičhiižed, ičemoi; 38–46 — нет сведений; 47 — ičhiižed; 48–52 — нет сведений; 53–56 — ičhiižed; 57–63 — нет сведений; 64 — ičhiižed [СВЯ: 144]; ičeiššed; 65–75 — нет сведений.

98c (272c). Все именования понятия ‘родня’

Легенда карты

1) **heim**
2) **sugu**
3) **ičhiižed**
4) **rodn’**

Расшифровка легенды карты диалектам

1) **heim**: *сев* Št // *ср* Mg, Jä, Ladv, Nem, Pec, Rih, Vil, En, Har, Jog, Reb, Nür, Noid, Päž, Vär, Pk, Šim, Pnd // *южн* Sod, Šid, Mas, Mai, Ars, Čai
2) **sugu**: *ср* Ladv
3) **ičhiižed**: *сев* Kas, Kl, Š, Št // *ср* En, Kor, Šim, Pnd, Kj, Vl, Päž // *южн* Sod
4) **rodn’**: *сев* Š, Kl, Per // *ср* Jä, Har, Šim, Pnd, Kj // *южн* Ars

Цифровой индекс

1) **heim**: 7Št, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 56Päž, 60Šid, 61Čai, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
2) **sugu**: 33Ladv
3) **ičhiižed**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 35En, 37Kor, 47Šim, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 64Sod
4) **rodn’**: 1Š, 10Kl, 15Per, 26Jä, 39Har, 47Šim, 53Pnd, 54Kj, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — ičhiižed, rodn’ [СВЯ: 144]; 2–6 — нет сведений; 7 — heim, ičhiižed [СВЯ: 144]; 8–9 — нет сведений; 10 — ičhiižed, rodn’; 11–12 — нет сведений; 13 — ičhiižed; 14 — нет сведений; 15 — rodn’ [VVS]; 16–23 — нет сведений; 24 — heim; 25 — нет сведений; 26 — heim, rodn’ [СВЯ: 477]; 27 — нет сведений; 28 — heim; 29 — нет сведений; 30 — heim; 31 — heim; 32 — нет сведений; 33 — heim, sugu [СВЯ: 524]; 34 — heim; 35 — heim, ičhiižed; 36 — нет сведений; 37 — ičhiižed; 38 — heim; 39 — heim, rodn’; 40–42 — heim; 43–46 — нет сведений; 47 — heim, ičhiižed, rodn’; 48–49 — heim; 50–52 — нет сведений; 53 — heim, ičhiižed, rodn’ [СВЯ: 477]; 54 — ičhiižed, rodn’; 55 — ičhiižed; 56 — heim, ičhiižed; 57–59 — нет сведений; 60–61 — heim; 62–63 — нет сведений; 64 — heim, ičhiižed; 65–68 — нет сведений; 69 — heim; 70–71 — нет сведений; 72 — heim; 73 — нет сведений; 74 — heim, rodn’ [VVS]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Для обозначения родни, коллектива родственников в вепсских говорах используются образования от четырех корневых лексем: *heim, sugu, ičhiižed* и *rodn’*, — из которых две, *heim* и *sugu-*, имеют параллели в других прибалтийско-финских языках. Лексемы *heim* и *ičhiižed* в вепсских диалектах настолько фонетически разнообразны, что это потребовало построить их собственные лингвистические карты: 98a — *heim-* и 98b — *ič-*. На третьей — 98c — дана совокупность всех диалектных именований понятия ‘родня’: *heim-, ič-, rodn’, sugu.*

Слово *heim* представлено в двух фонетических вариантах, из которых в *heim* сохраняется исторически первоначальный облик, в то время как в *hiim* произошло закономерное в первую очередь для средне- и северновепсских говоров развитие дифтонга *ei* > *ii* [Tunkelo 1946: 601–602]. В соответствии с этим просматривается явная ареальная дистрибуция в распределении фонетических вариантов: южновепсский ареал *heim* противостоит остальной вепсской территории. В этом контексте несколько чужеродным выглядит *heim* в Ladv [СВЯ: 119], тем более что там параллельно зафиксирована фонетически закономерная форма *hiim*, а также сложное слово *hiimo/kund* ‘круг родственников, родня’ [СВЯ: 119]. Оба фонетических варианта основы участвуют в образовании производных, в частности, формы мн. числа *heimod* и *hiimod*, которые семантически спровоцированы представлениями о родне как множестве, коллективе родственников. Эта же идея вызвала форму мн. числа *heimol’žed, hiimoleižed* от производных с суффиксом *-laine*, указывающим на принадлежность к коллективу. К сожалению, древняя сложная по образованию лексема *hiimo/kund* уже утрачена, и мы знаем о ее бытовании в средневепсских говорах благодаря более ранним фиксациям [VVS; СВЯ: 119].

Наряду с балтийским заимствованием *heimo* (вепс. *heim*) в прибалтийско-финских языках широкое бытование имеет исконное слово

sugu — производное от глагольной основы: фин. *sukeutua, sueta*, кар. *sukeutua*, эст. *sugeda*, лив. *su'gge* ‘рождаться, развиваться, расти’ [SSA 2000: 210]. В вепсском *sugu* зафиксировано только в средневепсском говоре Ладвы (Ladv), при этом в фольклорном контексте: *siga tusttuškanded surt sugudme, unohtad kaiken suguiž i heimoiž* ‘там ты будешь скучать по своей большой родне, забудешь свой род и племя’ [СВЯ: 524]. Здесь оно выступает полным синонимом термину *heim*, и сейчас уже нет возможности выявить семантическую разницу в их употреблении, известную в родственных языках. Слово практически утрачено. Возможно, оно и в прошлом в вепсских говорах не имело широкого бытования, на что указывает и отсутствие производящего глагола в них.

Своеобразие вепсского языка на общем прибалтийско-финском фоне проявляется в использовании лексемы *ičhiižed*, не востребованной для называния родни в других языках. В прибалтийско-финских языках для выражения понятия ‘родня’ широко используется исконная лексема *oma* ‘свой’ и ее производные, чаще всего в форме мн. числа (‘свои’), ср. фин. *omat, omaiset*, кар. *omahiset, omakunda, omalisto*, вод. *emaD*, эст. *omad, omaksed* [SKES: 428]. В вепсском же она практически полностью утрачена, о ее былом существовании свидетельствует только термин *omaluine* ‘пастбище’ [SSA: 265], сложный по структуре: *oma-* и *-aluine* ‘место под чем-либо’, букв. ‘свое место, под своим владением’.

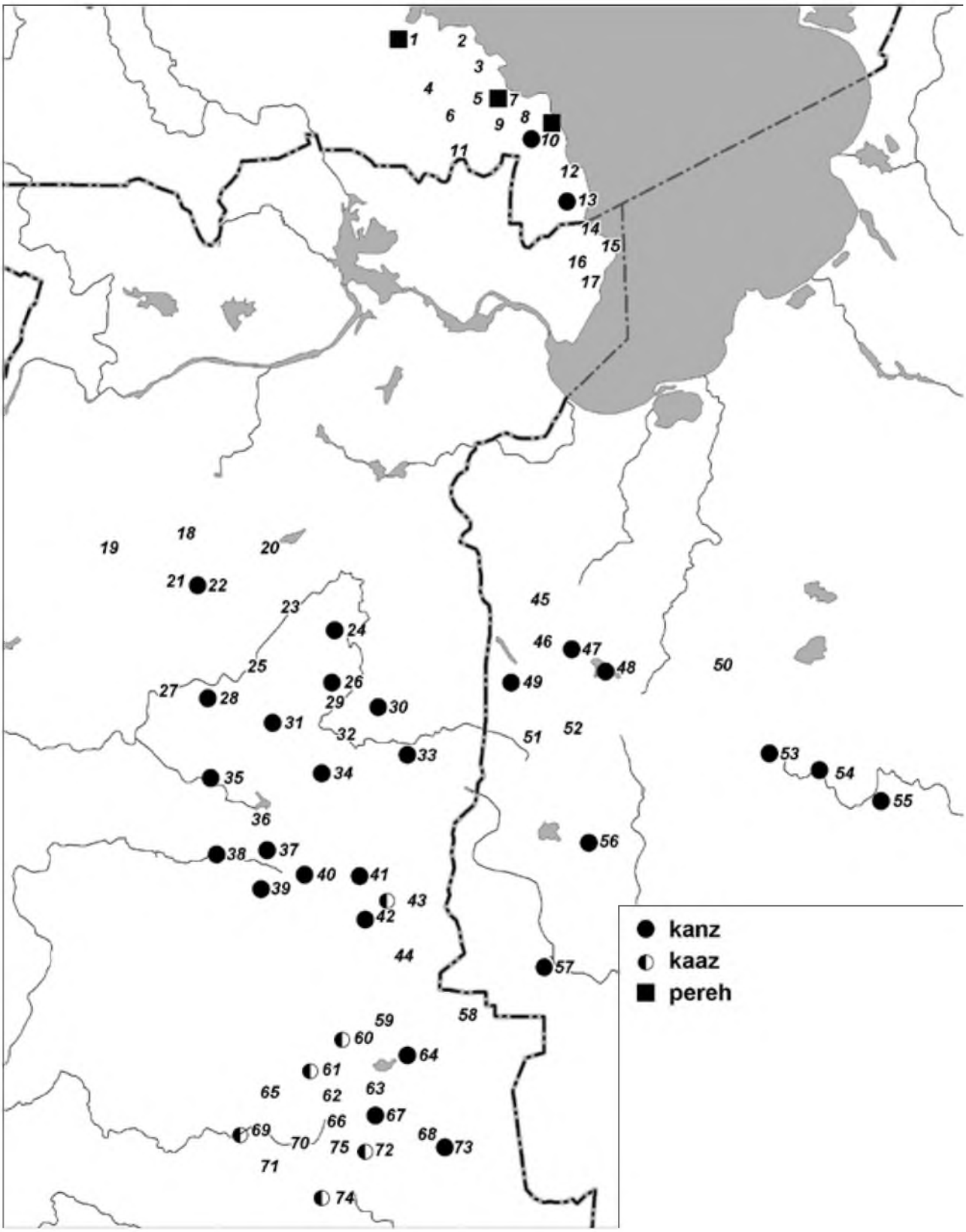
В результате в вепсских говорах оказалась востребована другая приб.–финская местоименная основа — *iče-* ‘сам’, оформленная суффиксом *-hiine* (*-hiiže-*), указывающем на принадлежность к кому-либо, в данном случае — к своему роду. Варианты *ičemįi* и *ičemoi*, букв. ‘свой (наш)’, в свою очередь, являются субстантивированными образованиями соответствующего местоимения, в котором *-moi/-mįi-* показатель первого лица мн. числа. Закрепление его в значении ‘родня’ носит окказиональный характер; хотя в ходе полевого сбора оно записано только в двух пунктах, в принципе его образование и использование возможно и в более широком языковом ареале.

Наконец, русское заимствование *rodn'* проникло во все вепсские говоры, где присутствует наряду с исконным словом. Определенная разбросанность пунктов связана, скорее, не столько с бытованием заимствования, сколько с фиксацией его в ходе сбора.

Анализ общей карты показывает, что наиболее сильны позиции лексемы *heim*, полноценно представленной во всем средневепсском ареале, а также хорошо сохранившейся у южных вепсов. На этом фоне заметно ее размывание в северновепсском диалекте, где возобладало собственное вепсское новообразование *ičhiižed*. Последнее востребовано также на востоке вепсского языкового ареала, в то время как малопродуктивно на остальной средневепсской территории и у южных вепсов. Просматривается, таким образом, ареальное противостояние по линии северо-восток (*ičhiižed*) — юго-запад (*heim*), неоднократно проявляющееся в ареальном распределении вепсских языковых явлений.

И. И. Муллонен

99 (274). Именования понятия ‘семья’

Легенда карты

1) **kanz**
kaaz

2) **pereh**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **kanz**: *сев* Kas, Kl // *ср* Nem, Jä, Rih, Vil, Pec, Ladv, Mg, Nir, En, Reb, Nür, Kor, Har, Noid, Jog, Šim, Pk, Vär, Kj, Pnd, Vl, Päž, Ker // *южн* Krl, Sod, Vg
kaaz: *ср* Noid // *южн* Ars, Mai, Mas, Šid, Čai
2) **pereh**: *сев* Kl, Š, Št

Цифровой индекс

1) **kanz**: 10Kl, 13Kas, 22Nir, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56 Päž, 57Ker, 64Sod, 67Krl, 73Vg
kaaz: 42Noid, 60Šid, 61Čai, 69Mas, 72Mai, 74Ars
2) **pereh**:1Š,7Št, 10Kl

Список картографируемого материала

1 — pereh; 2–6 — нет сведений; 7 — pereh; 8–9 — нет сведений; 10 — kanz, pereh [СВЯ: 408]; 11–12 — нет сведений; 13 — kanz; 14–21 — нет сведений; 22 — kanz [СВЯ: 178]; 23 — нет сведений; 24 — kanz; 25 — нет сведений; 26 — kanz; 27 — нет сведений; 28 — kanz; 29 — нет сведений; 30–31 — kanz; 32 — нет сведений; 33–35 — kanz; 36 — нет сведений; 37–41 — kanz; 42 — kanz, kaaz [VVS]; 43–46 — нет сведений; 47–49 — kanz; 50–52 — нет сведений; 53–56 — kanz; 57 — kanz [ВК]; 58–59 — нет сведений; 60 — kaaz; 61 — kaaz [Tunkelo 1946: 366]; 62–63 — нет сведений; 64 — kanz; 65–66 — нет сведений; 67 — kanz [ВК]; 68 — нет сведений; 69 — kaaz; 70–71 — нет сведений; 72 — kaaz; 73 — kanz [СВЯ: 178]; 74 — kaaz; 75 — нет сведений.

Комментарий

В подавляющем большинстве вепсских говоров понятие ‘семья’ выражается термином *kanz* (северновепс., средневепс.), в южновепсском ареале *kanz*, чаще *kaaz*. Южновепсский вариант *kaaz* вызван явлением вокализации ***n*** в позиции перед свистящим *z*, при этом записи Э. Н. Сетяля и Л. Кеттунена начала XX века свидетельствуют о том, что в то время этот процесс не распространился еще на все говоры, в Кортлахте (Krl), частично в Радогощи (Ars), а также у старшего поколения д. Пятино сохранялось еще традиционное звучание *kanz* [Tunkelo 1946: 364–367]. В настоящее время в южновепсском ареале вариант звучания *kaaz* победил уже практически повсеместно. От корневой лексемы *kanz* образованы южновепсское *kanzahiine* ‘семейный’ (Sod, Vg) и средневепсское *kanzakaz* ‘богатый, многосемейный’ (Jä, Pnd) [СВЯ: 178]. Она используется и как элемент сложного слова *risti/kanz* ‘член семьи’ в средневепсских говорах Pec, Šim [СВЯ: 474], Vär, Har*.

В северновепсских говорах наряду с *kanz* известно слово *pereh*, которое зафиксировано в Š, Št, Kl. В Št бытует также и образование *perehnik* ‘член семьи’[СВЯ: 408].

Обе лексемы имеют общеприбалтийско-финское бытование, при этом во всех прибалтийско-финских языках слова, соответствующие вепсскому *pereh* (фин. *perhe, pereh, pere, peres, perue,* кар. *pereh*, вод. *pere*, эст. *pere*), имеют значение ‘семья’. Иначе говоря, речь идет, видимо, о семантике, закрепившейся за производным от древней исконной основы **perä* ‘задний, расположенный сзади’ [SSA1995: 339] еще на праязыковом уровне.

Наоборот, прибалтийско-финское *kansa* выступает в значении ‘семья’ только в вепсском и части карельских говоров, при этом в последних употребляется наряду с семантикой ‘народ, люди, группа людей’ [KKS 1974: 53], которая является основной и в других прибалтийско-финских языках. Видимо, на восточной окраине активизировалась сема ‘коллектив людей’, заложенная изначально в лексеме, которая по одной версии является древнегерманским заимствованием (герм. **hansō* ‘(военный) отряд’), по другой — может быть исконным словом, соотносящимся, напр., с перм. *kuz, goz* ‘пара, муж с женой’. Не исключается также этимологическая

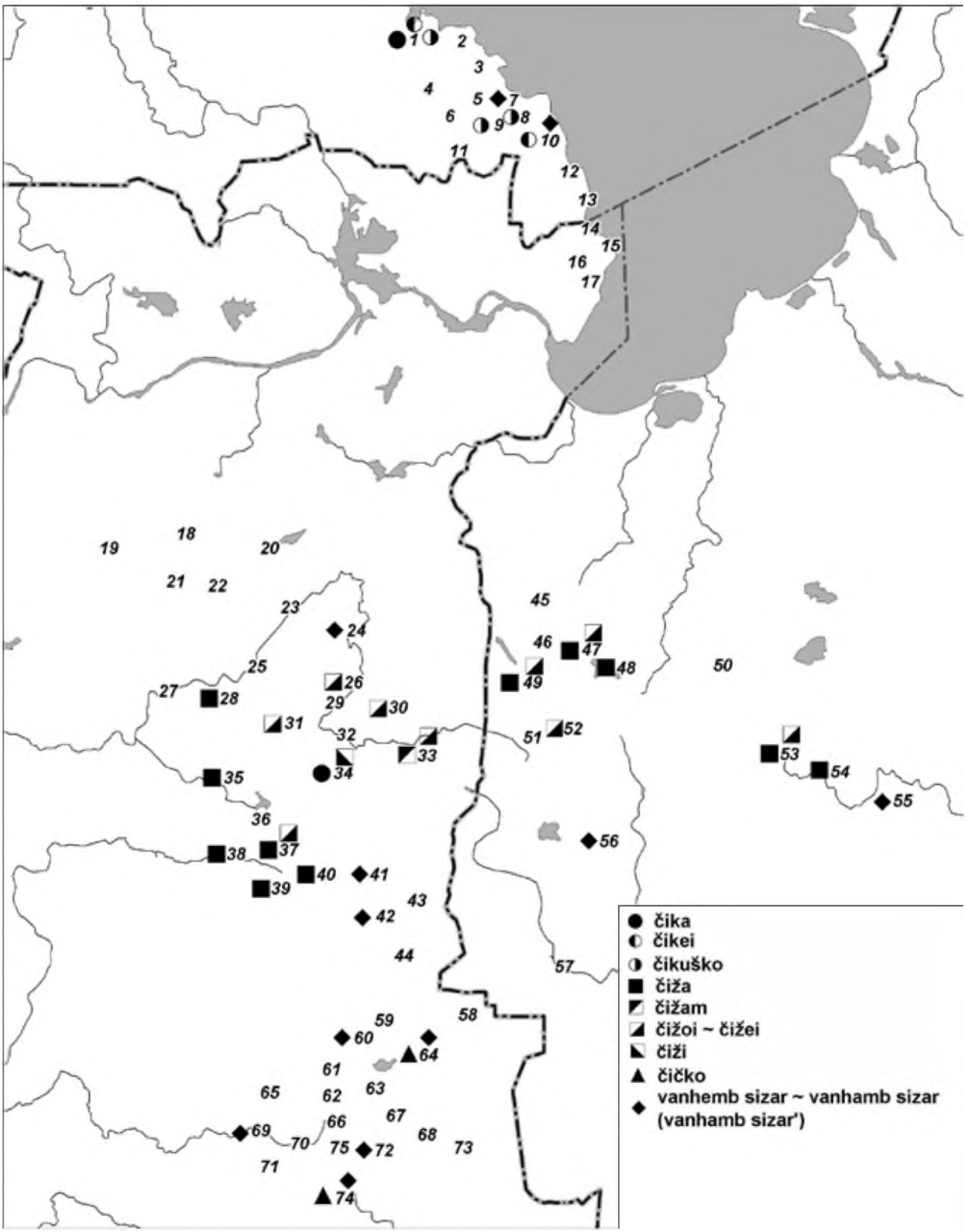
* См. 79 карту ЛАВЯ.

связь с послелогом *kanssa* ‘вместе’ [SSA 2001: 300–301].

Материал свидетельствует, таким образом, об определенном ареальном противостоянии северных говоров остальному вепсскому языковому ареалу. В этом контексте стоит отметить, что современные фиксации *kanz* в двух северновепсских пунктах Kask и Kl могут быть спровоцированы (или, во всяком случае, поддержаны) переселением сюда в 1960-е годы бывших жителей вепсского Шимозерья, представителей восточных говоров средневепсского диалекта (Вытегорский р-н Вологодской обл.), носителей слова *kanz*. Ареальное обособление северновепсских говоров обусловлено, очевидно, карельским языковым воздействием, в которых *pereh* — основная лексема для именования понятия ‘семья’. Она представлена повсеместно и в смежном людиковском языковом ареале [LMS: 306].

И. И. Муллонен

100 (277). Именования понятия ‘старшая сестра’

Легенда карты

1) **čika**
čikei
čikuško
2) **čiža**
čižam
čižoi ~ čižei
čiži
3) **čičkō**
4) **vanhemb sizar ~ vanhamb sizar (vanhamb sizar’)**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **čika**: *сев* Š // *ср* Mg
čikei: *сев* Š, Kl
čikuško: *сев* Š, Mec, Mäg
2) **čiža**: *ср* Vil, En, Kor, Jog, Har, Nür, Šim, Pk, Vär, Pnd, Kj
čižam: *ср* Ladv
čižoi ~ čižei: *ср* Jä, Rih, Pec, Ladv, Kor, Šim, Vär, Vah, Pnd
čiži: *ср* Mg
3) **čičkō**: *южн* Sod, Ars
4) **vanhemb sizar ~ vanhamb sizar (vanhamb sizar’)**: *сев* Št, Kl // *ср* Nem, Reb, Noid, Vl, Päž // *южн* Šid, Sod, Mas, Mai, Ars

Цифровой индекс

1) **čika**: 1Š, 34Mg
čikei: 1Š,10Kl
čikuško: 1Š, 8Mec, 9Mäg
2) **čiža**: 28Vil, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 54Kj
čižam: 33Ladv
čižoi ~ čižei: 26Jä, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 37Kor, 47Šim, 49Vär, 52Vah, 53Pnd
čiži: 34Mg
3) **čičkō**: 64Sod, 74Ars
4) **vanhemb sizar ~ vanhamb sizar (vanhamb sizar’)**: 7Št, 10Kl, 24Nem, 41Reb, 42Noid, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — čika; čikei, čikuško [СВЯ: 58]; 2–6 — нет сведений; 7 — vanhamb sizar’; 8–9 — čikuško [ВК]; 10 — sisko, vanhamb sizar’, čikei [VVS]; 11–23 — нет сведений; 24 — vanhemb sizar; 25 — нет сведений; 26 — čižoi; 27 — нет сведений; 28 — čiža; 29 — нет сведений; 30–31 — čižoi; 32 — нет сведений; 33 — čižam, čižoi; 34 — čika, čiži; 35 — čiža ‘двоюродная сестра’; 36 — нет сведений; 37 — čiža, čižoi [VVS]; 38–40 — čiža; 41–42 — vanhamb sizar; 43–46 — нет сведений; 47 — čiža, čižoi ‘жена брата’; 48 — čiža; 49 — čiža, čižoi; 50–51 — нет сведений; 52 — čižoihut [ВК]; 53 — čiža, čižei; 54 — čiža [СВЯ: 60]; 55–56 — vanhamb sizar; 57–59 — нет сведений; 60 — vanhemb sizar; 61–63 — нет сведений; 64 — vanhemb sizar, čičkō [СВЯ: 57]; 65–68 — нет сведений; 69 — vanhemb sizar; 70–71 — нет сведений; 72 — vanhemb sizar; 73 — нет сведений; 74 — vanhemb sizar, čičkō [VVS]; 75 — нет сведений.

Комментарий

В прибалтийско-финских языках бытовала в прошлом и сохраняется еще в виде рудиментов до сих пор система особых именований для старшей сестры и старшего брата. Она была обусловлена особой культурной традицией: в то время как старшие сестра и брат называли младших по имени, младшие должны были использовать при обращении особые именования, образованные от стандарных *sisar* (вепс. *sizar*) ‘сестра’ и *velje* (вепс. *vel’l’*) ‘брат’ с помощью специальных формантов, придающих эмоциональную окрашенность. Считается, что они восходят к звательным формам, и их генезис связан с детской речью [Nirvi 1952: 92–103], что обусловило и их особый фонетический облик, в частности, инициальный ***č*** в ***č****ika*, ***č****iža* и др. Средневепсское *čiža* следует, видимо, рассматривать как вокативный вариант слова *sizar*. В ряде говоров он оформлен диминутивным суффиксом *-oi* (*čižoi, čižei, čiži*), а в *čiža**m*** — притяжательным показателем вокатива *-m*, т. е. ‘моя сестра’. Вепсские образования не оригинальны, они поддерживаются соответствующими карельскими и финскими образованиями, ср. люд. *čid’ži, čid’žoi, čid’žo*, ливв. *čid’ži čid’žoi*, фин. *siso*.

Такой же карело-финский фон есть и у северновепсских вариантов *čika, čikei, čikuško*, ср. кар.

čikko, фин. *sisko*. В них представлен прибалтийско-финский суффикс *-kko* с диминутивной функцией: ср. кар. *häkkö* ‘бычок’ — *härkä* ‘бык’, фин. *oikko* ‘барашек’ — *oinaz* ‘баран’ [Nirvi 1952: 94]. Он используется и в образовании наименований человека: вепс. *norik* (< *nor’* ‘молодой’) ‘молодуха’; *ven’ak* (< *ven’a-* ‘русский’) ‘русская женщина’ и др. В варианте *čikei* конечный элемент *-ei* < *-oi* — еще один формант с уменьшительно-ласкательной семантикой. В свою очередь, в *čikuško*, представленном в текстах сказок [ВК], конечное *-uško* воспроизводит русский суффикс *-ушк-*.

В южновепсском варианте *čičkō* тоже выделяется два форманта: исторический *-kko* и *-ō* < *-oi*, и в этом смысле южновепсский вариант стоит в одном ряду со средневепсскими. Однако основа *čič-* объединяет его с северновепсскими *čiža, čižoi*. По образованию южновепсский вариант *čičkō* абсолютно идентичен фин. *sisko**.

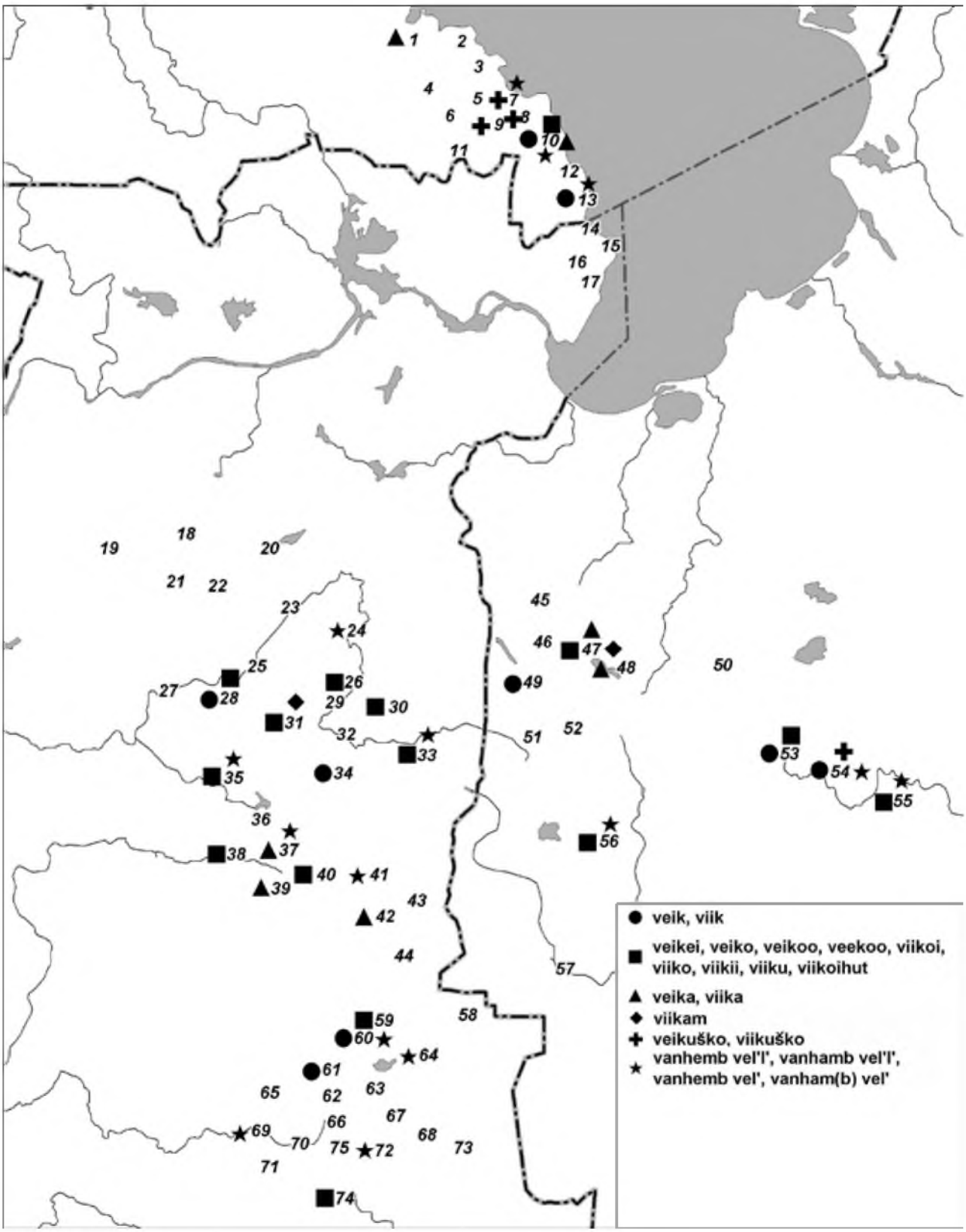
Стоит отметить, что современные южновепсские говоры утратили эту историческую лексему, которую зафиксировали в начале XX века Л. Кеттунен [VVS], а позднее составители СВЯ. Сейчас в них господствует описательная конструкция *vanhemb sizar* ‘старшая сестра’, вытеснившая оригинальное традиционное именование. Она представлена спорадически и в других говорах, свидетельствуя о размывании самой традиции особого именования старших сестры и брата младшими членами семьи. Собственно, признаки такого размывания прослеживаются и в самом вепсском языке, поскольку именование старшей сестры используется иногда для называния других членов семьи. Например, у северных вепсов термином *čičei* ‘невестка’ пользуются при обращении к сестре мужа [Nirvi 1952: 96], в Шимозере *čižoi-* — обращение к жене старшего брата, в Вонозере *čiža* — ‘двоюродная сестра’. Такое расширение семантики прослеживается и в других прибалтийско-финских языках. Кроме того, возникнув первоначально как назывные формы, со временем они перешли в ранг именований, которыми пользовались и вне ситуации обращения.

В функционировании традиционных вариантов именования просматривается определенная ареальная дистрибуция. Варианты основы *čiža* характерны для средневепсских говоров, в северновепсских предпочтение отдается вариантам с формантом *-k-*, он бытовал и на южной окраине вепсского языкового ареала. Лучше всего традиционные именования сохранились в западных средневепсских говорах.

И. И. Муллонен

* Слово *sisko* было зафиксировано в ходе опроса в говоре с. Рыбрека в северновепсском ареале. Очевидно, его следует рассматривать как результат проникновения финского заимствования в период финской оккупации во время Второй мировой войны. В северновепсских говорах известно несколько таких финских включений.

101 (278). Именования понятия ‘старший брат’

Легенда карты

1) **veik ~ viik**
2) **veikei (veiko, veikoo, veekoo, viikoi, viiko, viikii, viiku, viikoihut)**
3) **veika ~ viika**
4) **viikam**
5) **veikuško, viikuško**
6) **vanhemb vel’l’ (vanhamb vel’l’, vanhemb vel’, vanham(b) vel’)**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **veik ~ viik**: *сев* Kl, Kas // *ср* Vil, Mg, Vär, Pnd, Kj // *южн* Šid, Čai
2) **veikei (veiko, veikoo, veekoo, viikoi, viiko, viikii, viiku, viikoihut)**: *сев* Kl // *ср* Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, En, Jog, Nür, Šim, Pnd, Vl, Päž // *южн* Šid, Ars
3) **veika ~ viika**: *сев* Š, Kl // *ср* Kor, Har, Noid, Šim, Pk
4) **viikam**: *ср* Pec, Šim
5) **veikuško ~ viikuško**: *сев* Št, Mec, Mäg // *ср* Kj
6) **vanhemb vel’l’ (vanhamb vel’l’, vanhemb vel’, vanham(b) vel’)**: *сев* Št, Kl, Kas // *ср* Nem, Ladv, En, Kor, Reb, Kj, Vl, Päž // *южн* Šid, Sod, Mas, Mai

Цифровой индекс

1) **veik ~ viik**: 10Kl, 13Kas, 28Vil, 34Mg, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 60Šid, 61Čai
2) **veikei (veiko, veikoo, veekoo, viikoi, viiko, viikii, viiku, viikoihut)**: 10Kl, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 35En, 38Jog, 40Nür, 47Šim, 53Pnd, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 74Ars
3) **veika ~ viika**: 1Š, 10Kl, 37Kor, 39Har, 42Noid, 47Šim, 48Pk
4) **viikam**: 31Pec, 47Šim
5) **veikuško ~ viikuško**: 7Št, 8Mec, 9Mäg, 54Kj
6) **vanhemb vel’l’ (vanhamb vel’l’, vanhemb vel’, vanham(b) vel’)**: 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 33Ladv, 35En, 37Kor, 41Reb, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai

Список картографируемого материала

1 — viika; 2–6 — нет сведений; 7 — vanhamb vel’l’, viikuško [ВК]; 8–9 — viikuško [ВК]; 10 — viika, vanhamb vel’l’, veikei [VVS] ‘деверь, старший брат’; veik [ВК]; 11–12 — нет сведений; 13 — veik, vanhemb vel’l’; 14–23 — нет сведений; 24 — vanhemb vel’l’; 25 — нет сведений; 26 — viikoi; 27 — нет сведений; 28 — viik, viikoi; 29 — нет сведений; 30 — viikoi; 31 — viikam, viikoihut [СВЯ: 633]; 32 — нет сведений; 33 — viikoi, vanhemb vel’l’; viikoihut [ВК]; 34 — viik; 35 — vanhemb vel’l’, viikoi [VVS]; 36 — нет сведений; 37 — veika ‘брат’, vanhemb vel’l’; 38 — viiko; 39 — viika; 40 — viikoi; 41 — vanhamb vel’l’; 42 — viika; 43–46 — нет сведений; 47 — viika, viikam, viikoi ‘двоюродный брат’; 48 — viika; 49 — veik; 50–52 — нет сведений; 53 –viikii, viik [СВЯ: 633]; 54 — viik [СВЯ], veikuško, vanhemb vel’; 55 — veiko, vanhamb vel’; 56 — viiku, vanham vel’; 57–59 — нет сведений; 60 — vanhemb vel’l’, veik [СВЯ: 633]; veikō ‘старший брат (при обращении)’ [СВЯ: 623]; 61 — veik [СВЯ: 623]; 62–63 — нет сведений; 64 — vanhemb vel’l’; 65–68 — нет сведений; 69 — vanhemb vel’l’; 70–71 — нет сведений; 72 — vanhemb vel’l’; 73 — нет сведений; 74 — veekoo, veikō [VVS]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Для называния старшего брата в вепсских говорах используется две модели: с одной стороны, *veik* и его фонетические варианты и суффиксальные производные, с другой стороны, описательная конструкция, соответствующая русскому выражению ‘старший брат’ — *vanhemb ~ vanhamb vel’l*, причем нередко оба варианта сосуществуют. Называние старшего брата специальным термином, обусловлено, как уже отмечалось (см. карта 100), особым характером внутрисемейных отношений, когда младшие братья и сестры не могли называть старших по имени, а должны были использовать при обращении специальные термины или вокативные образования. Эта система существовала уже в период прибалтийско-финского языкового единства, на что указывает бытование термина в родственных прибалтийско-финских языках: фин. *veikka* ‘брат’ (особенно в детской речи), *veikko* ‘то же; приятель’, кар. *veikki, veikko* ‘старший брат или кузен’, при обращении ‘братец, друг’, люд. *veika, veikki* ‘обращение к старшему брату’, *veikoi* ‘брат’[SSA 2000: 422], ижор. *veikko* ‘старший брат; деверь’ [Nirvi 1952: 97].

Слово считается закономерным диминутивным образованием от *veli* < **velje* ‘брат’, оформленном диминутивным формантом *-kka* (**veljikka*) или же единицей, возникшей первоначально в детской речи [SSA 2000: 422]. В эстонских говорах в этой же функции используется другое производное *velje* — *vello* < **veljoi* [Nirvi 1952: 99].

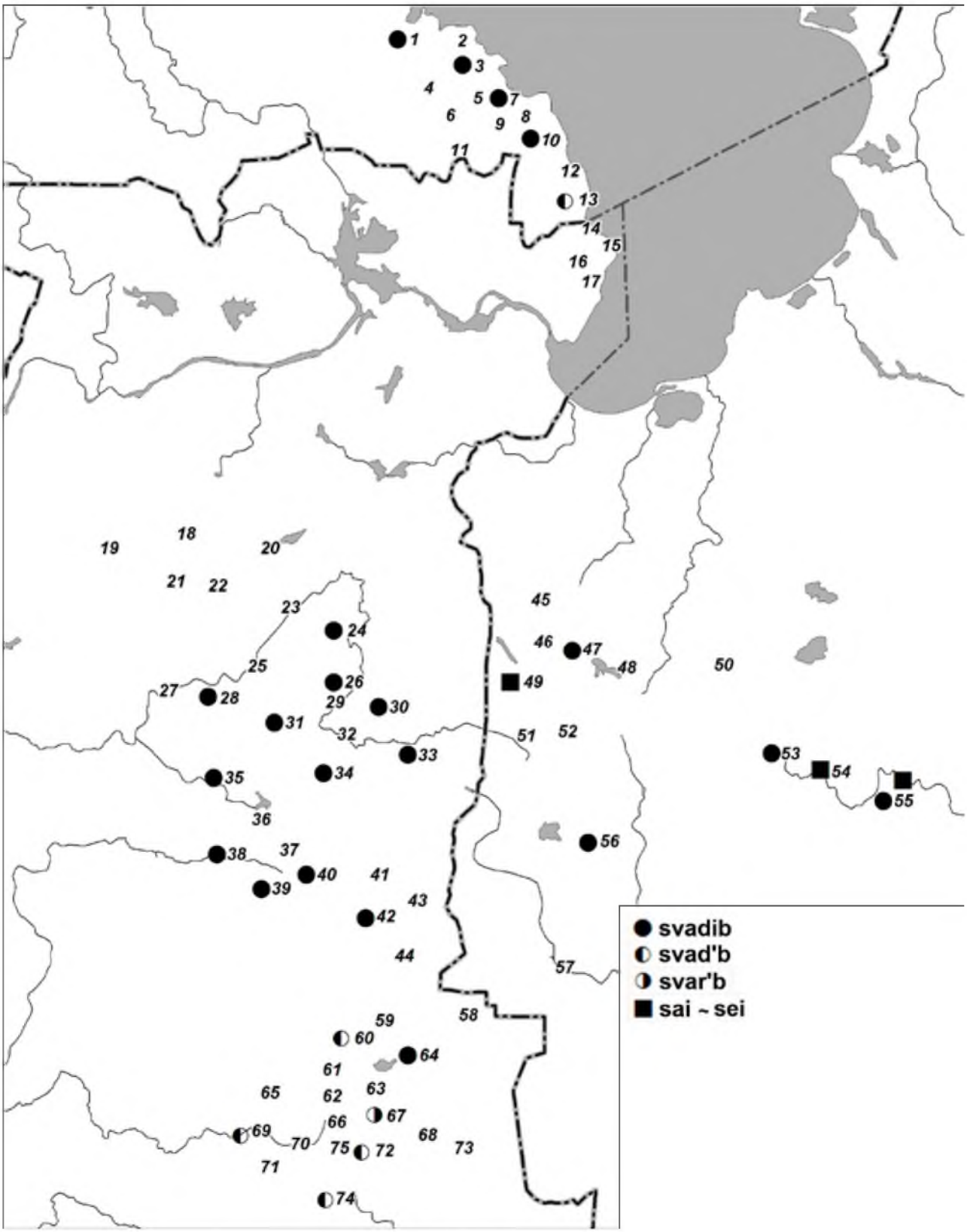
В вепсских говорах широко представлены диминутивные образования с суффиксом *-oi* и его фонетическими вариантами (*viikoi, veikei, veiko, veikoo, viiko, viikii, viiku*), иногда дополненные еще вторым формантом с диминутивной семантикой: *-hut* (*viikoihut*). В именованиях иногда используется также суффикс, имеющий русские истоки *-ušk o* (*viikuško*). Нередко встречаются обращения с посессивным вокативным показателем *-m*: *viikam* ‘мой старший брат’. В данном случае диминутивность непосредственно перекликается семантически с вокативностью. В ряде северных и средневепсских говоров сформировался вариант с конечным *-a* (*veika, viika*), который, видимо, спровоцирован аналогией с антропонимами типа *Van’a, Kol’a, Maša* и др.

Многочисленные производные от исходной лексемы *veik*, как и фонетические варианты, не образуют четко дифференцированных ареалов. Наоборот, наблюдается значительное их наложение. Более того, надо полагать, что ареал ряда вариантов (к примеру, производные с суффиксом *-hut* или оформленные посессивным показателем) в действительности шире, чем представлены в материалах атласа, поскольку они носят закономерный для языка характер. Предложенное здесь деление на шесть групп носит в определенной степени условный характер и призвано продемонстрировать, с одной стороны, активность диминутивных образований с использованием разных суффиксов, с другой — постепенное вытеснение традиционного именования *veik* описательной русской конструкцией *vanhemb vel’l’* ‘старший брат’. О размывании традиции свидетельствует и расширение семантики *veik* в ряде говоров, ср. *viikoi* ‘двоюродный брат’ Šim или *veikei* ‘деверь’ Kl.

И. И. Муллонен

Социальные отношения

102 (283). Именования понятия ‘свадьба’

Легенда карты

1) **svadib**
svad’b
svar’b
2) **sai/sei**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **svadib**: *сев* Kl, Št, Š, Veh // *ср* Päž, Pnd, Šim, Vl, Rih, En, Ladv, Mg, Nem, Noid, Nür, Jä, Pec, Jog, Har, Vil // *южн* Sod
svad’b: *сев* Kask // *южн* Ars, Mai, Mas, Šid
svar’b: *южн* Krl
2) **sai/sei**: *ср* Vl, Kj, Vär

Цифровой индекс

1) **svadib**: 1Š, 3Veh, 7Št, 10Kl, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 38Jog, 39Har, 40Nür; 42Noid, 47Šim, 53Pnd, 55Vl, 56Päž, 64Sod
svad’b: 13Kas, 60Šid, 69Mas, 72Mai, 74Ars
svar’b: 67Krl
2) **sai/sei**: 49Vär, 54Kj, 55Vl

Список картографируемого материала

1 — svadib; 2 — нет сведений; 3 — svad’baspäi [VV: 170] (‘со свадьбы’-SElatSing); 4–6 — нет сведений; 7 — svadib; 8–9 — нет сведений; 10 — svadib; 11–12 — нет сведений; 13 — svad’b; 14–23 — нет сведений; 24 — svadib; 25 — нет сведений; 26 — svadib; 27 — нет сведений; 28 — svadib; 29 — нет сведений; 30–31 — svadib; 32 — нет сведений; 33–35 — svadib; 36–37 — нет сведений; 38–40 — svadib; 41 — нет сведений; 42 — svadib; 43–46 — нет сведений; 47 — svadib [СВЯ: 532]; 48 — нет сведений; 49 — sei; 50–52 — нет сведений; 53 — svadib; 54 — sai; 55 — sai, svadib; 56 — svadib; 57–59 — нет сведений; 60 — svad’b; 61–63 — нет сведений; 64 — svadib; 65–66 — нет сведений; 67 — svar’b [СВЯ: 531]; 68 — нет сведений; 69 — svad’b; 70–71 — нет сведений; 72 — svad’b; 73 — нет сведений; 74 — svad’b; 75 — нет сведений.

Комментарий

Свадебный ритуал, относящийся к обрядам семейного цикла, играл важную роль в жизни вепсской деревни. Свадьбы раньше проводились преимущественно зимой в промежуток между двумя постами (от Крещения до Масленицы) [Винокурова 1986: 54], а также осенью, когда заканчивались сельскохозяйственные работы. Летом свадьбы играли значительно реже [Колмогоров 1913: 375].

В вепсском языке зафиксировано две лексемы, обозначающие понятие ‘свадьба’. Широко используемое русскоязычное заимствование *svadib* характерно для северновепсского диалекта, западных говоров средневепсского диалекта и в вариантах *svad’b* ~ *svadib* и *svar’b* — южновепсского диалекта. Это русское заимствование с его фонетическими вариантами представлено на карте несколькими знаками, входящими в одну серию, поскольку отражает разные возможности преобразования лексем при их заимствовании, а также дает сведения об источнике заимствования: общелитературная лексика или народные говоры. Если варианты *svadib/svad’b* возникли в ходе заимствования лексем, имеющих общерусское бытование, то вариант *svar’b* — это русское диалектное заимствование. Диалектная лексема *сварьба* и ее словообразовательные варианты широко представлены не только в севернорусских народных говорах (вологодских, псковских, новгородских, тверских, костромских), но и в говорах Сибири и как существительное, и как прилагательное, и как глагол: *сварьба, сварбишный–сварбешный, сварьбовать* и т. д. [СРНГ 2002: 215], что сделало ее довольно известной и за пределами русского языка, например, в вепсском. М. Фасмер включает вариант *сварьба* в этимологическую статью лексемы *свадьба*, полагая, что на ее появление в русских народных говорах оказал воздействие диалектный глагол *свариться* ‘ссориться’ [Фасмер 1971: 569], и мы имеем в этом случае своеобразную контаминацию двух лексем.

В восточных говорах средневепсского диалекта зафиксирована лексема *sai*: *väta sai* ‘сыграть свадьбу’, *kucta saiha* ‘пригласить на свадьбу’ [СВЯ 1972: 494]. Из близкородственных языков похожее существительное в варианте *saajad* с пометой «фольклорное» в значении ‘свадьба, свадебный поезд, гости на свадьбе’ отмечено в эстонском языке [EVSR 2006: 318]. Более ранний этимологический словарь финского языка включал и эстонскую, и вепсскую

лексемы в одно этимологическое гнездо глагола *saada* ‘получить, добыть’ [SKES: 933–934]. Однако новый этимологический словарь эти слова в данном гнезде уже не рассматривает [SSA]. Этимологический словарь эстонского языка вепсскую лексему *sai* также не привлекает к соответствующей этимологической статье [EES 2012: 453], оставляя вопрос открытым, хотя этот материал укладывается в ряд других известных науке вепсско-эстонских параллелей, свидетельствуя о древних эстонско-вепсских взаимосвязях.

Таким образом, лексема *sai*, принадлежащая восточной группе средневепсских говоров, может считаться в языке некой лексической инновацией. Она исторически представляет собой форму причастия презенса с суффиксом ***-i*** (*sa* + *i*) от глагола *sada* ‘получать, добывать’. Впоследствии причастное значение слова *sai* ‘добывающий, получающий, завладевающий’ нивелировалось, приобретя субстантивное значение ‘свадьба’. Семантический перенос в данном случае вполне закономерен и понятен.

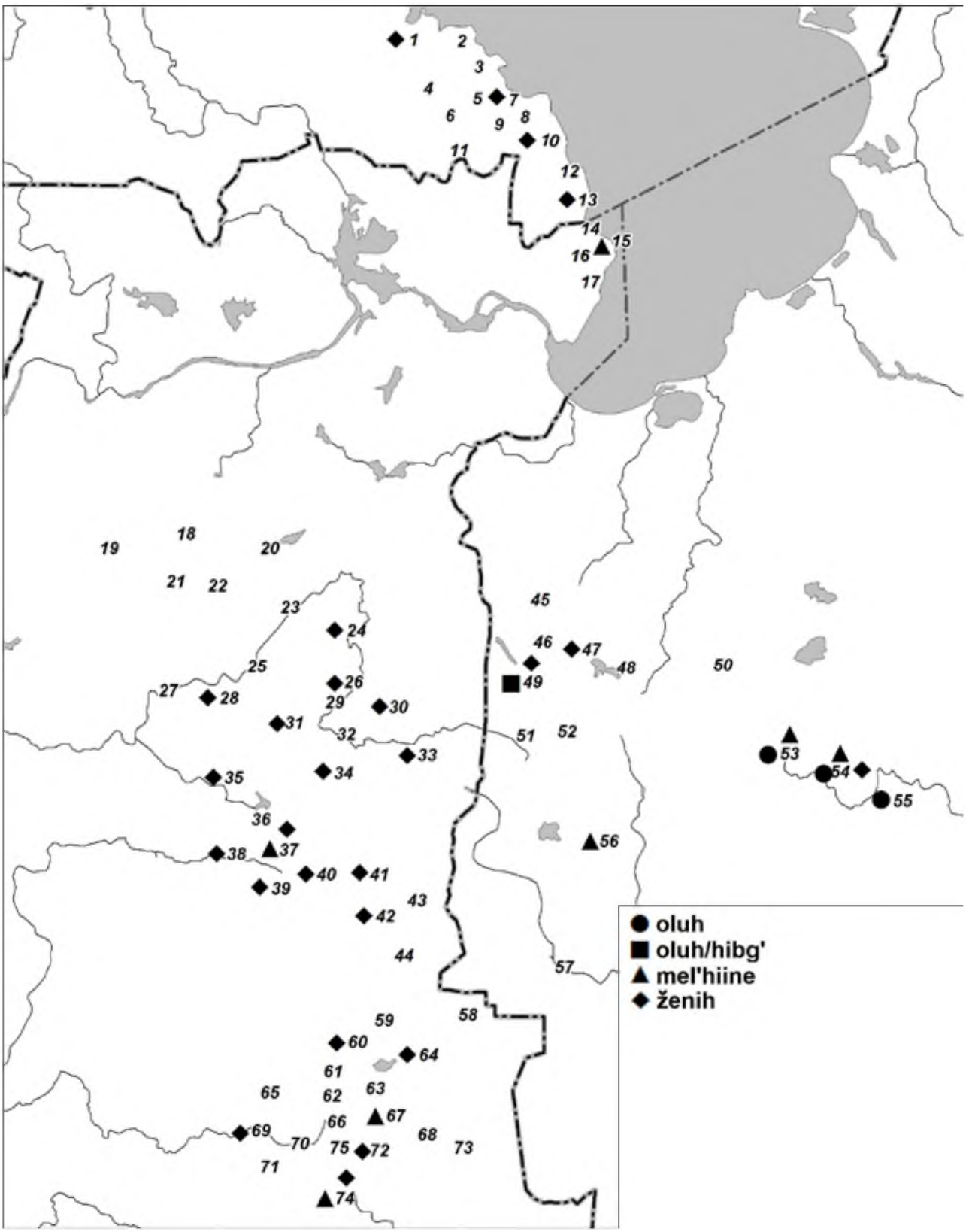
Лексема *sai* в говоре восточновепсской деревни Кривозеро (Vär) получила фонетическую огласовку *sei (a > e),* что свойственно и многим другим говорам в аналогичной фонетической ситуации в вепсском языке, не отражаясь на семантике слов. Является ли данная редкая лексема *sai ~ sei* вепсской инновацией или все-таки обладает прибалтийско-финскими корнями; почему она распространена так узко в той части вепсского ареала, который находится в зоне особо плотного русского влияния, трудно судить. Отметим лишь, что в названном восточновепсском ареале имеются и другие достаточно редкие явления и фонетики, и грамматики, а также лексики, где отмечаются слова, неизвестные в других диалектных ареалах и даже отсутствующие в словаре вепсского языка, например, *koržota* ‘хоронить’, *prüub* ‘кухня’, что свидетельствует об особой этноязыковой истории этой группы вепсов.

Таким образом, широко представленный в вепсских говорах русский заимствованный термин *svadib*, *svad'b*, а также *svar'b*, очевидно, свидетельствует о русском влиянии не только в области языка, но и в обрядовой жизни, в восприятии свадебного обряда от соседнего русского населения.

Восточновепсская инновационная лексема *sai* демонстрирует свою собственную свадебную терминологию и наследие древневепсского языка, которое, будучи в названном регионе растерянным, тем не менее, проявляется в отдельных моментах, сказываясь на особенностях формирования диалектного ареала. Любопытно, что восточные куйско-пондальские вепсы девушку называют русским заимствованием *döočk* (в других диалектах *neižne*, *neidiine* ‘девушка’), закрепив за лексемой *niižne* значение ‘невеста’, которое попало в поле зрения авторов словаря вепсского языка и показано в нем в качестве второго значения слова [СВЯ: 358]. Правда, фонетический облик этого слова в куйско-войлахотских говорах, имеющий вид *neičiine ~ niičiine*, в нем не отражен. Этот облик (*niičiine*) мог появиться в результате контаминации двух лексем *neičukaine* ‘девочка’ + *neižne* ‘девушка’. Не является ли это своеобразным стремлением образовать новую лексему для понятия ‘невеста’? Или же таким образом в восточных говорах представлена лексема *neidiine* ‘девушка’, которая отмечена в словаре вепсского языка как северновепсская [СВЯ: 355]? Обратим внимание, кроме того, что именно в восточных говорах вепсского языка жениха именуют лексемой *oluh*, этимология которой не установлена, но которая вряд ли имеет отношение к русскому слову *олух*. Здесь же, по свидетельству СВЯ и по нашим наблюдениям, наиболее часто употребляются лексемы *kozita* ‘сватать’, *mända kozile* ‘идти сватать’, *kozimehed* ‘сваты’ [СВЯ: 231], тогда как в других вепсских ареалах в этом случае чаще используются русские заимствования — *nevest* ‘невеста’, *ženih* ‘жених’, *svataida* ‘сватать’, *mända svathuzile* ‘идти сватать’. Эти термины, видимо, отражают более длительное сохранение у восточной группы вепсов вепсского свадебного обряда.

О. Ю. Жукова, Н. Г. Зайцева

103 (284). Именования понятия ‘жених’

Легенда карты

1) **oluh**
2) **oluh/hibg’**
3) **mel’hiine**
4) **ženih**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **oluh**: *ср* Pnd, Kj, Vl
2) **oluh/hibg’**: *ср*Vär
3) **mel’hiine**: *сев* Per // *ср* Kor, Päž, Kj, Pnd // *южн* Krl, Ars
4) **ženih**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Rih, Ladv, Mg, Jä, En, Nem, Vil, Pec, Reb, Noid, Kor, Har, Nür, Jog, Šim, Vär, Kj // *южн* Mai, Mas, Šid, Ars, Sod

Цифровой индекс

1) **oluh**: 53Pnd, 54Kj,55Vl
2) **oluh/hibg’**: 49Vär
3) **mel’hiine**: 15Per, 37Kor, 53Pnd, 54Kj, 56Päž, 67Krl, 74Ars
4) **ženih**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 54Kj, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — ženih; 2–6 — нет сведений; 7 — ženih; 8–9– нет сведений; 10 — ženih; 11–12 — нет сведений; 13 — ženih; 14 — нет сведений; 15 — mel’hiine [VVS] ‘любимый, возлюбленный’; 16–23– нет сведений; 24 — ženih; 25 — нет сведений; 26 — ženih; 27– нет сведений; 28 — ženih; 29 — нет сведений; 30–31 — ženih; 32 — нет сведений; 33–35 — ženih; 36 — нет сведений; 37 — ženih, mel’hiine [VVS] ‘любимый, возлюбленный’; 38–42 — ženih; 43–46 — нет сведений; 47 — ženih; 48 — нет сведений; 49 — ženih, oluh/hibg’; 50–52 — нет сведений; 53 — oluh, mel’hiine ‘возлюбленный, миленок’ [СВЯ: 326]; 54 — ženih, oluh, mel’hiine ‘возлюбленный, миленок’ [СВЯ: 326]; 55 — oluh; 56 — mel’hiine, ženih; 57–59 — нет сведений; 60 — ženih; 61–63 — нет сведений; 64 — ženih; 65–66 — нет сведений; 67 — mel’hiine ‘возлюбленный, миленок’ [СВЯ: 326]; 68 — нет сведений; 69 — ženih; 70–71 — нет сведений; 72 — ženih; 73 — нет сведений; 74 — ženih; mel’hiine ‘возлюбленный, миленок’ [СВЯ: 326]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Сбор именований понятия ‘жених’ вызвал затруднения, поскольку они переплелись со значениями ‘милый’, ‘любимый’, ‘возлюбленный’, хотя было понятно, что у жениха в сообществе должен быть иной статус, нежели у просто любимого. Но информанты затруднялись в объяснениях понятий, настаивая на своих вариантах именований. В результате было решено объединить их ответы и разместить на одной лингвистической карте, а в списке картографируемого материала включить некоторые разъяснения, если они были получены.

Наиболее употребительным именованием жениха в вепсских языковых ареалах выступает русское заимствование *ženih*. Данное заимствование широко вошло и в карельские говоры в формах *šenihhä, ženihä, ženihy* в значении ‘жених; сваты, сватающие’ [KKS 1997: 335].

Лексема *oluh*, свойственная восточновепсским говорам, среди них и говору Кривозера (Vär) в форме сложного слова *oluh/hibg’* (*oluh* ‘жених’ + *hibg’* ‘тело’), не имеет убедительной этимологии в вепсском языке. Вряд ли вепсская лексема *oluh* является в этом случае русским заимствованием. В русском языке слово *олух* широко употребительно в выражении ‘*олух* царя небесного’. Полагают, что оно восходит к первоначальному фонетическому облику *волух* ‘воловий пастух’ [Фасмер 1987: 136].

Возможно, это не может быть продуктивным, но все же вепсскую лексему *oluh* мы попытаемся сравнить с лексемой *ylkä*, которая в финском языке употребляется в возвышенном стиле в значении ‘жених’ со времен М. Агриколы. По мнению К. Хяккинен, лексема *ylkä* первоначально могла иметь вид *yrkä*, чему есть соответствия в дальнородственных языках, например, в марийском языке *erge* ‘мальчик, молодой человек’, в венгерском *er* употребляется в составе сложных слов, например, *ember* ‘человек’ [Häkkinen 2007: 1533].

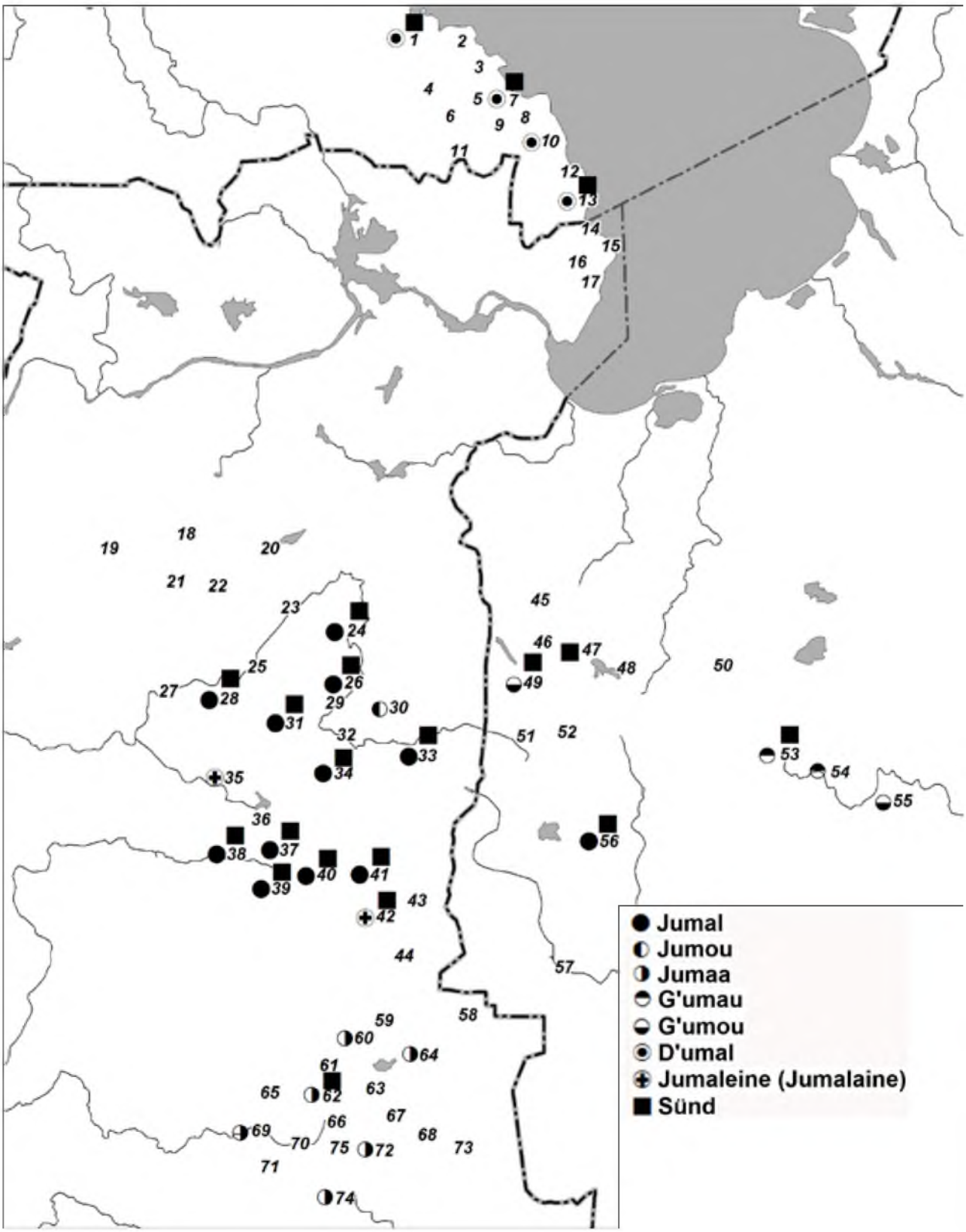
Лексема *mel’hiine*, которая является производной от многозначного существительного *mieli*

‘настроение, ум, мысли и т. д.’ [SSA 1995: 165], обладает общим именованием возлюбленного или возлюбленной, обозначая также и жениха.

Таким образом, лексика такого важного семантического пласта, как ‘семья, родственные отношения и т. д.’, в этом случае свидетельствует о значительном влиянии русского языка. Восточновепсский вариант *oluh* выбивается вновь из общей канвы вепсской лексики, свидетельствуя о возможных связях с иными соседними народами.

Н. Г. Зайцева

104 (286). Именования понятия ‘Бог’

Легенда карты

1) **Jumal**
Jumou
Jumaa
G’umau
G’umou
D’umal
Jumaleine (Jumalaine)
2) **Sünd**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **Jumal**: *ср* Ladv, Mg, Jä, Vil, Pec, Nem, Kor, Nür, Reb, Jog, Har, Päž
Jumou: *ср* Rih
Jumaa: *южн* Šid, Sar, Sod, Mas, Mai, Ars
G’umau: *ср* Pnd, Kj
G’umou: *ср* Vär, Vl
D’umal: *сев* Š, Št, Kl, Kas
Jumaleine (Jumalaine): *ср* En, Noid
2) **Sünd:** *сев* Š, Št, Kas // *ср* Ladv, Mg, Jä, Vil, Pec, Nem, Noid, Nür, Reb, Jog, Har, Šim, Päž, Pnd, Vär // *южн* Čai

Цифровой индекс

1) **Jumal**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 56Päž
Jumou: 30Rih
Jumaa: 60Šid, 62Sar, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
G’umau: 53Pnd, 54Kj
G’umou: 49Vär, 55Vl
D’umal: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas
Jumaleine (Jumalaine): 35En, 42Noid
2) **Sünd:** 1Š, 7Št; 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 56Päž, 62Čai

Список картографируемого материала

1 — D’umal ‘Бог’, Sünd: Sünd sötai ‘Иисус Христос’; 2–6 — нет сведений; 7 — D’umal ‘Бог’, Sünd; 8–9 — нет сведений; 10 — D’umal ‘Бог’; 11–12 — нет сведений; 13 — D’umal ‘старший Бог’, Sünd ‘Иисус Христос’; 14–23 — нет сведений; 24 — Jumal ‘Бог’, Sünd ‘Бог’; 25 — нет сведений; 26 — Jumal ‘святой отец, Бог’, jumaleine ‘икона’, Sünd ‘обращение к Богу’; 27 — нет сведений; 28 — Jumal ‘Бог’, (jumaleine ‘икона’), Sünd ‘Боженька’; 29 — нет сведений; 30 — Jumou ‘Бог’; 31 — Jumal ‘Бог’, Sünd ‘Бог’; 32 — нет сведений; 33 — Jumal ‘Бог’, (jumaleine ’икона’), Sünd ‘Господь Бог’; 34 — Jumal ‘Бог, повелитель, создатель мира, он на небе’, Sünd ‘податель всех благ, Господь, он как бы на земле, ближе к людям (= Иисус Христос?)’; 35 — Jumaleine ‘Бог’; 36 — нет сведений; 37 — Jumal ‘Бог’, Sünd ‘Бог’; 38 — Jumal ‘Бог’; Sünd ‘так называют Бога’; 39 — Jumal ‘Бог’, Sünd ‘Бог’; 40 — Jumal ‘Бог’, Sünd ‘так называли Бога’; 41 — Jumal ‘Бог’, Sünd ‘тоже Бог, ‘при обращении Sünduine’; 42 — Jumalaine ‘Бог’, Sur’ Sünduine ‘великий Боже’; 43–46 — нет сведений; 47 — Sünd ‘это Бог’, Jumou ‘это гром, силы небесные’, 48 — нет сведений; 49 — G’umou ‘Бог’, Sur’ Sünduižem ‘мой великий Боже’ (в молитве при обращении к Богу)’; 50–52 — нет сведений; 53 — G’umau ’Бог’, ‘говорят: Sünd–Sötai’; 54 — G’umau ‘Бог’; 55 — G’umou ‘Бог’; 56 — Jumal ‘Бог’, Sünd ‘Всевышний’; 57–59 — нет сведений; 60 — Jumaa ‘Бог’; 61 — нет сведений; 62 — Sur’ Sünd [VVS] ‘Бог’, Sünd ‘Бог; Иисус Христос’[СВЯ: 533], Jumaa ‘Бог’ [СВЯ: 90]; 63 — нет сведений; 64 — Jumaa ‘Бог’; 65–68 — нет сведений; 69 — Jumaa ‘Бог’; 70–71 — нет сведений; 72 — Jumaa ‘Бог’; 73 — нет сведений; 74 — Jumaa ‘Бог’; 75 — нет сведений.

Комментарий

Работа по переводу Библии, к которой мы приступили в конце 1980-х годов, выявила значительное количество проблем, которые связаны, прежде всего, с лексикой и терминологией. В отдельных случаях не хватало совершенно обычных лексем, которые не являлись терминами, например: сорняк, сорная трава, плевел, чудо, шторм, буря (на море), именования различных камней, которые не встречаются на землях вепсов. Тем не менее названия многих ключевых понятий уже существовали в вепсском языке, хотя их надо было идентифицировать, определить их семантическое наполнение.

Отметим, что переводы некоторых молитв и частей из церковной литургии на вепсский язык были предприняты еще в XIX веке, и уже тогда встал вопрос терминологии. Известный финский

фольклорист и лингвист Э. Леннрот, будучи в поездке у вепсов летом 1842 года, перевел с помощью знатоков языка части Нагорной проповеди Евангелия от Матфея. В этом переводе для именования Бога используются лексемы *Tat* и *Jumal* [Lönnrot 2002: 26–28]. Лексема *Tat* (*< рус. *тятя* [SSA 2000: 250]) при сборе материала по вопроснику атласа не встретилась, хотя, конечно, она исключительно употребительна в языке вепсов в контаминациях Отец небесный, Отец милостивый и т. д. при обращении к Господу в молитвах, которые практически все переведены с русского языка. Но при просьбе сообщить именование высшего божественного существа, которое находится на небе, информанты приводили другие термины, которые характерны для вепсского языка.

В вепсском языке существует две лексемы для обозначения Бога: *Jumal* (*Jumou, Jumā*) и *Sünd*. Обе они известны практически во всех говорах вепсского языка и являются достаточно древними, поэтому, естественно, что в дохристианскую эпоху они входили в круг мифологической терминологии.

По поводу лексемы *Jumal* (фин. *Jumala*) авторы этимологического словаря пишут, что ранее ее считали ошибочно арийским заимствованием; скорее, она обладает финно-угорским возрастом, и известна, кроме прибалтийско-финских, еще (под знаком вопроса) мордовскому и марийскому языкам [SSA 2001: 247].

Исследователи отмечают, что лексема *Jumal* в прибалтийско-финских языках обладала некогда и такими значениями, как ‘знахарь, знаток; колдун’ [SSA 2001: 247]. В вепсском языке в настоящее время, как и в родственных языках, у слова *Jumal* главное значение — Бог, тем не менее семантика лексемы *Jumal* во многих случаях указывает на бога грома, поскольку некоторые информанты и сейчас при сборе материала для атласа утверждали: ‘*jumou* — это гром, силы небесные’(Šim)*. Э. Леннрот в свое время высказал предположение о возможной связи карельского существительного *jumu* ‘шум’ с лексемой *Jumala*. Исследовательница мифологии вепсов И. Ю. Винокурова, ссылаясь на Леннрота, также приняла эту точку зрения [Винокурова 2015: 145]. Однако этимологические словари не включают лексему *Jumala* в этимологическое гнездо *jumu*.

Лексема *Jumal* в настоящее время распространена во всех говорах вепсского языка, однако в ее фонетическое оформление, как свидетельствует список картографируемого материала, каждый говор внес свои особенности (северновепс. *D'umal*, средневепс. *G'umou*, *Jumal*, *Jumou*, южновепс. *Jumaa*), которые связаны с фонетическими закономерностями развития говоров**. В отдельных случаях появились диминутивные формы типа *Jumaleine,* которые в языке вепсов чрезвычайно популярны, указывая на особую уважительность в отношении называемого субъекта.

В вепсском языке издревле существовала и лексема *Sünd*. Названная лексема, скорее всего, связана с глаголом *sünduda* ‘родиться, рождаться’ [SKES 1969: 1147], который является возможным древним праиранским заимствованием (**dzen(h)*- ‘родить’ [SSA 2000: 231]). При этом авторы последнего этимологического словаря финского языка в гнезде *syntyä* ‘родиться’, где размещен и вепсский глагол *sünduda*, не рассматривают лексемы, идентичные вепсской *Sünd*. Посчитали ли авторы данного словаря эту связь невозможной или настолько явной, что не сочли нужным ее упоминать, как это сделали авторы SKES, сказать трудно. Данная лексема не столь распространена в вепсских диалектах, нежели лексема *Jumal*, тем не менее она известна во всех группах говоров.

При сборе материала была поставлена задача попытаться выявить разницу в значении или употреблении данных лексем. Многие информанты утверждали, что «*Jumal* — ‘Бог’; *Sünd* ‘тоже Бог; ‘при обращении часто говорят — *Sünduine*’ (Reb); *Jumal* ‘Бог’; *Sünd* ‘так называют Бога’ (Jog); *Jumal* — ‘это Бог, повелитель, создатель мира, он на небе’; *Sünd* ‘податель всех благ; Господь, он как бы на земле, ближе к людям (= Иисус Христос (?))» (Mg).

Часто лексема *Sünd* употребляется вместе с прилагательным *sur'* ‘большой, великий’, а также *Sur' Sünduižem* ‘мой великий Боже’, где употреблена форма вокатива с притяжательным суффиксом ***-m***. Эти формулы больше характерны для молитвы или прямых обращений к Богу.

Тем не менее есть и такие объяснения, как *jumou* ‘это гром, силы небесные’, *Sünd* ‘это Бог’ (Šim). Авторы словаря вепсского языка [СВЯ: 533] также пишут, что ‘*Sünd* — это Бог, Иисус Христос’, т. е. в этом случае *Sünd* стал у вепсов своеобразным именем Иисуса Христа. На наш взгляд, именование Бога *Sünd* в вепсском языке значительно больше связано с культурой и духом христианства, нежели у карелов, где данная лексема, напротив,

* См. список картографируемого материала к лингвистической карте и его пояснения, полученные в полевых условиях.

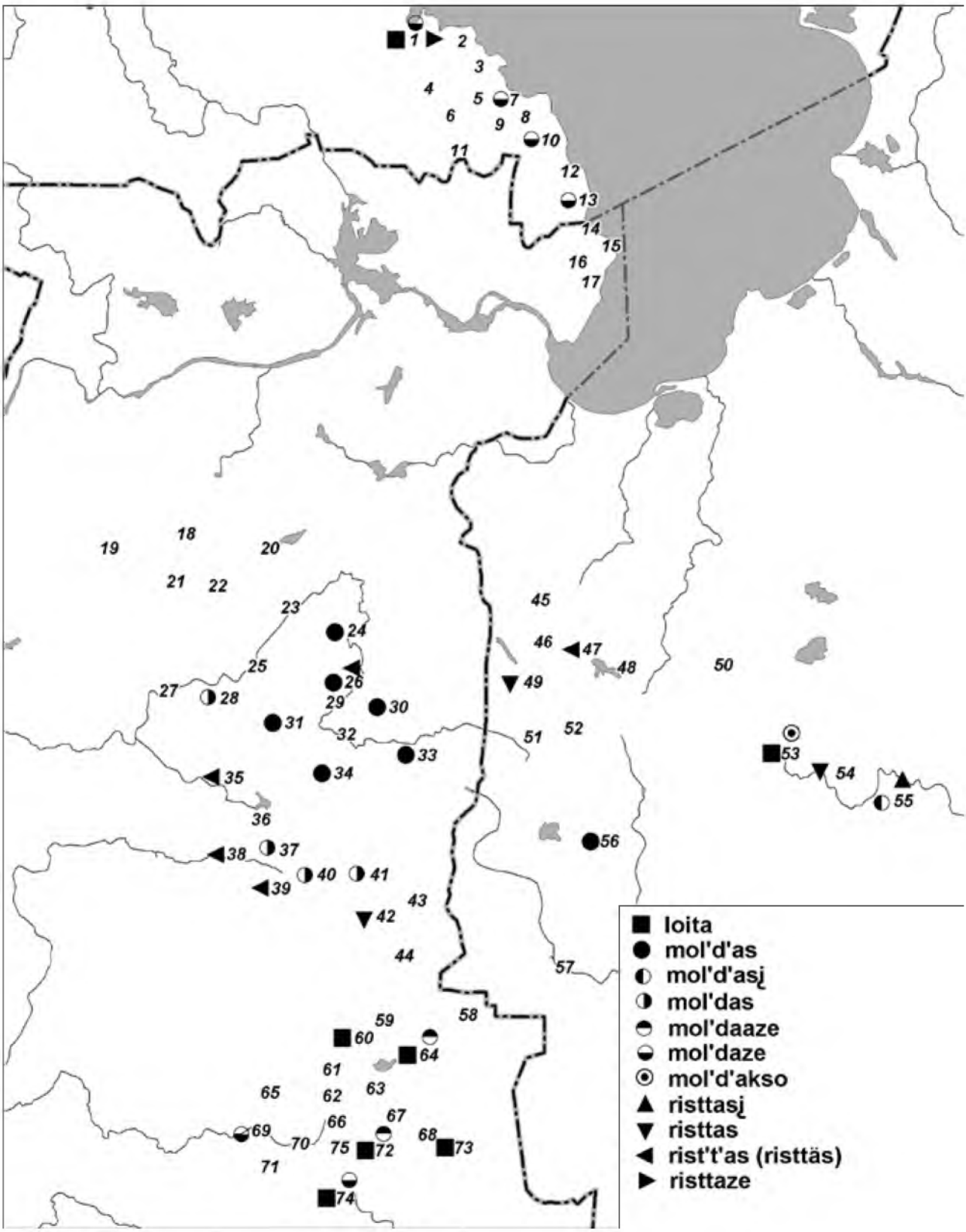
** См. 15 карту ЛАВЯ о репрезентации исторического *j* в диалектах вепсского языка. В свою очередь, о вокализации *l* и переходе в *u*, а также появлении долгого гласного вторичного происхождения *aa* неоднократно упоминалось в разделе, посвященном фонетическим и грамматическим картам [см. дополнительно: Tunkelo 1946: 433–435].

принадлежит лишь мифологии. Она обозначает там некое мифологическое существо, которое, по поверьям, является во время с Рождества до Масленицы и которое включено носителями языка в различного типа рождественские гадания [KKS 1997: 607]. С этим согласна и исследовательница мифологии вепсов И. Ю. Винокурова, уточняя, что мифологические мотивы у лексемы *Sünd*, встречающиеся у северных вепсов, появились от южных карелов [Винокурова 2015: 187].

Таким образом, сбор именований для атласа данного исключительно важного с культурной точки зрения понятия и построение карты не стали какими-то определяющими для диалектов. Но они дали возможность на основании суждений представителей народа глубже разобраться в их употреблении в говорах и их семантике.

Н. Г. Зайцева

105 (288). Именования понятия ‘молиться’

Легенда карта

1) **loita**
2) **mol’d’as**
mol’d’asį
mol’das
mol’daaze
mol’daze
mol’d’akso
3) **risttasį**
risttas
rist’t’as (risttäs)
risttaze

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **loita**: *сев* Š // *ср* Pnd // *южн* Sod, Mai, Šid, Vg, Ars
2) **mol’d’as**: *ср* Jä, Rih, Pec, Ladv, Mg, Nem, Päž
mol’d’asį *ср* Vl
mol’das: *ср* Vil, Kor, Nür, Reb
mol’daaze: *южн* Sod, Mai
mol’daze: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *южн* Mas, Ars
mol’d’akso: *ср* Pnd
3) **risttasį**: *ср* Vl
risttas: *ср* Noid, Vär, Kj
rist’t’as (risttäs): *ср* Jä, En, Jog, Har, Šim
risttaze: *сев* Š

Цифровой индекс

1) **loita**: 1Š, 53Pnd, 60Šid, 64Sod, 72Mai, 73Vg, 74Ars
2) **mol’d’as**: 24Nem, 26Jä, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 56Päž
mol’d’asį 55Vl
mol’das: 28Vil, 37Kor, 40Nür, 41Reb
mol’daaze: 64Sod, 72Mai
mol’daze: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 69Mas, 74Ars
mol’d’akso: 53Pnd
3) **risttasį**: 55Vl
risttas: 42Noid, 49Vär, 54Kj
rist’t’as (risttäs): 26Jä, 35En, 38Jog, 39Har, 47Šim
risttaze: 1Š

Список картографируемого материала

1 — mol’daze, risttaze ‘креститься, молиться’ [СВЯ: 475], loita ‘молиться, освящать (напр., ‘новотел)’ [СВЯ: 296]; 2–6 — нет сведений; 7 — mol’daze (hän moliže ‘он молится’); 8–9 — нет сведений; 10 — mol’daze; 11–12 — нет сведений; 13 — mol’daze; 14–23 — нет сведений; 24 — mol’d’as; 25 — нет сведений; 26 — mol’d’as, rist’tas ‘креститься, молиться’ [СВЯ: 475]; 27 — нет сведений; 28 — mol’das; 29 — нет сведений; 30 — mol’d’as; 31 — mol’d’as; 32 — нет сведений; 33–34 — mol’d’as; 35 — rist’t’as; 36 — нет сведений; 37 — mol’das; 38 — rist’t’as; 39 — risttäs; 40–41 — mol’das; 42 — risttas; 43–46 — нет сведений; 47 — risttäs; 48 — нет сведений; 49 — risttas; 50–52 — нет сведений; 53 — mol’d’akso, loita ‘молиться, освящать (напр., новотел)’ [СВЯ: 296]; 54 — risttas; 55 — mol’d’asį, risttasį; 56 — mol’d’as; 57–59 — нет сведений; 60 — loita; 61–63 — нет сведений; 64 — loita, mol’daaze; 65–68 — нет сведений; 69 — mol’daze; 70–71 — нет сведений; 72 — mol’daaze, loita (loičob — 3 лицо ед. числа); 73 — loita ‘молиться, освящать (напр., новотел)’ [СВЯ: 296]; 74 — mol’daze, loita [VVS] ‘молиться’; 75 — нет сведений.

Комментарий

В именовании понятия ‘молиться’ в языке вепсов отразилось взаимодействие элементов дохристианских верований и принятие христианства. Процесс христианизации на севере относят к XI–XII векам, «…когда знать и ее окружение, первыми принимавшие христианство, отказались от кремации умерших» [Строгальщикова 2016: 58].

Для именования понятия ‘молиться’ в архаичном южновепсском диалекте сохранилась лексема *loita*. Словари родственных языков, прежде всего, карельского, свидетельствуют, что в них данная лексема исключительно редка [см., напр.: KKS 1983: 146] и связана в большей степени с дохристианским прибалтийско-финским периодом, когда ее значение находилось в семантическом поле ‘колдовать, ворожить; заговаривать, говорить заговоры’ [SSA 1995: 88]. Иначе говоря, она не перешла в христианскую культуру и не приобрела нового значения, как это случилось в языке вепсов.

При этом немногочисленные рефлексы лексемы *loita*, кроме южновепсского, в средне- и северновепсском диалектах свидетельствуют о более

широком бытовании данной лексемы в языке ранее. Об этом говорит и такое ее значение, как ‘совершать обряд новотела’ [СВЯ: 296]. Очевидно, что и в вепсском языке некогда ее главное значение было сосредоточено на семантике ‘колдовать, ворожить’. С приходом христианства лексема приобрела еще значение ‘ругать, бранить’ [СВЯ: 296], а позднее была вовлечена в новый круг значений ‘молиться, говорить молитвы’, характеризуя, прежде всего, архаичный южновепсский диалект.

В другие диалекты были усвоены русские заимствования *mol'das* и *risttas*. Глагол *mol'das* (< рус. *молиться*) в языке вепсов обладает диалектными отличиями лишь в оформлении возвратного суффикса инфинитива *-s/-ze/-kso*, что отражено на лингвистической карте*.

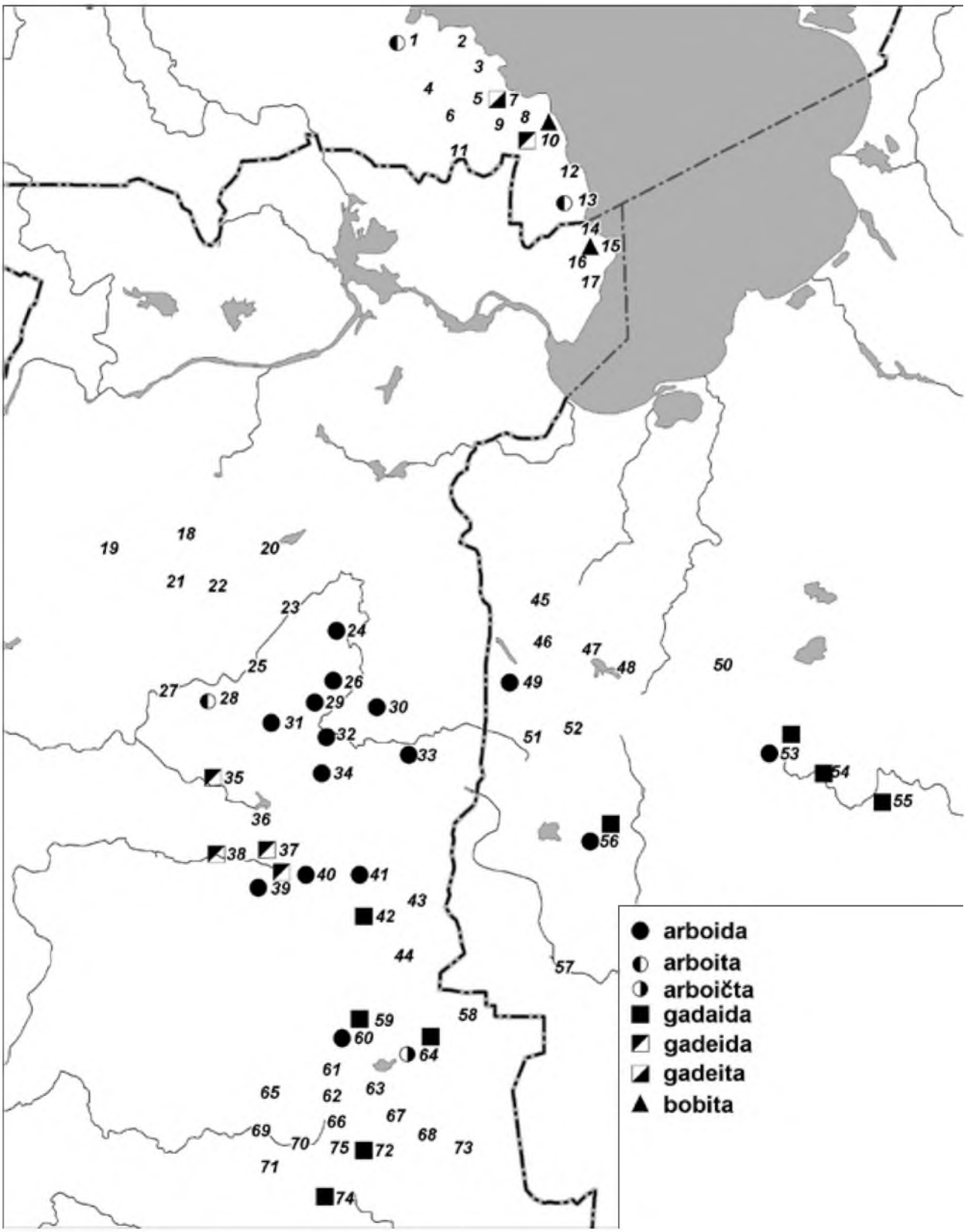
Глагол *креститься* в русском языке имеет два значения: ‘принимать христианскую веру’ и ‘делать рукой жест креста’. В вепсском языке значение ‘принимать христианскую веру’ чаще всего обозначается собственным исконным глаголом *valatada* ‘поливать, обливать; крестить (совершать обряд крещения)’ [СВЯ: 611], который вошел в лексику ритуала крещения. Заимствованный же из русского языка глагол *risttas* (и существующие сейчас в языке его возвратные варианты) расширил несколько значение и стал обозначать не только ‘совершать само движение и делать рукой жест креста’, но и ‘молиться’.

Таким образом, глаголы, именующие понятие ‘молиться’, еще раз продемонстрировали архаику южновепсского диалекта в области лексики и показали возможности семантического развития исконных лексем, а также проиллюстрировали контакты с языком-соседом в области культурного развития.

Н.Г. Зайцева

* О суффиксах возвратности в форме инфинитива и их представленности в диалектах вепсского языка см. также 28 карту ЛАВЯ.

106 (290). Именования понятия ‘гадать’

Легендакарты

1) **arboida**
arboita
arboičta

2) **gadaida**
gadeida
gadeita

3) **bobita**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **arboida**: *ср* Nem, Jä, Sj, Rih, Pec, Šon, Ladv, Mg, Har, Nür, Reb, Vär, Pnd, Päž // *южн* Šid
arboita: *сев* Š, Kas // *ср* Vil
arboičta: *южн* Sod

2) **gadaida**: *ср* Noid, Pnd, Kj, Vl, Päž // *южн* Šid, Sod, Mai, Ars
gadeida: *сев* Kl // *ср* En, Kor, Jog, Har
gadeita: *сев* Št

3) **bobita**: *сев* Kl, Per

Цифровой индекс

1) **arboida**: 24Nem, 26Jä, 29Sj, 30Rih, 31Pec, 32Šon, 33Ladv, 34Mg, 39Har, 40Nür, 41Reb, 49Vär, 53Pnd, 56Päž, 60Šid
arboita: 1Š, 13Kas, 28Vil
arboičta: 64Sod

2) **gadaida**: 42Noid, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 72Mai, 74Ars
gadeida: 10Kl, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har
gadeita: 7Št

3) **bobita**: 10Kl, 15Per

Список картографируемого материала

1 — arboita; 2–6 — нет сведений; 7 — gadeita; 8–9 — нет сведений; 10 — gadeida, bobita [СВЯ: 45]; 11–12 — нет сведений; 13 — arboita; 14 — нет сведений; 15 — bobita [NVM 1935: 165]; 16–23 — нет сведений; 24 — arboida; 25 — нет сведений; 26 — arboida; 27 — нет сведений; 28 — arboita; 29–34 — arboida; 35 — gadeida; 36 — нет сведений; 37–38 — gadeida; 39 — arboida, gadeida; 40–41– arboida; 42 — gadaida; 43–48 — нет сведений; 49 — arboida; 50–52 — нет сведений; 53 — arboida, gadaida; 54–55 — gadaida; 56 — arboida, gadaida; 57–59 — нет сведений; 60 — arboida, gadaida; 61–63 — нет сведений; 64 — arboičta, gadaida; 65–71 — нет сведений; 72 — gadaida; 73 — нет сведений; 74 — gadaida; 75 — нет сведений.

Комментарий

Исконная лексема *arboida* ‘гадать, бросать жребий’ и ее варианты сохранились спорадически во всех вепсских диалектных ареалах. Этот глагол образован от вепсского существительного *arb* ‘жребий’, которое входит в этимологическое гнездо *arpa* с аналогичной семантикой [SKES: 24]. SSA высказывает предположение о возможном германском заимствовании данной лексемы в прибалтийско-финские языки [SSA 2001: 83].

Глагол в варианте *arboida* известен средневепсскому и южновепсскому диалектам. Его гласная основа в этом случае совпадает с той частью слова, которая находится перед суффиксом I инфинитива *-da* (*arboi-b* ‘(он) гадает’). Фонетический вариант *arboita* зафиксирован в северновепсском диалекте, где глагол маркируется иным вариантом суффикса I инфинитива (*-ta*), свидетельствующем и об ином типе гласной основы *-če*: *arboičeb*. Зафиксированная в южновепсском п. Сидорово (Sod) форма *arboičta* объясняет, каким образом шло развитие формы I инфинитива глагола: *arboičta* > *arboita* > *arboida*. Усечение в основе звука *č* привело к озвончению показателя инфинитива (*-ta* > *-da*), что в целом не является закономерным (ср. глаголы *valita* ‘выбирать’, *sebata* ‘обнимать’ и т. д.), а также переходу глагола из разряда двухосновных в разряд одноосновных [см. об этом также: Зайцева 2002: 31–32].

В диалектном словаре вепсского языка приведена лексема *bobita* в значении ‘гадать на камешках’ [СВЯ: 45]. Слово зафиксировано в северновепсском ареале. Глаголом *bobita* именовали один из видов гадания, при котором на столе раскладывались камешки. Соответственно существительными *bobad, bobaižed* называли камешки для гадания. Этнологи относят этот вид гаданий к широко распространенной в Восточной Европе традиции ‘гадания на бобах’, усматривая происхождение вепсского *bobad, bobita* в русском ‘бобы’ [Винокурова 2015: 98].

Вепсы использовали вместо бобов камешки или кусочки картофеля, число которых было 40 или 41. В процессе гадания ворожея делила камешки на кучки, затем брала, отсчитывала, перемещала, в результате получала положительный или отрицательный ответ в зависимости от расклада камешков [Винокурова 2015: 98–100]. Отметим, что в вепсском языке слово *bobaine* (мн. число *bobaižed*) означает ‘игрушка’. В карельском языке *boba*, *bobaine* — также ‘игрушка’ [Макаров 1990: 26], в говорах русского языка *боба* — детская игрушка [СРНГ 1968: 35]. Там же находим интересную параллель *бобочка* — ‘каменная игрушка’, лексема, зафиксированная в северорусских уездах [СРНГ 1968: 38]. Здесь обнаруживаются контакты на уровне заимствования не только лексем, но и самого способа гадания у русских соседей.

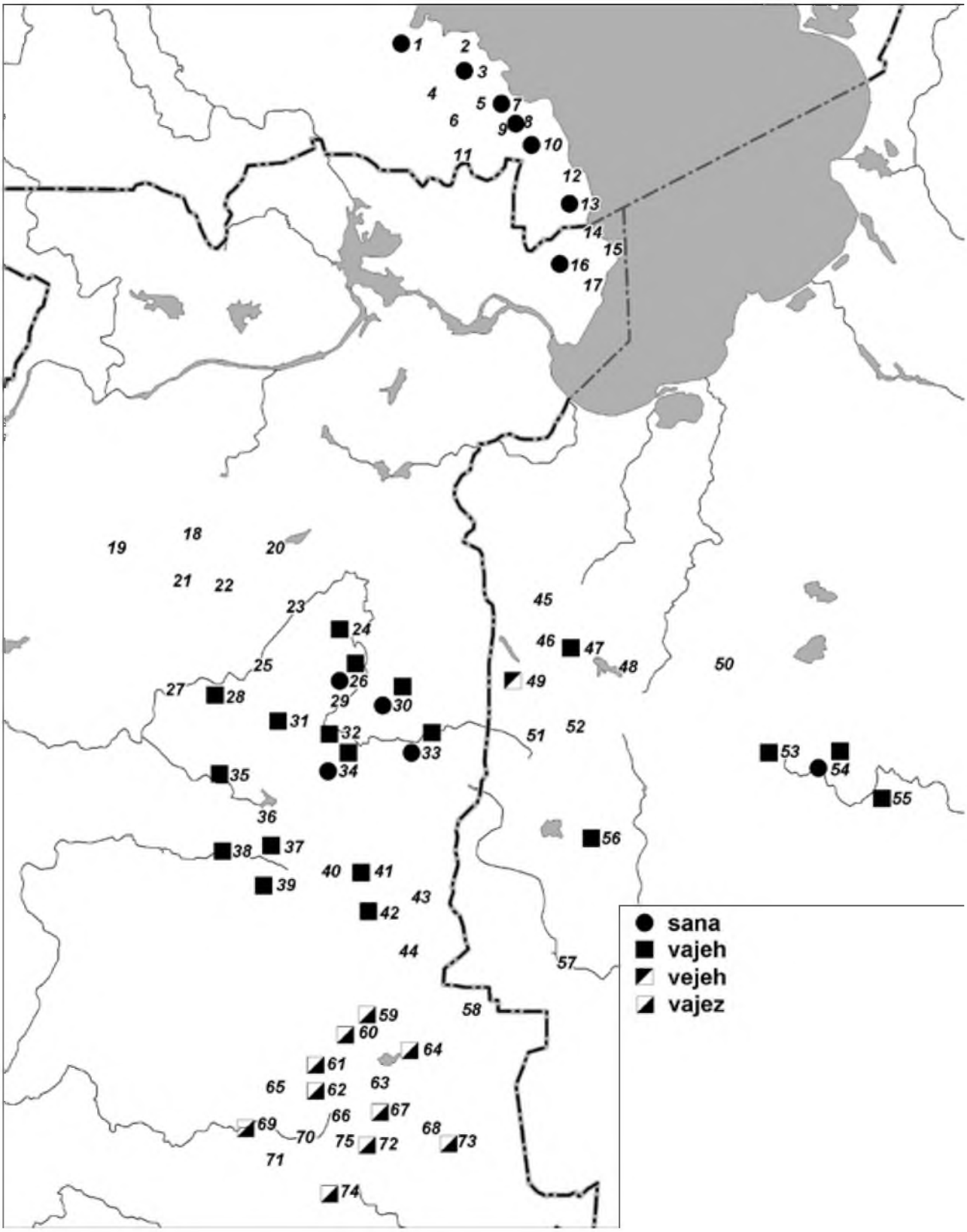
Наряду с исконными лексемами повсеместно используется и заимствованный из русского языка глагол *gadaida* и вариант *gadeida,* в котором произошел характерный для диалектов вепсского языка звукопереход: дифтонг *ai* > *ei*.

Таким образом, во всех говорах вепсского языка сохранилась прибалтийско-финская лексема, хотя параллельно с ней отмечены и русскоязычные заимствования.

О. Ю. Жукова

Абстракные понятия, наименования

107 (291). Именования понятия ‘слово’

Легенда карты

1) **sana**
2) **vajeh**

vejeh
vajez

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **sana**: *сев* Š, Veh, Št, Mec, Kl, Kas, Him // *ср* Jä, Rih, Ladv, Mg, Kj
2) **vajeh**: *ср* Nem, Jä,Vil, Rih, Pec, Šon, Ladv, Mg, En, Noid, Reb, Kor, Jog, Har, Pnd, Kj, Vl, Päž, Šim

vejeh: *ср* Vär
vajez: *южн* Lah, Šid, Čai, Sar, Sod, Krl, Mas, Mai, Vg, Ars

Цифровой индекс

1) **sana**: 1Š, 3Veh, 7Št, 8Mec, 10Kl, 13Kas, 16Him, 26Jä, 30Rih, 33Ladv, 34Mg, 54Kj
2) **vajeh**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 32Šon, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž

vejeh: 49Vär
vajez: 59Lah, 60Šid, 61Čai, 62Sar, 64Sod, 67Krl, 69Mas, 72Mai, 73Vg, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — sana; 2 — нет сведений; 3 — sana [VV: 420]; 4–6 — нет сведений; 7 — sana; 8 — sana [СВЯ: 496]; 9 — нет сведений; 10 — sana; 11–12 — нет сведений; 13 — sana; 14–15 — нет сведений; 16 — sana; 17–23 — нет сведений; 24 — vajeh; 25 — нет сведений; 26 — vajeh, sana [СВЯ: 496]; 27 — нет сведений; 28 — vajeh; 29 — нет сведений; 30 — vajeh, sana; 31–32 — vajeh; 33–34 — sana, vajeh; 35 — vajeh; 36 — нет сведений; 37–39 — vajeh; 40 — нет сведений; 41–42 — vajeh; 43–46 — нет сведений; 47 — vajeh; 48 — нет сведений; 49 — vejeh; 50–52 — нет сведений; 53 — vajeh; 54 — vajeh, sana; 55–56 — vajeh; 57–58 — нет сведений; 59 — vajez [VV: 402]; 60 — vajez; 61 — vajez [VV: 402]; 62 — vajez [VV: 402]; 63 — нет сведений; 64 — vajez; 65–66 — нет сведений; 67 — vajez [VV: 535]; 68 — нет сведений; 69 — vajez; 70–71 — нет сведений; 72–74 — vajez; 75 — нет сведений.

Комментарий

Именование понятия 'слово' представлено в диалектах вепсского языка двумя лексемами: *vajeh (vajez)* и *sana*. Для северновепсского ареала характерно лишь существительное *sana*. Оно имеет общее прибалтийско-финское происхождение и выступает в других родственных языках в том же значении или со значением чего-либо высказанного (просьба, обещание, известие, новость) [SSA 2000: 153–154].

Sana фиксируется и на западновепсской территории, но с измененной семантикой. Информанты указывали на известность слова, но испытывали затруднения в его трактовке. Контекстное употребление выявило отдельные семантические варианты лексемы: *Osteižin, ka üks' sana, ele dengoid.* 'Купила бы, да одна причина (один момент), денег нет' (Rih); *Miš sana?* 'В чем дело? С какой стати?' (Ladv).

Средневепсские диалекты используют наиболее часто существительное *vajeh* 'слово': *muštatad vüu minun vaihed* (Pnd) 'еще вспомнишь мои слова' [СВЯ: 609]. В восточновепсском п. Кривозеро (Vär) зафиксирован вариант с изменением *a* > *e* в первом слоге: *vejeh*.

Этимологические словари финского языка относят вепсское *vajeh* к этимологическому гнезду *vaihe* 'стадия, фаза, этап, период', т. е. то, что находится между какими-то отдельными ступенями развития. Именно в этом значении употребляется данное слово в близкородственных языках [SKES: 1593]. В SKES приводится также термин *vahinikka* из фольклорной традиции води, где он означает мужчину, ведущего свадьбу [SKES: 1593]. Основу рассматриваемой лексемы находят и в более дальних финно-угорских языках [SSA 2000: 390].

В южновепсском диалекте слово оканчивается на *z (vajez)*. Имеет место фонетический переход конечной *h* в *z*. Известны лексемы с подобными вариантами окончаний: *herneh-hernez* 'горох', *kegäleh-kegalez* 'головешка', *tineh-tinez* 'беременная (о животном)'. В данном случае, как полагают исследователи, *z* не является продолжением исто-

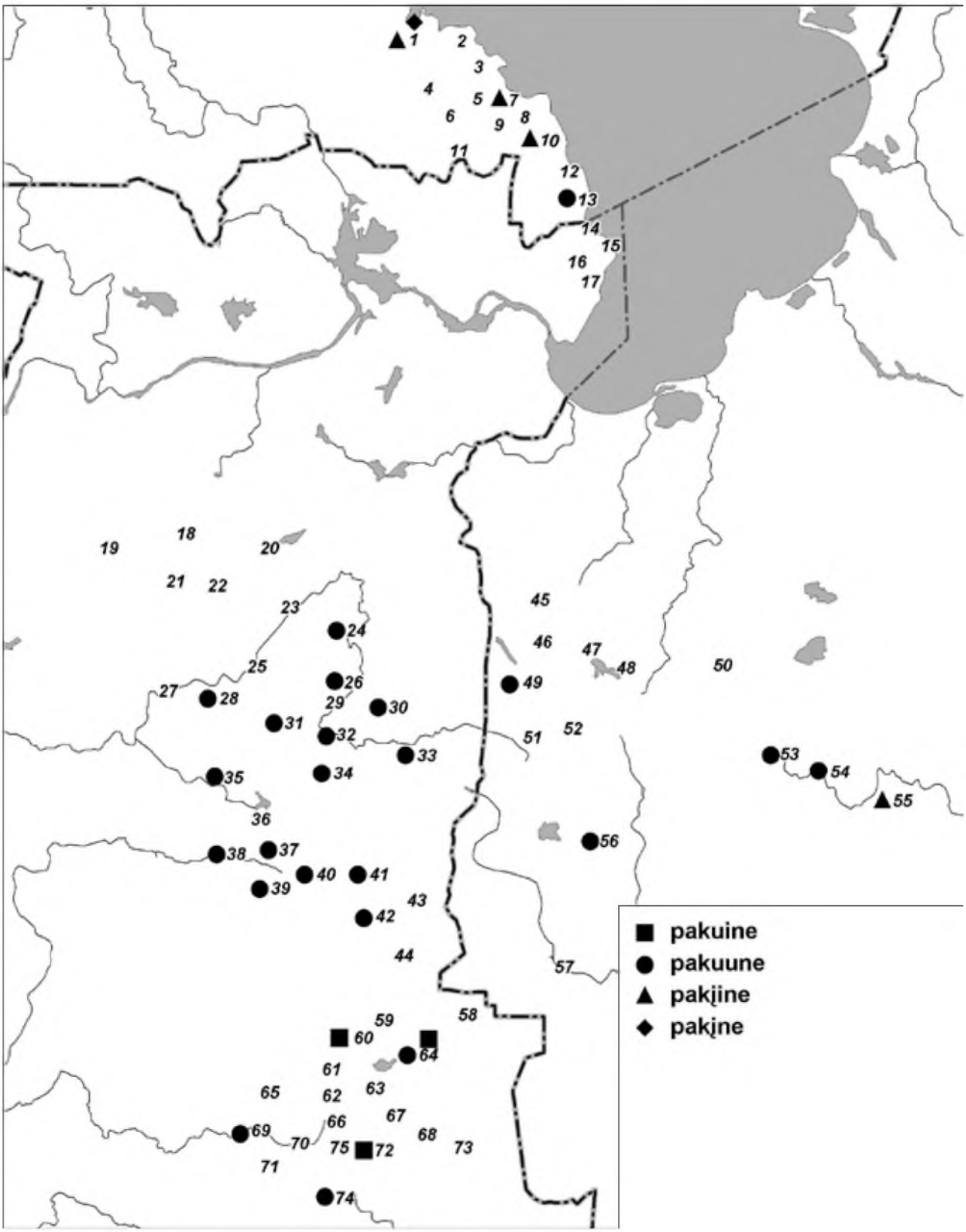
рического *s*, а возник вторично, где сработала аналогия по примеру: *kirv**h**en-kirvez* ‘топор’ [Tunkelo 1946: 295]*.

Таким образом, распространенная в прибалтийско-финской среде лексема *sana* активно используется северными вепсами, противопоставляя язык средних и южных вепсов северновепсскому языковому ареалу. Южным вепсам она не известна: при именовании понятия ‘слово’ ими используется лексема *vajez*. Средневепсскому же диалекту знакомы обе лексемы, однако более широко выступает существительное *vajeh*, которое в картографируемом значении является вепсской семантической инновацией. Лексема *sana* претерпела в средневепсском диалекте также некие семантические изменения, о которых было указано выше.

О. Ю. Жукова

* См. об этом также 11 карту ЛАВЯ.

108 (292). Именования понятия ‘желтый’

Легенда карты

1) **pakuine**
2) **pakuune**
3) **pakįine**
4) **pakįne**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **pakuine**: *сев* Kas // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Šon, Ladv, Mg, En, Noid, Reb, Kor, Jog, Har, Nür, Vär, Kj, Pnd, Päž // *южн* Mas, Sod, Ars
2) **pakuune**: *южн* Mai, Šid, Sod
3) **pakįine**: *сев* Š, Št, Kl // *ср* Vl
4) **pakįne**: *сев* Š

Цифровой индекс

1) **pakuine**: 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 32Šon, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 56Päž, 64Sod, 69Mas, 74Ars
2) **pakuune**: 60Šid, 64Sod, 72Mai
3) **pakįine**: 1Š, 7Št, 10Kl, 55Vl
4) **pakįne**: 1Š

Список картографируемого материала

1 — pakįine, pakįne [СВЯ: 395]; 2–6 — нет сведений; 7 — pakįine; 8–9 — нет сведений; 10 — pakįine; 11–12 — нет сведений; 13 — pakuine; 14–23 — нет сведений; 24 — pakuine, 25 — нет сведений; 26 — pakuine; 27 — нет сведений; 28 — pakuine; 29 — нет сведений; 30–35 — pakuine; 36 — нет сведений; 37–42 — pakuine; 43–48 — нет сведений; 49 — pakuine; 50–52 — нет сведений; 53–54 — pakuine; 55 — pakįine; 56 — pakuine; 57–59 — нет сведений; 60 — pakuune; 61–63 — нет сведений; 64 — pakuine, pakuune [СВЯ: 395]; 65–68 — нет сведений; 69 — pakuine; 70–71 — нет сведений; 72 — pakuune; 73 — нет сведений; 74 — pakuine; 75 — нет сведений.

Комментарий

При именовании желтого цвета вепсы используют всего одну лексему *pakuine*, но выступающую в разных фонетических вариантах, что позволило при построении карты показать фонетическое разнообразие и особенности говоров.

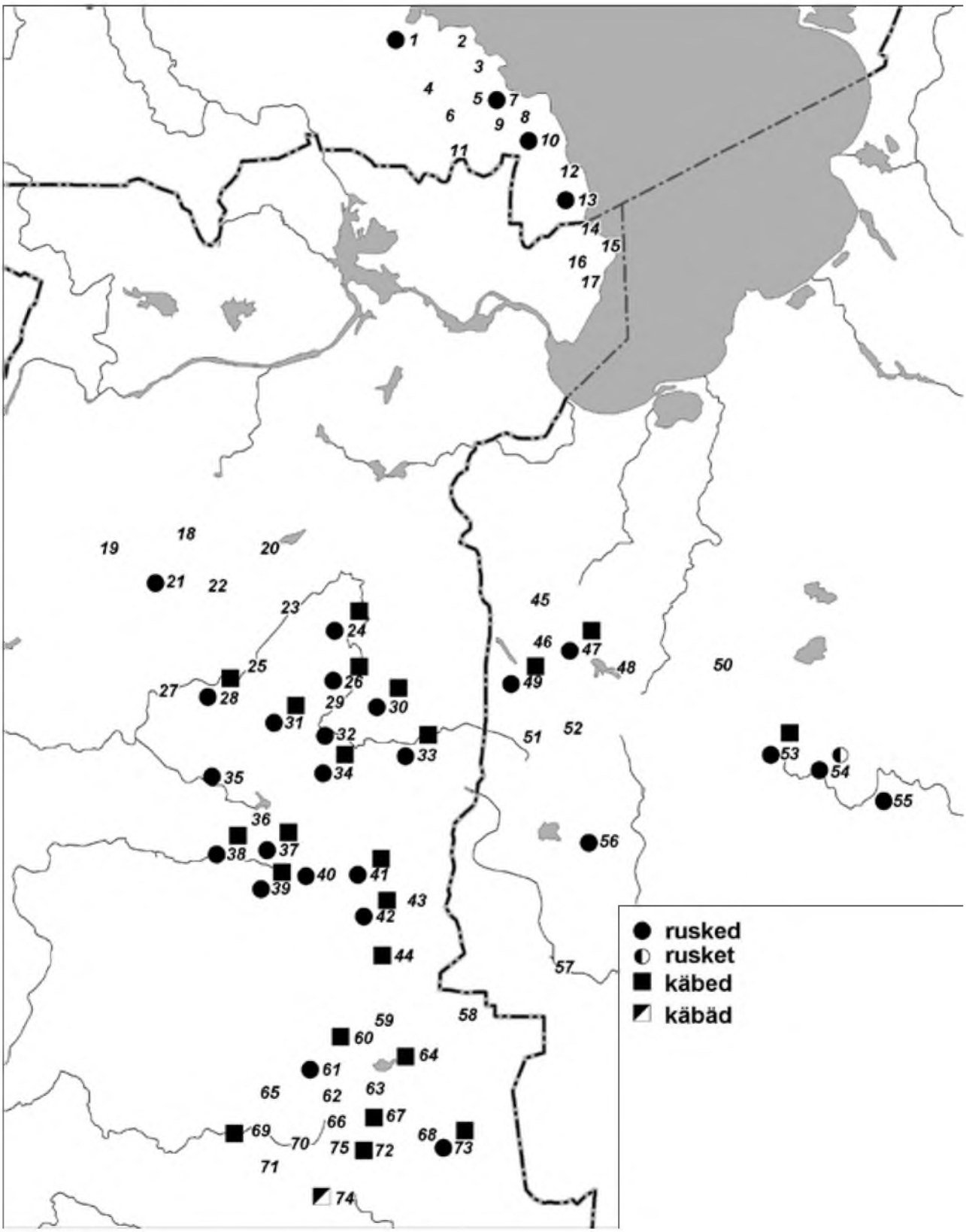
Этимологические словари объединяют вепсское прилагательное *pakuine* с финским словом *pakkunen*, обозначающим ‘некое растение, окрашивающее в желтый цвет’ [SKES: 470; SSA 1995: 297]. В ALFE уточняется, что это растение ‘череда трехраздельная’ (*Bidens tripartitus*), которой окрашивали шерсть и пряжу в желтый цвет [ALFE 2007: 273]. Родственные прибалтийско-финские языки для именования понятия ‘желтый’ используют другие лексемы, и лексема *pakuine* ‘желтый’ обнаруживается лишь в людиковских говорах, а также в отдельных говорах ливвиковского наречия (*pakkuine* [СОСД 2007: 48]), где она, скорее всего, является вепсским заимствованием.

Фонетические варианты прилагательного *pakuine* в говорах вепсского языка связаны с различными изменениями в использовании дифтонга ***-ui*** в середине слова. В южновепсском диалекте дифтонги, заканчивающиеся на ***-i***, перешли в долгий гласный ***-ui*** > ***-uu***, поэтому там фиксируется форма *pakuune*, но наряду с ней в трех пунктах (Mas, Sod, Ars) записана также форма *pakuine.* В северновепсском ареале используют вариант *pakįine* (*pakįne*). Здесь произошел процесс делабиализации дифтонга, ***-ui*** перешел в ***-ii*** [Tunkelo 1946: 804]. Этот процесс произошел и в отдельных средневепсских пунктах, например, в Войлахте (Vl).

Обобщая, скажем, что лексема *pakuine* внесла свой вклад в прибалтийско-финские именования желтого цвета, став семантической инновацией, возникшей в языке вепсов и использующейся повсеместно в вепсских говорах.

О. Ю. Жукова

109 (293). Именования понятия ‘красный’

Легенда карты

1) **rusked**
rusket

2) **käbed**
käbäd

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **rusked**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Kar, Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Šon, Ladv, Mg, En, Noid, Reb, Kor, Jog, Har, Nür, Vl, Vär, Kj, Pnd, Päž, Šim // *южн* Čai, Vg
rusket: *ср* Kj

2) **käbed**: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Noid, Korv, Reb, Kor, Jog, Har, Vär, Pnd, Šim // *южн* Krl, Mas, Mai, Šid, Sod, Vg
käbäd: *южн* Ars

Цифровой индекс

1) **rusked**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 21Kar, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 32Šon, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 61Čai, 73Vg
rusket: 54Kj

2) **käbed**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 38Jog, 39Har, 41Reb, 42Noid, 44Korv, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 60Šid, 64Sod, 67Krl, 69Mas, 72Mai, 73Vg
käbäd 74Ars

Список картографируемого материала

1 — rusked; 2–6 — нет сведений; 7 — rusked; 8–9 — нет сведений; 10 — rusked; 11–12 — нет сведений; 13 — rusked; 14–20 — нет сведений; 21 — rusked [СВЯ: 484]; 22–23 — нет сведений; 24 — rusked, käbed, 25 — нет сведений; 26 — rusked, käbed; 27 — нет сведений; 28 — rusked, käbed; 29 — нет сведений; 30–31 — rusked, käbed; 32 — rusked; 33–34 — rusked, käbed; 35 — rusked; 36 — нет сведений; 37–39 — rusked, käbed; 40 — rusked; 41–42 — rusked, käbed; 43 — нет сведений; 44 — käbed [Väisänen 1916: 55]; 45–46 — нет сведений; 47 — rusked, käbed [СВЯ: 263]; 48 — нет сведений; 49 — rusked, käbed [KKK 2012: 127; ВК]; 50–52 — нет сведений; 53 — rusked, käbed; 54 — rusked, rusket [СВЯ: 484]; 55–56 — rusked; 57–59 — нет сведений; 60 — käbed; 61 — rusked; 62–63 — нет сведений; 64 — käbed; 65–66 — нет сведений; 67 — käbed; 68 — нет сведений; 69 — käbed; 70–71 — нет сведений; 72 — käbed; 73 — rusked, käbed; 74 — käbäd; 75 — нет сведений.

Комментарий

Для называния красного цвета вепсы используют две лексемы: *rusked* и *käbed*. Первая, известная всем говорам вепсского языка, восходит к общеприбалтийско-финскому гнезду с основой *-ruske-*. Прилагательное с данной основой в близкородственных языках имеет семантику 'коричневый', 'бурый', 'красный' [SSA 2000: 110]. При обозначении конкретно красного цвета гнездо слов с основой *-ruske-* используется на востоке прибалтийско-финского региона [ALFE 2007: 277]. Это значение считают первоначальным, и вепсский, и карельский языки его сохранили. В финском и ижорском языках данная лексема стала означать коричневый цвет. В эстонском — это красно-желто-коричневый спектр цвета [ALFE 2007: 265]. Имеет смысл уточнить, что в говорах вепсского языка отсутствует прилагательное для обозначения коричневого цвета, поэтому лексемой *rusked* в вепсском языке могут именовать оттенки красно-коричневого спектра, например, красноватый окрас животных (корова, лошадь и т. д.).

Лексема *käbed* фиксируется в средневепсском и южновепсском диалектах. Этимологически она имеет прибалтийско-финское происхождение и соотносится с прилагательным *käpeä*, имеющим в финском языке семантику 'красивый, миловидный' [SSA 2001: 473]. В водском и ижорском языках лексемы на *käbe-* также используют в значении 'красивый'. В других близкородственных языках они имеют позитивные значения [ALFE 2007: 276]. SSA указывает на дескриптивное происхождение лексемы *käbe-* [SSA 2001: 473]. Этимологические словари финского языка отмечают значение вепсского *käbed* как 'милый', а также 'красный' или 'светло-красный' [SKES: 260]. В SSA высказывается предположение о возможном влиянии русской традиции на совпадение значений 'красный'–'красивый' [SSA 2001: 473]. Действительно, эти значения переплетаются на материале вепсского языка, оба прилагательных — и *rusked,* и *käbed* — могут использоваться со значением 'красный',

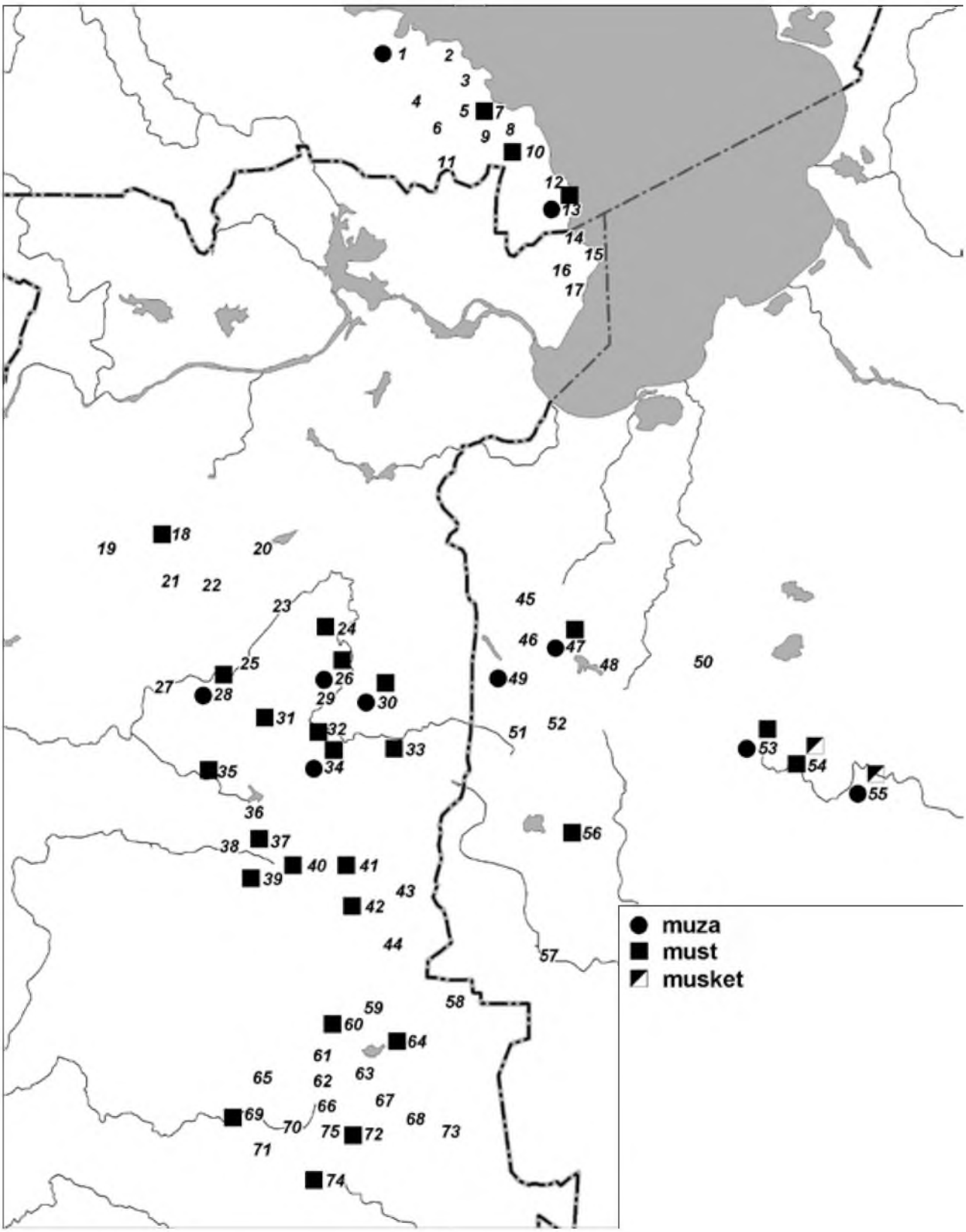
а также ‘красивый, хороший, милый’: *sonzar' hibjan* ***käbedaks*** *söi* (Krl) ‘блоха искусала тело до красноты’ [СВЯ: 259], ***käbed*** *modho* (Sod) ‘красивый на лицо’ [СВЯ: 259], *händikaz vareidab* ***rusttad*** (Jä) ‘волк боится красного’ [СВЯ 485], *tänämbei* ***rusked*** *pei* (Jä) ‘сегодня хороший день (хорошая) погода’ [СВЯ 485].

Käbed часто встречается в языке вепсских причитаний. Прилагательное стало выступать постоянным эпитетом к слову *kägoihut* ‘кукушечка‘ (*käbed kägoihut* ‘красивая (красная) кукушечка, птица, в образе которой возвращается в наш мир душа умершего человека’ [Жукова 2015: 78]). Лето (*kezaine*) также характеризуется эпитетом *käbed*: *käbed kezaine* ‘красное летушко’ [Жукова 2015: 81]. Даже руки оплакиваемого человека, как и все другие упоминаемые части тела, наделяются положительной семантикой, характеризуясь прилагательным *käbed*: *käbed kädut* ‘милая рученька’ [Жукова 2015: 152]. Выбор этого прилагательного в качестве поэтического эпитета фольклорной речи обусловлен аллитерационным созвучием с существительным, а также эмоционально-положительной семантикой, в нем заложенной.

Итак, при именовании понятия ‘красный’ в вепсском языке используется две лексемы, имеющие, кроме основного значения — красного цвета, просто позитивную семантику. Повсеместно на вепсской территории распространена лексема *rusked*, прилагательное же *käbed* характерно для языка средних и южных вепсов, но не фиксируется в северновепсском ареале. Его цветовая семантика, очевидно, вторична и может быть спровоцирована соответствующим русским семантическим сдвигом. В свою очередь, отсутствие у прилагательного цветовой семантики в северном далекте согласуется с карельскими данными и вызвано, очевидно, карельским влиянием. Записаны также фонетические варианты лексем (с оглушением *-d* на конце *rusket* в пункте Куя (Kj) и *käbäd* в пункте Радогощь (Ars)), которые являются единичными и не дают какой-либо ареальной дистрибуции.

О. Ю. Жукова

110 (294). Именования понятия ‘темный (по цвету)’

Легенда карты

1) **muza**

2) **must**
musket

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **muza**: *сев* Š, Kas // *ср* Jä, Rih, Mg, Vil, Vär, Šim, Pnd, Vl

2) **must**: *сев* Št, Kl, Kas // *ср* Kek, Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Šon, Ladv, Mg, En, Noid, Reb, Kor, Har, Nür, Šim, Päž, Pnd, Kj // *южн* Sod, Mas, Šid, Mai, Ars
musket: *ср* Vl, Kj

Цифровой индекс

1) **muza**: 1Š, 13Kas, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 34Mg, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 55Vl

2) **must**: 7Št, 10Kl, 13Kas, 18 Kek, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 32Šon, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 53Pnd, 54Kj, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
musket: 54Kj, 55Vl

Список картографируемого материала

1 — muza; 2–6 — нет сведений; 7 — must; 8–9 — нет сведений; 10 — must; 11–12 — нет сведений; 13 — must, muza; 14–17 — нет сведений; 18 — must [ВК]; 19–23 — нет сведений; 24 — must, 25 — нет сведений; 26 — must, muza [СВЯ: 341]; 27 — нет сведений; 28 — must, muza [СВЯ: 341]; 29 — нет сведений; 30 — muza, must; 31–33 — must; 34 — must, muza; 35 — must; 36 — нет сведений; 37 — must; 38 — нет сведений; 39–42 — must; 43–46 — нет сведений; 47 — must [СВЯ: 339], muza [СВЯ: 341]; 48 — нет сведений; 49 — muza; 50–52 — нет сведений; 53 — muza, must; 54 — must, musket [СВЯ: 339]; 55 — muza, musket; 56 — must; 57–59 — нет сведений; 60 — must; 61–63 — нет сведений; 64 — must; 65–68 — нет сведений; 69 — must; 70–71 — нет сведений; 72 — must; 73 — нет сведений; 74 – must; 75 — нет сведений.

Комментарий

При фиксации именований картографируемого понятия имелось в виду значение 'темный (по цвету)'. В вепсском языке существует лексема, несущая именно эту конкретную семантику — прилагательное *muza*. Оно известно обеим группам говоров средневепсского диалекта, а также фиксируется на северновепсской территории. Не удалось обнаружить ее только в языке южных вепсов. Здесь используется слово *must* 'черный' и в контексте темных оттенков цвета. В свою очередь, лексема *must* является общераспространенной по всему вепсскому ареалу. Ее называли как слово со значением 'темный' и в средневепсских, и северновепсских пунктах. Действительно, при градации цвета довольно темные оттенки, например, темно-коричневый, темно-синий или темно-бурый могли именовать прилагательным *must*. Но в отдельных пунктах средневепсского диалекта — в восточновепсской Пондале (Pnd) и в западновепсских деревнях Мягозеро и Азмозеро (Mg, Rih) — информанты подчеркивали разницу в значениях этих двух лексем, указывая, что *must* — это 'черный', а *muza* — 'темный, но по цвету не совсем черный'.

Оба рассматриваемых слова имеют общеприбалтийско-финское происхождение. *Must* относится к этимологическому гнезду *musta* с той же семантикой [SSA 1995: 183]. Прилагательное *muza*, следует, на наш взгляд, отнести к группе *museva* 'темный, черноватый', хотя этимологические словари и не включают вепсскую лексему в эту группу [SSA 1995: 183; SKES: 353]. В то же время, например, ливв. *muzavu* и люд. *muzav* 'темный, темно-коричневый' отражены в этимологических словарях, где отмечается, что обе этимологические группы (т. е. *musta* и *museva*), возможно, обладают общей основой [SSA 1995: 183; SKES: 353].

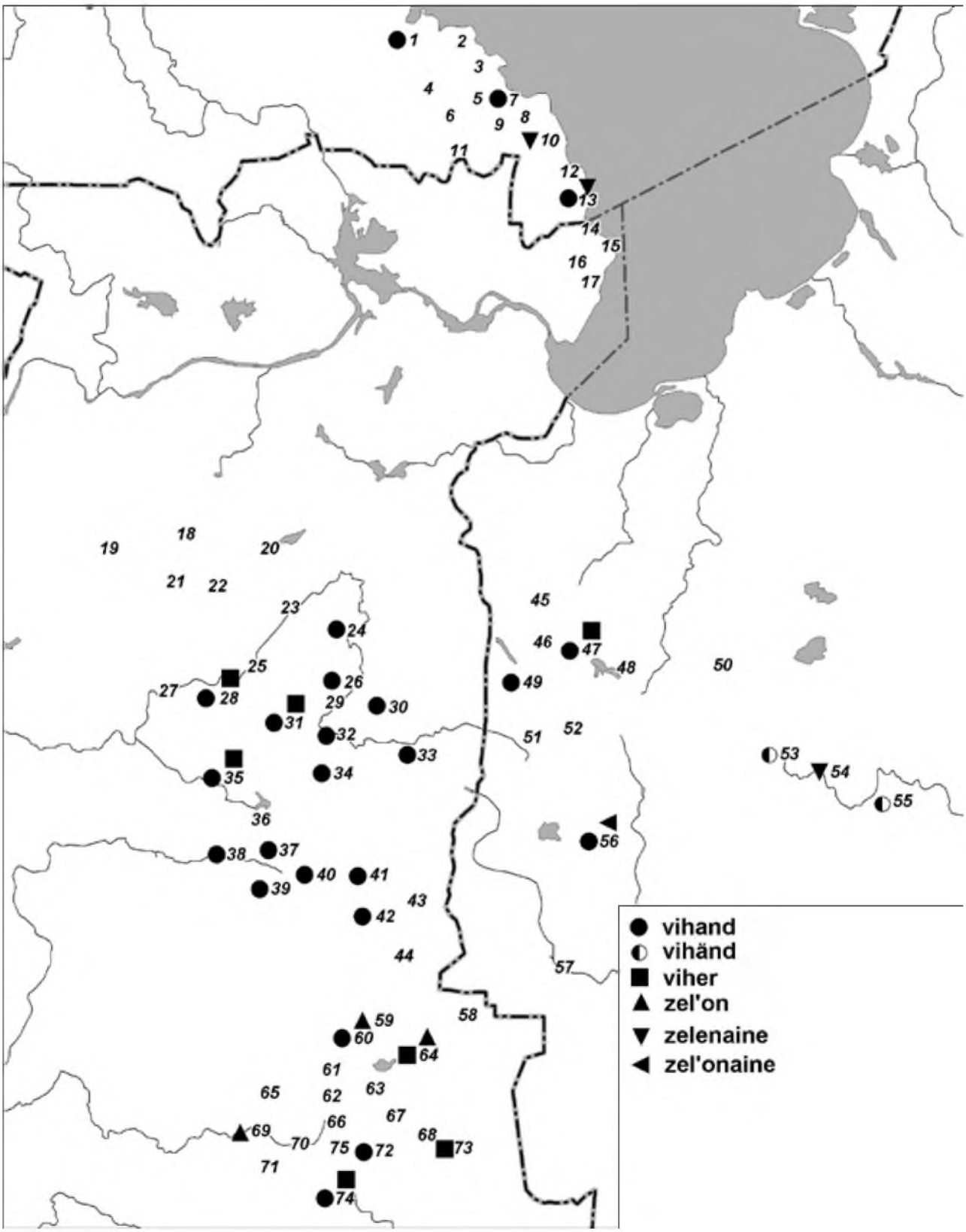
Поскольку отдельной статьи по именованию черного цвета в ЛАВЯ не планируется, то мы решили рассмотреть лексему *must* в рамках данной статьи. Лексема *must* отмечена в говорах вепсского языка в двух фонетических вариантах: *must* и *musket* (последний вариант отмечен в п. Войлахта

(Vl) на восточной окраине средневепсского ареала, а также в СВЯ в п. Куя (Kj) [СВЯ: 339]). Вероятно, здесь сработала структурная аналогия с такими прилагательными, как *vauged* ‘белый’, *rusked* (*rusket*) ‘красный’ → *musket* (< *musta*).

Таким образом, для именования понятия ‘темный’ при характеристике оттенков цвета в диалектах вепсского языка используют две лексемы, одна из которых указанной семантикой обладала первоначально (*muza*), у другой (*must*, *musket*) семантика ‘темный’ переплетается с семантикой ‘черный’, что характерно для всей вепсской территории.

О. Ю. Жукова

111 (295). Именования понятия ‘зеленый’

Легенда карты

1) **vihand**
vihänd
2) **viher**
3) **zel’on**
zelenaine
zel’onaine

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **vihand**: *сев* Š, Št, Kas // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Šon, Ladv, Mg, En, Noid, Reb, Kor, Jog, Har, Nür, Šim, Vär, Päž // *южн* Šid, Mai, Ars
vihänd: *ср* Vl, Pnd
2) **viher**: *ср* Vil, Pec, En, Šim // *южн* Sod, Vg,Ars
3) **zel’on**: *южн* Mas, Šid, Sod
zelenaine: *сев* Kl, Kas // *ср* Kj
zel’onaine: *ср* Päž

Цифровой индекс

1) **vihand**: 1Š, 7Št, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 32Šon, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 56Päž, 60Šid, 72Mai, 74Ars
vihänd: 53Pnd, 55Vl
2) **viher**: 28Vil, 31Pec, 35En, 47Šim, 64Sod, 73Vg, 74Ars
3) **zel’on**: 60Šid, 64Sod, 69Mas
zelenaine: 10Kl, 13Kas, 54Kj
zel’onaine: 56Päž

Список картографируемого материала

1 — vihand; 2–6 — нет сведений; 7 — vihand; 8–9 — нет сведений; 10 — zelenaine; 11–12 — нет сведений; 13 — vihand, zelenaine; 14–23 — нет сведений; 24 — vihand, 25 — нет сведений; 26 — vihand; 27 — нет сведений; 28 — vihand, viher [VVS]; 29 — нет сведений; 30 — vihand;31 — vihand, viher [СВЯ: 631]; 32–34 — vihand; 35 — vihand, viher [СВЯ: 631]; 36 — нет сведений; 37–42 — vihand; 43–46 — нет сведений; 47 — vihand [KKK 2012: 46; ВК], viher [KKK 2012: 46; ВК]; 48 — нет сведений; 49 — vihand; 50–52 — нет сведений; 53 — vihänd; 54 — zelenaine; 55 — vihänd; 56 — vihand, zel’onaine; 57–59 — нет сведений; 60 — vihand, zel’on; 61–63 — нет сведений; 64 — zel’on, viher [ОВР 1969: 265; ВК]; 65–68 — нет сведений; 69 — zel’on; 70–71 — нет сведений; 72 — vihand; 73 — viher [ОВР 1969: 256; ВК]; 74 — vihand, viher [СВЯ: 631]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Говоря о зеленом, подразумевают, прежде всего, оттенок, которым определяется цвет травы. Поэтому часто при опросе информанты задавали вопрос: «Как трава»?», — и приводили в контексте слово *hein* ‘трава’. Видимо, именно такая ассоциация сразу возникала у информантов при определении зеленого цвета.

В диалектах вепсского языка фиксируется три лексемы с указанной семантикой: *vihand, viher, zel’on* (*zelenaine*). Наиболее частотным является слово *vihand*, известное всем трем диалектам. На восточной окраине вепсского ареала функционирует вариант с переднеязычным ***-ä*** в середине слова: *vihänd* (Pnd, Vl). Вряд ли в данном случае имеет место своеобразный отголосок гармонии гласных, совсем не характерной для языка белозерских вепсов. Скорее всего, здесь явление того же порядка, когда былая «переднерядность гласных звуков содействовала смягчению согласного ***h***». Лексема имеет прибалтийско-финское происхождение и относится к этимологическому гнезду *vihanta* [SSA 2000: 436]. В ALFE подчеркивается, что основа *viha-* наиболее проявилась в восточной группе прибалтийско-финских языков [ALFE 2007: 282–283].

Большинство же близкородственных языков при именовании зеленого цвета используют прилагательные, относящиеся к группе *vihreä* [SSA 2000: 438]. Этимологический словарь SSA приводит фонетические аналогии указанного прилагательного из дальних финно-угорских языков [SSA 2000: 438]. Сюда же следует отнести вепсское *viher* ‘зеленый’. Лексема распространена в средневепсском и южновепсском ареале. Она семантически подчеркивает оттенок свежей, молодой зелени. С другой стороны, данная лексема, кроме основного значения, обладает поэтической образностью в языке фольклора, придавая характеризуемым словам значение ‘молодой, свежий’, напр. в причитании: *Sinä dumaid’, mišo sinun korktan koumaižen kastab* ***viher*** *vihmaine* (Pec) [ОВР 1969: 101] ‘Ты думаешь, что твою высокую

могилушку поливает ***свежий*** дождичек'. Для языка вепсских причитаний, в которых проявляется острое стремление к аллитерации, словосочетание *viher vihmaine* стало неразрывной парой, благодаря чему у слова *viher* и могло появиться значение 'свежий'.

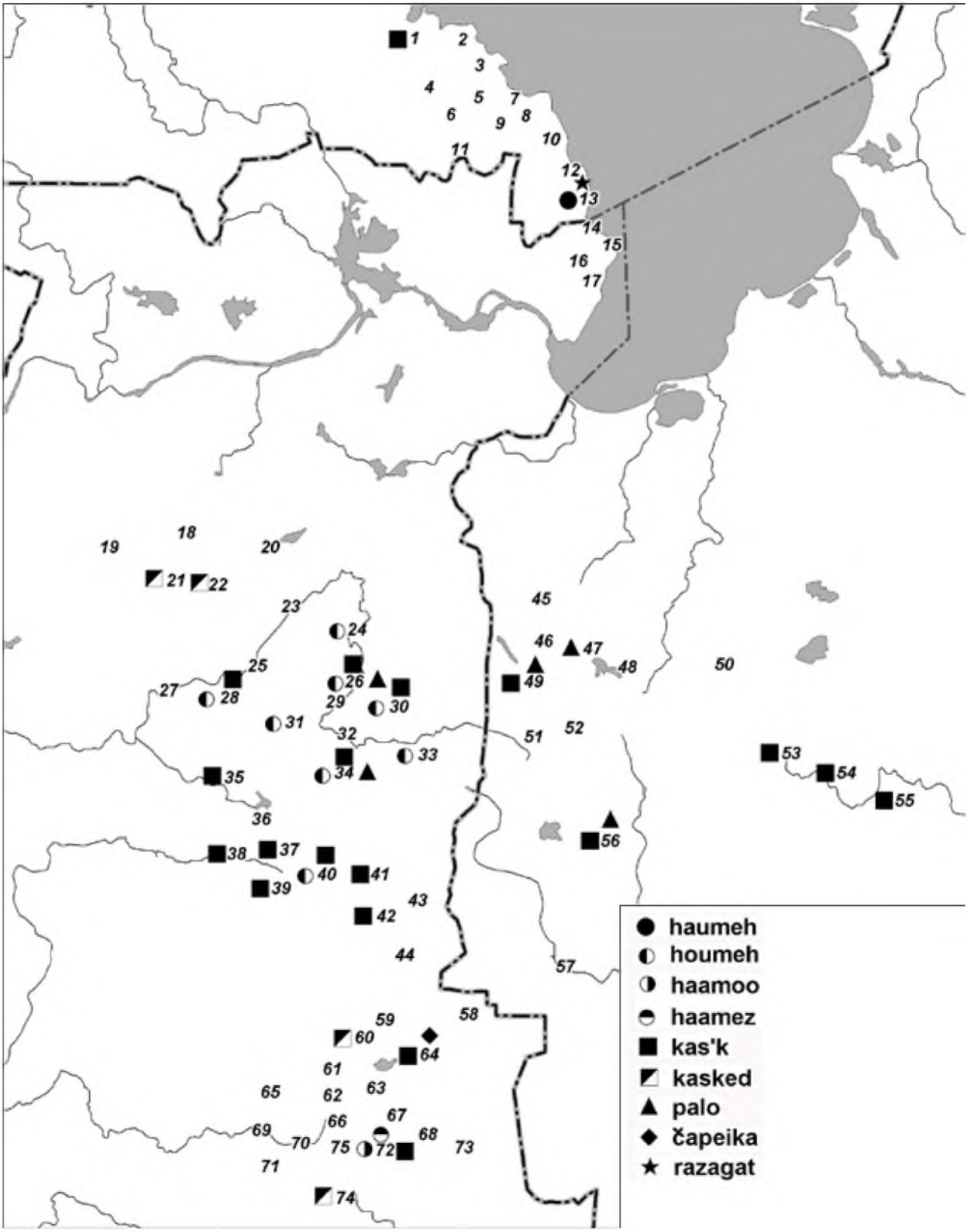
В отдельных пунктах всех диалектных групп отмечается использование и русскоязычного заимствования: *zel'on* в южновепсских (Mas, Šid, Sod), диминутивная форма *zel'onaine* в Пяжозере (Päž) и *zelenaine* в северновепсских поселениях Рыбрека и Каскесручей (Kl, Kas), а также в восточновепсской Куе (Kj).

Итак, зеленый цвет в вепсском языке может именоваться тремя лексемами, две из которых являются исконными по происхождению. Лексема *vihand* распространена по всему вепсскому ареалу. Известное довольно широко в вепсских говорах (за исключением северновепсских) прилагательное *viher*, благодаря языку причитаний, стало даже больше известно в значении 'свежий', нежели 'зеленый'. В ряде восточновепсских и южновепсских говоров позднее русское заимствование *zel'on*, *zel'onaine* вытеснило исконно вепсское именование цвета.

О.Ю. Жукова

Трудовая деятельность

112 (305). Именования понятия ‘подсека’

Легенда карты

1) **haumeh**
houmeh
haamoo
haamez
2) **kas’k**
kasked
3) **palo**
4) **čapeika**
5) **razagat**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **haumeh**: *сев* Kas
houmeh: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Nür
haamoo: *южн* Mai
haamez: *южн* Mai
2) **kas’k**: *сев* Š // *ср* Jä, Vil, Rih, Mg, En, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Vär, Pnd, Kj, Vl, Päž // *южн* Sod, Mai
kasked: *ср* Kar, Nir // *южн* Šid, Ars
3) **palo**: *ср* Jä, Mg, Šim, Vär, Päž
4) **čapeika**: *южн* Sod
5) **razagat**: *сев* Kas

Цифровой индекс

1) **haumeh**: 13Kas
houmeh: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 40Nür
haamoo: 72Mai
haamez: 72Mai
2) **kas’k**: 1Š, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 64Sod, 72Mai
kasked: *ср* 21Kar, 22Nir, 60Šid, 74Ars
3) **palo**: *ср* 26Jä, 34Mg, 47Šim, 49Vär, 56Päž
4) **čapeika**: *южн* 64Sod
5) **razagat**: *сев* 13Kas

Список картографируемого материала

1 — kas’k; 2–12 — нет сведений; 13 — haumeh, razagat; 14–20 — нет сведений; 21–22 — kasked; 23 — нет сведений; 24 — houmeh; 25 — нет сведений; 26 — kas’k, palo (уже сожженное), houmeh (уже поле); 27 — нет сведений; 28 — kas’k, houmeh (вырубленное поле); 29 — нет сведений; 30 — kas’k (вырубленный под поле лес), houmeh (разработанное поле); 31 — houmeh; 32 — нет сведений; 33 — houmeh; 34 — kas’k, palo, houmeh (заросший пал); 35 — kas’k, čapta kas’k; 36 — нет сведений; 37–39 — kas’k; 40 — kas’k, houmeh (поле); 41–42 — kas’k; 43–46 — нет сведений; 47 — palo; 48 — нет сведений; 49 — kas’k, palo; 50–52 — нет сведений; 53–55 — kas’k; 56 — kas’k, palo; 57–59 — нет сведений; 60 — kasked; 61–63 — нет сведений; 64 — kas’k, čapeika; 65–71 — нет сведений; 72 — haamoo, haamez, kas’k; 73 — нет сведений; 74 — kas’ked; 75 — нет сведений.

Комментарий

Подсечно-огневое земледелие было распространено у вепсов вплоть до 50-х годов XX века. Неплохо описаны способы возделывания земли и получения урожая таким способом. Например, в п. Каргиничи (Kar): *Kezal ka homencel nuuzomei, lüpsamei. ku paimen tordab, pästamei lehmäd, sömei da jomei i mämei mecha, kevadel ka kaskit karzmäha, a kezal ka möstak nitmäha* ‘Утром да вечером встанем, подоим, когда пастух дудит, выпустим корову, поедим да попьем и идем в лес, весной так подсеку чистить, а летом так опять косить’ [OBP: 50].

Киргиничи (Nir): *Kaskit čapoiba i ralоiš saiba liibän. mecad äjän poltiba* ‘Подсеку вырубали и на сожженной подсеке получали хлеб, лесу много жгли’ [OBP: 62].

Пелдуши (Pec): *Semenziba mijou kagran, ozran, hernhen, babun, erasti vos'kundan i grečun. Ezmäižiks semenziba houmhed. Vuu semenziba püivhän, mugazo ralоho* ‘У нас сеяли овес, ячмень, горох, бобы, иногда яровую рожь и гречу. Прежде всего сеяли на подсеках. Еще сеяли лен, тоже на подсеку’ [OBP: 113].

Пондала (Pnd): *Kut kasken puuttas. Oli mad vähä, pašitihe mecas haumhed. mändas kirvhuzime, čapetas mecan suren, kezau čapetas, vodon kuivab nece mec. kevaduu karzitas, potom vähäine aigad proidub, nedalid kak's, necen puuttas kasken, kask ralab, ralon lodas, mitte kegaluhut gäb ka kaik kogoho keratas*

‘Как подсеку жгут. Земли у нас было мало, пахали в лесу подсеку. Пойдут с топорами, вырубят большой лес, летом вырубят, год этот лес сохнет. Весной очищают, потом немного времени пройдет, недели две, эту подсеку жгут, подсека горит, делают огнище, какая если головешка останется, так в кучи собирают’ [ОВР: 114].

На карте в искомом значении представлены несколько разнокорневых лексем: 1) *haumeh, houmeh, houmhed, haamoo, haamez*; 2) *kas’k, kasked*; 3) *palo*; 4) *čapeiika*; 5) *razagat*.

Вепсская лексема *haumeh* ‘участок, расчищенный под пашню в лесу’ обладает фонетическими вариантами, которые размещены на карте. В них представлена разная переработка гласных первого слога (*au/ou/aa*), а также имеется один вариант с согласным *-z* на конце лексемы*. На прибалтийско-финской почве это гнездо рассматривается как неисконное, балтийского происхождения (ср. литов. *želmuõ*, *žalmuo* ‘побег, отросток, саженец’) или германского происхождения (ср. швед. *halm*, др.-норв. *halmr* ‘солома, обмолачиваемые зерновые’ [SKES: 52; SSA 2001: 133]).

Лексема *kas’k* и ее варианты — прибалтийско-финского происхождения, наличествуют во всех родственных языках [SSA 2001: 323]. В русских пинежских говорах фиксируются сходные данные прибалтийско-финского происхождения: *ка’ска* ‘заросшая мелколесьем подсека (место выпаса скота)’ [СРНГ 1997: 116].

Лексема *palo* в прибалтийско-финских языках имеет глагольную мотивацию. По версии авторов SKES, соответствующее гнездо в обско-угорских языках развивалось по принципу энантиосемии, ср. манс. *pāl’*, *pōl’*- ‘остывать, замерзать, покрываться льдом’, *pōi* ‘наст; бельмо на глазу’, хант. енис. *pŏĭ* ‘наст’, венг. *fagy* ‘мороз, холод, иней’ [SKES: 472]. Однако авторы SSA уже такого сопоставления не проводят [SSA 1995: 298].

В русских говорах карельско-вепсского субстратного ареала фиксируются сходные данные, напр.: *пал* ‘сжигание сучьев, корней и т. д. на вырубках’ [СРНГ 1990: 162].

Для лексемы *razagat,* которая отмечена в одном северновепсском пункте, в лексикографических источниках отмечается также значение ‘подсека, оставленная на второй год не спаленной и не очищенной’ [СВЯ: 464]. Для сравнения: кар.-ливв. *razi* ‘вырубленная два года назад, но не паленая подсека’ [Макаров 1990: 300], кар. твер. *raz’i* ‘густое мелколесье, мелкий густой лес с обилием валежника’ [Пунжина 1994: 230], кар. тихвин. *razi*, с/к *raši* ‘подсека, оставленная на второй год не сожженной’ [KKS 1997: 32]. Имеются сходные данные коми языка, которые преимущественно носят общеязыковой характер, ср. коми *рас*, удор. *раски* ‘роща, лиственный лес’, коми *кыдз рас* ‘березовая роща’, *пиny рас* ‘осиновая роща’ [ССКЗД: 317]; они сопоставляются с фин. *rasi* [КЭСКЯ: 239]. В русских говорах имеются сходные фиксации: *ра’заги* ‘подсека, заросшая травой и не сожженная года 2–3’, ‘Поросль из мелкого леса, кустарника, заросшая травой на подсеке’ [СРНГ 1999: 254]. Исходя из ареала русского слова и его формы, вслед за авторами SKES можно говорить о вепсском происхождении данного слова [SKES: 740].

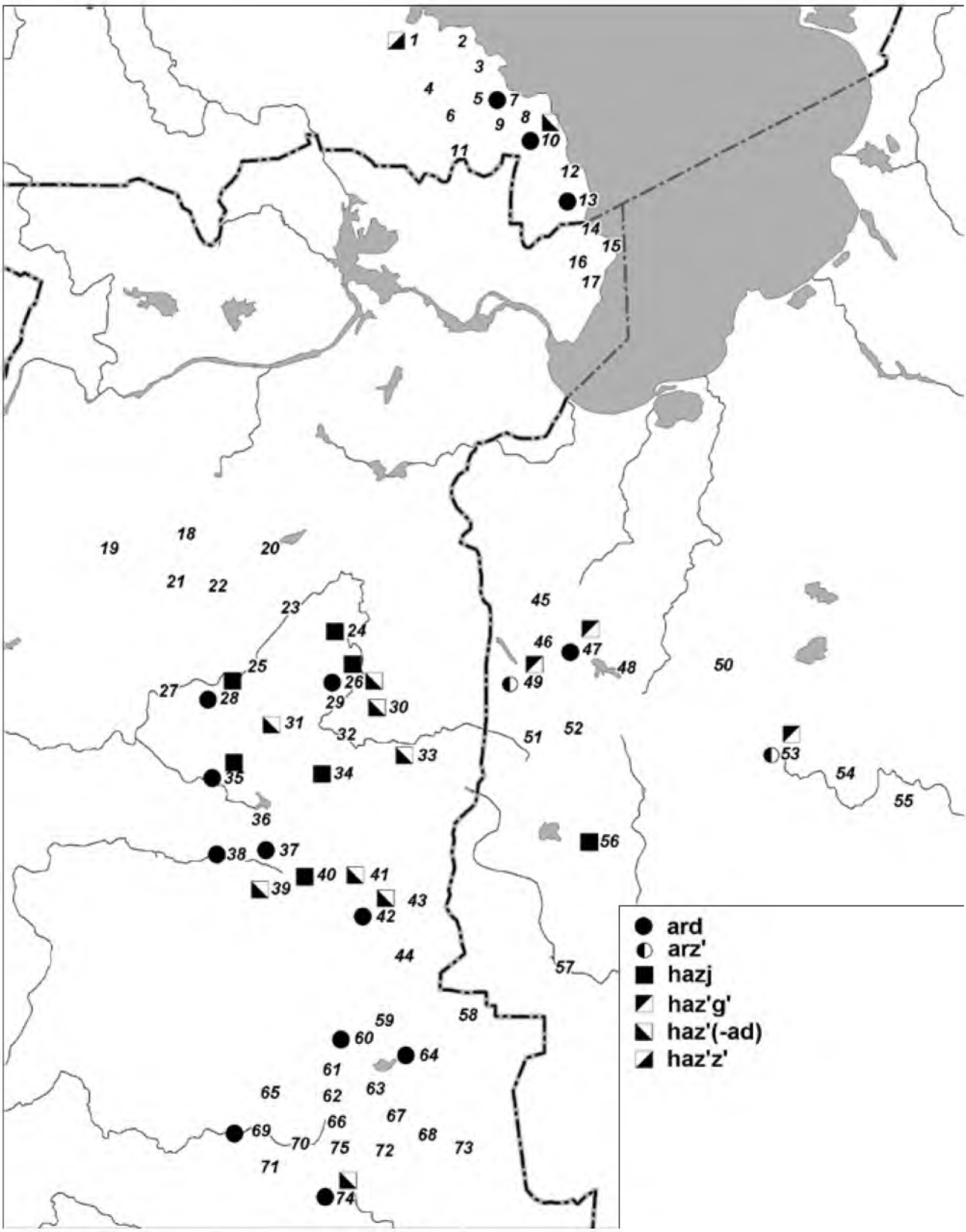
Čapeika входит в гнездо *čapatez* ‘вырубка’, *čapta* ‘резать, порезать; рубить, сечь’. В атласе ЛАВЯ имеется предположение о саамском происхождении лексемы *čapta***, которая, в свою очередь, связана с лексемой *čapatez.* Рус. диал. фиксация *ча'бега* ‘заросшая подсека’, ‘лесные заросли на месте бывшей подсеки’ (прионежское, Суйсарь) [Михайлова 1997: 292] дает почву для дальнейших раздумий по поводу лексемы, которая могла проникнуть и из вепсского языка в русские диалекты.

С. А. Мызников

* О чередовании *h/z* см. 11 карту ЛАВЯ.

** См. также 136 карту ЛАВЯ.

113 (308). Именования понятия ‘вешала для сушки снопов, сена’

Легенда карты

1) **ard**
arz’
2) **hazj**
haz’g’
haz’(-ad)
haz’z’

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **ard**: *сев* Št, Kl, Kas // *ср* Jä, Vil, En, Kor, Jog, Noid, Šim // *южн* Šid, Sod, Mas, Ars
arz’: *ср* Vär, Pnd
2) **hazj**: *ср* Nem, Jä, Vil, Mg, En, Nür, Päž
haz’g’: *ср* Šim, Vär, Pnd
haz’(-ad): *сев* Kl // *ср* Jä, Rih, Pec, Ladv, Har, Reb, Noid // *южн* Ars
haz’z’: *сев* Š

Цифровой индекс

1) **ard**: 7Št, 10Kl, 13Kas, 26Jä, 28Vil, 35En, 37Kor, 38Jog, 42Noid, 47Šim, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 74Ars
arz’: 49Vär, 53Pnd
2) **hazj**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 34Mg, 35En, 40Nür, 56Päž
haz’g’: 47Šim, 49Vär, 53Pnd
haz’(-ad): 10Kl, 26Jä, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 39Har, 41Reb, 42Noid, 74 Ars
haz’z’: 1Š

Список картографируемого материала

1 — haz’z’; 2–6 — нет сведений; 7 — ard; 8–9 — нет сведений; 10 — ard, haz’ [VVS]; 11–12 — нет сведений; 13 — ard; 14–23 — нет сведений; 24 — hazj; 25 — нет сведений; 26 — haz’, hazj [СВЯ: 109], ard [СВЯ: 34]; 27 — нет сведений; 28 — hazj, ard [СВЯ: 34]; 29 — нет сведений; 30 — haz’(ad); 31 — haz’; 32 — нет сведений; 33 — haz’(ad); 34 — hazj; 35 — hazj, ard [VVS]; 36 — нет сведений; 37 — ard; 38 — ard; 39 — haz’; 40 — hazj; 41 — haz’; 42 — ard, haz’ [VVS]; 43–46 — нет сведений; 47 — haz’g’, ard [СВЯ: 34]; 48 — нет сведений; 49 — haz’g’, arz’; 50–52 — нет сведений; 53 — arz’, haz’g’ [СВЯ: 109]; 54–55 — нет сведений; 56 — hazj [СВЯ: 109]; 57–59 — нет сведений; 60 — ard; 61–63 — нет сведений; 64 — ard; 65–68 — нет сведений; 69 — ard; 70–73 — нет сведений; 74 — ard, haz’; 75 — нет сведений.

Комментарий

Функционально картографируемая реалия представлена в различных сферах хозяйственной жизни. Ее наименования представляют собой лексемы нередко с полисемантической природой. На данной карте, однако, представлены только те лексико-семантические варианты, которые репрезентируют сходную реалию (денотат). Это жердь на двух столбах либо устройство в виде остова шалаша, которое использовалось ранее в сельскохозяйственных целях для просушки сена, снопов, льна и т. д. Развешивание и просушка могли осуществляться и на не специально изготовленных для этого приспособлениях (напр., изгородь и приспособления для развешивания белья, сетей и прочих изделий), и в данном случае их именования (напр., *rüust* ‘звено изгороди между двумя кольями, столбами; вешало для просушки сетей’; *parangod* ‘лабаз; вешало для просушки рыболовных сетей’ [СВЯ: 401, 487]) во внимание при картографировании не принимались, поскольку и материал по ним был собран нерегулярно.

В случае картографируемой семантики наиболее используется лексема *ard* с локальным вариантом *arz’*. Причем сходный материал широко представлен на прибалтийско-финской почве: фин. *aarto* ‘приспособление для просушки снопов, сетей и т. д.’ [SSA 1992: 48–49], с/к *oarto* ~ *oardo* ‘используемая для сушки сетей, одежды и т. д. стойка’ [KKS 1993: 3], кар. ливв. *ardo* ‘жерди для сушки сетей, белья’ [Макаров 1991: 21], вод. *ārto* ‘высокое прясло для сушки хлеба’, эст. диал. *ardu* ‘складское помещение над жилым домом’. Этимологи возводят это гнездо к балтийским данным, ср. литов. *ařdas, ardai* ‘жердь, на которую вешают сушить лен’, латыш. *ārds, ārde,* мн. число *ārdi, ãrdi* ‘колосники в риге’, ‘толстые жерди в задней или боковой половине избы, на которых сушат лучину, одежду и т. п.’; из прибалтийско-финских языков (фин.) слово попало в саамские диалекты: инарисаамскмй *ạrdu*, кильдинский *ardta* ‘навес для сушки рыбы’ [SSA 1992: 49].

В вепсских диалектах лексема зафиксирована в двух фонетических вариантах *ard* (широко) ~ *arz’*

(только в двух средневепсских белозерских говорах) с одинаковым типом основы ***ardo-n*** (GenSing). Этимологи полагают, что из одного и того же балтийского источника, о котором речь шла выше, произошли две сходные по семантике лексемы (см. фин. *aarto* ‘приспособление для просушки снопов, сетей.’ и *orsi* ‘шест, жердь’ [SSA 1992: 49; SSA 1995: 272–273]), которые на почве вепсского имеют вид *ard* ~ *arz’* в картографируемом значении, и *orz’* ‘жердочка в избе, на сарае; воронец’ [СВЯ: 383]. Можно предположить, что восточновепсский вариант (белозерский) *arz’* испытал на себе влияние лексемы *orz’* и является своеобразным миксом. Но, возможно, на фонетический облик лексемы *ard* повлияли в белозерских говорах слова типа *parz’* ‘бревно’, *varz’* ‘рукоятка, черенок’, широко употребительные в говорах [СВЯ: 403, 615] и т. д.

Данный материал попал в русские говоры: *а’рда* ‘приспособление в виде укрепленной на столбах жерди для сушки льна, гороха’ [ПЛГО]; *а’рда* ‘приспособление, используемое для сушки белья’ [ПЛГО; КСРГК]; *арда* ‘вешалка, на которой сушат невода’ [СРНГ 1965: 271]; *а’рды* ‘колья для укрепления суслонов’ [СРНГ 1965: 272]; *а’рдочка* ‘приспособление в виде укрепленной на столбах жерди для сушки льна, гороха’ [КСРГК] и т. д.

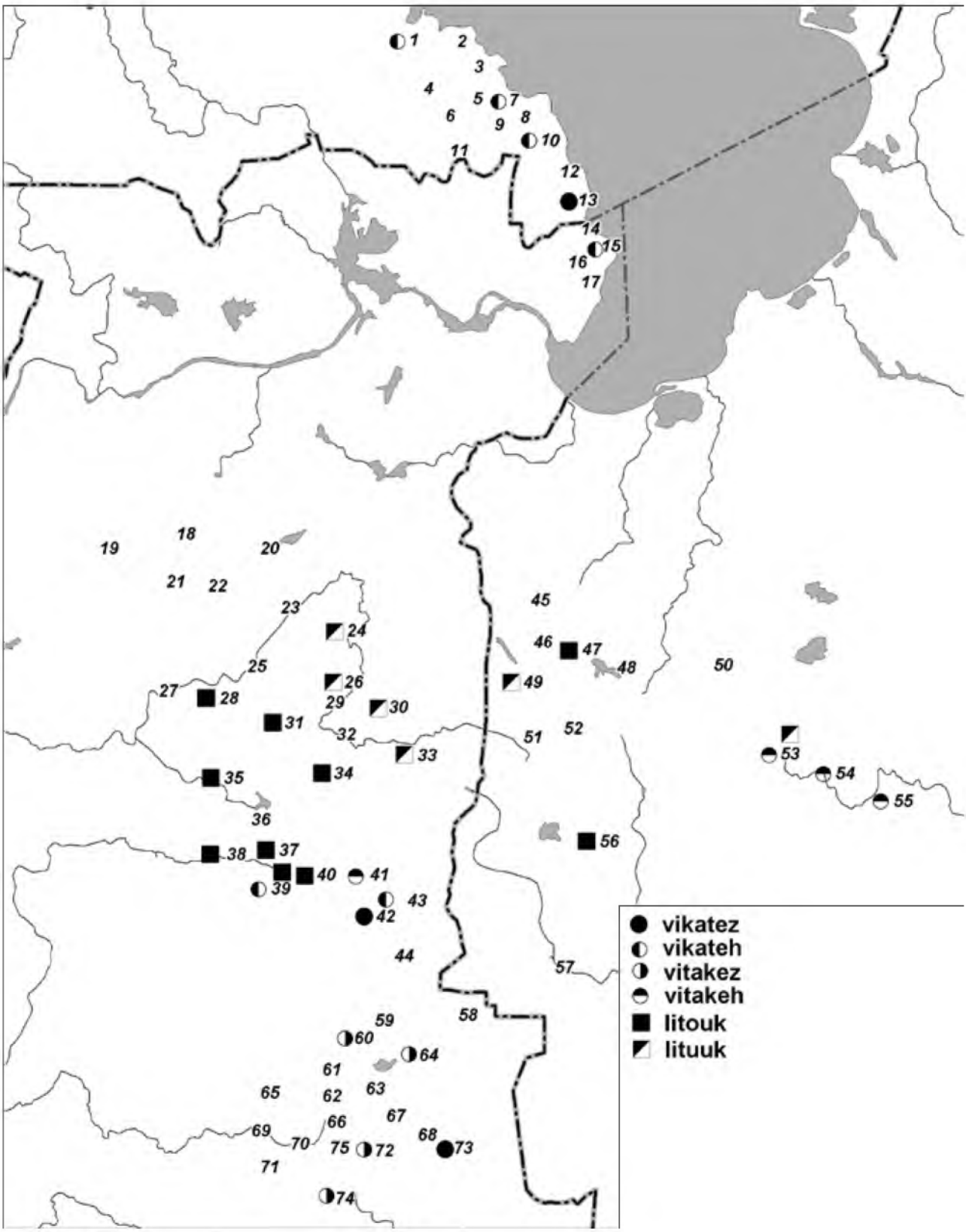
Н. Ф. Лесков отмечает, что «это слово без изменения заимствовано из *карельского* языка, где *ардо* значит – шест, на котором сушат невод, сети, белье» [Лесков 1892: 98]. Я. Калима ставит на первое место ливв. *ardo*, люд. *ard* ‘шест для сушки рыболовной сети’, затем вепс. *ard* ‘длинный шест, на котором вешают белье для сушки на открытом воздухе’ [Kalima 1915: 79]. М. Фасмер возводит русское диалектное слово к карельскому *ardo* [Фасмер 1986: 85].

Авторы SKES подтверждают карельско-вепсскую этимологию русского слова Я. Калимы [SKES: 3], его география также свидетельствует в пользу этой версии. Однако мы можем отметить, что данная лексема более частотна именно в зоне *вепсского* субстрата.

Для именования картографируемого понятия весьма устойчивый ареал в вепсских диалектах дают лексемы *hazj*, *haz’g’*, *haz’*, распространенные так же широко, как и *ard* ~ *arz’*. Они рассматриваются и на прибалтийско-финской почве, ср. фин. *haasia, hasia* ‘устройство для сушки сена, гороха и т. п.; скирда’, кар. *hoaśśa, hoazia, hoaža*, ливв. *hoadžu*, люд. *huad’ž, hoad’žu* ‘вешало для сушки ячменя, овса’, эст. диал. *aas*: *erneaasad* ‘вешало для сушки гороха’. Имеется версия скандинавского происхождения этого гнезда, ср. швед. *hässja*, норв. *hessja*, датск *hæs* ‘вешало’. Однако при коми *šod’ź* ‘жердь, на которой сушат лен, коноплю; палочка, спица’ направление заимствования может быть и иным [SKES: 47; SSA 1992: 126].

С. А. Мызников

114 (320). Именования понятия ‘коса (для сенокошения)’

Легенда карты

1) **vikatez**
vikateh
vitakez
vitakeh
2) **litouk**
lituuk

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **vikatez**: *сев* Kas // *ср* Noid // *южн* Krl
vikateh: *сев* Š, Št, Kl, Per // *ср* Har, Noid
vitakez: *южн* Šid, Sod, Mai, Ars
vitakeh: *ср* Reb, Pnd, Kj, Vl

2) **litouk**: *ср* Vil, Pec, Mg, En, Kor, Jog, Har, Nür, Šim, Päž
lituuk: *ср* Nem, Jä, Rih, Ladv, Vär, Pnd

Цифровой индекс

1) **vikatez**: 13Kas, 42Noid, 73Krl
vikateh: 1Š, 7Št, 10Kl, 15Per, 39Har, 42Noid
vitakez: 60Šid, 64Sod, 72Mai, 74Ars
vitakeh: 41Reb, 53Pnd, 54Kj, 55Vl

2) **litouk**: 28Vil, 31Pec, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 47Šim, 56Päž
lituuk: 24Nem, 26Jä, 30Rih, 33Ladv, 49Vär, 53Pnd

Список картографируемого материала

1 — vikateh; 2–6 — нет сведений; 7 — vikateh; 8–9 — нет сведений; 10 — vikateh; 11–12 — нет сведений; 13 — vikatez; 14 — нет сведений; 15 — vikateh [VVS]; 16–23 — нет сведений; 24 — lituuk; 25 — нет сведений; 26 — lituuk; 27 — нет сведений; 28 — litouk; 29 — нет сведений; 30 — lituuk; 31 — litouk; 32 — нет сведений; 33 — lituuk; 34–35 — litouk; 36 — нет сведений; 37–38 — litouk; 39 — vikateh, litouk; 40 — litouk; 41 — vitakeh; 42 — vikateh, vikatez [VVS]; 43–46 — нет сведений; 47 — litouk; 48 — нет сведений; 49 — lituuk; 50–52 — нет сведений; 53 — vitakeh, lituuk; 54 — vitakeh; 55 — vitakeh; 56 — litouk; 57–59 — нет сведений; 60 — vitakez; 61–63 — нет сведений; 64 — vitakez; 65–71 — нет сведений; 72 — vitakez; 73 — vikatez [СВЯ: 637]; 74 — vitakez; 75 — нет сведений.

Комментарий

Традиционно у вепсов использовались два типа косы: коса-горбуша с изогнутой рукояткой (*vikateh*, *vikatez*) и появившаяся позднее коса-литовка (*litouk*).

Лексема *vikateh, vikatez*, функционирующая в разных фонетических вариантах практически во всех прибалтийско-финских языках, пока не имеет надежной этимологии. Идея об исконном прибалтийско-финском дескриптивном образовании названия (ср. фин. *viikahtaa* 'быстро двигаться' [SKES: 1742]), а также более позднее — **vikapteš*, ср. латыш. *izkapts* 'коса') вызывают у этимологов сомнения [SSA 2000: 440].

Как полагают этнологи, у прибалто-финнов коса, обозначаемая названной лексемой, первоначально была косой с короткой кривой ручкой, что было вызвано подсечным земледелием и малыми сенокосными угодьями, которые требовали подобного типа косы, используемой при обкашивании кустов, кочек, камней и т. д. Но постепенно второй тип косы с длинной ручкой вытеснил так называемую горбушу (см.: Tyypit: *pitkävars*. ja *kena-* ~ *käyrä* ~ *väärävars*. 'Типы: коса с длинной ручкой и коса с короткой кривой ручкой' [Valli 1988: 4638]).

В вепсском языке для горбуши также использовались исконные наименования: *vi**k**ateh*, *vi**k**atez**, а также вызванный метатезой (***k*** ~ ***t*** в начале второго слога) вариант *vi**t**akeh, vi**t**akez***; оба варианта свойственны и сейчас средне- и южновепсскому диалектам. Данные названия первоначально распространились и на новый тип косы, характерный не только для северо-запада России.

Лексема *litouk* ~ *lituuk* широко представлена в диалектах вепсского языка и является результатом сравнительно позднего русского влияния, ср. рус. диал: *лито'вка* 'коса с длинной прямой рукоятью' [СРНГ 1981: 73] (см. также *лито'вка* 'коса

---

* Относительно того, что в исходе лексемы в разных диалектах отмечены звуки ***h*** ~ ***z***, см. специальную фонетическую 11 карту ЛАВЯ.

** Вариант с метатезой также достаточно древен и встречался, например, в диалектах финского языка [SSA 2000: 440].

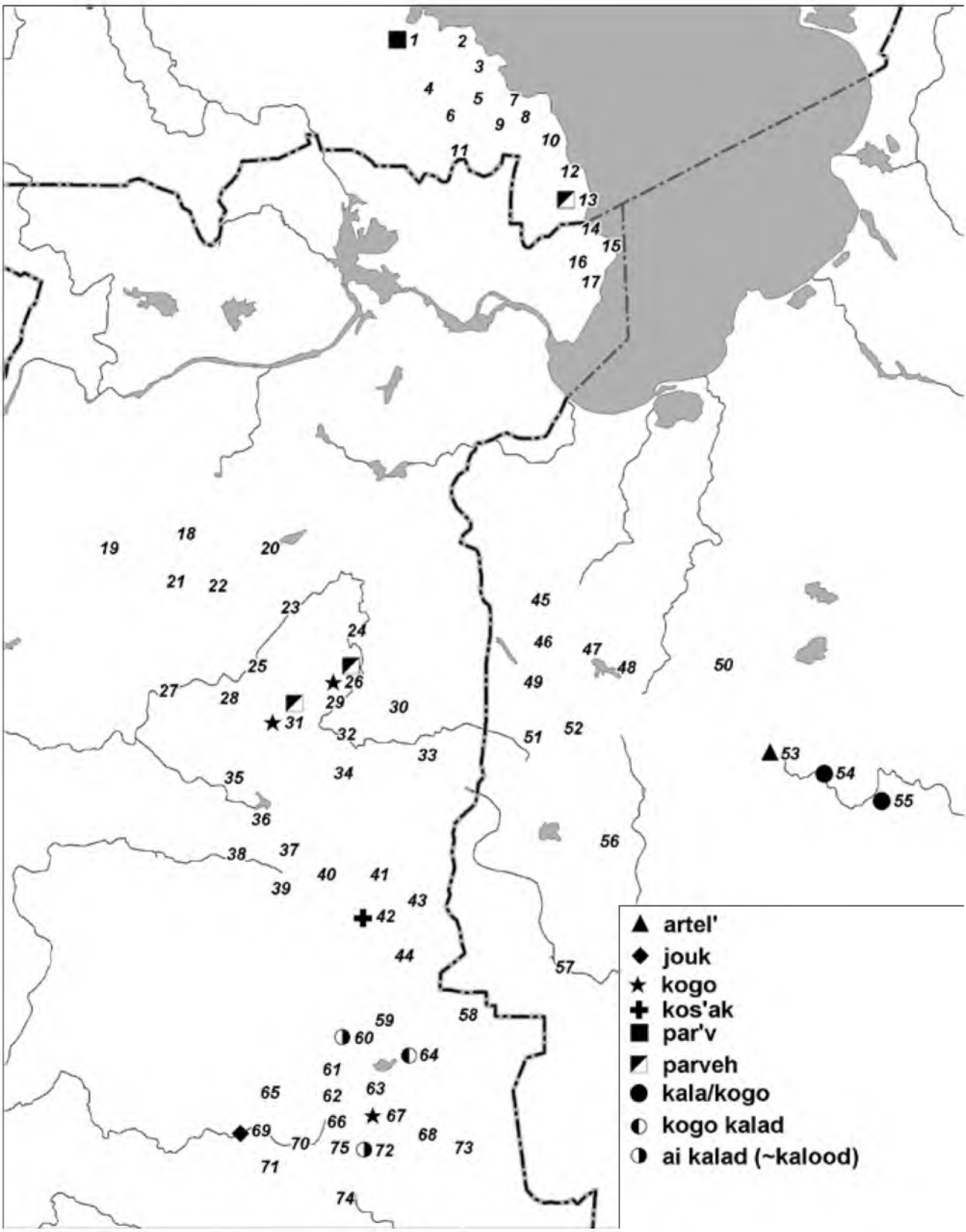
с длинной прямой рукоятью, обычно отлитая из стали' [СРГК 1996: 130–131]) и т. д.

В именовании косы теперь доминирует мотивация 'литой, из литой стали' в отличие от предшествующих кованых кос. Косы-литовки делались из *литой* либо *тигельной* стали [см., напр.: Гвоздева 2000: 145]. Вероятно, предположение о связи с этнонимом (литовка — из Литвы) не имеет оснований. Хотя в ряде случаев такого рода наименования имеют место, например, у эстонцев в последние десятилетия XIX века на полях крестьянских хозяйств в качестве нового орудия труда стала распространяться полукоса с грабельками с названием *läti vikat* 'латышская коса', которая была однотипной с латышской и северолитовской, однако, она была предназначена для скашивания зерновых [Яегосильд 1975: 59].

Следует отметить, что вепс. *litouk* стало источником для обратного заимствования в русские народные говоры: *ли'ток* 'лезвие косы' [КСРГК].

С. А. Мызников

115 (332). Именования понятия ‘косяк, стая рыб’

Легенда карты

1) **artel’**
2) **jouk**
3) **kogo**
4) **kos’ak**
5) **par’v**
   parveh
6) **kala/kogo**
   kogo kalad
   äi kalad (~ kalood)

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **artel’**: *ср* Pnd
2) **jouk**: *южн* Mas
3) **kogo**: *ср* Jä, Pec // *южн* Krl
4) **kos’ak**: *ср* Noid
5) **par’v**: *сев* Š
   parveh: *сев* Kas // *ср* Jä, Pec
6) **kala/kogo**: *ср* Kj, Vl
   kogo kalad: *южн* Sod
   äi kalad (~ kalood): *южн* Mai, Šid

Цифровой индекс

1) **artel’**: 53Pnd
2) **jouk**: 69Mas
3) **kogo**: 26Jä, 31Pec, 67Krl
4) **kos’ak**: 42Noid
5) **par’v**: 1Š
   parveh: 13Kas, 26Jä, 31Pec
6) **kala/kogo**: 54Kj, 55Vl
   kogo kalad: 64Sod
   äi kalad (~ kalood): 60Šid, 72Mai

Список картографируемого материала

1 — par’v; 2–12 — нет сведений; 13 — parveh; 14–25 — нет сведений; 26 — kogo [СВЯ: 215], parveh [СВЯ: 402]; 27–30 — нет сведений; 31 — kogo [СВЯ: 215], parveh [СВЯ:402]; 32–41 — нет сведений; 42 — kos’ak; 43–52 — нет сведений; 53 — artel’ [СВЯ: 331]; 54–55– kala/kogo; 56 –59 — нет сведений; 60 — äi kalood; 61–63 — нет сведений; 64 — kogo kalad; 65–66 — нет сведений; 67 — kogo [СВЯ: 215]; 68 — нет сведений; 69 — jouk; 70–71 — нет сведений; 72 — äi kalad; 73–75 — нет сведений.

Комментарий

К сожалению, лексических данных по данной карте у нас очень немного. Основным, наиболее частотным названием косяка (стаи) рыб в вепсском языке является *parveh*, зафиксированное в северном и среднем диалектах; близкая форма *par’v*, лишенная суффикса, записана в Шокше (северный диалект). Данная лексема является прибалтийско-финской, относящейся к этимологическому гнезду *parvi* ‘стадо, группа’, хотя вепсские сведения в данном случае отсутствуют [SSA 1995: 319].

Слово *jouk* в значении ‘косяк (рыб)’ записано лишь в одном пункте, относящемся к южновепсскому диалекту (Mas). Оно известно в вепсских диалектах в фонетическом варианте *güuk* в значении ‘стая, косяк птиц’ [СВЯ: 93]. Соответствия в близкородственных языках: фин., кар., ижор. *joukko*, вод. *jõukku*, эст. *jõuk*. Этим словам некоторые этимологи приписывают финно-угорское происхождение [см, напр.: EES: 104], однако авторы SSA считают это сомнительным по причинам семантического порядка и отсутствия соответствий во многих родственных языках. Авторы SSA предлагают отнести это слово к германским заимствованиям [SSA 2001: 243].

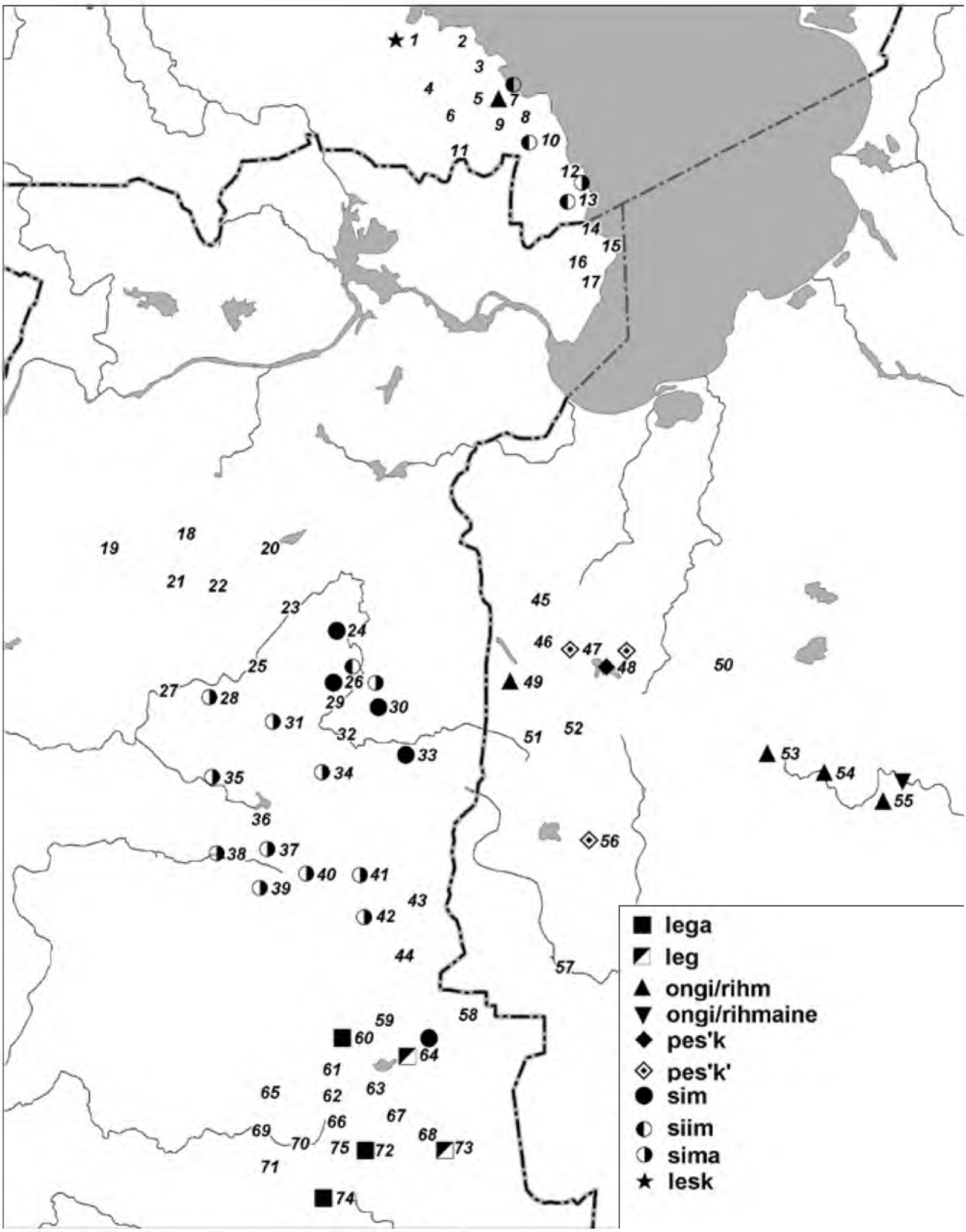
Для слова *kogo* ‘куча, груда’ значение ‘стадо, стая, косяк’ не является основным. Тем не менее его употребление в отношении рыбы также отмечено в СВЯ [СВЯ: 215]. В материалах, собранных для ЛАВЯ, *kogo* выступает в сочетании со словом *kala* ‘рыба’: *kala/kogo* или *kogo kalad* ‘стая рыб’. Слово *kogo* имеет общеприбалтийско-финское происхождение [SSA 2001: 387]. В южном диалекте в значении ‘косяк рыб’ отмечены словосочетания *äi kalad, äi kalood* ‘много рыбы’ — скорее всего, ими информанты заменили забытые вепсские слова.

В значении ‘косяк (рыб)’ зафиксированы также поздние русские заимствования *artel’* [СВЯ: 331] и *kos’ak*.

Таким образом, несмотря на то, что лексемы с обозначением понятия ‘косяк, стая рыб’ нашлись далеко не во всех пунктах, картографирование такой редкой лексемы, как *parveh, par’v*, которая дополняет соответствующую статью этимологических словарей, является крайне важным и полезным.

И. В. Бродский

116 (334). Именования понятия ‘леска (для ловли рыбы)’

Легенда карты

1) **lega**
leg
2) **ongi/rihm**
ongi/rihmaine
3) **pes’k**
pes’k’
4) **sim**
siim
sima
5) **lesk**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **lega**: *южн* Šid, Mai, Ars
leg: *южн* Sod, Vg
2) **ongi/rihm**: *сев* Št // *ср* Vär, Pnd, Kj, Vl
ongi/rihmaine: *ср* Vl
3) **pes’k**: *ср* Pk
pes’k’: *ср* Šim, Pk, Päž
4) **sim**: *ср* Nem, *Jä,* Rih, Ladv // *южн* Sod
siim: *сев* Kl Št, Kas // *ср* Jä
sima: *сев* Kas // *ср* Jä, Vil, Pec, Mg, En, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid
5) **lesk**: *сев* Š

Цифровой индекс

1) **lega**: 60Šid, 72Mai, 74Ars
leg: 64Sod, 73Vg
2) **ongi/rihm**: 7Št, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl
ongi/rihmaine: 55Vl
3) **pes’k**: 48Pk
pes’k’: 47Šim, 48Pk, 56Päž
4) **sim**: 24Nem, 26Jä, 30Rih, 33Ladv, 64Sod
siim: 7Št, 10Kl, 13Kas, 26Jä
sima: 13Kas, 26Jä, 28Vil, 31Pec, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid
5) **lesk**: 1Š

Список картографируемого материала

1 — lesk; 2–6 — нет сведений; 7 — ongi/rihm, siim [СВЯ: 509]; 8–9 — нет сведений; 10 — siim; 11–12 — нет сведений; 13 — sima, siim [СОСД: 229]; 14–23 — нет сведений; 24 — sim; 25 — нет сведений; 26 — sim [СОСД: 229], sima, siim [СВЯ: 509]; 27 — нет сведений; 28 — sima; 29 — нет сведений; 30 — sim; 31 — sima; 32 — нет сведений; 33 — sim; 34–35 — sima; 36 — нет сведений; 37–42 — sima; 43–47 — нет сведений; 48 — pes’k; 49 — ongi/rihm; 50–52 — нет сведений; 53–54 — ongi/rihm; 55 — ongi/rihm, ongi/rihmaine [СОСД: 229]; 56–59 — нет сведений; 60 — lega; 61–63 — нет сведений; 64 — leg, sim; 65–71 — нет сведений; 72 — lega; 73 — leg; 74 — lega; 75 — нет сведений.

Комментарий

Основным, наиболее распространенным названием рыболовной лески в вепсском языке является слово *sima*. Встречаются варианты этого слова с отпавшим конечным гласным, а также с удлиненным первым гласным (последнее встречается в основном в северновепсском диалекте). Причем на почве вепсского языка вариант *sima* не совсем правомерен*, поскольку в нем отпадали конечные гласные тех двусложных слов, первый слог которых был долгим, закрытым или включал в себя дифтонг (вепс. *koiv*: ср. фин. *koivu* ‘береза’; вепс. *korv*: ср. фин. *korva* ‘ухо’; вепс. *sur’*: ср. фин. *suuri* ‘большой’) [Tunkelo 1946: 755–756]. В этом случае только северновепсская форма с точки зрения истории языка является правомерной. Хотя в языке можно наблюдать и исключения из данного правила (напр., *hala* ‘иней, заморозок’ [СВЯ: 102]), каковым, вероятно, стало и в части вепсских говоров слово *sima*. Такое же название лески есть во многих близкородственных языках (напр., фин. *siima*), что относят, по новейшим представлениям, к германским заимствованиям [SSA 2000: 176].

Другие названия лески получили меньшее распространение. У восточных белозерских вепсов функционирует сложное слово *ongi/rihm*: ‘удочка + шнур, нить’.

В северновепсском поселении Шокша (Š) в значении ‘леска’ функционирует русская лексема *lesk*, заимствование которой, с одной стороны, несколько странно, поскольку северные вепсы живут

* Это же относится и к лексеме *leg* ~ *lega*, о которой речь пойдет ниже и которая также существует в двух фонетических вариантах.

на берегу такого крупного водоема, как Онежское озеро. С другой стороны, это, очевидно, было связано с заимствованием самого предмета для ужения рыбы: на берегу подобного крупного водоема в большей степени рыбачили сетями, неводами, крюками и т. д., а не удочкой.

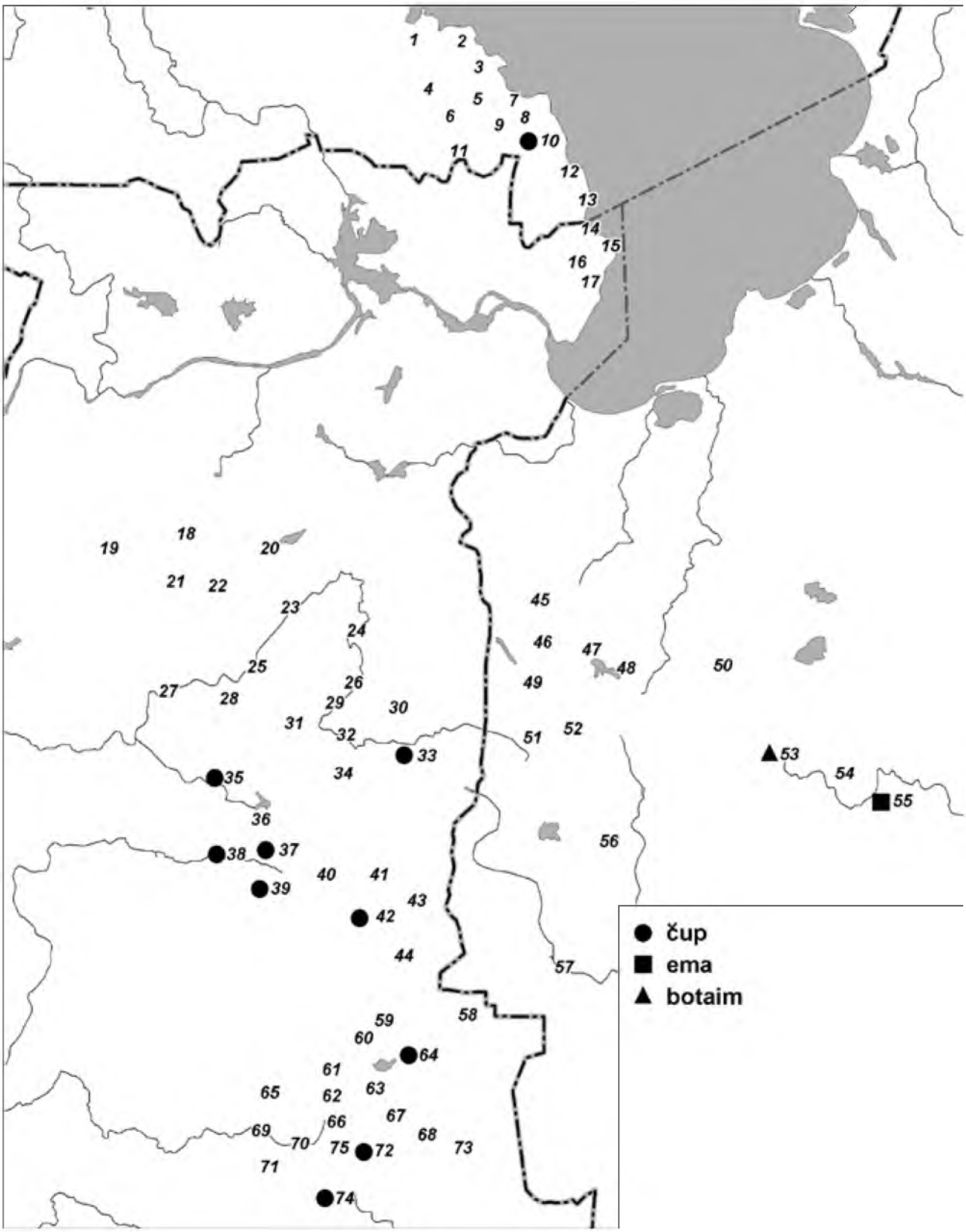
Еще две лексемы представляют собой переосмысленные семантические метафоры. Так, в южновепсском диалекте в значении ‘леска’ функционирует слово *lega* (*leg*), которое широко употребляется в средневепсских говорах со значением ‘привязь (для животных)’. Этимологи слово *lega (leg*; ср. фин. *lieka*) считают германским заимствованием, где оно также обладало значением ‘силок, петля, натянутый канат’ [SSA 1995: 69]. Таким образом, значение ‘привязь для животных’ было перенесено на леску, которая стала своеобразной «привязью для рыбы».

В свою очередь, в части вологодских говоров в качестве именования понятия ‘леска’ употребляется лексема *pes'k* (*pes'k'*). В западной группе средневепсских говоров имеется лексема *pisk* (основа *pisku-*) ‘мелкая рыба, малек’ [СВЯ: 421], которая, очевидно, своим происхождением обязана этимологическому гнезду *piskuinen* ‘маленький’ [SSA 1995: 375]*. Вполне возможно, что вологодское *pes'k* является своеобразной фонетической переработкой, соответствующей западному средневепсскому *pisk*, где *i* > *e*. Такие звукопереходы возможны в вепсском языке: ср., напр., вепс. *sihloita* ~ *sehloita* ‘процеживать жидкость’, *virz* ~ *verz* ‘лапоть’ [СВЯ: 509, 636]. И, таким образом, здесь, вероятно, также налицо перенос значения с наживки, в качестве которой выступает мелкая рыбка, на леску, при помощи которой ловится рыба. Однако нельзя сбрасывать со счетов и путь заимствования для данной лексемы. В соседних с вологодскими вепсскими говорами в русских вологодских, ярославских говорах имеется лексема *пескан* ‘рыба пескарь’ [СРНГ 1991: 302] — мелкая рыба, которую также, возможно, использовали в качестве наживки.

И. В. Бродский

* См. также 47 карту ЛАВЯ.

117 (339). Именования понятия ‘мотня невода’

Легенда карты

1) **čup**
2) **ema**
3) **botaim**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **čup**: *сев* Kl // *ср* Ladv, En, Kor, Jog, Har, Noid // *южн* Sod, Mai, Ars
2) **ema**: *ср* Vl
3) **botaim**: *ср* Pnd

Цифровой индекс

1) **čup**: 10Kl, 33Ladv, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 42Noid, 64Sod, 72Mai, 74Ars
2) **ema**: 55Vl
3) **botaim**: 53Pnd

Список картографируемого материала

1–9 — нет сведений; 10 — čup [VVS]; 11–32 — нет сведений; 33 — čup; 34 — нет сведений; 35 — čup; 36 — нет сведений; 37–39 — čup; 40–41 — нет сведений; 42 — čup; 43–52 — нет сведений; 53 — botaim; 54 — нет сведений; 55 — ema [СВЯ: 78]; 56–63 — нет сведений; 64 — čup; 65–71 — нет сведений; 72 — čup; 73 — нет сведений; 74 — čup; 75 — нет сведений.

Комментарий

Неводная ловля у вепсов была традиционным способом рыболовного промысла, причем как в летнее, так и в зимнее время. Зимой использовался обычно *tagas* ‘большой частый невод для зимней ловли’; применялись также невод — *vada* ‘небольшой невод, который тянут, сидя в двух лодках’ и — *not* ‘летний невод’ [СВЯ: 557, 607, 367]. Объектом картографирования в нашем случае являются наименования одной из важных частей невода — мотни (кнеи, матицы) невода.

В этом значении практически повсеместно распространен термин *čup*. Следует отметить, что сама эта лексема является полисемантом, ср. например: *čup* ‘угол, тупик (пространство, не имеющее выхода)’, ‘мотня, матица невода, бредня и т. п.’ [СВЯ: 65], вепс. ‘задняя часть невода’, ‘корма лодки’, ‘угол, уголок’, ‘ягодное место’ и т. д. [SKES: 1125]. У слова предполагается восточное прибалтийско-финское происхождение; оно распространено в финском, карельском, водском языках: фин. диал. *suppu* ‘задняя часть верши, вентеря’, ‘раструб мережи’, ‘ловушка на рака’ [SKES: 1125]; кар. *šoppi, suppi* ‘угол за печкой в избе’ [KKS 1995: 482]; кар. твер. *šoppi* ‘часть помещения избы у печи’ [Пунжина 1995: 276]; ливв. *čuppu* ‘угол — внешний и внутренний’ [Макаров 1990: 39]. Этимологи связывают его семантически с прилагательным *suppea* ‘узкий’ [SSA 2000: 220].

Любопытно, что слово практически не встречается в языке северных вепсов (отмечен единственный пункт — Рыбрека), территории проживания которых расположены на побережье самого крупного водоема, вдоль которого живут вепсы, — Онежского озера, и где рыбная ловля — важный элемент хозяйствования.

Обширные материалы представлены в смежных русских говорах, восходящие к названному выше гнезду. Выделяются данные, тождественные по форме и семантике вепсским источникам: *чуп* ‘мотня невода’ [ПЛГО]; ‘сходящаяся конусом часть мережи’ [Подвысоцкий 1885]; ‘любая мережа состояла из сетного мешка (бочки) цилиндроконической формы, обручей (пакрюков) и чупа конической формы’ [Логинов 1993: 44]; *чу'па* ‘мотня невода, бредня и т. п.; узкая часть мережи’ (имеет более широкий ареал); ‘мотня, кнея, матица невода, бредня’ [Сало 1966: 267]; ‘узкий конец мотни невода и рыболовецких орудий типа мережи’ [Воронова 1968] и т. д.

Лексема *ema* обладает в вепсском языке значениями ‘самка; стан (нижняя часть женской сорочки)’; ‘прорубь, из которой вытаскивают невод при подледной ловле рыбы’ [СВЯ: 78]. Слово широко распространено в прибалтийско-финском языковом сообществе (возможно и за его пределами (?), обладая массой значений, часть из которых совпадает с вепсскими [SSA 1992: 104]. Значение ‘мотня невода’ с единичной фиксацией (восточновепсская Войлахта (Vl) также указано в списке значений этимологами, которые полагают, что оно не противоречит картографируемой семантике. Тем не менее мы полагаем, что слово является семантической калькой

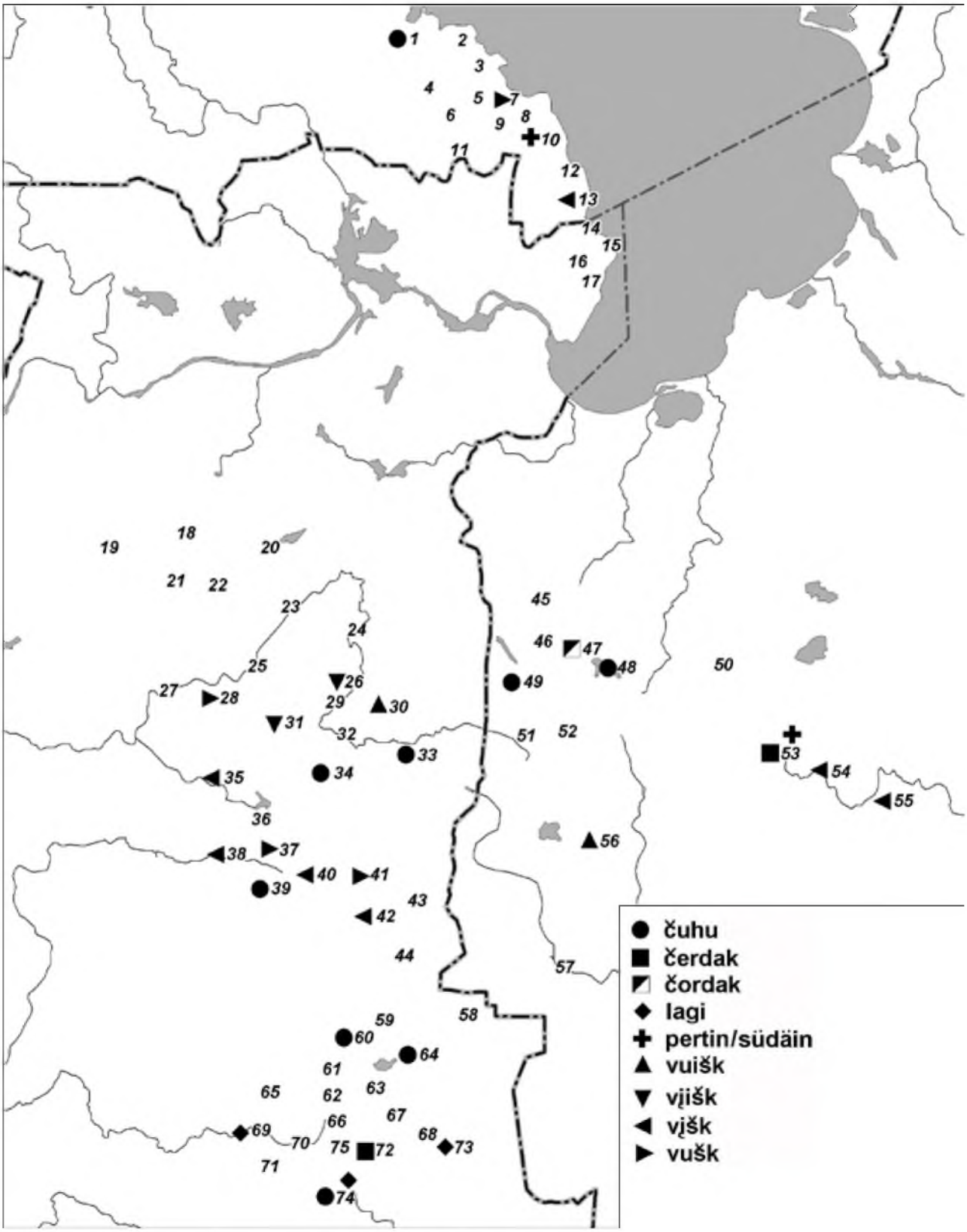
русского *матка*, *матица* ‘мотня невода или неводных рыболовных устройств’ [СРНГ 1982: 31].

Лексема *botaim* также с единичной фиксацией (восточновепсская Пондала), вероятно, представляет собой заимствование из смежных русских говоров лексемы *бо’тальница* ‘рыболовная снасть, состоящая из трех поставленных перпендикулярно к дну длинных сетей (около 40 метров), куда боталом загоняют рыбу’ [СРНГ 1968: 130]. Привлечем тем не менее внимание к тому, что заимствование было произведено со знанием и пониманием семантики: заимствованное слово оформлено исконным прибалтийско-финским словообразовательным суффиксом, обладающим в вепсском формой *-im* (*-in*), производящим отглагольные имена со значением названия орудия действия (ср. *tapim* ~ *tapin* ‘мялка (для льна, конопли)’; *vidim* ‘трепало’ [СВЯ: 560, 730]). Суффикс стал практически непродуктивным в языке вепсов, что свидетельствует в пользу не настолько недавнего заимствования лексемы.

С. А. Мызников

Жилище

118 (341). Именования понятия ‘чердак’

Легенда карты

1) **čuhu**
2) **čerdak**
   čordak
3) **lagi**
4) **pertin/südäin**
5) **vuišk**
   vįišk
   vįšk
   vušk

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **čuhu**: *сев* Š // *ср* Ladv, Mg, Har, Vär, Pk // *южн* Šid, Sod, Ars
2) **čerdak**: *ср* Pnd // *южн* Mai
   čordak: *ср* Šim
3) **lagi**: *южн* Mas, Ars, Vg
4) **pertin/südäin**: *сев* Kl // *ср* Pnd
5) **vuišk**: *ср* Rih, Päž
   vįišk: *ср* Jä, Pec
   vįšk: *сев* Kas // *ср* En, Nür, Jog, Noid, Kj, Vl
   vušk: *сев* Št // *ср* Kor, Reb, Vil

Цифровой индекс

1) **čuhu**: 1Š, 33Ladv, 34Mg, 39Har, 48Pk, 49Vär, 60Šid, 64Sod, 74Ars
2) **čerdak**: 53Pnd,72Mai
   čordak: 47Šim
3) **lagi**: 69Mas, 73Vg, 74Ars
4) **pertin/südäin**: 10Kl, 53Pnd
5) **vuišk**: 30Rih, 56Päž
   vįišk: 26Jä, 31Pec
   vįšk: 13Kas, 35En, 38Jog, 40Nür, 42Noid, 54Kj, 55Vl
   vušk: 7Št, 28Vil, 37Kor, 41Reb

Список картографируемого материала

1 — čuhu; 2–6 — нет сведений; 7 — vušk; 8–9 — нет сведений; 10 — pertin/südäin; 11–12 — нет сведений; 13 — vįšk; 14–25 — нет сведений; 26 — vįišk; 27 — нет сведений; 28 — vušk; 29 — нет сведений; 30 — vuišk; 31 — vįišk; 32 — нет сведений; 33–34 — čuhu; 35 — vįšk; 36 — нет сведений; 37 — vušk; 38 — vįšk (čuhu — ülähän, katusel ‘čuhu — вверху, на крыше’); 39 — čuhu; 40 — vįšk; 41 — vušk; 42 — vįšk; 43–46 — нет сведений; 47 — čordak (čuhu ‘верх дома’; lagi ‘потолок’); 48 — čuhu [СВЯ: 65]; 49 — čuhu; 50–52 — нет сведений; 53 — čerdak, pertin/südäin [СВЯ: 409] (čuhu ‘вершина’; lagi ‘потолок’); 54 — vįšk (čuhu ‘конек на крыше’); 55 — vįšk (čuhu ‘конек на крыше’); 56 — vuišk; 57–59 — нет сведений; 60 — čuhu; 61–63 — нет сведений; 64 — čuhu; 65–68 — нет сведений; 69 — lagi; 70–71 — нет сведений; 72 — čerdak (čuhu ‘крыша’, lagi ‘потолок’); 73 — lagi ‘чердак’ [СВЯ: 270]; 74 — lagi; čuhu [VVS] ‘потолок (чердак?)’; 75 — нет сведений.

Комментарий

В вепсских говорах отсутствуют специальные лексемы из области строительной терминологии, именущие понятие ‘чердак’. Чердаки — специальные помещения под крышей дома, использующиеся для хозяйственных нужд или как жилые помещения — оборудовались редко и поэтому, видимо, не получили специального наименования.

Некоторые лексемы, относящиеся к искомому семантическому ряду, являются заимствованиями из русского языка: *čordak* (< рус. *чердак*), *vušk* (< рус. *вышка*). В последнем случае показательно освоение звука ***ы***, не характерного для языка вепсов. В ряде средневепсских говоров он освоен полностью: *vįšk*, *vįišk*. В других говорах ***ы*** передается дифтонгом ***-ui-***: *vuišk*. Подобная передача звука ***ы*** была отмечена и в древнем русском заимствовании ***muil*** ‘мыло’ [SSA: 1995: 185].

Язык пытался создать свое особое слово для именования чердака, которое зафиксировано и на лексической карте — это сложное слово *pertin/südäin*, букв. ‘внутренность дома или внутренняя часть дома’. Судя по тому, что оно зафиксировано и в северновепсском, и в средневепсском диалектах, корни номинации могут идти из правепсского языка. Однако слово не получило широкого распространения.

Другой способ создания термина представлен в ряде южновепсских говоров, которые пошли по пути расширения семантики слова *lagi*, известного во всех диалектах вепсского языка, как и в других родственных языках в значении ‘потолок’ [СВЯ:

270]. Такая семантическая инновация понятна и логична.

Семантической инновацией является и бытующий в вепсских диалектах шире других термин *čuhu* ‘чердак’. Его примарная семантика ‘конек крыши’ известна всем диалектам [СВЯ: 64; см. также СОСД 2007: 255–256]. При этом центральным для основы *čuhu-* является наречное словоупотребление в значении ‘выше краев, с верхом’: *toda puzuine marjoid* ***čuhu****nke* (***čuhu****me*) ‘принести корзинку ягод с верхом’.

Слово не попало в поле зрения этимологов, очевидно, в связи с его локальным бытованием в прибалтийско-финских языках. Помимо вепсского, оно зафиксировано точечно в карельском: в собственно карельском отмечается сложная лексема ***čuho****/nenä* ‘остроконечный’ (*nenä* ‘нос’), данная в словаре, к сожалению, без контекста [Федотова, Бойко 2009: 23]; в ливвиковском говоре Импилахти ***čuhu*** ‘безопасное место (в игре в салки), где нельзя «запятнать»’ [IKS: 1998]. Полагаем, что семантически обе карельские и вепсские фиксации объединяются мотивом ‘угол, (острый) конец’.

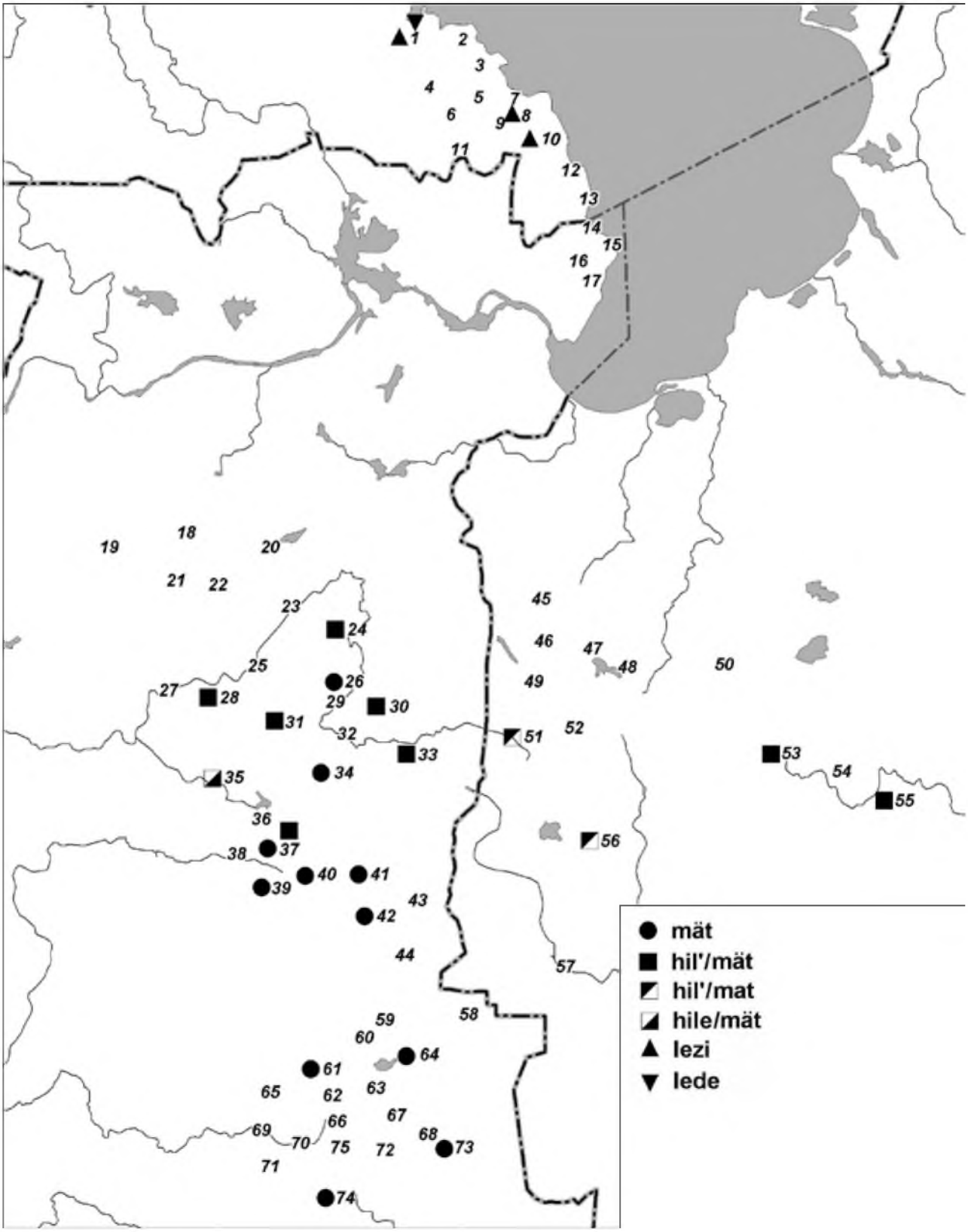
Зафиксирован также убедительный широкий ряд вепсских топонимов с основой ***čuhu-*** (*Čuhu*, *Čuhu/sel'g*, *Čuhu/mägi* и др.), который дополняют названия с топоосновой ***Čuhak-*** ~ ***Čuhuk-*** с характерным для географической терминологии суффиксом *-(a)k* (*Čuhak*, *Čuhuk*, *Čuhakod*, *Čuhak/mägi*, *Чугаки* и др.). При этом те и другие последовательно выступают названиями возвышенностей, горок, холмов, что позволило реконструировать утраченный вепсский ландшафтный термин в значении ‘возвышенность (на местности)’ [Муллонен 1994: 56–57]. В нем реализовалась универсалия в развитии семантики: угол → гора.

В целом все известные вепсские лексемы в семантическом поле ‘чердак’ носят вторичный характер и появились либо в результате заимствования, либо в ходе семантического развития слова.

Скорее всего, лексема *čuhu* является вепсской лексической инновацией со значением признака высоты (в этом ряду и картографируемое значение ‘чердак’), ставшей топонимическим термином.

Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен.

119 (343). Именования понятия ‘углубление в передней части русской печи (обычно слева) для сгребания углей и золы’ (рус. диал. ‘загнетка’, ‘жараток’, ‘жароток’)

Легенда карты

1) **mät** 2) **hil’/mät** **hile/mät** 3) **lezi**
hil’/mat **lede**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **mät**: *ср* Jä, Mg, Kor, Noid, Nür, Reb, Har // *южн* Sod, Vg, Čai, Ars
2) **hil’/mät**: *ср* Nem, Vil, Ladv, Pec, Rih, Kor, Pnd, Vl
hil’/mat: *ср* Naž, Päž
hile/mät: *ср* En
3) **lezi**: *сев* Š, Mec, Kl
lede: *сев* Š

Цифровой индекс

1) **mät**: 26Jä, 34Mg, 37Kor, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 61Čai, 64Sod, 73Vg, 74Ars
2) **hil’/mät**: 24Nem, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 37Kor, 53Pnd, 55Vl
hil’/mat: 51Naž, 56Päž
hile/mät: 35En
3) **lezi**: 1Š, 8Mec, 10Kl
lede: 1Š

Список картографируемого материала

1 — lede; lezi [СВЯ: 285]; 2–7 — нет сведений; 8 — lezi [СВЯ: 285]; 9 — нет сведений; 10 — lezi [СВЯ: 285]; 11–23 — нет сведений; 24 — hil’/mät; 25 — нет сведений; 26 — mät; 27 — нет сведений; 28 — hil’/mät; 29 — нет сведений; 30–31 — hil’/mät; 32 — нет сведений; 33 — hil’/mät; 34 — mät; 35 — hile/mät; 36 — нет сведений; 37 — hil’/mät; mät [VVS] ‘углубление в углу печи для углей’; 38 — нет сведений; 39 — mät; 40–42 — mät; 43–50 — нет сведений; 51 — hil’/mat [VVS]; 52 — нет сведений; 53 — hil’/mät; 54 — нет сведений; 55 — hil’/mät; 56 — hil’/mat [СВЯ: 123]; 57–60 — нет сведений; 61 — mät [СВЯ: 346]; 62–63 — нет сведений; 64 — mät [СВЯ: 346]; 65–72 — нет сведений; 73 — mät [СВЯ: 346]; 74 — mät [VVS] ‘углубление в углу печи для углей’; 75 — нет сведений.

Комментарий

Вепсы традиционно использовали так называемую русскую печь, одной из характерных особенностей которой было углубление, располагавшееся в устье печи чаще всего с левой стороны и служащее для выгребания горячих углей и золы. Угли забирали оттуда горячими для согревания самовара или перекладывали в маленькую печь, которая отапливала деревенский дом. Остывшие угли хранили и использовали для разных домашних нужд, прежде всего, для разогревания самовара, для удаления сырости в подсобных помещениях и т. д. В русском литературном языке специальной лексемы для обозначения данного места для углей нет, а в севернорусских говорах оно называется *жараток ~ жароток* ‘углубление в передней части русской печи, куда сгребали угли, золу’ [СРНГ 1972: 74] или *загнетка, загнеток* ‘угол в печи, куда загребали пепел, угли’[СРНГ 1974: 12].

В диалектах вепсского языка данное понятие обладает несколькими исконными названиями: *mät*, *hil’/mät*, *lezi*, — свидетельствующими о важности самой реалии.

Наиболее широкое диалектное бытование имеет лексема *mät*, которая объединяет западные средневепсские и южновепсские говоры. Вепсский термин отсутствует в этимологических словарях финского языка. Со своей стороны, предполагаем, что он связан этимологически с *mätaz* ‘кочка; холм, горка’, имеющим широкие прибалтийско-финские параллели и уральские этимологические истоки [SSA 1995: 195]. Л. Хакулинен причислял прибалтийско-финскую лексему *mätäs* к ряду *суффиксальных образований* [Hakulinen 1968: 114], что убедительно подтверждается бытованием вепсского *muraž/**mät*** ‘муравейник’ [СВЯ: 337]. В нем прослеживается явная семантическая связь с *mätaz*. Косвенно связь *mät* и *mätäs* поддерживают и такие карельские лексемы, как *kudžoi/**mätäs***, *mawroi/**mätäs*** [Макаров 1990: 160], *kutšoi/**mätäs*** ‘муравейник’ [KKS 1974: 483], образованные по аналогичной с вепсской модели, где в качестве второй части сложного слова на месте вепсского ***mät*** выступает ***-/mätäs***. В этом случае при названии *муравейника* в финском языке в качестве второй части сложного слова употребляются слова *-keko* ‘куча, стог’ или *-pesä*

‘гнездо’ (*muurahais/keko*, *muurahais/pesä*), отражающие иную семантическую подоплеку именования, нежели в вепсском и карельском языках.

Для древневепсской лексемы возможно восстановить фонетический облик типа **mättö* <**mättoi* (ср. современное вепс. *mät: mäto-n* — GenSing), в котором ауслаутный *-o* является предположительно показателем диминутива. Семантически диминутивность вполне вписывается в контекст «печного» термина: угли или зола при их выгребании в загнетку образовывали именно небольшую горочку. Очевидно, в своем семантическом развитии основа прошла путь от значения ‘кочка, бугорок’ к семантике ‘жароток’ с мотивацией ‘небольшой бугорок’, грамматически оформленной показателем диминутива.

Более редкой является лексема *hil'/mät ~ hile/mät*, представляющая собой сложное слово, где его первая, определяющая, часть *hil'* ‘уголь’ указывает, для чего служило понятие, называемое в вепсских диалектах лексемой *mät*: *hil'/mät~hile/mät* ‘место в печи, куда выгребались и где хранились горкой ***угли'***. После утраты гармонии гласных слово в ряде говоров получило еще и облик *hil'/mat*.

Лексема *mät* употребляется в вепсском языке и в значении ‘горн в кузнице’ [СВЯ: 346], при этом мотив номинации вновь связан с кучкой углей.

В северновепсских говорах в противоположность всем остальным используется лексема *lezi* (см. *liesi* ‘место в устье печи для выгребания углей; очаг’ [SSA 1995: 71]). В вепсском известны оба значения, отмеченные в SSA. Вопрос представляет лишь фонетический облик вепсского слова. Для вепсского языка исторически был характерен закон, в соответствии с которым из двухсложных слов отпадали конечные гласные, если первый слог был долгим, т.е. в его состав входил долгий гласный или дифтонг или слог был закрытым [Tunkelo 1946: 755–756], например: *mel'* ‘ум’ (ср. фин. *mieli* < **meeli*). В этой связи слово *liesi* должно бы было иметь вид *lez'*, как это и указано в этимологическом словаре финского языка [SSA 1995: 71], однако эту форму в диалектах вепсского языка не удалось нигде зафиксировать. Произошло восстановление более старой формы *lezi* с основой *lede-n* (GenSing.) по всем правилам вепсского языка (т.е. с озвончением между двумя гласными звуками согласного *-z-* внутри слова [Tunkelo 1946: 55–57]). Видимо, это результат аналогии с такими частотными словами, как *käzi* ‘рука’ (*käde-n*), *vezi* ‘вода’ (*vede-n*) → и *lezi* (*lede-n*). Являясь двухосновными, они обладают также одинаковыми типами основ. В результате произошло восстановление более старого облика слова. В северновепсской Шокше (Š), кроме того, при номинации наметилось обобщение гласной основы слова *lede-* в качестве формы номинатива.

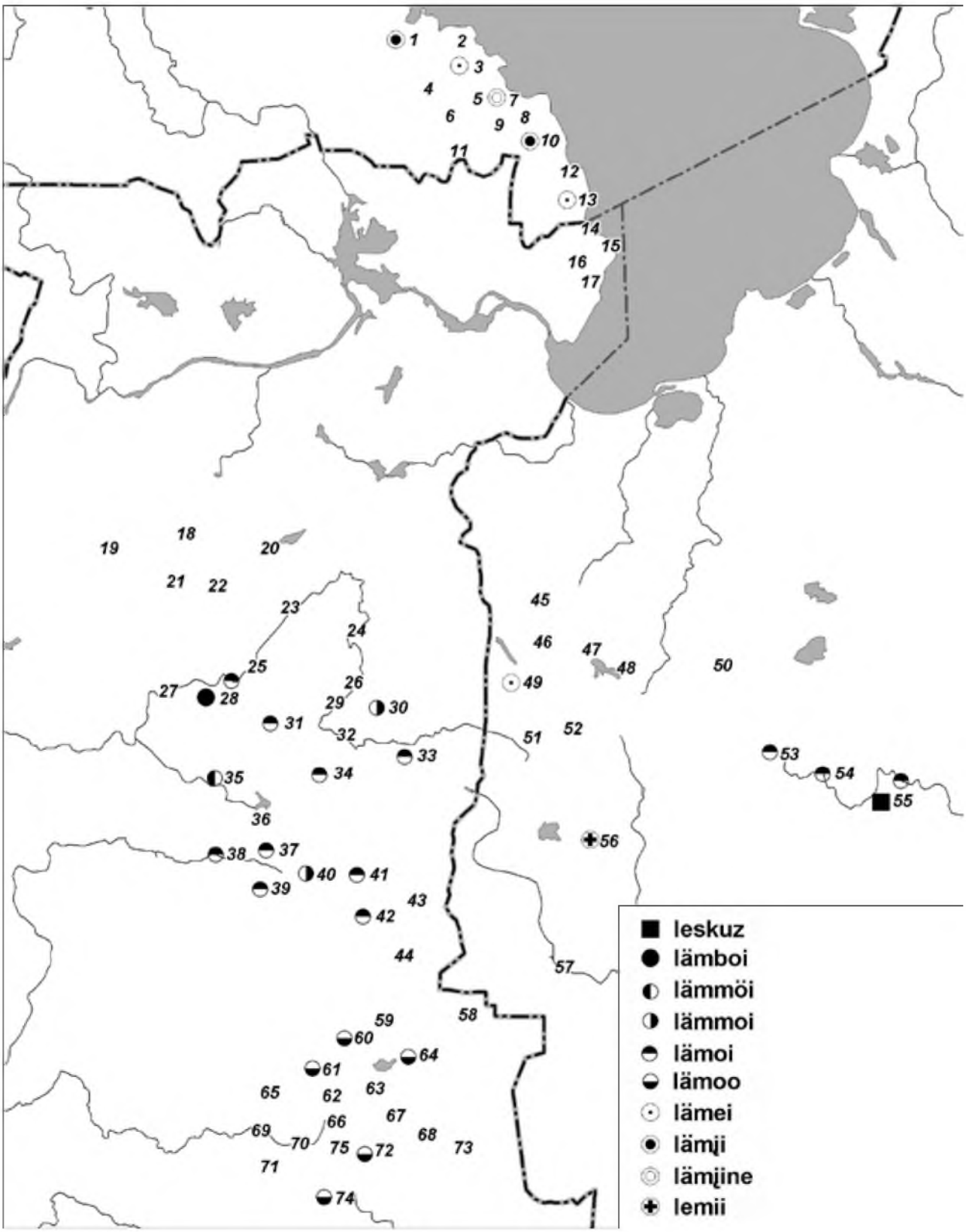
Отметим, что лексема, которая в вепсском звучит как *lezi,* практически не имеет соответствий в наречиях карельского языка; в KKS дан лишь один пример формы данного слова без словоупотребления, зафиксированный на Карельском перешейке и, видимо, спровоцированный финским/саволакским влиянием (*liijos* ‘место для углей’ [KKS 1983: 97]). В карельском языке в этом случае бытует слово *hiilos* < *hiili* ‘уголь’: *hiilos* [Макаров 1990: 68], *hiiloš* [Пунжина 1994: 53; Федотова, Бойко 2009: 47] ‘загнетка в русской печи’ [см. также SSA 2001: 162]. Иначе говоря, мотив номинации в карельском и вепсском термине перекликается.

Само же появление термина свидетельствует о важности культурной реалии в повседневной жизни вепсов и карелов. В финском литературном языке *hiilos* используется в значении ‘горящие (тлеющие) угли’ без его терминологического наполнения. Для называния жаротока в финских говорах, прежде всего, восточных, в ареале бытования культуры русских печей, используется термин *liesi* и его производные *liij(j)os, lievos, liijus, lievus* [SMS].

Таким образом, северновепсский диалект противостоит остальному вепсскому ареалу в мотивации термина, при этом причины такого ареального размежевания не до конца понятны.

Н.Г. Зайцева

120 (344). Именования понятия ‘огонь, пламя’

Легенда карты

1) **leskuz**
2) **lämboi**
lämmöi
lämmoi
lämoi
lämoo
lämei
lämi̯i
lämi̯ine
lemii

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **leskuz**: *ср* Vl
2) **lämboi**: *ср* Vil
lämmöi: *ср* En
lämmoi: *ср* Rih, Nür
lämoi: *ср* Vil, Ladv, Pec, Mg, Kor, Jog, Har, Reb, Noid, Pnd, Kj, Vl
lämoo: *южн* Šid, Sod, Mai, Ars, Čai
lämei: *сев* Veh, Kas // *ср* Vär
lämi̯i: *сев* Š, Kl
lämi̯ine: *сев* Št
lemii: *ср* Päž

Цифровой индекс

1) **leskuz**: 55Vl
2) **lämboi**: 28Vil
lämmöi: 35En
lämmoi: 30Rih, 40Nür
lämoi: 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 38Jog, 39Har, 41Reb, 42Noid, 53Pnd, 54Kj, 55Vl
lämoo: 60Šid, 61Čai, 64Sod, 72Mai, 74Ars
lämei: 3Veh, 13Kas, 49Vär
lämi̯i: 1Š, 10Kl
lämi̯ine: 7Št
lemii: 56Päž

Список картографируемого материала

1 — lämi̯i; 2 — нет сведений; 3 — lämei [VV: 337]; 4–6 — нет сведений; 7 — lämi̯ine; 8–9 — нет сведений; 10 — lämi̯i; 11–12 — нет сведений; 13 — lämei; 14–27 — нет сведений; 28 — lämoi, lämboi [VVS; СВЯ: 309]; 29 — нет сведений; 30 — lämmoi; 31 — lämoi; 32 — нет сведений; 33–34 — lämoi; 35 — lämmöi; 36 — нет сведений; 37 — lämoi (lekotablämoi ‘пламя полыхает’); 38–39 — lämoi; 40 — lämmoi; 41 — lämoi; 42 — lämoi (lämoilämšub ‘огонь горит’); 43–48 — нет сведений; 49 — lämei; 50–52 — нет сведений; 53–54 — lämoi; 55 — lämoi, leskuz ‘пламя; вершина огня’; 56 — lemii; 57–59 — нет сведений; 60 — lämoo; 61 — lämoo [VV: 337]; 62–63 — нет сведений; 64 — lämoo; 65–71 — нет сведений; 72 — lämoo;73 — нет сведений; 74– lämoo; 75 — нет сведений.

Комментарий

Именования понятия ‘огонь, пламя’, передаваемые в вепсском языке лексемой *lämoi* с ее вариантами, укладывались бы в формат фонетической карты, если бы не восточновепсский говор п. Войлахта, который вводит в названный семантический круг лексему *leskuz*.

Лексема *lämoi* обладает в вепсских диалектах многими фонетическими вариантами, связанными как с остатками гармонии гласных (*lämmöi*), также напротив — утратой пяжозерскими говорами фонемы *ä* даже в ударном слоге (*lemii*) — в русле лингвистических карт ЛАВЯ, демонстрирующих развитие гласных*. Разная субституция дифтонга в конце лексемы (долгий гласный вторичного происхождения, переход *-oi* > *-ei*) также закономерна и получила отражение на отдельных картах атласа.

Специального объяснения требует вариативность *m* ~ *mm* ~ *mb* на стыке первого и второго слогов. Вепсский является языком, в котором нет чередования ступеней согласных**. В этом же случае в лексеме *lämboi* ~ *lämmoi* наглядно проступают остатки этого древнего явления. Форма слова с ***mb*** (*lämboi*) зафиксирована лишь в одном пункте — Ярославичи (Vil). Причем в этой же форме названное слово было отмечено именно в Ярославичах и в диалектном словаре вепсского языка [СВЯ: 309], и в электронном ресурсе Л. Кеттунена, и собрано участниками проекта ЛАВЯ в полевых усло-

* См. 9, 10 карты ЛАВЯ.

** См. 12 карту ЛАВЯ.

виях. Более того, форма с *-mb-* в середине слова была отмечена в свое время и Э. Леннротом также в Ярославичах: *Wilus hiles lä**mb**yit ei sada* [Lönnrot 2002: 24] ‘Из холодного угля огонь не получишь’. В ряде прилежащих, соседних к Ярославичам пунктах *mb* > *mm*. Э.А. Тункело полагал, что «…нельзя считать невозможным, что контакты приоятских вепсов с представителями карельско-ливвиковских говоров поддержали в этих случаях ***сохранение*** геминаты *mm*» [Tunkelo 1946: 416].

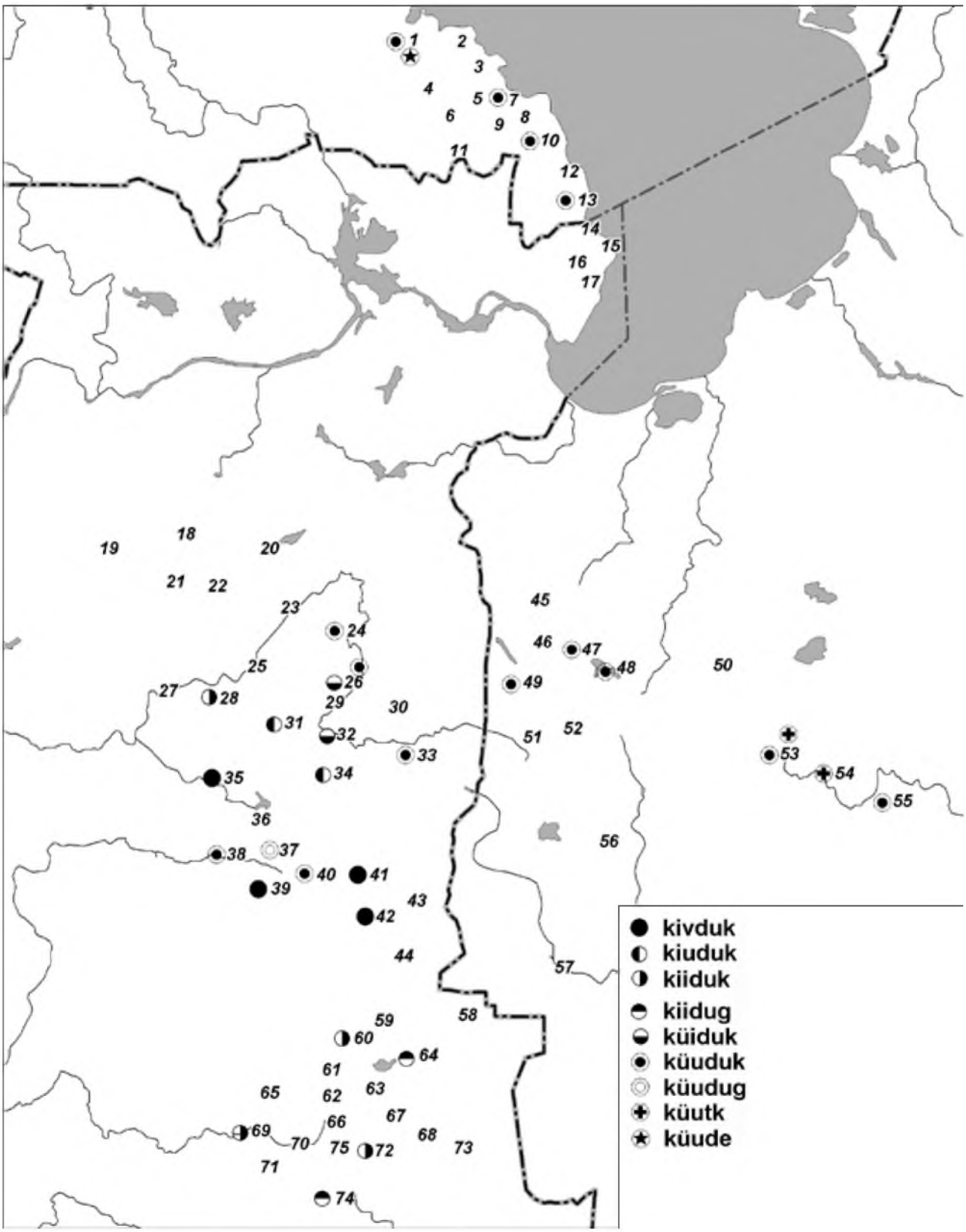
Авторы более раннего этимологического словаря финского языка включили лексему *lämoi* ~ *lämboi* в гнездо *lämmin* ‘теплый; тепло’, считая ее по происхождению праприбалтийско-финской, с рефлексами в мордовских языках [SKES 1958: 320]. Более поздний этимологический словарь в этом гнезде располагает лишь вепсские лексемы *läm* ‘теплый; тепло’, *lämpta* ‘нагреваться, топиться’, *lämbitada* ‘топить, нагревать’ [SSA 1995: 124], но лексемы *lämoi* в этом гнезде уже нет. Между тем она явно входит в данное гнездо слов, возможно, являясь, в свою очередь, именно той первоначальной формой, от которой образованы все глаголы этого этимологического ряда слов.

В средневепсском белозерском говоре Войлахты (Vl) зафиксирована еще одна редкая лексема *leskuz* ‘пламя в его верхней части’, которая не была обнаружена ни в одном ином говоре. Этимологические словари финского языка также не дают о ней сведений. Вепсская лексема может быть расположена в гнезде слов *lieska* ‘пламя, полыхающее в печи’, ‘верхняя часть устья печи’ [SSA 1995: 71]. Семантика слова близка вепсской в обоих случаях. На почве вепсского языка лексема приобрела отыменный суффикс *-us* (*-uz*), попав в разряд именных основ с исходом гласной основы на *-se-* > (< из более ранней на **-kse-*): *leskuse-n* (подобно *kesk* ‘середина’ ~ *keskuz* ‘центр’: *keskuse-n*).

Говор средневепсского белозерского п. Войлахта (Vl), находящегося на самом пограничье с русским языковым ареалом, выделяется на фоне прочих говоров сохранением (или новым образованием от этимологической основы *lieska*) этой редкой для вепсского языка и всего прибалтийско-финского языкового содружества лексемы *leskuz*.

Н.Г. Зайцева

121 (348). Именования понятия ‘печь в бане, каменка’

Легенда карты

kivduk
kiuduk
kiiduk
kiidug
küiduk
küuduk
küüdug
küutk
küude

Расшифровка легенды карты по диалектам

kivduk: *ср* En, Har, Reb, Noid
kiuduk: *ср* Pec, Mg
kiiduk: *ср* Vil // *южн* Šid, Mas, Mai
kiidug: *южн* Sod, Ars
küiduk: *ср* Jä, Rih,
küuduk: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Nem, Jä, Ladv, Jog, Nür, Šim, Pk, Vär, Pnd, Vl
küüdug: *ср* Kor
küutk: *ср* Pnd, Kj
küude: *сев* Š

Цифровой индекс

kivduk: 35En, 39Har, 41Reb, 42Noid
kiuduk: 31Pec, 34Mg
kiiduk: 28Vil, 60Šid, 69Mas, 72Mai
kiidug: 64Sod, 74Ars
küiduk: 26Jä, 32Rih
küuduk: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 33Ladv, 38Jog, 40Nür, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 55Vl
küudug: 37Kor
küutk: 53Pnd, 54Kj
küude: 1Š

Список картографируемого материала

1 — küude, küuduk [СВЯ: 259]; 2–6 — нет сведений; 7 — küuduk; 8–9 — нет сведений; 10 — küuduk; 11–12 — нет сведений; 13 — küuduk; 14–23 — нет сведений; 24 — küuduk; 25 — нет сведений; 26 — küiduk, küuduk [СВЯ: 259]; 27 — нет сведений; 28 — kiiduk; 29–30 — нет сведений; 31 — kiuduk; 32 — küiduk; 33 — küuduk; 34 — kiuduk; 35 — kivduk; 36 — нет сведений; 37 — küudug; 38 — küuduk; 39 — kivduk; 40 — küuduk; 41–42 — kivduk; 43–46 — нет сведений; 47 — küuduk; 48 — küuduk [СВЯ: 259]; 49 — küuduk; 50–52 — нет сведений; 53 — küutk, küuduk [СВЯ: 259]; 54 — küutk; 55 — küuduk; 56–59 — нет сведений; 60 — kiiduk; 61–63 — нет сведений; 64 — kiidug; 65–68 — нет сведений; 69 — kiiduk; 70–71 — нет сведений; 72 — kiiduk; 73 — нет сведений; 74 — kiidug; 75 — нет сведений.

Комментарий

Центром бани является банная печь. У карелов печь «устанавливали прямо у двери, слева или (чаще) справа» [Иванова 2016: 29]. У вепсов она также являлась главным элементом банного помещения, однако специальных работ по убранству бани и месту необходимых в ней предметов, насколько нам известно, пока нет. В работе «Прибалтийско-финские народы России» в разделе, посвященном крестьянским поселениям и постройкам вепсов [Орфинский, Гришина 2003: 381–388], речь идет о технике построения жилища, но нет материала об иных постройках. Исследование З.И. Строгальщиковой «Вепсы. Очерки истории и культуры» содержит раздел «Поселения и традиционное жилище» [Строгальщикова 2014: 111–121], где много фотографий вепсских построек, в том числе хозяйственных, сведения о вепсской бане также отсутствуют.

В работах исследователей встречаются указания о том, что вепсы, прежде всего, южные и отчасти шимозерские, мылись ранее в больших высоких печах [см. напр. Kettunen 1945: 295–296].

Между тем в вепсском языке существуют собственный термин для именования понятия ‘печь в бане’. Если именование понятия ‘печь в доме’ является русским заимствованием (*päč*), то центр вепсской бани — ее печь — имеет свое собственное вепсское наименование *küuduk**. Представители

* Отметим, что в карельских наречиях в отношении именования понятия ‘печь в бане’ наиболее употребителен композит *kyly(n)päčči* [KKS 1974: 521], букв. ‘банная печь’, где в названии понятий ‘печь в бане’ и ‘печь в доме’ выступает русское заимствование *päčči* ‘печь’. Прибалтийско-финская лексема *kiukoa, kiuas* ‘печь в доме и бане’ свойственна финскому языку и собственно карельским говорам [KKS 1974: 234; см. также SSA 1992: 376].

южновепсского диалекта (Sod) так рассказывают: *Edoo nagol' kiidugad oliba. Vuu palatid tegoba, vastoiše sigä. Lavaa pezese... Tegeba kiidugan... Vedaba kiviid pedeipää, alhaks panleba sured kived, päle mučuužed. Seinäverhe panleba peskuud, mišto lämoo ii saiži seinaverhe.* 'Раньше только каменки были. Еще полати делают, веником там парятся. Моются на полу.. Делают каменку… Привезут камней с поля, вниз кладут большие камни, сверху мелкие. К стене насыпают песку, чтобы огонь не достал стену'… [ОВР: 220].

В диалектах для названия понятия 'каменка' используется *единственная* лексема *küuduk*, однако она обладает множеством фонетических вариантов, что и позволило построить лингвистическую карту. Причем, мы не стали в этом случае группировать именования, как это принято в ЛАВЯ, а привели весь круг фонетических вариантов целиком: он не настолько велик, и, кроме того, некоторые варианты не являются показателями ареалов, как звонкий или глухой согласный звук в конце слов, что появляется или под влиянием русского языка, или в потоке речи в окружении звонких согласных или гласных звуков (типа *küudu**k*** ~ *küudu**g***, *kiidu**k*** ~ *kiidu**g***).

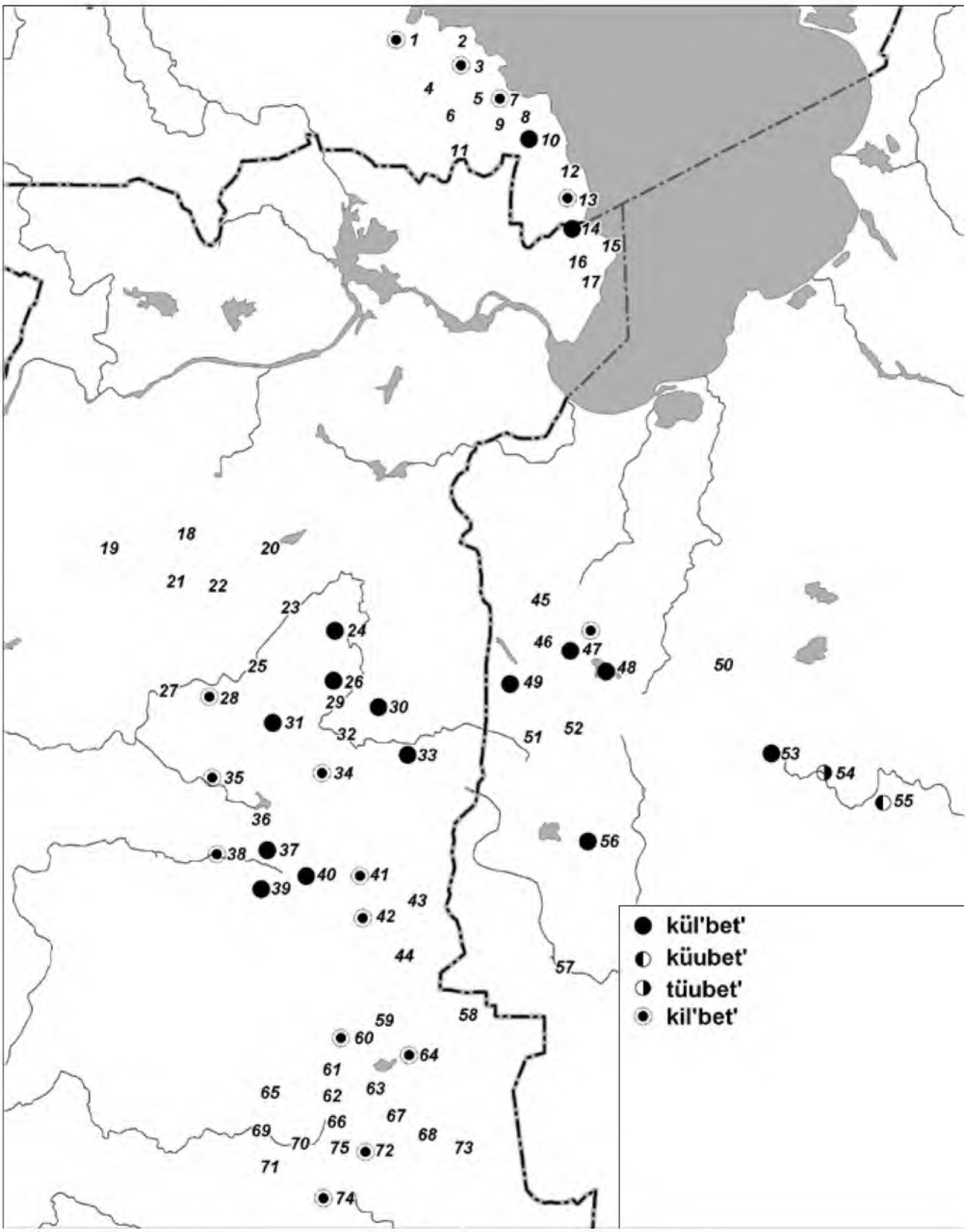
Этимологические словари финского языка включают вепсскую лексему *küuduk* ~ *kivduk* в статью *kiuas* 'печь в бане или риге, сложенная из камней; печь' [SSA 2001: 376]. В свою очередь, было выдвинуто предположение о том, что по структуре *kiuas* — это сложное слово, в качестве первого компонента которого могла выступать лексема *kivi* 'камень'. И вепсские материалы поддерживают эту идею. Как свидетельствует лингвистическая карта, в средневепсских западных говорах (En, Har, Reb, Noid) в первой части вепсского варианта слова отчетливо проявляется слово ***kiv****i* 'камень': ***kiv****duk*.

Однако вторая часть сложного слова вызывает разногласия. В SSA [2001: 376] второй частью сложного слова названа лексема *-kota*, современные значения которой в финском языке 'чум, шалаш'. В этимологическом словаре К. Хяккинен [Häkkinen 2007: 445] поддержана идея о том, что в качестве второй части сложного слова *kiuas* могла выступить лексема *-kasa* 'куча, груда'; а в людиковско-вепсской части сложного слова (*kivduk* ~ *küuduk* ~ *küudug*) *-duk* ~ *-dug* также могло быть некой лексемой со значением 'связка, пучок; куча' [Häkkinen 2007: 445]. Хотя она в словаре не названа, можно полагать, что речь идет о лексеме, на почве вепсского языка звучащей как *tuk* (*tukk*) 'ком, кусок; вязанка, охапка' [СВЯ: 582]. В принципе фонетически и семантически подобная идея вполне состоятельна, т.е. *kivduk*: *kivi* 'камень'+ *tuk* 'куча', поскольку каменка — это и есть своеобразно организованная в виде очага куча камней в бане. Однако, грамматически в вепсском языке слово *tuk* обладает основой на *-u-* (*tuku-n* GenSing). Лексема же *kivduk* ~ *küuduk* ~ *küudug* имеет основу на *-a-* (*kivduk**a**-n* ~ *küuduk**a**-n* ~ *küudug**a**-n* GenSing). С этой точки зрения, очевидно, для названной лексемы была бы более приемлемой праформа **kivikoδa(n),* в которой на почве вепсского языка во второй части сложного слова произошла перестановка звуков *k* ~ *d*, что послужило значительному фонетическому видоизменению лексемы.

Таким образом, лексика вепсского языка позволяет реконструировать определенные моменты традиционной культуры, в данном случае банной. Собственное исконное именование 'печи в бане' — *kivduk* ~ *küuduk* ~ *küudug*, имеющее общевепсский ареал бытования и обладающее праприбалтийско-финской этимологией, обусловленное, кроме того, как особенностями исторического развития всей фонетической системы вепсского языка, так и каждой группы говоров, свидетельствует о длительной по времени традиции строительства и использования вепсами бань с каменками.

Н.Г. Зайцева

122 (349). Именования понятия ‘баня’

Легенда карты

1) **kül’bet’**
2) **küubet’**
3) **tüubet’**
4) **kil’bet’**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **kül’bet’:** *сев* Kl, Kuk // *ср* Nem, Jä, Rih, Pec, Ladv, Kor, Har, Nür, Šim, Pk, Vär, Pnd, Päž
2) **küubet’**: *ср* Vl
3) **tüubet’**: *ср* Kj
4) **kil’bet’**: *сев* Š, Veh, Št, Kas // *ср* Vil, Mg, En, Jog, Reb, Noid, Šim // *южн* Šid, Sod, Mai, Ars

Цифровой индекс

1) **kül’bet’**: 10Kl, 14Kuk, 24Nem, 26Jä, 30Rih, 31Pec; 33Ladv; 37Kor, 39Har, 40Nür, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 56Päž
2) **küubet’**: 55Vl
3) **tüubet’**: 54Kj
4) **kil’bet’**: 1Š, 3Veh, 7Št, 13Kas, 28Vil, 34Mg, 35En, 38Jog, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 60Šid, 64Sod, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — kil’bet’; 2 — нет сведений; 3 — kil’bet’ [VV: 260]; 4–6 — нет сведений; 7 — kil’bet’; 8–9 — нет сведений; 10 — kül’bet’; 11–12 — нет сведений; 13 — kil’bet’; 14 — kül’bet’ [VV: 259]; 15–23 — нет сведений; 24 — kül’bet’; 25 — нет сведений; 26 — kül’bet’; 27 — нет сведений; 28 — kil’bet’; 29 — нет сведений; 30 — kül’bet’; 31 — kül’bet’; 32 — нет сведений; 33 — kül’bet’; 34 — kil’bet’; 35 — kil’bet’; 36 — нет сведений; 37– kül’bet’; 38 — kil’bet’; 39 — kül’bet’; 40 — kül’bet’; 41 — kil’bet’; 42 — kil’bet’; 43–46 — нет сведений; 47 — kül’bet’, kil’bet [СВЯ: 254]; 48 — kül’bet’ [СВЯ: 254]; 49 — kül’bet; 50–52 — нет сведений; 53 — kül’bet’; 54 — tüubet’; 55 — küubet’; 56 — kül’bet’; 58–59 — нет сведений; 60 — kil’bet’;61–63 — нет сведений; 64 — kil’bet’; 65–71 — нет сведений; 72 — kil’bet’; 73 — нет сведений; 74 — kil’bet’; 75 — нет сведений.

Комментарий

Баню у прибалтийско-финских народов, по всей вероятности, можно отнести к культовым строениям. С баней связано значительное количество фольклорных произведений и мифологических верований, что свидетельствует об ее освоенности народами и давнем введении ее в традиционную как материальную, так и духовную культуру. Между тем, территория вепсского расселения — Межозерье — оказалась именно той зоной, которая была разделена двумя гигиеническими традициями — банной и печной. Этнологи при этом полагают, что более цивилизованный гигиенический путь — бани — в жизни и культуре вепсов появились довольно поздно, проникнув «от окружающего южнокарельского и севернорусского населения, имеющего развитую банную культуру» [Винокурова 2012: 58].

В то же время история вепсского термина *kül’bet’*, единого для всех вепсских диалектов, с закрепленными традицией бытования фонетическими сдвигами, противоречит в известной мере представлениям о позднем появлении понятия ‘баня’ в вепсской среде. Как свидетельствует собранный материал, термин для именования бани у вепсов один. Он бытует во всех диалектах вепсского языка в четырех фонетических вариантах, что и позволило подготовить лингвистическую карту.

Наиболее распространен вариант *kül’bet’*, объединяющий говоры северных и части средних приоятских вепсов. Его можно считать наиболее древним, менее всего подвергшимся различного рода фонетическим модификациям. Впрочем, и он пережил один фонетический сдвиг — палатализацию (*l* > *l’*) в конце первого слога (**külbet’* > *kül’bet’*), которая воспрепятствовала вокализации или переходу *l* > *u*.

Последний (*l* > *u*) свершился в восточных (белозерских) говорах вепсского языка, где бытует вариант термина *küubet’*. Происшедшая в нем вокализация согласного *l* свойственна и иным говорам вепсского языка, являясь практически правепсской, чему посвящена особая карта ЛАВЯ*.

Наряду с ним фиксируется вариант *tüubet’* (*t’üubet’*), своеобразие которого заключается

* Об истоках и более подробном освещении развития данного явления см. карту 8 ЛАВЯ.

в инициальном согласном *t'*, возникшем из *k'* в позиции перед гласными переднего ряда. Названная закономерность составляет своеобразие куйского говора, в котором засвидетельствованы и иные случаи данного явления (*kivi* ~ ***t****ivi* 'камень', *küumda* ~ ***t****üumda* 'замерзнуть', *küuptas* ~ ***t****üuptas* 'купаться') [Богданов 1958].

В варианте *kil'bet'* наблюдается сужение гласного звука *ü* и переход его в *i*. Данное явление, широко известное в языке северных, западных, южных вепсов в противоположность восточным средневепсским говорам, также нашло свое отражение на специальной карте ЛАВЯ*. Звукопереход *ü* > *i* захватил почти весь вепсский языковой ареал, хотя его сложно назвать полностью сформировавшимся, поскольку имеется довольно много исключений из правила в каждом из говоров.

Все перечисленные особенности фонетического оформления вариантов слова *kül'bet'* составляют сложившуюся специфику представленных говоров, что должно свидетельствовать о достаточно «немолодом» возрасте слова *kül'bet'*.

Что касается происхождения вепсской лексемы *kül'bet'*, то можно предположить, что она является сложным словом, аналогичным карельскому *kyly-pirtti,* к которому SSA предлагает возводить саамское *kęll-pęrt* букв. 'банный дом' [SSA 2001: 462]. Вепсский термин может в этом ряду также быть возведен к исторически сложному образованию *kül'b(end)/pert'* — также букв. 'дом, где моются', в котором первый элемент восходит к исконной прибалтийско-финской глагольной основе *kylpe-* (вепс. *kyl'pt'ä*) 'мыться в бане, париться' [SSA 2001: 462]. Отметим, что именно прибалтийско-финская лексема *kylpe-* была связана с баней.

Вторая часть предполагаемого вепсского сложного именования бани *-pert'* является древним праприбалтийско-финским заимствованием из древнерусского языка лексемы *pert', perti, pirtti*, главным значением которой было 'баня' (< др. рус. *pĭrtĭ* [SSA 1995: 374]; см. также: [Фасмер 1987: 245]). Лексема стала активно использоваться в дальнейшем в прибалтийско-финских языках, особенно в вепсском и карельском, приобретя, в том числе, и значение 'дом, строение; комната' и т. д. [СВЯ: 409; KKS 1993: 212–213]. И, таким образом, вепсская лексема *kül'bet'* обладает своеобразной «двойной» связью с баней.

Все изменения слова *kül'bet'*, свойственные для говоров и отразившиеся в его фонетическом облике, его семантика, ареал функционирования свидетельствуют в пользу вхождения данной лексемы в правепсский лексический фонд.

Кроме того, и лексема *küuduk* 'каменка, печь в бане' — название характерного атрибута банной культуры, проанализированная в ЛАВЯ ранее**, также представлена во всех диалектах вепсского языка. Данный языковой контекст предполагает и исконный характер самого явления — мытья в банях с каменками — в вепсской среде. Невозможно представить ситуацию, при которой именование какого-либо понятия (в данном случае *kül'bet'* 'баня') смогло бы возникнуть раньше самого понятия.

Лексика вепсского языка сохраняет память о явлениях традиционной культуры, которая к настоящему времени во многом обрусела, и может служить свидетельством для реконструкции определенных ее аспектов. Исконность банной традиции поддерживается и глубокой ее освоенностью вепсским фольклором и мифологией.

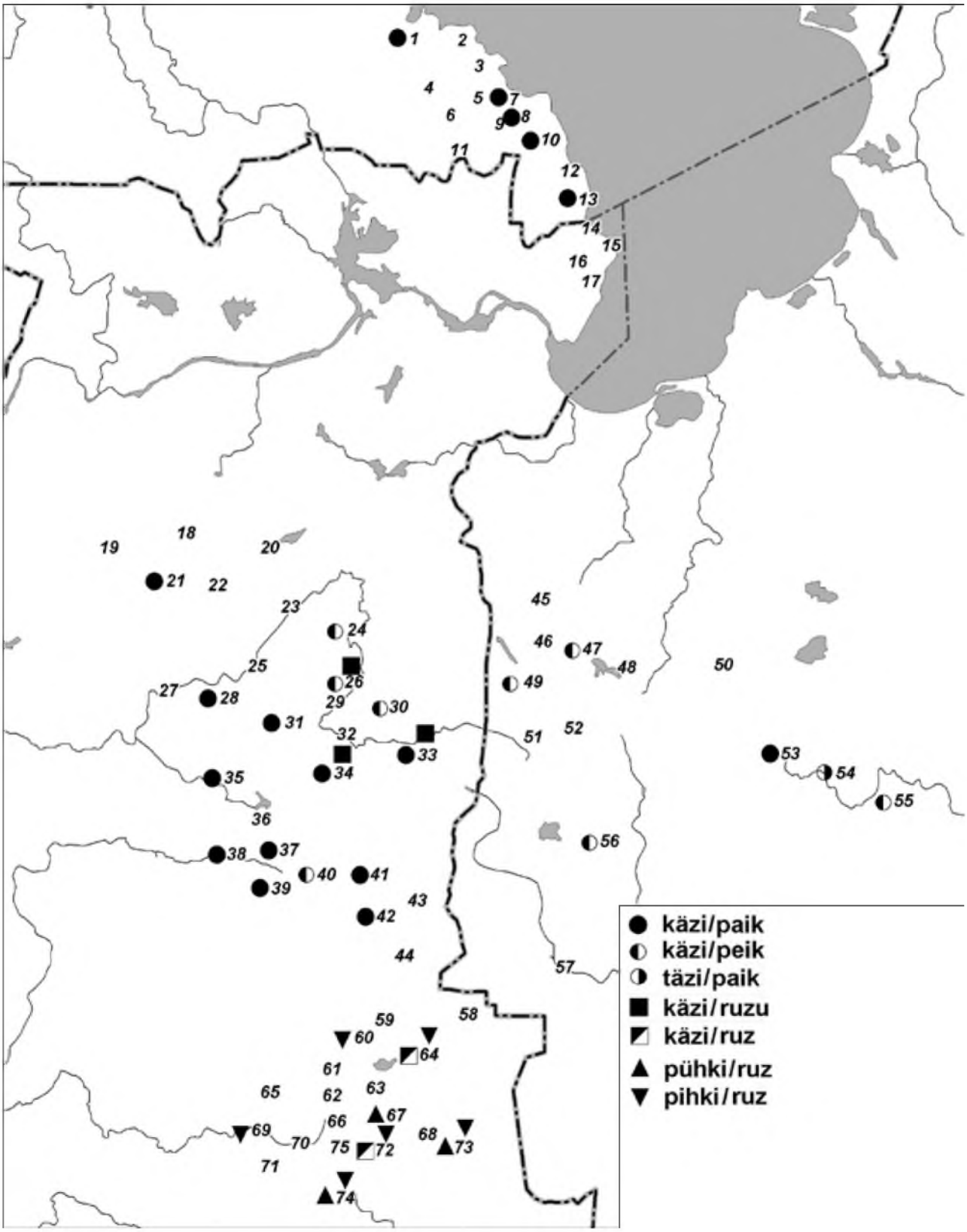
Н.Г. Зайцева

* О данном явлении в языке вепсов см. карту 4 ЛАВЯ.

** См. карту 121 ЛАВЯ.

Домашняя утварь

123 (350). Именования понятия ‘полотенце (для рук)’

Легенда карты

1) **käzi/paik**
käzi/peik
täzi/paik
2) **käzi/ruzu**
käzi/ruz
3) **pühki/ruz**
pihki/ruz

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **käzi/paik**: *сев* Š, Št, Mec, Kl, Kas // *ср* Kar, Vil, Pec, Ladv, Mg, En, Noid, Reb, Kor, Jog, Har, Pnd
käzi/peik: *ср* Rih, Nem, Jä, Nür,Vl, Vär, Päž, Šim
täzi/paik: *ср* Kj
2) **käzi/ruzu**: *ср* Jä, Ladv, Mg
käzi/ruz: *южн* Mai, Sod
3) **pühki/ruz**: *южн* Krl, Vg, Ars
pihki/ruz: *южн* Mai, Mas, Ars, Šid, Vg, Sod

Цифровой индекс

1) **käzi/paik**: 1Š, 7Št, 8Mec, 10Kl, 13Kas, 21Kar, 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 41Reb, 42Noid, 53Pnd
käzi/peik: 24Nem, 26Jä, 30Rih, 40Nür, 47Šim, 49Vär, 55Vl, 56Päž
täzi/paik: 54Kj
2) **käzi/ruzu**: 26Jä, 33Ladv, 34Mg
käzi/ruz: 64Sod, 72Mai
3) **pühk/iruz**: 67Krl, 73Vg, 74Ars
pihki/ruz: 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 73Vg, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — käzi/paik; 2–6 — нет сведений; 7 — käzipaik; 8 — käzi/paik [СВЯ: 266]; 9 — нет сведений; 10 — käzi/paik; 11–12 — нет сведений; 13 — käzi/paik; 14–20 — нет сведений; 21 — käzi/paik [ВК]; 22–23 — нет сведений; 24 — käzi/peik, 25 — нет сведений; 26 — käzi/peik, käzi/ruzu [СВЯ: 266]; 27 — нет сведений; 28 — käzi/paik; 29 — нет сведений; 30 — käzi/peik; 31– käzi/paik; 32– нет сведений; 33–34 — käzi/paik, käzi/ruzu; 35 — käzipaik; 36 — нет сведений; 37–39 — käzi/paik; 40 — käzi/peik; 41–42 — käzi/paik; 43–46 — нет сведений; 47 — käzi/peik [СВЯ: 266]; 48 — нет сведений; 49 — käzi/peik; 50–52 — нет сведений; 53 — käzi/paik; 54 — täzi/paik; 55–56 — käzi/peik; 57–59 — нет сведений; 60 — pihki/ruz; 61–63 — нет сведений; 64 — käzi/ruz, pihki/ruz; 65–66 — нет сведений; 67 — pühki/ruz [СВЯ: 445], 69 — pihki/ruz; 70–71 — нет сведений; 72 — käzi/ruz, pihki/ruz; 73–74 — pihki/ruz, pühki/ruz [VVS]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Понятие ‘полотенце (для рук)’ в диалектах вепсского языка передается тремя лексемами, являющимися *сложными* словами. Для северновепсского и средневепсского ареала характерна сложная лексема *käzi/paik*, в ряде средневепсских пунктов встречается *käzi/peik* с переходом *a* > *e* во второй части сложного слова. В восточновепсском с. Куя (Kj) записана форма *täzi/paik*. Здесь выступает известная науке особенность куйского говора — переход согласного *k’* > *t’* перед гласными переднего ряда в начале слова, перед которыми согласные часто смягчаются (напр.: *kirvez* > *tirvez* ‘топор’, *küzuda* > *tüzuda* ‘спросить’, *käzi* > *täzi* ‘рука’) [Богданов 1961: 36]. Рассматриваемое сложное существительное состоит из элементов *käzi* ‘рука’ + *paik* ‘платок’. Оба слова имеют общеприбалтийско-финское происхождение и выступают в близкородственных языках с тем же значением [SKES: 458]. В диалектах карельского языка полотенце также называют *käsi/paikka*, *käzi/paikku* [KKS 1974: 568].

В западновепсском говоре наряду с *käzi/paik* выступает слово *käzi/ruzu* ‘полотенце для рук’, фиксируемое и в южновепсских деревнях с выпадением конечного гласного звука *-u: käzi/ruz*. Второй частью сложного слова является существительное *ruzu* ‘тряпка’. По своему происхождению лексема входит в прибалтийско-финское этимологическое гнездо *rusu* ‘сор, мусор’, обладающее дескриптивной основой [SKES: 884].

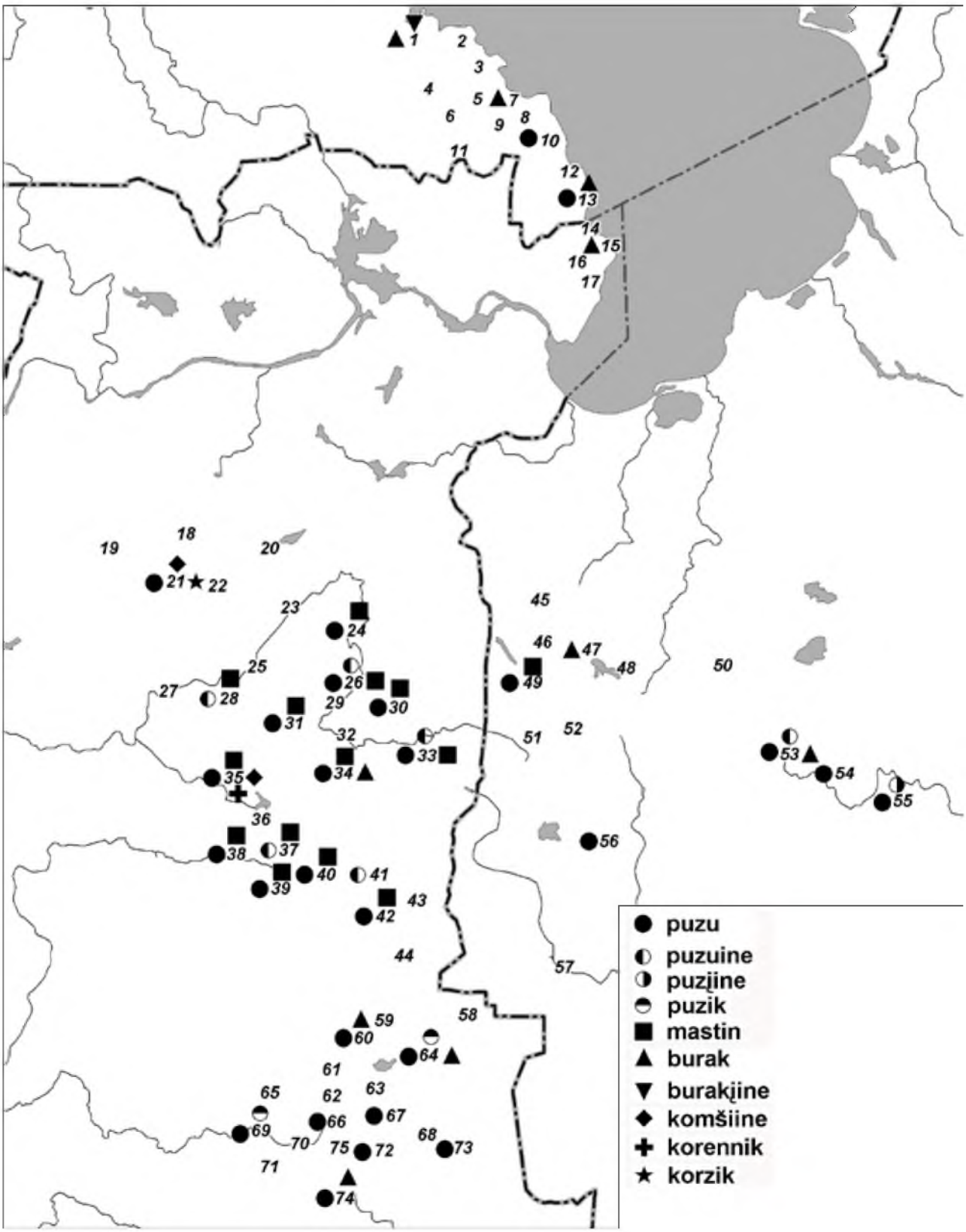
Для южновепсского диалекта наиболее характерна лексема *pühki/ruz (pihki/ruz)*. Здесь следует отметить делабиализацию звука *ü* в языке южных вепсов, которую в подобной позиции можно наблюдать и в других вепсских диалектах, на что обращали

внимание исследователи языка вепсов, указывая на ее позднее происхождение (*pühkta* > *pihkta*, *tütar* > *titar*) [см. напр.: Kettunen 1925: 11; Тункело 1946: 572–573]. Большая часть записанных южновепсских вариантов характеризуется указанным фонетическим изменением *ü* > *i*. Первый элемент сложного слова образован от глагола *pühkta* ‘вытирать’, второй *ruzu* ‘тряпка’ (букв. ‘тряпица для вытирания’).

Карта довольно убедительно демонстрирует определенную ареальную дистрибуцию в бытовании лексем, называющих полотенце, выделяя особо южновепсский регион. При том, что все диалекты используют сложное по структуре слово, мотивы называния, отраженные в них, имеют свою специфику.

О. Ю. Жукова

124 (352). Именования понятия ‘корзина’

Легенда карты

1) **puzu**
   puzuine
   puzi̯ine
   puzik
2) **mastin**
3) **burak**
   buraki̯ine
4) **komšiine**
5) **korennik**
6) **korzik**

Расшифровка легенды карты по диалектам:

1) **puzu**: *сев* Kl, Kas // *ср* Kar, Rih, Nem, Jä, Pec, Ladv, Mg, En, Noid, Nür, Jog, Har, Pnd, Vär, Kj, Vl, Päž // *южн* Mai, Mas, Šid, Sod, Buš, Krl, Vg, Ars
   puzuine: *ср* Jä, Ladv, Vil, Reb, Kor, Pnd
   puzi̯ine: *ср* Vl
   puzik: *южн* Mas, Sod
2) **mastin**: *ср* Rih, Nem, Jä, Pec, Vil, Ladv, Mg, En, Noid, Nür, Kor, Jog, Har, Vär
3) **burak**: *сев* Š, Št, Kas, Per // *ср* Mg, Pnd, Šim // *южн* Ars, Šid, Sod
   buraki̯ine: *сев* Š
4) **komšiine**: *ср* Kar, En
5) **korennik**: *ср* En
6) **korzik**: *ср* Kar

Цифровой индекс

1) **puzu**: 10Kl, 13Kas, 21Kar, 24Nem, 26Jä, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 38Jog, 39Har, 40Nür, 42Noid, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 66Buš, 67Krl, 69Mas, 72Mai, 73Vg, 74Ars
   puzuine: 26Jä, 28Vil, 33Ladv, 37Kor, 41Reb, 53Pnd
   puzi̯ine: 55Vl
   puzik: 64Sod, 69Mas
2) **mastin:** 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 42Noid, 49Vär
3) **burak**: 1Š, 7Št, 13Kas, 15Per, 34Mg, 47 Šim, 53Pnd, 60Šid, 64Sod, 74Ars
   buraki̯ine: 1Š
4) **komšiine**: 21Kar, 35En
5) **korennik**: 35En
6) **korzik**: 21Kar

Список картографируемого материала

1 — burak, buraki̯ine; 2–6 — нет сведений; 7 — burak; 8–9 — нет сведений; 10 — puzu; 11–12 — нет сведений; 13 — puzu, burak; 14 — нет сведений; 15 — burak [VVS]; 16–20 — нет сведений; 21 — puzu [ВК], komšiine [СВЯ: 223], korzik [СВЯ: 227]; 22–23 — нет сведений; 24 — puzu, mastin; 25 — нет сведений; 26 — mastin, puzuine, puzu [СВЯ: 442]; 27 — нет сведений; 28 — puzuine, mastin; 29 — нет сведений; 30–31 — puzu, mastin; 32 — нет сведений; 33 — puzu, puzuine [ВК], mastin; 34 — puzu, mastin, burak; 35 — puzu, mastin, korennik, komšiine; 36 — нет сведений; 37 — puzuine, mastin; 38–40 — puzu, mastin; 41 — puzuine; 42 — puzu, mastin; 43–46 — нет сведений; 47 — burak [VVS]; 48 — нет сведений; 49 — puzu, mastin; 50–52 — нет сведений; 53 — puzu, puzuine, burak [СВЯ: 52]; 54 — puzu; 55 — puzu, puzi̯ine; 56 — puzu; 57–59 — нет сведений; 60 — puzu, burak; 61–63 — нет сведений; 64 — burak, puzu, puzik [СВЯ: 442]; 65 — нет сведений; 66 — puzu [VV: 422]; 67 — puzu [VV: 422], 68 — нет сведений; 69 — puzu, puzik; 70–71 — нет сведений; 72 — puzu; 73 — puzu [ВК]; 74 — puzu, burak [СВЯ: 52]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Понятие ‘корзина’ в диалектах вепсского языка обладает несколькими именованиями. Очевидно, сказались некоторые различия в изготовлении корзины или в материале, из которого ее изготовляли. Наиболее распространенной лексемой, известной всем диалектам вепсского языка, является *puzu*. Слово принадлежит к этимологическому гнезду *pusu* и имеет в близкородственных языках значение ‘деревянная или берестяная посудина’ [SKES: 660]. Фиксируются и диминутивные формы лексемы *puzuine* и *puzi̯ine*, где во втором варианте *ui* > *i̯i* [см. об этом: Tunkelo 1946: 804]. В южновепсских пунктах Маслово (Mas) и Сидорово (Sod) записана форма *puzik*, представляющая образование от слова *puzu* с именным суффиксом *-ik*.

Для западновепсских говоров характерна лексема *mastin.* При этом информанты указывали на некоторую разницу в семантике двух слов: *puzu (puzuine)* ‘корзина, сплетенная из бересты, реже из ивы, иногда без ручки’, *mastin* ‘корзина, сделанная из лучин (щепы)’. Существительное *mastin* пришло в вепсский язык из русских говоров, где встречается *мастина* или *мостина* ‘большая плетеная корзина’ [СРНГ 1982: 289].

Лексема *burak* употребляется во всех диалектах вепсского языка с некоторой детализацией значения. В северновепсском это ‘корзина’, в средневепсском ‘туес, берестяной короб, в который клали еду с собой в лес’ и даже ‘берестяной черпак для воды’ [СВЯ: 52]. Слово известно практически всем прибалтийско-финским языкам, являясь древним славянским заимствованием. В финском языке данная лексема имеет вид *purakka* ‘деревянная посудина’, в карельском *burakko* ‘берестяная посудина’ [SKES: 650]. В говорах русского языка *бурак* — ‘сосуд из бересты цилиндрической или круглой формы, а также корзина или короб, плетеные из лучины или бересты’ [СРНГ 1968: 280]. В северновепсском селе Шокша (Š) лексема чаще представлена в диминутиве *burakǯine.*

Еще одно слово со значением ‘небольшая корзинка, лукошко из бересты’ — *komšiine* [СВЯ: 223] — встречается в отдельных пунктах западновепсского ареала. Лексема имеет прибалтийско-финское происхождение и относится к гнезду *komsa* ‘берестяной короб, корзина’, хотя в известных этимологических словарях вепсское соответствие отсутствует. Также находим *комша* ‘берестяная корзина’ и в СРНГ с пометой об употреблении лексемы в Олонецкой губернии [СРНГ 1978: 240], что считают заимствованием из южнокарельских диалектов, где *komšša* ‘берестяное лукошко‘ [KKS 1974: 306].

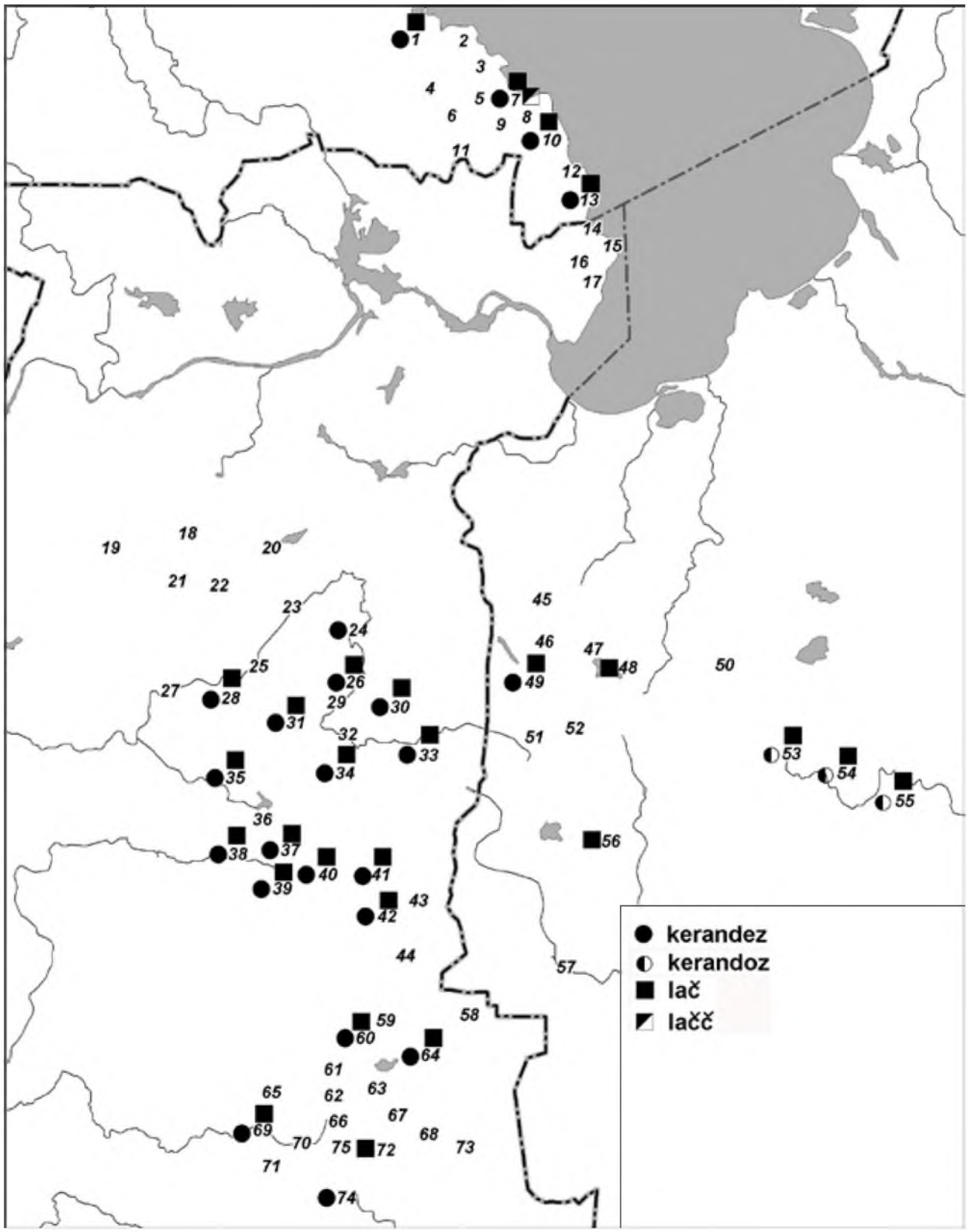
В п. Вонозеро (En) зафиксировано слово *korennik* ‘корзина’, вероятное диалектное заимствование из русского языка. Аналогичное слово находим в СРНГ: *кореник, коренник* ‘круглая чашка из корней, короб с крышкой, сплетенный из тонких прутьев’[СРНГ 1978: 316].

Интересна лексема *korzik* ‘корзина’, не записанная в ходе заполнения вопросников, но указанная в диалектном словаре вепсского языка в средневепсском п. Каргиничи (Kar) [СВЯ: 227]. По всей видимости, слово образовано от существительного *korz* ‘стебель’ при помощи суффикса *-ik*. Очевидно, в названии отражен материал, из которых плели корзины.

Представленное понятие в диалектах вепсского языка передается различными лексемами, семантически отличающимися по принципу материала изготовления, размера или использования. Распространенное во всем вепсском ареале слово *puzu* и единично фиксированные на средневепсской территории *komšiine* являются исконными лексемами, другие же зафиксированные термины пришли из диалектов русского языка, пополняя, а также отчасти конкретизируя синонимический ряд названий предмета, и являются свидетельством взаимодействия народных культур в области хозяйственной деятельности.

О. Ю. Жукова

125 (353). Именования понятия ‘ушат, кадушка’

Легенда карты

1) **kerandez**
kerandoz

2) **lač**
lačč

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **kerandez**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Noid, Nür, Reb, Kor, Jog, Har, Vär // *южн* Sod, Mas, Šid, Ars
kerandoz: *ср* Vl, Pnd, Kj

2) **lač**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Noid, Nür, Reb, Kor, Jog, Har, Pk, Vär, Kj, Vl, Pnd, Päž // *южн* Sod, Mas, Mai, Šid
lačč: *сев* Št

Цифровой индекс

1) **kerandez**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 74Ars
kerandoz: 53Pnd, 54Kj, 55Vl

2) **lač**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai
lačč: 7Št

Список картографируемого материала

1 — kerandez, lač; 2–6 — нет сведений; 7 — kerandez, lač, lačč [СОСД 2007: 264]; 8–9 — нет сведений; 10 — kerandez, lač; 11–12– нет сведений; 13 — kerandez, lač; 14–23 — нет сведений; 24 — kerandez, 25 — нет сведений; 26 — kerandez, lač; 27 — нет сведений; 28 — kerandez, lač; 29 — нет сведений; 30–31 — kerandez, lač; 32 — нет сведений; 33–35 — kerandez, lač; 36 — нет сведений; 37–42 — kerandez, lač; 43–47 — нет сведений; 48 — lač [СВЯ: 269]; 49 — kerandez, lač; 50–52 — нет сведений; 53–55 — kerandoz, lač; 56 — lač; 57–59 — нет сведений; 60 — kerandez, lač; 61–63 — нет сведений; 64 — kerandez, lač [VV 1993: 391]; 65–68 — нет сведений; 69 — kerandez, lač; 70–71 — нет сведений; 72 — lač; 73 — нет сведений 74 — kerandez; 75 — нет сведений.

Комментарий

Именование ‘кадушка’ и ‘ушат’ были даны в вопроснике как одно понятие, что, с одной стороны, очевидно, не совсем правомерно, с другой стороны, информанты часто путались в объяснениях, не всегда понимали, как точно объяснить тонкую разницу в данных понятиях, поскольку их хозяйственное назначение достаточно близко друг к другу. Поэтому было решено дать их именования в одной статье атласа с некоторыми дополнительными пояснениями.

Во всех диалектах вепсского языка ‘ушат’ именуется лексемой *kerandez*, которую носители языка объясняют, как круглую деревянную бочку со своеобразными возвышениями стенок по бокам, обладающими отверстиями (ушами), в которой раньше носили воду на коромысле. Слово, вероятнее всего, является исконно вепсской инновацией. В нем можно усмотреть отыменное образование при помощи суффикса *-ndez*, являющегося малопродуктивным в современном вепсском языке. В этом случае наиболее показательным является существительное *ojandez* ‘русло пересохшего ручья’ < *oja* ‘ручей’ (+ *ndez*). Полагаем, что по аналогии могло быть образовано слово *kerandez* от слова *kera* ‘клубок’, где во внимание была принята круглая форма предмета + *ndez*. На восточной окраине средневепсского диалекта эта лексема фиксируется с измененным в суффиксе звуком: *e* > *o* — *kerandoz*.

Широкое распространение по всему вепсскому ареалу также имеет лексема *lač* ‘кадка, деревянная бочка’. Она могла быть с ушами или без них, на ножках или также без них [СВЯ: 269]. По поводу размеров высказывались разные мнения. В СВЯ приведен такой пример из д. Пондала (Р): *lačhu mänob ii üks’ kerandes vet* ‘в бочку вмещается не один ушат воды’ [СВЯ: 269]. Этимология лексемы не ясна. В СРНГ находим *лача* со значением ‘плетеный заплечный кузов для переноски различной поклажи’ [СРНГ 1980: 297]. Интересно, что зафиксирована данная лексема в русских говорах Марий-Эл. Слова *лач*, *лачи* отмечены в севернорусских фольклорных текстах и соотносятся исследователями с вепсским *lač* [Мызников 2004: 73]. Помимо того, в диалекте коми языка бытует лексема *latš* ‘бочка с крышкой для кваса или воды’, которую некоторые лингвисты

считают вепсским заимствованием [Лыткин 1956: 179–189].

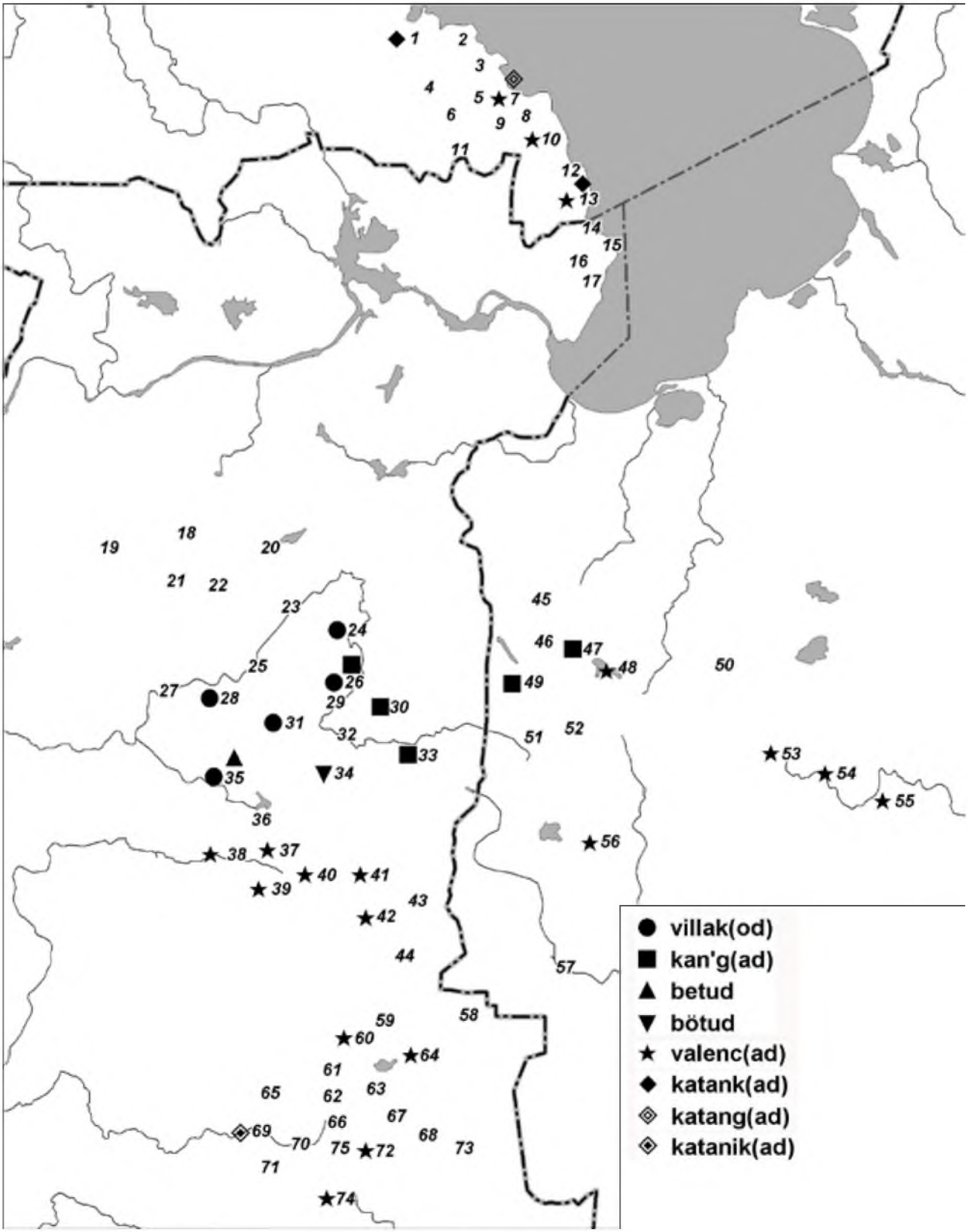
На наш взгляд, возможна и собственно вепсская этимология слова *lač*. В вепсском языке есть прилагательное *lačak* ‘приплюснутый, вогнутый’ [СВЯ: 269], которое входит в прибалтийско-финское этимологическое гнездо *latsakka* ‘плоский, приплюснутый’ [SKES: 279]. Можно предположить, что у вепсов кадка получила свое название от этой исходной характеристики предмета.

Таким образом, диалекты вепсского языка используют две лексемы при именовании понятий ‘кадка, кадушка, ушат’ — *kerandez (kerandoz)* и *lač*, которые распространены по всему ареалу проживания вепсов, не обладая в этом случае какой-либо ареальной привязкой. В данном случае наиболее любопытен факт отсутствия аналогичных слов в близкородственных языках. Не удалось обнаружить и прямых свидетельств о заимствовании лексем *kerandez* (*kerandoz*) и *lač* в язык вепсов. Можно предположить, что обе лексемы имеют исконно правепсское происхождение, являясь его собственными языковыми инновациями.

О. Ю. Жукова

Одежда

126 (355). Именования понятия ‘валенки’

Легенда карты

1) **villak(od)**
2) **kan'g(ad)**
3) **betud**
   bötud
4) **valenc(ad)**
5) **katank(ad)**
   katang(ad)
   katanik(ad)

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **villak(od)**: *ср* Nem, Jä, Vil, Pec, En
2) **kan'g(ad)**: *ср* Jä, Rih, Ladv, Vär, Šim
3) **betud**: *ср* En
   bötud: *ср* Mg
4) **valenc(ad)**: *сев* Št, Kl, Kas // *ср* Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Pk, Pnd, Kj, Vl, Päž // *южн* Mai, Šid, Sod, Ars
5) **katank(ad)**: *сев* Š, Kas
   katang(ad): *сев* Št
   katanik(ad): *южн* Mas

Цифровой индекс

1) **villak(od)**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 31Pec, 35En
2) **kan'g(ad)**: 26Jä, 30Rih, 33Ladv, 47Šim, 49Vär
3) **betud**: 35En
   bötud: 34Mg
4) **valenc(ad):** 7Št, 10Kl, 13Kas, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 48Pk, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 72Mai, 74Ars
5) **katank(ad)**: 1Š, 13Kas
   katang(ad): 7Št
   katanik(ad): 69Mas

Список картографируемого материала

1 — katank(ad); 2–6 — нет сведений; 7 — valenc(ad), katangad; 8–9 — нет сведений; 10 — valenc(ad); 11–12 — нет сведений; 13 — katank(ad), valenc(ad); 14–23 — нет сведений; 24 — villak(od); 25 — нет сведений; 26 — villak(od), kan'g(ad) [СВЯ: 177]; 27 — нет сведений; 28 — villak(od); 29 — нет сведений; 30 — kan'gad; 31 — villak(od); 32 — нет сведений; 33 — kan'g(ad); 34 — bötud; 35 — villak(od), betud; 36 — нет сведений; 37 — valenc(ad); 38–42 — valenc(ad); 43–46 — нет сведений; 47 — kan'g(ad) [СВЯ: 177]; 48 — valenc(ad); 49 — kan'g(ad); 50–52 — нет сведений; 53–55 — valenc(ad); 56 — valenc'(ad); 57–59 — нет сведений; 60 — valenc(ad); 61–63 — нет сведений; 64 — valenc(ad); 65–68 — нет сведений; 69 — katanik; 70–71 — нет сведений; 72 — valenc(ad); 73 — нет сведений; 74 — valenc(ad); 75 — нет сведений.

Комментарий

Поскольку вепсы являются северными жителями, на территории проживания которых зима тянется долго, то для них зимняя обувь, сапоги, свалянные из шерсти — это совершенно необходимый предмет зимнего одеяния. Среди вепсов было немалое количество различного рода мастеров. Как вепсы говорили: *…harvaane pauktel', ku ii mahta, pahemba kaikučče̮s kanzas oli omblei. Sur' kanz ka midak paukata, siloo dengas-se nuuž oli* '...редко кто нанимал (мастера), если не умеет, больше в каждой семье был мастер, к примеру, по пошиву. Большая семья, так как нанимать, тогда в деньгах большая нужда была' [ОВР 1969: 260]. Было достаточно и *катовалов* [СРНГ 1977: 130], или мастеров по изготовлению валенок.

В прибалтийско-финских языках не появилось какого-то единого термина для именования данного понятия. Финны, например, изготовляли теплую обувь из войлока, что отразили лексемы *huopa/saappaat, huovikkaat* 'обувь, сапоги из войлока', в вепсском языке сохранились лексемы с этим корнем, ср. вепс. *hob* 'попона для саней', *hobida, hopta* 'взбивать что-либо' [SKES: 89]. В карельском языке для обозначения данного понятия заимствовано русское диалектное слово *катанки*: *kuatančča* [Федотова, Бойко 2009: 112], *kuatanči* [Макаров 1990: 158] (< рус. диал. *катанки*, *катаники* 'валенки' [СРНГ 1977: 122–123]).

В языке вепсов самым популярным именованием зимнего виды обуви, которую валяли из шерсти, является лексема *valencad* ~ *valenc'ad*, заимствованная из смежных русских говоров и свидетельствующая о прочных культурных связях с русскими сосе-

дями (< ср. рус. диал. *валенцы*, *валеники* ‘валенки’ [СРНГ 1969: 24]).

При этом в ряде западных средневепсских говоров зафиксирован и исконный вепсский термин *villak(od)*. Лексема по происхождению связана со словом *vil(l)* (основа *villa-*) ‘овечья шерсть’, от которого образована при помощи суффикса *-k(o-)*. Это семантически вполне обоснованная производная лексема, поскольку для изготовления валенок использовалась именно овечья шерсть. Лексема является вепсской инновацией с достаточно локальным ареалом. Последний может носить остаточный характер, будучи разрушенным русским заимствованием. С другой стороны, он может отражать позднее по дате появления термина время, что не дало возможности стать ему общевепсским.

Средневепсская лексема *kan'g(ad)* довольно сложна в интерпретации ее происхождения. Она зафиксирована в полевых условиях на смежной территории между восточными и западными вепсами в ряде пунктов (Jä, Rih, Ladv, Vär, Šim), а также представлена в словаре вепсского языка [СВЯ: 177]. Лексема широко функционирует в русских народных говорах в форме *каньги* ‘валяная обувь, валенки’ [СРНГ 1977: 48].

В контексте закономерной передачи прибалтийско-финского ***e*** в севернорусских говорах гласным ***a*** (ср. *вахта* < *vehka* ‘белокрыльник’ [см., напр.: Муллонен 2002: 64]*) в истоках рус. *каньги* может быть реконструирована прибалтийско-финская лексема *kenkä* ‘обувь’. Подобная точка зрения уже высказывалась ранее И. Вахросом, который полагал, что в форме *каньги* < **камги* согласный [н] появился путем контаминации с *кеньги* [Вахрос: 1959: 105]. Однако, хотя этот материал фиксируется на очень большой территории, исходный вариант, если таковой существовал, т. е. **камги*, нигде не был обнаружен.

С другой стороны, М. Фасмер со ссылкой на Я. Калима полагает, что лексему *каньги* в русских говорах можно рассматривать как саамское заимствование (*каньги*, *каньи* ‘зимняя обувь’ < саам. *kamgijt*) [Фасмер 1967: 183].

Для территории Обонежья и Присвирья, где слово *каньги* в значении ‘валенки’ и сходном ‘суконные сапоги’ широко бытует как в русских, так и в вепсских говорах, собственно саамские истоки не убедительны. Возможно, речь может идти о лексеме, доставшейся вепсским говорам в наследство от предшествующего финно-угорского (?саамского) населения и переданной впоследствии в территориально смежные русские говоры. Косвенным образом на эту возможность указывает локальный вепсский ареал бытования, привязанный к Свирско-Белозерскому водоразделу, помеченному и другими лексемами, не имеющими убедительных прибалтийско-финских параллелей.

Экзотичные на первый взгляд лексемы *betud* и *bötud*, по всей вероятности, являются русским заимствованием *боты* ‘валяная обувь, используемая как галоши’: ‘Кроме валенок, местные ‘каталя’ изготовляют ‘боты’, или галоши для сапог, на что идет по 1 кг 200 гр шерсти (волог.)’ [СРНГ 1968: 139].

Лексемы *katankad*, *katangad*, *katanik(ad)* (ср. рус. диал. *катанки* ‘теплые катаные сапоги’ [СРНГ 1977: 121–123]) широко употребительны в севернорусском ареале и послужили источником для заимствования в вепсский язык в различных фонетических модификациях.

Таким образом, именования понятия ‘валенки’ не демонстрируют четкой привязки к конкретному диалектному ареалу. Они, скорее, показывают близость вепсской и севернорусской культурных традиций, что объясняется, прежде всего, одинаковым географическим расположением территорий их проживания и близким соседством и взаимодействием.

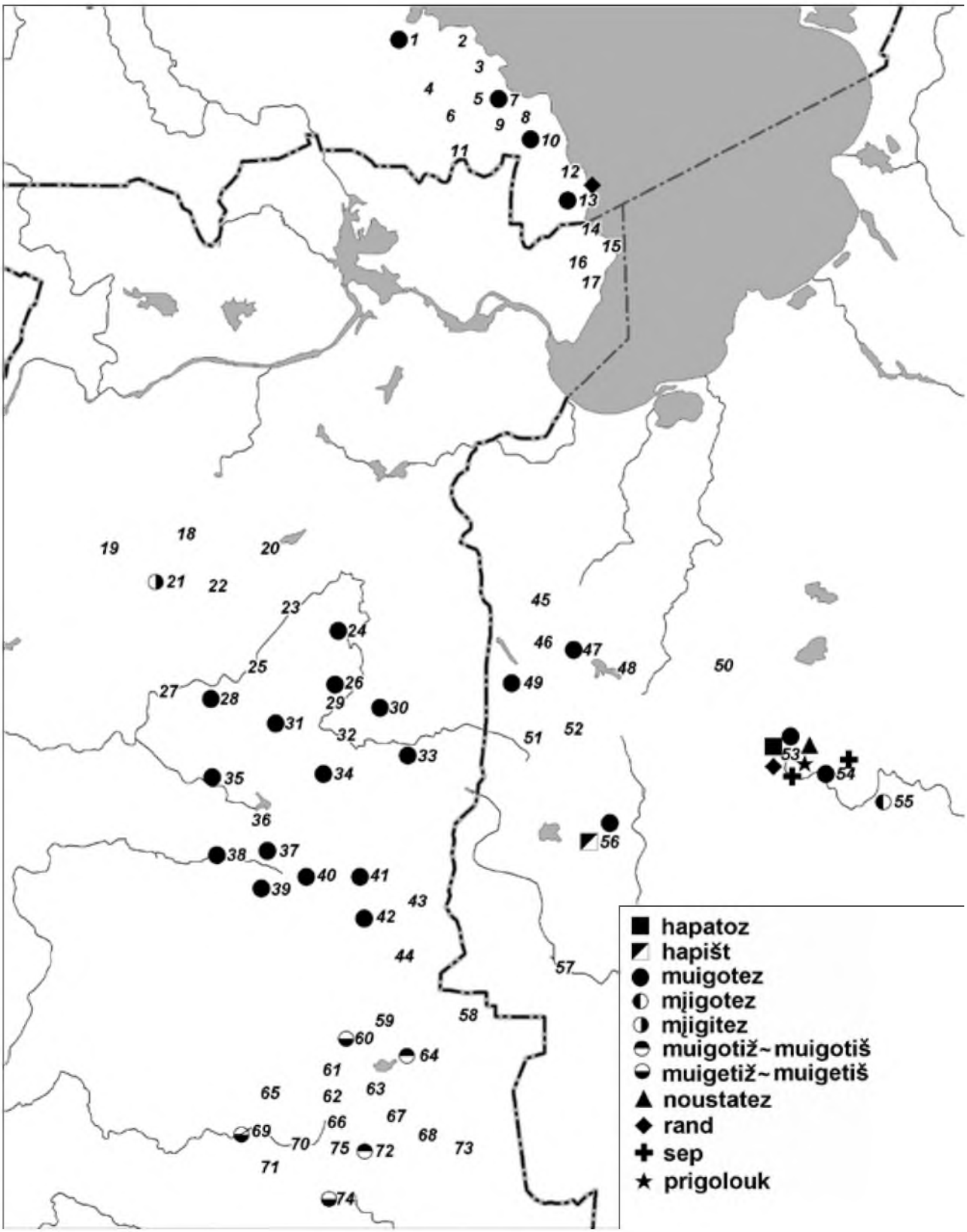
Н. Г. Зайцева, С. А. Мызников

---

* Названное явление известно также южноэстонским говорам и ливскому языку (ср. фин. *heinä*; южноэст. *hain*, лив. *āina* ‘трава’ [SSA 1992: 150–151], фин. *seinä*, южноэст. *sain*, лив. *sāina* ‘стена’ [SSA 2000: 164]).

Питание

127 (358). Именования понятия ‘закваска’

Легенда карты

1) **hapatoz**
hapišt
2) **muigotez**
mįigotez
mįigitez
muigotiž ~ muigotiš
muigetiž ~ muigetiš
3) **noustatez**
4) **rand**
5) **sep**
6) **prigolouk**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **hapatoz**: *ср* Pnd
hapišt: *ср* Päž
2) **muigotez**: *сев* Š, Št, Kl, Kas // *ср* Nem, Jä, Vil, Pec, Rih, Ladv, Mg, En, Nür, Reb, Noid, Kor, Jog, Har, Vär, Šim, Pnd, Kj, Päž
mįigotez: *ср* Vl
mįigitez: *ср* Kar
muigotiž ~ muigotiš: *южн* Sod, Mai,
muigetiž ~ muigetiš: *южн* Šid, Mas, Ars
3) **noustatez**: *ср* Pnd
4) **rand**: *сев* Kas // *ср* Pnd
5) **sep**: *ср* Pnd, Kj
6) **prigolouk**: *ср* Pnd

Цифровой индекс

1) **hapatoz**: 53Pnd
hapišt: 56Päž
2) **muigotez**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 56Päž
mįigotez: 55Vl
mįigitez: 21Kar
muigotiž ~ muigotiš: 64Sod, 72Mai
muigetiž ~ muigetiš: 60Šid, 69Mas, 74Ars
3) **noustatez**: 53Pnd
4) **rand**: 13Kas, 53Pnd
5) **sep**: 53Pnd, 54Kj
6) **prigolouk**: 53Pnd

Список картографируемого материала

1 — muigotez [СВЯ: 334]; 2–6 — нет сведений; 7 — muigotez; 8–9 — нет сведений; 10 — muigotez; 11–12 — нет сведений; 13 — rand, muigotez; 14–20 — нет сведений; 21– mįigitez; 22–23 — нет сведений; 24 — muigotez; 25 — нет сведений; 26 — muigotez; 27 — нет сведений; 28 — muigotez; 29 — нет сведений; 30 — muigotez; 31 — muigotez; 32 — нет сведений; 33–35 — muigotez; 36 — нет сведений; 37–42 — muigotez; 43–46 — нет сведений; 47 — muigotez [СВЯ: 334]; 48 — нет сведений; 49 — muigotez; 50–52 — нет сведений; 53 — muigotez ‘для хлеба’, rand ‘остаток теста после выпечки с водой’, hapatoz ‘закваска’ [СВЯ 106], noustatez ‘закваска’ [СВЯ:366], prigolouk ‘закваска’ [СВЯ: 433], sep ‘дрожжи, закваска’ [СВЯ: 506]; 54 — muigotez, sep ‘дрожжи, закваска’ [СВЯ: 506]; 55 — mįigotez; 56 — muigotez; hapišt ‘закваска’ [СВЯ 106]; 57–59 — нет сведений; 60 — muigetiš; 61–63 — нет сведений; 64 — muigotiš; 65–68 — нет сведений; 69 — muigetiž; 70–71 — нет сведений; 72 — muigotiš; 73 — нет сведений; 74– muigetiš; 75 — нет сведений.

Комментарий

В древней прибалтийско-финской культуре выпекания хлеба типичным считалось хранение в семье *закваски* или ‘вещества вызывающего кислое брожение’ от одной выпечки до другой. Она была важной основой теста. В финском языке, например, для ее именования используются такие слова, как *taikinanjuuri* (букв. ‘корень теста’), *alus* ‘основа’ [Зайцева 2011: 33], что свидетельствует о важности предмета или вещества, который они именуют. В прибалтийско-финских языках иногда сложно провести границу между именованиями закваски и дрожжей. Они переплетаются, поскольку при выпечке хлеба со временем стали использовать оба эти вещества одновременно.

При сборе материала для «Лингвистического атласа вепсского языка» наиболее распространенной оказалась лексема *muigotez* с ее фонетическими вариантами, представленными на карте. Лексема по происхождению связана с прилагательным

muiged ‘кислый’, известным всем диалектам языка вепсов. Причем в вариантах внутри второго слога слова выступает как ***e***, так и ***o***: *muig**e**tiž* ~ *muig**o**tez* — как следствие влияния, с одной стороны, прилагательного *muig**e**d*, с другой стороны, глагола *muig**o**ta* ‘киснуть, кваситься’.

В вариантах лексемы обнаруживается также противопоставление южновепсской формы *muigetiž* и средневепсской *muigotez*. *Muigetiž* своим оформлением конечной огласовки слова напоминает такую группу южновепсских лексем, как *lainiž* < *lain**eh*** ‘волна’ и др.*, в которых произошло развитие по аналогии со словами типа *nagriž* ‘репа’, *vaumiž* ‘готовый’, вызванное совпадением основ косвенных падежей [Tunkelo 1946: 295]. Очевидно, названная аналогия распространилась и на южновепсскую лексему *muigetiž*.

Считается, что по происхождению лексема *muigotez* ~ *muigetiž* связана с глаголом *mujoa* ‘пробовать (на вкус)’ [SSA 1995: 173]. Лексема с аналогичным вепсскому значением имеется и в карельско-ливиковском наречии *muijotus* ‘закваска, опара’ [Макаров 1990: 212], а также изредка встречается в собственно карельском наречии и в тверских говорах карельского языка с толкованием *muijotus* ‘особый вид дрожжей, закваска’ [KKS 1983: 351].

В этом же семантическом поле находятся лексемы *hapatos* и *hapišt* с локальным бытованием в средневепсских восточных говорах, оформленные разными словообразовательными суффиксами**. Они входят в этимологическое гнездо *hapan* ‘кислый’ с широким представительством в прибалтийско-финских и волжско-финских языках [SSA 2001: 140]. Соответствующие термины в виде *hapates* ~ *hapatus* хорошо известны диалектам близкородственного карельского языка [KKS 1968: 168], свидетельствуя о сходных процессах выбора признака при номинации. Возможно, в вепсском лексема *hapatos* не получила более широкого употребления из-за воздействия семантики глагола *hapata*, от которого она и образована, где в настоящее время более широко представлено значение ‘гнить’, нежели ‘киснуть, прокисать’.

В лексеме *noustatez* в процессе номинации оказался востребованным другой признак закваски: действие по глаголу *nousta* ~ *nuusta* ‘поднять, поднимать’ [СВЯ: 368], имеющего праприбалтийско-финские корни [SSA 1995: 234]. В родственных языках этот признак при номинации понятия ‘закваска’ практически не принят во внимание. Можно назвать лишь финское диалектное слово *noste* со сходным вепсскому значением, собранное в свое время для «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков» [Зайцева 2011: 34].

Лексема *sep* в диалектах вепсского языка чаще употребляется в значении ‘дрожжи’. Но поскольку, как уже было отмечено, сложно провести границу между заквасками и дрожжами, действие которых направлено и в том, и в другом случае на закисание, подъем теста, то в восточных средневепсских пунктах слово *sep* приобрело значение ‘закваска’, которое представлено как основное на карте 129***.

СВЯ зафиксировал у восточных вепсов в значении ‘закваска’ еще лексему *rand*, которую не удалось выявить в ходе полевого сбора материала по вопроснику атласа. Однако она отмечена в электронном ресурсе Л. Кеттунена у северных вепсов (без указания конкретного пункта записи) в сложном слове *taigin/**rand*** [VVS] ‘оставшееся в квашне тесто для закваски’, что может служить свидетельством о более широком функционировании слова ранее. Этимология данной лексемы не совсем понятна. Связана ли она происхождением со словом, которое в вепсском звучит как *rand* ‘берег; сторона; край’ (см. фин. *ranta* [SSA 2000: 48])? Зафиксированное Л. Кеттуненом сложное слово *taigin/rand* [VVS] ‘оставшееся в квашне тесто для закваски’ отчасти намекает на подобную семантическую связь: рачительная хозяйка, всегда соскребала и со стенок, и *краев* сосуда или квашни остатки теста и использовала их для приготовления последующей закваски.

В области культуры выпекания хлеба некоторые вепсские говоры продемонстрировали и контакты с диалектами русского языка, заимствовав лексему *prigolouk* < *приголовок* ‘дрожжи, которые кладутся в остывшее сусло’ [Даль 1955: 408]. Подобный способ приготовления быстрого пива, очевидно, был популярен в севернорусском регионе, поскольку данная лексема была заимствована и тверскими карелами: *priigolowhka* ‘дрожжи, разведенные в остывающем сусле’ [Пунжина 1994: 218].

Таким образом, несмотря на то что, в настоящее время в домашних условиях хлеб практически не выпекается, как носители языка, так и письменные источники сохранили знания и сведения о таком важном для этой культуры понятии, как *закваска*. Самое широкое распространение в диалектах вепсского языка получила лексема *muigotez* (ср. *muigištuda* ‘киснуть’, *muiged* ‘кислый’), которая

* См. 11, а также 59 карты ЛАВЯ.

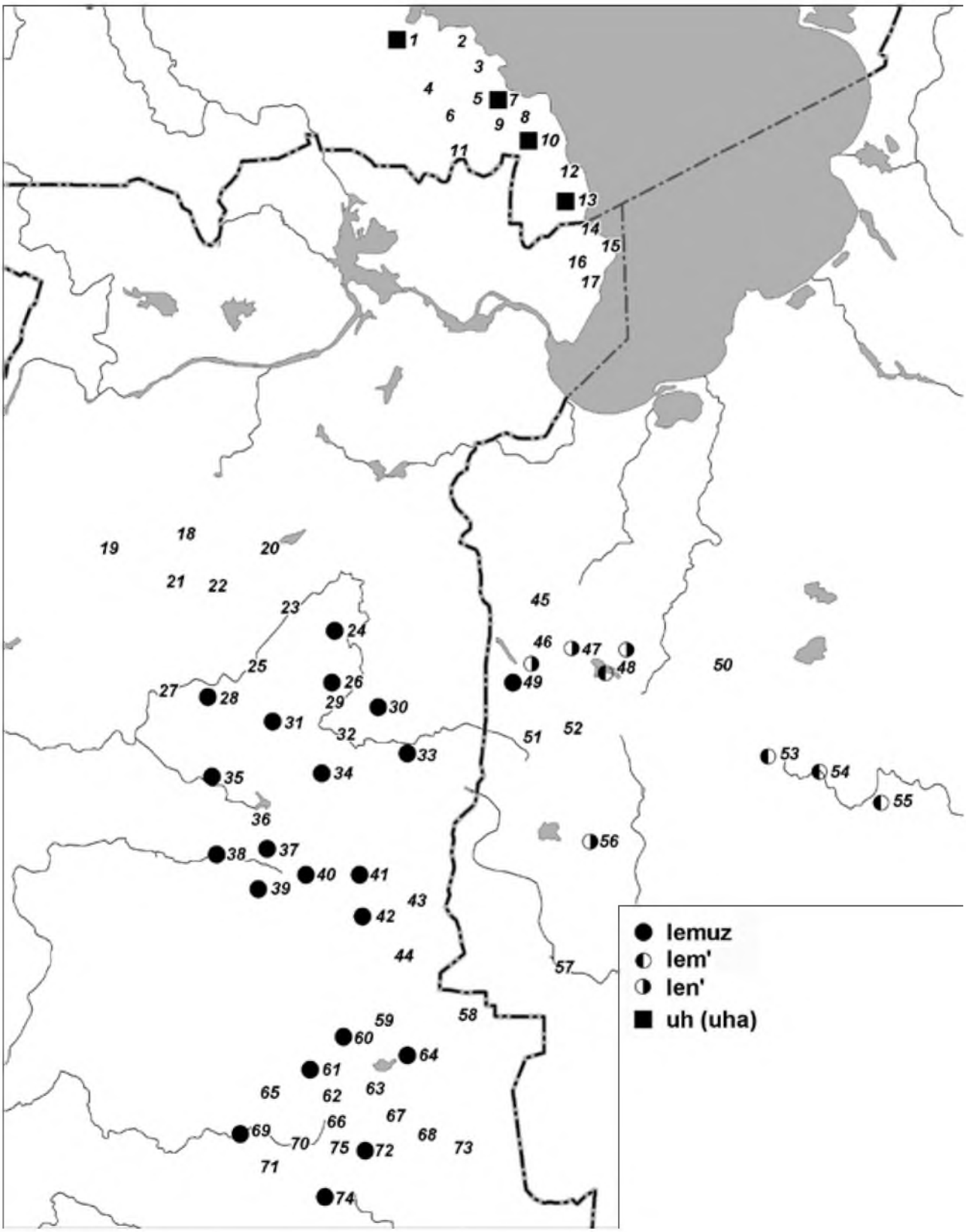
** См. также 21 карту ЛАВЯ о диалектных особенностях в области словообразования имен с коллективным значением.

*** См. 129 карту в ЛАВЯ (понятие ‘дрожжи’).

по семантике напоминает русскую лексему *закваска*, этимологически также связанную со словом *кислый* [Фасмер 1967: 239–240]. Вполне возможно, что лексема *muigotez* обязана своим практически повсеместным распространением в вепсских говорах именно семантическому влиянию русского языка.

Н.Г. Зайцева

128 (361). Именования понятия ‘уха’

Легенда карты

1) **lemuz**
lem’
len’

2) **uh**(**uha**)

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **lemuz**: *ср* Ladv, Mg, En, Jog, Har, Reb, Rih, Jä, Nem, Vil, Pec, Vär, Nür, Korb, Noid // *южн* Šid, Sod, Mas, Mai, Ars, Čai
lem’: *ср* Pnd, Kj, Vl, Pk
len’: *ср* Šim, Vär, Päž, Pk
2) **uh** (**uha**): *сев* Š, Št, Kl, Kas

Цифровой индекс

1) **lemuz**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Korb, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 60Šid, 61Čai, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
lem’: 48Pk, 53Pnd, 54Kj, 55Vl
len’: 47Šim, 48Pk, 49Vär, 56Päž
2) **uh** (**uha**): 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas

Список картографируемого материала

1 — uha; 2–6 — нет сведений; 7– uha; 8–9 — нет сведений; 10 — uh; 11–12 — нет сведений; 13 — uh; 14–23 — нет сведений; 24 — lemuz; 25 — нет сведений; 26 — lemuz; 27 — нет сведений; 28 — lemuz; 29 — нет сведений; 30 — lemuz; 31 — lemuz; 32 — нет сведений; 33–35 — lemuz; 36 — нет сведений; 37–42 — lemuz; 43–46 — нет сведений; 47 — len’ [СВЯ 283; VVS]; 48 — len’; lem’[СВЯ: 283]; 49 — lemuz, len’; 50–52 — нет сведений; 53–55 — lem’; 56 — len’; 57–59 — нет сведений; 60 — lemuz; 61 — lemuz [VVS]; 62–63 — нет сведений; 64 — lemuz; 65–68 — нет сведений; 69 — lemuz; 70–71 — нет сведений; 72 — lemuz; 73 — нет сведений; 74 — lemuz; 75 — нет сведений.

Комментарий

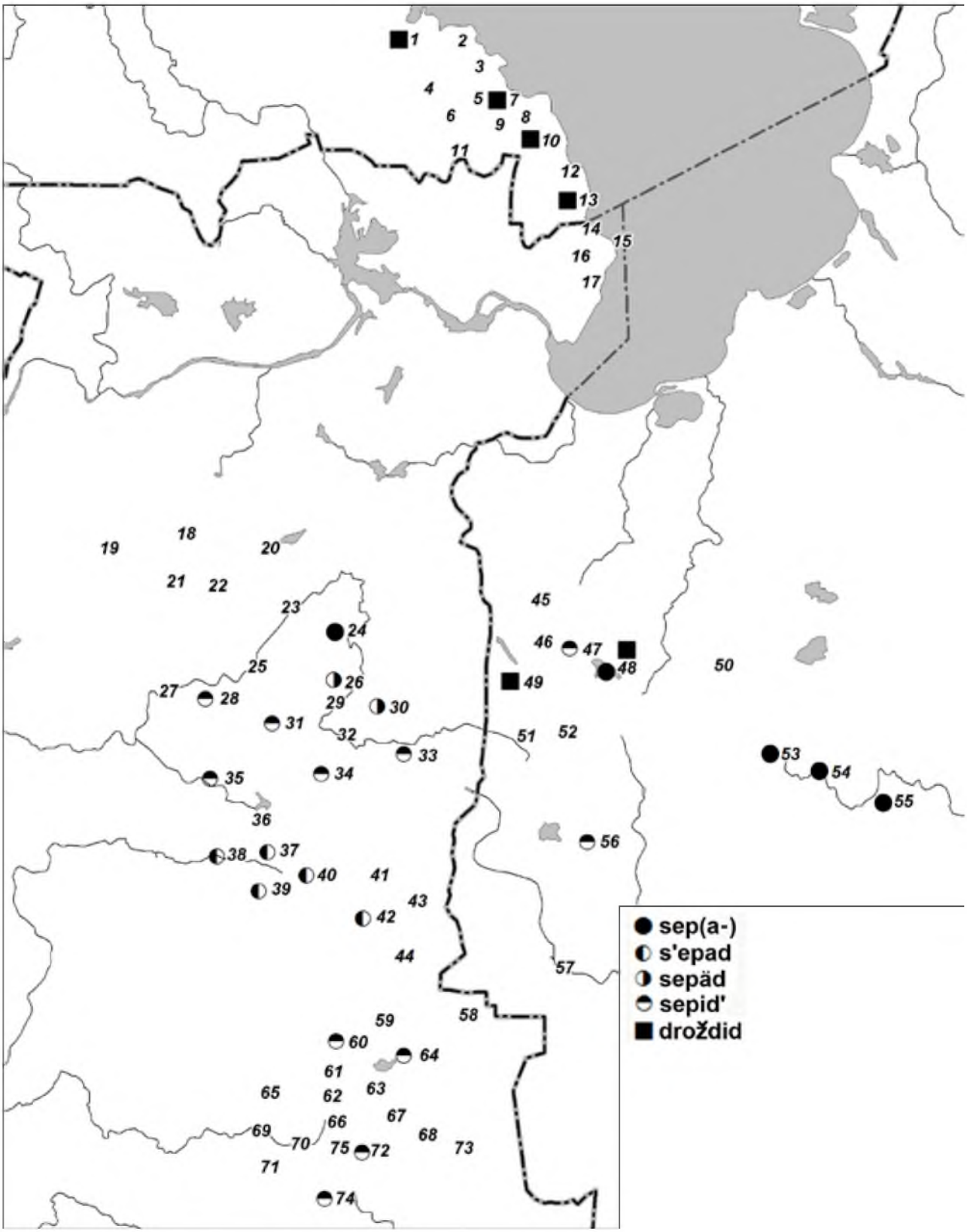
Для обозначения бульона/супа, чаще всего, рыбного, в вепсских говорах используется исконная прибалтийско-финская лексема *lem’*, бытующая во всех родственных языках (фин., кар. *liemi*, вод. *lēmi*, эст. *leem*, лив. *liem*) и имеющая глубокие финно-угорские корни [SSA 1995: 70]. Исторический облик слова *lem’* < **leeme* лучше всего сохранился на востоке современного вепсского языкового ареала, в говорах белозерских вепсов. В смежном ареале — в Шимозерье и на тяготеющей к нему территории — произошел переход лексемы в группу слов с конечным *-n* (в основе *-ne-*), таких как *pen’* ‘маленький’, *sen’* ‘гриб’ и др. Основанием для такого перехода послужила общая форма партитива, ср. *pen’*: *pen’t’, sen’*: *sen’t’* — и *lem’*: *len’t’* [Tukelo 1946: 414]. В *lem’* она вызвана закономерной ассимиляцией *-mt-* > *-nt-*: *lem’t’* >*len’t*, происшедшей на границе морфем.

На основной вепсской территории — в западных средневепсских говорах и южном диалекте — закрепилась лексема *lemuz*, в которой основа *lem(e)-* оформлена суффиксом *-uz*. Будучи достаточно продуктивным в вепсском, как и в других прибалтийско-финских языках, он служит для образования производных с семантикой ‘подобный тому, что выражено производящей основой’ [Hakulinen 1968: 116–117], ср. вепс. *keskuz* ‘центр’, *pöluz* ‘подушка’, *tohuz* ‘свеча’, *somuz* ‘чешуя’ др.

В северновепсском ареале своя исконная лексема утрачена, используется русское заимствование *uh*, *uha*. Оно известно и большинству карельских говоров, где используется наряду с исконным термином *liemi*. Возможно, за исконным и заимствованным словом стоят первоначально несколько разные технологии приготовления рыбного блюда.

И. И. Муллонен

129 (362). Именования понятия ‘дрожжи’

Легенда карты

1) **sep(a-)**
s'epad
sepäd
sepid'
2) **droždid**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **sep(a-)**: *ср* Nem, Pk, Pnd, Vl, Kj
s'epad: *ср* Kor, Noid, Jog, Nür, Har
sepäd: *ср* Rih, Jä
sepid': *ср* En, Ladv, Vil, Mg, Pec, Šim, Päž // *южн* Mai, Šid, Ars, Sod
2) **droždid**: *сев* Š, Št, Kas, Kl // *ср* Vär, Pk

Цифровой индекс

1) **sep(a-)**: 24Nem, 48Pk, 53Pnd, 54Kj, 55Vl
s'epad: 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 42Noid
sepäd: 26Jä, 30Rih
sepid': 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 47Šim, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 72Mai, 74Ars
2) **droždid**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 48Pk, 49Vär

Список картографируемого материала

1 — droždid; 2–6 — нет сведений; 7 — droždid; 8–9 — нет сведений; 10 — droždid; 11–12 — нет сведений; 13 — droždid; 14–23 — нет сведений; 24 — sep; 25 — нет сведений; 26 — sepäd; 27 — нет сведений; 28 — sepid'; 29 — нет сведений; 30 — sepäd; 31 — sepid'; 32 — нет сведений; 33–35 — sepid'; 36 — нет сведений; 37 — s'epad; 38 — sepad; 39 — sepad; 40 — sepad; 41 — нет сведений; 42 — sepad; 43–46 — нет сведений; 47 — sepid' [СВЯ: 506]; 48 — sep, droždid; 49 — droždid'; 50–52 — нет сведений; 53–55 — sep; 56 — sepid'; 57–59 — нет сведений; 60 — sepid'; 61–63 — нет сведений; 64 — sepid; 65–71 — нет сведений; 72 — sepid; 73 — нет сведений; 74 — sepid'; 75 — нет сведений.

Комментарий

Как полагают ученые, дрожжи, вероятно, являются одним из наиболее древних «домашних организмов», известных уже в течение длительного времени. Дрожжи использовались, прежде всего, для производства различных бодрящих напитков, содержащих в том числе и этиловый спирт. Все эти приспособления для приготовления, прежде всего, хлеба были в тесной связи с выращиванием и употреблением зерновых культур.

Именования дрожжей в языке вепсов не столь многообразны, как именования закваски. Удалось зафиксировать лишь два термина: *sepad ~ sepid* и *droždid*. Лексема *droždid* является русским заимствованием, которая в русских народных говорах существовала как в форме *дрожжи*, так и *дрожди* ([Фасмер 1964: 540]; см. также *дрождевик* 'напиток, приготовленный из дрожжей' [СРНГ 1972: 197]).

Лексема *sepad ~ sepid* распространена в вепсских говорах, как свидетельствует карта, довольно широко. В прибалтийско-финских языках известна лексема *seppä*, главное значение которой 'кузнец; искусный мастер'. Данное значение известно также и вепсскому языку. Более ранний этимологический словарь финского языка вепсскую лексему *sep* 'дрожжи' включал в одно гнездо с лексемой *seppä* 'кузнец' [SKES: 999–1000]. Новый же словарь указание на значение 'дрожжи' исключил [SSA 2000: 169]. Тем не менее думается, что некая семантическая связь здесь имеется.

Показательно, что эта лексема была зафиксирована в тверских говорах карельского языка и в эстонском языке. В эстонском, кроме этого, имеются такие лексемы со значением 'дрожжи', как *tüö/mees, töök* букв. 'рабочий человек', *meistari* 'мастер' [Зайцева 2011: 35–36], которые должны классифицироваться как метафоры, характеризующие способность дрожжей «работать» (поднимать тесто), подобно трудолюбивому мастеру.

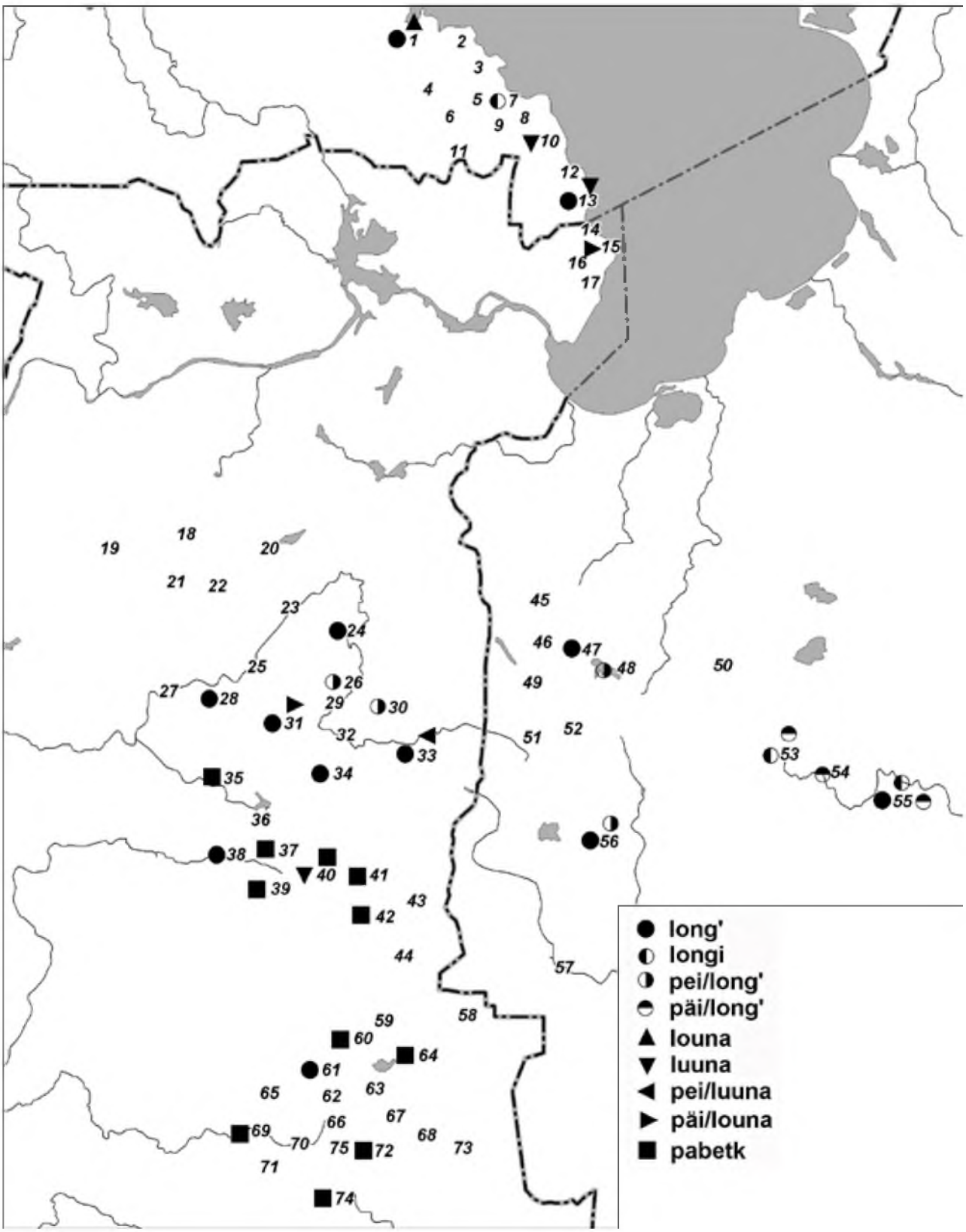
В диалектах вепсского языка слово *sep* обладает и некоторыми модификациями: *sep*, *sepad ~ sepäd* и *sepid*. Очевидно, более древней номинацией является форма ед. числа номинатива *sep*. Формы *sepad ~ sepäd* и *sepid* возникли, видимо, под влиянием русского языка. В русском языке слово *дрожжи* употребляется в форме мн. числа. Эта множественность была привнесена и в вепсский язык, в результате лексемы получили суффикс мн. числа ***-d***. Однако в вариантах словоформ отражены еще и разночтения в основе мн. числа формы номинатива: *sepad* (*sepäd*) и *sepid*. Слово *sepid* напоминает

форму партитива мн. числа, в которой ***ä > i*** при присоединении суффикса мн. числа ***-i-***, как это должно было произойти по законам вепсского языка.

Лексема *sep ~ sepad* совсем неизвестна северновепсским, но достаточно широко представлена во всех средне- и южновепсских говорах, свидетельствуя о былом ее наличии и в вепсском праязыке. Любопытна и связь в употреблении данной лексемы с тверскими карельскими говорами и эстонскими диалектами, что может быть общим наследием этих южных групп прибалтийско-финского населения.

Н.Г. Зайцева

130 (366). Именования понятия ‘обед’

Легенда карты

1) **long’**
longi
pei/long’
päi/long’
2) **louna**
luuna
pei/luuna
päi/louna
3) **pabetk**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **long’**: *сев* Š, Kas // *ср* Nem, Vil, Pec, Ladv, Mg, Jog, Šim, Vl, Päž // *южн* Čai
longi: *сев* Št // *ср* Pnd, Vl
pei/long’: *ср* Jä, Rih, Pk, Päž
päi/long’: *ср* Kj, Pnd, Vl
2) **louna**: *сев* Š
luuna: *сев* Kl, Kas // *ср* Nür
pei/luuna: *ср* Ladv
päi/louna: *сев* Per // *ср* Pec
3) **pabetk**: *ср* En, Reb, Nür, Kor, Har, Noid // *южн* Ars, Mai, Mas, Sod, Šid

Цифровой индекс

1) **long’**: 1Š, 13Kas, 24Nem, 28Vil, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 38Jog, 47Šim, 55Vl, 56Päž, 61Čai
longi: 7Št, 53Pnd, 55Vl
pei/long’: 26Jä, 30Rih, 48Pk, 56Päž
päi/long’: 53Pnd, 54Kj, 55Vl
2) **louna**: 1Š
luuna: 10Kl, 13Kas, 40Nür
pei/luuna: 33Ladv
päi/louna: 15Per, 31Pec
3) **pabetk**: 35En, 37Kor, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — long’ [СВЯ: 297], louna; 2–6 — нет сведений; 7 — longi; 8–9 — нет сведений; 10 — luuna; 11–12 — нет сведений; 13 — long’, luuna; 14 — нет сведений; 15 — päi/louna [VVS], 16–23 — нет сведений; 24 — long’; 25 — нет сведений; 26 — pei/long’; 27 — нет сведений; 28 — long’; 29 — нет сведений; 30 — pei/long’; 31 — long’, päi/louna [VVS]; 32 — нет сведений; 33 — long’, pei/luuna; 34 — long’; 35 — pabetk; 36 — нет сведений; 37 — pabetk; 38 — long’; 39 — pabetk; 40 — luuna, pabetk; 41–42 — pabetk; 43–46 — нет сведений; 47 — long’; 48 — pei/long’ ‘полдник’ [СВЯ: 449]; 49–52 — нет сведений; 53 — longi, päi/long’ ‘полдник’ [СВЯ: 449]; 54 — päi/long’; 55 — long’, longi, päi/long’ ‘полдник’ [СВЯ: 449]; 56 — long’, pei/long’ ‘полдник’ [СВЯ: 449]; 57–59 — нет сведений; 60 — pabetk; 61 — long’ [СВЯ]; 62–63 — нет сведений; 64 — pabetk; 65–68 — нет сведений; 69 — pabetk; 70–71 — нет сведений; 72 — pabetk; 73 — нет сведений; 74 — pabetk; 75 — нет сведений.

Комментарий

Весь лексический материал может быть поделен на три группы, формирующиеся вокруг опорных слов *long’*, *louna* и *pabetk*. При этом первые два, очевидно, имеют общие этимологические истоки [SSA 1995: 97]. В родственных прибалтийско-финских языках слова этого этимологического гнезда обозначают ‘страна света — *юго-запад*’, ‘время суток — *полдень*’, а также приуроченный к нему прием еды — ‘обед’. В вепсском на первый план вышла семантика ‘обед’, что подтверждается и использованием данной семантики в сложных словах: в восточных средневепсских говорах *pei/long* (Pk, Päž), *päi/long* (Pnd, Vl) значит ‘полдник’, соответственно *eht/longi* в ряде говоров (Kl, Pnd, Vl) — это ‘ужин’. В говоре Каскесручья *luuna* ‘ужин’ (в отличие от *long’* ‘обед’). Показательно в этом плане и зафиксированное в Каргиничах *lonkt’/aig* ‘полдень’ [СВЯ: 297], буквально ‘время обеда’, свидетельствующее, как и приведенные выше факты, о размывании первоначальной семантики, связанной с понятиями ‘юго-запад’ и ‘полдень’.

Фонетические связи *louna* ~ *luuna* и *long’* ~ *longi* не вполне прозрачны. Видимо, в облике *long’* ~ *longi* сохранился ***g***, представленный в южноэстонских *lõunag* и ливских вариантах *lēnag*, *līnag*, *lünag* [SKES 1958: 305]. Э. А. Тункело предлагает рассматривать соотношение гласных первого слога в *louna* и *long’* как чередование дифтонга с одиночным гласным [Tunkelo 1946: 908].

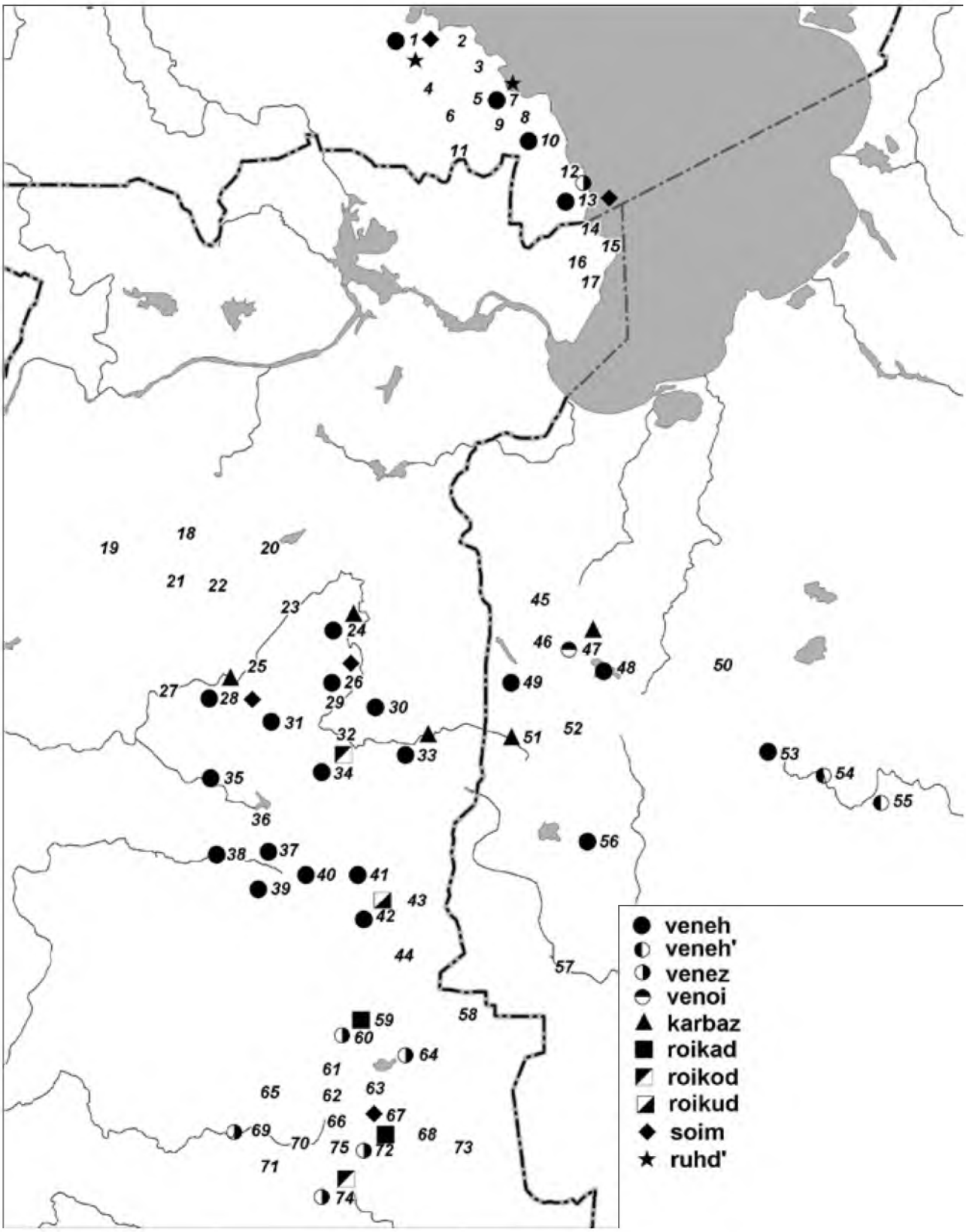
В ареальном плане *louna* ~ *luuna* и *long'* ~ *longi* не демонстрируют четкого противостояния. Термин *long'* ~ *longi* имеет более широкий и насыщенный ареал на фоне *louna* ~ *luuna*, который представлен единичными фиксациями в северновепсском ареале и у средних вепсов в верховьях Ояти, при этом, как правило, параллельно с *long'*.

Южные и примыкающие к ним ареально переходные средневепсские говоры используют русское заимствование *pabetk*, восходящее к известному в новгородских, олонецких и тверских говорах *паобед, пабед, пабедок* 'второй завтрак, полдник; время близкое к полудню' [Даль 1882: 16; СРНГ 1990: 203]. Оно полностью вытеснило исконный термин из южновепсских и большинства переходных средневепсских говоров. Граница между исконной и заимствованной лексемами проходит по исторической административной границе, разделяющей Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии и Тихвинский уезд Новгородской губернии и, таким образом, свидетельствует о проникновении термина из новгородских говоров. Вепсские деревни Новгородской губернии, в отличие от Олонецкой, были в значительной большей степени вовлечены в орбиту помещичьего землевладения и испытали в повседневном быту мощное русское влияние, которое отразилось и в восприятии лексики, отражающей реалии этого быта.

И. И. Муллонен

Транспорт

131 (369). Именования понятия ‘лодка’

Легенда карты

1) **veneh**
veneh’
venez
venoi
2) **karbaz**
3) **roikad**
roikod
roikud
4) **soim**
5) **ruhd’**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **veneh**: *сев* Š, Št, Kl, Kas, // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Pk, Vär, Pnd, Päž
veneh’: *ср* Kj, Vl
venez: *сев* Kas // *южн* Šid,Sod, Mas, Mai, Ars
venoi: *ср* Šim
2) **karbaz**: *ср* Nem, Vil, Ladv, Šim, Naž
3) **roikad**: *южн* Šid, Mai
roikod: *ср* Mg // *южн* Ars
roikud: *южн* Noid
4) **soim**: *сев* Š, Kas // *ср* Jä, Vil // *южн* Krl
5) **ruhd’**: *сев* Š, Št

Цифровой индекс

1) **veneh**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 56Päž
veneh’: 54Kj, 55 Vl
venez: 13Kas, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
venoi: 47Šim
2) **karbaz**: 24Nem, 28Vil, 33Ladv, 47Šim, 51Naž
3) **roikad**: 60Šid, 72Mai,
roikod: 34Mg, 74Ars
roikud: 42Noid
4) **soim**: 1Š, 13Kas, 26Jä, 28Vil, 67Krl
5) **ruhd’**: 1Š, 7Št

Список картографируемого материала

1 — veneh, ruhd’ ‘долбленка’, soim [СВЯ: 517]; 2–6 — нет сведений; 7 — veneh, ruhd’ ‘долбленка, для маленьких озер’; 8–9 — нет сведений; 10 — veneh; 11–12 — нет сведений; 13 — veneh, soim — suur’ veneh (‘большая лодка’); 14–23 — нет сведений; 24 — karbaz ‘осиновая долбленка’, veneh; 25 — нет сведений; 26 — veneh, soim [СВЯ: 517]; 27 — нет сведений; 28 — veneh, karbaz ‘тупая лодка из осины’, soim [СВЯ: 517]; 29 — нет сведений; 30–31 — veneh; 32 — нет сведений; 33 — karbaz ‘тупая лодка из осины’, veneh; 34 — veneh, roikod ‘две осиновые лодки в виде корыта, соединенные вместе’ [СВЯ: 479]; 35 — veneh (habaspei ‘из осины’); 36 — нет сведений; 37–41 — veneh; 42 — veneh, roikud tehtihe kartaspei ‘ройки делали из корыта’; 43–46 — нет сведений; 47 — venoi [СВЯ: 624]; karbaz [СВЯ: 180]; 48–49 — veneh; 50–52 — нет сведений; 53 — veneh; 54 — veneh’; 55 — veneh’; 56 — veneh; 57–59 — нет сведений; 60 — roikad, venez; 61–63 — нет сведений; 64 — venez; 65–66 — нет сведений; 67 — soim [СВЯ: 517]; 68 — нет сведений; 69 — venez; 70–71 — нет сведений; 72 — roikad, venez; 73 — нет сведений; 74 — roikod, venez; 75 — нет сведений.

Комментарий

Раздел по наименованиям водного транспорта хорошо представлен в «Программе ЛАРНГ», где включено 103 вопроса, которые выясняют названия различных видов судов и лодок, а также их частей и деталей [Программа ЛАРНГ: 313–316]. Для целей обследования вепсского ареала со сравнительно однородной хозяйственной деятельностью такая обширная программа вряд ли могла подойти. Априори, совершенно очевидно, что использование тех или иных транспортных средств связано с типом водоема (река, большие озера, небольшие бессточные лесные озера и т. п.) и степенью его включенности в хозяйственную деятельность.

Лодки, выдолбленные из дерева, чаще всего — из осины, характерны для всей Северной Европы, причем они встречаются в археологических раскопах, датированных IX веком нашей эры. [Sirelius 1913: 1–6]. Хотя это довольно примитивные плавательные средства, однако, как замечал Д. К. Зеленин: «…лодки — очень разнообразны, однако названия еще разнообразнее их типов» [Зеленин: 1991: 173], что характерно и для языка вепсов.

В вопроснике для собирания материала для ЛАВЯ был поставлен вопрос, который мог бы быть нацеленным на составление ряда карт: именования понятия ‘лодка’ и в качестве поисковых перечислены известные именования лодок *karbaz, ruhd', roikad, veneh, soim*, а также предложено указать при возможности различия в типах лодок. Однако по полевым материалам все полученные данные фигурируют как наименования плавательного средства без достоверной семантической дифференциации. Причем лодка-долбленка часто утрачивала исконное наименование и предъявлялась информантом через общее название: *kokšitut veneh* ‘долбленая лодка’. Поэтому было решено представить все выявленные наименования на одной карте с описанием первоначального значения лексемы и относящейся к ней реалии.

На обследуемой территории встречаются лодки-долбленки двух типов: 1) лодка с бортовыми балансирами или балансиром; 2) лодка в виде двух скрепленных долбленых бревен, с доминированием последнего типа. Общее наименование лодки в вепсских говорах, которое зафиксировано во всех пунктах сбора, представлено гнездом *veneh, venez* которое является общеприбалтийско-финским наследием (< **vene* [SSA 2000: 425]). Полагают, что первоначальное значение лексемы **vene* ‘продолговатый, вытянутый предмет’ в действительности и определяет форму лодки.

В лексеме наблюдается чередование звуков в исходе слова *h/z* (*vene**h*** ~ *venez*), что характерно для группы слов вепсского языка и стало предметом самостоятельной карты*. Лексемы с конечным согласным ***-z*** (*venez*) — это, прежде всего, достояние южновепсского диалекта, в противоположность всем остальным, составляя его особенность.

Лексема *ruhd'* зафиксирована лишь на северновепсской территории. И она первоначально представляла собой наименование лодки-долбленки. Данный термин также обладает прибалтийско-финским происхождением, ср. фин. *ruuhi* ‘выдолбленная из одного бревна небольшая лодка с плоским дном’. Лексема рассматривается как германское заимствование (ср. др.-ср.-нем. * *þrūha*, др.-англ. *ðrūh* ‘выдолбленное бревно; корыто, водосток’ [SSA 2000: 113]. Ср. также новые данные по прибалтийско-финским языкам: ливв. *ruwhi* ‘гроб’ [Макаров 1990: 318], кар. *ruuhi* ‘выдолбленная или сколоченная из досок лодка, челн’ [KKS 1997: 203]. Авторы SKES приводят довольно подробный вепсский материал: северновепс. *ruhd'* ‘челн, плоскодонка’, средневепс. *rūh* (мн. число *rūhed* ‘лодка-долбленка из осины’), *ruhatš* ‘старая лодка’, указывая при этом, что из фин. слово *ruuhi* вошло в саам. норв. *rūfi* ‘водосточный желоб, русло реки’, ‘корыто’, а из кар. в саам. кильд. *ruff* ‘гроб’ [SKES: 888].

Лексема в форме *ругач(а)* широко употребляется в севернорусских говорах. Причем, на наш взгляд, не вызывает сомнения вепсская версия происхождения слова, в котором можно выделить суффикс *-(а)ч*, первоначально, вероятно, славянского происхождения, широко распространенный в вепсских диалектах (ср. *prih**ač*** ‘паренек, братец’, *kah**ač*** ветреница ‘связанные прутья, которые кладут на готовый стог сена’ и т. д. [СВЯ: 167, 434]): напр., рус. диал. *ругач* ‘лодка в виде большого корыта или плот из двух корыт, скрепленных вместе’; *ругача* ‘плот из двух выдолбленных осиновых бревен для ловли мелкой рыбы на лесных озерах’; ‘лодка в виде выдолбленного из осины корыта’ и т. д. [СРНГ 2001: 231].

Лексема *karbaz* ‘лодка, челн, выдолбленный из одного бревна’, ‘осиновая лодка’ — принадлежность западных средневепсских говоров. Она преимущественно фиксировалась в значении как ‘лодка-долбленка’. Предполагается, что лексема входит в прибалтийско-финское гнездо слов, в основе которого лежат балтийские источники (ср. литов. *kãrbas* ‘корзинка, лукошко’, латыш. *karba*, *kārbe* ‘корзина, лукошко’, ‘лодка для ловли лосося’ [SKES: 167]).

Слово также известно русским народным говорам, напр.: *ка'рба'з, ка'рба'с* ‘большая высокобортная лодка или гребное судно с парусом, предназначенные для перевозки грузов’ [СРНГ 1997: 79]. По мнению специалистов, русские данные также имеют в своей основе вепсские источники.

Вепсский термин для именования лодки *soim* ‘многовесельная лодка’ [СВЯ: 517], ‘парусник, большая лодка’ [SKES: 946], хоть и нешироко, однако, как показывает сбор материала, известен всем вепсским диалектам. Авторы финских этимологических словарей полагают, что *saima* ‘парусное судно’ — это довольно древний термин, возможно, известный и за пределами прибалтийско-финского сообщества (морд., удм.) [SSA 2000: 142–143]. Однако в вепсском языке вокализм первого слога слова иной: *-о-* (*soim*). Составители SSA предполагают, что вепс. *soim* или самостоятельная прибалтийско-финская лексема, существовавшая параллельно с *saima*, или заимствована из русского языка [SSA 2000: 142–143; см. также: Хакулинен 1955: 25]. По мнению же Фасмера, *сойма* ‘одномачтовое судно с палубой’ заимствовано в русские говоры из кар. ливв. *saimu* ‘небольшое парусное судно с палубой’ [Фасмер 1987: 707].

Именно вариант с *-о-* функционирует и в русских народных говорах, напр.: *сойм* ‘рыбацкая (обычно двухпарусная) лодка’ и т. д. [СРНГ 2005:

* См. 11 карту ЛАВЯ.

228]. Очевидно, что вариант с севернорусским вокализмом — *сойма* — представляет собой результат карельско-вепсского влияния, причем некоторые значения обладают инновационной спецификой, возникшей уже на русской почве [Мызников 1998: 88–92].

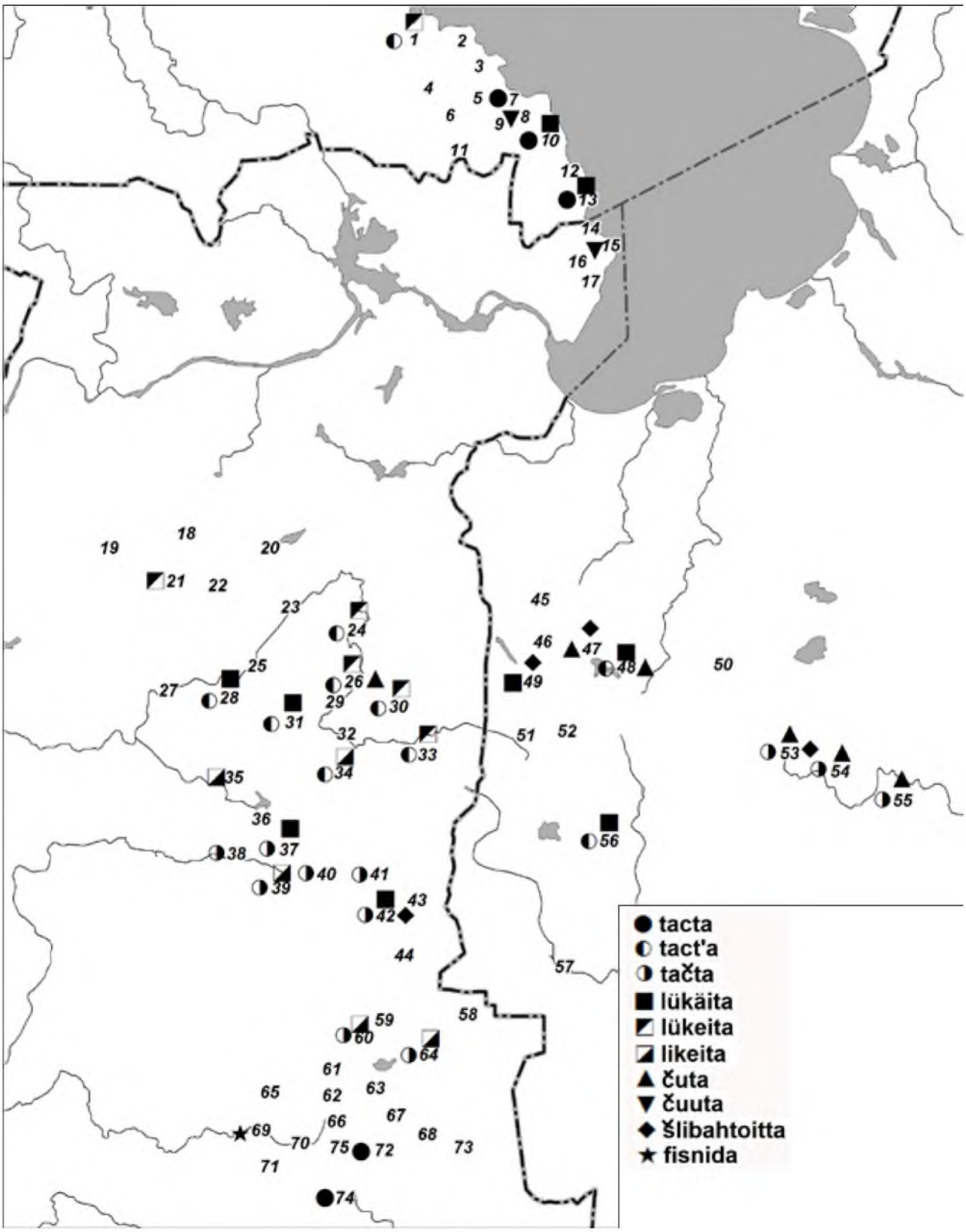
Лодки с именованием *roikad, roikod, roikud* 'две осиновые лодки в виде корыта, соединенные вместе' [СВЯ: 479] преимущественно фиксируются у южных вепсов. Отметим, что СВЯ указал лишь вариант *roikod* в единственном южновепсском п. Боброзеро [СВЯ: 479]. Данные ЛАВЯ расширили сферу употребления термина: практически весь южновепсский ареал и находящаяся на стыке южновепсского и средневепсского ареала Нойдала (Noid). Слово обладает формой мн. числа (показатель мн. числа *-d*), свидетельствуя о вхождении в предмет нескольких составляющих, а также тремя типами конечных гласных основы: *roik**a**-, roik**o**-, roik**u**-*, — что может быть вызвано как и уже недостаточными сведениями о самом предмете, так и его точном наименовании.

Термин *roikad* считается результатом влияния смежных русских говоров. Диалектные словари русского языка фиксируют лексемы подобного типа на достаточно широкой территории (см., напр. «*ройка* — деревянная лодка, выдолбленная из целого бревна, долбленка» [СРНГ 2001: 168]). Хотя сохранность данного материала в русских говорах может быть обусловлена и обратным влиянием. М. Фасмер придерживается прибалтийско-финского происхождения слова, приводя финское соответствие в качестве бесспорного этимона: *ройки* < фин. *ruuhi* 'корыто, челн' [Фасмер 1987: 496]. На наш взгляд, на русской почве *ройка* — не что иное, как отглагольный субстантив, ср. *рыть* 'долбить' — *ройка*; *мыть* — *мойка*; *выть* — **войка* (ср. вепс. *voik* 'плач' [СВЯ: 638]) и т. д.

С. А. Мызников

Глаголы

132 (371). Именования понятия ‘бросать, кидать’

Легенда карты

1) **tacta**
tact’a
tačta
2) **lükäita**
lükeita
likeita
3) **čuta**
čuuta
4) **šlibahtoitta**
5) **fisnida**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **tacta**: *сев* Št, Kl, Kas // *южн* Mai, Ars
tact’a: *сев* Š // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Pk, Päž
tačta: *ср* Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Pnd, Kj, Vl // *южн* Šid, Sod
2) **lükäita**: *сев* Kl, Kas // *ср* Vil, Pec, Kor, Noid, Vär, Pk, Päž
lükeita: *сев* Š // *ср* Kar, Nem, Jä, Rih, Ladv
likeita: *ср* Mg, En, Har // *южн* Šid, Sod
3) **čuta**: *ср* Jä, Šim, Pk, Pnd, Kj, Vl
čuuta: *сев* Per, Mec
4) **šlibahtoitta**: *ср* Šim, Pnd, Noid, Vär
5) **fisnida**: *южн* Mas

Цифровой индекс

1) **tacta**: 7Št, 10Kl, 13Kas,72Mai, 74Ars
tact’a: 1Š, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 48Pk, 56Päž
tačta: 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 60Šid, 64Sod
2) **lükäita**: 10Kl, 13Kas, 28Vil, 31Pec, 37Kor, 42Noid, 48Pk, 49Vär, 56Päž
lükeita: 1Š, 21Kar, 24Nem, 26Jä, 30Rih, 33Ladv
likeita: 34Mg, 35En, 39Har, 60Šid, 64Sod
3) **čuta**: 26Jä, 47Šim, 48Pk, 53Pnd, 54Kj, 55Vl
čuuta: 8Mec, 15Per
4) **šlibahtoitta**: 42Noid, 47Šim, 49Vär, 53Pnd
5) **fisnida**: 69Mas

Список картографируемого материала

1 — lükeita, tact’a; 2–6 — нет сведений; 7 — tacta; 8 — čuuta [СВЯ: 66]; 9 — нет сведений; 10 — lükäita, tacta; 11–12 — нет сведений; 13 — lükäita, tacta; 14 — нет сведений; 15 — čuuta [VVS] ‘бросать’; 16–20 — нет сведений; 21 — lükeita [СВЯ: 304]; 22–23 — нет сведений; 24 — tact’a, lükeita; 25 — нет сведений; 26 — tact’a, lükeita, čuta [СВЯ: 66]; 27 — нет сведений; 28 — tact’a, likäita; 29 — нет сведений; 30 — tact’a, lükeita; 31 — tact’a, lükäita; 32 — нет сведений; 33 — tact’a, lükeita;34 — tact’a, likeita; 35 — likeita; 36 — нет сведений; 37 — tačta, lükeita; 38 — tačta, tačketa; 39 — tačta, likeita; 40 — tačketa, tačta; 41 — tačta; 42 — tačta, lükaita, šlibahtoitta; 43–46 — нет сведений; 47 — šlibahtoitta, čuta [СВЯ: 66] ‘бросать, кидать’, čuta [VVS] ‘подбрасывая, провеивать зерно; 48 — tac’ta, lükeita, čuta [СВЯ: 66]; 49 — lükeita, šlibahtoitta; 50–52 — нет сведений; 53 — tačta, čuta, šlibahtoitta; lükäita ‘толкнуть’; 54 — tačta, čuta; lükäita ‘толкнуть’; 55 — tačta, čuta; lükeita ‘толкнуть’; 56 — tact’a, lükeita; 57–59 — нет сведений; 60 — tačta, likäita; 61–63 — нет сведений; 64 — tačta, likäita; 65–68 — нет сведений; 69 — fisnida, fiššä; 70–71 — нет сведений; 72 — tacta; likäita ‘толкнуть’; 73 — нет сведений; 74 — tacta; 75– нет сведений.

Комментарий

Семантику многих глаголов при сборе материала сложно объяснить однозначно. Это относится и к понятию ‘бросать, бросить’: следует понять, каково конкретное семантическое наполнение слова — бросить ли без применения особой силы или с ее применением, оттолкнуть ли что-то от плеча или от груди и т. д. Подобный вывод был сделан и в ALFE, где был собран значительный и разнородный материал на аналогичный вопрос, а затем для картографирования были отобраны всего две лексемы, которые обладают значением ‘толкать находящийся впереди себя груз’, в результате чего вепсский материал на карте представлен всего двумя пунктами, в которых выступает глагол *lükäita*, поскольку в остальных случаях составители атласа посчитали не совсем ясным, о каком броске идет речь [ALFE 2010: 202–203].

При сборе материала для ЛАВЯ участники экспедиций полагались на знание вепсского языка

и собственное языковое чутье и привлекли к картографированию в этом случае пять лексем, поскольку в разных говорах они могут быть абсолютными синонимами при обозначении понятия ‘бросать, бросить’, т. е. ‘взмахом руки заставлять лететь то, что в ней находится’.

В языке вепсов наиболее распространена лексема *tacta*, которая известна практически всем говорам. В диалектах можно выделить два ее фонетических варианта *tacta* и *tačta*, которые отличаются друг от друга качеством аффрикаты внутри слова: в одном случае выступает аффриката ***c***, в другом ***č***. Подобное варьирование характерно для ряда лексем, например, *ecta* ~ *ečta* ‘искать’, *räcin* ~ *räčin* ‘женская сорочка’.

Э. А. Тункело был склонен связывать вепсское колебание ***č*** ~ ***c*** в словах типа *tacta* ~ *tačta, ecta* ~ *ečta* с влиянием ливвиковского наречия карельского языка, где аффриката ***č*** употребляется значительно чаще, чем в вепсском. С другой стороны, он не исключал даже и ливское влияние [Tunkelo 1946: 319].

В нашем случае вариант с ***č*** более характерен для крайних восточновепсских говоров, ряда переходных говоров средневепсского западного ареала. Во всех остальных говорах употребителен вариант с ***c***. Поскольку названное варьирование не является для вепсского языка регулярным, то эти два фонетических варианта представлены на карте одной серией знаков, однако в двух модификациях.

Для слова не существует убедительной этимологии. Можно предположить, что оно является заимствованием русского глагола *тащить*, что подтверждается еще и характером гласной основы, которая оканчивается на ***-i-***: *taci-b* ‘(он) бросит’, как и в русском языке перед суффиксом неопределенно-личной формы стоит ***-и-***: *тащи-ть*. Однако при этом возникают проблемы семантического сдвига — *бросать* и *тащить*. Показательно, что в SSA отмечен заимствованный из русского языка глагол *tassia* ~ *tassie* ‘тащить’ [SSA: 2000: 275], однако вепсское соответствие не включено в статью. Таким образом, глагол, объединяющий весь вепсский языковой ареал, не имеет аналогов в родственных прибалтийско-финских языках, а также убедительных русских этимонов, что ставит вопрос о его собственно вепсских истоках.

Глагол *lükäita* функционирует почти во всех вепсских говорах в значении ‘бросать, бросить’. Однако в некоторых из них он отмечен как ‘бросить более сильно, толкнуть’ (Pnd, Kj, Vl, Mai). В словаре вепсского языка [СВЯ: 304] приводится ряд однокоренных глаголов типа *lükketa, lüktä, lükäita*, в качестве главного значения которых отмечено также значение ‘бросить, бросать’. Оно одним из первых указано и в карельских диалектах [KKS 1983: 200]. Этимологи предполагают финно-угорский возраст этого глагола [Häkkinen 2007: 648]. В ряде западновепсских приоятских говоров отмечен вариант *likäita*, в котором отразилось сужение переднерядного *ü* > *i*, рассмотренное в данном атласе на специальной 15 карте, которая объясняет и названный вариант.

Менее продуктивен в языке вепсов глагол *čuta*. Он наиболее характерен в указанном значении для восточных говоров вепсского языка, однако его рефлексы есть во всех говорах. Такая сетка, хотя и редкая, повсеместного употребления глагола свидетельствует о его бывшем общевепсском характере.

Словарь вепсского языка первым в словарной статье этого глагола указывает значение ‘кидать, бросать’, а вторым значением — ‘подбрасывая на лопате, провеивать зерно’ [СВЯ: 66]. Этимологический словарь финского языка под знаком вопроса включал вепсский глагол *čuta* в этимологическое гнездо глагола *syytää* ‘бросать, кидать, швырять’ [SKES 1969: 1154]. Глагол *čuta* в последующих этимологических словарях финского языка не рассматривается совсем, возможно, и из-за анлаутной аффрикаты *č*, которая возникла в вепсском глаголе.

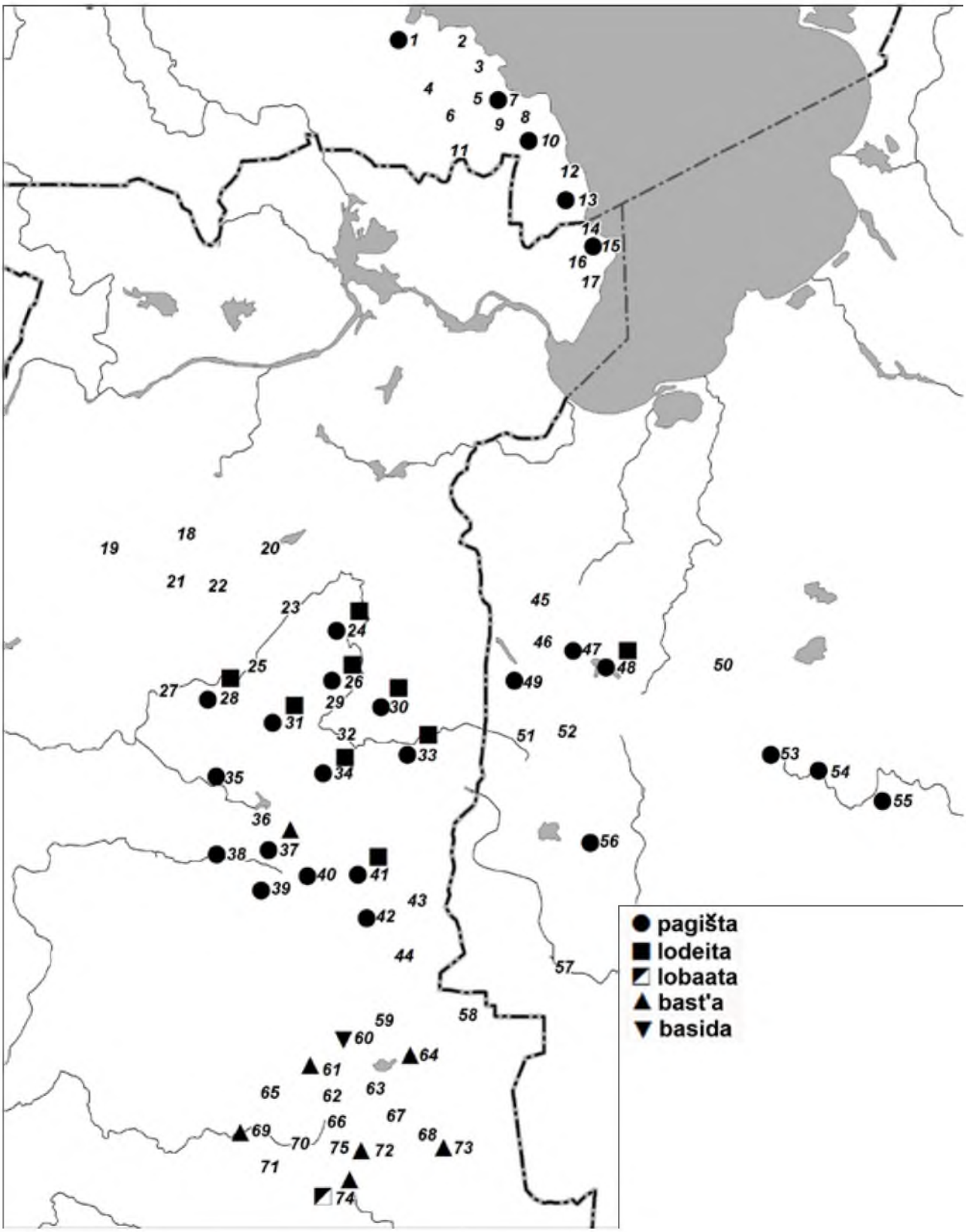
С другой стороны, исследователи отмечают, что ряд вепсских лексем с начальной аффрикатой ***č***, так же как и ливвиковских и людиковских лексем, могли получить аффрикату ***č*** на место ***s*** или ***š*** в результате контактов с саамским языком различными способами и даже без заимствования самих слов [Tunkelo 1946: 302–307]. Все это пока оставляет этимологию глагола *čuta* открытой.

В ряде говоров вепсского языка употребляются еще два глагола: *šlibahtoitta* и *fisnida*, которые пришли из русских говоров, испытав в вепсском языке существенную фонетическую переработку: *šlibahtoitta* < ср., напр., *шлепать, шлепнуть, шлепывать* ‘бросить, уронить что-то, грохнуть с глухим стуком’ [Даль 2006: 431]; *fisnida* < *свистнуть* ‘огреть, полоснуть, ударить’ [Даль 2006: 31]. Можно предположить, что во втором случае движение рукой при ударе было интерпретировано также как кидание, бросок.

Таким образом, в данном случае в вепсском языке представлена как лексика прибалтийско-финского характера (*lükäita*), возможная инновационная (*tacta, čuta*), а также и заимствованная (*šlibahtoitta, fisnida*), характеризуя пути пополнения его лексического тезауруса.

Н. Г. Зайцева

133 (372). Именования понятия ‘говорить’

Легенда карты

1) **pagišta**
2) **lodeita**
lobaata
3) **bast’a**
basida

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **pagišta**: *сев* Š, Št, Kl, Kas, Per // *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, En, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Šim, Pk, Vär, Päž, Pnd, Kj, Vl
2) **lodeita**: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Reb, Pk
lobaata: *южн* Ars
3) **bast’a**: *ср* Kor // *южн* Čai, Sod, Mai, Mas, Ars, Vg
basida: *южн* Šid

Цифровой индекс

1) **pagišta**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 15Per, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 47Šim, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž
2) **lodeita**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 41Reb, 48Pk
lobaata: 74Ars
3) **bast’a**: 37Kor, 61Čai, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 73Vg, 74Ars
basida: 60Šid

Список картографируемого материала

1 — pagišta; 2–6 — нет сведений; 7 — pagišta; 8–9 — нет сведений; 10 — pagišta; 11–12 — нет сведений; 13 — pagišta; 14 — нет сведений; 15 — pagišta [VVS]; 16–23 — нет сведений; 24 — pagišta, lodeita; 25 — нет сведений; 26 — pagišta, lodeita; 27 — нет сведений; 28 — pagišta, lodeita; 29– нет сведений; 30 — pagišta, lodeita; 31 — pagišta; lodeita (реже); 32 — нет сведений; 33–34 — pagišta, lodeita; 35 — pagišta; 36 — нет сведений; 37 — pagišta; basťa [VVS] ‘выговаривать при пении’; 38–40 — pagišta; 41 — pagišta, lodeita; 42 — pagišta; 43–46 — нет сведений; 47 — pagišta [СВЯ: 389]; 48 — pagišta; lodeita (втихаря говорить); 49 — pagišta; 50–52 — нет сведений; 53–56 — pagišta; 57–59 — нет сведений; 60 — basida; 61 — basťa [СВЯ: 42]; 62–63 — нет сведений; 64 — basťa; 65–68 — нет сведений; 69 — basťa; 70–71– нет сведений; 72 — bas’ta; 73 — basťa [СВЯ: 42]; 74 — basťa, lobaata [СВЯ: 294]; lobaaťa [VVS]; 75– нет сведений.

Комментарий

В «Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков» [ALFE] в качестве лексем для обозначения понятия ‘говорить’ отмечено несколько глаголов, основы которых *puhu-, rääki-, kõnele-, laati-*. С. Сухонен, который был автором данной статьи в атласе, совершенно справедливо отметил, что иногда сложно было провести границу между понятиями ‘говорить’ и ‘рассказывать’ [ALFE 2010: 320–322]. Это же относится и к материалам вепсского языка.

На картах ALFE было представлено в свое время две вепсские лексемы: *pagišta* и *bast’a*. Различного рода дескриптивных глаголов, которые характеризуют способ говорения, его характер, суть высказывания и т.д., можно найти значительно больше: *bul’botada* ‘пустословить’, *vahtostada* ‘говорить пустяки’, *häblätada* ‘болтать вздор’ и т.д. Для картогафирования были привлечены глаголы, основное значение которых нейтрально отображает факт владения устной речью.

На карту ЛАВЯ нанесено три глагола со значением процесса говорения. Наиболее распространен глагол *pagišta*. Он объединяет собой два диалектных ареала: северновепсский и средневепсский. При этом в северновепсском и крайних восточных говорах средневепсского диалекта он является единственным именованием данного понятия. Этот глагол считается типичным восточно-прибалтийско-финским явлением, поскольку он широко известен, кроме вепсского, и карельским диалектам, включая собственно карельские северные и тихвинские говоры, а также говоры ливиковского и людиковского наречий (см. карту: [ALFE 2010: 320]), являясь, таким образом, фактом общего карельско-вепсского лексического наследия.

Относительно происхождения данного глагола существует предположение, что ранее его форма была мотивированной, вполне возможно, что он отражал звук, напоминающий шум ветра [Häkkinen 2007: 857]. Позднее им стали обозначать и гул, шум, звучание речи.

Глагол *lodeita* характеризуется более локальным бытованием: он свойствен прежде всего западным средневепсским говорам. В СВЯ он отмечен и в южновепсском говоре д. Радогощь (Ars) в форме *lobaata*, и поставлен в одну словарну статью как вариант глагола *lodeita* [СВЯ: 294]. В ЛАВЯ мы также рассматриваем *lobaata* в качестве фонетического варианта глагола *lodeita*. При этом не исключено, что в СВЯ была занесена ошибочная запись формы слова, поскольку, например, при сборе материала по вопроснику атласа в этом же п. Радогощь (Ars) собирателями была зафиксирована лишь лексема *bast'a* ‘говорить’.

В свое время авторы ALFE [ALFE 2010] не включили вепсский глагол *lodeita* в список картографируемых глаголов со значением ‘говорить’, посчитав его семантику не до конца выясненной. Информанты же «Лингвистического атласа вепсского языка» настойчиво указывали рядом *pagišta* и *lodeita*, настаивая на их синонимичности, что позволило внести глагол *lodeita* в список картографирования. Очевидно, что он связан происхождением с существительным *lodu* ‘беседа, разговор’, функционирующим в этих же говорах [СВЯ: 295].

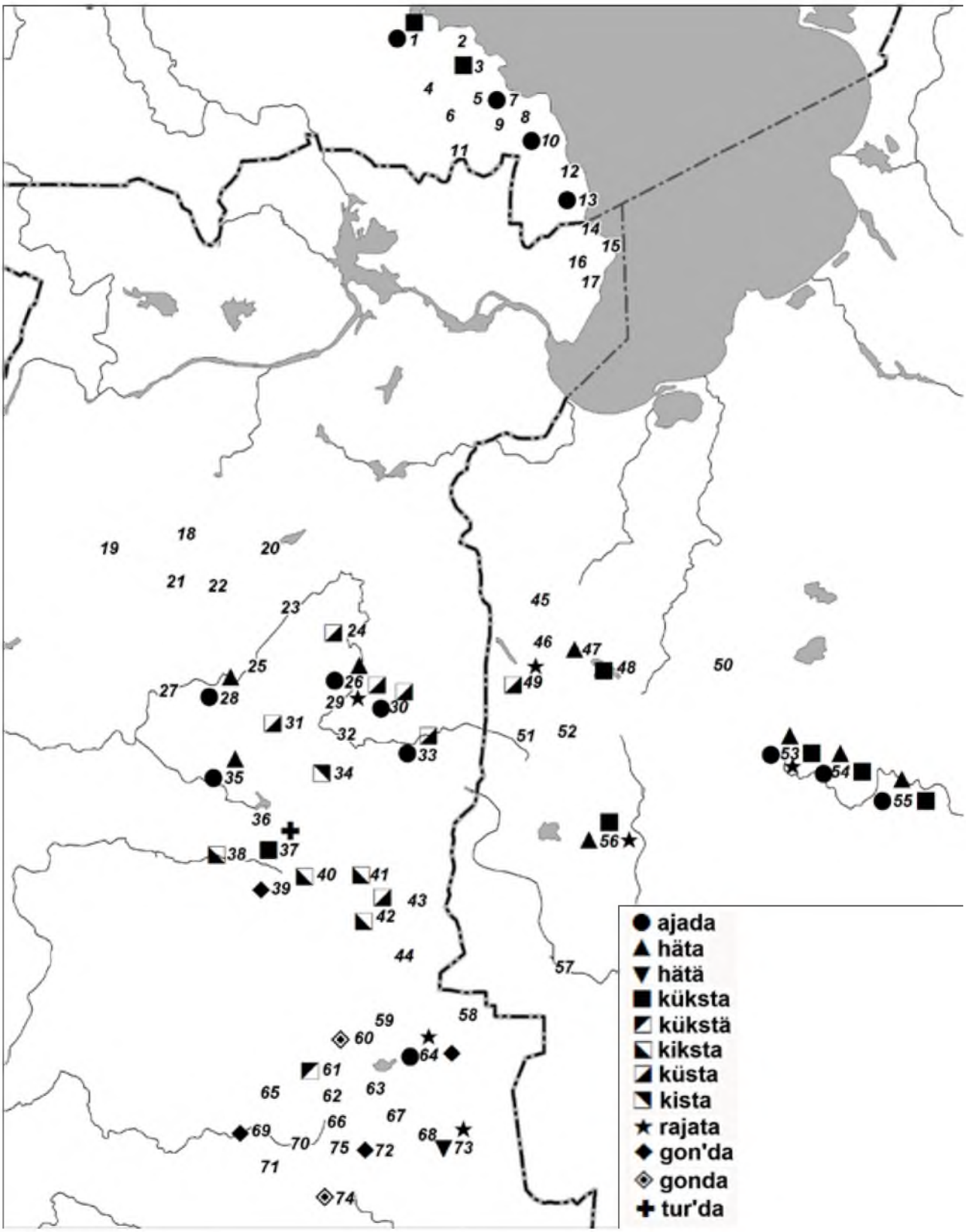
Выскажем осторожно предложение о возможном включении вепсского глагола *lodeita* в этимологическую статью *laatia* ‘делать, готовить; *говорить, беседовать*’ [SSA 1995: 33]. Глагол *laatia* в прибалтийско-финских языках является заимствованием из русского языка, где он обладал некогда и значением ‘говорить’: рус. *ладить* ‘организовывать, готовить, собирать; намереваться; договариваться; *говорить* (*твердить, долбить*)’ [SSA 1995: 33]. В настоящее время в русских народных говорах значение ‘говорить’ у обсуждаемой лексемы в большой степени размыто и практически утрачено (ср. *ладить* ‘*договариваться*, уславливаться; *уговаривать кого-либо*…’ [СРНГ 1980: 231]). Несмотря на фонетические сложности (рус. *а* — вепс. *о* в первом слоге), введение вепсского глагола в этот ряд кажется перспективным и требует дальнейшего анализа*.

Южновепсский глагол *bast'a* (и его вариант *basida*) является русским диалектным заимствованием (< рус. диал. *басить* ‘говорить много; говорить, разговаривать’ [СРНГ 1966: 130]; см. также *басить* ‘занимать в беседе других, потешать россказнями’, что считают ранним др.-рус. образованием [Аникин 2008: 247]). Данное заимствование не стало общевепсским, хотя его удалось зафиксировать еще Л. Кеттунену в начале XX века также и в средневепсском п. Корбиничи (Kor).

Н.Г. Зайцева

* В SSA в статью *laatia* внесен вепс. *ladida, lat't'a* ‘готовить, *договариваться*, организовывать’ [SSA 1995: 33].

134 (378). Именования понятия ‘гнать, прогнать, выгнать’

Легенда карты

1) **ajada**
2) **häta**
   hätä
3) **küksta**
   kükstä
   kiksta
   küsta
   kista
4) **rajata**
5) **gon’da**
   gonda
6) **tur’da**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **ajada**: *сев* Š, Kl, Kas, Št // *ср* Rih, En, Ladv, Jä, Vil, Pnd, Kj, Vl // *южн* Sod
2) **häta**: *ср* Jä, Vil,En, Pnd, Kj, Vl, Päž, Šim
   hätä: *южн* Vg
3) **küksta**: *сев* Š, Veh // *ср* Kor,Pk, Pnd, Kj, Vl, Päž
   kükstä: *южн* Čai
   kiksta: *ср* Jog, Nür, Reb, Noid
   küsta: *ср* Jä, Rih, Ladv, Mg, Pec, Nem, Noid, Vär
   kista: *ср* Mg
4) **rajata**: *ср* Jä,Vär, Pnd, Päž // *южн* Sod, Vg
5) **gon’da**: *ср* Har // Mai, Mas, Sod
   gonda: *южн* Šid, Ars
6) **tur’da**: *ср* Kor

Цифровой индекс

1) **ajada**: 1Š, 7Št, 10Kl, 13Kas, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 33Ladv, 35En, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 64Sod
2) **häta**: 26Jä, 28Vil, 35En, 47Šim, 53Pnd, 54K, 55Vl, 56Päž
   hätä: 73Vg
3) **küksta**: 1Š, 3Veh, 37Kor, 48Pk, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž
   kükstä: 61Čai
   kiksta: 38Jog, 40Nür, 41Reb, 42Noid
   küsta: 24Nem, 26Jä, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 42Noid, 49Vär
   kista: 34Mg
4) **rajata**: 26Jä, 49Vär, 53Pnd, 56Päž, 64Sod, 73Vg
5) **gon’da**: 39Har, 64Sod, 69Mas, 72Mai
   gonda: 60Šid, 74Ars
6) **tur’da**: 37Kor

Список картографируемого материала

1 — ajada, küksta [СВЯ: 254]; 2 — нет сведений; 3 — küksta [VV: 130, 538] ‘гнать, выгонять’; 4–6 — нет сведений; 7 — ajada; 8–9 — нет сведений; 10 — ajada; 11–12 — нет сведений; 13 — ajada; 14–23 — нет сведений; 24 — küsta; 25 — нет сведений; 26 — küsta, ajada, häta [СВЯ: 141], rajata [СВЯ: 462]; 27 — нет сведений; 28 — häta, ajada (животных); 29 — нет сведений; 30 — küsta, ajada (živatoid’); 31 — küsta; 32 — нет сведений; 33 — küsta, ajada; 34 — kista; 35 — häta, ajada; 36 — нет сведений; 37 — küksta, tur’da; 38 — kiksta; 39 — gon’da; 40 — kiksta; 41 — kiksta; 42 — kiksta, küsta [VVS] ‘гнать, прогонять’; 43–46 — нет сведений; 47 — häta [СВЯ: 141]; 48 — küksta; 49 — küsta, rajata; 50–52 — нет сведений; 53 — küksta, ajada, häta, rajata [СВЯ: 462]; 54 — küksta, ajada, häta; 55 — küksta, ajada, häta; 56 — küksta, häta [СВЯ: 141], rajata [СВЯ: 462]; 57–59 — нет сведений; 60 — gonda; 61 — kükstä [СВЯ: 254]; 62–63 — нет сведений; 64 — gon’da, ajada [СВЯ: 25], rajata [СВЯ: 462]; 65–68 — нет сведений; 69 — gon’d’a; 70–71 — нет сведений; 72 — gon’da; 73 — hätä [СВЯ: 141], rajata [СВЯ: 462]; 74 — gonda; 75 — нет сведений.

Комментарий

При сборе материала для обозначения ‘гнать, прогнать, выгнать’ было выявлено шесть глаголов:

– *ajada*. Этот глагол, возможно, заимствованный в финно-угорские языки из индо-европейских [SSA 2001: 62], является как в вепсском, так и в иных прибалтийско-финских языках исключительно многозначным: ‘ехать, плыть на чем-либо, пропахивать борозды, вбивать, вгонять (гвозди) и т. д.’ [СВЯ: 25]. Но одним из довольно употребительных значений во всех языках является также значение ‘гнать, выгонять, прогонять’. В вепсских диалектах глагол обладает всего одной фонетически оформленной единицей, которая объединяет все диалектные ареалы. При этом он наименее продуктивен в языке южных вепсов;

– *häta*. Этот глагол зафиксирован в одном южновепсском пункте также в переднеязычном варианте *hätä* (Vg) как память о гармонии гласных*. Этимологи предполагают его восточное прибалтийско-финское происхождение с бытованием в финском, карельском, вепсском, отчасти в водском языках [SSA: 2001: 213];

– *küksta*. Этимология этого глагола затемнена, для него не удалось найти убедительного этимона. Возможно, глагол является инновационной лексемой, возникшей в правепсское время, поскольку зафиксирован во всех вепсских диалектах. В его вариантах *küksta*, *küsta*, *kiksta*, *kista* отразились разные фонетические явления, действовавшие в языке вепсов. Прежде всего, это сужение гласного ***ü*** и переход его в ***i***, характерные для средневепсских и южновепсских говоров**. В северновепсских и восточновепсских говорах средневепсского диалекта и отчасти в южновепсских говорах в форме инфинитива восстановилось сочетание согласных звуков ***ks***, которое характерно для гласной основы личных форм глагола, например, *kü**ks**ta* — *kü**ks**en* (1Psing); *kü**ks**maha* (IIInflll) [Tunkelo 1946: 106]. Во всем западновепсском ареале в форме инфинитива этого восстановления не произошло (*küsta*), и слово сохранилось в более древнем прибалтийско-финском оформлении;

– *rajata* (*rajadan* (1PSing)/*rajazin* (1PImp). Глагол, очевидно, связан с заимствованным из русского в прибалтийско-финские языки существительным, которое на почве финского звучит как *raja* ‘край, граница’ [SSA 2000: 42] и которое в вепсском языке отсутствует, но его корни имеются в названном производном глаголе. Очевидно, первоначальным значением глагола было ‘отогнать от границы, не дать перейти через границу (изгороди, поселения и т. д.)’, но со временм его значение стало более широким;

– *gond'a* < рус. ‘гнать, гонять’. Любопытно, что при таком обилии глаголов со значением ‘гнать, прогнать’ южновепсский диалект, не удовлетворившись ими, заимствовал еще и русскую лексему с аналогичным значением. Возможно, это было вызвано некой конкретизацией всех названных выше глаголов: отогнать за пределы изгороди; выгнать насовсем; отогнать животных за пределы ограниченной территории и т. д. Поэтому в говор был заимствован глагол с более общим значением, который бы годился для всех данных ситуаций;

– *tur'da* < рус. диал. *туритъ* ‘сгонять, прогонять’ [Даль 1955: 443–444]. Это русское заимствование обладает большей экспрессией, и, очевидно, вследствие этого было привлечено в говор, как достаточно выразительное.

Надо полагать, что первоначально перечисленные здесь глаголы не были полными синонимами, каждый выполнял свою конкретную семантическую задачу и использовался для называния особого оттенка семантики. В списке картографируемого материала указаны некоторые уточнения значения, если они были обнаружены в полевых условиях или в письменных источниках. При этом в целом, все глаголы, которые привлечены к картографированию, входят в семантическое поле ‘гнать, прогонять’.

Отдельные из глаголов ведут свое происхождение из прибалтийско-финского праязыка (*ajada; häta*), другие пришли из древнерусского языка в прибалтийско-финское время (*rajata*), третьи, очевидно, являются инновационными правепсскими лексемами (*küksta*), и четвертые — более поздние русские заимствования (*gonda, tur'da*). Все это иллюстрирует разные пути развития вепсского лексического тезауруса.

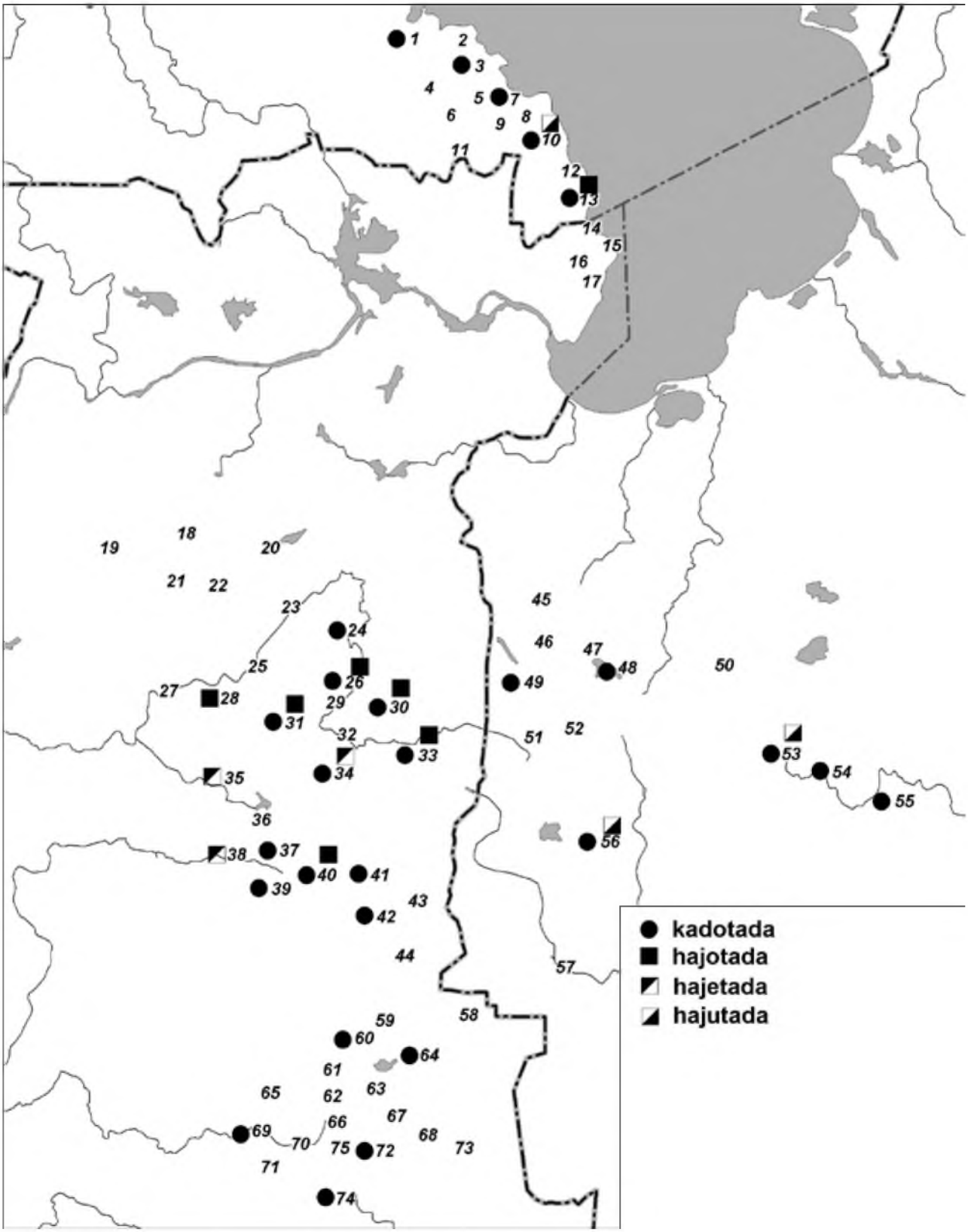
Н.Г. Зайцева

---

* Подробнее о следах гармонии гласных в языке вепсов см. 9–10 карты ЛАВЯ.

** См. 4 карту ЛАВЯ.

135 (379). Именования понятия ‘(по)терять’

Легенда карты

1) **kadotada**
2) **hajotada**
hajetada
hajutada

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **kadotada**: *сев* Š, Št, Kas, Kl, Veh // *ср* Nem, Jä, Ladv, Mg, Pec, Nür, Reb, Noid, Rih, Kor, Har, Vär, Pk, Päž, Pnd, Kj, Vl // *южн* Mas, Mai, Šid, Ars, Sod

2) **hajotada**: *сев* Kas // *ср* Jä, Vil, Ladv, Rih, Pec, Nür
hajetada: *ср* En, Mg, Jog
hajutada: *сев* Kl // *ср* Pnd, Päž

Цифровой индекс

1) **kadotada**: 1Š, 3Veh, 7Št, 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 37Kor, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 48Pk, 49Vär, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars

2) **hajotada**: 13Kas, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 40Nür
hajetada: 34Mg, 35En, 38Jog
hajutada: 10Kl, 53Pnd, 56Päž

Список картографируемого материала

1 — kadotada; 2 — нет сведений; 3 — kadoť [VV: 159] '(он) потерял'; 4–6 — нет сведений; 7 — kadotada; 8–9 — нет сведений; 10 — kadotada, hajutada; 11–12 — нет сведений; 13 — kadotada, hajotada; 14–23 — нет сведений; 24 — kadotada; 25 — нет сведений; 26 — kadotada, hajotada; 27 — нет сведений; 28 — hajotada; 29 — нет сведений; 30–31 — kadotada, hajotada; 32 — нет сведений; 33 — kadotada, hajotada; 34 — kadotada, hajetada; 35 — hajetada; 36 — нет сведений; 37 — kadotada; 38 — hajetada; 39 — kadotada; 40 — kadotada, hajotada; 41–42 — kadotada; 43–47 — нет сведений; 48–49 — kadotada; 50–52 — нет сведений; 53 — kadotada, hajutada [СВЯ: 103]; 54–55 — kadotada; 56 — kadotada, hajutada [СВЯ: 103]; 57–59 — нет сведений; 60 — kadotada; 61–63 — нет сведений; 64 — kadotada; 65–68 — нет сведений; 69 — kadotada; 70–71 — нет сведений; 72 — kadotada; 73 — нет сведений; 74 — kadotada; 75 — нет сведений.

Комментарий

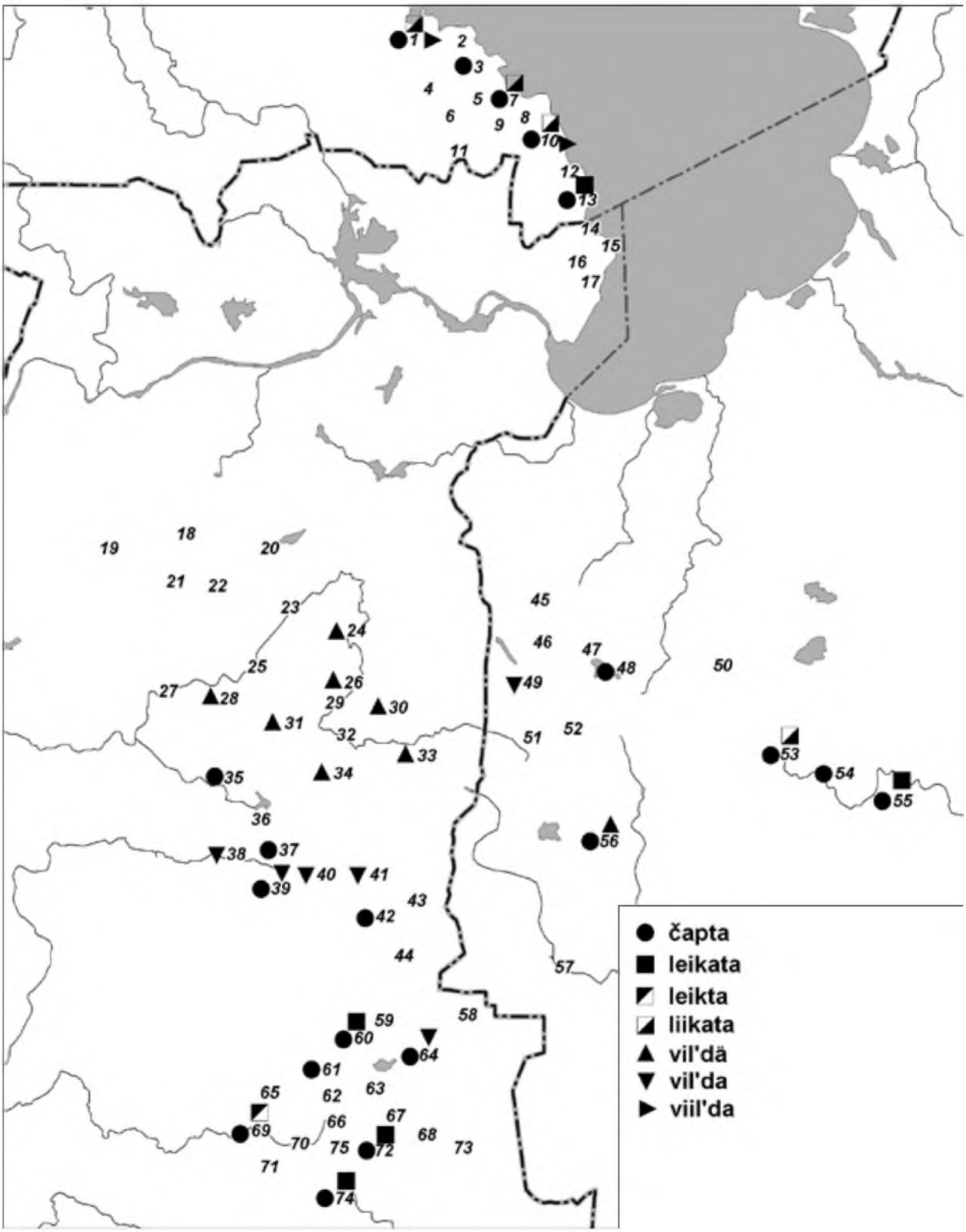
Понятие 'терять, потерять' передается в диалектах вепсского языка двумя глаголами: *kadotada* и *hajetada*. Наиболее продуктивным является древний праприбалтийско-финский глагол *kadotada*, который широко представлен в том же значении во всех прибалтийско-финских языках [SSA 2001: 270].

Глаголы, аналогичные по структуре вепсскому глаголу *hajetada* (*hajotada, hajutada*), известны по крайней мере в финском (*hajota, hajottaa*) и собственно карельском (*hajota, hajottoa, hajottua*), где бытуют в значении 'рассыпать(ся), ломать(ся), разваливать(ся)' [KKS 1968: 151; Федотова, Бойко 2009: 35]. В идентичном вепсскому значении глагол известен лишь в одном пункте (Kuujärvi/Михайловское) людиковского наречия карельского языка (*hajotada* 'терять' [LMS: 59]), где может быть вепсским заимствованием.

Этимологи полагают, что вепсский глагол, а также все образования подобного типа в родственных языках относятся к гнезду **haja,* которое послужило образованию многих лексем (типа *hajallaan* 'порознь, вразброс', *hajanainen* 'отдельный, единичный', *hajota* 'рассыпаться, развалиться' и т. д. [SSA 2001: 130]). В этом ряду вепсский глагол *hajetada* является, по всей видимости, вепсской семантической инновацией, логически вытекающей из примарного значения прибалтийско-финской основы. Судя по ареалу, лексема могла иметь в прошлом более широкое бытование в диалектах вепсского языка, но в настоящее время сузила свое функционирование до западных говоров средневепсского диалекта, приобретя незначительные фонетические особенности между говорами в облике второго слога (*haj**e**tada* ~ *haj**o**tada* ~ *haj**u**tada*), где употребляется как синоним глаголу *kadotada*. Носители языка чувствуют определенную семантическую разницу между глаголами (потерять неизвестно где, выронить, посеять, утратить в слишком большом разбросе поиска и т. д., потерять недавно, в более близкое время, нежели *kadotada*), которая, очевидно, связана с первоначальным значением этимологической основы **haja*. В целом оттенки в семантике современного употребления глаголов сложно уловимы.

Н. Г. Зайцева

136 (381). Именования понятия ‘резать (например, хлеб)’

Легенда карты

1) **čapta**
2) **leikata**
leikta
liikata
3) **vil’dä**
vil’da
viil’da

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **čapta**: *сев* Š, Kl, Kas, Št, Veh // *ср* En, Kor, Har, Noid, Pk, Päž, Pnd, Kj, Vl // *южн* Ars, Mai, Mas, Šid, Sod, Čai
2) **leikata**: *сев* Kas //*ср* Vl // *южн* Mai, Šid, Ars
leikta: *южн* Mas
liikata: *сев* Š, Kl, Št // *ср* Pnd
3) **vil’dä**: *ср* Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, Päž
vil’da: *ср* Nür, Reb, Jog, Har, Vär // *южн* Sod
viil’da: *сев* Š, Kl

Цифровой индекс

1) **čapta**: 1Š, 3Veh, 7Št, 10Kl, 13Kas, 35En, 37Kor, 39Har, 42Noid, 48Pk, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž, 60Šid, 61Čai, 64Sod, 69Mas, 72Mai, 74Ars
2) **leikata**: 13Kas, 55Vl, 60Šid, 72Mai, 74Ars
leikta: 69Mas
liikata: 1Š, 7Št, 10Kl, 53Pnd
3) **vil’dä**: 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 56Päž
vil’da: 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 49Vär, 64Sod
viil’da: 1Š, 10Kl

Список картографируемого материала

1 — liikata, čapta ‘резать, порезать; рубить; сечь’ [СВЯ: 56], viil’da ‘резать’ [СВЯ: 633]; 2 — нет сведений; 3 — čapta [VV: 135]; 4–6 — нет сведений; 7 — liikataliib, čapta; 8–9 — нет сведений; 10 — liikata, čapta, viil’da [VVS] ‘резать’; 11–12 — нет сведений; 13 — leikata, čapta; 14–23 — нет сведений; 24 — vil’dä (liib ‘хлеб’); 25 — нет сведений; 26 — vil’dä; 27 — нет сведений; 28 — vil’dä; 29 — нет сведений; 30–31 — vil’dä; 32 — нет сведений; 33–34 — vil’dä; 35 — čapta (vil’dä ‘кроить’); 36 — нет сведений; 37 — čapta (vil’da ‘кроить’); 38 — vil’da ‘резать ножом’ (čapta ‘рубить топором’); 39 — vil’daliib ‘резать хлеб’, čapta; 40–41 — vil’da; 42 — čapta (vil’da ‘кроить’); 43–47 — нет сведений; 48 — čapta; 49 — vil’da; 50–52 — нет сведений; 53 — čapta ‘все резать и рубить, больше рубить’, liikata ‘нарезать хлеб’; 54 — čapta; 55 — čapta ‘ножом, топором’, leikata ‘стричь, резать ножницами’; 56 — vil’dä, čapta; 57–59 — нет сведений; 60 — čapta, leikata ‘хлеб резать’ (vil’da ‘кроить’); 61 — čapta: hond vajez sil’mad čapab [VV: 537] ‘плохое слово глаза режет’; 62–63 — нет сведений; 64 — čapta, vil’da; 65–68 — нет сведений; 69 — čapta, leikta; 70–71 — нет сведений; 72 — čapta ‘резать; рубить’ (vil’da ‘кроить’), leikata ‘хлеб резать’; 73 — нет сведений; 74 — čapta, leikata ‘резать’ [СВЯ: 290]; 75 — нет сведений.

Комментарий

Как показал сбор материала, понятие ‘резать’, т. е. ‘разделять на части’, в вепсском языке семантически переплетается с теми глаголами, которые обладают значением ‘рубить’ и ‘кроить’, поскольку и здесь речь идет о делении на части. Об этом же свидетельствует и более ранний сбор материала, который был проведен Л. Кеттуненом в первой половине XX века и отражен в электронном ресурсе, например, применительно к глаголу *čapta*: ‘резать, стричь’ и ‘рубить, вырубать’ [VVS], где также видна неопределенность в значении. При сборе материала для атласа была предпринята попытка несколько сузить значение до ‘резать хлеб’.

В целом для картографирования привлечено три основных глагола: *čapta, leikata, vil’da*.

Сбор полевого материала для атласа подтвердил данные СВЯ о широком бытовании глагола *čapta* в диалектах вепсского языка*. Глагол совсем не встречается в родственных прибалтийско-финских языках. Однако сбор материала для «Сопоставительно-ономасиологического словаря карельского, вепсского, саамского языков», показал, что он, возможно, связан с саамским глаголом *čuohppɐd*,

* СВЯ приводит при глаголе *čapta* ‘резать, порезать; рубить, сечь’ помету P — Št, которая свидетельствует о его повсеместном распространении [СВЯ: 56].

čuhpɛ, *čuhppɛɛ* с тем же значением ‘резать’ [СОСД 2007: 226]. Исключительное внешнее сходство вепсского и саамского глаголов, а также их одинаковая семантика позволяют предполагать заимствование глагола вепсским языком из саамского. Заимствование могло произойти в правепсский период, поскольку глагол известен всем диалектам вепсского языка*.

При этом сходный по звуковому облику глагол с семантикой ‘рубить’ имеется в мордовских языках: *чапомс* (эрзя), *шапомс* (мокша) [РМЭС: 423], что позволяет ставить вопрос и о возможном древнем западноуральском контексте в появлении данной лексемы. Наличие же в русских рязанских говорах, довольно удаленных от обсуждаемого ареала, близкого по звучанию глагола *чапить* ‘нагибать, наклонять боком, кренить’, возможно, является случайным созвучием с отдаленным значением [Даль 1882: 582].

Глагол *leikata* ~ *leikta*, представленный еще в варианте *liikata* [о закономерном развитии дифтонга *ei* в *ii*, прежде всего, на северновепсской территории см.: Tunkelo 1946: 601–602], менее употребителен, кроме того, он приобрел в ряде говоров более конкретное значение ‘кроить’. Данный глагол, который представлен практически во всех прибалтийско-финских языках, считают возможным германским заимствованием [SSA 1995: 59].

Наконец, глагол *vil’dä* ~ *vil’da* употребляется в вепсском языке даже шире, чем *leikata*. Он также обладает прибалтийско-финским происхождением и, как полагают, скорее всего, восходит к основе с достаточно широким спектром значений **vije-* ‘резать, стричь, кроить’ [SSA 2000: 441–442], которые и были унаследованы дочерними языками. Кроме того, северновепсский диалект сохранил в слове праязыковую долгую гласную *-i-*, которая, как и иные долгие гласные, в диалектах вепсского языка за редкими исключениями сократились до одиночной гласной [Tunkelo 1946: 560–561].

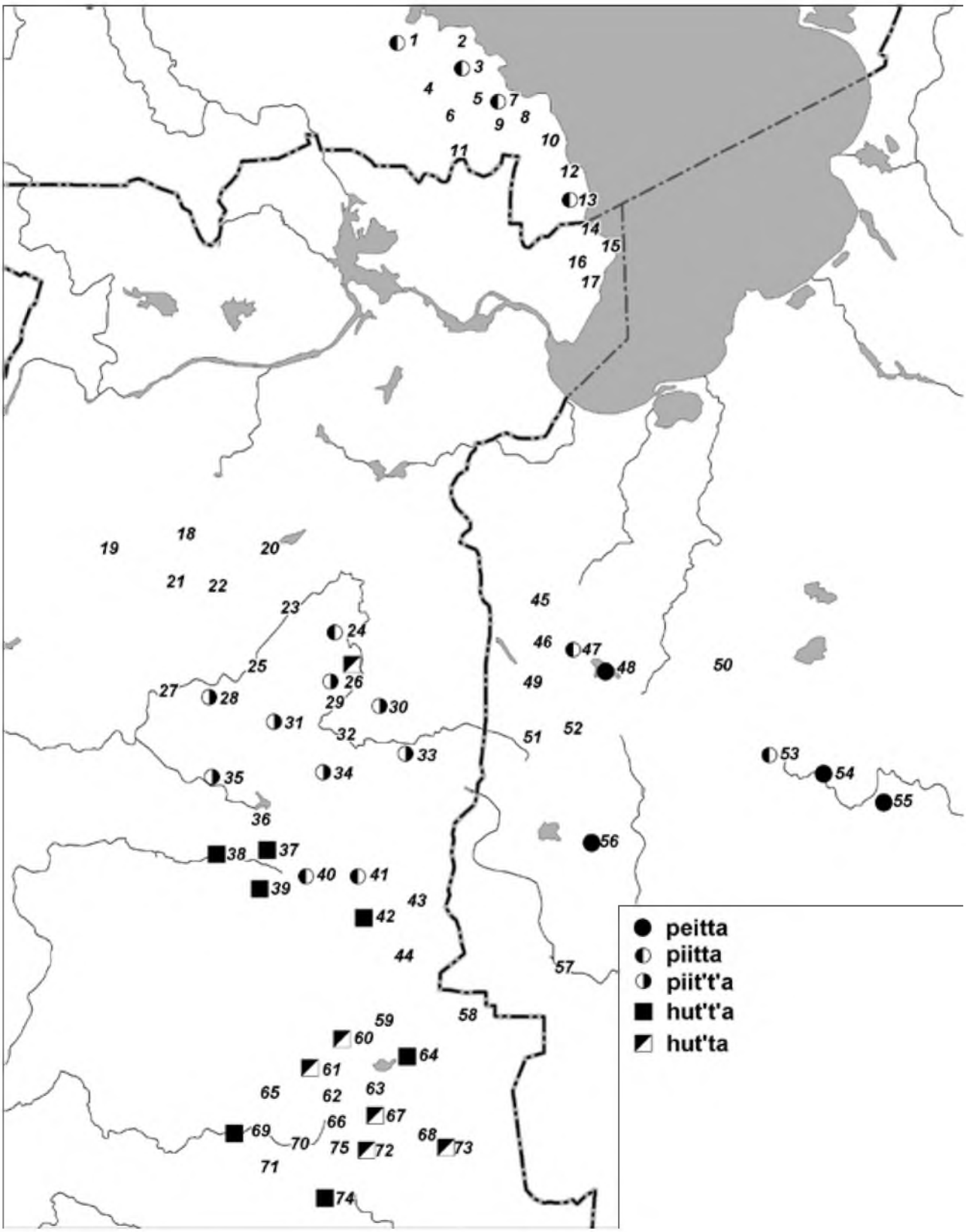
Таким образом, можно констатировать, что вепсский язык получил в свое распоряжение прибалтийско-финские глаголы *leikata* и *vil’da*, продолжив их употребление и даже несколько конкретизировав значения. В вепсских говорах широко бытует также глагол *čapta*, который отсутствует в других прибалтийско-финских языках, но представлен в диалектах саамского языка. Принимая во внимание данные саамского и мордовских языков, мы допускаем, что глагол *čapta* может быть древним западноуральским наследием.

Данная лингвистическая карта не дает сведений об ареальной дистрибуции терминов, скорее, она отражает пути развития лексики вепсского языка в целом.

Н.Г. Зайцева

* См. также *čapeika* ‘подсека’ на 112 карте ЛАВЯ.

137 (382). Именования понятия ‘(с)прятать’

Легенда карты

1) **peitta**
piitta
piit't'a

2) **hut't'a**
hut'ta

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **peitta**: *ср* Pk, Kj, Vl, Päž
piitta: *сев* Š, Št, Kas, Veh // *ср* Nem, Nür, Reb, Pnd, Šim
piit't'a: *ср* Jä, Vil, Rih, Pec, Ladv, Mg, En,

2) **hut't'a**: *ср* Kor, Jog, Har, Noid // *южн* Mas, Ars, Sod
hut'ta: *ср* Jä // *южн* Mai, Šid, Čai, Krl, Vg

Цифровой индекс

1) **peitta**: 48Pk, 54Kj, 55Vl, 56Päž
piitta: 1Š, 3Veh, 7Št, 13Kas, 24Nem, 40Nür, 41Reb, 47Šim, 53Pnd
piit't'a: 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 34Mg, 35En

2) **hut't'a**: 37Kor, 38Jog, 39Har, 42Noid, 64Sod, 69Mas, 74Ars
hut'ta: 26Jä, 60Šid, 61Čai, 67Krl, 72Mai, 73Vg

Список картографируемого материала

1 — piitta; 2 — нет сведений; 3 — piitta [VV: 393]; 4–6 — нет сведений; 7 — piitta; 8–12 — нет сведений; 13 — piitta; 14–23 — нет сведений; 24 — piitta; 25 — нет сведений; 26 — piit'ťa, huťta [СВЯ: 136]; 27 — нет сведений; 28 — piit'ťa; 29 — нет сведений; 30–31 — piit'ťa; 32 — нет сведений; 33–35 — piit'ťa; 36 — нет сведений; 37–39 — huťťa; 40–41 — piitta; 42 — huťťa; 43–46 — нет сведений; 47 — piitta [СВЯ: 416]; 48 — peitta; 49–52 — нет сведений; 53 — piitta; 54–56 — peitta; 57–59 — нет сведений; 60 — huťta; 61 — huťta [СВЯ: 136]; 62–63 — нет сведений; 64 — huťťa; 65–66 — нет сведений; 67 — huťta [СВЯ: 136]; 68 — нет сведений; 69 — huťťa; 70–71 — нет сведений; 72 — huťta; 73 — huťta [СВЯ: 136]; 74 — huťťa; 75 — нет сведений.

Комментарий

Именования понятия '(с)прятать' представлены двумя глаголами: *peitta* и *hut't'a*. В данном случае исконным является глагол *peitta* ~ *piitta* ~ *piittä*, который этимологи рассматривают в качестве германского заимствования в праприбалтийско-финских языках [SSA 1995: 331].

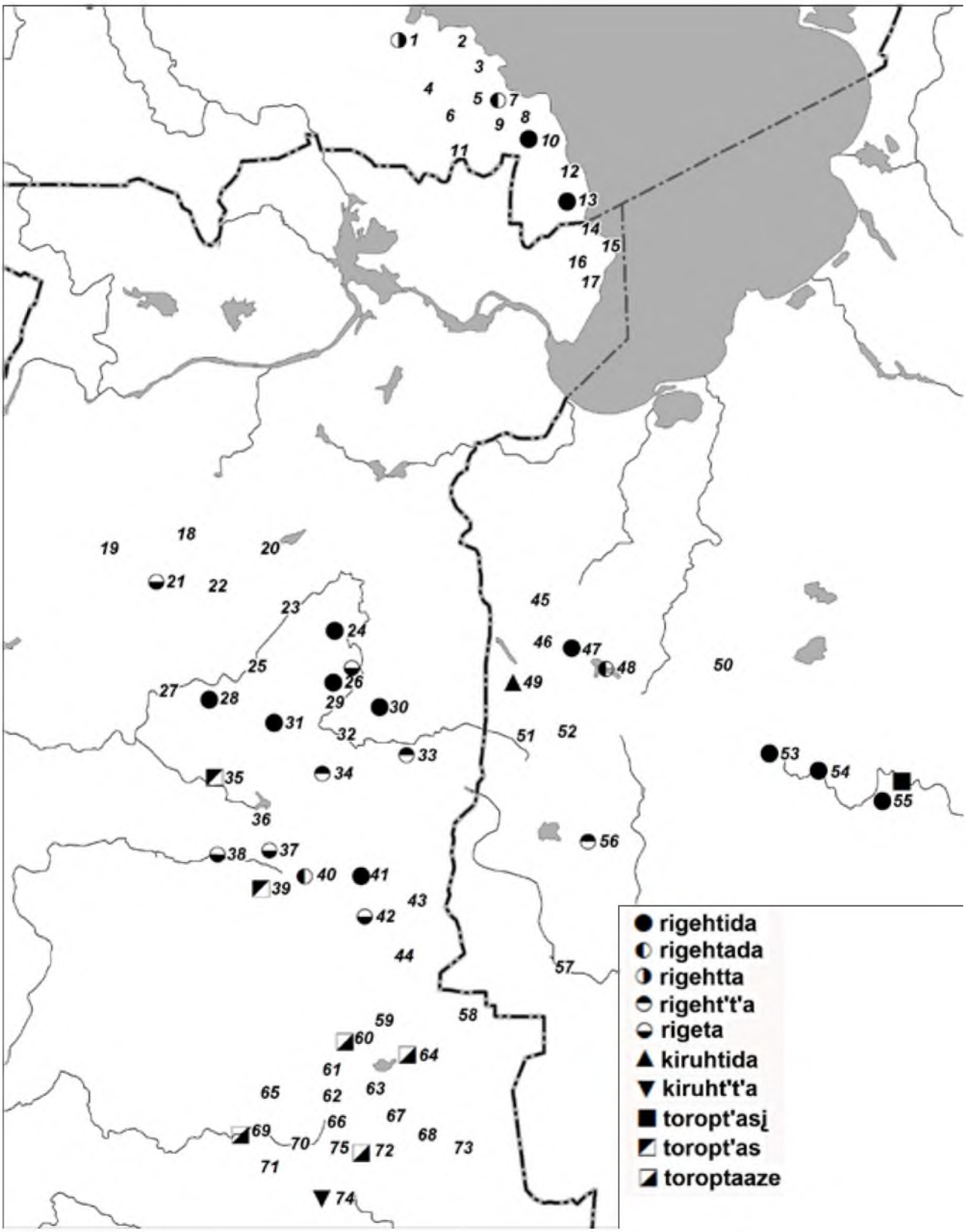
В вепсском он характерен всему средне- и северновепсскому ареалам. В функционировании глагола в вепсских говорах имеется лишь некоторая особенность в фонетическом оформлении первого слога слова, где по-разному представлен дифтонг *ei* ~ *ii*. Это явление широко известно вепсским говорам. В варианте ***pei**tta* сохраняется более древний прибалтийско-финский облик, в то время как в ***pii**tta* произошло характерное в первую очередь для средне- и северновепсских говоров развитие дифтонга *ei* > *ii* [Tunkelo 1946: 601–602].

Южновепсский ареал, а также некоторые переходные говоры средневепсского диалекта (Kor, Jog, Har, Noid) в этом случае пользуется лексемой *huť'ťa*, которая широко употребляется в русских народных говорах с тем же значением: *схутать* 'спрятать' [СРНГ 2010: 79], *схутать* 'скрыть, спрятать, схоронить' [Даль 1955: 370].

Таким образом, именования понятия '(с)прятать' демонстрируют своеобразное противостояние собственного прибалтийско-финского наследия (глагол *peitta*) натиску говоров соседнего русского языка (глагол *huťta*), в тесном контакте с которыми вепсский язык находится длительное время, что оказалось в этом случае наиболее ощутимым в южновепсском ареале.

Н.Г. Зайцева

138 (383). Именования понятия ‘спешить, торопиться’

Легенда карты

1) **rigehtida**
rigehtada
rigehtta
rigeht’t’a
rigeta

2) **kiruhtida**
kiruht’t’a
3) **toropt’asį**
toropt’as
toroptaaze

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **rigehtida**: *сев* Kas, Kl // *ср* Kj, Pnd, Vl, Pec, Vil, Nem, Rih, Reb, Šim, Jä
rigehtada: *сев* Št // *ср* Pk, Nür
rigehtta: *сев* Š
rigeht’t’a: *ср* Päž, Ladv, Mg
rigeta: *ср* Kor, Jog, Noid, Jä, Kar

2) **kiruhtida**: *ср* Vär
kiruht’t’a: *южн* Ars
3) **toropt’asį**: *ср* Vl
toropt’as: *ср* Har, En
toroptaaze: *южн* Mai, Šid, Sod, Mas

Цифровой индекс

1) **rigehtida**: 10Kl, 13Kas, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 41Reb, 47Šim, 53Pnd, 54Kj, 55Vl
rigehtada: 7Št, 40Nür, 48Pk
rigehtta: 1Š
rigeht’t’a: 33Ladv, 34Mg, 56Päž
rigeta: 21Kar, 26Jä, 37Kor, 38Jog, 42Noid

2) **kiruhtida**: 49Vär
kiruht’t’a: 74Ars
3) **toropt’asį**: 55Vl
toropt’as: 35En, 39Har
toroptaaze: 60Šid, 64Sod, 69Mas, 72Mai

Список картографируемого материала

1 — rigehtta; 2–6 — нет сведений; 7 — rigehtada; 8–9 — нет сведений; 10 — rigehtida; 11–12 — нет сведений; 13 — rigehtida; 14–20 — нет сведений; 21 — rigeta [СВЯ, 470]; 22–23 — нет сведений; 24 — rigehtida; 25 — нет сведений; 26 — rigehtida [СВЯ, 470], rigeta [СВЯ, 470]; 27 — нет сведений; 28 — rigehtida; 29 — нет сведений; 30–31 — rigehtida; 32 — нет сведений; 33–34 — rigeht’t’a; 35 — toropt’as; 36 — нет сведений; 37–38 — rigeta; 39 — toropt’as; 40 — rigehtada; 41 — rigehtida; 42 — rigeta; 43–46 — нет сведений; 47 — rigehtida [СВЯ: 470]; 48 — rigehtada [СВЯ: 470]; 49 — kiruhtida; 50–52 — нет сведений; 53–54 — rigehtida; 55 — rigehtida, toropt’asį; 56 — rigeht’t’a; 57–59 — нет сведений; 60 — toroptaaze; 61–63 — нет сведений; 64 — toroptaaze; 65–68 — нет сведений; 69 — toroptaaze; 70–71 — нет сведений; 72 — toroptaaze; 73 — нет сведений; 74 — kiruht’t’a; 75 — нет сведений.

Комментарий

Для наименования данного понятия из ряда в целом малопродуктивных в диалектах лексем прибалтийско-финские рефлексы имеет слово *kiruhtida* ~ *kiruht’t’a*. Оно объединяет отчасти восточновепсские переходные говоры с. Кривозеро (Vär), Пяжозеро (Päž), Пелкаска (Pk) с южновепсским с. Радогощь (Ars), что свидетельствует о более обширном бытовании лексемы ранее, поскольку она отмечена на территории двух разных диалектных зон. Кроме того, в средневепсских западных говорах Озер и Ярославичей (Jä, Vil) употребляется однокоренное слово *kiruh* ‘спешка’, которое может быть как существительным, так и прилагательным.

Считается, что данная лексема обладает древними прибалтийско-финскими корнями [SSA 1995: 359] с возможным древнегерманским происхождением [Häkkinen 2007: 412]. В любом случае в вепсском языке она является прибалтийско-финским наследием.

Лексема *rigehtida* со множеством словообразовательных вариантов в вепсском языке более частотна, чем *kiruhtida*. Данный глагол объединяет говоры средних и северных вепсов, в которых глагол *rigehtida* является практически единственным средством номинации данного понятия.

Этимологически он входит в одно гнездо с финским *rientää* ‘стремительно двигаться, спешить’. К. Хяккинен в этимологическом словаре отмечает, что «…обозначающий спешку глагол *rientää* обладает соответствиями только в карельском

и вепсском языках…», причем, по ее мнению, в карельском он может быть финским заимствованием [Häkkinen 2007: 1045]. К данной точке зрения склоняются и авторы другого этимологического словаря финского языка [SSA 1995: 71].

Глагол *rigehtida* ~ *rigeta*, таким образом, характеризует восточную группу прибалтийско-финских языков, в том числе и вепсский язык, получив в нем исключительно широкое по сравнению с финским распространение. В вепсских диалектах он обладает и такими наречными образованиями, как *rigou* ‘поспешно’, *rigehtusi* ‘в спешке’ [СВЯ: 470]. При этом названный глагол совсем отсутствует в южновепсском диалекте.

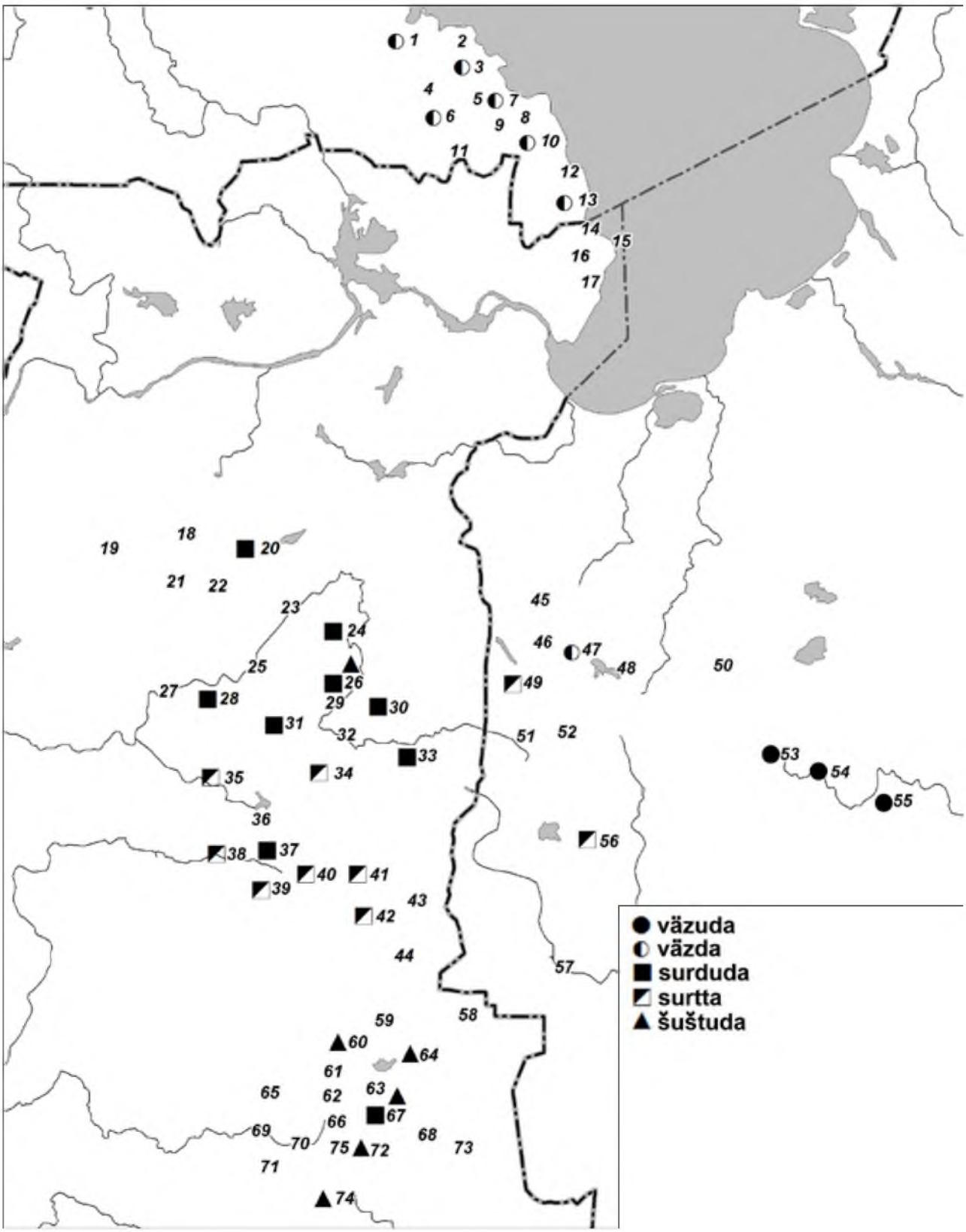
В ряде пунктов средневепсского диалекта, а также в южновепсском ареале в речь вошло русское заимствование *toroptas*, *toroptaze* < *торопить*, *торопиться*. В вепсском языке глагол также обладает возвратным значением и собственным вариантом возвратного суффикса, свойственного каждому диалектному ареалу*. Глагол характерен для южновепсского диалекта, ряда западных говоров средневепсского диалекта, обнаружен отчасти на крайней восточной окраине восточновепсских говоров средневепсского ареала (Vl), где употребляется наряду с исконным глаголом *rigehtida*.

Таким образом, картографируемые глаголы со значением ‘спешить, торопиться’ в вепсском языке характеризуют процессы, происходившие в восточном регионе прибалтийско-финского ареала, получив из общего прибалтийско-финского языкового наследия глаголы *rigehtida, kiruhtida*, а также отражают контакты с севернорусскими говорами (глагол *toroptaaze* ~ *toroptas*).

Н.Г. Зайцева

* См. об этом также 120 карту ЛАВЯ.

139 (386). Именования понятия ‘устать’

Легенда карты

1) **väzuda**
väzda
2) **surduda**
surtta
3) **šuštuda**

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **väzuda**: *ср* Pnd, Kj, Vl
väzda: *сев* Š, Št, Kas, Kl, Veh, Van // *ср* Šim
2) **surduda**: *ср* Pec, Jä, Ladv, Rih, Nem, Vil, Kor, Čik // *южн* Krl
surtta: *ср* Mg, Nür, Har, Reb, Noid, Jog, En, Päž, Vär
3) **šuštuda**: *ср* Jä // *южн* Sod, Šid, Mai, Ars, Krl

Цифровой индекс

1) **väzuda**: 53Pnd, 54Kj, 55Vl
väzda: 1Š, 3Veh, 6Van, 7Št, 10Kl, 13Kas, 47Šim
2) **surduda**: 20Čik, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 33Ladv, 37Kor, 67Krl
surtta: 34Mg, 35En, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42Noid, 49Vär, 56Päž
3) **šuštuda**: 26Jä, 60Šid, 64Sod, 67 Krl, 72Mai, 74Ars

Список картографируемого материала

1 — väzda; 2 — нет сведений; 3 — väzda [VV: 306]; 4–5 — нет сведений; 6 — väzda [VV: 306]; 7 — väzda; 8–9 — нет сведений; 10 — väzda; 11–12 — нет сведений; 13 — väzda; 14–19 — нет сведений; 20 — surduda [NÄKM: 500]; 21–23 — нет сведений; 24 — surduda; 25 — нет сведений; 26 — surduda, šuštuda [СВЯ: 548]; 27 — нет сведений; 28 — surduda; 29 — нет сведений; 30–31 — surduda; 32 — нет сведений; 33 — surduda; 34–35 — surtta; 36 — нет сведений; 37 — surduda; 38–42 — surtta; 43–46 — нет сведений; 47 — väzda [СВЯ: 648]; 48 — нет сведений; 49 — surtta; 50–52 — нет сведений; 53–55 — väzuda; 56 — surtta; 57–59 — нет сведений; 60 — šuštuda; 61–63 — нет сведений; 64 — šuštuda; 65–66 — нет сведений; 67 — šuštuda [Kettunen 1920: 105], surduda [СВЯ: 527]; 68–71 — нет сведений; 72 — šuštuda; 73 — нет сведений; 74 — šuštuda; 75 — нет сведений.

Комментарий

Именования понятия ‘устать’ в ареальном отношении представляют довольно пеструю картину. Прежде всего, речь идет о бытовании в значении ‘устать’ трех прибалтийско-финских лексем ***surduda/väzuda/šuštuda***:

– *väzuda*. Глагол является прибалтийско-финским наследием и широко представлен в родственных языках в аналогичном значении. Считается, что он обладает древними германскими корнями [< **wǣs-*, *wǣsia*: SSA 2000: 484–485]. Лексема полностью характеризует северновепсский диалект и самые крайние восточные говоры средневепсского диалекта, где она является единственным обозначением понятия. В отдельных говорах наблюдается не вполне закономерное выпадение гласного во втором слоге глагола (*väzda*), и форма вынесена как отдельный вариант, характеризующий данные говоры. В большинстве словоизменительных форм гласный ***-u-*** стоит на своем месте (*väzun* — VPrezSing1P, *väzud* — VPrezSing2P и т. д.), хотя наблюдаются отдельные формы, где ***-u-*** также отсутствует, что характерно в большей степени для северновепсского диалекта: *väzdaze* — VPrezPl3P, *väzdihe* — VImpPl3P;

– *surduda*. Названный глагол — прибалтийско-финское наследие неясного происхождения. В родственных языках разброс в значениях глагола довольно обширен: от значения ‘грустить, печалиться’ до ‘заботиться’, ‘худеть’, ‘умереть’, ‘устать’ [SSA 2000: 221]. Для говоров средневепсского ареала характерно лишь значение ‘устать, уставать’. Глагол маркирует западные говоры средневепсского диалекта и функционирует в переходном восточном пяжозерском говоре. В словаре вепсского языка был отмечен также в южновепсском п. Кортлахта (Krl), который в настоящее время уже отсутствует [СВЯ: 527]. Все это свидетельствует о более обширном былом ареале функционирования глагола.

В качестве варианта лексемы зафиксирована стяженная форма *surtta*, которую так же, как и в случае с *väzda*, нельзя считать закономерной, что позволяет выделить ее как вариант лексемы *surduda*, представленный довольно широко;

– *šuštuda*. Глагол характерен для южновепсских говоров. В словаре вепсского языка был отмечен в с. Озера (Jä) Подпорожского р-на Ленинградской обл. [СВЯ: 548], хотя при сборе материала в настоящее время жители села не вспомнили этой лексемы.

Происхождение лексемы не совсем ясно. Она не включена ни в один из известных этимологических словарей. Выскажем предположение, что глагол может входить в гнездо прибалтийско-финской лексемы *suistua* ~ *suistaa*. В ливвиковском наречии карельского языка употребляется глагол *šuštuo* ‘утомляться, уставать, изнемогать’ [Макаров 1992: 367]. В шеститомном словаре карельского языка также отмечен глагол *suistuo*, который используется достаточно широко в собственно карельском и ливвиковском наречиях [KKS 1997: 534], в том числе и в значении ‘изнемогать; уставать’.

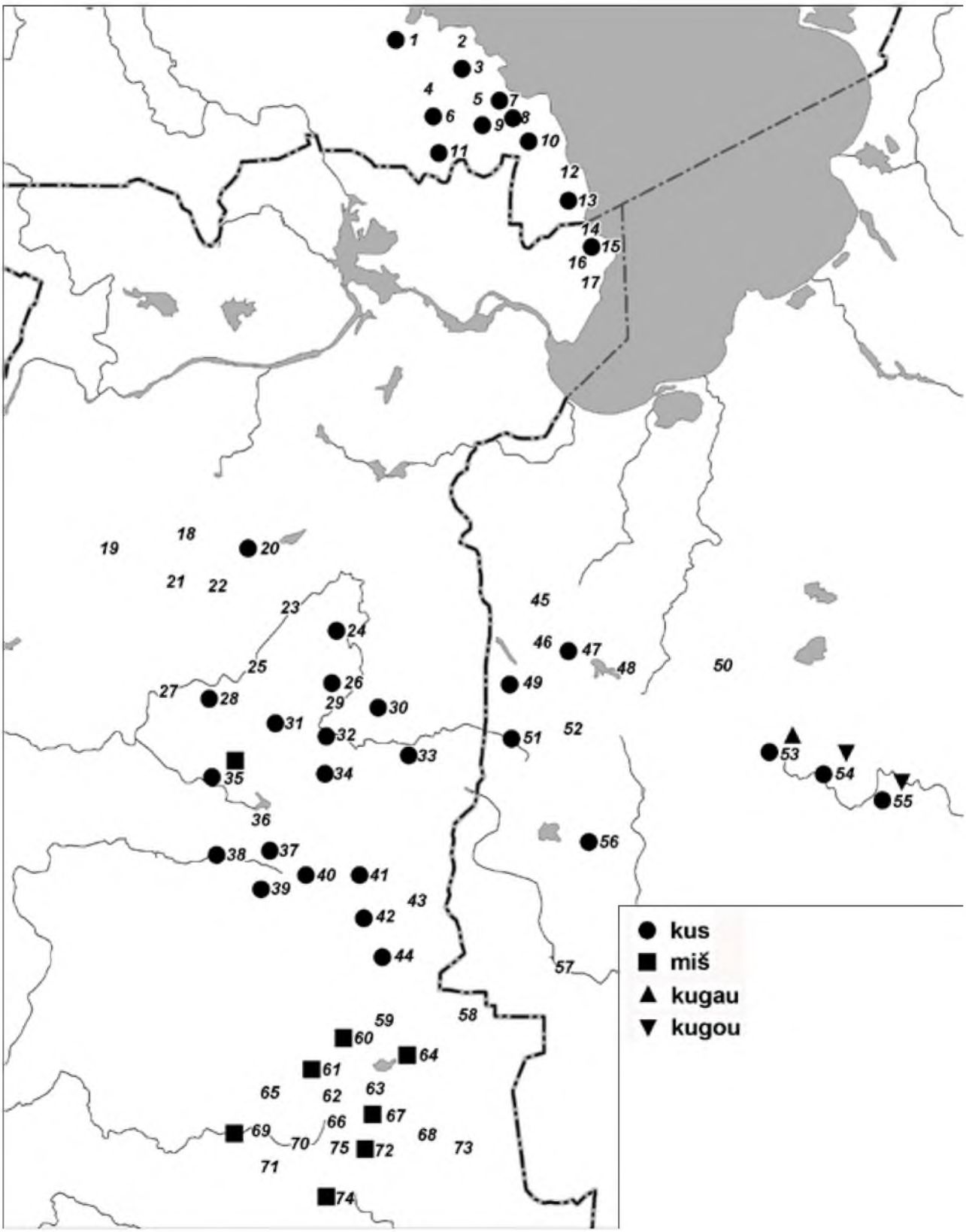
Этимологический словарь финского языка рассматривает карельскую лексему в гнезде *suistaa* ~ *suistua* [SSA 2000: 208]. В пользу размещения вепсского глагола *šuštuda* в этом же гнезде, кроме значения, говорит и шипящий согласный второго слога ***š***, свидетельствующий о том, что перед ним ранее находился гласный ***i***, провоцировавший в вепсском языке переход ***s*** > ***š***: *kodiš* (SinesSing) — от *kodi* ‘дом, родной дом’, *kül'betiš* — от *kül'bet'* ‘баня’ (SinesSing), *ištta* (VinfI) ‘сидеть’. Таким образом, звук ***š*** свидетельствует и о былом наличии звука ***i***, который выпал: *muštta* (VinfI) ‘помнить’ (ср. фин. *mu**i**staa*), *lašk* (Adj) ‘ленивый’ (ср. фин. *la**i**ska*), *tošt* (PronPartSing) от *toine* ‘другой’ (ср. фин. *to**i**sta*). Полагаем, что лексему *šuštuda* можно отнести к прибалтийско-финскому гнезду *suistua*.

Эти три лексемы, являющиеся прибалтийско-финским наследием, стали своеобразными маркерами диалектных зон. Четкие границы и закрепленность их употребления в ареалах свидетельствуют о слабых связях представителей ареалов друг с другом в поздневепсский период.

Н.Г. Зайцева

Наречия, послелоги, вопросительные слова

140 (394). Именования понятия ‘где’

Легенда карты

1) **kus**
2) **miš**
3) **kugau**
kugou

Расшифровка легенды карты по диалектам

1) **kus**: *сев* Š, Veh, Van, Št, Mec, Mäg, Kl, Ms, Kas, Per // *ср* Čik, Nem, Jä, Vil, Rih, Pec, Šon, Ladv, Mg, En, Kor, Jog, Har, Nür, Reb, Noid, Korv, Šim, Vär, Naž, Pnd, Kj, Vl, Päž
2) **miš**: *ср* En // *южн* Šid, Čai, Sod, Krl, Mas, Mai, Ars
3) **kugau**: *ср* Pnd
kugou: *ср* Kj, Vl

Цифровой индекс

1) **kus**: 1Š, 3Veh, 6Van, 7Št, 8Mec, 9Mäg, 10Kl, 11Ms, 13Kas, 15Per, 20Čik, 24Nem, 26Jä, 28Vil, 30Rih, 31Pec, 32Šon, 33Ladv, 34Mg, 35En, 37Kor, 38Jog, 39Har, 40Nür, 41Reb, 42 Noid, 44Korv, 47Šim, 49Vär, 51Naž, 53Pnd, 54Kj, 55Vl, 56Päž
2) **miš**: 35En, 60Šid, 61Čai, 64Sod, 67Krl, 69Mas, 72Mai, 74Ars
3) **kugau**: 53Pnd
kugou: 54Kj, 55Vl

Список картографируемого материала

1 — kus; 2 — нет сведений; 3 — kus [ÄVN: 90]; 4–5 — нет сведений; 6 — kus [ÄVN: 38]; 7 — kus; 8–9 — kus [ÄVN: 68, 74]; 10 — kus; 11 — kus [ÄVN: 40]; 12 — нет сведений; 13 — kus; 14 — нет сведений; 15 — kus [VVS]; 16–19 — нет сведений; 20 — kus [NÄKM: 490]; 21–23 — нет сведений; 24 — kus; 25 — нет сведений; 26 — kus; 27 — нет сведений; 28 — kus; 29 — нет сведений; 30–31 — kus; 32 — kus [NÄKM: 454]; 33–34 — kus; 35 — kus; miš; 36 — нет сведений; 37–42 — kus; 43 — нет сведений; 44 — kusp(ää) ‘откуда’ [VVS]; 45–46 — нет сведений; 47 — kus [NÄKM: 225; СВЯ: 249]; 48 — нет сведений; 49 — kus; 50 — нет сведений; 51 — kus [NÄKM: 362]; 52 — нет сведений; 53 — kus, kugau [СВЯ: 239]; 54–55 — kus; kugou; 56 — kus; 57–59 — нет сведений; 60 — miš; 61 — miš [СВЯ: 329]; 62–63 — нет сведений; 64 — miš; 65–66 — нет сведений; 67 — miš [СВЯ: 329]; 68 — нет сведений; 69 — miš; 70–71 — нет сведений; 72 — miš; 73 — нет сведений; 74 — miš; 75 — нет сведений.

Комментарий

Вепсские вопросительные союзы *kus* и *miš* характеризуются четким ареальным противостоянием: *kus* занимает лидирующую позицию в северном и средневепсском ареале, в то время как *miš* имеет исключительно южновепсское бытование. Такое современное ареальное размежевание подтверждается и всеми имеющимися в распоряжении исследователей источниками, т. е. имеет, очевидно, глубокие исторические корни. Неким диссонансом в этом стройном размежевании оказывается только фиксация *miš* в средневепсском говоре Вонозеро, генезис ее не вполне понятен. Оба местоимения выступают в сочетании с вопросительной частицей *-k* (< **-ko*): *kusak* и *mišak*, — которая, очевидно, использовалась в целях усиления вопросительной семантики.

Как выглядит дистрибуция вепсских *kus* и *miš* на общем прибалтийско-финском фоне? Обе единицы восходят к древним уральским местоименным основам *ku-* [SSA 2001: 423–424] и *mi-* [SSA1005: 164], оформленным падежным показателем *-s-* с локативной семантикой, и хорошо известны в прибалтийско-финских языках. При этом в большинстве прибалтийско-финских языков превалируют *kus, kuz, kussa*, хотя в ряде контекстов бытует и *mis, miss, missä* [KKS; LMS; IMS: 209–210; SSA], в финских диалектах *kussa* уступает в фреквентативности *missä*.

В двух восточновепсских говорах Kj и Vl в ходе полевого сбора выявлена единица *kugou* ‘где’. СВЯ фиксирует *kugau* Pnd и *kugoo* Kj в значении ‘у кого (в чьем доме, семье)’ [СВЯ: 239]. Фонетически она возводится к облику **kugal*, аналогичному люд. *kugal*. При этом в люд. наряду с названной формой бытует и вариант *kuga* ‘где’ [LMS: 164], что позволяет выделять в структуре вепсского слова элемент *-u/-o* < *-l*, оформляющий основу *kuga-*, которая, в свою очередь, включает местоименную основу *ku-* в сочетании с частицей *-ga* < *-ka*, известную и по другим прибалтийско-финским местоимениям (напр., фин. *mikä* ‘что, кто’, *sekä* ‘[также]’

и *joka* ‘каждый, всякий’). Вепс. *kugou* воспроизводится в местоимениях типа *kugalaine* (Pnd), *kugal’ne* (Čg), *kugaleine* (Š, Šim) ‘откуда родом, с каких мест, из какой деревни’ [СВЯ: 239], исторически оформленных атрибутивным показателем *-ine*, а также в наречии *kugali* (J) ‘по какой дороге, каким путем?’ [СВЯ: 239]* с финальным *-i*, имеющим неясные истоки [Hakulinen 1968: 186]. Аналоги хорошо известны и в других прибалтийско-финских языках, свидетельствуя о древних общих истоках образований, которые к тому же входят в ряд аналогичных производных от других местоименных основ, ср. кар. *kugalaine* ‘откуда родом’, *kugali* ‘по какой дороге, каким путем?’[KKS 1974: 414], фин. диал. *kukali* ‘каким путем’, *täkäli* ‘этим путем, этой дорогой’, *mikäli* ‘каким путем’, а также *täkäläinen* ‘здешний’, *sikäläinen* ‘тамошний’ [Hakulinen 1968: 94, 258, 108]. В этом широком контексте можно полагать, что семантика ‘где’ и функция вопросительного союза вепс. *kugou* могла развиться из первоначальной семантики ‘у кого’ (= ‘где’, в смысле ‘в чьей семье’, ‘в чьем доме’), т. е. слово может хранить следы исторического местоимения **kuka* ‘кто’. Встроенный в структуру слова элемент *-l-* в этой связи несет адессивную семантику. В свою очередь, идентичность восточновепсского и люд. местоимения может свидетельствовать о возможных ареальных связях названных ареалов и, не исключено, древнем общем ареале на восточной границе исторической вепсской территории.

И. И. Муллонен

* Ср. также *sigali*, *sigäli* ‘тем путем, той дорогой’ [СВЯ: 508].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Формирование диалектной карты вепсского языка

Особенности вепсских диалектных ареалов в общих чертах известны, поскольку в регионы проживания вепсов, как неоднократно было сказано выше, совершались многочисленные экспедиции учеными России, Финляндии, Эстонии. Языковые результаты этих полевых обследований представлены в сборниках образцов вепсской речи, изданных в Финляндии, России, Эстонии, в диалектном словаре вепсского языка, включены в многочисленные научные исследования, размещены в электронных ресурсах.

Уникальная коллекция диалектного материала хранится в Фонограммархиве ИЯЛИ КарНЦ РАН, где насчитывается более 400 часов магнитофонных записей из 60 населенных пунктов, находящихся как в центре диалектных ареалов, так и на их окраине. Многие населенные пункты, из которых представлен материал, уже прекратили свое существование, и Фонограммархив является, по сути, единственным источником знаний, свидетельствующим о своеобразии их говора. Вепсские диалектные материалы отображены на картах «Лингвистического атласа Европы», а также трехтомного «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков» [ALFE 2004, 2007, 2010], который был составлен международным коллективом авторов из Финляндии, Эстонии и Карелии.

Суммируя все известные, а также полученные в ходе работы по подготовке «Лингвистического атласа вепсского языка» сведения*, представим вначале основные ***фонетические и грамматические*** особенности диалектов вепсского языка.

Северновепсский диалект в ряду диалектов вепсского языка отличается:

1) заменой исторического ***j*** в начале слова на ***d'*** (*d'ärv* ‘озеро’, *d'ogi* ‘река’, *d'agada* ‘делить’). Примечательна в связи с этим нестабильность ***j*** и его переход в ***g'*** и в некоторых западных средневепсских говорах (Kar и Čik), а также на восточной окраине вепсского языкового ареала, где в данном случае демонстрируется общность одного и того же процесса. Он был характерен и для южных наречий карельского языка — ливвиковского и людиковского, которые также находились в поле перехода ***j > d'***, что в литературе принято рассматривать как результат их общего прошлого с языком вепсов. Таким образом, репрезентация согласного ***j*** и его переход в северновепсском диалекте в ***d'***, а в восточновепсских и некоторых редких западновепсских говорах в ***g'*** в вепсском языке является яркой характеристикой вепсских диалектных ареалов. В этом процессе высвечивается важное свидетельство взаимодействия северновепсского диалекта и северной группы восточных средневепсских говоров с карельским языком (см. 15 карту);

2) представительством древних долгих гласных в первом слоге слова, полудолгих или дифтонгизированных гласных. Долгие или полудолгие гласные в первом слоге сегодня характеризуют северновепсский ареал в противоположность средневепсскому и южновепсскому: *m**aa*** ‘земля’, *p**uu**l'e* ‘на дерево’, *s**uu**hu* ‘в рот’. Долгие гласные были, очевидно, ранее принадлежностью древневепсской речи, поскольку их рефлексы нам удалось зафиксировать в письменных и магнитофонных источниках в западных и восточных группах говоров средневепсского диалекта. Кроме того, имеются и скрытые следы долгих гласных в словах типа *g'ür'* ‘корень’, которые ранее были заднерядными (< *juuri*) и где, по мнению знатока исторической фонетики вепсского языка Э. А. Тункело, ***ü*** возник из долгого ***uu*** (***ü < ų < u < uu***) в позиции между двумя палатализованными согласными [Tunkelo 1946: 551]. Тем не менее можно предположить, что нынешнее их средоточие только в северновепсском диалекте может свидетельствовать о карельском воздействии на их употребление (см. 3 карту);

3) наличием геминированных согласных ***k, g, t, d, p, b, z, ž*** в форме третьего лица ед. числа презенса индикатива: *ka**tt**ab* ‘(он) укроет’, *la**dd**ib* ‘(он) наладит’, *teg**g**ob* ‘(он) сделает’, *l'u**bb**ub* ‘(он) поднимется’, *hüp**p**ib* ‘(он) прыгает’, *läž**ž**ub* ‘(он) лежит’. Геминация наблюдается и в некоторых иных согласных также только в форме третьего лица: *immob* ‘(он) сосет’, *sannub* ‘(он) скажет’. На наш взгляд,

* В каждом конкретном случае указан номер карты, которая посвящена тому или иному явлению.

геминация в северновепсском диалектном ареале не является прибалтийско-финским наследием, а привнесена в него контактами с карельским языком, поскольку характеризует только северновепсский диалект, превратившись в его яркий маркер. Отметим также, что явление геминации не проникло в прочие говоры и не создало никакой переходной зоны между диалектами, что также может свидетельствовать о нем как следствии контактного влияния. Можно предположить, что геминация здесь — лишь некий след древнего чередования ступеней согласных. Вепсский язык находился на периферии прибалтийско-финского ареала, и инновационные явления, которые в последнем возникали, не всегда достигали вепсского языка или достигали его уже в затухающем виде. Очевидно, эта же участь постигла и чередование ступеней согласных, которое не успело сформироваться в языке вепсов. В языке могли возникнуть, в том числе и под влиянием карельского языка, лишь отдельные моменты в форме, например, геминации взрывных согласных в разных формах (*ukk* 'старик', *akk* 'женщина', *hüppib* '(он) прыгает' и т. д.) (см. 12 карту);

4) достаточно развитым сужением переднерядного ***ü*** в первом слоге и его переходом в ***i***, что объединяет северновепсский диалект со средневепсскими западными говорами и южновепсским диалектом, где данное явление представлено даже более широко. Очевидно, истоки изменения являются едиными для этих диалектных зон. В восточновепсских говорах средневепсского ареала названное явление полностью отсутствует (см. 4 карту);

5) наличием конечного ***-n*** (или его фонетического варианта ***-n'***) в существительных типа *murz'ain* 'молодая жена', *südäin* 'сердце', что объединяет его с восточными средневепсскими говорами (Pnd, Kj, Vl), демонстрируя общность их развития, что отмечается и в некоторых иных случаях (см. 14 карту);

6) значительно большим смягчением, чем в других диалектах, согласных ***l, n, r*** перед ***-e*** в именных формах (например, в аллативе: *sizare**l'**e* 'сестре', *mama**l'**e* 'маме'), а также в личных формах глаголов, обладающих основой на ***-e***: *tu**l'**en* '(я) приду', *pa**n'**ed* '(ты) кладешь', *pu**r'**ed* '(ты) укусишь', *mä**n'**e* '(ты) иди!', *tu**l'**e* '(ты) приди', что выделяет в этом случае северновепсский диалект на фоне иных диалектов, являясь его особенностью (см. 19 карту);

7) напротив, полным отсутствием смягчения согласных звуков после ***-i-***, так свойственного другим диалектам, что особенно сказывается на формах индикатива имперфекта и кондиционала: *tuli**d*** '(ты) пришел', *kaveli**n*** '(я) ходил', *söiži**n*** '(я) съел бы'. Данная особенность свойственна и именным формам мн. числа: *lehmi**d*** 'коров', *hei**l*** 'у них', *voi**l*** 'маслом'. В этом случае обнаруживается своеобразие в развитии палатализации в северновепсском диалекте на фоне других вепсских говоров, в которых она проявляется у согласных значительно больше в положении перед ***i***, нежели перед ***e*** (см. 18 карту);

8) сохранением послеложной конструкции *Part* + *möto* для передачи пролативного значения 'движение вдоль чего-либо' (*astta mecad möto* 'идти по лесу', *ujuda därved möto* 'плыть по озеру'). В других диалектах возник падеж послеложного образования пролатив (*astta mecadme* 'по лесу', *ujuda järvedme/gärvedme* 'плыть по озеру'). При этом согласный ***t*** в начале второго слога (*mö**t**o*) выглядит несколько чужеродно в языке вепсов, поскольку в последнем глухие согласные, расположенные в окружении гласных или сонорных звуков, исторически озвончались. Форма *möto* может быть объяснена лишь карельским влиянием в звучании формы, а также в сохранении и самой послеложной конструкции. Падеж пролатив послеложного образования карельским наречиям совсем не известен (см. 20 карту);

9) краткостью лично-числового окончания первого и второго лица мн. числа основного спряжения: ***-m*** или ***-d*** (***-t, -tt***): *löuda**m*** '(мы) найдем', *sanu**d*** (*sanu**t***) '(вы) скажете'. Это явление стало общим для северновепсского диалекта и восточных средневепсских куйско-пондальских говоров, которые находятся на самой окраине восточного средневепсского ареала. Именно этот вариант лично-числового окончания был выбран в свое время в качестве орфографической нормы для младописьменного вепсского языка (см. 23 карту);

10) практически полной победой, за редкими исключениями, пассивных по происхождению форм над активными в построении формы презенса и имперфекта третьего лица мн. числа индикатива (*hö mändaze* 'они идут', *hö tehtaze* 'они делают'; *hö mändihe* 'они шли', *hö tehtihe* 'они делали'). Диалект характеризуется также практически полной утратой активных причастий, вместо которых употребляются формы пассивных. В расширении функционирования пассивных форм в северновепсском диалекте можно видеть безусловное влияние карельского языка, которым названный процесс овладел полностью (см. 24, 25, 29 карты).

Средневепсский диалект характеризуется:

1) сохранением в *западных* говорах древнего прибалтийско-финского ***j*** в начале слова (***j**ärv* 'озеро', ***j**üged* 'тяжелый', ***j**aritada* 'размельчать', ***j**onoštada* 'подчеркивать'), объединяющим эти говоры с южновепсским диалектным ареалом и отражающим древнее состояние данного явления. В восточной группе говоров в этой позиции свойствен *g'-* (***g'**ärv*, ***g'**üged*, ***g'**äritada*, ***g'**onoštada*) (см. 15 карту);

2) твердостью согласных перед ***e***: *tul**e**n* ‘(я) приду’, *ühtel**e**-ühtel**o*** ‘одному’, *kandoiž**e**l**e*** ‘на пенек’, что отличает его от северновепсского диалекта (см. 19 карту);

3) постоянным представительством, за редкими исключениями, кратких гласных на месте праязыковых долгих гласных (*m**a**ha* ‘в землю’, *sos* ‘в болоте’, *p**u**hu* ‘в дерево’), что является и в целом характерной чертой современного вепсского языка (см. 3 карту);

4) смягчением окончаний, выраженных одиночным согласным, после ***i*** в формах мн. числа имен и в формах 1 и 2 лица ед. числа имперфекта и кондиционала глаголов (*pui**d’*** ‘деревьев’, *lehtesi**l’*** ‘на листве’; *nuuzi**d’*** ‘(ты) проснулся’, *libui**d’*** ‘(ты) поднялся’, *paniži**d’*** ‘(ты) положил бы’), что объединяет все средневепсские и южновепсские говоры (см. 18 карту);

5) бóльшим сохранением переднерядных гласных звуков, что можно характеризовать как рефлексы гармонии гласных (см. 9–10 карты). Любопытны и выводы, к которым удалось прийти при исследовании употребления в словах дифтонгов ***-ai-, -äi-***, а также качества этих дифтонгов по диалектам. Привлеченный для их картографирования материал свидетельствует о наличии русского контактного влияния на характер ***a, ä*** в составе дифтонгов, что отразилось на характеристиках говоров. Причем центр влияния, о чем свидетельствует фонетика и иллюстрируют карты, располагался в Шимозерье — Пяжозерье, а также в говорах, которые находились на пути русского продвижения на север, проходившего через средневепсские территории вверх по р. Ояти (см. 6–7 карты);

6) более протяженными вариантами окончаний первого и второго лица мн. числа актива, в которых, кроме ***-m*** и ***-t*** , присутствуют звукосочетания ***-ai*** и ***-ei*** (*tule**mai*** ‘(мы) придем’, *sö**tei*** ‘(вы) едите’), что противостоит северновепсскому диалекту и крайним восточным средневепсским говорам (см. 23 карту);

7) наличием в имперфекте третьего лица мн. числа лично-числового окончания ***-ba***: *hii lugi**ba*** ‘они читали’, *hii pani**ba*** ‘они положили’, *hii tuli**ba*** ‘они пришли’, которое является наследием форм актива (см. 24 карту).

Южновепсскому диалекту присущи:

1) как и в средневепсских западных говорах, древний звук ***j*** в начале соответствующих слов: ***j**umaa* ‘Бог’, ***j**oda* ‘пить’, ***j**ur’* ‘корень’ (см. 15 карту);

2) долгие гласные вторичного происхождения на месте дифтонгов на ***-i*** и на ***-u***: *haag* (ср. в других диалектах *h**au**g*, *h**ou**g*) ‘дрова’, *pič**uu**ne* ‘маленький’ (ср. *pič**ui**ne*), *muloo* ‘в прошлом году’ (ср. *mulo**i***). Это уникальное явление пронизало всю фонетическую систему южновепсского диалекта, сказавшись как на самих лексемах, так и на грамматических аффиксах, например, *mechasaa* ‘до леса’, ср. *mechasai* (TermSing); *stolaapää* ‘со стола’, ср. *stolalpäi* ~ *stolaupäi* (AblSing) (см. 18, 23 карты);

3) сохранение в лексемах в ауслауте числительных и существительных согласных ***-n, -z*** (*kümnen* ‘десять’, *vajez* ‘слово’), сблизивших названный диалект отчасти с восточными говорами средневепсского диалекта (см. 11, 13, 14 карты);

4) падежи позднего образования — пролатив и комитатив — с одинаковым окончанием *-dmu*, аналогично подобным падежам в восточных говорах средневепсского диалекта в противоположность северновепсскому и западным говорам средневепсского диалекта (*astta mecadmu* ~ *mecadme* ‘идти по лесу’). Эти два явления свидетельствуют о тесных контактах между южновепсским диалектом и восточными средневепсскими говорами, поскольку вряд ли их можно рассматривать в качестве результата параллельного развития (см. 16, 20 карты);

5) близость отрицательной формы третьего лица мн. числа имперфекта актива к прибалтийско-финскому праязыковому состоянию (*he eba tulend* ‘они не пришли’). Отрицательный глагол в форме третьего лица мн. числа *eba* характерен в данном звуковом облике и ряду переходных говоров Тихвинского р-на Ленинградской обл. (Kor, Nür, Noid, Har), а также восточновепсскому говору Пяжозеро (Päž), который в этом случае демонстрирует общность с южновепсским диалектом (см. 27 карту);

6) особая форма причастия имперфекта на ***-zhe***, которая, возможно, является результатом общего с карельским языком развития из позднего праприбалтийско-финского языка (см. 29 карту).

Таким образом, карты, посвященные фонетике и морфологии, показали, что вепсский язык с точки зрения гласных звуков можно разделить на два региона: один — это типичный северновепсский регион с примкнувшими к нему восточными говорами средневепсского диалекта, и другой, ему противоположный — южновепсский регион со средневепсскими западными говорами. При этом, по мнению исследователей фонетики прибалтийско-финских языков, система гласных звуков южновепсского диалекта напоминает финский язык [см., напр., Wiik 1989: 17]. Правда, в его сегодняшнем состоянии южновепсский диалект начинает утрачивать многие древние черты и, прежде всего, следы гармонии гласных.

В отражении оппозиции долгих и кратких гласных звуков, напротив, северновепсский диалект оказался более консервативным и сохранил, очевидно, не без влияния карельского языка праприбалтийско-финские долгие гласные в первом слоге.

Иначе говоря, можно констатировать, что каждый диалект обладает чем-то более древним, и поэтому нельзя утверждать, что один диалект сохранил более древнее положение вещей, нежели другой.

В области грамматики наметилась оппозиция в диалектных особенностях в области именного и глагольного словоизменения. Большинство отличительных черт именного словоизменения представлено на чисто фонетическом уровне (напр., *mechasai ~ mechasaa ~mechasae ~ mechassai* ‘до леса’; *mecaspäi ~ mecaspei ~ mecaspää* ‘из леса’ и т. д.). Можно констатировать, что древнюю прибалтийско-финскую систему именного словоизменения вепсский язык во всех своих диалектах сохранил достаточно хорошо. Процесс последующего развития, а также языковые контакты, в первую очередь, с карелами и русскими незначительно отразились на формах имени, больше сказавшись на их словоупотреблении и синтаксических функциях. И лишь некоторые явления, такие как развитие системы послеложных падежей, которое стало общевепсским, внесли в словоизменение определенные коррективы, связав язык южных вепсов с группой восточновепсских говоров. Это касается, прежде всего, падежа послеложного образования комитатива с окончанием *-dme ~ -dmu* (*tehta sindaime ~ sindaamu* ‘с тобой’, *astta koira(d)me ~ koiramu* ‘идти с собакой’), объединившего эти два ареала.

В свою очередь, в области глагольного словоизменения северновепсская группа говоров испытала мощное влияние карельского языка, что сказалось, прежде всего, на оформлении основы третьего лица ед. числа презенса, где представлены удвоенные взрывные согласные звуки (*kattab, čibbub* ‘(он) укрывает, качается’), а также и в переходе *e* > *o* в форме третьего лица ед. числа презенса индикатива в типах основ, оканчивающихся на *-e-* (*immob, teggob* ‘(он) сосет, делает’). Влияние сказалось и в победе пассивных форм над активными, явно поддержанной карельским языком, который полностью утратил активные формы третьего лица мн. числа презенса и имперфекта, заменив их на пассивные по происхождению. Здесь наши выводы совпадают с мнением этнолога И. Ю. Винокуровой о том, что «с XV века прионежские вепсы с севера и запада находились в непосредственном окружении карельского населения и, как показывают этнографические данные, испытывали с его стороны заметное влияние» [Винокурова 2015: 177–178].

Карельское влияние в области глагольного словоизменения отразилось и на восточных говорах средневепсского диалекта, и, прежде всего, здесь следует назвать причастие имперфекта с формантом *-nuhu* (*hö ei teh**nuhu**, ei pan**nuhu**, ei män**nuhu*** ‘они не сделали, не положили, не пошли’), зафиксированное ранее в литературе еще и в восточновепсском п. Сяргозеро (Sär), ныне уже исчезнувшем. Подобный вариант имперфекта с употреблением причастия на *-nuhu* более не зафиксирован ни в одном вепсском говоре, но представлен в ливвиковско-карельском наречии (см. 27 карту). Исследователи данной территории, где функционирует и в настоящее время формант *-nuhu*, отмечают, что здесь издавна контактировали как вепсы и русские, так вепсы и карелы. Найденные исторические документы подтверждают тот факт, что население Марковской волости Белозерского уезда еще в 1898 году называлось «корелами», и это не может быть случайностью, поскольку повторяется в разных источниках [Винокурова 2008: 107–108]. Подобное контактирование и добавило пестроты в восточные средневепсские говоры.

В ***лексике*** становление внутреннего членения вепсского языкового ареала отражается еще более отчетливо — в силу более выраженной подвижности лексического уровня на фоне других языковых уровней. Ареальный анализ вепсской лексики свидетельствует о значительном единстве основного словарного запаса, выраженного исконной прибалтийско-финской лексикой. Этот общий тезис не исключает тех ситуаций, когда отдельные говоры актуализируют разные семантически близкие лексемы (ср. *väzuda, surduda, šuštuda* ‘устать’ — см. 139 карту). Здесь особенно показательны древние корневые морфемы, закрепившиеся в неизменяемых наречиях, союзах или местоимениях. Так, четким ареальным противостоянием характеризуются вопросительные местоимения *kus* и *miš*: *kus* занимает лидирующую позицию в северном и средневепсском ареале, в то время как *miš* имеет практически исключительно южновепсское бытование (см. 140 карту). Южновепсское наречие *rat’k* противостоит бытующим в других вепсских диалектных ареалах фонетическим вариантам лексемы *läbi* ‘насквозь’ (см. 75 карту). В целом отчетливо просматривается обособленность южновепсской лексики на фоне более северных фиксаций, демонстрирующих бóльшее единство. Она основана, в первую очередь, на географических обстоятельствах: южновепсский языковой ареал расположен в верховьях р. Лиди, входящей в Волжский бассейн, в то время как основная северно- и средневепсская территория располагается на реках Балтийского бассейна, что предполагает наличие разной предыстории и разных этноязыковых связей. Эта географическая ситуация послужила в определенной степени подоплекой и для формирования административного членения, разделившего вепсскую территорию между Олонецкой и Новгородской губерниями. В целом с таким раскладом согласуются

и те лексические изоглоссы, которые объединяют южновепсские говоры с восточными средневепсскими, в первую очередь, с белозерскими, уже само название которых указывает на их белозерский (т. е. верхневолжский, а не балтийский) регион. Территориально они тоже входили в состав Новгородской губернии. В частности, здесь сохранились некоторые древние лексемы, утраченные другими говорами (см., напр., 82 карту 'лицо': *modo* при др.-рус. заимствовании *roža* в северных и западных средневепсских говорах), а также примарная семантика отдельных лексем (см. 95 карту 'мягкий': *hobed* 'мягкий', в то время как на остальной вепсской территории возобладало вторичное значение 'серебро', присущее и другим прибалтийско-финским языкам). Для них характерны и общие инновации, например, развитие семантики 'кровь' у лексемы *čak* (см. 81 карту), а также бытование единых этимологически затемненных лексем (ср. южновепс. *ažlak*, белозер. *ahlak* 'жадный'; 91 карта), неизвестных за пределами этого ареала. Такие параллели свидетельствуют, во-первых, об устойчивых связях, существовавших в прошлом между южновепсским и белозерским вепсскими ареалами. Неким передаточным звеном в цепочке говоров, связывавших названные территории, могли быть утраченные уже говоры по рекам Колошме и Ножеме на верхней Суде, в культурном и языковом наследии которых обнаружены и другие свидетельства существования такого коридора [Муллонен 2007]. Во-вторых, общие языковые реликты могут быть наследием особой культурно-исторической ситуации в регионе. Можно с осторожностью ставить вопрос о сохранении здесь, в пределах Белозерья и смежной территории вепсского Верхневолжья, *неких языковых рудиментов*. На это же указывают и отдельные, зафиксированные в восточных средневепсских говорах, термины (напр., *sai* 'свадьба', *poz'e ~ poz'a* 'топкое место; лужа; яма на лугу, заполненная водой', *uhring, urting* 'родник; топкое вязкое место, яма в лесу'; см. 102, 72, 67 карты), не имеющие аналогов в других диалектах и плохо этимологизируемые в контексте известных прибалтийско-финских языков. Речь может идти как об утраченных южных (юго-восточных) прибалтийско-финских языках, так и о доприбалтийско-финском субстрате, который особенно убедителен в топонимии Белозерья.

В целом же восточная часть вепсского языкового ареала, т. е. территория бытования так называемых восточных средневепсских говоров не едина. В то время как белозерские говоры, бытующие в южной части Онежско-Белозерского водораздела, тяготеют по некоторым параметрам к говорам южного диалекта (см. выше), говоры северной части Онежско-Белозерского водораздела (в частности, шимозерские) демонстрируют близкое родство с северновепсскими говорами. Собственно, эта неоднородность формировалась еще столетия назад и отражена в материалах писцового дела XV–XVI века по Обонежской пятине, в соответствии с которыми Шимозерье с округой и южная часть северновепсской территории входили в то время в одну административную единицу — Оштинский погост с центром в с. Ошта на южном берегу Онежского озера. Обрусев со временем на территории, прилегающей к южному побережью озера и Свири, вепсы сохранились в более отдаленных от торных дорог русского освоения местах — на юго-западном побережье Онежского озера (прионежские вепсы) и верховьях рек, стекающих в Онежское озеро с юга (шимозерские и др. локальные группы). В прошлом объединяющим началом служило, бесспорно, Онежское озеро. Территория же белозерских говоров входила в состав другой административной единицы — Белозерского княжества и осваивалось собственно вепсским населением относительно поздно. Традиционная граница была воспроизведена затем на более позднем этапе как граница Олонецкой и Новгородской губерний.

В этой связи особо отметим тот факт, что восточновепсские говоры, которые в их нынешнем состоянии находятся на самой восточной окраине вепсского языкового ареала, демонстрируют в соответствии с универсальной закономерностью консервации этноопределяющих признаков на пограничной территории, стремление к сохранению своей собственной языковой системы и, прежде всего, лексики, являющейся наследием древневепсского языка. Здесь сохранились многие собственные лексемы, уже ушедшие или практически забытые иными говорами: *kü* 'змея', *sai* 'свадьба', *mod* 'лицо', *hobed* 'мягкий', *hul* 'горячий', *tomu* 'пыль' и т. д., нашедшие свое место на лингвистических картах.

Общие изоглоссы, объединяющие северные и западные средневепсские говоры (а таких немало), также могут рассматриваться с учетом вхождения их в прошлом в состав Олонецкой губернии, а до этого — Обонежской пятины. При этом исторически северновепсская территория делилась между двумя погостами: упоминавшимся уже Оштинским, тяготевшим к Онежскому озеру, и Остречинским, тяготевшим к Свири, что хорошо корреспондирует с теми фактами языкового единства как с западными, так и восточными средневепсскими говорами. Исходя как из общей историко-географической ситуации, так и некоторых исконных прибалтийско-финских признаков в топонимии, логично предполагать, что именно из Присвирья вепсское освоение

продвинулось и на север, в Прионежье, и на восток, на Онежско-Белозерский водораздел, обеспечив языковое единство этих территорий. На этом фоне специфика южного диалекта может объясняться как консервацией здесь, на южной окраине вепсского языкового ареала, ряда признаков, утраченных в центральных говорах, так и поглощением некой прибалтийско-финской волны освоения, продвигавшейся на восток более южным путем. В этом контексте, возможно, следует вернуться на новом этапе исследования к мысли финского историка языка Э. А. Тункело о схождениях в вепсском и (южно)эстонском на разных языковых уровнях. Эта проблема, высветившаяся в ходе работы над атласом, требует дальнейших изысканий. Позднее свои коррективы в формирование диалектной карты вепсского языка внесло установление административных границ, приведшее к административной разобщенности территории и к формированию более устойчивых границ. К упомянутым выше конкретным примерам можно добавить генезис так называемых переходных средневепсских говоров, расположенных по р. Капше, на границе среднего и южновепсского ареала, в пределах Тихвинского уезда Новгородской губернии, и явно испытавших южновепсское воздействие.

Последствия административного членения и, соответственно, вхождения вепсских территорий в разные российские губернии отражаются, очевидно, в несколько разном наборе русских заимствований в отдельных диалектных ареалах. Современная вепсская территория сформировалась в ходе поэтапного сокращения в связи с обрусением традиционных вепсских поселений. За рубежами современного вепсского языкового ареала сохранились многочисленные следы былого вепсского наследия в языке [Мызников 2003, 2004, 2007]. Иначе говоря, вепсское наследие в русских говорах Обонежья сформировалось, прежде всего, в ходе обрусения вепсов. Перейдя на русский язык, они сохранили определенные самобытные вепсские признаки, особенно в лексике. Механизм заимствования играл на фоне субстратных явлений второстепенную роль*.

В этой связи обращают на себя внимание также те карты ЛАВЯ, которые демонстрируют определенную дистрибуцию русских включений по вепсским диалектным ареалам, вызванную проникновением их из разных русских центров и не распространившихся на весь вепсский языковой ареал. Свой набор заимствованных лексем характерен, к примеру, для южновепсских говоров. Среди них *bast'a* ‘говорить’ (карта 133), ср. широко бытующее в русских говорах Верхневолжья *басить* ‘говорить (шумно, много), разговаривать’ [СРНГ 1966: 130], *bask* ‘красивый’ из *баской* ‘красивый’ (карта 94), *pabetk* ‘обед’ (карта 130), восходящее к известному в новгородских, олонецких и тверских говорах *паобед, пабед, пабедок* ‘второй завтрак, полдник; время близкое к полудню’ [СРНГ 1990: 203] и др. Русское языковое воздействие просматривается иногда и на уровне семантического развития слова, как в случае с бытованием вепсской лексемы *raha* ‘серебро’ в южновепсских говорах в значении ‘милый, любимый’ (карта 90), ср. рус. *серебриночка* ‘в обращении — дорогая моя, серебряная моя’ [СРНГ 2003: 196]. В этом же ряду наречие *piidol, piidou* ‘на улице’ (карта 74), буквально ‘в поле’, бытующее в переходных средневепсских говорах, явно спровоцированное соответствующей русской традицией, ср. рус. *в (чистом) поле* ‘за границами своего мира, дома’ [СДЭС 2009: 135]. Будучи представленными в южновепсском ареале и лишь иногда выходя за его пределы на север в зону переходных средневепсских говоров, эти и другие заимствования явно проникли с юга, из территориально близких русских говоров, бытующих на р. Тихвинке и смежной территории, тяготеющей к Верхневолжью. Возможно, за этим стоит вхождение этой вепсской территории в границы исторического Тихвинского уезда Новгородской губернии, сложившееся к началу XIX века.

Показательно, что на выявленную лексическую границу накладывается и этнонимическая: именно южные вепсы и носители переходных средневепсских говоров, проживающие в границах бывшего Тихвинского уезда, усвоили от русских соседей этноним чухари, вепсское *čuharid*, который используют наряду с исконным *vepsad*, в то время как более северные вепсы предпочитают самоназвание *l'udik* (см. 1–2 карты). Не исключено, что проникновение обозначенных русских заимствований началось уже раньше, но установление административной границы в первых годы XIX века, видимо, закрепило направление и территориальные границы контактов.

В свою очередь, своеобразие прионежского диалекта заключается в значительном карельском языковом воздействии, проявляющемся на разных уровнях языка и особенно зримо на лексическом. Проникновение карельских переселенцев на северновепсскую территорию зафиксировано уже материалами писцового дела конца XV века, в которых отмечен, к примеру, Еския Корелянин в Рыбреке [ПКОП: 37]. Яркими карельскими включениями, отличающими северный диалект на фоне других, слу-

* См. подробнее в комментариях к целому ряду лексических карт ЛАВЯ, свидетельствующих о прочном вепсском следе в ландшафтной терминологии, лексике флоры, наименованиях предметов традиционного быта и др.

жат карельские по своим истокам лексемы *ald* ‘волна’ (кар. *oalto, oaldo, aldo*) (карта 59), *tuk* ‘волосы’ (кар. *tukka, tukku*) (карта 83), *pölü* ‘пыль’ (кар. *pöly*) (карта 64), *pereh* ‘семья’ (карта 99) и некоторые другие. При этом кореляне — выходцы из Корельского уезда — в ходе своего продвижения на восток, вызванного нестабильностью социально-политической обстановки в северо-западном Приладожье в XV–XVII веках, оседали не только в Прионежье, но и на других вепсских территориях — как исторических [Соболев 2015], так и современных, что также оставило след в лексике, пусть и не столь явный, как в северновепсских говорах. Так, видимо, карельским языковым воздействием может быть спровоцировано развитие на базе прилагательного *terav* ‘острый’ наречного образования *teravas* ‘быстро’ в прионежских, а также восточных средневепсских говорах (карта 77). Карельское воздействие могло быть своего рода стабилизирующим фактором для семантической дистрибуции *komb* и *pol’v* ‘колено’ в северо-западной половине вепсского языкового ареала: как и в карельском языке здесь, т. е. в северновепсских и западных средневепсских говорах закрепилась лексема *pol’v* (карта 80).

Диалектная карта вепсского языка формировалась, таким образом, на протяжении длительного времени и не была статичной. Среди факторов, влиявших на ее формирование, наиболее существенны ландшафтно-географические, обусловившие пути миграций и освоения территории. Существенную роль играли административные границы, приводившие к административной разобщенности вепсских территорий и — как следствие — утрате прямого общения носителей языка. Они определяли и основные центры и направления русского языкового влияния. Видимо, имели значение и контакты с предшествующим населением, отчетливее проявившиеся на южных и юго-восточных рубежах вепсского языкового ареала, менее плотно и относительно поздно освоенных вепсами. Одновременно при анализе ареальной дистрибуции необходимо учитывать и инновационный потенциал языка, в частности, лексики. Диалектная лексика формируется не только на основе сохранившихся исконных или заимствованных и субстратных слов. Она включает и некоторые инновативные образования, характерные для отдельных диалектов. Среди таковых, видимо, прионежский глагол *d’olta* ‘дуть (о ветре)’ и существительное *d’ol* ‘ветер’, истоки которого, видимо, следует искать в одном ряду с карельскими и восточно-финским диалектными образованиями *jolea, juolea, jolakka* ‘холодный (о ветре и погоде)’, *juoltaa* ‘двигаться друг за другом, в одну линейку’ и *juolu* ‘полоса, линия’, *jolahtoa / juolahtaa* (mieleen) ‘(вдруг) прийти в голову’, букв. ‘промелькнуть в голове’ [SMS 1997: 202–203, KKS 1968: 506–507] (см. карта 58). На основе фрагментов/компонентов значения, выстраивается семантическое поле ‘быстрое направленное движение, в том числе холодного воздуха’, которое, видимо, воплотилось в северновепсском диалекте в обозначение ветра, при этом на фоне карельского языкового контекста.

Таким образом, привлеченный для исследования материал, который представлен на фонетических, грамматических, лексических картах, позволяет констатировать, что вепсский язык является прибалтийско-финским языком, в разных областях которого достаточно полно проявляется общее родственное наследие. В целом во всех сферах языка можно обнаружить результаты взаимодействия четырех факторов:

1) наследия прибалтийско-финского языка-основы;

2) результата самостоятельного развития вепсского языка;

3) следствия контактов с соседними народами и языками, а также с соседними говорами в самом языке;

4) отражения природно-ландшафтных факторов на говоры и диалекты.

Разная комбинация названных факторов и составляет, прежде всего, характеристику того или иного диалектного ареала.

2. К истокам формирования вепсской диалектной карты

Территория современного вепсского расселения тяготеет к верховьям небольших лесных рек на водоразделе Балтийского и Волжского бассейнов. Такая характеристика ареала однозначно маркирует его как остаточный, образовавшийся в ходе поэтапного сокращения в связи с обрусением традиционных вепсских поселений, располагавшихся вдоль транзитных водных и водно-волоковых путях в межозерье Онежского, Ладожского и Белого озер. За рубежами современного вепсского языкового ареала сохранились многочисленные следы былого вепсского наследия как в языке, включая топонимию, так и культуре — свидетельство исторического вепсского прошлого территории. Картографирование специфически вепсских топонимных моделей и субстратной лексики с вепсскими истоками, а также привлечение ряда других источников позволяет реконструировать историческую вепсскую территорию. Это довольно обширный регион, в центре которого находится Онежское озеро, соединенное водными и водно-волоковыми путями с Ладожским и Белым озерами, Белым морем и рекой Онегой (см. рис. 1). Вепсов иногда называют образно людьми леса — сообразуясь с современным ареалом вепсского расселения — в отдалении от магистральных дорог, в небольших деревнях, затерявшихся в глуби северных лесов межозерья Онежского, Ладожского и Белого озер. Однако исторически им больше подходит образ людей рек и речных дорог. Вепсы населяли побережья рек и озер, бывших в доиндустриальную эпоху основными магистралями продвижения на север. Именно по вепсским рекам прошли в наше время и Волго-Балтийский, и Беломоро-Балтийский водный путь. До этого, в начальные века II тысячелетия н.э., вепсскими водными и водно-волоковыми путями воспользовалась новгородская колонизация севера, следствием которой стало обрусение вепсов на Свири, вдоль Онежского побережья и на обозначенных водных путях. Вепсские селения сохранились, прежде всего, в глухих водораздельных местах, в отдалении от больших дорог, как правило, в притяжении административных границ — областных и районных.

Формирование территории и ее рубежей обусловлено как природными, так и культурными факторами [Муллонен 2012; см. также: Жуков 2013]. Северная граница исторической вепсской территории, тянущаяся от северо-восточного угла Ладожского озера к северному Обонежью, накладывается на северную границу зоны среднетаежных лесов, а также южной климатической зоны [см. карту растительности в КЭ: 26]. При этом природная граница оказывается и культурной, отделяющей территорию, более благоприятную для ведения земледелия в северных условиях, от районов, где таковое малоэффективно. Это обстоятельство позволяет предполагать, что продвижение вепсов на север Обонежья было связано не только с промысловым освоением, как традиционно считалось на основе анализа археологических материалов, но и сельскохозяйственной культурой средневекового населения. Самая северная точка присутствия вепсской топонимии привязана к Выгозерью, помеченному, в частности, древней вепсской гидронимной основой *Сара* и дифференцирующей вепсской топоосновой *Пурд-* в топониме *Пурдомох* (вепс. *purde* ‘родник’), свидетельствуя о вепсских интересах на транзитном водно-волоковом пути, соединяющем Онежское озеро и Белое море.

Земледельческими предпочтениями населения обуславливалась и западная и северо-западная граница, проходившая в северо-восточном Приладожье, где на смену плодородным речным долинам восточных притоков Ладожского озера приходят пологие сопки северного побережья, склоны, покрытые мореной и супесью, скалистое побережье, что малоинтересно для развития земледелия [Культурное окружение 1998: 21–22]. Продвижение же вглубь материка на север от ладожского побережья ограничивалось здесь обширными болотами, тянущимися на север к Суоярви.

Реконструированная юго-западная граница вепсского освоения проходит по р. Тихвинке — южной границе рек Ладожского бассейна, а южная выходит за его пределы на верховья рек Волжского бассейна Лиди и Суды. При этом в низовьях

Рис. 1. Реконструкция исторической вепсской территории

и на среднем течении Тихвинки вепсское топонимическое наследие в сильной степени размыто ранним новгородским освоением, хотя все же прослеживается в присутствии в верховьях Тихвинки отэтнонимических географических названий *Чудцы*, *Чудская*, *Чудское*, которые маркируют территорию вепсско-русского пограничья. Пограничный характер территории верхней Тихвинки подтверждается и наличием здесь деления ряда поселений на чудские (т. е. вепсские) и русские: *Чухарское Пятино* и *Русское Пятино*, *Русское Дмитрово* и *Чудское Дмитрово*.

Что же касается рек Лиди и Суды, то вепсские поселения концентрируются в их верховьях, куда население проникало с северо-запада — верховий рек Балтийского бассейна Ояти, Паши и Капши. На такое направление миграции указывают исторические источники. Так, карты землевладения

Белозерского края конца XV века отмечают на Суде только два погоста (Колошемский и Чужбой), причем оба располагаются в верховьях реки [Копанев 1951]. Ниже река не освоена. Косвенным образом о миграции с рек Балтийского бассейна на реки бассейна Белого озера свидетельствуют и многочисленные языковые факты, в частности, вхождение вепсских говоров, бытующих на Ояти, в один диалектный ареал с говорами верхней Суды, целый ряд общих черт между средневепсскими говорами верхней Капши и южновепсскими говорами верхней Лиди. Их объединяют и общие топонимные модели.

Исходя из летописного упоминания о веси на Белом озере, а также учитывая, что несколько вепсских деревень до сих пор сохранилось в притяжении северо-западного побережья Белого озера, в науке принято включать Белое озеро в границы этнической вепсской территории. Эта традиционная точка зрения требует с учетом современных исследований некоторого уточнения. Во-первых, анализ источников исторического Белозерского края показывает, что на фоне рано и довольно плотно освоенного южного и юго-восточного Белозерья освоение северных и западных его областей, где проживает или проживало в прошлом документально засвидетельствованное вепсское население, происходило после XV века в ходе миграции вепсов из Обонежья. Так, например, Куйский погост появляется в источниках в середине XVI века, а Пондальский — в начале XVII столетия [Копанев 1951]. При этом в языковом отношении вепсские белозерские говоры, с одной стороны, демонстрируют значительное единство с более северными говорами как следствие миграции населения из-за северных и западных пределов Белозерья, с другой — включают языковое наследие древнего невепсского населения. Последнее особенно убедительно заявляет о себе в топонимии Белозерья, сохранившей значительный комплекс довепсских названий, которые могут быть условно названы «весскими», т. е. принадлежащими летописной белозерской веси, постепенно растворившейся в южной части ареала в потоке новгородского освоения, а в северной — в более позднем прибалтийско-финском (вепсском), воспринявшем этноним от своих белозерских предшественников. Анализ детерминантов субстратной топонимии Белозерья достаточно убедительно свидетельствует об их принадлежности языку западноуральского типа, занимавшего промежуточное положение между прибалтийско-финским, саамскими и, видимо, мордовскими языками [Захарова, Макарова, Муллонен 2016]. С учетом обозначенных фактов следует, очевидно, признать вторичный характер освоения вепсами территории Белозерья, при этом раннее русское освоение южного и восточного Белозерья в связи с выходом сюда транзитных водноволоковых путей препятствовало вепсской колонизации этих районов, которая в результате слабо ощутима за пределами северного и западного побережий Белого озера. В свою очередь, юго-восточная и восточная граница исторического вепсского этноязыкового ареала была обусловлена транзитными водными и волоковыми путями из Белого озера к верховьям р. Онеги и далее по Онеге в Поморье, рано и интенсивно освоенными новгородцами, а до них, судя по обилию сохранившейся здесь субстратной топонимии западноуральского типа, верхневолжскими финно-уграми. Таким образом, южные и восточные рубежи вепсской территории формировались с учетом интенсивности освоения территории другими этническими коллективами, а северные и западные определялись в первую очередь природными и ландшафтно-географическими обстоятельствами. При этом связующими нитями, пронизывающими территорию и объединяющими ее в некое единое целое, служили водные пути.

Логично полагать, что в формировании вепсского этноязыкового ареала было несколько этапов. Один из самых ранних маркирован, возможно, археологическими памятниками приладожской курганной культуры рубежа I–II тысячелетия, представленными в юго-восточном Приладожье. При этом сфера вепсского этнического воздействия распространялась и до Онежского озера, где также обнаружены курганы приладожского типа [Кочкуркина 2011: 74; Спиридонов 2013: 28–36]. В это время наметилось и продвижение в направлении Белозерья, где отдельные следы курганной культуры прослеживаются на водоразделе рек Балтийского и Волжского бассейнов — Капши и Лиди. В модифицированной форме грунтовых могильников она сохранялась здесь вплоть до XVI века [Башенькин 1994].

На следующем этапе происходило продвижение вглубь территории, расположенной в верховьях рек, на водоразделах, а также смещение границ в восточном направлении. Можно полагать, что определенный этап в формировании зафиксирован в административной карте Обонежской пятины — исторического административного подразделения, образовавшегося в XV веке в связи с присоединением новгородских земель к Москве, поскольку реконструированные выше границы исторической вепсской территории в значительной степени совпадают с ее рубежами, особенно в пределах Заонежских погостов Обонежья. Такая ситуация коррелирует с упоминавшимся выше отсутствием ранних вепсских погостов в северном Белозерье, т. е. в пределах исторического Белозерского края. На протяжении

веков происходило смещение границ в восточном направлении. В связи с начавшимся в первые века II тысячелетия древнерусским освоением юго-западных рубежей исторического вепсского ареала, а также карельским проникновением на Онежско-Ладожский перешеек здесь происходила нивелировка вепсского этнического самосознания. В то же время в ходе освоения новых территорий за юго-восточными границами в Белозерье происходило включение их в границы вепсского этнокультурного ареала.

Таким образом, проведенное исследование выявило, с одной стороны, значительное единство вепсских диалектных ареалов и проницаемость их границ, с другой — безусловную диалектную специфику.

Формирование вепсской диалектной карты — это сложный, растянувшийся во времени многофакторный процесс, в котором свою роль сыграли как внеязыковые, так и собственно языковые обстоятельства. Топографическая карта, расположение водных путей имели своим следствием формирование административной карты: от княжеств и пятин до губерний, а затем и областей. Административная разобщенность вепсских территорий приводила, с одной стороны, к консервации некоторых собственно вепсских языковых особенностей в пределах отдельных административных единиц — Олонецкой или Новгородской губерний, с другой — к разным по своим истокам и наполнению внешним языковым связям. Выявился, к примеру, целый ряд русских заимствований, не выходящих ареально за пределы Тихвинского уезда Новгородской губернии. Глубинными историческими связями между территориями обусловлено, очевидно, и заметное единство, с одной стороны, между северными и западными средневепсскими говорами, с другой — между южными и белозерскими. Среди собственно языковых обстоятельств, определявших сложение диалектного членения, инновационный потенциал вепсского языка, реализовавшийся в вепсских диалектных ареалах в ходе их самостоятельного развития.

Во время реализации проекта подтвердилась значительная специфика белозерских и ареально примыкающих к ним южных говоров на фоне центральных и прионежских. Она проявляется в консервации архаических признаков, наличии раритетных, этимологически затемненных лексем, что может свидетельствовать о следах субстрата, конкретные истоки которого предстоит установить в ходе последующих исследований.

Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен

Список сокращений

арханг. — архангельский;
белозер. — белозерский;
бол. — болото;
букв. — буквально;
венг. — венгерский;
вепс. — вепсский;
вод. — водский;
волог. — вологодский;
вытег. — вытегорский;
г. — город;
герм. — германский;
горно-мар. — горно-марийский;
д. — деревня;
диал. — диалектный;
др.-англ. — древне-английский;
др.-норв. — древне-норвежский;
др.-рус. — древне-русский;
др.-слав. — древне-славянский;
др.-ср.-нем. — древне-средне-немецкий;
ед. число — единственное число;
енис. — енисейский;
зал. — залив;
западновепс. — западновепсский;
зыр. — зырянский;
ижор. — ижорский;
кар. — карельский;
кар. твер. — карельский тверской;
кильд. — кильдинский;
коми-зыр. — коми-зырянский;
латыш. — латышский;
лив. — ливский;
ливв. — ливвиковский;
литов. — литовский;
люд. — людиковский;
манс. — мансийский;
мар — марийский;
мар. горн. — марийский горный;
мн. число — множественное число;
морд. — мордовский;
морд. мокш. — мордовский мокшанский;
нем. — немецкий;
обл. — область;
оз. — озеро;
олон. — олонецкий;
осташк. — осташковский;
п. — пункт;
перм. — пермский;
петрозав. — петрозаводский;
пок. — покос;
пошехон. –пошехонский;
прагерм. — прагерманский;
прол. — пролив;
прус. — прусский;
пудож. — пудожский;
р-н — район;
рус. — русский;
руч. — ручей;
с. — село;
саам. — саамский;
северновепс. — северновепсский;
с/к — собственно карельский;
совр. вепс. — современный вепсский;
средневепс. — средневепсский;
ст.- слав. — старославянский;
тат. — татарский;
твер. — тверской;
тихвин. — тихвинский;
уг. — угодье;
удм. — удмурский;
удор. — удорский;
укр. — украинский;
ур. — урочище;
фин. — финский;
хант. — хантыйский;
черепов. — череповецкий
швед. — шведский;
эст. — эстонский
южн. — южный;
южновепс. — южновепсский;
яросл. — ярославский;
Abl — падеж аблатив;
Ades — падеж адессив;
Adj — прилагательное;
Dim — диминутивная форма;
Elat — падеж элатив;
Gen — падеж генитив;

Imp — прошедшее время, имперфект;
Ill — иллатив;
Ind — индикатив;
Inf — инфинитив;
Ines — падеж инессив;
Kj — Kuujärvi (с. Михайловское, Олонецкий р-н, Республика Карелия);
Kom — падеж комитатив;
Nom — падеж номинатив;
P — лицо (у глаголов);
Part — падеж партитив;
Ph — Pyhäjärvi (с. Святозеро, Пряжинский р-н, Республика Карелия);
Pl — мн. число;
Prez — настоящее время, презенс;
Prol — падеж пролатив;
Pron — местоимение;
S — существительное;
Sing — ед. число;
Term — падеж терминатив;
V — глагол.

Алфавитный указатель сокращенных названий вепсских пунктов с присвоенными им номерами

74. Ars — Arskahť (Радогощь), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
58. Bor — Bor (Саньков Бор) — « —
66. Buš — Bušak (Бошаково) — « –
61. Čai — Čaigl (Чайгино) — « –
43. Čid — Čidoi (Чидово), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
20. Čik — Čikl (Чикозеро) — « –
35. En — Enar'v (Вонозеро), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
4. Hap — Hapšom (Габшема), Прионежский р-н, Республика Карелия.
39. Har — Haragl (Харагеничи), Тихвинский р.-н Ленинградская обл.
16. Him — Himd'ogi (Гимрека), Прионежский р-н, Республика Карелия.
2. Iš — Išan' (Ишанино), Прионежский р-н, Республика Карелия.
38. Jog — Jogens (Усть-Капша), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
26. Jä — Järved (Озера), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
17. Kal'l' — Kal'l'(Щелейки) — « –
21. Kar — Karhil (Каргиничи) — « –
13. Kas — Kaskesoja (Каскесручей), Прионежский р-н, Республика Карелия.
18. Kek — Kekar' (Кекозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
57. Ker — Kerčak (Керчаково), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
54. Kj — Kuja (Куя) — « –
10. Kl — Kaleig (Рыбрека), Прионежский р-н, Республика Карелия.
37. Kor — Korbal (Корбиничи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
44. Korv — Korval (Корвала), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
27. Kos — Koskenpä (Надпорожье) — « –
5. Krik — Krik (Крюкова Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия.
67. Krl — Kortlaht (Кортлахта), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
14. Kuk — Kukagď(Володарская), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
23. Kuz — Kuzra (Кузра) — « –
33. Ladv — Ladv (Ладва) — « –
59. Lah — Laht (Лахта), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
72. Mai — Maigär' (Боброзеро) — « –
69. Mas — Maslagj (Маслово) — « –
8. Mec — Mecantaga (Залесье), Прионежский р-н, Республика Карелия.
34. Mg — Mäggär' (Мягозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
11. Ms — Matvejansel'g (Матвеева Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия.
9. Mäg — Mägi (Горнее Шелтозеро) — « –
51. Naž — Nažamgärv (Нажмозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
24. Nem — Nemž (Немжа), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
22. Nir — Nirgl (Ниргиничи) — « –
42. Noid — Noidal (Нойдала), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
25. Nor — Norj (Норгина), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
40. Nür — Nürgl (Нюрговичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.
36. Ozr — Ozroil (Озровичи) — « –
31. Pec — Pecoil (Пелдуши), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
19. Peč — Pečal (Печеницы) — « –
63. Pel — Peloo (Пелуши), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
15. Per — Pervakat (Урицкая), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
48. Pk — Püutkask (Пелкаска), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
53. Pnd — Pondal (Пондала), Бабаевский р-н, Вологодская обл.

75. Pož — Požarišš (Пожарище), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
56. Päž — Päžar' (Пяжозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
41. Reb — Rebagj (Ребов Конец), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
30. Rih — Rihaluine (Подовинники-Азмозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
62. Sar — Sar' (Остров), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
68. Sir — Sirj (Перелесок) — « –
29. Sj — Sarjärv (Сарозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
64. Sod — Sodjärv (Сидорово), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
50. Sär — Särgärv (Сяргозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
1. Š — Šokš (Шокша), Прионежский р-н, Республика Карелия.
46. Šat — Šatjärv (Шатозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
60. Šid — Šidjärv (Прокушево), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
47. Šim — Šimgär' (Шимозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.
32. Šon — Šondjal (Шондовичи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
7. Št — Šoutarv (Шелтозеро), Прионежский р-н, Республика Карелия.
65. Žar — Žarad (Жары), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
71. Ted — Tedroo (Тедрово) — « –
45. Tj — Torazgärv (Торосозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
12. Tž — Toižeg (Другая река), Прионежский р-н, Республика Карелия.
70. Tut — Tutuk (Сташково), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
52. Vah — Vahtkär' (Вахтозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
6. Van — Vanhimsel'g (Вангимова Сельга), Прионежский р-н, Республика Карелия.
3. Veh — Vehkoja (Вехручей) — « –
73. Vg — Vaagedjärv (Белое озеро), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
28. Vil — Vil'häl (Ярославичи), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
55. Vl — Voilaht (Войлахта), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
49. Vär — Väräsjärv (Кривозеро), Вытегорский р-н, Вологодская обл.

Сокращенные названия вепсских пунктов по диалектам*

Северновепсский диалект

1. **Š — Šokš (Шокша)**, Прионежский р-н, Республика Карелия.
2. Iš — Išan' (Ишанино) — « –
3. Veh — Vehkoja (Вехручей) — « –
4. Hap — Hapšom (Габшема) — « –
5. Krik — Krik (Крюкова Сельга) — « –
6. Van — Vanhimsel'g (Вангимова Сельга) — « –
7. **Št — Šoutarv (Шелтозеро)** — « –
8. Mec — Mecantaga (Залесье) — « –
9. Mäg — Mägi (Горнее Шелтозеро) — « –
10. **Kl — Kaleig (Рыбрека)** — « –
11. Ms — Matvejansel'g (Матвеева Сельга) — « –
12. Tž — Toižeg (Другая Река) — « –
13. **Kas — Kaskezoja (Каскесручей)** — « –
14. Kuk — Kukagd' (Володарская), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
15. Per — Pervakat (Урицкая) — « –
16. Him — Himď'ogi (Гимрека) — « –
17. Kal'l' — Kal'l' (Щелейки) — « –

Средневепсский диалект (западные говоры)

18. Kek — Kekar' (Кекозеро), Подпорожский р-н, Ленинградская обл.
19. Peč — Pečal (Печеницы) — « –
20. Čik — Čikl (Чикозеро) — « –
21. Kar — Karhil (Каргиничи) — « –
22. Nir — Nirgl (Ниргиничи) — « –
23. Kuz — Kuzra (Кузра) — « –
24. **Nem — Nemž (Немжа)** — « –
25. Nor — Norj (Норгина) — « –
26. **Jä — Järved (Озера)** — « –
27. Kos — Koskenpä (Надпорожье) — « –
28. **Vil — Vil'häl (Ярославичи)** — « –
29. Sj — Sarjärv (Сарозеро) — « –
30. **Rih — Rihaluine (Подовинники)** — « –
31. **Pec — Pecoil (Пелдуши)** — « –
32. Šon — Šondjal (Шондовичи) — « –
33. **Ladv — Ladv (Ладва)** — « –
34. **Mg — Mäggär' (Мягозеро)** — « –
35. **En — Enar'v (Вонозеро)**, Лодейнопольский р-н, Ленинградская обл.
36. Ozr — Ozroil (Озровичи), Тихвинский р-н, Ленинградская обл.

* Полужирным шрифтом выделены пункты, в которых материал собран в полевых условиях в 2012–2013 гг.

37. **Kor — Korbal (Корбиничи)** — « –
38. **Jog — Jogens (Усть-Капша)** — « –
39. **Har — Haragl (Харагеничи)** — « –
40. **Nür — Nürgl (Нюрговичи)** — « –
41. **Reb — Rebagj (Ребов Конец)**, Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
42. **Noid — Noidal (Нойдала)** — « –
43. Čid — Čidoi (Чидово) — « –
44. Korv — Korval (Корвала) — « –

Средневепсскиий диалект (восточные говоры)

45. Tj — Torazgärv (Торосозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
46. Šat — Šatjärv (Шатозеро) — « –
47. **Šim — Šimgär' (Шимозеро-Сюрьга), Вытегорский р-н, Вологодская обл.**
48. **Pk — Püutkask (Пелкаска)** — « –
49. **Vär — Väräsjärv (Кривозеро)** — « –
50. Sär — Särgjärv (Сяргозеро) — « –
51. Naž — Nažamgärv (Нажмозеро), Бабаевский р-н, Вологодская обл.
52. Vah — Vahtkär' (Вахтозеро) — « –
53. **Pnd — Pondal (Пондала)** — « –
54. **Kj — Kuja (Куя)** — « –
55. **Vl — Voilaht (Войлахта)** — « –
56. **Päž — Päžar' (Пяжозеро)** — « –
57. Ker — Kerčak (Керчаково) — « –

Южновепсский диалект

58. Bor — Bor (Саньков Бор), Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.
59. Lah — Laht (Лахта) — « –
60. **Šid — Šidjärv (Прокушево)** — « –
61. Čai — Čaigl (Чайгино) — « –
62. Sar — Sar' (Остров) — « –
63. Pel — Peloo (Пелуши) — « –
64. **Sod — Sodjärv (Сидорово)** — « –
65. Žar — Žarad (Жары) — « –
66. Buš — Bušak (Бошаково) — « –
67. Krl — Kortlaht (Кортлахта) — « –
68. Sir — Sirj (Перелесок) — « –
69. **Mas — Maslagj (Маслозеро)** — « –
70. Tut — Tutuk (Сташково) — « –
71. Ted — Tedroo (Тедрово) — « –
72. **Mai — Maigär' (Боброзеро)** — « –
73. Vg — Vaagedjärv (Белое озеро) — « –
74. **Ars — Arskaht' (Радогощь)** — « –
75. Pož — Požarišš (Пожарище) — « –

Литература и источники

Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М., 2007– .

Башенькин А.Н. Средневековые могильники южных вепсов // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В.И. Равдоникаса. СПБ., 1994. С. 99–102.

Богданов Н.И. История развития лексики вепсского языка: автореф. ... канд. дис. Л., 1953.

Богданов Н.И. К истории вепсов (по материалам топонимики) // Известия Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1951. С. 24–31.

Богданов Н.И. Народность вепсы и их язык // Труды Карельского филилала АН СССР. Петрозаводск, 1958. С. 63–75.

Богданов Н.И. Характерные особенности вепсского говора д. Куя (Панкратово) Шольского района Вологодской области // Совещание по диалектологии финно-угорских языков. Тарту, 1958.

Богданов Н.И. О некоторых особенностях восточновепсских говоров — куйского и пондальского // Прибалтийско-финское языкознание. Труды Карельского филиала АН СССР. 1961, №23. С. 33–41.

Бродский И.В. Названия растений в финно-угорских языках (на материале прибалтийско-финских и коми языков). СПб., 2007.

Бродский И.В. (а). Вепсские названия растений: материалы для словаря // Вопросы уралистики. СПб., 2014. С. 639–695.

Бродский И.В. (б). Возвращаясь к «древнейшим» названиям ягод — брусники и морошки в финно-пермских языках // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования — 2014. СПб., 2014. С. 124–139.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947.

Бубрих Д.В., Беляков А.А., Пунжина А.В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки, 1997.

Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке. 1. Древнейшие наименования до Петровской эпохи // Ежегодник института по изучению СССР в Финляндии. Приложение к №6–10. Хельсинки, 1959.

ВепКар — Открытый корпус вепсского и карельского языков. URL: dictocorpus.krc.karelia.ru.

Вахрос И.С. Несколько названий обуви, встречающихся в северновеликорусских говорах // Studia Orientalia edidit Societas Orientalis Fennicae. Helsinki, 1964. Vol. XXVIII. S. 3–12.

Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. Научный редактор Винокурова И.Ю. Петрозаводск, 2016.

Винокурова И.Ю. Некоторые итоги изучения вепсского народного календаря // Этнокультурные процессы в Карелии. Петрозаводск, 1986.

Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX — начало XX века). Петрозаводск, 1996.

Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов. Петрозводск, 2006.

Винокурова И.Ю. Вепсско-карельско-русские контакты в Бабаевском и Вытегорском районах Вологодской области (по данным народной демонологии) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2008. Вып. 1.

Винокурова И.Ю. Банные обряды жизненного цикла человека в вепсском культурном ландшафте // Труды Карельского НЦ РАН. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2012. №4. С. 57–67.

Винокурова И.Ю. Этнокультурная история вепсов Прионежья по данным мифологии обрядности // Истоки Карелии: время, территория, народы. Петрозаводск, 2015.

Винокурова И.Ю. Мифология вепсов. Энциклопедия. Петрозаводск, 2015.

ВК — Корпус вепсского языка (руководитель проектов по составлению корпуса Н.Г. Зайцева). URL: vepsian.krc.karelia.ru.

ВНС — Вепсские народные сказки. Сост. Н.Ф. Онегина, М.И. Зайцева. Петрозаводск, 1996.

Вопросник — Вопросник по собиранию материала для «Лингвистического атласа вепсского языка» // Вепсские ареальные исследования. Петрозаводск, 2013. С. 7–46.

Воронова Л.А. О прибалтийско-финских заимствованиях в промысловой лексике беломорских рыбаков // Уч. зап. Кар. пед. ин-та. Вопросы языкознания. Петрозаводск, 1968. Т. XXII. С. 142–156.

Востриков О.В. Финно-угорский субстрат в русском языке. Свердловск, 1990.

Гвоздева Ж.В. Коллекция орудий жатвы и косьбы в фондах музея-заповедника «Кижи» // Кижский вестник. Петрозаводск, 2000. №5. С. 141–148.

Губанов И.А. и др. Vaccinium uliginosum L. — Голубика, или Гонобобель // Иллюстрированный определитель растений Средней России. В 3 томах. М., 2004.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. СПб; М. 1880–1882.

Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола, 1993.

Дубровина З.М. Об образовании вторичных падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках // Вестник ЛГУ. 1956. №14. С. 69–86.

Дуров И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011.

Елисеев Ю. С. Финский язык // Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975. С. 122–167.

Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII вв. Петрозаводск, 2013.

Жукова О. Ю. Вепсские обрядовые причитания: от поэтики жанра к поэтике слова. Петрозаводск, 2015.

Зайков П. М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000.

Зайцева М. И. Глагольное словообразование в вепсском языке. Л., 1978.

Зайцева М. И. Грамматика вепсского языка. Л., 1981.

Зайцева Н. Г. Именное словоизменение в вепсском языке (История и функционирование форм слова). Петрозаводск, 1981.

Зайцева Н. Г. Вепсская литература 1990-х годов // История литературы Карелии. Петрозаводск, 2000. Т. 3. С. 420–433.

Зайцева Н. Г. Вепсский глагол. Сравнительно-сопоставительное исследование. Петрозаводск, 2002.

Зайцева Н. Г. Вепсское и прибалтийско-финское в некоторых именованиях ягод (на материале ALFE) // Прибалтийско-финское языкознание: лингвогеографические исследования. Петрозаводск, 2005.

Зайцева Н. Г. Отражение вепсско-северно-русских контактов в вепсском лексическом тезаурусе // Уч. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Петрозаводск, 2008. №4. С. 79–83.

Зайцева Н. Г. Прибалтийско-финские языки в зеркале лингвистической географии // Труды КарНЦ РАН. Сер. «Гуманитарные науки». Петрозаводск, 2010. С. 34–47.

Зайцева Н. Г. Лингвистическая география и номинация (на примере именования дрожжей в прибалтийско-финских языках) // Материалы XL Международной филологической конференции. Уралистика. СПб., 2011. С. 32–39.

Зайцева Н. Г. Корпус вепсского языка: формирование и развитие электронного ресурса // Классический университет в пространстве трансграничности на севере Европы: стратегия инновационного развития. Петрозаводск, 2014. С. 151–152.

Зайцева Н. Г. Очерки вепсской диалектологии (лингвогеографический аспект). Петрозаводск, 2016.

Зайцева Н. Г., Филатова М. М., Шибанова Н. Л., и др. Корпус вепсского языка // Корпусная лингвистика — 2015. Труды межд. конф. СПб., 2015. С. 202–212.

Зайцева Н. Г. Сердиться по-вепсски: именования понятия в контексте лингвистической географии // Уч. зап. ПетрГУ. 2017. №5. С. 61–70.

Зайцева Н. Г. Диалекты вепсского языка в контексте лингвистической географии // Финно-угорский мир. Саранск, 2017. №3. С. 98–114.

Захарова Е. В., Макарова А. А., Муллонен И. И. В поисках топонимических границ в Белозерье // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. №1. С. 7–29.

Зеленин Д. К. Восточно-славянская этнография. М., 1991.

Иванова Л. И. Лесной нос: архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала исцеления // Труды Карельского научного центра РАН №4, 2012, С. 68–73.

Иванова Л. И. Карельская баня: обряды, верования, народная медицина. М., 2016.

Иткин И. Б. Выражение пространственно-временных отношений в именных словоформах и проблема «послеложных формантов» // Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М., 2002. С. 167–182.

Йоалайд М. Этническая территория вепсов в прошлом // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 76–83.

Карху Э. Г. Элиас Леннрот. Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996.

Ковалева С. В., Родионова А. П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка. Петрозаводск, 2011.

Колмогоров А. И. Чухарская свадьба (Черты обрядовой жизни у чухарей) // Сборник в честь 70-летия Д. М. Анучина. М., 1913.

Копанев А. И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л., 1951.

Кочкуркина С. И. История и культура народов Карелии и их соседей (средние века). Петрозаводск, 2011.

Кравченко А. В. Конспект флоры Карелии. Петрозаводск, 2008.

Красная книга языков народов России: энциклопедический словарь-справочник. М., 1994.

КСРНГ — Картотека «Словаря русских народных говоров и сопредельных областей». Хранится в СПбГУ.

КЭ — Карелия: энциклопедия. В 3 т. Т. 1. Петрозаводск, 2007.

КЭСКЯ — Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.

Кяхрик А. О формировании парадигмы возвратных глаголов в вепсском языке // Советское финно-угроведение. Таллинн, 1978. №4. С. 267–275.

Лесков Н. Отчет о поездке в Чудской край Олонецкой губернии (Олонецкой губернии, Лодейнопольского уезда) // Живая старина. 1895. Вып. 1. С. 1–13.

Лесков Н. Ф. О влиянии корельского языка на русский в пределах Олонецкой губернии // Живая старина. 1892. №4. С. 97–103.

Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья. СПб., 1993.

Логинов К. К. Этническая история Восточного Обонежья и этнографического Заонежья // Очерки исторической географии = Historiallisen maantieteen tutkielmia. Северо-Запад России. Славяне и финны / под ред. А. С. Герда и Г. С. Лебедева. СПб., 2001. С. 360–369.

Лыткин В. И. Вепсско-карельские заимствования в коми-зырянских диалектах // Академику В. В. Виноградову к его 60-летию: сб. статей. М., 1956. С. 179–189.

Макаров Г. Н. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Петрозаводск, 1990.

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Михайлова Л. П. Словарь говора села Суйсарь // Село Суйсарь: история, быт, культура. Петрозаводск, 1997. С. 272–294.

Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.

Муллонен И. И. Очерки вепсской топонимии. СПб., 1994.

Муллонен И. И. Топонимия Присвирья. Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002.

Муллонен И. И. Территория расселения и этнонимы вепсов // Серия «Народы и культуры»: Прибалтийско-финские народы России. Отв. ред. тома Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 342–348.

Муллонен И. И. Топонимические этюды Вологодской земли // Вепсы: история, культура, современность. Вологда, 2006. С. 63–72.

Муллонен И. И. Топонимия Заонежья. Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.

Муллонен И. И. Формирование диалектной карты карельского языка // Karelia Written and Sung. Representations of Locality in Soviet and Russian Contexts. Aleksanteri Series 3 / 2010. P. 16–28.

Муллонен И. И. Большие озера маленького народа: идентификация по размеру в вепсской топонимии // Вепсские ареальные исследования. Петрозаводск, 2013. С. 130–144.

Муллонен И. И. Материалы по северновепсской топонимии // Истоки Карелии: время, территория, народы. Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск, 2014. С. 29–54.

Муллонен М. И. Вепсская письменность // Прибалтийско-финское языкознание. Л., 1967. С. 105–109.

Мызников С. А. О некоторых наименованиях лодок-долбленок в говорах Северо-Запада // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования — 1996. СПб., 1998.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья. Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.

Мызников С. А. Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Северо-Запада: этимологический и лингвогеографический анализ. СПб., 2004.

Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2007.

Напольских В. В. Происхождение самоназвания вепсов в контексте этнической истории Восточной Прибалтики // Вопросы ономастики. 2007. №4. С. 28–33.

Насибуллин Р. Ш. и др. Диалектологический атлас удмуртского языка. Ижевск, 2009–2015. Вып. 1–5.

Никольский Д. П. Кайваны или чухари // Живая старина. 1895. Вып. 1. Отд. 1. С. 14–16.

Новак И. П. Становление альтернационной системы согласных карельской диалектной речи. Петрозаводск, 2014.

НОС — Новгородский областной словарь. СПб., 2010.

ОВР — Зайцева М. И., Муллонен И. И. Образцы вепсской речи. Л., 1969.

Орфинский В. П., Гришина И. Е. Крестьянские поселения и постройки // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 381–388.

Основы 1974 — Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974.

Основы 1975 — Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские и мордовские языки. М., 1975.

Пашкова Т. В. Народные названия болезней в карельском языке: автореф. канд. дис. Петрозаводск, 2008.

Петухов А. В. Большая земля вепсов // Народов малых не бывает. М., 1991. С. 159–178.

Петухов А. В. Трудная судьба потомков Веси // Прибалтийско-финские народы. История и судьбы родственных народов. Составитель М. Йокипии. Ювяскюля, 1995. С. 435–451.

Пименов В. В. Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л., 1965.

Пименов В. В., Строгальщикова З. И. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. С. 4–26.

ПКОП — Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930.

ПЛГО — Полевые лингвогеографические исследования русских говоров Северо-Запада.

Погодин А. Л. Севернорусские словарные заимствования из финского языка // Варшавские университетские заимствования. 1904. №3. С. 1–72.

Программа 1937 — Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка / Под ред. М. М. Хямяляйнена. Петрозаводск, 1937.

Программа 1946 — Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка / Под ред. В. И. Алатырева. 2-е изд., доп. при участии Н. А. Анисимова, Е. Н. Симаковой, Н. И. Богданова. Петрозаводск, 1946.

Программа ЛАРНГ — Программа собирания сведений для «Лексического атласа русских народных говоров». Ч. 1–2. СПб., 1994.

Пунжина А. В. Словарь карельского языка (тверские говоры). Петрозаводск, 1994.

Путешествия 1985 — Путешествия Элиаса Леннрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842. Петрозаводск, 1985.

ПФНР — Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003.

РМЭС — Русско-мокшанско-эрзянский словарь. Более 14 тысяч слов / Сост. В. И. Щанкина (русская, мокшанская части), А. М. Кочеваткин, С. А. Мишина (эрзянская часть); рук. проекта, отв. ред. В. И. Щанкина; науч. ред. Ю. А. Мишанин. Саранск, 2011.

Родионова А. П. Пути развития послеложной системы карельского языка: от аналитической конструкции к форме слова (на материале ливвиковского наречия): автореф. дис. канд. филол. наук. Петрозаводск, 2007.

Родионова А. П. Семантика карельской грамматики. Петрозаводск, 2015.

Сайт Фонограммархива ИЯЛИ КарНЦ РАН: http://phonogr.krc.karelia.ru/; http://folk.krc.karelia.ru.

Салве К. О функциях, поэтике и способах исполнения средневепсских свадебных причитаний // Музыка в свадебном обряде финно-угров и соседних народов. Таллин, 1986. С. 253–271.

Сало И. В. Влияние прибалтийско-финских языков на севернорусские говоры поморов Карелии: дис. … канд. филол. наук. М., 1966.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен И. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

СДЭС — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1–3. М. 1995–2004.

СГЮВП — Муллонен И. И., Азарова И. А., Герд А. С. Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свири). СПб., 1997.

Симина — Картотека пинежских говоров, собранная под руководством Г. Я. Симиной. Хранится в ИЛИ РАН (СПб.).

Соболев А. И. Вепсское прошлое Юго-Восточного Обонежья по данным ономастики // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб., 2015. С. 438–508.

СОСД — Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского и саамского языков / под общ. ред. Ю. С. Елисеева, Н. Г. Зайцевой. Петрозаводск, 2007.

Спиридонов А. М. Колония эпохи викингов при устье Шуи под Петрозаводском // Уч. зап. ПетрГУ. Петрозаводск, 2013. №5. С. 28–36.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 2005.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. URL: http://oldrusdict.ru/dict.html#.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. СПб. 1965–2016. Вып. 1–49.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

Станков С. С., Талиев В. И. Определитель высших растений Европейской части СССР. М., 1957.

Строгальщикова З. И. Вепсы. Очерки истории и культуры. СПб., 2014.

Строгальщикова З. И. Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера. Петрозаводск, 2016.

Суханова В. С., Муллонен И. И. О Г' протетическом в русских говорах Карелии // Севернорусские говоры в иноязычном окружении. Сыктывкар, 1986. С. 38–45.

Успенский П. Русско-чудский словарь. С некоторыми грамматическими указаниями. СПб., 1913.

ФА ИЯЛИ — Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М. 1986–1987. Т. 1–4.

Фон. ПГК — фонотека Петрозаводской государственной консерватории им. А. К. Глазунова №313/8016.

Фишман О. М. Знающая — больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири: сб. статей памяти Ю. Ю. Сурхаско. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2009. Вып. 2. С. 135–172.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М., 1953.

Хямяляйнен М. М. Вепсский язык // Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966. С. 81–102.

Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975. С. 3–187.

ЯИН — Язык и народ. Тексты и комментарии. Тексты разговорной речи прибалтийско-финских языков и диалектов русского языка на Северо-Западе России / под ред. А. С. Герда, М. Савиярви, Т. де Граафа. СПб., 2002 [Вепсская часть — И. И. Муллонен С. 55–97].

Ягосильд Э. К. Уборка ржи в Эстонии (конец XIX — начало XX века) // Этнографическое картографирование материальной культуры народов Прибалтики. М., 1975. С. 48–62.

Ahlqvist A. Anteckningar i Nors-tschudiskan // Acta societatis scient. Fennicae. Helsinki, 1861. №6.

Airila M. Pitkä i pääpainotomassa tavussa itämerensuomalaisissa kielissä // Virittäjä. Helsinki, 1955.

ALE — Atlas Linguarum Europae. Vol. 1. Premier fascicule, Cartes et Commentaires. Assen, 1983.

ALFE — Atlas Linguarum Fennicarum.. Helsinki. 2004–2010. Vol. I–III.

Basilier Hj. Vepsäläiset Isajevan voolostissa // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. Helsinki, 1890. №8.

Czikow P., Łaptiew J. Rośliny lecznicze i bogate w witaminy. Warszawa, 1987.

EES — Eesti etümoloogiasõnaraamat. Koostanud ja toimetanud Iris Metsmägi, Meeli Sedrik, Sven-Erik Soosaar. Eesti Keele Instituut, Eesti Keele Sihtasutus. Tallinn, 2012.

EVSR — Eesti-vene sõnaraamat. T. 4. Tallinn, 2006.

EWD — W. Pfeiffer. Etymologisches Wõrterbuch des Deutschen. Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wõrterbuch. Berlin, 1941–1945. Vol. I–II.

Grünthal R. Livvistä Liiviin. Itämeren etnonyymit. Helsinki, 1997.

Grünthal R. Finnic adpositions and cases in change // Suomalais-Ugrilainen Seura. Helsinki, 2003. №244.

Grünthal R. Vepsän kielioppi. Helsinki, 2015.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1979.

Häkkinen K. Suomen kielen äänne- ja muotorakenteen historiallista taustaa. Turku, 1985.

Häkkinen K. Suomalaisten esihistoria kielititeen valossa. Helsinki, 1996.

Häkkinen K. Nykysuomen etymologinen sanakirja. Juva, 2007.

IKS — Impilahden karjalan sanakirja. Toimittanut Matti Punttila. Lexica Societatis Fenno-Ugricae XXVII. Suomalais-ugrilainen Seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki, 1998.

ISK — Iso suomen kielioppi. Helsinki, 2005.

Joalaid M. Vepslased ja vepsa keel // Kaheksa keelt kaheksa rahvast. Tallinn, 1998.

Kalima J Die ostseefinnischen Lehnwõrter im Russischen. Helsingfors, 1915.

Kalima J. Die ostseefinnishe Lehnwõrter im Rissishen // MSFO. Helsinki, 1919. Vol. XLIV.

Kettunen L. Lõunavepsa häälikajalugu. I. Konsonantid. II. Vokaalid. Tartu, 1922.

Kettunen L. Vepsän vokaalisoinnun iästä // Virittäjä. Helsinki, 1935.

Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia, №86. Helsinki, 1943.

Kettunen L. Suomen murteet. Helsinki, 1930–1940. Vol. I–III.

Kettunen L. Tieteen matkamiehenä. Porvoo; Helsiniki, 1945.

Kettunen L. Eestin kielen äännehistoria // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia, №156. Helsinki, 1962.

KKK — Käte-ške käbedaks kägoihudeks. Обернись-ка милой кукушечкой: сб. вепсских причитаний / сост. Н. Г. Зайцева, О. Ю. Жукова. Петрозаводск, 2012.

KKS — Karjalan kielen sanakirja. Helsinki, 1968- 2005. Vol. I–VI.

Kottina A. I., Maksimov A. P., Zaiceva N. G. Meiden sana. Petroskoi, 1998.

Kährik A. Das Problem des vereinenden Präteritums im Wepsischen // Советское финно-угроведение. Таллин, 1978.

Kährik A. Verbide muutmismudel lõunavepsa murdes. Tallinn, 1980.

Lehtinen T. Venäjän aspektin heijastumia vepsän verbijärjestelmässä // Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja. Helsinki, 1990.

LMS — Lyydiläismurteiden sanakirja. Toimittanut J. Kujola. Helsinki, 1944.

Lonin R. Minun rahvhan fol'klor. Petroskoi, 2000.

Lühüdad pajoižed. Kerazi R. Lonin. Petroskoi, 2000.

Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska språket. Helsinki, 1853.

Lönnrot E. Om det Nord-tschudiska språket. Juminkeko, 2002.

Meckelein R. Die finnisch-ugrischen, turko-tatarischen und mongolischen Elemente im Russischen. 1. Die finnische+ugrischen Elemente im Russischen. Berlin, 1913.

Mikkola J. J. Lännen ja idän rajoilta. Historiallisia kirjoitelmia. Porvoo; Helsinki, 1942.

Mullonen I., Zaitseva N. Areal Distrbution of Veps Topographical Vocabulary // Lingustica Uralica. Tallinn, 2017. C. 106–123. Vol. LIII.

Mägiste J. Estnisches etymologisches Wörterbuch. Helsinki, 1983. Vol. I–XII.

NEV — Kettunen L. Näytteitä etelävepsästä. Helsinki, 1920–1925. Vol. I–II.

Nirvi R. E. Synonyymitutkimuksia sukulaisnimistön alalta. Suomi 106: 1. Helsinki, 1952.

NVM — Näytteitä vepsän murteista. Keränneet ja julkaisseet L. Kettunen ja P. Siro // Suomalais-ugrulaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1935. Vol. LXX.

NÄKM — Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista. Keränneet E. N. Setälä ja J. H. Kala. Julkaissut ja suomentanut E. A Tunkelo apunaan R. Peltolan kanssa // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1951. №100.

Oinas F. The Development of some pospositional cases in Balto-Finnic languages // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1961. №123.

Paikkala S., Mikkonen P. Sukunimet. Uudistettu laitos. Helsinki, 2000.

Perttola J. Aineisto. SKS kansanrunouden arkisto. №365.

Porkka V. Über den ingrischen Dialekt. Helsingfors, 1885.

Posti L. Vepsän vokaalisoinnusta // Virittäjä. Helsinki, 1935.

Posti L. Itämerensuomalaisen verbitaivutuksen kysymyksiä // Virittäjä. Helsinki, 1961. №4.

Posti L. The Origin Developmentof the Reflexive Conjugation in the Finnic languages // Congressus Quintus Internationalis Fenno-ugristarum. Turku, 1980.

Rapola M. Suomen kielen äännehistorian luennot // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Helsinki, 1966. №283.

Ruoppila V. Juolaheinä ja joulukka. // Virittäjä, 1981. №85. S. 118–124.

Räisänen A. Kostamo, Onkamo ja muita paikannimiä // Virittäjä. Helsiniki,

2010. №114 (4). S. 502–526.

Setälä E. N. Yhteissuomalainen äännehistoria. Helsinki, 1899. Vol. I–II.

Setälä E. N. Vepsäläliset // Tietosanakirja. Helsinki, 1939.

Setälä E. N., Kala J. N. Näytteitä äänis- ja keskivepsän murteista // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 1951. №100.

Sirelius U. Primitive konstruktionsteile an prähistorischen schiffen // Finnisch-ugrische Forschungen. № XIII, Vol. 1, 2. 1913. S. 1–6.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1955–1981. Vol. I–VII.

SMS — Suomen murteiden sanakirja, 1–7– // Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisuja. Helsinki, 1985–2003– . №36.

SN — Mikkonen P., Paikkala S. Sukunimet. Helsinki, 2000.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. Jyväskylä. 1992–2000. Vol. I–III.

Söderman T. Lexical Characteristics of the Estonian North Eastern Coastal Dialect // Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia 24. Uppsala, 1996.

Tietosanakirja — Iso tietosanakirja. Helsinki, 1939. №15.

Tunkelo E. A. (a) Pääpainotoman tavun lyhyen ja pitkän i:n vaihtelusta itämerensuomalaisissa kielissä // Suomi. Helsinki, 1938. №4.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen astevaihteluttomuudesta // Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 1938.

Tunkelo E. A. (a) Refleksiivinen taivutuspääte -ste // Virittäjä. Helsinki, 1946.

Tunkelo E. A. Vepsän kielen äännehistoria // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Helsinki, 1946. №228.

Tuomi T. Neva // Virittäjä. 1967. №3. S. 220–234.

Uifalvi Ch. E. Essai de Grammaire vêpse ou tschoude du nord. Paris, 1875.

Valli A. Jitin ja Jalan etymologis-kansatieteellinen sana- ja perinnekirja. Anson Oy, 1988.

Valonen N. Varhaisia lappalais-suomalaisia kosketuksia // Ethnologia Fennica. Helsinki, 1980. S. 21–98. №10.

Viitso T.-R. Äänisvepsa murde väljendustasandi kirjeldus // Keele modelleerimise probleeme. Tartu, 1968. №2.

Vilppula M. Ihminen — nainen vai mies? Congressus nonus internationalis fenno-ugristarum 7.–13.8.2000. Tartu. Pars VI. Dissertationes sectionum: Linguistica III. Tartu. S. 357–362.

Virtaranta P. Lähisukukielten lukemisto // Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Helsinki, 1967. №280.

Virtaranta P., Suhonen S. Lähisukukielet // Suomi, 119. Helsinki, 1978.

VV — Vepsa vanasönad. Koostanud V. Mälk, A. Hussar, A. Kährik, T.-R. Viitso. Kujundus ja kaardid V. Oja. Tallinn, 1992. Vol. I–II.

VVS — Vepsän verkkosanasto. URL: http://kaino.kotus.fi/sanat/vepsa/.

Väisänen O. I. Vepsäläinen laulukokoelma. I kopia. 1916 (рукопись). Хранится в НИЦ языков Финляндии.

Uifalvi Ch. E. Essai de Grammaire vêpse ou tschoude du nord. Paris, 1875.

WiiK K. Viron vokaalisointu. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 1988.

Wiik K. Vepsän vokaaalisontu. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Helsinki, 1989.

Zaitseva M. Vepsän kielen lauseoppia // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki, 2001. №241

Zaitseva N. Vepsän kieli ja sen kehitysnäkymiä // Vepsäläiset tutuiksi. Joensuu, 1994. S. 51–73.

ÄVN — Äänisvepsän näytteitä. Keränneet ja julkaisseet A. Sovijärvi ja R. Peltola // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helisinki, 1982. №171.

Приложение

Вопросник «Лингвистического атласа вепсского языка»

Экстралингвистические вопросы

1. Сообщите следующие данные о себе:
   Фамилия, имя, отчество;
   место рождения (подробно);
   год рождения;
   занятие;
   постоянный адрес.
2. Сообщите следующие данные об информанте:
   фамилия, имя, отчество;
   место рождения (подробно);
   год рождения;
   занятие;
   место жительства.
3. Сообщите следующие данные о селении, диалект которого Вы описываете:
   современное русское название (официальное и местное);
   сельсовет, район, область;
   современное и старое вепсское название.
4. Как называют себя Ваши информанты?
5. Как называют они свой язык?
6. Как называют их русские?

Фонетика

Вокализм (гласные)

Гласные первого слога слова

7. Что произносится в первом слоге слова — ***u*** или ***o***:
   murzei — morz'ain
8. Как произносится в первом слоге следующих слов ***u***: как краткий (***u***) или как долгий (***uu***):
   luu — lu
   suu — su
   puu — pu
   kuuz' — kuz'
   uuz' — uz'
   kuulišti, kuulišť — kulišti
9. Как произносится в первом слоге следующих слов ***ü***: как краткий (***ü***) или как долгий (***üü***):
   küü — kü
   püü — pü
   püüta — püta
   tüün' — tün'
10. Как произносится в первом слоге следующих слов ***i***: как краткий (***i***) или как долгий (***ii***):
    viiž — viž
    pii — pi
    hiir' — hir'
    hiil' — hil'
    tiineh — tineh, tinez
11. Происходит ли огубление ***e*** в первом слоге следующих слов:
    leug — löug (lüug)
    reun — röun (rüun)
    hebo — höbo
12. Как представлено древнее звукосочетание ***ir*** — как ***ir*** или как ***er*** — в первом слоге следующих слов:
    ird — erd
    kirvez — kervez
    hirnoita — hernoita
    kirbota — kerbota
    bird — berd
13. Как представлено звукосочетание ***ih*** — как ***ih*** или как ***eh*** — в первом слоге следующих слов:
    kihl — kehl
    sihlaine — sihlaane, sehlaine
    sihloita — sehloita
14. Происходит ли огубление ***i*** перед губными согласными в первом слоге следующих слов:
    libuda — lübuda
    bipšta — büpšta
15. Что произносится — ***ü*** или ***i*** — в первом слоге следующих слов:
    üks' — iks'
    kümne — kimne
    tütär — titar
    sügüz' — siguz', sigiz
    kül'beť — kil'beť
    nügüde — nigide

küzuda — kizuda
lüpsan — lipsan

16. Что произносится — ***ä*** или ***ö*** — в первом слоге следующих слов:
kürz — körz
hürskaida — hörskaida
17. Что произносится — ***ä*** или ***e*** — в первом слоге следующих слов:
händikaz — hendikaz
jäniš — (däniš, gäniš) — jeniš
kägi — kegi
mänen — menen
18. Как произносятся личные местоимения ***мн. числа*** 1, 2, 3 лица:
мы: mö — mii, me
вы: tö — tii, te
они: hö — hii, he
19. Как произносятся личные местоимения ***ед. числа*** 1, 2, 3 лица:
minä (min'a) — mina, mä
sinä (sin'a) — sina, sä
hän — hen

Исторические и современные дифтонги первого слога слова

20. Что произносится в первом слоге на месте исторического дифтонга ***eu*** — ***eu, öu*** или ***üu*** — в следующих словах:
leug — löug, lüug
reun — röun, rüun
21. Какой дифтонг — ***öu*** или ***üu*** — произносится в первом слоге следующих слов:
löuta — lüuta
löun — lüun
höuneh — hüuneh
22. Что произносится на месте исторического дифтонга ***ei*** — ***ei, ii*** или ***ee*** — в первом слоге следующих слов:
leib — liib, leeb
hein — hiin, heen
sein — siin, seen
veič — viič, veeč
meid'en — miiden, meeden
23. Какой дифтонг на месте исторического дифтонга ***ai*** — ***ai, ei*** или ***ae*** — произносится в следующих словах:
aiž — eiž, aež
ait — eit, aet
kaik — keik, kaek
paid — peid, paed
24. Какой дифтонг на месте исторического дифтонга ***äi*** — ***äi*** или ***ei*** — произносится в следующих словах:
äi — ei
päiv — pei(v)
25. Какой дифтонг на месте исторического дифтонга ***oi*** — ***oi, ei, ji, oe*** — произносится в первом слоге следующих слов:
koiv — keiv, kji̯v, koev
poig — peig, pji̯gv, poeg
toine — teine, tji̯ne, toene
oiged — eiged, ji̯ged, oeged
hoik — heik, hji̯k, hoek
26. Какой дифтонг — ***öi*** или ***üi*** (или еще что-нибудь) — произносится в следующих словах:
söin, süin' (siin')
möin, müin'
vöihe, vüihe
27. Какой дифтонг на месте исторического ***ui*** — ***ui, ji*** — произносится в следующих словах:
kuiv — kji̯v
muiged — mji̯ged
huiged — hji̯ged
luine — lji̯ne
28. Какой дифтонг произносится в первом слоге следующих слов — ***äu, öu,ää*** (или как-то еще):
täuz' — töuz', tüuz', t'ääz'
räustaz — röustaz, räästäz
täudub — töudub, täädub
29. Что произносится в первом слоге на месте исторического звукосочетания ***al*** — ***al, al'*** или ***au, ou, uu, aa*** — в следующих словах:
tal'v, tauv' — touv, tuuv
vauged — vouged, vuuged, vaaged
haugoida — hougoida
saubata — soubata, saabata
haug — houg (дрова), haag
30. Что произносится на месте исторического звукосочетания ***ol*** — ***ol, ol'*** или ***ou, uu, oo*** — в первом слоге следующих слов:
bol — bou, boo
ol'g — oug, uug, oog
nolda — nouda, nuuda, nooda
olda — ouda, uuda, ooda
31. Что произносится на месте исторического звукосочетания ***ul*** — ***ul*** или ***uu*** — в первом слоге следующих слов:
kuld — kuud
tulda — tuuda
kulda — kuuda
32. Что произносится на месте исторического звукосочетания ***el*** — ***el', öl, eu*** или ***üu*** — в первом слоге следующих слов:
sel'g — süug
peld — peud, pöud, püud
pelvaz — pölvaz, pöuvaz, püuvaz, pööväz
velg — veug, vüug, veeg
33. Что произносится на месте исторического звукосочетания ***il*** — ***il, il', üu*** — в первом слоге следующих слов:

sild — süud
tilkta — tüukta
sil'm — süum

Гласные в непервых слогах слова

34. Что произносится на месте исторических звукосочетаний ***al, el*** — ***au, uu*** или ***üu*** — в следующих словах:
madal — madau, madou, maduu, madaa
punaldan — punaudan, punaadan
käraldan — käraudan, käräädan
ajeldan — ajuudan, ajaadan
vihel'dan — vihuudan, vihoodan
ombeldan — ombuudan, omboodan
35. Что произносится на месте исторического сочетания звуков ***av — au, ou, aa*** — в конце следующих слов:
ahav — ahau, ahou, ahaa
harav — harou, haraa
orav — orou, oraa
terav — terou, teraa
36. Что произносится во втором слоге, если в первом ***i — ä*** или ***a*** — в следующих словах:
midä — mida, mid'a
igä — iga
pit'käd — pit'kad
sil'mäd — sil'mad, süumad
pidän — pid'an
idäb — idab
sigä — siga
37. Что произносится — ***a*** или ***ä*** — во втором слоге следующих слов:
liha — lihä
priha — prihä
vihand — vihänd
38. Что произносится во втором слоге (и дальше второго слога), если в первом слоге ***e*** — ***ä*** или ***a*** — в следующих словах:
vedäda — vedada
sebäta — sebata
keräta — kerata
keväz' — kevaz'
emäg — emag
39. Что произносится во втором слоге, если в первом слоге дифтонги ***ei, ii*** — ***a*** или ***ä*** — в следующих словах:
hiinän, heinän — heinan, hiinan
liibän, leibän — leiban, liiban
siinän, seinän — seinan, siinan
veibä, vüibä — veiba, viiba, vüiba
40. Что произносится во втором слоге, если в первом слоге ***ü — ü*** или ***u*** — в следующих словах:
hüvüz' — hüvuz'
sügüz' — süguz'
lühüd — lühud
vävü — vävu
41. Что произносится во втором слоге, если в первом слоге ***ü — ä*** или ***a*** — в следующих словах:
tütär — tütar
kündän — kündan
lüpsäb — lüpsab
42. Что произносится во втором слоге, если в первом слоге ***ä — ä*** или ***a*** — в следующих словах:
särbän — särban
tähkäd — tähkad
lämäd — lämad
vähä — väha
43. Что произносится во втором слоге, если в первом слоге ***ö — ä*** или ***a*** — в следующих словах:
sömäd — sömad
södä — söda
lödä — löda
mödä — möda
44. Что произносится в третьем слоге — ***ä*** или ***a*** — в следующих словах:
külähä — küläha
ülähän — ülähan
hüvähä — hüväha
süvähä — süväha
emägäd — emägad, emagad
mänibä — mäniba

Выпадение гласных в конце и в середине слова

45. Происходит ли в номинативе ед. числа отпадение конечного гласного звука в следующих словах:
tina — tin
lina — lin
hala — hal
kara — kar
46. Происходит ли выпадение гласного ***u*** в середине следующих слов:
rippuda — ripta
surduda — surtta
sambuda — sampta
tippuda — tipta
47. Происходит ли выпадение гласного звука перед звуком ***h*** в следующих словах:
kalaha — kalha
kodihe — kod'he
pezihe — pez'he
tegihe — teg'he
mängaha — mängha
otkaha — otkha
bohataha — bohatha
prostkaha — prostkha

Дифтонги непервого слога слова

48. Что произносится в безударном положении в непервых слогах — ***ai, äi, ei, aa,ää*** — в следующих словах:
pedai — pedei, pedaa
čapai — čapei, čapaa
mindai — mindei, mindaa
sindai — sindei, sindaa
kirjaine — kirjeine, kirjaane
ezmäine — ezmeine, ezmääne
päiväine — päiveine, päivääne
päčilpäi — päčilpei, päčilpää
49. Что произносится в непервых безударных слогах — ***oi, ei, ii, oo, oe*** — в следующих словах:
kukoi — kukei, kukįi, kukoo
ukoine — ukįine, ukoene
andoi — andįi, andoe
pezemoi — pezemįi, pezęmoe
50. Что произносится в непервых слогах — ***ui*** или ***uu, ii, įi*** — в следующих словах:
kouvuine — koivįine
pakuine — pakįine, pakuune
putui — putįi, putuu
libui — lübįi, libuu

Консонантизм

Мягкие или твердые согласные

Перед переднерядными гласными в вепсском языке согласные звуки смягчаются.

Согласные *k*, *m*, *p*, *v*, *b* смягчаются несколько менее, нежели, например, согласные *l*, *s*, *n*, *t*, *r*, что зависит, очевидно, от качества этих звуков.

Имеется несколько случаев остаточного явления твердости перед переднерядными гласными звуками, а также немотивированного смягчения звуков перед гласными заднего ряда, для чего поставлены следующие вопросы:

51. Как произносится согласный ***n*** перед ***e*** в середине слова — твердо или мягко — в следующих словах:
pened — pen'ed, pin'ed
soned, sonod — son'ed
nene, neno — n'en'e(d), n'ened
uned — un'ed
kenen — ken'en, kenen
mäned, mänod — män'ed
paned, panod — pan'ed
52. Как произносится ***r*** перед ***e*** — твердо или мягко — в следующих словах:
nored, norod — nor'ed
tütred, tütrod — tütr'ed
kored, korod — kor'ed
särez, säroz — sär'ez
53. Как произносится ***n*** — твердо или мягко — в следующих словах:
naba — n'aba
nak — n'ak
nok — n'ok
nokta — n'okta
54. Как произносится ***n*** в позиции после ***i*** — твердо или мягко — в следующих словах:
ičiin — ičiin'
tatain — tatain'
mamain — mamain'
join — join'
pezin — pezin'
läksin — läksin'
tulin — tulin'
55. Как произносится согласный ***l*** перед ***e*** в середине слова — твердо или мягко — в следующих словах:
alemba, alomba — al'emba
molembad, molombad — mol'embad
koletada, kolotada — kol'etada
56. Как произносится ***l*** в середине слова в отдельных звукосочетаниях — твердо или мягко — в следующих словах:
jäl'ged — jälged
pöl'gästuin — pelgästuun
el'gendan — elgendan
sel'g (süug) — selg
sül'kta — sil'kta
57. Как произносится ***r*** — твердо или мягко — в конце следующих слов:
hir' — hir
jur' — jur
tedr' — tedr
sor'm — sorm
58. Как произносится ***z*** — твердо или мягко — в конце следующих слов:
čomuz' — čomuz
hüvüz' — hüvüz
süvüz' — süvüz
pahuz'— pahuz

Некоторые согласные в конце слова

59. Что произносится — ***n*** или ***m*** — в конце следующих слов:
härkin — härkim
pühkin — pühkim
südäin — südäim (südäm)
60. Как произносится в окончании партитива *-št* согласный *t* — твердо (*-**št***) или мягко (*-**št'***) — в следующих словах:
mugošt — mugošť
nagrišt — nagrišť
vešt — vešť
elošt — elošť

61. Что произносится — ***h*** или ***z*** — в конце следующих слов:
herneh — hernez
veneh — venez
tineh — tinez
vajeh — vajez
ägeh — ägez

Геминаты

62. Как представлены согласные ***k, t, p*** — как геминаты *kk*, *tt*, *pp* или как краткие согласные *k*, *t*, *p* — в следующих словах:
ikun — ikkun
mätaz — mättaz
lipaz — lippaz
63. Как представлены смычные согласные ***k, t, p, g, d, b***, аффрикаты ***c, č, z, ž*** — как одиночные или как удвоенные — в следующих словах:
rikob — rikkob
tegeb — teggob
čapab — čappab
libub — l'ubbub
katab — kattab
radab — raddab
kacub — kaccub
ličeb — liččob
küzub — küzzub
läžub — läžžub
64. Что произносится — ***k ~ kk, p ~ pp, t ~ tt*** — в конце следующих слов:
ak — akk
uk — ukk
pap — papp
sep — sepp
sat — satt
ot — ott
65. Как произносятся следующие слова:
enčed — endižed
kušed — kuššed, kuzižed
vašed — vaššed, vaskižed
66. Что произносится — одиночный ***l*** или гемината ***ll*** — в следующих словах:
ħal, halan — hall(a)
kel, kelon — kell(o)
vil, vilan — vill

Выпадение и отпадение согласных и последующая ассимиляция

67. Сохраняется или выпадает ***v*** в следующих словах:
kävub — kaub
vävu — väu
pövu — pöu
savu — sau
68. Сохраняется ли ***-n*** в конце формы номинатива у следующих *числительных*:
kahcan — kahca
ühcan — ühca
kümnen — kümne
69. Сохранилось ли ***n*** в конце формы номинатива у следующих *существительных*:
murzäin — morzä, murzei, morz'aa
südäin — südän, südei
kuudain — kudam, kudan', kudei, kudmoo
70. Что произносится в следующих словах — ***ks*** или ***s***:
joksta — josta
küksta — küsta
ukst — ust: ei nägu ukst
sukst — sust: eile sukst
71. Что произносится на месте исторического ***j*** — ***j, d'*** или ***g'*** — в начале следующих слов:
järv — d'ärv, g'ärv
jüvä — d'üvä, g'üvä
jagada — d'agada, g'agada
jogi — d'ogi, g'ogi
jur' — d'uur', g'ur'
72. Что произносится — ***j*** или ***d', g',*** или ***ноль звука*** — в середине слова следующих слов:
astii — ast'ť'ad, astk'ad
agj — agjad, agď'ad
hibj –hibjad, hibg'ad, hibd'ad
pohj — pohjad, pohg'ad, pohd'ad
hibj — hibjad, hibg'ad, hibd'ad
kabj — kabjad, kabg'ad, kabd'ad
73. Что произносится на месте исторического ***k*** — ***k*** или ***t*** — в начале следующих слов:
kivi — tivi
kül'bet' — tüubeť
kül'bemoi — tüubemoi

Аффрикаты

74. Что произносится — ***одиночная аффриката*** или ***аффриката в сочетании*** с иным звуком — в следующих словах:
kidžer — kižer
kidžu — kižu
kodžaita — kožaita
čundž — čunz'

Произношение отдельных звуков и звукосочетаний

75. Сохраняется ли звукосочетание ***dn*** или переходит в ***n*** в следующем слове:
vodnaine — vonaine
76. Как представлено звукосочетание ***tk*** — как ***tk*** или ***tt*** — в следующих словах:
katketa — katteta
ratketa — ratteta

katkeb — katteb
katen' — katten'

77. Как представлено звукосочетание ***ht*** — как ***ht*** или одиночный ***h*** — в следующих словах:
koheta — kohteta
kohendab — kohtendab
78. Как представлена гемината ***nn*** в середине слова — как ***nn*** или ***nd*** — в следующих словах:
sinna — sinne, sina, sinda
tänna — tänne, täna, tända
79. Как представлено звукосочетание ***nd*** — как ***nd*** или ***nz'*** — в следующих словах:
hond или honz'
kund или kunz'
80. Как произносятся в начале второго слога свистящие ***z, s*** — как ***z, s*** или как ***ž, š*** — в следующих словах:
lainzin — lainžin'
uinzin — uinžin'
lanksin — lankšin'
upsin — upšin'
81. Что произносится — ***c*** или ***č*** — в следующих словах:
taci — tači
raci — rači
82. Что произносится — ***d*** или ***z*** — в следующих словах:
kel'di — kel'zi
kändi — känzi
lendi — lenzi
vändi — vänzi
tärdi — tärzi
83. Что произносится в начале слова — ***v*** или ***b*** — в следующих словах:
bibu — vibu
barbaz — varbaz
barbik — varbik

Морфология

Некоторые вопросы по именному словоизменению

84. Сохраняется или отпадает ***-n*** в окончании генитива мн. числа — например: эта собака — наша: *nece koir om* ***meiden*** (***miiden, miide***).
Скажите:
Это наша школа.
Тот стол — ваш.
Та игра — их.
Это игрушки детей.
Это работа женщин.
Это следы медведей.
85. Как звучит комитатив в говоре:
Окончание комитатива ед. числа: а) ***-nke*** или ***-ke***; б) ***-dme, -dmu, -mu***:
Скажите:
Мальчик играет с собакой (*koiranke, koirake ~ koiradme, koiramu*)
Иди со мной (*minunke, mindaime, mindaamu*)
86. Смягчается ли окончание партитива ед. числа в словах с основой на ***i*** и партитива мн. числа с показателем мн. числа ***-i-*** — звучит ли оно как ***d*** или как ***d'*** — в следующих словах
pertid — pertid'
kül'betid — kül'betid
lapsid — lapsid
heboid — heboid', hebood'
nituid — nituid'
aitoid — aitoid'
Скажите:
У нас нет кошки.
В доме нет печки.
На берегу растет много берез.
В доме много окон.
87. Как звучит окончание адессива ***ед. числа*** — как — ***l, -u,*** или ***удлинение*** конечного гласного основы — у следующих слов:
koivul — koivou, koivuu
hüväl — hüväu, hüvüu
koiral — koira, koiruu
hebol — hebou, hebuu
völ — vöu, vüu
Скажите:
У женщины есть дети
У хорошей хозяйки в доме порядок
Бросать сено вилами
На покосе было много людей
На горе росла береза
88. Как звучит окончание адессива ***мн. числа*** — твердо или мягко (или может закончиться на долгий гласный) — у следующих слов:
päčil — päčil', päčii
kül'betil — kül'betil', kil'betii
mägil — mägil'
sil'mil — sil'mil'
aitoil — aitoil', aitool'
heboil — heboil', hebool'
molembil — molembil'
89. Как звучит окончание аллатива — как ***-le, -lo*** или ***-l'e*** — в следующих словах:
akale, akalo — akal'e
hüväle, hüvälo — hüväl'e
koivule, koivulo — koivul'e
küle, külo — kül'e

hebole, hebolo — hebol'e
völe, völo — völ'e
pertile, pertilo — pertil'e
semnele, semnelo — semnel'e

90. Как звучит окончание абессива — как ***-tta, -ta, -tä*** или ***-ti***:
Скажите:
Рыбак вернулся домой без рыбы — kalata, kalati
Без лодки по озеру не поедешь — veneheta, venheti
Брат остался без денег — dengoita, dengoiti

91. Как звучит окончание терминатива — ***-hasai, -hassai, -hassei, -hasaa*** — в следующих словах:
mahasai — mahassai (mahassei, mahassaa)
lävähäsai — lävähässai
vodhesai — vodhessai
sohosai — sohossai
vöhösai — vöhössai
koivhusai — koivuhussai
pühüsai — pühüssai

92. Как звучит окончание аппроксиматива ед. числа — ***-nnoks, -nloks, -nnost, -nno, -lest:***
Скажите:
Дети приехали к реке — jogennoks, jogennost, d'ogenno, jogelest
Девочка подбежала к березе — koivunnoks, koivunnost, koivunno, koivulest

93. Каково окончание падежа пролатива — ***-dme, -dmu, -mu*** — или его значение передается послеложной конструкцией: ***партитив + послелог möto***:
Скажите:
Мы шли по дороге — tedme, tedmu, ted möto
Плыть по воде на лодке — vetme, vetmu, vet möto
По камням тяжело идти — kividme, kivimu, kivid möto

94. Согласуется ли определение с определяемым словом в комитативе, аппроксимативе, терминативе?
Скажите:
с большим мячом — surenke mäčinke, suren mäčinke, surtme mäčime
к чужой бане — verhannoks kül'betinnoks, verhan kül'betinost
до темного леса — pimedahasi mechasaai, pimedaha mechasai
Скажите:
Мальчик играл с маленьким щенком.
Мы подошли к старому дереву.
До ближайшей деревни было сто километров.

95. Какой суффикс употребляется в абессивных отыменных прилагательных в ед. числе на **-toi: -toi, -toin, -toin', -tom**?
Скажите:
Бездомный щенок — koditoi, koditom
Беспомощный человек — abutoi, abutom
Бездетная семья — lapsiitoi, lapsitom
Безводная земля — vedetoi, vedetom

96. Какой суффикс употребляется в наречиях — ***-čki, -či*** или ***iči***:
hibusiči или hibusički (за волосы друг друга)
modoiči или modoči (лицом друг к другу)
kohtaiči или kohtači (против друг друга)
abuiči или abučki (на помощь друг другу)
kulakoiči или kulakočki (кулаками друг друга)

97. Употребляется ли в говоре предлог ***ilma(n)*** 'без'?
Как говорят: hebota или ilma(n) hebota?
Скажите:
Как мне жить без мамы?
Без щенка грустно играть.
Без реки трудно жить.

98. Какой формой обладает послелог — ***karte, karhikš, kartte***?
Ребенок поступил по-взрослому.
Он говорит по-нашему.
Сделай по-моему.
Он работает по-твоему.

99. Употребляется ли послелог ***vuit't'e, itte*** или он стал суффиксом ***-utte, -ütte, -itte*** со значением 'как он, по его подобию, по-своему'?
Например: Ты такой же, как он (hänen vuitte / hänejitte)
Я говорю, как он.
Сделано ли все по-моему?
Мальчик идет как отец.

100. Как скажут информанты по-вепсски: 'мой отец' ~ ***minun tat*** или ***tatam, tatain***?
Скажите:
Моя мать
Мой отец
Твоя мать
Твой отец
Его мать
Его отец

Прочие вопросы словоизменения

101. Как произносится сравнительная степень от прилагательных?
vanh ~vanhemb, vanhamb
hüvä ~ paremb, paramb
Скажите:
Это озеро мельче нашего.
Брат старше меня на пять лет.
Этот стол лучше того.

102. Как произнося словатся ***jäniš*** (***jeniš***) и ***variš*** в номинативе мн. числа (***jänišad, jänišed***)?

Скажите:
На поляне прыгали зайцы.
На дереве сидят вороны.

103. Как звучит форма номинатива мн. числа от указательного местоимения ***se***: как ***n'e, n'ed*** или ***sed***? Или возможны обе формы?
Скажите:
этот берег — эти берега
в этой деревне — в этих деревнях
эти дороги — на этих дорогах

104. Как произносятся местоимения со значением 'каждый': *kaikutte, kaikutne, kaikuine*; а также со значением 'какой': *mitte, mite, mitne*?
Скажите:

1) Какое сегодня число?
В который день мы поедем в город?
К какому дню надо быть готовым?
Какого мальчика не было сегодня?

2) Каждый делает свое дело.
У каждого свои заботы.
Каждому по его дулам.
Каждого не узнаешь сразу.

105. Какой суффикс с коллективным или собирательным значением — ***-ik, -išt, -žom*** — употребляется в следующих вепсских вариантах слов:
Березняк (*koivik, koivišt, koivžom* и т. д.)
Ельник
Малинник
Черничник
Молодежь

Глагольное словоизменение

106. Как звучит конечный гласный основы 3 лица ед. числа презенса — как *e* или *o* — в следующих словах:
tuleb — tulob
jokseb — joksob
nägeb — nägob
pezeb — pezob
tegeb — teggob
imeb — imob
ličeb —ličob

107. Как звучит окончание 1 лица мн. числа презенса — ***-mai, -mei, -maa, -m***?
Например: мы придем — mö tulem (tulemei, tulemaa)
Скажите:
Мы прочитаем.
Мы знаем.
Мы сделаем.

108. Как звучит форма 3 лица мн. числа презенса? Например: *hö* ***tehtas*** (***tehtaze, tegeba***) *necen radon homen.*
Скажите:
Они принесут ягод.
Они пойдут в лес.
Они дадут воды.
Они накормят птиц.

109. Как звучит форма 3 лица мн. числа имперфекта? Например: *hö* ***toiba*** (***tod'he***) *vet.*
Скажите:
Они прочитали книгу.
Они отдали все книги в школу.
Они взяли книги домой.

110. Происходит ли выпадение показателя имперфекта ***i*** у глаголов в форме 3 лица ед. числа имперфекта? Или можно сказать и так, и так, например: ***mäni — män', tuli — tul'***?
Скажите:
Он читал.
Он ушел.
Он вел.
Он знал.
Он купил.

111. Как звучит отрицательная форма имперфекта ед. числа? Например: *minä* ***en tulend*** (***en tulen, en tulnu***) — или еще как-то?
Скажите:
Я не сделал.
Ты не сделал.
Он не сделал.
Я не принес.
Ты не принес.
Он не принес.

112. Как звучит отрицательная форма 3 лица мн. числа имперфекта. Например: ***hö ei tulnugoi*** (***ei tuunuhu, ei tuldud, eba tulend, eba tulnugoi***).
Скажите:
Они не принесли.
Они не сделали.
Они не уехали.
Они не отдали.

113. Есть ли в говоре отрицательный претерит на ***-ške***? Говорят ли здесь следующим образом и понятно ли вам:
Jumal meile lapsid ei andiške.
Mina siš en kuliške.
Mina en nägiške händikahid.
Tänavon (tävoduu) en oliške adivoiš.

114. Употребляются ли в данном населенном пункте формы повелительного наклонения 3 лица мн. числа типа ***tog(a)ha*** или говорят — ***laske todas, okha todas***?
Образуйте форму императива 3 лица мн. числа от глаголов:
söda
panda
lugeda

ištta
tacta
varastada

115. Как произносится отрицательная форма глагола ***olda*** в 3 лице ед. числе презенса: ***iile, eile, iilä, eule*** — или еще как-нибудь?
Скажите:
нет мяса
нет молока
нет рыбы

116. Как произносится отрицательная форма глагола ***olda*** в 3 лице ед. числе имперфекта: ***iilend, elend, ei olend*** — или еще как-нибудь?
Скажите:
не было денег
не было хлеба
не было воды

117. Как звучит лично-числовое окончание возвратного спряжения в форме императива ед. числа 2 лица — мягко или твердо — в следующих словах:
ištte — išťťe
seište — seišťe
pande, pando — pand'e
verde, verdo — verd'e

118. Как звучит отрицательная форма императива 3 лица мн. числа? Например: пусть не моются этим мылом — ***algoi peskoiš*** (***algį peskįiže***) *necil muilal*.
Скажите:
Пусть не одеваются в светлую одежду.
Пусть не причесываются этим гребешком.
Пусть не купаются в холодной воде.

119. Есть ли в говоре остатки потенциала, кроме глагола ***linneb***? Возможны ли в говоре выражения и насколько они понятны (попросить объяснить), как приведенные ниже:
Voinen tulda.
Andnen hänele.
Tulnob südäimele hüvütt.
Bude tat ii pästne, ka väges vet.

120. Как звучит форма I инфинитива возвратного спряжения? Каков суффикс в конце формы: ***s- -ze, -kse, -ste*** и т. д.? Например: нам надо умыться — *meile tarbiž pestas* (*pesta**se**, pesta**ze**, pesta**kse**, pesta**ste***).
Скажите:
Нам надо (pidab, tarbiž, tariž, tari):
записаться
одеться
сесть
причесаться
сделаться
съездить

121. Как произносится причастие актива имперфекта ***ед. числа***, например, ***lähtnu, lähtnut, lähtend***?
Скажите:
Отставший мальчик
Ушедший человек
Исчезнувший котенок
Уплывшая лодка

122. Как звучит форма причастия актива имперфекта ***мн. числа***, например,
'ушедшие' — ***lähtnuded, lähtenhed*** и т. д.?
Скажите:
Намокшие варежки — märktunuded, märktenhed
Порвавшиеся сапоги — rebinuded, rebinhed
Упавшие листья — langenuded (langenehed) lehtesed

123. Как образуется причастие пассива имперфекта?
Как говорят:
lödud — löded
pandud — panded
jagadud (g'agadud, d'agadud) — jagetud, jagetet
lükäitud — lükäited
paimetud — paimeted
varastadud — varastet
kirjutadud — kirjutet

124. Как произносятся глаголы с основой на ***-e-*** в кондиционале, например, ***tuližin, tuleižin, tuližiin***?
Скажите:
lanksiži — lankteiž(i)
oliži — oleiž(i)
joksiži (d'oksiž(i), g'oksiž(i) — jokseiž(i)
mäniži — mäneiž(i)
ličiži — ličeiž(i)

125. Употребляется ли в следующих случаях частичный или целостный объект?
Скажите по-вепсски:
Мальчик ест хлеб и пьет молоко
Мальчик съел хлеб и выпил молоко.
Мальчик носит воду, покупает в магазине хлеб, сахар и чай
Мальчик носил воду, покупал в магазине хлеб, сахар и чай

126. Как оформляется прямое дополнение при глаголе 3 лица мн. числа и в безличных предложениях?
Скажите:

Презенс

Они покупают хлеб.
Бабушка печет пироги.
Коровы едят траву.

Имперфект

Они наловили рыбы.
Бабушка испекла пироги.
Дети выпили молоко

В безличных предложениях

Коров гонят пастись в лес.
Поле пашут весной.
Баню топят вечером.
Сено косят летом.

127. Употребляется ли в качестве подлежащего партитив? Зависит ли употребление от места подлежащего в предложении?
Скажите:
Дети играли на улице (lapsed, lapsid).
На улице играли дети.
Мужчины шли по дороге (mužikad, mužikoid)
По дороге шли мужчины.

128. Скажите, как у вас говорят:
У меня нет топора (лодки, любимой собаки, платка, молока).
В деревне нет лошадей (коров, свиней, кур).

129. Как в говоре скажут:
(русский *несовершенный* вид)
Я пишу письмо (kirješt, kirjeižen).
Ты делаешь домашнюю работу (kodiradod, kodiradon).
Отец ведет ребенка в садик (last, lapsen).
Дед удит рыбу (kalad, kalan).
(русский *совершенный* вид)
Я написал письмо (kirjeižen, kirjeine).
Ты сделал домашнюю работу (kodiradon, kodirad).
Отец отвел ребенка в садик (lapsen, last).
Дед отдал рыбу кошке (kalad, kalan).

Лексика

Растительный мир

130. Дерево (*pu, mechaane*)
131. Лексемы, обозначающие сосну:
1)pedai
2)hong
3)mänd
4)pihk
132. Ива (*raid*)
133. Липа (*lehmuz, nin', nin'pu, nin'veza*)
134. Можжевельник (*kadag, kadagi, kadagpu*)
135. Ель (*kuz', kuuz', kuzhaine*)
136. Клен (*vahtar', vahtari*)
137. Береза (*koiv, keiv, kįivuh*)
138. Крапива (*sehlišt, sehliškod, čihlaine, čirikod*)
139. Красная смородина (*sestrikaine, käbedad sestrikad*)
140. Черная смородина (*čigičaine, ojačigičaine, hajubol, hajučeine, hajupenzaz, mustad sestrikad*)
141. Ягода (общее именование) (*marj, bolad*)
142. Брусника (*bol, nabolad*)
143. Клюква (*garbol, garič, garbüu*)
144. Морошка и ее именования (*murašk, murmad, mirikeine*):
1) просто морошка
2) незрелая морошка (*umbikod*)
3) перезревшая морошка (*mädahm* и т. д.)
145. Голубика (*d'onikaine, jonikaine, gilingeine, kukičud, lölikad*)
146. Шиповник (*kukoinkarang*)
147. Камыш, рогоз (*rogo, rogohiin, ozrikhiin, umbezjur'*)
148. Хвощ полевой (*orauhänd, oravanhänd, kažinhänd, kägoin'hiin*)
149. Хвощ болотный (*kortehein, korteh, kortez, kortezhiin*)
150. Водоросли речные, озерные (*hiinik, näl'ud, šol'l'od, vedehižen tukad*)
151. Гриб-трутовик (*käzn, garun, pakl, tervazkäzn*)
152. Именования грибов:
1) общее именование пластинчатых грибов (*sened*)
2) общее именование непластинчатых грибов (*babukad, obatkad*)
3) волнушка (*bounuh*)
4) сыроежка (*krasuh(ad)*
5) рыжик (*lepač, lepsen'*)
6) подберезовик (*sobabuk*)
7) подосиновик (*oraugäh*)
8) мухомор (*kärbässen'*)
153. Заболонь (mänd, pind)
154. Смола-живица (*ruga, terv*)
155. Насечки на сосне для добывания смолы (*kurnaine* (?)

Животный мир

Птицы

156. Дятел (*krikoi, tik, torolind, kär'g'*)
157. Воробей (*paskač, borovič, hereč, herelind, pasklind, rugišpaskač*)
158. Трясогузка (*ojalinduine, vagolinduine*)
159. Глухарь (*mecoi*)
160. Глухарка (*emämecoi, koppal*)
161. Сова (*hir'pulo, hübj*)
162. Ласточка (*päskhaine, sarakoine, saraklinduine, jumalanlinduine*)

Рыбы

163. Подлещик (*lipak, litik, lahnalituine*)
164. Малек, мальки (*moleine, moled, pisk, vizud*)
165. Щука (*haug*)
166. Язь (*säunäz*)
167. Налим (*madez, madeh*)
168. Окунь (*ahven, ahn'*)
169. Форель (*lohi*)
170. Лещ (*lahn*)
171. Пескарь

Дикие животные

172. Летучая мышь (*öl'apakaine, ölipak, öpäräne, öpäl'l'ak, eläpakeine*)
173. Лось (*los', hirb'*)
174. Куница (*näd*)
175. Норка (*hähk*)
176. Росомаха (*ahmoi*)
177. Медведь (*kondi*)
178. Лиса (*reboi*)
179. Волк (*händikaz, händik*)

Насекомые, пресмыкающиеся, черви

180. Божья коровка (*papinlehmeine, g'umalanlehmeine*)
181. Кузнечик (*čir'g'äine, čirjeine, kasthaine, koskheine, lepakasthaane, skoc'k'*)
182. Стрекоза (*kelikorend, keričeine, keričpä, korondič, vezikorond*)
183. Навозный жук (*sitbubark, sitbubarik, sitbukark, sitbumbak, sitböböröi, sitprön*)
184. Паук (*häpei, hämähouk, baukoi, hamäne, hämäšaag, hämäč*)
185. Паутина (*häpeiverk, merd, siim, verk*)
186. Змея (*kü, mado, gad*)
187. Лягушка (*löc, lopakoine, lötoi, samba*)
188. Головастик (*čibirik, kurč, škurling*)
189. Ящерица (*šihlik, šižlik*)
190. Червь дождевой (*čunz', söt*)

Метеорологические явления. Астрономия

191. Молния (*malang', maland', samalduz, lämoi samaldab*)
192. Туман (*tuman, sumeg, sumoros*)
193. Дуть (о ветре) (*puhuda, dölta*)
194. Ветер (*tullei, tuljaane, döl, ahav*)
195. Волна (*ald, lainiž, laineh*)
196. Идет мокрый снег (*uhodab, rändoičeb*)
197. Снег с дождем (*ränd*)
198. Моросить (*sumotada, sumorost'a, čibadoitta, čimerta*)
199. Запад (*päilaskm*)
200. Восток (*peinuuzm, päivanuuzm, päivnouzm, päävoo (päivoi) nouz'*)
201. Север (*pohjoine*)
202. Юг (*suvi, keskpäi*)
203. Северо-Запад (*lodeh, öbok*)
204. Радуга (*g'umalanbembüu, jumalanvembel', or'eikar'ei, vezikar'*)
205. Промежуток времени (*kodv, aigkeskust*)
206. Промокший (*ligonu, kastnus, märktunu*)
207. Грязь (*redu, pačak*)
208. Пыль (*tomu, pölü, tuhu*)
209. Мусор (*murdod, rujod*)

Ландшафт

210. Место, местность (*taho, sija*)
211. Источник, родник (*lähte, purde, uhring*)
212. Пролив (*soum', kaiduz, kagl*)
213. Перекресток (дорог) (*ristte, tesar, rostan'*)
214. Ложбина, низина (*notk, laks*)
215. Гора, возвышенность (*mägi, mättaz, sel'g*)
216. Крутой обрывистый берег реки (*pern, pengr*)
217. Какие значения имеет слово ***org***:
    1) 'дремучий лес'
    2) 'овраг'
    3) 'низина'
    4) 'ручеек' (*orgi̯ine*)
218. Какие значения имеют слова (*kend, kendäk*)
    1) 'берег озера, реки'
    2) 'край болота'
219. Край леса (*mecröun, mecröun, tüveduz* (край болота, подсеки)
220. Чаща, густой ельник (*kujo, mecakišt, räde, vid'a*)
221. Место, где много брусники (*bolžom, bolkišt, bolpaik, bolsija*)
222. Топь, трясина (*nova, nola, poze, vedekaz so*)
223. Ил (*niled, nima, ližm*)
224. Какие значения имеет слово ***kara/kar***. Обратите внимание на внешний облик слова (есть ли во всех случаях и значениях на конце слова ***-a***?):
    1) 'щель'
    2) 'отверстие, дыра'
    3) 'небольшой залив, бухта'

Наречия со значением пространства

225. Близко (*läheli, lähen, rindal, laptas*)
226. На улице (*irdal, poloo, vereil*)
227. Насквозь (*läbi, rat'k*)
228. Длиннее (*pidemba, pit'kemba*)

Наречия со значением времени

229. Долго (*hätken, pit'kha, rištan*)

230. Позавчера (*endobišpäivan, endeglašt, endegl'ä*)
231. Поздно (*möhä, mehä, möh*)
232. Скоро (*pigei, teravas*)
233. Вдруг (*äkkid, ühtnägoi, ühtnäghu, teravas*)
234. Всегда (*ühtei, ka, gol'u*)

Человек. Части тела

235. Человек (*ristit, ristikanz, mez'*)
236. Женщина (*ak, naine, murzei*)
237. Мужчина (*mužik*)
238. Девушка (*neižne, neidine, devočk*)
239. Юноша, парень (*priha*)
240. Колено (*pol'v(eh), komb*)
241. Лодыжка, щиколотка (*koč, kezraine*)
242. Сустав (*niveleh, luč, ustav*)
243. Горсть, пригоршня (*kamahl, kahmal, kahmaa*)
244. Кровь (*veri, čak*)
245. Лицо (*roža, mod*)
246. Сердце (*südäin, südäm, heng*)
247. Поясница (*vödam, vösija*)
248. Волосы (*tukad, hibused, šimakad*)

Болезни, состояния, с ними связанные

249. Мозоль (*tagl, bolozim, bolozn', mozol'*)
250. Грыжа (*kil, purend*)
251. Оспа (*rok, paharubi, rubed*)
252. Болеть (*kargištada, porotada, kibištada, helištada*)
253. Натереть (ногу) (*hust'a, host'a, herotada, tahkata* (*jaug*)
254. Мифическая болезнь, исходящая от леса (*meckibu, nenakibu, mecanena*)

Эмоциональные, физические состояния, действия, с ними связанные

255. Плач (*väru, voik, itk, värkand*)
256. Плакать (*voikta, itkta, värišta, värkta*)
257. (Рас)рассердиться (*vertta, verduda, ränduda, sänduda, käregata, kurktuda*)
258. Чувствовать (*rižada, tunduda, mujada*)

Прилагательные, характеризующие человека

259. Милый, любимый (*armaz, libed, melaz, izo*)
260. Завистливый, жадный (*kadeh, aušni, žadni, zavistnee*)
261. Злой (*paha, käred*)
262. Маленький (*pen', pičuine, pučuine, puču, mučuune*)
263. Чужой (*laptahine, laptaliine, čurahiine, veraz*)
264. Незнакомый, непривычный (*vaskmaine, vaskm'aine, tedmatoi, tundmatoi*)
265. Красивый (*čoma, käbed, bask, rähä*)

Прилагательные общего характера

266. Мягкий (*pehmed, hobed*)
267. Скользкий (*libed, niled*)
268. Тяжелый (*löumein, jüged*)
269. Горячий (*hul, palab*)

Родственные отношения

270. Мать (*mamoi, mam*)
271. Отец (*bat't', tat*)
272. Родня (*sugu, heim, heimod, ičhižed, rodn'*)
273. Невестка (*mil'l', mind', nado, nevesk*)
274. Семья (*kanz, pereh*)
275. Крестная мать (*ristimam, kristimam*)
276. Крестный отец (*ristiža, ristitat, kristitat*)
277. Старшая сестра (*čiža, čičkoo, čikuško, vanhemb sizar*)
278. Старший брат (*veik, veikuško, vanhemb vel'l'*)
279. Сестра (*sizar, sizar', sizar'*)
280. Брат (*vel', vel'l'*)
281. Первенец, первый ребенок в семье (*ezmäine laps', ezičuine, ezmäčuine*)

Социальные отношения

282. Здравствуйте (*tervhen, čorom, voidik, zdorovo*)
283. Свадьба (*sai, svadib, svad'b*)
284. Жених (*oluh, mel'hiine, ženih*)
285. Невеста (*neičiine, nevest*)

Мифологические, конфессиональные наименования

286. Бог: Jumal, Sünd (какова разница в значении у данных слов и есть ли она?)
287. Колдун, знахарь (*noid, tedai, koodun*)
288. Молиться (*mol'das, mol'daze, risttas, loita*)
289. Гадалка, ворожея (*arboi, bobičii*)
290. Гадать (*gadaida, arboida*)

Абстрактные понятия, наименования

291. Слово (*sana, vajeh, vajez*). Есть ли разница в значении у данных слов?
292. Желтый (*keud, pakuine*)
293. Красный (*rusked, käbed*)
294. Темный (*muza, must*)
295. Зеленый (*viher, vihand, zelenaine, zel'on*)

Трудовая деятельность

296. Деревянный молот, колотушка (*pal'l', malat, kurik*)
297. Трепалка, льномялка (*vidim, vizuum, tapim, tapin*)
298. Кузница (*paja, kuznic, kuzlenic*)
299. Кузнец (*sep, pajanik, kuznec*)
300. Ивовое корье (для дубления кожи) (*dub, paju*)

Ткачество

301. Ткацкий стан (*stahaagod, stavad*)
302. Мотовило, воробы (*kerilaud, keribab, kerimaažed, bipšimpu*)
303. Цевка (*käm, kämu*)
304. Вьюшка, на которую наматывается пряжа с воробов (*torvik, turik*)

Полеводство, подсечное земледелие

305. Подсека (общее наименование) (*haumeh, houmeh, kas'k, palo, razagat*)
306. Палить подсеку (*poltta palo, poltta kas'k, verta, hut't'a*)
307. Пар (в севообороте) (*kezand, herema*)
308. Вешала для сушки снопов (*arz', ard, haz'g, hazj*)
309. Хлеб (на корню) (*vil'l', leibad, tera*). Какова разница в значениях перечисленных слов?
310. Жнивье (säng, rahnotiž)
311. Цеп (*čap*)
312. Било цепа (*čapinkel'*)
313. Рукоятка цепа (*čapinvarz'*)

Животноводство

314. Пастбище (*omaluine, umalaine*)
315. Телка (*lähtein, lähtam, lähtmeine*)
316. Ягненок (*kargič, uhiine, vodnaine, busiine*)
317. Баран (*bošak, oinaz, boran*)
318. Бычок (*häčoi, härgäine*)
319. Навоз (*hereg, hero, here*)

Сенокошение

320. Коса (*vikateh, vitakez, litouk*)
321. Косить (*nitta, nit't'a*)
322. Копна (*sat*)
323. Какие значения имеет слово ***kego***:

1) 'стог'
2) 'скирда'

324. Какие значения имеет слово ***sabr***?

1) 'зарод'
2) 'стог'
3) определите разницу между словами ***kego, sabr, sova***

325. Прощлогодняя трава (*kulo, kulohiin, kulačud, muloine hein*)
326. Брусок (точильный) (*seraine, sereine, tahkkivud, tahk, tahkkoon'e, housaane*)
327. Точить (косу, топор, нож) (*serata, viigotada, hijoda, tahkata*)
328. Отава (*atau, atav*)

Охота

329. Помост на деревьях для охоты на медведя (*parang, labaz*)
330. Силок (*vihk, rida, rihmaane*)
331. Капкан (*kläps, kapkan, raudad*)

Рыболовство

332. Косяк, стая рыб (*güuk, jouk, parveh*)
333. Берестяной поплавок (*kibrik*)
334. Леска (*sima, ongirihm, lega*)
335. Деревянная дощечка, которая определяет размер ячеи (*kaludim, lastaane*)
336. Удилище (*ongirag, ongivic, kokirag*)
337. Грузило (*kivez, g'ügenduz, jügeduz*)
338. Верша (из прутьев) (*čoum, merd*)
339. Мотня невода (*ema, čup*)

Жилище

340. Дом, изба (общее наименование) (*horomad, pert', kodi*)
341. Чердак (*lagi, pertinsüdäin, čuhu*)
342. Порог (*künduz, kindez, narvaane*)
343. Жароток (место для углей) в русской печи (*lezi, hil'mät*)
344. Огонь, пламя (в печи) (*leskuz, lämoo*)

Хозяйственные постройки, их части

345. Хлев (*lävä, läu, tanaz, tannas, tanh*)
346. Сеновал (*heinuz, tanhaaženpä, his*)
347. Кормушка в хлеву для скота (*soim, jasel'*)
348. Каменка в бане (*küuduk, kiiduk*)
349. Баня (*kül'bet', kil'bet'*)

Домашняя утварь

350. Полотенце для рук (*käziruzu, käzipaik, pühkiruz, pihkiruz*)
351. Лукошко (*komšiine, burak, mastin*)
352. Корзина (*puzu*)
353. Кадушка (*lač; kerandez*)

Одежда

354. Рукавицы (*kindhad, alaižed*)
355. Валенок (*kan'g, katank, katanik, villak, valenc*)
356. Нижняя женская рубашка, сорочка (*räcin, räčin', räcin*)
357. Укажите значения слова ***ema, emä***:

1) ‘стан, нижняя часть женской сорочки’
2) ‘мотня невода’
3) ‘самка’

Питание

358. Закваска (*rand, muigotez, muigetiš*)
359. Оладья из гороховой муки, взбитая со снегом (*luminik, lumenik*)
360. Сканец, сканцы (*korostad, suusnad*)
361. Уха (*len’, lem’, lemuz*)
362. Дрожжи (*droždid, sepid*)
363. Кусок хлеба (*supal, palaane)*
364. Вытопки от масла (*ahkud, šakšud, rahtod*)
365. Жидкость, остающаяся при сбивании масла (*pöhtimaid, pihtimaid, pestimaid*)
366. Обед (*long’, louna, päilong’, pabetk*)

Транспорт

367. Сани (*korj, regi*)
368. Дровни
369. Лодка (*karbaz, ruhd’, roikad, veneh, soim*). По возможности указать, есть ли различия в типах этих лодок.
370. Дуга в лодке (*bembel’, kareg, kare*)

Глаголы

371. Бросать, бросить (*čuta, lükäita, fisnida, tačta, likäita*)
372. Говорить разговаривать (*pagišta, lodeita, basida*)
373. Сказать (*virkta, sanuda*)
374. Делать (*säta, rata, tehta*)
375. Догнать (*küksta, sabutada*)
376. Обещать, посулить (*sul’da, toivotada*)
377. Окликнуть (*kirgouta, heikasta, kriknida*)
378. Прогнать (*ajada, häta, küksta, gonda*)
379. Потерять (*hajotada, kadotada*)
380. Разорвать (*ratkeita, rebitada*)
381. Резать (хлеб) (*leikata, čapta, vil’da*)
382. Спрятать (*peitta, hut’ta*)
383. Торопиться (*rigehtida, kiruhtida, toroptaze*)
384. Черпать (*amurta, amunta*)
385. Пусть так (форма 3PImperat) (*olgha, okha, laske*)
386. Устать (*surduda, väzuda, šuštuda*)

Наречия, послелоги, вопросительные слова

387. Зря (*lah’h’a, uhtei, tändoo*)
388. Как (*kut, mit’*)
389. Оба (*molombad, mougotid*)
390. Очень (ударил) (*jalos, kovas, lujas, diki, pahoin, ani*)
391. (***Принеси***) для меня (для тебя, для него) (***to*** *minun* (*sinun, hänen*) *nähte, täht, tähte, varoin, varhuin*. Указать по возможности управление:
Minun täht (tähte)
Minun (или meiden?) nähte
Minuhu varoin, varhuin
392. Про кого-либо, о ком-либо (*kenen nähte, tähte, polhe, polin*). Указать, по возможности, управление:
Minun tähte
Meiden nähte
Minun polhe
Minuhu poliin
393. В обнимку (*kaburiš, sebati, sebački*)
394. Где (*kus, kugou, miš*)
395. Даже (*eskai, ani*)

Содержание

Предисловие 3
Вепсские диалекты как объект исследования 5
Лингвистический атлас вепсского языка (Принципы построения) 11

КОРПУС «ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АТЛАСА ВЕПССКОГО ЯЗЫКА» (ЛАВЯ)

Этнонимы вепсов и названия их языка (карты 1–2)

1 (4). Этнонимы вепсов 14
2 (5). Ареальная дистрибуция наименований своего языка 16

Фонетика

3 (8). Корреляция гласных *и ~ ии* в первом слоге слова 22
4 (15). Корреляция гласных *ӥ ~ і* в первом слоге слова 26
5 (18). Фонетическая вариативность личного местоимения третьего лица множественного числа *he ~ hö ~ höt ~ hii* ‘они’ 30
6 (23). Рефлексы дифтонга *-ai-* в первом слоге слова 34
7 (24). Рефлексы дифтонга *-äi-* в первом слоге слова 38
8 (29). Фонетическое развитие исторического звукосочетания *al* в первом слоге слова 40
9 (36). Обусловленность гласных второго слога *ӓ, а* гласными первого слога *і, е* (рефлексы гармонии гласных) 46
10 (40). Обусловленность гласных второго слога гласными первого слога *ӥ, ӓ, ӧ* (рефлексы гармонии гласных) 50
11 (61). Представленность конечных *-h ~ -z* в словах с основой на *-ehe-* 54
12 (63). Рефлексы геминации согласных в форме третьего лица единственного числа презенса индикатива 58
13 (68). Рефлексы конечного *-n* в форме номинатива количественных числительных . . . 62
14 (69). Рефлексы конечного *-n* в форме номинатива единственного числа существительных с основой на *-ime-* *66*
15 (71). Вариативность рефлексов исторического *j* в начале слова 70

Морфология

16 (85). Варианты показателя комитатива единственного числа 74
17 (87). Варианты показателя адессива единственного числа 78
18 (88). Варианты показателя адессива множественного числа 82
19 (89). Варианты показателя аллатива единственного числа 86
20 (93). Варианты показателя пролатива единственного числа 90
21 (105). Варианты именных словообразовательных суффиксов с коллективно-собирательным значением 94
22 (106). Корреляция конечных гласных основы *е ~ о* в форме третьего лица единственного числа презенса индикатива 100
23 (107). Варианты лично-числовых окончаний первого лица множественного числа презенса индикатива 104
24 (108). Вариативность образования формы третьего лица множественного числа презенса индикатива 108
25 (109). Вариативность образования формы третьего лица множественного числа имперфекта индикатива 112
26 (111). Вариативность образования отрицательной формы имперфекта первого лица единственного числа 116
27 (112). Вариативность образования отрицательной формы имперфекта третьего лица множественного числа 120
28 (120). Варианты суффиксов возвратных глаголов I инфинитива 124
29 (122). Вариативность образования причастия актива имперфекта множественного числа . . . 128
30 (123). Варианты показателей причастия пассива имперфекта 132

Лексика

Растительный мир

31 (133). Именования понятия ‘липа’ 138
32 (142). Именования понятия ‘брусника’ 142
33 (145). Именования понятия ‘голубика’ 144
34 (146). Именования понятия ‘шиповник’ 148
35 (147). Именования понятия ‘камыш’ 152
36 (148). Именования понятия ‘хвощ полевой’ . . . 154
37 (149). Именования понятия ‘хвощ болотный’ . . 158
38 (150). Именования понятия ‘водоросли’ 160
39 (151). Именования понятия ‘гриб-трутовик’ . . . 164
40 (153). Именования понятия ‘заболонь’ 168
41 (154). Именования понятия ‘смола-живица’ . . 172

Животный мир

42 (156). Именования понятия ‘дятел’ 176
43 (157). Именования понятия ‘воробей’ 178
44 (161). Именования понятия ‘сова’ 180
45 (162). Именования понятия ‘ласточка’ 184
46 (163). Именования понятия ‘подлещик’ 188
47 (164). Именования понятия ‘малек рыбы’ 190
48 (172). Именования понятия ‘летучая мышь’ . . . 194
49 (181). Именования понятия ‘кузнечик’ 198
50 (182). Именования понятия ‘стрекоза’ 200
51 (183). Именования понятия ‘навозный жук’ . . 202
52 (184). Именования понятия ‘паук’ 204
53 (186). Именования понятия ‘змея’ 206
54 (187). Именования понятия ‘лягушка’ 210
55 (188). Именования понятия ‘головастик’ 214
56 (190). Именования понятия ‘червь дождевой’ . 216

Метеорологические явления

57 (191). Именования понятия ‘молния’ 218
58 (193). Именования понятия ‘дуть (о ветре)’ . . . 220
59 (195). Именования понятия ‘волна’ 224
60 (198). Именования понятия ‘моросить’ 228
61 (204). Именования понятия ‘радуга’ 232
62 (205). Именования понятия ‘промежуток времени’ 236
63 (207). Именования понятия ‘грязь’ 238
64 (208). Именования понятия ‘пыль’ 242
65 (209). Именования понятия ‘мусор’ 246

Ландшафт

66 (210). Именования понятия ‘место, местность’ 250
67 (211). Именования понятия ‘источник, родник’ 252
68 (212). Именования понятия ‘пролив’ 256
69 (215). Именования понятия ‘гора, возвышенность’ 260
69a (215a). Бытование термина *mätaz ~ mättaz* в значении ‘гора, возвышенность’ 260
69b (215b). Бытование термина *kukkaz* ‘гора, возвышенность’ 262
69c (215c). Бытование термина *sel’g* ‘гора, возвышенность’ 264
70 (217). Значения слова *‘org’* 268
71 (220). Именования понятия ‘чаща, густой ельник’ 270
72 (222). Именования понятия ‘топь, трясина’ . . . 274

Наречия со значением пространства

73 (225). Рефлексы наречия *läz* ‘близко’ 278
74 (226). Именования понятия ‘на улице’ 282
75 (227). Именования понятия ‘сквозь’ (в выражении ‘сквозь стену’) 286

Наречия со значением времени

76 (229). Именования понятия ‘долго’ 288
77 (232). Именования понятия ‘скоро’ 292
78 (233). Именования понятия ‘вдруг’ 296

Человек

79 (235). Именования понятия ‘человек’ 300
80 (240). Именования понятия ‘колено’ 304
81 (244). Именования понятия ‘кровь’ 308
82 (245). Именования понятия ‘лицо’ 310
83 (248). Именования понятия ‘волосы (на голове)’ . 312
84 (250). Именования понятия ‘грыжа’ 316
85 (252). Именования понятия ‘болеть (ощущать боль)’ 320
86 (254). Именования ‘мифической болезни, исходящей от леса’ 324
86a (254a). Все именования мифической болезни . 324
86b (254b). Вторые части сложных слов, участвующих в номинации 326

Эмоциональные, физические состояния, действия, с ними связанные

87 (256). Именования понятия ‘плакать’ 330
88 (257). Именования понятия ‘сердиться’ 334
89 (258). Именования понятия ‘чувствовать’. 338

Прилагательные, характеризующие человека

90 (259). Именования понятия ‘милый, любимый’. . 342
91 (260). Именования понятия ‘жадный’ 348
92 (261). Именования понятия ‘злой’ 352
93 (262). Именования понятия ‘маленький’. 354
94 (265). Именования понятия ‘красивый’. 358

Прилагательные общего характера

95 (266). Именования понятия ‘мягкий’. 362
96 (267). Именования понятия ‘скользкий’ 364
97 (269). Именования понятия ‘горячий’ 366

Родственные отношения

98 (272). Именования понятия ‘родня’. 370
98a (272a). Употребление лексем с основой *heim-/hiim-* 370
98b (272b). Употребление лексем с основой *ič-*. . . 372
98c (272c). Все именования понятия ‘родня’. 374
99 (274). Именования понятия ‘семья’ 378
100 (277). Именования понятия ‘старшая сестра’ . 382
101 (278). Именования понятия ‘старший брат’ . . 386

Социальные отношения

102 (283). Именования понятия ‘свадьба’ 390
103 (284). Именования понятия ‘жених’ 394
104 (286). Именования понятия ‘Бог’. 398
105 (288). Именования понятия ‘молиться’. 402
106 (290). Именования понятия ‘гадать’ 406

Абстракные понятия, наименования

107 (291). Именования понятия ‘слово’ 410
108 (292). Именования понятия ‘желтый’ 414
109 (293). Именования понятия ‘красный’. 416
110 (294). Именования понятия ‘темный (по цвету)’ 420
111 (295). Именования понятия ‘зеленый’. 424

Трудовая деятельность

112 (305). Именования понятия ‘подсека’ 428
113 (308). Именования понятия ‘вешала для снопов, сена’ 432
114 (320). Именования понятия ‘коса (для сенокошения)’ 436
115 (332). Именования понятия ‘косяк, стая рыб’. . . 440
116 (334). Именования понятия ‘леска (для ловли рыбы)’ 442
117 (339). Именования понятия ‘мотня невода’ . . 446

Жилище

118 (341). Именования понятия ‘чердак’ 450
119 (343). Именования понятия ‘углубление в передней части русской печи (обычно слева) для сгребания углей и золы’ (рус. диал. ‘загнетка’, ‘жараток’, ‘жароток’). 454
120 (344). Именования понятия ‘огонь, пламя’ . . . 458
121 (348). Именования понятия ‘печь в бане, каменка’ 462
122 (349). Именования понятия ‘баня’ 466

Домашняя утварь

123 (350). Именования понятия ‘полотенце (для рук)’ 470
124 (352). Именования понятия ‘корзина’ 474
125 (353). Именования понятия ‘ушат, кадушка’. . . 478

Одежда

126 (355). Именования понятия ‘валенки’ 482

Питание

127 (358). Именования понятия ‘закваска’ 486
128 (361). Именования понятия ‘уха’ 490
129 (362). Именования понятия ‘дрожжи’ 492
130 (366). Именования понятия ‘обед’ 496

Транспорт

131 (369). Именования понятия ‘лодка’ 500

Глаголы

132 (371). Именования понятия ‘бросать, кидать’. 504
133 (372). Именования понятия ‘говорить’ 508
134 (378). Именования понятия ‘гнать, прогнать, выгнать’ 512
135 (379). Именования понятия ‘(по)терять’ 516
136 (381). Именования понятия ‘резать (например, хлеб)’ 518
137 (382). Именования понятия ‘(с)прятать’ 522
138 (383). Именования понятия ‘спешить, торопиться’ 524
139 (386). Именования понятия ‘устать’ 528

Наречия, послелоги, вопросительные слова

140 (394). Именования понятия ‘где’ 532

Заключение

1. Формирование диалектной карты вепсского языка 535
2. К истокам формирования вепсской диалектной карты 542
Список сокращений 546
Литература и источники 550

Приложение

Вопросник «Лингвистического атласа вепсского языка» 555

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС ВЕПССКОГО ЯЗЫКА
(ЛАВЯ)

Корректоры *М. А. Иванова, И. В. Малёнкина, В. И. Сайфутдинова*
Оригинал-макет *Л. Е. Голод*
Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 00.00.2019. Формат 60×90 $^{1}/_{8}$
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл.-печ. л. 71,5. Тираж 300 экз. Заказ № 1384

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86